

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук

на правах рукописи

Грибов Николай Николаевич

**Нижний Новгород и его округа во время
формирования единого Русского государства**

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук
Специальность 5.6.3. – археология

Том 1

Москва

2023

Оглавление

Том 1

Введение	6
Глава 1. Возможности археологических источников	21
1.1. Территория Нижнего Новгорода и её археологическое изучение.....	21
1.1.1. Ландшафт и топография городского пространства.....	21
1.1.2. История археологических исследований.....	23
1.1.3. Охват городской территории археологическими изысканиями.....	27
1.1.4. Культурный слой средневекового города.....	31
1.2. Нижегородские земли: ландшафты и памятники.....	32
1.2.1. Административные границы и природные особенности.....	32
1.2.2. История исследований.....	34
1.2.3. Общая характеристика памятников русских поселенцев.....	36
1.3. Хронология комплексов и нижегородская керамика.....	39
1.3.1. Методические основы датирования комплексов находок из углублённых сооружений.....	39
1.3.2. Систематика и хронология нижегородской керамики.....	42
1.3.3. Хронология керамических комплексов.....	47
1.3.4. Хронология нижегородских селищ.....	52
1.4. Монетный комплекс из Нижнего Новгорода: состав и хронология.....	55
1.5. Выводы.....	57
Глава 2. Нижний Новгород в XIII–XIV вв.: итоги исторического развития	59
2.1. Исторический контекст основания города.....	59
2.1.1. Нижний Новгород и летописная Мордовская земля.....	59
2.1.2. Военно-политическая обстановка на Средней Волге в конце XII – начале XIII вв.....	61
2.2. Нижний Новгород до передачи в дом суздальских князей.....	63
2.2.1. Письменные источники о «достоличном» этапе истории города...	63
2.2.2. Территория города и его окружи к середине XIV в.....	66

2.3. Столица великого Нижегородско-Суздальского княжества.....	71
2.3.1. Город на устье р. Оки во второй половине XIV в. по данным русских летописей.....	71
2.3.2. Городское пространство на пике своего развития.....	75
2.4. Нижегородские земли в удельный период.....	81
2.4.1. Городская округа: география расселения и административно- территориальная структура.....	81
2.4.2. Нижегородское село.....	84
2.4.3. Восточная периферия владений нижегородских князей.....	88
2.5. Экономические предпосылки развития Нижнего Новгорода.....	92
2.5.1. Природные и демографические ресурсы, главные отрасли производящей экономики.....	92
2.5.2. Восточная торговля.....	96
2.6. Выводы.....	101
Глава 3. Период политической нестабильности конца XIV – – первой половины XV вв.....	105
3.1. Вехи местной политической истории.....	105
3.1.1. Источники и историография.....	105
3.1.2. Изменения владельческой принадлежности г. Нижнего Новгорода.....	111
3.1.3. Социально-политические предпосылки изменения функциональной организации территории, ассоциируемой с Нижним Новгородом.....	119
3.2. Нижний Новгород в 1445 году.....	123
3.2.1. Критический анализ летописных текстов.....	123
3.2.2. Реконструкция событий.....	136
3.2.3. Город и его укрепления.....	142
3.3. Старый городок на Оке: от нарратива к объекту.....	151
3.3.1. Локализация по письменным источникам.....	151
3.3.2. Археологический памятник.....	171

3.4. Выводы.....	174
Глава 4. Нижегородский предместный городок (по материалам раскопок 2003–2004 гг.).....	177
4.1. Общая характеристика памятника.....	177
4.1.1. История изучения.....	177
4.1.2. Ландшафтная приуроченность и топография.....	178
4.1.3. Позднейший этап освоения площадки памятника.....	180
4.1.4. Стратиграфия.....	182
4.1.5. Методика исследования.....	183
4.2. Сооружения, планировка, периодизация и датировка застройки раскопанного участка.....	184
4.3. Анализ коллекции вещевого материала (по материалам исследований 1996, 2003–2004 гг.).....	194
4.3.1. Предметы повседневного обихода и производственный инвентарь.....	195
4.3.2. Хозяйственный и производственный инвентарь.....	207
4.3.3. Украшения, детали одежды, предметы туалета.....	212
4.3.4. Предметы христианского культа.....	216
4.3.5. Оружие, элементы снаряжения всадника и верхового коня.....	224
4.4. Монетный комплекс и монетное обращение.....	229
4.5. Керамическая посуда.....	235
4.6. Выводы.....	264
Глава 5. Нижний Новгород во второй половине XV – начале XVI вв.....	266
5.1. Кризис в освоении городской территории	266
5.2. Оценка заселённости сельской округи.....	270
5.3. Время Ивана Великого на нижегородской земле.....	275
5.3.1. Источники.....	275
5.3.2. События.....	277
5.3.3. Город, его функции и его население.....	286
5.4. Городок: историческая интерпретация памятника.....	293

5.5. Нижегородский кремль.....	310
5.5.1. Смена городских укреплений около рубежа XV–XVI вв.....	310
5.5.2. Начало строительства кирпично-каменной крепости в Нижнем Новгороде: анализ летописных текстов.....	312
5.6. Выводы.....	323
Заключение	325
Список источников и научной литературы.....	334
Список сокращений.....	409

Том 2

Оглавление

Приложение 1. Список мест проведения раскопок и шурфовочных работ в исторической части г. Нижнего Новгорода	3
Приложение 2. Список мест археологических наблюдений на строительных объектах и участков сбора подъемного материала в истори- ческой части г. Нижнего Новгорода	10
Приложение 3. Каталог археологических памятников Нижегородской округи XIII–XIX вв.....	21
Приложение 4. Описание опорных керамических комплексов XIII–XVI вв.....	36
Приложение 5. Списки монет XIV–XVI вв. из г. Нижнего Новгорода и городища Городка.....	51
Приложение 6. Список иллюстраций.....	78
Приложение 7. Альбом иллюстраций (рис. 1–221).....	119

Введение

Актуальность исследования

Образование единого Русского государства является одной из традиционных проблемных тем отечественной историографии. В фокусе внимания исследователей этого многогранного процесса долгое время оставались Москва, её правители, их деятельность по «собираанию земель и власти». Вместе с тем, география изменений, произошедших в жизни русского общества в конце XIV – начале XVI вв., охватывая обширные пространства «примыслов» и «куплей» московских князей, далеко выходила за пределы Московского княжества времён Ивана Калиты. Каждая присоединённая территория имела свою инерцию исторического развития. Культурные традиции и природные ресурсы, специфика хозяйства, сложившийся «по старине» административный уклад – все эти и множество других факторов накладывали особый отпечаток на нововведения московских властей, придавая местную специфику и способам реализации великокняжеской политики, и всему ходу исторических изменений в присоединённых землях. Без обращения к региональным исследованиям изучение многообразия исторических перемен, определивших появление Московской Руси – предтечи огромной евразийской империи, существенно повлиявшей на ход мировой истории – несоразмерно масштабу проблемы.

Среди городов, присоединённых к Москве, особое место занимает Нижний Новгород, наравне с Москвой и Тверью входивший в число политических лидеров Северо-Восточной Руси. Нижегородское княжество стало первым среди крупнейших и наиболее влиятельных политически независимых образований, поглощённых великим Московским княжеством. Возможно, на примере Нижнего Новгорода вырабатывались способы реализации политических решений, приёмы социальной адаптации, задействованные при последующей интеграции других земель – включая земли Великого Новгорода, Твери, Пскова, Рязани, Поволжья и Приуралья. Вместе с тем, скудость источников и, прежде

всего, отсутствие представительного комплекса актового материала, долгое время казалась непреодолимым препятствием для изучения отдельных аспектов важнейшего переходного периода в истории Нижнего Новгорода в рамках регионального исследования.

Авторы трудов, воссоздающих общую панораму средневековой нижегородской истории, при обращении к событиям конца XIV – начала XVI вв., как правило, останавливаются на освещении двух основных тем. Первая – история рода великих нижегородских князей, выяснение дат рождения и смерти их детей, внуков и правнуков, их дела, свершения, места погребений. Вторая тема – Нижний Новгород как восточный аванпост русских земель, главный плацдарм поволжских походов против Казанского ханства (Храмцовский, 1998. С. 58–72; Экземплярский, 1891. С. 424–442; Каптерев, 1939. С. 101–108; Филатов, 1994б; Селезнёв, 2014. С. 102–147). Только в последние десятилетия появился ряд исследований, нацеленных на выяснение политической истории Нижегородской земли в первой половине XV в. (Пудалов, 2000, 2001а; Назаров, 2001; Чеченков, 2003, 2007б; Горский, 2004), изучение механизмов вхождения её в политическую систему Московского государства (Чеченков, 2001а, 2001б, 2004а, 2004б, 2007а), реконструкцию местной административно-территориальной структуры и системы управления (Чеченков, 2004а). В отдельной работе сделана попытка по немногочисленным актовым материалам наметить тенденции экономического развития региона в это время (Чеченков, 2005а).

На фоне результатов этих работ очевидным «белым пятном» остаются данные о состоянии самого Нижнего Новгорода и его земель в этот период, – о тенденции развития городской территории, изменениях системы городских оборонительных сооружений, динамике заселённости нижегородской сельской округи и обусловленности всех этих процессов, их взаимосвязи с происходившими тогда социально-политическими переменами. Очерченное направление исследований находится в русле большой и пока слабо разработанной темы, впервые обозначенной М.К. Любавским, как изучение того

материального фундамента, на котором в землях, присоединённых к великому Московскому княжеству, созидалась новая государственная власть (1929. С. 2).

Без выяснения того, в какой фазе развития в эпоху коренных преобразований находился город в устье Оки, без определения степени и динамики освоенности связанных с ним сельских территорий невозможно адекватно оценить значение, которое имело присоединение Нижегородского княжества к дому московских князей, затруднено выяснение нижегородской специфики интеграционных процессов, а значит – и того практического опыта социально-политических преобразований, который мог быть использован при включении других земель в состав единого Русского государства.

Хронологические рамки исследования

Определяются, главным образом, тем временным промежутком, в течение которого Нижний Новгород из столицы одного из великих княжений был преобразован в порубежный с землями Казанского ханства город-крепость Московской Руси. Главные хронологические рубежи диссертационного сочинения маркированы двумя событиями: появлением осенью 1392 г. в Нижнем Новгороде первых московских наместников и возведением на рубеже двух первых десятилетий XVI в. Нижегородского кирпично-каменного кремля. Первое событие, обусловленное получением великим московским князем ярлыка на Нижний Новгород, стало предтечей длительной борьбы нижегородских князей за свою отчину при перманентном присутствии в городе представителей московской администрации. Строительство Нижегородского кремля стало зримым символом окончательного закрепления московской государственности в нижегородских землях.

Указанный временной промежуток разделяется на два периода, различных по интенсивности и форме интеграционных процессов. Первый период соответствует времени политической нестабильности, вызванной борьбой нижегородских князей за свою отчину. Его символическое завершение фиксирует духовная грамота Василия Тёмного начала 60-х гг. XV в., в которой Нижний Новгород впервые назван в числе прочих владений Великого

Московского княжества (ДДГ. № 61. С. 194). Второй период соответствует времени образования основных институтов единого Русского государства. В этот период в нижегородских землях формируется лояльная великому московскому князю социальная среда, происходит становление нового управленческого аппарата.

Обозначенные выше хронологические рамки не предполагаются абсолютными. Выяснение причин явлений, определивших состояние Нижнего Новгорода в интересующий временной промежуток, невозможно без обращения к обстоятельствам основания города, итогам его развития в XIII –XIV вв. Пониманию масштаба и характера изменений, произошедших в нижегородских землях, помогают и документы XVII в., фиксирующие его состояние после окончания Смутного времени. Однако, так как присоединение нижегородских земель к великому Московскому княжеству, их последующая интеграция происходили в конце XIV – начале XVI вв., основной акцент сделан на рассмотрении именно этого временного промежутка, к которому приурочены главные знаковые события периода формирования единого Русского государства.

Территориальные рамки исследования

Заданы пределами той части восточной периферии Северо-Восточной Руси, заселение которой исторически связано с г. Нижним Новгородом. В фокусе внимания – участок Волго-Окского Правобережья, тяготеющий к району окского устья. Это территория средневекового Нижнего Новгорода и примыкающая к нему сельская округа, охватывающая единый с городом ландшафтный район летописного Берёзова Поля в междуречье Волги, Оки, а также их малых притоков – рек Кудьмы и Кишмы. При выяснении освоенности восточной периферии Нижегородского княжества, предполагается значительное расширение основного исследуемого пространства на восток и юго-восток – до нижнего и среднего течения р. Суры. Эти дальние рубежи удалены от окского устья на 120–150 км. В административном плане, «широкие» территориальные границы исследования охватывают три наместничества первой половины XV в.

– нижегородского, лысковского и курмышского (Чеченков, 2004а. С. 17). Их земли располагались за пределами староосвоенных древнерусских земельных княжений.

Цели и задачи исследования

Цель исследования – реконструкция основных тенденций в историческом развитии Нижнего Новгорода и его земель в период присоединения к Великому Московскому княжеству и последующей интеграции в единое Русское государство. Предполагалось, что изучение изменений в планировочной структуре и размерах городской территории, выяснение географических, культурных, демографических реалий локальной нижегородской истории, позволят получить представление о местных особенностях процесса интеграции удельных земель в Московское государство.

Для достижения цели намечено решение ряда задач. К ним относятся:

- разработка хронологии нижегородской керамики XIII–XVI вв.;
- локализация территории и оценка размеров средневекового Нижнего Новгорода до утраты политической независимости;
- определение степени освоенности нижегородских земель накануне появления первых московских наместников;
- интерпретация летописных сообщений о двух Нижних Новгородах середины XV в.;
- реконструкция эволюционных изменений общей схемы оборонительных сооружений Нижнего Новгорода в конце XIV – начале XVI вв.;
- характеристика местной материальной культуры, выяснение отличительных признаков нижегородских археологических комплексов XV в.;
- выяснение динамики развития селитебной территории Нижнего Новгорода в XV в.;
- выяснение динамики заселённости сельской округи Нижнего Новгорода в течение промежутка XIV – начала XVI вв.;
- воссоздание хозяйственно-экономических и демографических условий, при которых проходило включение Нижнего Новгорода и его земель в Великое

Московское княжество и последующая интеграция в единое Русское государство, обоснование их социально-политических и общеисторических предпосылок.

Источники исследования

Представлены, главным образом, двумя основными группами – материалами археологических изысканий и русскими летописями.

Археологические данные получены из научных отчётов о полевых исследованиях из Архива Института археологии РАН (г. Москва), в результате изучения археологических коллекций, хранящихся в музее Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и Нижегородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике. Для исследования местной материальной культуры XV в. привлечены материалы рекогносцировочных раскопок предместного городища Городок, проведённых автором в 2003 и 2004 гг. В работе использованы результаты изучения палеоботанических и палеозоологических материалов, проведённых к.и.н. Е.Ю. Лебедевой и к.б.н. Е.Е. Антипиной; металлографического исследования железных предметов, выполненного д.и.н. В.И. Завьяловым. Помощь в атрибуции и датировке отдельных нумизматических находок оказана к.и.н. П.Н. Петровым и к.и.н. В.В. Зайцевым.

Упоминания о Нижнем Новгороде содержатся во всех летописных сводах XIV–XVI вв. и в ряде местных летописцев XVII в. Следы собственно нижегородского летописания пропадают уже к началу второй четверти XV в. (Пудалов, 2001в. С. 44, 45). После этого рубежа на страницах летописей город в устье р. Оки упоминается только как свидетель событий великокняжеской истории. Не освещенными остались местные события XV в. в нижегородских памятниках позднейшего летописания – Летописце о Нижнем Новгороде и Нижегородском летописце. Привлечение летописных текстов для исторической интерпретации археологических данных затрудняется их малочисленностью и отсутствием текстологического анализа большинства летописных сюжетов, связанных с городом в устье р. Оки. Редкие отрывочные сведения косвенного

характера об экономическом положении края можно почерпнуть из 69 грамот, преимущественно, – монастырских поземельных актов конца XIV – начала XVI вв., сохранившихся в виде копий XVII–XVIII вв. Кроме них к исследованию привлечены разрядные книги, отдельные делопроизводственные документы XVI–XVII вв., памятники нижегородского фольклора, записки путешественников, надписи на отдельных предметах, карты Нижегородского уезда и планы Нижнего Новгорода второй половины XVIII–XIX вв.

Малочисленность письменных известий о средневековом Нижнем Новгороде, существующие трудности в интерпретации отдельных летописных сообщений привели к тому, что отдельные исторические сведения о городе в период его присоединения к Великому Московскому княжеству до сих пор не имеют однозначного объяснения. Несостоятельность источниковой базы проявляется в подмеченном, вероятно, ещё Н.М. Карамзиным (1989. Т. V, глава III, стб. 180; 134, примечание 322) явлении двух отчётливо различаемых современниками Нижних Новгородов – «старого» и Нового (или «меншого»). Этот феномен середины XV в., всё ещё остаётся в должной мере не осмысленным историками.

Противоречивость источников стала причиной появления разных мнений о состоянии Нижнего Новгорода в течение большей части XV в. Природные богатства края, преимущества его географического положения, выгодного, как для проведения военных операций в Поволжье, так и для торговли и транспортных сообщений, неоднократные летописные упоминания города в связи с походами на ханскую Казань, известие о двухнедельном пребывании в нём каравана тверского купца Афанасия Никитина, сведения о нижегородских служилых людях, нижегородских Вознесенском Печерском и Благовещенском монастырях, наделённых обширными земельными угодьями – всё это и некоторые другие факты, почерпнутые из беглого знакомства с письменными источниками, подводят к мысли о выдающемся значении г. Нижнего Новгорода в эпоху образования единого Русского государства и, как следствие, к выводу о его динамичном развитии в это время. Неудивительно, что отдельные авторы

предлагают рассматривать г. Нижний Новгород как крупнейший городской центр Руси XV столетия (Сахаров, 1959. С. 72; Зимин, 1991. С. 25).

Обращение к актовым материалам с частыми упоминаниями селищ и пустошей, летописным известиям о тотальном разорении г. Нижнего Новгорода при нашествии могущественного тёмника Едигея зимой 1408–1409 гг., о захвате и многомесячном удержании города ордой Улу-Мухаммеда в 1445 г., к свидетельствам длительной политической нестабильности, в которой протекала городская жизнь почти до окончания феодальной войны, упоминаниям о набегам охотников за «живым товаром», вольготно чувствующих себя на всём казанском пограничье до взятия г. Казани войсками Д.Д. Холмского 9 июля 1487 г. – всё это диссонирует с оптимистичным выводом о «динамичном развитии». Изучение корпуса сохранившихся грамот с привлечением отдельных летописных сведений привело одного из исследователей (П.В. Чеченкова) к выводу об упадке городского хозяйства, плачевном состоянии городских укреплений, «отчаянном» положении местной сельской экономики, по крайней мере, в начале – первой половине XV в. (2002. С. 114; 2005а. С. 172). Вместе с тем, и этот автор предпочитает рассматривать г. Нижний Новгород в это время как крупный городской центр (см.: Чеченков, 2012. С. 25).

Результаты первого обобщения материалов археологических исследований г. Нижнего Новгорода вскрыло глубокое противоречие между сведениями письменных источников и археологическими данными. Оказалось, что ни в черте детинца нижегородской крепости, ни на разных участках городского посада за все годы полевых изысканий не были зафиксированы не только культурные отложения XV в., но и, вообще, сколько-нибудь отчётливые следы городской застройки этого времени (Гусева, 1996. С. 44, 45).

Постановка цели исследования, во многом, обусловлена констатацией существующего противоречия между результатами первичного изучения двух групп исторических материалов – археологических и письменных. Само исследование построено как последовательное снятие этого противоречия путём

сопоставления критически проанализированных первичных источников разного происхождения.

Методологическая основа исследования

Её специфика во многом обусловлена составом и состоянием источниковой базы. В основу методологической стратегии, кроме принципов общенаучных и главных принципов исторической науки, положены два методических подхода.

Первый подход предполагает изучение локальных процессов и явлений в широком историческом контексте путём использования приёмов «от единичного к общему» и «от общего к единичному». Подробное изучение исторических фактов небольших районов с их последующим осмыслением на общеисторическом фоне с целью получения нового знания о масштабных исторических процессах, стало практиковаться отечественными и зарубежными историками ещё в конце XIX – первой половине XX вв. (работы И.В. Лучицкого, Н.П. Оттокара, Ж. Флака, Герберта Б. Адамса, Анри Берра, Люсьена Февра, Марка Блока, М.М. Богословского и других). Как особый оригинальный метод исторического исследования этот подход был впервые обоснован в программной статье известного советского историка–нижегородца, чл.-кор. АН СССР С.И. Архангельского в 1927 г. Последнее обобщение этого подхода, с учётом опыта европейских исследователей последних десятилетий, произошло в рамках концепции «Новой локальной истории», в самом общем виде нацеленной на изучение любых не тождественных государству субъектов исторического действия (Маловичко, 2012). Среди последних есть место для отдельного города и его округа. При таком способе раскрытия особенностей исторического процесса органично и закономерно привлечение материалов археологии.

Второй методический подход предполагает использование предложенного в 70-х гг. XX в. В.Л. Яниным метода комплексного источниковедения, определяющего порядок наиболее продуктивной интеграции исследовательских практик различных исторических дисциплин (Янин, 1971, 1973, 1977). Предполагаемый данным методом совместный анализ первичных источников

разной природы позволяет верифицировать и корректировать полноту и достоверность данных, что весьма затруднительно или даже невозможно при простом сопоставлении выводов, полученных в случае их отдельного изучения (см.: Чернов, 1989. С. 170; 2004. С. 11). Возможность комплексного анализа исторической информации, полученной в результате изучения археологических материалов и памятников письменности, в настоящем исследовании обеспечивается двумя методическими приёмами: унификацией вопросов, «задаваемых» разным видам источников, и максимально точной синхронизацией их данных, подлежащих сравнительному изучению.

Методика исследования

Выстроена в поисках непротиворечивой концепции, позволяющей согласовать выверенные, критически проанализированные археологические данные и сведения из памятников письменности. Критический анализ сохранившихся текстов о г. Нижнем Новгороде середины XV в. позволил высказать гипотезу об изменении его системы укреплений, предполагающей появление ещё одного центра городской обороны, вынесенного за черту средневекового города. Привлечение делопроизводственных документов XVI–XVII вв. позволило предположительно локализовать этот центр. В дальнейшем гипотеза была тестирована результатами археологических изысканий, приведших к обнаружению следов застройки второй трети XV – начала XVI вв. на одном из памятников в средневековом предместье г. Нижнего Новгорода. Отсутствие следов застройки указанного промежутка в самом городе позволило предложить интерпретацию летописных известий о существовании в середине XV в. двух Нижних Новгородов – Старого и Нового. Предложенная интерпретация предполагает временный перенос административного центра города в городское предместье, что обосновывается материалами рекогносцировочных раскопок городища Городок.

Для систематизации данных и подробного изучения источников использованы специальные методы, соответствующие их природе. При работе с археологическими материалами привлекались картографический, сравнительно-

статистический и комбинаторный методы. Следует отметить, что понятие типа, обладающее в трудах по археологии многочисленными смысловыми оттенками, в настоящем исследовании имеет преимущественно хронологическую коннотацию. Используемый подход к систематике и датированию нижегородской керамической посуды сформировался в русле основных методических приёмов, выработанных при изучении гончарной продукции г. Москвы (Грибов, 2017а). Для освещения отдельных аспектов жизни средневекового населения привлекались результаты палеоботанических, палеозоологических и металлографических исследований, для верификации хронологических построений – результаты радиоуглеродного датирования.

Для выяснения социально-экономических и политических предпосылок отдельных явлений и процессов, при интерпретации археологических данных по сведениям из письменных памятников использовались нарративный, исторический и сравнительный методы. Отдельные летописные сюжеты, связанные с приходом орды Улу-Мухаммеда в Нижний Новгород в 1444–1445 гг. и началом строительства Нижегородского кремля, исследованы с привлечением методики текстологического анализа, что предполагало прослеживание следов истории соответствующих текстов с реконструкцией хода их переработок (Лихачёв, 2001. С. 48). Интерпретация данных письменных источников осуществлялась с учетом историко-культурного контекста соответствующей эпохи.

Научная новизна исследования

Впервые в рамках регионального исследования на основе преимущественно археологических данных воссоздана общая картина развития столичного города одного из великих княжений XIV в. и его округа в период формирования единого Русского государства. Построена реконструкция эволюции градостроительной схемы Нижнего Новгорода в период конца XIV – начала XVI вв. – согласующая сообщения письменных источников с археологическими данными. На основе опыта построения хронологии нижегородской керамики предложены принципы разработки региональной

хронологии керамической посуды XIII–XVI вв. Обобщены результаты археологического изучения средневекового Нижнего Новгорода и памятников его сельского окружения, определена территория средневекового города, дана характеристика местной материальной культуры XV в. Реконструированы основные тенденции хозяйственно-экономического развития нижегородских земель на промежутке середины XIII – начала XVI вв., предложена их историческая интерпретация.

Научная значимость выводов и материалов диссертации определяется в плане введения в оборот новых научных данных – публикацией нижегородских археологических материалов XV в., обобщением результатов археологических исследований средневекового Нижнего Новгорода и памятников его округа; в методическом плане – опытом комплексного анализа письменных и археологических источников периода формирования единого Русского государства, результатами разработки региональной хронологии русской посудной керамики этого времени; в концептуальном плане – предложением концепции хозяйственно-экономического развития Нижнего Новгорода и его земель до начала XVI в., реконструкцией функциональной структуры территории, ассоциируемой современниками с Нижним Новгородом в конце XIV – начале XVI вв., воссозданием хозяйственно-экономических и демографических условий, при которых проходило включение нижегородских земель в Великое Московское княжество.

Практическая значимость

Проведённое исследование, его методические установки и результаты могут быть использованы при изучении истории других городских центров и их земель в период формирования единого Русского государства. Основные выводы и заключения, иллюстративный материал диссертации могут быть использованы при составлении обобщающих трудов и учебно-методических пособий, как по истории г. Нижнего Новгорода, так и по истории образования Московской Руси. Археологические коллекции, собранные по ходу полевых изысканий, проведённых в рамках настоящего исследования, вошли в фонды музея

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Они могут быть использованы в составе постоянных экспозиций и отдельных тематических выставок.

Апробация основных результатов исследования

Основные результаты работы изложены в докладах на научных конференциях и семинарах: международных – «Сельская Русь в IX–XIV вв.: от новых методов изучения к новому пониманию» (г. Кириллов, 2005), «Археология древнерусского города XI–XV веков. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза» (г. Рязань, 2011 г.), «Международный Болгарский форум» (г. Болгар, 2010 г.), «II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей» (г. Барнаул, 2012 г.), «Современные подходы к изучению древней керамики в археологии» (г. Москва, 2013 г.); российских – «Археология Северо-Восточной Руси: проблемы и материалы» (г. Ростов Великий, 2004 г.), «Города Поволжья в средние века: между Европой и Азией» (г. Нижний Новгород – г. Городец, 2004 г.), «Археология Подмосковья» (г. Москва, 2007, 2008, 2011 гг.), «Проблемы исследования средневековой керамики» (г. Москва, 2019 г.); региональных – «Нижегородский регион в истории Российской государственности» (г. Нижний Новгород, 1993 г.), «Черниковские чтения» (г. Нижний Новгород, 2003, 2005, 2007, 2008, 2013, 2017 гг.), «Археология Владимиро-Суздальской земли» (г. Владимир, 2006, 2012, 2017 гг.), «Города и земли Нижней Оки и Клязьмы в XII–XVII вв.» (г. Гороховец, 2016 г.), «II научная конференция, посвящённая памяти В.И. Смирнова» (г. Кострома, 2003 г.), «Археология Нижегородского Поволжья и сопредельных территорий» (г. Городец, 2017, 2020 гг.), «Поволжские земли Северо-Восточной Руси в X–XV вв.: история освоения и материальная культура» (г. Нижний Новгород, 2021 г.), «XVI Плёссские чтения» (г. Плёс, 2022 г.). Отдельные положения диссертационного сочинения обсуждались на заседаниях Отдела средневековой археологии (2005 г.) и Отдела археологии Московской Руси (2012 г.) Института археологии РАН.

По теме диссертации опубликовано 68 научных статей, 16 из них – в изданиях, входящих в список ВАК. Основное значение имеет монография «Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города» (Москва, 2018).

Положения, выносимые на защиту

1. До утраты политической независимости Нижний Новгород по размерам освоенной территории был близок гг. Москве и Твери. К концу XIV в. в городских окрестностях сформировался обширный заселённый район, занимающий своеобразный природный анклав на северо-западной периферии Приволжской возвышенности между устьями рек Кишмы и Суры, отделённый от староосвоенных территорий долинами рек Оки и Волги.

2. В конце XIV – начале XVI вв., география, функциональная организация и заселённость территории, связываемой современниками с городом Нижним Новгородом, дважды претерпевала существенные изменения. В первой половине XV в. городская крепость запустевает, а в ближайшем предместье средневекового города появляется новое укреплённое поселение, наследующее его оборонительные и, вероятно, административные функции. При этом, территория крепости 1221 г. со старейшими городскими храмами и собором, очевидно, остаётся посещаемой горожанами и приезжими, востребованной в качестве культового центра. Вблизи рубежа XV–XVI вв. происходит воссоздание обороноспособности исторического центра города, а предместная крепость XV в. прекращает своё функционирование.

3. Присоединение Нижнего Новгорода к Великому Московскому княжеству и последующая интеграция его земель в единое Русское государство проходили в условиях упадка местной хозяйственно-экономической деятельности, запустения территории средневекового города и значительного снижения интенсивности заселённости его сельской округи.

4. Летописный Нижний Новгород Новый представлял собой небольшую предместную, вынесенную за черту средневекового города, крепость-осаду, выполнявшую функции главного центра городской обороны и резиденции

великокняжеской администрации в Нижнем Новгороде – после смерти нижегородского князя Даниила Борисовича до рубежа XV–XVI вв.

5. Превращение г. Нижнего Новгорода из столицы Нижегородско-Суздальского княжества в город-крепость Московского государства сопровождалось сменой населения и формированием нового облика местной материальной культуры. Главной тенденцией изменчивости местных наборов посудной керамики в XIV–XVI вв. является последовательный рост присутствия в их составе серийной продукции, соответствующей новым организационным формам специализированного ремесленного производства – не имеющей основы в местной гончарной традиции.

6. Наиболее вероятной датой заложения Нижегородского кремля является 1 сентября 1509 г. (по старому стилю).

7. Причины кризисных явлений XV в. следует искать в обстоятельствах начала освоения нижегородских земель и механизме их последующего экономического роста. Последний был обусловлен, прежде всего, благоприятными условиями для участия местной элиты в поволжской торговле. Кризис Нижнего Новгорода в XV в. был предопределён распадом Золотой Орды. Осуществляя контроль над Волжским торговым путём, представители её социальной верхушки являлись главными покровителями нижегородских князей в период политической нестабильности конца XIV – первой половины XV вв.

Структура работы

Организована по хронологическому принципу. Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения. Текст сопровождается списком использованной научной литературы и источников, список сокращений, приложения. Последние представлены списком мест проведения археологических исследований в историческом центре г. Нижнего Новгорода, каталогом памятников Нижегородской округи, описанием опорных керамических комплексов, списками монетных находок и альбомом иллюстраций. Альбом иллюстраций включает подборку чертежей, рисунков и фотографий, визуализирующих основные положения текстового раздела исследования.

Глава 1.

Возможности археологических источников

1.1 Территория Нижнего Новгорода и её археологическое изучение

1.1.1. Ландшафт и топография городского пространства

Связанный с Нижним Новгородом ландшафтный район занимает северо-западную периферию Приволжской возвышенности вблизи окского устья. По его северной границе – долинам Оки и Волги – проходит главный ландшафтный рубеж Русской равнины. Он отделяет таёжно-лесные области от лесостепных пространств и широколиственных лесов (см.: Коломыц, 2005. С. 225, рис. 1). К северу от города, в низменном Заволжье, смешанные леса сменяются южнорусской тайгой. С юга и юго-запада, из Поочья, узким языком к городской периферии примыкает окраина Муромских лесов, с юго-востока, из Посурья, – протяжённый лесостепной коридор. Реки Ока и Волга, образуя широкую излучину, крутой дугой обходят уступ северного выступа протяжённой Мстёрско-Козьмодемьяновской гряды (рис. 1А). На волго-окских косогорах высота её обрывистых склонов достигает 100–120 м. Вершина гряды образована пологоволнистой равниной, расчленённой долинами малых водотоков, оврагов и балок на множество платообразных останцев.

Наиболее ранним источником для реконструкции городской топографии является Писцовая книга Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в. (Писцовая и переписная книги..., 1896). В первой половине XVII в. территория Нижнего Новгорода, по сведениям из этого документа, включала в себя Каменный город, Нижний и Верхний посады – укреплённые острогами, загородные слободы, представляющие собой отдельные поселения, примыкающие к городским стенам и монастырям. Пространство Каменного города, площадью около 19 га, ограничивалось кирпично-каменным кремлём, выстроенным в начале XVI в. с привлечением итальянских мастеров (рис. 1Б). В кремле располагались главные, известные ещё по летописным записям XIII–XIV вв., нижегородские храмы – каменные Михайло-Архангельский и Спасо-Преображенский соборы. Нижний

посад располагался на узкой прибрежной полосе (шириной до 200 м) между линией уреза воды и подошвой береговых склонов. В начале XVII в. здесь, на Подоле, кроме 10 церквей, располагались Благовещенский и Зачатьевский монастыри.

Верхний посад охватывал обширный участок возвышенного плато, с южной стороны от кремлёвских стен примыкающий к коренным берегам рек Оки и Волги. Почаинский овраг разделял его на два локальных водораздела. Сток одного из них связан с р. Окой. Это Ильинская гора, представляющая собой возвышенный мыс при устье р. Почайны – на её левом (западном) берегу. Пять известных здесь церквей и один монастырь свидетельствуют об активном освоении этого района в XVII в. Правобережье р. Почайны связано с бассейном малой р. Ковалихи, протекавшей ещё в XIX в. по тальвегу протяжённого Ковалихинского оврага. Большая часть водосбора с этой территории попадает непосредственно в Волгу. Рельеф нагорной части, в целом, напоминает сглаженную седловину с двумя доминантами в виде возвышений на берегах Волги и Оки и осью вдоль засыпанной ныне ложбины, соединявшей Каменный город с истоком Ковалихинского оврага – отмеченным Чёрным прудом. Территория Верхнего посада расчленена многочисленными оврагами, создающими хорошие условия для возведения фортификации.

В начале XVII в., кроме кремля, система городской обороны включала в себя два деревянных острога – Новый и Большой (или Старый), с земляными валами и рвами (Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 15, 16). Отдельные участки рвов оставались не закопанными вплоть до второй половины XVIII в. (РГИА. Ф.1293. Оп.168 (Нижегородская губерния). Ед.хр. 4). Первая реконструкция топографии Нового и Большого острогов с опорой на историческую картографию и данные Писцовой книги предложена И.А. Кирьяновым (Кирьянов, 1961. С. 30–43). С учётом результатов археологических наблюдений 1992–2008 гг. положение посадских укреплений определено И.В. Ануфриевой (2004). Необходимо отметить, что для реконструкции отдельных участков оборонительных сооружений посада в настоящее время отсутствуют

сколько-нибудь надёжные данные. Остаются открытыми вопросы о датировке, местоположении и даже о самом существовании оборонительных сооружений посада Нижнего Новгорода XIII–XIV вв.

Новый острог был сооружён в 1618–1619 гг. (Полная редакция Нижегородского летописца..., 2006. С. 158). От этой оборонительной линии на ул. Пискунова сохранился участок земляного вала длиной около 100 м. По сведениям писцового описания 20-х гг. XVII в., стена Нового острога начиналась у самой восточной – Георгиевской – башни кремля, проходила вдоль бровки откоса волжского берега, сворачивала на юг, устремляясь параллельно юго-восточному отрезку кремлёвской стены через исток р. Ковалихи к обрыву правого борта Почаинского оврага. Преодолев последний, она отсекала верхнюю площадку Ильинской горы и по косоугору спускалась к р. Оке. Новый острог защищал наиболее заселённую, примыкающую к кремлю, часть Верхнего посада. Полукольцо Большого острога к первой половине XVII в. вбирало в себя всю посадскую территорию. Дата сооружения этой линии укреплений общей протяжённостью почти 7 км не указана в источниках. Её стена очерчивала площадь в 315 га, целиком охватывая Нижний и Верхний посады, включая периферийные заселённые места за р. Почайной и Благовещенский монастырь.

Участок Верхнего посада между Новым и Большим острогами на правом берегу р. Почайны в начале XVII в. представлял собой городскую окраину с приходами двух церквей – Покровской и Святой великомученицы Варвары. До конца XVIII в. городская черта проходила по линии Большого острога. За ним располагались только Печёрский монастырь и слободы.

1.1.2. История археологических исследований

Провинциальный Нижний Новгород всегда находился на периферии исследований в области русской средневековой археологии. Первые раскопки и наблюдения в историческом центре города проводились отдельными энтузиастами ещё в конце XIX в. За всю историю археологических изысканий в черте города рубежа XVIII–XIX вв., шурфовка и раскопки проводились под

руководством почти трёх десятков различных исследователей. Среди них преобладали (около 70%) местные археологи и краеведы.

По уровню методической оснащённости, полноте и качеству фиксации археологического материала в истории нижегородской городской археологии можно выделить три этапа.

Первый (начальный) этап соответствует промежутку от конца XIX в. до рубежа 50–60-х гг. XX в. Первые, проведённые с научными целями, раскопки на территории современного г. Нижнего Новгорода, состоялись под руководством В. Н. Майнова. В 1877 г. исследователь раскопал несколько мордовских захоронений под православным кладбищем XVII–XVIII в. вблизи Покровской церкви¹. В опубликованном отчёте отсутствуют описания погребального инвентаря и погребальных конструкций, но приведены обмеры черепов (Антропологическая выставка..., 1879. С. 31; Mainov V., 1889. V. 80).

Учреждение в 1887 г. Нижегородской губернской учёной архивной комиссии, оформившей деятельность местных любителей и знатоков старины в научное краеведческое движение, не привело к сколько-нибудь значимым результатам в археологическом изучении губернской столицы (Николаенко, 2004. С. 15, 16; Ануфриева, 2005. С. 38). Первые наблюдения в кремле с описанием стратиграфии городского культурного слоя, проведённые в 1913 г. сотрудником НГУАК С.М. Парийским, носили разовый характер (Парийский, 1914). Обнаружить средневековые напластования тогда не удалось.

После Великой Отечественной войны активизировались работы по реставрации и переоборудованию отдельных архитектурных памятников города. В конце 40–50-х гг. по ходу этих мероприятий у стен и башен Нижегородского кремля, в церкви Жён Мироносиц закладывались шурфы с целью определения состояния фундаментов указанных сооружений (работы И.А. Кирьянова 1948, 1949, 1952 гг. и В.И. Матвеевой 1956 г., см.: Ануфриева, 2005. С. 41).

¹ Раскопки в районе Покровской церкви, проведённые А.Е. Алиховой в 1937 г., позволили зафиксировать захоронения совершённые только по христианскому обряду (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 189 (1937 г.)).

До начала 60-х гг. XX в. сколько-нибудь масштабных археологических раскопок в г. Нижнем Новгороде не проводилось. Шурфовочные работы и наблюдения за земляными строительными работами носили исключительно эпизодический характер. Места проведения большинства археологических исследований были приурочены к архитектурным сооружениям. Чертёжная документация составлялась выборочно, иногда не составлялась вообще. Тексты отчётов были проиллюстрированы только выборочными фотографиями (и редко – рисунками) археологического инвентаря. К завершению первого этапа археологических изысканий средневековые напластования Нижнего Новгорода оставались неизвестными для исследователей.

Первые представления о средневековом культурном слое г. Нижнего Новгорода были получены при раскопках в храме Михаила Архангела на территории кремля в 1960 г. С этих небольших по масштабам работ, проведённых под руководством Н.Н. Воронина, начался второй этап археологических исследований города². Его хронологические рамки: рубеж 50–60-х – конец 80-х гг. XX в.

Раскопки Н.Н. Воронина предваряли реставрацию собора и были нацелены на изучение фундаментов храма XVII в. Кроме описания планировки и конструктивных особенностей одного из древнейших городских культовых сооружений, автор уделил большое внимание изучению культурного слоя и массового керамического материала. Впервые на основании археологических данных это позволило сделать ряд заключений по истории г. Нижнего Новгорода.

В 60–70-е гг. исследования в кремле (на площади около 440 кв.м) были продолжены В.Ф. Черниковым. В отличие от работ прежних лет материалы раскопок этих десятилетий включали в себя планы по матерiku, подробные чертежи стратиграфических разрезов, но фиксация наблюдений на строительных объектах, как и раньше, в лучшем случае ограничивалась кратким описанием

² Общая вскрытая площадь составила 166 кв.м. Работы начались в 1938 г., когда Н.Н. Ворониным у стен собора было заложено два малометражных шурфа.

результатов. Только в 1980 г. при обследовании зоны прокладки подземного перехода на пл. Минина и Пожарского, у Кладовой башни кремля, впервые в истории археологических исследований Нижнего Новгорода, были зачерчены и подробно описаны профили бортов строительного котлована.

Главным научным результатом, полученным на втором этапе археологических изысканий в г. Нижнем Новгороде, стало открытие его средневековых отложений, получение первых данных об их характере, мощности, характерных включениях, стратиграфии. В конце данного этапа городской культурный слой был поставлен на государственную охрану³.

Начало третьего (современного) этапа археологического изучения города ознаменовалось появлением исследователей нового поколения. Методические установки, привнесённые ими, отвечали возросшим требованиям к качеству полевых исследований. Эти новые тенденции проявились при раскопках 1988–1990 гг., выполненных под руководством Т.В. Гусевой. Они прослеживаются в повышенном внимании к составлению максимально полного комплекта чертёжей, детальному изучению стратиграфии, сопровождению всего исследовательского процесса фотофиксацией, обращению к естественно-научным методам. Разборка котлованов средневековых сооружений стала проводиться по стратиграфическим горизонтам с послойной фиксацией инвентаря, изучением заполнения по одному или даже нескольким разрезам.

В начале 1990-х гг. археологические наблюдения в зонах строительства стали массовым явлением. В отличие от работ прежних лет к этому сроку уже сложилась определённая программа их проведения, предполагающая разностороннее документирование археологической информации. В перспективных местах (для обнаружения средневековых отложений), обследование котлованов и коммуникационных траншей предваряется разведочной шурфовкой. Нарботанная методика исследований на новостройках способствовала обнаружению ранее неизвестных участков со следами освоения XIII–XIV вв.

³ Решение № 559 Горьковского областного Совета народных депутатов от 03.11.1983.

В 90-е гг. XX в. археологические исследования в г. Нижнем Новгороде приобрели систематический характер. Неоднозначные и сложные социально-политические и экономические процессы последних десятилетий привели к заметной активизации исследований на памятнике. Около 90% всей суммарной вскрытой на нём раскопками площади было изучено с 1988 по 2021 гг. Таким образом, основной объем археологических исследований в г. Нижнем Новгороде приходится на третий этап, для которого, в целом, характерна наиболее совершенная полевая методика.

1.1.3. Охват городского пространства археологическими исследованиями

В настоящее время общая площадь раскопов и шурфов в Нижнем Новгороде, составляет около 28000 кв.м; почти на трёхстах строительных площадках проведены наблюдения⁴. Охват исторического центра плотной сетью раскопов, шурфов и объектов археологических наблюдений создаёт хорошую предпосылку для изучения исторической динамики городского пространства (рис. 3–5, приложение 1, 2). Среднее расстояние между двумя ближайшими раскопанными площадками на Верхнем посаде в черте Нового острога ограничивается 150–180 м, а на большей части кремля – 150 м.

Большая часть археологически изученных площадок в Нижегородском кремле находится на Часовой горе (рис. 6). Часовая гора представляет собой мыс правого коренного берега р. Волги, очерченный Почаинским и Ивановским оврагами. Раскопки одного из наиболее больших участков здесь (площадью 970 кв.м) проходили в 2001–2002 гг. под руководством В.А. Лапшина. Недалеко от него в 1977–1979 гг. раскопки проводил В.Ф. Черников (292 кв.м). К стенам Михайло-Архангельского собора тяготеют раскопы и шурфы Н.Н. Воронина (1938, 1960 гг.) и В.Ф. Черникова (1964, 1973 гг.), общей площадью 326,3 кв.м. В 1989 г. на южной окраине мыса Часовой горы, вблизи расположения напольной линии древнейших дерево-земляных укреплений, Т.В. Гусевой раскопано несколько площадок, отведённых под прокладку коммуникаций (около 250 кв.м). Под общим руководством И.О. Ерёмина в 2006 г. в западной части кремля

⁴ Очерк истории изучения памятника см.: Грибов, 2018а. С. 15–20.

были начаты масштабные раскопки по месту строительства Дома правительства на площади более 3500 кв.м⁵. В 2019 г. под руководством Т.А. Марьёнкиной проведены охранные раскопки у Часовой башни в зоне воссоздания Нижегородского фуникулёра (вскрыто 436 кв.м). В северо-восточной части кремлёвской территории первые раскопанные площади располагались внутри здания бывшего арсенала за чертой средневековых укреплений (раскопки А.М. Губайдулина (2007 г.), З.Г. Шакирова (2008 г.), Е.В. Четвертакова (2009–2010 гг.), И.С. Аникина (2012 г.)). На правом берегу Ивановского оврага в 2019 г. изучена площадка под фундамент воссозданной колокольни снесённого в 1929 г. Спасо–Преображенского собора (Т.А. Марьёнкина, раскоп 303 кв.м), а в 2021 г. – участок, выделенный под прокладку теплотрассы (Грибов Н.Н., раскоп 590 кв.м). Небольшие раскопки на склоне Спасской горы зимой 2020–2021 гг. проведены А.И. Письмаркиной (76 кв.м). Первые масштабные исследования в нижней части кремля (на площади около 733 кв.м) проведены в 2018, 2019 гг. под руководством Т.А. Марьёнкиной, Н.Н. Грибова и А.И. Письмаркиной в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника (Грибов, Марьёнкина, Иванова, 2021). Общая площадь раскопов и шурфов, исследованных в кремле – около 10860 кв.м.

В черте Верхнего посада раскопками изучено более 30 участков общей площадью около 17140 кв.м. На почти 50 участках в нагорной части города заложены малометражные шурфы, зафиксировано девять мест сбора средневекового подъёмного материала (приложение 2).

В пределах Нового острога на правобережье реки Почайны раскопы равномерно распределены от бровки коренного берега р. Волги до Почаинского оврага (рис. 3). Они присутствуют почти во всех секторах радиально-кольцевой планировки, сложившейся в центральной части города в XVIII в. Между Верхне-Волжской набережной и ул. Б.Печёрской раскопано три участка, общей площадью около 6100 кв.м. Наибольший из них (около 5800 кв.м) тяготеет к

⁵ Научный отчёт по их результатам на конец 2022 г. ещё не поступил в архив Института археологии РАН.

воссозданному зданию гостиницы «Волжский откос», где работы проводились под руководством Е.Э. Лебедевой (2008, 2009 гг.) и А.И. Письмаркиной (2020 г.). Е.Э. Лебедевой в 2007 г. раскопан участок в квартале улиц Б.Печёрская – Ульянова – Пискунова (440 кв.м). Поблизости от него в 2015 г. проводила раскопки С.В. Очеретина (330 кв.м). В промежутке между ул. Ульянова и ул. Варварской раскопано четыре участка. Наиболее масштабный из них – во дворах домов №№ 4 и 6 (раскопки Е.Э. Лебедевой в 2007 г. и П.С. Данилова в 2008 г. на площади 1105 кв.м). В этом же квартале относительно небольшие раскопы изучены А.Н. Кикеевым (86 кв.м), И.О. Ерёминым (200 кв.м), Л.Д. Шакуловой (164 кв.м). В секторе улиц Варварская – Алексеевская два шурфа (по 10 кв.м каждый) исследованы И.С. Аникиным (1997 г.) и Т.В. Сергиной (2013 г.). Между улицами Алексеевская и Б.Покровская небольшие площадки раскапывались в подвале д. № 4 по ул. Б.Покровская (38,28 кв.м; 1992 г.; Т.В. Гусева) и во дворе д. № 6 (93,6 кв.м; 2007 г.; И.В. Ануфриева).

В пределах Нового острога между ул. Б.Покровской и бровкой правого борта Почаинского оврага масштабные раскопки проводились на семи площадках (около 2200 кв.м) в районе Театральной площади и ул. Пожарского. Большая часть исследованной здесь площади (1211 кв.м) изучена И.О. Ерёминым в 1997 г. Площадка одного раскопа – на кладбище верхнепосадской Никольской церкви – позднее была дополнена ещё двумя участками, исследованными под руководством В.А. Батюкова (625 кв.м; 2011 г.) и Т.В. Сергиной (102 кв.м; 2013 г.). Два небольших раскопа, разбитых между Театральной площадью и проезжей частью улицы Пожарского, изучены Т.В. Гусевой в 1998 (80 кв.м), 2002 (144 кв.м) гг., ещё одно небольшое вскрытие (около 22 кв.м) вблизи перекрёстка улиц Пожарского и Пискунова исследовано И.А. Очеретиним (1998 г.).

На площади Минина и Пожарского, вблизи стен Нижегородского кремля, общая площадь проведённых раскопок 231,62 кв.м (Т.В. Гусева, 1988, 1997 гг.; И.В. Ануфриева, 2005 г.). Невдалеке от линии укреплений Нового острога два

раскопа во дворах домов по ул. Алексеевской исследованы С.В. Очеретиной (2014 г., 166 кв.м), один – С.А. Пантелеевым (2017 г., 3404 кв.м).

Раскопки на Ильинской горе проводились в четырёх местах – во дворах домов по Крутому переулку (Т.В. Гусева, 1990 г.; Н.Н. Грибов, 1999 г.; 433 кв.м), по улицам Почаинской (Е.В. Четвертаков, 2013 г.; 220 кв.м), Сергиевской (Е.И. Бакулин, 2013 г.; 167 кв.м) и в переулке Плотничном (Е.И. Бакулин, 2017, 2018 гг.; 270 кв.м). Шурфовочные работы в этой части города проводились внутри храмов Жён Мироносиц (И.А. Кирьянов, 1949 г.; И.О. Ерёмин, 2002, 2003 гг.), Успенском (И.О. Ерёмин, 1996 г.), Ильи Пророка (И.О. Ерёмин, 1996 г.).

В пределах Большого острога – между линией его укреплений и Новым острогом – раскопками изучено пять площадок на общей площади около 460 кв.м. Одна из них тяготеет к снесённой в советское время Покровской церкви (В.Н. Майнов, 1877 г.; А.Е. Алихова, 1937 г.), другая – к правому берегу Почаинского оврага (И.В. Ануфриева, 1998 г.), третья – ко дворам домов по ул. Грузинской (Е.В. Четвертаков, 2008 г.), четвёртая – к району Чёрного пруда (И.С. Аникин, 2005 г.) и пятая – к линии укреплений Нового острога (С.В. Долгополов, 2016 г.).

Территория Нижнего посада археологически исследована существенно хуже. Помимо раскопа Р.Н. Хамзина, доведённого только до уровня горизонта XVII в., малометражные шурфы здесь закладывали С.М. Дмитриевский (1998 г.), Е.Э. Лебедева (2007 г.), Д.А. Антонов (2008 г.).

В Благовещенском монастыре небольшие раскопы вблизи его архитектурных памятников в 1994, 1995 и 2002 гг. исследованы И.О. Ерёминым (141,35 кв.м), в 2016 г. – И.В. Батюковой (108 кв.м). В черте бывшей монастырской Благовещенской слободы шурфы закладывала Т.В. Гусева (1992 г.). Средневековые отложения в загородном Печёрском монастыре обнаружены в шурфах С.М. Дмитриевского 1995, 1996 гг.

Материалы раскопов и шурфов дополняют результаты наблюдений почти на трёх сотнях строительных площадках (см. приложение 2). Следы средневековых отложений зафиксированы в разных местах Большого острога –

на улицах Грузинская, Большая Покровская, Октябрьская, в переулке Университетском – на девяти стройплощадках, а в зоне строительства на ул. Ткачёва – за чертой Большого Острога.

1.1.4. Культурный слой средневекового города

Характер культурного слоя Нижнего Новгорода во многом определяется различными геоморфологическими условиями. Наиболее информативными являются культурные отложения Подола – узкой полоски правобережной части долины Волги шириной до 200 м. Из-за повышенной влажности грунтов, обусловленной разгрузкой водонесущих горизонтов, культурный слой здесь насыщен органикой. Однако следы присутствия средневековых отложений здесь были зафиксированы пока только при изучении одного искусственного обнажения – во дворе д. 24 по ул. Рождественской (работы Т.В. Гусевой 1993 г.). В раскопах органосодержащий слой Нижнего посада прослежен на двух небольших площадках – до уровня горизонта рубежа XVII–XVIII вв. (Грибов, 2018а. С. 236). По данным геобурения мощность культурных отложений в этой части городской территории достигает 8 м.

Участки с другой геоморфологической обстановкой тяготеют к склону коренного волжского берега. В нижней части нижегородского кремля поблизости от тылового шва одной из древних оползневых террас одним из раскопов вскрыта площадка с «сухим» стратифицированным средневековым слоем (Грибов, 2019а). Механизм его формирования обусловлен цикличностью эрозионных процессов, которые заметно активизировались с началом городской застройки. Обнаруженный здесь средневековый горизонт мощностью до 95 см представлен переслоением гумусированных слоёв со средневековым инвентарём и склоновых отложений – смытым со склона при обильных дождях и весеннем снеготаянии стерильным суглинком.

Третий район со специфическим механизмом седиментации приурочен к возвышенному плато Волго-Окского Правобережья в пределах Верхнего посада – большей части территории средневекового города. Именно к этому району с низким уровнем стояния грунтовых вод и «сухим», обеднённым органическими

включениями, слоем тяготеет большая часть исследованных раскопов и шурфов. Здесь городской слой XIII – начала XV вв. маломощен, лишён какой-либо структуры и почти повсеместно фрагментирован позднейшими перекопами. Он сложен серым мелкокрапчатым лёгким суглинком, образованным в результате антропогенной переработки верхнего гумусово-аккумулятивного или подстилающего его осветлённого переходного гумусово-оподзоленного горизонта светло-серой лесной почвы. Последняя развита на буром покровном суглинке эпохи Донского оледенения, перекрывающим пестроцветные пачки палеозойских глин, мергелей татарского отдела пермской системы, слагающих коренные берега рр. Оки и Волги. На большей части территории города фрагментированные средневековые отложения перекрыты тёмным серовато-коричневым слоем огородной распашки с материалами XVI – начала XIX вв. Характерная мощность средневекового горизонта за пределами углублённых объектов редко превосходит 10–15 см. Отсутствие сколько-нибудь выраженной структуры у наиболее древнего горизонта обуславливается непрерывным характером городской жизни в средневековый период – по крайней мере, до первого тотального разорения города в 1377 г. На современном этапе изучения памятника следы жизни средневековых нижегородцев прослеживаются почти исключительно по заполнениям материковых ям. Комплексы находок из углублённых сооружений служат маркерами различных этапов освоения городской территории.

1.2. Нижегородские земли: ландшафт и памятники

1.2.1. Административные границы и природные особенности

Территория административного подчинения правителей Нижнего Новгорода, к рубежу XIV–XV вв. включала в себя обширные пространства от устья р. Лух на западе и до правобережья р. Суры на востоке. По заключению В.А. Кучкина, подтверждённому археологическими данными, она, примыкая к берегам Волги и Оки, имела «ленточный» вид (Кучкин, 1984. С. 215, 216, 242; Грибов, 2000. С. 17). Ретроспективно её границы могут быть намечены по

немногочисленным актам и летописным упоминаниям (Кучкин, 1974. С. 242, 243, 249; Чеченков, 2004а. С. 15–36).

Основной массив нижегородских земель, первое заселение которых русскими поселенцами было непосредственно связано с городом на окском устье, располагался на Волго-Окском Правобережье. Освоенная здесь территория занимала северо-западную периферию Приволжской возвышенности, тяготея к долинам трёх крупных рек – Оки, Волги и Суры. Удаление от этих водных магистралей южных границ заселённых владений нижегородских князей, как правило, не превышало 20–25 км. В широтном направлении они были вытянуты почти на 200 км – от устья р. Кишмы на западе до устья р. Суры – на востоке.

С запада и северо-запада нижегородские земли граничили с владимирскими. Здесь располагалась гороховецкая волость – единственная контролируемая нижегородскими властями на левом староосвоенном берегу р. Оки (Кучкин, 1984. С. 215). С юго-западного направления подчинённая Нижнему Новгороду территория граничила с землями г. Мурома. Границей, скорее всего, служила долина окского притока р. Кишмы, южнее которой документы XVII в. упоминают два правобережных стана Муромского уезда – Дубровский и Стародубовочский (Готье, 1937. С. 393). С юга и юго-востока освоенные из Нижнего Новгорода земли за долинами рек Кудьма и Пьяна подходили к землям мордвы (Грибов, 2020), в восточном направлении маркером нижегородского порубежья служила р. Сура. По единичным упоминаниям в источниках XV–XVII вв. отдельные заселённые области ретроспективно могут быть причислены к владениям нижегородских князей в Волго-Окском междуречье, на левом берегу р. Волги (область Керженец, Жуковская вотчина, села Разнежь, Ватома, Заборье) (Грибов, 2000. С. 85, 86, 144), на правом берегу р. Суры (область Алгаш) (Чеченков, 2004а. С. 15). Эти районы, судя по материалам археологических исследований, были существенно менее населены, чем северная окраина Волго-Окского правобережья, где располагалась

ближайшая Нижегородская округа и волости больших нижегородских территориальных округов (наместничеств).

Главной природной особенностью рассматриваемого района является его положение на стыке лесной и лесостепной зон. В настоящее время доля залесённой территории здесь колеблется от 4 до 20% (Куприянов, Веретенников, Шишов, 1995. С. 18). Площади, занимаемые лесами, их видовой состав в различные исторические эпохи не оставались неизменными. Ещё в конце XVIII в. леса покрывали около 44% всей территории Волго-Окского Правобережья (Харитонычев, 1978. С. 89).

Участок нагорного плато Волго-Окского Правобережья, к которому тяготели земли Нижнего Новгорода, представляет собой волнисто-холмистую равнину, пересечённую долинами малых рек. Наиболее протяжёнными волжскими притоками являются реки Кудьма и Сундовик, притоками р. Суры – реки Урга и Пьяна, окским притоком – р. Кишма. Междуречья образуют водораздельные участки, круто поднимающиеся над поймами. Абсолютные высоты достигают 180–200 м над уровнем моря. Примечательной особенностью являются овражно-балочные формы рельефа. Долины главных рек – Волги и Оки – образованы широкими лугово-озёрными поймами.

1.2.2. История исследований

Первые русские средневековые селища на северо-западной периферии Приволжской возвышенности открыты Б.А. Сафоновым в 1941–1943, 1946–1951 гг. (Анучин, Черников, 1991). Период конца 40-х – начала 50-х гг. ознаменовался началом изучения укреплённых поселений: в 1948 г. И.А. Кирьяновым проведено первое обследование городища Курмыш, в 1955 г. – крепости Оленья Гора (Кирьянов, 1961). На первом памятнике работы были ограничены обмером земляных укреплений, на Оленьей Горе было заложено десять шурфов и раскоп (80 кв.м). Раскопки на Оленьей горе были продолжены В.Ф. Черниковым (1967), обследование г. Курмыш – И.А. Очеретинным (1994).

На левобережье Нижней Суры первые памятники с русской средневековой керамикой обнаружены А.Х. Халиковым в 1958 г. В 1959 г. третьим отрядом

Горьковской экспедиции под руководством В.Ф. Черникова впервые было проведено обследование берегов нижней Оки и Кудьмы. По ходу этих работ обнаружены первые памятники русского средневековья вблизи г. Нижнего Новгорода. Этим же исследователем проведены первые раскопки на одном из нижегородских селищ (Шава-1Б, 1969 г., 60 кв.м) и на одном из сельских могильников, случайно обнаруженном на восточной окраине г. Нижнего Новгорода (могильник у больницы им. Семашко, 1974 г.).

В конце 70-х – начале 90-х гг. XX в. около 10 русских селищ были обнаружены экспедициями Горьковского госуниверситета и Нижегородской археологической службы – на берегах рек Оки, Волги (М.В. Блинова, 1979 г.; А.А. Миронос, 1989 г.; В.А. Флягин, 1992 г.), Кудьмы (Н.Н. Грибов, 1992 г.) и в правобережном Посурье (А.И. Лопатин, 1979 г.) (Грибов, 2018а. С. 242). В этот же период открыты первые средневековые селища на водоразделах.

С 1994 по 2011 гг. изучением русских средневековых памятников Нижегородского Поволжья целенаправленно занималась экспедиция Нижегородского историко-археологического центра «Регион» под руководством автора. Сотрудниками центра – Н.Н. Грибовым, И.С. Аникиным, Н.В. Ивановой – проведено обследование ближайшей округи г. Нижнего Новгорода, долины р. Кудьмы, Окско-Кудьминского водораздела, расширения волжской поймы восточнее г. Нижнего Новгорода, берегов р. Сундовик. В результате – количество известных здесь памятников русского средневековья увеличилось более чем в 2,5 раза. На шести селищах проведены раскопки (Ближнее Константиново-1 (1577 кв.м), Бешенцево-3 (611 кв.м), Копнино-1 (152 кв.м), Копнино-2 (140 кв.м), Копнино-3 (152 кв.м), Доскино-10 (120 кв.м)), на многих других – шурфовочные работы. При обследовании городской округи обнаружены селища, выделяющиеся по большим размерам и находкам социально престижного инвентаря. Материалы раскопок на двух таких памятниках (Ближнее Константиново-1, Бешенцево-3) позволили связать их с владельческими сёлами, определяющими каркас местной структуры расселения.

В 2007–2009 гг. под руководством автора был исследован участок правобережья р. Суры в её нижнем течении, обнаружены два крупных поселения эпохи Золотой Орды – Мурзицы-1 и Курмыш-4 (Грибов, Ахметгалин, 2013). В 2008, 2009 гг. на поселении Курмыш-4 проведены первые рекогносцировочные раскопки (102 кв.м).

В 2019 г. в ближайшей округе г. Нижнего Новгорода Волжской экспедицией ИА РАН проведены охранные раскопки на двух селищах – Кузнечиха-3 (А.И. Письмаркина, 2948 кв.м) и Новопокровское-3 (Н.А. Баранов, 8026 кв.м).

На водоразделах Окско-Сурского междуречья многочисленные археологические разведки проводились в 1960-х – 2000-х гг. (Николаенко, 2004. С. 19–23). Наиболее результативными в плане обнаружения новых памятников были исследования Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина в бассейнах рр. Тёши и Серёжи. Район Арзамасской лесостепи обстоятельно изучен экспедицией Арзамасского исторического музея под руководством В.Н. Мартьянова. Следует отметить, что исследования этих и ряда других коллективов не привели к открытию здесь, на значительном удалении от окского устья, русских средневековых памятников. Этот факт отражает специфику русского средневекового расселения вблизи г. Нижнего Новгорода и способствует локализации связанной с городом сельской округи.

1.2.3. Общая характеристика памятников русских поселенцев

Обширное пространство Волго-Окского Правобережья во все времена было заселено полиэтничным населением с разным хозяйственным укладом и культурными традициями. Главным критерием выявления мест проживания русских поселенцев является заметное (более 15–20% в керамическом комплексе) присутствие образцов русской гончарной посуды. Последняя по совокупности признаков легко отличима от лепной керамики, оставленной поволжскими финнами. Русская средневековая керамика представлена фрагментами круговых, посредственно обожжённых, сосудов горшечных форм, изготовленных спиральным жгутовым или кольцевым налепом из формовочных

масс с минеральными примесями в виде песка или дресвы магматических горных пород моренного происхождения, не декорированных, либо украшенных по тулову, шейке или плечу прямыми субпараллельными или волнистыми линиями, прокаткой зубчатого колёсика или сочетанием указанных типов орнаментации. Второй характерной чертой присутствия русских поселенцев являются находки предметов мелкой христианской пластики – нательных и наперсных крестов, иконок-привесок, крестов-складней. Остальные признаки – наличие специфических женских украшений, орудий труда, традиций домостроительства и некоторых других – для атрибуции местных русских памятников эпохи Золотой Орды, как правило, второстепенны.

При выяснении культурной специфики памятников на восточной периферии русских земель приходится учитывать влияние государственных институтов на традиционный уклад жизни местного населения. В русских княжествах, как и в областях, находящейся под прямым управлением ханов Золотой Орды, границы между этническими массивами размывались. Административное вмешательство в традиционный порядок расселения выражалось в виде массовых и скоротечных перемещений зависимого населения, заселения отдельных населённых мест представителями разных этносов, культур и вероисповеданий. Эти процессы существенно осложнили и без того пёструю этнокультурную палитру жителей Поволжья, издавна связанных воедино Великим Волжским путём. В материальной культуре эти явления проявились в виде широкого распространения «гибридных» форм и «поликультурного» облика инвентаря целого ряда местных поселенческих памятников (Грибов, 2019б). Эти явления характерны для Посурья, крайних восточных районов, находившихся под юрисдикцией нижегородских князей. Здесь влияние русских традиций на облик местной материальной культуры хоть и было сильным, но не являлось доминирующим.

По состоянию на начало 2022 г. на нижегородских землях Волго-Окского Правобережья известно 192 памятника XIII – XV вв. (рис. 7). Среди них – два грунтовых могильника (у больницы им. Семашко в г. Нижнем Новгороде,

вскрыто 8 погребений; у д. Копнино на р. Кудьме, вскрыто 2 погребения (И.С. Аникин, 2005) и три городища (Оленья Гора, вскрыто 280 кв.м; Курмыш, вскрыто 20 кв.м; Городок, вскрыто 192 кв.м). Большинство памятников – селища, на 46 проведена шурфовка, на десяти – раскопки. Их размеры варьируют от 200 кв.м до 18,5 га, площади более 65% не превышают 7000 кв.м. По размерам нижегородские селища (с помощью зависимости «Ранг-Размер») разделены на пять основных групп (Грибов, 2021. С. 166, 167) (табл. 1).

Табл. 1 Распределение нижегородских поселений по размерам.

Группы	Подгруппы	Площадь (га)	Число памятников	Суммарная площадь (га)
1		90	1	90 (37,5%)
2		16,5–19,3	2	35,8 (14,9%)
3	3а	3,7–6,3	5	44,5 (18,6%)
	3б	2,34–3,5	7	
4	4а	2,1–1,38	13	36,4 (15,2%)
	4б	1,2–0,75	16	
5	5а	0,39–0,70	36	33,1 (13,8%)
	5б	0,02–0,36	68	
Всего			148	239,9 (100%)

По положению в рельефе селища разделяются на пойменные, придолинные и водораздельные (Грибов, 2021. С. 166, 167) (табл. 2).

Табл. 2 Распределение нижегородских селищ по положению в рельефе.

Группы	Количество памятников
Пойменные	12 (7%)
Придолинные	58 (33%)
- на террасах малых рек	22
- на террасах крупных рек или у бровки Волго-Окского откоса	36
Водораздельные	105 (60%)
- на водораздельных склонах при балках	65
- на берегах несудоходных рек или ручьёв	40
Всего	175 (100%)

Преобладают памятники на водоразделах (60%) при дефиците пойменных (7%). По состоянию на начало 2022 г. общая площадь, изученная раскопками на памятниках этого типа, составляет 13838 кв.м.

1.3. Хронология комплексов и нижегородская керамика

1.3.1. Методические основы датирования комплексов находок из углублённых сооружений

Продуктивность привлечения данных археологии к изучению проблем определённого исторического промежутка может быть обеспечена только при достаточно узкой хронологической атрибуции археологических объектов.

В основе использованной в настоящем исследовании методики датирования лежит подход, предложенный Софусом Мюллером и удачно апробированный на закрытых комплексах Центральной Европы Паулем Рейнеке в конце XIX – первой половине XX вв. (Клейн, 2012. С. 363, 364). Этот подход широко используется в археологии тех районов и тех периодов, где и когда население менялось достаточно часто, инокультурные влияния были значительны, что затрудняет или делает невозможным построение типологических рядов отдельных вещей. Разные форматы реализации данного подхода известны как метод сериации, комбинаторный или кумулятивно-статистический методы. Принципиальным отличием приложения данного подхода к датировке комплексов накопления, является то, что оно позволяет датировать не любой из них, а только тот, который может быть соотнесён с одной из групп комплексов, выделенных по статистически устойчивому составу.

Как уже отмечалось, на подавляющем большинстве нижегородских раскопов непо потревоженные культурные отложения сохранились только в качестве заполнения материковых ям. Происходящие из них комплексы по способу формирования – комплексы накопления. Их хронологическая дифференциация возможна только если длительность накопления материала была существенно меньше характерного периода стабильности местных форм бытового инвентаря, то есть если в период накопления не происходили

существенные изменения местной материальной культуры. Критерием выполнения этого условия – критерием отбора комплексов, для которых возможно определение «узких» дат, – является их распределение по группам со статистически устойчивым составом находок. Возможность объективного выделения таких групп может быть обусловлена двумя причинами: либо хронологическими изменениями, либо локально-культурными, связанными со стилистическими и другими особенностями продукции разных мастерских, работавших в один и тот же промежуток времени. Влияние второго («культурного») фактора можно устранить, изъяв из разных групп комплексы с синхронными наборами датирующих находок. По степени «перекрывания» отдельными типами вещей «очищенные» таким образом группы можно последовательно распределить вдоль временной оси, то есть установить их относительную хронологию. Затем, используя датирующие возможности всего набора находок из всех комплексов каждой конкретной группы, можно установить их календарные даты. Следует отметить, что получаемые таким образом пограничные даты времени накопления комплексов обусловлены исторически, они определяются переломными моментами в развитии материальной культуры, а не заданы априорно, то есть искусственно.

Общая схема построения хронологии керамических наборов из комплексов накопления предполагает выполнение следующих процедур:

1. Отбор комплексов для датирования по контексту обнаружения и объёму.
2. Систематика керамики, проводимая в два этапа – по стилистико-технологическим группам и профилировке сосудов.
3. Выделение групп комплексов по составу разновидностей сосудов и проверка объективности этого выделения.
4. Установление временной последовательности выделенных групп.
5. Получение календарных дат по сопутствующему инвентарю.
6. Определение отличительных признаков разновременных групп.
7. Выделение опорных комплексов в каждой группе – для датирования других наборов методом аналогий (приложение 4).

При отборе комплексов из заполнений углублённых сооружений имеет значение стратиграфическое положение связанных с ними горизонтов. В заполнениях искусственных котлованов можно встретить четыре основных горизонта, различных по обстоятельствам, времени и продолжительности накопления. Условно их можно обозначить как горизонт функционирования, горизонт разрушения, горизонт преднамеренной засыпки (планировки) углубления и горизонт заполнения его западины. Отложения, связанные с функционированием сооружения, представлены, как правило, либо маломощной придонной прослойкой с единичными находками (в случае подполья или погреба), либо пачкой линзовидных слойков с кухонными отходами – углями, золой, костями животных, керамикой, крошкой печины, разнообразным бытовым инвентарём (в случае подпечных или предпечных ям), а также сохранившимися *in situ* остатками деревянных конструкций. Горизонт обрушения, как правило, маркирован включением мощной линзы развала глинобитной печи (с объёмом связанного с ней грунта, превышающим 1000 л) и слоя с остатками хаотично ориентированных обломков деревянных конструкций – в случае, если какая-то часть из них зафиксированы в данном сооружении *in situ* (Грибов, 2012. С. 162). Слои преднамеренной засыпки диагностируются по равномерной пятнистой или крапчатой текстуре грунта с редкими включениями, соответствующей текстуре засыпки могильных ям, и значительной мощности. Заполнения западин котлованов, как правило, представляют собой линзы гумусированного грунта, образованные в результате геологического процесса – осаждения материала, перенесённого плоскостной эрозией, которая активизируется в начале каждого этапа освоения участка после разрушения сооружения.

Наибольший интерес для разработки хронологии имеют наиболее объёмные и разнообразные по составу находок комплексы из горизонтов функционирования под- или предпечных ям и горизонтов разрушения сооружений, связанных с погребями или подпольями. Наименее пригоден для выявления узкодатированных комплексов материал из заполнения их западин.

При разработке хронологии комплексов второй половины XIII – XV вв. на памятниках с «сухим» слоем приходится опираться на изменчивость двух основных категорий археологического инвентаря – посудной керамики и монет. Керамический материал обладает сочетанием массовости, повсеместности и хронологической изменчивости. Последнее качество особенно ярко проявляется в рассматриваемый период. Во время формирования единого Русского государства активизировались миграционные процессы, происходили кардинальные изменения в организации ремесла: исчезали удельные границы, формировались крупные производственные центры, складывался новый, необычайно широкий, рынок сбыта. Всё это не могло не сказаться на темпе изменений гончарной продукции.

1.3.2. Систематика и хронология нижегородской керамики

К разработке хронологии нижегородской керамики привлечены материалы раскопок Нижнего Новгорода и ряда памятников его округа. Наиболее объёмные изученные коллекции собраны при раскопках В.А. Лапшина в кремле 2001, 2002 гг. (около 49 000 фрагментов из 119 ям); Т.В. Гусевой и Н.Н. Грибова на Ильинской горе в 1991 и 1999 гг. (около 30000 фрагментов из 50 ям); Н.Н. Грибова в нижней части кремля (11700 фрагментов); И.В. Ануфриевой на пл. Минина (2005 г.) и в пер. Университетском (1998, 1999 гг.); Л.Д. Шакуловой на ул. Ульянова (2003 г.); С.В. Долгополова на ул. Октябрьской (2016 г.); И.С. Аникина в разных местах Верхнего посада (2003, 2005 гг.). Состав керамических комплексов на отдельных раскопах изучен по отчётам из Архива Института археологии РАН. Объём привлечённых коллекций посудной керамики из раскопок памятников Нижегородской округи – 356400 фрагментов. Наиболее многочисленные коллекции связаны с селищем Ближнее Константиново-1 (168400 фрагментов), Кузнечиха-3 (5300 фрагментов), Копнино-1,-2,-3, поселениями Бешенцево-3 (114400 фрагментов), Курмыш-4 (18000 фрагментов), Доскино-10 (4000 фрагментов), городищем Городок (38300 фрагментов). Из просмотренных комплексов для разработки хронологии отобраны

сопровожаемые датирующим инвентарём различных категорий наиболее объёмные наборы (100–400 и более фрагментов).

При хронологической систематике нижегородской посуды использованы методические приёмы, наработанные при изучении гончарной продукции г. Москвы (Грибов, 2017а). Это: разделение разновременного керамического материала по стилистическому и технологическому своеобразию на ограниченное число стилистико-технологических групп; использование для «широкой» датировки комплексов количественных соотношений представленных в них образцов различных стилистико-технологических групп; привлечение изменчивости в оформлении верхних частей сосудов (венчиков) для разработки более дробной систематизации.

Процедура систематизации состояла из двух этапов. На первом этапе весь фрагментированный материал, безотносительно его морфологической выразительности, был разделён по семи стилистико-технологическим группам. Последние выделены по устойчивым сочетаниям значений технологических признаков, которые отражены на внешнем облике изделия, придавая ему оригинальное стилистическое своеобразие. Эти признаки могут надёжно диагностироваться по сравнительно небольшим фрагментам без использования специальных технических средств. К таким признакам относятся: способ изготовления сосуда, состав исходного глинистого сырья, преднамеренно выбранный тип обжига и его температурный режим, способ обработки внешней поверхности. Выделенные по сочетанию перечисленных признаков группы отражают разные исторически значимые гончарные традиции, как правило, «большой длительности».

Группа I (лепная) объединяет технологически наиболее архаичную мордовскую посуду, изготовленную из красножгущейся глины лепным способом. Для неё характерны тёмно-серый, бурый или тёмно-коричневый цвет, плохой низкотемпературный обжиг, отсутствие орнамента. Формы представлены горшками, мисками, сосудами баночных пропорций, чашами.

Группа II (красноглиняная) объединяет изделия из красножгущейся глины хорошего или посредственного обжига с примесью песка, дресвы или с тонким тестом, без следов ангоба, лощения или поливы. Морфологическое разнообразие этой группы отражает историческое развитие русской средневековой гончарной посуды преимущественно до XVI в. Более узкий хронологический смысл имеют выделяемые по сочетанию состава формовочной массы, степени обжига, характера профилировки и орнаментики подгруппы, соответствующие московской курганной, серой, красноглиняной грубой и гладкой керамике. Пределы технологического разнообразия определяются двумя крайними случаями: хорошо обожжёнными горшками из тонкого теста, снятыми с быстрого тяжёлого круга, и тёмными буровато-серыми плохо обожжёнными сосудами с шероховатой от грубой дресвяной примеси поверхностью, лёгкой, но заметной асимметрией венчика или тулова, выдающей относительно небольшую скорость вращения поворотного устройства. Образцы этих двух вариантов малочисленны на фоне широкого спектра доминирующих сосудов «переходного» облика. Рассмотрение в рамках этой одной группы всей круговой нелощёной красноглиняной посуды без каких-либо декоративных покрытий оправдано тем, что подавляющее большинство этих изделий объединяет многовековая гончарная традиция Северо-Восточной Руси, многоликая в своих конкретных проявлениях. Входящие в неё технологически наиболее «разнесённые» друг от друга, пограничные разновидности задают крайние точки генеральной линии эволюционных изменений, происходивших в русском традиционном гончарстве в XIV–XVI вв. Обособление данной группы создаёт предпосылки для видения этих изменений как целостного исторического явления.

Группа III (ангобированная) включает в себя гончарные изделия из красножгущегося сырья, покрытые белым ангобом. Ангобированная посуда г. Нижнего Новгорода по тесту и качеству нанесения покрытия разделяется на две подгруппы. Образцы первой подгруппы – с «небрежным» ангобным покрытием близки к продукции московских мастерских XV – середины XVI вв., часть из

них украшалась росписью охрой (Розенфельдт, 1968. С. 20–27; Московская керамика..., 1991. С. 58, рис. 2). Орнамент и профилировка верхних частей отдельных изделий воспроизводят декор и формы белоглиняной керамики коломенского типа. Вторая подгруппа объединяет массовую продукцию нижегородских гончаров XVIII в. Для этих сосудов характерен однородный кирпично-красный цвет излома черепка, редкая примесь песка, равномерное ангобирование внешней поверхности. Изделия представлены широкогорлыми горшками с редуцированной шейкой и клювообразно приостренным наружу краем венчика.

Группа IV (краснолощёная) объединяет осколки неполивной красноглиняной лощёной посуды равномерного высокотемпературного горнового обжига в воздушной среде. В нижегородских комплексах середины XIV – начала XV вв. такая керамика имеет формы, характерные для массовой ремесленной посуды Поволжья эпохи Золотой Орды. Кувшины и другие, более редкие, формы краснолощёной керамики отечественного производства, как массовое явление, типичны для первой половины – середины XVI в.

Группа V (белоглиняная) объединяет всю обожжённую в окислительной среде неполивную гончарную посуду из беложгущейся глины. К этой группе отнесены и сосуды из слабожелезёного теста, и те, в составе сырья которых обнаружена добавка каолиновой глины в виде плохо промешанных белых прослоев, хорошо заметных в изломе черепка. Самая многочисленная подгруппа белоглиняной керамики объединяет осколки сосудов, с тонким тестом и другими характерными признаками белоглиняной гладкой посуды (Чернов, 1991б. С. 54; 1992. С. 145, 146), МБК –2 (Коваль, 2001. С. 103–108) или керамики коломенского типа (Коваль, 2005. С. 252). Определяющие её горшки с короткими вертикальными венчиками, украшенными линейным орнаментом, становятся самым распространённым видом керамической посуды в Коломне и её округе с середины в XV в. (Коваль, 2001. С.105). Сложившийся в рамках этой гончарной традиции наиболее массовый тип, претерпев незначительные

изменения, продолжал бытовать до рубежа XVI–XVII вв. (Московская керамика..., 1991. С.58, рис.2; Коваль, 2001. С.105–107; 2005. С. 251, 253).

Группа VI (чернолощёная и морёная) включает в себя посуду, преднамеренно обожжённую в восстановительной среде. В Москве она становится заметным явлением, скорее всего, только со второй половины XVI в. (Коваль, 2019. С. 396). В Нижнем Новгороде её массовое распространение завершается в XIX в.

Группа VII (поливная) представлена поливной гончарной посудой. Наиболее ранние образцы русской поливной керамики в Нижнем Новгороде датируются XIII–XIV вв. Это кувшины или горшки, украшенные подглазурной росписью ангобом и покрытые желтовато-зелёной поливой. В комплексах XVI в. встречаются редкие фрагменты белоглиняных и красноглиняных изделий московского или тверского производства с тонким тестом, покрытые прозрачной зелёной поливой. Широкое использование в нижегородском быту поливной посуды фиксируется только с XVIII в. В начале XIX в. самой массовой керамической посудой в Нижнем Новгороде и его округе становятся красноглиняные сосуды широкого ассортимента форм с тонким тестом, покрытые прозрачной поливой, имеющие спрос на местном рынке и в настоящее время.

По соотношению числа образцов керамики разных стилистико-технологических групп можно судить о положении комплекса на временной оси (рис. 8). Сравнительно небольшой разброс значений указанных соотношений в комплексах одной и той же группы позволяет использовать их в качестве одного из надёжных хронологических признаков (рис. 9).

На втором этапе систематизации к рассмотрению были привлечены морфологически выразительные части сосудов (рис. 10–13). При изучении комплексов середины – второй половины XV в. выяснилось, что существует зависимость между составом теста красноглиняных сосудов этого времени и профилировкой их верхних частей. По составу теста сосуды стилистико-

технологической группы II указанного временного промежутка разделены на подгруппы.

Тип сосуда определён как результат реконструкции набора керамических изделий, изготовленных по сходным образцам, на что может указывать, прежде всего, сходство в профилировке их верхних частей. При выделении типов в качестве наиболее важного признака учитывалась форма горловины, определяемая отгибом венчика. Другими признаками служили – наличие или отсутствие ребра (уступа, «карниза») при переходе шейки в плечико и способ формовки краевого окончания (Грибов, 2006. С. 65, 66, 83).

Систематизация по особенностям профилировки изделий разных стилистико-технологических групп имела разную степень детализации. Так, для лепной посуды значимость статистических характеристик сохраняется до уровня выделения основных исторически сложившихся форм – горшков, банок, чаш, мисок; для русских средневековых гончарных сосудов по формам венчиков выделены типы.

1.3.3. Хронология керамических комплексов

Выделение групп комплексов посудной керамики, сходных по составу выполнено на интуитивной основе. Для получения объективной дифференциации наиболее разнообразных по профилировке верхних частей сосудов XIII – начала XV вв. привлекался метод частотной корреляции и некоторые другие методы математической статистики (Грибов, 2006. С. 66, 67, 86, 87). Установление хронологической последовательности и календарных дат полученных групп комплексов статистически устойчивого состава проводилась с учётом всего совокупного сопутствующего инвентаря, происходящего из каждой выделенной группы. В редких случаях имелась возможность привлечения результатов радиоуглеродного датирования и стратиграфического положения объектов.

По нижегородским материалам второй четверти XIII–XVI вв. выделено семь групп (типов) разновременных керамических комплексов. Для трёх наиболее ранних типов разнообразие стилистико-технологические групп

ограничено существенным преобладанием образцов красноглиняной посуды без ангоба, лощения и поливы, а определяющее значение для датировки имеют определённые сочетания разновидностей форм верхних частей сосудов (рис. 15). Комплексы, сложившиеся до середины XV в., отличаются заметным присутствием горшков с одним типом венчика – коротких, слегка отогнутых наружу, имеющих овальное в сечении краевое утолщение с внутренней стороны (тип 1, см. рис. 10). Данное оформление имеет приблизительно каждое третье изделие из комплексов указанного временного промежутка.

Комплексы второй четверти XIII – начала XIV вв. выделяются по наличию вещевых находок и сосудов «домонгольского» облика – с высокими цилиндрическими или раструбообразными горловинами (тип 6, рис. 11) или с сильно наружу отогнутыми венчиками с краевыми утолщениями округлой или угловатой формы на внутренней стороне сосуда (тип 7, рис. 11). Суммарная доля изделий с такой профилировкой – «хроноиндикаторов» русской керамики XII–XIII вв. – около 20% (Коваль, 1996. С. 107, 108). Характерной составляющей ансамбля разновидностей этого периода являются горшки с вертикальными или слегка отогнутыми венчиками с наружными краевыми утолщениями, сформованными в технике «двойного отгиба» (когда край черновой ленты сначала отгибался внутрь сосуда, а затем – наружу) (тип 8, рис. 11). Их встречаемость – около 24%. Кроме того, для комплексов этого времени характерно наличие хотя бы единичных образцов изделий, украшенных прокаткой зубчатого колёсика (их доля среди орнаментированных фрагментов – от 3 до 12%) и отсутствие краснолощёной посуды. Общим признаком местных керамических наборов XIII – середины XIV вв. является преобладание керамики с примесью дресвы (её доля 78–91%).

Комплексы первой половины – середины XIV в. от более ранних отличаются существенно меньшей встречаемостью как сосудов «домонгольского» облика (типов 6 и 7, не более 7%), так и горшков с окончаниями венчиков, сформованных в технике «двойного отгиба» (типа 8, не более 7%). Для них характерны сосуды с вертикально поставленными,

приостренными сверху, венчиками, имеющими овалообразное в сечении наружное утолщение (тип 9, рис.), встречаемость которых, в целом, невелика (до 10%). Образцы краснолощёной керамики или отсутствуют или единичны, фрагменты сосудов со следами оттисков зубчатого колёсика отсутствуют, в тесте большинства сосудов заметно присутствие дресвы.

Комплексы второй половины XIV – начала XV вв. заметно отличаются от предшествующих по присутствию горшков с отогнутыми наружу короткими венчиками с небольшими едва выступающими внутренними, как правило, овальными или треугольными в сечении утолщениями (тип 10, рис. 11). Место перехода горловины в плечико, очень часто маркировано слабо выраженным уступом. По особенностям профилировки горловины эти изделия близки московским горшкам «с подтреугольным краем» (Коваль, 1996. С. 86). Их доля – около 12%. Для комплексов этого времени характерны горшки ещё двух типов. Один из них определяется по короткому вертикальному венчику, подтреугольное в сечении окончание которого (в виде «kozyрька») сформовано легким вертикальным нажимом на край черновой ленты (тип 11, рис. 11). Отличительной чертой второго типа служит отогнутый наружу венчик с краевым утолщением, профилированным ложбинкой (венчики в виде «шпоры») (тип 12, рис. 11). Разновидности сосудов, характерные для предшествующих периодов (типов 6–9), отсутствуют или единичны. Керамические наборы рассматриваемого промежутка отличает присутствие краснолощёной золотоордынской посуды, представленной преимущественно фрагментами хумообразных болгарских сосудов с декором в виде наlepных валиков. Усреднённая по комплексам этого времени её встречаемость – 2,3%, в отдельных случаях она достигает 9%. Другими признаками керамических наборов этого времени являются: приблизительно равное число сосудов с примесью песка и с примесью дресвы; большая, чем прежде, встречаемость сосудов с волнистым орнаментом (около 22% среди орнаментированных фрагментов). Позднейший, сопровождаемый монетами нижегородского князя

Даниила Борисовича, керамический комплекс с указанными признаками из Нижегородского кремля, датируется 20-ми гг. XV в. (приложение 1, № 158).

Комплексы второй трети (середины) XV в. существенно отличаются по набору разновидностей венчиков от более ранних (рис. 16А). Горшки с горловинами, имеющими массивные краевые утолщения, обычные для XIII–XIV вв., очень редки. Характерно присутствие фрагментов приземистых горшков с прикрытой горловиной, увенчанной наружным краевым утолщением в виде валика или «kozyрька» (рис. 16А, 2, 3). В комплексах этого времени фиксируется незначительное присутствие белоглиняной, ангобированной и краснолощёной посуды. Редкие образцы белоглиняных изделий характеризуются деталями профилировки и орнаментики, встреченными у горшков только данного периода. Это наличие уступа с коротким линейным субгоризонтальным участком («карнизом») при переходе венчика в плечико и разреженного линейного орнамента на плечике сосуда (рис. 16А, 1). Среди образцов краснолощёных изделий отсутствуют фрагменты встречавшихся ранее хумообразных сосудов с валиковым декором. Для комплексов середины XV в. характерно полное отсутствие изделий с восстановительным обжигом.

Комплексы второй половины XV – начала XVI вв. фиксируют существенные изменения в соотношениях керамики различных стилистико-технологических групп (рис. 16Б). Для этих наборов характерно значительное содержание осколков белоглиняных горшков коломенского типа (20–30%). Окончания их венчиков, как правило, приострены кверху и не имеют краевых утолщений. Доля красноглиняной керамики без ангоба, лощения и поливы – около 60%. Для неё характерны сосуды с короткими вертикально поставленными приостренными к окончанию венчиками без краевых утолщений (тип 1.5, рис. 12) и московские красноглиняные «гладкие» горшки с короткими, слегка «утопленными» в плечико, вертикально поставленными венчиками с подтреугольным сечением краевого окончания и собранным в одну узкую зону линейным орнаментом на верхней части плечика (тип 1.8, рис; Бойцов, 1991. С.

38). В качестве единичных находок присутствуют фрагменты чернолощённых сосудов, красноглиняных ангобированных кумганов, расписанных охрой.

Комплексы конца XV – середины XVI вв. отличаются незначительным доминированием суммарного количества белоглиняной (35–40%) и краснолощённой (20–25%) посуды над красноглиняной при незначительном присутствии чернолощённой (до 10%) (рис. 17А, 4). В отдельных комплексах доли белоглиняной и краснолощённой керамики могут быть равными (по 40–45% каждой из этих групп). Наиболее характерные изделия, помимо белоглиняных «коломенских» горшков, венчики которых в этот период имеют незначительные краевые утолщения, представлены краснолощёнными кувшинами с краевыми окончаниями горловин в виде наружного валика или «широкой манжеты» (рис.). Красноглиняные горшки без ангоба, лощения и поливы, как правило, представлены приземистыми сосудами с короткими слегка отогнутыми наружу венчиками без краевых утолщений (тип 2.5). В тесте отдельных изделий встречается редкая примесь дресвы.

Комплексы середины – второй половины XVI вв. характеризуются доминированием белоглиняных коломенских горшков (около 50% всех образцов керамики) и преобладанием фрагментов посуды с преднамеренным восстановительным обжигом – морёной и чернолощённой (около 16%) – над образцами краснолощённых изделий (7%) (рис. 17Б, 4). Чернолощённая посуда представлена преимущественно кувшинами. Кроме них её ассортимент включает кумганы, горшки, корчаги, крышки, чернильницы, кубышки. Краснолощённая керамика, по-прежнему, представлена кувшинами с «манжетообразными» венчиками, а среди красноглиняной керамики без ангоба, лощения и поливы появляются горшки с коленообразно изогнутыми на конце венчиками (рис. 17Б, 2). Использование дресвы в качестве искусственной добавки для керамики этого времени не зафиксировано.

Главное направление изменений состава местной посудной керамики в рассматриваемый период проявляется в замещении массовых, господствующих в XIII – начале XV вв., посредственно обожжённых и морфологически

разнообразных красноглиняных изделий серийной продукцией укрупнённых ремесленных центров, производивших белоглиняные, красно- и чернолощённые сосуды хорошего горнового обжига. Суммарная доля последних превышает 60% уже в наборах посудной керамики второй половины XV – начала XVI вв.

Подробный обзор материалов раскопок в разных районах средневекового г. Нижнего Новгорода не позволил выявить сооружений с комплексами двух выделенных периодов, в совокупности охватывающих большую часть XV в. – середину этого столетия и промежутков второй половины XV – начала XVI вв. (Грибов, 2018а. С. 213–239)

1.3.4. Хронология нижегородских селищ

Средневековые памятники центрального района Нижегородской округи в междуречье рр. Волги, Оки, Кишмы и Кудьмы (в Березополье) отчётливо разделяются на две культурно-хронологические группы. Первая группа, объединяющая объекты с лепной керамикой, включает в себя одиннадцать селищ и два могильника, оставленных поволжско-финским населением в промежутке середины III – первой половины VIII вв. Определяющее значение для характеристики этого первого этапа освоения данного района имеют результаты изучения погребальных памятников. Один из них, Безводнинский могильник, открытый на устье р. Кудьмы В.Ф. Черниковым в 1970 г., был почти полностью раскопан Ю.А. Красновым (169 погребений на площади 3500 кв.м) (Краснов, 1980). Второй памятник такого вида – Подвязьевский могильник. Он обнаружен в 2010 г. на правом коренном берегу р. Оки в 42 км от Нижнего Новгорода (Грибов, 2018в). По состоянию на 2020 г. на нём вскрыто 64 погребений на площади 312 кв.м.

Вторую группу образуют памятники, оставленные русским населением в XII–XVIII вв. Это два сельских грунтовых могильника XIII в., два местонахождения керамики XIII–XIV вв.⁶, три городища и 216 селищ. Основным

⁶ В контексте средневекового периода к местонахождениям причислено ещё семь селищ XVI–XVIII вв., в подъёмном материале которых присутствуют единичные фрагменты средневековой посудной керамики.

датирующим материалом для большинства нижегородских селищ служит собранная на дневной поверхности фрагментированная посудная керамика. Наиболее обширные сборы (до 3200 фрагментов) происходят с площадок средних и крупных поселений (размером более 5000–7000 кв.м), определяющих каркас местной структуры расселения. Коллекции, насчитывающие свыше 100 определимых осколков, собраны на 55 памятниках центрального района сельской округи г. Нижнего Новгорода (в Березополье).

Для разработки хронологии селищ отобрано 173 памятника с подъёмным материалом, насчитывающим более трёх десятков керамических фрагментов. В первом приближении по соотношению керамики разных стилистико-технологических групп вся совокупность селищ из округи Нижнего Новгорода в порядке хронологической преемственности распределяется на четыре совокупности: памятники с преобладанием красноглиняной керамики с грубыми примесями сменяются селищами с доминированием посуды из беложгущейся глины, а те, в свою очередь, замещаются позднейшими поселениями с осколками морёных, чернолощёных, ангобированных и поливных изделий. Эта последовательность соответствует преемственности керамических комплексов Нижнего Новгорода. Более дробная хронологическая классификация включает в себя семь типов селищ Березополя (см. приложение 3).

Тип 1 (XIII – начало XV вв.; 103 памятника – 59,0 %) определяется доминированием фрагментов красноглиняной нелощёной без ангоба и поливы гончарной посуды преимущественно с грубыми примесями. Её содержание в сборах превышает 90%. Доля посуды из беложгущейся глины менее 3%. Редкими, но систематически встречаемыми компонентами керамических наборов являются фрагменты лепных мордовских сосудов и обломки краснолощёной посуды из гончарных мастерских Золотой Орды.

Тип 2 (XIII–XVI вв.; 14 памятников – 8,1 %) диагностируется по совместному присутствию белоглиняной гладкой и красноглиняной нелощёной без ангоба и поливы посуды с грубыми примесями, вместе образующих 85–90% всех сборов. Фрагменты белоглиняных изделий численно доминируют, но доля

обломков средневековых изделий всегда превышает 3–5%. Иногда отмечается высокое содержание красноглиняной керамики без крупнозернистых примесей. Образцы ангобированной посуды единичны или отсутствуют. Встречаемость образцов керамики с восстановительным обжигом и ангобированных (суммарно) не превышает 10–15%.

Тип 3 (XIII–XVIII вв.; 28 памятников – 16,2 %) характеризуется технологическим разнообразием представленной керамики. Как правило, доминируют фрагменты белоглиняных и красноглиняных сосудов с грубыми примесями; почти всегда отмечается присутствие осколков красноглиняных изделий с запесоченным или тонким тестом. Суммарное содержание систематически присутствующих в керамических комплексах таких памятников морёной, чернолощёной и ангобированной керамики всегда более 10%.

Тип 4 (вторая половина XV – начало XVII вв.; 6 памятников – 3,4 %) отличается доминированием в керамических сборах фрагментов белоглиняных сосудов и крайне низким содержанием или полным отсутствием обломков красноглиняных изделий с грубыми примесями. Встречаемость последних менее 5%, они представлены, как правило, единичными находками и среди них отсутствуют венчики, характерные для XIII – начала XV вв. Среди красноглиняной посуды преобладают фрагменты сосудов с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка. Встречаемость образцов керамики других групп менее 10%.

Тип 5 (XVI–XVIII вв.; 20 памятников – 11,5 %) выделяется по сочетанию в подъёмном материале белоглиняной и ангобированной керамики с фрагментами изделий, прошедших преднамеренный восстановительный обжиг при отсутствии осколков красноглиняных сосудов с грубыми примесями. Встречаемость последних не превышает 3% и среди них отсутствуют венчики XIII – начала XV вв. Очень часто в керамических сборах с таких селищ преобладают фрагменты изделий из беложгущейся глины, присутствуют осколки краснолощёных и красноглиняных изделий без грубых примесей. Суммарное содержание фрагментов керамики других стилистико-технологических групп менее 10%.

Тип 6 (XVII–XVIII вв.; 2 памятника – 1,2 %) объединяет селища с преобладанием фрагментов ангобированных кирпично-красных горшков и сосудов, преднамеренно обожжённых в восстановительной среде, при полном отсутствии образцов посредственно обожжённой красноглиняной керамики с грубыми примесями. Осколки белоглиняных изделий крайне малочисленны.

Тип 7 (XVIII–XX вв.; 1 памятник – 0,6%) выделен по одному селищу с заметным преобладанием образцов керамики двух технологических групп – кирпично-красной ангобированной и красноглиняной с прозрачной поливой при полном отсутствии осколков средневековой красноглиняной посуды с грубыми примесями. Обломки белоглиняных изделий редки, тесто связанных с ними сосудов запесочено, формы венчиков, как правило, повторяют профилировку горловин кирпично-красных горшков с белым ангобом.

1.4. Монетный комплекс из Нижнего Новгорода: состав и хронология

Известные клады средневековых монет, найденные в Нижнем Новгороде, представлены пока только двумя комплексами. Один из них обнаружен в 1913 г. при земляных работах в районе Ивановского спуска вблизи храма Святого Симеона Столпника на территории кремля (Петров, 1997. С. 9). Сокрытый в керамическом сосуде клад состоял из 183-х серебряных монет восточного происхождения. Данный комплекс не удалось передать на музейное хранение и сколько-нибудь подробно описать и изучить. Были определены только три монеты как дирхамы Золотой Орды – ханов Узбека, Джанибека и Джелал-Эддина-Махмуда. Второй клад, состоящий из 354 серебряных монет Ивана Грозного, был обнаружен в 2008 г. при археологических раскопах под руководством З.Г. Шакирова в здании нижегородского арсенала в кремле.

Одним из источников, отражающих динамику экономического развития города в разные периоды его средневековой истории, может служить совокупность отдельных монетных находок, случайно утраченных горожанами. По материалам раскопок 1960–2021 гг. и научной литературы собраны сведения

о 173 монетах XIII–XVI вв. из Нижнего Новгорода (приложение 5)⁷. Их хронологическое распределение крайне неравномерно. Очевидно, оно обусловлено изменениями в интенсивности местного монетного обращения, отражающими динамику исторического развития города на устье р. Оки.

Наиболее ранние монеты из Нижнего Новгорода связаны с выпусками городов Золотой Орды (рис.18). По состоянию на начало 2022 г. самой ранней находкой такого рода является медный пул, отчеканенный в середине XIII в. в г. Болгаре от имени монгольского каана Мунке (1251–1259 гг.) (рис. 18, 27). Среди нижегородских (по месту находки) монет чекан Золотой Орды представлен 7 медными пулами и 22 серебряными дангами. Известна находка одной фальшивой медной золотоордынской монеты, плакированной серебром, и трёх двухсторонних серебряных подражаний им. Датированные монетные выпуски представлены монетами ханов Токты (1 экз.), Узбека (1 экз.), Джанибека (10 экз.), Бердибека (3 экз.), Кульны (1 экз.), Хызра (2 экз.), Мухаммеда (Улу Мухаммеда?) (1 экз.). Только две из них не имеют следов подрезки. Данное обстоятельство позволяет ограничить нижний временной рубеж местного обращения золотоордынской монеты (и её археологизации) 70-ми гг. XIV в. (Фёдоров-Давыдов, 2003. С. 51). Памятники нумизматики, характерные для монетного обращения Поволжья до указанного временного рубежа в нижегородской коллекции представлены всего несколькими находками.

Первый период интенсивного монетного обращения в Нижнем Новгороде можно предположительно датировать рамками 70-х гг. XIV в. – началом 30-х гг. XV в. С этим периодом, кроме большинства монет Золотой Орды, связаны монеты русской удельной чеканки (рис. 19). Они представлены серебряными денгами нижегородских князей Дмитрия Константиновича, Даниила Борисовича, Василия Дмитриевича московского и Петра Дмитриевича Дмитровского. Редкие для Нижнего Новгорода денги великого московского князя Василия Васильевича (Василия II) представлены одним типом,

⁷ Не охваченными остались находки из раскопок в Нижегородском кремле в зоне строительства Здания Правительства, начатые в 2006 г. под руководством И.О. Ерёмкина, первичная научная обработка которых на конец 2022 г. не завершена.

датированным в пределах 1425 – начала 30-х гг. XV в. (приложение 5, №№ 38–40). Это монеты с изображением Самсона со львом на одной стороне и всадника с соколом – на оборотной (Мец, 1974. С. 29, 84, 85, №№ 1–9). Позднейшие денги местного нижегородского чекана представлены выпусками нижегородского князя Даниила Борисовича, умершего в середине – второй половине 20-х гг. XV в. (приложение 5, №№ 41–51). С указанным первым периодом монетного обращения, вероятно, связаны и «тяжёлые» медные пулы (55 экз., рис. 20). Большинство из них – анонимные анэпиграфные монеты, очевидно, связанные с местным нижегородским чеканом (приложение 5, №№ 71–122).

Период середины (второй трети) XV – начала XVI вв. представлен всего двумя находками – двумя денгами Ивана III, отчеканенными позднее 1478 г. Кружок одной из них был свёрнут в цилиндр, что позволяет предполагать его вторичное использование. Обращает внимание полное отсутствие в Нижнем Новгороде монет Василия II чеканки 1434/35 – 1462 гг.

Возобновление интенсивного монетного обращения в Нижнем Новгороде началось в начале – первой половине XVI вв. На это указывают находки серебряных монет Василия III и Ивана IV (13 экз.), большое количество «маленьких» медных пул (51 экз.), чеканка которых в гг. Москве и Твери началась не ранее 90-х гг. XV в. (Гайдуков, 1993. С. 89) (рис. 21).

Таким образом, состав отдельных монетных находок из г. Нижнего Новгорода обнаруживает отчётливый кризис в местном монетном обращении, который предположительно можно очертить пределами промежутка 30-х гг. XV – начала XVI вв.

1.5. Выводы

1. К началу второго десятилетия XXI в. археологическая изученность Нижнего Новгорода в целом создаёт хорошие предпосылки для реконструкции истории и хорографии освоения его селитебной территории. К наименее изученным районам относятся прибрежные участки Нижнего посада, Благовещенский и Печерский монастыри.

2. Территория административного подчинения средневекового Нижнего Новгорода на Волго-Окском Правобережье достаточно плотно исследована методами археологической разведки. Наиболее обследованной территорией является центральная часть Нижегородской округи в междуречье рек Оки, Волги, Кудьмы и Кишмы, где располагается большинство известных памятников, оставленных русским населением в XIII–XV вв.

3. Главными объектами для изучения исторической динамики освоения территории города и его округи являются углублённые сооружения. Их датировка может быть проведена на основе разработанной хронологии нижегородских керамических комплексов. По материалам Нижнего Новгорода и памятников его округи в рамках промежутка второй четверти XIII–XVI вв. выделено семь групп разновременных комплексов, различных как по сочетанию типов сосудов, так и по сопровождающему инвентарю.

4. В Нижнем Новгороде не известны сооружения с комплексами середины XV – начала XVI вв. С указанным временным отрезком связан и выявленный по составу отдельных монетных находок кризис в местном (нижегородском) монетном обращении (рис. 22). Известные упоминания Нижнего Новгорода в летописных статьях этого времени и приуроченное к нему отсутствие археологических данных порождает проблемную ситуацию, требующую разрешения.

Глава 2.

Нижний Новгород в XIII–XIV вв.: итоги исторического развития

2.1. Исторический контекст основания города

2.1.1. Нижний Новгород и летописная Мордовская земля

Город Нижний Новгород был основан за пределами староосвоенных земель русских княжений. На протяжении первых трёх столетий своей истории он маркировал их восточную границу (рис. 23). Основные этапы средневекового освоения связанного с ним района могут быть намечены по археологическим данным.

Первые финские грунтовые могильники появляются здесь ещё в середине – второй половине III в. (Грибов, 2017б). В гуннский период, в конце IV – середине V вв., происходит проникновение в местную среду переселенцев из западных областей, внёсших заметный вклад в изменение местного костюма и погребальной обрядности (Грибов, 2018в). С мигрантами связано и заметное увеличение численности местного населения. В результате этих процессов в восточной части Волго-Окского междуречья, на берегах Волги и Оки, на устье р. Ветлуги появляются памятники со специфическими культурными особенностями, объединённые в группу могильников безводнинско-ахмыловского круга (Никитина, 2002. С. 160–166, 184, 185, 221). Географическим центром расселения носителей этой новой культурной традиции становится окское устье (рис. 24).

Начавшийся в конце раннего железного века финский этап освоения ландшафтного района, в котором располагается Нижний Новгород, был завершён уходом отсюда населения, оставившего могильники безводнинско-ахмыловского круга. Это произошло вблизи рубежа VII–VIII вв. Синхронность прекращения их функционирования с появлением наиболее ранних погребений на соседних с ними марийских и муромских памятниках, отчётливые параллели в инвентаре и погребальной обрядности – всё это позволяет с большой долей уверенности рассматривать безводнинско-

ахмыловское население в качестве прямых и общих предков средневековых марийцев и муромы (Никитина, 2002. С. 221; Бейлекчи, 2005. С. 150).

В отечественной историографии довольно распространённым является мнение об основании Нижнего Новгорода на землях мордвы (Соловьёв, 1998. С. 398; Перетяткович, 1877. С. 338; Тихомиров, 1956. С. 417, 418; Никитин, 2010. С. 224). Оно основано на сведениях из Нижегородского летописца – компилятивного в части средневековых известий сочинения, составленного в конце 50-х гг. XVII в. (Шайдакова, 2006. С. 121, 136). В статьях этого памятника, затрагивающих историю появления города в окском устье, содержится прямое указание на первопоселенцев этих мест – не имеющее подтверждения по более ранним источникам: «А преж сего владели тою землею погани – мордва» (Шайдакова, 2006. С. 136). Результаты картирования мордовских могильников свидетельствуют о том, что северная периферия Волго-Окского Правобережья, где был построен Нижний Новгород, никогда не входила в состав коренных территорий расселения средневековой мордвы, а освоенный русским населением в его ближайших окрестностях район был удален от основной области сосредоточения мордовских памятников предмонгольского времени на 50–100 км к северу (Шитов, 2000. С. 56, Грибов, 2020). Это не исключает использования «нижегородских» мест в качестве охотничьих или иных промысловых угодий, эпизодического пребывания здесь малых подвижных коллективов, оставивших после себя маловыразительные и сложноуловимые следы в виде остатков небольших и пока ещё не обнаруженных сезонных поселений.

Территории, освоенные русскими поселенцами после строительства Нижнего Новгорода, тяготели к долинам крупнейших рек региона – Волги, Оки и Суры, тогда как области мордовского расселения XI–XIII вв. были удалены от крупных речных магистралей и связаны с водоразделами на пограничье лесостепи и смешанных лесов (рис. 25). Светло-серые почвы «житницы» Нижнего Новгорода – Берёзова Поля – по уровню плодородия заметно уступали тёмно-серым лесным и чернозёмистым почвам большей

части летописной Мордовской земли. Стратегию расселения средневековых нижегородцев, очевидно, определяли не благоприятные условия для занятия земледелием, а преимущества жизни на больших водных транспортно-торговых путях. Русские и мордва до определённого времени осваивали разные экологические ниши, оставаясь исторически «разведёнными» по разным ландшафтным районам (Грибов, 2020).

Результаты многочисленных археологических разведок в ближайших окрестностях Нижнего Новгорода убеждают в том, что до основания города связанная с ним местность продолжительное время, по крайней мере, с середины VIII в., оставалась пустующей или слабо заселённой (Грибов, 2017б). Известные по Нижегородскому летописцу (Строгановская редакция..., 2006. С. 140), труду В.Н. Татищева (1994. Т. 3, с. 212) и краеведческой литературе середины – второй половины XIX в. (Мельников, 1884; Храмцовский, 1998. С. 21, 22, 25) указания на поселение – предшественник Нижнего Новгорода (Старый городок суздальских князей, болгарский город, болгарскую факторию, мордовский Абрамов или Ибрагимов городок) при критическом рассмотрении оказываются несостоятельными (Кучкин, 2002; Пудалов, 2003. С. 156–163; Кузнецов, 2016; 2018. С. 879–881).

Проникновение на правый берег Оки первых русских поселенцев, скорее всего, связано с появлением древнерусского г. Муром (Грибов, 2003). Ближайшее к Нижнему Новгороду домонгольское поселение (обозначенное селищем Подвязье-3 и поселением Подвязье-1) на правом берегу Низовой Оки (ниже устья р. Клязьмы), керамика которого указывает на связь местных жителей с Муромской округой, удалён от окского устья на 44 км (Грибов, 2020).

2.1.2. Военно-политическая обстановка на Средней Волге в конце XII – начале XIII в.

Обстоятельства основания г. Нижнего Новгорода освещены в летописных статьях всех общерусских сводов и в большинстве известных местных летописцев (Муравьёва, 1983. С. 168–196; Макарихин, 1984;

Пудалов, 2003. С. 104–113). Особое значение имеет Владимирский великокняжеский свод 1305 г., вошедший в состав древнейшей, составленной, вероятно, в одном из нижегородских монастырей, Лаврентьевской летописи. Отдельные сообщения, отсутствующие в более ранних летописных памятниках, вошли в состав Московского великокняжеского свода 1479 г. Анализ летописных сообщений об основании города на окском устье посвящена монография Б.М. Пудалова (2003).

Появление г. Нижнего Новгорода произошло во второй половине XII – начале XIII вв. на волне урбанизации, охватившей тогда Северо-Восточную Русь (Макаров, 2017. С. 64). Исторический контекст этого события обусловлен противостоянием Владимирского княжества и Волжской Болгарии, наметившимся ещё в конце XI в. при нападении болгар на Муром (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207). В основе затяжного конфликта – обоюдные стремления двух молодых сопредельных государственных образований по расширению своего влияния на пограничные, заселённые финноязычными народами, земли Поволжья и Нижнего Поочья. Если действия болгар ограничивались эпизодическими грабительскими набегами, то реализация восточной политики владимирских князей, кроме военных акций, предполагала последовательное закрепление за собой всё больших и больших сопредельных территорий. Военное противостояние заметно усилилось при Андрее Боголюбском. Во время его правления состоялось два больших похода на Среднюю Волгу – в 1164 г. и 1171–1172 гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 252–253, 364), а на волжском берегу, в 47 км от окского устья, был построен г. Городец (Кучкин, 1984. С. 92; Пудалов, 2003. С. 73–76). Военные рейды в области Средней Волги были продолжены при князе Всеволоде Большое Гнездо и при его сыне Юрии Всеволодовиче. Отправной точкой многих из этих походов служило устье Оки – оптимальное место для соединения войск, идущих из гг. Владимира (через р. Клязьму), Городца и Мурома.

В 1219 г. на короткий срок болгары «лестью» овладели городом Устюг и осадили город Унжу. Большой поход в Прикамье сводного русского войска

под руководством младшего брата великого князя Святослава Всеволодовича стал ответом на это нападение (ПСРЛ. Т. 25. С. 116). Под угрозой возобновления военной акции зимой 1220–1221 гг. в г. Городце-на-Волге Юрием Всеволодовичем был заключён мир с болгарами (ПСРЛ. Т. 25. С. 117). Примерно через полгода после заключения мирного договора, в апреле–сентябре 1221 г., Юрий Всеволодович заложил на устье Оки город Новьградъ (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445). Немногим более столетие спустя летописцы стали именовать его Нижним Новгородом (Пудалов, 2003. С. 126).

Город на устье р. Оки, судя по косвенным сведениям из летописных источников, был задуман своим основателем сразу как крупный городской центр. Вскоре после возведения первых укреплений в нём были построены каменная церковь святого Спаса (1225 г., ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447), а в ближайшей городской округе – Благовещенский монастырь (первое упоминание – 1229 г., ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451).

После основания первого города на Волго-Окском Правобережье новой ареной противостояния с Волжской Болгарией стала Мордовская земля (Кучкин, 2002. С. 97, прим. 66). Желанием окняжения «проболгарской» части мордвы – выведением её из-под болгарского влияния и распространением на неё владимирской дани – можно объяснить не только серию походов, организованных в мордовскую Пургасову волость из г. Нижнего Новгорода в 1226, 1228–1229, 1232–1233 гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448–451, 459), но и сам мотив присоединения к великому Владимирскому княжеству земель на северной периферии Волго-Окского Правобережья (Пудалов, 2003. С. 198, 199). Город Нижний Новгород в этих походах служил передовым плацдармом, в него отправлялся «мордовский полон» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451).

2.2. Нижний Новгород до передачи в дом суздальских князей

2.2.1. Письменные источники о «достоличном» этапе истории города

Начальный период истории Нижнего Новгорода – предшествующий обретению статуса великокняжеской столицы – крайне скупо отражён в

источниках. За столетний промежуток после Батыева нашествия город в окском устье упоминается всего в четырёх летописных сообщениях (Пудалов, 2004). Их всестороннему критическому рассмотрению с использованием текстологических методов посвящено специальное исследование (см.: Пудалов, 2004).

Динамику развития Нижнего Новгорода до середины XIV в. историки оценивают неоднозначно. Опираясь на перечень городов Владимирской епархии 1274 г., В.А. Кучкин пришёл к выводу о превращении Нижнего Новгорода уже к этому времени в третий по значимости город Владимиро-Суздальской Руси (1984. С. 124). В качестве важнейшего фактора роста автор указал на поволжскую торговлю. Б.М. Пудалов, изучивший историю текста сообщения 1274 г., обнаружил, что упоминание Нижнего Новгорода в нём – вставка редактора свода 70-х гг. XV в., из чего следует безосновательность заключения о возросшей роли города в последней четверти XIII в. (2004. С. 135, 136). Не подтверждается источниками, по мнению этого исследователя, и использование Волжского пути для взаимовыгодного товарообмена между Западом и Востоком в этот период (Пудалов, 2004. С. 135, 136, 238).

Нашествие монголов кардинально изменило политическую обстановку на Волге. Могущество Волжской Болгарии, почти два столетия безраздельно господствовавшей на Волжском пути, в 1236 г. было безвозвратно утрачено. В лихолетье нашествия маршруты отмеченных летописцами отрядов Батыева войска дважды пролегли в непосредственной близости от Нижнего Новгорода: зимой 1238 г. был разорён Городец-на-Волге (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464), зимой 1239–1240 гг. – русские и мордовские земли в Поочье, города Муром и Гороховец (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470). Сообщение о разорении Нижнего Новгорода в соответствующих летописных статьях отсутствует.

После бедствий 1237–1239 гг. в Северо-Восточной Руси началось структурное преобразование владимирских и переяславских земель, что привело к появлению новых княжеств. Этот процесс сопровождался миграционными потоками из разорённых областей на окраины освоенных

территорий, к числу которых относилось и Нижегородское Поволжье (Кучкин, 1984. С. 109, 110, 122).

В новой системе международных коммуникаций, сложившейся после монгольского нашествия и появления Золотой Орды, существенная роль отводилась Волжскому пути. Речной путь из Северо-Восточной Руси в Орду в середине – второй половине XIII в. был наиболее удобным и безопасным (Пудалов, 2004. С. 94). Нижний Новгород – окраинный восточный город на Волжском пути, в это время стал местом сбора князей, отбывающих в ханскую ставку (ПСРЛ. Т.1. Стб. 474). Следует отметить, что до начала XIV в. временной резиденцией ханов Золотой Орды служил г. Болгар – ближайший к Нижнему Новгороду город на Средней Волге, который в это время был известен ещё и как крупнейший торгово-экономический центр всего Поволжья (Егоров, 2009. С. 248; Валеев, 2011. С. 22, 26).

Наиболее ранним материальным свидетельством коммуникации между Нижним Новгородом и золотоордынским Болгаром является медная монета каана Мунке, привезённая в город на окском устье ещё в 50-х – первой половине 60-х гг. XIII в. (рис. 18, 27). Наверное, уже тогда через Болгар в Нижний Новгород поступали отдельные виды сырья для ремесленного производства: в нижней прослойке средневекового горизонта (XIII – начала XIV вв.), вскрытого в нижней части Нижегородского кремля, среди отходов косторезной мастерской найдены два фрагмента рога сайгака со следами спилов (Грибов, 2022а. С. 118).

Вероятно, именно возросшее значение восточного района «русского» Поволжья привело к образованию здесь в промежутке между 1263 и 1282 гг. особого княжения с центром в г. Городец-на-Волге, связанного с именем сына Александра Невского – Андрея Александровича Городецкого (Кучкин, 1974. С. 238). Нижний Новгород, вероятно, оставался городецким «пригородом» до смерти первого городецкого князя и его преемника в середине – второй половине первого десятилетия XIV в. Борьба за «великий стол» Андрея городецкого сопровождалась приводом татарских ратей во Владимирскую

землю. Это стало причиной ухода части населения в периферийные районы (см. сообщение о приросте населения г. Твери во время Дедюневой рати: ПСРЛ. Т. 18. С. 82). Маршруты татарских отрядов обходили стороной владения Андрея городецкого. Многие из переселенцев, наверное, перебрались тогда и в район окского устья. В этой связи, возрождение г. Нижнего Новгорода после Батыева нашествия, следует связывать, скорее, с эпохой Андрея городецкого, чем со временем правления суздальских князей.

Зимой 1311 г. г. Нижний Новгород «по родству» захватывает двоюродный брат наследника основателя Городецкого княжества Юрий Данилович Московский (Горский, 2010. С. 42). Город в окском устье становится столицей самостоятельного удела, просуществовавшего до смерти первого, среди упомянутых в источниках, нижегородского князя – младшего из Даниловичей, Бориса (Кучкин, 1984. С. 210, 211). После этого «вымороченное» княжество присоединяется к великокняжеским владениям. После разорения Твери, в 1328 г., хан Узбек передал в держание восточное Поволжье с гг. Городцом-на-Волге и Нижним Новгородом Александру Васильевичу Суздальскому. Через три года (в 1331 г.), после смерти суздальского князя, поволжские земли на недолгое время влились в великокняжеские владения Ивана Даниловича Калиты. Наверное, вскоре после этого город вновь обрёл статус удельной столицы. По косвенным данным, нижегородским князем стал сын Калиты Симеон Гордый, который при поддержке нижегородского боярства безуспешно пытался в 1343 г. отбить город у Константина Васильевича Суздальского, получившего его вместе с Городцом-на-Волге по решению хана Золотой Орды в 1341 г.

2.2.2. Территория города и его округа к середине XIV в.

Приступая к локализации территории средневекового г. Нижнего Новгорода следует помнить, что от указанного временного промежутка не сохранилось ни одного архитектурного памятника. Существенно изменился за прошедшие столетия и городской рельеф. Это выразилось в засыпке многочисленных оврагов, эрозионных промоин, планировке валов и рвов

дерево-земляных укреплений. Многие из овражных отвершков и связанные с их верховьями безрусельные понижения («потяжины»), изображённые на планах города второй половины XVIII – середины XIX вв.⁸, были засыпаны. Незаметны на территории современного Нижнего Новгорода и протяжённые рвы бывших оборонительных сооружений, привлекавшие внимание картографов ещё во времена Екатерины II⁹. Основным источником, позволяющим локализовать средневековый город, оценить размеры его территории, её изменения, может служить только городской культурный слой.

История города на окском устье началась со строительства в 1221 г. по инициативе великого владимирского князя Юрия Всеволодовича крепости на мысу при впадении в р. Волгу её малого правобережного притока р. Почайны (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445). Территория крепости маркируется остатками оборонительной линии в виде археологически зафиксированных следов земляного вала и рва, отмеченных картографами на планах Нижегородского кремля ещё конце XVIII в. (Ануфриева, Четвертаков, 2012).

Первая нижегородская крепость занимала верхнюю площадку мыса при устье Почайны, высотой около 70–80 м над уровнем волжской воды (рис. 26). Её расположение позволяло широко обзирать окружающую местность сразу по трём направлениям – вверх по Оке, вверх и вниз по Волге. Общая протяжённость укреплений с напольной стороны оценивается в пределах 900 м. Ограниченная валом и рвом территория, оврагом Ивановского съезда разделена на две неравные части – западную, большую (5,5 га), и восточную, меньшую (2 га) (Грибов, 2018а. С. 24). Общая очерченная укреплениями территория на площадке коренного волжского берега имела размеры около 7,5 га. По её величине первая нижегородская крепость близка к укрепленной части Старой Рязани середины XII в. (7,5 га). Город был заложен в слабо заселённой местности (Грибов, 2007а. С. 115) и, очевидно, строился на

⁸ См., например: РГИА. Ф. 1293. Оп. 168 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 4; План губернского города..., 1992.

⁹ РГИА. Ф.1293. Оп.168 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 4; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 528; РГВИА. Фонд ВУА (военно-учёный архив). № 22224.

«вырост», из расчёта прихода сюда большого количества переселенцев, то есть, не как сторожевая крепость, а сразу как крупный военно-административный княжеский центр. После возведения первых укреплений, четыре года спустя, в нём появляется белокаменная церковь Святого Спаса (рис. 27). Ещё через три года, в 1229 г., Лаврентьевская летопись содержит упоминание загородного Благовещенского монастыря (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451).

Динамику развития городской территории после строительства первых городских укреплений до середины XIV в. можно было бы проследить по распространению сооружений и связанных с ними комплексов находок соответствующего хронологического промежутка. Вместе с тем, из-за непрерывности освоения городской территории в XIII – начале XV вв., сохранившиеся наиболее ранние сооружения и комплексы очень редки, их использование в качестве соответствующих маркеров малопродуктивно. Представление об изменении освоенной городской территории и территории сельской округи до передачи города суздальским князьям можно получить по результатам картирования инвентаря, повсеместно выходящим из обихода в XIII – первой половине XIV вв. Именно такой инвентарь (в качестве сопровождающего) характерен для двух наиболее ранних групп местных керамических комплексов (см. п.1.3.3. главы 1).

Исчезающий из общерусского обихода к середине XIV в. «ранний» для Нижнего Новгорода инвентарь, по функциональному назначению разделяется на несколько групп (Грибов, 2022а. С. 108–114). К бытовым предметам относятся железные навесные замки типов А и Б, детали от нутряных комбинированных железных замков второго варианта, овальные двухлезвийные заостренные кресала с округлыми отверстиями по краям внутреннего выреза (Колчин, 1982. С. 160–163), шиферные пряслица (рис. 28); к украшениям из цветных металлов – перстнеобразные проволочные и «кудрявые» с ажурной муфтой височные кольца, характерные для периферийных городов Северо-Восточной Руси подвески с шумящими привесками, литые бубенчики-привески с линейной прорезью,

крестоспиральные подвески, загнутоконечные пластинчатые, узкомассивные, литые овальноконечные, витые двойные, плетёные с треугольными стеклянными вставками на концах браслеты, рубчатые перстни и несколько разновидностей щитковосрединных перстней – с гладким круглым щитком, с квадратным щитком, орнаментированным косым крестом, пластинчатые (см. рис. 29). Бусы – эллипсовидные и шарообразные крупные из горного хрусталя, бипирамидальные из сердолика и горного хрусталя, гранёные из розового шифера; стеклянные – изготовленные в технике «миллефиори» и зонные фиолетовые. Среди наиболее раннего инвентаря – железные наконечники стрел типов 32, 33, 52, 84 (Медведев, 1966. С. 62, 63, 69, 70, 81); нательные кресты с шарообразным окончанием лопастей (Лесман, 1990. С. 66), железное писало с вытянутой фигурной лопаточкой треугольной формы с зубчатым обрамлением по кромке – близкое по стилистике оформления к типам 4 и 11 писал Великого Новгорода (Медынцева, 1997. С. 150, 151). Монеты представлены находками двух медных пул Золотой Орды – монетами, выпущенными от имени каана Мунке (1251–1259 гг.) и при хане Узбеке (721 г.х. – 1321 г.) (рис. 30, 2). Восточная керамика представлена редкими фрагменты краснолощёных изделий с нарезным орнаментом в виде «вьющегося стебля» (Кокорина, 2002. С. 198. Рис. 104в, № 71) и фрагментом кашинного сосуда из Ирана (рис. 30, 3). Последний происходит от тонкостенного изделия с двухсторонней прозрачной бесцветной поливой и подглазурной полихромной росписью, передающей голову человека с явными монголоидными чертами. Сохранившееся живописное изображение напоминает роспись «королевского стиля» сосудов «минаи» конца XII – начала XIII вв. (см.: Коваль, 2010. С. 50).

Общее количество выделенных наиболее ранних находок – 135 (Нижний Новгород: 55; сельские памятники: 80). Их дополняют образцы русской посуды из керамики, исчезающие к началу – первой половине XIV в. Это две группы горшков со специфическими формами горловин типов 6 и 7 (рис. 11) и сосуды, украшенные прокаткой зубчатого колёсика (рис. 31).

Результаты картирования наиболее ранних образцов вещевых находок и керамики показали, что большая часть мест их находок тяготеет к крепости 1221 г. и участкам, непосредственно прилегающим к ней (рис. 32). Селитебная территория за стенами крепости 1221 г. стала заметно прирастать, скорее всего, уже в середине – второй половине XIII в. По крайней мере, все основные освоенные в средневековье районы Верхнего посада г. Нижнего Новгорода начали формироваться ещё до появления князей суздальской династии (рис. 32). На правом берегу р. Почайны «домонгольский» инвентарь обнаружен не только в непосредственной близости от первых городских укреплений, но и на удалённых участках, разделённых засыпанными оврагами, по которым протекали ручьи-истоки небольшой реки Ковалихи. Массовый керамический материал в местах раскопок с такими находками обычно содержит венчики горшков «общерусского типа», стенки сосудов со следами прокатки зубчатого колёсика. Исчезающие к середине XIV в. предметы, на левобережье р. Почайны встречены на раскопах 1999 г. в переулке Крутом. В целом, уже к середине XIV в. пределы освоенного городского пространства были близки границам города, намеченным по распространению керамики широкого хронологического диапазона XIII – начала XV вв.

До середины XIV в. достаточно динамично развивалась и сельская округа, входившая вместе с городом в один, очерченный долинами рек Оки, Волги, Кишмы и Кудьмы, ландшафтный район летописного Берёзова Поля (рис. 33). Исчезающий из обихода до середины XIV в. инвентарь, обнаружен на двадцати шести селищах, одном местонахождении, двух могильниках. На пяти селищах зафиксированы сооружения указанного временного промежутка, на двух – обнаружены отдельные ранние находки, на девятнадцати селищах и местонахождении – ранние образцы керамической посуды. Распространение сельских памятников с находками раннего инвентаря указывает на то, что уже к середине XIV в. в окрестностях Нижнего Новгорода сложилась разветвлённая сеть поселений, охватившая не только

побережья крупных и малых рек, но и водораздельные пространства. Заселение водоразделов началось вскоре после основания города – единовременно с освоением речных долин.

Сельская округа г. Нижнего Новгорода охватывала значительную территорию на Волго-Окском Правобережье ещё до середины XIV в. Её протяжённость с запада на восток составляла минимум 70 км – от берегов правобережных притоков реки Кишмы до устья реки Кудьмы. Многие из крупнейших сельских поселений эпохи Нижегородско-Суздальского княжества, как показали раскопки на поселении Бешенцево-3 и селище Ближнее Константиново-1, возникли ещё в XIII – начале XIV вв.

2.3 Столица великого Нижегородско-Суздальского княжества

2.3.1. Город на устье р. Оки во второй половине XIV в. по данным русских летописей

Основной массив сведений о г. Нижнем Новгороде второй половины XIV в. происходит из гипотетического источника конца XIV в., получившего наименование «Летописи Константиновичей» (Пудалов, 2001в. С. 34). Среди наиболее авторитетных летописей, ближайших ко времени создания и наиболее полно передающих его фрагментированный текст, выделяется свод первой половины XV в., сохранившийся в Рогожском летописце. Цикл оригинальных нижегородских известий 1352–1365 гг. содержится в Сокращённых летописных сводах 1493, 1495 гг. Отсутствующие в более ранних летописных памятниках отдельные сообщения вошли в состав Московского великокняжеского свода 1479 г. и Особую редакцию Типографской летописи первой половины XVI в.

Политическая история и административная территория Нижегородско-Суздальского княжества наиболее целостно исследованы в трудах А.Е. Преснякова (1998. С. 177–192) и В.А. Кучкина (1984. С. 206–231).

Возникновение нового великого княжения со столицей в Нижнем Новгороде было инициировано ханом Узбеком, передавшим суздальскому

князю Константину Васильевичу русские городские области в Поволжье (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 54). Это событие, по видимому, следует рассматривать в русле стремления верхушки Золотой Орды передать один из ключевых участков Волжского пути в руки правителя более зависимого от их политической воли, чем от воли московского князя – сильнейшего в Северо-Восточной Руси после разорения Тверской земли.

Положение Нижнего Новгорода на малолюдной периферии русского мира, на пограничье с землями «инородцев», обеспечение безопасности перемещения товаров и торговых операций – всё это вынуждало нижегородских князей искать влиятельных покровителей, признания на путях международных связей, «поддержки великорусской силы» (Пресняков, 1998. С. 181).

Росту известности и авторитета княжества способствовали династические браки. Константин Васильевич отдал своих дочерей за Андрея Федоровича Ростовского и Михаила Александровича Тверского, его сын Борис Константинович женился на дочери могущественного великого князя Литвы Ольгерда (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 60, 61). В 1353 г. после смерти Семеона Гордого Константин Васильевич предпринял неудачную попытку получить ярлык на Владимирское великое княжение (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 432). В 1360 г. владимирский стол по ярлыку хана Науруса ненадолго занял его сын Дмитрий (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 69). Развернувшаяся борьба с представителями московского княжеского дома вынудила Дмитрия Константиновича бежать из Владимира и уступить владимирское княжение юному Дмитрию Ивановичу московскому (ПСРЛ. Т. 25. С. 182).

Это «замиренье» нижегородского князя с Москвой, произошедшее в 1362–1363 гг., привело к активному участию москвичей в последующих нижегородских событиях. В 1366 г. союзные отношения были закреплены двумя браками. Младшую дочь Евдокию суздальский князь выдал замуж за великого московского князя (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 83), старшую Марию – за сына влиятельного московского тысяцкого Василия Вельяминова (Микулу) (ПСРЛ.

Т. 25. С. 250). В 1366 г., нижегородцам были продемонстрированы возможности нового союзника: в ответ на грабёж нижегородского торгового новгородскими ушкуйниками и убийство ими бывших в городе восточных купцов, московский князь расторг мир с Великим Новгородом (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 83).

В 1376 г. московские войска вместе с нижегородцами ходили в болгарскую землю (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 116, 117). В 1377 г. на помощь Нижнему Новгороду при известии об угрозе нашествия Арапши выдвинулась московская рать, а затем, после приведшего к Пьянскому побоищу пособничества татарам мордовских князей, отряд москвичей под командованием воеводы Фёдора Свиблы «воевал» Мордовскую землю (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 120). Разгром на реке Пьяне, последующее за ним разорение татарской конницей и пешей мордвой г. Нижнего Новгорода, что повторилось и в последующем 1378 г., заставило нижегородского князя более трезво относиться к угрозе с востока. В 1382 г., очевидно, желая избежать повторения военной катастрофы, Дмитрий Константинович отправил своих сыновей в идущее на г. Москву войско хана Токтамыша. Тогда его детям, ценой причастности к разгрому столицы Московского княжества, удалось отвести ордынскую рать от Нижегородской земли¹⁰.

Период политического союза – «единачества» – с Москвой, по наблюдениям исследователей, стал временем наивысшего подъёма Нижегородского княжества. Титул князя Дмитрия Константиновича, занимавшего в это время нижегородский стол, предполагал закрепление за ним не только гг. Суздаля и Городца, но и обширных владений в Среднем Поволжье (Макарихин, 1985). Активные колонизационные процессы, плацдармом которых в это время стал г. Нижний Новгород, подтверждаются результатами археологических исследований (см.: Грибов, 1997б. С. 107). Сам г. Нижний Новгород, получивший в середине XIV в. титул столицы одного из

¹⁰ Именно они, Семён и Василий Дмитриевичи, уговорили защитников Москвы открыть ворота крепости, после чего город был разграблен и сожжён.

великих княжений, превращается в крупный центр. Единовременно с Москвой в нём начинается монетная чеканка (Орешников, 1896. С. 203–204) и строительство каменного кремля (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 100). За два с небольшим десятилетия в Нижнем Новгороде возводятся несколько белокаменных храмов¹¹. В нём останавливаются восточные купцы (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 81) и большие, в тысячу сабель, золотоордынские посольства (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 106). В 1374–1375 гг. в город на окском устье переносится епископия, а епископом гг. Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца становится игумен нижегородского Печёрского монастыря Дионисий (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 105). Косвенные данные летописных сообщений и материалы раскопок свидетельствуют о работе в городе ремесленников широкого круга специальностей (Сахаров, 1959. С. 66–69). При описании событий 1377 г. летописец упоминает о разорении тридцати двух нижегородских церквей, их количество уже само по себе может служить мерой величины и многолюдности города в это время.

Сожжение г. Нижнего Новгорода отрядом Мамаю и мордвой сразу после Пьянского побоища 5 августа 1377 г. стало первой катастрофой, негативные последствия которой имели, вероятно, длительный и системный характер (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 119). Гибель нижегородского войска на р. Пьяне повлекла за собой повторное разорение г. Нижнего Новгорода и его окрестностей в 1378 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 133). Трагические события этих двух лет были столь значительны, что пережившая лихолетье великокняжеская столица перестала быть привлекательной для торговых людей. Это важнейшее для её последующей судьбы изменение косвенно отражено в Особой редакции Типографской летописи – в рассказе о самом известном и богатом нижегородском купце Тарасии Петрове, перебравшимся в г. Москву после «запустения Новгорода от татар» (Насонов, 1958. С. 247). Вместе с тем, разрозненные летописные известия последних двух десятилетий XIV в.

¹¹ Спасо-Преображенский (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 60), Михайло-Архангельский (ПСРЛ. Т. 27. С. 241, 326) соборы, церковь Святого Николая Чудотворца (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 97).

свидетельствуют о том, что после катастрофы 1377–1378 гг. жизнь города на устье р. Оки не прерывалась на неопределённо длительный срок.

Кончина князя Дмитрия Константиновича (1383 г. – 6891 г.), более полутора десятка лет занимавшего нижегородский стол, положила начало борьбе за великое нижегородское княжение между его младшим братом, Борисом Константиновичем городецким, и его сыновьями – Василием (Кирдяпой) и Семёном Дмитриевичами. Через пять лет после тотального разорения, г. Нижний Новгород снова попадает в эпицентр политических событий. Это противостояние завершилось вмешательством третьей силы в лице сына Дмитрия Донского, великого князя Василия Дмитриевича московского. В 1392 г. он получил ханский ярлык на г. Нижний Новгород, при поддержке ордынского посольства сместил с нижегородского стола Бориса Константиновича и посадил в городе своих наместников (ПСРЛ. Т. 15. С. 162–163). Верхи нижегородского боярства, как и в 1343 г., оказали поддержку представителю московской династии. Развитие местного общества, реализация очевидной для него значимости географического положения города, очевидно, требовали привлечения более сильных покровителей, чем те, кем являлись наследные владельцы земель Суздальского Ополя.

При описании обстоятельств событий 1392 г., летописец отмечает присутствие в г. Нижнем Новгороде княжеской дружины, бояр, наличие церковных колоколов, что можно рассматривать в качестве косвенного указания о возрождении города к началу 90-х гг. XIV в.

2.3.2. Городское пространство на пике своего развития

По косвенным данным летописных известий, время наивысшего развития г. Нижнего Новгорода, его политического влияния и, вероятно, его средневековой застройки, скорее всего, было ограничено 1350–1377 гг. – промежутком от переноса в город стола суздальского княжения до Пьянского побоища. Этот хронологический отрезок лежит на пересечении временных рамок двух периодов относительной стабильности местных керамических наборов. Соответствующие им комплексы и отдельные диагностирующие

находки покрывают всю «интегральную» территорию города средневекового времени второй четверти XIII – начала XV вв. (рис. 5).

Наиболее очевидные следы освоения середины XIV – начала XV вв. представляют собой находки фрагментов кашинных поливных сосудов восточной работы, удельные и золотоордынские монеты. Связанные с ними комплексы встречены на всех раскопах в Нижегородском кремле. Существование нижегородского посада во второй половине XIV в., в исторических трудах, как правило, не подвергается сомнению (см., например: Сахаров, 1959. С. 68). Однако, упоминания о нём не сохранил ни один известный письменный источник. Вместе с тем, следы средневекового освоения в виде котлованов построек или разрозненных осколков средневековой керамики середины XIV – начала XV вв., присутствуют во всех основных планиграфически выделенных частях нижегородских посадов начала XVII в. Поэтому расположение и наименование последних могли сохраниться ещё со средневековой поры (см.: Николаенко, 2006. С. 328).

Освоенная до XV в. расчленённая оврагами территория Верхнего посада охватывала верхние площадки и пологие склоны широких гребней между отвершками нескольких овражных систем (рис. 5). Расположение овражных отвершков определяло направления основных векторов городской планировки. Вдоль одного из них – от волжского откоса до правого берега Почаинского оврага – застройка широким полукольцом охватывала детинец, ограничиваясь дугой Нового острога. Второй вектор определял сосредоточение застройки в направлении истока Почаинского оврага по обоим его берегам. Третий вектор имел юго-восточную ориентировку: он направлен от узкой седловины локального водораздела в районе Дмитриевской башни кремля в сторону резкого изгиба основного русла Ковалихинского оврага. Два последних направления совпадают с трассировкой важнейших магистральных дорог XVIII–XIX вв. Одна из них связывала г. Нижний Новгород с гг. Муромом, Владимиром и Москвой, другая – с г. Казанью.

Наиболее плотно в средневековье была освоена ближайшая к детинцу территория Нового острога. Это обстоятельство позволяет предположить и средневековый возраст связанного с ним оборонительного сооружения. Косвенное указание на это содержится в Писцовой книге 20-х гг. XVII в., где сообщается, что Новый острог был «поставлен ново по старинной осыпи», то есть, по месту более ранних укреплений (Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 78). Намёк на возобновление в начале XVII в. старинной оборонительной линии присутствует и в Нижегородском летописце, сообщающем о деятельности князя Б.М. Лыкова, который «...острог и башни вновь поставил...» (Полная редакция Нижегородского летописца..., 2006. С. 158). Несколько строительных периодов в сохранившейся части насыпи вала Нового острога зафиксированы И.В. Ануфриевой (2007 г.) при изучении его стратиграфических разрезов. Возможно, начало строительства именно этой линии посадских укреплений отмечено в статье 1363 г. (6871 г.) Рогожского летописца (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 74).

Застройка территории Большого острога – пространства между линиями Большого и Нового острогами, – как и в начале XVII в., носила более разреженный характер. Селитебные места здесь тяготели к району Покровской церкви, известной с начала XVII в. (Смирнова, Званцева, 1991. С. 50). На Ильинской горе, как и на всём Почаинском левобережье, основные освоенные участки примыкали к бровкам обрывистых возвышенных берегов рек Оки и Почайны. По обоим направлениям от северо-восточного мыса Ильинской горы распространение средневековой керамики прослежено на протяжении около 700 м.

За пределами Верхнего посада XVII в., за чертой Большого острога, выявлен единственный локальный участок с находками средневековых материалов – в переулке Ткачёва. Скорее всего, он связан с отдельным поселением, возникшим здесь, в ближайших окрестностях средневекового города, у начала сухопутной дороги в Орду (в 1,1 км от детинца), ещё во второй половине XIII – XIV вв.

О существовании средневековой застройки в черте Нижнего посада косвенно свидетельствуют разрозненные археологические находки, собранные при обследовании небольшого числа строительных участков, и одно летописное сообщение. Здесь, на Подоле, между линией уреза речной воды и подошвой берегового откоса, область распространения средневековой керамики вытянута вдоль берега почти на 2 км – от подножия Георгиевской горы до Благовещенского монастыря. Вывод об активном освоении этого прибрежного района, вхождении его в городскую территорию, по крайней мере, во второй половине XIV в., следует из ретроспективного прочтения известий о нижегородском торге и церкви Святого Николы. В Писцовой книге 20-х гг. XVII в. их местоположение соотнесено с территорией Нижнего посада и берегом р. Почайны (Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 38, 211, 217, 220, 224). Под 1513 г. (7028 г.) в Нижегородском летописце упоминается пожар, в котором сгорела церковь Николы Чудотворца, расположенная, по контексту сообщения, на Нижнем посаде. В летописном известии 1469 г. (6977 г.) в Нижнем Новгороде упоминается церковь Николы Чудотворца на Бечеве (то есть, стоящая непосредственно на речном берегу: ПСРЛ. Т. 25. С. 282), а в ещё более раннем известии Рогожского летописца 1371 г. (6879 г.) отмечено строительство каменной церкви Святого Николы (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 97). Местоположение последней в более пространным сообщении Особой редакции Типографской летописи (под 6874 г.) напрямую соотнесено с р. Почайной (Насонов, 1958. С. 247). Опираясь на данную запись и присущую церковным традициям консервативность, можно ожидать, что во всех этих пяти источниках упоминается одна и та же нижегородская церковь, отстроенная в камне ещё во время правления нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Вряд ли с этого времени поменялось и место нижегородского торгового приуроченного к волжскому берегу. Впервые он упоминается без какой-либо топопривязки в летописном известии 1343 г. (6851 г.) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 55).

Изученные площадки со следами средневековой застройки тяготеют к местам расположения приходских церквей, которые известны по документам писцового делопроизводства XVII в. Количество последних вместе с соборами и монастырскими храмами удивительным образом совпадает с общим числом нижегородских храмов, сгоревших при тотальном разорении города 1377 г. Раскопки, проведённые в районе одной из них, у церкви Святых чудотворцев Афанасия и Кирилла Александрийских, показали, что обнаруженное при ней кладбище функционировало в промежутке от рубежа XIV–XV вв. до 30-х гг. XV в. (Грибов, 2018а. С. 226, 227). В 1512 г. эту церковь поставили «...нову на старом месте...» среди существующей дворовой застройки (Акты служилых землевладельцев..., 2002. С. 283. № 344). Результаты раскопок вблизи центра другого прихода – при церкви Николы Шухобольского – выявили крайнюю разреженность средневековых сооружений на месте храма XVIII в. и связанного с ним приходского кладбища XVI–XVIII вв. Все эти наблюдения позволяют предположить, что система приходов на посаде г. Нижнего Новгорода, как и в некоторых других городах (например, в г. Коломне, см.: Мазуров, 2003. С. 90), скорее всего, начинает складываться ещё до рубежа XIV–XV вв. В этой связи, можно ожидать, что большинство старейших нижегородских храмов из упомянутых в Писцовой книге начала XVII в., отмечают опорные точки системы планировки средневекового города.

Сопоставляя ареалы распространения отдельных находок, датируемых до середины XIV в., и средневековых комплексов более широкого хронологического диапазона (XIII – начала XV вв.), можно заметить, что во второй половине XIV в. происходило не столько расширение городской территории, направленное на освоение всё более отдалённых от городского центра районов, сколько увеличение интенсивности освоения и степени заселённости тех мест, где застройка появилась ещё в предшествующий период.

Выяснение пространства средневекового города затрудняет отсутствие чётких представлений о топографии посадских укреплений этого времени,

неясность в принадлежности к городу отдельных периферийных застроенных участков. Существует и методическая неопределённость: по какому критерию следует оценивать городскую территорию? Определение её положения и размеров можно как по области распространения средневекового инвентаря (преимущественно, керамики), так и по ареалу следов застройки (в виде котлованов построек). Измерения показали, что разница между результатами, полученными при использовании обоих критериев (90 и 120 га) несущественна для общей оценки масштаба территории средневекового г. Нижнего Новгорода.

Определённые по области распространения средневековых находок размеры многих русских городов рубежа XIV–XV вв. близки к 100 га. По этому показателю г. Нижний Новгород напоминает г. Москву (около 80 га (Бойцов, 1992. Рис. 3), г. Тверь (79–91 га: кремль 19 га (Рикман, 1953. С. 39) + посад 60–72 га (Лапшин, 2009. С. 196)), г. Переяславль Рязанский (116 га (Судаков, Буланкин, 2005. С. 251, рис.6)), г. Кострому (около 100 га (Алексеев, Комаров, Леонтьев..., 1997. С. 207)), заметно превосходя г. Суздаль (около 57 га (Седова, 1997. С. 59, 60)).

При сравнении пространства городской застройки по данным из Писцовой книги 20-х гг. XVII в. и результатам картирования следов средневекового освоения городской территории, напрашивается вывод о близком соответствии размеров средневекового города (накануне катастрофы 1377 г.) суммарной площади, застроенной в начале XVII в. Учитывая сходную интенсивность (встречаемость на раскопах) сооружений XIII–XIV вв. и XVI–XVII вв., сходный характер освоения городской территории в эти два различных периода, есть основания полагать, что во время наивысшего подъёма средневекового Нижнего Новгорода и в начале XVII в. общая численность его городских дворов в пределах периметра Большого острога, как и суммарная численность их владельцев и обитателей, вероятно, были сопоставимы.

2.4. Нижегородские земли в удельный период

2.4.1 Городская округа: география расселения и административно-территориальная структура

К рубежу XIV–XV вв. территория административного подчинения Нижнего Новгорода начиналась вблизи устья р. Лух – на западе и заканчивалась на правом берегу р. Суры – на востоке (Кучкин, 1984. С. 215–217, 228, 229). Основной массив нижегородских земель занимал северо-западную периферию Приволжской возвышенности в междуречье рек Волги, Оки и Суры (рис. 34). Ограничимся рассмотрением именно этой обширной области на плато Волго-Окского Правобережья, связанной с тремя нижегородскими наместничествами – нижегородским, лысковским и курмышским (Чеченков, 2004а. С. 17). Её протяжённость в широтном направлении около 200 км – от устья р. Кишмы на западе до устья р. Суры на востоке. С северной стороны вдоль долин Оки и Волги её обрамляет высокий уступ Мстёрско-Козьмодемьяновской гряды.

Освоение выходцами из староосвоенных древнерусских земель этого района, тяготеющего к устью р. Оки, началось, скорее всего, не ранее появления Нижнего Новгорода. Нижняя граница датировки известных здесь памятников, удалённых от города не более, чем на 40 км, не выходит за пределы XIII в. Нижегородская сельская округа складывалась по мере развития средневекового города. По культурным особенностям памятников и плотности их расположения она неоднородна: в ней выделяются два района – центральный и периферийный.

Центральный район – летописное Берёзово Поле (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 134) – географически замыкается естественными рубежами одного природно-территориального комплекса, включающего в себя и территорию самого Нижнего Новгорода (Харитонычев, 1978. С. 158–163). Его земли, вошедшие в нижегородское наместничество, занимают междуречье рек Оки, Волги, Кудьмы и Кишмы, площадью около 1200 кв.км. Вдоль долин Оки и Волги (с запада на восток) район вытянут на 90 км. В противоположном направлении

его протяжённость меняется от 5 до 25 км. В XIII – XIV вв. эта территория была наиболее плотно заселена. В ландшафтном отношении это возвышенный водораздельный участок полого-волнистой равнины, рассечённый врезками малых рек и отвершками многочисленных оврагов на платообразные останцы. Почвенный покров представлен светло-серыми лесными почвами, развитыми на бурых четвертичных лёссовидных суглинках. Залесённость района, по картам Генерального межевания, уже во второй половине XVIII в. не превышала 35%, так как на протяжении последних 300–400 лет здесь регулярно и почти повсеместно, за исключением овражных склонов и заболоченных пойм, проводилась распашка (Харитонычев, 1978. С. 159).

Как уже отмечалось, междуречье рек Оки, Волги, Кудьмы и Кишмы относится к наиболее археологически изученным участкам Нижегородского Поволжья. Кроме двух грунтовых могильников здесь известно 170 русских селищ XIII – начала XV вв. Они достаточно равномерно распределены по территории Березополья, занимая участки в поймах больших и малых рек, разноуровневые прибрежные террасы, площадки, примыкающие к балкам, на приводораздельных склонах. Заселение водоразделов в окрестностях города происходило единовременно с освоением речных долин. В структуре расселения проявляется иерархичность: основная масса небольших селищ концентрируется вблизи крупных (см.: Грибов, 2000. С. 48, рис. 2). Каркас местной поселенческой структуры состоял из трёх десятков крупных поселений, площадью свыше 1 га. Около половины из них (17 поселений) запустели и были оставлены в конце XIV – первой половине XV вв., на подавляющем большинстве остальных жизнь возобновилась только в XVI–XVII вв.

Периферийный район Нижегородской округи начинается на правом берегу р. Кудьмы, охватывая бассейн р. Сундовик, левобережье р. Суры и берега её притоков – рек Имзы и Урги (рис. 7). Удалённость его юго-восточной периферии от города – 200–250 км. Отличительными чертами района являются: 1) преимущественно анклавный характер расселения –

русские поселения располагались здесь чересполосно с мордовскими; 2) культурные особенности местных памятников. Последние проявляются в заметном присутствии образцов «гибридной» керамики – сосудов с профилировкой русских горшков XIII–XIV вв. и формовочной массой с нетипичными для русской гончарной традиции отощителями – шамотом и дроблёной раковиной (Грибов, 2019б). Ещё одной особенностью местных памятников является их достаточно позднее появление – не ранее середины – второй половины XIV в., что хорошо согласуется с письменными источниками.

Первые письменные свидетельства о стремлении нижегородцев прирастить освоенную территорию за чертой летописного Берёзова Поля – в сторону владений мордвы, датируются 50-ми – 60-ми гг. XIV в. В это время наиболее знатный и богатый нижегородский купец Тарасий Петров выкупил у какого-то местного, вероятно, мордовского, князя земли на берегах реки Сундовик, в области будущего лысковского наместничества, в 70 км к юго-востоку от г. Нижнего Новгорода, и основал здесь шесть сёл (Насонов, 1958. С. 247). Эти сёла, благодаря приведённым в источнике названиям, могут быть соотнесены с существующими населёнными пунктами. Три из них (Мунарь, Городище и Салово) удалось локализовать археологически (Николаенко, 2015. С. 257, 258, 351).

Всего на берегах Сундовика известно девять русских памятников, которые остаются пока очень плохо исследованными. Их размеры, как правило, незначительны (до 1 га). Среди собранных образцов посудной керамики отмечены обломки гончарных изделий с примесью дроблёной раковины и шамота – характерных для памятников Нижнего Посурья.

Первое летописное известие об освоении земель, удалённого курмышского наместничества, датировано 1372 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 100). В нём сообщается о заложении города Курмыш на Суре. Земли Посурья, удалённые к юго-востоку от окского устья на 200 км, располагались на восточной периферии владений нижегородских князей.

2.4.2. Нижегородское село

Представление о нижегородском селе центрального района Нижегородской области времени Нижегородско-Суздальского княжества можно получить по материалам раскопок двух памятников, расположенных в 11–15 км от г. Нижнего Новгорода, служивших центрами сосредоточения ближайших к городу малодворных поселений. Это селище Ближнее Константиново-1 и поселение Бешенцево-3 (Грибов, 2007б, 2008а). По находкам предметов восточного импорта, монет, элементов снаряжения всадника и верхового коня, костей рыб ценных промысловых пород, следов частокольных оград, по своему археологическому облику, эти объекты напоминают богатые городские усадьбы.

Наиболее изученным является селище Ближнее Константиново-1. Памятник обнаружен автором в 1994 г. В 1995–1998, 2000–2003, 2021 гг. раскопана центральная часть поселения, площадью 1651 кв.м. Селище располагается в 11 км к югу от Нижнего Новгорода. Оно занимает наклонную площадку приводораздельного склона на правом берегу балки, устье которой на удалении 150–200 м от памятника выходит в узкую пойму ручья – одного из истоков малого правобережного волжского притока р. Рахмы (рис. 35). Высота площадки над уровнем поймы 12–23 м, площадь – 1,8 га.

Культурный слой памятника мощностью около 30 см почти повсеместно переотложен распашкой. В непо потревоженном виде культурные отложения сохранились на локальном участке делеобразного понижения и в качестве грунта заполнения материковых ям. Время существования поселения определено в пределах конца XIII – начала XV вв. О его особом социальном статусе свидетельствуют особенности планировки, характер построек, специфический набор инвентаря, результаты палеоландшафтных, комплексных палеозоологических и палеоботанических исследований.

Ядром планировочной структуры служила очерченная частоколом усадьба, состоящая из совокупности жилых, хозяйственных и производственных сооружений. По смене частокольных оград выделено

несколько этапов развития усадебного комплекса. На трёх (сменивших одна другую) линиях восточных частокольных оград зафиксированы следы въездных ворот в виде обширных столбовых ям, отрытых для установки верейных столбов (рис. 36А, 36Б).

На памятнике исследованы остатки более чем двух десятков различных сооружений. Специфику местных домостроительных традиций определяют наземные жилые срубы с подпольными или подпечными ямами, которые отапливались глинобитными печами. В плане выявления социальной иерархии местных насельников наиболее показательны остатки двух жилых строений, размеры которых надёжно устанавливаются благодаря сохранившимся следам фундаментных конструкций (рис. 36В). Одно из них (дом на «подкладках»), очевидно, являлось главным жилым сооружением усадьбы (рис. 36В, 2). Его можно охарактеризовать как большой наземный дом хоромного типа, площадью около 150 кв.м. Два его почти равновеликих (56 и 79 кв.м) отапливаемых глинобитными печами помещения разделялись капитальной стеной. К меньшему из них примыкали небольшие (около 18 кв.м) холодные сени, вероятно, соединённые с крыльцом – галереей. Находки, связанные с данным сооружением, помимо обычных бытовых предметов представлены фрагментами парадной восточной поливной керамики, осколками стеклянного сосуда, серебряной монетой, бронзовой поясной накладкой, фрагментами стеклянных браслетов. Данное строение предположительно можно интерпретировать как дом владельца усадьбы или его заместника. В планировочной схеме поселения оно занимало особое положение. Постройка стояла на берегу пруда, устроенном в расширении балки, которая ограничивала территорию поселения с западной стороны. С трёх других направлений прилегающую к ней территорию очерчивала частокольная ограда, которая по мере укрупнения усадьбы постепенно переносилась всё дальше и дальше от её стен.

Другое строение с определимыми размерами представляло собой небольшой жилой сруб, поставленный на пологом склоне небольшой

ложбины (рис. 36В, 1). Углы жилой клетки покоились на торцах массивных брёвен, вертикально врытых в грунт. Расположение связанных с ними столбовых ям позволяет определить размеры постройки в пределах 4х4 м. Жилище отапливалось одной глинобитной печью, сооружённой над небольшой подпечной ямой, откопанной в юго-восточном углу сруба. Находки, обнаруженные в её заполнении, представлены только железным ножом, ключом от цилиндрического замка и керамикой. Это и некоторые другие сооружения, очевидно, принадлежали, в той или иной мере, зависимому населению. Их отличают небольшие размеры подпольных ям, скудный ассортимент инвентаря, отсутствие следов фундаментных конструкций.

Среди раскопанных сооружений выделяется яма, которую по находкам фрагментов железного пластинчатого доспеха, боевому ножу, бронзовой с посеребрением ременной бляхе, монетам, можно связать с подпольем жилища «военного слуги». Военское присутствие на поселении отчётливо проявляется в составе вещевой коллекции. Кроме наконечников стрел, фрагментов пластинчатых доспехов, она включает в себя стремя, кольчатые и со стержневидными псалиями удила, фрагмент колёсиковой шпоры, разнообразные элементы бронзовой и железной поясной гарнитуры (рис. 38, 7–10).

С другой жилой постройкой связаны находки инструментов (зубил, пробойников), железных заготовок, фрагментов криц. Местный кузнец, которому, вероятно, она принадлежала, материал для своих изделий (кричное железо) получал из болотной руды в небольшой печи-домнице.

Отличительной чертой памятника является находки монет (рис. 37Б) и большое количество импортов восточного происхождения (рис. 39). Парадная художественная керамика представлена 67 фрагментами минимум от 13 различных сосудов. Среди них – осколки кашинной чаши, расписанной кобальтом и люстром в традициях гончарных мастерских Ирана ильханской эпохи, многочисленные фрагменты кашинных сосудов с полихромной

подглазурной росписью, близких к изделиям гончарных мастерских Ирана и Хорезма, фрагменты керамики, изготовленной путём тиснения в «кальпах», осколки полумайолики, среди которой встречен фрагмент ручки кувшина из Дунайской Болгарии (рис. 39, 23). Неполивная привозная посуда представлена 15 фрагментами причерноморской амфорной тары (группы «трапезунд», минимум от трёх сосудов), многочисленными фрагментами краснолощёной золотоордынской керамики (1,2% в составе керамического комплекса). Набор привозных изделий включает в себя стеклянные пастовые бирюзовые и чёрные перстни, зонные глазчатые и биконические бирюзовые пастовые бусы, фрагмент стеклянного сосуда с инкрустацией накладными нитями, бронзовые ключ и различные части от зооморфных болгарских замков, единичные осколки чугунных котлов и бронзовых зеркал, бронзовые поясные накладки с изображением дракона.

О господствующем положении христианского мировоззрения значительной части местных жителей свидетельствуют находки нательных крестов, бронзовые иконки-подвески (рис. 38, 1–6). Обнаружение крупных фрагментов колокольной бронзы позволяет предполагать существование на поселении церковного строения (рис. 38, 8).

Исключительная роль земледелия в местном хозяйстве стала очевидной в результате комплексного изучения палеоботанических и палеозоологических материалов (Антипина, Лебедева, 2005. С. 75, 76). Главными аргументами в пользу такого заключения стали необычайно высокая насыщенность заполнений материковых ям зернами ржи (86,1% от 469 зёрен и семян культурных растений из 9 проб), колосовыми фрагментами, оставшимися от её обмолота, и явно подсобный второстепенный характер местного скотоводства (рис. 37А). Реконструкция модели местной экономики, построенная на изучении экофактов, указывает, скорее, на товарный характер зернового производства, чем на его преимущественно местное потребление.

Связь изучаемого поселения с представителями социальной верхушки прослежена по составу костных остатков рыб (Грибов, Цепкин, 2004. С. 83, 84). Среди 14 определённых видов определены такие ценные породы как осетр, севрюга, белуга, судак, жерех, которые могли быть только специально доставлены на поселение либо с нижегородского торгового пункта, либо непосредственно с рыболовных угодий. Доля костей рыб таких пород составляет более 35% от общего числа 388 определённых рыбных костей.

По совокупности признаков селище Ближнее Константиново-1 можно охарактеризовать как одно из нижегородских владельческих сёл. Оно заустевает вблизи рубежа XIV–XV вв. Новый этап освоения связанной с ним местности начинается не ранее XVI в., когда в непосредственной близости от него, но на противоположном берегу балки, появляется село Константиново, отмеченное на первом плане Нижегородского уезда 1735 г. (рис. 35А) и маркированное селищем Ближнее Константиново-2 (рис. 35Б).

2.4.3. Восточная периферия владений нижегородских князей

В левобережной части Посурья во второй половине XIV – начале XV вв. письменные источники указывают три пункта, входивших во владения нижегородских князей. Это Сара Великая, Кишь и г. Курмыш. В настоящее время их местоположение намечено археологическими изысканиями.

Районы Сара и Кишь, расположенные, вероятно, по сурским притокам – малым рекам Большая Сарка и Кишь – обозначены в летописной статье 1364 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 76). Вторично, заселённая область Кишь упомянута в сообщении 1375 г., когда «...Татарове изъ Мамаевы Орды...», когда они «...взяша Кишь и огнемъ пожгоша и боярина убиша Парфения Феодорович[а]» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 109), а Сара Великая – в статье о разорении Посурья Едигеем в 1408–1409 гг. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 484).

С остатками летописной Сары Великой можно связать селище Сара-5 второй половины XIV – первой половины XV вв., обнаруженное в 2018 г. в центральной части села Сара Ульяновской области (Вязов, Мясников, Петрова и др., 2018. С. 51). Находки представлены монетами Золотой Орды,

образцами русской средневековой, краснолощёной золотоордынской и лепной мордовской керамики.

На устье реки Кишь, в центральной части современного села Мурзицы Сеченовского района Нижегородской области, в 2008 г. обнаружено большое поселение Мурзицы-1, которое по находкам инвентаря XIV в. можно предположительно соотнести с разорённой в 1375 г. резиденцией нижегородских князей (Грибов, Ахметгалин, 2013). Поселение занимает участок береговой террасы левого коренного берега р. Суры между устьями р. Кишь и ещё одной безымянной реки. Площадь памятника – около 16,5 га.

Окрестности г. Курмыш в настоящее время археологически обследованы лучше двух обозначенных выше заселённых районов. Известие о строительстве этого города в наиболее аутентичном с его упоминанием летописном источнике – Рогожском летописце, датируется 1372 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 100). Первая попытка локализации средневековой крепости в черте посёлка Курмыш Пильнинского района Нижегородской области была предпринята И.А. Кирьяновым в 1948 г. (1961. С. 71–77). Границы памятника определены при шурфовочных работах И.А. Очеретиным (см.: Очеретин, 1994). По размерам (7000 кв.м) городище напоминает укреплённую феодальную усадьбу.

В 1984 г. в 2,5–3,5 км к северо-западу от современного посёлка Курмыш М.Г. Жилин обнаружил компактное скопление небольших средневековых поселений. При повторном обследовании района их расположения (2007 г.) выяснилось, что зафиксированные в 1984 г. селища представляют собой локальные участки одного большого поселения, обозначенного разделёнными узкой протокой памятниками – селищем Курмыш-2 и поселением Курмыш-4, общей площадью 25,6 га (Грибов, 2018б).

Площадка преобладающего по размерам поселения Курмыш-4 вытянута на 1200 м вдоль кромки первой надпойменной террасы левого берега Суры (рис. 40, 2). Северо-западная периферия поселения выходит на берег

протяжённой старицы, которая, ещё в 40-х гг. XX в. была участком русла реки Суры.

От единовременных нижегородских селищ поселение Курмыш-4 отличается необычным составом керамического комплекса (рис. 41). Доминируют (50,5%) обломки гончарной керамики с примесью дроблённой раковины, изготовленной, за исключением рецептуры теста, в полном соответствии с традициями русского средневекового гончарства эпохи Золотой Орды (Грибов, 2019б). Второй по численности является обычная для нижегородских памятников русская средневековая посуда с примесью песка или дресвы (29,7%) с венчиками, характерными для середины XIV – начала XV вв. Влияние русских традиций в формообразовании сосудов прослеживается и в профилировке круговых изделий с примесью шамота в тесте (9,2%). К более редким разновидностям относятся фрагменты лепных сосудов с примесью шамота (7,7%) и продукция ремесленных центров Золотой Орды, представленная краснолощёными изделиями (2,2%).

К вещам, указывающим на православное вероисповедание, по крайней мере, части местных насельников, относятся предметы личного благочестия. Это четыре бронзовых нательных креста и двухсторонняя свинцово-оловянистая иконка-привеска с изображением Святого Николая Чудотворца (рис. 42, 1–4, б).

Значительную часть коллекции образуют предметы восточного импорта. Преобладают фрагменты чугунных котлов (81 находка), среди которых встречено 19 венчиков и четыре фрагмента стенок со следами ремонта (рис. 43, 10–21). По количеству обломков чугунных сосудов поселение Курмыш-4 в настоящее время лидирует среди поселений русских земель, опережая по этому показателю периферийные памятники юго-восточных окраин, где в контактной зоне с кочевым миром отлитые из чугуна ёмкости имели заметное распространение (Гоняный, 2005. С. 157, рис. 43). Круг предметов, характерных для поволжских центров Золотой Орды, включает в себя бронзовые накладки, дужку от зооморфного болгарского замка, венчик сосуда

из цветного стекла, три фрагмента поливной кашинной посуды (рис. 42). К привозным изделиям восточного происхождения относится бронзовая муфта от футляра ножа с клеймом в виде арабской надписи («бек») (рис. 42, 9).

Нумизматические находки представлены девятью золотоордынскими монетами – тремя медными пулами и шестью серебряными дангами (рис. 42, 12–18). Время археологизации монет датируется промежутком – от конца 50-х гг. XIV в. до рубежа первых двух десятилетий XV в.

Среди находок присутствуют предметы, связанные с различными производствами. С получением и обработкой железа связаны массовые находки фрагментов криц и крицеобразных шлаков, железный пробойник (рис. 43, 1). Следы бронзолитейного производства представлены фрагментами тиглей, обломками литейных форм для отливки перстней, литниками, слитками бронзы, бронзовой проволокой (рис. 43, 3–7). Одно из направлений местной хозяйственной деятельности связано с земледелием, на что указывают находки серпа и двух железных сошников (рис. 43, 8, 9).

Получить представление о месте памятника в системе землевладения помогает сведения из жалованной грамоты 1393 г. (АСЭИ. Т. 3. С. 321). Согласно документу весь участок левобережья р. Суры от её устья до устья реки Курмышки (у городища Курмыш) входил во владения нижегородского князя Бориса Константиновича.

Поселенческая агломерация, состоящая из городища Курмыш – сравнительно небольшой крепости, и крупного неукреплённого поселения, представленного селищем Курмыш-2 и поселением Курмыш-4, во времена Бориса Константиновича, возможно, являлась одним из передовых населённых мест на восточном рубеже поволжских земель, входивших в юрисдикцию нижегородских князей. Её появление за сравнительно короткий срок в слабо обжитом районе было бы невозможно без административного вмешательства в процесс освоения посурских земель. Нехватка рабочих рук, дефицит квалифицированных мастеров-ремесленников на малолюдном восточном пограничье нижегородский князь, очевидно, восполнил выходцами

из Золотой Орды, которые составили костяк местного населения. О случае заселения восточных районов Нижегородского княжества в 60-х гг. XIV в. пленными, выкупленными в Орде, сообщает Особая редакция Типографской летописи (Насонов, 1958. С. 247).

Поселенческая агломерация, связанная с городищем Курмыш, обнаруживает ряд городских признаков. К ним относятся: наличие сравнительно небольшой по размерам (около 7000 кв.м) укрепленной части – автономной и удаленной от основной селитебной территории, большие размеры, следы разнообразной производственной деятельности, полиэтничный состав жителей, расположение на берегу большой реки, одного из наиболее значимых волжских притоков. Крупный поселенческий центр на Суре, скорее всего, был разорён и прекратил своё существование во время нашествия Едигея зимой 1408–1409 гг. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 484). Оставшиеся от него археологические памятники фиксируют начальную стадию урбанизационного процесса на восточной периферии нижегородских земель, трагически прерванного в силу исторических обстоятельств в самом начале XV века.

2.5. Экономические предпосылки развития Нижнего Новгорода

2.5.1. Природные и демографические ресурсы, главные отрасли производящей экономики

Освоенные русскими поселенцами в XIII–XIV вв. земли в окрестностях г. Нижнего Новгорода, в целом, нельзя отнести к плодородным. Центральный район Нижегородской округи (район Берёзова Поля) перекрыт преимущественно светло-серыми лесными почвами. Более пригодные для земледелия, с большим содержанием плодородного гумуса серые лесные почвы распространены к востоку от города в бассейне Сундовика, а компактные чернозёмные участки встречаются только в Посурье, на значительном удалении от рек Оки и Волги (см. рис. 25). По результатам анализа губернского статистического материала, во второй половине XIX в.

население Нижегородского края даже в урожайный год не было способно прокормить себя собственным выращенным хлебом (Действия..., 1903. С. 74), а по данным ведомостей XVIII в. урожайность хлебов в Нижегородском уезде в самый урожайный 1768 г. не превышала сам-2 (Прохоров, 1995. С. 29).

Главные ресурсы региона, помимо лесных угодий, очевидно, были сосредоточены в реках. Местный рыболовный промысел занимал заметное место не только в сфере натурального хозяйства, но и в других структурных единицах местной экономики – в феодальной вотчине и городском хозяйстве (Грибов, Цепкин, 2004. С. 85). Древнейшее известие о рыбных ловлях в окрестностях г. Нижнего Новгорода – на Оке у Дудина монастыря – относится ко времени правления первого великого князя Нижегородско-Суздальского княжества Константина Васильевича (АСЭИ. Т. 3. № 298. С. 326.). Во второй половине XIV в. значительная часть рыболовных угодий в окрестностях города находилась, вероятно, в распоряжении нижегородских князей. Однако организация местного рыболовного промысла не была исключительно великокняжеской привилегией. Среди актового материала имеется свидетельство о частном владении «водами» на Волге неким Семёном Разнежским (АФЗХ. Ч. 1. № 236. С. 206). Значительная часть нижегородских промысловых мест в период «столичности» Нижнего Новгорода перешли во владение к нижегородским монастырям. Среди них по протяжённости рыболовных угодий лидировал Спасо-Благовещенский монастырь, к концу XV в. его «воды» простирались вдоль берегов Волги и Оки более чем на 90 км (Грибов, Цепкин, 2004. С. 86, 87).

Значительная доля местного улова, очевидно, вывозилась в другие княжества. Крупными рыболовными угодьями в окрестностях Нижнего Новгорода располагали московские Симонов и Троице-Сергиев монастыри. Уже во второй половине XIV в., судя по упоминанию принадлежности Дмитрию Донскому «Еллинских вод» под Нижнем Новгородом (АСЭИ. Т. 2. № 339. С. 337), нижегородская рыба поступала в столицу Московского княжества.

Рыболовные угодья в «водах», тянущих к Нижнему Новгороду, как следует из свода сохранившихся актов, располагались исключительно в долинах больших и наиболее протяжённых рек края – Оки, Волги и Суры, в их поймах – по берегам старичных озёр, проток, мелких рек и заводей. География местных рыболовных промыслов соответствует положению и форме лентообразного ареала средневекового расселения в округе Нижнего Новгорода. Это указывает на то, что главной стратегией расселения было освоение земель вдоль крупнейших водных артерий края, аккумулировавших в себе его главные рыбные ресурсы, а не тех плодородных участков к югу от Волги и Оки, наиболее пригодных для занятия земледелием.

Отмеченная особенность хозяйственного освоения нижегородских земель в рассматриваемый период была свойственна и для других областей со скудными «резервами плодородия». Так, ещё С.Б. Веселовский применительно к округе г. Москвы XV в. отмечал, что «...и симоновы старцы, и Минины, и Бутурлины не вели в своих владениях никакого земледельческого хозяйства: вся их деятельность выражалась в эксплуатации природных богатств самыми примитивными способами – в бортном пчеловодстве, ловле рыбы...и охоте на зверя и птицу» (2002. С. 19).

Для экономики края рыболовный промысел, скорее всего, обеспечивал значительную часть совокупного рациона. Последствиями сбоев в отлаженной системе рыболовного промысла, которые могли возникнуть при систематическом разорении нижегородских земель вблизи рубежа XIV – XV вв., можно объяснить страшный голод 1422 г., когда цены на хлеб на местном рынке подскочили до рекордной, по сравнению с другими городами, величины и нижегородцы «...ядяху траву и тину, и дерево гнилое, и мертвечину» (ПСРЛ. Т. 25. С. 245).

Демографические ресурсы земель средневекового Нижнего Новгорода, скорее всего, уступали населённости староосвоенных областей Северо-Восточной Руси. Основание города в пустыющей местности не могло не сказаться на темпах роста населения края и, соответственно, на интенсивности

его развития. К фактором, отрицательно влияющим на демографическую ситуацию, следует добавить пограничное, окраинное, положение Нижнего Новгорода, земли которого, по летописным известиям неоднократно подвергались разорению татарами и мордвой, по крайней мере, начиная с 60-х гг. XIV в. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 85). Не исключено, что отказ отдельных представителей нижегородской княжеской династии от участия в ряде военных столкновений, активное привлечение ими в качестве военной силы местной мордвы, татар и болгар было вызвано нехваткой местного населения для укомплектования нижегородского войска (о «замирень» Бориса и Дмитрия Константиновичей: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 78; участие инородцев в войске Даниила Борисовича: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485). О недостаточной заселённости сельской округи Нижнего Новгорода свидетельствует и оценка соотношения его размеров с суммарной площадью сельских поселений, выполненная для Берёзова Поля, где сосредоточено 87% известных памятников XIII – начала XV вв. Расчёты показали, что площадь города вряд ли могла превышать 40% общей площади нижегородских селищ (Грибов, 2021. С. 168, 169). По этому показателю Нижегородская округа напоминает окрестности г. Белоозера (31,4%, см.: Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 92) и отдалённо – золотоордынского г. Увека (50,2%: Недашковский, 2010. С. 214, рис. 21). Опережающее развитие Нижнего Новгорода по сравнению с его сельской агломерацией, вероятно, подтверждает специфику градообразования на слабо заселённых территориях, отмеченную для отдельных городских центров X–XIII в. (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 226).

Давая оценку ресурсам средневекового поволжского города, нельзя не затронуть институт рабовладения и связанную с ним работорговлю, повсеместно распространённую в средневековом Поволжье в специфических для него формах (Архангельский, 1929. С. 136–138). Одним из основных источников пополнения рабов в рассматриваемый период был захват пленных. Летописные сообщения о пленении местной мордвы единичны. Первое из них датируется 1229 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451), второе – встречается при описании

событий зимы 1377–1378 гг. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 120). Оба случая связаны с двумя (за два столетия) эпизодическими военными вторжениями в мордовские земли. В первом случае военная кампания была обусловлена, скорее всего, желанием владимирского князя установить даннические отношения с союзниками волжских болгар, во втором – ответными действиями после пособничества мордвы разгрому нижегородского войска на Пьяне и последующего за ним разорению Нижнего Новгорода. Иностранное окружение Нижегородской округи, казалось бы, должно способствовать активному развитию местной работорговли. Этому противоречит длительное и синхронное существование (в течение XIII–XIV вв.) двух смежных освоенных областей – русского Берёзова Поля и ближайшего к Нижнему Новгороду района расселения мордвы, разделённых пустынной незаселённой полосой «отчуждения» шириной 15–20 км (Грибов, 2020. С. 26). Материалы раскопок ближайших к Нижнему Новгороду мордовских могильников свидетельствуют о том, что местное субстратное население, проживавшее за пределами «русских» районов в XIII – XIV вв. сохраняло свою традиционную культуру, не испытывала сколько-нибудь сильного влияния со стороны насельников Нижегородской округи. Всё это позволяет предполагать существование договорных отношений нижегородцев с местной мордвой, исключаящих активную и систематическую поставку «живого товара» из мордовских анклавов на торговые рынки Поволжья.

2.5.2. Восточная торговля

Важнейшее влияние на рост благосостояния и значимости города после монгольского нашествия, очевидно, оказала поволжская торговля. В системе новых евразийских торговых путей, сложившихся во время государственного оформления Улуса Джучи и других политических образований, возникших в результате распада монгольской империи, особую роль приобрела волжская речная магистраль. Перемещение товаров по ней стало носить трансконтинентальный характер. Согласно ряду письменных свидетельств уже в третьей четверти XIII в. по волжской магистрали пролегали маршруты

дальней торговли. Одно из них – предписание хана Менгу-Тимура Ярославу Ярославовичу тверскому «дать путь» немецким купцам по его волости (см.: Грамоты Великого Новгорода.... С. 57. № 30). Поэтапная форма дальней торговли предполагала наличие перевалочных пунктов для временного хранения товаров. Конечными, а значит, важнейшими, пунктами волжского участка международного торгового пути по русским землям были Нижний Новгород и Тверь. У г. Тверь к р. Волге выходила дорога на г. Великий Новгород, из г. Нижнего Новгорода начинался отрезок речного пути в Орду. Наверное, поэтому эти города после разорительного монгольского нашествия достаточно быстро обрели необходимые ресурсы для борьбы за политическое лидерство.

Восточные товары попадали и на местный нижегородский рынок (рис. 44). На это указывают многочисленные находки предметов восточного импорта из Нижнего Новгорода и памятников его округи. летописное известие о пребывании в городе восточных купцов можно расценивать как свидетельство того, что значительная часть такого рода предметов появилась в районе окского устья в результате торговых операций, а не только в качестве даров или военных трофеев (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 81). Установлению местного ассортимента предметов, изготовленных в Золотой Орде и странах Востока, посвящено специальное исследование (Грибов, 2022б).

Самой распространённой категорией восточного инвентаря в г. Нижнем Новгороде и на памятниках его округи является обычная для поволжских городов Золотой Орды неполированная краснолощёная посуда высокого горнового обжига (рис. 45, 5, 6, 8). В среде средневековых нижегородцев её востребованность, вероятно, была обусловлена нехваткой в быту характерных для неё форм (корчаг и кувшинов), местное производство которых сложно назвать сколько-нибудь массовым или традиционным. Она систематически встречается в комплексах г. Нижнего Новгорода середины XIV – начала XV вв., где её усреднённая доля – 2,3%. В Берёзовом Поле её присутствие

зафиксировано на 58 селищах (из 170 памятников с материалами XIII – начала XV вв.).

Второй по распространённости является парадная художественная керамика (рис. 46). Её образцы обнаружены при раскопках в кремле, во всех районах нижегородского посада (рис. 44); собраны они и на пяти сельских памятниках. В Нижегородском кремле выделяется участок с её максимальной встречаемостью. Он приурочен к правому мысу Почаинского оврага. Размеры этого участка (140x70 м, площадь 0,9 га) существенно превосходят размеры крупных городских усадеб. На раскопанных здесь площадках (приложение 1, №№ 48 и 148) одна соответствующая находка приходится на 2,8–4,3 кв.м вскрытой площади. Это существенно превосходит значение данного показателя, усреднённого по суммарной площади всех нижегородских раскопов (один фрагмент на 28 кв.м). Ассортимент парадной посуды состоит преимущественно из поливных изделий на кашине (577 фрагментов из г. Нижнего Новгорода, 72 – из подгородных селищ). Кроме преобладающих образцов полуфаянсовых изделий с бесцветной и бирюзовой поливой, встречены фрагменты полуфаянсов с наружной ультрамариновой и внутренней бирюзовой поливами, расписанного кобальтом тимуридского кашина, ильханского люстра, ладжвардина. Сравнительно редкие для г. Нижнего Новгорода группы представлены фрагментами полумайолики (33 экземпляра из города, 5 – из селищ), 12 осколками сосудов из китайского фарфора (селадона), фрагментами изделий и одной целой формой, изготовленных тиснением в формах-кальпах (13 экземпляров из г. Нижнего Новгорода, 7 – из селищ) (рис. 45, 4). Тарная керамика представлена обломками амфор (48 фрагментов) и сфероконусов (6 фрагментов) (рис. 45, 1–3).

К редким находкам относятся осколки стеклянных сосудов (в том числе – от украшенных эмалью и золотом египетских ламп) (рис. 47, 1–5), обломки чугунных котлов (4 фрагмента из города и 7 – из селищ; рис. 47, 9), фрагменты каменных котлов из талькового камня (4 фрагмента; рис. 47, 11, 12).

Украшения представлены бусами из стекла и камня, перстнями из глушеного бирюзового и чёрного стекла, бронзовыми накладками и пряжками (рис. 48); аксессуары – фрагментами бронзовых зеркал (2 – из города и 2 – из селищ; рис. 47, 6, 7); предметы повседневного бытового назначения – краснолощёным пряслищем, бронзовыми зооморфными замками, ключами от них (рис. 47, 8, 10). Из раскопок в кремле г. Нижнего Новгорода происходят фрагментированные красноглиняные дымоходные трубы (рис. 45, 10, 11), фрагмент поливной кашинной плитки с глухой ультрамариновой поливой (рис. 45, 12).

В черте детинца и на Верхнем посаде обнаружен разнообразный торговый инвентарь. Это – бронзовые коромысла от рычажных весов, вырезанные из кости монетные весы, бронзовые гири (рис. 49). На территории кремля в переотложенном слое найдена округлая бронзовая створка от гири из Ирана с изображением «птицы у древа жизни» (рис. 49, б) (работы Т.В. Гусевой 1989 г.; см.: Коваль, 2013. С. 23–27). В зоне строительства Дома правительства в кремле при раскопках под руководством И.О. Ерёмкина обнаружен пока неопубликованный клад серебряных гривен «новгородского типа», состоящий из 13-ти целых слитков и одной «полтины» общим весом 2 кг 743 гр. (Николаенко, 2015. С. 193).

Главным городом-поставщиком восточных товаров в г. Нижний Новгород, вероятно, был г. Болгар, ближайший к г. Нижнему Новгороду один из крупнейших восточноевропейских центров международной торговли. Состав золотоордынских монет, обнаруженных в г. Нижнем Новгороде, г. Городце-на-Волге и г. Курмыше, указывает на то, что ареал монетного обращения области г. Болгара в последней трети XIV в. мог охватывать и поволжские земли Нижегородско-Суздальского княжества. Среди них преобладают данги со следами обрезывания (84% из 136 монет) и отсутствуют выпуски хана Токтамыша (Петров, 1997. С. 21; Грибов, 2022б. С. 41). Именно эти два признака отличают состав монетного серебра округа г. Болгара в указанный выше временной промежуток (Фёдоров-Давыдов, 1981. С. 20–22).

О тесных связях с г. Болгаром свидетельствует широкое распространение в нижегородских землях краснолощёной керамики, среди которой часто встречаются фрагменты корчаг, украшенных валиками – характерным болгарским декором; биконических бус и перстней из глушеного стекла цвета бирюзы, зооморфных бронзовых замков с циркульным орнаментом (Полубояринова, 1988. С. 167; 2006. С. 154; Полякова, 1996. С. 251).

До середины XIV в. предметы восточного импорта в комплексах г. Нижнего Новгорода – единичны. Основной массив местных «восточных» находок, как и в гг. Великом Новгороде, Москве, Твери, Переяславле Рязанском, связан с промежутком середины – второй половины XIV в. (Коваль, 2010. С. 194, 195; Грибов, 2006. С. 70). Синхронность пиковых значений распространения восточных вещей в разных областях Руси даёт повод задуматься над историческими предпосылками этого явления – общими для разных регионов, отодвигая на второй план локальные события, способствовавшие проникновению восточных вещей на русские земли – такие как походы ушкуйников, приезд послов, поездки князей в Орду. В качестве главных предпосылок приуроченности ввоза на Русь основного объёма восточных вещей к финалу эпохи экономического могущества Золотой Орды и «великой замятне», можно предполагать проявившийся уже в 40-е гг. XIV в. спад «дальней» торговли и появление к этому времени значительного числа потенциальных потребителей иноземных товаров в русских княжествах.

Политический, экономический и демографический кризисы середины XIV в. коснулись не только Золотой Орды, но и земель важнейших её торговых агентов в Причерноморье, Средней Азии, в Иране (Карпов, 2001. С. 309–326). Вероятно, и рынок Поволжья в это время претерпел переформатирование, перенацеленность на узко-региональные торговые площадки, а с учётом проявления сепаратистских тенденций – сегментацию, как и возрождённый к 60-м гг. XIV в. рынок Азака (Карпов, 2001. С. 316). Спустя четыре года после политического обособления г. Болгара (1361 г.)

летопись сообщает о присутствии в Нижнем Новгороде восточных купцов – бессермян (болгар, см.: Тихомиров, 1972. С. 88), татар и армян, пребывавших в городе на окском устье вместе с жёнами и детьми (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 81). Часть из редких привозных вещей, несвойственных русскому быту (тувак, котлы, фляги, зеркала), обнаруженных в г. Нижнем Новгороде, могли оставить семьи этих торговцев, некоторые из которых, по своему происхождению, являлись степняками (татарами, см.: Руденко, 2002. С. 156).

В разорённых при монгольском нашествии княжествах Северо-Восточной Руси к середине XIV в. уже сформировался широкий круг обеспеченных людей – не только бояр-«вечников», но и «княжьих слуг». Часть из них к этому времени получили земельные вотчины. Существенный рост потенциальных покупателей восточных вещей в г. Нижнем Новгороде, очевидно, произошёл в 1350 г., когда в него был переведён двор суздальского князя. С этого времени можно предполагать особую роль г. Нижнего Новгорода в посреднической торговле восточными товарами, поступавшими на Русь.

Привлекательность города для торговых людей, очевидно, уменьшилась после разорения в 1377 г. Эту важнейшую для его судьбы метаморфозу зафиксировал летописный рассказ об известном нижегородском купце Тарасии Петрове, перебравшемся после «запустения Новгорода от татар» в Москву (Насонов, 1958. С. 247), а до этого занимавшего видное место среди окружения нижегородского князя (АСЭИ. Т. 3. № 307, 308).

2.6. Выводы

1. До основания г. Нижнего Новгорода связанная с ним местность продолжительное время, по крайней мере, с середины VIII в., оставалась пустующей или слабо заселённой. Существующее в историографии представление о том, что Нижний Новгород был заложен в Мордовской земле, не подтверждается ни аутентичными летописными источниками, ни результатами археологических исследований. Связанная с г. Нижним

Новгородом тяготеющая к окскому устью северная периферия Волго-Окского Правобережья никогда не входила в состав коренных территорий расселения средневековой мордвы. Русские и мордва, по крайней мере, до середины XIV в., осваивали существенно разные ландшафты. География сельской округи г. Нижнего Новгорода определялась течением рек и наличием свободных незаселённых земель, годных для земледелия. Это существенным образом отличает её от округ многих старейших городов Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, приуроченных к водным системам озёр, где располагались места сосредоточения субстратного финноязычного населения (Леонтьев, 1996. С. 272, 293).

2. В историческом развитии г. Нижнего Новгорода от его основания до конца XIV в. прослеживается три периода. Их разделяют два события, отразившиеся на статусе города. Это возникновение двух государственных образований на окраинных восточных русских землях Поволжья – Городецкого удельного княжества в третьей четверти XIII в., и великого Нижегородско-Суздальского – в середине XIV в.

Ещё до передачи города суздальским князьям пределы освоенного городского пространства были близки границам города на пике его развития в средневековый период (в 1350–1377 гг.). К середине XIV в. связанный с г. Нижним Новгородом ландшафтный район – в междуречье рек Волги, Оки, Кудьмы и Кишмы – был заселён, а его земли введены в сельскохозяйственный оборот. Последующее освоение этого центрального района Нижегородской округи проходило в форме внутренней колонизации. Всё это свидетельствует о заметном росте населённости края уже к середине XIV в.

3. Во второй половине XIV в. происходило не столько расширение городской территории, направленное на освоение всё более отдалённых районов, сколько увеличение интенсивности освоения и степени заселённости тех участков, где застройка появилась ещё в предшествующий период. По размерам и расположению на местности городская территория, освоенная в XIII – начале XV вв., близка территории города начала XVII в.

4. Нижний Новгород в XIII–XIV вв. стал плацдармом освоения протяжённого пустующего (или слабо заселённого) участка Волго-Окского Правобережья. Во второй половине XIV в. в окрестностях города сформировался компактный хорошо освоенный и плотно заселённый центральный район Нижегородской округи с развитой поселенческой структурой размером около 1200 кв.км. Каркас структуры расселения обозначают несколько десятков относительно крупных селищ. Материалы раскопок позволяют определить их как владельческие сёла. В третьей четверти XIV в. начинают заселяться берега р. Сундовик и Посурье. Эти области определяют восточную периферию владений нижегородских князей. В заселении этих удалённых от устья р. Оки земель участвовали пленные, выкупленные в Золотой Орде. К одной из таких областей, обозначенных г. Курмыш, тяготела крупная поселенческая агломерация, обладающая чертами формирующегося городского центра. Общая протяжённость заселённого нижегородцами участка северо-западной периферии Приволжской возвышенности (от устья р. Кишмы на западе до устья р. Суры на востоке) – достигала 190 км. К концу XIV в. вблизи г. Нижнего Новгорода сформировался обширный заселённый район, занимающий своеобразный природный анклав, отделённый от староосвоенных русских областей долинами Оки и Волги.

5. Природные условия Нижегородской округи, степень её заселённости не могли обеспечить высокий уровень местного земледелия. Продукция производящих отраслей местной экономики, которая вывозилась из региона, могла быть обеспечена рыбными и лесными (мёд, воск) ресурсами. Активный рост города в XIII–XIV в. можно объяснить сочетанием двух благоприятных факторов – в нижегородские земли редко заходили карательные рати, а его географическое положение было привлекательно для занятия торговлей.

Важнейшей предпосылкой развития г. Нижнего Новгорода, очевидно, стало формирование в середине XIII в. новой системы международных коммуникаций, в которой существенная роль отводилась Волжскому пути.

Косвенные данные летописных источников, наблюдения над системой средневекового расселения позволяют предположить решающую роль верхних страт местного феодального общества в заселении и освоении нижегородских земель. Экономическое обеспечение местной элиты складывалось из присвоения даней, участия в организации сельскохозяйственного производства и рыбного промысла в своих вотчинах, получения ценностей непроизводящими способами – путём участия в военных походах и торговле. Последний способ получения дохода (восточная торговля) представляется наиважнейшим для развития региона в целом.

Глава 3.

Период политической нестабильности конца XIV – – первой половины XV вв.

3.1. Вехи местной политической истории

3.1.1. Источники и историография

Процесс присоединения Нижнего Новгорода к землям великого Московского княжества охватил более чем полувековой промежуток, изменивший и облик города, и его восприятие современниками (Чеченков, 2001а. С. 54). В завершении этого переходного периода летописцы отчётливо различали два Нижних Новгорода – «старый» и Новый (или «меншой») (Кучкин, 2011. С. 231). Этот феномен, вероятно, отражает возникновение нового центра городской застройки или обуславливается переносом города на другое место. Социально-политические предпосылки изменений в структуре территории, ассоциируемой современниками с Нижним Новгородом, очевидно, имели связь с политической ситуацией первой половины XV в. Источники, которые можно привлечь для её выяснения – летописи, акты, редкие нарративные произведения, памятники нумизматики.

Как уже отмечалось, следы нижегородского летописания в летописных сводах исчезают вблизи рубежа XIV–XV вв. Поэтому большинство «нижегородских» сообщений первой половины XV столетия посвящены событиям, тем или иным образом, связанным с великим Московским княжеством. При обзоре летописных записей 1394–1445 гг. в памятниках XV–XVI вв. сохранилось шестнадцать оригинальных эпизодов с упоминанием Нижнего Новгорода. Четыре из них связаны с захватами города: в 1395 г. (или в 1399 г.) – ордынским царевичем Ентяком и нижегородским князем Семёном Дмитриевичем¹²; в 1408 г. – одним

¹² Сообщение об этом в разных сводах помещено в разных годовых статьях (Приселков, 1950. С. 453; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 380; Т. 5. С. 247; Т. 6. Вып. 1. Стб. 512, 513; Т. 6. Вып. 2. Стб. 6; Т. 11. С. 163; Т. 15. Стб. 461, 470; Т. 17. С. 46; Т. 20. Ч. 1. С. 219; Т. 23. С. 137; Т. 24. С. 167; Т. 26. С. 165; Т. 27. С. 88, 259; Т. 28. С. 89, 253; Т. 30. С. 129; Т. 39. С. 136). В Московском своде конца XV в. оно дублировано (ПСРЛ. Т. 25. С. 225, 226, 229).

из отрядов войска Едигея¹³; в 1409 г. – новгородскими ушкуйниками¹⁴; в 1445 г. – ордой Улу-Мухаммеда¹⁵. Четыре известия отмечают посещения города московскими князьями, Юрием Дмитриевичем звенигородским в 1415, 1425, 1430 гг.¹⁶ и Василием Васильевичем в 1434 г.¹⁷ В четырёх сообщениях содержатся известия о стихийных бедствиях (смерче 1406 г., засухе 1412 и 1422 гг., морозной зиме 1421–1422 гг.), связанными с ними голоде и высоких ценах на хлеб¹⁸. В трёх текстах город в устье р. Оки упоминается при проведении или подготовке военных операций: в 1410 г. – при описании похода ордынского царевича Талыча с нижегородским отрядом во Владимир¹⁹; в 1429 г. – при преследовании отрядов Алим-бека и Махмута-Ходжи, совершивших набег в верхневолжские земли²⁰; в 1444 г. – из-за разосланного по пограничным местам указа великого князя «крепить осады» в ожидании нашествия орды Улу-Мухаммеда²¹. В летописной

¹³ НПЛ. С. 400; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 29; Т. 8. С. 83; Т. 11. С. 208; Т. 15. Стб. 183, 484; Т. 18. С. 158; Т. 20. Ч. 1. С. 225; Т. 23. С. 142; Т. 24. С. 174; Т. 25. С. 238; Т. 26. С. 175; Т. 27. С. 95; Т. 28. С. 92, 257; Т. 33. С. 95.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 103–108; Т. 8. С. 112; Т. 12. С. 62–65; Т. 18. С. 193; Т. 20. Ч. 1. С. 257–259; Т. 23. С. 151; Т. 25. С. 263, 395; Т. 26. С. 196, 197; Т. 27. С. 109, 272, 346; Т. 28. С. 103, 104, 270, 271; Т. 33. С. 104, 105; Т. 39. С. 145.

¹⁶ В 1415 г.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487; Т. 27. С. 263 (под 6907 г.). В 1425 г.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 51; Т. 8. С. 92; Т. 11. С. 2; Т. 20. Ч. 1. С. 233; Т. 25. С. 246; Т. 26. С. 183; Т. 27. С. 100, 268, 342; Т. 28. С. 96, 262; Т. 37. С. 40, 84. В 1430 г.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 53; Т. 11. С. 8; Т. 20. Ч. 1. С. 234; Т. 23. С. 147.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 67; Т. 11. С. 20; Т. 18. С. 174, 175; Т. 20. Ч. 1. С. 239; Т. 23. С. 148; Т. 25. С. 251; Т. 26. С. 191; Т. 27. С. 105, 270, 345; Т. 28. С. 100, 267; Т. 33. С. 99; Т. 37. С. 42, 85. Летописи фиксируют пребывание Василия II в г. Нижнем Новгороде ещё в 1445 г., где он содержался в качестве пленника.

¹⁸ Смерч 1406 г. (6914 г.): Приселков, 1950. С. 461; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 15; Т. 8. С. 78; Т. 11. С. 193; Т. 20. Ч. 1. С. 222; Т. 23. С. 140; Т. 25. С. 234; Т. 28. С. 91, 256. Засуха 1412 г. (6920 г.): ПСРЛ. Т. 11. С. 218; Т. 15. Стб. 486. Известия о голоде и высоких ценах на хлеб помещены в статьях 6929 г. (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 232), 6930 г. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 50; Т. 11. С. 238; Т. 18. С. 166; Т. 25. С. 245; Т. 26. С. 182; Т. 27. С. 100, 268, 342) и 6931 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 488). О засухе 6930 г. и цене на хлеб в г. Нижнем Новгороде: ПСРЛ. Т. 11. С. 238; Т. 18. С. 166; Т. 25. С. 245; Т. 26. С. 182; Т. 27. С. 100, 268, 342; Т. 33. С. 97; Т. 37. С. 40, 83.

¹⁹ НПЛ. С. 402; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 410; Т. 6. Вып. 1. Стб. 533; Т. 6. Вып. 2. Стб. 36, 37; Т. 8. С. 85; Т. 15. Стб. 186; Т. 16. С. 159; Т. 17. С. 54; Т. 18. С. 160; Т. 20. Ч. 1. С. 228, 229; Т. 24. С. 175; Т. 25. С. 240; Т. 26. С. 177, 178; Т. 27. С. 97; Т. 28. С. 93, 258; Т. 33. С. 95 (дублировано, см. в статьях 6916 и 6917 гг.).

²⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 53; Т. 18. С. 170; Т. 20. Ч. 1. С. 233; Т. 23. С. 146; Т. 25. С. 248; Т. 26. С. 186; Т. 27. С. 102, 269; Т. 28. С. 98, 264; Т. 37. С. 41, 84.

²¹ ПСРЛ. Т. 23. С. 151.

статье 1412 г. (6920 г.) г. Нижний Новгород упомянут как известный пункт на волжском речном пути в Орду²². Ещё восемь известий без упоминания города содержат сведения о нижегородских князьях. В них фиксируются их приезды к московскому князю, побеги от него, различные деяния или смерть²³.

К событиям периода княжения Василия Дмитриевича Московского ближе всего по времени создания стоят Троицкая летопись и памятники, отражающие гипотетический Новгородско-Софийский свод первой половины XV в. – Новгородская IV и Софийская I летописи. Оригинальные известия, связанные с происшествиями этого временного промежутка, попали и в великокняжеское летописание 70-х гг. XV в. Наибольшей подробностью изложения отличается редакция великокняжеского свода 1479 г., вошедшая в Московский свод конца XV в. Подробный рассказ о разорении г. Нижнего Новгорода отрядом Едигея, а также четыре других оригинальных известия содержит «Летописец княжества Тверского», погодные записи которого завершаются 1499 г. (7007 г.).

Основными источниками, освещающими нижегородские события второй четверти XV в., служат великокняжеские своды 70-х гг. XV в. и памятники независимого, так называемого, неофициального, летописания. Наиболее полные тексты великокняжеских сводов представлены в Вологодско-Пермской летописи

²² ПСРЛ. Т. 11. С. 219.

²³ Об отъезде Василия и Семёна Дмитриевичей в Орду после смерти Бориса Константиновича в 1394 г. (в разных источниках событие датировано 6901 г. или 6902 г.): НПЛ. С. 385; Приселков, 1950. С. 444; ПСРЛ. Т. 11. С. 156; Т. 15. Стб. 164; Т. 16. С. 136; Т. 18. С. 143; Т. 20. Ч. 1. С. 211; Т. 24. С. 160; Т. 25. С. 221; Т. 28. С. 87, 251; Т. 37. С. 37, 79. О выходе нижегородских князей из Орды с пожалованием отчины в 1412 г. (6920 г.): ПСРЛ. Т. 11. С. 219. О возвращении нижегородских князей (Ивана Васильевича, Ивана Борисовича и Даниила Борисовича) к великому князю в 1416-1417 гг. (6924, 6925 гг.): ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 42, 46; Т. 8. С. 88; Т. 11. С. 231, 232; Т. 18. С. 163; Т. 20. Ч. 1. С. 231; Т. 24. С. 178; Т. 25. С. 243; Т. 28. С. 94, 259; Т. 37. С. 83. О «побеге» нижегородских князей в 1418 г. (6926 г.): ПСРЛ. Т. 8. С. 90; Т. 11. С. 233; Т. 18. С. 164; Т. 24. С. 180; Т. 25. С. 244; Т. 28. С. 94, 260. О битве на Лыскове в 1411 г. (6919 г.): ПСРЛ. Т. 11. С. 215; Т. 15. Стб. 186; Т. 18. С. 159; Т. 30. С. 131. О смерти Василия Кирдяпы в 1404 г. (6912 г.): ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 11 (6911 г.); Т. 20. Ч. 1. С. 221; Т. 26. С. 170; Т. 27. С. 92, 339; Т. 28. С. 90, 255; Т. 37. С. 82. О поисках и смерти Семёна Дмитриевича в 1405 г. (6913 г.): ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 14, прим. 92–92; Т. 11. С. 186, 187; Т. 16. С. 150, 151; Т. 18. С. 149, 150; Т. 20. Ч. 1. С. 220; Т. 24. С. 168, 169; Т. 26. С. 170; Т. 27. С. 92, 262, 338; Т. 28. С. 89, 90, 254; Т. 33. С. 94; Т. 37. С. 82. О смерти в 1417 г. (6925 г.) Ивана Васильевича: НПЛ. С. 407; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 43; Т. 11. С. 232; Т. 16. С. 164; Т. 18. С. 163; Т. 20. Ч. 1. С. 231; Т. 27. С. 267, 341 (под именем Василия Васильевича); Т. 37. С. 40, 83.

си, близкой к ней Никаноровской и в Московском своде конца XV в. На рассматриваемом временном промежутке эти летописи дублируют, а иногда – дополняют друг друга. Важная конкретика нижегородских событий сохранилась в «Летописце от 72-х язык», вошедшем в своды 1497, 1518 гг. Уникальные детали нижегородских событий переданы памятниками «независимого» летописания – Ермолинской летописью и сводом, отразившимся в Софийской II – Львовской летописях. Оригинал Ермолинской летописи в части событий 1425–1471 гг. является наиболее ранним источником в отличие от других летописей второй половины XV в. Он был составлен ещё до начала 90-х гг. XV в. (Лурье, 1976. С. 174; Клосс, 2004. С. IV). Протографом памятника предположительно служил оригинальный общерусский свод, созданный в Кирилло-Белозерском монастыре (Лурье, 1976. С. 207–209) или при дворе великой княгини Марии Ярославны (Клосс, 2004. С. V–VI). Великокняжеский свод 1472 г. являлся одним из его источников. Софийская II летопись (как и Львовская) через свод 1518 г. восходит к церковному оппозиционному своду 80-х годов XV в. (Лурье, 1976. С. 231–240). За редким исключением передача событий в г. Нижнем Новгороде в других летописях – менее детализирована или, в отличие от других источников, представлена сокращёнными текстами. К ним относятся: Софийская первая младшего извода и по списку И.Н. Царского, Сокращённые летописные своды конца XV в. Подробные тексты сообщений приведены в Никоновской и Воскресенской летописях. Они могут быть привлечены лишь как дополнительные источники, которые помогают охватить отдельные повествовательные сюжеты, фрагментированные в более ранних текстах, в целом,.

Большая часть сохранившихся от первой половины XV в. летописных сообщений были составлены или отредактированы московскими летописцами, что, вероятно, стало причиной замалчивания сложных перипетий борьбы за Нижний Новгород. Существенные детали и обстоятельства этого противостояния можно выяснить при обращении к текстам не летописного происхождения. Наибольшее значение среди них имеют акты.

Для промежутка, датированного рамками рубежа 80–90 гг. XIV в. – 1462 г., имеются сведения о сорока трёх грамотах, связанных с г. Нижним Новгородом и его округой²⁴. Тексты грамот, как правило, переданы списками XVI–XVII вв. Об отдельных наиболее ранних документах сохранились только упоминания в более поздних источниках. Основной массив актового материала происходит из архивохранилищ четырёх монастырей – нижегородских Благовещенского (10 актов), Печёрского Вознесенского (12 актов), Николо-Амвросиева Дудина (3 акта) и суздальского Спасо-Евфимьевского (10 актов). Преимущественно это тарханно-несудимые, жалованные данные, проезжие и данные грамоты. Интересные сведения включают в себя тексты нескольких духовных и договорных грамот великих и удельных князей.

Редкие нарративы позволяют уточнить время правления нижегородского князя Даниила Борисовича. Это описания конца XVII – XVIII вв. одного из пергаментных сборников, принадлежавших нижегородскому Печерскому монастырю, текст молитвы, зачитанной над гробом нижегородского князя митрополитом Фотием (Пудалов, 2000. С. 99–101), датированные надписи на серебряных крестах-мощевиках с именем и титулом данного представителя суздальской княжеской династии (Рыбаков, 1949. С. 186–191; Николаева, 1971. С. 32–34).

Монеты нижегородского чекана долгое время изучались, преимущественно, вне контекста кладовых комплексов, что заметно ограничивало их возможности как источников исторической информации²⁵. Введённые в научный оборот клады, содержащие заметную долю нижегородского серебра, датируются в пределах трёх первых десятилетий XV в. Результаты их изучения позволяют наметить основные черты местного монетного обращения. Наиболее объёмные и

²⁴ Антонов, Муштафаров, 2001. № 6. С. 419; № 7. С. 419, 420; № 8. С. 420; № 9. С. 420; № 10. С. 420; № 11. С. 420; № 12. С. 420; № 13. С. 421; № 14. С. 421; № 15. С. 421; № 17. С. 421; № 18. С. 421; № 158. С. 446; № 159. С. 446; № 160. С. 446; № 221. С. 456; № 222. С. 456, 457; № 223. С. 457; № 225. С. 457; № 226. С. 457; № 227. С. 458; № 228. С. 458; № 229. С. 458; АСЭИ. Т. 2. № 339. С. 337; № 435. С. 478, 479; № 437. С. 480, 481; № 452. С. 492, 493; АСЭИ. Т. 3. № 484, с. 467; № 487, с. 469; № 485, с. 468; № 486, с. 468; № 488, с. 470; № 489, с. 470; № 490, с. 470, 471; № 491. С. 471; № 494. С. 473; ДДГ. № 16. С. 43; № 17. С. 47; № 20. С. 56; № 21. С. 59; № 22. С. 61; № 61. С. 197; Каштанов, 1970. № 22. С. 381.

²⁵ Историю изучения нижегородского чекана второй половины XIV – первой трети XV вв. см.: Тростьянский, 2009. С. 24–36.

представительные кладовые комплексы, состоящие более, чем наполовину, из монет нижегородской чеканки, – Саранский (2547 монет), сокрытый в 1409 г. (Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 6, 20–22) и Селитренный (около 12 000 монет), сокрытый в конце третьего десятилетия XV в. (Тростьянский, 2009. С. 40–43).

Политическая история «Суздальского Поволжья» (см.: Пресняков, 1998. С. 130) в конце XIV – первой половине XV вв. привлекала внимание историков ещё в конце XIX в. (см.: Экземплярский, 1891. С. 429–442). К освещению данной темы обращались исследователи таких масштабных процессов, как сложение единого Русского государства (Черепнин, 1960. С. 706–707, 733–736) или распад Золотой Орды (Насонов, 1940. С. 143–144; Греков, 1975. С. 232, 273–274, 280–282, 288, 294). Неоднократно обращались к ней и нумизматы, изучающие историю нижегородского чекана (Орешников, 1896. С. 183, 184, 187–192; Мец, 1962. С. 309–315; Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 28–31; Тростьянский, 2009. С. 11–22). В ряде статей рассмотрены отдельные эпизоды, уточнено время правления некоторых нижегородских князей (Кучкин, Флоря, 2011.; Пудалов, 2000). Динамика политической ситуации в г. Нижнем Новгороде в первой половине XV столетия реконструирована и проанализирована в труде П.В. Чеченкова, раскрывающим механизмы интеграции нижегородских земель в политическую систему Московского княжества (2001а). В статьях этого же автора освещены отдельные сложные вопросы о специфике взаимоотношений нижегородско-суздальских князей с Золотой Ордой (Чеченков, 2001б, 2003, 2007б). Наиболее широкий охват письменных источников при выяснении политической истории Нижегородского и Суздальского княжений после 1392 г. осуществлён А.А. Горским (2004). В монографии О.В. Тростьянского (2009) обобщены имеющиеся данные по чеканке нижегородских серебряных монет второго и третьего десятилетий XV в. В ней предпринята попытка реконструировать события местной политической истории как с учётом сведений письменных источников, так и по результатам специального нумизматического исследования.

3.1.2. Изменения владельческой принадлежности г. Нижнего Новгорода

Изменения владельческой принадлежности города в конце XIV – первой половине XV вв. непосредственно связаны с судьбами детей и внуков великих нижегородских князей предшествующего полустолетия. После смерти в Суздале (5 мая 1394 г.) последнего, самого младшего из братьев Константиновичей, князя Бориса, следующими по старшинству, стали его племянники – Василий Кирдяпа и Семён Дмитриевичи. Даниил и Иван – сыновья самого Бориса Константиновича – в ряду легитимных претендентов на нижегородский стол занимали только третье и четвёртое места. Редкие летописные сообщения и тексты нескольких грамот косвенно свидетельствуют о том, что после смерти отца статус и имущественное положение его детей не понесли значительного ущерба, скорее, даже наоборот. Кроме родовых владений в Суздале, в держание Ивану и Даниилу были отданы отдельные волости, угодья и сёла, входившие в земли г. Городец-на-Волге или г. Нижнего Новгорода (ДДГ. № 16. С. 43; АСЭИ. Т. 3. № 480, 482. С. 465, 467; Чеченков, 2007б. С. 339, 340). Вероятно, по этой причине продолжительное время (после 1394 г.) в летописных записях отсутствуют упоминания о конфликтах между Борисовичами и московским князем. Их двоюродные братья, Семён и Василий Константиновичи, напротив, скорее всего, считали себя обойдёнными. Семён Константинович, наверное, мог быть лишён своего удела в Суздале сразу после низложения Бориса Константиновича (в 1392 г.), так как последний был переведён в г. Суздаль, и умер будучи, скорее всего, в статусе суздальского князя. В том же 1392 г. Семён уехал в Орду (НПЛ, 1950. С. 385). Надежды, возлагавшиеся Дмитриевичами на справедливый – с их точки зрения – передел владений умершего Бориса Константиновича, не оправдались. Вероятно, это и побудило их отъехать в Орду сразу после получения известия о смерти дяди (Приселков, 1950. С. 444). Этот отъезд ознаменовал начало конфронтации старших суздальских князей с московским правителем.

Василий Кирдяпа, спустя какое-то время, примирился с великим князем, вернул себе г. Городец-на-Волге. Лишённый права передачи своего удела наследникам, он умер в 1403 г. (6911 г.) (Приселков, 1950. С. 456; Горский, 2004.

С. 149, прим. 40). Семён Дмитриевич после ухода в Орду восемь лет служил «...четыремь царемь: Тохтамышу, Темиръ-Аксаку, Темиръ Кутлую, Шадибеку, а все поднимая рать на князя великого...» (Приселков, 1950. С. 453). Однажды при поддержке отряда татар Ентяка, приближенного непризнанного Москвой темника Едигея, захватившего власть в Орде после её разгрома Тимуром, он попытался вернуть себе г. Нижний Новгород. В памятниках разных летописных традиций указаны приведены даты этого события – 1395 г. или 1399 г.²⁶ 25 октября после завершения трёхдневного боя под стенами города, оборонявшие его московские воеводы «взяша мир». Две недели спустя жители г. Нижнего Новгорода, ограбленные татарами «роту свою измениша», находились под властью Семёна Дмитриевича. Узнав о приближении к устью р. Оки московского войска под командованием брата великого князя Юрия Дмитриевича Звенигородского, захватчики спешно покинули город (Приселков, 1950. С. 453). В 1402 г. «замирившийся» с великим князем Семён Дмитриевич вернулся из Орды и был отпущен в Вятку, и умер по дороге в неё (Приселков, 1950. С. 454, 455).

До зимы 1408–1409 гг. г. Нижний Новгород, после кратковременного эпизода с участием «царевича» Ентяка, вероятно, удерживался как великокняжеское владение. Об этом свидетельствует духовная Василия I, составленная в 1406–1407 гг. (см.: ДДГ. № 20. С. 56)²⁷.

В истории нижегородских земель поход на Русь могущественного темника Едигея, обернулся ещё большей катастрофой, чем разорения 1377–1378 гг. Подробное описание этих событий содержится в Тверском сборнике (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 484). Два раза зимой 1408–1409 гг. сводное войско из татар, болгар и мордвы проходило через г. Городец-на-Волге и г. Нижний Новгород. Это нашествие, как показали результаты археологических исследований, завершило историю г.

²⁶ Изучавшие этот вопрос исследователи пока не пришли к единому мнению (см.: Кучкин, 2011. С. 143 – 182; Горский, 2004. С. 150, 151).

²⁷ Сомнения П.В. Чеченкова в однозначной трактовке сведений из данного документа о принадлежности г. Нижнего Новгорода Василию Дмитриевичу на момент его составления вряд ли оправданы (Чеченков, 2001а. С. 48). Формула «а дасть Бог сыну моему...держати Новгород Нижнии», применённая автором грамоты и по отношению к самому великому княжению не может трактоваться, как пожелание «держати», а, скорее, как опасение, высказанное по поводу весьма непредсказуемого будущего (см.: Горский, 2004. С. 152, прим. 59).

Городца как средневекового города (Гусева, 1992. С. 39). Опустошён и разрушен был и г. Нижний Новгород. Бедственное положение города в окском устье усугубилось после нападения новгородских ушкуйников в 1409 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485).

После завершения всех этих трагических событий на свои наследные права заявили дети Бориса Константиновича – братья Даниил и Иван. Старший из них, Даниил, по данным нумизматических находок и текстам актов, мог обрести суздальский стол сразу после смерти отца в 1394 г. (Мец, 1962. С. 311; Чеченков, 2001а. С. 48). Великокняжеский летописец называет его князем Нижнего Новгорода в годовой статье 1410 г. (6918 г.)²⁸, а неизвестный автор надписи на серебряном кресте-мощевике его супруги Марии – великим князем²⁹ (Николаева, 1971. С. 32). Исследователи склоняется к версии о передаче ему г. Нижнего Новгорода с согласия Едигея сразу после зимнего похода 1408–1409 гг. (Насонов, 1940. С. 143; Горский, 2004. С. 153). Не исключено, что своеобразной благодарностью за вокняжение стал набег на Владимир, предпринятый Даниилом вместе с татарским отрядом в начале июля 1410 г. (6919 г.) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 186; ПСРЛ. Т. 25. С. 240). В ответ на эту акцию, в нижегородские земли зимой 1410–1411 гг. было отправлено войско под командованием родного брата великого князя – Петра Дмитриевича. Битва произошла 15 января 1411 г. на удалении от Нижнего Новгорода, в 80 км к востоку от него, вблизи устья р. Сундовик («на Лыскове»). Она завершилась поражением московского войска (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485, 486). Вместе с воинами сыновей Бориса Константиновича тогда сражались отряды мордовских, болгарских и жукотинских князей.

На следующий год, после смены власти в Орде, братья Борисовичи подтвердили свои владельческие права у нового хана. На короткое время им стал хан Джелал ад-Дин – сын Токтамышша, противник Едигея (ПСРЛ. Т. 11. С. 219). Отражённый в надписи на мощевике, изготовленном в 1414 г. по заказу сына

²⁸ «Того же лѣта князь Данило Борисович Нижнего Новагорода приведе к себѣ царевича Талычю...» (ПСРЛ. Т. 25. С. 240).

²⁹ «...создана бы икона си при благовѣрно велико князи Данилѣ Борисови благовѣрною великою княинею Марьею...» (Николаева, 1971. С. 32).

Ивана, титул Даниила Борисовича предполагал распространение притязаний нижегородского князя на города Городец и Суздаль³⁰. В этот первый период правления Даниилу Борисовичу удалось под своим началом консолидировать представителей разных ветвей суздальской династии. В их коалицию входили даже сыновья Василия и Семёна Дмитриевичей – враждовавших с его отцом (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487).

После вынужденного оставления «трона» Волжского царства прямыми наследниками Токтамышя Едигей «посадил» на него своего ставленника – хана Чекри. В это время, в январе 1415 г., Василий Дмитриевич московский предпринял вторую попытку вернуть себе г. Нижний Новгород. Его противники, вероятно, из-за нарастающей в степях Орды политической нестабильности, не смогли на этот раз заблаговременно заручиться поддержкой и были вынуждены покинуть г. Нижний Новгород – не дожидаясь прихода московского войска под руководством Юрия Дмитриевича Звенигородского (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487).

Желая, вероятно, сохранить номинальную независимость нижегородского княжества при сохранении реальной власти над ним, Василий Дмитриевич после завершения успешного похода отдал г. Нижний Новгород своему старшему сыну Ивану³¹. За год до этого к великому князю вернулись из Орды «младшие» суздальские князья, Иван Васильевич (сын Кирдяпы) и Иван Борисович (ПСРЛ. Т. 25. С. 243)³². После смерти в 1417 г. занимавшего нижегородский стол Ивана Васильевича в г. Москву поспешил вернуться и сам Даниил Борисович (ПСРЛ. Т. 25. С. 243).

Однако уже в следующем 1418 г. летописцы фиксируют новый отъезд братьев Борисовичей в Орду (ПСРЛ. Т. 25. С. 244). Этот поступок, породивший

³⁰ «...создана бы си рак жвотворашму крсту при блговрно князи великомъ Данилѣ Боривч новогордко и суздаскмъ и городескомъ рабомъ биимъ князмъ Иваномъ Даниловча» (Николаева, 1971. С. 34).

³¹ Последний в летописном сообщении 1417 г., извещающем о его смерти, именуется великим князем Нижнего Новгорода: «В лѣто 6925. Мѣсяца иуля преставися князь великы Нижнего Новагорода Иванъ Васильевич...» (ПСРЛ. Т. 25. С. 243).

³² Ещё один представитель суздальской династии, сын Ивана Борисовича, Александр Иванович, явился на двор великого князя за два года до этого, до похода Юрия Звенигородского (ПСРЛ. Т. 25. С. 243).

клятвopеступление, был обусловлен, по мнению А.А. Горского, очередным приходом к власти в Орде их могущественного покровителя – Едигея. Внук Василия Кирдяпы – Александр Иванович Брюхатый, «отъехавший» от Даниила Борисовича ко двору великого князя ещё до начала 1415 г. – становится следующим нижегородским князем. Василий Дмитриевич московский, по предположению А.А. Горского, не решаясь при могущественном ордынском правителе на прямое управление г. Нижним Новгородом, пошёл на риск. Он передал город «замирившемуся» представителю родственной ветви суздальских князей³³, предварительно ожив его 2 февраля 1419 г. на своей дочери Василисе (ПСРЛ. Т. 25. С. 244; Горский, 2004. С. 156–159). Сообщая о свадьбе, летописец прибавляет к имени и отчеству жениха определение «суздальский». Кроме редких монет с великокняжеским титулом (Тростьянский, 2009. С. 115, тип 10.1) об Александре Ивановиче, как о нижегородском князе, сохранилось свидетельство только в двух грамотах с неуказанным годом выдачи (АФЗХ. Ч. 1. № 234, с. 205; АСЭИ. Т. 2. № 435. С. 479). Существующая неопределённость в дате начала его правления позволила П.В. Чеченкову предположить, что Александр Иванович получил г. Нижний Новгород сразу после смерти прежнего его «держателя» ещё в 1417 г. При такой последовательности событий, «побег» в Орду старших суздальских князей можно объяснить, скорее, крушением надежд на законное получение Нижнего Новгорода из рук великого князя, чем желанием служить Едигею, уже утратившему влияние в Орде (Чеченков, 2007б. С. 345–346).

Княжение Александра Ивановича Брюхатого было кратковременным. После того, как Едигея в марте 1423 г. был убит, великий московский князь называет г. Нижний Новгород в духовной среди своих владений (ДДГ. № 22. С. 61). Рассчитывая передать великий стол сыну после своей смерти, он искал поддержки и в Литве, и в Орде. Платой за содействие в этом могло стать согласие передать г. Нижний Новгород под верховный контроль хана Улу-Мухаммеда, который был выбран могущественным Витовтом на главенство в Орде из нескольких претендентов (Сафаргалиев, 1960. С. 195).

³³ Мать Василия Дмитриевича – Авдотья, была сестрой деда Александра Ивановича.

В середине 20-х гг. XV в. вторично нижегородским князем стал вышедший из Орды «на свою отчину от Махметя царя» Даниил Борисович (АФЗХ. Ч. 1. №273. С. 204–205). По тексту записи на пергаментном сборнике, составленном «...в лето 6932 месяца января 20...при благоверном князе Даниле Борисовиче...», этот ставленник Улу-Мухаммеда правил в Нижнем Новгороде уже в январе 1424 или 1425 гг. В результате изучения ситуации с обеспечением прав великокняжеского наследника, А.А. Горский время повторного вокняжения Даниила Борисовича ограничил промежутком от апреля 1423 г. до начала 1424 г. (2004. С. 163). Эта дата соответствовала времени политической нестабильности, связанной с тем, что тогда земли Среднего Поволжья ещё не подчинялись его покровителю – Улу-Мухаммеду (Сафаргалиев, 1960. С. 200). Это обстоятельство позволило О.В. Тростьянскому высказать предположение о том, что новым покровителем Даниила Борисовича стал Мухаммед Борак, чеканивший свою монету в г. Болгаре ещё до 1426 г. (2009. С. 19, 20)³⁴. Однако, это предположение не согласуется и с отчётливым различием имён ханов Борака и Улу-Мухаммеда в русской письменной традиции (см., например: ПСРЛ. Т. 25. С. 245, 247), и с высоким статусом Даниила Борисовича в среде представителей великокняжеского окружения (Пудалов, 2000. С. 98), что в обстановке середины 20-х гг. вряд ли бы имело место, если бы тот получил г. Нижний Новгород от соперника ставленника Витовта.

Даниил Борисович именовался великим нижегородским князем до самой смерти. Это отражает текст «разрешительной» молитвы, прочитанной митрополитом Фотием над его гробом³⁵ (Пудалов, 2000. С. 98). Срок жизни Даниила Борисовича «отсекается» датой договора Василия II с Юрием Дмитриевичем Звенигородским от 11 марта 1428 г., в котором г. Нижний Новгород вновь упомянут среди великокняжеских владений (ДДГ. № 24. С. 64, 66; Горский, 2004. С. 162–163). Ряд косвенных данных свидетельствуют о том, что уже в 1425 г.

³⁴ Монеты Улу-Мухаммеда г. Болгара, появляются только в 1426–1427 гг. (830 г.х.) (см.: Сафаргалиев, 1960. С. 200).

³⁵ При жизни последнего, до 2 июля 1431 г.

город в устье р. Оки мог уже числиться за великим князем (АСЭИ. Т. 2. № 437. С. 480–481; Горский, 2004. С. 164).

Весной 1425 г. в г. Нижнем Новгороде неожиданно со своими приближёнными появляется Юрий Дмитриевич Звенигородский, ушедший таким образом из-под удара войска Василия Васильевича в самом начале войны за великое княжение (ПСРЛ. Т. 25. С. 246). В этой связи обязательство звенигородского князя не вступаться в г. Нижний Новгород, зафиксированное в договоре от 11 марта 1428 г., обретает особую значимость.

Пребывание Юрия Дмитриевича в Нижнем Новгороде в 1425 г. было кратким – от одного до четырёх месяцев. Согласно Московскому своду конца XV в., оно могло начаться весной и завершиться до 24 июня. В указанный день митрополит Фотий находился на пути в г. Галич, где уже был Юрий Дмитриевич, вытесненный из нижегородских пределов Василием Васильевичем (ПСРЛ. Т. 25. С. 246). Описание этих событий помещено в летописные своды без какого-либо указания на владельческую принадлежность Нижнего Новгорода.

Последнее посещение Юрием Дмитриевичем города в устье р. Оки произошло в 1431 г. (6939 г.), после разрыва мира с Москвой (ПСРЛ. Т. 25. С. 248). Как и в 1425 г., он покинул г. Нижний Новгород под угрозой великокняжеского войска и остановился на правом берегу Суры. После отступления противника звенигородский князь вернулся не в г. Галич, а опять в г. Нижний Новгород. По тексту Вологодско-Пермской летописи мир с Василием Васильевичем, был расторгнут в конце 6938 г. (зимой 1430–1431 гг., см.: ПСРЛ. Т. 26. С. 186). Сразу после этого, Софийская II – Львовская и Ермолинская летописи указывают на приезд Юрия Дмитриевича в г. Нижний Новгород. Последующее сообщение извещает о его поездке на суд к Улу-Мухаммеду в Орду, куда Юрий Дмитриевич отправился позднее своего соперника, 18 сентября 1431 г. (Псковские летописи, 1955. С. 126; Зимин, 1991. С. 45). Таким образом, на этот раз время нахождения ставки Юрия Дмитриевича звенигородского в г. Нижнем Новгороде может быть очерчено сроком до восьми – девяти месяцев. О.В. Тростьянский на основании результатом совместного поштемпельного анализа серебряных монет Юрия

Дмитриевича и Даниила Борисовича высказал предположение о том, что звенигородский князь во время своего пребывания в г. Нижнем Новгороде, вероятно, мог организовать даже чеканку собственной монеты (Тростьянский, 2009. С. 55, 56, 78).

Последнюю попытку воссоздания великого Суздальско-Нижегородского княжества письменные источники фиксируют в середине 40-х гг. XV в. Второй раз с подачи хана-изгоя Улу-Мухаммеда, в это время объединяются гг. Нижний Новгород, Суздаль и Городец. Это становится возможным в январе 1445 г. после захвата ордой Улу-Мухаммеда Нижнего Новгорода и почти на целый год превращения его в свою временную ставку. После боя под г. Суздалем и пленения Василия II 7 июля 1445 г. Улу-Мухаммед, как когда-то хан Узбек, выводит городские и нижегородские земли из-под юрисдикции великого князя и передаёт их представителям суздальской династии Василию и Фёдору Юрьевичам – внукам Василия Кирдяпы (ДДГ. № 40. С. 119–120).

Уход татарского войска из г. Нижнего Новгорода привёл к тому, что уже в середине марта 1446 г. в городе вновь появились представители великокняжеской администрации (АФЗХ. Т 1. № 232. С. 203–204; Кучкин, 2011. С. 208).

Линия преемственности московских наместников впоследствии уже не имела разрывов. Василий Тёмный, намереваясь исключить в будущем возможные попытки суздальских князей вернуть себе Нижний Новгород, жаловал их бывшими родовыми землями в обмен на службу, отказ от старых ханских ярлыков и обязательство не принимать новых (ДДГ. № 52. С. 155–159; Назаров, 1999. С. 187–188; Горский, 2004. С. 166).

Завершение длительной феодальной войны, наступившее вместе с утверждением на великом столе династии сына Дмитрия Донского – Василия, определило и важный рубеж в нижегородской истории. В середине XV в. завершается длительный процесс политического слияния Нижнего Новгорода и земель его округа с владениями великих московских князей, что зафиксировано в духовной грамоте Василия II 1461–1462 гг. (ДДГ. № 16. С. 197; Чеченков, 2001. С. 54).

3.1.3. Социально-политические предпосылки изменения функциональной организации территории, ассоциируемой с Нижним Новгородом

Власть великокняжеских наместников в Нижнем Новгороде с осени 1392 по весну 1446 гг. прерывалась минимум восемь раз. Оценка суммарного времени правления в городе представителей суздальской династии за этот период варьирует от 4,5 до 10,5 лет³⁶. Если не принимать в расчёт двухнедельное удержание города Семёном Дмитриевичем (вместе с татарским отрядом Ентяка) в 90-х гг. XIV в., весь, составленный из отдельных промежутков, срок приходится на правление Даниила Борисовича. Чем обеспечивалась его власть в огромном по средневековым меркам регионе, насколько нижегородские князья периода политической неустойчивости первой половины XV в. были самостоятельны?

Прямые указания на обстоятельства первого вокняжения Даниила Борисовича в г. Нижнем Новгороде в отсутствуют среди сохранившихся летописных сообщений. Вероятно, тогда, претендуя на нижегородский стол, он мог опираться только на собственные силы и возможности своих именитых родственников (Чеченков, 2007б. С. 344, 345). Очевидные успехи Борисовичей в политическом противостоянии с Москвой, по мнению П.В. Чеченкова, определяют овладение крупным столичным центром, привлечением на свою сторону многочисленных представителей именитых родственников, удержании земель г. Нижнего Новгорода вплоть до начала 1415 г. (Чеченков, 2007б. С. 343). Вряд ли эти успехи могли быть достигнуты без могущественного покровителя. В 1408–1411 гг. им мог быть только могущественный эмир Едигей. Влиятельный и властолюбивый тёмник, сумевший на время скрепить своей властью золотоордынские улусы, любой ценой стремившийся воссоздать прежний порядок в русско-ордынских отношениях, – не мог оставаться безучастным наблюдателем ситуации, сложившейся на разоренной окраине русских земель. Вряд ли случайно успешное начало первого правления Даниила Борисовича, отмеченное овладением нижегород-

³⁶ Первое княжение Даниила Борисовича: начало – зима 1408–1409 гг. или июль 1410 г., конец – январь 1415 г. (от 4,5 до 6 лет); второе княжение: начало – январь 1424 или 1425 гг., конец – до 8 февраля 1425 г. или до 11 марта 1428 г. (от 1 месяца до 4,5 лет). Минимально возможному сроку второго правления (январь – начало февраля 1425 г.) противоречит большое количество типов монет, отчеканенных в это время (см.: Тростьянский, 2009. С. 119–126).

ской землёй, безнаказанным разграблением великокняжеского Владимира, победоносной битвой с большим московским войском «на Лыскове», приходится на правление хана Пулата – беспомощного и недееспособного ставленника Едигея. В военных походах, как свидетельствуют летописные источники, братьям Борисовичам оказывали помощь мордовские, болгарские и жукотинские князья, отряды которых во время похода Едигея на Русь при номинальном правлении в Орде хана Пулата зимой 1408–1409 гг., разорили г. Городец и г. Нижний Новгород. В качестве свидетельства политической зависимости от властителей Волжского царства, наверное, можно рассматривать изображения на реверсах серебряных монет первого периода правления Даниила Борисовича. Эти изображения – подражания оформлению реверсам дангов Болгара (Тростьянский, 2009. С. 107–109), который находился под властью ставленников Едигея, лояльных своему сюзерену до конца 1411 – начала 1412 гг. (Сафаргалиев, 1960. С. 186).

После того, как хан Пулат умер, а Едигей изгнан из Поволжья в далёкий Хорезм, наследные правители Нижнего Новгорода были вынуждены искать другого покровителя. Им стал, захвативший на короткий срок власть в Орде, сын Токтамыш хан Джелал ад-дин. Но смута между ставленниками Едигея и сыновьями Токтамыша сильно осложнила положение на Средней Волге. Поволжские земли вновь утратили единоначалие, а представители суздальской династии к 1415 г. уже не могли рассчитывать на политическую поддержку. В январе 1415 г. нижегородские князья впервые оказались перед перспективой военного противостояния с Московским княжеством без опоры на могущественного союзника. Не рассчитывая на собственные возможности, они покинули г. Нижний Новгород ещё до прихода сюда московского войска. Второй раз Даниил Борисович, как уже отмечалось, «...вышел на свою отчину от Махметя царя...».

Таким образом, в обоих эпизодах реставрации великого княжения на землях Нижнего Новгорода реальную политическую независимость его главный «держатель» проявлял только по отношению к великому князю, что, очевидно, соответствовало расстановке политических сил, благоприятной для ордынских владык. Только устойчивость власти последних в Поволжье могла обеспечить

удержание нижегородских земель представителями суздальской княжеской династии (Кучкин, Флоря, 2011. С. 201). Опосредованное воздействие на их политические возможности, очевидно, оказывал и Витовт (Горский, 2004. С. 168), который имел сложные переменчивые отношения с Москвой, но всегда активно выступал на стороне соперников темника Едигея в самой Орде. Именно его ставленники – ханы Джелал ад-дин и Улу-Мухаммед – имели непосредственное отношение к утверждению Даниила Борисовича на нижегородском столе.

Конфронтация нижегородских князей с Москвой во время их правления в г. Нижнем Новгороде неизбежно удерживала вектор основных политических и экономических связей региона в восточном направлении. На это указывает география распространения находок отдельных монет нижегородских князей второго и третьего десятилетий XV в. и кладовых комплексов, в составе которых они преобладают (см.: Тростьянский, 2009. С. 81, 151–157). Такого рода находки обычно фиксируются в ареалах поволжских улусов Золотой Орды и крайне редко они за пределами суздальско-нижегородских земель на территориях других русских княжеств. Относительно невысокая стоимость драгоценного металла (серебра) в самом крупном кладе, найденном на месте столичного г. Сарая-ал-Махруса (на Селитренном городище), состав этого клада, отсутствие в нём денежных слитков, узкий хронологический диапазон основной массы монет – все эти особенности позволяют причислить владельца сокрытого сокровища не столько к купцам, мастерам-ремесленникам или земледельцам, сколько к воинам-наёмникам, получившим плату за службу денгами нижегородской чеканки (Тростьянский, 2009. С. 42, 43). Эта, высказанная О.В. Тростьянским, версия, с учётом, известного по летописям, прихода отряда ордынцев к Даниилу Борисовичу в 1410 г., правдоподобно реконструирует один из возможных способов проникновения нижегородской монеты в поволжские земли Золотой Орды. Распространению денги Нижнего Новгорода на Нижней и Средней Волге способствовало выравнивание веса и пробы серебра в монетном металле под норму дангов г. Болгара. Исключительно низкое, в целом, для русской денги XV в. содержание драгоценного металла в монетах г. Нижнего Новгорода закрывала им

дорогу на русский рынок, одновременно обеспечивая беспрепятственное хождение на рынках Золотой Орды (Тростьянский, 2009. С. 80). Таким образом, получаемое нижегородскими князьями серебро – в виде налогов от населения подвластной им «отчины» – выводилось из региона, пополняя финансовые ресурсы враждебного Москве Волжского Царства.

Кроме влиятельных покровителей из золотоордынской аристократии, князя г. Нижнего Новгорода, очевидно, могли рассчитывать и на поддержку со стороны именитых представителей местной социальной среды. Во владении их многочисленных родственников и бояр «по старине» находились суздальские, нижегородские и городецкие сёла, волости и угодья. Права на них были обеспечены, вероятно, политической независимостью от великокняжеской администрации³⁷, что обуславливало заинтересованность многих из местных вотчинников в её поддержании. Князья Нижнего Новгорода могли рассчитывать, наверное, и на содействие настоятелей нижегородских монастырей, ведь это их отцы, деды и родственники своими пожалованиями обеспечили землевладения Печерскому Вознесенскому, Благовещенскому, Николаевскому Дудину монастырям³⁸. Всё это может служить обоснованием одного из главных векторов великокняжеской политики в Нижнем Новгороде в первой половине XV в., нацеленном на формирование лояльной Москве местной социальной базы. По сведениям из актов, в данном ключе П.В. Чеченковым обозначен ряд мер, предпринятых представителями московской администрации (Чеченков, 2007а). К ним относятся: 1) изменение прежней традиционной структуры местного землевладения; 2) мероприятия по разделу старых вотчин нижегородских князей, их сокращение через принудительные продажи отдельных владений служилым князьям и боярам великого князя; 3) покровительство монастырским корпорациям путём выдачи подтвердительных грамот с предоставлением льгот и более выгодных условий³⁹; 4) переда-

³⁷ См. ДДГ. № 40. С. 118.

³⁸ См.: Антонов, Муштафаров, 2001. № 1. С. 418, 419; № 155. С. 446; АСЭИ. Т. 3. № 298. С. 326; АФЗХ. Ч. 1. № 229. С. 201, 202.

³⁹ Предполагаемое исследователем приращение монастырской собственности сложно доказать, так как есть упоминания и об отчуждении отдельных владений местных монастырей великокняжеской властью путём принуждения к продаже (см.: ДДГ. № 40. С. 118).

ча известного поддержкой князей – Борисовичей Благовещенского монастыря⁴⁰ в дом московского митрополита; 5) заселение селищ и пустошей в Нижегородской сельской округе переселенцами из других областей.

Во время феодальной войны соотношение сил московского князя и сторонников нижегородских князей, даже при непосредственном отсутствии последних в городе, могло удерживаться вблизи опасного равновесия. Это обстоятельство, очевидно, можно рассматривать в качестве возможной предпосылки дополнения исторического центра Нижнего Новгорода ещё одним компактным укреплением – резиденцией московской администрации, пространственно обособленной от «старого» города нижегородских князей.

После смерти Даниила Борисовича одной из причин обособления нового укрепления от районов традиционной городской застройки Нижнего Новгорода могли стать юридические обстоятельства. Судя по тексту надгробной молитвы, нижегородский князь был наделён высоким статусом в глазах московских властей (см.: Пудалов, 2000. С. 98). Это позволяет предположить, что его двор в г. Нижнем Новгороде не мог быть сразу после его смерти быть «отчуждён» и какое-то время находился во владении наследников. Отсутствие в городе участка земли, правом на владение которым располагал московский князь, также могло инициировать возведение великокняжеской резиденции за привычными границами городской территории.

Наконец, деятельное пребывание служилых людей великого князя в неспокойных пограничных землях Нижнего Новгорода, где многие противники Московского княжества могли сохранять своё влияние, требовало обеспечения надёжной защиты.

3.2. Нижний Новгород в 1445 году

3.2.1. Критический анализ летописных текстов

Обратимся к воссозданию исторического контекста летописных сообщений, разделяющих Нижний Новгород на «старый» и Новый (или «меншой»).

⁴⁰ См.: Пудалов, 2001а. С. 16.

Связанный с ними исторический эпизод обусловлен приходом войска хана-изгнанника Улу-Мухаммеда к Мурому. В трудах, освещающих события феодальной войны, этот сюжет специально не рассматривался (Зимин, 1991. С. 101–103; Горский, 2005. С. 145). При реконструкции вторжения Улу-Мухаммеда авторы, как правило, обращаются к ограниченному кругу летописей с наиболее подробными сведениями. Отсутствие критического анализа летописных фрагментов в ряде случаев породило ошибочные заключения и выводы. Например, в третьей книге «Истории России» Г.В. Вернадского предложено рассматривать военные действия зимы 1444–1445 гг. вне какой-либо связи с г. Нижним Новгородом, «перемещая» место их действия в поокский Касимов (см.: Вернадский, 1997. С. 322–323), что было справедливо оспорено А.А. Зиминым (1991. С. 244, 245, прим. 6).

В 2015 г. вышла в свет специальная статья, посвящённая описанию и оценке военного противостояния войску Улу-Мухаммеда на территории Нижегородского княжества в 1445 г. (см.: Несин, 2015). В ней реконструкция событий зимней кампании под г. Муромом выполнена путём простого соединения сведений из памятников различного происхождения. Выводы автора, полученные без попытки разрешения противоречий, легко вскрываемых простым сличением летописных текстов, лишены убедительности.

Источниковедческое рассмотрение соответствующего летописного материала впервые проведено В.А. Кучкиным, в статье, посвящённой исторической интерпретации сообщений середины XV в. о двух городах, в наименовании которых фигурирует «Нижний Новгород» (Кучкин, 1976). Основные сведения о событиях 1445 г., по мнению автора, содержатся в Московском своде 1479 г. и Софийской второй летописи. Ермолинская летопись «...сокращает более ранний рассказ, но содержит некоторые штрихи, указывающие на древность своего источника», а текст Никоновской – расширен «...за счёт вставки исторической справки и литературных амплификаций» (см.: Кучкин, 2011. С. 231). Среди списков великокняжеского свода 1479 г. автор отдаёт предпочтение источникам, лежащим в основе Воскресенской и Симеоновской летописей, совпадающих, по

его мнению, с соответствующими известиями сводов 1497 и 1518 гг. (Кучкин, 2011. С. 228). Однако, для решения более общей задачи, предполагающей реконструкцию исторической обстановки в г. Нижнем Новгороде и его округе в первой половине 1445 г. представляется необходимым привлечение более широкого круга летописей.

Наиболее ранние, наиболее приближенные к событиям 1445 г. по времени создания, летописи (середины XV – первой половины XVI вв.) содержат различные варианты описания похода великокняжеского войска против орды Улу-Мухаммеда. Разночтения источников приводят к противоречивым выводам. Следовательно, оценку ситуации, сложившуюся в те зимние месяцы вблизи устья р. Оки, необходимо предварить критическим рассмотрением сохранившихся летописных известий.

Самые ранние письменные свидетельства о зимней кампании 1444–1445 гг. содержатся в памятниках новгородского и псковского областного летописания. Древнейший вариант записи с интересующим эпизодом, созданный современником событий в далёком от волжских берегов г. Великом Новгороде, присутствует в годовой статье за 6953 г. Коммиссионного списка первой Новгородской летописи младшего извода (середины XV в.). Его текст: «Тое же зимы поиде князь великий Василии противу тотарского цесаря Махмета, и много христьянь от мраза изьмре, а иных Тотарове избиша и землю пусту сътвориша; и пособи богъ князю великому Василью, и побѣгоша Тотарове, а иные побьены быша» (НПЛ. С. 424–425). Этот фрагмент без сколько-нибудь существенных изменений присутствует в списках более поздних сводов новгородского происхождения (в Новгородской IV (под 6954 г., см.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 123), Летописи Авраамки (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 186), Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского (ПСРЛ. Т. 43. С. 180)). Сведения из Первой Псковской летописи ещё более лаконичны: «В лето 6954. Князь великой Василей Васильевичъ Московскій подымь всю силу Рускую, и поиде на окаянного царя Махмета провадити изъ своя земля, онъ же побѣже, и князь великой возвратися и поиде

взадъ, и ста въ Маковцѣ въ Сергѣевѣ монастыри, мѣсяца сентября...» (ПСРЛ. Т. 4. С. 212–213)⁴¹.

Более подробная информация о муромском походе помещена в летописях Северо-Восточной Руси. Их рассмотрение начнём с памятников независимого, так называемого, неофициального, летописания. По времени создания самая ранняя летопись этого круга – Ермолинская, единственный уцелевший список которой появился не позднее конца 80-х – начала 90-х гг. XV столетия (см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси..., 1989. С. 42). Только этот памятник в годовой статье 1444 г. (6952 г.) содержит известие о прологе военной кампании: «Царь Махметь нача помышляти къ Новугороду къ Нижнему, и князь великы повелѣ осады крепити» (ПСРЛ. Т. 23. С. 151). Текст статьи с описанием 1445 г. выдержан в строгом соответствии с хронологической последовательностью произошедших событий: «Царь прииде къ Мурому отъ Новагорода отъ Нижняго, и князь великы поиде противу ему къ Володимерю и посла на него воеводы, они же шедше, и побиша Татаръ подъ Муромомъ. Тогда же убиша Александра Иванова сына Костяньтиновича въ Гороховцѣ, подъ Орѣховцемъ, въ Новѣгородѣ Нижнемъ, а въ Новомъ затворишася воеводы князя великого, князь Федоръ Давидовичъ да панъ Юшко Драніца. А коли князь великы былъ въ Володимери, а тое же зимы пришли Литовьскыя воеводы...⁴² Тое же весны царь Махметь и сынъ его Мамутякъ послали въ Черкасы по люди, и прииде къ нимъ двѣ тысячи казаковъ и, шедшее, взяша Лухъ безъ слова царева, и приведоша полону много и богатства. Видѣвъ же царь множество корысти, и посла дѣтей своихъ, Мамутяка да Ягупа, въ отчины князя великого воевати. И прииде вѣсть князю великому, что царь отпусти на него дѣтей своихъ, и поиде противу ихъ съ Москвы въ Петрово говѣнье...» (ПСРЛ. Т. 23. С. 151). Этот текст до начала описания летних событий можно разделить на три главных, связанных логикой повествования, эпизода. Это: 1) сообщение о подходе орды Улу-Мухаммеда к г.

⁴¹ Указанные здесь дата события и месяц, в который войско Василия II вернулось в Москву, очевидно, ошибочны. По памятникам великокняжеского летописания, заслуживающим большего доверия (по цели и месту создания) возвращение великого князя в столицу состоялось «в пяток великыи вечерѣ», то есть 26 марта 1445 г. (см.: Зимин, 1991. С. 102).

⁴² Далее идёт рассказ о нападении литовцев на Верхнее Поочье, бое под Суходровом.

Мурому и об ответном походе московского князя; 2) известие о зимних военных действиях на западных окраинах Московского княжества, подвергшихся нападению в то время, пока московские войска были задействованы на восточном пограничье; 3) сведения о ситуации на восточном пограничье весной 1445 г. – о пополнении войска Улу-Мухаммеда казаками, разорении ими без дозволения хана небольшого г. Луха, осуществление нового нападения на «отчины» московского князя. Известия о битве под Суздаlem и пленении Василия Васильевича московского в Ермолинской летописи отсутствуют.

По другому структурирован текст статьи 1445 г. в Софийской второй и Львовской летописях⁴³. Представленный в них вариант записи отличается от «ермолинского» другим способом подачи материала, а также включением оригинальных подробностей. Освещение событий 6953 г. здесь начинается с известия о приходе литовских воевод, бое под г. Суходромом, и только после этого автор летописного текста переходит к рассказу о зимнем походе в район устья р. Оки: «Тое ж(е) зимы кн(я)зь велики Василеи Васильевич поиде ратью своею братиею на ц(а)ря Махметя, бѣ бо ц(а)рь съи пришелъ к Новуго//роду Нижнему и хотѣ ту зимовати, и по кр(е)щ(е)нии прииде к Мурому, а кн(я)зь велики поиде противу ихъ. Они же слышавшее, побѣгоша от Муромы, а воеводы великаго кн(я)зя угониша их и побиша их под Муромом и у Гороховца, под Гороховцем и в Нижнем Новѣгородѣ старом, а в меншом затворишас(ь) воеводы великаго кн(я)зя. Тогда ж(е) кн(я)зь велики сам былъ в Муромѣ, и татаръ били по селом. Тогда застрелили Александра Иванова Костянтиновича в ротъ и на боих руки знобили. Того ж(е) лѣт(а) татарове Лух воевали» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 103, 104). В этом фрагменте выделяются те же три блока сообщений, что и в отрывке из Ермолинской летописи. В отличие от последней, здесь произошло изменение последовательности в расположении описаний различных эпизодов, а в самом тексте не приведены какие-либо указания на причинно-следственные связи меж-

⁴³ Наиболее ранний Архивский список первого источника создан в первой четверти XVI в. – раньше списков второго (во второй половине XVI в.). Сравнение текстов этих двух памятников обнаруживает почти полное их совпадение. В дальнейшем будем опираться на Софийскую вторую летопись.

ду ними. В дальнейшем повествовании о событиях 1445 г. Софийская вторая и Львовская летописи повествуют о весеннем походе московского князя против татарского войска, руководимым сыновьями хана Улу-Мухаммеда. Здесь упоминается неожиданная встреча с воеводами из Нижнего Новгорода: «...пришедшее ж(е) ему въ Юрьевъ, и ту прибегоша к нему воеводы ноугородцкии, ку(я)зь [Федор] Долголядовъ да Юшка Драни[ца, град] же зжегши, понеже изнемого[ша з го]луду. Взяв же кн(я)зь велики Петро[в д(е)нь] въ Юрьеве, поиде к Суздалью...» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 104). Без существенных изменений это известие присутствует в памятниках официального московского летописания⁴⁴.

Ещё один вариант передачи интересующих событий содержится в Сокращённых сводах конца XV в. (1493 и 1495 гг.) (ПСРЛ. Т. 27. С. 272, 346) и в восходящем к ним списке И.Н. Царского Софийской первой летописи (ПСРЛ. Т. 39. С. 145). Текст о зимней кампании 1445 г. здесь ограничен сообщением, близким к отрывку из Софийской второй летописи. В одном из самых ранних, Мазуринском списке свода 1495 г. (рубежа XV–XVI вв.), он имеет следующий вид: «Зимѣ царь Махмет приходилъ к Моуромоу, и князь великии былъ самъ в Моуромѣ, и Татаръ побили по селом; тогда засьтрѣлили Александра Иванова сына Костянтиновича, и на бою их роуки знобили» (ПСРЛ. Т. 27. С. 346).

Появление в Сокращённом своде этого отрывка нельзя объяснить заимствованием из Софийской второй, так как её наиболее ранний Архивский список начала 30-х гг. XVI в. завершается 1518 г. Вряд ли справедливо и обратное предположение – о вставке данного фрагмента из Сокращённого свода в Софийскую вторую, так как её отрывок содержит деталь, отсутствующую в списках Сокращённого свода – обстоятельство гибели Александра Иванова, которого «...застрелили... в ротъ...». Близость текстов рассматриваемых памятников могла быть обусловлена общим источником. Текст последнего, скорее всего, лучше передаёт более детализованная запись Софийской II. Рукопись протографа, ис-

⁴⁴ См., например, в своде, представленном в Вологодско-Пермской летописи: «Пришедшу же ему въ Юрьевъ, и ту прибегоша к нему воеводы Ноугородцкии, князь Федор Долгольдов да Юшко Драница, град зжегше, поне же бо изнемогоша з голоду. Взят же князь велики Петров день въ Юрьевѣ...» (ПСРЛ. Т. 26. С. 197).

пользованного при создании наиболее раннего списка Сокращённого свода 1493 г., наверное, имела дефекты. На это указывает ошибочное написание существительного «боих», обусловленное отделением от него падежного окончания и превращением в местоимение, осложняющее понимание всей фразы («бою их»)⁴⁵. Это отразилось при передаче сообщения в списке И.Н. Царского Новгородской I (ПСРЛ. Т. 39. С. 145) и Никоновской (ПСРЛ. Т. 12. С. 62–63) летописях, а потом и в «Истории Российской» В.Н. Татищева (1996. Т. 5. Ч. 3. С. 259). Общий источник сообщение Софийской II – Львовской имело и с текстом соответствующей статьи Ермолинской летописи. В этом убеждает сопоставление отрывков этих памятников (Табл. 3).

Табл. 3 Сопоставление текстов Ермолинской и Софийской II летописей.

Ермолинская	Софийская II
<p>...и побиша Татаръ подъ Муромомъ Тогда же убиша Александра Иванова сына Костяньтиновича въ Гороховцѣ, подъ Орѣховцемъ, въ Новѣгородѣ Нижнемъ, а въ Новомъ затворишася воеводы князя великого, князь Федоръ Давидовичъ да панъ Юшко Драніца.</p>	<p>...и побиша их под Муромом и у Гороховца, под Гороховцем и в Нижнем Новѣгородѣ старом, а в меньшом затворишас(ь) воеводы великаго кн(я)зя. Тогды ж(е) кн(я)зь велики сам былъ в Муромѣ, и татаръ били по селом. Тогда застрелили Александра Иванова Костянтиновича в ротъ и на боих руки знобили.</p>

⁴⁵ Написание «на боих», как и в тексте наиболее раннего Архивского списка Софийской II, встречается в позднем (рубежа XVI–XVII вв.) Архивском списке Сокращённого свода 1495 г. (ПСРЛ. Т. 27. С. 346, прим. 54).

При чтении каждого из этих записей ощущается некоторая несообразность. В Ермолинской – в сложносоставном предложении, сочетающим известия об убиении Александра Иванова и «затворении» московских воевод, слаба логическая связь между отдельными частями: можно только догадываться о связи места обороны, обозначенного как «Новый», с г. Нижним Новгородом. В Софийской II – присутствует, требующее разъяснения, повторение: «...у Гороховца, под Гороховцем...». Сопоставление текстов показывает вставной и сокращённый характер сообщения о гибели Александра Иванова, нарушающего в Ермолинской летописи связное повествование – сохранившееся в Софийской II. Вместе с тем, чтение последней «под Гороховцем» весьма созвучно «подъ Орѣховцемъ» Ермолинской⁴⁶.

Различия в подробностях описания событий исключают использование одного текста при составлении другого⁴⁷. Описание эпизода о «побитии татар под Муромом», скорее всего, отражает сложное для прочтения место их общего источника. Дефектом гипотетического общего источника можно объяснить и

⁴⁶ В.А.Кучкин, на основании того, что города с названием «Ореховец» не существовало, предположил, что автором Ермолинской летописи была допущена ошибка (Кучкин, 2011. С. 230). Первичное чтение, по его мнению, сохранила Софийская II («под Гороховцем»). Вместе с тем, Ореховец упоминается в грамоте 1424 г.: «...взял есмь заводъ под Мещерским повыше Кобыляка, противу Ореховца на горной стороне» (АСЭИ. Т. 3. С. 467. № 484). Один из приведённых в её формуляре топонимов («Кобыляка») может быть соотнесён с островом, известным по другому акту (АСЭИ. Т. 3. С. 468. № 486); топоним «Мещерский», вероятней всего, также обозначает остров, известный в акватории р. Оки рядом с устьем р. Клязьмы (Топографическая карта..., 1987. Лист О-38-137). Поэтому «Орѣховец» Ермолинской летописи, скорее всего, – один из окских островов, который мог входить в Гороховецкую волость, находящуюся в середине XV в. в административном подчинении Нижнего Новгорода. Тогда в отрывке Ермолинской летописи указано место гибели Александра Иванова с исчерпывающей полнотой административной привязки – под островом Ореховцем в Гороховецкой волости Нижнего Новгорода («...в Гороховцѣ, подъ Орѣховцемъ, въ Новѣгородѣ Нижнемъ...»). Однако такое прочтение не устраняет отмеченную ранее несообразность, к тому же известие о смерти выше названного лица сокращено по сравнению с текстом Софийской II. Вместе с тем, предложенная интерпретация «Ореховца» (как острова на р. Оке) вселяет уверенность в правильной передаче данного топонима в Ермолинской летописи, а ошибочного – в Софийской II. Мнение М.А. Несина об Ореховце, как крепости близ г. Арзамаса, не подкреплено ссылкой на какие-либо источники (2015. С. 120).

⁴⁷ Так, в Ермолинской есть отчество воеводы Фёдора («Давидовичь»), в Софийской II – только фамилия («Долголядовъ»), отсутствующая в первой; только в Ермолинской Ю. Драница назван паном, сообщается о посылке в «Черкасы», вскрыты обстоятельства захвата Луха; только в тексте Софийской II–Львовской упомянуты детали гибели Александра Иванова.

различие в названии крепости, в которой затворились великокняжеские воеводы. В Софийской второй она названа Нижним Новгородом меньшим, в Ермолинской, судя по контексту, – Нижним Новгородом Новым.

Наблюдения над интересующими фрагментами памятников независимого летописания подтверждаются заключениями, сделанными на основании сравнительного изучения указанных памятников в целом. Ермолинская, Софийская II – Львовская летописи и Сокращённый свод конца XV в., по результатам исследования Я.С. Лурье, имеют общие места, восходящие к общему источнику – несохранившемуся кирилло-белозёрскому своду 70-х гг. XV в. (1976. С. 231).

Структуру текста рассматриваемого известия в гипотетическом общем источнике, наверное, лучше передаёт Ермолинская летопись. Редакция рассматриваемой годовой статьи в Софийской II – Львовской построена по иной логике, не предполагающей необходимость выстраивать последовательность описания отдельных событий в строгом хронологическом порядке. В тексте Софийской II главный акцент сделан на описании деятельности московского князя и его двора. Именно под такую смысловую «нагрузку» выстроена её композиция, нарушающая временную последовательность событий, присущую тексту Ермолинской. Этим, очевидно, объясняется исключение из повествования рассказа о войне на Верхней Оке, проходившей без непосредственного участия московского правителя⁴⁸. Поэтому и известие о зимних боях под г. Муромом сведено в единый связный текст с описанием похода под г. Суздаль, предзнаменованиями его бесславного исхода, рассказом о Суздальском побоище и последующим пленении Василия II. Очевидно целенаправленно в Софийской II – Львовской летописях автор сообщает читателю о присутствии московского князя в непосредственной близости от места боёв – при описании разгрома татар под Муромом: «...кн(я)зь велики сам былъ в Муромѣ...», что отсутствует в тексте Ермолинской

⁴⁸ Соответствие отражённой в Ермолинской летописи последовательности событий историческим реалиям подтверждается источниками западнорусского происхождения (см.: ПСРЛ. Т. 35. С. 60, 78, 110, 166). Упоминание о походе зимой 6953 г. когда «...московского великого князя не было тогда в земли, ходилъ к Мурому с татари битися...», включено в одну из старейших белорусско-литовских летописей, отражающей свод середины XV в., – Супрасльскую (ПСРЛ. Т. 35. С. 60).

летописи. В целом, отрывок из Софийской II – Львовской близок к варианту описания из памятников великокняжеского летописания. К последним относятся: Московский великокняжеский свод 1479 г. (по Эрмитажному списку⁴⁹), Вологодско-Пермская, Никаноровская⁵⁰, Симеоновская, Иоасафовская летописи, своды 1497 и 1518 гг. Сопоставление текстов их годовых статей за 1445 г. выявляет единичные весьма незначительные разночтения между ними и одну общую погрешность. Эта погрешность обусловлена нарушением логики повествования при передаче одного эпизода⁵¹.

Наименее дефектное и наиболее полное чтение передаёт Вологодско-Пермская летопись. Использованный в качестве её главного источника о событиях второй и третьей четвертей XV в. великокняжеский свод, по Я.С. Лурье датируется 1472 г. (1976. С. 147), по Б.М. Клосс – 1477 г. (2006. С. VIII). В Кирилло-Белозёрском списке памятника события изложены так: «А князь велики Василеи Васильевич пошел тогда, со всею братьею к Володимерю, князь Дмитри с ним Шемяка, князь Иван да князь Михаило Ондреевичи, князь Василеи Ярославич и со всѣми князи своими, и боляры, и воеводами, и со всѣми людьми против царя Махметя. Пришед бо сѣл в Новѣгородѣ в Нижнем старом и оттуду поиде к Мурому. Князь же велики слышев то и взявъ крещение в Володимере, поиде против ему со всею братьею и со всѣми людьми к Мурому. Царь же, слышев то, возвратися бѣгомъ к Новгороду, а переднии полци великого князя биша Татаръ под Муромом и в Гороховце, и во иных мѣstech. А царь седе в Муромѣ, а татарове в то же время, коли царь под Муром ходил, Лух воевали. А князь велики возвратиси, идее к Суздалю, а оттоле к Володимерю, а из Володимеря прииде на Москву в пяток великыи вечерѣ» (ПСРЛ. Т. 26. С. 196, 197). В Эрмитажном

⁴⁹ В более раннем Уваровском списке лист с рассматриваемой статьёй не сохранился.

⁵⁰ Первая редакция Вологодско-Пермской летописи (Лондонский список 1499 г.) пока не опубликована. Вторая редакция, доводящая текст до 1528 г., представлена Академическим списком, третья, текст которой доходит до конца 30-х гг. XVI в., – Кирилло-Белозёрским, Синодальным и Чертковским (Клосс, 2006. С. V). Отрывок с интересующим эпизодом из Вологодско-Пермской летописи полностью совпадает с соответствующим текстом Никаноровской. Последнюю исследователи склонны рассматривать как извлечение из первой (Клосс, 2006. С. XIV).

⁵¹ Во фразе «А царь седе в Муромѣ». Комментарий смотри далее по тексту.

списке (XVIII в.) не указано название разорённого татарами г. Луха («...коли царь под Муром приходиль, воевали...»), отдельные выражения имеют сокращения («А князь велики Василеи Васильевич пашед с своею братьею...»), приведено явно ошибочное наименование города Муром (а также в сводах 1497 и 1518 гг.), в начале известия пропущено наречие «тогда», соотносящее по времени бои под г. Муромом с приходом литовских воевод к гг. Калуге и Козельску. Это существенно для понимания реальной последовательности событий, поскольку в Вологодско-Пермской, как и в других выше названных памятниках, статья 6953 г. начинается с описания боевых столкновений в Верхнем Поочье. В погодные статьи 1445 г. сводов 1497 и 1518 гг. вставлены ошибочные написания фамилии нижегородского воеводы князя Фёдора⁵² и название города Курмыш⁵³. Однако свод 1518 г. включает в себя оригинальное сообщение о дате начала похода московского князя: «В лѣто 6953. Приходили Литва к Колоузе. О бою под Соуздадем. Тое же осени князь великии Василеи Василевичь пошел со всею братиею к Володиморю...» (ПСРЛ. Т. 28. С. 270). Эта дата, вроде бы, входит в противоречие со сведениями из Софийской II – Львовской летописей, которые связывают начало похода с зимой 1444–1445 гг. Вместе с тем, зимой 6953 г., согласно тексту источника, произошёл не выход войска из г. Москвы (во Владимир), а началось его движение уже непосредственно на встречу врагу под Муром, после того, как Улу-Мухаммед «...по кр(е)щ(е)нии прииде к Мурому, а кн(я)зь велики поиде противу ихь...».

От текста Софийской II – Львовской летописей вариант описания событий 1445 г. в памятниках, отражающих великокняжеские своды второй половины XV в., отличается следующим – в нём содержится перечень участников похода великого князя; указан маршрут отхода войска к Москве и названа дата прибытия в столицу великого князя; отсутствует известие о гибели Александра Иванова и замечание о сильном морозе. Все эти отличия указывают на то, что в сообщении,

⁵² В своде 1497 г. «Долъголядов» исправлено из «Дълоголядов» (ПСРЛ. Т. 28. С. 103), в своде 1518 г. – «Долгирядов» (ПСРЛ. Т. 28. С. 270).

⁵³ В обоих сводах читается как «Кормыш» (ПСРЛ. Т. 28. С. 104, 271).

составленном великокняжеским летописцем, ещё более усилен акцент на освещение деятельности московского князя.

Наиболее подробное описание событий 1445 г. содержится в Никоновской и Воскресенской⁵⁴ летописях XVI в. За его основу взят текст из близкого к Вологодско-Пермской летописи великокняжеского свода. В обоих памятниках сообщение дублировано записью, составленной на основе рассмотренного выше варианта из Сокращённого свода⁵⁵. В Никоновской оно дополнено сведениями из Новгородской первой летописи младшего извода.

В тексте Никоновской летописи Нижний Новгород, как на место, откуда под г. Муром пришёл Улу-Мухаммед и куда затем он возвратился при выступлении великокняжеского войска, сопровождается определением «Старый». Повествование о событиях зимы 1445 г. здесь дополнено исторической справкой о противостоянии великого князя с Улу-Мухаммедом: «Прежде бо сего пришель ис Поля, согнанъ з Болшіа Орды отъ брата своего Кичи-Ахметя, и прииде къ Бѣлеву и сядеся въ Бѣлевѣ.. Изъ Бѣлева поиде царь къ Новугороду къ Нижнему и засяде Новъгородъ Нижней Старой...» (ПСРЛ. Т. 12. С. 63–64). Сообщение о захвате Нижнего Новгорода Улу-Мухаммедом непосредственно после сражения под г. Белевым (ещё в 1438 г.), приводит к логичному выводу о пребывании ханской ставки в городе на окском устье в течение длительного времени – с весны 1438 г. до 25 августа 1445 г., то есть семи с половиной лет.

Такой вывод на основании текста Никоновской летописи сделал В.В. Вельяминов-Зернов (1863. С. 6–11). Впоследствии его поддержали В. Поголяев (1867. С. 27–29), С.Х. Алишев (2009. С. 118–119) и ряд других историков. Однако с лежащим в его основе известием Никоновского свода⁵⁶ входит в противоречие более ранняя Ермолинская летопись. В её статье за 1444 г. «царь Махмет» начал «помышлять» к г. Нижнему Новгороду только за год до памятного боя под г. Суздалем (ПСРЛ. Т. 23. С. 151). Это сообщение указывает на то, что, по край-

⁵⁴ Никоновский свод составлен в конце 20-х гг. XVI в., Воскресенская летопись – в первой половине 40-х гг. XVI в. (Словарь книжников и книжности..., 1989. С. 40, 50–51).

⁵⁵ В Воскресенской летописи этот фрагмент помещён в статью 6952 г.

⁵⁶ Попавшему в «Историю Российскую» В.Н. Татищева (1996. Т. 5. Ч. 3. С. 259).

ней мере, в 1444 г. г. Нижний Новгород находился под властью московской администрации. Поэтому текст исторической справки из Никоновской летописи, разрывающий последовательное повествование из Московского великокняжеского свода, очевидно, должен быть определён в качестве вставки первой половины XVI в. Возможность столь длительного удержания г. Нижнего Новгорода Улу-Мухаммедом в конце 30 – первой половине 40-х гг. XV в. опровергали многие исследователи (см.: Кунцевич, 1905. С. 247–248; Худяков, 2004. М. С. 22–23; Сафаргалиев, 1996. С. 496; Бахтин, 2008. С. 120–125; Кучкин, 2011. С. 235).

Вставка сопровождает и отрывок из Никоновского свода, заимствованный из Новгородской первой летописи младшего извода. В заключительной части этого новгородского известия названо место укрытия разгромленных отрядов Улу-Мухаммеда: «И пособи Богъ великому князю Василию, и побѣгоша Татарове въ Нижній-Новѣгородъ Старой, отнюдуше пришли...» (ПСРЛ. Т. 12. С. 63), что противоречит сообщению Софийской II – Львовской летописей, согласно которому татары тогда были выбиты и из Нижнего Новгорода «старого».

Если текст о 1445 г. Никоновской летописи отличаются оригинальные комментарии, часто противоречащие сведениям из более ранних памятников, то текст Воскресенской в отдельных деталях, скорее, следует варианту описания событий из Софийской II – Львовской. Погодная статья 6953 г. Воскресенской летописи почти повторяет соответствующий текст Вологодско-Пермской. От последней её отличает присутствие заголовка и незначительные сокращения⁵⁷.

Рассмотренные тексты о событиях 1445 г. под г. Муромом отражают разновременные редакции великокняжеского свода. Всех их, за исключением отрывка из Воскресенской летописи, объединяет неувязка, нарушающая общую логику повествования. Она проявляется в сообщении о приходе Улу-Мухаммеда в сам г. Муром («А царь седе в Муромѣ»), интерпретируемое историками как захват татарским войском этого города (Зимин, 1991. С. 101; Горский, 2005. С. 145). Это сообщение помещено между известиями о разгроме татар под гг. Му-

⁵⁷ Выпущено упоминание о первом пункте похода московского князя – Владимира (ПСРЛ. Т. 12. С. 112).

ромом, Гороховцом и возвращении войска Василия Васильевича в г. Москву, что порождает неопределённость в вопросе о побеждённых и победителях. Данной описки нет в Воскресенской летописи, в которой соответствующая фраза читается следующим образом: «...а самъ князь великій тогда съде въ Муромѣ» (ПСРЛ. Т. 8. С. 112). Отсутствует она и в более ранних списках Софийской II – Львовской, Сокращённого свода конца XV века, Софийской I летописи по списку И.Н. Царского, что отличает эти источники от сообщений памятников официального великокняжеского летописания.

Общие места с Софийской II присутствуют и во втором варианте описания интересующих событий из Воскресенской летописи. Соответствующий текст в целом очень близок фрагменту из Сокращённого свода. Вместе с тем, его передача напоминает отрывок из Софийской второй: в сообщении об убиении Александра Иванова указано место поражения («въ ротъ»), чего нет в Сокращённом своде; в сообщении о том, что татар побили по сёлам, также, как исключительно в Софийской второй, глагол использован без приставки («Татарь били по селомъ» вместо «Татарь побили по селом»); написание «на боехъ» напоминает «на боѣхъ» Воскресенской редакции Софийской второй летописи (ПСРЛ. Т. 8. С. 111). На основании указанных совпадений можно предположить, что отмеченные «исправления» возникли не как результат обращения к более ранним протографам записей великокняжеского или Сокращённого сводов, а, скорее, по причине их сверки по одному из списков Софийской второй летописи.

Для реконструкции событий зимы 1444–1445 гг. достаточно привлечь Коммиссионный список первой Новгородской летописи младшего извода, Ермолинскую, Софийскую II – Львовскую, Вологодско-Пермскую, Уваровскую летописи. Остальные летописи вторичны по отношению к выше перечисленным или содержат менее полные, иногда – более дефектные, тексты.

3.2.2. Реконструкция событий

Московские власти были заранее оповещены о возможности появления орды Улу-Мухаммеда под Нижним Новгородом в 1444 г. (см.: ПСРЛ. Т. 23. С. 151). Упоминаемый летописью указ великого князя «крепить осады», наверное,

означал необходимость принятия срочных мер по ремонту, дополнительному оборудованию, обеспечению съестными и прочими припасами связанных с городом укрепленных центров⁵⁸. Из сообщения 1444 г. можно сделать три вывода: 1) перед нападением на Нижний Новгород в нём находилась великокняжеская администрация; 2) город располагал несколькими различными укреплениями⁵⁹; 3) появление крепостей в Нижнем Новгороде произошло до извещения о возможном нашествии, так как, в соответствии с указом великого князя их нужно было «крепить», а не строить.

Появление Улу-Мухаммеда в г. Нижнем Новгороде произошло, вероятно, ещё осенью 1444 г. Косвенное указание на это содержится в сообщении Уваровской летописи о начале похода московского князя (см.: ПСРЛ. Т. 28. С. 270). Степняки захватили тогда не весь город, а только ту его часть, которую авторы официальных великокняжеских сводов называют Нижним Новгородом «старым» (ПСРЛ. Т. 26. С. 196). Следовательно, другое автономное укрепление, известное под названием Нижний Новгород «меншой» (или Новый), удерживалось воинами великого князя вплоть до прихода московских полков. Длительность этой первой, не упомянутой в источниках, осады, определяется по двум датам, указывающим на выход московского войска из Владимира к г. Мурому (после Крещения, то есть после 6 января 1445 г.) и возвращение Василия II в столицу («в пяток великый вечеръ» – 26 марта 1445 г., см.: Зимин, 1991. С. 102). Её возможное значение – от полутора (декабрь 1444 г. – середина января 1445 г.) до шести месяцев (с сентября 1444 г. по начало марта 1445 г.).

Выдвижение отрядов Улу-Мухаммеда из г. Нижнего Новгорода к г. Мурому началось перед Крещением, скорее всего, в конце декабря – начале января. Им на встречу из г. Владимира после 6 января выступило многочисленное московское войско. После известия об этом, хан Улу-Мухаммед вернулся в Нижний Новгород, а его рассредоточенные отряды завязали бои с передовыми москов-

⁵⁸ Слово «осада» по контексту летописного сообщения следует понимать в значении защищённого, укрепленного места (Срезневский, 1989. Стб. 712, 713).

⁵⁹ О чём свидетельствует форма множественного числа слова «осада», тогда как обычное его использование применительно к сходной ситуации предполагает форму единственного числа (см.: Срезневский, 1989. Стб. 712, 713).

скими полками у г. Муром и в волости Гороховца, куда татары проникли, скорее всего, перейдя по льду р. Оку около устья р. Клязьмы («подъ Орѣховцемъ»), где также имели место боевые столкновения. Выбивая из захваченных сёл, степняков постепенно оттеснили от окрестностей г. Мурома. Нанесённый ими ущерб был значителен: «...землю пусту сътвориша...» (НПЛ. С. 424–425). Из-за нашествия 1445 г., вероятно, была упразднена Мещерская волость – на окском левобережье вблизи устья Клязьмы (см.: Чеченков, 2004а. С. 30–31).

Боевые столкновения проходили при крепких морозах, из-за чего цена одержанной победы оказалась высокой. Об этом красноречиво свидетельствует текст Новгородской летописи, в котором отмечено большое число потерь среди московского воинства, понесённых, как по ходу боёв, так и по причине лютых холодов (НПЛ. С. 424–425). Однако, невзирая на все издержки и понесённые потери, военная операция по захвату Мурома не удалась: не хан Улу-Мухаммед, а великий князь Василий II «сел в Муроме», и русское войско очистило Нижний Новгород от присутствия татарской орды (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 104). После одержанной победы в г. Нижнем Новгороде была оставлена застава под управлением двух воевод – князя Фёдора Давидовича Долголядова и пана Юшко Драници. Их гарнизон был размещён («затворишася») в Нижнем Новгороде Новом (или «меньшом»). При этом Нижний Новгород «старый», очевидно, был оставлен без воинского присутствия.

Весной 1445 г. отошедший от окского устья Улу-Мухаммед послал за подкреплением. Оно пришло из Черкас в виде двух тысяч наёмных казаков, которые внезапно «без слова царева» разграбили г. Лух (ПСРЛ. Т. 23. Стб. 151). Узнав о лёгкой добыче, Улу-Мухаммед направил на «отчины» великого князя сыновей – Махмутека и Якуба. К этому времени хан со своей ордой, скорее всего, вернулся в Нижний Новгород Старый, а в Нижнем Новгороде Новом началось второе осадное сидение, продолжавшееся почти до 29 июня (до Петрова дня). Накануне этой даты гарнизон тайно покинул своё укрепление «...град зжегше, поне же бо

изнемогоша з голоду». В г. Юрьеве бежавшие соединились с великокняжеским войском, которое за месяц до этого⁶⁰ выступило в поход (ПСРЛ. Т. 26. С. 197).

После разгрома русского войска под г. Суздаlem 7 июля 1445 г. в г. Нижний Новгород в – в ставку Улу-Мухаммеда – был привезён захваченный в плен великий московский князь Василий Васильевич. Через полтора месяца, 25 августа, татары Улу-Мухаммеда покинули район окского устья и перебрались в город Курмыш на р. Суре (ПСРЛ. Т. 25. С. 263)⁶¹.

Нижний Новгород служил временной ставкой Улу-Мухаммеда в течении около девяти месяцев, вероятно, с небольшим перерывом, – с конца осени (ноября) 1444 г. до 25 августа 1445 г. Численность «расквартированных» в городе степняков в это время можно оценить по известной численности войска Махмута и Якуба, вышедшего из г. Нижнего Новгорода под г. Суздаль. Согласно сведениям из большинства сводов XV в., она составляла 3500 человек (ПСРЛ. Т. 6. С. 171; Т. 25. С. 263; Т. 26. С. 198; Т. 28. С. 104, 271)⁶². В городе, очевидно, пребывали тогда и семьи большинства воинов Улу-Мухаммеда. Последний и сам ходил в походы вместе с детьми и «царицами»⁶³.

В 1445 г. численность захватчиков явно превосходила численность жителей Нижнего Новгорода: даже в начале XVII в. в нём проживало от 3200 до 3500 взрослых мужчин (Любомиров, 1917. С. 14). Длительность их пребывания на Нижегородской земле привела к её разорению. События 1445 г. в череде испытаний, выпавших на долю средневекового города и его земель, отличались наибольшими разрушительными последствиями: память о «мамотяковщине» сохранялась спустя десятки лет (Сборник Муханова, 1866. С. 561).

⁶⁰ После начала Петрова поста. В 1445 г. он начался 29 мая.

⁶¹ Упоминания об Улу-Мухаммеде в русских летописях исчезают после известия об отпущении Василия I из Курмыша. Это случилось 1 октября 1445 г. По Никоновской и Воскресенской летописям, осенью 1445 г. в г. Казань из Курмыша во главе войска пришёл его старший сын Махмутек, убивший здесь местного «вотчича» Либяя и провозгласивший себя казанским ханом (ПСРЛ. Т. 8. С. 114; Т. 13. С. 251). Не исключено, что город Курмыш стал последним пристанищем хана-изгнанника (см.: Алишев, 2009. С. 120).

⁶² В Холмогорской летописи второй половины XVII в. указана явно ошибочная численность татарского войска в 1500 воинов (ПСРЛ. Т. 33. С. 105).

⁶³ «Царицы» Улу-Мухаммеда упоминаются при описании похода на г. Москву 1439 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491); при выходе из г. Нижнего Новгорода летописец упоминает только его детей (ПСРЛ. Т. 25. С. 263).

Война Улу-Мухаммеда с Василием II, начало которой было положено под г. Белевым, по времени совпадает с началом Казанского ханства, объединившим небольшие и разрозненные княжества бывшего Болгарского улуса Золотой Орды⁶⁴. Социально-экономические предпосылки для возникновения нового государства в Среднем Поволжье проявились ещё вблизи рубежа XIV–XV вв., когда после нашествия Тимура, в лесное Заволжье устремились переселенцы из остепенённых, наиболее заселённых, районов Волжской Болгарии (Бахтин, 2008. С. 80, 81). Нижегородские события 1445 г. могут быть осмыслены в плане начала противостояния Московской Руси и Казанского ханства, противоборства, нацеленного на выяснение границ, разделяющих территории политического влияния этих двух новых нарождающихся государств Восточной Европы.

Захват г. Нижнего Новгорода и его длительное удержание Улу-Мухаммедом стали своеобразным опытом «предложения» района прокладки границы одной из противоборствующих сторон. Перед выходом из г. Нижнего Новгорода, основатель казанской династии предпринял попытку закрепить своё влияние в обширном пограничном пространстве, в которое после Суздальской битвы были превращены поволжские земли бывшего Нижегородско-Суздальского княжества. На короткий срок они вновь были объединены и переданы в держание внукам Василия Дмитриевича Кирдяпы – князьям Василию и Фёдору Юрьевичам. По тексту составленного во второй половине 1445 г. окончания – между ними и представляющим тогда интересы Московского княжества Дмитрием Юрьевичем Шемякой – суверенные права наследников нижегородских князей утверждались на города Нижний Новгород, Городец, Суздаль, Вятку (ДДГ. № 40. С. 119; Кучкин, Флоря, 2011). Возрождённая таким образом «авто-

⁶⁴ Одни исследователи датируют сложение Казанского ханства 1438 г. и связывают это с Улу-Мухаммедом, ушедшим в Казань ещё из г. Белева, другие – 1445 г., когда, согласно Никоновской и Воскресенской летописям, его сын Махмутек был провозглашён казанским ханом (Бахтин, 2008. С. 109, 125, 126). Последняя версия более подкреплена источниками (Бахтин, 2008. С. 109, 110). Авторитет и наверняка немалые средства, полученные Махмутеком в результате победы над войском Василия II, ускорили политический процесс, породивший новое государственное образование на Волге.

номия» означала независимость от великого князя и жёсткий протекторат со стороны орды Улу-Мухаммеда и его сына Махмутека.

О стремлении татар хана-изгоя закрепить за собой нижегородские земли свидетельствует эпизод из «Жития Макария Желтоводского и Унженского» – нижегородского святого, последний период жизни которого церковная традиция соотносит со временем формирования Казанского ханства⁶⁵. Первая краткая редакция памятника, сохранившаяся в рукописи XVIII в., была составлена около 1552 г. (Понырко, 1988). По её тексту, после разорения обители святого на Жёлтых водах⁶⁶ во время нашествия Улу-Мухаммеда на г. Нижний Новгород, татарским военачальником Святой Макарий был отпущен из плена с обязательством покинуть обжитое место (Житие Макария Желтоводского..., 2005. С. 272, 273). В другой редакции памятника повеление не возобновлять в устье Керженца монастырь было обусловлено тем, что «...понеже эта земля...Казанскому ханству прилежащая» (Минеи – Четьи..., 1875. Л. 148)⁶⁷. Возможно, первые татарские сёла на юго-востоке Нижегородского Поволжья – в Посурье, недалеко от г. Курмыша, возникли не без попечительства Улу-Мухаммеда, о чём может свидетельствовать близкая к событиям дата основания одного из них (1451 г.), сохранившаяся в позднейшем списке погодных записей мечети села Красная Горка Краснооктябрьского района Нижегородской области (Сенюткин, 2001. С. 95, 96).

Ограниченные возможности новых владельцев Нижегородско-Суздальского княжества, явная переоценка их сюзеренами значения победы над Василием II проявились уже вскоре после ухода татарского войска. Заняв на короткий срок великий стол Дмитрий Шемяка, уже к середине марта 1446 г.

⁶⁵ Известие о нём содержит Ермолинская летопись, приписывающая «мужу святому» Макарию, игумену Желтоводскому, участие в церковном соборе 1446 г. (ПСРЛ. Т. 23. С. 153).

⁶⁶ На левобережье р. Волги вблизи устья р. Керженец, в 80 км к востоку от Нижнего Новгорода.

⁶⁷ Профессор иеромонах Макарий, опубликовавший в 1850 г. «Сказание о жизни и чудесах преподобного Макария», написанное по разным редакциям памятника, отразившимся как в Четьи Минеи, так и в доступных для автора двух рукописных житиях, предпринял попытку обосновать предположение, что татарским воеводой, разговаривавшим с преподобным, был сам Улу-Мухаммед (Преподобный Макарий..., 2004. С. 29).

аннулировал заключённые договорённости⁶⁸. Внуки Василия Кирдяпы числились владельцами нижегородского стола менее девяти месяцев (с 7 июля 1445 по 14 марта 1446 г., см.: Кучкин, Флоря, 2011. С. 203)⁶⁹.

Ханская власть в Среднем Поволжье способствовала быстрому развитию местного рынка. Город Казань ещё при Махмутеке (до 1464 г.) стал известен как крупнейший центр поволжской торговли. Тяготеющий к нему отрезок Волжского пути обрёл безопасность и спокойствие⁷⁰. Место добычи военных трофеев сдвинулось на периферию Казанского ханства. Здесь началась «малая война», обеспечивающая казанский торг дешёвыми рабами (Бахтин, 2008. С. 223). Это бедствие с середины XV в. стало неотъемлемой частью и нижегородской повседневности. Ситуацию, сложившуюся в суздальско-нижегородских землях в середине XV в., помогает представить текст грамоты от 19 мая 1481 г. из архива Троице-Сергиевского монастыря, сообщающий о том, что в гг. Ярополче, Гороховце «...татары казанские...земли воевали и выжгли и людей развели...» (Каштанов, 1970. С. 398). Постоянные набеги охотников за «живым товаром» существенно осложняли возрождение земель вблизи окского устья. Красноречиво указывает на бедственное положение нижегородских окрестностей текст из трактата «О двух Сарматиях» (1517 г.), составленный по рассказам европейцев, побывавших на Руси вблизи рубежа XV–XVI вв. При оценке числа воинов, поставляемых в войско великого князя разными землями, его автор о восточных поволжских областях отметил только, что: «Княжество Суздальское и многие соседние с ним опустошены и разорены татарами» (Меховский, 1936. С. 113).

3.2.3. Город и его укрепления

Размещение в г. Нижнем Новгороде более трёх тысяч татарских всадников, очевидно, не могло произойти без катастрофических последствий для его жите-

⁶⁸ См. грамоту Благовещенского монастыря от 14 марта 1446 г. (АФЗХ. Ч. 1. № 232. С. 204).

⁶⁹ Старший из них, Василий, вскоре умер, младший, Фёдор, в 1446 г. поступил на службу к тверскому князю, став наместником в г. Кашине (Кучкин, Флоря, 2011. С. 201).

⁷⁰ По словам митрополита Ионы, ходатайствующего перед Махмутеком о защите своего представителя, направляемого в Казань для торговых сделок, «...всимъ купцемъ нашимъ и иных земель купцемъ щкоты и оубытковъ нѣтъ никоторых ни от кого...слышится по всѣмъ землямъ, что же пакости никому нѣтъ от твоих твоимъ великимъ господарством и жалованьем...» (АСЭИ. Т. 3. № 10. С. 26, 27).

лей. В случае, если бы они были многочисленны, печальная участь погибших и попавших в плен нижегородцев, очевидно, отразилась бы на страницах летописей. О длительном запустении Нижнего Новгорода после ухода орды Улу-Мухаммеда косвенно свидетельствует упоминание о пустующих дворах под Благовещенским монастырём в одном из актов. Весной 1446 г. они пребывали ещё нежилимыми (см.: АФХЗ. Ч. 1. № 232. С. 204). Наконец, сложно представить многонаселённым город, у которого сельская округа опустошена, на что указывают тексты местных поземельных актов первой половины – середины XV в. В них – многочисленные упоминания селищ, пустошей, уходов «старожильцев» из монастырских деревень и сёл⁷¹.

Летописные тексты с упоминанием Нижнего Новгорода этого времени указывают на интересную подробность, связанную с его укреплениями. К началу событий 1445 г. они, очевидно, имели двухчастную структуру.

Один участок с оборонительными сооружениями, известный современникам как Нижний Новгород «старый», может быть локализован с помощью текста статьи за 1469 г. (6977 г.) Московского свода конца XV в. (Кучкин, 2011. С. 236). В нём помещено описание похода большого сводного войска великого князя на Казань. Извещая об обстоятельствах выхода судовой рати из г. Нижнего Новгорода, автор сообщает: «И поидоша из Оки под Новьгород под старой, сташа под Николою на Бечевѣ и вышед ис суд идоша в город к старои церкви Преображенья господня и повелѣша ту сущим священником молебна совръшати за великого князя и за воя его» (ПСРЛ. Т. 25. С. 282). Упоминание нижегородского Спасо-Преображенского храма в «старом Новьгороде» позволяет однозначно соотнести последний, если не со всей территорией детинца старой нижегородской крепости, то хотя бы с его северо-восточной периферией, где через 4 года после основания города была построена каменная церковь Святого Спаса.

Вопрос о местоположении второй крепости, где в 1445 г. «затворились» московские воеводы, может быть разрешён при выяснении общей структуры

⁷¹ См.: АСЭИ. Т. 2. № 435, 437. С. 479, 480; Т. 3. № 296, 297, 494. С. 323–325, 473, 474; АФХЗ. Ч. 1. № 230–233, 245. С. 202–205, 210.

территории, связываемой с городом. Двухчастная структура укреплений могла быть реализована только по одному из трёх возможных вариантов.

Первый вариант предполагает расположение обоих укрепленных участков – «меньшого» и «старого» Нижних Новгородов – по типу «город в городе», с обозначением соответствующими наименованиями различных частей одной замкнутой линии обороны. Догадка о возможности такой топографии укреплений XV в. – в пределах «старообжитой» городской территории – была высказана Н.И. Храмцовским, предложившим отождествить летописное «меньшее» укрепление с упоминаемым в Рогожском летописце недостроенным каменным кремлём нижегородского князя Дмитрия Константиновича (Храмцовский, 1998. С. 65). На несоответствие такой схемы отмеченным в летописных источниках обстоятельствам ещё в 1923 г. указал А.П. Мельников, который заметил, что «...это едва ли могло быть, потому что тогда выходит, что воеводы отсиживались на носу у самого Улу-Махмета, сидевшего в Кремле» (Мельников, 1923. С. 23). Однако версия Н.И. Храмцовского («детинец в детинце») была поддержана С.Л. Агафоновым: «...правильнее считать «меньшим городом» остатки недостроенного каменного кремля XIV века или часть его, выгороженную из общей территории. Такие особо сильные укрепления, выделенные в системе крепости вследствие различных исторически обусловленных причин, были в Орешке, Яме, Вязьме, Ивангороде» (2008. С. 27). Такую схему взаиморасположения укреплений Нижнего Новгорода середины XV в. предполагал и Л.М. Каптерев (1939. С. 104–105). Оригинальность предложенного им плана состояла только в том, что с «меншим» Нижним Новгородом он предложил связать всю территорию средневекового детинца («кремля», по Л.М. Каптереву), а со «старым», вероятно, по «созвучию» со Старым острогом, – только кольцо окольного города. Мало различающиеся версии Храмцовского–Каптерева отразились во взглядах нижегородского краеведа И.А. Кирьянова. Он не видел большого различия между ними. Так, в его брошюре 1956 г. Нижний Новгород «меньший» интерпретирован, как укрепления Дмитрия Константиновича (Кирьянов, 1956б. С. 19), а в боле

поздних трудах – как детинец нижегородской крепости (Кириянов, 1961. С. 34; Кириянов, 1968. С. 12).

Второй вариант предполагает рассмотрение «меншого» и «старого» Нижних Новгородов в качестве двух пространственно изолированных структур, но близких друг от друга, расположенных в пределах одного «кремлёвского холма». К этой версии близко предположение С.Л. Агафонова, полагавшего, что соответствующая «меншому» Нижнему Новгороду недостроенная в XIV в. крепость Дмитрия Константиновича представляла собой «более укрепленную часть» нижегородского детинца близ Спасского собора (1987. С. 28). Позднее версию о такой структуре укреплений поддержал И.О. Ерёмин (1994. С. 129).

Особенности топографии детинца старой нижегородской крепости, действительно, искушают отождествить две его площадки, разделённые Ивановским оврагом, с Новым и Старым Нижним Новгородом. Каждую из этих площадок можно соотнести с отдельным автономным укреплением: со стороны «поля» они были ограждены валом и рвом, следы которых сохранились на планах кремля второй половины XVIII в.⁷² и были не единожды зафиксированы при археологических раскопках и наблюдениях⁷³. Однако такому отождествлению противоречит сопоставление имеющихся источников.

Северо-восточный участок нижегородской крепости 1221 г., способный, из-за небольших размеров, быть претендентом на роль Нижнего Новгорода «меньшого», как следует из упомянутой выше летописной статьи 1469 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 282), входил в черту «старого» города. Слово «меньшой» в указанном сообщении, возможно, как заметил П.В. Чеченков (2002. С. 116; 2012. С. 20), относится к связанному с ним укреплению не в «сравнительно-размерном» контексте, а служит лишь указанием на его «меньший» возраст или меньшую функциональную значимость или известность. Однако, при таком прочтении данного эпитета нужно ожидать наличие следов хозяйственного освоения середины XV в. на территории другой площадки, большей по размерам, тяготеющей к Часовой

⁷² См., например: РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 528.

⁷³ Обзор соответствующих исследований см.: Ануфриева, Четвертаков, 2012. С. 11–18.

горе с собором Михайла Архангела. В отличие от северо-восточной части кремля, она хорошо археологически обследована, но в хронологической цепочке встреченных здесь сооружений просматривается ясная лакуна, соответствующая большей части XV в.

П.В.Чеченков сделал попытку обоснования второго варианта структуры городских укреплений ссылкой на текст летописной статьи 1445 г. (2012. С. 115). Вывод о расположении двух изолированных друг от друга оборонительных сооружений середины XV в. в пределах «кремлёвского холма», по мнению исследователя, следует из того, что «...воеводам пришлось сесть в осаду от Улу-Мухаммеда, занявшего «старый город»», то есть, как если бы воеводы отступив из «старого», перешли в рядом стоящий «меньший». Между тем, этому противоречит последовательность событий, переданная в тексте единственного известия с упоминанием Нижнего Новгорода «меншого»: в него московские воеводы затворились не по ходу схватки с татарами, а только после неё, после того, как враги были выбиты из «старого» Нижнего Новгорода (см.: ПСРЛ. Т. 6. Стб. 104).

Таким образом, приходится признать, что в середине XV в. понятие «старый Нижний Новгород», вероятно, целиком покрывало город 1221 г., разделённый Ивановским оврагом на две разные по площади части. Такой версии (по существу) придерживается В.А. Кучкин, территориально соотносящий средневековый нижегородский детинец с кремлём начала XVI в. (2011. С. 236). Не исключено, что как «старый» Нижний Новгород мог восприниматься не только детинец, но и вся территория бывшей столицы Нижегородско-Суздальского княжества. Слово «старый» применительно к Нижнему Новгороду в наиболее ранних летописных памятниках начинается с прописной буквы (см.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2 Стб. 103, 104). Следовательно первоначальное использование не предполагало использование этого определения как составной части оригинального топонима⁷⁴, обозначающего населённый пункт – отличный от летописного Нижнего Новгорода XIV – первой трети XV вв., а, скорее, в качестве новой характе-

⁷⁴ На что указывает Никоновская летопись: «Нижний Новгород Старый» (ПСРЛ. Т. 12. С. 63).

ристики давно известного города, ставшей актуальной после «закрепления» в нём представителей новой – великокняжеской – администрации.

Двум первым рассмотренным вариантам структуры городских укреплений, предполагающим близкое расположение «меншой» и «старой» крепостей, косвенно противоречит одна подробность в сообщении об «осадном сидении» московского гарнизона в 1445 г. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 104). Покинуть крепость, предварительно подпалив её стены, измученному голодом гарнизону удалось без противодействия со стороны противника. Даже с учётом наличия боевого опыта, незаурядной личной храбрости и проявления таланта в организации всякого рода диверсионных операций, по крайней мере, одного из нижегородских воевод (пана Юшки Драницы), данное предприятие вряд ли могло быть успешным, если бы осаждённая крепость находилась в непосредственной близости от размещения татарского войска – «старого» города. Поэтому, наиболее вероятно, она находилась за пределами застройки Нижнего Новгорода XIII – начала XV вв.

Вероятное положение «меншой» крепости позволяет уточнить летописный эпизод, повествующий о походе большой судовой рати в «Казанские места» 1469 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 282). Местом сбора войска стал тогда Нижний Новгород: «А Костянтинъ Беззубцевъ со всѣми предписанными вои совокупився стояше в Новѣгородѣ в Нижнем, и прислал к нему князь великы грамоту свою, веля ему самому стояти в Новѣгородѣ, а которые под нимъ дѣти боярьские и вси прочии вои въсхотят, тѣх повелѣ ему отпускати воевати мечь Казьнскихъ». Обстоятельства выхода рати из г. Нижнего Новгорода, в передачи летописца, следующие: «И поидоша вси, а Костянтин остася в Новѣгородѣ. И поидоша из Оки под Новѣгород под старои, сташа под Николою на Бечевѣ и вышед ис суд идоша в город к старои церкви Преображенья...». Этот текст указывает, что московский воевода, прибыв с войском в Нижний Новгород, остановился не в Нижнем Новгороде «старом», а где-то на Оке. Отсюда, с Оки, отправилась в поход и судовая рать, которая сделала лишь кратковременную остановку под «старым» городом – для заказа молебнов в храмах и раздачи милостыни за успех предстоящей военной кампании. Место размещения прибывшего в Нижний Новгород войска, как и

ставка самого воеводы, согласно контексту летописного известия, располагались где-то на берегу р. Оки, очевидно, выше детинца старой нижегородской крепости (так как последняя стояла напротив самого окского устья). Ратные люди и сам московский воевода, вероятно, остановились в заново отстроенном к 1469 г. Нижнем Новгороде Новом (если за прошедших двадцать четыре года, место великокняжеской резиденции не поменялось).

Впервые расположение Нижнего Новгорода «меншого» с возвышенным участком правого окского берега на удалении от Нижегородского кремля связал В.А. Кучкин (см.: 2011. С. 236). В качестве обоснования своей точки зрения, историк сослался только на общее направление перемещения русских ратей в январе–феврале 1445 г., которое проходило по р. Оке от г. Мурома до «старого» Нижнего Новгорода. Предложенный им третий вариант структуры нижегородских укреплений, предполагающий не только их автономность, но и значительную удалённость друг от друга, – наиболее вероятен. Предпосылки для формирования такой («бицентричной», «двухядерной») структуры оборонительных сооружений в г. Нижнем Новгороде были. Они становятся очевидными при выяснении возможностей поддержания обороноспособности порубежного города в сложной военно-политической обстановке первой половины XV в.

Обороноспособность укреплений бывшей столицы Нижегородско-Суздальского княжества после её разорения отрядом Едигея, вряд ли, оставалась удовлетворительной. Об этом свидетельствует результат анализа редких косвенных сведений из источников первой половины XV в. (см.: Кирьянов, 1961. С. 34; Чеченков, 2002. С. 114; 2007а. С. 104). В противном случае сложно понять поведение занимающего сторону обороны участника какого-либо военного конфликта, происходившего в г. Нижнем Новгороде между его разорением зимой 1408 – 1409 гг. и приходом в него орды Улу-Мухаммеда. Перечислим некоторые попавшие в летописи сообщения такого плана. Для сражения с московским войском братья Борисовичи избрали позицию в 80 км к востоку от города, в районе устья р. Сундовик (январь 1411 г., см.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 186). В январе 1415 г., Даниил Борисович, уклонившись от боя под городскими стенами с войском

Юрия Дмитриевича Звенигородского, увёл своих людей за р. Суру (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487). Не рискнул испытать надёжность укреплений Нижнего Новгорода и сам Юрий Дмитриевич: при получении известия о военной угрозе, он, повторив «манёвр» своего противника, покинул город, уведя свою дружину на правый берег Суры⁷⁵. Отсутствует в летописях какое-либо упоминание обороны города и в сообщении о приходе Улу-Мухаммеда: в отличие от небольшого городка Луха, за который «татарове» были вынуждены сражаться, в «старый» Нижний Новгород хан «пришёл» и «сел» (см.: ПСРЛ. Т. 26. С. 196, 197).

В случае, если надёжность нижегородских укреплений вызывала серьёзные сомнения, «ставиться» в Нижнем Новгороде «старом» служилым людям великого князя было опасно. Вероятно, в условиях стабилизации политической обстановки, наступившей в 1436 г., представители великокняжеской администрации и военные слуги при обосновании в Нижнем Новгороде имели возможность воспользоваться содействием архимандрита нижегородского Благовещенского монастыря, который ещё на рубеже 10–20-х гг. XV в. стал домовым монастырём московских митрополитов (Чеченков, 2007а. С. 100). Косвенно об этом свидетельствует освобождение монастыря от соответствующего обременения, зафиксированное в грамоте Дмитрия Шемяки от 14 марта 1446 г.: «А князи мои и воеводы ратные в том монастыри, ни у их людей не ставятся, ни мои наместники, ни их тиуни. Или пошлю кого тамо на свою службу, на великого князя, и они под монастырем у них не ставятся, ни перевоза себе не чинят, ни судов, ни людей монастырских на перевоз себе не емлют» (АФЗХ. Ч. 1. № 232. С. 204).

Перманентная угроза татарских набегов могла существенно влиять на активность и размах деятельности великокняжеской администрации. Для обеспечения её безопасности требовалось более надёжное укрытие, чем то, которое могли обеспечить монастырские стены. Воссоздание обороноспособности укреплений нижегородской крепости, протяжённость которых с напольной стороны составляла около 1 км, наверняка, являлось сложной задачей. В обезлюдивших

⁷⁵ В 1425 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 246; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 51, 52), 1430 г. (ПСРЛ. Т. 23. С. 147; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 53).

городских окрестностях просто не хватало рабочих рук. Большого числа защитников требовал и сам процесс обороны протяжённых стен «старого» города, их явный недостаток проявился при нашествии орды Улу-Мухаммеда. Поэтому строительство новой крепости, существенно уступавшей «старому» Нижнему Новгороду по масштабам оборонительных сооружений, мог стать вполне приемлемым выходом из сложившегося затруднительного положения. Скорее всего, на сооружение сравнительно небольшой новой крепости, а не на ремонт старых нижегородских укреплений, указывает грамота 30-х гг. XV в., освобождающая монастырских крестьян от повинности «рубить ...Новгорода Нижнего» (см.: Чеченков, 2002. С. 115; АСЭИ. Т. 3. № 87. С. 119). Строительство «малой» нижегородской крепости, по мнению П.В. Чеченкова, с учётом политической обстановки 30-х гг., могло состояться в конце указанного десятилетия – после лета 1436 г., когда в борьбе за великокняжеский стол наступила передышка. По сведениям из ещё одного документа – грамоты нижегородского Благовещенского монастыря, согласно тексту которой освобождение монастырских крестьян от «городового дела» выделено из перечня других льгот (АФХЗ. Ч. 1. № 232. С. 203), есть основание полагать, что строительство новой «осады» в Нижнем Новгороде проходило в 1438 г. (Чеченков, 2007а. С. 104). Именно в этой небольшой новой крепости после 6 января 1445 г. могли «затвориться» московские воеводы, и именно её они могли поджечь в июне этого года, перед тайным уходом из захваченного неприятелем города. К марту 1446 г., оборонительные сооружения этой «меньшей» нижегородской крепости, вероятно, были уже восстановлены⁷⁶.

Открытие и последующее археологическое исследование остатков этой крепости позволило бы получить новый источник уникальной исторической информации о г. Нижнем Новгороде в один из самых плохо изученных периодов его истории. Для этого необходимо найти соответствующий археологический памятник или идентифицировать его среди уже известных. Решение поставленной задачи необходимо начать с определения вероятных археологических при-

⁷⁶ К этой дате великокняжеская администрация дала обязательство не размещать служилых людей в Благовещенском монастыре, см.: АФХЗ. Ч. 1. № 232. С. 204.

знаков искомого объекта. Кроме того, необходимо как можно точнее локализовать район его поисков по сведениям из письменных источников.

Среди прогнозируемых характеристик предполагаемого памятника очевидны три. Это – наличие остатков укреплений, следов застройки середины – второй половины XV в. и присутствия среди его жителей профессиональных воинов. Учитывая сведения из летописного сообщения 1469 г., можно предполагать расположение соответствующего археологического объекта за чертой средневекового Нижнего Новгорода. По причине того, что освоенная городская территория XIII – начала XV вв. приблизительно ограничивается дугой укреплений Большого острога, очерчивающей городские селитебные районы до рубежа XVIII–XIX вв., можно ожидать встретить культурные отложения на искомом памятнике в непереотложенном состоянии – при условии отсутствия на нём объектов позднейшей городской инфраструктуры.

При локализации района поисков необходимо учитывать указание места ставки московского воеводы Константина Беззубцева в 1469 г. («на Оке»). Известно, что при строительстве небольших крепостей на Руси вплоть до XVI в. широко использовались особенности рельефа (см.: Раппопорт, 1961. С. 51). Поэтому место, где могут располагаться остатки «меньшей» нижегородской крепости, может располагаться на правом, изрезанном оврагами, возвышенном берегу р. Оки. Именно овраги, связанные с ними мысы меж овражных отвершков, как известно, обеспечивают хорошие возможности для сооружения фортификации. Следовательно, район поисков имеет смысл ограничить правым коренным берегом р.Оки на сравнительно небольшом удалении от средневекового города.

3.3. Старый городок на Оке: от нарратива к объекту

3.3.1. Локализация по письменным источникам

Для уточнения возможного местоположения нижегородской крепости-осады можно воспользоваться сведениями из сравнительно поздних источников.

При составлении писцовых описаний в XV–XVIII вв. городища часто использовались в качестве известных ориентиров, обозначающих границы различ-

ных землевладений (Формозов, 1986, С. 7). Как раз в таком контексте одно из городищ, известное вблизи нижегородского Благовещенского монастыря на правом берегу р. Оки, упоминается в документе конца XVI в.: «Исстари де Благовещенское поле земля под монастырем по Муромскую дорогу была и около старого городища по Оке реке...» (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48). Этот документ – грамота царя Фёдора Ивановича о разделе спорной земли между и нижегородским посадом и Благовещенским монастырём. Грамота датируется 8 января 1593 г. Текст документа содержится в копийной книге Благовещенского монастыря середины XVII в. и Писцовой книге Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в. (Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 306–308). Этот источник свидетельствует о близости известного в конце XVI в. заброшенного укрепления к Благовещенскому монастырю и берегу р. Оки, приводя расстояние до него от посадских дворов: «...у нижегородцких посадцких людей благовещенской архимарит Иосиф з братьею животинного верхнего выпуска поле от острогу от их дворов и до старого городка на версту отнял...» (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48).

В указанной грамоте упоминаемое старое городище два раза названо «старым городком». Это обстоятельство позволяет привлечь ещё один источник. Последний содержит упоминание «старого городка» на Оке вблизи г. Нижнего Новгорода. Он был составлен приблизительно через шесть десятилетий, прошедших после оформления царской грамоты. Этот источник представляет собой один из памятников позднейшего местного летописания – Нижегородский летописец. Первоначальная редакция Нижегородского Летописца появилась в среде духовенства г. Нижнего Новгорода в конце 50-х гг. XVII в. (см.: Шайдакова, 2006. С. 121). Летописные записи в памятнике образуют два комплекса. В первом комплексе представлены средневековые известия, во втором – более поздние, начиная со времени строительства Нижегородского кремля (Шайдакова, 2006. С. 56). Одним из его главных источников служил ещё один местный летописный памятник – Летописец о Нижнем Новгороде, составленный в начале 50-х гг. XVII в. Это сочинение состоит из совокупности нижегородских известий, выбранных, преимущественно, из Особой редакции Типографской летописи и

Русского хронографа второй редакции (1617 г.). Доказано обращение автора Нижегородского летописца к отдельным текстам Воскресенской летописи, Степенной и Родословной книг, к Тарханной грамоте 1606 г., выданной нижегородским Преображенскому и Архангельскому соборам. Средневековые события в Нижегородском Летописце, как и в других памятниках позднего летописания (XVII в.), подчас приведены под явно ошибочными датами, а имена отдельных исторических персонажей XIII–XIV вв. искажены. Все эти «огрехи», допущенные автором-составителем Летописца, легко могут быть установлены с помощью привлечения более надёжных (более ранних) источников.

Статья с упоминанием старого городка на р. Оке завершает комплекс средневековых известий Нижегородского Летописца. Она присутствует во всех его редакциях. В тексте источника статью конвоируют два сообщения – предшествует известие о голоде 6930 г. (1422 г.), известное по текстам летописей XV–XVI вв. (ПСРЛ. Т. 25. С. 245; ПСРЛ. Т. 8. С. 91; ПСРЛ. Т. 11. С. 238), а замыкает запись о начале сооружения кирпично-каменного кремля 1509 г. (7017 г.).

Известие с упоминанием старого городка – не датировано. По месту, которое оно занимает в последовательности отражённых в памятнике событий, можно сделать вывод, что автор-составитель связывал его с промежутком 1423–1492 гг. В Строгановском списке памятника – одном из наиболее ранних (90-х гг. XVII в.) – текст интересующей статьи имеет следующий вид: «В лѣтописце пишеть шестые тысеци. В Нижнем Новѣгороде под старым городкомъ вверхъ по Окѣ рекѣ была слобода на берегу реки Оки. И божиимъ изволениемъ, грѣхъ ради нашихъ, оползла гора сверху на слободу. И засыпало в слободѣ 150 дворов с людьми и с скотиною. А тотъ городокъ поставленъ былъ, какъ великие князи суздальские ходили на взыскание града, гдѣ поставити градъ и жити в немъ, и распространити княжение свое суздальское на Низовской землѣ, за Окою и за Волгою реками. А мордву отогнал и жилища ихъ и зимницы разорил, и землю у них отнял. А от Оки и от Волги реки леса были большие, а мордва жили в лесахъ» (Строгановская редакция..., 2006. С. 140).

Фрагмент с упоминанием старого городка в других редакциях памятника сокращён и, как правило, отличается незначительными добавлениями или перестановками. В наиболее поздних редакциях присутствуют очевидно ошибочные чтения некоторых слов и выражений. К процитированной «строгановской» версии текста наиболее близок отрывок из первого вида Полной редакции 90-х гг. XVII в. Его отличает вставка об одной подробности произошедшего оползня: «...гора оползла и с лѣсомъ свѣрху на слободу...», сокращение сообщения о деяниях суздальских князей («А мордву поганую отогналъ и землю у нихъ отнялъ»), замена слова «скотиною» на «животиною» (см.: Шайдакова, 2006. С. 155). Неверная запись последнего предложения появляется во втором виде Полной редакции памятника. Это обусловлено заменой слова «лесов» на слово «сѣла», что встречается в других ещё более поздних редакциях. В отражающем Первоначальную редакцию Нижегородского Летописца Титовском списке середины XVIII в. статья заметно сокращена, старое городище названо старым городом (Шайдакова, 2006. С. 147). Многочисленные ошибки в передаче текста свойственны позднейшим Сокращённым редакциям. Известие об оползне в первом виде второй из них вошло в годовую статью 6930 г., справка о суздальских князьях дополнена известием о заселении русью мордовских земель (см.: Шайдакова, 2006. С. 253).

Важно отметить одно обстоятельство, неоднократно отмеченное исследователями текста Нижегородского Летописца – его статья с упоминанием старого городка не находит соответствия в летописях XV–XVI вв. (Кучкин, 2011. С. 234; Пудалов, 2003. С. 161–163; Шайдакова, 2006. С. 64). Она представляет собой оригинальную вставку автора-составителя памятника.

Организация текста статьи двухчастна. В первой части сообщается об оползне, его катастрофических последствиях для населения слободы под городком. Вторая часть содержит историческую интерпретацию известного в районе стихийного бедствия старого городка, который автор текста соотносит с первым поселением основателей города Нижнего Новгорода.

Мазуринский летописец – ещё один летописный памятник XVII в. с упоминанием оползня на берегу р. Оки. В нём соответствующий эпизод использован при комментарии известия о разрушении катастрофическим оползнем Вознесенского Печёрского монастыря в Нижнем Новгороде в 1597 г.: «И прежде того в том же Нижнем Новгороде за 400 лет была слобода вверх по Оке реке, под старым городком, и тако ж ползла гора, яко же и Печерская, и засыпало 150 дворов и с людьми и с скотом, ни един человек оттуду не избыл» (ПСРЛ. Т. 31. С. 146). В процитированном тексте отсутствуют какие-либо подробности трагедии, не упомянутые в статье Нижегородского Летописца, за исключением ошибочного указания на её большую давность («за 400 лет») и замечания о том, что «ни един человек оттуду не избыл». Последнее перекликается с фразой об отсутствии жертв при оползне в Печерском монастыре («...ни единой человек не изгиб...»). Вероятно, появление этого замечания связано с желанием акцентировать внимание читателя на особом Божьем расположении к печёрским монахам. Предположительно его можно рассматривать в качестве оригинальной вставки автора Мазуринского летописца, знакомого с соответствующим текстом из нижегородского памятника⁷⁷.

Рассказ об оползне Нижегородского Летописца получил широкую известность в кругу нижегородских историков и краеведов ещё более ста лет тому назад из-за споров по вопросу о существовании поселения-предшественника г. Нижнего Новгорода. История идеи о городе-предшественнике нижегородской крепости 1221 г. обсуждается в специальных статьях и в нескольких монографиях (см., например: Кучкин, 2002; Чеченков, 2002; Пудалов, 2003. С.80–103; Кузнецов, 2006. С. 334–412; Чеченков, 2012; Селезнёв, 2015). Вне контекста историографического аспекта определения местоположения «старого городка» этот вопрос выходит за пределы интересующей темы. Отсутствие сведений в летописных сводах о поселении, предшествующем городу Юрия Всеволодовича в окском устья, заставило приверженцев этой гипотезы привлечь к рассмотрению

⁷⁷ Единственный известный список Мазуринского летописца завершает известие 1682 г., то есть, его составление произошло два десятилетия спустя после предполагаемого появления первой редакции Нижегородского летописца (ПСРЛ. Т. 31. С. 3).

письменные источники широкого временного охвата. Так, в орбиту их внимания попали летописные упоминания «старого» и «меншого» Нижнего Новгорода середины XV в., царская грамота 1593 г., соответствующий текст из Нижегородского летописца. Интерес к очерченному кругу источников был вызван кажущейся очевидностью отождествления «старого городка» с летописным «старым Нижним Новгородом» середины XV в. Первый опыт выяснения места, где располагался «старый городок» не сопровождался каким-либо критическим осмыслением и сопоставлением текстов соответствующих источников. Сообщение недатированной статьи Нижегородского летописца долгое время без какого-либо обоснования принималось за истинное отражение исторических реалий.

Первая локализация «старого городка» по сведениям из памятников письменности была предложена П.И. Мельниковым-Печерским. По его мнению, крепость располагалась на верхней площадке северного мыса при устье Похвалинского оврага, известного в Нижнем Новгороде, как Гремячая гора (Мельников, 1884. С. 180–182). Тяготеющие к мысу овраги прорезают правый коренной окский берег вблизи Благовещенского монастыря на удалении 1,3 км от нижегородского кремля. Обоснованием для такого заключения стали сведения из Нижегородского летописца («городок» должен располагаться на участке окского берега со следами большого старого оползня) и, вероятно, неявное представление о том, что крепость должна быть не очень удалена от исторического центра города. Ближайшим к «старым» нижегородским укреплениям местом на Оке с отчетливыми следами давнего грандиозного оползня является Гремячая гора (рис. 50Б, 1).

Предложенный П.И. Мельниковым-Печерским выбор места для поиска старого городка, в целом, достаточно произволен, так как волго-окский откос не только в черте города, но и в пределах всей Нижегородской области является оползнеопасной зоной⁷⁸, и, следовательно, известное по Нижегородскому летописцу обрушение могло произойти на любом другом мысу. Кроме того, следы катастрофического оползня могли уже стать неразличимыми в современном

⁷⁸ См.: Кулинич, Фридман, 1990. С. 63.

рельефе. Информацию о местоположении старого городка из Нижегородского летописца, на которую опирался П.И. Мельников-Печерский, следует признать слишком общей и неопределённой для соотнесения искомой крепости с одним из многочисленных мысов окского берега в окрестностях Благовещенского монастыря.

Для более результативных поисков требовалось расширение круга привлекаемых источников. В середине XX в. И.А. Кирьяновым для решения задачи были привлечены ещё два текста: список царской грамоты 1593 г. (из Писцовой книги Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в.) и сообщение Рогожского летописца 1370 г. (6878 г.) о засыпанных дворах «за святым Благовещеньем», известное в разных редакциях по большинству сводов XV–XVI вв. (1956а). Отождествив «старый городок» Нижегородского летописца со «старым городищем» грамоты 1593 г., исследователь отложил, указанное в грамоте 1593 г. расстояние от посадских дворов до старого городища (одну путевую версту), – от линии укреплений Большого острога вдоль окского берега по кратчайшей прямой, и пришёл к выводу о расположении старого городка вблизи известного в городе Ярильского оврага. В результате проведённого И.А. Кирьяновым обследования «вычисленного» по письменным источникам района, в полугоре окского откоса удалось обнаружить необычный археологический объект. Он представлял собой небольшую горизонтально выровненную площадку, очерченную со стороны обрыва валообразным земляным гребнем (рис. 50Б, 2). Сходство памятника с городищами (из-за земляного гребня) позволило И.А. Кирьянову отождествить его с легендарным «старым городком». Собранный на дневной поверхности керамика первоначально была атрибутирована исследователем, как продукция русских гончаров домонгольской поры (XI–XII вв.). Это, по его мнению, могло служить «материальным» основанием известного нарратива о поселении-предшественнике г. Нижнего Новгорода. Эта версия в начале 90-х гг. была поддержана Ю.В. Сочневым, предложившим считать вопрос о локализации «старого городка» Нижегородского летописца окончательно решённым (1991. С. 23).

Позднее, через 14 лет после открытия памятника, И.А. Кирьянов изменил своё мнение о его культурной принадлежности и датировке. После дополнительного изучения, собранный в 50-х гг. материал, был передатирован ранним железным веком (1968. С. 116–117, прим. 3). Впоследствии этот памятник стал известен как «Поселение за Ромодановским вокзалом». Его обследование под руководством Т.В. Гусевой в 1992 г. не подтвердило его связь со средневековым. По причине того, что вблизи Благовещенского монастыря другие археологические памятники долгое время были неизвестны, отдельные исследователи предложили рассматривать этот, напоминающий городище, объект в качестве материальной основы для сложения легенды о крепости, выстроенной до заложения г. Нижнего Новгорода. Впервые такого рода предположение было высказано самим И.А. Кирьяновым (1968. С.117, прим. 3), а, впоследствии, обосновано Н.Д. Русиновым (1973. С. 51; 1990; 1994). Последний предположил, что обратившее на себя внимание нижегородцев после 1221 г. древнее укрепление, , только самим фактом своего существования могло стать причиной легендарного объяснения, что отразилось в его названии. Таким образом в исследовании феномена «старого городка» возникло второе направление, которое можно обозначить как аспект «нарратива». Данный ракурс, заданный Н.Д. Русиновым, предполагал опыт прочтения текста современниками автора Нижегородского летописца. В последствии этот подход получил развитие в работах А.А. Кузнецова (2006. С. 341–374).

После введения в круг привлекаемых источников грамоты 1593 г., в которой указывалось расстояние до старого городка, возникли версии, предполагающие большую удалённость данного объекта от устья р. Оки – по сравнению с поселением за Ромодановским вокзалом. Так, летописный «старый городок», по мнению Н.Ф. Филатова, находился в 4 верстах от нижегородского кремля (рис. 50Б, 3) (1994а. С. 21; 1999. С. 106).

Независимо проведённый совместный анализ сообщения Нижегородского летописца и текста грамоты 1593 г. привели двух исследователей – В.А. Кучкина и П.В. Чеченкова – к одному неожиданному выводу. По мнению историков,

нельзя отождествлять упоминаемые в этих письменных памятниках укрепленные объекты.

В.А. Кучкиным была высказана мысль о том, что под «старым городищем» Нижегородского летописца могла подразумеваться не только крепость на берегу Оки, но и сам Нижегородский кремль – на берегу р. Волги (2011. С. 234). Предположительный характер этой версии, подчеркнутый в её первой публикации, впоследствии был утрачен – в статье с критикой мнения об основании г. Нижнего Новгорода до 1221 г. (2002. С. 93, 94). В этой более поздней работе исследователь приходит уже к признанию «очевидности» ошибки в отождествлении «городков» грамоты 1593 г. и Нижегородского летописца. Основой для такого вывода стало толкование В.А. Кучкиным следующего отрывка из текста Нижегородского летописца: «В Нижнем Новѣгороде под старым городкомъ вверхъ по Окѣ рекѣ была слобода на берегу реки Оки...». По мнению исследователя содержащееся в отрывке указание «вверхъ по Окѣ» следует относить не к слободе и «старому городку», а только к слободе. При таком понимании текста, получается, что «старый городок» и г. Нижний Новгород находятся ниже по течению Оки относительно засыпанного оползнем прибрежного поселения. Старый городок, по мнению В.А. Кучкина, как укрепленное поселение, должен был располагаться на вершине одного из мысов уступа волго-окского откоса, и соответствующий «...выбор должен быть сделан в пользу Зеленской (Часовой) горы, как самой большой и стратегически важной» (рис. 50Б, 4; см.: Кучкин, 2002. С. 94).

Вместе с тем, чтение соответствующего фрагмента, позволяющее соотнести «старый городок» с нижегородской крепостью 1221 г., предложенное В.А. Кучкиным, не является единственно возможным. Используемый в тексте предлог «под» локализует засыпанную слободу внизу под старым городком или в непосредственной близости от него (Словарь русского языка..., 1989. С. 210–212). Обстоятельство места – «вверхъ по Окѣ рекѣ» – с большей вероятностью можно отнести к старому городку, чем к слободе, подразумевая, что оно фиксирует его положение в Нижнем Новгороде. Кроме того, предположение В.А.

Кучкина входит в противоречие с восприятием текста современником его создания – автором-составителем Мазуринского летописца, переставившего в подвергнутой толкованию фразе «старый городок» и «слободу», что устраняет неоднозначность в обозначении их взаимного положения («...слобода вверх по Оке реке, под старым городком...») (ПСРЛ. Т. 31. С. 146)). Текст Мазуринского летописца, вероятно, передаёт представление «книжного» человека второй половины XVII в. о месте «старого городка» на Оке возле засыпанной слободы.

П.В. Чеченков предложил другое обоснование ошибочности отождествления «старого городка» Нижегородского Летописца и «старого городища» грамоты 1593 г. (2012. С. 21–23). Основой его рассуждений служит мнение Б.М. Пудалова о том, что рассказ об оползне в нижегородском памятнике появился путём переработки сообщения Рогожского летописца 1370 г. (6878 г.; см.: 2003. С. 162). По мнению Б.М. Пудалова это летописное известие XIV в. определяет засыпанную слободу как слободу Благовещенского монастыря (2003. С. 161). Ход рассуждений П.В. Чеченкова схематично можно представить следующим образом. Благовещенская слобода, по тексту Писцовой книги 20-х гг. XVII в., располагалась внутри Старого острога. «Старое городище» царской грамоты находилось за городскими пределами и, следовательно, случившийся «под ним» оползень мог нанести ущерб исключительно только Немецкой слободе, располагавшейся, по Писцовой книге, за городом, но никак не Благовещенской слободе, которая в первой половине XVII в. находилась внутри города. Поэтому «старый городок» в одном источнике и «старое городище» в другом представляют собой два разных ошибочно отождествляемых объекта (Чеченков, 2012. С. 23).

Обращение к источникам устанавливает небыстроточность заключения и этого исследователя. Сделанный им вывод, очевидно, нельзя рассматривать как окончательный и однозначный. В Рогожском летописце упоминается «святое Благовещенье» и отсутствует упоминание о Благовещенской слободе: «Тое же зимы в Новѣгородѣ въ Нижнѣмъ оуползе многъ снѣгъ и оупаде з горы высокы и великы, еже надъ Волгою за святымъ Благовѣщеніемъ и засыпа и покры двory и съ людьми» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 95). Очевидно, обращение к монастырю здесь

служит только ориентиром, позволяющим определить район катастрофы в г. Нижнем Новгороде – «за святымъ Благовѣщеніемъ». Использованный в данной фразе предлог «за» предполагает отсчёт расстояния от исторического центра города и ясно указывает на то, что пострадавшие дворы располагались выше по течению Оки относительно Благовещенского монастыря⁷⁹. В тексте отсутствует какой-либо намёк, позволяющий хоть как-то судить об их близости к строениям монастыря. Доступные письменные и археологические источники не позволяют определить насколько далеко во второй половине XIV в. распространялась периферийная застройка города – вне зависимости от её административной принадлежности; установить границы среди этой застройки собственно «Благовещенской земли», также не представляется возможным (для второй половины XIV в.). В этой связи соотнесение засыпанных снегом дворов из текста Рогожского летописца с частью монастырской слободы можно рассматривать лишь в виде предположения, основанного только на том, что через два с половиной столетия после известного события часть дворов «за святым Благовещеньем» находилась на монастырской земле⁸⁰.

Кроме того, если строения, засыпанные сходом снега в 1370 г., во второй половине XIV в. действительно находились на землях Благовещенского монастыря, совершенно не обязательно, что связанный с ними участок входил в границы монастырской земли по состоянию на 20-е гг. XVII в. (то есть в границы Большого острога). На давнюю принадлежность Благовещенскому монастырю земельных угодий за чертой городского острога настаивали «свидетели» – благовещенский «строитель старец» Симон «з братьею». В их челобитной о прибрежной части «загородных» владений монастыря сказано: «...Исстари... под манастырем бечева за острогом от Крутого ручья по Оке реке по Коровей взвоз...» (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48). Коровий взвоз, который упоминается в гра-

⁷⁹ А не наоборот, как это предполагал В.А. Кучкин, связав стихийное бедствие Рогожского летописца с Гремячей Горой, расположенной между детинцем нижегородской крепости и Благовещенским монастырём – ниже по течению Оки относительно последнего (2002. С. 94).

⁸⁰ В 20-е гг. XVII в., согласно Писцовой книге, часть дворов «за святым Благовещеньем», вверх по Оке, выходили за установленные пределы монастырской земли (дворы старой Немецкой слободы, см.: Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 174, 354).

моте, по сведениям из Писцовой книги, находился выше по Оке, за острогом: «...за старым острогомъ старая Неметцкая слобода вверхъ Оки реки на берегу х Коровью възвозу и за Коровей възвозь...»⁸¹. По причине того, что монастырь «...пустел много лет...» (что с 1370 г. это происходило не единожды⁸²), очертания его монастырской межи были основательно забыты, что и стало причиной спорного дела, породившего грамоту 1593 г. Поэтому засыпанные в 1370 г. дворы, предположительно входившие в Благовещенскую слободу второй половины XIV в., могли быть поставлены на забытой к началу XVII в. монастырской земле – за пределами Большого острога, вне которого располагалось и «старое городище» грамоты 1593 г.

Связь известия Нижегородского летописца об оползне с летописным отрывком 1370 г. не обоснована приверженцами соответствующего предположения. Впервые «старый городок» Нижегородского Летописца без каких-либо обоснований соотнёс с данным летописным сообщением XIV в. И.А. Кирьянов (1956а. С. 15–16). Летописный фрагмент 1370 г. с целью уточнения местоположения разрушенной слободы использовал В.А. Кучкин (2002. С. 94). Суждение о генетической связи текста Нижегородского летописца с описанием стихийного бедствия 1370 г. высказано Б.М. Пудаловым (2003. С. 161, 162), которым воспользовался П.В. Чеченков как выводом, не требующим дополнительного обоснования (2012. С. 22).

Единственный довод о происхождении заметки об оползне в Нижегородском летописце из общерусского летописания следует из рассуждений Б.М. Пудалова о дате этого происшествя. Включённый в нижегородский памятник перечень деяний «суздальских князей», поставивших старый городок, по мнению историка, позволяет соотнести их только с «братьями Константиновичами»

⁸¹ В Писцовой книге Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в. упоминается минимум четыре разных коровьих взвоза. Только два из них обозначены с заглавной буквы, то есть как топонимы. Один из таких Коровьев взвозов находился на берегу Волги, другой – за Старым острогом на Оке (Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 174, 175, 290). Два других, упомянутых с прописной буквы, очевидно, были менее известны (см.: Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 172, 286).

⁸² Вспомним запустевшие дворы под монастырём из текста грамоты 1446 г. (АФХЗ. Ч. 1. № 232. С. 204).

– правителями Суздальско-Нижегородского княжества второй половины XIV в. Поэтому и упомянутое в недатированной статье стихийное бедствие относится к тому же временному отрезку (Пудалов, 2003. С. 161). О катастрофе второй половины XIV в. сообщает Рогожский летописец – аутентичный надёжный источник, и это, по мнению Б.М. Пудалова, указывает на то, что текст о «старом городке» был составлен на основе более ранней летописной записи.

Заметим, что информируя читателя об основании г. Нижнего Новгорода, составитель Нижегородского летописца вряд ли имел в виду свершения исторических персонажей какого-то одного хронологического среза. В описании деятельности «суздальских князей» отчётливо проступают черты основателя г. Нижнего Новгорода – владимирского князя Юрия Всеволодовича. Не случайно, давая характеристику деятельности «суздальских князей» («А мордву отогнал и жилища ихъ и зимницы разорил, и землю у них отнял»), автор Нижегородского Летописца почти дословно, нарушая грамматические нормы, вставил в текст фрагмент из второй погодной статьи своего сочинения (за 6735 г.) с описанием дел Юрия Всеволодовича: «...и поганую мордву отогналъ, и жилища их и зимницы разорил» (Строгановская редакция..., 2006. С. 136). В этой связи «суздальские князья», которым автор приписал честь основателей города, это, вероятно, некий обобщающий образ, отражающий представления книжника середины XVII в. об исторических деятелях, оставивших след, как в истории основания г. Нижнего Новгорода, так и в освоении земель его округа. Поэтому аналитические выкладки, выясняющие конкретных исторических персонажей, задействованных в первой нижегородской истории (Нижегородском Летописце) под наименованием «суздальских князей» – малопродуктивны в плане получения надёжных хронологических определений.

Выяснение «генетического родства» сообщения об оползне под «старым городком» и летописного известия о стихийном бедствии «за святым Благовещеньем» не стоит начинать со сравнения текстов соответствующих памятников: при составлении первой (средневековой) части Нижегородского летописца его автор использовал летописи сравнительно позднего происхождения – по сравне-

нию с Рогожским летописцем (Шайдакова, 2006. С. 58–71, 121). Поэтому, если сходство «по происхождению» между соответствующими текстами Рогожского и Нижегородского летописцев действительно существует, в наиболее явном виде оно должно проявиться в записях относительно поздних сводов – использованных при составлении нижегородского памятника.

Соотнести интересующее сообщение XIV в. с летописями XVI–XVII вв. помогает реконструкция его истории. История текста о стихийном бедствии 1370 г. вкратце намечена М.Я. Шайдаковой (см.: 2006. С. 52, 53, 72, 73) и подробно прослежена автором (Грибов, 2018а. С. 62–64).

В отличие от Летописца о Нижнем Новгороде в Нижегородском летописце сообщение о нижегородской катастрофе второй половины XIV в. отсутствует. Составитель более позднего нижегородского памятника, по предположению М.Я. Шайдаковой, сначала мог случайно пропустить его, а затем уже, обратившись к событиям XV в., восполнил утрату специальной вставкой, в которой текст Летописца о Нижнем Новгороде переработан и дополнен комментарием (2006. С. 64).

Следует отметить, что интересующее сообщение – не единственное, проигнорированное составителем более позднего памятника. В него не вошло упоминание о море в г. Нижнем Новгороде, свидетельство о возведении храма Михаила Архангела в Городце. Поэтому закономерен вопрос об избранности записи о стихийном бедствии, причине обращения к нему в форме вставного эпизода.

Его появление, скорее всего, было обусловлено идейной установкой составителя Нижегородского Летописца. Она предполагала возвышение роли церкви и княжеской власти в деле распространения православия в населённых некрещёными инородцами нижегородских землях. Актуальность проблемы взаимоотношений с мордвой в XVII в. была очевидной в местной церковной среде, где и был составлен Нижегородский летописец. Значительное число представителей коренных народов Поволжья, утеснённых захватом угодий, пребывавших в их безраздельном владении – до успешного казанского похода, активно участвовали в трагических событиях Смутного времени, выступая на стороне противников

Москвы (см.: Любомиров, 1917. С. 26–28, 31, 32). Вовлечение мордвы в военные действия против освящённой церковью власти московских самодержцев, наверное, воскрешало в памяти книжных людей известные по летописям средневековые эпизоды нижегородской истории – нападение на г. Нижний Новгород с сожжением Благовещенского монастыря в 1229 г., предательство мордовских князей во время угрозы нашествия Арапши, которое привело к печально памяtnому Пьянскому побоищу и разорению Нижнего Новгорода в 1377 г.

Недавние годы Смуты, вероятно, способствовали соответствующей тенденциозности последнего памятника местного летописания (Шайдакова, 2006. С. 101). Нельзя не заметить «вуаль» темы непростых взаимоотношений с «некрещеными инородцами» и в известии с упоминанием старого городка. Автор этой записи, возможно, преднамеренно воспользовался сведениями об оползне для того, чтобы, связав известный в районе катастрофы заброшенный городок с обстоятельствами основания города, получить возможность акцентировать внимание читателя на высокой духовной миссии верховной власти.

Если появление комментария к известию об оползне в Нижегородском летописце можно объяснить в русле одного из его идейных векторов, то происхождение сведений о самом стихийном бедствии – не столь очевидно. Однозначность их связи с летописным сообщением о событии 1370 г. может быть подвергнута сомнению. При сравнении соответствующих текстов Рогожского и Нижегородского летописцев устанавливается, что это по-разному организованные тексты, с различной степенью детализации⁸³ повествующие о разных событиях⁸⁴, произошедших в местах, обозначенных разными ориентирами⁸⁵. Заметные существенные расхождения выявляются и при сопоставлении записи Нижегородского летописца с соответствующим текстом Воскресенской летописи. В Воскресенской место события маркировано другим ориентиром, ничего не со-

⁸³ В Нижегородском летописце не указано время происшествия, в Рогожском – оно называется (зимой); согласно первому, в слободе засыпано «150 дворов с людьми и с скотиною», согласно второму – «засыпа и покры двory и съ людми».

⁸⁴ Нижегородский летописец сообщает об оползне, Рогожский – о снежной лавине.

⁸⁵ В Нижегородском летописце место катастрофы – «под старым городком» на Оке, Рогожский – «за святым Благовещеньем» на Волге.

общается о засыпанном скоте, не названо число засыпанных дворов, отсутствует упоминание о слободе. Известие с упоминанием старого городка и тексты о стихийном бедствии XIV в. имеют только три общих выражения – «в Нижнем Новѣгороде», «оползла гора» и «с людьми» (Грибов, 2018а. С. 65). Если один из предполагаемых источников действительно лежал в основе записи Нижегородского летописца, из него были позаимствованы только сведения о характере бедствия (ошибочные, судя по Рогожскому летописцу) и факт гибели людей. Отмеченные его автором детали бедствия указывают на появление данного текста, скорее, без какой-либо связи с трагедией 1370 г.

Поводом для его создания могла стать другая катастрофа (см.: Шайдакова, 2006. С. 64), произошедшая, когда погодные записи в г. Нижнем Новгороде уже не составлялись, из-за чего сообщение о ней оказалось недатированным. Однако ко времени составления Первоначальной редакции памятника (в середине XVII в.) обстоятельства унёсшего много человеческих жизней события могли ещё сохраняться в памяти горожан, что и побудило автор-составителя отметить это происшествие. Такое объяснение записи об оползне с упоминанием старого городка хорошо вписывается в специфику местных инженерно-геологических условий: в г. Нижнем Новгороде случаи катастрофических оползней на волго-окских откосах в обозримой исторической перспективе хорошо известны и памятны даже современным горожанам⁸⁶.

Убеждённость в необходимости различения двух городков на берегу р. Оки вынудила приверженцев соответствующей точки зрения предложить интерпретацию каждого из них. Старый городок Нижегородского летописца В.А. Кучкин предложил рассматривать как Нижегородский кремль, а старое городище царской грамоты 1593 г., он соотнёс с летописной крепостью-осадой середины XV в. Чеченков П.В. предпочёл связать местоположение старого городка Нижегородского летописца с периферией Старого острога г. Нижнего Новгоро-

⁸⁶ Одному оползню, 18 июня 1597 г., разрушившему Вознесенский Печёрский монастырь, посвящена повесть, вошедшая в состав рукописных сборников (Пудалов, 2001в. С. 68). Среди происшествий XIX в., в памяти нижегородцев остались минимум три грандиозных оползней (Мельников, 1884. С. 182). Многим из современников запомнился оползень 21 февраля 1974 г., опрокинувший трамвайный вагон (Харитонычев, 1978. С. 30).

да, то есть с частью самого города. В тексте памятника, по мнению исследователя, слово «городок» могло появиться вместо слова «город» в результате неудачного редактирования двух разнородных известий – о деятельности суздальских князей и оползне (Чеченков, 2012. С. 23). Опора на недоказуемую погрешность выводит предложенную версию за рамки возможностей рационального обоснования. Автора не настораживает и то обстоятельство, что предполагаемое им обозначение Старого (Большого) острога – упоминаемого в различных делопроизводственных документах – как «городка», не встречается ни в одном известном источнике. «Старое городище» грамоты 1593 г. В.П. Чеченков предложил отождествить с упоминаемым в этом же документе старым монастырским «волово дворцом» (скотным двором), апеллируя к тому, что «дворец», то есть, небольшой двор, «...как огороженный участок земли...», расположенный за пределами городского острога, был хорошо укреплен и, следовательно, мог быть «записан» как «городок» (2012. С. 23). Однако, такая интерпретация противоречит тексту самой грамоты, в которой и монастырская земля около старого городища, и земля возле селища рядом с «волово дворцом», как и «бечева за острогом» упоминаются в перечне монастырских владений в виде независимых и различно обозначенных частей монастырских угодий⁸⁷.

«Городки» упоминаются в Нижегородском летописце и грамоте 1593 г. без индивидуальных наименований и локализуются приблизительно в одном районе – на правом окском берегу за чертой детинца нижегородской крепости. Эти обстоятельства, а, также сравнительно небольшой хронологический промежуток, разделяющий появление соответствующих источников, указывают на высокую вероятность того, что «старый городок» Нижегородского летописца и упоминаемое в акте «старое городище» представляют собой одно и то же урочище, известное жителям г. Нижнего Новгорода в конце XVI – XVII вв.

Это урочище можно локализовать, воспользовавшись сведениями из царской грамоты. Для этого необходимо: 1) определиться с точкой, от которой до

⁸⁷ « Исстари де Благовещенское поле земля под монастырем по Муромскую дорогу была и около старого городища по Оке реке, и селища де знать где был монастырской воловой дворец, и под монастырем бечева за острогом от Крутого ручья...» (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48).

него, в данном источнике, указано расстояние; 2) определиться с переводом величины указанного расстояния в современную метрическую систему.

Приведённое в грамоте 1593 г. расстояние соответствует протяжённости отведённой посадским людям выгонной земли по одному из трёх направлений, определяющих её площадь: «Что дано де им посадским людем исстари на выпуск всякой животине поля от посаду наниз на версту, а посереде де посаду от их дворов за речку за Старковку во враг дано на полторы версты, а вверх де от посаду по Оке реке поля дано на полторы ж версты...» (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48). Направление последнего вектора измерений соотносится с расстоянием до старого городища («...и верхнево де выпуску поле от их дворов и до старого городка на версту отнял у них насилством благовещенской архимарит Иосиф, и пашет хлеб...»), так как городище располагалось «...по Оке реке...», что следует из другой челобитной, направленной строителем Благовещенского монастыря старцем Симоном (её текст приведён в грамоте 1593 г.).

Пространственная характеристика выгонной земли в акте составлена со слов посадских людей и, очевидно, должна иметь параллели в традиционном писцовом описании. Для того, чтобы выяснить порядок измерения выгонной земли и соотнести указанные в грамоте 1593 г. направления обмеров с известными ориентирами, воспользуемся системой отсчёта соответствующих расстояний по Писцовой книге Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в.

Выгонные земли г. Нижнего Новгорода, по данным этого документа, занимали полосу земли, вытянутую вдоль Большого острога и посада от Оки до Волги (см.: Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 284, 285). Эта территория не была сплошной. В неё вклинивались спорные земли, упомянутые как в писцовом описании 20-х г. XVII в., так и в выписке из более ранних книг письма Григория Зоболотцкого 1565 г. (7073 г.). В половине выгонной земли, тяготеющей к окскому берегу, обмер в первой половине XVII в. проводился также по трём направлениям: «...отъ болшого острогу по болшой Московской дороге...», «...поперегъ отъ Оки реки... по болшую Московскую дорогу...» и «...отъ большие Московские отъ Николские дороги вдоль к селу Высокому...». Никольские

острожные ворота служили точкой отсчёта расстояния по большой Московской дороге. Их положение, в соответствии с данными Писцовой книги и планов XVIII–XIX вв., может быть надёжно локализовано на пересечении современных улиц Большой и Малой Покровской (см.: Кирьянов, 1961. С. 42). На участке выгонной земли между окским откосом и Московской дорогой измерения проводились по двум направлениям. Одно из них, выраженное количеством «длинников», откладывалось от Никольских ворот и трассировало большую Московскую дорогу. Другое, измеряемое «поперечниками», определялось линией, соединяющей указанную дорогу с бровкой обрыва правого берега р. Оки.

Предполагая, что за основу описания выгонной земли г. Нижнего Новгорода в царской грамоте взят заведённый служилыми землемерами традиционный порядок, можно наметить соответствия между обозначениями направлений её обмеров в начале 90-х гг. XVI в. и в 20-х гг. XVII в.

Основной «обмерный вектор», обозначенный в грамоте 1593 г. как «посереды де посаду от их дворов за речку за Старковку во враг», наверное, проложен «...отъ болшого острогу по болшой Московской дороге...» (рис. 51Б, а). Прописанная в его обозначении топографическая ситуация («за речку за Старковку во враг») соответствует генеральному плану Нижегородского уезда (1791 г.): овраг, вытянутый вдоль Большого острога,⁸⁸ с истоком к востоку от Никольских ворот, обозначен на нём как р. Старковка⁸⁹ (РГАДА. Ф. 1356. Оп.1. Ед. хр. 2743) (рис. 51Б). Русло р. Старковки вблизи села Высокого круто поворачивает к югу⁹⁰. С южной стороны перед ним проходит протяжённая западина Марьинского врага⁹¹. Этот овраг за р. Старковкой упоминается в челобитной посадских людей.

⁸⁸ По его месту проложена современная ул. Звездинка.

⁸⁹ На планах города, начиная с первого «регулярного» плана Нижнего Новгорода 1770 г. (РГИА. Ф.1293. Оп.168 (Нижегородская губерния). Ед. хр.7-б), река Старковка обозначена как Ковалихинский овраг. В отличие от карты уезда с межевыми ориентирами и границами, планы города не отличаются богатством микротопонимических обозначений рельефа, явно вторичных на фоне улиц и площадей. Помещённые на них названия оврагов и малых рек в контексте их древности заслуживают меньшего доверия при сравнении с межевыми картами, отражающими традиционные ориентиры границ землевладений.

⁹⁰ На современной топографической карте этот, меридианально вытянутый, южный отрезок её течения, обозначен как река Старка (Топографическая карта..., 1987. Лист О-38-137).

⁹¹ В настоящее время засыпан и перекрыт городской инфраструктурой.

Два других вектора (направления), зафиксированные в описании Писцовой книги, в целом, противоположны друг другу, каждый из них обращён поперёк большой Московской дороги – один к р. Оке, другой к р. Волге (рис. 51Б). Указание грамоты 1593 г. «вверх де от посаду по Оке реке» соответствует указанию Писцовой книги: «поперегъ отъ Оки реки... по болшую Московскую дорогу», а фраза «от посаду наниз» означает ориентацию вдоль Большого острога к селу Высокому (по направлению к берегу р. Волги).

Таким образом, указанное в царской грамоте расстояние до старого городища (одна верста) соответствует отрезку «поперегъ отъ Оки реки» до Никольских ворот Большого острога, так как именно Никольские ворота являлись исходной точкой для обмеров по каждому из трёх направлений, обозначенных в описании выгонной земли по Писцовой книге.

Общей чертой прежних, известных по историографии, версий локализации «старого городка» грамоты 1593 г. является другой способ отсчёта указанного в документе расстояния. В краеведческих трудах его принято откладывать вдоль, а не поперёк, русла р. Оки, – по кратчайшей прямой от изгиба реконструированной линии Большого острога на бровке окского откоса (см.: Кирьянов, 1956. С. 16; Сочнев, 1991. С. 23; Филатов, 1994а, С. 21; Чеченков, 2012. С. 21). Указание «вверх... от посаду по Оке реке» воспринималось исследователями без соотнесения с одним из традиционных для землемеров обмерных направлений выгонной земли, как указание на расположение искомой крепости строго вверх по течению Оки относительно периферии посада, выходящей на бровку окского откоса. Вместе с тем, упоминание направления окского течения в царской грамоте отражает, скорее всего, общую, более масштабную пространственную ситуацию, по сравнению с той, которую можно наблюдать непосредственно, оказавшись на берегу реки. Реки Ока и Волга, сливаясь у подошвы Дятловых гор, образуют широкую дугу, выгнутую к северу. Общее направление движения воды в обеих реках, спроецированное на линию Большого острога, замыкающую концы этой дуги, будет ориентировано с запада на восток, то есть, как и записано в документе – почти «поперегъ...Оки реки». Используемая в акте форма записи

расстояния более характерна для путевой версты, привычной для европейской части страны⁹². Путевая верста указана и в «Записке о наделении города Нижнего Новгорода выгонной землёй» (см.: Записка о наделении..., 1902. С. 2). Заключение об использовании автором грамоты путевой версты сделал и П.В. Чеченков (2012. С. 21)⁹³.

При измерении расстояния в путевых верстах, место на берегу Оки, удалённое на указанное расстояние от Никольских ворот Большого острога, приходится на район обширного Красного оврага, частично засыпанного в настоящее время (см.: Шомысов, 1952. С. 41–42, 73; План губернского города..., 1992. Лист 5). Устье оврага пререзает окский косогор в 0,6 км южнее Благовещенского монастыря.

Красные овраги получили своё современное наименование, вероятно, после революции. В XIX – начале XX вв. они были известны как Жандармские (Шомысов, 1952. С. 41). Их отвершки, образующие замкнутую округлую структуру, на генеральном плане Нижегородского уезда 1791 г. обозначены как Круглый овраг (рис. 51А). Под этим названием Красные овраги упоминаются и в Писцовой книге 20-х гг. XVII в. – как один из ориентиров границы спорной земли (Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 285).

3.3.2. Археологический памятник

После получения уточнённой вероятной привязки остатков «старого городка» грамоты 1593 г. и Нижегородского Летописца можно перейти к обзору памятников археологии, известных в соответствующем районе.

⁹² В противном случае, вместо «полторы версты», в тексте грамоты, очевидно, была бы использовано иное выражение («в одной версте и 500 саженьях»; Шостьин, 1975. С. 53, 54).

⁹³ Верно проложив границу выгонной земли по направлению «поперёк острога», он, очевидно, ошибочно истолковал положение её ориентира – реку Старковку. В качестве последней исследователь предложил рассматривать правобережный приток реки Старки – реку Кову, обозначенную на упомянутой межевой карте как река Лапшиха. Такому отождествлению противоречит не только план 1791 г., но и текст грамоты 1593 г., согласно которому выгонная земля простиралась на полторы версты «за речку за Старковку», где предлог «за» указывает на отсчёт расстояния от города, а не наоборот. По плану 1791 русло г. Старковки вблизи истока определяло границу городской территории, выгонная земля начиналась сразу за ней.

Участок правого окского берега на удалении до 10 км от Нижегородского кремля хорош изучен археологической разведкой⁹⁴. Первое археологическое обследование окского правобережья в нижнем течении реки было проведено под руководством В.Ф. Черникова ещё в 1959 г. Впоследствии здесь пролегли маршруты разведочных экспедиций под руководством Т.В. Гусевой (1992 г.), И.О. Ерёмкина (1995 г.), Н.Н. Грибова (1996, 2009 гг.), А.Н. Маслова (1998 г.), И.В. Ануфриевой (2003 г.). Кроме целенаправленных археологических разведок, маршруты которых плотно перекрыли правый окский берег от устья реки до границы современного города (в 12 км от кремля), археологические изыскания здесь проводились ещё и на строительных объектах – как в районе Благовещенского монастыря, так и вблизи от Красных оврагов (см.: рис. 3, 4).

В настоящее время на участке правого окского берега за пределами средневекового Нижнего Новгорода (на удалении до 5 км от кремля) известно пять археологических памятников (рис. 50А). Два из них, селища Слуда и Елецкое, можно исключить из числа вероятных «претендентов» на роль «старого городка», известного по письменным источникам. Верхняя граница датировки обоих памятников – XVI–XVII вв., и, велика вероятность того, что соответствующие селищам населённые пункты продолжали функционировать ещё во время составления грамоты 1593 г. и Нижегородского летописца. Кроме того, связанные с ними площадки занимают широкие возвышенные мысы коренного берега р. Оки без характерного для большинства мысовых городищ сколько-нибудь выраженного узкого перешейка. Три других известных здесь археологических объекта приурочены к Красным оврагам.

Селище Нижний Новгород-14 (Николаенко, 2008. С. 135), обнаруженное в этом районе у подошвы берегового склона, по своему топографическому положению вблизи уреза воды в р. Оке, вряд ли могло иметь укрепления и получить известность как «городок» или «старое городище». Это нельзя безоговорочно утверждать в отношении двух других местных памятников. Оба они были от-

⁹⁴ Подробное описание истории археологического обследования правобережья р. Оки в черте г. Нижнего Новгорода см.: Грибов, 2018а. С. 69, 70.

крыты ещё до 90-х гг. XX в. и их первое обследование не сопровождалось составлением какой-либо научной документации.

Один из этих памятников представляет собой уже упоминавшееся, обнаруженное И.А. Кирьяновым в 1954 г., поселение за Ромодановским вокзалом (Николаенко, 2008. С. 108, 109). Оно располагается в полугоре правого коренного берега р. Оки в 0,3 км к югу от устья Красных оврагов. От Нижегородского кремля оно удалено на 2,2 км (рис. 50А). Занимаемый им на поверхности берегового склона участок отмечен линейно вытянутым вдоль русла реки земляным гребнем, который очень напоминает искусственную валообразную насыпь. Внешний скат гребня слит с береговым склоном, а внутренний – ограничивает небольшую субгоризонтальную площадку размером 20х40 м, расположенную на высоте 47–49 м над водой в реке Оке (рис. 52, 1). Протяжённость земляного гребня – 80 м, в середине длины высота его вершины над уровнем выположенной площадки максимальна (2,2 м).

Результаты шурфовки, проведённой на памятнике под руководством автора в 2004 г., доказывают естественное происхождение валообразного гребня и искусственное – примыкающей к нему площадки (Николаенко, 2015. С.187). Выяснилось, что выположенный примыкающий к подошве земляного гребня участок появился в результате засыпки неровностей берегового склона планировочным грунтом в XIX–XX вв. Сообразуясь с геоморфологической ситуацией, валообразный гребень можно интерпретировать как верхний край массива древнего блокового оползня, съехавшего по «зеркалу скольжения» берегового склона с сохранением первоначальной стратиграфии. По кермике и вещевым находкам памятник датирован двумя периодами – эпохой бронзы (чирковская культура; вторая четверть II тыс. до н.э.) и ранним железным веком (городецкая культура, VII–III вв. до н.э.) (рис. 52, 3–9). Единичная средневековая находка (анэпиграфная серебряная полуденга), обнаруженная в верхнем переотложенном слое памятника, может свидетельствовать только о посещаемости этого места окского косогора в XV в. (рис. 52, 2) (Грибов, 2018а. С. 71).

Маркирующий памятник земляной гребень до выравнивания естественного рельефа в XIX–XX вв. был мало похож на искусственную насыпь, так как его внутренний скат доходил до пересечения с береговым склоном, образуя глубокую щелеобразную полость, заполненную сейчас планировочным грунтом. Вряд ли, по этой причине данный археологический объект мог восприниматься нижегородцами как «старое городище».

Гораздо лучше под это определение подходит другой известный в районе Красных оврагов памятник, получивший после первого разведочного обследования, проведённого под руководством Т.В. Гусевой (в 1992 г.), наименование «Селище Городок» (Николаено, 2008. С. 130). Он располагается на верхней площадке продолговатого мыса в центре приустьевой выемки Красных оврагов (рис. 50А, 54, 55). Узкий перешеек, соединяющий мыс с плато Волго-Окского Правобережья, на подробной топографической съёмке Нижнего Новгорода середины XIX в. перерезан отчётливой насыпью (План губернского города..., 1992. Лист 5). Вершина насыпи была запечатлена на фотографии, сделанной в 1962 г. при изучении геологических обнажений на бортах Красных оврагов (рис. 53). Это обстоятельство, придающее памятнику облик мысового городища, позволяет рассматривать его в качестве наиболее вероятного археологического объекта, соответствующего «старому городку» письменных источников конца XVI – XVII вв.

3.4 Выводы

1. Окончательному включению Нижнего Новгорода в состав земель великого Московского княжества предшествовал длительный почти полувековой переходный период, в течение которого великокняжеская власть в городе периодически прерывалась реставрацией правления нижегородских князей. Конфронтация последних с великим московским князем прочно удерживала вектор основных политических и экономических связей Нижегородской земли в восточном направлении. Каждый эпизод реставрации великого княжения на нижегородской земле сопровождался поддержкой или прямым участием представите-

лей военно-политической верхушки Золотой Орды. Основные вехи политической нестабильности в улусах Поволжья определяли ритмику изменчивости власти в Нижнем Новгороде. Для Московского княжества противостояние с местными князьями было частью противостояния с Ордой. Реализованная суверенными нижегородскими правителями управленческая модель, предполагающая опору на скромные экономические возможности порубежных малолюдных земель и военно-политическую поддержку утрачивающих политическое влияние золотоордынских правителей, была обречена на провал. К зиме 1444–1445 гг. для обеспечения обороноспособности города уже не было ни надёжных укреплений, ни людских ресурсов, необходимых для формирования дееспособного ополчения.

Наиболее деятельным и успешным представителем местной династии был Даниил Борисович нижегородский, после смерти которого в 1425/1428 гг. активная борьба князей суздальского дома завершилась. В последующий период феодальной войны соотношение сил великокняжеской администрации и приверженцев местных князей – как в самом Нижнем Новгороде, так и в золотоордынском Поволжье, – могло быть близко к опасному равновесию, что можно рассматривать в качестве главной предпосылки строительства отдельной укрепленной резиденции московских наместников, известной по летописным сообщениям как Нижний Новгород Новый (или «меньшой»).

2. Феномен двух, упоминаемых в летописях, «Нижних Новгородов» середины XV в. объясняется возведением в непосредственной близости от города небольшой осадной крепости. Нижний Новгород Новый стал местом размещения служилых людей, резиденцией московской администрации в малолюдном порубежном городе. Его обороноспособность была подтверждена в 1445 г., когда в течение нескольких месяцев – до окончания хлебных припасов – она осаждалась войском хана-изгоя Улу-Мухаммеда, захватившим Нижний Новгород.

Анализ летописных сообщений середины XV в. позволяет связать предполагаемое место нахождения крепости с берегом р. Оки за пределами средневекового Нижнего Новгорода, но в непосредственной близости от него. Такой лока-

лизации соответствует старое городище, известное нижегородцам в конце XVI – XVII вв. Оно упоминается в грамоте 1593 г. из архивохранилища нижегородского Благовещенского монастыря и в памятнике позднего местного летописания – Нижегородском летописце. Используя сведения, содержащиеся в первом из этих источников, старое городище следует искать в районе Красных оврагов (улицы Шевченко, Дальняя, 3-я Ямская). Кроме указанной локализации искомый археологический памятник должен обладать признаками, следующими из текстов летописных упоминаний о Нижнем Новгороде Новом (или «меньшом»): 1) наличием следов укреплений; 2) присутствием комплексов, датируемых серединой XV в.; 3) наличием следов пребывания представителей военной профессии.

3. Правобережье р. Оки в черте современного Нижнего Новгорода многократно обследовалось разведочными экспедициями. Среди известных здесь памятников по месту локализации, топографическому положению и следам земляных укреплений, отражённым на плане середины XIX в., на роль «старого городка» письменных источников конца XVI – XVII вв. лучше всего подходит «Селище Городок», расположенное на мысу в центре Красных оврагов.

Глава 4.

Нижегородский предместный городок середины XV – начала XVI вв.

4.1. Общая характеристика памятника

4.1.1. История изучения

Памятник археологии, особенности которого наиболее соответствуют «старому городку» Нижегородского летописца и грамоты 1593 г., был обнаружен в 1988 г. под руководством инструктора Горьковского областного управления культуры А.Ю. Рогачёва. Первое разведочное обследование Городка проведено в 1992 г. под руководством Т.В. Гусевой (Николаенко, 2008. С. 130). По результатам этих работ памятник был атрибутирован как селище XIII–XVI вв., а связанная с ним территория ограничена доступной для обследования северо-западной оконечностью мыса. В 1995 г., обследуя район Красных оврагов, И.О. Ерёмин обратил внимание на продолговатую выемку, прорезавшую северо-восточный склон мыса в районе перешейка. Это углубление исследователь охарактеризовал как следы частично засыпанного рва.

В 1996 г. на памятнике автором был заложен первый шурф, размером 1x2 м. В 1997 и 1998 гг. на Городке А.Н. Масловым проводились сборы подъёмного материала. Этот же исследователь обследовал ближайшие окрестности памятника в 1998 г. Выяснилось, что вблизи Красных оврагов Городок является единственным средневековым объектом, а освоение связанного с ним городского района началось не ранее середины XIX в. Этот вывод был подтверждён результатами анализа планов г. Нижнего Новгорода второй половины XVIII–XIX вв.

С целью проверки предположения о связи памятника с летописной крепостью-осадой середины XV в. в 2003 и 2004 гг. автором при содействии музея Нижегородского госуниверситета были организованы и проведены первые рекогносцировочные раскопки. Для выяснения распространения культурного слоя по площадке мыса работы проводились на двух незастроенных, доступных для исследования, участках, разнесённых на 48 м. На первом участке, расположенном на залесённой северо-западной оконечности мысовой площадки тремя рас-

копами исследована площадь 175 кв.м (раскопы №№ 1–3), на втором, примыкающем к бровке обрыва южного склона мыса – 15 кв.м (шурф № 2). Общая площадь двух шурфов и трёх раскопов, заложенных в 1996, 2003, 2004 гг. на двух участках памятника, – 192 кв.м.

Планировка вскрытых сооружений, обнаружение непереотложенных средневековых отложений и следов углублённых сооружений в шурфе № 2 – удалённом от северо-западной оконечности мыса, картографирование подъёмного материала показали, что памятник имеет большие размеры, чем те, которые были определены в 1992 г., а занимаемая им территория соответствует всей мысовой площадке, а не только её незастроенной северо-западной периферии, как считалось ранее. Многочисленные нумизматические находки позволили сузить датировку активной фазы функционирования поселения в пределах середины XV – начала XVI вв. Результаты наложения микрорельефа с топосъёмки середины XIX в. на современный инструментальный план привели к решению пересмотреть и определение вида памятника, предложенного Т.В. Гусевой в 1992 г.

В 2003 г. осмотр состояния памятника со сборами подъёмного материала провела Е.Э. Лебедева. Два малометражных шурфа на Городке были заложены в 2016 г. А.В. Моисеевым с целью сбора информации для разработки раздела по обеспечению сохранности памятника.

4.1.2. Ландшафтная приуроченность и топография

Городище Городок расположено на правом коренном окском берегу в 1,8 км к юго-западу от кремля г. Нижнего Новгорода за пределами его средневековых посадских укреплений (рис. 55). Оно занимает площадку мыса между двумя протяжёнными овражными отвершками в центральной части обширной овражной системы, прорезающей косогор окского берега в 0,9 км к юго-юго-западу от окского устья (рис. 56). Один из отвершков, очерчивающий мыс с памятником с юго-западной стороны, известен как Малый Красный овраг, другой, огибающий его с северо-восточного направления, – как Большой Красный.

Разделяющий Красные овраги мыс, как и весь участок плато Волго-Окского Правобережья близ устья р. Оки, сложен пестроцветными мергелями, уплотнёнными глинами, алевролитами и песчаниками татарского отдела пермской системы. Их перекрывают четвертичные бурые лёссовидные суглинки проблемного генезиса. Вскрытые врезками овражных склонов водонесущие горизонты дают начало ручьям, протекающим по тальвегам Красных оврагов. До перепланировки низменной части окского берега в связи со строительством в 1904 г. железнодорожного Ромодановского (Казанского) вокзала ручьи сливались у северного выступа подошвы разделяющего их мыса, образуя русло небольшой безымянной речки, впадавшей в р. Оку через короткий участок заболоченной поймы (рис. 53Б). Ручьи, протекавшие по тальвегам Красных оврагов, очевидно, являлись ближайшими к городищу постоянными водотоками, так как до линии уреза воды в р. Оке оно удалено на 400 м.

Высота мыса над уровнем воды в р. Оке достигает 83–90 м, над уровнем воды в овражных ручьях – 40 м. Высотные отметки площадки мыса (в Балтийской системе) – 146–153 м. Склоны мыса – крутые, каньонообразные. С обращённой к реке северо-западной стороны они смыкаются в узкий отлогий гребень. На склонах хорошо заметны следы старых оползней в виде террасовидных оплывин.

Памятник вытянут с северо-запада на юго-восток (рис. 57). Его размеры 120х60 м. Дневная поверхность имеет уклон к северо-западу с максимальным перепадом высот около 8 м⁹⁵. Повторяя обводы верхней площадки мыса, она сужается в юго-восточном направлении и постепенно переходит в узкий перешеек шириной около 30 м. Утраченные к настоящему времени особенности древней поверхности этой юго-восточной периферии мыса сохранились на подробном плане Нижнего Новгорода, снятом землемером Медведевым и топографом Лебедевым в 1848–1849 гг. Зафиксированные здесь элементы микрорельефа по месту своего расположения на мысовой площадке, ориентации, форме и размерам соответствуют валам и рвам мысовых городищ (рис. 53Б).

⁹⁵ По состоянию на время составления первого инструментального плана (осень 2003 г.).

Согласно этому плану, в середине XIX в. перешеек, соединяющий мыс с береговой террасой, был перерезан земляной насыпью, вытянутой с северо-востока на юго-запад. Её протяжённость в пересчёте на современную метрическую систему – 29,4 м. Она состояла из двух, соединённых под тупым углом и равных по длине, линейных участков. С внешней напольной юго-восточной стороны к подошве насыпи примыкало покрывающее половину её длины продолговатое углубление. Оно перерезало бровку северо-восточного склона мыса. В 1995 г. часть этого углубления была ещё вполне различима на дневной поверхности (Ермин, А-1995). Верхушка насыпи вала отчётливо просматривается на фотографии 1962 г. (рис. 53А). В 70-х гг. XX в. на месте вала были построены кирпичное здание сторожки и въездные ворота Базы спецуправления зелёного строительства Главного управления благоустройства г. Горького. Возведению этих объектов предшествовала планировка отведённого под них участка.

Область распространения подъёмного материала охватывает верхнюю часть склонов мыса на всём их протяжении – до того места (перешейка), где на плане середины XIX в. указана неоднородность микрорельефа, соответствующая остаткам земляных укреплений. Площадь памятника – 7700 кв.м.

4.1.3. Позднейший этап освоения площадки памятника

В результате сплошного обследования прилегающей местности, изучения шурфов, заложенных на нескольких застраиваемых землеотводах⁹⁶, выяснилось, что Городок является единственным средневековым памятником, расположенном на краю возвышенного плато Окского Правобережья в районе Красных оврагов. Включение в хозяйственный оборот близлежащих участков городской территории началось не ранее середины XIX в. От периферии средневековой городской застройки городище удалено на расстояние около 1 км. За пределами селитебной территории г. Нижнего Новгорода оно располагалось и в XVII–XVIII

⁹⁶ Десять шурфов на нескольких строительных объектах заложено на удалении до 150 м от перешейка мыса – Ерминым (1995, 1996 гг.), Бакулиным (2012), Доманиным (2013 г.) (рис. 3, №№ 26, 27, 102, 115). В непосредственной близости от Городка, на удалении до 0,4 км, на возвышенном правом берегу р. Оки археологические наблюдения без шурфовочных работ проводились ещё на пяти строительных площадках – Очеретиным (1996 г.), Дмитриевским (1996 г.), Масловым (1998 г.), Кикеевым (2001 г.) (рис. 4, №№ 71, 72, 97, 162).

вв.: сопоставление сведений из Писцовой книги 20-х гг. XVII в. с планами города второй половины XVIII в. обнаруживает стабильное положение юго-западной городской черты, располагавшейся на удалении в 150–300 м к северу от Городка. На планах Нижнего Новгорода, восходящих к его первой инструментальной съёмке 1769 г., мыс с городищем обозначен как пустырь⁹⁷. На регулярных планах 1770, 1802, 1804, 1881 гг.⁹⁸ он показан за чертой запроектированных городских кварталов, очерченных абрисом бровки южного (то есть, правого) борта Большого Красного оврага в 150 м к северу от памятника.

Впервые отдельные городские дворы в районе Городка обнаруживаются только на плане 1802 г. Их удаление от памятника – около 300–400 м (к востоку-юго-востоку). Однако сама площадка Городка оставалась свободной от застройки на протяжении всего XIX в. Возобновление её активного хозяйственного освоения произошло только во второй половине XX столетия.

В 50–70-х гг. XX в. площадка памятника использовалась под посадку картофеля. В 70-х гг. XX в., как уже отмечалось, на ней появляются производственные сооружения базы спецуправления зелёного строительства Главного управления благоустройства г. Горького. Перед оборудованием базы, связанный с ней землеотвод, соответствующий 85% территории городища, был перекрыт планировочным грунтом, асфальтом и огорожен высоким бетонным забором. На территорию предприятия не вошла северо-западная периферия памятника, отделённая ограждением, переходящим в глухую кирпичную стену заднего фасада одного из производственных сооружений. С целью укрепления овражных склонов и предотвращения оползней на этом участке были высажены деревья. Эта, треугольная в плане площадка (30x40 м), вскоре после обнаружения памятника стала основным местом его археологического исследования. Отсюда происходит основная часть подъёмного материала, именно здесь был заложен первый шурф (1996 г.) и первые раскопы (2003, 2004 гг.). Ввиду того, что только северо-

⁹⁷ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 4; Оп. 167 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 3, 4; Ф. 1289. Оп. 15. Ед. хр. 226. Л. 1.

⁹⁸ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 7-б; Ф. 1293. Оп. 167 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 3, 4; Ф. 1289. Оп. 15. Ед. хр. 226. Л. 1.

западная оконечность мыса была свободна от построек, асфальтового покрытия и доступна для посещения, сам памятник первоначально ассоциировался исключительно с этим малым по размерам участком площадью около 650 кв.м.

В 2003–2004 гг. на территории Базы спецуправления зелёного строительства работал цех по производству памятников из природного камня. В 2008–2009 гг. все производственные строения бывшей Базы спецуправления зелёного строительства были снесены, а на их месте была оборудована временная стоянка большегрузных автомобилей, задействованных на строительстве метрополитена. В настоящее время линия метро проходит в 100 м к югу и юго-востоку от памятника.

4.1.4. Стратиграфия

Стратиграфия и сохранность культурных напластований различны на разных участках городища. На северо-западной периферии, где располагается раскопанная в 2003–2004 гг. площадка, культурный слой почти повсеместно переложен до материка в результате огородной распашки. Его мощность здесь не превышает 30 см. Непотревоженный культурный слой сохранился либо в заполнениях материковых ям и канавок, либо в локальных неглубоких западинах материка. В последнем случае он в виде тонкой угленасыщенной прослойки перекрывал материковый суглинок, почти не изменённый почвообразовательными процессами.

Качественно иная ситуация зафиксирована на небольшом задернованном участке у бровки юго-западного склона мыса в 48 м от раскопов 2003, 2004 гг. Здесь, в шурфе № 2, под дёрном и позднейшей засыпкой (до 70 см) сохранился потревоженный культурный слой мощностью 10–40 см. Он сложен неоднородным рыхлым чёрным угленасыщенным суглинком, насыщенным костями животных и рыб, осколками керамической посуды и вещевым материалом – сходными с находками раскопов 1–3 (рис. 58–63). Под культурным слоем сохранился стерильный слегка гумусированный осветлённый переходный почвенный горизонт A1A2.

Для культурных отложений памятника (как переотложенных, так и непо- тревоженных) свойственна высокая концентрация находок. С учётом включений из материковых ям, она соответствует встречаемости археологического инвента- ря на раскопах Нижегородского кремля⁹⁹. Другой его особенностью является насыщенность мелкими углями и сажей, включениями маломощных прослоек пылящего обожжённого переотложенного материкового суглинка. Многие фрагменты костей животных из верхних частей заполнений материковых углуб- лений – кальцинированы, а фрагменты посудной керамики имеют отчётливые следы вторичного обжига.

Освоение площадки мыса, возможно, началось ещё в раннем железном ве- ке. На это указывает единственный фрагмент лепного сосуда с текстильной фактурой, обнаруженный в слое огородной распашки. Остальной материал, полученный по ходу раскопок и шурфовочных работ, за вычетом немногочис- ленных находок конца XIX–XX вв., хронологически однороден и соответствует позднему средневековью. По результатам исследований 1992–2009 гг. период активной хозяйственной деятельности на поселении очерчен серединой XV – началом XVI вв., а сам памятник охарактеризован как мысовое городище, распо- ложенное за пределами средневекового Нижнего Новгорода.

4.1.5. Методика исследования

Раскопы 2003, 2004 гг. заложены в северо-западной части памятника – на оползнеопасном участке вблизи бровки юго-западного (левого) борта Большого Красного оврага. Общая площадь вскрытого участка – 175 кв.м. Единая для всех трёх раскопов координационная сетка была ориентирована по сторонам света. Нулевым репером служила точка дневной поверхности у северо-западного угла кирпичного склада, соответствующая отметке 149,0 м в Балтийской системе высот. Раскопанный участок имел сложный абрис из-за необходимости обходить корневые системы растущих деревьев, спил которых был категорически запре- щён (рис. 64).

⁹⁹ Около трёх индивидуальных находок на 1 кв. м раскопанной площади (по материалам раскопок В.А. Лапшина 2001–2002 гг.).

Грунт снимался пластами толщиной по 10 см параллельно дневной поверхности до материка. Особое внимание было уделено изучению котлованов углублённых сооружений. Большие материковые ямы разбирались по слоям и частям с фиксацией одного или двух стратиграфических разрезов. Порядок нумерации слоёв и прослоек предполагал возможность их различения не по составу грунта, а по стратиграфическому положению¹⁰⁰. Внедрённые друг в друга прослойки, одновременность образования которых сомнительна, при обработке материалов были объединены в горизонты. В качестве отдельных горизонтов рассматривались и слои однородного состава, имеющие отчётливые гладкие подошвы и кровли. Горизонты стали теми стратиграфическими единицами, по которым в дальнейшем разрабатывалась относительная хронология комплексов находок. Для максимально полного изъятия находок из заполнений материковых ям, наиболее насыщенных включениями, грунт перебирался трижды разными бригадами переборщиков, а затем пропускался через металлодетектор.

Следует отметить, что послойный порядок разборки ям позволил выделить в заполнении ряда из них несколько этапов заполнения, датированных по монетным находкам и посудной керамике.

4.2. Сооружения, планировка, периодизация и датировка застройки раскопанного участка

На раскопанной площадке изучено 48 углублённых сооружений – ям и канавок (рис. 64Б). Шесть из них датированы XX в., остальные отнесены к позднему средневековью. Все средневековые ямы и канавки зафиксированы с уровня материка. Исследованные сооружения, кроме восьми частокольных канавок, планиграфически разделяются на восемь комплексов.

Комплекс № 1 (ямы 1А/1, 1Б/1, 1В/1)¹⁰¹ образован тремя примыкающими друг к

¹⁰⁰ Подробно методика разборки материковых ям изложена в специальной статье, см.: Грибов, 2012.

¹⁰¹ Здесь и далее для ям будут использоваться дробные обозначения: числитель соответствует их порядковым номерам по научным отчётам, знаменатель – номерам раскопов. Глубины каждого углубления указаны от верхнего уровня их материковых кромок.

другу ямами, образующими общий котлован (рис. 65). Северная и западная периферии котлована остались за границами вскрытой площади под корнями растущих деревьев. На раскопанный участок полностью вошла только средняя из трёх его частей (яма 1Б/1). Присутствие осколков от одних и тех же сосудов в заполнениях трёх планиграфически выделенных частей котлована, не имеющих разделяющих границ по уровню верхних кромок, обуславливает рассмотрение всех этих трёх ям в качестве единого комплекса.

Яма 1А/1 – крайняя к западу (рис. 66). Её форма (по абрису верхних кромок) близка к прямоугольнику со скругленными углами. Её размеры 135x195 см, глубина 70–84 см. Северо-западная и северо-восточная стенки – почти отвесны, придонные части двух других бортов имеют незначительный отрицательный уклон. Дно ямы слегка вогнуто и не имеет следов прокала. При его расчистке с юго-восточной стороны обнаружен приямок овалообразной формы размером 100x70 см со ступенчатой поверхностью. В заполнении ямы выделены два горизонта (рис. 66А). Верхний сложен неоднородным серовато-коричневым суглинком с включением линзы развала глинобитной печи и отдельных комков жёлтого и кирпично-красного обожжённого грунта мощностью до 40 см (рис. 67, 68). Нижний придонный горизонт имеет мощность менее 40 см. Он образован чёрным рассыпчатым грунтом, состоящим из мелких углей, сажи, золы, рыбьей чешуи, костей животных и керамики (рис. 69–72).

Яма 1Б/1 занимает срединное положение в описываемом комплексе, примыкая к яме 1А/1 с юго-восточной стороны (рис. 73–80). Она имеет овальную форму, размеры 170x260 см, глубина 57–71 см (рис. 73Б). Стенки отвесны, дно ровное, слегка вогнутое. Заполнение по составу грунта близко к заполнению верхней части ямы 1А/1. Оно разделено на два горизонта (рис. 73А). Придонный горизонт представляет собой обожжённый без утраты пластичности, желтовато-красный суглинок, насыщенный всевозможными бытовыми отходами со следами сильного термического воздействия (рис. 75–80)¹⁰². В нескольких местах у

¹⁰² Черепки сосудов имеют однородный цвет как излома, так и поверхности – красный или белый в зависимости от исходного сырья; фрагменты костей отличает светлый серовато-

основания бортов ямы, на дне, расчищены хаотично ориентированные обгоревшие деревянные плашки. Направление температурного градиента, определяемое по характеру побежалости цвета на вертикальном разрезе прокалённого грунта в заполнении ямы 1Б/1, лежащем на остатках предполагаемого деревянного настила, отсутствие следов прокала на её материковом дне свидетельствуют о том, что прогрев проходил снизу вверх. Это наблюдение, вместе с насыщенностью прокалённого суглинка бытовыми отходами исключают его атрибуцию как пода глинобитной печи. Яма 1Б/1 примыкает к яме 1В/1.

Яма 1В/1 по форме обвода верхних кромок близка к трапеции со скруглёнными углами. Она вытянута почти перпендикулярно к продольным осям ямы 1А/1 и ямы 1Б/1 (рис. 81). Яма 1В/1 расширяется в северо-восточном направлении, её размеры 200х240 см и глубина 83–116 см. Борта в верхней части наклонны, в нижней близки к отвесу. Дно вогнуто. Сверху северная половина ямы перекрыта линзой жёлтого обожжённого суглинка мощностью до 16 см. Этот грунт, как и в яме 1Б/1, насыщен мелкими осколками кальцинированных костей животных (252 экз.), фрагментами керамики со следами повторного обжига (без ошлаковки), печиной, обожжёнными плитками пермского песчаника. В заполнении выделено два горизонта. В верхнем горизонте, кроме кухонных отходов (илл. 82, 83) и линзы развала глинобитной печи, найден фрагмент тазовой кости взрослого мужчины (по определению к.б.н. Е.Е. Антипиной). Нижний горизонт мощностью около 20 см сложен рыхлым углистым грунтом с включением бытовых отходов (рис. 84).

По размерам, глубине, наличию в заполнении развала глинобитной печи, перекрывающей скопление кухонных отходов, – ближайшими аналогами ямы 1В/1 могут служить подпечные ямы, расчищенные под остатками глинобитных отопительных устройств в наземных постройках-срубах XI–XIII вв. в гг. Суздале и Ярополче Залесском (Седова, 1978. С. 36, 40–45 (жилища 11, 12, 14, 20); 1997. С. 168). Предположительно, как подпечную можно интерпретировать и яму 1А/1

сизоватый оттенок, указывающий температурах свыше 1000° (см.: Антипина, Грибов, 2013. С. 1004).

– весьма сходную с ямой 1В/1 по форме и заполнению. Менее очевидно функциональное назначение ямы 1Б/1. Уплотнённый (хорошо утоптаный?) участок дна ямы, отсутствие на нём сколько-нибудь значительного количества осколков кухонной посуды, костей животных, близкое расположение к печному развалу (в заполнении ямы 1В/1) наводят на мысль об её использовании в качестве предпечной ямы. Прокалённый грунт её заполнения, насыщенный кухонными отходами, можно интерпретировать как заполнение внутреннего объёма сгоревшего печного опечка, попавшее в яму при разрушении. Деструктурированными остатками конструкции этого же отопительного устройства, вероятно, заполнены и верхние части объёмов ям 1А/1 и 1В/1 – сходные по составу керамики и монетам.

Комплекс № 1 можно предположительно рассматривать как совокупность котлованов, входивших в конструкцию глинобитной бытовой печи (или нескольких печей), поставленной на опечке внутри жилой наземной постройки.

Комплекс № 2 (рис. 85–100) – яма 2/1 – по форме верхних кромок напоминает грушевидную фигуру с размерами 3,5х(1,2–2,2) м, состоящую из двух, выделенных в плане, частей. Восточная половина – наиболее углублена (до 150 см), по форме близка к прямоугольнику со скруглёнными углами (2,2х1,8 м). Борты здесь почти отвесны, дно – слегка вогнуто. В юго-западном секторе дне расчищено скопление золы, мелких углей, крошки печины (90х45 см). Западная половина ямы представляет собой неглубокий трапециевидный приямок, примыкающий к основному углублению. Её размеры 150х90 см, глубина 15–17 см; стенки почти отвесны, дно уплощено. Западная и восточная половины ямы 2/1 соединены одноступенчатым спуском. Заполнение разделено на три горизонта – верхний, средний и нижний. Развалы глинобитных печей зафиксированы в верхнем и среднем горизонтах. Нижний горизонт, как и в ямах 1А/1 и 1В/1, насыщен мелкими углями, сажой, керамикой, костями животных и рыб.

Функционально большую по площади и наиболее углублённую восточную часть описанного котлована можно интерпретировать как подпечную яму, примыкающий к ней с западной стороны неглубокий приямок – как предпечную.

Комплекс № 3 (101–108) – яма 2/2 – по обводу верхних кромок напоминает грушевидную фигуру с размерами 3х(1,2–1,95) м. Яма состоит из двух выделенных в плане частей (западной и восточной). Западная половина – наиболее углублённая (до 101 см), по форме напоминала трапецию со скруглёнными углами размером 195х120 см. Стенки ямы в придонной части были слегка подкопаны до образования отрицательного наклона; вблизи кромок бортов их поверхность почти отвесна. Дно слегка вогнутое, с неровной поверхностью. К борту западной части ямы 2/2 примыкал полуовальный в плане продолговатый приямок, образующий её восточную половину. Его размеры 1,8х(1,2–1,95) м, глубина 14–18 см. Дно приямка уплощено, а стенки почти отвесны. Заполнение ямы разделено на две части – верхнюю и нижнюю. Мелкокрапчатый суглинок верхней части заполнения представляет собой, скорее всего, грунт преднамеренной засыпки западины сооружения. Нижняя часть заполнения приурочена только к её углублённой западной половине. Она состоит из трёх пачек однотипных двухлойных отложений. Верхний слой каждой пачки включает в себя развал глинобитной печи, нижний – рыхлый углистый грунт, насыщенный кухонными отходами.

Комплекс № 4 (рис. 109–125) – яма 1/2 – по форме верхних кромок напоминает продолговатый овал с размерами 3,6х2 м. Её котлован придонным материковым останцем, отходящим от основания юго-восточного борта, разделён на две неравные части, южную – меньшую, и северную – большую. Материковый останец перегораживал половину ширины ямы. Южная половина сооружения по форме близка к прямоугольнику со скруглёнными углами (130х200 см). Борты ямы здесь почти отвесны, а материковое дно – уплощено, углублено на 116 см и перекрыто тонкой углисто-золистой прослойкой. На дне расчищены отпечатки двух деревянных плашек. Северная половина ямы по форме близка к грушевидной фигуре размером 2,3х(1,3–2,1) м. Её неровные борты отвесны только в верхней части, в нижней – имели заметный наклон. Дно корытообразное, неровное, его уровень соответствует глубине 134 см. Стратиграфия ямы 1/2 изучена по двум разрезам. Результаты изучения показали, что обе её выделённые части были заполнены одновременно. В заполнении выделено три пачки отложений

(верхняя, средняя и нижняя). Каждая из пачек определяется по присутствию одного маркирующего угленасыщенного слоя с массовыми включениями кухонных отходов. В заполнении расчищены две линзы развалов глинобитных печей.

Яму 1/2, по отсутствию вблизи бортов системно расположенных столбовых ям, можно предположительно атрибутировать как подпольную яму наземной жилой постройки с сооружённой над ней глинобитной печью.

Комплекс № 5 (рис. 126) – обширная яма 9/2. Большая часть её перекрыта корнями растущего дерева и осталась не изученной. На раскопанный участок вошла юго-западная периферия углубления размером 1,8х0,7 м. Верхняя часть ямы 9/2 (на глубину от 24 до 60 см относительно уровня материка) нарушена перекопом XX в. Стенки ямы 9/2 близки к отвесу, с южной стороны основания бортов имеют отрицательный наклон, дно уплощено. Глубина ямы 1,31 м.

Комплекс № 6 – средневековая яма 2/3, выявленная с уровня дна перекопа XX в. (рис. 127, 128А). Последний перерезал средневековое сооружение по всей площади и на значительную глубину (до 0,8 м). Размеры ямы 2/3 по уровню верхних кромок её сохранившейся придонной части 2,2х1,1 м, глубина 0,88 м. Сохранившаяся часть ямы заполнена рыхлым углистым грунтом с включением большого количества керамики и костей животных. По сочетанию размеров, форме придонной части, глубине, характеру придонного заполнения яма 2/3 близка к уже описанным сооружениям, атрибутированным как подпечные ямы.

Комплекс № 7 – представляет собой овальную яму 10/1 размером 0,7х0,9 м и глубиной 26–28 см (рис. 128Б). Дно сооружения – неровное, округлое, стенки наклонные. Сверху яму перекрывала прослойка розоватого обожжённого переложённого материкового суглинка. Яма 10/1 могла использоваться для захоронения отходов.

Комплекс № 8 включает в себя совокупность трёх линзообразных по форме сечения небольших и неглубоких ям (№№ 4/3, 6/3, 8/3) и одну короткую канавку (№ 9) (рис. 129). Указанные сооружения занимают трапециевидную в плане компактную площадку размером 300х(100–200) см вблизи протяжённой частотной ограды, обозначенной канавкой 8. Планиграфически с данным комплек-

сом связано рассеянное скопление индивидуальных находок. Последние концентрировались в горизонте огородной распашки и в сохранившемся под ним потревоженном культурном слое. Среди находок, представленных преимущественно бытовым инвентарём, выделяются отходы железообрабатывающего производства в виде уплощенных железных стержней со следами обработки зубилом. Комплекс № 8, наверное, представлял собой площадку для захоронения производственных и бытовых отходов. С одной стороны она примыкала к внутренней стороне усадебного частокола, с другой – была ограничена лёгким частокольным ограждением.

Другие сооружения, исследованные на раскопанном участке, представляют собой частокольные канавки и столбовые ямы.

Планиграфия раскопанного участка не оставляет сомнений в усадебном характере вскрытого фрагмента застройки. Для её завершающего этапа можно предполагать присутствие остатков сооружений трёх усадебных комплексов. Два из них (усадыбы А и Б) разграничены частокольной оградой, прослеживаемой по канавкам 3 и 6 (рис. 64Б). Третья (усадыба В) от первых двух отделена уличным проездом. Последний образован двумя рядами параллельных ограждений (с одной стороны – частоколом, обозначенным канавкой 8, с другой – канавками 1 и 4). С усадьбой А связаны комплексы №№ 1, 4, столбовые ямы 7/1, 7/2 и, вероятно, канавка 2. Объекты, относящиеся к усадьбе Б: комплексы №№ 2, 3, 5, 7, столбовые ямы 6/2, 12/1, 11/2, 12/2, канавка 7. Сооружения усадьбы В представлены комплексами №№ 6 и 8. Объекты, раскопанные на усадьбе А, предположительно можно связать с остатками двух наземных срубных жилых построек. В постройках имелись глинобитные печи, сооружённые над подпечными ямами. Изучение стратиграфических разрезов этих углублений, которые, очевидно, служили и для захоронения кухонных отходов, показало, что связанные с ними сооружения неоднократно перестраивались или подновлялись. Многочисленные отходы железообработки, кузнечные шлаки, обнаруженные в черте усадьбы В, могут указывать на профессию по крайней мере одного её обитателя. Находки предметов вооружения, редкие образцы мелкой христианской пластики, желез-

ные стили свидетельствуют о достаточно высоком социальном статусе хозяев двух других усадебных комплексов.

Своеобразным фокусом вскрытого фрагмента планировки является небольшая подтреугольная площадка, образованная поворотом уличного проезда (отмеченная столбовыми ямами 6/1 и 7/3) (рис. 64Б). Этот участок улицы расширен изменением направлений частокольных оград, определяемых канавками 1, 2 и 8. С северо-западной стороны от него отходил частокол, разделявший усадьбы А и Б, с северо-востока – оборудованный двумя короткими параллельными загородками¹⁰³ коридорообразный, образующий «карман» в сплошной линии уличных частоколов, вход на усадьбу А. Его ширина (170 см) соответствует среднему значению расстояний между верейными столбами в усадьбах Великого Новгорода (Сорокин, 1998. С. 262). Частокол огибал юго-восточную периферию постройки, от которой сохранилась исключительно подземная часть в виде материковых ям 1А/1, 1Б/1, 1В/1.

Длина участка уличного проезда, вошедшего на раскоп – 13 м, ширина 170–230 см. С западной стороны окончание проезда ориентировано параллельно бровке берегового обрыва, а с восточной направлено в сторону перешейка мыса.

Пересечение двух частокольных канавок (рис. 64В), хронологические наблюдения, сделанные при рассмотрении находок из крупных материковых ям, расположение последних относительно разновременных ограждений – всё это указывает на историческое развитие планировки вскрытого участка. По времени начала заполнения большинство материковых ям можно соотнести с двумя строительными периодами. Главными находками-«хроноиндикаторами» служат монеты и встречаемость образцов белоглиняной посуды. Массовое появление посуды из беложгущейся глины в г. Нижнем Новгороде произошло в промежутке от рубежа XIV–XV вв. до середины XVI–XVII вв. (Грибов, 2009). Следовательно, частота встречаемости фрагментов белоглиняной посуды в местных комплексах XV – первой половины XVI вв. может служить хронологическим

¹⁰³ Обозначенными канавкой 2, северным отрезком канавки 1 и, вероятно, ямой 7/1.

маркером. Это подтверждается сопутствующими монетными находками (табл. 4).

Табл. 4 Распределение ям по времени начала заполнения в зависимости от встречаемости белоглиняной керамики и датировке монет.

Ямы	Слои	Горизонты	Общее количество керамики	Доля белоглиняной керамики (%)	Монеты (эмитент, дата чеканки, номер по монографии А.В. Орешникова (1896 г.))
<i>Первый строительный период</i>					
1А/1	1, 1а	верхний	758	27%	Борис Александрович Тверской, 1425–1461 гг., № 234
	2	нижний	1063	0,2%	Василий II, 1450–1462 гг., № 545; Василий II или Иван III, около 1462 г., № 671 или № 672
1В/1	1, 1а, 1б, 1в	верхний	723	21%	–
	2	нижний	106	4%	Василий II, 1446–1462 гг., № 625
2/1	1, 1а	верхний	284	40,5%	Иван III, 1462–1505 гг., № 679 или 680; Василий II или Иван III, около 1462 г., № 671 или № 672
	2, 2б	средний	581	9,8%	Василий II или Иван III, около 1462 г., № 671 или № 672; Иван III, 1462–1505 гг., № 679, 680
	3	нижний	1148	5,9%	Василий II, 1450–1462 гг., № 545
2/2	1	верхний	885	14%	–
	2, 2а	средний	202	0,5%	–
	3, 4	нижний	65	1,5%	Василий II, 1446–1462 гг., № 633
<i>Второй строительный период</i>					
1Б/1	1	верхний	620	24%	–
	2	нижний	1886	27%	Иван III; 1462–1505 гг.; № 668
1/2	1, 1а, 1б	верхние	1361	38%	Иван III; 1462–1505 гг.; № 679
	2, 2а, 2б	средние	921	21%	Василий II; 1462 гг.; № 672, Василий II; подделка по типу 1425–1434 гг.
	3, 4	нижние	225	20%	–
9/2		нижний	260	24%	–
2/3		нижний	142	40%	–

Это подтверждается, также, зависимостью встречаемости белоглиняной керамики от стратиграфического положения соответствующего горизонта заполнения шести сооружений Городка: доля фрагментов сосудов из беложгущей-

ся глины с переходом к более углублённым (и более ранним) отложениям либо существенно не изменяется (у ям 1Б/1, 1/2), либо уменьшается (у ям 1А/1, 1В/1, 2/1, 2/2), но никогда сколько-нибудь заметно не увеличивается с глубиной. Данное наблюдение выявляет тенденцию постепенного внедрения белоглиняной посуды, происходившего во время обращения монет последнего периода чеканки Василия II и монет Ивана III.

Первый строительный период определяют ямы 1А/1, 1В/1, 2/1, 2/2. Между разными горизонтами их заполнения фиксируется заметная хронологическая дистанция. Для нижних придонных слоёв характерен дефицит относительно поздней белоглиняной керамики (0,2–5,9%) и наличие денег Василия Тёмного при отсутствии монет Ивана III (табл. 4). Монеты Ивана III обнаружены только в верхних горизонтах со значительным содержанием осколков белоглиняной посуды (в пределах 14–40,5%).

Ко второму строительному периоду относятся ямы 1Б/1, 1/2, 9/2, 2/3. Придонные отложения этих сооружений включают большое количество фрагментов белоглиняных сосудов (20 – 40%), а в комплексах с атрибутированными (до эмитента) монетами присутствуют исключительно выпуски Ивана III.

К началу заполнения котлованов первого периода можно предполагать отсутствие сооружений, связанных с ямами 1/2, 9/2, 2/3. В течение накопления их нижних горизонтов яма 1Б/1 либо не заполнялась, либо ещё не была откопана. На изученном участке усадьбы А в это время, вероятно, присутствовала одна жилая постройка с подземной частью в виде котлована, образованного ямами 1А/1, 1Б/1, 1В/1. С северо-западной стороны усадьба была ограничена частоколом, о котором свидетельствует канавка 5. Он существенно расширял уличный проезд в месте его поворота и, вероятно, наряду с северным отрезком ограды (канавка 1), определял проход на усадьбу. В постройках усадьбы Б в этот первый период функционировали две глинобитные печи, разделённые лёгким ограждением (канавкой 7). На северной периферии усадьбы В в это время функционировало одно сооружение, связанное с комплексом № 8¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Суммарная доля белоглиняной посуды в заполнении его материковых ям – около 6%.

Во второй строительный период количество сооружений заметно возрастает. К территории усадьбы А с северо-западной стороны пригораживается незастроенный ранее участок, где появляется новое сооружение, связанное с комплексом № 4. В этот же период пределяется граница между усадьбами А и Б¹⁰⁵. Площадка на изломе уличного проезда ограничивается новым частоколом (канавка 2). На раскопанной части усадьбы Б продолжает функционировать печь над ямой 2/1, подпечное углубление другой печи (яма 2/2) перекрывается планировочным грунтом, а у бровки берегового обрыва начинает формироваться заполнение ямы 9/2. Ещё одно новое сооружение, связанное с материковой ямой 2/3, появляется на усадьбе В.

Начальный этап строительной истории раскопанного участка памятника, с опорой на нумизматический материал, можно датировать промежутком середины 30-х гг. – началом 60-х гг. XV в., а завершающий, по отсутствию монет, отчеканенных после 1505 г., – можно ограничить началом XVI в.

4.3. Анализ коллекции вещевого материала (по материалам исследований 1996, 2003–2004 гг.)

Коллекция находок без учёта осколков поливной посуды (66 экз.), гончарных клейм (47 экз.) и реконструированных сосудов (42 экз.) состоит из 552 единиц¹⁰⁶. По материалу изготовления инвентарь разделяется следующим образом: преобладают предметы из железа (56%), близкими долями (от 7,1 до 14,3%) представлены находки из цветного металла, камня, керамики, кости или рога, редко стеклянные изделия (1%).

По функциональной принадлежности вещевой материал имеет широкое разнообразие, которое характерно, скорее, городам, чем сельским поселениям. Кроме широко распространённых категорий присутствуют такие как элементы

¹⁰⁵ В виде частокольного ограждения (канавки 3 и 6).

¹⁰⁶ Основа коллекции – находки из раскопов 1–3 (521 экз.). При проведении шурфовочных работ найдено 27 предметов – два в шурфе № 1 и двадцать пять в шурфе № 2. Четыре находки – из подъёмного материала.

снаряжения верхового коня и всадника, письменные принадлежности, хирургические инструменты, предметы христианского культа, монеты.

Описание находок построено по функциональному принципу. Выбранный порядок подачи материала должен максимально способствовать формированию целостного представления о занятиях местных насельников, особенностях их быта, внешнего облика, то есть, всего того, что может способствовать в установлении социального статуса рассматриваемого поселения.

При описании находок использованы буквенно-цифровые обозначения паспортов вещей¹⁰⁷.

4.3.1. Предметы повседневного обихода и производственный инвентарь

К повседневным, обычным для средневековых усадеб предметам, востребованность которых мало зависела от рода деятельности и социального статуса их владельцев, отнесены: универсальные и деревообрабатывающие инструменты (ножи, шилья, иглы и некоторые другие), широко распространённые на поселениях лесной полосы, связанные с ними оснастка, вспомогательные орудия, поддерживающие их работоспособность, а также футляры для хранения таких инструментов; средства разжигания огня; элементы обустройства жилищ, в том числе – разнообразный крепёжный инвентарь; кухонную утварь; детские игрушки и предметы, связанные с играми.

Железные ножи (75 экз., рис. 130–133) численно доминируют среди домашних инструментов. Целые ножи и ножи с незначительными утратами представлены 32 единицами. Многие находки – это обломки клинков (17 экз.) и черенков (7 экз.); значительна доля фрагментированных изделий с утраченными рабочими концами и с частично сохранившимися черенками (19 экз.).

¹⁰⁷ Паспорт пластовой находки: номер раскопа (Р) или шурфа (Ш) – пласт – квадрат. Запись Р1-3-4 означает: раскоп 1, пласт 3, квадрат 4. Паспорт находки из ямы или канавки: номер раскопа (Р) или шурфа (Ш) – номер ямы (Я) или канавки (К) по отчёту – номер слоя. Например, запись Р1-Я1А-3 расшифровывается следующим образом: раскоп 1, яма 1А (1А/1 по тексту), слой 3. Паспорт находки, обнаруженной на дневной поверхности памятника при сборе подъёмного материала состоит из букв ПМ (подъёмный материал) и цифры, обозначающей год находки.

Из ям происходят 39 ножей и фрагментов¹⁰⁸, одна находка (РЗ-К9) обнаружена в заполнении частокольной канавки, пять найдены в непо потревоженном культурном слое памятника¹⁰⁹, большинство остальных – в слое огородной рас- пашки¹¹⁰.

По конструкции рукоятки ножи разделяются на три группы – черенковые, пластинчатые и ножи с массивной рукояткой, не требующей оснастки обкладками. Определение принадлежности к указанным группам проведено для 62 предметов. Преобладают черенковые ножи и их фрагменты (66% – 41 экз.); вдвое меньшим количеством представлены ножи с пластинчатой основой рукоятки (32% – 20 экз.), только у одного инструмента массивная рукоятка была целиком откована вместе с клинком (1% – 1 экз.).

Большая часть *черенковых ножей* (33 экз.) по углу между продольными осями клинка и черена разделяется на две подгруппы. В первую входят изделия с почти соосной ориентацией клинка и черенка, у которых соответствующий угол не превышает 6° (26 экз. – 79%) (см.: рис. 130, 1, 3, 6–14, 16, 18). Среди них преобладают ножи, традиционно определяемые как универсальные хозяйственные или кухонно-столовые (19 экз.). Их клинки отличаются прямыми спинками, иногда слабо опускающимися у острия¹¹¹ (рис. 130, 16). Переход клинка в черен- нок по верхнему краю у всех встреченных экземпляров оформлен в виде ступеньки. По морфологическим признакам к универсально-бытовым инструментам близок миниатюрный нож с размером клинка 30 мм (рис. 131, 18).

К специальным ножам относятся три изделия с поднимающейся вблизи острия спинкой (рис. 131, 15–17). Единственный целый экземпляр такого ножа имеет обуженный кончик лезвия, а на середине длины его клинка линия спинки имеет отчётливый уступ (рис. 131, 17). Подобные узколезвийные ножи опреде-

¹⁰⁸ Р1-Я1А-1а, Р1-Я1А-2 (4 экз.), Р1-Я1В-1б, Р1-Я1В-2, Р1-Я2-1 (3 экз.), Р1-Я2-2б (2 экз.), Р1- Я2-2, Р1-Я2-3 (8 экз.), Р2-Я1-1, Р2-Я1-1а, Р2-Я1-1б, Р2-Я1-2 (6 экз.), Р2-Я2-1, Р2-Я2-3 (4 экз.), Р2-Я2-4а, Р2-Я9, РЗ-Я2-1, РЗ-Я4.

¹⁰⁹ РЗ-3-7 (2 экз.), Ш2-4-2А (2 экз.), Ш2-5-1.

¹¹⁰ Р1-1-5, Р1-1-8, Р1-2-4А, Р1-2-10, Р1-2-10Б, Р1-3-2А (2 экз.), Р1-3-4А, Р1-3-5Г, Р1-3-5А, Р1- 5-1А, Р2-2-2, Р2-2-4 (2 экз.), РЗ-3-1, Р2-3-4, РЗ-3-3 (2 экз.), РЗ-3-5, РЗ-3-7 (2 экз.), РЗ-3-8 (4 экз.), РЗ-5-9, РЗ-6-9, РЗ-9-10.

¹¹¹ По терминологии С.Д. Захарова (2004. Рис. 155).

ляют, как косторезные (Захаров, 2004. С. 202). Другой вариант черенковых ножей с соосной ориентацией клинка и черена близок к сапожным инструментам, предназначенным для кроя кожи. Он представлен тремя находками со слегка расширенными лезвиями, круто изогнутыми к острию (рис. 131, 2, 3, 5). Ножи такой формы, но с более длинным черенком, встречены при раскопках Романова двора в Москве в комплексах первой и второй половины XVI в. (Археология Романова двора, 2009. С. 341, рис. 95, 6, 9, 11).

Вторая подгруппа черенковых изделий объединяет инструменты для деревообработки. Их клинок отогнут от оси черенка (рис. 130, 19; 131, 1, 4, 6–8, 11).

Пластинчатые ножи, как правило, сильно фрагментированы (рис. 132). Реконструкция их облика свидетельствует об принадлежности этих изделий к одному типу. Клинки инструментов имеют прямую спинку, слегка приспущенную на конце, который приострен и со стороны режущей кромки. От пластины черена лезвие отделено пологим уступом только с одной нижней стороны. Для крепления обкладок на черенах (под штифты) высверлены отверстия (как правило, четыре). Найденные на памятнике пластинчатые ножи близки к импортным западноевропейским ножам четвертого типа, известным по комплексам XVI в. из района Зарядья в г. Москве (Беленькая, Розанова, 1988. С. 19, рис. 1, 2, 9, 16). Встречены они и в других местах русской столицы – в Кремле¹¹², на Романовом дворе¹¹³, а также в гг. Твери¹¹⁴, Казани¹¹⁵, на уральском Искорском городище¹¹⁶. Появление в русских землях пластинчатых ножей датировано последней четвертью XIV – началом XV вв. по находке с Нутного раскопа Великого Новгорода (Гайдуков, 1992а. С. 145, рис. 54, 13).

Единичный образец хирургического ножа с массивной рукояткой (без ос-

¹¹² В горизонтах второй половины XIII – начала XV вв. и XIV – начала XVI вв. (Колызин, 2001. С. 95; рис. 36).

¹¹³ В слоях первой половины XVI в. (Археология Романова двора..., 2009. С. 340, рис. 94, 2).

¹¹⁴ В комплексе первой половины – середины XVI в., см.: Сыроватко, Черкасов, 2010. С. 100, рис. 1, 3.

¹¹⁵ В слоях IV и III, соответствующих эпохе Золотой Орды и периоду Казанского ханства (Ситдииков, 2006а. Рис. 14, 7, 10; 131, 4, 7))

¹¹⁶ В письменных источниках впервые упоминается в 1472 г. (Макаров, 2001. С. 25; 119, рис. 75, 8, 9).

тастки обкладками) происходит из слоя огородной распашки (рис. 133, 14). Его спирально подогнутая у завершения рукоятка прямоугольного сечения (0,6x1 см) целиком откована из одной заготовки вместе с лезвием. Последнее – тонкое и узкое – переходит в рукоятку без характерного уступа по спинке. Один образец ножа такого типа обнаружен при раскопках Великого Новгорода в слое первой половины XIV в. По аналогам из этнографии он определён как лекарский хирургический нож, предназначенный для ампутаций (Колчин, 1959. С. 56).

Специфика технологии изготовления ножей по обломкам тридцати шести изделий реконструирована в результате металлографического исследования (Завьялов, 2018). Доминируют ножи, изготовленные по двум технологическим схемам: целиком откованные из мягкого кричного железа и произведённые по технологии косо́й наварки стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой. Частая встречаемость изделий из кричного железа, низкое качество сварки указывают на то, что большинство из них вышло из рук мастеров-универсалов, обладавших невысокой квалификацией. У трёх изделий (P1-3-5Г, P1-2-10Б, P3-5-9) выявлена своеобразная конструкция, предполагающая укрепление клинка наваркой дополнительной стальной пластины по спинке, что характерно для боевых ножей.

Оснастка ножей только в единственном случае представлена *бронзовой рукояткой* (P2-Я1-2) из бронзового листа, обвернутого вокруг железного черенка и скреплённого заклёпкой (рис. 154, 3). В остальных случаях она представляет собой детали, вырезанные из кости или рога. Их номенклатура включает в себя массивные односоставные рукоятки черенковых ножей, обкладки от рукояток пластинчатых ножей, обоймы, затыльники, муфты.

Односоставные рукоятки представлены только тремя находками (P2-Я1-2 (2 экз.), Ш2-5-2Б). Они вырезаны из трубчатых костей (рис. 134, 17–19). Формы сечения разнообразны. На рукоятке овалообразного сечения пояском из сдвоенных линий выделено навершие, а место примыкания клинка – узкой зоной из трёх концентрических полосок (рис. 134, 17). Близкое по оформлению изделие

обнаружено в слое первой половины XVI в. на Романовом дворе в г. Москве (Археология Романова двора, 2009. С. 398, рис. 152, 26).

К *обкладкам рукояток ножей* относятся три изделия (P2-K9, P2-Я2-(3, 2a), P2-Я2-3). Полностью сохранилось только одно. Это продолговатая с двумя выступами по нижней стороне слегка расширяющаяся пластина с сечением в виде трапеции (рис. 134, 20). находка близка изделию, часть которого с таким же характерным выступом по нижнему краю была обнаружена в слоях второй четверти – середины XV в. г. Великого Новгорода (Гайдуков, 1992а. С. 164, рис. 73, 3). Ещё две фрагментированные обкладки – узкие трапециевидные в сечении пластины с остроугольным слегка расширенным завершением (рис. 134, 21, 22). Сходные изделия из Никульчинского городища на р. Вятке атрибутированы как накладки на лук (Макаров, 2001. С. 99) или колчан (Макаров, 2006. С. 139).

Обоймы (4 экз.: P2-Я2-1, P2-Я1-2б, P3-3-8, Ш2-5-1), укрепляющие переднюю часть рукояток ножей, известны под разными наименованиями¹¹⁷. Это, как правило, овальные (рис. 134, 3, б) или семигранные – уплощенные сверху и приостренные внизу – пластины из лосиного рога с продолговатыми отверстиями (рис. 134, 1, 2).

Затыльники рукояток ножей (10 экз.) разделяются на два типа (по характеру крепления). К первому типу относятся изделия с центральным отверстием, просверленным для установки крепёжного гвоздя из кости (P1-3-5В, P1-2-5В). Это овалообразная, с уплощенным верхом и приостренным низом, и семигранная пластины (рис. 134, 4, 5). Боковая сторона овалообразного затыльника покрыта циркульным орнаментом. Второй тип – это изделия без крепёжных отверстий, соединяемые с рукояткой при помощи клея. Местонахождение большинства из них связано с заполнениями материковых ям (P1-1-3, P2-Я1-3, P2-Я1-1б, P3-1-6А, P2-Я1-2б, P2-Я1-3, P2-Я1-2б, P3-Я2-1). К данному типу отнесены восемь плосковыпуклых пластин. Затыльники этого (второго) типа известны по раскопкам Переяславля Рязанского (Судаков, 1996. С. 164, рис. 2, 14–16), Вели-

¹¹⁷ Их называют обоймицами (Захаров, 2004. С. 220), обоймицами или накладками (Гайдуков, 1992а. С. 101), прокладками или муфтами (Закирова, 1988. С. 222).

кого Новгорода (встречены в слоях последней четверти XIII – начала XIV вв. и конца XIV – начала XV вв. (Гайдуков, 1992а. С. 165, рис. 74, 5, 6)).

К *муфтам* (2 экз.: Ш2-5-2А, Ш2-5-1) можно причислить два кольцеобразных спиля диафиза трубчатых костей крупного рогатого скота (рис. 134, 15) и лосиного рога (рис. 134, 16) без следов какой-либо дополнительной обработки. Эти находки можно интерпретировать, скорее всего, как отходы производства или заготовки для муфт, используемых, по мнению отдельных исследователей, в качестве крепёжных обойм, надеваемых на окончание деревянной рукоятки (Лысенко, 1985. С. 281). Подобные, в виде колец, муфты известны по материалам г. Переяславля Рязанского (Судаков, 1996. С. 164, рис. 2, 21).

Для ношения ножей служили специальные футляры-ножны. Данная категория инвентаря представлена небольшой частью *железной оправы* от симметричных ножен в виде узкого стержня и приваренных к нему нескольких поперечных обручей (Р1-Я2-3; рис. 136, 8)¹¹⁸. От изделия сохранилось навершие опорного стержня с петлеобразной головкой и продетым в неё подвижным колечком.

Кроме ножей бытовые инструменты представлены шилом, кочедыками, и иглами.

Железное шило (Р1-3-1) изготовлено в виде стержня ромбического сечения (0,2х0,35 см). Последний симметрично сужается к обоим концам от середины длины (рис. 136, 1). В Великом Новгороде шилья с таким ромбовидным остриём известны по исследованию мастерских, связанных с кожеобработкой (Колчин, 1959. С. 64).

Иглы представлены одной *железной швейной иглой* (Р2-Я2-1) (рис. 136, 3) и *костяными иглами* (3 экз.: Р1-Я2-3, Р3-3-8, Ш2-Я1), служившими для сшивания грубых тканей или для вязки рыболовных сетей (рис. 135, 4–6). Две найденные иглы из кости близки по форме и размерам. Каждая из них оснащена двумя

¹¹⁸ Образцы подобных изделий см.: Варфоломеева, 1994. С. 173–174, табл. II, 9, 10; Колчин, 1959. С. 116, 117, рис.100, 3; Гайдуков, 1992а. С. 157, рис.66, 18, 19.

остриями и одним отверстием для продёргивания нити. Отверстия смещены к одному из концов (рис. 135, 5, 6).

Для хранения щвейных иголок, очевидно, служил футляр-*игольник* (P1-Я2-2, рис. 135, 7). Он представляет собой лощёную трубочку из тонкостенной плечевой кости птицы. Находки таких игольников хорошо известны по раскопкам финно-угорских поселений (см., например: Иванова, 1998. С. 177, рис. 81, 1–8).

Кочедыки из кости (3 экз.: P1-1-10, P1-2-5B, P3-Я1) изготовлены из метаподиев (или диафизов) костей лося или крупного рогатого скота. Острия двух полностью сохранившихся инструментов залощены от работы, крепёжные отверстия на завершениях их рукояток отсутствуют (рис. 135, 1, 2). От одного изделия сохранился маловыразительный обломок (P3-Я1, рис. 135, 3). Такие инструменты могли использоваться не только для плетения, но и для подбивания нитей утка к основе на вертикальных ткацких станах (см.: Смирнова, 1999. С. 153).

Деревообрабатывающий инструмент представлен исключительно маловыразительными частями обухов (3 экз.: P1-1-5Г, P1-3-6, P2-3-4) и лезвий (3 экз.: P2-2-1, P2-2-2, P3-4-7) *железных топоров* (рис. 136, 12–17), фрагментом *железной пилы* (рис. 136, 11) (P2-Я1-1).

Точильные камни (13 экз.: P1-1B-1a, P2-1-1A, Ш2-4-2, P1-1-10A, P1-1A-2 (2 экз.), P2-Я1-1б, P1-1B-1б, P1-3-2, P1-3-3, P1-Я2-2б, P2-Я1-3, Ш1-3) разнообразны по форме, размерам и назначению. К крупнозернистым абразивам относятся шесть изделий, к точильным камням со средним зерном – три экземпляра, ещё четыре камня были пригодны только для тонкой заточки. Только две находки из алевролита, предназначенные для заточки инструментов с узким тонким остриём, можно определить как ремесленные изделия, в их габаритах и формах легко прослеживаются некие стандарты (рис. 137, 4, 11).

Оселки (2 экз.: P1-Я2-1, P3-3-5) служили для правки и доводки инструментов, заточенных на грубых абразивах. Найдены два сходных фрагментированных экземпляра с отверстиями для подвешивания (рис. 137, 12, 13).

Железные кресала (2 экз.: P1-1-5Г, P1-3-7) происходят исключительно из слоя огородной распашки. К типу однолезвийных калачевидных с язычком кресал относится один экземпляр (рис. 136, 10). Они были распространены в развитое и позднее средневековье (Евглевский, Потёмкина, 2000. С. 183). В Древней Руси этот тип встречается, преимущественно, в комплексах X – третьей четверти XII вв. (Колчин, 1982. С. 161, рис. 4) и крайне редко – в отложениях эпохи Золотой Орды (Гайдуков, 1992а. С. 94, 3). В погребениях поздних кочевников калачевидные кресала датируются XIII–XIV вв. (Евглевский, Потёмкина, 2000. С. 183). В г. Нижнем Новгороде и на памятниках его округа такие изделия обычны для комплексов XIII – начала XV вв. (Грибов, Лапшин, 2008. С. 146, рис. 3, 11), что можно объяснить их долгим бытованием у местной мордвы (Алихова, 1959. С. 48, 49).

Вторая находка – пластинчатое однолезвийное изделие пятиугольной формы без внутренних вырезов (рис. 136, 9). Самые ранние образцы подобных изделий известны по комплексам с монетами Ивана III и Василия III удмуртского Ореховского могильника (Крыласова, 2007. С. 285).

Кресальные кремни (24 экз.: P1-2-5, P1-3-1, P1-Я1А-1, P1-Я1А-1а, P1-5-1, P1-Я1Б-1, ПМ-2003, P2-2-4А, P2-Я1-1 (2 экз.), P2-Я1-2, P2-Я2-1 (2 экз.), P3-2-2, P3-2-6А, P3-3-1Б, P3-3-2, P3-3-4, P3-4-7, P3-5-9, Ш2-5-1, P1-4-1А, P1-2-1, P3-2-1А) представляют собой аморфные осколки кремневых желваков со сбитыми кромками (рис. 138, 1–19, 21, 22, 24–26). Для разжигания огня иногда служили подобранные на стороне мезолитические или неолитические кремневые орудия (рис. 138, 10, 11, 22). Найдены два кремневых изделия без следов вторичного использования – перфоратор (P1-Я2-2б, рис. 138, 23) и отщеп (Ш2-4-1, рис. 138, 20).

Предметы оборудования построек состоят из замков, ключей, пробоев, отдельных железных колец, фрагмента дверной накладки, светца и элементов крепёжа (гвоздей и скоб).

Железные замки (23 экз.: P1-Я2-3, P2-Я1-1, P2-Я1-3 (2 экз.), P3-9-9, P1-2-8, P3-2-3, P1-Я2-1а, P1-Я2-2б, P2-2-1 (2 экз.), P2-3-5, P2-4-6 (3 экз.), P3-3-2 (2 экз.),

РЗ-3-4, РЗ-3-7 (3 экз.), РЗ-3-9, РЗ-Я1), как правило, фрагментированы (рис. 139, 140). Навесные конструкции с корпусом цилиндрической формы, исчезающие по материалам г. Великого Новгорода к середине XV в., представлены десятью экземплярами. Один из них представляет собой корпус замка типа Г, датируемого серединой XIII – серединой XV вв. (Колчин, 1982. С. 162, рис. 3). Вторым экземпляром относится к «гибридному» варианту, переходному между новгородскими типами В и Г (см.: Руденко, 2001а. С. 46). Расположением запирающих пружин и поперечной ориентацией ключевого отверстия он напоминает тип В, с типом Г его объединяет наличие (на днище большого цилиндра) вертикального защитного щитка (расширенного, в отличие от замков типа Г, П-образной в плане формы) (рис. 139, 1). Замки с широкими П-образными щитками встречены в гг. Твери (Лапшин, 2009. С. 332, рис. 82, б), Великом Новгороде (Гайдуков, 1992а. С. 149, рис. 58, 5) и на памятниках Золотой Орды (см.: Руденко, 2001а. С. 177, рис. 18, 15; Кокорина, Фахрутдинов, 1999. С. 131, рис. 12, 4; Руденко, 2006. С. 120, рис. 9, 4, 6, 9). На Городке он обнаружен в верхнем слое ямы 1/2 вместе с денгой Ивана III.

Большая часть найденных фрагментов замочных изделий (12 экз., рис. 140, 1–12) связана с навесными «сничными» замками типа Е (по новгородской классификации) середины XIV – XVI в. (Колчин, 1982. С. 160). Один из них обнаружен в придонном слое ямы 2/1 вместе с монетой Василия II 1450–1462 гг. (рис. 140, 1).

Одну находку можно отнести к нутряным цельнометаллическим замкам с засовом (рис. 139, 11). В г. Великом Новгороде такие замки появились в конце XIII в. и были распространены вплоть до современности (Колчин, 1982. С. 161). Коробкообразный корпус найденного нутряного цельнометаллического замка близок параллелепипеду. Его размеры 2,1х4,0х4,7 см. В нижней части боковых сторон изделия соосно высверлены крепёжные отверстия.

Железные ключи (7 экз.: Р1-Я1В-2, Р1-Я2-3, Р1-3-2, Р2-Я1-2б (2 экз.), Р2-Я1-1а, ПМ-2004), все, кроме одного, связаны с навесными замками. Четыре из них представлены ключами от замков типа В (по новгородской классификации)

(рис. 140, 14–17). Один ключ (с утраченной рукояткой) предназначался для замыкания замков типов Д или Е (рис. 140, 18). С нутряными цельнометаллическими замками связан один ключ с полым рабочим стержнем (рис. 140, 13).

Пробои (7 экз.: Р1-2-10Б, Р1-3-2, Р1-Я2-2, Р3-2-10, Р1-Я2-3, Р2-2-5, Р2-Я1-1) по конструкции разделяются на изделия со сварными (рис. 141, 1, 3–5) и отдельными (рис. 141, 2, 6, 7) остриями.

Железные кольца (6 экз.: Р1-2-4, Ш2-3-2А, Р2-Я2-2а, Р2-Я2-2, Р2-Я2-3, Р2-Я8), очевидно, происходят от предметов различного назначения. Одни из них, скорее всего, являлись деталями пробоев (рис. 141, 10, 11; Захаров, 2004. С. 208), другие могли входить в состав кольчатых удил (рис. 141, 8, 9, 12, 13).

Частью **дверной накладки** (Р2-Я1-2б) мог служить Т-образный стержень сегментовидного сечения, раздвоенный с одной стороны (рис. 141, 15). Завершения его расходящихся концов подвёрнуты в виде спиралей, место их сочленения обозначено узким рельефным пояском. Близкие по стилистике элементы использованы в оформлении новгородских дверных личин (Археология. Древняя Русь. Быт и культура, 1997. Табл. 8, 11, 18, 21). П.Г. Гайдуковым такие изделия атрибутированы как части личин под дверные ручки (1992а. С. 94; 152, рис. 61, 6–12). Близкие новгородские аналоги обнаружены преимущественно в горизонтах второй четверти – середины XV в., наиболее ранняя находка обнаружена в комплексе 1356–1377 гг. (Гайдуков, 1992а. С. 152, рис. 61, 12).

Железный светец (Р3-2-5) относится к разновидности однолучинных изделий со спиральными завитками на концах (рис. 141, 14).

Железные гвозди (32 экз.: Р1-2-5В, Р1-5-1А, Р1-Я2-3, Р1-3-5Д, Р1-3-6, Р1-3-3, Р2-2-4А, Р2-Я1-2б, Р2-Я9, Р3-2-6, Р3-3-2, Р3-3-7, Р3-6-9, Ш2-5-2Б, Р1-Я1В-1а, Р2-1-1А, Р2-2-4, Р2-Я1-1а (3 экз.), Р2-Я1-1 (2 экз.), Р2-Я1-2б (2 экз.), Р3-3-7, Р3-3-5, Р3-3-3, Р3-К9, Р2-Я1-2а, Р2-Я1-2б, Р2-Я1-2, Р3-4-9) по размерам и форме разделяются на строительные (29 экз.) и обойные (3 экз.). Строительные гвозди включают в себя изделия со шляпкой (10 экз., рис. 142, 19, 21–29) и гвозди – костыли (15 экз., рис. 142, 1–14, 20).

Железные скобы (41 экз.: P1-4-2, P2-Я1-1а (2 экз.), P2-Я1-1б, P2-Я1-1 (3 экз.), P3-3-6, P3-3-1, P3-3-8, P3-Я2-2, Ш2-4-1, P1-2-9, P1-2-10А, P1-2-5В, P1-2-2А, P1-2-10Б, P1-3-10, P1-3-4А, P1-5-1, P1-5-1, P1-Я1А-1 (4 экз.), P2-1-1А, P2-2-1, P2-3-4, P2-4-9 (2 экз.), P2-4-4, P2-Я1-1а, P2-Я2-2а, P2-Я2-3, P3-2-4, P3-3-6А, P3-3-2, P3-4-7, P3-4-8, P3-4-9, Ш2-6-2) предназначались для крепления деталей деревянных конструкций. Обнаружено 12 целых и 29 фрагментированных изделий (рис. 143, 111). Все скобы – двушипные, с уплощенной соединительной планкой, имеющей прямоугольное сечение.

В качестве кухонной утвари можно рассматривать многие из описанных выше железных ножей, обломки жернового постава ручных мельниц, осколки разнообразной посуды, среди которой встречено несколько фрагментов и от металлических изделий.

Чугунные котлы (2 экз.: P1-3-7, P2-Я2-2) представлены всего двумя находками. Одна из них – часть стенки (рис. 150, 12), другая – фрагмент верхней части изделия без шейки с вертикальными стенками и выдвинутым наружу венчиком (рис. 150, 11)¹¹⁹. Один осколок чугунного изделия обнаружен в заполнении ямы 2/1 в одном слое с монетой конца правления Василия II (отчеканенной около 1462 г.).

Найденные части **медных сосудов** (2 экз.: P1-Я2-2, P2-1-2) представлены частью ушка от одного подвешного сосуда (рис. 154, 11) и фрагментом венчика котелка, изготовленного из тонкого листа металла с подвёрнутым наружу краем (рис. 154, 7). Обломок ушка от котла типа М-4, по классификации К.А. Руденко (2000. С. 214, 215), обнаружен в заполнении ямы 2/1 в одном слое с монетой Василия II (отчеканенной вблизи 1462 г.)

Единственная находка **астрагала** домашней козы с высверленным отверстием представляет собой игральную кость (P1-Я2-3, рис. 135, 14).

О присутствии детей среди жителей Городка свидетельствуют находки фрагментов **керамических игрушек** (7 экз.: P1-2-10, P1-3-10Б, P3-3-3, P2-1-4А, P2-Я2-1, P3-4-8, P3-К8) (рис. 145, 21–27). К ним относятся небольшие по разме-

¹¹⁹ Типа Ч-2 по К.А. Руденко (2000. С. 212, рис.3; 219).

рам шарики из обожженной глины от погремушек (рис. 145, 24, 27) и обломки стенок красноглиняных (вероятно, зооморфных) изделий (рис. 145, 22, 26). Обломки одной игрушки – это часть свистульки, изготовленной из красножгущейся глины, и покрытой круглыми пятнами белого ангоба (рис. 128, 25). Образцы московской короластики с таким декором датируются XV – началом XVI вв. (Розенфельдт, 1968. С. 21). Фрагменты ещё двух красноглиняных изделий целиком покрыты белым ангобом (рис. 145, 21, 23). По московским аналогам дата их изготовления очерчивается XIV–XVI вв. (Розенфельдт, 1968. С. 25). Один из фрагментов ангобированной игрушки выполнен в виде ноги человека или животного с едва выступающим носком (рис. 145, 23). Большое количество таких частей керамических фигурок известно по раскопкам Романова двора в г. Москве. Они происходят из слоёв XVI–XIX вв. (Археология Романова двора, 2009. С. 393, рис. 147, 14–34). Найденные фрагментированные керамические игрушки равномерно обожжены до красновато-бурого цвета, в качестве отощителя теста использовался среднезернистый песок. Отмеченные особенности технологии и стилистики присущи изделиям московских гончаров.

В отличие от выше описанных категорий широко распространённого бытового инвентаря, находки железных стилей на памятниках русского средневековья, как правило, приурочены к богатым усадебным укомплексам (Овчинникова, 1994. С. 85). Писала достаточно редко встречаются даже при археологических раскопках крупнейших русских городов¹²⁰. В этой связи большой интерес вызывает находка на небольшом исследованном участке памятника сразу трёх железных стилей.

Железные писала (3 экз.: P1-2-10, P1-Я1А-2, P2-Я2-3). У двоих изделий отсутствует лопаточка на конце стержня. Одно из них увенчано шарообразной головкой, переходящей в рабочий стержень через короткую шейку из четырёх концентрических валиков (рис. 136, 5). Сходное по стилистическим особенностям (но четырёхгранное) писало найдено в городе Никулицын (Макаров, 2001.

¹²⁰ Так, по состоянию на начало 90-х гг. XX в. в Великом Новгороде было известно 143 стилей (Овчинникова, 1994. С. 83–85), в Суздале – 14 (Седова, 1997. С. 215).

С. 98, рис. 54, 11). Кубообразное навершие другого стиля соединяется с рабочим стержнем коротким переходным участком, оформленным в виде одинарного валика (рис. 136, 6). Изделия можно отнести к разным вариантам 15 типа середины XIII по XV в. включительно (Овчинникова, 1994. С. 84). Одно из них обнаружено в слое огородной распашки (рис. 136, 5), другое найдено в придонном горизонте ямы 2/2 вместе с монетой Василия II 1434/35–1462 гг. (рис. 136, 6). Ещё одно обнаруженное писало оснащено треугольной лопаточкой, которая плавно переходит в стержень округлого сечения без заметного упора (рис. 136, 4). Это изделие можно соотнести с 12 типом писал Великого Новгорода конца X – конца XIV вв. (Овчинникова, 1994. С. 84). Оно найдено в придонной части заполнения ямы 1А/1 вместе с двумя монетами. Одна из монет отчеканена в 1450–1462 гг., вторая – около 1462 г.

Предмет с граффити (РЗ-К8) представляет собой фрагмент стенки красноглиняного сосуда с прорезанным знаком из трёх тонких расходящихся лучей (рис. 145, 28).

4.3.2. *Хозяйственный и производственный инвентарь*

Материалы раскопок указывают на широкий спектр производственной деятельности, намечают определённые направления в экономике, которые если и не были доминирующими, то, наверняка, играли важную роль в системе жизнеобеспечения местных насельников.

Изготовление многих необходимых в местном обиходе предметов не выходило из рамок домашнего производства. Это в полной мере относится к продукции таких отраслей, как **прядение и ткачество**. С прядением волокна связаны разнообразные пряслица и одна железная булавка для крепления кудели к ручной прялке.

Железная булавка-спица, оснащённая петлеобразной головкой (Р1-3-5В), изготовлена из стержня квадратного сечения (рис. 136, 2). В г. Великом Новгороде период широкого распространения таких булавок приходится на середину

XIV – начало XV вв.¹²¹ Одна находка известна и по слоям середины XV в.¹²² Встречаются они и в комплексах XVI–XVII вв. (Никитин, 1971. С. 41, табл. 5, 5).

Пряслица (34 экз.) из керамики (20 экз.: P1-2-5B, P2-2-4A, P1-2-10B, P1-2-5B, P2-Я9, P3-2-1A, P3-3-2, P1-Я1Б-2в, P3-3-8, P3-3-7, P3-К1, P2-Я1-1а, P1-2-10A, P1-Я1Б-1, P1-Я2-(2, 3), P2-Я1-1, ПМ-2004, P1-Я1Б-2, P1-3-4A, P2-2-4), камня (13 экз.: P1-Я1Б-2, P2-Я1-3, P2-Я1-3, P2-Я1-2б, P1-2-2, P1-2-10B, P1-2-5B, P1-Я1Б-2, P2-Я1-1а, P2-Я1-1а, P1-Я1Б-2, P3-К1, Ш2-2-2) и лосиного рога (P1-1-5Г).

Керамические пряслица (20 экз.) разделяются на поливные (3 экз.), гончарные без поливы (3 экз.) и выточенные из фрагментов сосудов (12 готовых экземпляров и 2 заготовки). Поливные изделия по формовочной массе, формам и размерам аналогичны находке из слоя эпохи Казанского ханства кремля г. Казани (Ситдииков, 2006а. Рис. 17, б). Большое количество грузиков для веретен (67% – без учёта заготовок) изготовлено из черепков битой посуды. Использовались осколки краснолощёных (4 экз.; рис. 145, 7, 9, 10, 15), красноглиняных с примесью мелкозернистого песка (7 экз.; рис. 145, 11, 8, 13, 14, 16, 18, 20), морёных (1 экз.; рис. 145, 17), белоглиняных с тонким тестом (1 экз.; рис. 145, 12) и поливных сосудов (1 экз., рис. 145, 19).

Каменные пряслица (13 экз.) вырезаны из местных горных пород: мергеля (5 экз.), пермской уплотнённой глины белесоватого (4 экз.) и красного (3 экз.) цветовых оттенков. Преобладают дисковидные изделия (4 экз.), напоминающие грузики, изготовленные из черепков сосудов (рис. 146, 5, 7, 10, 13, 15).

Пряслищем, вероятно, могло служить небольшое дискообразное, напоминающее игральную шашку, изделие *из лосиного рога*, изготовленное на станке (рис. 135, 11). Подобные предметы иногда атрибутируются как пуговицы (Судаков, 1996. С. 175) или шашки (Носов, 1990. С. 128). Они найдены на Рюриковом Городище (Носов, 1990. С. 130, рис. 50, 7), в слоях первой половины XIV в. г. Великого Новгорода (Гайдуков, 1992а. С. 165, рис. 74, 10), в г. Белоозере (Голубева, 1973. Рис. 38, 18), в г. Переяславле Рязанском (Судаков, 1996. С. 176, рис.

¹²¹ 9–5 ярусы Неревского раскопа; 1340 – 1422 гг. (Колчин, 1959. С. 107, табл. 39).

¹²² 2–1 ярусы Нутного раскопа (Гайдуков, 1992а. С. 95).

7, 1, 2) и в слое времени Казанского ханства в кремле г. Казани (Ситдииков, 2006а. С. Рис. 79, 2). Точным аналогом является изделие из постройки 1434–1435 гг. г. Орешка (Кирпичников, 1980. Рис. 16, 9).

Местные специализированные производства представлены **металлообработкой**.

Об обработке железа свидетельствуют разнообразные отходы кузнечно-слесарного производства. Они представлены прямыми и хаотично изогнутыми уплощенными стержнями прямоугольного сечения, небольшими по размерам массивными пластинами аморфных очертаний. Кромки последних, как и окончания отдельных стержней, зачастую имеют следы обруба зубилом.

Стержни (43 экз.: Р1-1-5, Р1-2-2, Р1-4-1, Р1-2-10Б (2 экз.), Р1-3-6, Р1-Я1А-1, Р1-Я1А-2 (3 экз.), Р1-Я2-3, Р2-2-4А, Р2-4-9, Р2-Я1-1а (2 экз.), Р2-Я1-1, Р2-Я1-2б (5 экз.), Р2-Я2-2 (2 экз.), Р2-Я2-4, Р3-2-1А, Р3-3-2 (7 экз.), Р3-3-6, Р3-3-7 (2 экз.слой), Р3-3-8 (3 экз.), Р3-3-9, Р3-Я8, Ш2-2-2, Ш2-4-1, Ш2-Я1) имеют размеры от 25 до 111 мм (рис. 147, 148).

Пластины (5 экз.: Р2-Я2-1, Р3-2-1А, Р3-3-7 (2 экз.), Ш2-6-2В) характеризуются различной толщиной. Их типичные размеры варьируют от 1,5х4,5 см до 6,5х7,0 см (рис. 149, 6–11).

На раскопах 1–3 отходы кузнечного производства концентрируются в скопление, связанное с комплексом № 8. На сравнительно небольшом участке в центральной части раскопа 3 (кв.2, 6, 7, 8) в непо потревоженном культурном слое и в перекрывающем его слое огородной распашки, вместе с разнообразными бытовыми отходами найдено тринадцать стержней, две пластины и восемь железосодержащих кузнечных шлаков сравнительно небольших размеров (до 2,0х2,0х6,0 см). Эти находки, вероятно, локализуют место захоронения отходов, связанных с кузнечной мастерской.

Следы обработки цветных металлов менее выразительны. С этой сферой предполагаемого местного производства можно связать небольшое **железное зубильце** (Р1-5-1А) (рис. 136, 7). В качестве отходов холодной обработки бронзы можно рассматривать **отрезок бронзовой проволоки** (Р2-Я1-2) (рис. 154, 2), две

бронзовые пластины с обрезанными краями (2 экз.: P1-2-4, P3-3-7), небольшой **бронзовый слиток** аморфных очертаний (P1-Я1А-1) (рис. 154, 1).

На различные отрасли **сельскохозяйственного производства** указывают остеологические сборы, палеоботанические материалы и единичные орудия.

К палеоботаническим материалам относятся определяемые (до вида) 260 экземпляров зёрен культурных растений и 37 семян зёрен сорняков (Лебедева, 2009а). Они выделены из двух флотационных промывок грунта различных горизонтов заполнения одного материкового углубления – ямы 1/2 (слои 1 и 2). Если судить по обнаруженным остаткам культурных растений, в местный рацион входили блюда и изделия из ржи, пшеницы, овса и гороха. Для размола зерна в местных домохозяйствах использовались ротационные ручные мельницы, о чём свидетельствуют находки фрагментов каменных жерновов.

Каменные жернова (8 экз.: P2-Я1-1 (3 экз.), P2-Я2-1 (4 экз.), P2-Я2-2а) представлены остатками минимум 2-х бегунков от ручных ротационных мельниц из местного обожжённого пористого известкового туфа или из крепкой магматической породы (класса гранитоидов) моренного происхождения (рис. 146, 1). Размеры одного жёрнова: диаметр 420 мм, толщина 55 мм.

О стойловом содержании домашнего скота могут свидетельствовать находки фрагментов двух **железных кос** с короткими насадами (P1-2-5В (2 экз.)), которые использовались для заготовки кормов (рис. 141, 16, 17). Концы черенков обоих орудий (для крепления к рукоятке) крючкообразно отогнуты под прямым углом к плоскости лезвия. Косы такой конструкции в г. Великом Новгороде были распространены до XVI в. (Колчин, 1959. С. 72).

К распространённым способам добычи продуктов питания, очевидно, относилось **рыболовство**. Большое количество костей и чешуи рыб различных видов обнаружено в заполнениях материковых ям. Особенно много встречено их в рыхлых углистых отложениях, перекрытых развалами глинобитных печей. Собранная коллекция костей рыб включает в себя 4458 образцов, что составляет около трети (27%) всего объёма остеологических находок (16716 экземпляров).

Об активном участии местных насельников в рыболовном промысле свидетельствуют находки рыболовного инвентаря. Он отражает разнообразие практиковавшихся способов лова. С индивидуальными способами рыбной ловли связаны железные крючные снасти и остроги.

Рыболовные крючки являлись главной составной частью крючных снастей (8 экз.: Ш1-1, Р1-Я1А-1, Р1-Я1А-2, Р2-Я1-1а (2 экз.), Р2-Я1-1, Р2-Я1-2б, Р3-3-3)). Три крючка изготовлены из четырёхгранного стержня (рис. 150, 5, 7, 8), два крючка – из округлого дрота (рис. 150, 1, 2). Бородка всех, кроме двух фрагментированных экземпляров (рис. 150, 3, 4), завершена отчётливо выраженным противощипом. Для наиболее надёжного крепления к лесе окончание цевья четырёх изделий раскован в «лопаточку» (рис. 150, 1, 4, 5, 8), цевьё одной снасти изогнуто на конце (рис. 150, 1). Крючки по промысловому назначению разделяются на перемётные (для лова крупной рыбы на живца), и насадные (для донок, закидушек и поставуш) (Салмина, 1994. С. 165, 169; Салмина, 1996. С. 198, 199). К перемётным снастям относится один экземпляр (рис. 150, 7), остальные крючки – насадные (рис. 150, 1–6, 8).

Атрибуция грузил от крючных орудий лова сопряжено с трудностями в их распознавании среди огрузки рыболовных сетей и иных грузиков (Салмина, 1994. С. 165). Скорее всего, в качестве рыболовных могли быть использованы **свинцовый кольцеобразный грузик** (Р2-Я1-2б) (рис. 154, 15) и **каменное уплощенное грузило** (Р3-6-19, рис. 146, 14).

Наконечник однозубой остроги – железный черенковый – относится к инструментам ударного действия (Р2-Я1-3). Он оснащён двумя боковыми зубцами и небольшим загибом на конце для крепления к древку (рис. 150, 10). К наконечникам острог, вероятно, относится и **железное орудие** (Р1-Я1В-2) в виде спицеобразного длинного стержня, приостренного на одном конце. Его противоположное острию завершение расковано в секирообразную пластину, которая, очевидно, служила для прикрепления к рукоятке (рис. 149, 12). Подобные по габаритам стержни как остроги известны по раскопкам городища Холки XI – XIV вв. (Винников, Кудрявцева, 1998. С. 66, рис. 9, 1, 2).

К снастям профессионального промыслового лова относятся разнообразные сетяные снасти, грузила от них – многочисленны.

Керамические грузила (23 экз.: P1-1-10А, P1-1-9, P1-2-10Б, P1-3-10, P1-4-2, P1-4-1А (2 экз.), P1-Я1А-2 (2 экз.), P1-Я1В-2, P2-3-3 (2 экз.), P2-Я1-1а, P2-Я1-2б, P2-Я3, P3-3-2, P3-3-6Б, P3-4-9, P3-3-7 (4 экз.), ПМ-2003) входили в конструкцию передвижных волоковых сетей-бродцев отцеживающего типа (рис. 151, 152). Найденные грузила – слишком лёгкие, для того чтобы служить огрузкой больших стационарных сетей, и симметричные, предназначенные для свободного перемещения по дну водоёма. Их вес колеблется от 26 гр. до 67 гр. Единственное **каменное грузило** (P1-Я2-3) можно соотнести с огрузкой больших ставных сетей. Оно изготовлено из плитки местного известняка (рис. 146, 3).

Железный крюк типа «кошки» (Ш2-4-1) служил для вытаскивания сетей. Он изготовлен из одного сложенного вдвое прутка, перевитого таким образом, что на одном конце образовалась крепёжная петля (диаметром 2 см), а на другом – два дугообразных шипа, загнутых в разные стороны (рис. 150, 9).

Находки костей крупных рыб ценимых промысловых пород (позвонки осетровых) подводят к мысли о том, что часть рыбного рациона обеспечивалась привозом со специальных рыболовных угодий.

Две находки можно связать с деятельностью местных промысловиков, охотников на пушного зверя. По этнографическим аналогам связанное с ними изделие можно атрибутировать как тупой роговый наконечник стрелы (**томар**) со сквозным насадом (2 экз.: P1-2-6). Изделие отличалось булавовидной формой и сквозным продольным отверстием с сужениями на концах (рис. 135, 8, 9). Боковая поверхность томара была украшена кольцевым врезным орнаментом. Охотничьи наконечники такой формы известны по материалам селения Усть-Цыльма на Печоре, по аналогам из г. Великого Новгорода они датируются серединой XIII – XV вв. (Смирнова, 1994. С. 150, рис.3, 5; 152–155, тип 2в).

4.3.3. Украшения, детали одежды, предметы туалета

Женские **головные украшения** включают в себя височные кольца, височную подвеску, серьги.

Височные кольца (P3-2-6А, P2-Я1-3) представлены одной целой находкой и одним фрагментом. Височное кольцо относится к изделиям с фигурной лопастью (рис. 153, 7). В абрисе лопасти угадывается фигура птицы, сидящей вблизи окончания обода на полукруглом щитке. Ближайшими аналогами находки из Городка являются бронзовые височные кольца из слоя XIII в. гг. Белоозеро (Голубева, 1973. С. 46, рис. 7, 1) и Плёса – из слоя, ориентировочно датированного автором раскопок 1410–1429 гг. (Травкин, 1996. С. 191, рис. 36, 1).

Височная подвеска (P1-2-10А) представляет собой бронзовое колечко с завязанными концами, свёрнутое спиралью из тонкой проволоки (рис. 154, 12). Такое украшение встречено в первом Аверинском могильнике XII–XIV вв. (Голдина, Кананин, 1989. С. 170, рис. 45, 36).

Серьги из бронзовой проволоки, изогнутой в виде знака вопроса (6 экз.: P1-2-5В, P1-Я2-1, P1-2-10А, P1-Я1В-2, P2-Я1-2б, Ш2-5-2Б), вероятно, были одним из самых распространённых женских украшений. Проволочные односоставные серьги представлены тремя типами.

Тип 1 (1 экз., рис. 153, 6) – с обрубленным укороченным стержнем. Встречены в г. Болгаре (Полякова, 1996. С. 171, тип А-II-1, рис. 60, 14), марийском могильнике Греково XVI–XVIII вв. (Шапран, 2002. С. 255, рис. 7, 5).

Тип 2 (2 экз., рис. 153, 4, 5) – с бронзовой напускной шарообразной бусиной, спаянной из двух полусфер. Последняя закреплена обмоткой из тонкой проволоки (сверху) и утолщением в виде небольшой петли (снизу). Встречены в гг. Великом Новгороде (Козлова, 2006. С. 223, рис. 1), Пскове (Козлова, 2006. С. 128, рис. 1, 3), на марийских могильниках XVI–XVIII вв. – Греково и Кадочки (см.: Шапран, 2002. С. 256, рис. 8, 1; 259, рис. 9, 10, 11, 15).

Тип 3 (3 экз., рис. 153, 1–3) – с длинным стержнем без бус и каких-либо иных привесок. Встречаются в марийских могильниках XVI–XVIII вв. (Шапран, 2002. С. 257, 45).

Возможно, составной частью серьги являлась, имеющая каплевидную форму, **стеклянная вставка** (P3-К8) из полупрозрачного синего стекла (рис.

154, 19). Миндалевидные серьги с такими стеклянными ставками встречены в г. Болгаре (Полякова, 2000. С. 234).

Бусы (4 экз.: P1-Я2-2, P1-2-5B, P1-2-2A, P3-2-6A) изготовлены из стекла (2 экз.), камня (1 экз.) и кашина (1 экз.). Шарообразная массивная бусина (диаметром 20 мм) из чёрного непрозрачного стекла с декором из трёх белых пятен могла служить одиночной подвеской (P3-2-6A; рис. 154, 20). Аналогичные бусы-подвески встречены в материалах Болгара (Полубояринова, 1988. С. 185; 186, рис. 85, 7). Другая буса из стекла – кольцеобразная (P1-2-5B; рис. 154, 21). Шарообразная каменная бусина выточена из розоватого алтайского кварцита-белоречита¹²³ (P1-2-2A, рис. 154, 22). Кашинная бусина – бочонкообразная гладкая, изготовлена из плотной светло-серой массы и покрыта прозрачной ультрамариновой поливой (P1-Я2-2, рис. 153, 23). Её диаметр 0,8 см. По цвету поливы, форме и размерам она заметно отличается от рельефных кашинных бус золотоордынского времени. На Городке кашинная бусина встречена в заполнении ямы 2/1 вместе с денгой Василия II, отчеканенной около 1462 г.

Украшения рук представлены браслетами и перстнями из стекла, бронзы.

Браслеты (3 экз.: P1-3-3, P1-Я2-2, P2-Я2-3) представлены небольшим обломком бронзового изделия и двумя фрагментами стеклянных украшений. Бронзовый браслет – пластинчатый с прямоугольными немного сужающимися концами (P1-3-3, рис. 153, 8). На лицевой поверхности хорошо просматривается декор в виде рифления. Пластинчатые браслеты с рифлением известны по раскопкам г. Болгара (Полякова, 1996. С. 185; тип Б-II-2, рис. 62, 8), Вятки (из слоёв XV–XVIII вв.) (Макаров, 2001. С. 77, рис. 33, 17), встречены они в погребениях мордвы XIII–XIV вв. и XVI–XVII вв. (Алихова, 1948. С. 254, табл. IV, 61; Горюнова, 1948. С. 37, табл. XI, 3; С. 51, табл. V, 4). Встречены два осколка кручёных браслетов из прозрачного стекла – зелёного и фиолетового (P1-Я2-2, рис. 154, 17; P2-Я2-3, рис. 154, 16). Обе находки происходят из комплексов с монетами Василия Тёмного. В г. Нижнем Новгороде и на памятниках его округи осколки стеклянных браслетов встречаются в комплексах середины – второй полови-

¹²³ Определение камня выполнено геммологом к.г.-м.н. Ю.Б. Заславским.

ны XIV в. вместе с обломками золотоордынских кашинных сосудов (Грибов, Лапшин, 2008. С. 144–145; Лапшин, 2012). Скорее всего, два сравнительно не-больших осколка стеклянных браслетов попали на территорию Городка случайно – принесены, как найденные на стороне предметы.

Перстни (5 экз.: P1-2-9, P1-Я2-3, P3-6-9, P1-Я1Б-2, P2-Я1-1, P3-Я2-1), как и браслеты, изготовлены из бронзы и стекла. Бронзовые изделия представлены тремя типами. Преобладают украшения со вставками и «глухим» способом крепления вставок. Оправы двух из них – круглая и овальная – устроены на расширении дужки. Перстень с овальной оправой имеет декор, выполненный гравировкой (рис. 153, 11). От его вставки сохранилась только перламутровая подложка. Вставка перстня с круглой оправой не сохранилась (рис. 153, 13). Ещё один перстень с утраченной вставкой оснащён круглой оправой на квадратном щитке, припаянном к дужке (рис. 153, 12). Встреченный в одном экземпляре щитковый разомкнутый перстень украшен овальным посеребрённым щитком с хаотично ориентированными короткими насечками (рис. 153, 10). Представленный небольшим обломком узкопластинчатый перстень имел дужку с ребристым сечением (рис. 154, 5). Он относится к совокупности изделий середины XIV – XV вв., известных по Гдовским курганам, гг. Старице и Великому Новгороду (Седова, 1981. С. 131, 132; Сарачева, 2007. С. 83, рис. 3, 37; 84). Как один из архаичных элементов местной материальной культуры может быть интерпретирован плосковыпуклый перстень из пастового бирюзового стекла (рис. 154, 18). Изготовление таких украшений было налажено в Болгаре в середине XIV – начале XV вв. (Полубояринова, 2006. С. 154). находка обнаружена в яме 2/3 в слое, насыщенном обломками белоглиняных горшков коломенского типа.

К **деталям костюма** следует отнести элементы поясного набора, привески-бубенчики, булавки. Отлитые из бронзы части поясного набора включают в себя пряжку, поясное кольцо, накладки, две обоймицы.

Пряжка (P1-Я2-3) – бронзовое изделие прямоугольной формы со слегка выгнутым по дуге расширенным передним краем (рис. 153, 14). **Поясное кольцо** (P3-1-1А) – гладкое, диаметром 0,21 см, изготовлено в двухсоставной форме из

светлого медносодержащего сплава (рис. 153, 14). **Накладки** (2 экз.: P1-3-1, P3-3-7) представлены двумя находками. Одна отличается гантелеобразной формой (рис. 153, 15). Ближайшие аналоги – из поселения Настасьино XIII – первой половины XV вв. (Средневековое поселение Настасьино..., 2004. С. 265, рис.92, 22), слоя эпохи Казанского ханства кремля г. Казани (Ситдииков, 2006а. Рис. 160, 3). Вторая накладка – штифтовая бляха с неподвижной петлёй и щитком в виде крины (рис. 153, 16). Обе найденные **обоймицы** (2 экз.: P1-Я2-3, P1-2-5B) – пластинчатые. Они согнуты из полосок бронзы в прямоугольные хомутки (рис. 154, 8, 9). **Привески-бубенчики** (3 экз.: P2-Я1-1 (2 экз.), P2-Я1-2), обнаружены в яме 1/2 (рис. 153, 19–21). Украшения спаяны из двух тиснёных полусфер и имели линейную прорезь. Такие украшения в г. Великом Новгороде имеют широкую датировку (начиная с 20–30-х гг. XIII в., см.: Лесман, 1990. С. 61). Известны они и по золотоордынским горизонтам Болгара (Полякова, 1996. С. 201, 202), среди находок из вымских могильников XIII–XIV вв. (Савельева, 1987. С. 85, рис. 29, 41). **Булавки «пус йеппи»** (2 экз.: P1-2-5B, P1-Я1А-2) изготовлены из бронзы (рис. 153, 17, 18). По материалам г. Великого Новгорода их можно датировать в пределах промежутка 60-х гг. XIII в. – 70-е гг. XV в. (Козлова, 2006. С. 225).

С предметами личного туалета, очевидно, можно связать **бронзовый набор из трёх инструментов** (P1-2-10B). Рукоятки инструментов нанизаны на небольшое бронзовое колечко (рис. 153, 9). Одним из них является копоушка, другие – неопределимы, так как их рабочие части не сохранились. Подобные предметы найдены в слоях XIII–XIV вв. города Болгара (Полякова, 1996. С. 223, рис.69, 12), в золотоордынском могильнике Мамай-Сурка (Ельников, 2001. С. 186, рис. 8, 2). В качестве **рукоятки пластинчатой копоушки** (P2-3-5) атрибутирована часть костяного изделия в виде продолговатой пластины с ромбовидным крестообразным завершением (Захаров, 2004. Рис. 227, 3–5; Закирова, 1988. С. 231, рис. 102, 6, 7).

4.3.4. Предметы христианского культа

Находки, связанные с христианским культом, состоят из 12 предметов. В основном это литые из бронзы изделия личного благочестия.

Бронзовая створка креста-энколпиона (Р2-Я1-3; рис. 155, 7) представляет собой лицевую часть равноконечного энколпиона–квадрифолия, имеющего округлые окончания лопастей и квадратное средокрестие (Ханенко, 1899. Табл. VIII, 76/77; 1900. Табл. XXII, 256; Гнутова, Зотова, 2000. С. 26, 13). Нижняя шарнирная петля утрачена. В центре – ростовое изображение воина с копьем в правой руке и щитом в левой, на окончаниях горизонтальных лопастей по обеим сторонам от неё просматриваются погрудные фигуры архангелов с мериллами и зеркалами в руках. На верхней лопасти помещена фигура архангела Сихаила или святого воина с булавой и крестом, на нижней – погрудное изображение какого-то святого. От боковых фигур центральное изображение отделено рельефными колоннами, под ней и над ней заметны следы двух неразборчивых однострочных надписей, относящихся, очевидно, к изображениям на верхней и нижней лопастях. По стилистическим особенностям энколпионы такого типа исследователи датируют XIII в. (Ханенко, 1899. Табл. VIII, 76/77) или периодом второй половины XIII – начала XIV вв. (Гнутова, Зотова, 2000. С. 26). Вместе с тем, археологический контекст нескольких находок указывает на высокую вероятность бытования подобных реликвий и в XV–XVI вв. (см.: Богомолов, Гоняный, Заидов, Шибанин, Шеков, 2009. С. 285; Алексеев, 2007. С. 337). Это подтверждает и находка из Городка, обнаруженная в придонном слое ямы 1/2 вместе с монетой Ивана III.

Наперсный бронзовый крест-складень имеет подвижное оглавие (Р1-2-5Г; рис. 155, 6). Его створки лишены внутренних бортиков, а окончания их нижних лопастей скреплены бронзовым штырём. Завершения вертикальной оси изделия отмечены прямоугольными расширениями-клеймами, что придаёт ему, в целом, восьмиконечный облик. Окончания горизонтальных лопастей креста – прямоугольные, окончание нижней лопасти – килевидное. С обеих сторон на втулке оглавия нанесены рельефные изображения равноконечных крестов. Изобразительное поле на створках изделия по всему периметру ограничено узкой рельефной рамкой. В центральной части лицевой стороны изображено Распятие с двумя предстоящими поясными фигурами (на окончаниях горизонтальных

лопастей). Фигура Христа – плавно волнообразно изогнута, что характерно для традиционной иконографии XV в. Склонённая на правое плечо голова Спасителя с отчётливо заметной бородой обведена слабо заметным дугообразным нимбом. Распластанные руки с непропорционально увеличенными кистями, обращёнными ладонями вверх, слегка провисают в локтях. Правую кисть подпирает короткое копьё, левую – древо или трость (на горизонтальной перекладине). Ноги Христа сведены вместе, стопы раздвинуты, бёдра прикрыты повязкой, её конец свисает с правой стороны. Нижние рёбра намечены одной короткой горизонтальной линией. Над головой – изображение Этимасии («престола уготованного») со Святым Духом в виде птицы. На оборотной створке в средокрестии имеется ростовое изображение крупной фигуры святого (Николая Чудотворца?) со сведёнными на груди руками, которые полузакрты свисающими рукавами с рельефными складками. Лик святого не детализирован. Хорошо выделена окладистая борода с округлым обрезом, которая заметна над ломаной трёхсоставной линией воротника. На горизонтальной перекладине по обеим сторонам от центральной фигуры помещены парные бюсты четырёх святых (подписанные сверху, надписи не читаются). Неразборчиво подписанная фигура ещё одного святого с бородой конусовидной формы и крестом в левой руке занимает верхнее квадратное клеймо над головой святителя. В нижней лопасти имеется килевидное расширение. В нём – изображение Святого мученика Никиты, побивающего беса. Таким образом оформленные кресты-складни, вероятно, воссоздают в металле изысканно вырезанные из дерева оригиналы, происходящие из мастерских Троице-Сергиевского монастыря (Пуцко, 2009. С. 120). Изделия такого типа и их отдельные фрагменты обнаружены на поселении 1 у д. Рождествено (Шполянская, 2008. С. 273, *1,1a*), селище Голицино-1 (Алексеев, 2007. С. 335. Рис. 3, 5, 7), Искорском городище (Макаров, 2001. С. 25, 118. Рис. 74, 7). Аналогичную находку из г. Воротынка В.Г. Пуцко, по стилистическим особенностям, датировал концом XV в. (около 1500 г.) (2009. С. 120, 121. Рис. 2). На Городке крест-складень обнаружен в переотложенном слое огородной распашки.

Бронзовые нательные кресты – литые односторонние (5 экз.: P1-3-10, P1-Я1В-2 (2 экз.), P2-Я1-16, P2-Я1-3).

Самый крупный экземпляр нательного креста размером 4,3х2,2х0,18 см отличается от прочих следами серебрения и односторонним изображением Распятия (P2-Я1-3; рис. 155, 1). Это четырёхконечное изделие с небольшими расширениями на концах заметно удлинённой вертикальной оси. Горизонтальная перекладина имеет прямоугольные завершения, завершение нижней лопасти – килевидно по форме. Изображение Распятия передано высоким рельефом. Тело Спасителя почти прямое, руки в локтях немного прогнуты, непомерно большие ладони развёрнуты фронтально, ноги сведены вблизи непропорционально удлинённых ступней. Одежды Христа напоминают волнообразно изогнутые рельефные волокна, голова наклонена правое плечо, над ней – следы нимба. В прямоугольном клейме над головой Спасителя показаны два слетающих ангела. Кресты такого типа по стилистическим особенностям датируются второй половиной XV – XVI вв. (Гриценко, Пуцко, 2000. С. 212). Различные по деталям изделия этого круга известны по материалам исследований гг. Москвы (Археология Романова двора, 2009. С. 322, рис. 76, 9, 10, 13,14), Старой Рязани (Даркевич, Пуцко, 1981. С. 221, рис. 3, 1,2), памятников Подмосковья¹²⁴, селища 1 у д. «Городки» Тульской области (Гриценко, Пуцко, 2000. С. 218, 5), городища Искор (Макаров, 2001. С. 120, 9). В Москве отдельные части таких крестов встречены в слоях второй половины XVI – начала XVII вв. (Археология Романова двора, 2009. С. 322, рис. 76, 13,14). Аналогичная находка из поселения Настасьино датируется XV в. (Средневековое поселение Настасьино, 2004. С. 59). В г. Твери нательный крест с подобным изображением Распятия (но без расширений на концах вертикальной оси) обнаружен в сооружении второй половины XV в. (Персов, Солдатёнова, 2007. С. 359, рис. 8, 7). На городище Городок крестельник с Распятием найден в придонном горизонте ямы 1/2, датированном эпохой Ивана III.

¹²⁴ Поселения 1 у д. Рождествено (Шполянская, 2008. С. 268, рис.1, 3,8), Настасьино (Средневековое поселение Настасьино, 2004. С. 266, рис. 93, 20).

В верхнем горизонте заполнения ямы 1/2 обнаружен бронзовый нательный крест с укороченной горизонтальной переключиной, имеющей прямоугольные окончания, и килевидным завершением нижней лопасти (P2-Я1-16; рис. 155, 4). На лицевой стороне изделия показан шестиконечный крест на П-образной Голгофе, обозначенный сдвоенной линией. В прямоугольном медальоне верхней лопасти (над изображением креста) помещена сокращённая запись слова «Иисус» («IC»), а на концах горизонтальных лопастей – литеры «Н» и «К» (Ника), в клейме на окончании нижней оси – «Х» и «С» (Христос). Большая часть крестов с подобным оформлением лицевой стороны на оборотной имеют изображение плетёного креста. Они происходят из поселения 1 у деревни Рождественно XV – середины XVI вв. (Шполянская, 2008. С. 268, рис.1, 12), слоёв второй половины XV – XVIII вв. города Казани (Ситдииков, 2006а. Рис. 160, 12).

Небольшой односторонний нательный крест с нечётким плохо разборчивым изображением найден в переотложенном слое огородной распашки (P1-3-10, рис. 155, 3). По форме и пропорциям он напоминает предыдущие выше описанные изделия. Завершения горизонтальных лопастей прямоугольны, удлинённая вертикальная ось на нижнем конце килевидно расширена. Изображение по периметру оконтурено тонкой рельефной рамкой. В центре схематично тонкими линиями обозначен четырёхконечный или шестиконечный крест с венком в средокрестии. На концах лопастей выделены прямоугольные медальоны со следами букв. Крест, аналогичный описанному, известен по раскопкам городища Никулицын (Макаров, 2001. С. 103, рис. 59, 15). Близкие по стилистике изделия происходят с поселения 1 у деревни Рождественно (Богомолов, Гоняный, Заидов, Шебанин, Шеков, 2009. С. 320, рис. 43, 14), известны они по находкам из слоёв второй половины XVI в. Москвы (Археология Романова двора, 2009. С. 322, рис. 76, 8), из погребений второй половины XV – середины XVI вв. г. Пскова (Колпакова, Салмина, 2003. С. 69, рис. 5, 1–3), встречены в постройке второй половины XV – начала XVI вв. Твери (Персов, Солдатёнок, 2007. С. 365, рис. 11, 1).

Два бронзовых односторонних нательных креста найдены в нижнем горизонте ямы 1В/1 вместе с монетами Василия II 1434/35–1462 гг. Один из них восьмиконечный, со слегка расширяющимися прямоугольными окончаниями горизонтальной перекладины, удлинённой вертикальной осью и скобчатым или килевидным окончанием нижней лопасти (Р1-Я1В-2; рис. 155, 2). В средокрестии изображён рельефный равноконечный крест, опирающийся в верхней половине нижней лопасти на «плетёнку». В клейме на завершении верхней лопасти над ним в проставлены слитно изображённые литеры «Н» и «И», а на окончании нижней лопасти – литеры «К» и «Х»(или «А»)). На завершениях горизонтальной перекладины читаются два слова в сокращённой записи – «ІС» и «ХЪ» (Иисус Христос).

Второй нательный крест – равносторонний. На ромбовидном средокрестии изделия помещён косой «андреевский» крест. Завершения его лопастей – трёхчастны (рис. 155, 5). Окончание одной половины горизонтальной перекладины утрачено. Данное изделие выглядит наиболее архаично среди других образцов христианской пластики, обнаруженных на Городке. По стилистике оформления оно близко к одному типу древнерусских нательных крестов XI–XII вв. (Макаров, 1997. С. 366, табл. 154, 7; Захаров, 2004. Рис. 42, 12).

Бронзовая односторонняя иконка-привеска обнаружена в переотложенном слое огородной распашки (Р1-1-5; рис. 155, 8). Изделие имеет сердцевидные обводы и массивное ушко со сглаженными гранями. Центральную часть лицевой стороны занимает пятиконечный крест на П-образной Голгофе. С обеих сторон от вертикальной оси под его удлинённой горизонтальной перекладиной проставлены буквы «П». В линейной рамке вокруг изображения креста просматривается круговая надпись: «И КРСТУТВОЕМУ ПОКЛАНАЕМСА». По устному сообщению к.и. С.В. Гнутовой, данное изделие, по стилистическим особенностям, может быть датировано второй половиной XV–XVI вв. Однотипное изделие обнаружено в одном тверском сооружении второй половины XV – начала XVI вв. (Солдатёноква, Персов, 2005. С. 213, 219. Рис. 2:7).

Крест-реликварий, вырезанный из продолговатой пластины лосиного рога, имеет удлинённую вертикальную ось и прямоугольные завершения лопастей (Р2-Я1-2; рис. 155, 12). Незначительные слабо заметные прямоугольные расширения по верхней и нижней балкам, делают его похожим на восьмиконечный. Одна сторона изделия по периметру обведена узкой рельефной рамкой, образующей объёмную выемку с уплощенным, но не выровненным дном. Образованный таким образом ковчежец заполнен напоминающей сургуч коричневатой массой. Какое-то время после очистки от земли на поверхности этой массы был заметен рельеф, напоминающий Распятие, утраченный по мере высыхания и последующего растрескивания сургучеподобного вещества. Намеченное на другой стороне изделия врезное изображение по какой-то причине осталось незавершённым. Несколькими штрихами внутри разметки границ изобразительного поля намечен контур удлинённой столпообразной фигуры, которая занимает большую часть вертикальной балки креста.

Заполняющая полость коричневатая масса, по известным описаниям, напоминает воскомастику, служившую для заливки реликвий небольших размеров (кусочков дерева, пепла, угольков, обрывков материи, волос и проч.) (см.: Липатов, Медникова, Мусин, Пескова, 2006. С. 305). Вырезанное на одной стороне креста углубление, очевидно, служило вместилищем какой-то реликвии, скреплённой воскомастикой.

Вероятно, рассматриваемое изделие и близкие ему по оформлению и конструкции реликварии (подобные по материалу изготовления, форме, размерам и наличию одностороннего «ковчежца» для вложений) были изготовлены в мастерской какого-то одного паломнического центра. Ближайшими аналогами находки являются резные кресты с «ковчежцем» на одной стороне и законченной композицией с тремя святыми – на другой (см.: Барышев, 2001. С. 307, 308. Рис. 1). находка из Городка обнаружена в яме 1/2 в одном слое с денгой Василия II, отчеканенной около 1462 г.

Односторонняя *иконка-привеска* вырезана *из лосиного рога* на прямоугольной пластине (Р1-Я2-2; рис. 155, 11). Её размеры 3,1х3,5х0,45 см. В прямо-

угольном ушке иконки размером 0,5x0,6 см сохранился небольшой фрагмент шерстяного гайтана. Сразу после обнаружения на ушке изделия были заметны остатки полностью оксидированного серебряного оглавия из тонких серебряных пластинок, скреплённых пайкой. На лицевой стороне в рельефной, ограничивающей изобразительное поле, вырезано поясное изображение Богоматери Одигитрии с младенцем Христом на левой руке. Фигуры показаны строго фронтально, без заметного наклона, изгиба тел или поворота голов. Разделка одежд передана совокупностью одинарных и сдвоенных косых линий, мелкие складки обозначены короткими штрихами, имеющими различные направления. Эти детали и изобразительные приёмы типичны для продукции резчиков мастерских г. Москвы второй половины XV в. (Николаева, 1983. С. 42, 136). В верхних углах изобразительного поля в одну строчку по обе стороны от нимба Богоматери помещены два сокращённых слова с титлами в виде длинных рельефных черт наверху букв, вырезанных в высоком рельефе – «MPΘ[Y]» и «ICXC». Фигуры обоих персонажей переданы упрощёнными художественными средствами монументально и гармонично, но без утончённости и изящества, присущими московской пластике. Подобное сочетание деталей, определяющих различные варианты исходного типа, присуще каменной иконке, отнесённой Т.В. Николаевой к новгородским изделиям XV в. По мнению к.и. Гнутовой С.В., стилистические особенности иконки из Городка свойственны произведениям мелкой резной пластики центральных районов Руси рубежа XV–XVI вв. Иконка-привеска из рога найдена в заполнении ямы 2/1 в одном слое с денгой Василия Тёмного, отчеканенной около 1462 г.

Находки небольших *обломков серебряных окладов* в виде фрагментов тонких серебряных листов, украшенных басменным тиснением, очевидно, следует связать с остатками живописных икон (2 экз.: P2-3-3, P2-4-4).

Басменное тиснение в виде изогнутых стеблей с отходящими завитками и бутонами воспроизводит растительный орнамент (рис. 155, 9, 10). Подобный декор в басме характерен для XV в. Большое распространение он приобретает в начале XVI в. (Николаева, 1976. С. 205, 206).

4.3.5. Оружие, элементы снаряжения всадника и верхового коня

Среди археологической коллекции Городка выделяются предметы вооружения и разнообразного воинского снаряжения. Это часть железной сабельной полосы, железные наконечники стрел, элементы снаряжения всадника и верхового коня. Этот перечень дополняют маловыразительные фрагменты трёх железных ножей, изготовленных, по данным металлографического исследования, по технологической схеме боевых клинков (Р1-3-5Г, Р1-2-10Б, Р3-5-9).

Обломок сабельной полосы (Р2-Я2-5; рис. 156, 12) обнаружен в придонной части заполнения ямы 2/2, перекрытой горизонтом с серебряной монетой Василия II. Его длина 360 мм. Изделие отличается массивностью и значительная толщина полотна (толщина спинки клинка достигает 8,8 мм). Ширина клинка у рокоятки – 4,1 см, он не имел дола. Черенок сабли был слегка отогнут в сторону лезвия (его наклон от оси клинка 5°).

Железные наконечники стрел (11 экз.: Р1-2-3, Р1-2-10А, Р1-2-5, Р1-3-10Б, Р1-3-2А, Р1-4-1, Р2-Я1-1а, Р2-Я1-1, Р2-Я2-1, Р3-3-8, Р3-9-10) собраны при исследовании небольшого участка памятника, планиграфически их находки тяготеют к усадьбам А и Б. Наконечники стрел найдены преимущественно в слое огородной распашки; три из них происходят из заполнений материковых ям. Все изделия – черешковые плоские. По форме они разделяются на несколько типов.

Первый тип (5 экз.) с упором и узким вытянутым треугольным пером с максимальным расширением в нижней трети длины. Соответствует типу 6 по О.В. Двуреченскому (2007а. С. 283). Выделены три варианта данного типа.

Первый вариант (Двуреченский, 2007а. С. 283, 284, вариант 6а) определяет сочетание узкого пера (с пропорцией 1/4–1/7) и наличие проникателя с прямыми сторонами, короткой (или средней по длине) шейкой (рис. 156, 2). Найденный экземпляр имеет пулевидное утолщение острия пера. Относится к самой распространённой разновидности наконечников XV–XVII вв.

Второй вариант (Двуреченский, 2007а. С. 284, вариант 6в) определяется большой шириной пера с пропорцией 1/3–1/4 (рис. 156, 1, 4, 9). Перо имеет сечение в виде уплощенного ромба. Известен по кругу памятников второй половины

XVII в. Один экземпляр данного варианта (рис. 116, 1) происходит из верхнего горизонта ямы 1/2 с включением монеты Ивана III.

Третий вариант (Двуреченский, 2007а. С. 285, вариант 6г) отличается сочетанием слегка вогнутых сторон проникателя пера с пропорцией около 1/3 (рис. 156, 6). По форме сечения проникатель напоминает ромб. Наконечники этого варианта такой встречаются в горизонтах XVI–XVII вв. гг. Москвы и Коломны.

Второй тип (3 экз.) – это наконечники без упора с ассиметричным узким (линзовидным в сечении) проникателем с пропорцией близкой к 1/3–1/4 (рис. 156, 5, 8, 10). Перо имеет вытянутые треугольные очертания, его плечики слабо-вогнутые, почти прямые. Данный вариант соответствует типу 7 по О.В. Двуреченскому (2007а. С. 285) и типу 46 по А.Ф. Медведеву (1966. С. 67, 68). Он был широко распространён на севере Восточной Европы до конца XIII в. Почти в рамках этого же ареала (гг. Москва, Псков, Волоколамск, Мангазея, Воткинское и Кармылыкское городища, Картуковский могильник, Емецкий городок) он известен и в более поздний период – до второй половины XVII в. Изделия этого типа встречены в слое эпохи Казанского ханства г. Казани (Ситдииков, 2006а. Рис. 77, 1), в погребениях XVI–XVIII вв. удмуртских и марийских могильников (Руденко, 2003. С. 193, табл. 22, 1; 194, табл. 23, 9–13).

Третий тип (1 экз.) – это вариант 9а типа 9 по Двуреченскому О.В. (2007а. С. 286), а по классификации А.Ф. Медведева он наиболее близок типу 51 X–XIV вв. (1966. С. 69). Кроме наличия упора для него характерны удлинённая шейка и вытянутое узкое ромбовидное перо с расширением в верхней половине длины (рис. 156, 7). Пропорция пера – 1/4–1/5. Найденный на Городке наконечник отличается слегка вогнутыми сторонами проникателя. Наконечники данного типа встречены при изучении гг. Москвы и Коломны (Двуреченский, 2007а. С. 286).

Четвёртый тип (1 экз.) близок к первому варианту первого типа (по пропорции и форме пера) и отличается от него выгнутыми сторонами проникателя (рис. 156, 3). Наконечник из Городка оснащён упором. Перо уплощено, сечение его ромбовидно, пропорция близка к 1/4. Данный тип соответствует типу 15 стрел Московского государства (Двуреченский, 2007а. С. 288) и варианту 2 типа

41 XIV вв. по типологии А.Ф. Медведева (1966. С. 65). Подобные наконечники встречены в комплексах середины XI – XVII вв.

Пятый тип (1 экз.) отличается отсутствием упора, треугольной формой вытянутого уплощенного пера с линзовидным сечением, слегка выпуклыми сторонами проникателя и укороченной шейкой (рис. 116, 11). Аналогичен типу 16 (конца XIV–XVII вв.) по О.В. Двуреченскому (2007а. С. 288). Встречен в гг. Москва, Псков, Копорье, при раскопках сибирских городков.

Совокупность находок наконечников стрел из Городка по представленным разновидностям, их количественным соотношениям близка сборам, проведённым в Тушинском лагере, «столице» Лжедмитрия 1608–1610 гг. (Двуреченский, 2007б. С. 261, рис. 8; 262, рис. 9), и находкам на Романовом дворе в Москве (Археология Романова двора..., 2009. С. 114–117; 331, рис. 85). Сопоставление с другими средневековыми памятниками указывает на высокую встречаемость наконечников стрел на раскопанном участке Городка. Коллекция предметов данной категории, собранная на всех раскопах в Московском кремле (с учётом масштабных работ 2007 г.) включает в себя всего двадцать находок, на одном из участков Московского посада (на Романовом дворе) на площади около 1000 кв.м обнаружено двадцать три наконечника стрел (Археология Романова двора..., 2009. С. 114). На одном из больших тверских раскопов (площадью 1400 кв.м, раскоп «Кремль-11») найдено восемнадцать наконечников стрел (Лапшин, 2009. С. 89), на Нутном раскопе г. Великого Новгорода (674 кв.м) – 5 (Гайдуков, 1992а. С. 92), на раскопах г. Ярополча Залесского (7000 кв.м) – 72 (Седова, 1978. С. 103), в г. Ростиславле Рязанском на изученной площади около 1100 кв.м – 5 (Коваль, 2002. С. 383), в г. Чебоксары на раскопе площадью 300 кв.м – 2 (Краснов, Каховский, 1978. С. 128). Без учёта поправок на разницу в мощности культурных отложений, времени их накопления, концентрация железных наконечников стрел на вскрытом и изученном участке Городка является наиболее высокой по сравнению со всеми выше перечисленными объектами: одна находка приходится здесь на 16 кв.м вскрытой площади. Высокая насыщенность культурного

слоя наконечниками стрел обычно объясняется либо пребыванием воинского контингента¹²⁵, либо результатом военного штурма¹²⁶.

Предметы, связанные со снаряжением всадника и верхового коня, представлены железными шпорой, фрагментами удила, пряжками и бронзовой петлёй от крепления колчана.

Колёсиковая шпора (P2-Я2-4а) найдена в нижнем горизонте заполнения ямы 2/2 вместе с выше описанным обломком сабельной полосы. В надпяточной части дужка изделия немного расширена и снабжена хоботовидным ответвлением – уплощенным язычком (рис. 157, 1). Скобы у петель имеют коленчатый перепад. Каждая петля – это квадратная пластина, имеющая две прорези для крепёжных ремней. По классификации А.Н. Кирпичникова их можно отнести к типу 2 (1973. С. 63, рис. 38). Основание штыреобразного держателя колёсца декорировано едва заметной концентрической линейной насечкой. Держатель отогнут вниз от плоскости дужек на 40°, его длина 43 мм. Ближайшим аналогом находки из Городка может служить шпора из переотложенного слоя XIV–XVII вв. города Коломны (Ульянова, 2008. С. 203, рис. 7, 1).

Удила (2 экз.: P1-Я2-3, P2-Я1-1а) – фрагментированы. Один обломок представляет собой часть грызла квадратного сечения (рис. 157, 4), другой – часть кольчатых удила в виде одного грызла прямоугольного сечения и подвижного кольца, продетого в его петлю. Последняя манжетовидно расширена (рис. 157, 3). Кольцо имеет диаметр 42 мм, что характерно для оснастки тугоуздных и малочувствительных лошадей (Кирпичников, 1973. С. 17). Подобная конструкция удила (типа IV по А.Н. Кирпичникову) универсальна, а связанные с ней образцы наиболее многочисленны. Широкое использование в Восточной Европе таких удила начинается в IX–X вв. (Кирпичников, 1973. С. 17).

Многие из найденных отдельных железных колец, вероятно, являлись деталями кольчатых удила. Размеры четырёх таких находок (от 38 до 50 мм) близки

¹²⁵ Как на Романовом дворе в Москве (Археология Романова двора..., 2009. С. 114).

¹²⁶ Как на предмонгольском Золотарёвском поселении (Белорыбкин, 2001. С. 116).

к типичным диаметрам соответствующих изделий (рис. 141, 8, 9, 12, 13). Они происходят из заполнений материковых ям (P2-Я2-2, P2-Я2-2а, P2-Я2-3, P2-Я8).

Бронзовая литая петля от крепления колчана в виде покрытой позолотой «пуговицы» с небольшой продолговатой грибовидной шляпкой (P3-2-1, рис. 157, 18). Одна из коротких сторон рамки дополнена массивным, напоминающим панцирь, удлинённым и приостренным на концах щитком (20x7x5 мм). Находки подобных изделий известны вместе с остатками кожаных колчанов с накладками, служащими для подвеса (Прокопенко, 2020. С. 331, рис.1, в, е, э). Одна такая петля найдена в г. Казани в сооружении эпохи Казанского ханства (Ситдинов, 2006а. Рис. 124, 9).

Железные пряжки (11 экз.: P1-1-5Г, P2-1-5, P1-2-7, P1-3-4, P3-3-7, P3-3-6, P3-3-3, P1-Я1В-2, P2-Я1-1, P2-Я2-1, P3-Я2-1) могли являться элементами амуниции верхового коня. Обнаруженные изделия – бесщитковые. По форме рамки они разделяются на четыре типа (см.: Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 42–47).

Тип 1 (4 экз.) – прямоугольные и квадратные различных очертаний.

Тип 2 (3 экз.) – сегментовидные (или полукруглые) пряжки. Рамка у наиболее крупного образца имеет следы тордирования (рис. 157, 9).

Тип 3 (3 экз.) объединяет изделия с округлой рамкой (рис. 157, 14–16).

Тип 4 (1 экз.) представлен одной лировидной пряжкой с округлой передней частью – вытянутой и сдавленной по бокам (рис. 157, 11).

Дифференциация пряжек по ширине ремня фиксирует различия в характере их использования. По ширине ременной основы они распределяются на четыре варианта.

К *первому варианту* (с шириной крепёжной оси 3–3,5 см) относятся два крупных прямоугольных изделия (рис. 157, 9) и одно – полукруглое (рис. 157, 12). Эти пряжки могли использоваться в качестве запоров подпружных подбрюшных ремней. Ко *второму варианту* (с шириной крепёжной оси 0,15 см) относится единственная пряжка с лировидной рамкой типа 4 (рис. 157, 11). *Третий вариант* (с шириной крепёжной оси 0,8–1,1 см) объединяет различно оформленные пряжки (типов 1–3), крепившиеся к ремням небольшой стандарт-

ной ширины. Они количественно преобладают. Их могли использовать для крепления стремян или ремней оголовья (узды). Единственная обнаруженная миниатюрная пряжка (с длиной крепёжной оси около 5 мм), скорее всего, выполняла исключительно декоративную функцию (*четвёртый вариант*; рис. 157, 17).

С пряжками связаны находки двух *железных уплощенных язычков* (2 экз.: P1-Я2-3, P3-3-7; рис. 157, 5, 6).

В комплексе предметов вооружения и воинского снаряжения, собранном на памятнике, отчётливо заметны черты изменений в тактике и оснащении московской конницы, которые начинаются в середине XV в. Ближний бой с использованием мечей, копий, боевых топоров вытесняется в это время дальним маневренным боем из луков, а в рукопашной схватке главенствующее место постепенно занимает сабля. Основным родом войск Московского государства (после указа 1555 г.) становится поместная конница. Её главные средства наступательного боя в документах того времени лаконично характеризуются как «саадак да сабля» (Курбатов, 2009. С. 161). В начале XVI в., по свидетельству С. Герберштейна, посещавшего Московию в 1517 и 1526 гг, сабля ещё отсутствовала среди обычного русского оружия, и употреблялась в это время лишь людьми «более знатными и более богатыми» (Герберштейн С., 1988. С. 114).

4.4. Монетный комплекс и монетное обращение

Собранная на Городке нумизматическая коллекция состоит из двадцати трёх серебряных (P1-1-5А, P1-3-10Б, P1-3-10, P1-Я1А-1 (2 экз.), P1-Я1А-2 (2 экз.), P1-Я1Б-2, P1-Я1В-2, P1-Я2-1 (2 экз.), P1-Я2-1Г, P1-Я2-2, P1-Я2-3, P2-3-5, P2-Я1-1 (2 экз.), P2-Я1-2 (2 экз.), P2-Я2-3, P2-К6, P3-2-1, P3-10-10) и девяти медных (P1-1-10А, P1-2-10Б, P1-3-4А, P1-Я2-1, P2-Я1-1, P2-Я1-2Б, P2-Я1-2, P2-Я2-1, P3-3-7) монет (рис. 158, 159, приложение 5). Они найдены на раскопах 1–3. Распределение монет на изученных участках трёх усадебных комплексов планиграфически равномерно, монеты не образовывали сколько-нибудь заметных компактных скоплений. Две трети монетных находок связаны с заполнениями материковых ям, остальные обнаружены при исследовании горизонта огородной

распашки. По количеству найденных монет выделяются ямы 1/2 (7 экз.), 2/1 (6 экз.), 1А/1 (4 экз.). В их заполнении приуроченность находок к каким-либо определённым горизонтам не прослежена: в верхних слоях и в придонных отложениях их встречаемость приблизительно одинакова (соответственно 48% и 52%). Условия обнаружения монет однозначно указывают на то, что они были случайно и разрозненно утрачены владельцами на протяжении временного промежутка. Последний можно оценить по составу коллекции. Согласно опубликованному каталогу монет Городка (Грибов, 2018а. С. 283–292), в ней представлены двадцать девять удельных монет, одно крымское серебряное акчѐ и две неопределимые находки плохой сохранности (табл. 5).

Табл. 5 Состав монет из раскопок городоца Городок 2003–2004 гг.

Эмитент	Дата чеканки	Количество
Серебряные денги		
<i>Великое Московское княжество</i>		
Василий II	фальшивая, медная, плакированная серебром, по типу 1425–1434 гг.	1
	1434–1446 гг.	1
	1434/1435 – 1462 гг.	5
	около 1462 г.	4
Василий II или Иван III	около 1462 г.	2
Иван III	1462–1505 гг.	6
<i>Великое Тверское княжество</i>		
Борис Александрович	1425–1462 гг.	1
Неопределимые		1
Серебряные полуденги		
Анонимная	?	1
Медные пулы		
Анэпиграфные, «тяжёлые»	до 90-х гг. XVв.	8
Неопределимые		1
Акчѐ		
<i>Крымское ханство</i>		
Хаджи-Гирей	1462–1463 гг.	1

Среди серебряных монет русской чеканки преобладают денги великого Московского княжества (20 экз. – 87%). Одиннадцать из них относятся к чекану Василия II, а шесть к выпускам Ивана III. Две монеты выпущены от имени одно-

го из этих правителей около 1462 г.¹²⁷ Подавляющее большинство монет Василия Тёмного представлены денгами весом близким к 0,5 гр. Переход к этой весовой норме в Московском княжестве, по мнению В.В. Зайцева, произошёл в промежутке между июнем 1334 г. и весной 1435 г. (2012. С. 112). Время выпуска единственной встреченной денги Бориса Александровича Тверского ограничены 1425–1461 гг. Дата чеканки одной восточной монеты – крымского акче хана Хаджи-Гирея – 1462–1463 гг. (867 г.х.). Единственная найденная полуденга – анэпиграфная. Её вес, соответствующий 0,16 гр., близок к половине среднего веса монет Василия Васильевича московского, отчеканенных после 1434–1435 гг. Таким образом, время чеканки подавляющего большинства, атрибутированных до эмитента, монет (19 экз. – 86%) соответствует узкому промежутку 1434/35–1505 гг. Ранее этого периода (начиная с 1425 г.) в монетном обращении могли находиться только две монеты – денга Бориса Александровича Тверского (№ 20¹²⁸) и фальшивая плакированная серебром медная денга Василия II с изображением всадника с соколом на аверсе (№ 11). Дата начала чеканки наиболее поздних выпусков соответствует 80-м гг. XV в. (по серебряной монете Ивана III с именем мастера Александра, см.: Зайцев, 2006. С. 23, 24 (№ 19)). Отсутствие в сборах монет Василия III указывает на завершение активной фазы местного монетного обращения, вероятно, к концу правления Ивана III. Наиболее вероятное время выпадения в культурный слой памятника серебряных монет очерчивается промежутком 1434/35–1505 гг.

Условия обнаружения медных монет на памятнике близки к археологическому контексту монетных находок из серебра, из чего следует высокая вероятность синхронности их обращения и последующей археологизации. Это подтверждается совместным обнаружением одного анэпиграфного пула и двух серебряных монет Василия Васильевича московского в одном горизонте заполнения ямы 1/2.

¹²⁷ Типы с пятилепестковым цветком на одной стороне и звёздочками и розетками – на оборотной, см.: Орешников, 1896. С. 124, 125, №№ 671, 672.

¹²⁸ Здесь и далее номера монет даны по списку (см. приложение 5).

Большинство обнаруженных на Городке медных монет можно отнести к различным вариантам одного типа. Последний пределяет изображение равноконечного креста с перечёркнутыми короткими отрезками окончаниями осей и звёздами в полях между ними (№№ 23–25, 26, 28; рис. 159)¹²⁹. Этот тип представлен шестью экземплярами, что составляет 75% от общего числа медных монет удовлетворительной сохранности. Среди них можно выделить минимум три варианта данного типа.

Вариант 1 (рис. 159, 23–25) определяет сочетание равностороннего креста с раздвоенными (в виде «галочек») окончаниями, шестилучевыми звёздами в промежутках между осями – на лицевой стороне, и фигуры из перекрещенных и переплетённых «ленточных» овалов в фигурном четырёхлепестковом ободке – на оборотной. Он весьма близок к одному из вариантов V типа пул Нижегородского княжества, выделенному П.Г. Гайдуковым по находкам из Городца-на-Волге (1993. С. 201. № 399). Первый вариант медных монет Городка отличается от него иным оформлением лицевой стороны: крест симметричен по обеим линиям своих осей, тогда как на пулах из Городца он ассиметричен и определённым образом ориентирован: основание креста опирается на подножие, а дугообразные линии, обозначающие окончания его горизонтальной перекладины, вблизи завершения верхней оси смыкаются (почти) в полукруг. В верхней части монетного поля медных монет из Городца-на-Волге просматриваются следы круговой надписи. Отведённая для неё часть изобразительного поля на монетах из Городка занимает точечный ободок.

Обнаружение в Нижнем Новгороде более двадцати экземпляров данного варианта (см. приложение 5) служит основанием для причисления их к местному нижегородскому чекану. Средний вес этих монет (1,41 гр.) меньше, чем у типологически близких к ним монет из Городца-на-Волге (1,69 гр.), что, возможно,

¹²⁹ Под понятием монетного типа будем понимать группу монет, объединённых единым центральным образом (знаком), лежащим в основе оформления одной из сторон, принимаемой за лицевую. Варианты определяются отличиями на обеих сторонах монетного кружка. На лицевой стороне вариативность изображения ограничивается субъективно устанавливаемым пределом узнаваемости её типобразующего облика.

указывает на несколько более позднее время их обращения по сравнению с городскими находками.

Изображение на оборотной стороне первого варианта монет с крестом на одной стороне стилистически близко к отдельным выпускам монет Золотой Орды. Фигурные картуши, ограничивающие изобразительное поле, в виде трёх-, четырёх- или шестилепестковых ободков с узлами-трилистниками часто встречаются на монетах городов ал-Джадида и Сарая-ал-Джадида¹³⁰. Центральная фигура в виде двух крестообразно переплетённых ленточных овалов украшает одну из сторон монеты г. Болгара (Сингатуллина, 1998. С. 75. Табл. 8, 96). Знак в виде перекрещённых овалов часто встречается среди подражаний арабским надписям на серебряных денгах Даниила Борисовича нижегородского из Саранского клада (Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 213, 592, 593; 214, 594).

Вариант 2 можно определить как подражание более раннему варианту 1 (рис. 159, 26). На лицевой стороне монеты ветви креста заметно искривлены, звёздочки между осями заменяют точки. Изображение оборотной стороны также упрощено – перекрещенные овалы переданы одинарными линиями, угловатый ободок лишь в самых общих чертах напоминает фигурный картуш.

Кроме Городка известны ещё два экземпляра медных монет второго варианта. Они встречены в гг. Нижнем Новгороде (приложение 5, № 95) и Городце-на-Волге (Гайдуков, 1993. С. 59, рис. 24, 4).

Вариант 3 отличается небрежностью в передаче изображений (рис. 159, 28). На оборотной стороне помещена фигура в виде решётки или плетёнки, переданная толстыми неровными линиями.

Легко заметить, что многие обнаруженные на Городке пулы изготовлены грубыми примитивно изготовленными штемпелями, вырезанными разными по толщине широкими штихелями. Линии на изображениях часто искривлены, геометрические построения отличаются ассиметричностью (см. рис. 159, 26–28).

¹³⁰ См. пул г. ал-Джадида с подобным четырёхлепестковым картушем: Клоков, Лебедев, 2002. С. 134. Рис. 26, 4.

В Городке и г. Нижнем Новгороде медные монеты с изображением креста (хотя бы на одной стороне с сохранившимся изображением) численно преобладают среди пул удельной чеканки. Их доля среди всех «тяжёлых» пул (выпущенных до 90-х гг. XV в.), найденных при раскопках Нижнего Новгорода, составляет 84%, на Городке их доля – 75%. Однако в хронологическом перечне нижегородских монетных находок они соседствуют с монетами конца XIV – первой трети XV вв. и поздними «маленькими» пулами конца XV–XVI вв. (см. приложение 5). На Городке же их сопровождают серебряные монеты 1434/1435 – 1505 гг. Объяснить этот феномен можно только длительностью обращения медных монет с изображением креста. Одной из возможных причин «живучести» пул первого типа может быть ограниченность местного рынка, обусловленная сравнительно небольшим количеством его активных участников на протяжении большей части XV в.

Медные монеты, отмеченные равносторонним крестом с перекрестьями на концах лопастей – на одной стороне, имели широкое хождение и в г. Москве и её округе (Зайцев, 2009. С. 36, рис. 2, 1–7; 44. № 2). Общее количество таких находок в Москве и Московской области (на 2009 г.) превышает двадцать экземпляров (Зайцев, 2009. С. 35). Таким образом, ареал находок основной массы медных монет «с крестом» включает в себя и коренные земли Великого Московского княжества и Нижегородское Поволжье¹³¹. Такая широкая география может быть объяснима для великокняжеских монет, имевших хождение не только в великокняжеской столице и её ближайших окрестностях, но и в Нижнем Новгороде после получения ярлыка на него московским князем (то есть, с осени 1392 г.). Косвенно это подтверждают датировки соответствующих московских находок по археологическим комплексам (Зайцев, 2009. С. 35, 36). По условиям обнаружения и специфике изображений, наиболее вероятный период их активного обращения очерчивается началом – серединой XV в.

¹³¹ Два пула «с крестом» имеют, скорее всего, тверское происхождение (см.: Орешников, 1896. С. 62, № 374, 375. Табл. V, 228, 229).

Нумизматическая коллекция Городка позволяет сделать некоторые предварительные обобщения как об особенностях местного монетного обращения середины XV – начала XVI вв., так и о памятнике (Городке) в целом.

Основная масса монетного серебра, находившихся в это время в обороте, была представлена великокняжеским московским чеканом. Скорее всего, уже в середине XV в. (во второй половине 30-х – 60-х гг.) нижегородская серебряная монета была прочно вытеснена московской денгой. Это может служить указанием на вхождение местного рынка в сферу влияния московской экономики.

Потребность в мелкой монете в течение длительного времени, вероятно, обеспечивалась за счёт местных нижегородских выпусков. Среди пул преобладали ранние «тяжёлые» медные монеты со схожим оформлением одной из сторон в виде изображения равноконечного креста. Многие из них отчеканены небрежно вырезанными штампами, что указывает на вероятное отсутствие местных профессионалов соответствующего профиля. Не исключено, что «тяжёлые» медные монеты не изымались из местного обращения даже спустя некоторое время после появления стандартизованных пул малого веса. По крайней мере, ни одного «маленького» пула, изготовление которых началось на крупнейших монетных дворах не ранее 90-х гг. XV в. (Гайдуков, 1993. С. 89), на Городке обнаружить не удалось.

4.5. Керамическая посуда

Коллекция посудной керамики, собранная в 2003–2004 гг. (раскопы 1–3, шурф 2) состоит из 38357 фрагментов и 42 сосудов, реконструированных на всю высоту (до полного профиля). В эту статистику входит единственный обломок лепной ёмкости с текстильной фактурой раннего железного века и 62 осколка от гончарных изделий XIX–XX вв., обнаруженных в переотложенном горизонте огородной распахки. Средневековая керамика представлена 38295 фрагментами, численно она доминирует на памятнике. Незначительное количество обломков посуды XIX–XX вв. (0,16%) свидетельствует о слабой освоенности территории памятника в позднейший период.

Систематика керамики проведена в соответствии с методикой, изложенной в п. 1.3.2. главы 1. Распределение по характерным сочетаниям стилистико-технологических признаков позволило разделить собранную коллекцию на семь групп (табл. 6).

Таблица 6. Распределение средневековой керамики городища Городок по стилистико-технологическим группам.

Стилистико-технологические группы	Количество	
	Число фрагментов	%
I. Лепная	1283	3
II. Красноглиняная без лощёния, ангоба и поливы	25590	67
III. Красноглиняная ангобированная	230	< 1
IV. Красноглиняная лощёная	1567	4
V. Белоглиняная (или с заметной примесью беложгущейся глины)	9560	25
VI. Преднамеренного восстановительного обжига (чернолощёная)	9	< 0,1
VII. Поливная (с зелёной поливой)	56	< 1
ВСЕГО:	38295	100

Группа I (1283 фр. – 3,35%) объединяет посуду, изготовленную лепным способом из красножгущейся глины, в редких случаях имеющую следы небрежного заглаживания при помощи поворотного устройства. Для неё характерно отсутствие орнамента. Выделено 63 сосуда (по венчикам). У большинства изделий (66,7%) в качестве преобладающей примеси использован шамот. Около 19% лепных изделий имеют тесто без использования какой-либо визуально видимой примеси или с добавкой песка. В тесте редких сосудов отмечены примеси дресвы, толчёного железного шлака. Среди смешанных рецептов преобладают составы с шамотом (55,6%). Встречены сосуды четырёх форм.

Первая форма (76,2%) – горшки, размер горловины которых уступает максимальному диаметру тулова (рис. 160, 1–39). По профилировке верхней части они разделяются на сосуды с короткой цилиндрической горловиной (64,6%) и изделия с укороченной раструбообразной горловиной (35,4%). Среди первых

преобладают изделия с выпуклым плечиком. Редкие образцы слабопрофилированных горшков имеют горловину, напоминающую цилиндр. Орнаментация редка, зафиксирована всего на двух горшках, украшенных по плечу одинарной волнообразной линией (рис. 72, 8; 129, 1). Формы краевых окончаний – простые, без сколько-нибудь выраженных утолщений. Реконструированы профилировки двух лепных горшков (рис. 122, 9; рис. 100, 16).

Лепные сосуды первой формы хорошо известны по комплексам XIV – начала XVI вв. Среди посуды Камаевского городища конца XIV – первой половины XVI вв. (Казанское Поволжье) они выделены в отдельную «поволжско-финскую» XXII группу (Кокорина, 2004. С. 55–59). Их фрагменты встречены в горизонте эпохи Казанского ханства в г. Казани (Кокорина, 2006. С. 312, рис. 6, 1, 6, 8, 11, 13), на поселениях Марийского Поволжья (Мало-Сундырском городище, Красном Селище: Михеева, 2006. С. 311, 312, 323, рис. 2, 1–6). Близки к ним сосуды из верхнего слоя (XV–XVI вв.) мордовского Итяковского городища (Гришаков, 1992. С. 127, 135, табл. I, 136, табл. II), Старокадомского поселения (Шитов, 1992. С. 106, 117, табл. III, 2, 3, 5).

Вторая форма (12,7%) соответствует слабопрофилированным мискам с широкой блоковидной горловиной и приостренными краевыми окончаниями венчиков (рис. 160, 40–42). Известны по материалам Камаевского городища (миски типа 1, см.: Кокорина, 2004. С. 94, табл. V).

Третья форма (4,8%) – слабопрофилированные сосуды без шейки с прикрытой горловиной (рис. 161, 6, 7). Заглаживание отдельных изделий проводилось при помощи поворотного устройства. Исследователи финских древностей, как правило, причисляют такие ёмкости к банкам (Алихова, 1959. С. 43, табл. 13, 2, 8). Реконструировано три неорнаментированных изделия (рис. 80, 19; рис. 122, 7; рис. 73, 1). Бытование сосудов этой формы на мордовских памятниках прослеживается с начала раннего средневековья (Алихова, 1948. С. 257, табл. VII, 82).

Четвёртая форма (6,3%) объединяет чашеобразные сосуды – усеченно-конические (рис. 161, 1–3) и полусферические (рис. 80, 20) чаши, широко распространённые у средневековых финноязычных народов.

Для лепной керамики городища Городок характерны признаки посуды мордвы развитого и позднего средневековья, отражённые в материалах таких памятников, как первый Старобадиковский, Старосотенский, Барбашинский, Кельгининский могильники, Саровское, Ахунское, Итяковское городища, Старокадомское поселение и некоторых других. В редких образцах можно увидеть следы заимствования традиций русского гончарства. В этом плане представляет интерес фрагмент лепного горшка с нанесённой под венчиком одинарной зигзагообразной линией, напоминающей орнаментацию русской посуды (рис. 72, 8). Таким образом декорированные лепные горшки встречены на русском посёлке Водянского городища (г. Бельджамена, см.: Мыськов, 2002. С. 141, рис. 5, 2).

На раскопанной площадке отсутствовали места сосредоточения лепной керамики, материковые ямы, в заполнении которых она бы преобладала. Лепная посуда, очевидно, использовалась местным населением одновременно с преобладающей гончарной. На это указывают следы нагара на шейках и венчиках лепных горшков. Изготовление посуды первой группы за пределами ремесленных мастерских – в домашних условиях – по самобытным традициям средневекового населения Среднего Поволжья указывают на присутствие среди жителей Городка мордвы и (или), вероятно, представителей других поволжско-финских народов.

Группа II (25590 фр. – 66,81 %) представлена круговой посудой из краснойжгущегося сырья и непокрытой ни лощением, ни ангобом, ни поливой, обожжённой в обычной воздушной среде без специального поддержания восстановительного режима. Её образцы – самые многочисленные на Городке. Выделены венчики минимум от 720 различных сосудов.

Состав формовочных масс различен. В тесте каждого третьего сосуда (36%) имеется добавка дресвы. Такая же доля сосудов с частой примесью песка с размером зерна до 1 мм (35%). Песок более крупных фракций, без каких-либо

иных добавок, использовался редко (около 2%). Гончарная продукция, изготовленная из тонкого теста без видимых включений, составляет 17%. Среди редких примесей – дроблёный железный шлак (6 сосудов), кальцинированные кости животных (1 сосуд), шамот (4 сосуда), толчёная раковина (1 сосуд). Высокая концентрация перечисленных редких типов примесей свидетельствует о традиционном их использовании, что позволяет наметить некоторые параллели.

Гончарные сосуды с добавкой железного шлака в тесте известны среди поздней керамики Болгара и Иски-Казани (Камаевского городища) (Хлебникова, 1988. С. 49; Кокорина, 2004. С. 48, 73). Использование такого отощителя, по мнению Т.А. Хлебниковой, особенно характерно для посуды эпохи Казанского ханства (1988. С. 51). Добавка предварительно прокалённой и размельчённой раковины пресноводных моллюсков в гончарной посуде XIV–XV вв. типична для ряда областей Средней Волги (Никитина, 2006. С. 114–130). Сделанную на гончарном кругу посуду с включением шамота, вероятно, можно рассматривать как результат начального этапа освоения поворотного устройства местной мордвой. Часто встречается такая керамика только на памятниках Посурья. Керамика с отмеченными выше редкими отощителями, очевидно, относится к посуде домашнего изготовления различных поволжских народов.

Около 25% сосудов второй группы хорошо и равномерно обожжены до однородного оранжевато-красного или коричневатого оттенка. Используя критерии и терминологию В.Ю. Коваля, можно заметить, что около 27% из них (по выборке из 578 сосудов) имеют полный окислительный обжиг (1996. С. 106).

Следы декора отмечены на 13% сосудов (из 578). Линейный орнамент – преобладающий. Он наносился инструментом с шириной острия около 1,5 мм. Доля линейного орнамента среди орнаментированных изделий достигает 70%. Волнистый орнамент (в виде одинарной волнообразной линии) наносился реже (25%). Тычковым орнаментом украшались очень редкие изделия (5%).

Для характеристики профилировки сосудов отобраны наиболее крупные венчики и реконструированные до полного профиля фрагменты от 592 различ-

ных изделий. Формы сосудов второй группы представлены горшками (98%), чашеобразными мисками (2%) и корчагами (менее 1%).

Горшки имеют низкие горловины без сколько-нибудь выраженных краевых утолщений, свойственных керамике г. Нижнего Новгорода XIII–XIV вв. Очень редко закраина сформована путём отгиба края черновой ленты сосуда по направлению к оси вращения с последующим наложением отогнутой кромки на стенку и образованием заметного внутреннего утолщения. Использование этого приёма зафиксировано у 1% изделий, тогда как в комплексах керамики г. Нижнего Новгорода XIII – начала XV вв. каждый четвёртый горшок (в среднем) обладает таким венчиком.

По характеру формовочной массы (по фрагментам от 506 изделий) выделены три подгруппы: 1) сосуды с тонким тестом (без примесей или с различной концентрацией песка с размером зёрна до 1 мм); 2) изделия с преобладающей, но очень редкой добавкой дресвы; 3) посуда с частой примесью дресвы (более 15 крупнозернистых включений на 1 кв. см излома). Выяснилось, что связь между характером отошителя теста и профилировкой сосудов носит не функциональный, а статистический характер. Это предполагает присутствие в каждой, выделенной по морфологии, совокупности некоторого количества изделий с «нестандартным» для неё составом теста. Сосуды, входящие в состав каждой выделенной таким образом группы, образуют единство по взаимозависимости трёх характеристик: формы горловины, профилировки краевого окончания, рецептуре теста.

Подгруппа II-1 (372 сосуда – 64,4%) объединяет типы с преобладанием формовочных масс без искусственных добавок либо с присутствием песка с зерном до 1 мм.

Tun 1.1 (12 экз. – 3,2%¹³², рис. 162, 1–7) – это горшки без орнамента шарообразного облика с низкой, слегка прикрытой горловиной. Последняя переходит в слабовыпуклое плечико через ребро или уступ. Окончание венчика не имеет

¹³² Доля сосудов каждого типа здесь и далее указана от общего числа изделий соответствующей подгруппы.

утолщения. Обычно, оно слегка отогнуто наружу и приострено. Тесто запесочено (песок с размером зерна до 0,8 мм). Около 50% изделий имеют однородную светло-оранжевую или коричневую окраску как поверхности, так и излома черепка. Сосуды типа 1.1 близки к «городищенской» керамике, выделенной М.Г. Рабиновичем по раскопкам поселений Подмосковья (1949. С. 60, 61; 1971. С. 24). Ближайшие аналоги – находки из сооружений первой половины XVI в. селища у часовни великомученика Никиты (Чернов, 1991б. С. 52, 53. Табл. 128, 564, 602; 129, 453, 444, 442, 452). При раскопках г. Москвы сосуды с такой профилировкой встречены в комплексах второй половины XV–XVI вв. (Бойцов, 1999. С. 160, рис. 5, 98, 133, 225). Образцы вариантов данного типа встречены при раскопках Чердыни (Макаров, 2001. С. 123, рис. 79, 15, 16), Твери (в комплексе XVI в., см.: Рыбакова, 2010. С. 60, рис. 5, 1–3), в г. Балахне Нижегородской области (Иванова, 2003. С. 44, рис. 6, 10).

Tun 1.2 (16 экз. – 4,3%, рис. 162, 8–17) объединяет, как правило, неорнаментированные шарообразные горшки с характерной для них прикрытой, слегка профилированной, горловиной, имеющей валикообразное завершение. Последнее сформованно наружным отгибом края черновой ленты сосуда и в большинстве случаев – с наложением отогнутой закраины на внешнюю поверхность стенки. Цвет поверхности – тёмно-серый (или тёмно-бурый), размеры – средние или небольшие. Горшок, который удалось реконструировать, – широкодонный и приземистый ($H/D=0,78$) (рис. 94, 2). Сосуды этой разновидности могут быть соотнесены с горшками Великого Новгорода VIII типа (Смирнова, 1956. С. 244, 246, рис. 8, 4). Появление последних в г. Великом Новгороде произошло в начале XV в. Их аналоги известны по комплексам г. Пскова (XV–XVI вв., см.: Королёва, Харлашов, 1994. С. 91, рис. 19, 21). В некоторых районах такие горшки были распространены до конца XVIII в. (Малыгин, 1991. С. 203, 212). В отдельных гончарных мастерских Калужской, Тверской и Московской областей изделия сходной формы производились вплоть до недавнего времени (см.: Бойцов, 1999. С. 161). Редкие находки горшков типа 1.2 в Москве связывают с местами, заселёнными переселенцами из Великого Новгорода (Бойцов, 1999. С. 160, рис.

5, 157). Редкие венчики от горшков такой формы на памятниках Нижегородской округи и в самом г. Нижнего Новгороде известны по комплексам середины XIV – начала XV вв. (см.: Грибов, 2006. С. 90, рис. 8, группа 1).

Tun 1.3 (17 экз. – 4,6%, рис. 162, 18–25) объединяет горшки с широкой прикрытой горловиной усечено-биконического профиля с выпуклыми боками, почти полностью редуцированной шейкой. Плечико (прямолинейное в сечении) на уровне максимального расширения тулова круто переходит в короткую дугу с небольшой кривизной. Завершение венчика оформлено путём отгиба края черновой ленты сосуда наружу, иногда с образованием Г-образного отростка, и в редких случаях – с образованием наружного утолщения, напоминающего валик. У пяти сосудов (из пятнадцати) встречен линейный орнамент. Реконструированный горшок представляет собой широкогорлый приземистый крутобокий сосуд (Н/Д=0,67) (рис. 71, 8). Ближайшие аналоги – сосуды из г. Пскова (наиболее ранние – из комплексов XV в., см.: Королёва, Харлашов, 1994. С. 86, рис. 12, 8). На средневековых памятниках Нижегородской округи сосуды данного типа неизвестны. На Городке они характерны для комплексов первого строительного периода.

Tun 1.4 (29 экз. – 7,8%, рис. 163, 1–7) – это горшки с цилиндрической короткой горловиной. По профилировке верхних частей они напоминают белоглиняные горшки коломенского типа. Их цилиндрическая короткая горловина переходит в покатое плечико без сколько-нибудь заметного уступа (плавно). Завершения венчиков округлы или слегка приострены. Орнамент редок. Единственный реконструированный сосуд слегка ассиметричен (рис. 124, 7). Наиболее ранние находки таких сосудов, скорее всего, происходят из памятников Верхнего Почья и Верхнего Подонья XI – начала XIII вв. (см.: Болдин, 2003. С. 92, 94, рис. 1, 25 (тип 10)). Редкие фрагменты горшков типа 1.4 известны по материалам переотложенных напластований г. Балахны (Иванова, 2003. С. 44, рис. 6, 9). Они широко представлены в археологической коллекции Чебоксар (Краснов, Каховский, 1978. С. 83, тип 5, 32–34, 37–39). Несколько их образцов входит в состав комплексов последней трети XV – первой половины XVI вв. поселения Котово-1

(Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 205, рис. 14, 10, 11; 207, рис. 15, 5). Известны они и по раскопкам Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII вв. (Кардаш, 2009. С. 234, рис. 3.39, 2a). На Городке типичны для комплексов второго строительного периода.

Tun 1.5 (50 экз. – 13,4%, рис. 163, 8–23) – это шарообразные, как правило, без орнамента сосуды с короткой цилиндрической горловиной, переходящей через уступ в слабо выступающие плечики. Завершение венчика, очень части, слегка приострено или закруглено, в единичных случаях оно уплощено подрезкой. Горшок с полностью реконструированным профилем – шарообразный сосуд средних пропорций ($H/D=0,82$) (рис. 85, 14). Встречены в материалах Надымского городка (см.: Кардаш, 2009. С. 234, рис. 3.39, 2б), Ужгинского городища XVI–XVIII вв. (см.: Игушев, Клёнов, Савельева, 2000. С. 18, Б, 3). На Городке их фрагменты происходят, преимущественно, из комплексов второго строительного периода.

Tun 1.6 (30 экз. – 8,0%, рис. 164, 1–13) объединяет горшки с короткой раструбообразной горловиной без орнамента. Край венчика отогнут вверх и наружу, образуя короткий субгоризонтальный отрезок с уплощенным торцом. Слабо выступающее плечико переходит в горловину в через характерный уступ. Сосуд, который удалось реконструировать, – средних пропорций ($H/D=0,82$, рис. 70, 31). Встречены в слоях г. Пскова, датируемых до XV в. (см.: Лопатин, 2007. С. 226, рис. 7, подгруппа II).

Tun 1.7 (41 экз. – 11,1%, рис. 164, 14–22) отличается вертикальным и коротким, отогнутым на конце, приостренным венчиком. Последний переходит в покатое плечико через еле обозначенный уступ. Внешняя сторона горловины часто профилирована низким валикообразным рельефом. Близкие особенности профилировки имеют горшки из комплекса первой половины XVI в. селища на месте часовни великомученика Никиты (Московская керамика..., 1991. Табл. 128, 514, 546).

Tun 1.8 (37 экз. – 9,9%, рис. 165, 1–13) – это усечено-конические сосуды с вертикально поставленным коротким венчиком, переходящим в приподнятое выпук-

лое плечико через уступ или ребро. Горшки этого типа выделяются по сочетанию краевого окончания с сечением подтреугольной формы и орнамента, состоящего из 2–4 собранных вместе параллельных линий (на верхней части плечика). Обжиг, как правило, хороший, равномерный, полностью окислительный, черепки имеют однородный буровато-красный цвет. Примесь в тесте – песок в низкой или средней концентрации с размером зерна до 1,3 мм. Реконструированный горшок – сосуд средних пропорций ($H/D=0,86$, см.: рис. 113, 2). Сосуды типа 1.8 по облику соответствуют стандарту московских красноглиняных гладких горшков второй половины XV – начала XVI вв. (см.: Розенфельдт, 1968. С. 15; Бойцов, 1991. С. 38; Чернов, 1991б. С. 52, 53). На Городке они встречены только в верхних частях заполнений материковых ям.

Tun 1.9 (33 экз. – 8,9%, рис. 166, 1–11) представлен горшками без орнамента с короткой усечённо-конической горловиной, переходящей через короткую шейку в покатое плечико без уступа. Краевые окончания венчиков, преимущественно, уплощенные, они не имеют утолщений. О пропорциях дают представления два реконструированных сосуда (рис. 97, 1, 2). Редкие образцы горшков типа 1.9 встречены на селище второй половины XV–XVI вв. Захарово-1 в Подмосковье (Буланкин, Гоняный, Ковалевский, Шебанин, Шеков, 2008. С. 251, рис. 10, 1).

Tun 1.10 (61 экз. – 16,4%, рис. 167, 1–12) объединяет сосуды с короткой усечённо-конической горловиной. Последняя переходит в плечико через характерный уступ (или ребро). Завершения венчиков не имеют утолщений и, преимущественно, округлы, иногда приострены или даже уплощены подрезкой. Формы трёх реконструированных сосудов указывают на существование как минимум двух подтипов, различных по пропорциям. К подтипу 1.10а отнесены два реконструированных горшка средних пропорций с покатыми плечиками (рис. 77, 1, 2). Подтип 1.10б представлен одним реконструированным сосудом приземистых пропорций ($H/D=0,75$) (рис. 167, 11). Венчики от горшков типа 1.10 встречены в заполнении сруба двух последних десятилетий XIV в. Шавыкинского Дубенского монастыря (Московская керамика..., 1991. С. 131, табл. 68, 9А, 9Д, 9Г, 9Е, 9Ж). Очень напоминает горшок подтипа 1.10а сосуд из комплекса конца XV в.,

изученным на Романовом дворе в Москве (Археология Романова двора..., 2009. С. 464, рис. 218, 5)).

Tun 1.11 (35 экз. – 9,4%, рис. 168, 1–13) – это горшки, как правило, без орнамента, с короткой раструбообразной горловиной, в сечении которой выделяется два прямолинейных участка: вертикальный, образующий шейку, и отогнутый наружу, завершающий, образующий «щеку» горловины. Завершение венчика лишено утолщения и обычно округло в сечении. Горловина плавно переходит в плечико или через плохо заметный уступ. Горшки типа 1.11 от близких по профилировке горшков типа 1.6 отличаются сочетанием округлого завершения венчика с более плавной профилировкой перехода горловины в плечико. Единственный реконструированный сосуд представляет собой широкогорлый горшок низких пропорций ($H/D=0,71$, рис. 98, 2). Встречены при раскопках Сорокина Городища на Верхней Оке, где они обнаружены в одном комплексе с монетой рязанского князя Ивана Фёдоровича (1427–1456 гг.) (Зацаринный, 2003. С. 107, рис. 1, 3, 6, 7).

Tun 1.12 (11 экз. – 3,1%, рис. 168, 14–19) объединяет широкогорлые слабопрофилированные неорнаментированные горшки. Сечение горловины и всей верхней половины тулова имеет S-образный профиль. Диаметр по венчику почти всегда равен (или близок) диаметру максимального расширения тулова. Венчики, как правило, короткие, слегка отогнутые наружу. Их завершение уплощено и не имеет утолщения. В землях Южной Руси датируются, как правило, промежутком XIV–XV вв. (Беляева, 1982. С. 76, рис. 29, подтип I – 1А). На одном из памятников Подмосковья встречены в комплексе, сложившимся до 1455 г. (см.: Чернов, 1991а. С. 30; Московская керамика..., 1991. С.134, табл. 71, 161).

Подгруппа II-2 (139 сосудов – 24,0%) составлена из типов с преобладанием формовочных масс, включающих редкую примесь дресвы.

Tun 2.1 (21 экз. – 15,1%, рис. 169, 1–12) – сосуды с широким горлом, приземистые, без орнамента, усечённо-биконического облика с редуцированной шейкой, прикрытой горловиной и приподнятыми, немного вогнутыми, плечиками. Определяющей особенностью служит сочленение слегка вогнутой верхней части

сосуда с немного выпуклой нижней через угловатый, близкий к ребру, выступ, расположенный на максимальном диаметре тулова. Наибольшее расширение тулова приходится на уровень $3/4$ от общей высоты сосуда. Края венчиков сформованы наружным отгибом края черновой ленты с образованием характерного утолщения, напоминающего валик. На его уплощенном крае очень часто заметен желобок. Реконструированные сосуды отличаются низкими пропорциями (рис. 96, 1, 2). Близкие формы имеют венчики от сосудов, обнаруженные на городищах Холки (Винников, Кудрявцева, 1998. С. 60, рис. 5, 1–7) и Слободка (Полубояринова, 1987. С. 174, рис. 83, тип V). Обломок горшка типа 2.1 встречен на городище Спаспуробском (XVI – начала XVII вв., см.: Игушев, Клёнов, Савельева, 2000. С. 20, рис. 9, 2). На Городке наиболее часто встречаются в комплексах первого строительного периода.

Tun 2.2 (61 экз. – 43,9%, рис. 170, 1–16) – усечено-биконические сосуды с короткой прикрытой горловиной, переходящей в выпуклое высокое плечико через ребро (или уступ). Завершение венчиков, как правило, сформовано торцевым нажимом и по форме напоминает выступающий наружу подтреугольный в сечении козырёк, в большинстве случаев оснащённый двумя угловатыми выступами (наружу и вверх). У отдельных сосудов венчик вжат в плечики, а его основание располагается ниже их уровня. Реконструированы формы двух приземистых горшков (рис. 95, 1, 2). Встречены среди керамики второй половины XIII–XIV в. г. Рыльска (Енукова, 2005. С. 155, рис. 2, 7, 11), в комплексах последней трети XV – середины XVI вв. селища Котово-1 (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 194, рис. 7, 5; 198, рис. 9, 6; 201, рис. 11, 5, 6), в сооружениях середины – конца XV в. Москвы (Археология Романова Двора..., 2009. С. 461, рис. 215, 1). Близкие по профилировке сосуды известны по материалам раскопок городищ Слободка (Полубояринова, 1987. С. 177, рис. 84, среди образцов типа XV) и Кармыльк XVI–XVII вв. (Игушев, Клёнов, Савельева, 2000. С. 11, рис. 4, 15 – 17), в напластованиях XV–XVIII вв. (Лапшин, 2009. С. 129 (тип XIV), 448, рис. 198, 2200, 2179) и отдельных комплексах XVI в. (Рыбакова, 2010. С. 60, рис. 5, 2; 61,

рис. 6, 6; 62, рис. 7, 10; 63, рис. 8, 13) городов Твери и Чердынь (Троицкое городище, см.: Макаров, 2001. С. 124, 77–79).

Tun 2.3 (25 экз. – 18,0%, рис. 171, 1–9) объединяет горшки с широким горлом и короткой цилиндрической горловиной, которая без уступа или ребра переходит в покатые округлые плечики. Завершение венчика уплощено подрезкой или торцевым нажимом без образования сколько-нибудь заметного утолщения. Часто уплощенная поверхность края венчика оформлена в виде желобка. Около 30% выделенных по венчикам сосудов орнаментированы одинарной волнистой линией. Реконструированные сосуды – приземисты (рис. 98, 1; рис. 114, 18). От типа 1.4 отличается другим венчиком. Встречены в комплексе последней трети XV – середины XVI вв. селища Котово-1 (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 194, рис. 4, 9).

Tun 2.4 (16 экз. – 11,5%, рис. 171, 10–19) объединяет совокупность горшков без орнамента с вертикально поставленными манжетовидными венчиками, имеющими снаружи треугольное (в сечении) краевое утолщение, как правило, приостренное по верхнему краю. Наклонная боковая поверхность манжеты имеет желобок. В слабо профилированное тулово горловина горшка переходит через короткий наклонный линейный участок с уступом. Сосуды типа 2.4 встречены в позднесредневековых комплексах в Пскова (среди керамики XVI–XVIII вв., см.: Харлашов, 1994. С. 69, рис. 28, 2, 10), Твери (в комплексе XV в., см.: Нестерова, 2010. С. 37, рис. 5, 17) и Чердыни (Макаров, 2001. С. 124, 73).

Tun 2.5 (16 экз. – 11,5%, рис. 172, 1–8) – это горшки с коротким, почти вертикальным либо слегка отогнутым наружу венчиком с приостренным или округлым краем без утолщения, переходящим в выпуклые плечики через прямолинейный немного наклонный (или субгоризонтальный участок, «карниз») с уступом на конце. Около 30% выделенных по венчикам сосудов орнаментированы параллельными линиями или одинарной волнистой. Реконструированный сосуд – приземистый (рис. 172, 1). Встречены среди находок селища второй половины XV–XVI вв. Захарово-1 (Буланкин, Гоняный, Ковалевский, Шебанин, Шеков, 2008. С. 251, рис. 10, 4), осадных городков – Вотчинского, Ужгинского (Игушев,

Клёнов, Савельева, 2000. С. 16, рис. 7, 24, 18, рис. 8, 1), Хлыновского городища (Макаров, 2001. С. 80, рис. 36, 2), при исследовании одного из районов Москвы, заселённого переселенными новгородцами (Бойцов, 1999. С. 160, рис. 5, 186).

Подгруппу II-3 (67 сосудов – 11,6%) составляют типы горшков, тесто которых насыщено дресвой моренных горных пород. Они имеют тёмно-серый (почти чёрный) цвет, бугристую шероховатую из-за грубозернистых включений поверхность.

Tun 3.1 (3 экз. – 4,5%, рис. 173, 1–4) – сосуды без орнамента усечено-биконической формы с короткой цилиндрической горловиной, плавно переходящей в наклонные прямолинейные плечики (рис. 105, 1). Завершение венчиков имеет утолщение, сформованное отгибом и последующим наложением внутрь отогнутой закраины на стенку сосуда.

Tun 3.2 (14 экз. – 20,9%, рис. 173, 5–10) – это горшки с цилиндрической горловиной, отчётливо отделённой от едва выступающих плечиков коротким субгоризонтальным участком с уступом (ребром) на конце. Окончания венчиков, как правило, сформованы лёгким наружным краевым отгибом с образованием небольшого приостренного на конце козырька плавных очертаний. Один реконструированный сосуд имеет средние пропорции ($H/D=0,81$) (рис. 71, 18), другой – низкие ($H/D=0,74$) (рис. 124, 8). Известны по материалам подмосковных селищ – в Копнинском лесу-3 (1550–1580 гг., см.: Чернов, 1991б. С. 54; Московская керамика..., 1991. Табл. 133, 119), у Воскресенского погоста (из комплекса первой половины XVI в., см.: Чернов, 1991б. С. 52; Московская керамика..., 1991. Табл. 74, 343, 347, 348).

Tun 3.3 (11 экз. – 16,4%, рис. 174, 1–11) объединяет широкогорлые горшки с короткими цилиндрическими горловинами. Последние переходят в тулово через линейный горизонтальный (или слабо наклонный) участок с ребром или уступом на конце. Завершения венчиков сформованы торцевым, иногда скошенным внутрь, нажимом с образованием характерного желобка. Три реконструированных неорнаментированных сосуда отличаются друг от друга формой

тулова и положением плечиков, что делает несколько условным выделение этого типа (рис. 76, 1; рис. 61, 1; рис. 119, 2).

Tun 3.4 (8 экз. – 11,9%, рис. 175, 1–4) – сосуды с воронкообразной короткой горловиной усечено-конической формы, которая без уступа через короткую шейку переходит в покатые плечики. Завершения венчиков по форме сечения напоминают треугольники или овалы. Связанные с ними утолщения сформованы загибом внутрь края черновой ленты с наложением на стенку сосуда. Широко представлены среди керамики XIV – начала XV вв. из г. Нижнего Новгорода. Редко встречаются в составе комплексов XV–XVI вв. (см.: Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 205, рис. 14, 1, 2; Нестерова, 2010. С. 39, рис. 7, 2, 4, 6).

Tun 3.5 (20 экз. – 29,9%, рис. 175, 5–10) объединяет сосуды, венчики которых немного отогнуты наружу (в виде прямолинейного отрезка или слабо изогнутой дуги в сечении). Последние переходят в плечики через наклонный линейный участок с уступом (или ребром) на конце (рис. 105, 2). Формы краевых окончаний разнообразны. Встречаются образцы с подтреугольным в сечении краевым утолщением, образованным отгибом края черновой ленты внутрь с последующим наложением отогнутой закраины на стенку. Многочисленны венчики, краевое окончание которых сформовано лёгким торцевым нажимом с образованием желобка на верхней поверхности. Встречены, преимущественно, в комплексах XV в. (г. Тверь, см.: Нестерова, 2010. Рис. 5, 9, 6, 12, 12, 17).

Tun 3.6 (7 экз. – 10,4%, рис. 176, 1–7) определяют сосуды с вертикальными венчиками с резко отогнутыми наружу подтреугольными или овальными (в сечении) краевыми утолщениями. Горловина напоминает цилиндр. Она переходит в округлое тулово без ребра или сколько-нибудь отчётливого уступа. Встречаются в нижегородских комплексах XIV – начала XV вв. (см.: Грибов, 2006. С. 90, рис. 8, группа 11).

Tun 3.7 (4 экз. – 6,0%, рис. 176, 8–12) выделен по слегка заглаженным на круге усечено-биконическими неорнаментированным горшкам, имеющим ребро по тулову. Их венчики, как правило, короткие прямолинейно отогнутые наружу с округлым или со слегка приостренным краем без утолщений. Плечики горшков

типа 3.7 почти прямые, иногда слегка выпуклые. Шейка отличается крутым изгибом. Имеют параллели среди лепной мордовской керамики XII–XIII вв. (см.: Грибов, 1997а. Рис. 3, 2, 3) и, очевидно, являются круговыми репликами финской посуды.

Мискообразные сосуды (миски) представлены фрагментами минимум от десяти различных изделий. Выделяются две разновидности форм: усеченно-коническая с прямыми стенками (рис. 177, 9, 10) и полусферическая с немного выпуклыми сторонами (рис. 177, 6). Краевые окончания, преимущественно, уплощены горизонтальной подрезкой. Реконструированы профили двух усеченно-конических мисок с прямыми стенками и открытыми, лишёнными перехвата, горловинами (рис. 118, 1; рис. 67, 13). Они известны по комплексам XIII–XVI вв. (Коваль, 1996. С. 119, тип 4). Близкие аналоги из хорошо отмученной глины встречены в комплексе первой половины XVI в. на подмосковном селище Михайловское-2 (Чернов, 1991б. С. 51; Московская керамика..., 1991. Табл. 122, 2, 3).

Корчаги выделены исключительно по обломкам горловин (рис. 177, 1–3, 5). Среди керамики Городка присутствуют осколки минимум от четырёх большемерных сосудов данной категории. У них толстые стенки (толщиной 1–1,5 см), в тесте фиксируется примесь дресвы, а венчик завершается отогнутой наружу закраиной. Корчаги, скорее всего, были оснащены ручками (рис. 59, 12). Профиль одного такого сосуда удалось реконструировать (рис. 78).

На 31 осколке днищ сосудов группы II зафиксированы следы гончарных клейм (что составляет 1,7% от общего числа придонных частей красноглиняных сосудов). Встречаемость клеймёных изделий на Городке приблизительно такая же, как и в комплексах керамики середины XIII–XIV вв. из Нижнего Новгорода. Из восьми осколков со следами клеймения, происходящих из материковых ям, семь встречены в верхних слоях заполнений с монетами Ивана III. Изображения клейм разнообразны. Среди них нельзя указать хотя бы один тип, характерный исключительно для Городка. Выделено 10 вариантов клейм. В композиции каждого имеется круг (рис. 178, 179).

Группу III (230 фр. – 0,60%) определяет белый ангоб, покрывающий поверхность сосудов из красножгущегося сырья, обожжённых в окислительной среде. В зависимости от наличия или отсутствия следов росписи (охрой) ангобированная посуда подразделяется на две подгруппы.

Подгруппа III-1 (205 фр. – 89,1%) объединяет фрагменты красноглиняных горшков, покрытых ангобом, и без следов росписи (рис. 180, 1–9). Характер декорирования и профилировки верхних частей этих сосудов воспроизводит орнамент и формы белоглиняной керамики коломенского типа. Венчики, как правило, – прямые, короткие, вертикальные. Линейный разреженный орнамент нанесён на внешнюю сторону низкой цилиндрической горловины, иногда – с заходом на плечико. Горшки подгруппы III-1, скорее, напоминают подражания сосудам коломенского типа, чем реплики, изготовленные мастерами, специализирующимися на выпуске соответствующей белоглиняной продукции, и воспроизводящие соответствующий образец с привлечением красножгущейся глины. Горшки, воспроизводящие белоглиняные сосуды стандартного «коломенского» облика из другого вида глины, встречены при раскопках Москвы (см.: Розенфельдт, 1968. С. 27, табл. 5, 1).

Подгруппа III-2 (25 фр. – 10,9%) – это совокупность парадных красноглиняных сосудов (преимущественно кумганов) с белым ангобом, расписанных охрой (рис. 180, 10–19). Поверхность горловины одного фрагментированного сосуда (кувшина или кумгана), диаметром 12 см, вблизи уплощенного краевого окончания, отмечена рельефным валиком. Ниже его располагался орнаментальный расписной пояс. Краевое окончание венчика также декорировано: здесь роспись имеет вид поперечных широких коротких штрихов, нанесённых регулярно, вероятно, по всему периметру горловины (рис. 180, 18). К характерным элементам росписи можно отнести элементы в виде кругов с точками и хордами внутри (рис. 180, 10), ориентированные вертикально «струйчатые» линии (рис. 180, 14), которые известны по расписным сосудам Москвы (см.: Розенфельдт, 1968. Табл. 7, 10; Московская керамика..., 1991. Табл. 89, 1302; 117, 590). Тесто, как правило, запесочено и хорошо обожжено. Близкие по стилистике расписные

кумганы и кувшины связывают с продукцией гончарных мастерских г. Москвы второй половины XV – первой половины XVI вв. (Розенфельдт, 1968. С. 25, 26; Зацаринный, 2003. С. 103; Грибов, Ахметгалин, Хазиев, 2022. С. 48, 49, рис.2, 7). На Городке происходят, преимущественно, из верхних горизонтов заполнений материковых ям вместе с монетами Ивана III.

Группа IV (1567 фр. – 4,09%) объединяет фрагменты неполивной посуды из красножгущегося сырья высокого горнового обжига в обычной окислительной среде, как правило, украшенной лощением (рис. 181, 182). По изучению выборки из 305 фрагментов по рецептуре теста выделено три подгруппы.

Подгруппа IV-1 (54,8%¹³³) состоит из частей краснолощённых сосудов с тонким тестом; к ней же отнесены экземпляры с редкой примесью мелкозернистого песка, очевидно, естественного происхождения. Черепки имеют кирпично-красный однородный цвет поверхности, реже встречаются образцы коричневатобурой или жёлтой окраски. Единичные находки покрыты снаружи тонким слоем красного ангоба. Лощение вертикальное, как правило, небрежное, отдельными полосами, «рваные» края которых соприкасаются друг с другом. На донцах подсыпка отсутствует. Выразительные по форме детали представлены осколками ручек овального сечения и венчиками (от кувшинов, рис. 181). Кувшины имеют различные очертания: выделены три разновидности сосудов. Форму первой разновидности определяют обуженная, слегка (раструбом) расширяющаяся горловина с рифлением или полосками линейного разреженного орнамента, и характерный «единичкообразный» венчик (рис. 182, 2, 3). Для второй разновидности определяющим элементом служит венчик «с воронкообразным уступом по краю»¹³⁴ (рис. 181, 8), для третьей – высокая, широкая, цилиндрическая горловина с орнаментальным пояском по основанию (рис. 181, 1). Первые две разновидности кувшинов известны по раскопкам в Казанском кремле горизонта середины XV в. На городище Иски-Казани они характерны для второй половины

¹³³ Здесь и ниже – доля фрагментов каждой из подгрупп рассчитана для случайной выборки из 305 осколков.

¹³⁴ «Единичкообразные» венчики и венчики «с воронкообразным уступом по краю» – соответствующая терминология позаимствована из статьи Н.А. Кокориной, см.: 1999. С. 80.

XV – первой половины XVI вв. (Кокорина, 1999. С. 80, рис. 3, 6, 7, 10), в г. Москве известны по комплексам XV в. (Московская керамика..., 1991. С. 162, табл. 99, 4416, 4282). Третья разновидность кувшинов близки по облику к восьмому типу кувшинов Болгара (Хлебникова, 1988. С. 55, рис. 36, 5). Они встречены в кремле г. Казани (Ситдииков, 2006а. Рис. 56, 4, 5; 58, 1). К подгруппе IV-1 относится обломок усечено-конической чашеобразной миски с горизонтально подрезанным завершением венчика и прямыми стенками (рис. 181, 17). Миски такой формы известны по раскопкам Москвы (Розенфельдт, 1968. С. 16).

Подгруппа IV-2 (29,8%) объединяет краснолощённые сосуды из запесоченного теста (песок с зерном до 0,5 мм). Излом черепков имеет однородный кирпично-красный цвет. Около 60% фрагментов не залощены, а на внешней поверхности имеют следы розового ангоба. У остальных 40% – фиксируется вертикальное полосчатое лощение. В коллекции присутствуют части ручек и горловин кувшинов, покрытых лощением. Единичный фрагмент стенки сосуда украшен тонкой нарезкой многорядного линейно-волнистого орнамента (рис. 181, 21). Один сосуд реконструирован (рис. 107). Он представляет собой горшок с усечённо-сфероконическим туловом и коротким вертикально поставленным венчиком. Последний переходит в плечико через уступ. Известны по раскопкам Москвы (Розенфельдт, 1968. С. 18, 19). Сосуды с таким оформлением венчика, происходящие со Средней Волги – в массе керамики Казанского ханства или посуды золотоордынского производства, традиционно связывают с образцами русской керамики (Кокорина, 2004. С. 65, 84, рис. 12, 6).

Подгруппа IV-3 (15,4%) объединяет фрагменты краснолощённой керамики с заметной примесью песка с размером зерна до 1 мм. Характерно небрежное разреженное лощение узкими полосами, красновато-светло-коричневый однородный цвет как поверхности, так и излома черепков. Один из образцов – нижняя часть горловины кувшина или кувшинообразного сосуда с глубоким разреженным рифлением и вертикальным лощением короткими узкими полосками (рис. 182, 5). Обнаружено три обломка, происходящие, вероятно, от одного изделия с розовым ангобом и добавкой белой глины в тесте. Посуда подгруппы IV-3

по технологическим признакам близка «раннеказанской» Камаевского городища (см.: Кокорина, 2004. С. 61).

Среди форм краснолощёной керамики Городка преобладают кувшины. Из 14, выделенных по венчикам сосудов, к ним отнесено 12. Часть этой посуды, очевидно, была привезена со Средней Волги, отдельные изделия, скорее всего, были изготовлены в русских гончарных мастерских. На Руси её производство было налажено в XIV–XVI вв. (Седов, 1958. С. 83; Розенфельдт, 1968. С. 12–19; Мазуров, 2002).

Группа V (9560 фр. – 25,0 %) – неполированная гончарная посуда, изготовленная из беложгущегося сырья и обожжённая в обычной воздушной среде. К группе V отнесены изделия из слабожелезистого теста, а также те, в составе керамического теста которых присутствует заметная добавка белой глины. Белоглиняная керамика по характеру преобладающей примеси разделена на четыре подгруппы (по результатам изучения 1426 образцов)

Подгруппа V-1 (81,4%¹³⁵) объединяет фрагменты хорошо обожжённых (в горне) сосудов из тонкого теста (рис. 183; 182, 1–29). Большинство изделий подгруппы V-1 относятся к одному типу (по сочетанию формы, орнамента и технологических признаков). В их профилировке и особенностях орнаментации просматривается стандарт, лежащий в основе выделения керамики, известной как «белоглиняная гладкая» (Чернов, 1991б. С. 54), МБК-2 («московская белоглиняная керамика второго вида») (Коваль, 2001. С. 103–108), или как керамика коломенского типа (Коваль, 2005. С. 252).

Выделено 304 сосуда (по венчикам). Помимо горшков (297 экз. – 97,7%) встречены обломки от шести крынок (или кувшинов), оснащённых небольшими ушками на горловине (рис. 183, 13, 14) (Коваль, 2001. С. 100, рис. 2, 7), и одной чашеобразной миски (рис. 183, 23).

Реконструировано четыре сосуда. Все они – горшки, относящиеся к двум размерным группам: высоты двух сосудов лежат в промежутке 23,5 – 24 см (рис.

¹³⁵ Здесь и ниже – доля фрагментов каждой из подгрупп в выборке из 1426 изученных образцов группы V.

79, 2; 125, 2), двух других – в интервале 14,5 – 15,2 см (рис. 125, 1; 86, 8). Они представляют собой сосуды с широкой горловиной и широким туловом, средне-выпуклыми плечиками, увенчанными цилиндрической короткой горловиной, украшенной полосками линейного орнамента, иногда заходящими плечико. Горшки имеют средние пропорции (с отношением высоты к диаметру максимального расширения порядка 0,81). Специфической чертой профилировки отдельных сосудов является короткий карнозообразный линейный участок с ребром по месту перехода горловины от плечико (рис. 183, 3, 4). Завершения венчиков белоглиняных гладких горшков лишены сколько-нибудь существенных утолщений и, как правило, приострены (Грибов, 2018а. С. 181, рис. V). Линейный орнамент наносился как только на внешнюю поверхность горловины (45,3%), так и ниже, частично или полностью перекрывая верхнюю часть тулова (54,7%). На семи осколках донец встречены следы клеймения (рис. 186, 1–6, 11).

Образцы белоглиняной керамики с тонким тестом обнаружены в верхних горизонтах заполнений всех материковых ям. В придонных частях четырёх из них она не зафиксирована, либо её присутствие было едва намечено. Единичные найденные здесь обломки верхних частей белоглиняных горшков с тонким тестом отличаются необычной для большинства подобных изделий деталью профилировки – наличием короткого линейного карнизообразного участка с отчётливым уступом при переходе венчика в плечико и низким размещением разреженного линейного орнамента на плечике сосуда (рис. 184, 1–6). В трёх таких комплексах присутствуют серебряные денги Василия Васильевича московского чеканки 1434/35–1462 гг. В горизонтах заполнений материковых ям с массовыми включениями фрагментов белоглиняных горшков обычной стандартной профилировки, как правило, присутствуют монеты Ивана III. Отмеченные детали профилировки и орнаментики сосудов данной подгруппы, очевидно, имеют хронологическое значение.

Белоглиняные горшки с короткими, украшенными линейной нарезкой, цилиндрическими горловинами появляются в г. Москве в середине – второй половине XVI в. и, претерпев изменения, становятся широко распространёнными

ми только в XVII в. (см.: Коваль, 2005. С. 253). Среди основных версий происхождения этой посуды, наиболее аргументированной и разработанной является «коломенская» (см.: Грибов, 2009. С. 327). Она опирается на массовость находок такой посуды в Коломне и её окрестных поселениях уже в середине – второй половине XV в. (Коваль, 2001; 2005). Города Коломна и Нижний Новгород располагались на одной речной магистрали (на р. Оке), что, конечно, могло способствовать раннему проникновению продукции коломенских гончаров в район окского устья.

Керамика коломенского типа, близкая по деталям профилировки, орнамента и технологическим особенностям находкам из Городка, исчезает к середине – второй половине XVI в. (Коваль, 2001. С. 105, 106; 2005. С. 254–258). В Нижнем Новгороде она известна как по раскопкам в кремле, так и по материалам исследований в разных районах посада. Встречена она на сельских памятниках Нижегородской округи, а также, в городах Балахна (Иванова, 2003. С. 40, рис. 3, 14, 17; 42, рис. 4, 15, 22, 23, 27), Вятка (Макаров, 2001. С. 80, рис. 36, 13, 20), Казань (Ситдииков, 2006а. Рис. 145, 1), на мордовских Итяковском городище (Гришаков, 1992. С. 140, табл. VI) и Старокадомского поселении (Шитов, 1992. С. 122, табл. VIII, 10, 11, 13, 14, 17, 18). Легко атрибутируемые венчики коломенских горшков без утолщений на краевых окончаниях широко представлены в комплексах первой половины – середины XVI в. из Коломны и памятников её окрестностей (Сыроватко, Черкасов, 2010. С. 101, рис. 2, 1, 3, 4, 9, 4, II – 1–6), города Тулы (Воронцов, Фомин, 2009. С. 29, рис. 7, 1–14).

Подгруппа V-2 (14,9 %) объединяет фрагментированные сосуды с частой примесью песка (с размером зерна до 0,8 мм). Выделенные по венчикам сосуды подгруппы V-2 (67 единиц) отличаются сходством по стилистическим и технологическим особенностям. Последнее указывает если не на один производственный центр, то, по крайней мере, на одну гончарную традицию (рис. 185; 186, 7–10). Сосуды представлены горшками с покатыми плечиками, без отчётливого уступа переходящими в низкую горловину. Основание горловины иногда имеет короткий усечённо-конический участок, соединённый с остальной частью тулова

крутым изгибом профиля (без уступа). Венчики сосудов, как правило, прямые, отогнутые наружу или вертикальные. Они не имеют сколько-нибудь заметных утолщений по верхнему краю (рис. 185). Поверхность сосудов имеет светло-серый или белесоватый оттенок при тёмно-сером или чёрном цвете излома черепка. Керамическое тесто насыщено мелкозернистым песком. Редкие образцы украшены одинарной волнистой линией по плечу или тулову (рис. 185, 4, 5, 15, 27). На донцах четырёх сосудов обнаружены следы клеймения (рис. 186, 7–10).

Горшки с совокупностью описанных выше особенностей В.Н. Шитовым выделены по материалам Старокадомского поселения (и обозначены, как сосуды «с плавно отогнутым плечиком»). На этом памятнике фрагменты таких сосудов обнаружены в заполнении материковой ямы вместе с фрагментом «тимуридского» кашина конца XIV–XV вв. (Шитов, 1992. С. 108, табл. V, 3; VI, 1, 2, 6; VII, 1). Редкие находки такой посуды присутствуют в верхнем культурном слое мордовского Итяковского городища (Гришаков, 1992. С. 131, табл. V–5), в комплексе первой половины XVI в. города Белева (Заидов, Шеков, 2009. С. 162, рис. 14, 6, 7). Происхождение данной разновидности посуды из беложгущейся глины, скорее всего, связано с землями Поочья, для гончарства которых уже со второй половины XIV в. обычным явлением было использование белых глин в сочетании с искусственными мелкозернистыми добавками. На Городке встречены в нижних придонных горизонтах заполнений нескольких материковых ям вместе с монетами Василия II чеканки 1434/35–1462 гг. В придонном слое ямы 1А/1 соотношение осколков посуды подгрупп V-2 и V-1 соответствует 20:2.

Подгруппа V-3 (2,0 %) определяется по стилистическим особенностям и концентрированной примеси песка (с зерном до 2,0 мм) в тесте. Её причисление к белоглиняной посуде имеет условный характер. Подгруппа V-3 включает в себя, как изделия целиком сформованные из беложгущейся глины, так и сосуды из ожелезнённого сырья, но покрытые по всей поверхности белым ангобом и содержащие в керамическом тесте крупные, плохо промешанные включения белой глины (рис. 187). О пропорциях и профилировке соответствующих сосу-

дов можно судить по одному реконструированному горшку (рис. 99, 7). Это невысокий приземистый сосуд ($H/D = 0,70$) с короткой и широкой цилиндрообразной горловиной, усечённо-коническим туловом, узким донцем. Вертикально поставленный короткий венчик переходит в крутое, короткое и высокое плечико через горизонтальный участок («карнизик»). Массивное утолщение завершения венчика сформовано отгибом края черновой ленты сосуда с последующим наложением отогнутого участка на внутреннюю поверхность. Выделено двадцать два сосуда (по венчикам).

Сочетание выше обозначенных признаков придаёт узнаваемый облик достаточно редкой посуде этой подгруппы. Находки её образцов на нижегородских памятниках единичны (Грибов, 2018а. С. 185, 186). Производство керамики с обозначенными выше признаками можно предположительно связать с г. Тверью, на Загородском посаде которой в обширной материковой яме вместе с монетами Ивана IV найдена целая серия верхних частей подобных сосудов (преимущественно белоглиняных) с характерными массивными венчиками (см.: Рыбакова, 2010. Рис. 26, 2, 3, 6; 27, 1, 4, 6, 7, 8; 28, 1–8, 10, 11).

Подгруппа V-4 (1,7 %) состоит из фрагментов белоглиняных сосудов с примесью дресвы или грубозернистого песка (с размером зерна больше 1 мм) в тесте. Встреченные осколки слишком маловыразительны для описания профилировки сосудов (рис. 184, 30–38). Завершения венчиков, преимущественно, уплощены, не имеют сколько-нибудь значительных утолщений (рис. 184, 33–38). Редкая белоглиняная посуда с примесью дресвы, изредка встречается в нижегородских комплексах XIII – начала XV вв., но для неё характерна совершенно иная профилировка венчиков. По наличию крупнозернистой примеси посуду этой подгруппы можно предположительно соотнести с московской белоглиняной грубой керамикой, которая на подмосковных поселениях и в самой столице доминировала в первой половине XVI в. (Московская керамика..., 1991. С. 58, рис. 2; Чернов, 1991б. С. 51, 52).

Белоглиняная керамика Городка связана со специфическими ремесленными традициями, не имеющими корней в местном нижегородском гончарстве (Гри-

бов, 2009. С. 328). В г. Нижнем Новгороде и в его округе наиболее ранними комплексами с её массовыми включениями являются комплексы городища Городок. Значительное её количество указывает, скорее, на целенаправленные поставки, чем на случайное проникновение отдельных изделий в обиход местных поселенцев.

Группа VI (9 фр. – 0,02%) – это очень малочисленная «карбонизированная» керамика, преднамеренно обожжённая в восстановительной среде. Подавляющее большинство редких и маловыразительных фрагментов чернолощёных сосудов происходят из переотложенного горизонта огородной распашки, и только один из них был обнаружен в заполнении одной из средневековых ям. находка представляет особый интерес, так как представляет собой пока самый ранний образец чёрнолощёной керамики из Нижегородского Поволжья, обнаруженный в комплексе, сопровождаемом монетами (слой 2б ямы 1/2). Образец представляет собой часть тулова в области максимального расширения. Поверхности черепка – блестящие, аспидно-чёрного цвета, цвет излома светло-серый. Наружное сплошное горизонтальное лощение нанесено перекрывающимися друг друга широкими полосами. Специально проведённый дополнительный обжиг черепка позволил выяснить, что связанный с ним сосуд изготовлен из беложгущейся глины и покрыт двухсторонним белым ангобом. Данный фрагмент чернолощёного изделия происходит из слоя, лежащего на горизонте с серебряной денгой Василия II, отчеканенной около 1462 г., и перекрывается горизонтом с монетой Ивана III. Следовательно, попадание осколка чёрнолощёного сосуда в заполнение ямы, наиболее вероятно, могло произойти в течение промежутка, соотносимого с временем правления Ивана III (1462–1505 гг.).

Группа VII (56 фр. – 0,15 %) объединяет поливную гончарную посуду, изготовленную из обычного глинистого сырья (рис. 188). Для её описания, кроме случайных необработанных осколков, привлечены пряслице и заготовка для пряслица, выточенные из обломков поливных сосудов.

Глазурованное полупрозрачное неровное покрытие, как правило, плохо сохранилось. У большинства образцов оно имело жёлто-зелёный цветовой отте-

нок. Поливой покрывалась и внешняя поверхность днищ, что не характерно для «ценинной» керамики восточного происхождения. Из 58 образцов 14 % изготовлены из красножгущегося сырья, остальные из беложгущегося (31%) или слабоожелезнённого (55%). Преобладающий тип примеси в тесте – песок с зерном до 1 мм (73%). Добавка крупнозернистого песка зафиксирована у 22% фрагментов. Редкой примесью является дресва (5%). Она встречена только у изделий из беложгущейся глины. Около четверти (22,4%) найденных фрагментов поливной посуды имеют декор. У пяти фрагментов присутствуют наклепные валики. Последние в четырёх случаях дополнительно украшены косыми насечками (в виде имитации жгута) (рис. 188, 8, 9). На трёх фрагментах зафиксированы отпечатки контррельефного фигурного каплевидного штампа (рис. 188, 13, 16), на одном – заметны врезные полосы линейного орнамента (рис. 188, 14), на четырёх осколках сохранились остатки подглазурной росписи белым ангобом (рис. 188, 17).

По морфологически значимым фрагментам установлено присутствие в коллекции осколков от поливных дисковидных фляг и кумганов. Первые представлены небольшим количеством плоских фрагментов стенок. Один из них отмечен подглазурной росписью ангобом в виде изображения спирали или совокупности сцентрированных кругов различного диаметра (рис. 188, 11, 17). Осколки поливных кумганов определены по фрагментам горловин, ручек, носиков и поддонов. Единственная соединительная перемычка, крепящая носик к тулову сосуда, представляет собой массивную пластину со сквозными отверстиями (рис. 188, 10). В коллекции присутствуют носики минимум от четырёх различных кумганов. Среди обломков фляг можно надёжно выделить только один сосуд. Два осколка стенок с двухсторонней поливой, скорее всего, принадлежали чашам.

Поливные гончарные изделия из белой (реже – красножгущейся) глины с зелёной или жёлтой поливой на ангобной подготовке, встречены в комплексах XV–XVIII вв. Москвы и ряда других городов (см.: Розенфельдт, 1968. С. 48–52; Коваль, 2008. С. 27). Поливная посуда с оттисками каплевидных штампов известна по находкам из городов Москвы, Великого Новгорода (Коваль, 2008. С.

27), Твери (Лапшин, 2009. С. 391, рис. 141, 9; Романова, 2009. С. 318, рис. 6, 1–3, 5, 6; 319, рис. 7, 1), Казани (Ситдинов, 2006а. Рис. 151, 7). Ангобированные, покрытые жёлто-зелёной поливой, кувшины с плавными обводами, украшенные валиками со жгутовым орнаментом, встречены при раскопках Твери. Здесь они датируются XV–XVI вв. (Романова, 2009. С. 312–314, рис. 3, 1). Крупный фрагмент белоглиняного поливного сосуда с декоративным налепным валиком, украшенным нарезками, известен по находкам из верхнего слоя Итяковского городища (Гришаков, 1992. С. 132). Наиболее ранние кумганы из белой глины с зелёной или жёлто-зелёной поливой, украшенные налепными валиками датируются началом XVI в. (по материалам Москвы, см.: Розенфельдт, 1968. С. 50). Кумган из беложгущейся глины с зелёной поливой найден в постройке с кладовым комплексом монет первой половины XVI в. в кремле г. Казани (Ситдинов, 2005. С. 40, 61, рис. 8). Обломки подобных сосудов зафиксированы в горизонте XV–XVI вв. в Чебоксарах (Краснов, Каховский, 1978. С. 101). В Москве фрагменты поливных фляг обычно встречаются в горизонтах XVI–XVII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 50).

Поливная керамика в русском быту долгое время выполняла роль парадной столовой посуды и из-за своей дороговизны оставаясь доступной только для представителей зажиточных слоёв (Рабинович, 1988. С. 258, 259). Её находки обычно тяготеют к богатым городским усадьбам (Гуревич, 1981. С. 106). Это наблюдение, в полной мере, относится и к привозным сосудам восточного происхождения, изготовленным из кашина или фарфора. Последние выходят за рамки рассмотренных выше стилистико-технологических групп. Обнаруженные на Городке единичные осколки поливной посуды на кашинной основе (6 фр.) происходят от двух сосудов. Один из них – полуфаянсовая чаша из рыхлого кашина с бирюзовой полупрозрачной поливой и чёрной подглазурной росписью (рис. 188, 1, 2). Край чаши на внешней поверхности подчёркнут орнаментальным пояском из двух параллельных линий, промежуток между которыми заполнен рядом треугольных скобок, ориентированных вправо выпуклой приостренной стороной. Последние напоминают типичную для такого рода сосудов схематиза-

цию изображений ныряющих рыб (Коваль, 2010. С. 92, рис. 32, 2). С внутренней стороны закраина обозначена чередой подтреугольных фигур. Полуфаянсовые сосуды с бирюзовой поливой и чёрной подглазурной росписью ирано-среднеазиатского происхождения очень характерны для горизонта XV–XVI вв. г. Казани (Коваль, 2006. С. 30–32, 38). Находки образцов кашинной посуды из Городка по мотиву росписи и рыхлому кашину, более вероятно, можно отнести к изделиям поволжских центров Золотой Орды. Второй сосуд представлен четырьмя мелкими осколками. Они обнаружены в придонных горизонтах заполненных двух материковых ям (2/1 и 2/2), расположенных недалеко друг от друга (рис. 188, 3–6). Формирование связанных с ними комплексов, по монетам Василия II и керамике, можно датировать временем вблизи середины XV в. Связанное с ними изделие принадлежит к редкой разновидности полуфаянсов (на рыхлом кашине) с рельефным декором и бихромной глазурью. Внутренняя поверхность сосуда была покрыта бирюзовой поливой, а внешняя ультрамариновой. На внешней стороне фрагментов сохранились отчётливые следы рельефной моделировки. Такие сосуды (чаши или вазы «гульабдан»), по мнению В.Ю. Коваля, изготавливались в мастерских поволжских городов Золотой Орды в середине – второй половине XIV в. (2010. С. 69). Основная масса связанных с ними находок из русских городов происходит из комплексов этого же времени. При раскопках кремля в г. Казани фрагменты от двух сосудов такого типа обнаружены в горизонте времени Казанского ханства (XV–XVI вв.) (Коваль, 2006. С. 26).

Единственная находка из фарфора – фрагмент стенки китайского селадонного сосуда с двухсторонней нежно-зелёной прозрачной поливой (рис. 188, 7). Широкое распространение селадон («лунцюань-яо») получает в XIII–XIV вв. Его производство продолжается и в XV–XVI вв. (Коваль, 2010. С. 134, 135). Большая часть известных осколков селадона попала в культурные слои русских городов в промежутке второй половины XIII – XIV вв. Вместе с тем, отдельные образцы известны и по сравнительно поздним комплексам – по материалам раскопок в городах Великий Новгород (вторая четверть XV в.), Москва (XV в., XVI–XVII вв.), Переяславль Рязанский (XVI–XVII вв.) (Коваль, 2010. С. 135, 136). С учётом

традиционных связей Московского государства с мусульманским Востоком, где фарфор «лунцюань-яо» был широко распространён и в XV–XVI вв., присутствие исключительно всех его образцов в указанных выше относительно поздних отложениях вряд ли можно безапелляционно объяснить результатом переотложения из более ранних слоёв. Известны находки осколков селадоновых чаш в культурном слое и постройках ханского времени г. Казани (Ситдииков, 2005. С. 31; Коваль, 2010. С. 34, 35), куда, по замечанию В.Ю. Коваля, фарфор из Китая мог поступать в XV–XVI вв. вместе с другими импортами через Среднюю Азию, Иран, Крым или Турцию (2006. С. 37–38).

Сравнительный анализ состава посуды Городка и керамики XIII – начала XV вв. из г. Нижнего Новгорода показал, что значительная часть первого комплекса не имеет основы в местной гончарной традиции. К явно привезённым изделиям можно отнести сосуды из беложгущейся глины, которая в качестве сырья ранее никогда не использовалась в Нижегородском Поволжье для гончарного производства (Грибов, 2009. С. 327, 328). Очевидно не местное происхождение имеют и красноглиняные горшки типов 1.1, 1.8, легко узнаваемые среди образцов новгородской (тип 1.1) и московской (тип 1.8) посуды. К изделиям из других мест, попавшим к жителям Городка, можно отнести расписные ангобированные красноглиняные, поливные, чернолощёные сосуды. Перечень наиболее вероятных областей-импортёров, откуда гончарная продукция могла поступать в Городок, включает города Москву¹³⁶, Тверь¹³⁷, Великий Новгород¹³⁸, районы Среднего Поочья¹³⁹, Среднего Поволжья¹⁴⁰. К продукции местных мастеров можно причислить лепную финскую и немногочисленную русскую гончарную керамику с примесью дресвы в тесте.

Главными отличиями посудной керамики городища Городок от более ранних наборов нижегородской керамики – второй половины XIV – начала XV вв. –

¹³⁶ По красноглиняным гладким горшкам типа 1.8, ангобированным с росписью сосудам; московское происхождение имеют, вероятно, и некоторые сосуды с зелёной поливой.

¹³⁷ По горшкам подгруппы V-3; вероятно из г. Тверь происходит часть поливных сосудов.

¹³⁸ По красноглиняным горшкам типа 1.1.

¹³⁹ По белоглиняным горшкам коломенского типа, белоглиняным сосудам подгруппы V-2.

¹⁴⁰ По золотоордынской чернолощёной керамике и образцам лепной посуды.

являются существенное преобладание фрагментов сосудов из теста без грубо-зернистых отощителей и доминирование простых способов формовки завершённых венчиков без образования внутренних краевых утолщений. Эти отличия можно рассматривать как косвенные указания на переход к быстрому (или тяжёлому) гончарному кругу. Ещё одной характерной чертой керамического комплекса Городка является заметное присутствие в нём хорошо обожжённых изделий, изготовленных из красножгущегося сырья. Если в нижегородских комплексах XIV – начала XV доля их осколков, имеющих однородный красновато-коричневый цвет как поверхности, так и излома черепка, по наблюдениям автора, составляет не более 1–3%¹⁴¹, то на Городке их встречаемость превышает 25%

Отмеченные тенденции, очевидно, нельзя объяснить исключительно только спецификой местных условий. Существенные изменения качества керамической продукции, произошедшие в конце XV – начале XVI вв., зафиксированы по материалам г. Москвы и других русских городов (см.: Розенфельдт, 1968. С. 15).

4.6. Выводы

1. Топографические особенности Городка – расположение на мысу, разделяющем овражные отвершки с каньёнообразными бортами, субгоризонтальная слабо наклонная поверхность связанной с ним верхней мысовой площадки, наличие узкого перешейка соединяющего мыс с плато Волго-Окского правобережья, который по топосъёмке середины XIX в. и фотографии 1962 г. был перекрыт насыпью – придают памятнику законченный облик мысового городища.

2. Следы застройки изученного участка памятника являются преимущественно углублённые сооружения с развалами глинобитных печей в заполнении (подпечные или предпечные ямы) и частокольные канавки. Застройка носила усадебный характер. На раскопанном участке памятника зафиксированы сооружения трёх усадебных комплексов, два из которых отделены от третьего уличным проездом. Поселение может иметь уличную планировку.

¹⁴¹ Без учёта золотоордынских краснолощёных изделий.

3. Зафиксированные пересечения частокольных канавок, следы подновления отдельных углублённых сооружений, хронологические наблюдения указывают на развитие планировки вскрытого участка. Большинство материковых ям по времени начала заполнения можно соотнести с двумя строительными периодами. Главными «хроноиндикаторами» для их выделения служат монетные находки и встречаемость образцов белоглиняной посуды.

4. Для культурных отложений памятника свойственна высокая концентрация находок, встречаемость которых на единицу раскопанной площади соответствует встречаемости находок в Нижегородском кремле.

5. Находки предметов вооружения, снаряжения верхового коня и всадника, монет, редких образцов мелкой христианской пластики, железных стилей, фрагментов парадной поливной посуды свидетельствуют о высоком социальном статусе отдельных представителей местного социума, очевидно, включавшего и профессиональных воинов.

6. Время чеканки подавляющего большинства монет с определимым временем выпуска укладывается в узкий промежуток 1434/35–1505 гг. Основная масса монетных находок представлена московским великокняжеским чеканом. Вероятно, уже во второй половине 30-х – 60-х гг. XV в. нижегородское серебро было вытеснено московской денгой, а местный рынок вошёл в сферу влияния экономики великого Московского княжества.

7. Керамическая коллекция Городка фиксирует появление в нижегородской земле массовой серийной керамической продукции, соответствующей новым организационным формам специализированного ремесленного производства. Её появление стало следствием интеграционных процессов: формированием обширного общерусского рынка и становлением крупных ремесленных центров, способных обеспечивать удалённые районы. Доля привезённой посуды в составе керамического комплекса памятника – не менее 30% .

Глава 5.

Нижний Новгород во второй половине XV – начале XVI вв.

5.1. Кризис в освоении городской территории

В хронологической цепочке нижегородских древностей XIII–XVI вв. археологическая коллекция Городка заполняет пробел, приуроченный к большей части XV столетия. Наиболее отчётливо нарушение континуитета материальной культуры Нижнего Новгорода проявляется в керамике и составе монетных находок.

Начальное состояние ассортимента повседневной гончарной посуды г. Нижнего Новгорода (в XIII – начале XV вв.) маркируют комплексы, представленные преимущественно технологически архаичной продукцией – посредственно обожжёнными горшками с широким разнообразием оформления горловин. Их изготавливали на лёгком ручном круге из формовочных масс с включением дресвы или грубозернистого песка. Ареал распространения такой посудной керамики определяет территорию средневекового города.

Фиксирующие разрыв традиций ближайšie к ней по времени бытования керамические наборы конца XV – середины XVI вв., известные по раскопкам в Нижнем Новгороде, состоят преимущественно из «серийных» изделий с тонким тестом и однородным высокотемпературным горновым обжигом. Это образцы посуды трёх стилистико-технологических групп – белоглиняной, краснолощёной и чернолощёной. Эти сосуды легко распределяются на небольшое количество типов. Симметричность профилировки, отчётливые протяжённые ротационные линии на внешней поверхности изделий позволяют предполагать использование тяжёлого («быстрого») круга. Существенно расширился в указанный промежуток ассортимент гончарной продукции. Кроме горшков значительно чаще, чем прежде, встречаются кувшины, миски, появляются новые, ранее не известные формы – кубышки и кумганы. Изделия, оформление которых менее подчинено какому-либо распространённому стилистическому «стандарту», в этих комплексах малочисленны. Как правило,

они по-прежнему изготавливались из красножгущегося сырья, однако, у многих «несерийных» изделий фиксируется лучший обжиг, а в тесте преобладает мелкозернистая минеральная примесь. Существенно упростилась профилировка краевых окончаний венчиков: у большинства сосудов они сформованы простейшими приёмами нажима или отгиба без наложения отогнутой закраины на поверхность стенки, без формовки заметного по толщине краевого утолщения.

В керамике Городка доминирует неполивная, неангобированная и нелощёная красноглиняная керамика без грубозернистых примесей в тесте. Данная посуда имеет разнообразную профилировку и, не образуя стилистического единства, вероятно, отражает определённый этап в развитии русского гончарства. Этот этап характеризуется началом широкого внедрения быстрого гончарного круга, переходом на формовочные массы с мелкозернистыми примесями, налаживанием массового производства гончарных изделий по выработанным стандартам не только в технологии, но и в профилировке и орнаментации. В Москве он соответствует распространению «классических» красноглиняных гладких горшков. Их облик, в условиях средневекового мегаполиса с массовым спросом и массовым предложением, быстро обрёл легко узнаваемые очертания и характерные стилистические особенности. Масштаб распространения и объём производства серийных изделий, стали несопоставимы с продукцией отдельных русских гончаров или даже отдельных мастерских в эпоху Золотой Орды. Теперь однотипная «кружальная» продукция массово наполняла рынок, поступая из различных, порой, весьма удалённых, мест, а её стилистические и технологические особенности, ранее присущие отдельным мастерам, были в значительной степени нивелированы.

По материалам исследований в г. Нижнем Новгороде этот переходный этап в истории русского гончарства не выделяется. Причина этого имеет временную природу. Это подтверждают результаты сравнения комплексов монет из Нижнего Новгорода и Городка, которые свидетельствуют о взаимодополнительности этих двух памятников в хронологическом плане (рис. 22).

Временной перерыв, выявляемый по керамике и монетам, проявляется в нарушении непрерывности городской застройки и стратиграфии культурного слоя. В Нижнем Новгороде наиболее ранний строительный период, сооружения которого перекрывают средневековые ямы, датируется не ранее конца XV – середины/второй половины XVI вв. Показательны материалы раскопок 1999 г. в пер. Крутом (приложение 1, № 17). Здесь направления частокольных канавок второго строительного периода (конца XV – середины XVI вв.) перерезают частокольные канавки первого строительного периода (XIII – начала XV вв.) под острым углом, что свидетельствует об изменении основных директив планировки этого участка (рис. 189). Перерыв в истории застройки обнаруживают следы огородной распашки, зафиксированные И.С. Аникиным на кровле средневекового горизонта в одном из шурфов на ул. Пискунова (Грибов, 2018а. С. 238; приложение 1, № 19). Показательны изменения характера использования отдельных участков территории средневекового города, произошедшие в XVI в. Так, средневековая усадебная застройка в нижней части Нижегородского кремля, в XVI в. сменяется свайной конструкцией деревянного моста, в XVII вв. – монастырским кладбищем (рис. 190; Грибов, Марьёнкина, Иванова, 2021).

На всех раскопах, где на материке зафиксирован средневековый слой, – время его формирования датируется не ранее середины XV в. Повсеместно он перекрыт горизонтами с преобладанием чернолощёной керамики XVII–XVIII вв. Такая ситуация зафиксирована в разных частях кремля и во всех районах Верхнего Посада (Грибов, 2018а. С. 213–236)¹⁴².

¹⁴² В кремле – на Часовой горе (раскоп В.А. Лапшина 2001 г.), на Спасской горе (шурф Е.И. Бакулина 2012 г.; раскоп Шакирова З.Г. 2008 г.), в нижней части кремля (раскоп Грибова Н.Н. 2018 г.); на Верхнем посаде – в приходах церкви Дмитрия Солунского (раскопы Т.В. Гусевой 1997 г., И.В. Ануфриевой 2005 г.), Покрова Пресвятой Богородицы (И.В. Ануфриева, раскоп 1998 г.), Успенской (Н.Н. Грибов, раскоп 1 1999 г.), Никольской (И.О. Ерёмин, раскоп 3 1997 г.; Сергина Т.В., раскоп 2013 г.), Георгиевской (Е.Э. Лебедева, раскоп на ул. Минина в 2007 г.), Афанасия и Кирилла Чудотворцев Александрийских (И.С. Аникин, шурф 2003 г. на ул. Пискунова), Святой великомученицы Варвары (Т.В. Гусева, наблюдения во дворе д. 5Б по ул. Варварской в 1992 г.).

На нескольких площадках перерыв в накоплении городских культурных отложений отразился в стратиграфии вертикальных разрезов. Показательны случаи, когда лежащий на материке средневековый слой, сформированный до середины XV в., перекрыт мощным выбросом из кремлёвского рва начала XVI в. (на пл. Минина и ул. Пожарского¹⁴³ (рис. 191), на ул. Пожарского¹⁴⁴, на пл. Театральной¹⁴⁵), смещённым грунтом деформированного вала древнейших дерево-земляных укреплений нижегородской крепости¹⁴⁶ или мощной планировочной подсыпкой (на пл. Минина)¹⁴⁷. В нижней части кремля пачка непотребованных средневековых отложений отделена от горизонта монастырского кладбища XVI–XVII вв. стерильным слоем делювиальных наносов, мощностью до 57 см (рис. 192; Грибов, 2019. С. 153, 157).

Симптоматично, что до середины XV в. прекращается жизнь на многих усадьбах богатых горожан, которые могли входить в число нижегородской знати (см.: Лапшин, 2010). Места проживания прежней «столичной» элиты застраиваются, спустя значительный промежуток времени после существенных изменений в облике местной материальной культуры, исчезновения памяти об основных ориентирах прежней усадебной планировки, традиционно стабильной в средневековых городах. Все эти наблюдения ставят под сомнение тезис о сохранении преемственности и в структуре городского землевладения.

Важно подчеркнуть, что в разных районах города зафиксированный перерыв в накоплении культурных отложений датируется одними и теми же хронологическими рамками. Это позволяет говорить о кризисе в освоении городской территории Нижнего Новгорода. Его начало фиксируется по отсутствующим в черте средневекового города ранним комплексам Городка с монетами середины XV в., завершение – по следам возобновления активного освоения городской территории вблизи рубежа XV–XVI вв.

¹⁴³ Археологические наблюдения В.Ф. Черникова 1980 г. (приложение 2, № 3).

¹⁴⁴ Раскоп Т.В. Сергиной 2013 г. (приложение 1, № 119).

¹⁴⁵ Раскоп В.А. Батюкова 2011 г. (приложение 1, № 96).

¹⁴⁶ Раскоп Т.В. Гусевой 1989 г. (приложение 1, № 14).

¹⁴⁷ Раскоп Т.В. Гусевой 1997 г. (приложение 1, № 38).

Вряд ли вся территория «старого» города оставалась свободной от жилых построек на протяжении как минимум полувекового промежутка. Однако, масштаб распространения структурных изменений городского культурного слоя таков, что вызвавшие эти изменения процессы не могли не сопровождаться существенным уменьшением численности горожан, деградацией городского хозяйства и городской экономики.

5.2. Оценка заселённости сельской округи

Актовый материал, традиционно привлекаемый для выяснения истории освоения сельскохозяйственных и промысловых территорий, для округи Нижнего Новгорода малочислен и выборочно затрагивает её отдельные районы¹⁴⁸.

Для получения представления о степени заселённости «тянущих» к городу земель в середине – второй половине XV в. обратимся к археологическим данным и воспользуемся сравнительным методом, сопоставив массивы известных средневековых поселений, существовавших в различные временные интервалы, определяемые вехами изменчивости археологического материала.

Упадок городской экономики, скорее всего, наиболее заметно мог проявить себя в районе, непосредственно примыкающим к городским предместьям. Ограничим географическое пространство исследования центральным районом Нижегородской округи – летописным Берёзовым Полем. Как уже было показано (см. п.2.4.1. главы 2), до кризиса середины – второй половины XV в. в сельском окружении средневекового города сформировалась развитая поселенческая структура. Следы освоения сельской округи Нижнего Новгорода в середине – второй половине XV в., очевидно, следует искать на памятниках, датировка которых хотя бы частично перекрывает указанный временной промежуток. В этом отношении перспективны 62 памятника 2–5-го хронологических типов¹⁴⁹, датировка которых включает XVI в. Преобладание на этих памятниках белоглиняной керамики, присутствие фрагментов белоглиняных

¹⁴⁸ Характеристику нижегородского актового материала конца XIV – XV вв. и ссылки на его публикации см.: Грибов, 2018а. С. 240.

¹⁴⁹ См. п.1.3.5. главы 1.

горшков коломенского типа, находки образцов посуды остальных основных технологических групп и типов, известных по раскопкам Городка, – всё это указывает на то, что, по крайней мере, один из периодов активного функционирования этих поселений был хронологически близок промежутку второй половины XV – начала XVI вв.

В результате знакомства с материалами селищ типов 2–5 среди них выделено всего восемь объектов, способных претендовать на роль своеобразного «связующего звена» между деревнями и сёлами эпохи политической автономии Нижнего Новгорода и загородными поселениями последующего этапа активного освоения его сельскохозяйственных и промысловых земель, соответствующего уже XVI столетию (рис. 193). Датировка этих поселений включает в себя вторую половину XV – первую половину XVI вв. Это селища Воронцово-1, Бурцево-2, Бурцево-5, Ефимьево-6, Кудрёшки-2, Кудрёшки-3, поселения Крутец-1 и Ольгинское (см. приложение 3).

На селище Воронцово-1 встречаемость красноглиняной керамики с тонким тестом, иногда, с примесью мелкозернистого песка, составляет около 23% – от 106 образцов. Среди подъёмного материала необходимо отметить два бронзовых односторонних нательных креста второй половины XV–XVI вв. Один крест по иконографии и стилистике оформления близок отдельным находкам из Городка (рис. 194Б, 9). Это восьмиконечное изделие с килевидным завершением нижней оси (лопасти) и четырьмя клеймами с монограммами на концах. Вторая находка представляет собой четырёхконечный крест, слегка вытянутый вдоль вертикальной оси, с прямоугольными окончаниями лопастей и рельефным изображением Распятия – на лицевой стороне (рис. 194Б, 10). К характерным стилистическим особенностям изображения можно отнести плавный изгиб тела Спасителя, непропорционально увеличенные кисти его рук, схематичный способ передачи двух слетающих к голове ангелов. Всё это позволяет датировать находку указанным выше временным промежутком.

На селище Бурцево-2 высокая встречаемость красноглиняной керамики без грубых примесей (24%) сочетается с малочисленностью красноглиняной

ангобированной и чернолощёной посуды, к которым суммарно можно отнести не более 20 находок отдельных черепков из 939. Среди венчиков белоглиняных коломенских горшков массово встречаются разновидности, типичные для городища Городок (рис. 194Е). Одна индивидуальная находка – дужка от железного замка типа Е – датируется серединой XV – XVI вв.

На селище Бурцево-5 доля нелощёной керамики из красножгущейся глины без грубых примесей составляет 12%, а встречаемость фрагментов сосудов с преднамеренным восстановительным обжигом – около 6% (от 438 образцов). Среди осколков красноглиняной посуды присутствует один выразительный фрагмент «классического» красноглиняного гладкого горшка с высоко поднятым узким плечиком, украшенным узкой зоной из двух-трёх линейных полосок (Аникин, А-2008а. Илл. 14, 30).

На селище Ефимьево-6, кроме фрагментов белоглиняных коломенских горшков с венчиками, характерными для сосудов Городка (рис. 194А), обнаружена денга Ивана III (Орешников, 1896. № 669. Табл. XI, рис. 516; Зайцев, 2006. С. 89–90. Варианты 13.1, 13.2, 14, 15, 16).

На селище Кудрёшки-2 доля нелощёной и неполивной керамики из красножгущейся глины без грубых примесей в тесте – 25% от 284 фрагментов. Найден крупный обломок тулова «классического» красноглиняного гладкого горшка с узкой зоной линейного орнамента на плечике. Среди численно доминирующих фрагментов белоглиняных коломенских горшков выделяются фрагменты с тонким тестом и отчётливым уступом при переходе венчика в плечико – аналогичные находкам из ранних комплексов Городка (рис. 194В). В подъёмном материале присутствует односторонний бронзовый восьмиконечный нательный крест с килевидным расширением завершения нижней лопасти с изображением Голгофского креста со «страстями» и венком в средокрестии (рис. 194В, 1). На селище найдена денга, выпущенная при Иване III или Василии III. Сочетание штемпелей, использованных при чеканке монеты, по мнению В.В. Зайцева, характерно для выпусков, появившихся около 1505 г. (2006. С. 26, табл. 2; С. 91, 92, типы 21, 22, 26).

На селище Кудрёшки-3 фрагменты керамики из красножгущейся глины без грубых примесей составляют 21% от общего количества керамических находок (415 фр.). Найден фрагмент красноглиняного гладкого горшка с высоким плечиком с линейным орнаментом, собранным в одну узкую зону. Завершения венчиков белоглиняных коломенских горшков не имеют утолщений, отдельные из них, как на городище Городке, приострены (рис. 194Д). Обломок одного горшка из беложгущейся глины выделяется из общей массы по насыщенности теста среднезернистым песком и широким полоскам разреженного линейного орнамента, нанесённого на тулово. Связанный с ним сосуд можно отнести к подгруппе V-3 белоглиняной керамики Городка.

На поселении Крутец-1 фрагменты керамики из красножгущейся глины без грубых примесей сравнительно редки, их доля – 7,4% от 713 образцов. О вероятном функционировании данного поселения во второй половине XV – начале XVI вв. свидетельствуют находки части красноглиняного сосуда с примесью мелкозернистого песка, по сочетанию профилировки и орнаментики – близкого к «классическим» московским красноглиняным гладким горшкам (рис. 194Г), и образцов белоглиняных коломенских сосудов с разреженным, заходящим на плечико, орнаментом, и венчиками без краевых утолщений.

На поселении Ольгинском собрана большая серия образцов посудной керамики, типичной для Городка. Среди них необходимо отметить венчик горшка из красножгущейся глины с тонким тестом типа 1.2 (рис. 196, 50); венчики коломенских сосудов из белой глины без утолщений на завершении, но с разреженным орнаментом, частично заходящим на плечико (рис. 196, 58–61); обломок верхней части красноглиняного сосуда, покрытого белым ангобом, с массивным краевым утолщением, который по сочетанию смешанного сырья и насыщенности теста среднезернистым песком, можно отнести к сосудам подгруппы V-3 (рис. 196, 57). Индивидуальные находки: фрагмент расписанной белым ангобом красноглиняной игрушки в виде колокольчика (характерной для комплексов г. Владимира второй половины XV – первой половины XVI вв., рис. 195, 12), дужку от замка типа E (рис. 195, 3).

На памятнике найдено пять монет. Это две денги Ивана III, два «тяжёлых» пула удельной чеканки с равносторонним крестом на одной стороне и одно «маленькое» тверское пуло. Одна денга – новгородского чекана (Зайцев, 2006. С. 47, 48; табл. 8, тип 2–2), вторая – московского (Зайцев, 2006. С. 89–90. Варианты 13.1, 13.2). Первое «тяжёлое» пуло весом 1,35 гр. – анэпиграфное – соответствует первому варианту наиболее распространённого типа пул Городка с равносторонним крестом на одной стороне и фигурой из перекрещенных овалов на оборотной. Другая медная монета, также, с изображением креста на одной стороне, на оборотной – имеет изображение идущего вправо животного с приоткрытой пастью и повернутой назад головой. Медные монеты такой разновидности датированы В.В. Зайцевым временем правления Василия Дмитриевича московского (2009. С. 36, рис.2, 1–7; 44, тип № 2).

Можно утверждать единовременное функционирование с Городком только двух из восьми выделенных поселений – селища Ефимьево-б и поселения Ольгинского. Об этом свидетельствуют обнаруженные на них серебряные денги Ивана III. Редкость населённых пунктов середины – второй половины XV в. становится особенно очевидной при обращении к наиболее хорошо обследованной ближайшей Нижегородской округе, тяготеющей к бассейну небольшого правобережного волжского притока р. Рахмы (рис. 197). Эта местность располагается в южном секторе условной двадцатикилометровой зоны, примыкающей к средневековому Нижнему Новгороду. Здесь, за пределами городской территории и вдали от его подгородных монастырей, на участках, как правило, свободных от современной застройки, известно сорок восемь русских селищ. Датировка большинства из них (75%) включает в себя промежуток XIII – начала XV вв. Памятники, не входящие в эту группу (25%), датируются XVI–XVIII вв. На 30% средневековых поселений обнаружены следы хозяйственной активности XVI–XVII вв., но только в материалах единственного памятника – Ольгинского поселения – не просматривается перерыв, соответствующий середине – второй половине XV в.

По топографическим особенностям поздние поселения XVI–XVIII вв. различно соотносятся со средневековыми. Одни из них целиком занимают территории поселений XIII – начала XV вв.¹⁵⁰, другие перекрывают ранее освоенную площадь частично¹⁵¹, застройка третьих выходит за пределы средневековой¹⁵². Отдельные возобновлённые населённые пункты в XVI в. возникают вблизи заброшенных средневековых памятников¹⁵³. Многие из более поздних поселений, тем не менее, располагаются в иных, ранее не заселённых местах¹⁵⁴. В XVI–XVII вв. в районе Березополя формируются новые крупные населённые центры¹⁵⁵, рядом с которыми происходит образование новых освоенных микрорайонов (Давыдова, 2001. С. 118). Все эти новые населённые места возникают на удалении от наиболее значительных по размерам средневековых селищ. Эти наблюдения указывают на формирование новой структуры расселения, соответствующей уже иной (поместной) системе землевладения. Численность заселённых мест в Березополе, вероятно, достигает средневекового уровня уже только после окончания Смутного времени, так как на карте населённых пунктов Нижегородского уезда, составленной по материалам писцовых описаний (конца XVI–XVII вв.)¹⁵⁶, их плотность и расположение, в целом, соответствуют распределению известных здесь средневековых памятников (рис. 34).

5.3. Время Ивана Великого на нижегородской земле

5.3.1. Источники

Центральное место среди письменных источников, содержащих сведения о г. Нижнем Новгороде второй половины XV – начала XVI вв., занимают памятники официального великокняжеского летописания. Сообщения о собы-

¹⁵⁰ Поселение Ольгинское.

¹⁵¹ Поселение, соответствующее агломерации селищ Бешенцево-2, -3.

¹⁵² На селище Великосельево-1.

¹⁵³ Территории разновременных селищ Ближнее Константиново-1,-2 разделены балкой.

¹⁵⁴ Так, только в XVI–XVII вв. первые поселения появляются на возвышенном левом берегу р. Рахмы, селища Федяково-1 и Анкудиновка-1.

¹⁵⁵ Такие, как сёла Горбатов, Богородское.

¹⁵⁶ См. карту на вкладке к статье А.А. Давыдовой, которой удалось локализовать около 75% упоминаемых в документах сёл и деревень (2001).

тиях начала правления Ивана III присутствуют в сводах 70-х гг. XV в. Наиболее близки к их передаче Вологодско-Пермская летопись и Московский летописный свод конца XV в. События последней четверти столетия отражают редакции великокняжеского свода 90-х гг., сохранившиеся в завершении Уваровского списка Московского свода конца XV в. (за 1479–1492 гг.), в последней части Симеоновской летописи (1480–1493 гг.), заключительных частях Сокращённых сводов 1493, 1495 гг. и в своде 1497 г.

Известия об отдельных исторических эпизодах второй половины XV – самого начала XVI вв. можно встретить только в памятниках летописания периода правления Василия III. Первый, составленный при этом правителе, официальный свод датируется 1508 г. Его небольшая часть с ценными подробностями осады г. Нижнего Новгорода в 1505 г. включена в список Софийской I летописи И.Н. Царского, который был составлен вскоре после 1508 г. (ПСРЛ. Т. 39. С. 4). Последующая редакция великокняжеской летописи доведена до 1518 г. Она сохранилась в Софийской II – Львовской летописях. Её составитель в качестве главного источника привлёк московский оппозиционный свод 80-х гг. XV в. (Лурье, 1976. С. 223–240). Начиная со статьи 6991 г. (см.: Лурье, 1976. С. 228) завершающая часть свода 1518 г. сохранилась и в Уваровской летописи. Протограф последней был составлен в 1525–1530 гг.¹⁵⁷ Следующие редакции великокняжеского свода датируются 1520, 1526 и 1533 гг. Первая из них отражена в Иоасафовской летописи, которая послужила источником основной редакции Никоновской. Вторая сохранилась в Академическом списке второй редакции Вологодско-Пермской летописи, третья – в Воскресенской. В начале 60-х гг. XVI в. текст Воскресенской летописи был использован для составления Степенной книги. Подробности отдельных событий, не попавшие в официальные своды, сохранились в Типографской, Ермолинской, Тверской летописях.

¹⁵⁷ Памятник известен в двух списках XVI в., старейший из них датирован 30-ми годами (см.: ПСРЛ. Т. 28. С. 8).

География военных действий в Среднем Поволжье в конце 60-х гг. XV в. включала в себя и области северорусских городов. Поэтому в их провинциальное летописание оказались включёнными оригинальные сведения, в том числе – с упоминанием г. Нижнего Новгорода. Наибольший интерес среди этих источников представляет Устюжская летопись первой четверти XVI в. (ПСРЛ. Т. 37. С. 3). Рассказ о штурме Нижнего Новгорода войском Мухаммеда-Эмина – изобилующий подробностями – содержится в Казанском летописце. Последний представляет собой историко-публицистическое сочинение, написанное в 1564–1566 гг. русским пленным, участником и свидетелем казанских событий середины XVI в. Наиболее ранние сохранившиеся списки и редакции памятника датируются концом XVI – началом XVII в. (Дубровина, 2000. С. VII).

От эпохи Ивана III в летописных текстах, составленных до начала XVII в., сохранились сведения всего о двенадцати эпизодах, связанных с г. Нижний Новгородом. Их дополняют материалы актов, посольских дел и разрядных книг. Важные свидетельства о ситуации и обстановке в городе на окском устье содержатся в таких литературных произведениях, как повесть «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, житие Зосимы и Савватия Соловецких.

5.3.2. События

Летописные события, связанные с г. Нижним Новгородом в эпоху правления Ивана III, начинаются с сообщений о «первой Казани» – первой неудачной попытке поставить на «обновлённое» Волжское царство приемлемого для великого князя правителя. Рейды в «Казанские места» 1467–1468 гг., большой поход 1469 г. наиболее подробно и бездефектно отражены в Уваровском списке Московского летописного свода конца XV в. Во внешнеполитическом и военном аспектах эти военные кампании, как и последующие военные действия в Среднем Поволжье, подробно рассмотрены в целом ряде специальных трудов (см.: Алексеев, 2007. С. 36–95; Базилевич, 1952. С. 64–72; Худяков, 2004. С. 27–34; Чеченков, 2005б).

Начало событий было положено осенью 1467 г. (6976 г.), когда из Владимира-на-Клязьме в направлении г. Казани – столицы Казанского ханства – вышло сводное войско, сопровождавшее царевича Касыма, младшего сына хана Улу-Мухаммеда, позванного «на царство» казанскими оппозиционерами (ПСРЛ. Т. 25. С. 279). Предприятие не достигло поставленной цели. Преданные казанскому хану Ибрагиму (племяннику московского ставленника) казанские татары не подпустили караван москвичей к своей столице. Последовав за отступающим по осенней распутице русским войском, казанцы «изгоном» напали на г. Галич. В описании этого похода, сохранившимся в летописях, г. Нижний Новгород не упоминается, но попадает в перечень городов, в которые великий князь, вероятно, из-за угрозы нового татарского нападения, повелел разослать заставы – сразу после его бесславного завершения (ПСРЛ. Т. 25. С. 279).

После этой первой неудачи на казанском направлении последовала затяжная война. Осенью–зимой 1467 г. (6976 г.) великий князь организовал два ответных похода. В первый поход из Галича против союзных казанцам черемис был отправлен великокняжеский Двор. Во второй поход были отправлены муромцы и нижегородцы «...воевати по Волзѣ...» (ПСРЛ. Т. 25. С. 280). Под «муромцами» и «нижегородцами» здесь, очевидно, следует понимать заставы, оставленные в этих городах после нападения на г. Галич и после неудачной «первой Казани». Большое войско во главе с великим князем было размещено в г. Владимире для прикрытия дороги на Москву.

Весной 1468 г. казанские татары напали на костромские волости, устюжскую Кичменгу и г. Муром. Набег был отбит гарнизонами (заставами) гг. Костромы и Мурома (Алексеев, 2007. С. 52).

План летней кампании этого года предусматривал нанесение одновременных ударов по Казанскому ханству с севера, из района гг. Галича и Устюга по р. Каме, и с запада – по р. Волге из г. Нижнего Новгорода. 4 июня 1468 г. (6976 г.), накануне празднования Троицы, «...из Новагорода из Нижнего застава князя великого, князь Федоръ Хрупин с Москвичи идоша на Волгу и по-

биша Татарь Казаньских, дворъ царевъ, многих добрых» (ПСРЛ. Т. 25. С. 281). Этот успех не имел решающего значения, так как главные силы были сконцентрированы в Северной рати, продвижение которой было приостановлено после того, как казанцам удалось пресечь участие вятчан в военной операции.

На сложные условия торгового сообщения по волжской магистрали в это время указывают записки Афанасия Никитина. Его караван в навигацию 1468 г.¹⁵⁸ две недели провёл в г. Нижнем Новгороде, ожидая подхода великокняжеского посольства в г. Ширван, чтобы вместе с ним преодолеть выходящий за пределы русских земель наиболее опасный участок предстоящего пути (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 222). Контроль за перемещением торговых караванов по Волге в Нижнем Новгороде осуществляли пошленник Иван Сараев и Михаил Киселёв, названный в позднейших списках памятника наместником.

Активные действия против Казани возобновилось в 1469 г. План операции, очевидно, предполагал лишение противника возможности своевременно перебросить войска к месту главного удара и, в своих общих чертах, повторял замысел кампании 1468 г. Однако на этот раз большая часть собранного большого великокняжеского войска под руководством Константина Александровича Беззубцева была направлена в Поволжье. Нижний Новгород стал местом его сосредоточения. В него входили служилое ополчение из почти десятка различных городов Московского княжества, часть двора великого князя, а также Московская рать под командованием воеводы Петра Васильевича Оболенского. В войско кроме неименитых горожан были набраны и привилегированные торговые люди, которыми являлись московские «сурожане» и «суконники» (ПСРЛ. Т. 25. С. 281).

Отвлекающий удар с севера должна была нанести малая судовая рать, вышедшая из Устюга сразу после начала навигации. Для облегчения её продвижения по р. Каме предполагалась небольшая вылазка в «казанские земли» «охочих» людей из войска Константина Беззубцева, что могло дезориентиро-

¹⁵⁸ Обоснование даты начала похода Афанасия Никитина см.: Семёнов, 1980. С. 7.

вать основные силы противника и позволило бы нанести удар с неожиданного направления. Такие действия предписывала великокняжеская директива, доставленная в г. Нижний Новгород. Вечевой порядок управления, предполагающий частную инициативу самих воинов, мотивированных, прежде всего, захватом богатой добычи, сорвал планы командования. Вместо небольшого числа избранных «охочих людей» в поход вызвалось идти большинство из привлечённых на устье р. Оки воинов; управление войсками было утрачено. Избран на общей сходке походным воеводой Ивана Руно, за год до этого получившего известность в бою с татарами, воины великого князя раздали милостыню и заказали молебны в нижегородских храмах. Описание этих событий, составленное, очевидно, со слов очевидца или самим очевидцем, позволяет увидеть г. Нижний Новгород в необычном ракурсе. Оказывается, сводное войско остановилось за пределами старых городских укреплений: «И поидоша из Оки под Новьгород под старои, сташа под Николою на Бечевѣ и вышед ис суд идоша в город к старои церкви Преображенья господня и повелѣша ту сущим священником молебна совръшати за великого князя и за воя его. И отоля шед тако же и у святаго Николы молебна створиша...» (ПСРЛ. Т. 25. С. 282).

Рать Ивана Руно вместо того, чтобы исполнить наказ верховного руководства, предписывающий «воевать» исключительно казанские окрестности, устремилась к г. Казани. Успех высадки на волжский берег перед её городскими укреплениями оказался кратковременным. После сожжения и разорения посада, освобождения пленников, нападавшие были оттеснены на один из волжских островов и, только благодаря прикрытию подоспевших из г. Нижнего Новгорода свежих сил, «охотникам» удалось покинуть казанские воды. Уход из-под г. Казани основного войска, неожиданный очередной отказ вятчан от участия в войне сделали положение небольшой северной рати, подходившей к Казани по Каме, критическим. Завершить рейд ей удалось только с большими потерями, пройдя волжским путём мимо г. Казани в г. Нижний Новгород (ПСРЛ. Т. 37. С. 47, 92). Здесь, на устье р. Оки, её выжившие участники пробыли три недели, пришедшиеся, скорее всего, на август (Алексеев,

2007. С. 85). За это время Иван III дважды посылал каждому из устюжан по золотой денге, а затем отправил «запас», повелев идти на «зимованье» под г. Казань, влившись в войско своего брата Юрия Васильевича, которое было в спешном порядке отправлено в Поволжье (ПСРЛ. Т. 37. С. 92). По количеству сермяг, шуб и луков, входивших в присланный «запас» перечень можно судить о примерной численности воинов, которые сумели добраться до г. Нижнего Новгорода из Устюга. Их было около трёх сотен человек. Резерв, хранящийся тогда в нижегородских «закромах», вероятно, не был сколько-нибудь большим или избыточным, если даже муку и масло пришлось доставлять из столицы: «...послал ужину запас устюжаном: 700 четвертей муки, да 300 пудов масла, да 300 луков, 6000 стрел, да 300 шуб бараньих, да 300 однорядок сипских, и лунских, и новогонских, и трекумских, да 300 сермяг...» (ПСРЛ. Т. 37. С. 92). Военная операция, проведённая осенью 1469 г. под руководством Юрия Васильевича, оказалась успешной. Её результат обеспечил стабильность на восточном направлении в течение ряда последующих лет (ПСРЛ. Т. 39. С. 148).

Следующий казанский поход, маршрут которого пролегал через г. Нижний Новгород, был предпринят только в конце мая 1478 г. (6986 г.), после внезапного нападения на область Вятки казанских татар, засомневавшихся в успешном исходе известных новгородских событий для великого князя (ПСРЛ. Т. 25. С. 323).

Присоединение к Московскому княжеству Великого Новгорода оставило свой след и в нижегородской истории. По сообщению Тверской летописи, уже в 1478 г. (6986 г.) г. Нижний Новгород принимал первых «сведённых» новгородцев (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 497, 498). Вскоре после этого, согласно житию святых Зосимы и Савватия Соловецких, в нижегородском заточении оказалась и возглавлявшая оппозицию новгородских бояр Марфа Борецкая (Жития Зосимы и Савватия..., 2005. С. 94, 95). Свидетельство о переселённых новгородцах сохранилось в нижегородском фольклоре (Снежневский, 1891. С. 591).

После окончательно избавившем от ордынской зависимости «стояния на Угре», включения Новгородской земли в число великокняжеских владений, Московское княжество получило возможность укрепить своё влияние в Поволжье. Необходимость в этом назрела не только по политическим соображениям – жизнь на восточной окраине русских земель была лишена безопасности. Казанские охотники за «живым товаром» активно занимались промыслом тогда даже в землях Волго-Окского междуречья, поставляя рыбаков и хлебопашцев с берегов Клязьмы на невольничьи рынки Востока (см. текст грамоты 1481 г.: Каштанов, 1970. С. 398). Нижний Новгород, как укреплённый военный центр, в это время не был способен противостоять таким нападениям и захватам. Размещённый на временной основе нижегородский гарнизон, как и само городское население, очевидно, были слишком малочисленны для обеспечения контроля над районом окского устья.

Второй большой казанский поход состоялся в 1482 г. Как и летом 1469 г. были развёрнуты две воинские группировки. Одна из них выдвинулась из района окского устья, другая – с Вятки. Основное войско с великим князем, как и раньше, стояло во Владимире-на-Клязьме. Судовая рать с артиллерией Аристотеля Фиораванти остановилась в г. Нижнем Новгороде (ПСРЛ. Т. 6. Вып 2. Стб. 315). По выписям из посольских казанских книг от 16 июля 1482 г. (6990 г.), перед началом похода в г. Нижний Новгород прибыли шесть воевод под началом князя Ивана Васильевича с целью «...беречь от Алегама царя» (Разрядная книга..., 1966. С. 19, 20). Им, по замыслу великого князя, предписывалось начать военные действия небольшими мобильными отрядами на лёгких судах ещё до выступления на г. Казань большой судовой рати.

Известия о самом значительном походе на столицу Казанского ханства времён Ивана III не содержат упоминания г. Нижнего Новгорода, хотя по аналогии организации всех предыдущих военных кампаний в Поволжье, можно полагать, что и в 1487 г. городу в устье р. Оки была отведена роль передового плацдарма (ПСРЛ. Т. 25. С. 331; Т. 12. С. 218–219; Алексеев, 2007. С. 289). Девятого июля 1487 г. Казань была захвачена, казанский хан Али был низложен.

Вместо него московский правитель «...изъ своей руки посадилъ на царство...» его сводного брата Мухаммеда-Эмина (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 323; Алексеев, 2007. С. 284).

Спустя год после этих событий, зимой 1488–1489 гг. (6997 г.), попавшие в опалу, лишённые вотчин, жители Великого Новгорода получают поместья в нижегородских землях. Текст наиболее распространённого варианта соответствующего летописного сообщения вместе с г. Нижним Новгородом называет ещё целый ряд городов, где были «пожалованы» перемещённые новгородцы (ПСРЛ. Т. 39. С. 164; Т. 12. С. 220; Т. 8. С. 218; Иоасафовская летопись, 1957. С. 127). В более подробном неофициальном варианте известия об этом (из Синодальной редакции Типографской и Софийской II – Львовской летописей), статус новгородских переселенцев ограничен «житьями людьми», а место переселения – только г. Нижним Новгородом (ПСРЛ. Т. 24. С. 237; Т. 6. Вып. 2. Стб. 325; Т. 20. Часть 1. С. 353)¹⁵⁹.

Летописные памятники фиксируют два посещения Нижнего Новгорода московским ставленником на казанском столе – ханом Мухаммедом-Эмином. Первый раз в 1497 г. он скрывался здесь от изменников, пожелавших видеть своим правителем сибирского хана-шейбанида Мамука, подошедшего со своей ордой к г. Казани весной 1496 г. (ПСРЛ. Т. 24. С. 213; Т. 28. С. 328). Тогда на выручку лояльному великому князю казанскому правителю в числе прочих были отправлены и дети боярские из понизовских городов. Составитель великокняжеского свода впервые называет среди них нижегородцев (ПСРЛ. Т. 28. С. 328). Захвативший ханскую столицу хан Мамук не смог удержать власть. По прошению казанской аристократии вместо него великий князь отправил в г. Казань младшего брата Мухаммеда-Амина хана Абдул-Латыфа, чем, скорее всего, зародил у первого глубокую кровную обиду. В 1502 г. по неотмеченной летописцами причине Иван III вторично утвердил на казанском столе Мухаммеда-Эмина. Через три года Мухаммед-Эмин, вероломно «нарушив роту», учинил погром русских послов и торговых людей. Многие из тех, кто смог

¹⁵⁹ В Типографской летописи, отличие от других источников, это известие датировано 6998 г.

сбежать в то лето из г. Казани, были захвачены дозорами черемис, загнаны в избы и сожжены заживо (ПСРЛ. Т. 30. С. 140). В начале сентября 1505 г., после этой расправы, войско Мухаммеда-Эмина осадило Нижний Новгород.

Краткое изложение предыстории этого события сохранилось в разрядных книгах (Разрядная книга..., 1966. С. 35, 36). Согласно этим источникам, ещё в августе 1505 г. в Москву дошла весть о переправе через р. Волгу татарского войска, устремившегося на «ноугородские и на муромские места». Реакцией на это известие стала отправка заставы в г. Муром под началом Семёна Ивановича Воронцова и Ивана Ивановича Горбатого. 4 сентября поступила весть о форсировании неприятелем р. Суры в 150 верстах от г. Нижнего Новгорода, которое произошло ещё пять дней тому назад, то есть, 30 августа (Разрядная книга..., 1966. С. 36). На усиление гарнизона в г. Муроме были отправлены служилые татары и воевода Василий Данилович Холмский «с людьми».

По тексту великокняжеского свода 1508 г. (по списку И.Н. Царского Софийской I летописи), последующие события разворачивались следующим образом: «Того же мѣсяца сентября приходилъ ратью нечестивыи царь Магамед-Аминь казаньскыи под Новьгород Нижнии, и стоялъ под городом два дни, къ граду пристоупал, а на третеи день от града побеже, и граду не сотвори ничто же. Намѣстник же великого князя Ивана Васильевича Хабар с граждана же выходя из града многих людеи его биша» (ПСРЛ. Т. 39. С. 177). Почти дословно этот текст сохранился и в Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 8. С. 245)¹⁶⁰. Через последний источник этот вариант сообщения с упоминанием нижегородского наместника, скорее всего, попал в Степенную книгу. Здесь соответствующее сообщение дополнено известием о неизлечимой болезни Мухаммеда-Эмина, впервые проявившейся после нападения на г. Нижний Новгород и мучившей его впоследствии до самой кончины на протяжении тринадцати лет (ПСРЛ. Т. 21. Часть 2. СПб., 1913. С. 566, 567). Летописи, основанные на редакциях великокняжеского свода 1518 и 1520 гг., Русский Хро-

¹⁶⁰ Здесь имя и отчество «Иван Васильевич» употреблено в грамматической форме, позволяющей отнести его к воеводе Хабару, а не к великому князю, - в отличие от текста Софийской I летописи.

нограф первой редакции сообщение об осаде г. Нижнего Новгорода передают в явно сокращённой форме – без упоминания нижегородского наместника (ПСРЛ. Т. 28. С. 338; Т. 6. Вып. 2. Стб. 373; Т. 20. С. 376; Т. 13. С. 259; Т. 22. С. 515; Иоасафовская летопись..., 1957. С. 147)¹⁶¹. Ещё более сокращённый вид текст о нижегородской осаде 1505 г. имеет в Устюжской летописи, где со-держится оригинальное указание на разорение нападавшими нижегородских волостей («волости повоевал», см.: ПСРЛ. Т. 37. С. 52, 99).

Подробное описание нападения на г. Нижний Новгород включено в со-став Казанского летописца (ПСРЛ. Т. 19. Стб. 24, 25, 231). Нападение на го-род, согласно тексту этого памятника, произошло неожиданно при отсутствии в нём сколько-нибудь значительного воинского контингента. По этой причине городскую оборону держали «..градцкіи, страшливыя люди...», руководимые воеводою Хабаром Симским. Успех защитников, согласно автору Казанского летописца, был обусловлен метким артиллерийским огнём, умело организо-ванным выпущенными из темницы по случаю городской осады тремя сотнями литовских «огненных стрельцов», пленёнными ещё в битве при Ведроши (1500 г.). Одно из ядер пробило грудь ногайскому мурзе – шурина Мухамме-да-Эмина, когда оба они стояли за каким-то церковным зданием, понуждая воинов к приступу. Внезапная и страшная гибель одного из руководителей по-хода вызвала сумятицу, междоусобицу среди нападавших. В результате этого происшествия тридцатидневная (в передаче автора Казанского летописца) осада была снята, мятежный казанский хан увёл своё войско в г. Казань, а воз-награждённые воеводой литовцы получили свободу.

Отдельные подробности осады Нижнего Новгорода 1505 г., отражённые в Казанском летописце, подтверждаются текстами более ранних памятников, часть других – такой проверке не подлежит. Указание на внезапность нападе-ния не противоречит сведениям из разрядных книг: войско Мухаммеда-Эмина могло подойти к г. Нижнему Новгороду, когда в Москву ещё только дошли

¹⁶¹ Отсутствие упоминания событий 1505 г. в Летописце о Нижнем Новгороде и Нижего-родском летописце объясняется тем, что в качестве их общего источника использовался Русский Хронограф второй редакции, в котором нет упоминания об этом нападении.

сведения о его переправе через р. Суру. О присутствии в городе на окском устье великокняжеской заставы официальные источники ничего не сообщают, напротив, летописи указывают, что бить врага выходили «граждане», то есть нижегородцы, что также соответствует рассказу автора Истории о Казанском царстве. Прозвище нижегородского воеводы упоминается при описании событий 1505 г. в списке И.Н. Царского Софийской I летописи – тексте, одном из наиболее близких к событиям по времени создания. Рассказ об участии в обороне г. Нижнего Новгорода пленных литовцев входит в комплекс оригинальных сведений, известных только по Казанскому летописцу¹⁶². К недостоверной информации этого источника, очевидно, относятся сведения о продолжительности осады и численности войск¹⁶³.

5.3.3. Город, его функции и его население

Изучение сведений об осаде г. Нижнего Новгорода казанским ханом Мухаммедом-Эмином приводит к вопросу об изменениях в организации городской обороны, произошедших после нашествия Улу-Мухаммеда. Можно заметить, что при описании событий 1505 г. источники, в отличие от летописных текстов за 1445 г., уже не связывают с обороной Нижнего Новгорода два центра обороны. Военные действия сконцентрированы у стен одного «города». С последним летописцы ассоциируют сам Нижний Новгород. Этим «городом», наиболее вероятно, мог быть только упоминаемый в летописных статьях 1445 и 1469 гг. «Нижний Новгород старой», либо какое-то более обширное искусственно защищённое пространство, включающее в свою терри-

¹⁶² Память о защитниках города во время осады 1505 г. ещё в середине XIX в. сохранялась в местной церковной традиции. С избавлением г. Нижнего Новгорода от Мухаммеда-Эмина она связывала основание посадской церкви Святого Пророка Илии и ежегодно совершаемый крестный ход (Макарий архимандрит, 1999. С. 345). В середине XIX в. в среде нижегородских краеведов получил широкую известность беллетризованный пересказ сообщения Казанского летописца с персонификацией «огненного стрельца», сразившего ногайского мурзу (Храмцовский, 1998. С. 71, 72). Эта растиражированная в краеведческих изданиях «Легенда о Фёдоре Литвиче» впоследствии стала восприниматься на правах научного факта (Мартягина, Кузнецов, 2010).

¹⁶³ Численность нападавших оценена в 60000 воинов, численность русского войска в г. Муроме в 100000. Соответствие этих цифр реалиям справедливо подвергалось сомнению (Зимин, 1972. С. 69). По оценке Я.Е. Водарского всё население России даже в середине XVI в. не превышало 6,5 млн. человек (1973. С. 27).

торию старинную крепость. В случае захвата неприятелем древнейшей части г. Нижнего Новгорода, что неизбежно привело бы не только к разрушению укреплений, но и к разорению городского Спасо-Преображенского собора, в официальных источниках вряд ли бы появилось замечание: «...граду не сотвори ничто...». Другой центр городской обороны, упоминаемый в летописных сообщениях под 1445 г., если и был задействован в противостоянии 1505 г., играл в нём явно второстепенную роль, никак не отмеченную летописцами. Не исключено, что казанцы и ногаи «повоевали» в ту осень не только нижегородские волости, о чём свидетельствует Устюжская летопись, но и нижегородские посады, на что прямо указывал информатор автора Казанского летописца (ПСРЛ. Т. 19. Стб. 24). В этом случае в огне пожара мог погибнуть и Нижний Новгород «меньшой», находящийся где-то неподалеку от старой нижегородской крепости.

В летописных сообщениях времени правления Ивана III г. Нижний Новгород упоминается почти всегда в связи с военными походами в Поволжье. Стратегическое значение города, очевидно, заметно возросло с появлением Казанского ханства. Во второй половине 60-х гг. XV в. он вновь становится главным опорным пунктом при проведении военных кампаний на Средней Волге. Его военная функция проявляется в двойном качестве – с одной стороны, Нижний Новгород выступает как главный тыловой плацдарм при непосредственном проведении наступательных операций, с другой стороны – он «несёт службу» как передовой сторожевой пункт Московского княжества на восточном направлении.

До в 1487 г., когда был установлен вассалитет над Казанским ханством, г. Нижний Новгород трижды становился отправным пунктом походов на завоевание Казани (1469, 1478 и 1482 гг.). Согласно сведениям из летописей, три раза отсюда уходили воевать «казанские места» небольшие отряды, обеспечивающие прикрытие основным силам (зимой, в начале лета 1468 г., в 1482 г.). На временной основе в городе при известиях о возникновении военной опасности размещались военные заставы. Их использование предполагало не толь-

ко оборону самого г. Нижнего Новгорода, как это происходило в 1467, 1482 гг., но и участие в наступательных операциях. На это указывает победоносный бой нижегородской заставы у Звенича Бора под Казанью в 1468 г. В город доставлялись великокняжеские директивы, подвозились припасы. Он служил надёжным убежищем как для измотанных и поредевших в боях военных отрядов, так и для казанских приспешников великого князя, вытесненных на какое-то время с активного политического поля.

Вместе с тем, было бы ошибкой гиперболизировать значение г. Нижнего Новгорода на восточном поволжском театре военных действий. Главная линия восточной обороны проходила тогда через города Муром, Владимир, Кострому. Второстепенная роль города-плацдарма в устье р. Оки, по сравнению с этими оборонительными пунктами, очевидно, осознавалась при планировании военных операций. Этим можно объяснить отсутствие активных действий по защите г. Нижнего Новгорода в 1505 г.: специальная застава и большое московское войско были отправлены тогда не в него, а в г. Муром. Военным руководством тогда, скорее всего, допускалась возможность сдачи Нижнего Новгорода казанцам – не взирая на все негативные последствия такого исхода, так как более тяжёлые последствия для Московского княжества могло иметь открытие врагу пути через г. Муром на Владимир (Чеченков, 2005б. С. 153–154).

Административное значение Нижнего Новгорода заметно возрастает во второй половине XV в. После захвата Казани в 1487 г. была усилена его функция, как центра сбора таможенных пошлин. На всех купцов, пребывающих из Поволжья на Русь, и на все посольства налагался запрет на использование окольного сухопутного пути, чтобы нельзя было г. Нижний Новгород без «пошлины объехать». Об этом сказано в ответе Ивана III ногайским послам 1489 г.: «Князь великій велѣлъ тобѣ говорити: и ты бы въ Казани и во всей твоей землѣ заповѣдалъ всѣмъ своимъ людемъ, чтобы изъ Казани черезъ Мордву и черезъ Черемису на Муромъ и на Мещеру не ѣздили никто, а ѣздили

бы изъ Казани всѣ Волгою на Новгородъ на Нижней» (Памятники дипломатических сношений..., 1884. С. 85).

Очевидно, в это же время происходят существенные изменения в местной структуре землевладений. Один из механизмов отчуждения земельных угодий у прежних влиятельных собственников и их слуг путём принудительных распродаж зафиксирован в докончании Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями Василием и Фёдором Юрьевичами (ДДГ. № 40. С. 120). Ещё одним источником пополнения государственного земельного фонда за счёт земель г. Нижнего Новгорода, наверное, было исчезновение части самих местных носителей земельного права в период политической нестабильности первой половины XV в. и «мамотяковщины». В землях Нижнего Новгорода во второй половине XV в. новые сельскохозяйственные и промысловые угодья получают монастыри – московские Троице-Сергиев, Симонов, владимирский Рождественский, суздальский Спасо-Евфимьев (Чеченков, 2004б. С. 158, 159). Крайне немногочисленные акты указывают на появление среди новых землевладельцев светских феодалов (Чеченков, 2004б, С. 160). Какие-то «резервные» нижегородские земли были переданы перемещённым опальным новгородцам на правах поместных владений (ПСРЛ. Т. 39. С. 164).

Как следствие всё более активного хозяйственного освоения нижегородских земельных угодий в конце XV – начале XVI вв. можно рассматривать появление в это время документов, связанных с размежеванием земель и споров по выяснению границ отдельных земельных наделов. К таким документам относятся докладной судный список 1509 г. с описанием тяжбы (1475–1479 гг.) между нижегородским Печёрским монастырём и великокняжескими бортниками из-за угодий на Пьяне (Максин, Пудалов, 1998. С. 116–118), разъезжая грамота 1498 г. на земли Ивана Бартенева (АСЭИ. Т. 3. № 305. С. 306), правая разъезжая грамота 1511 г. на земли Печёрского монастыря и поместье Ивана Машкова (см.: Чеченков, Кузнецов, 2007. С. 371–376).

Особая роль в установлении порядка в земельных делах отводилась писцовым описаниям, регулярно проводимым для учёта землевладений. Начало

этим мероприятиям, вероятно, было положено вскоре после первого переселения новгородцев в нижегородские земли в конце 70-х гг. XV в. На эту дату, как наиболее вероятную, указывают результаты сопоставления сведений из нескольких документов. В 1511 г. у «старожильцев» нижегородских сёл и деревень ещё не была утрачена память о трёх описаниях Нижегородского уезда, проведённых великокняжескими писцами в прежние годы (Чеченков, Кузнецов, 2007. С. 362, 363, 374). О времени проведения первых двух из них (выполненных под руководством Григория Кренева и Ивана Волынского) источники ничего не сообщают. Третье – позднее – письмо Фёдора Киселёва датируется 1481–1482 гг. (АФЗХ. Ч. 1. № 240. С. 207–208). Эти три описания, вероятно, перемежались небольшими временными промежутками. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что ещё в октябре 1498 г. Григорий Кренив был жив и проводил «разъезд» Копнинской земли Ивана Бартенева с Ефимьевской землёй Печёрского монастыря (АСЭИ. Т. 3. № 305. С. 306). Известно, что этот же Григорий Кренив впервые «учинял» между землям некоего Ивана Машкова (Чеченков, Кузнецов, 2007. С. 373), фамилия которого известна по списку опальных новгородцев (см.: Чеченков, 2004б. С. 161). Близость вероятного срока проведения первых писцовых описаний земель Нижегородского уезда к рубежу 70 – 80-х гг., к дате первого, согласно Тверской летописи, переселения в Нижний Новгород новгородского «вывода», представляется весьма симптоматичной. Скорее всего, необходимость в учёте местных земельных ресурсов возникла именно в связи с обеспечением наделами новгородских переселенцев первой волны.

Административные функции г. Нижнего Новгорода обеспечивались работой разветвлённого управленческого аппарата, подробно изученного П.В. Чеченковым (2004а. С. 54–96). Согласно результатам исследований этого автора, во главе местной номенклатуры стояли наместники и волостели. Их права и «корма» распределялись между городом и сельской округой. Так как претенденты на эти должности назначались не столько для управления, сколько для вознаграждения за службу, их правовыми полномочиями были облечены и

представители других номенклатурных единиц. Однако наместники являлись главными ответственными лицами за положение в городе перед выше стоящей великокняжеской администрацией. В этой связи, не случайно именно наместник Иван Васильевич Хабар лично возглавил слабо обученное градское ополчение при осаде стен г. Нижнего Новгорода войском Мухаммеда-Эмина осенью 1505 г.

За сбор торговых пошлин и иных сборов в городе отвечали мытники и пошленники (Каштанов, 1970. № 22. С. 381). Нижегородский пошленник, очевидно, был известен всякому «гостю» проходящему караваном по Волге со своим товаром. Скорее всего, вместе с наместником он входил в узкий круг главных представителей местной административной верхушки (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 222).

В число наиболее высокопоставленных должностных лиц входили нижегородские ключники и дворские. Ключники были наделены судебными полномочиями и выступали в качестве надзирателей за осуществлением прав на те или иные угодья. Основная деятельность дворских, по мнению исследователей, была нацелена на содержание связанного с городом великокняжеского хозяйства (см.: Чеченков, 2004а. С. 82–85). Среди низших чинов системы управления нижегородскими землями актовый материал конца XV в. содержит упоминание сотских и десятских. Эти представители местной административной системы контролировали соблюдение крестьянских повинностей, а десятских привлекали в качестве наблюдателей при судебных тяжбах со стороны крестьянской общины (Чеченков, 2004а. С. 95, 96).

Письменные источники содержат разрозненные редкие свидетельства о вероятном увеличении численности, как горожан, так и сельских жителей нижегородской округи во второй половине XV в. Вынужденное переселение из Великого Новгорода носило массовый характер. Оно затронуло и боярскую верхушку мятежного города, и семь тысяч представителей среднего класса («житьих людей»). Два разновременных летописных упоминания г. Нижнего Новгорода в качестве одного из мест перемещения попавших в опалу новго-

родцев можно рассматривать в качестве указания на то, что многие из переселенцев стали его жителями или обрели новый кров в пределах его сельской административной территории.

О весомости вклада переселенцев из Великого Новгорода в местную демографию свидетельствуют материалы антропоники. Наличие известных новгородских фамилий у десятков семейств жителей г. Нижнего Новгорода, фигурирующих в документах XVI–XVII вв., указывает на выдающуюся роль новгородских переселенцев в формировании нижегородского дворянства (Веселовский, 1947. С. 321, 322). По документам выявлены шестьдесят четыре такие фамилии (см.: Веселовский, 1947. С. 321, 322; Кобрин, 1985. С. 110, 111; Чеченков, 2004б. С. 160–162). Многие их обладатели принадлежали к именитым нижегородцам, которые занимали высокое положение в местной служебной иерархии XVI–XVII вв. К ним можно отнести ключников Бориса и Русина Доможировых, Гордея и Микулу Бровцыных, Петра Левского, Василия Ружанинова, городских приказчиков Луна и Гаврилу Доможировых, Исака Савельева (см.: Чеченков, 2004б. С. 160, 161).

Конечно, не все известные по документам XVI–XVII вв. нижегородцы – выходцы из Великого Новгорода вели свою родословную непосредственно от переселенцев, «выведенных» около рубежа 70 – 80-х гг. XV в. Предки некоторых из них появились в Нижнем Новгороде в более раннее время (например, основатели известной нижегородской фамилии Жедринских)¹⁶⁴. Часть других – если верить сохранившимся преданиям – начали осваивать нижегородские земли только после разгрома Иваном Грозным Великого Новгорода в январе 1570 г.¹⁶⁵ Вместе с тем, летописные известия, сохранившаяся в местном фольклоре историческая память, массовое присутствие у нижегородских слу-

¹⁶⁴ Предки нижегородских Жедринских, согласно родословной, были перемещены из Великого Новгорода ещё при Василии Тёмном (Герасимов, 1915. С. 1). Представителей этого рода можно встретить среди нижегородских дворян, ключников, городских приказчиков XVI в. (см.: Чеченков, 2004а. С. 132–135).

¹⁶⁵ Краеведческая традиция, основанная на рассказах арзамасских купцов, свидетельствует о заселении «новоустроенного» новгородцами Арзамаса (города недалеко от Нижнего Новгорода) в конце XVI в. (см.: Щегольков, 1911. С. 19, 20).

жилых людей фамилий жителей Великого Новгорода, лишённых своих вотчин именно в конце XV в. – всё это убеждает в наличии значительной доли последних среди общей массы новгородских переселенцев.

Прирост числа служилых людей в г. Нижнем Новгороде, скорее всего, уже во время правления Ивана III, происходил не только за счёт новгородских переселенцев. Некоторые из них могли быть переведены на восточные окраинные земли Поволжья из Литовского княжества после войны рубежа XV–XVI вв. На это указывают результаты исследования родословной Строя Григорьевича Лачинова, получившего в 1520 г. поместье в Березополье (Чеченов, 2004б. С. 162; Акты служилых землевладельцев..., 2002. № 205. С. 169).

Для выяснения, какие изменения во второй половине XV в. претерпела демографическая ситуация в г. Нижнем Новгороде и его округе, имеет значение следующее наблюдение. При описании похода в г. Казань 1469 г. летописец называет десяток московских городов, рати которых собрались в г. Нижнем Новгороде, но не упоминает о градском ополчении самого г. Нижнего Новгорода. Первое летописное упоминание нижегородских служилых людей («детей боярских») датируется только 1496 г. (ПСРЛ. Т. 28. С. 328), нижегородских граждан – 1505 г. (ПСРЛ. Т. 39. С. 177). Можно предположить, что в хронологических рамках, намеченных этими сообщениями, происходило зарождение нижегородского дворянства.

5.4. Городок: историческая интерпретация памятника

Ограничивая географическое пространство исследования городской чертой столицы великого Нижегородско-Суздальского княжества, сложно предложить непротиворечивое объяснение двум феноменам, отражающим нижегородскую действительность XV в. Один из феноменов связан с наличием двух, очевидно, пространственно разнесённых, «центральных мест», каждое из которых ассоциировалось современниками с Нижним Новгородом. Другой феномен обусловлен отсутствием следов хозяйственного освоения городской территории, которые, казалось бы, неминуемо должны сохраниться от эпохи

Ивана III, изменившей как военно-политическую значимость города на устье р. Оки, так и его социально-экономический статус.

Ближайшим к средневековой нижегородской крепости памятником, где известны следы застройки, соответствующие лакуне в городском культурном слое, является городище Городок. Для изучения Нижнего Новгорода середины – второй половины XV в. этот памятник, очевидно, имеет первостепенное значение.

При выяснении вероятного социально-экономического статуса поселения будем опираться на данные, которые хотя и были получены при изучении относительно небольшого его участка, но в силу определённых причин могут характеризовать памятник в целом. Выводы, полученные на основе таких данных, носят, преимущественно, качественный характер. Они фиксируют присутствие какого-либо явления, но не позволяют оценить, насколько замеченный феномен распространён, дать ему какую-либо количественную оценку. Поэтому особое значение имеют объекты, сам факт обнаружения которых может быть истолкован в качестве одного из специфических признаков поселения в целом¹⁶⁶. Важную роль при интерпретации результатов сравнительно небольших раскопок играет массовый материал. В случае его статистической однородности усреднённые характеристики массовых находок, основанные на них выводы могут быть экстраполированы за границы участка сбора.

Главными характеристиками любого археологического памятника являются культурная принадлежность, его вид и датировка. Существенное преобладание в керамическом комплексе городища Городок образцов русской посуды, многочисленные и разнообразные находки предметов христианского культа свидетельствуют о доминировании русских традиций в среде местных сельников.

Несколько сложнее обстоит дело с определением вида памятника. Главными аргументами для отнесения памятника к разряду городищ – до появле-

¹⁶⁶ Так, наличие усадебной застройки, зафиксированной на сравнительно небольшом раскопе, можно рассматривать не только как специфический атрибут изученного участка, но и как характеристику памятника в целом.

ния результатов его более масштабных археологических исследований – являются крупномасштабная инструментальная съёмка 1848–1849 гг. и фотография 1962 г. (рис. 53). Обозначенный на плане и фотографии микрорельеф в районе перешейка мыса по форме, ориентации и положению на местности соответствует укреплениям типичных мысовых городищ. Как уже отмечалось, остатки оборонительных сооружений Городка, очевидно, были разрушены во второй половине XX в. при строительстве кирпичного здания сторожки и въездных ворот городской Базы спецуправления зелёного строительства. Рядом с этими объектами современной инфраструктуры в 1995 г. на дневной поверхности ещё были заметны следы линейно вытянутого, напоминающего ров, углубления, соответствующего выемке перед насыпью, указанной на плане середины XIX в. (Ерёмин, А-1995).

Период развития отечественной крупномасштабной картографии, к которому относится составление указанного плана, характеризуется особым вниманием к отображению микрорельефа, предполагающее картирование даже отдельных курганов (Постников, 1989. С. 152). Точность фиксации подобных объектов на картах этого времени подтверждена археологическими раскопками (см., например: Карпухин, 2007). Связь изображённого на плане 1848–1849 гг. элемента микрорельефа именно с остатками земляных укреплений, подтверждается сходным обозначением, в принятой тогда «штриховочной» манере, участка нижегородского посадского вала на ул. Осыпной, сохранившегося среди застройки современного города (см.: План губернского города..., 1992. Л. 2).

От обычных сельских поселений Городок отличается сочетанием следующих особенностей: насыщенностью культурного слоя находками; наличием усадебного характера застройки и, вероятно, даже участка с уличной планировкой; присутствием предметов вооружения, элементов снаряжения верхового коня и всадника, большого количества монет, железных стилей, редких образцов мелкой христианской пластики; специфическим составом палеоэкологических остатков, противоречащим предположению о нацеленности эко-

номики местных домохозяйств, как на производство сельхозпродукции, так и на профессиональный охотничий промысел (Антипина, Грибов, 2013. С. 1012). Сочетание этих черт противоречит археологическому облику русских средневековых селищ.

Время функционирования поселения на Городке может быть определено двояким образом – в соответствии с разделением искомого временного промежутка на наиболее и менее вероятные отрезки (см.: Щукин, 1978).

Наиболее вероятная «узкая» датировка памятника очерчивается промежутком второй трети XV – началом XVI вв. Она получена суммированием хронологических пределов разновременных комплексов из заполнений наиболее крупных материковых ям, вскрытых на раскопанном участке. Временные рамки формирования заполнений большинства из них удалось существенно сузить по сопутствующим монетным находкам.

На сравнительно короткий срок жизни поселения указывает хронологическая однородность совокупности собранных монет. Напомним, что чеканка определимых монет из серебра (21 экз.) ограничена 1425–1505 гг., причём, подавляющее большинство из них (87% – 18 экземпляров) были выпущены между 1434/35 и 1505 гг. Время чеканки и обращения девяти медных «тяжёлых» пул не выходит за пределы 90-х гг. XV в.

Возможность распространения общей датировки опорных комплексов, изученных на одном раскопанном участке, на памятник в целом, обуславливается типологическим сходством представленного в них инвентаря с подъёмным материалом и находками из шурфа 2, заложенном на значительном удалении от основной площадки, изученной раскопками.

Предложенные наиболее вероятные хронологические рамки памятника подтверждаются радиоуглеродными датами, полученными для двух образцов обуглероженной древесины от остатков одного столба, обнаруженных в часточной канавке 8 на раскопе 3. Пересечение наиболее вероятных интервалов этих калиброванных дат соответствует промежутку 1431–1488 гг. (табл. 7).

Таблица 7 Городище Городок. Радиоуглеродные даты угля из часткольной канавки 8 (калибровка по программе IntCal04).

Лабораторный номер образца	Возраст ^{14}C (BP)	Калиброванный календарный возраст (AD)	
		<i>Хронологический диапазон (по 1σ)</i>	<i>Вероятность</i>
Ki-18417	420 ± 40	1431–1488 гг.	1,0
Ki-18418	300 ± 40	1509–1582 гг.	0,69
		1617–1649 гг.	0,31
Ki-18419	410 ± 50	1431–1506 гг.	0,85
		1588–1611 гг.	0,15

Следует отметить, что датировка небольшой группы инвентаря выходит за пределы указанной «узкой» даты. К таким находкам относятся фрагменты от двух поливных сосудов из кашина, осколок китайского фарфора-селадона, два фрагмента стеклянных браслетов и один – перстня из пастового стекла цвета бирюзы. Указанные предметы, обычно, встречаются в комплексах, сформировавшихся не позднее конца XIV – начала XV вв. На раскопах Городка часть из них обнаружена в переотложенном слое огородной распашки, часть – в заполнениях ям в горизонтах с монетами Василия Тёмного или Ивана III. Археологический контекст обнаружения позволяет рассматривать эти находки, скорее, как архаизмы, сохранившиеся в обиходе местных жителей.

«Широкая» датировка обычно очерчивает промежуток от времени появления самых ранних вещей до исчезновения самых поздних. В случае с Городком, она лишена исторического смысла. При таком способе её определения получаемый временной диапазон слишком широк, так как он определяется началом распространения моды на стеклянные браслеты (первая половина XII в.) и завершением бытования белоглиняных кумганов с зелёной поливой (XVIII в.). Придерживаясь принципа дифференциации датировочного промежутка по качественной оценке вероятности его отдельных сегментов, необходимостью отделения «...установленного достаточно точно и надёжно от менее

достоверного, сомнительного...»¹⁶⁷, можно актуализировать «широкую» датировку. С этой целью обратим внимание на возможное, но маловероятное функционирование поселения в течение интервалов сосуществования всех наиболее ранних и всех наиболее поздних находок, распространение в быту которых выходит за рамки предложенной «узкой» даты. Находка таких артефактов фиксирует вероятность присутствия на памятнике отдельных хронологически соответствующих им комплексов, пока просто не вошедших на раскопанные участки. Будем полагать, что любой интервал жизни на поселении оставляет после себя некоторое разнообразие инвентаря, а временными отрезками, определёнными по вещам исключительно одной категории, можно пренебречь как слишком маловероятными.

При таком подходе можно выделить два временных отрезка, в течение которых поселение на Городке могло функционировать с некоторой долей вероятности. Наиболее ранний отрезок ограничен серединой XIV – началом XV в. Он соответствует пересечению датировочных интервалов стеклянных браслетов, пастовых бирюзовых перстней из стекла, поливных кашинных сосудов золотоордынского производства, посуды из китайского селадона, русской красноглиняной керамики с примесью дресвы типов 3.1, 3.4, 3.5, 3.6¹⁶⁸. Наиболее поздний временной отрезок можно ограничить первой половиной – серединой XVI в. Его определяют находки фрагментов белоглиняной посуды с зелёной поливой, которая в г. Москве появляется только в первой половине XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 50); фрагменты горшков с белым ангобом и ангобированных игрушек, исчезающих к середине XVI в., а также белоглиняные коломенские горшки и единичные фрагменты чернолощёных сосудов.

Актуализированная указанным образом «широкая» датировка памятника, учитывающая временные отрезки, на которых функционирование связанного с ним поселения представляется возможным, но маловероятным, очерчивается серединой XIV – серединой XVI вв.

¹⁶⁷ Щукин, 1978. С. 28.

¹⁶⁸ Определяющее значение имеет датировка стеклянных бирюзовых перстней (середина XIV – начало XV вв., см.: Полубояринова, 2006. С. 154).

По результатам изучения материалов раскопок среди местных насельников можно выделить представителей пяти различных социальных групп. Это профессиональные воины, женщины, дети, представители коренных поволжских народов, ремесленники.

О воинском присутствии на поселении свидетельствуют предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня. Вероятно, одному из участников военных походов в «Казанские места» мог принадлежать и хирургический нож. Обнаружение «военного» инвентаря вместе с другими социально престижными вещами может указывать на высокий статус отдельных воинов. В этой связи наиболее показателен комплекс находок из придонного горизонта ямы 2/2 (рис. 103, 104). В нём часть сабельного полотна, колесиковая шпора и кольца от конских удил сочетаются с железным стилем, осколками поливных сосудов, монетами.

Предположению о том, что Городок представляет собой временный военный лагерь, противоречат усадебный характер застройки, следы проживания детей и женщин. К таким следам относятся части керамических игрушек, входящие в женский костюм аксессуары и украшения, предметы, связанные с прядением и ткачеством. Многие местные насельники, скорее всего, жили семьями (по крайней мере, на завершающем этапе истории поселения).

Неоднородный этнический состав местных жителей фиксируется по лепной посуде, изготовленной в соответствии с производственными традициями коренного финноязычного населения. Кухонное использование лепных изделий наравне с доминирующей гончарной керамикой устанавливается по остаткам нагара на внутренней поверхности большинства таких сосудов. В местном социуме представители поволжских народов вряд ли замыкались в отдельные коллективы. Это отразилось бы в пространственном распределении соответствующих элементов материальной культуры. Вероятно, они были инкорпорированы в малые группы, где предпочтение отдавалось русским традициям. На это указывает систематическое присутствие малочисленной лепной

керамики в заполнении почти всех углублённых сооружений при повсеместном преобладании в них продукции русских гончаров.

Следы деятельности на поселении профессиональных кузнецов выдают находки шлаков, кузнечных отходов, части железного зубильца. Изучение металлографии тридцати семи образцов ножей показало низкое качество местного кузнечного производства (Завьялов, 2018). Зашлакованность швов у большинства изделий с наварными лезвиями, частое использование кричного железа позволяют полагать, что большая часть этих универсальных бытовых инструментов изготовлены мастерами-универсалами невысокой квалификации. Однообразие технологии представленных в коллекции Городка сварных конструкций, выраженное доминирование образцов, откованных по одной технологической схеме¹⁶⁹, может быть обусловлено ограниченным числом мастеров, обслуживавших местное население.

Противоречивые заключения о вероятном социально-экономическом статусе поселения на Городке были сделаны после изучения палеоэкологических материалов (Антипина, Грибов, 2013. С. 1010). Выяснилось, что видовой состав животных, представленных по кухонным отходам в остеологической коллекции, показывает черты сходства памятника и с сельскими поселениями, и с городами, одновременно отличает его и от тех и от других. Для селищ лесной зоны характерной особенностью является доминирование костных остатков коз, овец, но главным образом домашних свиней. Для городов средневековой Руси маркирующей чертой является сравнительно небольшая доля костей лошади на фоне абсолютного доминирования остатков крупного рогатого скота. Основу спектра домашних копытных в коллекции Городка, составляют равные доли домашней свиньи и крупного рогатого скота. Присутствие костей овец и коз исчисляется несколькими процентами, доля лошади – мизерна.

Комплексный анализ палеоботанических остатков и остеологических материалов указывает на низкую вероятность вовлечённости местных жителей в сельскохозяйственное производство (Антипина, Грибов, 2013. С. 1012). От-

¹⁶⁹ Косой боковой наварки стального лезвия на железную основу.

сутствие в промывках грунта из материковых ям колосовых остатков ржи, которая доминирует среди злаковых культур (91,2%), может служить указанием на использование преимущественно обработанного зерна, очищенного за пределами поселения. Аномально большая доля среди забытых на мясо животных молодых особей – телят и поросят – противоречит предположению об их устойчивом воспроизводстве в местных домохозяйствах. Разведение крупного рогатого скота, как и домашней свиньи, следует признать маловероятным. Фиксируемое по небольшому количеству остатков домашней птицы придомное птицеводство, имело, скорее всего, исключительно подсобный характер. Одновидовой набор охотничьей добычи, обусловленный высокой встречаемостью среди останков диких животных только костей лося, заставляет усомниться в проживании на поселении сколько-нибудь заметного числа профессиональных охотников (Антипина, Грибов, 2013. С. 1011). Следовательно, основная часть мясного рациона, вероятно, обеспечивалась за счёт специальных поставок. Заметную роль в самообеспечении продуктами питания, скорее всего, имел лов рыбы. Кроме скоплений рыбных костей, наиболее многочисленных в комплексах первого строительного периода, на это указывает разнообразный рыболовный инвентарь. Кроме оснастки сетей и железного крюка для их зацепления при подлёдном лове, он представлен снастями, скорее, непрофессиональных рыболовов (крючки, острога).

Результаты изучения материалов раскопок позволяют предположить отсутствие самодостаточности местных домохозяйств, ориентации заметной части местного потребительского рынка на поставки извне, весьма ограниченные масштабы производственной деятельности. Значение ввозимой на поселение продукции, в целом, представляется весьма высокой. Помимо многих (возможно, основных) продуктов питания к ввозимой продукции можно отнести не менее трети всего объёма используемой на поселении посудной керамики (см. пп. 4.5, 4.6 главы 4). Всё это, возможно, является экономической подплёкой присутствия большого числа обнаруженных монет. Активное участие местных жителей в денежном обращении могло быть вызвано необходи-

мостью приобретения значительной части повседневных продуктов питания и бытового инвентаря в условиях ограниченных возможностей меновой торговли и низких объёмов собственного производства.

Переходя к поиску аналогов – памятников, напоминающих Городок по формальным археологическим признакам, заметим, что обычное мысовое городище является самым распространённым типом крепостей, построенных на Руси в XV в. (Раппопорт, 1961. С. 51). Потребность в укрепленных поселениях в это время была, очевидно, обусловлена интенсивным включением новых обширных земель в политико-административную структуру Московского государства. Среди небольших мысовых городищ (площадью до 1,5 га), на которых самые ранние, связанные с русской культурой, отложения датируются XV–XVI вв., по составу находок к Городку наиболее близки памятники весьма удалённые от центральных областей.

К ним относятся упоминаемые в письменных источниках осадные городки, построенные в XV–XVI вв. поблизости от крупнейших погостов – волостных центров Перми Вычегодской (Игушев, Клёнов, Савельева, 2000). Среди них – городища Кармыльк, Вотчинское, Котек, Спасорубское. Размеры этих памятников не превышают 0,3 га. Кроме очевидного оборонительного значения, исследователи наделяют их и административными функциями (Богословский, 1909. С. 118; Игушев, Клёнов, Савельева, 2000. С. 23, 24). Указанные городища, вероятно, связаны с пребыванием небольших воинских гарнизонов, снаряжённых московскими князьями для удержания и управления в крайних северо-восточных землях. Обзор находок, происходящих из осадных городков Перми Вычегодской, указывает на то, что с появлением подобных великокняжеских застав началось активное внедрение новых традиций в местную материальную культуру коренного населения Предуралья. Между Городком и городищами этого круга прослеживаются отчётливые параллели в типологическом сходстве и составе инвентаря. Кроме однотипных бытовых универсальных вещей повседневного назначения, их объединяют находки железных стилей, дорогих предметов мелкой пластики (иконок-привесок, кре-

стов-энколпионов), серебряных монет, разнообразного воинского снаряжения и оружия¹⁷⁰. Легко устанавливаются соответствующие аналоги и среди обычной массовой посудной керамики¹⁷¹. Обращает внимание смешанный характер населения осадных городков, он фиксируется не только по специфичным женским украшениям, но и по лепной посуде, что является характерной особенностью и нижегородского памятника.

Близкие Городку черты просматриваются и у памятников Перми Великой, таких как городища Искорское и Троицкое. Искор в русском летописании впервые упоминается под 1472 г. в связи с походом воеводы Фёдора Пёстрога, посланного Иваном III в Пермскую землю для пресечения неповиновения великопермских князей (ПСРЛ. Т. 25. С. 296–297). Памятник локализован на площадке между двумя валами городища родановской культуры. Инвентарь «русского» горизонта представлен обломком сабли, наконечником и втоком копья, накладками от луков, височными кольцами (Оборин, 1976. С. 191), лицевой створкой, известного по Городку, креста-складня, медным энколпионом XV в. (Макаров, 2001. С. 118, рис. 74, 7; Оборин, 1981. С. 148), денгой Ивана III (Оборин, 1990. С. 79), железными пластинчатыми и черенковыми ножами (Макаров, 2001. С. 119, рис. 75, 1–11), свинцовой печатью (Макаров, 2001. С. 118, рис. 74, 6), железными крицами и шлаками (Макаров, 2001. С. 28).

Троицкое городище имеет площадь 1,3 га. Этот памятник соотносят с укрепленной частью г. Чердыни, служившей резиденцией первого московского наместника, присланного Василием II в Великую Пермь в 1450–1451 гг. (6959 г.) (Вычегодско-Вымская летопись, 1958. С. 261). На городище найдены пластинчатые и черенковые ножи (Макаров, 2001. С. 116, рис. 72, 3–12), бусы

¹⁷⁰ На городище Кармыльк, впервые упомянутом в 1585–1586 гг. (Зимин, Копанев, 1970. С. 477), найдены: наперсный крест с неподвижным оглавием, по форме и стилистике повторяющий лицевую створку обнаруженного на Городке креста-складня (Игушев, Клёнов, Савельева, 2000. С. 10, рис. 3, 8); бронзовый нательный крест с Распятием (Игушев, Клёнов, Савельева, 2000. С. 10, рис. 3, 10), аналогичный ещё одной находке из Городка. На Вотчинском городище найдены бронзовые детали поясных наборов, денга Ивана III, бронзовое писало с шарообразной головкой, переходящей в стержень через шейку с валиками – как на железном стиле из Городка (Игушев, Клёнов, Савельева, 2000. С. 15, рис. 6, 3, 9, 13, 16).

¹⁷¹ См. прорисовки венчики горшков с городищ Кармыльк, Вотчинского, Спасорубского (Игушев, Клёнов, Савельева, 2000. Рис. 4, 7, 9).

(Макаров, 2001. С. 115, рис. 71, 1–4, 6, 7), бронзовая печать (Макаров, 2001. С. 115, рис. 71, 19), серебряные денги Василия II и Ивана III (Макаров, 2001. С. 25). Троицкое городище с Городком сближают и общие типы керамических сосудов (см.: Макаров, 2001. С. 123, 124, рис. 79). Глинобитные печи, вскрытые в его жилых постройках, как и на Городке, сооружались на опечках, поставленных над подпечными ямами (Макаров, 2001. С. 27).

Определённые черты сходства с Городком обнаруживает ещё один памятник – расположенное на коренном берегу р. Мокши в Мордовии Итяковское городище. Отложение верхнего культурного горизонта этого памятника, а также, возведение его укреплений, исследователи связывают с русским поселением, заброшенном после строительства засечной черты Тетюши – Алатырь – Темников в 1578 г. (Гришаков, 1992. С. 132–133). Набор русской гончарной посуды Итяковского городища очень близок керамике Городка. В нём представлены многочисленные фрагменты белоглиняных коломенских горшков с венчиками без концевых утолщений и линейным орнаментом – иногда заходящим на плечико; фрагменты посуды из красножгущейся глины, покрытые белым ангобом; осколки белоглиняных сосудов с зелёной поливой, украшенные налепными валиками (Гришаков, 1992). Существование поселения на Итяковском городище в XV в. подтверждается находкой монеты можайского князя Ивана Андреевича (1432–1462 гг.) (Гришаков, 1992. С. 133).

В том общем, что объединяет близкие Городку памятники, рельефно проступает одна черта, обусловленная, вероятно, специфической ролью, которую играли эти небольшие укрепленные поселения в историческом процессе: материальная культура этих поселений резко контрастирует с традициями, свойственными местному населению до их появления. Культурные изменения, фиксируемые по материалам раскопок, носили скоротечный «революционный» характер. Вероятно, это можно объяснить пришлым «московским» происхождением значительной, если не основной, части жителей указанных городищ, что отразилось в сохранившихся письменных источниках. Выходцы из центральных земель Московского государства принесли на далёкую населён-

ную инородцами окраину свою веру, свои привычные вещи и свои устоявшиеся технологии производства. Их политическое лидерство обеспечило в дальнейшем доминирование привнесённых традиций (по крайней мере, в местах проживания русского населения).

Нарушение последовательного развития материальной культуры прослеживается и при сравнении археологического инвентаря Городка с нижегородскими комплексами предшествующего периода (середины XIV – начала XV вв.). Появление инноваций наиболее зримо проявилось в посудной керамике. Заметное запаздывание г. Нижнего Новгорода в «технологическом» развитии от центральных районов Московского княжества в первой половине XV в. могло стать следствием его политической изоляции в годы правления нижегородских князей, «мамотяковщины» и последующего за ней долговременного запустения. Все эти обстоятельства могли способствовать консервации местных традиций. На их фоне материалы Городка заметно выделяются новизной и чужеродностью, в полной мере присущих и осадным городкам, поставленным воеводами великого московского князя в Пермской земле.

По аналогии со сходными по археологическим признакам городищами конца XV–XVII вв., административно-политический статус которых известен по письменным источникам, Городок можно рассматривать как небольшую крепость-осаду, построенную для размещения служилых московских людей за пределами старых нижегородских укреплений. Основой такой интерпретации служат три вывода, вытекающих из подведения первых итогов изучения памятника: 1) присутствие укреплений; 2) привнесённый характер присущей памятнику материальной культуры, происхождение которой трудно объяснить поступательным эволюционным развитием местных традиций; 3) наличие усадебной застройки, связанной, в том числе, и с проживанием высокопоставленных представителей воинской профессии.

Предварительные заключения о хозяйственно-экономической специфике поселения не противоречат предложенной интерпретации. В образ реконструируемой экономической модели, намеченной по результатам изучения па-

леоэкологических материалов, хорошо вписывается, основанная преимущественно на поставках извне система жизнеобеспечения небольшой крепости, среди жителей которой были лица, наделенные важными административными функциями и военными полномочиями. В этом случае становятся понятными и необычайно низкая среди кухонных отходов встречаемость костей лошади, и высокая доля в местном рационе деликатесного мяса молодых животных, и следы активного участия местных жителей в монетном обращении. Одним из каналов распространения на местном рынке московской денги могло быть денежное довольствие служилых людей из великокняжеской казны.

В результате анализа политической обстановки первой половины – середины XV в. и определения вероятного времени появления поселения на Городке, можно предположить, что небольшая предместная крепость в Нижнем Новгороде была заложена в середине – второй половине 30-х гг. XV в. Её появление, скорее всего, было обусловлено стремлением московских властей удержать свои позиции в Нижнем Новгороде после смерти нижегородского князя Даниила Борисовича. Возможности для этого, наверное, появились только вместе с пятилетним перемирием в феодальной войне, наступившим после разгрома в мае 1436 г. войск Василия Косого и заключения мирного договора на условиях действующего московского правителя. Положение с размещением служилых людей великого князя в Нижнем Новгороде, очевидно, осложнялась сравнительно небольшими местными людскими ресурсами, недостаточными для поддержания обороноспособности старой нижегородской крепости, опасностью внешнего вторжения, и, вероятно, отсутствием лояльности представителей местной аристократии. В этих обстоятельствах строительство за пределами городской черты, но в непосредственной близости от города, в его предместье, нового укрепления представляется вполне оправданным, обусловленным исторической ситуацией мероприятием.

Кроме естественной защищённости место, выбранное для строительства, обладало и другими выгодными качествами. Вблизи от него располагались въезд в средневековый Нижний Новгород со стороны Большой Московской

дороги¹⁷² и Благовещенский монастырь. Грамота конца XVI в. с упоминанием соотносимого с Городком «старого городища по Оке реке» содержит указание на то, что новая крепость могла быть поставлена москвичами на земле Благовещенского монастыря (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48). Присланные из Москвы в Нижний Новгород великокняжеские наместники и воеводы, наверное, могли рассчитывать на содействие властей монастыря, принадлежащего дому московского митрополита.

По расположению на окском берегу невдалеке от старой нижегородской крепости и существенно меньшим, по сравнению с ней размерам, городище Городок можно отождествить с летописным Нижним Новгородом «меншим» (или Нижним Новгородом Новым). Летописное известие о размещении в Нижнем Новгороде «меншом» заставы великого князя с двумя воеводами во главе датируется 1445 г. Название новой крепости Нижним Новгородом могло быть связано с переходом к ней, как минимум, части важнейших функций старого городского центра. Вполне вероятно, что именно это небольшое по размерам укрепленное поселение в середине – второй половине XV в. выполняло функцию военно-административного центра Нижегородской земли. На это может указывать стационарный характер проживания здесь местных насельников (о чём свидетельствует усадебный характер застройки), высокая встречаемость разнообразного инвентаря, бытовой керамики, кухонных отходов. В рамках предложенной версии находит естественное объяснение загадочное отсутствие единовременных Городку культурных отложений и следов жилых построек в черте «старого Нижнего Новгорода» (прежде всего – на территории кремля), где во время Нижегородско-Суздальского княжества находился политический и административный центр управления местным краем.

Строительство в непосредственной близости от прежних центров новых, наделяемых военно-административными функциями, укрепленных поселений, в начале административного освоения присоединенных земель представляет собой не единичное явление в истории формирования Московского государст-

¹⁷² Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 284.

ва. Это происходило во время похода Фёдора Пёстрога в Великую Пермь летом 1472 г. (6980 г.) (ПСРЛ. Т. 25. С. 296–297). После завоевания городов, принадлежащих сепаратистски настроенным великопермским князьям, среди которых упоминается г. Почка, великокняжеский воевода невядалеке от старогородо заложил новый с таким же названием: «...и срубивши ту городок седе в немъ и приведе всю землю ту за великого князя...» (ПСРЛ. Т. 25. С. 297). Похожий случай произошёл с мятежным г. Галичем Мерским. Спустя полстолетия после появления в нём первого наместника великого князя, город был перенесён на 1 км к югу от прежнего замка Дмитрия Шемяки и укреплений XII – начала XV вв. (Археологическая карта России..., 1999. С. 145, 146).

Однако то, что произошло в середине XV в. в Нижнем Новгороде нельзя, в полной мере, отождествить с «переносом» города. На нижегородском посаде и в черте старой нижегородской крепости одновременно с функционированием Городка действовали храмы. В них проходили службы, их посещали приезжие (ПСРЛ. Т. 25. С. 282), их священнослужителей поддерживал великий князь (см. грамоту 1475 г.: Каштанов, 1996. Приложение V. № 2. С. 213). Феномен «двух Нижних Новгородов» середины XV в. раскрывается, вероятно, как появление ещё одного, связанного с городом, но пространственно отделённого от него, укрепленного населённого пункта, с чем было связано перераспределение городских функций между двумя относительно автономными территориально разделёнными центрами городской жизни (Harris, Ullman, 1945). Военно-административные функции могли отойти к небольшой предместной крепости, специально отстроенной для резиденции московской администрации и размещения военного гарнизона (заставы). Старый город во второй половине XV в., по отсутствию в нём культурных напластований этого времени, очевидно, оставался преимущественно средоточием духовной жизни. В нём располагались древнейшие нижегородские святыни (храмы), посещаемые и поддерживаемые православными даже в тяжкие годы запустения города и тяготеющих к нему земель.

Рубежом XV–XVI вв., отмечены три знаменательных явления: возобновление активного освоения территории «старого» Нижнего Новгорода, возведение в нём кирпично-каменного кремля и запустение небольшого подгородного укрепленного поселения. Случайный характер синхронности этих событий маловероятен. Очевидно, их можно истолковать в русле произошедшей в это время замены небольшой дерево-земляной крепости кирпично-каменной цитаделью, построенной в соответствии с традициями крепостного зодчества итальянского Возрождения (Мильчик, 2009) (рис. 198). Изучение сведений из письменных источников позволяет конкретизировать обстоятельства перемен в системе нижегородских укреплений в это время и предложить версию событий, которые могли привести к запустению Городка.

Ряд наблюдений, сделанных по ходу раскопок, указывает на внезапность происшествия, завершившего краткую историю этого поселения. Наличие углисто-золистых линз, многочисленных прослоек обожженного грунта, обугленных остатков деревянных конструкций в подпечных ямах и заполнениях частокольных канавок, высокая насыщенность культурных отложений разнообразным инвентарём, среди которого встречено немало ценных предметов – всё это очень напоминает обстановку, оставленную после пожара. На гибель в огне раскопанного участка застройки указывает приуроченность большого количества осколков костей животных из кухонных отходов со следами сильного термического воздействия к верхним частям заполнений материковых ям. Белый и серовато-розовый цвет многих из них получен при температурах, превышающих 1000° С, что могло произойти, скорее, в пламени пожара, чем в топочной камере обычной бытовой печи (Антипина, Грибов, 2013. С. 1004).

Отдельные обстоятельства могут служить указанием на связь исчезновения поселения с военной катастрофой. Прежде всего, это находка в верхнем слое заполнения материковой ямы 1В/1 крупного фрагмента кости человека – таза взрослого мужчины. Обнаружение частей разрозненных человеческих скелетов характерно для отложений, маркирующих запустение, оставшееся после вражеского нападения. Они могут служить маркером исходного присут-

ствия на поселении незахороненных человеческих останков, от которых в результате постпозиционных изменений могли остаться только единичные фрагментированные кости. О разорении поселения вооружёнными захватчиками может свидетельствовать и присущая раскопанному участку памятника необычайно высокая встречаемость железных наконечников стрел.

Эти наблюдения и находки свидетельствуют об исчезновении поселения на Городке, скорее, в результате военного нападения, чем в огне обычного бытового пожара. Нельзя не отметить, что конкретные причины разрушения поселения по своему историческому значению вторичны по сравнению с обстоятельствами, приведшими к отказу от его возобновления. Если произошедшая катастрофа, вне зависимости от её характера и причин, может восприниматься как достаточно обычный эпизод средневековой повседневности, то само превращение предместной крепости в заброшенное городище есть метка завершённости определённого этапа накопления исторических изменений, знак важных перемен в истории г. Нижнего Новгорода.

Определяющее значение для реконструкции последовательности смены оборонительных сооружений г. Нижнего Новгорода вблизи рубежа XV–XVI вв., имеют ответы на два вопроса. Первый вопрос предполагает определение наиболее вероятной даты заложения Нижегородского кирпично-каменного кремля. Второй вопрос нацелен на выяснение того, что представлял собой главный центр городской обороны осенью 1505 г. – при осаде города войсками казанского хана Мухаммеда-Эмина. Решение этих двух задач расставит временные маркеры, необходимые для ориентации в событиях, фиксирующих состояние нижегородских укреплений и поможет предложить исторически обоснованную версию завершения функционирования городища Городок.

5.5. Нижегородский кремль

5.5.1. Смена городских укреплений около рубежа XV–XVI вв.

В случае, если возведение Нижегородского кремля началось позднее 1505 г. есть основания полагать, что осаждавшие город войска Мухаммеда-

Эмина могли сдерживать только дерево-земляные укрепления, вероятно, восстановленные к этому времени вокруг «старого» Нижнего Новгорода.

О наличии надёжных оборонительных сооружений в Нижнем Новгороде осенью 1505 г. указывает сообщение о нашествии Мухаммеда-Эмина из первого великокняжеского свода Василия III. В нём слово «град» использовано не только в значении города, как населённого места, но и в значении городских укреплений: «Намѣстник же великого князя Ивана Васильевича Хабар с гражданае же выходя из града многих людеи его биша» (ПСРЛ. Т. 39. С. 177). Однако летописные сведения не содержат указаний на то, какие это были укрепления – уже отстроенный к 1505 г. кремль или старая дерево-земляная крепость, оборонительные возможности которой могли быть воссозданы к началу XVI в.

Возобновление старых городских укреплений перед началом масштабного строительства кирпично-каменной цитадели могло быть вызвано переменчивой военно-политической ситуацией на восточном пограничье, к которому тяготели земли Нижнего Новгорода. Сооружение кремлёвских стен и башен, наверняка, растянувшееся на несколько лет, требовало обеспечения надёжным убежищем – для большого количества мастеров и подручных людей, участвовавших в этом мероприятии. Таким убежищем мог стать воссозданный детинец старой нижегородской крепости. Практика возведения подобных «облегчённых» защитных сооружений перед строительством каменных кремлей известна по другим русским городам. Так, в г. Туле, поставленном на Муравском шляхе, строительству завершённого в 1519–1520 гг. (7028 г.) кремля, предшествовало сооружение деревянной крепости (см.: Иоасафовская летопись, 1957. С. 157, 181; ПСРЛ. Т. 8. С. 250).

Если запустение Городка было вызвано военной катастрофой, то наиболее вероятно её можно связать с событиями осени 1505 г.¹⁷³ Преемником Городка в системе городской обороны мог быть не Нижегородский кремль, а

¹⁷³ Известные по письменным памятникам разорения городских окрестностей, произошедшие в последующие годы, хронологически менее предпочтительны на роль события, положившего конец поселению на Городке. Они датируются августом 1521 г. (7029 г.) и сентябрём 1535 г. (7045 г.) (Летописец о Нижнем Новгороде, 2006. С. 132, 133).

восстановленная дерево-земляная крепость «старого» Нижнего Новгорода. Заметим, что её ремонт мог быть проведён около рубежа XV–XVI вв. Напомним, что в Нижнем Новгороде именно с этой вехой связано возобновление городской застройки. Строительство новых дерево-земляных укреплений, скорее всего, стало возможным не ранее казанского похода 1487 г., на долгие годы принесшего мир в русские земли Поволжья.

Предположение о возобновлении обороноспособности старой нижегородской крепости ещё до запусения Городка не должно входить в противоречие с наиболее вероятной датой строительства Нижегородского кирпично-каменного кремля.

5.5.2. Начало строительства кирпично-каменной крепости в Нижнем Новгороде: анализ летописных текстов

Сообщения о начале Нижегородского кремля содержатся в текстах почти двух десятков летописей (см.: Пудеев, 2014. С. 183). Большинство из них происходят из великокняжеских и провинциальных сводов, позднейших местных летописцев, которые относят строительство кирпично-каменного кремля в Нижнем Новгороде ко времени правления Василия III. При этом указываемые даты начала работ по возведению цитадели варьируют в пределах 1507–1512 гг. Два памятника, составленных спустя более, чем полтора века после возведения кремля, Московский краткий и Соликамский летописцы, датируют это событие 1500 г. Разброс в летописных датах привёл к неоднозначности в их интерпретации. Вопрос о дате основания Каменного города затронут почти во всех обзорных трудах по истории г. Нижнего Новгорода, а также в ряде отдельных статей (Чеченков, 2010). Общей чертой всех этих работ является достаточно произвольный выбор источников (подробный обзор историографии вопроса см.: Грибов, 2018а. С. 268–271). Выбору тех или иных летописных памятников для освещения проблемы, как правило, не предшествовали ни установление хронологических соотношений между ними, ни текстологические наблюдения, способные наметить историю текстов, вскрыть генетические взаимосвязи между ними. Сравнительный анализ летописных сообщений, ис-

точниковедческая проработка отдельных сюжетов, к которым изредка прибегали отдельные авторы, как правило, преследовали цель подтвердить или опровергнуть достоверность узкого круга источников – традиционных при обсуждении данной темы ещё с середины XIX в.

Наиболее авторитетными источниками для освещения начальной истории Нижегородского кремля являются великокняжеские своды, составленные при Василии III – спустя небольшой промежуток времени после его сооружения. Дата заложения кирпично-каменной крепости в Нижнем Новгороде впервые обозначена в своде 1518 г., частично вошедшем в состав Уваровской летописи (ПСРЛ. Т. 28. С. 342). Наиболее ранний известный её список был составлен в 30-х гг. XVI в. Началом 30-х гг. датируется древнейший Архивский список¹⁷³ Софийской II летописи – ещё одного источника, отразившего свод этой редакции. Тексты сообщений о новой крепости в г. Нижнем Новгороде в этих памятниках почти совпадают. Они помещены в статье 7016 г. среди известий о строительных работах в Москве. Указу о закладке нижегородского каменного города в обоих источниках предшествует повеление о починке рва в г. Москве и устройстве прудов, а после него следует заметка о переселении великого князя в новый каменный двор. В Софийской II данное сообщение передано следующим образом: «Тоя же весны велѣль князь велики заложити градъ камень Новѣградъ Нижнеи; а мастеръ Петръ Френчюшко Фрязинъ» (см.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 383)¹⁷⁴. Идентичный текст содержится и в Львовской летописи (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 380).

Свод 1518 г. (в переработанном виде) вошёл в состав более поздних великокняжеских сводов, сохранившихся во второй редакции Вологодско-Пермской (Академический список), Иоасафовской, Никоновской, Воскресенской летописях. Во всех этих памятниках, за исключением последнего, известие о заложении крепости в г. Нижнем Новгороде мало чем отличается от со-

¹⁷³ О датировке Архивского списка Софийской II летописи Б.М. Клоссом см.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. VI.

¹⁷⁴ В Уваровской летописи отчество и прозвище зодчего переставлены местами («Петр Фрязин Френчюшко») (см.: ПСРЛ. Т. 28. С. 342).

ответствующего текста Софийской II (ПСРЛ. Т. 26. С. 299; Т. 13. С. 8; Иоасафовская летопись, 1957. С. 153). В Воскресенской летописи оно имеет иной конвой, немного сокращено¹⁷⁵, но вполне узнаваемо: «Того же лѣта велѣль князь велики заложити Новѣгородъ Нижней камень» (см.: ПСРЛ. Т. 8. С. 249). Во всех памятниках официального летописания оно датируется весной 1508 г.

Другая группа источников связана с общерусскими провинциальными сводами. Устюжская (первой четверти XVI в.) и Холмогорская (середины XVI в.) летописи являются наиболее ранними из них. Представленные здесь варианты по своему смыслу совпадают с соответствующими сообщениями из великокняжеских сводов; по отсутствию упоминания зодчего, они наиболее близки к тексту Воскресенской летописи. В Устюжской указ великого князя о заложении каменного «града» в г. Нижнем Новгороде включён в статью 7020 г. (1511–1512 гг.) (см.: ПСРЛ. Т. 37. С. 52, 100), в Холмогорской – в статью 1508 г. (см.: ПСРЛ. Т. 33. С. 135).

Отдельно от общерусских летописей стоит Постниковский летописец, который представляет собой мемуары, написанные в середине XVI в., по предположению М.Н. Тихомирова, дьяком великого князя Постником Губиным Маклаковым (ПСРЛ. Т. 34. С. 3). Соответствующий указ здесь датирован 7015 г. (1506–1507 гг.) и передан, без какого-либо упоминания о назначенном мастере – Петре Фрязине (ПСРЛ. Т. 34. С. 9).

Перечень сообщений о строительстве каменной крепости в Нижнем Новгороде, составленных более чем столетие спустя после самого события, открывается известием из Русского Хронографа второй редакции (1617 г.). В настоящее время это плохо изученный памятник, не все его источники определены (Творогов, 1970). Посвящённые русской истории главы Хронографа, впервые (по списку XVII в.) опубликованы в 1869 г. (Попов, 1869. С. 131–203). Известие о крепостном строительстве в г. Нижнем Новгороде в этом памятнике по структуре текста и содержанию существенно отличается от текстов более ранних летописных источников. Оно содержится в 160-й главе с описани-

¹⁷⁵ Упоминание зодчего отсутствует.

ем событий времени правления Василия III и располагается сразу после известия о его вокняжении: «В лето 7017 послалъ князь великій Василій Ивановичъ Петра Фрязина въ Нижней Новъгородъ и повелѣ рвы копати, куды бытии градской стѣнѣ каменной. Въ лѣто 7018 Сентября въ 1-й день заложиша Новъградъ Нижней каменной стрѣлницу Дмитровскую» (Попов, 1869. С. 180). Данный текст, в отличие от текстов великокняжеских сводов, фиксирует не великокняжеский указ о строительстве крепости, а то, что последовало за ним – конкретные шаги по его воплощению. Определённая параллель с сообщением Софийской II летописи в нём прослеживается только из-за упоминания П. Фрязина.

Известия о строительстве каменного «града» в г. Нижнем Новгороде вошли в состав летописцев середины – второй половины XVII в. Появление этих памятников было приурочено ко времени составления большого количества родословных росписей, сопровождаемых легендами и откровенными фальсификациями. Вероятно, это стало одной из причин того, что многие завершающие историю русской летописной традиции памятники оказались насыщены неточностями (см.: Буганов, 1976. С. 287, 288). В их текстах исследователи фиксируют многочисленные ошибки в именах исторических деятелей и датах событий.

Среди такого рода источников наиболее ранними, вероятно, являются Летописец о Нижнем Новгороде и Нижегородский летописец, протографы которых появились в середине XVII в. В их сообщениях о начале строительства кремля в Нижнем Новгороде хорошо просматривается общий источник – Хронограф редакции 1617 г. (см.: Шайдакова, 2006. С. 53; Чеченков, 2010. С. 18, 19). В более раннем Летописце о Нижнем Новгороде соответствующее известие передано следующим образом: «Лѣта 7018 году. Сеньтября въ 1 день зложил Новъгород Нижънеи каменъной Дмитревъскую башню. Того же лѣта князь велики Василии Иванович взялъ град велики Пъсковъ и перевод учинил изо П[с]кова в Нижънии Новъград. Того же лѣта весною присла князь велики Василии [И]ванович боярина своего Петра Фрязина, повеле ему рвы копати в

Новеграде Нижънем, куды бытъ городовои стене, и обложи на 7 верьстахъ» (Летописец о Нижнем Новгороде, 2006. С. 132). Текст Хронографа здесь, очевидно, перекомпонован. Это привело к нарушению хронологической последовательности изложения событий¹⁷⁶. Само сообщение дополнено вставкой о переводе мастеров из г. Пскова и замечанием об общей длине укреплений строящегося Каменного города¹⁷⁷. Разведённые по летописным датам события – отправка П. Фрязина в Нижний Новгород и заложение Дмитровской башни – в тексте Летописца попали в одну годовую статью 7018 г.

Составитель более позднего Нижегородского летописца сократил текст источника и внёс в него небольшое дополнение, придав сообщению отсутствующий ранее смысловой оттенок. Последний указывает, скорее, не на начало строительства кремля, а на его продолжение в начале XVI в.: «В лѣто 7017-го году. Великий князь Василей Ивановичь прислал с Москвы в Нижней Новъгородъ Петра Фрязина и велѣлъ ровъ копать, гдѣ бытъ городовои каменной стенѣ в прибавку къ Дмитриевскои башне» (Шайдакова, 2006. С. 140). Почему автор счёл необходимым отметить, что возведение стены кремля в 7017 г. происходило «в прибавку» к Дмитровской башне, становится понятным при обращении к известию 6882 г., отсутствующем в Летописце о Нижнем Новгороде. В нём говорится об инициативе великого нижегородского князя Дмитрия Константиновича по строительству каменных укреплений Нижнего Нов-

¹⁷⁶ Согласно Летописцу о Нижнем Новгороде, первой была заложена Дмитровская башня, после чего был прислан Пётр Фрязин для руководства откопкой рвов под фундаменты стен.

¹⁷⁷ Пропуск слова «каменной» перед «городовой стеной» в последней фразе отрывка из Летописца о Нижнем Новгороде, указание её протяжённости, явно превосходящей периметр кремлёвских стен, по мнению П.В. Чеченкова (2010. С. 19), породила представление об одновременном с кремлём строительстве протяжённой линии новых дерево-земляных укреплений, соотнесённых И.А. Кирьяновым с Большим острогом Писцовой книги 20-х гг. XVII в. (Кирьянов, 1961. С. 34, 35). Ошибочность такого прочтения вскрывает сопоставление соответствующего отрывка с текстом его источника (Хронографа 1617 г.), где городская стена определена как каменная. Не исключено, что в списке Летописца о Нижнем Новгороде цифровое обозначение длины стены в виде буквы «земля» попало в результате ошибочного прочтения переписчиком близкой по облику литеры «веди», соответствующей цифре 2. Периметр Нижегородского кремля – 2045 м (см.: Трофимов, Кирьянов, 1952. С. 319), что близко двум 500-саженным верстам (2160 м) (см.: Шостьин, 1975. С. 53).

города и заложению Дмитровской башни (Шайдакова, 2006. С. 138)¹⁷⁸. Поэтому авторское дополнение текста Хронографа 1617 г. может быть воспринято в качестве указания на преемственность в строительстве нижегородской каменной крепости, начало которой, в соответствии с текстом Нижегородского летописца, было бы логично отнести ещё ко времени Нижегородско-Суздальского княжества. Такое историческое видение строительства кирпично-каменного кремля в г. Нижнем Новгороде, впоследствии, проявилось в трудах многих нижегородских краеведов (см.: Чеченков, 2010. С. 19).

Близость к тексту Хронографа второй редакции (1617 г.), по сравнению с нижегородскими летописными памятниками, обнаруживается в Мазуринском летописце. Это сложный по составу источник последней четверти XVII в., сочетающий факты мировой и общерусской истории с известиями локального характера. В нём сообщается: «Того же году прислал князь великий в Нижний Новград Петра Фрязина и повеле рвы копати, куды бытии каменной стене. И на другой год заложиша град каменный и стрельницу Дмитровскую. Того же году князь великий Василий Иванович взял Псков Великий. Лета 7018 сентября в 1 день заложиша Новград Нижний и делаша стену каменную и стрельницу Дмитровскую» (ПСРЛ. Т. 31. С. 126). С текстом Летописца о Нижнем Новгороде этот вариант сближает сокращённое, по сравнению с последним, известие о взятии г. Пскова, отсутствующее в Хронографе 1617 г.

Другая дата заложения каменных укреплений Нижнего Новгорода и другой объект, с которого началось строительство, названы в Летописце Московском кратком, датированном 1682–1689 гг. (см.: Буганов, 1976. С. 286). В центре внимания составителя этого памятника находится события московской жизни, история царствующего дома, русской церкви. В нём интересующее известие располагается после сообщения о возведении каменной церкви на подворье Симонова монастыря и башни на Спасских воротах в г. Москве: «Лета 7009-го году сентября в 1 день заложили делать Нижний Новград, вначале

¹⁷⁸ Сообщение о заложении Дмитрием Константиновичем каменного града в г. Нижнем Новгороде подтверждается Рогожским летописцем. Но в нём отсутствует известие о строительстве Дмитровской башни (см.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 100).

Тверскую башню. И того же году бысть явления на небеси – звезда хвостовая была 33 дни» (Буганов, 1976. С. 290). Известие, связывающее начало строительства кремля в г. Нижнем Новгороде с заложением Тверской башни в 1500 г., встречается только ещё в Соликамском летописце. Составленный Василием Берхом из трёх «летописей», сочинёнными соликамскими гражданами в первой четверти XIX в. (как сказано в авторском предисловии), этот памятник завершает хронологический ряд известных источников, содержащих известия о строительстве Каменного города в Нижнем Новгороде (Берх, 1821). Первая погодная запись Соликамского летописца свидетельствует: «1500-й годъ. Заложили Сентября 1 дня въ Нижнемъ Новѣгородѣ Тверскую башню. – Тогожь году бысть явленіе на небеси: звѣзда хвостоватаа, которая была видима 33 дня» (Берх, 1821. С. 203). На вторичность этого текста, по сравнению с отрывком из Летописца Московского краткого, указывает отсчёт лет от Рождества Христова. Его смысловое отличие¹⁷⁹ возникло, вероятно, в результате не совсем удачного сокращения текста московского памятника или текста близкого к нему источника. Общей объединяющей особенностью текстов Соликамского и Московского краткого летописцев является известие о комете, следующее сразу после сообщения о нижегородском кремле и включённого вместе с ним в одну годовую статью. Такое сопровождение записи о возведении новых укреплений в Нижнем Новгороде отсутствует в других летописных памятниках XVI – середины XVII вв., нет его и в соответствующей главе Русского Хронографа второй редакции (1617 г.).

Сведения из Московского краткого летописца противоречат данным о начале строительства кремля из всех более ранних источников. Это, казалось бы, лишает перспективы поиск вероятных генетических связей его записи с текстами других памятников. Усомниться в этом заставляет Уваровский список Вологодской летописи (конца XVII–XVIII вв.). В нём сказано: «В лето 7018-го. Сентября в 1 день заложыша Новѣград Нижней делати башню Дмит-

¹⁷⁹ В Соликамском летописце сообщается о заложении Тверской башни в Нижнем Новгороде, в Московском кратком – о заложении крепости в Нижнем Новгороде, которое началось с возведения Тверской башни.

ревскую. Того ж лета явилась звезда хвостата на небеси, а была 33 дни, ходила по полунощной стране и по полуденной и на запад» (ПСРЛ. Т. 37. С. 173).

Благодаря этой записи, как промежуточному звену, устанавливается связь между текстами Московского летописца краткого и Русского Хронографа второй редакции (1617 г.). Для её выявления решающее значение имеет известное только по трём памятникам известие о комете, видимой в течение 33 дней. В Вологодском и Московском кратком летописцах оно идёт сразу за сообщением о заложении кремля в г. Нижнем Новгороде и вместе с ним входит в одну годовую статью. В Хронографе второй редакции запись о новой крепости в Нижнем Новгороде конвоирует известие о смерти Симона – московского митрополита, а известие о комете представлено в последующей главе, посвящённой эпохе Ивана IV. Здесь текст о небесном явлении имеет наиболее полный вид: в нём сообщается не только о траектории её движения, но и о дате начала видимости – 1 августа. Известие о комете сокращено в Вологодской летописи, а соответствующий отрывок в Московском кратком летописце ограничен единственной характеристикой небесного явления – продолжительностью его наблюдения.

Запись о комете в Русском Хронографе 1617 г., в отличие от текстов Московского краткого и Вологодского летописцев, имеет определённую смысловую нагрузку. Указанное в Хронографе небесное явление, очевидно, знаменует начало нового правления и датировано 1534 г. (1 августа 7042 г.): «Того же лѣта Августа въ 1-й день явилася звѣзда на небеси хвостата и была 33 дни, а ходила по полунощной странѣ и по полуденной и на западъ» (Попов, 1869. С. 182). Судя по тому, что комета с такой траекторией по европейским и китайским источникам наблюдалась в 1533 г.¹⁸⁰, то есть, на год раньше, чем

¹⁸⁰ Известие о комете 1533 г. встречается и в русских летописях. Здесь её видимость соотносится с июлем 7041 г. Если Московский летописец не отметил длительности небесного явления (ПСРЛ. Т. 8. С. 283; Т. 13. С. 70), то автор новгородской летописи указал на 30-дневный срок его наблюдения в Великом Новгороде (см.: ПСРЛ. Т. 43. С. 223). Летописные варианты этого сообщения («московский» и «новгородский») заметно разнятся от записи в Хронографе второй редакции, очевидно, составленного спустя много лет после наблюдения кометы.

указано в Русском Хронографе второй редакции, его составитель, очевидно, целенаправленно изменил год наблюдения, чтобы известием об этом редкостном явлении подчеркнуть «вселенскую» значимость начала нового царствования (см.: Всехсвятский, 1958. С. 201; Попов, 1869. С. 182). Следовательно известие о комете в Хронографе 1617 г. органично включено в композицию вмещающей его статьи. Соответствующего смыслового контекста лишены близкие ему, но сокращённые тексты Вологодского и Московского краткого летописцев, что указывает на их вторичность.

Сходство этих трёх памятников прослеживается и в построении текстов сообщений о возведении кремля в г. Нижнем Новгороде. Оно проявляется при сопоставлении соответствующих записей Хронографа и Вологодской летописи. Отличия отрывка из вологодского памятника исчерпываются вставкой глагола «делати», отсутствием определения «каменный» и заменой устаревшего к рубежу XVII–XVIII вв. слова «стрельница» на «башню». С текстом известия Московского летописца краткого его сближает порядок построения соответствующего предложения и наличие в нём глагола «делать», который отсутствует в тексте Хронографа 1617 г.

Все эти наблюдения указывают на то, что протографы записей о начале строительства кремля в г. Нижнем Новгороде из Вологодской летописи и Московского летописца краткого имели общий источник, близкий или восходящий к Хронографу 1617 г. Специфика передачи в нём нижегородского известия определяется сокращённым текстом из 160-й главы этого памятника, ограниченным сообщением о заложении самой крепости, Дмитровской башни и наличием конвоирующей записи о комете, почти дословно повторяющей отрывок из его 161-й главы. Годовая статья гипотетического источника с известием о начале строительства Каменного города в Нижнем Новгороде, очевидно, была составлена из текстов о разновременных событиях, что указывает на её компилятивный характер.

Большую степень текстологического сходства с ним, очевидно, имеет текст Вологодской летописи. Он и вариант сообщения из Московского кратко-

го летописца представляют собой разные и, скорее всего, разновременные редакции соответствующей записи гипотетического источника. Более «щадящая» его редакция присуща отрывку из Вологодской летописи. Этому памятнику присущи подробные тексты погодных статей, большее их количество (на единицу времени) по сравнению с «кратким» памятником московского происхождения. Записи Московского краткого летописца заметно разрежены по годам, объёмы их сильно сокращены по сравнению с соответствующими сообщениями более ранних источников. Если дата строительства крепости в г. Нижнем Новгороде и наименование её первой заложенной башни из опубликованного Ивановского списка Московского летописца краткого встречаются в других, пока неопубликованных, его редакциях и характерны для этого памятника в целом¹⁸¹, эти разночтения с текстом Русского Хронографа второй редакции можно объяснить привлечением протографа списка гипотетического источника, имеющего утраты¹⁸². Ещё при первой публикации Московского краткого летописца его исследователь заметил присутствие ошибок в его тексте, «...особенно хронологических» (Буганов, 1976. С. 288)¹⁸³. Поэтому свойственные ему фактические расхождения с текстом Хронографа 1617 г. в дате заложения Нижегородского кремля и наименовании его первой заложенной башни можно рассматривать, скорее, как результат ошибок, возникших при переписке, чем как оригинальную вставку из другого – независимого от Хронографа, памятника.

¹⁸¹ Московский летописец краткий известен в четырёх списках и трёх редакциях (см.: Словарь книжников..., 1993. С. 252–254).

¹⁸² Написание 7009 вместо 7018, буквы «тэта» обозначающей девятку вместо совокупности двух «и» – восьмеричного и десятичного, образующих «18», в результате ошибки прочтения исходного текста, как заметил Б.М. Пудалов, действительно сложно представить (20016. С. 31). Остаётся предположить, что ошибочное обозначение даты могло быть обусловлено плохой сохранностью рукописи или ошибкой письма, например, неосознанным переносом писцом последней цифры года предшествующей годовой статьи за 6999 г. Название Тверской башни могло появиться в результате переосмысления дефектной, с утраченными или неразборчиво написанными, первыми тремя буквами, созвучной ему записи слова «Дмитровской».

¹⁸³ Так, Невская битва в нём отнесена к XII в. (6689 г. вместо 6748 г.), взятие Астрахани – к XVII в. (7162 г. вместо 7054 г.), дата основания Новодевичьего монастыря на три года расходится с указанием авторитетной Воскресенской летописи (7030 г. вместо 7033 г.) (см.: Буганов, 1976).

В качестве основных наиболее аутентичных источников для выяснения времени начала строительства Нижегородского кремля можно взять тексты Софийской II летописи и Русского Хронографа второй редакции (1617 г.). Первый текст происходит из наиболее раннего списка сохранившейся части великокняжеского свода 1518 г. Без существенных изменений он был использован при подготовке сводов 1520, 1526 гг., вошёл в состав Иоасафовской, Никоновской, Вологодско-Пермской летописей. В свод 1533 г. попадает его сокращённый вариант, содержащийся в Воскресенской летописи. Вероятно, уже из Воскресенской летописи сообщение о Нижегородском кремле в этой краткой форме проникает в Холмогорскую и Устюжскую летописи. В Устюжской соответствующий текст явно ошибочно включён в статью 7020 г. с известием о приезде крымской «царицы» в г. Москву. Близкое к отрывку из Воскресенской летописи, но немного изменённое по сравнению с ним, сообщение о начале строительства нижегородской крепости, также, скорее всего, по ошибке, попало в статью 7015 г. Постниковского летописца.

Отрывок из Русского Хронографа 1617 г. лёг в основу различных вариантов записи о кремле в г. Нижнем Новгороде в памятниках позднейшего летописания. К ним относятся Летописец о Нижнем Новгороде, Нижегородский, Мазуринский, Московский краткий, Вологодский, Соликамский летописцы.

Предложенные в качестве основных источников тексты логичны и последовательны по содержанию, гармонично вписаны в смысловой контекст конвоирующих записей. Их сопоставление обнаруживает взаимную независимость, непротиворечивость и дополнительность, что, также, указывает на первичность этих источников.

Текст из великокняжеского свода 1518 г., указывает не на начало возведения Нижегородского кремля, а сообщает о принятии решения об этом, фиксируя повеление великого князя Василия III. Летописная дата этого повеления – весна 1508 г. Сообщение Русского Хронографа 1617 г. включает в себя сведения о двух последующих событиях. Первое касается отправки в Нижний Новгород Петра Фрязина, который был назначен «мастером» новой каменной

цитадели ещё весной 1508 г. По тексту Хронографа 1617 г., в «лето 7017», то есть, между 1 сентября 1508 г. и 31 августа 1509 г., П. Фрязин был направлен в г. Нижний Новгород для присмотра за откопкой траншей и котлованов под фундаменты кремлёвских стен и башен. Второе событие – это начало строительства каменной крепости в г. Нижнем Новгороде, которое ознаменовалось возведением Дмитриевской башни, заложенной 1 сентября 1509 г. (рис. 198А).

5.6. Выводы

1. В культурных отложениях Нижнего Новгорода фиксируется перерыв, соответствующий середине – второй половине XV в., свидетельствующий о кризисе в освоении его территории. Обусловленные им процессы не могли не сопровождаться существенным уменьшением численности горожан, деградацией городского хозяйства и городской экономики. В этот же промежуток времени фиксируется отчётливый спад в заселённости городской сельской округи.

2. Стратегическое значение города возросло с появлением Казанского ханства. Во второй половине 60-х гг. XV в. он становится главным опорным пунктом при проведении военных операций в Поволжье. В последней четверти XV в. заметно возрастает административное значение Нижнего Новгорода. Разрозненные письменные свидетельства указывают на вероятное увеличение численности, как горожан, так и сельских жителей нижегородской округи за счёт переселенцев из новгородской земли. К завершению правления Ивана III Нижний Новгород становится известным порубежным городом-крепостью Московского государства. К этому времени в нём складывается новый административный аппарат, за счёт переведенцев из других земель формируется нижегородское служилое дворянство. Его обеспечение обуславливалось сложением поместной системы в местном землевладении. Происходившие во второй половине XV – начале XVI в. изменения, очевидно, не могли не отразиться на облике самого города. Вместе с тем, после окончательной утраты

Нижним Новгородом политической автономии следы городской застройки на его территории фиксируются только с рубежа XV–XVI вв.

3. Известные по летописным сообщениям упоминания двух Нижних Новгородов середины XV в. можно объяснить переносом административного центра города в небольшую предместную крепость, построенную представителями московской администрации, вероятно, в 30-х гг. XV в. Соответствующий ей археологический памятник – городище Городок – по совокупности археологических признаков близок к известным административным центрам Перми Великой и Перми Вычегодской, основанных московскими воеводами в XV–XVI вв. для организации управления в удалённых землях Приуралья. В связи с этим находит естественное объяснение отсутствие единовременных Городку культурных отложений и следов жилых построек в черте средневекового Нижнего Новгорода, где в период автономии Нижегородско-Суздальского княжества располагался политический и административный центр управления краем. Предместная нижегородская крепость (Городок) погибает, вероятно, во время осады Нижнего Новгорода войском Мухаммеда-Эмина в 1505 г.

4. Заложение Нижегородской каменной крепости – Нижегородского кремля – по результатам анализа письменных источников состоялось 1 сентября 1509 г. Этому событию не могло не предшествовать возобновление обороноспособности старых нижегородских укреплений, что вряд ли было возможно до успешного казанского похода 1487 г. Вероятно в результате разорения окрестностей Нижнего Новгорода Мухаммедом-Эмином в 1505 г. крепость-осада запустевает, административный центр города переносится на территорию старой нижегородской крепости, а средневековая нижегородская поселенческая агломерация навсегда утрачивает один из своих укрепленных центров, функционировавших в середине – второй половине XV в.

Заключение

Проведённое исследование позволило получить следующие наиболее важные результаты.

1. Разработана и опробована на материалах памятников Нижегородского Поволжья методика систематизации и хронологии региональных комплексов русской керамики периода формирования Московского государства (XIV–XVI вв.).

2. Проведена оценка информативности археологических материалов г. Нижнего Новгорода и памятников его округа. Картированы места обнаружения материалов и сооружений XIII – начала XV вв. в Нижнем Новгороде, построена карта памятников средневековой округи г. Нижнего Новгорода. Дана характеристика специфики культурных отложений в разных районах средневекового города. Проанализирована история его археологических исследований, предложена её периодизация в аспекте развития методики полевых изысканий.

3. По археологическим данным локализована территория г. Нижнего Новгорода до утраты городом политической независимости, определены её размеры и период наиболее интенсивного роста. Дана характеристика степени освоенности нижегородских земель накануне появления первых московских наместников.

Следы средневекового освоения зафиксированы во всех районах города, выделенных в его наиболее раннем сохранившемся описании – Писцовой книге 20-х гг. XVII в. При сравнении городской территории, маркированной средневековыми находками, и городской территории на 20-е гг. XVII в. сделан вывод о близком соответствии размеров средневекового города (до разорения 1377 г.) суммарной застроенной в нём площади после окончания Смутного времени.

Размеры селитебной территории средневекового г. Нижнего Новгорода – около 90 га. По этому показателю он близок гг. Москве, Твери, Переяславлю

Рязанскому. Интенсивный рост территории города был завершён уже к середине XIV в. – ещё до обретения им статуса столицы одного из немногих великий княжений. Быстрое расширение городского пространства во второй половине XIII – начале XIV вв. могло быть обусловлено притоком населения из разорённых монголами областей и участием горожан в поволжской торговле. Последней способствовало относительно близкое расположение г. Нижнего Новгорода к г. Болгару, ставшему во второй половине XIII в. крупнейшим торговым центром Поволжья. При правлении суздальских князей г. Нижний Новгород быстро обрёл черты «столичности»: в нём одновременно с Москвой начинается монетная чеканка, строительство каменного кремля, возводятся три белокаменных храма, в него переносится епископия, в городе останавливаются восточные купцы и большие, в тысячу сабель, золотоордынские посольства.

К этому времени в городских окрестностях сформировался компактный сельский район летописного Берёзова Поля, размером около 1200 кв.км. Каркасом структуры расселения здесь служили сравнительно крупные поселения – от 1,5 до 6 га. Результаты раскопок таких памятников фиксируют признаки владельческих сёл – следы частокольных оград, находки социально-престижного инвентаря (в том числе – предметов восточного импорта), предметов воинского снаряжения, монет. Во второй половине XIV в. начинается освоение удалённых от окского устья районов – бассейна р. Сундовик и Посурье, что привело к запуску урбанизационных процессов в этих восточных районах Нижегородского княжества.

4. По археологическим данным, критическому анализу летописных текстов с привлечением письменных источников конца XVI–XVII вв. предложена непротиворечивая интерпретация летописного феномена двух Нижних Новгородов середины XV в. – Старого и Нового. Обоснованы и подтверждены результатами археологических исследований наиболее вероятное местоположение Нижнего Новгорода Нового, хронологические

рамки его наиболее активного функционирования, намечены его функции, основные социальные группы насельников.

Показано, что летописные известия о двух Нижних Новгородах отражают ситуацию, возникшую после строительства представителями московской великокняжеской администрации небольшой крепости-осады за пределами исторического центра «старого» города. Эта крепость, после запустения Нижнего Новгорода, стала его административным центром и центром городской обороны при нашествии орды Улу-Мухаммеда в 1445 г. Предположение о том, что остатки крепости Нижнего Новгорода Нового могли быть известны нижегородцам в последующее время под наименованием «городища» было подкреплено результатами критического анализа текстов грамоты 1593 г. и недатированной статьи Нижегородского летописца XVII в. Привлечение сведений из Писцовой книги Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в. и картографии XVIII–XIX вв. позволило локализовать район Старого городища, упоминаемого в источниках XVI–XVII вв. Обосновано, что среди известных в этом районе археологических памятников на роль Старого городища лучше всего подходит городище Городок. Проведённые на памятнике первые рекогносцировочные раскопки по массовым находкам монет и керамике позволили определить его наиболее вероятную датировку в пределах второй трети XV – начала XVI вв. Раскопки вскрыли фрагмент усадебно-уличной застройки, следы проживания профессиональных воинов. Все эти обстоятельства позволили отождествить памятник с летописным Нижним Новгородом Новым. Предложенная интерпретация подкреплена предварительными заключениями о хозяйственно-экономической специфике поселения, сделанными по результатам изучения палеоэкологических материалов. В контуры намеченной вероятной экономической модели поселения хорошо вписывается основанная на поставках извне система жизнеобеспечения небольшой крепости.

Обращение к летописным источникам показало, что начинать «окняжение» присоединённых земель со строительства в непосредственной

близости от прежних центров новых сравнительно небольших крепостей, наделяемых военно-административными функциями – распространённое явление в истории формирования Московского государства. Летописная нижегородская крепость-осада – наиболее ранний пример реализации такого тактического приёма в период формирования Московской Руси. Однако административное освоение зависимых территорий через строительство в них специальных поселений-погостов или небольших крепостей-городков имеет давнюю традицию в истории древнерусской государственности. Наиболее ярко она воплотилась в истории предместного Рюрикова Городища, служившего великокняжеской резиденцией в Великом Новгороде вплоть до его окончательного присоединения к Московскому княжеству.

5. Получены данные об изменении географии, функциональной организации и заселённости территории, связываемой современниками с г. Нижним Новгородом в конце XIV – начале XVI вв.

В канун утраты Нижним Новгородом политической самостоятельности (в конце XIV в.) главным центром обороны города являлась дерево-земляная крепость, заложенная в 1221 г. Стены крепости окружал посад, имевший, возможно, уже в это время свою линию оборонительных сооружений, по которой в XVII в. были проложены укрепления Нового острога. К середине XV в. укрепления г. Нижнего Новгорода утратили обороноспособность, а селитебная территория средневекового города – большую часть своих жителей. По инициативе московской великокняжеской администрации на небольшом удалении от границы средневекового города формируется второй укреплённый центр городской застройки. Его строительство, скорее всего, произошло во второй половине 30-х гг. XV в., во время пятилетнего перемирия в феодальной войне, наступившего в 1436 г. В «старом» городе функционировали городской собор и отдельные храмы. Дальнейшее развитие г. Нижнего Новгорода проходило по пути восстановления его исторического центра. Вблизи рубежа XV–XVI вв. (вероятно, в промежутке 1487–1505 гг.) восстанавливается дерево-земляная крепость «старого» Нижнего Новгорода. Приблизительно в это же

время исчезает второй укрепленный центр городской застройки – летописный Нижний Новгород Новый. Прежняя (средневековая) организация городского пространства закрепляется на рубеже первых двух десятилетий XVI в., когда на месте дерево-земляной крепости Великого владимирского князя Юрия Всеволодовича возводится кирпично-каменный Нижегородский кремль.

6. В результате текстологического анализа летописных сообщений обоснована наиболее вероятная дата заложения Нижегородского кремля, соответствующая 1 сентября 1509 г. Выяснено, что ключевыми источниками для её установления являются известие великокняжеского свода 1518 г., сохранившееся в составе Софийской II – Львовской и Уваровской летописей, а также одна из статей Русского Хронографа второй редакции (1617 г.). Ошибочность бытующих в историографии представлений о начале строительства каменной крепости в Нижнем Новгороде в 1500 г. показана на основании реконструкции истории текстов соответствующих сообщений, прослеженной по более поздним, но более известным источникам.

7. Намечена специфика местной материальной культуры середины – второй половины XV в., выяснены отличительные признаки нижегородских керамических комплексов этого времени. Последние использованы при поисках следов освоения территории Нижнего Новгорода и памятников его округа в указанный промежуток времени.

Превращение Нижнего Новгорода из удельной столицы в город-крепость Московского государства сопровождалось не только сменой населения, но и формированием новой культурной среды. По археологическим материалам отчетливо фиксируются изменения в местной материальной культуре. Наиболее зримые изменения прослежены в составе наборов посудной керамики. Главным отличительным признаком местных керамических комплексов большей части XV в. является массовое присутствие серийной керамической продукции, соответствующей новым организационным формам специализированного ремесленного производства не имеющей основы в местной гончарной традиции. Показано, что во второй

половине 30-х – 60-х гг. в местном монетном обращении нижегородская серебряная монета уже была вытеснена московской денгой и, скорее всего, только потребность в мелкой (медной) монете в течение длительного времени удовлетворялась за счёт местных выпусков.

8. Воссозданы хозяйственно-экономические и демографические условия конца XIV – первой половины XV в., при которых проходило включение Нижнего Новгорода в Великое Московское княжество, обоснованы их общеисторические и социально-политические предпосылки. По археологическим данным доказано запустение г. Нижнего Новгорода в течение большей части XV в., что сопровождалось снижением заселённости и его сельской округи. Результаты исследования позволяют предложить концепцию, объясняющую динамику развития Нижнего Новгорода в XIII – XV вв. Её основные положения следующие.

Глубинные причины кризисных явлений XV в. следует искать в обстоятельствах начала освоения нижегородских земель и механизме их экономического роста в XIII–XIV вв. Нижегородские земли в системе русских княжений – это периферия и как всякая периферия «...с её редким населением...», она, по словам Ф. Броделя, «...представляет архаичность, отставание, лёгкую возможность эксплуатации со стороны других» (1992. С. 32). В отличие от соседних староосвоенных районов Северо-Восточной Руси, формирование местного социума началось поздно – только накануне монгольского нашествия, в XIII в., и проходило на землях с невысоким плодородием почв в окружении областей, населённых «иноверцами», вдоль транспортной Волжской магистрали на пограничье с Золотой Ордой – всегда тревожном и не благоприятном для поселенцев, не обладающих могущественным покровителем. Главная инициатива в освоении нижегородских земель могла принадлежать только местной элите, что для периода политической автономии Нижегородско-Суздальского княжества подтверждается сообщениями письменных источников. Привлекательность г. Нижнего Новгорода для её представителей заключалась, прежде всего, в

благоприятных условиях для участия в поволжской торговле. Местная «элитная» экономика носила преимущественно непроемкий характер (торговля, взимание торговых пошлин), и уровень получаемой от неё прибыли, во многом, был определён ситуацией на рынках и торговых путях Золотой Орды. Зависимость от «мира-экономики»¹⁸⁵ золотоордынского Поволжья, скорее всего, имела решающее значение для благосостояния г. Нижнего Новгорода. Динамика поволжской торговли задавала главные «вековые» подъёмы и спады развития средневекового города на окском устье.

Разрушение Тимуром крупнейших поволжских городов-факторий в середине 90-х гг. XIV в. и приуроченный к этому времени перенос главных маршрутов международной торговли в морские акватории, очевидно, самым пагубным образом сказались на благосостоянии нижегородской элиты¹⁸⁶. Утрата привлекательности г. Нижнего Новгорода для торговых и «княжьих» людей, очевидно, стала главной причиной задержки его восстановления после военных катастроф 1377, 1378, 1408–1409 гг. Ко времени прихода под Нижний Новгород зимой 1444–1445 г. орды Улу-Мухаммеда для обеспечения его обороны уже не было ни надёжных укреплений, ни людских ресурсов.

В политическом плане предтечей кризисных явлений стала переориентация наследной нижегородской аристократии на правителей Золотой Орды вскоре после гибели нижегородского войска в Пьянском побоище 1377 г. Реализованная местными князьями управленческая модель с опорой на скромные возможности своих малолюдных порубежных земель и поддержку постепенно утрачивающих своё влияние золотоордынских правителей была обречена на провал.

Таким образом, кризис Нижнего Новгорода в XV в. во многом был предопределён распадом Золотой Орды, представители социальной верхушки

¹⁸⁵ Используя терминологию Ф. Броделя (1992. С. 14).

¹⁸⁶ Предположение о связи кризиса Нижнего Новгорода XV в. с разрушением поволжских золотоордынских городов-факторий впервые высказано В.А. Лапшиным (см.: 2005; 2022. С. 89, 90).

которой являлись главными организаторами и бенефициарами поволжской торговли.

9. Вскрыты особенности интеграции г. Нижнего Новгорода и его земель в единое Русское государство, намечена главная политическая инициатива великокняжеской власти, имевшая для этого первостепенное значение.

Для встраивания нижегородских земель в политико-административную структуру Московской Руси использовались различные политические механизмы. Местные условия предопределили особое решающее значение одного из них. Особенности формирования новой системы управления в нижегородском крае определялись, прежде всего, плачевным экономическим положением присоединяемых земель, их запустением. Здесь не требовалось организовывать массовый «вывод» оппозиционно настроенной верхушки местного общества, как это было в Великом Новгороде, не могла привести к быстрому и решающему успеху и ставка на сохранение существующих земельных отношений, сделанная в Твери. Процесс включения Нижнего Новгорода в структуру Московского государства проходил в значительной степени в форме нового освоения его земель. Лучшие сельхозугодья, вероятно, уже вскоре после кончины последнего дееспособного нижегородского князя – Даниила Борисовича – принудительно перекупленные великокняжескими людьми у представителей суздальской династии и их слуг, после «мамотяковщины» превратились в селища и пустоши, на что указывает завершение функционирования подавляющего большинства крупных сельских поселений Нижегородской округи к середине XV в. Многие местные носители земельных прав к этому времени исчезли – погибли либо навсегда покинули свои «отчины». Главным мероприятием верховной власти, приведшим к быстрому формированию лояльной социальной среды и необходимой для её содержания экономической базы, могла стать только организация мощного искусственно созданного миграционного потока из староосвоенных земель в Нижегородское Поволжье. Именно этот ход мог стать решающим на пути

преодоления периода запустения и формирования местной, нижегородской, лояльной и боеспособной служилой корпорации.

Важнейшей региональной особенностью «технологии» закрепления великокняжеской власти в г. Нижнем Новгороде стал перенос его административного центра в небольшую специально отстроенную предместную крепость, сходную по своим функциям и признакам с осадными городками Пермской земли и другими укрепленными поселениями, основанными московскими наместниками для организации управления в присоединённых землях Поволжья и Приуралья в конце XV – XVI вв.

Список источников и научной литературы

Источники

Опубликованные памятники письменности

Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. М.: печатня Снегирёвой А.И., 1898. 366 с.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 3. М.: Археологический центр, 2002. 678 с.

АСЭИ. Т.2. М.: изд-во АН СССР, 1958.

АСЭИ. Т.3. М.: изд-во АН СССР, 1964.

АФЗХ. Ч. 1. М.: изд-во АН СССР, 1951.

АФЗХ. Ч. 3. М.: изд-во АН СССР, 1961.

Берх В., 1821. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб. 234 с.

Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. / Отв. ред. М.М.Долгин. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1958. С. 257–271.

Гераклитов А.А., 1915. Несколько документов из Исторического архива Саратовской комиссии. Саратов: типография Союза печатного дела. 38 с.

Герберштейн С., 1988. Записки о Московии. М.: изд-во МГУ. 430 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.: АН СССР, 1949. 408 с.

ДДГ / Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.: АН СССР, 1950. 587 с.

Емченко Е.Б., 2000. Стоглав: исследование и текст. М.: ИНДРИК. 495 с.

Житие Макария Желтоводского и Унженского // Библиотека литературы Древней Руси. Том 13. XVI век / Ред. Д.С. Лихачёв. СПб.: Наука, 2005. С. 262–303.

Жития Зосимы и Савватия Соловецких // Библиотека литературы Древней Руси. Том 13. XVI век / Ред. Д.С. Лихачёв. СПб.: Наука, 2005. С. 36–153.

Записка о наделении города Нижнего-Новгорода выгонной землёй. Из архивных дел Нижегородской Ярморочной Конторы. Нижний Новгород: Товарище-

ство печатного дела «Н.И. Волков и К», 1902. 70 с.

Иоасафовская летопись / Ред. А.А. Зимин. М.: АН СССР, 1957. 240 с.

Книга Большому Чертежу / Ред. К.Н. Сербина. М.–Л.: АН СССР, 1950. 229 с.

Книга Нижегородского уезда боярских, дворянских, и детей боярских и иноземцев дозору Силы Микитича Грекова да подъячего Клементия Козодавлева лета 121 году // Действия НГУАК. Сборник статей, сообщений, описей и документов. Том V. Отдел III. Документы. Нижний Новгород: Типо-литография «Нижегородское печатное дело», 1903. С. 17–34.

Летописец о Нижнем Новгороде // Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. / Ред. В.А. Кучкин. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета, 2006. С. 127–135.

Макарий (епископ), 1868. Синодик XVI века в Нижегородском Печерском монастыре // Чтения в обществе истории и древностей Российских. Кн.1. Смесь. М.: Университетская типография. С. 1–8.

Меховский М., 1936. Трактат о двух Сарматиях. М.–Л.: АН СССР. 288 с.

Минеи–Четьи. Июль. М.: Археографическая комиссия, 1875.

Насонов А.Н., 1958. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения / Отв. ред. А.А. Новосельский. Вып. VI. М.: АН СССР. С. 235–276.

НПЛ / Ред. А.Н. Насонов. М.–Л.: АН СССР, 1950. 640 с.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Том 1 // Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К, 1884. 558 с.

Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. СПб.: Археографическая комиссия, 1896. 463 стб.

Полная редакция Нижегородского летописца. Первый вид // Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. / Ред. В.А. Кучкин. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета, 2006. С. 148–168.

Попов А., 1869. Изборник славянских и русских сочинений и статей внесённых в хронографы русской редакции. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К. 541 с.

Приселков М.Д., 1950. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.–Л.: АН СССР. 515 с.

Псковские летописи. Вып. 2. / Ред. А.Н. Насонов. М.: АН СССР, 1955. 364 с.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. 360 с.

ПСРЛ. Т. 4. Часть 1. Новгородская четвёртая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

ПСРЛ. Т. 5. Псковская и Софийская летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. 296 с.

ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. 366 с.

ПСРЛ. Т. 6. Выпуск 1. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.

ПСРЛ. Т. 6. Выпуск 2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 240 с.

ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.

ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.

ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.

ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.

ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб.: Археографическая комиссия, 1889. 320 стб.

ПСРЛ. Т. 17. Западнорусские летописи. М.: Языки славянских культур, 2008. 384 с.

ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.

ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.

ПСРЛ. Т. 20. Часть 1. Львовская летопись. СПб.: Археографическая комиссия, 1910. 418 с.

ПСРЛ. Т. 20. Часть 2. Львовская летопись. СПб.: Археографическая комиссия, 1914. С. 420-686.

ПСРЛ. Т. 21. Часть 2. Книга Степенная царского родословия. СПб.: Археографическая комиссия, 1913. 350 с.

ПСРЛ. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. СПб.: Археографическая комиссия, 1911. 578 с.

ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. 256 с.

ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.

ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.

ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. М.: Языки славянских культур, 2007. 436 с.

ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л.: АН СССР, 1963. 413 с.

ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 242 с.

ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 263 с.

ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1977. 256 с.

ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискарёвский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 313 с.

ПСРЛ. Т. 35. Белорусско-литовские летописи. М.: Наука, 1980. 313 с.

ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи. Л.: Наука, 1982. 235 с.

ПСРЛ. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского. М.: Наука, 1994. 205 с.

ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Преподобный Макарий Желтоводский и Унженский. Молитвы. Житие. Акафист. Нижний Новгород: Интелсервис, 2004. 139 с.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Институт Истории СССР, 1966. 614 с.

Сборник Муханова (второе дополненное издание). Спб.: Тип. Э. Праца, 1866. 780 с.

Строгоновская редакция Нижегородского летописца // Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVI в. / Ред. В.А. Кучкин. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета, 2006. С. 136–147.

Татищев В.Н., 1994. Собрание сочинений в восьми томах. Тома 2 и 3. История Российская. Часть 2. М.: Научно-издательский центр «Ладомир». 688 с.

Татищев В.Н., 1996. Собрание сочинений в восьми томах. Тома 5 и 6. История Российская. Части 3 и 4. М.: Научно-издательский центр «Ладомир». 784 с.

Архивные материалы

Архив Института археологии РАН (г. Москва).

Аникин И.С., А-1994. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского ИАЦ «Регион» в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1994 г. Р-1. № 18876.

Аникин И.С., А-1995а. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского ИАЦ «Регион» в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1995 г. Р-1. № 19345.

Аникин И.С., А-1995б. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского ИАЦ «Регион» в г. Нижнем Новгороде (ул. М. Покровская, 6а) в 1995 г. Р-1. № 19254.

Аникин И.С., А-1996а. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского ИАЦ «Регион» в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1996 г. Р-1. № 20495.

Аникин И.С., А-1996б. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского ИАЦ «Регион» в г. Нижнем Новгороде (квартал улиц Минина, Нестерова, Большой Печёрской) в 1996 г. Р-1. № 20494.

Аникин И.С., А-1997а. Отчёт о работе экспедиции НИАЦ «Регион» в г. Нижнем Новгороде (ул. Варварская, 3) в 1997 г. Р-1. № 20496.

Аникин И.С., А-1997б. Отчёт о работе экспедиции НИАЦ «Регион» в бассейне р. Прорвы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1997 г. Р-1. № 21396.

Аникин И.С., А-1998. Отчёт о работе экспедиции НИАЦ «Регион» в г. Н. Новгороде (ул. Гоголя, 5, 39, 52) в 1998 г. Р-1. № 21538.

Аникин И.С., А-1999. Отчёт о работе экспедиции НИАЦ «Регион» в г. Н. Новгороде (ул. Гоголя, 39) в 1999 г. Р-1. № 22036.

Аникин И.С., А-2000. Отчёт о работе экспедиции НИАЦ «Регион» в г. Н. Новгороде в 2000 г. Р-1. № 22408.

Аникин И.С., А-2003а. Отчёт об археологическом обследовании строительного участка в г. Н-Новгороде по адресу: ул. Пискунова, 22 в 2003 году. Р-1. № 24350.

Аникин И.С., А-2003б. Отчёт о разведочных работах экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 2003 г. Р-1. № 24349.

Аникин И.С., А-2004а. Отчёт о разведочных работах экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 2004 г. Р-1. № 29101.

Аникин И.С., А-2004б. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Нижнем Новгороде (на улицах Нижне-Волжская набережная, 26 и Решетниковская, 21) в 2004 г. Р-1. № 29100.

Аникин И.С., А-2005а. Отчёт о разведочных работах в зоне влияния строительства автомобильной дороги М-7 «Волга» в районе деревень Крутец и Бурцево в Богородском районе Нижегородской области в 2005 году. Р-1. № 29025.

Аникин И.С., А-2005б. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде по адресу ул. Октябрьская, 26 в 2005 г. Р-1. № 29023.

Аникин И.С., А-2005в. Отчет об археологических раскопках на селище Копнино 2, находящемся в зоне влияния строительства автомобильной дороги М-7 «Волга» в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2005 г. Р-1. № 29027.

Аникин И.С., А-2006а. Отчет о разведочных работах в зоне влияния строительства автомобильной дороги М-7 «Волга» в районе поселка Буревестник, сел Крутец, Бурцево и Копнино в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2006 г. Р-1. № 29216.

Аникин И.С., А-2006б. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Н. Новгороде (на улицах Белинского, 32 и Алексеевская, 41) в 2006 г. Р-1. № 29215.

Аникин И.С., А-2007а. Отчет об археологическом обследовании строительного участка в г. Н. Новгороде по адресу ул. Белинского, 32 в 2007 г. Р-1. № 31127.

Аникин И.С., А-2007б. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Н. Новгороде (в переулке Казбекском, 4, на улицах Академика Блохиной, 4/43 и Варварской, 44) в 2007 г. Р-1. № 31129.

Аникин И.С., А-2008а. Отчёт о разведочных работах у села Бурцево в бассейне р. Кудьмы в Богородском районе Нижегородской области в 2008 году. Р-1. № 33477.

Аникин И.С., А-2008б. Отчет об археологическом обследовании строительного участка в г. Н. Новгороде в квартале ул. Сергиевской и пер. Плотничного в 2008 г. Р-1. № 33476.

Аникин И.С., А-2009. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Кудьмы в Богородском р-не и работах на территории г. Арзамаса Нижегородской обл. в 2009 г. Р-1. № 31266.

Аникин И.С., А-2010. Отчет о разведочных работах в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2010 г. Р-1. № 29176.

Антонов Д.А., А-2000. Отчет о работе экспедиции НИИЦ «Регион» в г. Н. Новгороде в 2000 г. Р-1. № 22407.

Антонов Д.А., А-2001. Отчет об охранных археологических работах на строительных площадках в г. Н. Новгороде в 2001 г. Р-1. № 22506.

Антонов Д.А., А-2003. Отчет об археологическом обследовании зоны строительства во дворе дома № 6 по ул. М. Покровская в г. Н. Новгороде в 2003 г. Р-1. № 24352.

Антонов Д.А., А-2007. Отчет об археологических исследованиях на участке строительства гостиницы на пересечении ул. Ильинской и Зеленского съезда в Нижегородской р-не г. Н. Новгорода в 2007 г. Р-1. № 31132.

Антонов Д.А., А-2008. Отчет об археологических исследованиях на участке строительства гостиницы на пересечении ул. Ильинская и Зеленского съезда в Нижегородском р-не г. Н. Новгорода в 2008 г. Р-1. № 33478.

Ануфриева И.В., А-1998а. Отчёт об археологическом обследовании зоны строительства в пер. Университетском в г. Нижнем Новгороде в 1998 г. Р-1. № 21542.

Ануфриева И.В., А-1998б. Отчёт об археологическом обследовании зоны строительства в пер. Гранитном в г. Нижнем Новгороде в 1998 г. Р-1. № 21395.

Ануфриева И.В., А-1999. Отчёт об археологическом обследовании 3-х зон строительства в исторической части г. Н. Новгорода (на углу ул. Минина и Семашко, в пер. Гранитном, в пер. Университетском) в 1999 г. Р-1. № 22340.

Ануфриева И.В., А-2000. Отчёт об археологическом обследовании зоны прокладки траншеи по пер. Университетскому в г. Н. Новгороде в 2000 г. Р-1. № 22399.

Ануфриева И.В., А-2001а. Отчёт об археологическом обследовании четырёх зон строительства в исторической части г. Н. Новгорода (на ул. Славянской, на ул. Звездинской, в квартале улиц Пискунова, Варварской, Ульянова, на ул. Горького) в 2001 г. Р-1. № 22717.

Ануфриева И.В., А-2001б. Отчёт об археологическом обследовании двух зон строительства в исторической части г. Н. Новгорода (на углу улиц Минина и Нестерова, на углу ул. Б. Печёрской и пер. Школьного) в 2001 г. Р-1. № 22716.

Ануфриева И.В., А-2003а. Отчёт об археологической разведке на правом берегу реки Оки на территории г. Н-Новгорода (в пределах Приокского и Советского районов) в 2003 г. Р-1. № 25751.

Ануфриева И.В., А-2003б. Отчёт об археологическом обследовании трёх зон строительства в исторической части г. Н. Новгорода (на ул. Почаинской, ул. Горького, ул. Б. Печёрской) в 2003 г. Р-1. № 25704.

Ануфриева И.В., А-2004. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской обл. в 2004 г. Т. 2. Отчет об археологическом обследовании зоны прокладки траншеи в исторической части г. Балахны и отдельных земельных участков на территории г. Нижнего Новгорода, г. Павлово, Павловского, Кстовского, Богородского р-нов Нижегородской обл. Р-1. № 29099.

Ануфриева И.В., А-2005а. Отчет об археологическом обследовании зон строительства в исторической части г. Нижнего Новгорода в 2005 г. Р-1. № 29117.

Ануфриева И.В., А-2005б. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на пл. Минина в 2005 г. Р-1. №№ 31949, 31950.

Ануфриева И.В., А-2006. Отчет об археологическом обследовании зон строительства, ремонта и прокладки коммуникаций в исторической части г. Нижнего Новгорода в 2006 г. Р-1. № 29122.

Бакулин Е.И., А-2011а. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде по ул. М.Покровская, дд. №№ 8а–12д в 2011 г. Р-1. № 29932.

Бакулин Е.И., А-2011б. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде на участках строительства по ул. Ильинской, д. 58, по ул. Пожарского, д. 6, по ул. 50-летия Победы, у д. 1, пос. Черепичный, д. 14, по ул. Зайцева, д. 42, в г. Дзержинске Нижегородской области по пр. Ленина, д. 71, в 2011 г. Р-1. №№ 29261, 29262.

Бакулин Е.И., А-2012а. Отчет об археологических исследованиях в Нижегородской обл. в зоне строительства трассы ВЛ–500 кВ Костромская ГРЭС – Ниж-

ний Новгород с ПС Южная (Нижегородская) с заходами ВЛ 500 кВ, 220 кВ на территории Богородского р-на; на участках строительства в г. Семенове по ул. Советской, д. 1; в г. Балахне по ул. Туполева, д. 2А; на участке строительства в г. Нижнем Новгороде напротив д. 26А по ул. Бурнаковской; в зоне проектирования мостового перехода через р. Волга на пересечении ул. С. Акимова и ул. К. Маркса в г. Нижнем Новгороде и на территории городского округа Бор в Борском р-не в 2012 г. Р-1. № 33959.

Бакулин Е.И., А-2012б. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде на участках строительства у д. 16 по ул. Коновалова, по ул. Новая, по ул. Ильинская – пер. Плотничный, по ул. Академика Блохиной – ул. Варварская, по наб. Федоровского – ул. Ильинская в 2012 г. №№ 33956, 33957.

Бакулин Е.И., А-2012в. Отчет об археологических исследованиях в г. Н. Новгороде на участках строительства в г. Н. Новгороде на набережной Гребного канала у д. 8 (кадастровые номера участков 52:18:006028, 52:18:060218:0004), прокладки КЛ-0,4 кВ от ТП-229, расположенного на территории Кремля, корп. 3, корп. 5, корп. 1А, корп. 11, по ул. Рождественской, д. 1-3, д. 5, д. 7, д. 9, по Зеленскому съезду, д. 10, по ул. Ильинской, д. 1, д. 3, д. 5, д. 7, д. 9, д. 14, по набережной Федоровского, д. 13, строительства транспортной развязки по ул. Должанской в Канавинском районе г. Н. Новгорода в 2012 г. Р-1. №№ 33952, 33953.

Бакулин Е.И., А-2012г. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде на участках строительства, расположенных по ул. Порядковой у д. 2а, на ул. Малая Ямская у д. 18, в д. Новой Нижегородского района у д. 80, в Воскресенском районе по ул. Коммунистической, д. 121А в 2012 г. Р-1. № 29359.

Бакулин Е.И., А-2013. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде, г. Балахна, городском округе Семёновском Нижегородской области в 2013 г. Р-1. №№ 38738, 38739.

Бакулин Е.И., А-2014а. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде и городах Кстово, Семёнов Нижегородской области в 2014 г. Р-1. №№ 42196, 42197.

Бакулин Е.И., А-2014б. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде и Нижегородской области в 2014 г. Р-1. №№ 38643, 38644.

Бакулин Е.И., А-2014в. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде и Нижегородской области в 2014 г. Р-1. №№ 38641, 38642.

Бакулин Е.И., А-2015. Отчет об археологических раскопках на земельном участке по адресу: г. Нижний Новгород, Нижегородский район, ул. Сергиевская, д. 21, в 2015 г. Р-1. №№ 49019, 49020.

Бакулин Е.И., А-2017. Отчёт об археологических раскопках на земельном участке по адресу: г. Нижний Новгород, Нижегородский район, пер. Плотничный, в 2017-2018 годах. Р-1.

Баранов Н.А., А-2019а. Отчёт о проведении археологических раскопок на территории ОАН «Селище Новопокровское-3» в Советском районе г. Нижний Новгород в 2019 году. Р-1.

Баранов Н.А., А-2019б. Отчёт о проведении археологических наблюдений на территории ОАН «Культурный слой г. Нижний Новгород» на участке сооружения водопроводной линии на территории кремля, на административное здание, д. № 1, и вдоль административных зданий, дд. №№ 6-9, 11 в 2019 году. Р-1.

Батюков В.А., А-2007. Археологические исследования в Кстовском р-не Нижегородской обл. в 2007 г. Р-1. № 31134.

Батюкова И.В., А-2015. Отчёт о проведении исследований (археологических наблюдений) на земельных участках, отведённых под строительство и благоустройство в г. Нижнем Новгороде в 2015 г. Р-1. № 49089.

Батюкова И.В., А-2016. Отчёт о проведённых археологических раскопках на территории Благовещенского мужского монастыря в г. Нижнем Новгороде в 2016 году. Р-1.

Бейлекчи В.В., А-2009. Отчет «Проведение археологических разведок в Арзамасском, Богородском, Дальнеконстантиновском, Воротынском, Краснооктябрьском, Починковском, Тонкинском, Шатковском р-нах Нижегородской обл. в 2009 г.». Р-1. № 31267.

Бейлекчи В.В., А-2011а. Отчет «Проведение археологических разведок по трассе ЛЭП в рамках объекта «Реконструкция ПС 500 кВ Нижегородская и ПС 20 кВ Кудьма с учетом строительства ПП 220 кВ Русвинил и ЛЭП 220 кВ ПС Нижегородская – ПС Кудьма с заходами на ПП 220 кВ Русвинил» на территории Богородского, Кстовского и Дальнеконстантиновского р-нов Нижегородской обл.; по трассе межпоселкового газопровода к п. Уста в Уренском р-не Нижегородской обл.; расширения ЕСГ для подачи газа в газопровод «Южный поток» на территории Починковского р-на Нижегородской обл. и Старошойговского, Лямбирского, Рузовского р-нов Республики Мордовия в 2011 г. Р-1. № 33703.

Бейлекчи В.В., А-2011б. Отчет «Проведение археологических разведок в Нижегородской обл. на участках строительства ВОЛС «Лысково–Сергач–Лукоянов, Кстово–Княгинино» в Починковском, Лукояновском, Большеболдинском, Гагинском, Краснооктябрьском, Сеченовском, Сергачском, Княгининском, Большемурашкинском, Лысковском, Кстовском, Шатковском р-нах; ВОЛС «Нижний Новгород–Киров» в Краснобаковском, Семеновском, Борском р-нах; ВОЛС «Кулебаки–Дивеево–Выкса» в Кулебакском, Ардатовском, Выксунском р-нах в 2011 г.». Р-1. № 33708.

Бейлекчи В.В., А-2012. Отчет «Проведение археологических разведок на участках строительства трасс межпоселковых газопроводов в Арзамасском (и МО Арзамас), Богородском, Краснооктябрьском, Семеновском, Чкаловском муниципальных р-нах Нижегородской обл. в 2012 г.». Р-1. № 33961.

Березина Н.С., А-2013. Отчёт о проведении археологических разведок на участках проведения строительных и ремонтных работ в г. Нижнем Новгороде и в Богородском районе Нижегородской области в 2013 году. Р-1. №№ 38741–38743.

Березина Н.С., А-2015. Отчёт о проведении археологических разведок на участках, отведённых под строительство и реконструкцию объектов в Гагинском, Кстовском, Ковернинском районах, в г. Бор и в г. Нижнем Новгороде Нижегородской области в 2015 г. Р-1. № 49088.

Блинова М.В., А-1979. Отчёт о работе разведочного отряда историко-филологического факультета Горьковского государственного университета в 1979 г. Р-1. № 7963.

Воронин Н.Н., А-1960. Отчёт о раскопках в Горьком в 1960 г. Р-1. № 2154.

Грибов Н.Н., А-1992. Отчёт о работе разведочного отряда экспедиции Нижегородской археологической службы в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1992 г. Р-1. № 17005.

Грибов Н.Н., А-1994. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейнах рек Кудьмы и Рахмы в пределах Приокского района г. Н-Новгорода и Кстовского района Нижегородской области в 1994 г. Р-1. №№ 18865, 18866.

Грибов Н.Н., А-1995а. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского ИАЦ «Регион» в 1995 году. Р-1. №№ 19201, 19202.

Грибов Н.Н., А-1995б. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне р.Рахмы в пределах Приокского района г.Н-Новгорода и Кстовского района Нижегородской области в 1995 году. Р-1. № 19205.

Грибов Н.Н., А-1996а. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в Нижегородской области (в г. Н-Новгороде, в его ближайшей округе и на территории административного подчинения г. Саров) в 1996 году. Р-1. №№ 20075, 20076.

Грибов Н.Н., А-1996б. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского ИАЦ «Регион» в 1996 году. Р-1. № 20111.

Грибов Н.Н., А-1997а. Отчёт об обследовании зоны строительства во дворах домов по ул. Ульянова в г. Н-Новгороде в 1997 г. Р-1. № 19835.

Грибов Н.Н., А-1997б. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского ИАЦ «Регион» в 1997 году. Р-1. № 21905.

Грибов Н.Н., А-1998а. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского ИАЦ «Регион» в 1998 году. Р-1. №№ 21575, 21576.

Грибов Н.Н., А-1998б. Отчёт о работе разведотряда экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в Кстовском и в Дивеевском районах Нижегородской области в 1998 г. Р-1. №№ 20818, 20819.

Грибов Н.Н., А-1999. Отчёт об охранных раскопках в г. Нижнем Новгороде в переулке Крутом в 1999 г. Р-1. №№ 22025–22027.

Грибов Н.Н., А-2000. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в 2000 г. Р-1. №№ 22417, 22418.

Грибов Н.Н., А-2001а. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в 2001 г. Р-1. №№ 22312, 22313.

Грибов Н.Н., А-2001б. Отчёт об охранных археологических работах в г. Н. Новгороде на строительной площадке по ул. Горького (у д. № 226) в 2001 г. Р-1. № 22508.

Грибов Н.Н., А-2001в. Отчет об археологической разведке в Кстовском и Дивеевском районах Нижегородской области в 2001 г. Р-1. № 22309.

Грибов Н.Н., А-2002а. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в 2002 г. Р-1. № 22850.

Грибов Н.Н., А-2002б. Отчет об археологической разведке в Дальнеконстантиновском, Кстовском и Большемурашкинском р-нах Нижегородской обл. в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Р-1. № 22853.

Грибов Н.Н., А-2003а. Отчёт об археологических раскопках городища Городок в г. Н-Новгороде в 2003 году. Р-1. № 25692.

Грибов Н.Н., А-2003б. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в 2003 году. Р-1. № 25690.

Грибов Н.Н., А-2003в. Отчет об археологической разведке в Дальнеконстантиновском и Богородском районах Нижегородской области в 2003 г. Р-1. № 25701.

Грибов Н.Н., А-2004а. Отчёт об археологических раскопках городища Городок в г. Н-Новгороде в 2004 году. Р-1. №№ 33041, 33042.

Грибов Н.Н., А-2004б. Отчёт об археологической разведке на территории Нижегородского района г. Нижнего Новгорода, в Богородском и Кстовском районах Нижегородской области в 2004 году. Р-1. № 32582.

Грибов Н.Н., А-2005а. Отчёт об археологических раскопках на селище Копнино-3 в Богородском районе Нижегородской области в 2005 году. Р-1. №№ 34594, 34595.

Грибов Н.Н., А-2005б. Отчет об археологической разведке на территории Павловского р-на Нижегородской обл. в 2005 г. Р-1. № 34596.

Грибов Н.Н., А-2005в. Отчет об археологических раскопках на поселении Доскино-10 в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2005 г. Р-1. №№ 34597, 34698.

Грибов Н.Н., А-2006а. Отчёт об археологических раскопках на селище Бешенцево-3 в Приокском районе г. Нижнего Новгорода в 2006 году. Р-1. № 29218.

Грибов Н.Н., А-2006б. Отчёт об археологической разведке в Богородском, Павловском и Кстовском районах Нижегородской области в 2006 году. Р-1. № 29221.

Грибов Н.Н., А-2006в. Отчет об археологических раскопках на селище Копнино-1 в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2006 г. Р-1. № 29221.

Грибов Н.Н., А-2007а. Отчёт об археологических раскопках на селище Бешенцево-3 в Приокском районе г. Нижнего Новгорода в 2007 году. Р-1. №№ 31150, 31151.

Грибов Н.Н., А-2007б. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2007 году. Р-1. № 31149.

Грибов Н.Н., А-2007в. Отчёт об археологических раскопках на территории 22 квартала г. Владимира в 2007 году (раскоп №1). Р-1. №№ 31147, 31148.

Грибов Н.Н., А-2008а. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш-4 Пильнинского района Нижегородской области в 2008 г. Р-1. № 33497.

Грибов Н.Н., А-2008б. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 г. Р-1. №№ 33498, 33499.

Грибов Н.Н., А-2008в. Отчёт об археологических раскопках на селище Бешенцево-3 в Приокском районе г. Нижнего Новгорода в 2008 году. Р-1. № 33496.

Грибов Н.Н., А-2009а. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш-4 Пильнинского района Нижегородской области в 2009 г. Р-1. № 31324.

Грибов Н.Н., А-2009б. Отчёт об археологических раскопках на селище Бешенцево-3 в Приокском районе г. Нижнего Новгорода в 2009 году. Р-1. №№ 31322, 31323.

Грибов Н.Н., А-2009в. Отчёт об археологической разведке в Приокском, Советском, Нижегородском районах г. Нижнего Новгорода, в Кстовском, Богородском, Лысковском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2009 году. Р-1. № 31268.

Грибов Н.Н., А-2010. Отчёт об археологической разведке в Богородском, Павловском и Большемурашкинском районах Нижегородской области в 2010 году. Р-1. №№ 29926, 29927.

Грибов Н.Н., А-2011а. Отчёт об археологической разведке в Богородском и Павловском районах Нижегородской области в 2011 г. Р-1. № 29576.

Грибов Н.Н., А-2011б. Отчет об археологической разведке на участках, подлежащих затоплению в результате подъема уровня Чебоксарской ГЭС на р. Волга в Кстовском р-не Нижегородской обл. в 2011 г. Р-1. №№ 29577–29582.

Грибов Н.Н., А-2012. Отчет об археологической разведке в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2012 г. Р-1. № 34253.

Грибов Н.Н., А-2014. Отчёт об археологической разведке в Богородском районе Нижегородской области в 2014 г. Р-1. № 42018.

Грибов Н.Н., А-2018. Отчёт об охранных археологических работах в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника в Нижегородском кремле (г. Нижний Новгород) в 2018 году (шурф и раскоп № 1). Р-1.

Грибов Н.Н., А-2021а. Отчёт об охранных археологических работах (наблюдениях и раскопках) по месту прокладки теплотрассы в кремле г. Нижнего Новгорода (от Дмитриевской башни до корпуса № 3) в 2021 г. Р-1.

Грибов Н.Н., А-2021б. Отчёт об охранных археологических работах (наблюдениях и раскопках) в зоне благоустройства мемориала «Вечный огонь» в кремле г. Нижнего Новгорода в 2021 г. Р-1.

Грибов Н.Н., А-2021в. Отчёт об охранных археологических работах (наблюдениях и раскопках) в зоне прокладки газопровода вдоль Кремлёвского бульвара от ул. Минина до ул. Пожарского в г. Нижнем Новгороде в 2021 г. Р-1.

Губайдуллин А.М., А-2007. Отчёт об археологических охранно-спасательных раскопках на территории Нижегородского Кремля в здании Арсенала, раскоп 1, оси 1-2, 2-3 в 2007 г. Р-1. № 47214.

Гусева Т.В., А-1988. Отчёт об археологических работах в исторической части Нижнего Новгорода в 1988 г. Р-1. № 12941.

Гусева Т.В., А-1989. Отчёт об археологических работах в исторической части г. Горького в 1989 г. Р-1. №№ 14060, 14061, 14062.

Гусева Т.В., А-1991. Отчёт о работе Нижегородской археологической службы в 1991 году. Том I. Р-1. №№ 16430, 16431.

Гусева Т.В., А-1992. Отчёт о полевых работах в 1992 г. Т. 3. Отчёт Нижегородского отряда (архнадзор в г. Н-Новгороде). Р-1. № 17002.

Гусева Т.В., А-1993. Отчёт о полевых археологических исследованиях Нижегородской археологической службы в 1993 г. Т. II. Р-1. № 18467.

Гусева Т.В., А-1995а. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1995 г. Т. I. Отчёт об охранных археологических работах на участках ремонта теплотрасс в исторической части Нижнего Новгорода. Р-1. № 19076.

Гусева Т.В., А-1995б. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1995 г. Т. II. Отчёт о научных археологических исследованиях на котловане строительства по ул. Б. Печёрской, 5. Р-1. № 19076.

Гусева Т.В., А-1995в. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1995 г. Т. III. Отчёт о научных археологических исследованиях на котловане строительства в пер. Холодном, 2. Р-1. № 19078.

Гусева Т.В., А-1995г. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1995 г. Т. IV. Отчёт о научных археологических исследованиях на котловане строительства домов № 3а и 3б по ул. Студёной. Р-1. № 19080.

Гусева Т.В., А-1995д. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1995 г. Т. V. Отчёт об охранных научно-исследовательских археологических работах на участке вскрытия водопровода на Н. Волжской набережной. Р-1. № 19082.

Гусева Т.В., А-1996. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1996 г. Р-1. № 19968.

Гусева Т.В., А-1997. Отчёт об охранных археологических исследованиях в Нижнем Новгороде в 1997 г. Р-1. № 20999.

Гусева Т.В., А-1998. Отчёт об археологических исследованиях в Нижнем Новгороде в 1998 г. Р-1. № 21987.

Гусева Т.В., А-1999. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 1999 г. Р-1. № 22514.

Гусева Т.В., А-2001. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 2001 г. Р-1. № 22512.

Гусева Т.В., А-2002. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 2002 г. Р-1. № 22905.

Данилов П.С., А-2008. Охранные научно-исследовательские археологические работы (раскопки) на участке строительства жилого дома со встроенными помещениями общественного назначения, подземной автостоянкой во дворе домов № 4, 6 по ул. Варварской и Т.П. в Нижегородском р-не г. Нижний Новгород в 2008 г. Р-1. № 37091.

Дмитриевский С.М., А-1995. Отчёт об археологической разведке на территории и в окрестностях Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря в 1995 г. Р-1. № 19120.

Дмитриевский С.М., А-1996. Отчёт об археологических исследованиях на территории г. Н-Новгорода в 1996 г. Р-1. № 20147.

Дмитриевский С.М., А-1997. Отчёт об археологических исследованиях на территории г. Н-Новгорода по ул. Б. Покровка (домовладение № 47) в 1997 г. Р-1. № 21413.

Дмитриевский С.М., А-1998. Отчёт о проведении археологических исследований на территории г. Нижнего Новгорода в 1998 г. Р-1. № 22077.

Долгополов С.В., А-2016. Отчёт об археологических раскопках на участке планируемого строительства в г. Нижнем Новгороде по адресу: ул. Октябрьская, дд. 11а, 13, в 2016 г. Р-1.

Доманин А.А., А-2004. Отчёт о проведении разведочных работ в Кстовском, Богородском и Павловском районах Нижегородской области в 2004 г. Р-1. № 26931.

Доманин А.А., А-2006а. Отчёт об археологических работах (археологическому надзору) на участке застройки по адресу: г. Нижний Новгород, Почтовый съезд, 11, в 2006–2007 гг. Р-1. № 37452.

Доманин А.А., А-2006б. Отчёт об археологических работах (археологическому надзору) на участках застройки в границах ул. Короленко и пер. Гранитном в г. Нижнем Новгороде в 2006–2007 гг. Р-1. № 37451.

Доманин А.А., А-2012. Отчёт о проведении археологических исследований в зонах объектов строительства в Нижегородском, Советском и Ленинском рай-

онах г. Нижнего Новгорода и в Лысковском районе Нижегородской области в 2012 г. Р-1. № 34415.

Доманин А.А., А-2013. Отчёт о проведении археологических исследований в зоне объектов строительства в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2013 г. Р-1. № 38946.

Доманин А.А., А-2014. Отчёт об охранных археологических работах (археологических наблюдениях) на участке застройки по адресу: г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 36 по генплану, в 2014 г. Р-1. № 38947.

Доманин А.А., А-2015. Отчёт о проведении археологических исследований территории в границах улиц М. Ямская, М. Горького, Ильинской и в переулке Плотничном в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2015 г. Р-1. № 49290.

Ерёмин И.О., А-1994. Археологические исследования при строительных работах на территории Благовещенского монастыря в г. Нижнем Новгороде в 1994 г. Р-1. № 18059.

Ерёмин И.О., А-1995. Археологические исследования на территории г. Нижнего Новгорода в 1995 г. Р-1. № 19131.

Ерёмин И.О., А-1996. Отчёт об археологических исследованиях на территории г. Нижнего Новгорода в 1996 г. Р-1. № 19973.

Ерёмин И.О., А-1997. Отчёт об археологических раскопках на площади Театральной в г. Нижнем Новгороде в 1997 г. Р-1. №№ 22419–22424.

Еремин И.О., А-2002. Археологические исследования в г. Нижнем Новгороде в 2002 г. Р-1. № 24122.

Еремин И.О., А-2003а. Археологические исследования в Нижегородской обл. в 2003 г. Р-1. № 25696.

Еремин И.О., А-2003б. Археологические исследования в г. Нижнем Новгороде в 2003 г. Р-1. № 24341.

Еремин И.О., А-2004. Археологические исследования в Нижегородской обл. в 2004 г. Р-1. № 25699.

Еремин И.О., А-2005. Археологические исследования в Нижегородской обл. в 2005 г. Р-1. № 25715.

Еремин И.О., А-2006. Отчет об историко-архивных и полевых исследованиях при проектировании административного здания в кремле г. Нижнего Новгорода в 2006 г. Р-1. № 26858.

Жилин М.Г., А-1984. Отчёт Горьковской экспедиции за 1984 г. Р-1. № 10532.

Жилин М.Г., А-1985. Отчёт Горьковской экспедиции о работах в Дзержинском районе Горьковской области в 1985 г. Р-1. № 11185.

Жилин М.Г., А-1986. Отчёт Горьковского отряда об археологических работах в Горьковской области в 1986 г. Р-1. № 11859.

Жилин М.Г., А-1990. Отчёт Дубненско-Горьковского отряда о раскопках поселений каменного века у д. Окаёмово и разведках в Загорском и Талдомском районах Московской области; о разведках в Горьковской области; о разведках на торфяниках в Тверской области в 1999 г. Р-1. № 15370.

Жилин М.Г., А-1991. Отчёт о разведочных работах в Нижегородской области в 1991 г. Р-1. № 15959.

Жилин М.Г., А-1993. Отчёт о работах в Нижегородской области в 1993г. Р-1. № 18524.

Жилин М.Г., А-1999. Отчёт Верхневолжской экспедиции за 1999 г. Р-1. № 22049.

Жилин М.Г., Аверин В.А., А-2004. Отчёт Верхневолжской экспедиции за 2004 г. Р-1. № 26424.

Зарубин Ю.В., А-2001. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 2001 г. Р-1. № 22507.

Зарубин Ю.В., А-2002. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 2002 г. Р-1. № 22883.

Зарубин Ю.В., А-2003. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 2003 г. Р-1. № 23962.

Зарубин Ю.В., А-2004. Отчет об охранных археологических работах (археологические полевые работы) при прокладке коммуникаций к зданию УФК в Нижегородском кремле в 2004 г. Р-1. № 32095.

Зарубин Ю.В., А-2005. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и исторических поселениях Нижегородской обл. в 2005 г. Р-1. № 27895.

Зеленцова О.В., А-2010. Отчет. Археологические исследования на территории землеотвода под строительство трассы ВОЛС на участке УС Лазарево – УС Мешиха на территории Нижегородской обл., Республики Марий-Эл и Кировской обл. в 2010–2011 гг. Р-1. № 29726.

Зеленцова О.В., А-2012. Отчет: Научно-исследовательские археологические работы (разведки) на территории Борского, Володарского и Богородского р-нов Нижегородской обл. в 2012 г. Р-1. № 34500.

Иванова Н.В., А-1996а. Отчёт об археологической разведке на территории б. Дудина монастыря в Богородском районе Нижегородской области в 1996 г. Р-1. № 19975.

Иванова Н.В., А-1996б. Отчёт об археологическом обследовании зоны строительства по ул. Гоголя в г. Н. Новгороде в 1996 г. Р-1. № 19984.

Иванова Н.В., А-1997. Отчёт об археологическом обследовании зоны строительства в пер. Ткачёва в г. Н. Новгороде в 1997 г. Р-1. № 21271.

Иванова Н.В., А-1998. Отчёт об археологическом обследовании двух строительных площадок в исторической части г. Н. Новгорода (по ул. Ульянова и М. Покровской) в 1998 г. Р-1. № 21909.

Иванова Н.В., А-2000. Отчёт об охранных археологических работах на участке прокладки газопровода по переулку Кожевенному в Н. Новгороде в 2000 г. Р-1. № 22409.

Иванова Н.В., А-2001а. Отчёт об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на строительных площадках на ул. Горького, Звездинке, Черниговской в 2001 году. Р-1. № 22518.

Иванова Н.В., А-2001б. Отчёт об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на строительных площадках по ул. Б. Покровская, ул. Кожевенная и ул. Гоголя в 2001 г. Р-1. № 22519.

Иванова Н.В., А-2002а. Отчёт об археологическом обследовании строительных участков в г. Нижнем Новгороде (на ул. Б. Покровская, Володарского и Б. Печёрская) в 2002 г. Р-1. № 22846.

Иванова Н.В., А-2002б. Отчёт об археологическом обследовании строительных участков в г. Нижнем Новгороде (на ул. Володарского, Б. Печёрской и Горького) в 2002 г. Р-1. № 22847.

Иванова Н.В., А-2003. Отчёт об археологическом обследовании строительных участков в г. Нижнем Новгороде (на ул. Обозная и Володарского) в 2003 г. Р-1. № 25706.

Иванова Н.В., А-2004. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Нижнем Новгороде (на улицах Белинского, Костина, Варварской) в 2004 г. Р-1. № 29104.

Иванова Н.В., А-2005. Отчет об археологическом обследовании строительного участка в г. Н. Новгороде (на ул. Октябрьской, д. № 5) в 2005 г. Р-1. № 36040.

Иванова Н.В., А-2006а. Отчет об археологическом обследовании поселений Крутец 1 и Крутец 4 в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2006 г. Р-1. № 29223.

Иванова Н.В., А-2006б. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Н. Новгороде (ул. Фрунзе, д. 23; ул. Варварская, д. 15) в 2006 г. Р-1. № 29220.

Иванова Н.В., А-2006в. Отчет об археологических раскопках на селище Копнино 2, находящемся в зоне влияния строительства автомобильной дороги М-7 «Волга» в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2006 г. Р-1. № 29222.

Иванова Н.В., А-2007. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Н. Новгороде (ул. Б. Покровская, д. 98; ул. Володарского, д. 38А) в 2007 г. Р-1. № 31155.

Калыгина Ж.С., А-2011. Отчёт об археологических исследованиях (разведке) на территории Пильнинского района Нижегородской области в 2011 г. Р-1. № 34671.

Кикеев А.Н., А-1998. Отчёт о проведении работ по археологическому надзору за земляными работами в зонах строительства в г. Нижний Новгород в 1998 г. Р-1. № 21579.

Кикеев А.Н., А-2000а. Отчёт об охранных археологических работах в Нижегородском кремле в 2000 г. Р-1. № 22398.

Кикеев А.Н., А-2000б. Отчёт об охранных археологических работах в г. Н. Новгороде в 2000 г. Р-1. № 22412.

Кикеев А.Н., А-2001. Отчёт об охранных археологических работах в г. Н. Новгороде в 2001 г. Р-1. № 22510.

Кикеев А.Н., А-2003а. Отчёт об охранных археологических работах в г. Н. Новгороде в 2003 г. Р-1. № 25708.

Кикеев А.Н., А-2003б. Отчет об охранных археологических работах на участках застройки в г. Нижнем Новгороде по адресу: ул. Минина, 10 в 2003–2004 гг. Р-1. № 26421.

Кикеев А.Н., А-2004. Отчет об охранных археологических работах на участке застройки в г. Нижнем Новгороде по адресу: ул. Пискунова, 22 в 2004 г. Р-1. № 26442.

Кикеев А.Н., А-2005. Отчет о проведении археологических разведок на территории Кстовского и Борского р-нов и в г. Чкаловск на ул. Маяковского, 17 Нижегородской обл. в 2005 г. Р-1. № 40738.

Кириянов И.А., А-1948. Отчёт об обследовании Георгиевской башни Нижегородского Кремля (1948 г.). Р-1. № 223.

Кириянов И.А., А-1949. Отчёт о разведочных работах у стен Горьковского Кремля (1949 г.). Р-1. № 299.

Кириянов И.А., А-1952. Отчёт об археологическом исследовании Нижегородского Кремля (1952 г.). Р-1. № 777.

Кириянов И.А., А-1955. Отчёт об археологическом обследовании остатков древней крепости на Оленьей Горе близ г. Лысково. Р-1. № 1082.

Кольцов Л.В., А-1978. Отчёт Верхневолжской археологической экспедиции за 1978 г. Р-1. № 8301.

Коновалова З.С., А-1998. Отчёт об охранных археологических работах в пределах котлована строительства по ул. Ошарской, 16, в Н. Новгороде в 1998 г. Р-1. № 21986.

Коновалова З.С., А-1999. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 1999 г. Р-1. № 22854.

Королёв А.И., А-2011. Архитектурно-археологические исследования Зачатской башни Нижегородского кремля в 2011 г. Р-1. №№ 40757, 40758.

Кравцов П.Н., А-2009. Отчет о разведочных работах по правому коренному берегу р. Оки в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2009 г. Р-1. № 29834.

Кравцов П.Н., А-2012. Отчет: Археологические исследования на территории Нижегородской обл. и республики Мордовия в 2012 г. Р-1. № 34676.

Кравцов П.Н., А-2013. Отчёт. Археологические исследования на территории г. Нижнего Новгорода, Нижегородской области и Пермского края в 2013 г. Р-1. №№ 40665, 40666.

Кравцов П.Н., А-2017. Отчёт об археологическом обследовании проектируемого объекта: «Строительство водопровода в деревне Кузнечиха Советского района» г. Нижнего Новгорода. Р-1.

Лапшин В.А., А-2001. Отчёт об археологических исследованиях в Нижегородском кремле на участке строительства пристроя к зданию Управления Федерального Казначейства в 2001/2002 гг. Р-1. №№ 26426–26429.

Лебедева Е.Э., А-2003. Отчёт об археологическом обследовании селища «Городок» в Нижнем Новгороде в 2003 г. Р-1. № 23763.

Лебедева Е.Э., А-2004. Отчет об охранных археологических работах (полевые археологические работы) на строительных площадках в Нижегородском р-не Нижнего Новгорода в 2004 г. Р-1. № 26430.

Лебедева Е.Э., А-2007а. Отчёт об охранных полевых работах на площадке строительства во дворе домов № 4 и 6 по ул. Варварской в Нижегородском районе г. Н-Новгорода в 2007 г. Р-1. № 27053.

Лебедева Е.Э., А-2007б. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на строительной площадке по ул. Минина, 1 в Нижегородском р-не Нижнего Новгорода в 2007 г. Р-1. № 27050.

Лебедева Е.Э., А-2007в. Отчет об охранных археологических работах на строительных площадках в Нижегородском р-не г. Нижнего Новгорода в 2007 г. Р-1. № 31157.

Лебедева Е.Э., А-2008а. Отчет об археологических полевых работах в рамках разработки раздела обеспечения сохранности объектов археологического (культурного) наследия исторического поселения Нижний Новгород в границах земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению по адресу: Верхне-Волжская набережная, д. 2а в Нижегородском р-не г. Нижнего Новгорода для проектной документации по приспособлению гостиницы «Волжский откос» для современного использования в Нижнем Новгороде в 2008 г. Р-1. № 33472.

Лебедева Е.Э., А-2008б. Отчет об охранных археологических полевых работах на строительных площадках в Нижегородском р-не г. Нижнего Новгорода в 2008 г. Р-1. № 37455.

Лебедева Е.Э., А-2009а. Отчет об археологических полевых работах в границах земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению по адресу: «Верхне-Волжская набережная, дом 2а в г. Нижнем Новгороде» в 2009 г. Р-1. №№ 37415–37417.

Лебедева Е.Э., А-2009б. Отчет об археологических разведках в г. Нижнем Новгороде в 2009 г. Р-1. № 36833.

Лопатин А.И., А-1977. Отчёт об археологической разведке в Горьковской области. Р-1. Р-1. № 6829.

Маслов А.Н., А-1997. Отчёт об охранных археологических исследованиях в Нижнем Новгороде в 1997г. (обследование селища «Городок»). Р-1. № 21001.

Маслов А.Н., А-1998. Отчёт об археологическом обследовании исторической части г. Н-Новгорода в границах улиц Ярославской, М. Ямской и М. Горького, а также на территории Суетинского оврага (Почтового съезда) в г. Н-Новгороде в 1998 г. Р-1. № 21429.

Марьёнкина Т.А., А-2015. Отчёт о проведении научно-исследовательских археологических работ (разведки) в зоне строительства высокоскоростной железной дороги «Москва-Казань» (ВСМ-2) на территории Володарского, г.о. Дзержинск, Богородского, Кстовского, Лысковского, Спасского, Воротынского районов Нижегородской области в 2015 году. Р-1.

Марьёнкина Т.А., А-2019а. Научный отчет о проведении археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой города» в зоне воссоздания колокольни Спасо-Преображенского собора в г. Нижний Новгород, Кремль, в районе корп. 5 в 2019 г. Р-1.

Марьёнкина Т.А., А-2019б. Научный отчет о проведении археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой города» на участке строительства фуникулера на откосе Нижегородского Кремля в г. Нижний Новгород в 2019 г. Р-1.

Марьёнкина Т.А., А-2019в. Научный отчет о проведении археологических раскопок в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника в Нижегородском кремле в 2019 г. Р-1.

Матвеева В.И., А-1956. Отчёт об археологических работах в Горьковском Кремле (1956 г.). Р-1. № 848.

Миронос А.А., А-1989. Отчёт о разведочных работах в Кстовском районе Горьковской области в 1989 г. Р-1. № 14445.

Моисеев А.В., А-2016. Отчёт об археологической разведке на участках строительства в г. Нижний Новгород в 2016 г. Р-1.

Моисеев А.В., А-2018а. Отчёт об археологических наблюдениях при прокладке кабельных линий электросети в исторической части г. Нижнего Новгорода (район пересечения ул. Б.Покровской и Октябрьской) в 2018 г. Р-1.

Моисеев А.В., А-2018б. Отчёт об охранных археологических раскопках на пл. Минина и Пожарского и территории Кремля в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2018 г. Р-1.

Моисеев А.В., А-2019. Отчёт о проведении археологических наблюдений на объекте археологического наследия "Культурный слой города Нижнего Новгорода" в границах участка реконструкции кабельной линии ВЛ-0,4 кВ ТП-25 – РУ-0,4 кВ ТП-26 по адресу: г. Нижний Новгород, Нижегородский р-н, Верхне-Волжская наб. – ул. Минина в 2019 г. Р-1.

Муренцова Т.Ю., А-2013. Отчёт о проведении археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Баранниковское городище («Большая Курочка»)» на мысу левого берега р. Сундовик в Лысковском районе Нижегородской области. Р-1.

Носкова Л.М., А-1994. Отчёт о работах Нижегородской археологической службы в исторической части Нижнего Новгорода в 1994 г. Р-1. № 18238.

Носкова Л.М., А-2000. Отчёт об охранных археологических работах в Н.Новгороде в 2000 г. Р-1. № 22426.

Очеретин И.А., А-1991. Отчёт о работе Нижегородской археологической службы в 1991 г. Том 3. Р-1. № 16424.

Очеретин И.А., А-1994. Отчет о проведении охранных археологических раскопок на территории Нижегородского края в 1994 г. Р-1. № 18417.

Очеретин И.А., А-1995. Отчет о проведении археологических исследований в зоне строительства на ул. Ульянова г. Нижнего Новгорода в 1995 г. Р-1. № 22678-2.

Очеретин И.А., А-1996. Отчет об археологических работах в исторической части г. Нижнего Новгорода в 1996 г. Р-1. № 21359-2.

Очеретин И.А., А-1998. Отчет о проведении археологических исследований в исторической части Нижнего Новгорода в 1998 г. Р-1. № 36034.

Очеретина С.В., А-2001. Отчет об археологических исследованиях на территории г. Нижнего Новгорода в 2001 г. Р-1. № 22505.

Очеретина С.В., А-2002. Отчет о проведении археологических работ в исторической части Нижнего Новгорода в 2002 г. Р-1. № 22855.

Очеретина С.В., А-2005. Отчет о проведении археологических исследований в исторической части Нижнего Новгорода в 2005 г. Р-1. № 26441.

Очеретина С.В., А-2006. Отчёт о проведении археологических исследований в исторической части Нижнего Новгорода по ул. Ковалихинской, 6–8, в 2011 г. Р-1. № 29121.

Очеретина С.В., А-2011. Отчёт об археологических работах в зоне строительства административного здания по пер. Могилевича и пер. Ткачёва №№ 5–7 (по генеральному плану г. Нижнего Новгорода) в г. Нижнем Новгороде в 2011 г. Р-1. № 30770.

Очеретина С.В., А-2014. Отчёт об археологических работах в зоне строительства гостиницы с подземной автостоянкой и встроенной трансформаторной подстанцией по адресу: г. Нижний Новгород, Нижегородский район, ул. Алексеевская, дд. 9Б, 9Д, 13Б, у дома 13Б в 2014 г. Р-1. №№ 45308, 45309.

Очеретина С.В., А-2015. Отчёт об археологических работах в зоне строительства жилого дома с помещениями общественного назначения и автостоянкой у дома № 4 на пл. Минина и Пожарского в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2015 г. Р-1. №№ 52946–58949.

Пантелеев С.А., А-2017. Об археологических охранно-спасательных исследованиях (раскопках) на территории объекта археологического наследия «Культурный слой г. Нижнего Новгорода XIII–XVII вв.», на участке строительства по адресу ул. Октябрьская д. 10а в границах ул. Большая Покровская, ул. Пискунова, ул. Алексеевская, ул. Октябрьская в г. Нижний Новгород в 2017 г. Р-1.

Пигарев Е.М., А-2008. Отчет об охранных археологических раскопках в Нижегородском кремле в 2008 г. Р-1. № 33627.

Письмаркина А.И., А-2019а. Отчёт о проведении археологических раскопок на территории ОАН «Селище Кузнечиха-3» в зоне строительства по ул. Академика Сахарова в г. Нижний Новгород в 2019 г. Р-1.

Письмаркина А.И., А-2019б. Отчёт о проведении археологических раскопок в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника в Нижегородском кремле в 2018 г. Р-1.

Письмаркина А.И., А-2020а. Отчёт о проведении археологических исследований (наблюдений и раскопок) на территории ОКН «Культурный слой г. Нижнего Новгорода» на объекте «Ансамбль Кремля: стены и башни» в 2020-2021 гг. Р-1.

Письмаркина А.И., А-2020б. Научный отчет о проведении археологических раскопок и наблюдений на территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой города» по адресу: г. Нижний Новгород, Верхне-Волжская набережная, д. 2А в 2020 г. Р-1.

Пронин А.С., А-2020. Научный отчет о проведении археологических раскопок и наблюдений на участках прокладки электросетей вдоль северной стены Нижегородского Кремля в г. Нижний Новгород в 2020 г. Р-1.

Русаков П.Е., А-2017. Отчёт об археологических разведках в зоне проектируемого строительства участка «Москва–Казань» высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва-Казань-Екатеринбург» (ВСМ 2) на участках ст. Москва Техническая Курская ВСМ – ст. Железнодорожная км 23, ст. Железнодорожная км 23 – ст. Владимир ВСМ, ст. Владимир ВСМ – ст. Аэропорт ВСМ (Нижний Новгород), ст. Аэропорт ВСМ (Нижний Новгород) – ст. Чебоксары ВСМ, ст. Чебоксары ВСМ – ст. Казань-2 ВСМ на территории Орехово-Зуевского, Ногинского, Павлово-Посадского, Ленинского районов, городского округа Балашиха, городского округа Электросталь Московской области, Петушинского, Собинского, Суздальского, Вязниковского, Гороховецкого районов Владимирской области, Володарского, Богородского, Спасского, Кстовского, Лысковского, Воротынского районов, г. Нижний Новгород, городского округа Дзержинск Нижегородской области, Чебоксарского, Ядринского, Моргаушского районов Чувашской Республики, Звениговского района Республики Марий Эл, Зеленодольского района, г. Казань Республики Татарстан в 2017 году. Р-1.

Русаков П.Е., А-2021. Отчёт об археологических наблюдениях и раскопках в связи с противооползневыми мероприятиями в районе кремля на территории ОАН

«Культурный слой города» в г. Нижнем Новгороде в 2021 г. Р-1.

Сафонов Б.А., А-1947. Отчёт об археологической работе в 1947 г. в Горьковской области и в Гороховецком районе Владимирской области. Р-1. № 100.

Сафонов Б.А., А-1948. Отчёт об археологической разведке в 1948 г. в Горьковской области. Р-1. № 250.

Сафонов Б.А., А-1949. Отчёт о производстве археологических разведок в 1949 г. на территории Горьковской области в южной Приокской части Волго-Окской (Балахнинской) низины. Р-1. № 318.

Сафонов Б.А., А-1950. Отчёт о произведённой в 1950 г. археологической разведке на территории Горьковской области. Р-1. № 442.

Сафонов Б.А., А-1951. Отчёт об археологических работах Дзержинского музея в 1951 г. Р-1. № 626.

Сергина Т.В., А-2013а. Отчёт об охранных археологических работах на площадке под строительство храма-часовни на ул. Пожарского в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2013 г. Р-1. №№ 46434–46437.

Сергина Т.В., А-2013б. Отчёт об охранных археологических полевых работах в режиме «археологическая разведка» на площадке под строительство гостиничного комплекса с крытой котельной и подземной автостоянкой по адресу: ул. Алексеевская, д. 6/16 в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2013 г. Р-1. № 36221.

Солнцев Н.И., А-1991. Отчёт о разведке в зоне затопления Чебоксарского водохранилища в 1991 г. Р-1. № 16367.

Сорокин А.Н., А-1999. Отчёт о раскопках в Сергиев-Посадском районе Московской области и разведках в Нижегородской области в 1999 году. Р-1. № 22050.

Сорокин А.Н., А-2002. Отчёт об исследовании памятников Заболотского торфяника в Сергиев-Посадском районе Московской области и разведках в Нижегородской области в 2002 году. Р-1. № 22819.

Тамбова С.Ю., А-2003. Отчёт о научно-исследовательской работе: «Археологические исследования по трассе проектируемого нефтепродуктопровода

«Кстово-Ярославль-Кириши-Приморск» на территории Кстовского, Богородского и Павловского районов Нижегородской области в 2003 г. Р-1.

Фехнер М.В., А-1951. Отчёт об обследовании ряда славянских селищ в Богородском и Павловском районах Горьковской области в 1951г. Р-1. № 561.

Флягин В.А., А-1988. Отчёт о разведке в бассейне рек Кудьмы и Озёрки в 1988 г. Р-1. № 13399.

Флягин В.А., А-1992. Отчёт об археологической разведке в Богородском районе Нижегородской области (бассейн Оки) в 1992 г. Р-1. № 22516.

Флягин В.А., А-2001. Отчёт об археологических исследованиях на территории Нижегородской области в 2001 г. Р-1. № 26909.

Халиков А.Х., А-1958. Отчёт о полевых исследованиях Марийской экспедиции за 1958 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 1874.

Хамзин Р.Н., А-2008. Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях в г. Нижний Новгород на ул. Рождественская, 22 за 2008 г. Р-1.

Черников В.Ф., А-1959. Отчёт третьего отряда Горьковской археологической экспедиции в 1959 г. Р-1. №№ 1990, 1990А.

Черников В.Ф., А-1963. Отчёт о частичных раскопках крепости «Оленья гора» близ г. Лысково Горьковской области в 1963 г. Р-1. №№ 2766, 2766А.

Черников В.Ф., А-1964. Отчёт об археологическом обследовании в г. Горьком (1964 г.). Р-1. №№ 2936, 2936А.

Черников В.Ф., А-1969. Отчёт о раскопках поселения Шава II и селищ Шава Ia и Ib в 1969 г. Р-1. №№ 4871, 4871А.

Черников В.Ф., А-1973. Отчёт об археологических исследованиях в г. Горьком и Горьковской области в 1973 г. Р-1. № 5104.

Черников В.Ф., А-1974. Отчёт об исследовании Желтухинского могильника в Горьковской области в 1974 г. Р-1. № 6070.

Черников В.Ф., А-1977. Отчёт об археологическом исследовании в г. Горьком (1977 г.). Р-1. № 6781.

Черников В.Ф., А-1978. Отчёт об археологическом исследовании в г. Горьком (1978 г.). Р-1. № 7318.

Черников В.Ф., А-1979. Отчёт об археологическом исследовании в г. Горьком (1979 г.). Р-1. № 7535.

Черников В.Ф., А-1980. Отчёт о раскопках стоянки Ореховец I и археологических наблюдениях в г. Горьком в 1980 г. Р-1. №№ 8382, 8382а.

Четвертаков Е.В., А-2008а. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде в 2008 г. Р-1. № 31362.

Четвертаков Е.В., А-2008б. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на ул. Грузинской у д. № 30 в 2008 г. Р-1. № 31361.

Четвертаков Е.В., А-2009а. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на территории кремля у здания Арсенала в 2009 г. Р-1. №№ 46735, 46736.

Четвертаков Е.В., А-2009б. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской области в 2009 г. Р-1. № 37276.

Четвертаков Е.В., А-2010а. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на территории кремля в 2010 г. Р-1. № 29922.

Четвертаков Е.В., А-2010б. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской области в 2010 г. Р-1. № 29921.

Четвертаков Е.В., А-2011. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской области в 2011 г. Р-1. №№ 30926, 30927.

Четвертаков Е.В., А-2012. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской области в 2012 г. Р-1. №№ 35798, 35799.

Четвертаков Е.В., А-2013а. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на ул. Почаинской в 2013 г. Р-1. № 46181.

Четвертаков Е.В., А-2013б. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской области в 2013 г. Р-1. Р-1. № 46180.

Четвертаков Е.В., А-2015. Отчет об охранных археологических работах в исторической части г. Нижнего Новгорода в 2015 г. Р-1. № 50438.

Четвертаков Е.В., А-2017. Отчет об археологических разведках на территории Нижегородской области в 2017 г.//Архив ИА РАН. Р-1.

Шакулова Л.Д., А-2003. Отчёт о проведении археологических работ в зоне строительства дома по ул. Ульянова в г. Н-Новгороде в 2003 г. Р-1. №№ 24357–24359.

Яблоков М.А., А-2008. Отчет об археологической разведке в округе д. Ефимьево Богородского р-на Нижегородской обл. в 2008 г. Р-1. № 31329.

Рукописный архив Института истории материальной культуры

(Архив ИИМК, г. С.Петербург)

Ф. 1. 1867. № 18. Л. 5–9. О находке в 1867 г. в дер. Кубаево при рытье ямы 3 серебряных слитков, 800 русских серебряных монет Василия Тёмного и 88 золотоордынских монет 1310–1379 гг. с описью. Дела Археологической комиссии.

Ф. 2. Оп. 1. № 189 (1937 г.). Алихова А.Е. Отчёт о работах Мордовской экспедиции ГИМ. Работы в г. Горьком и Наровчате Куйбышевской области.

Ф. 2. Оп. 1. № 260. Материалы к изданию отчётов за 1937–1939 гг.

Ф. 35. Оп. 1. № 62. Тихомирова В.А. Работы в Горьковской области. 1938.

Российский Государственный исторический архив

(РГИА, г. С.-Петербург)

Ф.1293. Оп.168 (Нижегородская губерния). Ед. хр.4. План г. Н-Новгорода 1769 г.

Ф.1293. Оп.168 (Нижегородская губерния). Ед. хр.7-б. План г. Н-Новгорода 1770 г.

Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 528. План Нижегородской каменной крепости (XVIII в.).

Ф.1293. Оп.167 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 3. Геометрический план г. Н-Новгорода 1802 г.

Ф.1293. Оп.167 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 4. Геометрический план г. Н-Новгорода 1804 г.

Ф. 1289. Оп. 15. Ед. хр. 226. Л. 1. План г. Н-Новгорода 1881 г.

Российский государственный архив Древних актов
(РГАДА, г. Москва)

Ф. 1356. Оп.1. Ед. хр. 2743. Генерального плана Нижегородского уезда часть II (сочинённая землемером титулярным советником Дмитрием Ястребовым, двухвёрстка) 1791 г.

Библиотека Российской Академии Наук (Рукописный отдел)
(БАН, г. С.Петербург)

№ 495. Карта Нижегородского уезда (с частью Балахнинского) 1732 г.

Российский государственный военно-исторический архив
(РГВИА, г. Москва)

Фонд ВУА (военно-учёный архив). № 22224. План Нижегородской крепости с фасадами стен и башен, и с изъяснением 1798 г.

Архив Нижегородского государственного
историко-архитектурного музея-заповедника
(Архив НГИАМЗ, г. Нижний Новгород)

Всп. 999. Полка 31. Папка 53. План строений на месте Дома Советов. Наблюдения и обмер проводил студент ЛГУ С.В. Демьянов.

Издания картографических материалов

План губернского города Нижняго-Новгорода Нижегородской губернии снят запасным землемером Медведевым и классным топографом Лебедевым (съёмка 1848-49гг.). Нижний Новгород: ВГЦ МАГП (переиздание), 1992.

Почвенная карта Нижегородской губернии. Составлена профессором Б.П. Серебряковым и почвоведо-агрономами: С.А.Горшуновым, А.В. Казанским, П.Д. Крыловым, В.М. Троицким, П.Н. Федянцевым под общей редакцией проф. Б.П. Серебрякова. Почвенные исследования 1924–1926 гг. Нижний Новгород: из-

дание Ассоциации по изучению производительных сил Нижегородской губернии, 1929. л. 1.

Топографическая карта СССР масштаба 1:100000 съёмки 1953-60 гг., обновлённой в 1984–85 гг.; издание 1987 г. Листы О-38-136, О-38-137, N-38-006.

Научная литература

Агафонов С.Л., 1987. Горький, Балахна, Макарьев. Москва: Искусство. 328 с.

Агафонов С.Л., 2008. Нижегородский кремль. Нижний Новгород: Кварц. 224 с.

Алексеев А.В., 2007. Новые исследования в округе Звенигорода. Опыт локализации географической номенклатуры разъезжей грамоты 1504 года // Археология Подмосковья. Вып. 3. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН С. 332–344.

Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина В., Рябинин Е.А., 1997. Археология Костромского края / Ред. А.Е. Леонтьев. Кострома: Государственный научно-производственный центр по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл. 274 с.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Издательский дом С-Петербургского университета, 2007. 464 с.

Алихова А.Е., 1948. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Т.1 / Ред. Ю. В. Готье, Н. Ф. Цыганова, Ю. А. Коткова. Саранск: Мордовское гос. изд-во. С. 212–258.

Алихова А.Е., 1959. Из истории мордвы конца I-го – начала II тыс. н.э. / Из древней и средневековой истории мордовского народа // Археологический сборник. Т.2. / Ред. А. П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во. С. 13–54.

Алишев С.Х., 2009. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII–XVI вв. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 159 с.

Антипина Е.Е., Грибов Н.Н., 2013. Жизнеобеспечение городища Городок и его социальный статус в Нижегородской средневековой поселенческой структуре

(по археозоологическим данным) // Зоологический журнал. Том 92. № 9. С. 1001–1013.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., 2005. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. № 4. С. 70–78.

Антонов А.В., Муштафаров А.В., 2001. Вотчинные архивы Нижегородских духовных корпораций XIV – начала XVII веков // Русский дипломатарий. М.: Археографический центр. Вып. 7. С. 415–480.

Антропологическая выставка. 1878–1879. Том II. / Ред. А.П. Богданов. М.: Тип. М. Н. Лаврова и Ко, 1879.

Ануфриева И.В., 2004. Новые археологические материалы по исторической топографии Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета. С. 22–38.

Ануфриева И.В., 2005. Археологические исследования на территории Нижнего Новгорода во второй половине XIX – середине XX вв. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 9 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета. С. 35–47.

Ануфриева И.В., Четвертаков Е.В., 2012. Новые археологические материалы по топографии укреплений нижегородского детинца // Культурный слой / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета. С. 11–18.

Анучин С.Б., Черников В.Ф., 1991. Археологические памятники открытые Б.А. Сафоновым // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к «Своду памятников истории и культуры РСФСР». Выпуск 1 / Ред. Ф.В. Васильев. Нижний Новгород: Нижегородский университет. С. 153–159.

Артемьев А.Р., 1998. Города Псковской земли в XIII–XV веках / Отв. ред. В.В. Седов. Владивосток: изд-во Дальневосточного отделения РАН. 420 с.

Археологическая карта России. Костромская область. Составитель К.И. Комаров / Ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН, 1999.

Архангельский С.И., 1927. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.

Архангельский С.И., 1929. Волжский водный путь и Нижегородский край в XIII–XV веке // Нижегородский краеведческий сборник. Труды Нижегородского научного общества по изучению местного края. Т. 2. Нижний Новгород: Тип. «Нижполиграф». С. 126–145.

Археология. Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с.

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках // Материалы охранных археологических исследований. Т. 12. / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: ИА РАН, 2009. 524 с.

Базилевич К.В., 1952. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М.: Территория. 541 с.

Барышев И.Б., 2001. Костяные резные крестики-тельники из раскопок Переяславля Рязанского // Ставрографический сборник. Книга I. / Ред. С.В. Гнутова. М.: Древлехранилище. С. 307–310.

Батюков В.А., Муренцова Т.Ю., 2013. Датировка некрополя верхнепосадской церкви св. Николая в Нижнем Новгороде на основании ставрографического материала (по итогам раскопок 2011 г.) // Культурный слой. Вып. 2 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета. С. 14–44.

Бахтин А.Г., 2008. Образование Казанского и Касимовского ханств / Ред. Г.Н. Айплатов. Йошкар-Ола: Марийский госуниверситет, 2008. 252 с.

Бейлекчи В.В., 2005. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). Муром: изд-во Московского психолого-социологического института, 2005. 275 с.

Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси XIII–XV веков // КСИА. Вып. 208. С. 11–19.

Беленькая Д.А., Розанова Л.С., 1988. Ножи с клеймами из Зарядья // Древности славян и Руси. / Отв. ред. Б.А. Тимощук. М.: Наука. С. 18–26.

Белорыбкин Г.Н., 2001. Золотарёвское поселение / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: Издательство ПГПУ. 200 с.

Беляева С.А., 1982. Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV в. Киев: Наукова Думка. 117 с.

Богомоллов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождествено Одинцовского района Московской области // Археология Подмоскovie. Вып. 5 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 281–326.

Богословский М.М., 1909. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Т. 1. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1909. 105 с.

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА РАН, 1991. С. 33–40.

Бойцов И.А., 1992. К вопросу о росте Москвы в XII – первой половине XV в. // Вестник Московского Университета. Серия 8: История. С. 89–95.

Бойцов И.А., 1999. Красноглиняная керамика XV–XVI вв. из Большого Гнездииковского переулкa (Москва) // РА. № 1. С. 152–163.

Болдин И.В., 2003. Сопоставление датировки позднесредневековой керамики Верхнего Подонья и Верхнего Поочья (По морфологическим признакам) // Куликово Поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: сборник статей в двух томах. Том 2. Археология. История, этнография, искусствоведение / Ред. А.Н. Наумов. Тула: Тульский полиграфист. С. 89–95.

Бродель Ф., 1992. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ред. Ю.Н. Афанасьев. М.: Прогресс. 680 с.

Буганов В.И., 1976. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники. М.Н. Тихомиров и летописеведение / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. С. 283–293.

Бугарчев А.И., Петров П.Н., 2018. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой трети XIV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 336 с.

Буланкин С.Н., Гоняный М.И., Ковалевский В.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2008. Средневековое селище Захарово 1 на реке Беяна // Археология Подмосковья. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 242–266.

Валеев Р.М., 2011. Торговля в Поволжье и Приуралье в IX – начале XV веках. Автореферат дисс. док. ист. наук. 07.00.6. Казань. 48 с.

Варфоломеева Т.С., 1994. Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8 / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород. С. 166–182.

Вельяминов-Зернов В.В., 1863. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук. Ч. I. 558 с.

Вернадский Г.В., 1997. Монголы и Русь. М.: Аграф, Тверь: Леан. 480 с.

Веселовский С.Б., 1947. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.–Л.: АН СССР. 496 с.

Веселовский С.Б., 2002. Подмосковье в древности. М.:АИРО-XX. 128 с.

Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю., 1998. Городище Холки на юго-восточной окраине древнерусского государства // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Сборник научных трудов. Вып. 12 / Отв. ред. А.З. Винников. Воронеж: изд-во Воронежского университета. С. 50–71.

Водарский Я.Е., 1973. Население России за 400 лет: XVI – начало XX в. М.: Просвещение. 158 с.

Волков И.В., 2005. Комплекс средневековых монет с поселения у д. Городищи-Юшково Московской области // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тез. докл. и сообщений / Отв. ред. А.А. Молчанов. М.: Альфа-Принт, 2005. С. 108–109

Воронцов А.М., Фомин К.Н., 2009. Комплекс постройки XVI в. из Тульского кремля // Позднесредневековый город II: Археология. История / Ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле». С. 19–34.

Всехсвятский С.К., 1958. Физические характеристики комет. М.: Государственное издательство физико-математической литературы. 575 с.

Вязов Л.А., Мясников Н.С., Петрова Д.А., Михайлов Е.П., Мясникова А.Б., Макарова Е.М., Салова Ю.А., Силанов Р.А., 2018. Исследования археологических памятников среднего Посурья эпохи римских влияний и великого переселения народов (работы 2018 года) // Вестник Чувашского университета. № 4. С. 46–55.

Гайдуков П.Г., 1992а. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп / Отв. ред. В.Л. Янин. М: «МГП «Эвтектика». 198 с.

Гайдуков П.Г., 1992б. Медные монеты Нижегородского княжества // Городецкие чтения (материалы научной конференции) / Ред. Г.Ф. Богданова, В.В. Бровина, Т.В. Гусева, М.В. Седова, В.Л. Янин. Городец: Нижегородская археологическая служба. С. 20–26.

Гайдуков П.Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Наука. 305 с.

Гневушев А.М., 1915. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. 1. Ч. 1. Киев: Тип. Императорского университета. 783 с.

Гнутова С.В., Зотова Е.Я., 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литьё XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва. М.: Интербук-бизнес. 136 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы / Ред. А.А. Тронин. Свердловск: изд-во Уральского университета. 216 с.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука. 212 с.

Гоняный М.И., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2005. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово 1 в Истринском районе Московской области // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 184–210.

Горский А.А., 2004. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. Вып. 4 / Отв. ред. А.А. Горский. М.: Институт Российской истории РАН. С. 140–170.

Горский А.А., 2005. Москва и Орда. М.: Наука. 214 с.

Горский А.А., 2010. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М.: «Индрик». 176 с.

Горюнова Е.И., 1948. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Т.1 / Ред. Ю. В. Готье, Н. Ф. Цыганова, Ю. А. Коткова. Саранск: Мордовское гос. изд-во. С. 6–55.

Готье Ю.В., 1937. Замосковский край в 17 веке. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 411 с.

Греков И.Б., 1975. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М.: Наука. 519 с.

Грибов Н.Н., 1997а. Средневековое городище на месте бывшего Саровского монастыря // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. В.П. Макарихин. Нижний Новгород: Российское историческое общество, Нижегородское отделение. С. 31–58.

Грибов Н.Н., 1997б. О сельском расселении в Нижегородском Поволжье в период XII – начала XV веков по данным археологии // Нижегородский альманах. Выпуск II / Отв. ред. В.П. Макарихин. Нижний Новгород: Нижегородское отделение «Русского исторического общества». С. 102–107.

Грибов Н.Н., 2000. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV вв. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 41–73.

Грибов Н.Н., 2003. Сельская округа средневекового Мурома на правом берегу р. Оки // Уваровские чтения-V / Ред. Т. Б. Купряшина, Ю. М. Смирнов. Муром: Стерх. С.18–22.

Грибов Н.Н., 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Ни-

жегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета. С. 62–91.

Грибов Н.Н., 2007а. Нижегородская округа: итоги и перспективы изучения // КСИА. Вып. 221. М. С. 112–121.

Грибов Н.Н., 2007б. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII – XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1 / Ред. Н.А. Макаров, С.В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 58–67.

Грибов Н.Н., 2008а. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука. С. 253–264.

Грибов Н.Н., 2008б. Древнерусский Городец-на-Волге в контексте археологических исследований // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского государственного университета. С. 26–54.

Грибов Н.Н., 2009. Позднесредневековая белоглиняная керамика из Нижнего Новгорода // Археология Подмосковья. Вып. 5 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2009. С. 327–339.

Грибов Н.Н., 2012. Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация // Археология Подмосковья. Вып. 8 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 155–165.

Грибов Н.Н., 2017а. Нижегородская керамика в свете московских аналогий (к вопросу об атрибуции нижегородских комплексов XV в.) // *De mare ad mare*. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке / Отв. ред. Л.А. Беляев, М.И. Гоняный. Смоленск: ИА РАН. С. 256–274.

Грибов Н.Н., 2017б. О времени появления первых финских погребений на Нижней Оке // КСИА. Вып. 249. Часть 2. С. 28–43.

Грибов Н.Н., 2017в. Сопредельные земли Гороховецкой волости на правом берегу Оки: основные вехи средневекового освоения // Гороховец и земли Ок-

ско-Клязьминского междуречья в XII – XVII вв.: история и археология. Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 63–74.

Грибов Н.Н., 2018а. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города // Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. 592 с.

Грибов Н.Н., 2018б. Большое неукреплённое поселение в посурских владениях Бориса Константиновича Городецкого // Археология Владимиро-Суздальской Руси. Вып. 8 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 99–111.

Грибов Н.Н., 2018в. Подвязыевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.) // Археология евразийских степей. № 1. Казань. С. 190–198.

Грибов Н.Н., 2019а. Стратифицированный средневековый горизонт в Нижегородском кремле: условия формирования и предварительная характеристика // КСИА. Вып. 257. С. 247–260.

Грибов Н.Н., 2019б. Средневековая гончарная посуда с примесью раковины из Нижегородского Поволжья // Поволжская археология. № 2 (28). С. 114 – 129.

Грибов Н.Н., 2020. Русские и мордва в XIII–XV вв.: расселенческий аспект взаимодействия (по археологическим данным) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. № 4 (60). Нижний Новгород. С. 23–34.

Грибов Н.Н., 2021. Сельское окружение русского города эпохи Золотой Орды (по материалам памятников округа Нижнего Новгорода) // Поволжская археология. № 2 (36). С. 164–177.

Грибов Н.Н., 2022а. Нижний Новгород в XIII – начале XIV вв.: город и округа до образования великого Нижегородско-Суздальского княжества // РА. 2022. № 1. С. 124–138.

Грибов Н.Н., 2022б. Предметы восточного импорта из Нижнего Новгорода: ассортимент находок, археологический контекст, опыт интерпретации // Археология евразийских степей. Вып. 4. С. 37–43.

Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А., 2013. Западное порубежье Болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников Нижнего Посурья) // Поволжская археология. № 4 (6). Казань. С. 79–95.

Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А., Хазиев А.И., 2022. Керамика Старого посада г. Касимова // Археология евразийских степей. Вып. 4. С. 44–53.

Грибов Н.Н., Иванова Н.В., 2001. Каменная иконка из Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 55–64.

Грибов Н.Н., Лапшин В.А., 2008. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. № 15. М.: Наука. С. 141–156.

Грибов Н. Н., Марьенкина Т. А., Иванова Н. В., 2021. Археологические исследования в нижней части Нижегородского кремля (предварительные результаты работ 2018–2019 гг.) // КСИА. Вып. 262. С. 322–338.

Грибов Н.Н., Цепкин Е.А., 2004. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в Средние века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета. С. 71–95.

Гриценко Т.А., Пуцко В.Г., 2000. Русская металлопластика с Куликова Поля // Куликово Поле: вопросы историко-культурного наследия / Отв. за выпуск А.Ю. Кузнецов. Тула: Тульский полиграфист. С. 208–222.

Гришаков В.В., 1992. Керамика XIV–XVI вв. Итяковского городища // Древние поселения Примокшанья / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордовское книжное изд-во. С. 126–142.

Гуревич Ф.Д., 1981. Поливная керамика Новогрудского детинца // СА. № 4. С. 99–109.

Гусева Т.В., 1992. Итоги и перспективы археологического изучения Городца на Волге // Городецкие чтения / Ред. Г.Ф. Богданова, В.В. Бровина, Т.В. Гусева, М.В. Седова, В.Л. Янин. Городец: Нижегородская археологическая служба. С. 32–41.

Гусева Т.В., 1996. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 22–48.

Гусева Э.К., 1986. О ранних изображениях Одигитрии в искусстве Древней Руси // Русское искусство XI–XIII вв. / Ред. В.И. Антонова, Н.Г. Бекенева, Н.В. Розанова. М.: Изобразительное искусство. С. 12–30.

Давыдова А.А., 2001. Березопольский стан Нижегородского уезда в конце XVI – начале XVII века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 115–119.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3. С. 218–232.

Двуреченский О.В., 2007а. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмоскovie: материалы научного семинара. Вып. 3. М. С. 277–331.

Двуреченский О.В., 2007б. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмоскovie: материалы научного семинара. Вып. 3. М. С. 254–276.

Действия НГУАК. Журналы и доклады. Заседания 58–68. Нижний Новгород, 1903. 88 с.

Дубровина Л.А., 2000. Предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве. М.: Языки русской культуры. С. IV–XXVI.

Евглевский А.В., Потёмкина Т.М., 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Сборник научных статей. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: «ДонГУ». С. 181–208.

Егоров В.Л., 2009. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: URSS. 248 с.

Ельников М.В., 2001. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // Татарская археология. № 1–2 (8–9). С. 142–187.

Енукова О.Н., 2005. Жилая постройка средневекового г. Рыльска // Куликово Поле и Юго-восточная Русь в XII–XIV вв. / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: ООО «РИФ «ИНФРА». С. 145–158.

Ерёмин И.О., 1994. Новые данные о месторасположении деревоземляных укреплений нижегородского кремля // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: тезисы докладов V Всероссийской научной конференции «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России» / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Нижний Новгород. С. 128–129.

Ерёмин И.О., 2012. Зачатская башня Нижегородского кремля. История, археология, реставрация. Нижний Новгород: ООО «Ультима». 66 с.

Ерёмин И.О., Муренцова Т.Ю., 2010. Амфора из раскопа на территории Нижегородского кремля // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 12 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета. С. 29–31.

Завьялов В.И., 2018. Археометаллографическое исследование железных предметов из городища Городок // Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М., 2018. С. 314–325 (приложение 4).

Зайдов О.Н., Шеков А.В., 2009. Керамические комплексы средневекового Белева // Позднесредневековый город II: Археология. История: Материалы II Всероссийского семинара. Тула, ноябрь, 2007 / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле». С. 145–176.

Зайцев В.В., 2004. Материалы по русской нумизматике XV века / Ред. А.С. Мельникова. Киев: Юнона Монета. 144 с.

Зайцев В.В., 2006. Русские монеты времени Ивана III и Василия III / Ред. А.С. Мельникова. Киев: Юнона Монета. 208 с.

Зайцев В.В., 2009. Редкие и неизданные медные русские монеты XIV–XV

вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3 / Отв. ред. В.В. Зайцев. М.: Древлехранилище. С. 33–60.

Зайцев В.В., 2012. О денежном чекане Василия Ивановича Ярославского (1434–1436 гг.) // Нумизматический сборник ГИМ. Том XIX. Труды ГИМ. Вып. 192 / Отв. ред. И.В. Ширяков. М.: ГИМ. С. 108–113.

Закирова И.А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука. С. 220–243.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.

Зацаринный С.В., 2003. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (К вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово Поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: сборник статей в двух томах. Том 2 / Ред. А.Н. Наумов. Тула: музей-заповедник «Куликово Поле». С. 96–112.

Зимин А.А., 1972. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль. 452 с.

Зимин А.А., 1991. Витязь на распутье: феодальная война в России XV века. М.: Мысль. 286 с.

Зимин А.А., Копанев А.И., 1970. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. / Материалы по истории европейского Севера СССР // Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда: Археографическая комиссия АН СССР, Вологодский пединститут. С. 432–486.

Иванова М.Г. Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. 294 с.

Иванова Н.В., 2000. Нижегородская глиняная игрушка (по материалам археологических раскопок 1999 г. в Крутом переулке) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 87–93.

Иванова Н.В., 2003. Гончарная керамика Балахны // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 36–48.

Игнатъев В.И., 1966. Методы полевых исследований красноцветных отложений. Казань: изд-во Казанского университета. 208 с.

Игушев А.Р., Клёнов М.В., Савельева Э.А., 2000. Осадные городки XV–XVII вв. на территории Коми края. Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения РАН. 28 с.

Ильин А.А., 1940. Классификация русских удельных монет. Вып. 1. Л.: Гос. Эрмитаж. 44 с.

Ильин А.А., 2012. Великое княжество Московское // Труды государственного Эрмитажа. Т. 61. Материалы и исследования Отдела нумизматики. СПб.: изд-во Государственного Эрмитажа. С.258–328.

Каптерев Л.М., 1939. Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький: Горьковское изд-во. 184 с.

Карамзин Н.М., 1989. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. М.: Книга. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII.

Кардаш О.В., 2009. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург – Нефтеюганск: ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология», 2009. 359 с.

Карпов С.П., 2001. Средневековый Понт. Lewinston – Queenston – Lamparter: The Edwin Mellen Press. 475 с.

Карпухин А.А., 2007. Опыт применения ГИС для локализации курганных групп Суздальского Ополя, исследованных А.С. Уваровым // Археология Владимиро-Суздальской земли. Выпуск 1 / Ред. Н.А. Макаров, С.В. Шполянский, Л.Л. Гальчук. М.: ИА РАН. С. 43–49.

Каштанов С.М., 1970. Очерки русской дипломатики. М.: Наука. 498 с.

Каштанов С.М., 1996. Из истории русского средневекового источника (Акты XV–XVI вв.). М.: Наука. 263 с.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / Ред. Б.А. Рыбаков. Наука. 138 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Кирпичников А.Н., 1980. Древний Орешек. Историко-археологические

очерки о городе – крепости в истоке Невы / Ред. Б.А. Рыбаков. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 127 с.

Кириянов И.А., 1956а. К вопросу о времени основания Нижнего Новгорода. Горький: Горьковский областной краеведческий музей. 33 с.

Кириянов И.А., 1956б. Нижегородский Кремль. Очерк истории Кремля в г. Горьком. Горький: Книжное изд-во. 116 с.

Кириянов И.А., 1961. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький: Горьковское книжное изд-во. 108 с.

Кириянов И.А., 1968. Нижегородский Кремль. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во. 152 с.

Кириянов И.А., 2001. К истории строительства Нижегородского кремля // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI века: материалы научной конференции. 13–14 сентября 2000 года / Ред. Н.Н. Бахарева. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2001. С. 19–24.

Клейн Л.С., 2011. История археологической мысли. В 2 томах. Т. 1. Спб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета. 688 с.

Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2000. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. II / Гл. ред. П.Н. Петров Москва: «ИПР «Информэлектро». С. 56–147.

Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2002. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, г. Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. IV. Нумизматический сборник. Том 3 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Информэлектро. С. 73–165.

Клосс Б.М., 2000. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 7. Воскресенская летопись. М.: Языки русской культуры. С. 4–6.

Клосс Б.М., 2004. Предисловие к изданию 2004 г. // ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры. С. III–VI.

Клосс Б.М., 2006. Предисловие к изданию 2006 г. // ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси. С. V–XV.

Кобрин В.Б., 1985. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М.: Мысль. 278 с.

Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии / Археологические памятники Москвы и Подмосковья // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9. М.: Музей истории города Москвы. С. 103–133.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. С. 98–109.

Коваль В.Ю., 2002. Предметы вооружения и воинского снаряжения из Ростиславля Рязанского // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ООО «ТНИИР-Центр». С. 381–389.

Коваль В.Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово Поле и Юго-восточная Русь в XII–XIV вв. / Ред. А.Н. Наумов. Тула: ООО «РИФ «Инфра». С. 251–265.

Коваль В.Ю., 2006. Восточная поливная керамика из раскопок Казани // Казань в средние века и ранее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории АН РТ. С. 23–48.

Коваль В.Ю., 2008. Поливная керамика с рельефным декором на Руси // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Выпуск 4 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 27–32.

Коваль В.Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII века / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: Наука. 269 с.

Коваль В.Ю., 2013. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре // ПА. № 4. С. 9–33.

Коваль В.Ю., 2019. Московская чернолощёная посуда // Археология Подмосковья. Вып. 15 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 383–400.

Коваль В.Ю., Судаков В.В., 1995. Средневековая восточная керамика из Переяславля Рязанского // Археологические памятники среднего Поочья / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань. С. 120–139.

Козлова А.В., 2006. Некоторые восточные традиции украшений XIII–XV вв. в Великом Новгороде // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара, посвящённого памяти академика В.В. Седова / Отв. ред. И.К. Лабутина. Псков. С. 221–232.

Кокорина Н.А., 1999. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская археология. № 1–2 (4–5). Казань. С. 77–102.

Кокорина Н.А., 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур. Казань: Институт истории АН РТ. 383 с.

Кокорина Н.А., 2004. Керамика Камаевского городища конца XIV первой половины XVI вв. (по материалам раскопок 1972–1988 гг.) // Татарская археология. № 1–2 (10–11), 2002–2003. Казань. С. 47–99.

Кокорина Н.А., 2006. Опыт этнической дифференциации так называемой поволжско-финской керамики XIII–XVI вв. // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений. Казань: РАЦ «Школа». С. 298–313.

Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г., 1999. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // Татарская археология. № 1–2 (4–5). Казань. С. 103–134.

Коломыц Э.Г., 2005. Бореальный экотон и географическая зональность: атлас – монография. М.: Наука. 390 с.

Колпакова Ю.В., Салмина Е.В., 2003. Раскопки у церкви Богоявления с Запсковья в городе Пскове в 2001 году: погребальный обряд и инвентарь XVI–XVIII вв. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь. С. 63–71.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Том 2 / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР. С. 7–120. (МИА. № 65).

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопкам Новгорода / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука. С. 156–177.

Колызин А.М., 1998. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // РА. № 2. С. 113–122.

Колызин А.М., 2001. Торговля древней Москвы (XII – середина XV вв.). / Отв. ред. В.Л. Янин. М. 280 с.

Королёва Э.В., Харлашов Б.Н., 1994. К вопросу о дворах в средневековом Пскове (по материалам Васильевского раскопа) // Археологическое изучение Пскова. Вып.2 / Отв. ред. В.В. Седов. Псков: Миклош. С. 77–96.

Костыгина Л.А. (Новикова), 1996. К изучению косторезного ремесла древней Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып.1 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь. С. 181–188.

Кравцов П.Н., 2010. Тарная керамика найденная при раскопках 2007 года в Нижегородском кремле // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 12 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского государственного университета, 2010. С. 32–37.

Краснов Ю.А., 1980. Безводнинский могильник. М.: Наука, 1980. 224 с.

Краснов Ю.А., Каховский В.Ф., 1978. Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. / Отв. ред. К.А. Смирнов. М. 192 с.

Кренке Н.А., 2009. Комплексы XIV – первой половины XVI века: характеристика объектов, вещевых находок и керамики // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: ИА РАН. С. 59–66. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).

Крыласова Н.Б., 2007. Типология и хронология стальных кресал Пермского Приуралья // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ. С. 279–291.

Кудрявцев А.А., 2012. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. № 4. С. 119–124.

Куза А.В., 1985. Важнейшие города Руси // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука. С. 66–94. (Археология СССР с древнейших времён до средневековья в 20 томах).

Кузнецов А.А., 2006. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в.: особенности преломления источников в историографии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета. 540 с.

Кузнецов А.А., 2016. Абрамов городок, Старый городок на Дятловых горах: ономастические аспекты развития нарратива о предшественнике Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Вып. 14 / Отв. ред. В.Н. Беляева. Нижний Новгород: изд-во Pixel-print. С. 68–74.

Кузнецов А.А., 2018. Этнополитическая ситуация в регионе устья Оки накануне Бытыева нашествия // Вестник Российского университета Дружбы народов. Т. 17. № 4. С. 863–889.

Кулинич Г.С., Фридман Б.И., 1990. Геологические путешествия по Горьковской земле. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во. 192 с.

Кунцевич Г.З., 1905. История о Казанском ханстве или Казанский летописец. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова. 681 с.

Куприянов Н.В., Веретенников С.С., Шишов В.В., 1995. Леса и лесное хозяйство Нижегородской области / Ред. Н.В. Куприянов. Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное изд-во. 352 с.

Курбатов О.А., 2009. «Копейный бой» московской конницы в XV–XVII вв. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4 / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово Поле». С. 161–164.

Кучкин В.А., 1974. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. С. 234–260.

Кучкин В.А., 1976. О Нижних Новгородах – «старом» и «меньшом» // История СССР. № 5. С. 223–231.

Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. 350 с.

Кучкин В.А., 2002. Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: Материалы второй областной научно-практической конференции 5–6 декабря 2001 года / Ред. Н.Н. Бахарева. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов администрации губернатора Нижегородской области. С. 82–97.

Кучкин В.А., 2011. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород: Кварц. 272 с.

Кучкин В.А., Флоря Б.Н., 2011. О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород: Кварц. С. 188–214.

Лапшин В.А., 2005. Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001/2002 г. // Вестник Нижегородского университета. Серия История. Вып. 1 (4). Нижний Новгород. С. 89–95.

Лапшин В.А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с.

Лапшин В.А., 2010. Комплексы больших построек XIV века из Нижегородского кремля // Диалог культур и народов средневековой Европы / Отв. ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвоцинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 178–185.

Лапшин В.А., 2012. Датировка нижегородских стеклянных браслетов (по материалам раскопок в Кремле в 2001/02 г.) // Культурный слой. Вып. 1 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета. С. 45–50.

Лапшин В.А., 2022. Топография и хронология Нижегородского кремля XIII–XIV вв. (по материалам раскопок 2001–2002 гг.). СПб.: ИИМК РАН. 224 с.

Лебедев В.П., Клоков В.Б., 2004. Денежное обращение Сарая и его округа после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. V. Нумизматический сборник. Том 4 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая литература. С. 23–75.

Лебедев В.П., Павленко В.М., 2008. Монетное обращение золотоордынского города Маджар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: «ДонНУ». С. 415–486.

Лебедева Е.Ю., 2009а. Результаты археоботанического анализа образцов из городища Городок // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Выпуск 1 / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН. С. 223–227.

Лебедева Е.Ю., 2009б. Исследование археоботанических находок из поселений Ближнее Константиново-1 и Ближнее Константиново-4 // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Выпуск 1 / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН. С.210–222.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: к предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 342 с.

Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988 / Ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. М.: ИА АН СССР. С. 29–98.

Липатов А.А., Медникова Е.Ю., Мусин А.Е., Пескова А.А., 2006. Священные вложения древнерусских энколпионов в контексте литургической практики: возможности комплексного анализа // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: памяти Т. Чуковой / Отв. ред. Е.В. Носов. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 291–308.

Лихачёв Д.С. (при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва), 2001. Текстология: на материале русской литературы X – XVII вв. СПб.: Алетейя. 759 с.

Лопатин Н.В., 2007. Проблемы изучения керамики Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: материалы II заседания, посвящённого памяти проф. А.Р.Артемьева / Отв. ред. И.К. Лабутина. Псков. С. 217–231.

Лурье Я.С., 1976. Общерусские летописи XIV–XV вв. / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука.

Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск: АН БССР. 395 с.

Любавский М.К., 1929. Образование основной государственной территории великорусской народности: заселение и объединение центра. Л.: АН СССР. 175 с.

Любомиров П.Г., 1917. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Петроград: Соцэкгиз. 342 с.

Мавродин В.В., 1945. Образование Древнерусского государства. Л.: изд-во ЛГУ. 431 с.

Мазуров А.Б., 2002. Гончарный горн XIV в. из раскопок в Коломне // Проблемы истории Московского края. Тезисы докладов третьей региональной научной конференции, посвящённой 855-летию Москвы и Подмосковья (Москва, 26 февраля 2002 года) / Отв. ред. Н.И. Смоленский. М.: Народный учитель. С. 15–17.

Мазуров А.Б., 2003. Эволюция Коломны в XIII–XIV веках: от малого города Древней Руси к домену великого князя московского // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука. С. 83–91.

Макарий (Миролюбов) архимандрит, 1999. Памятники церковных древностей. История Нижегородской епархии. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка. 701 с.

Макарихин В.П., 1984. Летописные источники по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского Поволжья в XIII–XV вв. Горький: ГГУ. 44 с.

Макарихин В.П., 1985. О титуле великого князя Нижегородского Дмитрия Константиновича в «местных» грамотах XIV века // Верхнее и Среднее Поволжье в период феодализма / Отв. ред. В.П. Макарихин. Горький: ГГУ. С. 19–23.

Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.: Скрипторий. 368 с.

Макаров Н.А., 2017. Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI – первой половине XIII вв.: размеры городских территорий // РА. № 4. С. 57–69.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом Озере. М.: Языки русской культуры. 496 с.

Макаров Л.Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: издательский дом «Удмуртский университет». 140 с.

Макаров Л.Д., 2006. Связи Вятской земли в XII–XV вв. по археологическим материалам // *Finn-Ugrica*. № 9. Казань. С. 131–149.

Максин В. А., Пудалов Б. М., 1998. Докладной судный список 1509 года из архива Нижегородского Печерского монастыря // *Русский дипломатарий* / Отв. ред. А.В. Антонов. М.. Вып. 4. С. 111–119.

Маловичко С.И., 2012. Новая локальная история в актуальном гуманитарном знании // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и республике Польша / Отв. ред. А.Н. Нечухрин. Гродно: Гродненский государственный университет. С. 20–26.

Малыгин П.Д., 1991. Типология и хронология Новоторжской керамики XI–XIV вв. // *Материалы по археологии Новгородской земли, 1990 г.* М.: Новгородская археологическая экспедиция / Ред. В.Л. Янин и др. С. 198–216.

Мартягина А.А., Кузнецов А.А., 2010. Нижегородская «Легенда о Фёдоре Литвиче»: источник или фальсификация? // *Мининские чтения* / Отв. ред. О.С. Аржанова. Нижний Новгород: Редакционно-издательский отдел архива Нижегородской области. С. 372–385.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // *САИ*. Вып. Е1-36. М.: Наука. 182 с.

Медынцева А.А., 1997. Эпиграфика, писала (стили) и церы // *Древняя Русь. Быт и культура* / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука. С. 140–152.

Мельников А.П., 1923. Нижегородская старина. Путеводитель в помощь экскурсантам. Нижний Новгород: Культура. 88 с.

Мельников П.И., 1884. О старом и новомъ городахъ въ Нижнемъ Новгороде // *Труды IV археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года*. Т. I. Казань. С. 178–182.

Мельникова А.С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.: Финансы и статистика. 320 с.

Мец Н.Д., 1962. Некоторые вопросы систематизации монет Суздальско-Нижегородского княжества // Историко-археологический сборник Ред. Д.А. Авдусин, В.Л. Янин. М.: изд-во Московского университета. С. 308–318.

Мец Н.Д., 1964. Датировка «денег московских» с изображением розетки // СА. № 3. С. 321–327.

Мец Н.Д., 1974. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник. Материалы к сводному каталогу. Часть 3. М.: Внешторгиздат. 148 с.

Мильчик М.И., 2009. Коломенский кремль в кругу древнерусских крепостей, построенных итальянцами // Коломна и Коломенская земля: история и культура / Сост. А.Г. Мельник, С.В. Сазонов. Коломна: Лига. С. 128–146.

Михеева А.И., 2006. Керамика поселений памятников Марийского Поволжья XIII–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения) / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ. С. 311–324.

Московская керамика: новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА РАН, 1991. 178 с.

Муравьёва Л.Л., 1983. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М: Институт Российской истории РАН. 152 с.

Мыськов Е.П., 2002. Керамические комплексы русского посёлка и русского квартала Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград: изд-во Волгоградского университета. С. 126–147.

Назаров В.Д., 1999. Служилые князя Северо-Восточной Руси // Русский дипломатарий. Вып. 5. М.: Древлехранилище. С. 175–196.

Назаров В.Д., 2001. О докончании князей В.Ю. и Ф.Ю. Шуйских с князем Дмитрием Шемякой // Поволжье в средние века: тезисы докладов Всероссийской

научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. Т.В. Гусева. Нижний Новгород: изд-во НГПУ. С. 135–141.

Насонов А.Н., 1940. Монголы и Русь. М.–Л.: АН СССР. 178 с.

Недашковский Л.Ф., 2010. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа / Отв. ред. М.Д. Полубояринова. М.: Восточная литература. 351 с.

Несин М.А., 2015. Борьба русских войск с татарами Улу-Мухаммеда на территории Нижегородского края в 1445 г. // Нижегородский край в истории России (памяти профессора Н.Ф. Филатова) / Ред. В.Н. Беляева, М.В. Карташова, Д.А. Антонов. Нижний Новгород: Pixel-print. С. 116–127.

Нестерова М.Е., 2010. Керамика из построек Тверского кремля по данным дендрохронологии // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр. С. 34–47.

Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. 84 с. (САИ. Вып. Е1-34).

Никитин Н.И., 2010. Русская колонизация с древнейших времён до начала XX века (исторический обзор). М.: Институт российской истории РАН. 224 с.

Никитина Т.Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ. 432 с.

Никитина Т.Б., 2006. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // *Finno-Ugrica*. 2005–2006. № 9. Казань. С. 114–130.

Николаева Т.В., 1971. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. 194 с. (САИ. Вып. Е1-49).

Николаева Т.В., 1976. Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука. 288 с.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. (САИ. Вып. Е1-60).

Николаенко Т.Д., 2004. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 1 / Ред. Г.Г. Король. М.: ИА РАН. 384 с.

Николаенко Т.Д., 2006. Основные этапы развития Нижнего Новгорода в 13–17 веках // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М. С. 323–343.

Николаенко Т.Д., 2008. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 2 / Ред. Н.В. Малиновская. М.: ИА РАН. 384 с.

Николаенко Т.Д., 2015. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 4 / Ред. Г.Г. Король. М.: ИА РАН. 478 с.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 211 с.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (новые материалы и исследования). Спб.: Дмитрий Буланин. 402 с.

Оборин В.А., 1976. Раскопки древнего Искора // Археологические открытия 1975 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. С. 191.

Оборин В.А., 1981. Раскопки Искорского городища и святилища // Археологические открытия 1980 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. С. 147, 148.

Овчинникова Б.Б., 1994. Писала средневекового Новгорода // Новгородские археологические чтения / Ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. Новгород. С. 83–86.

Орешников А.В., 1896. Русские монеты до 1547 года. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова. 388 с.

Очеретин И.А., 1994. Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские чтения II / Отв. ред. Т.В. Купряшина. М.: «ИВФ Антал». С. 198–202.

Парийский С.М., 1914. Сообщение о раскопках на территории Кремля в Н-Новгороде // Действия НГУАК. Т. XVII. Вып. 1. Нижний Новгород: Типолитография «Нижегородское печатное дело». С. 39–43.

Перетяткович Г., 1877. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М.: Тип. Грачёва И.В. 338 с.

Персов Н.Е., Солдатёнова В.В., 2007. Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 1992–2002 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 6, том II. Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заедания семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Издательство «Триада». С. 345–379.

Петров П.Н., 1997. Находки джучидских монет на территории Нижегородской области // Древности Нижегородского Поволжья. Сборник статей. Выпуск 2. Нумизматический сборник. Том I / Отв. ред. П.Н. Петров. Нижний Новгород: Конвек. С. 9–24.

Поволяев В., 1867. Начало Казанского царства. М.: Университетская типография. 31с.

Полубояринова М.Д., 1987. Керамика городища Слободка // Никольская Т.И. Городище Слободка XII–XIII вв. / Отв. ред. А.А. Голубева. М.: Наука. С. 169–180.

Полубояринова М.Д., 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука. С. 151–219.

Полубояринова М.Д., 2006. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. № 4. С. 152–159.

Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана. С. 154–268.

Полякова Г.Ф., 2000. О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Отв. ред. И.К. Белоцерковская. М.: ГИМ. С. 232–236. (Труды ГИМ. Вып. 122).

Понырко Н.В., 1988. Житие Макария Желтоводского и Унженского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 1: А–К / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука. С. 291.

Постников А.В., 1989. Развитие крупномасштабной картографии в России / Отв. ред. И.А. Федосеев. М.: Наука. 227 с.

Пресняков А.Е., 1998. Образование Великодержавного государства. М.: Богородский печатник, 496 с.

Прокопенко В., 2020. Короткий огляд функціональних накладок для підвісу сагайдаку з пласким колчаном // Історія давньої зброї. Дослідження 2018: збірник наукових праць Третьої міжнародної зброєзнавчої конференції (Київ, 12–14 червня 2018 р.) / Гл. ред. М. Ф. Дмитрієнко. Київ: Інститут історії України НАНУ. С. 326–351.

Прохоров М.Ф., 1995. Ведомости о посевах и урожае зерновых культур XVIII века как исторический источник (по материалам Нижегородского уезда) // Памятники истории, культуры и природы Европейской России. Тезисы докладов VI научной конференции «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России» / Отв. ред. В.Ф. Васильев. Нижний Новгород: Научно-производственное предприятие «Этнос». С. 28, 29.

Пудалов Б.М., 2000. Нижегородское Поволжье в первой половине XV века // Городецкие чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 3 / Ред. В.В. Бровина, З.С. Коновалова, Л.В. Захарова, С.А. Рябинина. Городец. С. 97–102.

Пудалов Б.М., 2001а. Синодик нижегородских князей (опыт реконструкции) // Памятники христианской культуры Нижегородского края: материалы научной конференции. 29–30 марта 2001 года / Ред. Н.Н. Бахарева. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов администрации губернатора Нижегородской области. С. 8–17.

Пудалов Б.М., 2001б. Начало строительства Нижегородского кремля – памятника XVI века (по летописным источникам) // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI века: материалы научной конференции. 13–14 сентября 2000 года / Ред. Н.Н. Бахарева.

Нижний Новгород: Комитет по делам архивов администрации Нижегородской области. С. 29–37.

Пудалов Б.М., 2001в. Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII – начало XVIII веков). Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический институт. 118 с.

Пудалов Б.М., 2003. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII вв.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области. 216 с.

Пудалов Б.М., 2004. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области. 248 с.

Пудеев А.А., 2014. К вопросу о начальной дате строительства Нижегородского Кремля // Альманах по истории средних веков и раннего Нового времени / Гл. ред. А.Н. Маслов. Нижний Новгород: изд-во ННГУ. С. 175–184.

Пуцко В.Г., 2009. Русская металлопластика XV–XVI вв. из Воротынца // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4 / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово Поле». С. 118–129.

Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы. Том 2 / Ред. А.В. Арциховский. М.–Л.: АН СССР. С. 37–105. (МИА. № 12).

Рабинович М.Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города / Отв. ред. В.В. Покшишевский, К.В. Чистов. М.: Наука. 312 с.

Раппопорт П.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.–Л.: АН СССР. 242 с. (МИА. Вып. 105).

Рикман Э.А., 1953. Новые материалы по топографии древней Твери // КСИ-ИМК. Вып. XLIX. М. С. 39–50.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / Отв. ред. А.А. Бобринский. М.: Наука. 124 с. (САИ. Вып. Е 1-39).

Романова Е.А., 2009. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23 / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород: Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. С. 310–339.

Руденко К.А., 2000. Металлические котлы Поволжья и Приуралья VIII–XIV вв. // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Отв. ред. И.К. Белоцерковская. М.: ГИМ. С. 210–223. (Труды ГИМ. Вып. 122).

Руденко К.А., 2001а. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. / Ред. Г.С. Муханов, Г.Р. Назипова, Л.К. Гущина, Л.Г. Алексеева. Казань: РИЦ «Школа». 220 с.

Руденко К.А., 2001б. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог / Ред. Р.Г. Фахрутдинов, П.Н. Старостин. Казань: Заман. 256 с.

Руденко К.А., 2002. «Татарская земля»: археологические памятники XIV – начала XV вв. в Среднем Поволжье // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Отв. ред. И.К. Белоцерковская. М.: ГИМ. С. 154–165. (Труды ГИМ. Вып. 135).

Руденко К.А., 2003. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии (исследование и каталог) / Ред. Г.С. Муханов, Г.Р. Назипова, Л.К. Гущина, Л.Г. Алексеева. Казань: Заман. 512 с.

Руденко К.А., 2006. Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. № 1–2 (16–17). Казань. С. 28–137.

Русинов Н.Д., 1973. Этимологические заметки по русской лексике // Лексика, терминология, стили. Горький: Горьковский государственный университет. С. 49–53.

Русинов Н.Д., 1990. Нижегородский Новгород Старый в общерусском летописании // Тезисы региональной научно-практической конференции «Исторические наименования – память народа». Горький. С. 47–50.

Русинов Н.Д., 1994. Старый городок // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Ред. О.Н. Трубочёв. М.: Школа-пресс. С. 214.

Рыбаков Б.А., 1949. Из истории московско-нижегородских отношений в начале XV в. (мощевик княгини Марии 1410 г.) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Том 2 / Ред. А.В. Арциховский. М.–Л.: АН СССР. С. 186–191. (МИА. Вып. 12).

Рыбакова О.Е., 2010. Керамический комплекс из постройки XVI в. на юго-восточной окраине Загородского посада г. Твери (по материалам исследований 2000 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр. С. 55–90.

Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XIII–XIV вв. / Отв. ред. И.В. Дубов. Л.: изд-во ЛГЭУ. 200 с.

Салмина Е.В., 1994. Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове // Археологическое изучение Пскова. Вып.2 / Отв. ред. В.В. Седов. Псков: Миклош. С.151–170.

Салмина Е.В., 1996. Возможности реконструкции экологической ситуации по комплексам рыболовного инвентаря (на материалах раскопок в Пскове и Псковской земле) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.10 / Отв. ред. В.В. Седов. Новгород: Новгородский государственный музей-заповедник. С.194–200.

Сарачева Т.Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. С. 73–88.

Сафаргалиев М.Г., 1960. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное изд-во. 276 с. (Учёные записки Мордовского государственного университета. Вып. 11 (а)).

Сафаргалиев М.Г., 1996. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.) / Сост. И.Б. Муслимов. М.: НПО «ИНСАН». С. 280–526.

Сахаров А.М., 1959. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. / Ред. Л.В. Черепнин. М.: изд-во МГУ. 236 с.

Седов В.В., 1958. Гончарная печь из раскопок в г. Владимире // КСИИМК. Вып. 72. С. 78–83.

Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский / Отв. ред. А.В. Куза. М.: Наука. 160 с.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука. 196 с.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир». 320 с.

Селезнёв Ф.А., 2014. История Нижегородского края с древнейших времён до конца XVI в. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета. 198 с.

Селезнёв Ф.А., 2015. Н.Ф. Филатов и историографическая полемика вокруг вопросов об основании Городца и городе-предшественнике Нижнего Новгорода // Нижегородский край в истории России (памяти профессора Н.Ф. Филатова) / Ред. В.Н. Беляева, М.В. Карташова, Д.А. Антонов. Нижний Новгород: Pixel-print. С. 130–141.

Семёнов Л.С., 1980. Путешествие Афанасия Никитина / Отв. ред. Р.Г. Скрынников. М.: Наука. 144 с.

Сенюткин С.Б., 2001. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. / Отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Нижний Новгород: изд-во ННГУ. 417 с.

Сербина К.Н., 1963. Летописный свод 1518 г. // Вопросы историографии и источниковедения СССР / Ред. С.Н. Валк. М.–Л.: АН СССР. С. 587–608.

Сингатуллина А.З., 1998. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. // Татарская археология. № 1 (2). Казань. С. 52–87.

Ситдигов А.Г., 2005. Археологическое изучение ханской Казани (материалы исследований Казанского Кремля 1994–2003 гг.) // Татарская археология. № 1–2 (14–15). Казань. С. 24–62.

Ситдииков А.Г., 2006а. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань. 188 с.

Ситдииков А.Г., 2006б. Волжская торговля в XV–XVI вв. // Татарская археология. № 1–2 (16–17). Казань. С. 170–189.

Ситдииков А.Г., 2010. Торговля Казанского ханства (XV–XVI вв.) // Русь и Восток в IX – XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука. С. 192–201.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 2: Л – Я / Ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1989. 527 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XXII в.). Часть 2 / Ред. Д.С. Лихачёв. СПб.: Наука, 1993. 438 с.

Смирнова Г.П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопов 1951–1954 гг.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1 / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР. С. 228–248. (МИА. № 55).

Смирнова Л.И., 1994. Ещё раз о тупых стрелах (К вопросу об охотничьем промысле в средневековом Новгороде) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8 / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород: Новгородский государственный музей-заповедник, 1994. С. 143–156.

Смирнова Л.И., 1999. Проколки. Хронология и функциональное назначение / Отв. ред. В.Л. Янин // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13 / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород: Новгородский государственный музей-заповедник. С. 142–162.

Смирнова Л.С., Званцева Т.З., 1991. Церкви Нижнего Новгорода, уничтоженные и уцелевшие. Краткий путеводитель по старому городу. Нижний Новгород: Нижегородское книжное изд-во. 80 с.

Снежневский В.И., 1891. Балахонское Усолъе // Действия НГУАК. Вып. 11. Нижний Новгород: Типолитография «Нижегородское печатное дело». С. 591–608.

Солдатёноква В.В., Персов Н.Е., 2005. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов

средневековой Твери XV–XVI веков // Ставрографический сборник. Книга III: Крест как личная святыня / Ред. С.В. Гнутова. М.: Древлехранилище. С. 210–222.

Соловьёв С.М., 1998. История России с древнейших времён: в двадцати девяти томах. Том 2. М.: Полярис. 559 с.

Сорокин А.Н., 1998. Благоустройство усадеб в древнем Новгороде // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 248–276.

Сочнев Ю.В., 1991. Ещё раз о “старом городке” и времени основания Нижнего Новгорода // Нижегородский край в эпоху феодализма / Ред. В.П. Макарихин. Нижний Новгород. С. 16–29.

Срезневский И.И., 1989. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание 1902 г. Т. II. Ч. 1. М.: Книга. 920 с.

Средневековое поселение Настасьино / Ред. А.В. Энговатова. М., 2004. (Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2).

Судаков В.В., 1996. Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Окского бассейна / Ред. И.В. Белоцерковская, В.П. Челябинов. Рязань: ГИМ. С. 159–186.

Судаков В.В., Буланкин В.М., 2005. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 241–261.

Сыроватко А.С., Черкасов В.В., 2010. Керамические комплексы XVI в. из Коломны и селища Романовское (о позднесредневековой коломенской традиции гончарного производства) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ОАО «Тверская областная типография». С. 91–109.

Творогов О.В., 1970. О Хронографе редакции 1617 г. // ТОДРЛ. Т. 25 / Ред. Д.С. Лихачёв, М.А. Салмина. М.–Л.: Наука. С. 162–177.

Тихомиров М.Н., 1956. Древнерусские города / Ред. Ю. Тихонов. М.: Государственное изд-во политической литературы. 480 с.

Тихомиров М.Н., 1972. Российское государство XV–XVII веков / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука. 424 с.

Травкин П.Н., 1996. Раскопки Плесского музея-заповедника // Археологические открытия 1995 года / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 190–192.

Тростьянский О.В., 2009. Монеты Великого княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. / Ред. О.Н. Широков. М.: Нумизматическая литература. 180 с.

Трофимов И.В., Кирьянов И.А., 1952. Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. Крепостные сооружения Древней Руси / Отв. ред. Н.Н. Воронин. М.–Л.: АН СССР. С. 319–346. (МИА. № 31).

Ульянова Т.Н., 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 195–221.

Фетищев С.А., 2003. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. М.: Древлехранилище. 221 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: изд-во МГУ. 274 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1981. Монеты Московской Руси. М.: изд-во МГУ. 224 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1989. Монеты Нижегородского княжества / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: изд-во МГУ. 254 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 2003. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф. 352 с.

Филатов Н.Ф., 1994а. Изначалие // Нижегородский край: факты, события, люди / Ред. Н.Ф. Филатов, А.В. Седов. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 15–27.

Филатов Н.Ф., 1994б. XV век: пора утрат и начало возрождения // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний / Ред. Н.Ф. Филатов, А.В. Седов. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 38–44.

Филатов Н.Ф., 1999. Старый городок XII века в устье Оки – предшественник Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 104–198.

Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии / Отв. ред. В.В. Кропоткин. М.: Наука. 240 с.

Френ Х.Д., 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой орды, с монетами разных иных Мухаммеданских династий в прибавлении. СПб.: типография Академии наук. 80 с.

Ханенко Б.И. и В.Н., 1899. Древности русские. Кресты и образки. Вып.1. Киев: фототипия и тип. С.В. Кульженко. 33 с.

Ханенко Б.И. и В.Н., 1900. Древности русские. Кресты и образки. Вып.2. Киев: фототипия и тип. С.В. Кульженко. 25 с.

Харитонычев А.Т., 1978. Природа Нижегородского Поволжья / Ред. М.В. Студеникин. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во. 175 с.

Харлашов Б.Н., 1994. Некоторые итоги раскопок на Завеличье // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Седов. Псков: Миклош. С. 44–76.

Хлебникова Т.А., 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука. С. 7–150.

Храмцовский Н.И., 1998. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка. 607 с.

Худяков М.Г., 2004. Очерки по истории Казанского ханства. М: «Аврелия». 280 с.

Черепнин Л.В., 1960. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М.: Соцэкгиз. 899 с.

Чернов С.З., 1989. Комплексное исследование русского средневекового ландшафта (экология культурной среды) // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: МГУ. С. 168–178.

Чернов С.З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА РАН. С. 20–32.

Чернов С.З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // Московская керамика. Новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА РАН. С. 50–55.

Чернов С.З., 2004. Домен московских князей в городских станах, 1251–1505 годы // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты, в 3 т. Т. 2 / Отв. ред. В.Л. Янин, В.Д. Назаров. М.: Наука. 651 с.

Чеченков П.В., 1999. К вопросу о местонахождении «старого городка» в Нижнем Новгороде // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов–99». История (МГУ, 23–24 апреля 1999 г.). М.: МГУ. С. 25–27.

Чеченков П.В., 2001а. Интеграция нижегородских земель в политическую систему великого княжества Московского в конце XIV – первой половине XV века // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI века: материалы научной конференции. 13–14 сентября 2000 года / Ред. Н.Н. Бахарева. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов администрации Нижегородской области. С. 45–57.

Чеченков П.В., 2001б. Золотая Орда и Нижегородская земля в конце XIV – первой четверти XV вв. // Поволжье в средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова – Давыдова / Отв. ред. Т.В. Гусева. Нижний Новгород: изд-во НГПУ. С. 130–131.

Чеченков П.В., 2002. Нижегородский кремль XIV–XV веков // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: Материалы второй областной научно-практической конференции 5–6 декабря 2001 года / Ред. Н.Н.

Бахарева. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов администрации губернатора Нижегородской области. С. 111–118.

Чеченков П.В., 2003. Князья суздальского дома в борьбе за власть в Нижегородском великом княжестве // Мининские чтения / Отв. ред. В.П. Макарихин. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета. С. 89–100.

Чеченков П.В., 2004а. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления / Ред. Т.В. Гусева. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области. 140 с.

Чеченков П.В., 2004б. О земельной политике московских великих князей на Казанском порубежье в середине XV – первой трети XVI в. (на примере Нижегородского уезда) // Вестник Нижегородского университета. Серия История. Выпуск 1 (3) / Гл. ред. Р.Г. Стронгин. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета. С. 157–168.

Чеченков П.В., 2005а. К вопросу об экономическом развитии Нижегородского края в конце XIV – первой половине XVI века // Нижегородский краеведческий сборник. Т. 1 / Ред. А.Д. Бубнов, А.И. Давыдов, Д.Д. Деньгин, Е.В. Медоваров, Б.И. Фридман. Нижний Новгород: НОНО «Кабинет методов краеведческой работы и развития Нижегородской агломерации». С. 156–180.

Чеченков П.В., 2005б. Казанское порубежье во внешней политике русского государства первой трети XVI в. // Мининские чтения / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета. С. 150–165.

Чеченков П.В., 2007а. Пути московской политики в Нижегородском княжестве (первая половина XV в.) // Государство и общество в России XV – начала XX вв. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Ред.-сост. А.П. Павлов. СПб.: Наука. С. 94–105.

Чеченков П.В., 2007б. Суздальские Рюриковичи и правители Золотой Орды в первой четверти XV в. // Мининские чтения / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Нижний Новгород: изд-во ННГУ. С. 339–354.

Чеченков П.В., 2010. Спорные вопросы истории Нижегородского кремля XIV – начала XVI вв. // Материалы V Нижегородской межрегиональной архиво-

ведческой конференции «Святыни земли Нижегородской. Нижегородский кремль» / Ред. Б.М. Пудалов, Е.Б. Авдеева, О.С. Аржанова, У.Н. Белова, В.Г. Березуцкий, А.А. Глазырина, О.И. Московченко. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области. С. 13–25.

Чеченков П.В., 2012. Новая песня о «Старом» // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории / Отв. ред. О.С. Аржанова, А.А. Кузнецов, А.В. Морохин, Б.М. Пудалов. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области. С. 5–31.

Чеченков П.В., Кузнецов А.А., 2007. Список 1594 г. правой грамоты 1511 г. из архива нижегородского Печёрского монастыря // Мининские чтения / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Нижний Новгород: изд-во ННГУ. С. 355–376.

Шайдакова М.Я., 2006. Нижегородские летописные памятники XVII в. / Отв. ред. В.А. Кучкин. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета. 281 с.

Шакиров З.Г., Хамзин Р.Н., 2011. Исследования на территории г. Нижнего Новгорода // Археологические открытия 2008 года. М.: Языки славянской культуры. С. 244–246.

Шапран И.Г., 2002. Традиционный женский костюм марийцев бассейна Вятки XVI – начала XIX в. (по данным археологии) // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья / Ред. В.И. Бацекало. Ижевск: Издательский джом «Удмуртский университет». С. 242–287.

Шитов В.Н., 1992. Старокадомское поселение // Древние поселения Примокшанья. Труды научно-исследовательского института языка, литературы и экономики при правительстве Мордовской ССР. Вып. 104 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордовское книжное изд-во. С. 104–125.

Шитов В.Н., 2000. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Тип. «Красный Октябрь». С. 52–60.

Шомысов Н.М., 1952. Геологические экскурсии в окрестностях города Горького. Горький.

Шостьин Н.А., 1975. Очерки русской метрологии XI–XIX веков. М.: Изд-во стандартов. 272 с.

Шполянская Д.В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождествено 1 (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Выпуск 4 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 267–275.

Щегольков Н., 1911. Исторические сведения о городе Арзамасе собранные Николаем Щегольковым. Арзамас: Типография Н. Доброхотова. 273 с.

Щукин М.Б., 1978. Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Вып. 2 / Ред. М.И. Артамонов, Л.С. Клейн. Л. С. 28–33.

Экземплярский А.В., 1891. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб.: Издание графа И.Н. Толстого. 696 с.

Янин В.Л., 1971. Успехи и проблемы изучения вспомогательных дисциплин русской истории // Археографический ежегодник за 1969 год. М.: Наука. С. 200–205.

Янин В.Л., 1973. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 3. С. 67–78.

Янин В.Л., 1977. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высшая школа, 1977. 240 с.

Harris C.D., Ullman E.L., 1945. The Nature of Cities // Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. Vol. 242. P.7–17.

Mainov V., 1889. Les restes de la mythologie Mordvine // Journal de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki. 1889. V. 4–291.

Retowski O., 1901. Die Munzen der Girei // Труды Московского нумизматического общества. Т.2. Вып.3 / Ред. А.В. Орешников. М.: Типография и словология О.С. Гербека. 107 с.

Сокращения

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
конца XIV – начала XVI в.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI вв.

БАН – Библиотека Академии наук (г. С.Петербург)

ГГУ – Горьковский государственный университет

ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва).

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV –
XVI вв.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры (г. С.Петербург)

ИГАИМК – Известия государственной академии материальной культуры

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и
истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МГУ – Московский государственный университет им. М.И. Ломоносова

НАНУ – Национальная Академия наук Украины

НГИАМЗ – Нижегородский государственный историко-архитектурный
музей-заповедник

НГУАК – Нижегородская губернская учёная архивная комиссия

ННГУ – Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов

ПА – Поволжская археология

ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

РГАДА – Российский государственный архив Древних актов (г. Москва)

РГБ – Российская государственная библиотека (г. Москва)

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)

РГИА – Российский Государственный исторический архив (г. С.Петербург)

СА – Советская археология

Сборник РИО – Сборник Императорского Русского Исторического Общества

САИ – Свод археологических источников

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской
литературы Российской академии наук

ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области (г. Нижний Новгород)

AD – Anno Domini – наша эра

BC – Before Christ – до нашей эры

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук

на правах рукописи

Грибов Николай Николаевич

**Нижний Новгород и его округа во время
формирования единого Русского государства**

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук
Специальность 5.6.3. – археология

Том 2

Москва

2023

Оглавление

Приложение 1. Список мест проведения раскопок и шурфовочных работ в исторической части г. Нижнего Новгорода	3
Приложение 2. Список мест археологических наблюдений на строительных объектах и участков сбора подъемного материала в исторической части г. Нижнего Новгорода	10
Приложение 3. Каталог археологических памятников Нижегородской округи XIII–XIX вв.....	21
Приложение 4. Описание опорных керамических комплексов XIII–XVI вв.....	36
Приложение 5. Списки монет XIV–XVI вв. из г. Нижнего Новгорода и городища Городка.....	51
Приложение 6. Список иллюстраций.....	78
Приложение 7. Альбом иллюстраций (рис. 1–221).....	119

Приложение 1

Список мест проведения раскопок и шурфовочных работ в исторической части г. Нижнего Новгорода (1877–2021 гг.)

№	Места исследования	Вскрытия		Исследователь, год исследования, источник
		Чис- ло, вид	Пло- щадь (кв.м)	
1	Холодный пер., 2, вблизи Покровской церкви	Р	?	Майнов, 1877. Mainov V., 1889.
		4 Р	81	Алихова А.Е., 1937. Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 189 (1937 г.).
2	Кремль, внутри и у стен собора Михаила Архангела	2 Ш	6,3	Воронин Н.Н., 1939. Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 260. Л. 47.
		Р; Ш	166	Воронин, А-1960.
3	Внутри и у стен церкви Жён Мироносиц (Добролюбова ул., 13А)	Р	?	Кириянов, А-1949.
		5 Ш	19,46	Ерёмин, А-2002, А-2003б
4	Кремль, между Георгиевской и Пороховой башнями	Ш	?	Кириянов, А-1949.
5	Кремль, у Кладовой башни	Ш	около 12	Кириянов, А-1952.
6	Кремль, внутри помещения у Ивановской башни	Ш	около 10	Матвеева, А-1956.
7	Кремль, в 10 м к западу от собора Михаила Архангела	Ш	24	Черников, А-1964.
8	Кремль, к югу от собора Михаила Архангела	Р	112	Черников, А-1964.
9	Кремль, в 15 м к востоку от собора Михаила Архангела	Р	33	Черников, А-1973.
10	Кремль, во дворе корпуса 2	3 Р	292	Черников, А-1977, А-1978, А-1979.
11	Минина пл., продолжение ул. Варварской	Р	80	Гусева, А-1988.
12	Почаинская ул., на правом берегу Почаинского оврага	2 Ш	16	Гусева, А-1989.
13	Кремль, раскоп 2 у южных фасадов корпусов 8 и 9	Р	50	Гусева, А-1989.

14	Кремль, раскоп 3 у северного фасада корпуса 10	Р	70,4	Гусева, А-1989.
15	Кремль, участок А раскопа 1 у Ивановского спуска	Р	30	Гусева, А-1989.
16	Кремль, участок Б раскопа 1 у южного фасада корпуса 7	Р	110	Гусева, А-1989.
		2 Ш	9,5	Баранов, А-2019б.
17	Крутой пер., 6, к востоку	2 Р	132	Гусева, А-1991.
		2 Р	301	Грибов, А-1999.
18	Грузинская ул., 24 – 28	Ш	2	Гусева, А-1992.
19	Пискунова, 22, во дворе	Ш	2	Гусева, А-1992.
		Ш	9	Аникин, А-2003а.
20	Мельничный пер.	2 Ш	4	Гусева, А-1992.
21	Б.Покровская, 4, подвал	Р	38,28	Гусева, А-1992.
22	Благовещенский монастырь, северная ограда	3Ш; 2 Р	68,4	Ерёмин, А-1994, А-1995.
23	Кремль, к северо-востоку от Кладовой башни	Ш	16	Очеретин, А-1994.
24	М.Покровская ул., 4 – 6	2 Ш	2	Аникин, А-1995.
25	Б.Печёрская ул., 5	Ш	3,5	Гусева, А-1995.
26	Шевченко ул., в 20 м к юго-востоку от городища Городок, с напольной стороны	Ш	1	Ерёмин, А-1995.
27	Шевченко ул., в 95 м к юго-востоку от городища Городок, с напольной стороны	Ш	1	Ерёмин, А-1995.
28	Верхняя площадка юго-западного мыса при устье Похвалихинского оврага	3 Ш	3	Ерёмин, А-1995.
29	Ульянова ул., 38	Ш	4	Очеретин, А-1995.
30	Ильинская ул., внутри церкви Ильи Пророка	Ш	8	Ерёмин, А-1995.
31	Б.Печёрская – Минина – Нестерова ул.	Ш	4	Аникин, А-1996б.
32	Кремль, в районе бывшего трамвайного депо	2 Ш	11,16	Гусева, А-1996.
33	Крутой пер. – Федоровского наб.	2 Ш	6,65	Гусева, А-1996.
34	Крутой пер., к западу от Успенской церкви	2 Ш	13,4	Ерёмин, А-1996.
35	Шевченко ул., напротив церкви	3 Ш	6	Ерёмин, А-1996.
36	Варварская ул., 3	Ш	10	Аникин, А-1997а.
37	Ульянова ул., 6	Ш	4	Грибов, А-1997а.
38	Минина пл., на месте фонтана	Р	40	Гусева, А-1997.
39	Театральная пл., на углу с ул.	Р	374	Ерёмин, А-1997.

	Пискунова			
40	Театральная пл., на месте гостиницы «Москва»	2 Р	837	Ерёмин, А-1997.
41	Университетский пер., 7	Р	48,45	Ануфриева, А-1998а.
42	Пожарского ул., 18	Р	80	Гусева, А-1998.
43	Рождественская ул., 34 – 34А	Ш	6	Дмитриевский, А-1998.
44	Рождественская ул., 13	Ш	4	Дмитриевский, А-1998.
45	Почтовый съезд, 15	Ш	16	Маслов, А-1998.
46	Рождественская ул., 22	Р	40	Дмитриевский С.М., 1999.
47	Верхне-Волжская наб., 4	Р	196	Гусева, А-1999.
48	Кремль, корпус 1А	2 Ш	4	Кикеев, А-2000а.
		Р	970	Лапшин, А-2001.
49	Минина ул., 8	Р	76	Носкова, А-2000.
		Ш	12	Гусева, А-2001.
50	Пискунова ул., 24	Ш	8,6	Ануфриева, А-2001а.
		Р	197	Ерёмин, А-2002.
51	Минина ул., 6А	2 Ш	2	Гусева, А-2002.
52	Кремль, к югу от корпуса 1А	Р	27,62	Гусева, А-2002.
53	Пожарского, 20	Р	144	Гусева, А-2002.
54	Благовещенский монастырь, внутри больничных палат	Р	70	Ерёмин, А-2002.
55	Нестерова ул., 7	4 Ш	16	Ерёмин, А-2002.
56	Б.Покровская ул., на пересечении с ул.Октябрьской	3 Ш	12	Ерёмин, А-2002.
57	Володарского ул., 57	Ш	4	Иванова, А-2002б.
58	Славянская ул., 23	3 Ш	3	Ерёмин, А-2003б.
59	Ульянова ул., 9	Р	164	Шакулова, А-2003.
60	Минина ул., 10; Верхне-Волжская наб., 6	Ш	19,5	Кикеев, А-2003б.
61	Кремль, с востока от корпуса 1А	2 Ш	около 6	Зарубин, А-2004.
62	Кремль, с запада от корпуса 1А	4 Ш	около 6	Зарубин, А-2004.
63	Пискунова ул., 22	Р	86	Кикеев, А-2004.
64	Октябрьская ул., 22	Р	60	Аникин, А-2005б.
65	Минина пл., на месте кафе «Олень»	2 Р	111,62	Ануфриева, А- 2005б.
66	Добролюбова ул., 20, в 40 м к востоку от церкви Жён Мироносиц	Ш	4	Зарубин, А-2005.
67	Пожарского ул., 1А	2 Ш	13,44	Зарубин, А-2005.
68	Пискунова ул., 28, 30	Р	более 100	Кикеев А.Н., 2005.

69	Кремль, в западной части, на месте здания правительства Нижегородской области	4 Ш	16	Ерёмин, А-2006.
		Р	более 3500	Ерёмин И.О., 2006; Николаенко, 2015. С. 192.
70	Ковалихинская ул., 6–8	Ш	1	Очеретина, А-2006.
71	Казбекский пер., 4	Ш	4	Аникин, А-2007б.
72	Кремль, внутри корпуса 6, северная часть	Р	440	Губайдуллин, А-2007.
73	Зеленский съезд, на пересечении с ул. Ильинской	Ш	4	Лебедева, А-2007в.
		Ш	4	Антонов, А-2008.
74	Варварская ул., 4, 6	Р	196	Лебедева, А-2007а.
75	Минина ул., 1А	2 Р	446,8	Лебедева, А-2007б.
76	Б.Покровская ул., 10В	Ш	3,5	Ануфриева И.В., 2007.
77	Б.Покровская ул., 6	Р	93,6	Ануфриева И.В., 2007.
78	Плотничный пер., 10/42	Ш	4	Аникин, А-2008б.
79	Варварская ул., 4, 6, южнее раскопа 2007 г.	Р	909	Данилов, А-2008.
80	Верхне-Волжская наб., 2А	19 Ш; 3 Р	332,57	Лебедева, А-2008а, 2009а.
		Р	5500	Письмаркина, А-2020б.
81	Кремль, в западной части, у корпуса 12	Р	828	Пигарев, А-2008.
82	Рождественская ул., 22	Р	142	Хамзин, А-2008.
83	Грузинская ул., 28, 30, 38А	Р	54	Четвертаков, А- 2008б.
84	Кремль, внутри корпуса 6, центральная часть и южное крыло	Р	1420	Шакиров З.Г., 2008: Шакиров, Хамзин, 2011. С. 233–246.
85	Кремль, проезжая часть Ивановского спуска у Дмитровской башни	Ш	1,06	Четвертаков, А-2009а.
86	Кремль, проезжая часть Ивановского спуска у Дмитровской башни	Ш	3,06	Четвертаков, А-2009а.
87	Кремль, у южного крыла корпуса 6	Ш	6,25	Четвертаков, А-2009а.
		Ш	8	Баранов, А-2019б.
88	Кремль, сквер у северного крыла корпуса 6	Ш	6,25	Четвертаков, А-2009а.
89	Кремль, внутри северного крыла корпуса 6	Ш	5	Четвертаков, А-2009а.
90	Кремль, у восточного фасада корпуса 10	Ш	4,2	Четвертаков, А-2010а.
91	Кремль, к западу от Аллеи Славы	Ш	6,24	Четвертаков, А-2010а.
		Ш	12,2	Баранов, А-2019б.

92	Кремль, в 3,8 м к северу от корпуса 6 и в 6,5 от кремлёвской стены	Р	25	Четвертаков, А-2010а.
93	Ильинская ул., 46	2 Ш	6	Четвертаков, А-2010б.
94	Пожарского ул., 6	Ш	6	Бакулин, А-2011б.
95	Кремль, Зачатская башня, внутри и рядом	3Ш	40	Королёв, А-2011.
96	Театральная пл., ул.Пожарского	Р	625	Батюков В.А., 2011; Батюков, Муренцова, 2013. С. 14–44.
97	Кремль, у Ивановской башни	Ш	4	Бакулин, А-2012в.
98	Кремль, в 20 м к востоку от корпуса 5	Ш	2,25	Бакулин, А-2012в.
99	Кремль, 9 м к востоку от корпуса 3	Ш	4	Бакулин, А-2012в.
100	Кремль, 24 м к северо-востоку от Коромысловой башни	Ш	9	Бакулин, А-2012в.
101	Кремль, 12 м к востоку от Северной башни	Ш	4	Бакулин, А-2012в.
102	М.Ямская ул., 18	Ш	4	Бакулин, А-2012г.
103	Кремль, 8 м к югу от ТП между Никольской и Коромысловой башнями	Ш	2,56	Бакулин, А-2012в.
104	Новая ул., на пересечении с ул.Белинского	2 Ш	8	Бакулин, А-2012б.
105	Ильинская ул., 45 м к югу от д.13 по наб. Федоровского	Ш	4,6	Бакулин, А-2012в.
106	Нижегородская ул., 28	Ш	4	Доманин, А-2012.
107	Костина ул., 9, 11, Воровского ул., 4 во дворе	2 Ш	2	Доманин, А-2012.
108	М.Горького – Ильинская – Маслякова – М.Ямская ул.	4 Ш	4	Доманин, А-2012.
109	М.Горького пл., в сквере	Ш	1	Четвертаков, А-2012.
110	М.Горького пл., в сквере	Ш	1	Четвертаков, А-2012.
111	Кремль, в центральном ризалите корпуса 6	Р	около 100	Аникин, 2012.
112	Кремль, в южном ризалите корпуса 6	Р	около 150	Аникин, 2012.
113	Ильинская ул., 62, 64	2 Ш	2	Березина, А-2013.
114	Верхне-Волжская наб., 10А	2 Ш	4,5	Доманин, А-2013.
115	Шевченко – 3-я Ямская – Б.Овраги ул.	3 Ш	6,75	Доманин, А-2013
116	Ковалихинская – М.Горького – Белинского ул., на перекрёстке	2 Ш	2	Доманин, А-2013

117	Сергиевская ул., 14А	3 Ш	3	Доманин, А-2013.
118	Нестерова ул., 33, 37, Ковалихинская ул., 8, во дворе	2 Ш	3,25	Доманин, А-2013.
119	Пожарского ул., 12 – Театральная пл., 1	Р	102	Сергина, А- 2013а.
120	Алексеевская ул., 6/16	Ш	10	Сергина, А-2013б.
		Р*	175	Зарубина, 2014.
121	Почаинская ул., 33	Р	219,45	Четвертаков, А-2013а.
122	Кремль, в западной части, в 7 м от кремлёвской стены, в 15 м к юго-западу от ТП	Ш	4	Бакулин, А-2014а
123	Кремль, в западной части, в 9 м к востоку от ТП	Ш	4	Бакулин, А-2014а.
124	Кремль, в западной части, в 10 м к северо-западу от Никольской башни	Ш	4	Бакулин, А-2014а.
125	Короткий пер., в квартале улиц М.Горького, Семашко и пл. Свободы	3 Ш	6	Бакулин, А-2014в.
126	Алексеевская ул., 13Б	2 Ш	8	Бакулин, А-2014в.
127	Провиантская ул., на пересечении с ул.Ульянова	Ш	1	Бакулин, А-2014б.
128	Октябрьская ул., 11А, 13	2 Ш	4	Доманин, А-2014.
129	Алексеевская ул., 13Б	2 Р	166	Очеретина, А-2014.
130	Сергиевская ул., 21	Р	167	Бакулин, А-2015.
131	Ульянова ул., 43	Ш	1	Березина, А-2015.
132	Минина пл., 4	Р	330	Очеретина, А-2015.
133	Крупская ул., 16А	Р	23	Четвертаков, А-2015.
134	Плотничный, 6, 6А	6 Ш	9	Доманин, А-2015.
135	Благовещенский монастырь, у больничных палат	Р	около 100	Батюкова, А-2016.
136	Кремль, у стены между Северной и Часовой башнями	3 Ш	17,5	Кравцов, А-2013.
137	Б. Печёрская ул., 12	Ш	4	Моисеев, А-2016.
138	Октябрьская ул., д. 11а, 13	Р	220	Долгополов, А-2016.
139	Октябрьская ул., д. 10а	3 Ш	12	Моисеев, А-2016.
		Р	3404	Пантелеев, А-2017.
140	Плотничный пер., д. 10	2 Р	270	Бакулин, А-2017.
141	Б.Покровская, на пересечении с ул. Октябрьской	6 Ш	22,25	Моисеев, 2018а.
142	Минина и Пожарского пл., у Георгиевской башни	Ш	4	Моисеев, А-2018б.

143	Минина и Пожарского пл., у ворот кремлёвской стены между Георгиевской и Пороховой башнями	Ш	4	Моисеев, А-2018б.
144	Кремль, у северного фасада корпуса № 6 (здание арсенала)	Ш	4	Моисеев А.В., А-2018б.
145	Кремль, храм Святого Симеона Столпника	Р	733	Грибов, А-2018; Письмаркина, А-2019б; Марьёнкина, А-2019в.
146	Минина ул., д.8Б	Ш	2,25	Моисеев, А-2019.
147	Минина ул., д.5	Ш	4	Моисеев, А-2019.
148	Кремль, у Часовой башни, верхняя станция фуникулёра	Р	436	Марьёнкина, А-2019б.
149	Кремль, колокольня Спасо-Преображенского собора	Р	303	Марьёнкина, А-2019а.
150	Кремль, проезд у Дмитриевской башни	3 Ш	21,6	Баранов, А-2019б.
151	Кремль, у западного фасада корпуса б	Ш	39	Баранов, А-2019б.
152	Кремль, у Зачатьевской башни на склоне	Р	76	Письмаркина, А-2020а.
153	Кремль, на склоне Спасской горы	Р	24	Письмаркина, А-2020а.
154	Кремль, у стены между Коромысловой и Никольской башнями	Ш	4	Грибов, А-2021в.
155	Кремль, у Никольской башни	Ш	4	Грибов, А-2021в.
156	Кремль, у Никольской башни	Ш	4	Грибов, А-2021в.
157	Кремль, у Кладовой башни	5 Ш	20,95	Грибов, А-2021в.
158	Кремль, по теплотрассе от Ивановского съезда до корпуса 3	Р	590	Грибов, А-2021а.
159	Кремль, на склоне Часовой горы	Ш	8	Грибов, А-2021б.
160	Рождественская ул., склон Часовой горы у Ивановской башни	3 Ш	36	Русаков, А-2021.

Сокращения: Р – раскоп; Ш – шурф

Приложение 2

Список мест археологических наблюдений на строительных объектах и участках сбора подъёмного материала в исторической части г. Нижнего Новгорода (1929–2014 гг.)

№	Местоположение	Исследователь, год исследования, источник
Наблюдения		
1	Кремль, зона сноса Спасо-Преображенского собора	Демьянов С.В., 1929; Архив НГИАМЗ. Всп. 999. Полка 31. Папка 53.
2	Пискунова ул., 8–14, траншея	Черников, А-1973. Носкова, А-1994.
3	Минина пл., у Кладовой башни, котлован под сооружение подземного перехода	Черников, А-1980.
4	Минина пл. – ул. Варварская (до пересечения с ул. Пискунова), траншея	Гусева, А-1988.
5	Нестерова ул., во дворе д. 5, котлован	Гусева, А-1992.
6	Ошарская ул., 9, колодезная яма и траншея	Гусева, А-1992.
7	Ошарская пл., у пер.Ткачёва, траншея	Гусева, А-1992.
8	Грузинская ул., у пересечения с ул.Ошарской, котлован	Гусева, А-1992.
9	Пискунова ул., 37, колодезная яма	Гусева, А-1992.
10	Грузинская ул., 13, 35Д, во дворе, траншея	Гусева, А-1992.
11	Б.Печёрская, на пересечении с ул.Пискунова, траншея	Гусева, А-1992.
12	Минина ул., 38/2, котлован	Гусева, А-1992.
13	Плотничный пер., 15, котлован	Гусева, А-1992.
14	Б.Покровская, ул., 59 –63, котлован Б.Покровская, 61Б, строительный участок	Гусева, А-1992. Лебедева, А-2004.
15	Пискунова ул., 38, яма	Гусева, А-1992.
16	Пискунова ул., 5, колодезные ямы и траншея	Гусева, А-1992.
17	Варварская ул., 5Б, во дворе, траншеи	Гусева, А-1992.
18	Варварская ул., 15, котлован	Гусева, А-1992.
19	Пискунова ул., котлован под здание АТС	Гусева, А-1992.
20	Театральная пл., 4, траншея	Гусева, А-1992.
21	Холодный пер., садик Дома офицеров, траншея	Гусева, А-1992.

22	Пожарского ул., 1, траншея	Гусева, А-1992.
23	Сергиевская ул., 9 котлован	Гусева, А-1992.
24	Минина пл., у Дмитровской башни, колодец	Гусева, А-1992.
25	Кремль, траншея у корпуса 2	Гусева, А-1992.
	Кремль, колодец у северо-западного угла к. 10	Зарубин, А-2005.
	Кремль, колодец у к. 2	Зарубин, А-2005.
26	Воровского ул., 66/11, траншея	Гусева, А-1992.
27	М.Горького пл., в 75 м от д. 3 по ул. Звездинской, колодец	Гусева, А-1992.
28	Звездинская ул., 5, колодец	Гусева, А-1992.
29	Минина ул., 31А, котлован	Гусева, А-1992.
30	Фрунзе ул., 7 котлован	Гусева, А-1992.
31	Театральная пл., траншея между театром и д.2	Гусева, А-1992.
32	М.Покровская, траншея от пересечения с ул. Б.Покровской	Гусева, А-1992.
33	Звездинская ул., 24, котлован	Гусева, А-1993.
34	Б.Покровская ул., 57, во дворе, яма	Гусева, А-1993.
35	Холодный пер., 3, котлован во дворе	Гусева, А-1993.
36	Грузинская ул., 8, траншея	Гусева, А-1993.
	Грузинская ул., за домами 8 и 10, обнажение	Гусева, А-1993.
37	Ильинская ул., 58, яма	Гусева, А-1993.
	Ильинская, 58, строительный участок	Бакулин, А-2011б.
38	Нижегородская ул., 19, яма	Гусева, А-1993.
39	Мельничный пер., строительный участок	Гусева, А-1993.
40	М.Горького ул., 59, 63, котлован	Гусева, А-1993.
41	Ульянова ул., 6, во дворе, яма	Гусева, А-1993.
42	Б.Покровская ул., 9А, обнажение в подвале	Гусева, А-1993.
43	Ильинская ул., 19, траншея	Гусева, А-1993.
44	Рождественская ул., 24, траншея перед главным фасадом	Гусева, А-1993.
45	Рождественская ул., 24, яма во дворе	Гусева, А-1993.
46	Нестерова ул., 39, траншея	Гусева, А-1993.
47	Минина ул., 1, траншея	Гусева, А-1993.
48	Почаинская ул., 7 – 14А, котлован	Носкова, А-1994.
49	Б.Покровская ул., Мытный рынок, траншея	Носкова, А-1994.
50	Холодный пер., 2, котлован	Гусева, А-1995в.
	Холодный пер., 6, котлован под пристрой к Зданию Центробанка	Лебедева, А-2004.
51	Минина пл., траншеи	Гусева, А-1995а.
52	Нижне-Волжская наб., траншея от Речного вокзала до ул. Широкой	Гусева, А-1995д.
53	Ильинская ул., 35 – пер. Крутой, 11, траншея	Гусева, А-1995а.
54	Черниговская ул., у юго-восточного фасада	Ерёмин, А-1995.

	Казанского вокзала, траншея	
55	Суетинская ул., 2, траншея	Гусева, А-1995а.
56	Суетинская ул., 8 – 10, траншея	Гусева, А-1995а.
57	Б.Покровская, 32 – 37, траншея	Гусева, А-1995а.
58	Пискунова ул., 45 – 47, траншея	Гусева, А-1995а.
59	Студёная ул., 3А, 3Б, котлован	Гусева, А-1995г.
60	Пискунова ул., 1, 2, траншея	Гусева, А-1995а.
61	Пискунова ул., 3, траншея	Гусева, А-1995а.
62	Театральная пл., траншея	Гусева, А-1995а.
63	Кремль, у корпуса 9, траншея	Гусева, А-1996.
64	Сергиевская ул., 25, траншея к югу от главного фасада	Гусева, А-1996.
	Сергиевская ул., 25, траншея к юго-востоку от главного фасада	Гусева, А-1996.
65	Гоголя ул., 32–36, зона строительства	Иванова, А-1996б.
	Гоголя ул., 31–41, траншея	Иванова, А-2001б.
66	Сергиевская ул., 10, котлован	Гусева, А-1996.
67	Крутой пер., 6, траншея	Гусева, А-1996.
68	Ильинская ул., 48, котлован	Гусева, А-1996.
	Ильинская ул., 48, колодец	Бакулин, А-2013.
	Ильинская ул., 48, котлован на тротуаре	Бакулин, А-2013.
69	Б.Покровская – ул. Грузинская, траншея	Очеретин, А-1996.
70	Гребешковский откос, траншея	Очеретин, А-1996.
71	Соревнования ул., траншея	Очеретин, А-1996.
72	Соревнования ул. – ул. Ярославская, траншея	Дмитриевский, А-1996.
73	Суетинская ул., 72 – ул. Гоголя, 52, траншея	Гусева, А-1996.
74	Нижне-Волжская наб., от Речного вокзала до Городецкого пер., траншея	Гусева, А-1996.
75	Нижне-Волжская наб. – от конца застройки до пер. Городецкого, траншея	Гусева, А-1996.
76	Варварская ул., 3, траншея	Аникин, А-1996б.
77	Рождественская ул., 35, траншея	Ерёмин, А-1996.
78	Б.Покровская, 47, строительный участок	Дмитриевский, А-1997.
79	Гкачёва пер.. 4, 6, котлован	Иванова, А-1997.
80	Кремль, к северу от корпуса 1А, колодец	Гусева, А-1997.
81	Студёная ул., 7, котлован	Гусева, А-1997.
82	Студёная ул., 9, котлован	Гусева, А-1997.
83	Студёная ул., 1А, котлован	Гусева, А-1997.
	Студёная ул., 3, котлован	Лебедева, А-2004.
84	Пискунова ул., 2, котлован	Очеретин, А-1998.
85	Гоголя ул., 5 котлован	Аникин, А-1998.

86	Звездинская ул., на пересечении с ул. Б.Покровская, котлован	Очеретин, А-1998.
87	Гоголя ул., 39, котлован	Аникин, А-1998.
	Гоголя ул., 39, котлован	Аникин, А-1999.
	Гоголя ул., 41, котлован	Аникин, А-2000.
88	Нижегородская ул., 11В, котлован	Очеретин, А-1998.
89	Володарского ул., 45–47, строительный участок	Кикеев, А-1998.
90	Звездинская ул., 20, строительный участок	Кикеев, А-1998.
	Звездинская ул., строительный участок	Ануфриева, А-2001а.
91	Б.Покровская ул., 47Б, строительный участок	Дмитриевский, А-1998.
92	Ошарская ул., 16, котлован	Коновалова, А-1998.
93	М.Покровская ул., 7, котлован	Иванова, А-1998.
94	Гранитный пер., котлован	Ануфриева, А-1998б.
95	Минина ул., 31Б, котлован	Кикеев, А-1998.
96	Ульянова ул., 4А, котлован	Иванова, А-1998.
97	Шевченко ул. – М.Ямская – М.Горького, котлован	Маслов, А-1998.
98	Гоголя ул., 52, траншея	Аникин, А-1998.
99	Университетский пер., траншеи	Ануфриева, А-1999.
100	Нижегородская ул., строительный участок	Ануфриева, А-1999.
101	Нестерова ул., 4 – 8, траншея	Гусева, А-1999.
102	Ошарская ул. – Варварская – Октябрьская, котлован	Коновалова, А-1999.
103	Семашко ул, на пересечении с ул. Минина, котлован	Ануфриева, А-1999.
104	Гранитный пер., траншея	Ануфриева, А-1999.
105	Маслякова ул., 5, котлован	Коновалова, А-1999.
106	Ульянова ул., 7Б, котлован	Гусева, А-1999.
107	Минина ул., 4, зона строительства	Коновалова, А-1999.
	Минина ул., 4, котлован	Зарубин, А-2003.
108	Минина пл., 7А, траншея	Гусева, А-1999.
109	Университетский пер., траншея, отрезок, от д. 3	Ануфриева, А-2000.
110	Университетский пер., траншея, отрезок от д.39А по ул. Б.Покровская	Ануфриева, А-2000.
111	Звездинская ул., котлован	Ануфриева, А-2000.
112	Б.Покровская, 51А, строительный участок	Антонов, А-2000.
113	Алексеевская ул., 22, яма	Антонов, А-2000.
114	Пискунова ул., 25/40А, котлован	Ануфриева, А-2000.
115	Мельничный пер., 3, траншея	Кикеев, А-2000б.
116	Б.Печёрская ул., 5, котлован	Кикеев, А-2000б.
117	Грузинская ул., 11, траншея	Кикеев, А-2000б.
118	Б.Покровская, 26, траншея	Кикеев, А-2000б.

	Б.Покровская, 26, траншея	Кикеев, А-2001.
119	Нижегородская ул., 10, траншея	Кикеев, А-2000б.
120	Ошарская ул., 34/1, котлован	Кикеев, А-2000б.
121	Славянская ул., 52, котлован	Аникин, А-2000.
122	Студёная ул., строительная площадка	Ануфриева, А-2000.
123	М.Покровская ул., 6, строительная площадка	Ануфриева, А-2000.
	М.Покровская ул., 6, строительная площадка	Антонов, А-2003.
124	Обозная ул., 12, траншея	Кикеев, А-2000б.
125	Кожевенный пер., яма	Иванова, А-2000.
126	Широкая ул., 8, коллектор	Кикеев, А-2000б.
127	Кожевенный пер., 3, траншея	Кикеев, А-2000б.
128	Почаинская ул., 21, траншея	Кикеев, А-2000б.
129	Алексеевская ул., 5, колодцы	Кикеев, А-2000б.
130	Пискунова ул., 26, траншея	Кикеев, А-2000б.
131	Верхне-Волжская наб., 3, коллектор	Кикеев, А-2000б.
132	Музейный пер., колодец, траншея	Кикеев, А-2000б.
133	Суетинская ул., 1, траншея	Кикеев, А-2000б.
134	Минина ул., 8, строительная площадка	Гусева, А-2001.
	Минина ул., 6А, котлован	Зарубин, А-2003.
135	Б.Покровская ул., 10–22, траншея, у д. 22	Иванова, А-2001б.
136	Б.Покровская ул., 10–22, траншея, у д. 18	Иванова, А-2001б.
137	Б.Покровская ул., 10–22, траншея, зачистка в 20 м от д. 20	Иванова, А-2001б.
	Б.Покровская ул., 10–22, траншея, у д. 20	Иванова, А-2001б.
	Б.Покровская ул., на пересечении с ул. Октябрьской, траншеи*	Ануфриева И.В., 2007.
138	Б.Покровская ул., 10–22, траншея, зачистка у юго-западного угла д. 22	Иванова, А-2001б.
139	Б.Покровская ул., 10–22, траншея, у д. 12	Иванова, А-2001б.
140	Б.Покровская ул., 10–22, траншея, у д. 24	Иванова, А-2001б.
141	Нестерова ул., на перекрёстке с ул. Минина, строительная площадка	Ануфриева, А-2001б.
142	Грузинская ул., 5, строительная площадка	Гусева, А-2001.
143	Университетский пер., траншея	Гусева, А-2001.
144	Б.Покровская ул., 35, строительная площадка	Гусева, А-2001.
145	Гоголя ул., 22 строительная площадка	Гусева, А-2001.
146	Звездинская ул., 26, котлован	Иванова, А-2001а.
147	Нижегородская ул., 21, котлован	Антонов, А-2001.
148	Ильинская ул., 52–54, колодец	Антонов, А-2001.
149	Октябрьская ул., 9, котлован	Кикеев, А-2001.
150	Алексеевская ул., 25, котлован	Кикеев, А-2001.
151	Б.Покровская ул., 25, котлован и траншея	Кикеев, А-2001.
152	Б.Покровская ул., 52, котлован	Кикеев, А-2001.

153	М.Горького ул., 226, котлован	Грибов, А-2001б.
154	Провиантская ул., 16, строительная площадка	Очеретина, А-2001.
155	Б.Печёрская, на пересечении с пер. Школьным, строительная площадка	Ануфриева, А-2001б.
156	Славянская ул., строительная площадка	Ануфриева, А-2001а.
	Славянская ул., 33 котлован	Ануфриева, А-2005а.
157	М.Горького ул., строительная площадка	Ануфриева, А-2001а.
	М.Горького ул., строительная площадка	Ануфриева, А-2003б.
158	Белинского ул., 62, строительный участок	Зарубин, А-2001.
	Белинского ул., 62, строительный участок	Зарубин, А-2002.
159	М.Горького ул., 152, котлован	Иванова, А-2001а.
160	Черниговская ул., траншея	Иванова, А-2001а.
161	Короленко ул., 18–19, котлован	Антонов, А-2001.
162	Шевенко ул., М.Ямская, траншея	Кикеев, А-2001.
163	Кожевенная ул., траншея	Иванова, А-2001б.
164	Б.Покровская ул., 5, зона строительства	Очеретина, А-2001.
165	Верхне-Волжская наб., 5, строительная площадка	Гусева, А-2001.
166	Ильинская ул., 21, траншея	Кикеев, А-2001.
167	Ошарская ул. – Пискунова ул. – Варварская ул. – Октябрьская ул., котлован	Очеретина, А-2002.
168	Б.Печёрская ул., 17, котлован	Иванова, А-2002б.
169	Володарского ул., 43, котлован	Иванова, А-2002а.
170	Б.Печёрского ул., 8А, котлован	Иванова, А-2002а.
171	Верхне-Волжская наб., 9, строительный участок	Гусева, А-2002.
172	Студёная ул., 5, строительный участок	Гусева, А-2002.
173	Б.Печёрская ул., 39, строительный участок	Очеретина, А-2002.
174	М.Горького ул., 108/28, котлован	Иванова, А-2002б.
175	Б.Покровская ул., 71, котлован	Иванова, А-2002а.
176	Воровского ул., 6, строительная площадка	Ерёмин, А-2002.
177	Студёная ул., 67, котлован	Зарубин, А-2002.
178	Провиантская ул., на пересечении с ул. М.Горького, котлован	Зарубин, А-2002.
179	Короленко ул., на пересечении с ул. Новой, строительный участок	Зарубин, А-2002.
180	Верхне-Волжская наб., 2, котлован	Гусева, А-2002.
181	Володарского ул., 57, котлован	Иванова, А-2003.
182	Обозная ул., 3, котлован	Иванова, А-2003.
183	Обозная ул., строительная площадка	Кикеев, А-2003а.
184	Семашко ул., 33, строительная площадка	Кикеев, А-2003а.
185	Б.Печёрская ул., строительная площадка	Ануфриева, А-2003б.
186	Короленко ул. – ул. Новая, строительный участок	Зарубин, А-2003.

187	Белинского ул. – Б.Печёрская ул. – Тургенева ул. – Сеченова ул., строительная площадка	Ерёмин, А-2003б.
188	Белинского ул. – М.Горького ул. – Трудовая ул., строительная площадка	Ерёмин, А-2003б.
189	Б.Покровская ул. – Арзамасская ул. – Крупской ул. – Воровского ул., строительная площадка	Ерёмин, А-2003.
190	Почаинская ул., 14, зона строительства	Ануфриева, А-2003б.
191	Кремль, корпус 11А, траншея у северо-восточного угла	Зарубин, А-2004.
192	Нижне-Волжская наб., 26, котлован	Аникин, А-2004б.
193	Провиантская ул., 5 – Б.Печёрская ул., 28, строительный участок	Ануфриева, А-2004.
194	Почаинская ул., на пересечении с Зеленским съездом, траншея	Доманин, А-2004.
	Ильинская ул., на пересечении с Зеленским съездом, котлован	Ануфриева, А-2005а.
	Ильинская ул., на пересечении с Зеленским съездом, котлован	Антонов, А-2007.
	Ильинская ул., на пересечении с Зеленским съездом, котлован	Антонов, А-2008.
195	Решетниковская ул., 21, котлован	Аникин, А-2004б.
196	Котина ул. – ул. Воровского, траншея	Доманин, А-2004.
197	Белинского ул., 32, строительный участок	Иванова, А-2004.
	Белинского ул., 32, строительный участок	Аникин, А-2006б.
	Белинского ул., 32, строительный участок	Аникин, А-2007а.
198	Костина ул., 22А, котлован	Иванова, А-2004.
199	Варварская ул., 27А, котлован	Иванова, А-2004.
200	Нестерова ул., 35, котлован	Ануфриева, А-2004.
201	Б.Печёрская ул., 45, 45Б, котлован	Ануфриева, А-2004.
202	Октябрьская ул., 9А – Грузинская ул., 30А, траншея	Ануфриева, А-2004.
203	Кремль, между корпусами 9 и 10, колодец	Зарубин, А-2005.
204	Октябрьская ул., 5, котлован	Иванова, А-2005.
205	Кремль, в 24 м к юго-востоку от корпуса 10, колодец	Зарубин, А-2005.
206	Кремль, в 24 м к востоку от корпуса 10, колодец	Зарубин, А-2005.
207	Белинского ул. – Студёная ул., котлован	Ануфриева, А-2005а.
208	М.Горького ул., 61–65А, котлован	Ануфриева, А-2005а.
209	Добролюбова ул., 20, траншея в 20 м к востоку	Зарубин, А-2005.
210	Пожарского ул., 1А, котлован	Зарубин, А-2005.
211	Пискунова ул. – Варварская ул. – Ошарская ул. – Октябрьская ул., котлован	Очеретина, А-2005.
212	Кремль, между корпусом 2 и храмом Михаила Архангела, колодец	Зарубин, А-2005.

213	Фрунзе ул., 23, котлован	Иванова, А-2006б.
214	Варварская ул., 15, котлован	Иванова, А-2006б.
215	Алексеевская ул., 41, котлован	Аникин, А-2006б.
216	Б.Покровская ул., 1 – 10, траншея	Ануфриева, А-2006.
217	Нестерова ул., 31 – 35, траншея	Ануфриева, А-2006.
218	Фрунзе ул., на пересечении с ул. Б.Печёрской, траншея	Ануфриева, А-2006.
219	Новая ул., 8–16, траншея	Ануфриева, А-2006.
220	Гранитный пер., котлован	Доманин, А-2006б.
221	Короленко ул., 32, 34, 35, строительный участок	Доманин, А-2006б.
222	Почтовый съезд, 11, строительный участок	Доманин, А-2006а
223	Б.Покровская ул., 98, котлован	Иванова, А-2007.
224	Володарского ул., 38А, котлован	Иванова, А-2007.
225	Академика Блохиной, 4/43, котлован	Аникин, А-2007б.
226	Варварская ул., 44, котлован	Аникин, А-2007б.
227	Б.Печёрская ул. – М.Горького ул. – Белинского ул. – Фрунзе строительный участок	Лебедева, А-2007в.
228	Верхне-Волжская наб., 7, траншея*	Ануфриева И.В., 2007
229	Ильинская ул., траншея от ул. Красносельской до ул. М.Горького	Четвертаков, А-2008а.
230	Фрунзе ул., 4, 5, строительный участок	Четвертаков, А-2008а.
231	Решетниковская ул., к юго-западу от пересечения с ул.Звездинской, строительный участок	Четвертаков, А-2008а.
232	Пискунова ул., 34, котлован	Лебедева, А-2008б.
233	Фрунзе ул., 5, в квартале улиц Ковалихинская, Трудовая, Б.Печёрская, строительный участок	Лебедева, А-2008б.
234	Нижне-Волжская наб., 16, строительный участок	Лебедева, А-2008б.
235	Благовещенский монастырь, благоустройство территории	Лебедева, А-2009б.
	Благовещенский монастырь, благоустройство в восточной части	Березина, А-2013.
	Благовещенский монастырь, благоустройство в восточной части	Батюкова, А-2015.
236	Кремль, в 10 м к югу от юго-восточного угла корпуса 3, колодец	Четвертаков, А-2009а.
237	Кремль, у северо-западного фасада корпуса 6, колодец	Четвертаков, А-2009а.
	Кремль, у ограды корпуса 6, к востоку от Ивановского спуска, колодец	Четвертаков, А-2010а.
238	Кремль, в сквере у северного крыла корпуса 6, колодец	Четвертаков, А-2009а.
	Кремль, у северного крыла корпуса 6, колодец	Четвертаков,

		А-2009а.
239	Нижегородская ул., 24–26, котлован	Четвертаков, А-2009б.
240	Б.Печёрская ул., 28Г, котлован	Четвертаков, А-2009б.
241	Звездинская ул., траншея	Четвертаков, А-2009б.
242	Свободы пл., вокруг Нижегородского острога, траншея	Четвертаков, А-2009б.
243	М.Горького ул., 129А, 131, строительный участок	Четвертаков, А-2009б.
244	Черниговская ул., 8, участок реконструкции здания	Лебедева, А-2009 б.
245	Холодный пер., 7, траншея	Лебедева, А-2009б.
246	Б.Печёрская ул., 31, участок реконструкции здания	Лебедева, А-2009б.
247	Кремль, западная часть, 12 м от кремлёвской стены и в 9м к юго-востоку от юго-западного угла ограды гарнизона, траншея	Четвертаков, А-2010а.
248	Кремль, на западной стороне Ивановского спуска, колодец	Четвертаков, А-2010а.
249	Кремль, западная часть, 12 м от кремлёвской стены и в 39 м к востоку от юго-западного угла ограды гарнизона, траншея	Четвертаков, А-2010а.
250	Кремль, западная часть, 63 м от кремлёвской стены и в 34 м к востоку от юго-западного угла ограды гарнизона, траншея	Четвертаков, А-2010а.
251	Кремль, западная часть, 6 м от кремлёвской стены и в 79 м к северо-востоку от юго-западного угла ограды гарнизона, траншея	Четвертаков, А-2010а.
252	Кремль, от кремлёвской стены у северо-восточного фасада здания Арсенала (корпуса б) вдоль северо-западной ограды последнего до Ивановского съезда, траншея	Четвертаков, А-2010а.
	Кремль, у кремлёвской стены рядом с северо-восточным фасадом корпуса б, колодезная яма	Четвертаков, А-2009а .
253	Кремль, траншея вдоль Аллеи Славы, в 46 м от кремлёвской стены	Четвертаков, А-2010а.
254	М.Покровская ул., 8А–12, траншея	Бакулин, А-2011а.
255	Гкачёва пер., 5 – 7, пер. Могилевича, строительный участок	Очеретина, А-2011.
256	Новая ул., 51, котлован	Четвертаков, А-2011.
257	Плотничный пер., 16–24, траншея	Четвертаков, А-2011.
258	Кремль, восточная часть, траншея от ТП-178 во дворе корпуса 3 до ТП-135 во дворе д.1/1А по Нижне-Волжской наб.	Четвертаков, А-2011.
259	Нижне-Волжская наб., 1/1Б, реконструкция	Четвертаков,

	здания	А-2011.
260	Кремль, 10 м к востоку от Часовой башни, котлован	Бакулин, А-2012в.
261	Рождественская ул., рядом с Ивановской башней, яма	Бакулин, А-2012в.
262	Рождественская ул., 5, 8 м к востоку от д. 5, котлован	Бакулин, А-2012в.
263	Кремль, 40 м к западу от Манежа, котлован	Бакулин, А-2012в.
264	Ильинская ул. – наб. Федоровского, колодцы и траншея у д.13	Бакулин, А-2012б.
265	Ильинская ул., в 65 м к востоку от Водной больницы	Бакулин, А-2012в.
266	Гкачёва пер. – Могилевича пер. – ул. Академика Блохиной колодцы и зона реконструкции д.5 по пер. Могилевича	Бакулин, А-2012б.
267	Ильинская ул., колодезная яма на перекрёстке с ул.Сергиевской у д. 40	Бакулин, А-2012б.
268	Ильинская ул., колодец у западного фасада д. 5 по ул.Добролюбова	Бакулин, А-2012б.
269	Кремль, восточная часть, к востоку от корпуса 3, траншея	Бакулин, А-2012в.
270	Рождественская ул., 6 м к западу от Зеленского съезда, колодец	Бакулин, А-2012в.
271	Ильинская ул., колодец у подворья Ильинской церкви	Бакулин, А-2012в.
	Ильинская ул., колодец у Ильинской церкви	Бакулин, А-2012в.
	Ильинская ул., 5, колодец	Бакулин, А-2012в.
272	Рождественская ул., 2, 15 м к северу, колодец	Бакулин, А-2012в.
273	Ильинская ул., колодезные ямы у перекрёстка с ул. Добролюбова	Бакулин, А-2012б.
274	Ильинская ул., 44–52, колодцы и траншея	Бакулин, А-2012б.
275	Рождественская ул., траншея от Ивановской башни	Доманин, А-2012.
276	Крупской ул., траншея	Доманин, А-2012.
277	Ошарская ул., 44, 45 м от ул. М.Горького и в 18 м от ул. Ошарской, котлован	Четвертаков, А-2013б.
278	Плотничный пер., 14–24, траншея	Бакулин, А-2012б.
279	М.Горького ул., 5/76, котлованы и траншеи	Бакулин, А-2013.
280	Ильинская ул., 64, колодец	Бакулин, А-2013.
281	Новая ул., 36, строительный участок	Бакулин, А-2014а.
282	Алексеевская ул., 13Б, котлован	Бакулин, А-2014б.
283	Ильинская ул., зона строительства у д. 64	Доманин, А-2014.
Сборы подъёмного материала		
284	Мельничный пер., к западу д.8	Гусева, А-1992.

285	Суетинская ул., на береговом склоне	Гусева, А-1992.
286	Почаинский овраг, склон левого берега	Гусева, А-1992.
287	Крутой пер.	Гусева, А-1992.
288	Кремль, на склоне Спасской горы	Гусева, А-1992.
289	Минина ул., 10	Гусева, А-1992.
290	Минина ул., 2	Гусева, А-1992.
291	Минина ул., 7/1	Гусева, А-1992.
292	Пожарского ул.	Гусева, А-1992.
293	Кремль, у Тайницкой башни	Гусева, А-1993.
294	Верхне-Волжская наб., в 80 м к северу от д.8	Гусева, А-1993.
295	Борисоглебская башня, за кремлёвской стеной	Гусева, А-1993.
296	Гаршина ул., к юго-западу от церкви Иоанна Предтечи	Ерёмин, А-1995.

Приложение 3

Каталог археологических памятников Нижегородской области XIII–XIX вв. (по состоянию на 2019 г.)

№	Название	Группа по датировке (для селищ Березополья)	Площадь средневековой части памятника (кв.м)	Площадь раскопок, шурфов (кв.м)	Исследователь, год исследования, источник
<i>Центральный район (Березополье)</i> <i>(памятники XIII - XIX вв.)</i>					
1	Арапово-2 селище	3	4200		Грибов, А-2010.
2	Безводное-16 поселение (Безводное-9)	1	750	2	Жилин, А-1984, А-1999; Миронос, А-1989; Солнцев, А-1991; Грибов, А-2011б.
3	Безводное-25 поселение (Безводное-15)	1	900	2	Грибов, А-2011б.
4	Береговые Новинки-1 селище (Новинки-1)	1			Черников, А-1959; Блинова, А-1979.
5	Берёзовка-1 селище		4000	8	Аникин, А-2009.
6	Бешенцево-1 селище (Нижний Новгород-4)	2	8000	3,75	Грибов, А-1994, А-2007б.
7	Бешенцево-2 селище (Нижний Новгород-5)	3	8000	1	Грибов, А-1994, А-2007б, А-2009в.
8	Бешенцево-3 поселение (Нижний Новгород-6 селище)	1	18000	611	Грибов, А-1994, А-2006а, А-2007а, А-2008в, А-2009б.
9	Бешенцево-4 селище	1	3100	8	Грибов, А-2006б.
10	Ближнеборисовское селище	1	2600		Грибов, А-1994, А-2008в.
11	Ближнее Константиново-1	1	18000	1657,9	Грибов, А-1994, А-1995а, А-

	селище (Культура-1)						1996б, А-1997б, А-1998а, А-2000, А-2001а, А-2002а, А-2003б.
12	Ближнее Константиново-3 селище (Культура-3)	1	700	1			Грибов, А-1994, А-2009в.
13	Ближнее Константиново-4 селище (Культура-4)	1	2400	20			Грибов, А-1996, А-2001в, А-2009в.
14	Богородск-1 селище	1	5200				Грибов, А-2007б.
15	Богородск-2 селище	1	6600				Грибов, А-2007б.
16	Богородск-3 селище	1	2500				Грибов, А-2007б.
17	Богородск-6 селище	3	2100				Грибов, А-2009в.
18	Больница им. Семашко могильник		1125	?	раскопано 8 погребений		Черников, А-1974.
19	Большая Ельня-5 поселение	1					Миронос, А-1989; Грибов, А-1996а.
20	Большая Ельня-6 поселение (Большая Ельня-7)	3	1200				Грибов, А-1996а.
21	Большая Ельня-7 поселение (Большая Ельня-8)	2	2000				Грибов, А-1996а.
22	Буревестник-1 селище	1	1500				Грибов, А-1992; Аникин, А-1994, А-1995а, А-2003б, А-2004а.
23	Буревестник-3 селище	1	30400	4			Аникин, А-2004а.
24	Бурцево-1 поселение	1	1800	6			Аникин, А-2005а.
25	Бурцево-10 селище (Бурцево-9)	1	9000				Грибов, А-2011а.
26	Бурцево-11 селище (Бурцево-10)	1	200				Грибов, А-2011а.

27	Бурцево-2 селище	2	20400	1	Аникин, А-2005а.
28	Бурцево-3 поселение (Бурцево-1)	1	5700	2	Аникин, А-2006а.
29	Бурцево-4 селище (Бурцево-3)	1	6700	1	Аникин, А-2006а.
30	Бурцево-5 селище (Бурцево-4)	2	7700		Аникин, А-2008а.
31	Бурцево-6 селище (Бурцево-5)	1	450		Грибов, А-2011а.
32	Бурцево-7 селище (Бурцево-6)	1	1200		Грибов, А-2011а.
33	Бурцево-8 селище (Бурцево-7)	1	3500		Грибов, А-2011а.
34	Бурцево-9 селище (Бурцево-8)	1	2000		Грибов, А-2011а.
35	Великий Враг-2 местонахождение (селище)	5	340		Батюков, А-2007.
36	Великосельево-1 селище	3	63000	1	Аникин, А-1995; Грибов, А-2008б
37	Венец-1 селище	1	3500		Сафонов, А-1947; Черников, А-1959; Блинова, А-1979, Флягин, А-1992.
38	Ветчак-2 поселение	1	2940	2	Миронос, А-1989; Грибов, А-2011б.
39	Воронцово-1 селище	2	5400		Сафонов, А-1948; Черников, А-1959 (как селище Арапово); Флягин, А-1992; Грибов, А-2010.
40	Ворсма городище	1	8400		Сафонов, А-1949; Черников, А-1959; Кольцов, А-1978;

							Жилин А-1985, А-1991, А-1993.
41	Ворсма-15 поселение	1	600				Грибов, А-2006б.
42	Ворсма-2 поселение	1	28500				Сафонов, А-1951; Черников, А-1959; Жилин, А-1991; Грибов, А-2006б.
43	Ворсма-6 селище (Ворсма-11)		4400				Жилин, А-1991.
44	Выползово-1 поселение	3	15000		1		Грибов, А-1992; Аникин, А-1994, А-1995а.
45	Горбатовское-1 селище	1	7400				Грибов, А-2005б.
46	Доскино местонахождение						Ерёмин, А-2005.
47	Доскино-10 поселение (Доскино-6)	1	1300		120,4		Блинова, А-1979; Грибов, А-2003в, А-2005в; Ерёмин, А-2005.
48	Доскино-11 селище		5500		3		Ерёмин, А-2005.
49	Доскино-12 селище (Доскино-5)	1	3450		6		Ерёмин, А-2005.
50	Доскино-3 поселение (Доскино-2)	3	8400				Сафонов, А-1948; Черников, А-1959; Блинова, А-1979, Флягин, А-1992; Ерёмин, А-2005.
51	Доскино-4 поселение (Доскино-3)		1000				Сафонов, А-1948; Черников, А-1959; Блинова, А-1979, Флягин, А-1992, Ерёмин, А-2005.
52	Доскино-5 селище (Доскино-1)	1	1050				Сафонов, А-1948; Черников, А-1959; Блинова, А-1979, Флягин, А-1992, Грибов, А-2003а.
53	Доскино-9 селище (Доскино-3)		15600				Черников, А-1959; Ерёмин, А-2005.

54	Дуденёво-1 селище	1	3000		Черников, А-1959; Блинова, А-1979, Флягин, А-1992.
55	Дуденёво-2 поселение (Дуденёво-1)	1	4500		Черников, А-1959; Блинова, А-1979, Флягин, А-1992.
56	Дудин монастырь (Тетерюгино)	3	1200	2	Иванова, А-1996а.
57	Елецкое селище (Нижний Новгород-20)	2	1125		Ануфриева, А-2003а.
58	Ефимьево-3 селище	1	700		Грибов, А-2011а.
59	Ефимьево-1 местонахождение				Грибов, А-2011а.
60	Ефимьево-1 селище	1	55000		Черников, А-1959; Грибов, А-1992; Аникин, А-1994, А-1995а; Яблоков, А-2008.
61	Ефимьево-2 селище	1	18000		Черников, А-1959; Грибов, А-1992; Аникин, А-1994, А-1995а; Яблоков, А-2008.
62	Ефимьево-5 селище	1	15000		Грибов, А-2011а.
63	Ефимьево-6 селище	2	16500		Грибов, А-2011а.
64	Ждановское-1 селище	3	11000		Ануфриева, А-2004.
65	Заозёрье-1 селище	1	1800		Грибов, А-2008б.
66	Заозёрье-2 селище	1	600		Грибов, А-2009в.
67	Заозёрье-3 селище	1	30000		Грибов, А-2009в.
68	Заозёрье-4 селище	1	15500		Грибов, А-2009в.
69	Зелцыно селище	1			Черников, А-1959; Флягин, А-1988.
70	Кожевнное-1 селище	1	1500		Грибов, А-2008б.
71	Кожевнное-2 селище	1	1400		Грибов, А-2008б.
72	Козловское селище	3	5600		Грибов, А-1994, А-2009в.

73	Комарово-1 поселение	1	2400		Сафонов, А-1949; Жилин, А-1991.
74	Копнино могильник			5, изучено 3 погребения	Аникин, А-2003б.
75	Копнино-1 селище	1	15200	153	Грибов, А-1992, А-2006в; Аникин, А-1994, А-1995а, А-2004а.
76	Копнино-2 селище	1	7000	141	Аникин, А-1994, А-1995а, А-2003б, А-2004а, А-2005в; Иванова, А-2006в.
77	Копнино-3 селище	3	3500	152	Аникин, А-1995а; Грибов, А-2005а.
78	Копнино-5 селище	1	5600		Аникин, А-1995а.
79	Крутец-1 поселение	3	55000		Аникин, А-2004а; Иванова, А-2006а.
80	Крутец-1А селище	1	3600	8	Иванова, А-2006а.
81	Крутец-2 селище (Крутец-1)	1	4800		Аникин, А-2004а.
82	Крутец-3 селище (Крутец-2)	3	9750		Аникин, А-2004а.
83	Крутец-4 селище (Крутец-3)	1	5600		Аникин, А-2004а; Иванова, А-2006а.
84	Кудрёшки-1 селище	1	13800		Грибов, А-2010.
85	Кудрёшки-2 селище	2	24200		Грибов, А-2010.
86	Кузнечиха-1 селище (Нижний Новгород-15)	1	6900		Грибов, А-1996, А-2007.
87	Кузнечиха-3 селище (Нижний Новгород-17)	3	3600	2948	Грибов, А-1996, А-2007; Моисеев, А-2016; Кравцов, А-2017; Письмаркина, А-2019а.
88	Кузнечиха-4 селище (Нижний Новгород-22)	1	15000		Грибов, А-2008.

89	Культура-1 селище	3	10000	1	Грибов, А-2008б.
90	Кусаковка-1 селище	1	23400		Аникин, А-1994, А-1995а.
91	Лазарево-1 местонахождение (селище)	4			Аникин, А-1995а, А-1996а; Грибов, А-2009в.
92	Лазарево-2 селище		9600		Аникин, А-1996а, А-1997б.
93	Лазарево-4 селище	2	6000		Грибов, А-2008б.
94	Луч селище (Нижний Новгород-18)	3	12000		Грибов, А-1996а, А-2007б.
95	Малая Ельня-1 селище	1	1950		Миронос, А-1989; Грибов, А-1996а, А-2008б.
96	Малая Ельня-2 поселение (Малая Ельня-1)	1	3600		Миронос, А-1989; Грибов, А-1996а, А-2008б.
97	Малая Ельня-3 поселение (Малая Ельня-2 селище)	1	2140	2	Миронос, А-1989; Грибов, А-1996а, А-2008б, А-2011а.
98	Малая Ельня-5 селище (Малая Ельня-3 поселение)	1	300		Грибов, А-1996а, А-2008б.
99	Мордвинцево-1 селище (Нижний Новгород-9)	1	4200	1	Грибов, А-1995б, А-2007б.
100	Мордвинцево-2 селище (Нижний Новгород-10)	1	1200		Грибов, А-1995б, А-2008б.
101	Мунькино-1 селище	2	6600		Грибов, А-2005б.
102	Нагавицино-2 селище	2	31000		Грибов, А-2009в.
103	Непечино-1 поселение	1	26500		Грибов, А-2010.
104	Низково-6 поселение (Низково-3)	1			Жилин, А-1990.
105	Новоликеево-1 селище				Черников, А-1959; Ерёмин, А-2004.
106	Новоликеево-2 селище				Флягин, А-1988.

107	Новопавловка-1 селище	3		1	Черников, А-1959; Грибов, А-1992; Аникин, А-1994, А-1995а.
108	Новопавловка-2 селище	2	2625	1	Черников, А-1959; Грибов, А-1992; Аникин, А-1994, А-1995а.
109	Новопавловка-3 селище	1	6000	1	Аникин, А-1994, А-1995а.
110	Новопокровское-1 селище (Нижний Новгород-21)	1	6000		Грибов, А-1995б, А-2008б.
111	Оленино-5 селище (Оленино-4)	1	10800		Флягин, А-1992; Кравцов, А-2009.
112	Оленино-1 селище (Оленино-1 поселение)				Сафонов, 1947. С. 179.
113	Оленино-2 селище (Оленино-2 поселение)				Сафонов, 1947, С. 179; Фехнер, А-1951; Черников, А-1959; Флягин, А-1992.
114	Оленино-3 селище (Оленино-1)		3600	4,5	Сафонов, А-1949; Фехнер, А-1951; Флягин, А-1992; Кравцов, А-2009.
	Оленино-4 селище (Оленино-2)		3600		Сафонов, А-1949; Фехнер, А-1951; Черников, А-1959; Блинова, А-1979; Флягин, А-1992.
116	Оленино-5 селище (Оленино-3)	1	600	2	Сафонов, А-1950; Фехнер, А-1951; Черников, А-1959.
117	Ольгинское поселение (Нижний Новгород-3)	3	37000	4	Грибов, А-1994, А-2007б, А-2009в.
118	Пальцино-1 поселение	1	35000		Аникин, А-1995а; Грибов, А-2008б.
119	Пантелеево-1 селище	3	75000		Грибов, А-2010.
120	Подвязье-3 селище	1	4000	8	Анучин, Черников, 1991;

						Сафонов, А-1951; Черников, А-1959; Блинова, А-1979, Флягин, А-1992.
121	Подвязье-4 селище	1	1500	2		Грибов, А-2014.
	Подвязье-II селище (Подвязье-1)	1				Сафонов, А-1951.
123	Подвязье-IV поселение (Подвязье-1)	1	14000	8		Анучин, Черников, 1991; Сафонов, А-1951; Черников, А-1959; Блинова, А-1979, Флягин, А-1992.
124	Подъяблонье-1 поселение					Сафонов, 1947, С. 179.
125	Подъяблонье-2 поселение					Сафонов, 1947, С. 179.
126	Подъяблонье-3 поселение					Сафонов, 1947, С. 179; Черников, А-1959.
127	Поляны-1 селище	1	7700			Флягин, А-1992.
128	Поляны-2 селище	1	2500			Флягин, А-1992.
129	Поляны-3 селище	1	3000			Флягин, А-1992.
130	Поляны-4 селище	1	2500	2		Флягин, А-1992; Грибов, А-2006б
131	Поляны-5 селище	1	3250			Флягин, А-1992.
132	Ржавка-2 селище	1	2300	1		Грибов, А-2011б.
133	Румянцево-1 селище	1	21000	1		Грибов, А-1994, А-2006б.
134	Румянцево-2 селище (Нижний Новгород-19)	1	6000			Грибов, А-1996а, А-2009в.
135	Савёлово-1 селище	2	4000			Грибов, А-2008б.
136	Савёлово-2 селище	3	2200			Грибов, А-2009в.
137	Сартаково-1 селище	1	2400	1		Грибов, А-1992; Аникин, А-1994.
138	Сартаково-3 селище (Сартаково-2)	1	15500			Аникин, А-1995а; Грибов, А-2009в.

139	Сартаково-4 поселение (Сартаково-2)	3		1	Аникин, А-1995а.
140	Свято поселение (Ржавка-1 селище)	1	6760	3	Миронос, А-1989; Грибов, А-1996а, А-2008б, А-2011б.
141	Слобода Старые Печёры селище (Нижний Новгород-13)			8	Дмитриевский, А-1995, А-1996; Грибов, А-2009в.
142	Слуда селище (Нижний Новгород-3)	1	450	4	Грибов, А-1996а, А-2009в; Ануфриева, А-2003а.
143	Сокол-1 поселение		4000		Сафонов, 1947, С. 179; Черников, А-1959; Блинова, А-1979; Флягин, А-1992.
144	Сокол-2 селище (Сокол-1)		60		Сафонов, 1947, С. 179; Черников, 1959; Блинова, А-1979; Флягин, А-1992.
145	Стрелково-2 местонахождение (селище)	4		1	Аникин, А-1995а; Грибов, А-2008б.
146	Стрелково-3 местонахождение (селище)	4			Аникин, А-1995а; Грибов, А-2008б.
147	Стрелково-4 селище	1	4800		Аникин, А-1997б.
148	Стрелково-5 селище	1	9600		Аникин, А-1997б.
149	Сысоевка-1 селище	1	7742		Флягин, А-1992; Грибов, А-2014.
150	Сысоевка-2 селище	1	7000	2	Флягин, А-1992; Грибов, А-2014.
151	Теряево-2 селище	1	9300	4	Грибов, А-2006б.
152	Теряево-3 селище	1	1800	2	Грибов, А-2006б.
153	Теряево-4 селище	1	3500		Грибов, А-2006б.
154	Теряево-5 селище	1	22500		Грибов, А-2006б, А-2011а.
155	Теряево-6 селище	1	3300		Грибов, А-2011а.

156	Троица-1 селище	3	12800			Грибов, А-2008б, А-2009в.
157	Троица-2 селище	3	3600			Грибов, А-2008б.
158	Троица-3 селище	3	1500			Грибов, А-2008б.
159	Утечно-1 селище	1	2000	1		Грибов, А-1994, А-2006б.
160	Утечно-2 селище	3	3000			Грибов, А-1995б, А-2008б.
161	Хватково-1 селище	2	20000			Аникин, А-1995а; Грибов, А-2009в.
162	Хватково-2 местонахождение (селище)	5				Аникин, А-1995а; Грибов, А-2009в.
163	Хватково-3 селище	3	600			Аникин, А-1995а; Грибов, А-2009в.
164	Хватково-4 селище	3	5400			Аникин, А-1995а; Грибов, А-2009в.
165	Центральный-1 селище	1	5200			Грибов, А-2008б.
166	Шава-1Б селище (Шава-2)	1	300	60		Черников, А-1969.
167	Шава-5 селище (Шава-3)	1	1800			Грибов, А-2001в.
168	Шава-6 поселение (Шава-4)	1	450			Грибов, А-2001в.
169	Шава-7 поселение (Шава-5)	1	8000			Грибов, А-2002б.
170	Шапкино-1 селище	1	8500			Аникин, А-1995а; Доманин, А-2004; Грибов, А-2008б.
171	Шапкино-2 местонахождение (селище)	5				Аникин, А-1995а; Доманин, А-2004; Грибов, А-2008б.
172	Шапкино-3 местонахождение (селище)	5				Аникин, А-1995а; Доманин, А-2004; Грибов, А-2008б.
173	Швариха-1 селище	1	450			Грибов, А-2010.
174	Шумилово-1 селище	1	11000			Аникин, А-2010.
175	Анкудиновское-1 селище	5	6300	1		Грибов, А-1995б, А-2008б.
176	Безводнинское селище					Черников, А-1973.

	(Безводнинское-2 поселение)					
177	Безводное-12 поселение		450			Миронос, А-1989.
178	Береговые Новинки-2 селище (Новинки-2)					Черников, А-1959.
179	Береговые Новинки-3 селище					Черников, А-1959.
180	Береговые Новинки-4 селище		48000			Ерёмин, А-2004.
181	Ближнее Константиново-2 селище (Культура-2)	5	14000			Грибов, А-1994, А-2009в.
182	Богородск-4 селище	7	100000			Грибов, А-2009в.
183	Богородск-5 селище	4	2000			Грибов, А-2009в.
184	Большая Ельня-8 селище (Большая Ельня-1)	5	5400			Грибов, А-1996а.
185	Борк-4 поселение		27200			Сафонов, А-1947; Жилин, А-1991, А-1993.
186	Ворсма-1 селище		2000			Жилин, А-1991.
187	Ворсма-2 селище		9800			Жилин, А-1991.
188	Ворсма-3 селище		4550			Жилин, А-1991.
189	Ворсма-4 селище		3000			Жилин, А-1991.
190	Ворсма-5 селище		4500			Жилин, А-1991.
191	Горбатов-3 селище					Ерёмин, А-2003а.
192	Домнино селище		1500			Жилин, А-1991, А-1993.
193	Комарово-2 селище		2600			Жилин, А-1991.
194	Комарово-3 поселение		9800			Сафонов, А-1951; Черников, А-1959; Жилин, А-1991.
195	Комарово-7 поселение		1200			Жилин, А-1991; Тамбова, А-2003.
196	Копшино-4 селище	5	240000			Аникин, А-1995а.

197	Костино-1 селище			24750		Черников, 1959; Рогачёв, А-1979; Жилин, А-1990.
198	Костино-2 селище			1500		Черников, А-1959; Рогачёв, А-1979; Жилин, А-1990.
199	Кудрёшки-3 селище	5		30000		Грибов, А-2010.
200	Кузнечиха-2 селище (Нижний Новгород-16)	5		6600		Грибов, А-1996а, А-2007б.
201	Лазарево-3 селище			34500		Тамбова, А-2003; Кравцов, А-2012.
202	Лазарево-5 селище	5		10000		Грибов, А-2008б.
203	Лазарево-6 селище	5		30000		Грибов, А-2009в.
204	Мещеры поселение					Фехнер, А-1951.
205	Нагавицино-1 селище	5		22000		Доманин, А-2004.
206	Новая деревня-2 селище	6		14000		Флягин, А-1988; Грибов, А-1996а.
207	Новоликеево-3 селище			29400		Флягин, А-1988.
208	Пруды-1 селище			13500		Тамбова, А-2003; Кравцов, А-2012.
209	Слобода Кошелёвка селище (Нижний Новгород-11)			30000		Дмитриевский, А-1995.
210	Солонское-1 селище	5		4000		Грибов, А-2010.
211	Столбищи селище (Кстово-1)					Тихомирова В.А., 1938. Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 62. Л. 25, 26.
212	Стрелково-1 селище	5		15000		Грибов, А-1992; Аникин, А-1994, А-1995.
213	Теряево-1 селище	5		10500		Грибов, А-2006б.
214	Федяково-1 селище	5		9600		Грибов, А-1994, А-2008б.
215	Федяково-2 селище	5		1800		Грибов, А-1994, А-2009в.

216	Фроловское селище	5	23100	Грибов, А-1998б, А-2008б.
217	Хвощёвка-2 селище	5	1950	Грибов, А-1992; Аникин, А-1994, А-1995а.
218	Шава-9 поселение	4	2640	Грибов, А-2011а.
219	Шапкино-4 селище	6	27500	Доманин, А-2004.
220	Новопокровское-3 селище	1	6220	Четвертаков, А-2017; Баранов, А-2019а.
<i>Периферийный район</i>				
<i>(памятники XIII – начала XV вв.)</i>				
Бассейн р. Сундовик, водораздел Сундовик - Кудьма				
221	Городищи-4 селище			Аникин, А-2000.
222	Городищи-5 селище		1	Аникин, А-2000.
223	Городищи-6 селище		1	Аникин, А-2000.
224	Городищи-7 селище		1	Аникин, А-2000.
225	Запрудное селище		7000	Зеленцова, А-2010.
226	Оленья Гора городище		212	Кирьянов, А-1955; Черников, А-1963.
227	Кириково-1 селище		2900	Тихомирова В.А., 1938. Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 62. Л. 14; Грибов, А-2009в.
228	Баранниково-1 селище		2225	Муренцова, А-2013.
229	Ляпуны селище		8400	Ерёмин, А-2004; Жилин, Аверин, А-2004.
230	Монари-1 селище		3600	Грибов, А-2009.
231	Летнёво-1 селище		4195	Русаков, А-2017.
232	Городищи-1 селище		1500	Грибов, А-2010.
233	Салово-2 селище		4500	Грибов, А-2010.
234	Большое Мурашкино			Жилин, А-1986.

селище						
Бассейн р. Суры						
235	Княгинино селище		375			Бейлекчи, А-2011б.
236	Урга-1 селище		1500			Лопатин, А-1977.
237	Красные Мары-1 селище		29120			Марьёнкина, А-2015; Русаков, А-2017.
238	Красная Горка-1 селище		2920			Марьёнкина, А-2015.
239	Красная Горка-2 селище		2163	6		Русаков, А-2017.
240	Отарские выселки селище					Халиков, А-1958.
241	Петровское селище		1920	2		Халиков, А-1958.
242	Кекино-3 селище		3300			Грибов, 2008б.
243	Курмыш-2 селище		7000	8		Жилин, А-1984; Флягин, А-2001; Грибов, А-2008б, А-2009в, А-2011б.
244	Курмыш-4 поселение		18600	123		Жилин, А-1984; Флягин, А-2001; Грибов, А-2007б, А-2008а, А-2009а, А-2011б.
245	Курмыш городище		7000	20		Кириянов, А-1948; Очеретин, А-1991.
246	Новое Жилище селище		18000			Кальгина, А-2011.
247	Мурзицы-1 селище		165000	4		Грибов, А-2008б.

Приложение 4

Описание опорных керамических комплексов XIII–XVI вв.

1. Комплекс второй четверти XIII – начала XIV вв. (рис. 199–202).

Местонахождение, автор и год раскопок: раскоп 1 2018 г. в зоне воссоздания храма святого Симеона Столпника в Нижегородском кремле (Грибов Н.Н., 2018 г.), слои 7в и 9а.

Контекст. Раскоп занимал выположенную площадку оползневой террасы на склоне откоса возвышенного правого берега р. Волги в нижней части Нижегородского кремля. Слои 7в и 9а представляют собой самые нижние перекрывающие материк насыщенные находками напластования из стратифицированной пачки средневековых отложений, отделённой от горизонта монастырского кладбища XVI–XVII вв. мощным стерильным делювиальным наносом (рис. 199). Мощности слоёв 7в и 9а – до 18 и 24 см соответственно. Изучены на площади около 80 кв.м.

Состав: 2218 фрагментов. Преобладают обломки русских средневековых горшков посредственного обжига с примесью дресвы или грубозернистого песка в тесте (97,0%). Другие стилистико-технологические группы представлены образцами краснолощёных болгарских (1,0%), белоглиняных с примесью дресвы (1,6%) и лепных мордовских (0,5%) изделий. По венчикам среди русской средневековой керамики выделен 209 сосуд и одна крышка (рис. 201, 202). Среди форм преобладают типы 8 (29,8%), 7 (13,6%) и 1 (11,5%) (см. рис. 10, 11). Встречаемость остальных разновидностей – менее 5-7%. Следы орнамента – на 24% стенок и венчиков. Преобладает линейный орнамент (93,7%). Встречаемость образцов с волнистым декором и орнаментом, нанесённым прокаткой зубчатого колёсика, одинакова (2,8 % и 2,4% соответственно). Фрагменты с линейно-волнистым и тычковым декором – единичны. Преобладающей примесью в тесте является дресва (62,2%), заметная примесь песка с размером зерна до 1 мм встречена у 31,7% образцов. Фрагменты сосудов

без визуально фиксируемых примесей или с присутствием редких зёрен песка редки (6,1%).

Датирующий материал (рис. 200): железное писало с фигурной вытянутой лопаточкой треугольной формы с зубчиками по краям (близко к типам 4 и 11 Великого Новгорода, исчезающих к середине – концу XIII в.: см.: Медынцева, 1997. С. 150, 151); большое количество фрагментов стеклянных браслетов, в том числе – рифлёных и украшенных цветными эмалями; цилиндрический замок типа В1 (в Великом Новгороде появляются в начале XIII в., см.: Кудрявцев, 2012. С. 124); железное овальное удлинённое кресало с округлыми отверстиями по углам внутреннего выреза (по Великому Новгороду начала XII – середины XIII вв.: Колчин, 1959. С. 101).

Ближайшие по составу комплексы: селище Копнино-2 (весь материал раскопов 1, 2, шурфа 2; Аникин, 2005 г.; Иванова Н.В., 2006 г.); селище Копнино-3 (средневековый комплекс раскопа 1; Грибов Н.Н., 2005 г.); поселение Доскино-10 (средневековый комплекс раскопа 1; Грибов Н.Н., 2005 г.); поселение Бешенево-3 (раскоп 1, ямы 7 и 8; Грибов Н.Н., 2006 г.); Крутец-1А (шурф, Иванова Н.В., 2006 г.); Нижний Новгород, пл. Минина (раскоп 2, яма 46; Ануфриева И.В., 2005 г.).

2. Комплекс первой половины – середины XIV в. (рис. 203–205).

Происхождение, автор и год раскопок: селище Ближнее Константиново-1 конца XIII – начала XV вв., раскоп 5, яма 30, средний и нижний горизонты заполнения (слои 4–6 и придонные прямки) (Грибов Н.Н., 1998 г.).

Контекст. Сооружение представляет собой квадратный котлован с размерами 5,4x5,4 м, глубиной 1,6 м (рис. 203). Дно прорезано многочисленными прямыми. Зафиксированы следы пристенного деревянного каркаса из угловых столбов и вертикальной обшивки горбылями и плахами, концы которых вкопаны в пристенные канавки. В заполнении выделено три горизонта. Верхний горизонт (слои 1–3) сложен совокупностью последовательно наложенных друг на друга линзообразных слоёв тёмно-серого и серого суглинков. Его подошва

маркирована коричневатой органосодержащей прослойкой, вероятно, оставшейся от дерновины, перекрывавшую западину ямы после разрушения конструкции. Из верхнего горизонта происходит 7740 фрагментов сосудов, большая часть из них (97,2%) связана с русской средневековой посудой из красножгущейся глины. Другие группы представлены краснолощёной (1,3%) и лепной мордовской (1,5%) керамикой. Находки: железные ключ от цилиндрического замка типа Г, булавка от ручной прялки с петлевидной головкой и тордированным стержнем, бронебойный пирамидальный наконечник стрелы ромбического сечения с короткой шейкой, фрагмент стенки кашинного сосуда с подглазурной росписью. Средний горизонт (слои 4, 5) образован грунтом обрушенного деревянного перекрытия и пристенной забутовки с включением тленообразных остатков обломков плах деревянного каркаса, заполнившим и большинство придонных прямков. Его мощность от 40 до 90 см. Нижний горизонт – прослойка плотного суглинка с включением углей мощностью до 5 см. С ним связаны развалы двух русских красноглиняных горшков с примесью дресвы. В среднем горизонте и на поверхности дна ямы встречены фрагменты от одних и тех же сосудов.

Состав: 2113 фрагментов и два сосуда с реконструированными формами (рис. 204, 8–12; 205). Стилистико-технологические группы представлены русской средневековой красноглиняной без ангоба, рифления и поливы (99,5%), краснолощёной золотоордынской (0,1%), русской белоглиняной с примесью дресвы (0,3%) и лепной мордовской (<0,1%). По венчикам выделено 142 сосуда. Преобладают венчики с внутренним овальным в сечении краевым утолщением типа 1 (34%), встречаемость датирующих типов 6 (1%), 7 (7%), 8 (7%), 9 (6%), 10 (2%) незначительна. Орнаментировано 39 % фрагментов стенок. Доминирует линейный орнамент (93,5%), доли волнистого (6,0%) и тычкового (0,5%) – незначительны. Сосуды с примесью дресвы (дресвы и песка) в тесте – преобладают (84,1%), с добавкой песка (11%) – редки. Доля изделий с тонким тестом или с редкой примесью мелкозернистого песка – около 5%. Среди

русской керамики (по технологическим признакам) встречен сосуд тарелкообразной формы.

Датирующий материал (рис. 204, 1-7): железная пружина от нутряного замка с деревянным засовом второго типа (XI – серединой XIV в. по Великому Новгороду: Колчин, 1982. С. 161); железная булавка (спица) от ручной прялки с петлеобразной головкой (конца XIII – начала XV вв.: Колчин, 1959. С. 107); односторонняя бронзовая иконка – привеска арочной формы с подписанным изображением апокрифических Архангела Сихаила и святого Сисиния (наиболее близкие аналоги, но без подписи, происходят из Тверской земли, где по комплексам они датируются XIV–XV вв. (Солдатёнова, Персов, 2005. С. 219, 220); фрагменты трёх круглых гладких (синего, бирюзового и коричневого) стеклянных браслетов.

Ближайшие по составу комплексы: поселение Бешенцево-3, раскоп 1, яма 4, слои 5–7 (Грибов Н.Н., 2006 г.), селище Кузнечиха-3 (средневековый комплекс раскопа; Письмаркина А.И., 2019 г.).

3. Комплекс второй половины XIV – начала XV вв. (рис. 206–210).

Происхождение: г. Нижний Новгород, пер. Крутой (Верхний посад), раскоп 1 1999 г., яма 19, нижний придонный горизонт (слои 5, 6 и придонные приямки).

Контекст. Сооружение представляет собой квадратный в плане котлован с вертикальными стенками размером 3,8х3,9 м и глубиной 1,8 м (рис. 206А). Стенки имели деревянное крепление в виде горизонтальной обшивки плахами. Дно прорезано многочисленными приямками. Заполнение разделяется на три горизонта (рис. 206Б). Верхний горизонт – линза однородного гумусированного суглинка (до 80 см), отложившегося в результате плоскостной эрозии в западине ямы после завершения функционирования связанной с ней постройки. От подстилающего слоя отделена тёмно-коричневой, насыщенной органикой, прослойкой, напоминающей остатки древней дерновины. Кроме средневековых находок в верхнем горизонте обнаружено множество осколков белоглиняных

горшков коломенского типа (22% от общей массы черепков (1026 фр.)), девять фрагментов морёных и чернолощёных сосудов. Средний горизонт (до 55 см) включает в себя прослойку грунта развала глинобитной печи. Насыщен кухонными отходами: осколками средневековой красноглиняной керамики с примесью дресвы или песка, расколотыми костями животных, углями, крошкой печины. Среди вещевых находок датирующее значение имеют: два пластинчатых и один черенковый ножи, ключ от цилиндрического замка типа В, остатки двух цилиндрических замков типа Г, три осколка стеклянных гладких коричневых браслетов, три золотоордынские бусины (бирюзовые пастовые - шарообразная ребристая и биконическая; шарообразная мозаичная с непрозрачной тёмно-бордовой основой, инкрустированной крошкой белого, жёлтого и бирюзового стекла (Полубояринова, 1988. С. 167, 169, 171)); пять фрагментов поливных кашинных сосудов, бронзовые нательные кресты (равноконечный с криновидными окончаниями лопастей и ромбом в средокрестии начала XIV – начала XV вв. (Седова, 1981. С. 54); с удлинённой вертикальной осью, килевидным расширением на конце нижней лопасти и укороченной горизонтальной перекладиной с прямоугольными завершениями с изображением шестиконечного голгофского креста со «страстями»). Нижний придонный горизонт (40–80 см) отделён от среднего углистой прослойкой. Он сложен преимущественно обрушенной пристенной забутовкой – переотложенным материковым суглинком с включением тонких разветвлённых прослоек древесного тлена, оставшихся от плах деревянного каркаса. Этим же грунтом заполнены верхние части большинства придонных прямков.

Состав: 1419 фрагментов и три сосуда с реконструированными формами (рис. 208–210). Преобладают обломки русских средневековых сосудов из красножгущейся глины с примесью дресвы или песка (91%). Другие стилистико-технологические группы представлены фрагментами краснолощёной посуды (9%), единичными осколками лепных мордовских и белоглиняных (с примесью дресвы) изделий. Выделенные по венчикам красноглиняные сосуды (84 экз.) распределяются на три подгруппы: с добавкой дресвы (49%), песка (с размером

зерна до 2 мм – 39%), с редким мелкозернистым песком и без визуально фиксируемых примесей (12%). Формы венчиков разнообразны, велика доля изделий, напоминающих красноглиняные грубые московские горшки (тип 10, рис. 11). Венчики, характерные для XIII – начала XIV вв. – единичны (типы 6, 7, 8; рис. 11). Высока встречаемость горшков, известных по Городку, – типов 3.6 (18%, рис. 209, 30–32, 41–46, 49), 3.1 (рис. 209, 29), 3.2 (рис. 210, 22), 1.2 (рис. 209, 4), 1.6 (рис. 210, 27), 1.11 (рис. 209, 10; 210, 13).

Датирующий инвентарь (рис. 207): железные ключи от цилиндрических замков типов В и В2; три фрагмента стеклянных браслетов; каменная двухсторонняя иконка со следами позолоты с деисусной композицией – на одной стороне и поясным изображением Святого Николая Чудотворца – на оборотной; фрагмент бронзовой проволочной серьги в виде знака вопроса со стеклянной шарообразной бусиной на конце стержня; две серебряные монеты. Первая монета, аналогов которой найти не удалось, обнаружена на дне ямы (рис. 207, 11). Это полуденга с изображением птицы или зверя на одной стороне и подражанием арабской надписи – на другой (вес 0,38 гр.). Вторая монета обнаружена в одном из придонных приямков. Это фальшивая плакированная серебром денга (весом 0,76 гр.) с изображением поясной фигуры обращённого вправо человека с секирой и мечом в руках, окружённая нечитаемой круговой легендой – на одной стороне и подражанием арабской надписи – на оборотной (рис. 207, 10). Монета близка к выпускам, относимым к денгам Даниила Борисовича или Даниила Васильевича нижегородских (Орешников, 1896. С. 192, №№ 885–887; Тростьянский, 2009. С. 13–14), или же к анонимному выпуску – чекану г. Нижнего Новгорода после перехода его под власть московского князя в 1392 г. (Орешников, 1896. С. 197. № 901; Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 122–123). Тяжеловесные денги, чеканенные по весовой норме 0,7–0,8 гр., выходят из обращения после реформы 1410–1413 гг. (Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 137; Тростьянский, 2009. С. 48–49). Наиболее вероятная «узкая» датировка комплекса: 90-е гг. XIV в. – 1413 гг.

Ближайшие по составу комплексы: Нижний Новгород: ямы 37 (слой 2), 76, 87, 110 раскопа на месте пристроя к знанию Казначейства в кремле (Лапшин, 2001 г.), ямы 23, 66 раскопа 1 и яма 6 раскопа 3 на Театральной площади (Ерёмин, 1997 г.), яма 5 раскопа 1 в переулке Крутом (Гусева, 1991 г.), яма 2 раскопа 1 2018 г. в кремле (Грибов, 2018 г.); на селище Ближнее Константиново-1 – ямы 11 и 13 раскопа 7 (Грибов, 2001 г.), яма 29 раскопа 6 (Грибов, 2000 г.); яма 2 раскопа 1 на поселении Бешенцево-3 (Грибов, 2006 г.).

4. Комплекс второй трети (середины) XV в. (рис. 85, 90–100).

Происхождение: Городище Городок, раскоп 1 2003 г., яма 2/1, нижний придонный горизонт (слой 3).

Контекст. Яма имеет грушевидную форму с размерами 3,5х(1,2–2,2) м (рис. 85В). Её расширенная часть наиболее углублена (до 150 см) и по форме близка к прямоугольнику со скруглёнными углами (2,2х1,8 м). Борта почти отвесны, дно – вогнутое. Обуженная часть ямы – неглубокий трапециевидный приямок, примыкающий к основному углублению через одноступенчатый спуск. В заполнении выделено три горизонта. Развалы глинобитных печей зафиксированы в верхнем и среднем горизонтах. Нижний горизонт насыщен мелкими углями, сажей, керамикой, костями животных и рыб. Его мощность 25–58 см.

Состав: 1148 фрагментов минимум от 68 различных сосудов (47 красноглиняных, 11 лепных, 1 краснолощёного, 6 белоглиняных) (рис. 92–100). Семь сосудов реконструированы: пять красноглиняных горшков без какого-либо декоративного покрытия: два – с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (рис. 94, 2; 98, 1), три других – с редкой примесью дресвы (рис. 96; 97, 2); один ангобированный горшок из смеси красно- и беложгущихся глин (рис. 99, 7) и лепной сосуд с примесью шамота (рис. 100, 16). Встречаемость осколков белоглиняных изделий не превосходит 6%, фрагменты краснолощёных и ангобированных сосудов также сравнительно малочисленны (53 и 38 единиц соответственно).

Датирующие находки (рис. 90, 91): железный сличный замок типа Е, серебряная денга Василия II 1450–1462 гг. (Орешников, 1896. Тип № 545).

Ближайшие по составу комплексы: Городище Городок, раскоп 1, яма 1В/1, слой 2; яма 1А/1, слой 2; раскоп 2, яма 2/2, нижний горизонт (Грибов, 2003, 2004 гг.).

5. Комплекс второй половины XV – начала XVI вв. (рис. 109–125).

Происхождение: Городище Городок, раскоп 2 2004 г., яма 1/2, все слои заполнения (Грибов, 2004 г.).

Контекст. По форме верхних кромок яма напоминает продолговатый овал с размерами 360x200 см (рис. 109Г). Глубина ямы 134 см. Придонным материковым останцем, отходящим от основания юго-восточного борта, её котлован разделён на две неравные части – южную, меньшую, и северную, большую. Южная половина сооружения по форме близка к прямоугольнику со скруглёнными углами (130x200 см). Её борта здесь почти отвесны. Материковое дно перекрыто тонкой углисто-золистой прослойкой, уплощено и углублено на 116 см. На дне зафиксированы отпечатки двух деревянных плашек. Северная половина ямы по форме близка к грушевидной фигуре (230x(130–210) см). В верхней части борта отвесны, в нижней – наклонны. Дно корытообразное. Обе планиграфически выделённые части ямы заполнялись одновременно. Заполнение разделено на три пачки отложений (верхнюю, среднюю и нижнюю); каждая из них определяется по присутствию специфического угленасыщенного слоя с массовыми включениями кухонных отходов (рис. 109). В заполнении зафиксированы две линзы развалов глинобитных печей.

Состав: 2507 фрагментов минимум от 100 различных сосудов (рис. 113–125). Различные стратиграфические горизонты близки по встречаемости белоглиняной керамики, доля которой составляет около 30%. Реконструированы 14 изделий: три лепные ёмкости с примесью шамота – горшок (рис. 122, 9), банка (рис. 122, 7) и чаша (рис. 122, 8); восемь красноглиняных сосудов – семь горшков (рис. 124, 7; 120, 14; 113, 2; 124, 9; 114, 18; 124, 8; 119, 2) и одна миска

(рис. 119, 1); три белоглиняных горшка коломенского типа (рис. 125, 1, 2; 121, 8). Комплекс включает в себя единичный осколок чернолощёного сосуда, шестьдесят один фрагмент краснолощёных и четыре фрагмента красноглиняных ангобированных изделий (один с росписью охрой).

Датирующие находки (рис. 110–112): два железных ромбовидных наконечника стрел (с улеvidным расширением у острия: вариант «а» типа 6, см.: Двуреченский, 2007а; . С. 283–284; вариант «в» типа 6, см.: Двуреченский, 2007а. С. 284); железный цилиндрический замок с П-образным щитком на днище большого цилиндра; коробкообразный корпус железного замка, конструктивно близкий к замкам типа Ж; железный цилиндрический замок типа Г; фрагмент железного ключа от цилиндрического замка типа В; фрагмент железного ключа от замка типа Д или Е (Колчин, 1959. С. 82, 84); один целый и два фрагментированных бронзовых бубенчика, спаянных из двух тиснёных половинок; осколок кашинного сосуда с чёрной подглазурной росписью и двухсторонней прозрачной бирюзовой поливой; бронзовая проволочная односоставная безбусинная серьга в виде знака вопроса с длинным стержнем; костяной с удлинённой вертикальной осью и прямоугольными окончаниями лопастей восьмиконечный крест-мощевик с открытым «ковчезцем», заполненным коричневой мастикой; бронзовый односторонний крест-тельник с килевидным завершением нижней лопасти и рельефным изображением шестиконечного креста на П-образной Голгофе; бронзовый посеребрённый односторонний четырёхконечный с расширениями на концах вертикальной оси и килевидным завершением нижней лопасти нательный крест с изображением Распятия; створка от бронзового энколпиона с округлыми окончаниями лопастей и квадратным средокрестием с ростовым изображением воина, держащим правой рукой копьё, левой – щит (Ханенко, 1899. Табл. VIII, 96, 97); семь монет: три медных пула (приложение 5, №№ 29–31), серебряная анэпиграфная полуденга (приложение 5, № 22), фальшивая денга с изображением всадника с соколом на одной стороне (приложение 5, № 11), серебряные денги Василия II

(приложение 5, № 8; Орешников, 1896. Тип № 672) и Ивана III (приложение 5, № 17; Орешников, 1896. Тип № 679, 680).

Ближайшие по составу комплексы: Городище Городок, раскоп 1, яма 2/1, верхний и средний горизонты; яма 1Б/1, нижний горизонт (Грибов, 2003 г.).

6. Комплекс конца XV – середины XVI вв. (рис. 211–218).

Происхождение: г. Нижний Новгород, пер. Крутой (Верхний посад), раскоп 1 1999 г., яма 20, материал из всех слоёв заполнения.

Контекст. Квадратный в плане котлован с вертикальными стенками размером 3,8х3,7 м и глубиной 1,6 м (рис. 211А). Зафиксирован с уровня кровли слоя XIII – начала XV вв. Локально нарушен врезками позднейших ям. Стенки котлована, вероятно, были укреплены деревянным каркасом. Заполнение разделяется на три слоя (рис. 211Б). Верхний (первый) слой образован линзой однородного гумусированного суглинка с включением мелких комков материкового грунта и угля, которая подстилается тонкой органонасыщенной прослойкой, напоминающей остатки древней дерновины. Обнаружены фрагменты керамики: лепной мордовской – 1, красноглиняной – 434 (из них – 300 с примесью дресвы, 134 – с тонким тестом, либо с редкой добавкой мелкозернистого песка), белоглиняной с тонким тестом – 541, краснолощёной – 310, красноглиняной ангобированной – 7, чернолощёной со сплошным лощением и морёной – 347. Средний (второй) слой, с редкими включениями осколков белоглиняной керамики без заметных примесей в тесте, сложен пёстрым грунтом обрушения пристенной забутовки с тленообразными остатками деревянного каркаса. Нижний (третий) слой мощностью 12 см перекрывает дно ямы. Это плотный переотложенный материковый суглинок. В нём обнаружены осколки керамической посуды: красноглиняной – 81 (47 с примесью дресвы, 34 – с тонким тестом, либо с добавкой мелкозернистого песка), красноглиняной ангобированной – 15, белоглиняной с тонким тестом – 101, краснолощёной – 64, чернолощёной со сплошным лощением и морёной – 6. Пять сосудов реконструировано. Три из них – белоглиняные горшки коломенского типа

приземистых пропорций с линейным, не заходящим на плечико, орнаментом (рис. 213, 3; 214). Два других изготовлены из красножгущейся глины с незначительной добавкой дресвы. Профилировка верхней части одного красноглиняного горшка напоминает тип 2.5 Городка (рис. 216, 2). Второй красноглиняный горшок снаружи покрыт белым ангобом (рис. 216, 1), по форме он напоминает тип 3.3 Городка. Наборы керамики из верхнего и нижнего слоёв ямы 20 близки друг другу, как по составу и соотношению технологических групп, так и по наличию однотипных изделий. В каждом из этих отложений обнаружены фрагменты одних и тех же сосудов.

Состав: 1620 фрагментов и пять реконструированных сосудов (рис. 213–218). Преобладают образцы гончарных изделий хорошего горнового обжига с ограниченным набором «стандартных» профилировок, хорошо известных на обширных землях Московской Руси: суммарная доля белоглиняной гладкой, краснощёной и чернощёной керамики составляет 68%. Среди этих высокотехнологичных групп преобладает керамика из беложгущейся глины без визуально фиксируемых примесей, представленная, в основном, осколками горшков коломенского типа (40%). Три реконструированных сосуда отличаются средними пропорциями ($H/D = 0,72 - 0,76$), типичными для XVI в. (Коваль, 2001. С. 105). Среди венчиков преобладают экземпляры с небольшим внутренним валиком на краевом окончании и различным оформлением наружной стороны, отсутствующие или редкие в коллекции Городка. У 40% из 34 выделенных сосудов линейный орнамент заходит на верхнюю часть плечика. Донца с внешней стороны, как правило, имеют микронеровности и отпечатки рук гончаров.

Краснощёная посуда (23,1%) занимает второе место (34,1%) среди высокотехнологичной керамики. Это кувшины с шаровидным туловом, сравнительно короткой горловиной с моделированным сливом (рис. 218, 9). Верхняя часть ручки (овально-удлинённой в сечении) прикреплена ниже края горловины. Края венчиков, как правило, напоминают широкую манжету с вогнутой в виде жёлоба поверхностью. Лощение неширокими вертикальными

полосками, иногда переходящее почти в сплошное, наносилось, как правило, на тулово ниже основания горловины. Последнее часто отмечено несколькими, собранными в узкую зону, полосками линейного орнамента. Горловины некоторых кувшинов сплошь покрыты рифлением или украшены частыми полосками линейного орнамента. На внешней поверхности днищ, как правило, заметны микронеровности и остатки золистой подсыпки. Фрагменты краснолощённых кувшинов с закраиной в виде наружного валика или «широкой манжеты» найдены у церкви Вознесения в подмосковном с. Коломенском в яме 1, перекрытой горизонтом строительства церковного здания 1531–1533 гг. (Московская керамика..., 1991. Табл. 111, 246, 260, 262, 261). Доля чернолощёной керамики – около 5% (7,4% среди всей керамики высокотемпературного горнового обжига). Для неё характерно частое (переходящее в сплошное) полосчатое лощение, чёрный цвет внешней поверхности и серый цвет излома черепка. Единственная форма, которую удалось определить по характерной детали – кумган. Остальная гончарная посуда (32%) представлена фрагментами изделий из красножгущейся глины преимущественно посредственного обжига. Для неё характерно широкое разнообразие профилировок верхних частей. Около 70% осколков имеет хотя бы редкую примесь крупнозернистой дресвы. Часть из них, очевидно, попала в яму из более ранних разрушенных отложений. У 30% фрагментов тесто отличается примесью песка (с размером зерна до 1 мм) или отсутствием каких-либо добавок. Венчики, типичные для более раннего периода, единичны. Большинство краевых окончаний – без заметных утолщений (рис. 217). Среди венчиков присутствуют формы, встреченные на Городке (типы 1.2 (рис. 217, 5), 1.3 (рис. 217, 3), 1.5 (рис. 217, 2), 2.4 (рис. 217, 7)). Осколки красноглиняных ангобированных (0,4%) и лепных (0,1%) сосудов редки.

Датирующие находки (рис. 212). Из верхнего слоя: один пластинчатый и два черенковых железных ножа, керамическая фигурка в виде медведя, сходная с находками из комплексов XV – первой половины XVII вв. г. Москвы (Розенфельдт, 1968. С. 17) (рис. 14, 2–4, 7). Из среднего слоя: три

красноглиняные свистульки со следами белого ангоба (Иванова, 2000), характерные для комплексов XV–XVI вв. г. Москвы (Розенфельдт, 1968. С. 24–27; Колызин, 1998. С. 116; Кренке, 2009. С. 392, рис. 146, 2, 6, 13). Из нижнего слоя: декорированная сквозными отверстиями пластина от чернолощёного кумгана (рис. 213, 1), фрагмент стенки белоглиняного грубого кувшина в месте прикрепления рукоятки (рис. 213, 2), железный ключ от цилиндрического замка (типа В или Г); свинцовый грузик в виде тонкого кружка с вертикальной втулкой; красноглиняная ангобированная свистулька-«уточка» (аналогичная находке из среднего слоя) (рис. 212, 1, 5, 10). Особое датирующее имеют: красноглиняная ангобированная свистулька в виде барашка с росписью чёрной краской (XIV–XV вв., см.: Розенфельдт, 1968. С. 25); фрагменты чернолощёного кумгана и белоглиняного кувшина. Последний, по частой примеси песка, можно соотнести с белоглиняной грубой московской керамикой первой половины XVI в. В г. Москве оба этих вида посуды появляются не ранее конца XV в. (Розенфельдт, 1968. С. 33; Чернов, 1991. С. 52; Московская керамика..., 1991; Коваль, 2001. С. 99–101).

Ближайшие по составу комплексы: Нижний Новгород: ямы 25, 33, 94 раскопа в кремле (Лапшин, 2001 г.); ямы 16, 55 раскопа 1 1997 г. на Театральной площади (Ерёмин, 1997 г.); яма 17 участка 5 2019 в зоне воссоздания храма Симеона Столпника в кремле (Письмаркина А.И., 2019 г.).

7. Комплекс середины – второй половины XVI вв. (рис. 219–221).

Происхождение: г. Нижний Новгород, ул. Октябрьская (Верхний посад), раскоп, яма 61, слои 2 и 3 (Долгополов С.В., 2016 г.).

Контекст. Сооружение – грушеобразная яма, с неправильно округлой углублённой расширенной частью и примыкающим к ней неглубоким приямком полуовальной формы (рис. 219А). Размеры углубленной части 3,3х3,3 м, глубина – до 3 м. Дно прорезано несколькими приямками со сложной профилировкой бортов. Заполнение разделено на три горизонта. Верхний горизонт (слой 1) – это линза пёстрого тёмно-серого суглинка с вкраплениями

переотложенного материкового грунта, в западине сооружения. Её мощность – до 65 см. Находки: серебряный перстень с ромбическим щитком с рельефными шишечками по углам, фрагменты расписанных охрой белоглиняных игрушек, слив от чёрнолощёного водолея. Средний горизонт объединяет слои 2 и 3, разделённые прослойкой углей с размытыми границами. Слой 2 – пёстрый серовато-коричневый суглинок с комками материкового грунта и прослойкой древесных углей мощностью до 70 см. Слой 3 – тёмный серовато-коричневый суглинок с разреженными вкраплениями небольших углей и комков стерильного материкового грунта мощностью до 40 см. Соотношение основных стилистико-технологических групп посудной керамики из слоёв 2 и 3 – сходно, численно доминируют фрагменты белоглиняных горшков коломенского типа; фрагменты отдельных сосудов встречены в обоих слоях. Дно ямы перекрыто тёмно-серым суглинком с включением мелкораспылённого древесного тлена и углей, образующим нижний горизонт (слой 4) мощностью до 125 см у бортов ямы и до 15 см – в её центральной части. Находки из нижнего горизонта: железный псалий; крупные фрагменты чернолощёных водолеев; две бронзовые булавки «пус йеппи» с утраченными навершиями; бронзовый двухсторонний нательный крест с прямоугольными окончаниями лопастей, изображением семиконечного креста «со страстями» на Голгофе на лицевой стороне и текстом молитвы – на оборотной; бронзовая проволочная кольцевая мордовская застёжка со спирально подогнутыми концами, украшенными рифлением; фрагмент красноглиняной игрушки-лошадки с росписью белым ангобом; бронзовая лировидная пряжка; железное калачевидное без язычка кресало, бронзовая литая колёсовидная подвеска в виде двух сцентрированных разновеликих ободов, соединённых радиальными спицами (известны по погребению первой половины XVII в. марийского могильника Греково, см.: Шапран, 2002. С. 260, 266, рис. 10, 13). По соотношению образцов разных стилистико-технологических групп, нижний горизонт заполнения ямы отличается от вышележащих слоёв доминированием фрагментов красноглиняных ангобированных и краснолощёных сосудов,

представленных в равных долях (что, возможно, объясняется неполными развалами соответствующих сосудов).

Состав: 2458 фрагментов и 14 реконструированных изделий (рис. 220, 221). Преобладают гончарные сосуды хорошего горнового обжига двух групп – белоглиняной гладкой (54%) и чёрнолощёной (16%). Доля краснолощёной посуды (7%) – немногим менее, чем ангобированной (9%). Белоглиняная керамика представлена горшками коломенского типа и крынками. Венчики горшков украшены частыми полосками линейного орнамента и, как правило, имеют небольшие краевые утолщения. Большая часть осколков изделий из белой глины (91%) – от сосудов с тонким тестом; формовочные массы остальных включают мелкозернистый песок. Краснолощёная посуда представлена фрагментами горшков и кувшинов. Венчики кувшинов, как правило, имеют краевое окончание в виде широкой манжеты с желобообразно вогнутой поверхностью. Среди чёрнолощёной керамики встречены крышки, кувшины, рукомои и горшки. Излом черепка некоторых сосудов имеет красноватый оттенок. Лощение сплошное. Красноглиняная керамика без лощения и ангоба представлена горшками. Это сосуды с короткой цилиндрической горловиной с краевыми окончаниями без утолщений. Многие ангобированные сосуды представляют собой красноглиняные реплики горшков коломенского типа.

Датирующие находки (рис.219В): железный наконечник стрелы с узким пером, прямыми сторонами, пулевидным утолщением острия и короткой шейкой (слой 2) (XV–XVII вв., см.: Двуреченский, 2007а. С. 283, 284, вариант ба); два железных пластинчатых ножа; две монеты. Одна монета – медное пуло с несохранившимися изображениями и легендой. По размеру монетного кружка находка напоминает тверские «маленькие» пула, чеканка которых началась в 90-е гг. XV в., а обращение продолжалось до конца XVI в. (Гайдуков, 1993. С. 89). Вторая монета – серебряная денга Ивана IV, близкая к типу московской чеканки 1535–1538 гг. (Мельникова, 1989. Вкладка, табл. 1, аверс типа 8, реверс типа 6).

Ближайшие по составу комплексы: Нижний Новгород: яма 59А раскопа в кремле (Лапшин, 2001 г.).

Приложение 5

Списки монет XIV-XVI вв. из г. Нижнего Новгорода и городища Горodka

1. Нижний Новгород.

1.1. Монеты Золотой Орды и их подражания

№	Эмитент, или краткое описание	Дата (г.х.)	Монетный двор	Вес (гр.), следы обрезаки	Размеры (мм)	Источник (ссылка на литературу, научный отчёт – с указанием коллекционного номера или номера иллюстрации)	Публикация (аналоги)
Атрибутированные серебряные данги							
1	Токта	710	Сарай-ал-Махруса	?		Петров, 1997. С. 10.	
2	Джанибек	743	Сарай-ал-Джедид	0,86; обрезан		Лапшин, А-2001. № 2000.	Френ, 1832. Табл. 3, № 59.
3	Джанибек	745	Сарай-ал-Джедид	0,85; обрезан	12x11	Грибов, А-2021а. № 524.	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. III, № 42.
4-7	Джанибек	746	Сарай-ал-Джедид	1,36; 0,81; 1,08; 1,08 все со следами подрезки	15x15, 11x11, 15x14, 15x14	Грибов, А-2021а. №№ 294, 478, 484, 503.	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. IV, № 46.
8	Джанибек	747	Сарай-ал-Джедид	0,44 обрезан	11x10	Марьёнкина, А-2019а. № 94.	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. IV, № 51.
9	Джанибек	749	Сарай-ал-Джедид	0,97 обрезан	15x14	Грибов, А-1999. № 113.	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. IV, № 58.

10	Джанибек	750	Сарай-ал-Джедид	1,00 обрезан	14x13	Грибов, А-2021а. № 279	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. V, № 67 (отличие от аналога: вместо звёздочки на аверсе - «кафимский узел»).
11	Джанибек	754	Гюлистан	1,28 обрезан	17x15	Письмаркина, А-2020б. № 772.	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. XI, № 158.
12	Бердибек	759	Гюлистан	0,77 обрезан		Лапшин, А-2001. № 2200.	Френ, 1832, № 111.
13	Бердибек	759	Сарай-ал-Джедид	0,55 обрезан	12x12	Грибов, А-2021а. № 347.	Клоков, Лебедев, 2002. С. 83, рис. 4, № 36.
14	Бердибек	759 (?)	Азак	1,30 обрезан	15x15	Шакулова, А-2003. № 35.	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. XIII, № 184.
15	Кульна	760	Гюлистан	0,72 обрезан	12x15	Письмаркина, А-2020б. № 369	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. XIII, № 188.
16	Хызр	761	Гюлистан	?, обрезан	13x11,5	Ерёмин, 2012. С. 12.	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. XIV, № 198.
17	Мухаммед (Улу- Мухаммед?)	первая треть XV в.	Иль-Уй Муаззам	0,33, без следов обрезки	13,5x12	Грибов, А-2021а. № 504	Не опубликована; атрибуция Р.Ю. Ревы.
Неопределимые данги							
18-19				0,39; 0,63, со следами	12x8, 12x11 МОНЕТНЫ	Грибов, А-2021а. № 502, 516	

							е кружки с утратами		
20			Сарай-ал-Джедид	1,39 обрезан	15x16	Шакулова, А-2003. № 129.			
21		75...		0,47 обрезан	11x11, монетный кружок с утратами	Марьёнкина, А-2019а. № 94.			
22			Сарай-ал-Джедид	?	?	Ерёмин, А-1997. Илл. 125, 14 (№ 324).			
Двухсторонние подражания									
	с надчеканкой «КОЛОМЕНСКО-ГО ТИПА»		Коломна?	0,89	15x14	Грибов, А-2021а. № 440.		Волков, 2005. С. 108, 109.	
24	на обеих сторонах – символ веры			0,86	17x15	Грибов, А-2021а. № 523.		Лебедев, Павленко, 2008. С. 425, 453, рис. 10, № 177/17 (из г. Маджар).	
25	?			?	?	Ерёмин, А-1996. Илл. 34, 24.			
Фальшивые медные монеты плакированные серебром									
26	Л.с.: чекан Гюлистана (в зеркальном отражении) 761 (г.х.) О.с.: чекан	третья треть XIV в. (не ранее 1359 –		0,87	15x15	Письмаркина, А-2020б. № 434.		не опубликована	

Медные пулы									
	[Сарая-ал] Джедид 7... (г.х.)	1360 гг.)							
27	каан Мунке	1251-1259 гг.	Булгар	2,63	17x18	Марьёнкина, А-2019б. № 180.	Бугарчев, Петров, 2018. С. 16, тип S5.		
	Л.с.: «16 пул – данник» О.с.: в линейном ободке пятиконечная звезда с точкой в центре	721 г.х. (1321 г.)	Сарай	1,55	14x15	Марьёнкина, А-2019б. № 16.	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. I, № 14.		
29	Анонимный, с двухглавым орлом на одной стороне	тип 740-х г.х.	Сарай-ал-Джедид	1,00	15x14	Грибов, А-2021а. № 476.	Френ, 1832. Табл. X, № СССХЛШ; Клоков, Лебедев, 2002. С. 100, тип 32.		
30	Анонимный, с шести-лепестковой розеткой на одной стороне	Тип 750-х г.х.	Сарай-ал-Джедид	2,07	17x17	Марьёнкина, А-2019а. № 68.	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. VI-X, № 84-150.		
31	Хызр	762 г.х.	Сарай-ал-Джедид	2,90	19x17,5	Грибов, А-2018. № 35.	Фёдоров-Давыдов, 2003. Табл. XIV, № 196, 197.		
32	Анонимный, четвероногий зверь влево на одной стороне	764 г.х. (1362-1363 г.)	Гюлистан	?	?	Гусева, А-2002. Илл. 185, I.	Клоков, Лебедев, 2000. С. 80, 134, № 46.		

33	?	1370-е гг.	Азак	?	?	Гусева, А-2002. Илл. 175, 8.	
----	---	---------------	------	---	---	---------------------------------	--

1.2. Монеты русской чеканки

№	Краткое описание	Эмитент	Монетный двор, дата чеканки	Вес (гр.)	Размеры (мм)	Источник (ссылка на литературу, научный отчёт – с указанием коллекционного номера или номера иллюстрации)	Публикация (аналоги)
34	Л.с.: в круговой линейной рамке птица, идущая вправо, за рамкой – легенда из нечитаемых знаков в виде палочек. О.с.: подражание оборотной стороне золотоордынской монеты г. Гюлистана (в зеркальном отражении)	анэпиграфная (по типу монет Дмитрия Константиновича нижегородского)		0,7825	10,5	Грибов, А-2021а. № 289.	Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 46, №№ 410, 412.
35		Василий Дмитриевич московский				Воронин, А-1960. № 22.	Атрибуция: Н.Д. Мед.
36	Л.с.: в центре две человеческих головы, разделённые вертикальной чертой, с виньеткой по мотиву «кафим-»	Пётр Дмитриевич дмитровский (1389-1428 г.)	Дмитров, конец XIV – первое десятилетие	0,68	13x17	Марьёнкина, А-2019в, № 114.	Зайцев, 2004. С. 84, 97, тип III, № 8.

	<p>ского узла», вокруг между линейными ободками круговая надпись [ПЕЧА]ТЪКН[ЯЗАПЕТ]</p> <p>О.с.: в линейном ободке искажённая арабская надпись – подражание «символу веры» с виньетками в виде «кафимских узлов»</p>								
37-38	<p>Л.с.: Самсон со львом в линейном ободке, вокруг кольцевая надпись ...ЕЛИКИВА...(№ 522) КНАЗЪВЕ...ВА...И...(№40)</p> <p>О.с.: всадник с соколом вправо с круговой легендой ...ИВ...(№522) ...ЗЪ...(№40)</p>	Василий II	от 1425 до начала 30-х гг. XX в.	0,66; 0,55	4x10,5; 14x11	Грибов, А-2021а, № 522; Грибов, А-1999, № 40.	Мец, 1974. С. 29, 84, 85, №№ 1–5, 8, 9.		
39	<p>Л.с.: Самсон со львом в линейном ободке, вокруг кольцевая надпись: ...КНАЗЪВЕЛИ...</p> <p>О.с.: изображение не сохранилось.</p>	Василий II (?)	от 1425 до начала 30-х гг. XX в.	0,61	4x11,5	Грибов, А-2021а. № 514.	Мец, 1974. С. 29.		
40	<p>Л.с.: в картуше из двух линейных ободков и одного точечного между ними трёхстрочная надпись КНА/ЗЪДА П/ИЛО (в поле между буквами – точки).</p> <p>О.с.: в фигурном картуше из</p>	Даниил Борисович нижегородский	1410–1415 гг.	0,54	12x15	Грибов, А-2021а. № 519.	Тростянский, 2009. С. 107, тип 1, наиболее близка к варианту 1.2.		

	четырёх дуг, скреплённых «сердечками», двух линейных ободках и одном точечном между ними двухстрочное подражание арабской надписи.	Даниил Борисович нижегородский	1410–1415 гг.	0,40; 0,24, 11x13, 12x10,	Грибов, А-2021а. №№ 501, 515.	Тростянский, 2009. С. 107, 108, тип 1, наиболее близка к варианту 1.5.
41-42	Л.с.: трёхстрочная надпись: .../...ДА.../...ИЛ... О.с.: двухстрочное подражание арабской надписи в фигурном картуше из четырёх дуг, скреплённых «сердечками».	Даниил Борисович нижегородский	1410–1415 гг.	0,31 13x15	Грибов, А-2021а. № 520.	Тростянский, 2009. С. 107, тип I, вариант 1.9.
43	Л.с.: в картуше из двух линейных ободков и одного точечного между ними (в поле между буквами – точки) трёхстрочная надпись: [K]NA/[Z]ЬДА/НИЛ О.с.: в фигурном картуше из четырёх дуг, скреплённых «сердечками» и двух линейных ободках и одном точечном между ними – двухстрочное подражание арабской надписи.	Даниил Борисович нижегородский	1410–1415 гг.	0,41; 0,41 13x10, 12x14	Грибов, А-2021а. №№ 284, 521.	Тростянский, 2009. С. 108, тип I, № 1.10.
44-45	Л.с.: в картуше из двух линейных ободков и одного точечного между ними (в поле между	Даниил Борисович нижегородский	1410–1415 гг.			

	<p>буквами – точки) –трёхстрочная надпись: KNA/ZЪДАН/ИЛО. О.с.: в фигурном картуше из четырёх дуг, скреплённых «сердечками» и двух линейных ободках и одном точечном между ними – двухстрочное подражание арабской надписи.</p>	ский	1410–1415 гг.	0,15	12x8	Грибов, А-2021а. № 432.	Тростянский, 2009. С. 107, 108, тип 1 (вариант 1.6-1.9?).
46	<p>Л.с.: трёхстрочная надпись: KN[A/ZЪДАН/ИЛО]. О.с.: двухстрочное подражание арабской надписи в фигурном картуше из четырёх дуг, скреплённых «сердечками».</p>	Даниил Борисович нижегородский	1410–1415 гг.	0,50	12x11	Грибов, А-2021а. № 517.	Тростянский, 2009. С. 107, 108, тип 1, наиболее близка к варианту 1.12.
47	<p>Л.с.: трёхстрочная надпись: KNA/Z[ЪДАН/И]ЛО. О.с.: двухстрочное подражание арабской надписи в фигурном картуше из четырёх дуг, скреплённых «сердечками».</p>	Даниил Борисович нижегородский	1423–1428 гг.	0,41; 0,41	11x11, 12x12	Грибов, А-2021а. №№ 310, 518.	Тростянский, 2009. С. 126, тип VII.
48-49	<p>Л.с.: четырёхстрочная надпись: [K]NA/[Z]ЪВЕ[Л]/КДАН/ИЛО. О.с.: в тройном ободке (точечном между двумя линейными)</p>	Даниил Борисович нижегородский					

	пара хищных четвероногих, стоящих на задних лапах, спинами друг к другу, с пересекающимися хвостами и повернутыми назад мордами.								
50	Л.с.: между линейными ободками круговая надпись: [KNZY]ВЛКД[АНЛО], в центре - птица вправо. О.с.: в картуше из линейного и точечного ободков человек на троне вполоборота вправо с кубком в левой руке и мечом (остриём вверх) в правой.	Даниил Борисович нижегородский	1423 –1428 гг.	0,39	12x9	Грибов, А-2021а. № 483.	Тростянский, 2009. С. 124, тип 18.9г.		
	Л.с.: трёхлепестковый цветок, вокруг круговая надпись ...КЦИ... О.с.: всадник с саблей вправо со следами литеры под конём.	Иван III	Москва, 1485–1500 гг.	0,31	14x8	Письмаркина, А-2020б. № 524.	Зайцев, 2006. С. 26, 89, 90 (№№ 13-16).		
	Л.с.: всадник вправо, под конём литера «м», вокруг круговая надпись ... IVAN... О.с.: изображение полностью стёрто (монета свёрнута в трубочку).	Иван III	Новгород, после 1478 г.	0,55	?	Письмаркина, А-2020б. № 601.	Зайцев, 2006. С. 122, 123, №№ 103-108.		
53	Л.с.: всадник с саблей вправо. О.с.: надпись вязью «Государь»	Василий III	Москва	0,35	14x9	Грибов, А-2021а. № 463.	Зайцев, 2006. С. 94, тип 34.		

	всёя Руси».								или 35.
54-63	Л.с.: всадник с саблей. О.с.: трёхстрочная надпись.	Иван IV	1535–1538 гг.	0,24; ? ; 1x8,3; 0,19; x11; ?; 0,29; ?; ?; ?; ?; ?; 0,34; ?; ?; ?	0x8; ?; 1x8,3; x11; ?; ?; ?; ?; ?	Грибов, А-2021а, № 367; Грибов, А-2018, № 117; Марьёнкина, А-2019а, № 69; Письмаркина, А-2020а, № 20; Письмаркина, А-2020б, №№ 73, 79, 171, 310; Ерёмин, А-1996, илл. 25, 17; Долгополов, А-2016, № 319.	Грибов, А-2018, № 117; Письмаркина, А-2020б, № 159.	Мельникова, 1989. Вкладка. Табл. 1, по типу 1535-1538 гг.	
64-65	Л.с.: всадник с саблей. О.с.: четырёхстрочная надпись.	Иван IV	1550-е гг.	0,17; 0,27	10x8, 10x8	Грибов, А-2018, № 117; Письмаркина, А-2020б, № 159.	Мельникова, 1989. Вкладка. Табл. 1. № 18-22.		
Неопределимые									
66	Л.с.: изображение птицы или зверя О.с.: подражание арабской надписи	анонимная	90-е гг. XIV в. – первое десятилетие XV в. (по комплексу)	0,38	13x12	Грибов, А-1999. № 114.	Не опубликована		
Фальшивые медные плакированные серебром									
67	Л.с.: в линейном ободке поясное изображение человека вправо с секирой и саблей в руках, вокруг – следы круговой	Даниил Борисович нижегородский	первое десятилетие XV в.	0,76	15x13	Грибов, А-1999. № 115.	Исходный тип: Орешников, 2006. С. 220, №№ 885-887;		

надписи О.с.: подражание арабской надписи								Тростыанский, 2009. С. 13, 14.
Медные пулы								
Русская удельная чеканка конца XIV – XV вв.								
68 Л.с.: в линейном ободке поясная фигура человека вправо с секирой и мечом в руках, вокруг круговая надпись...ПЕЧА... О.с.: следы арабской надписи	Дмитрий Иванович (1362–1389) или Василий Дмитриевич (1389–1425) московские	80–90-е гг. XIV в.	0,56	13x13	Письмаркина, А-2020б. № 381.			Не опубликована; отчеканена штемпелями для серебряных монет
69 Л.с.: человек с саблей и топором в руках влево. О.с.: следы трёх- или четырёхстрочной надписи.	Василий Дмитриевич московский	1389–1425 гг.	0,32	9,5x8	Четвертаков, А-2013а. Илл. 34, 5 (№ 5).			Не опубликована; отчеканена штемпелями для серебряных монет; близка к одному типу денги Василия Дмитриевича: <i>Ильин</i> , 2012. С. 265. Табл. X, б.
70 Л.с.: в линейном ободке двуглавый орёл О.с.: в линейном ободке неясная секирообразная фигура	анэпиграфная (Пётр Дмитриевич дмитровский)	1389–1428 гг.	0,95	20x15	Письмаркина, А-2020б. № 398.			Гайдуков, 1993. С. 127, № 169; Зайцев, 2004. С.

	(человек с бородой вправо?) (изображение искажено двойным ударом со смещением)	?)							С. 91, 92, 111 №51.
71- 89	Л.с.: равносторонний крест с окончаниями осей, перечёркнутыми короткими отрезками и звёздами или точками между осями О.с.: в точечном ободке, фигура из двух переплетённых ленточных, показанных сдвоенной линией перекрещенных овалов с точкой посередине	анэпиграф- ная		1,40; 2,20; 1,34; 1,90; 1,74; 1,19; 1,86; 1,14; 1,76; 1,20; 1,50; 1,20; 1,23; 1,30; 1,18; 1,01; 1,06; 1,30; 1,17	21x17; 20x17; 17x17; 17x18; 20x18; 18x18; 14x15; 18x16; 17x17; 19x15, 19x16, 18x16, 18x16, 20x15, 18x17, 20x16, 17x18; 19x17; ?	Грибов, А-1999, № 121; Грибов, А-2018, № 115; Марьёнкина, А-2019в, №№ 93, 173, 249, 398, 128; Письмаркина, А-2020б, № 376, 407; Шакулова, А-2003, илл. 125, I–IX (9 экз.); Лапшин, А-2001, № 2721; Аникин, А-2003, илл. 67.	Орешников, 1896. С. 62, № 375, табл. V, 229; Грибов, 2018а. С. 154, 155, вариант 1, рис.1.		
90	Л.с.: в двойном круговом ободке, точечном и линейном, равносторонний крест с окончаниями лопастей, перечёркнутыми	анэпиграф- ная		0,91	15x11	Грибов, А-2021а. № 307.	Неопублико- ванный вариант типа: Грибов, 2018а. С. 154, 155,		

	<p>короткими отрезками и восьмилучевыми звёздами между осями</p> <p>О.с.: в двойном круговом ободке, и точечном и линейном, и линейном ободке в виде четырёхлепестковой розетки фигура из двух показанных сдвоенной линией перекрещенных овалов с точками посередине и по четырём лопастям, точки соединены отрезками, образующими квадрат</p>								рис. 1.
91	<p>Л.с.: равносторонний крест с точками (или звёздами) между осями</p> <p>О.с.: фигура из двух, показанных строенной линией, перекрещенных овалов</p>	анэпиграф- ная	1,59	19x13	Грибов, А-2021а. № 335.	Неопубликованный вариант типа: Грибов, 2018а. С. 154, 155, рис.1.			
92	<p>Л.с.: равносторонний крест с точками (или звёздами) между осями</p> <p>О.с.: неясное изображение с включением в композицию четырёхчастной решёткой,</p>	анэпиграф- ная	1,46	18x15;	Грибов, А-2021а. № 477.	Неопубликованный вариант типа: Грибов, 2018а. С. 154, 155, рис.1.			

93-98	<p>образованной двумя перекрещенными овалами, обозначенными сдвоенными линиями</p> <p>Л.с.: равносторонний крест О.с.: неясное изображение</p>	анэпиграфные		0,73; ?; ?; ?; ?; ?	14x10; 20,5x x12; 17x15; 19x17; 19x x16,5; ?	Грибов, А-2021а, № 311; Королёв, А-2011, № 57; Ерёмин, А-1997, № 1105 (3 экз.); Лебедева, А-2008а, илл. 204.			
99	<p>Л.с.: равносторонний крест с точками (или звёздами) между осями</p> <p>О.с.: решётка, образованная пересекающимися линиями, с точками в промежутках между линиями</p>	анэпиграфная		1,37	19x17,	Грибов, А-2021а. № 338.			Неопубликованный вариант типа (без точек в ячейках решётки): Грибов, 2018а. С. 291, № 28.
100	<p>Л.с.: равносторонний крест с точками между осями, окончания которых дополнены расходящимися короткими отрезками</p> <p>О.с.: в линейном ободке решётка, образованная пересекающимися линиями</p>	анэпиграфная		1,13	16x x17,5	Грибов, А-2021а, № 482.			Ближайший аналог: Грибов, 2018а. С. 291, № 28.

101-103	Л.с.: равносторонний крест с точками или звёздами между осями, окончания осей дополнены расходящимися отрезками (?) О.с.: решётка, образованная пересекающимися линиями	анэпиграф- ная	0,61; 0,73; 0,61	15x12; 16x16, 18x19	Грибов, А-2021а, № 525; Письмаркина, А-2020б, №№ 405, 401.	Ближайший аналог: Грибов, 2018а. С. 291, № 28.
104-105	Л.с.: в линейном ободке равносторонний крест с окончаниями, перечёркнутыми короткими отрезками и точками между осями О.с.: в фигурном картуше из 4-х или 6-ти дуг, скреплённых узлами в виде «сердечек» в линейном ободке четвероногий зверь вправо с загнутым вверх хвостом, головой повернутой назад, с раскрытой пастью; пространство между картушем и ободком заполнено черточками	анэпиграф- ная (Василий Дмитриевич московский?)	1,35; 0,47	18x21; 19x18	Грибов, А-2021а, № 481; Письмаркина, 2020б, № 208.	Зайцев, 2009. С. 36, рис.2, 1– 7; 44, тип № 2; Грибов, 2018а. Рис. 16*, 3. С. 247.
106	Л.с.: равносторонний крест с точками (звёздами?) в полях между осями О.с.: в фигурном картуше из 4-х	анэпиграф- ная	1,32	18x16	Письмаркина, А-2020б. № 379.	Вариант: Зайцев, 2009. С. 44, тип № 2.

	или 6-ти дуг, скреплённых узлами в виде «сердечек» в шестилепестковом ободке четвероногий зверь вправо с загнутым вверх хвостом, головой повёрнутой назад, с раскрытой пастью; пространство между катушем и ободком заполнено черточками (кринами?)									
107	Л.с.: в линейном ободке крест равносторонний со звёздами между осями О.с.: в точечном ободке четвероногое животное вправо с задранным над спиной хвостом и приподнятой правой передней лапой	анэпиграфная	0,97	17x13,	Марьёнкина, А-2019в. № 31.	Не опубликована				
108	Л.с.: равносторонний крест, оси которого показаны двойной линией (?) О.с.: неясное изображение	анэпиграфная	0,47	17x15,	Грибов, А-2021а. № 528.					
109	Л.с.: крест в ромбе. О.с.: изображение не сохранилось		?	17x16	Ерёмин, А-1997. № 783.					
110	Л.с.: в точечном ободке равносторонний крест в круге	анэпиграфная	0,28	14x13	Грибов, А-2021а. № 526.	Не опубликована				

	с точками в полях между осями О.с.: плохо прочеканенное изображение виньетки в виде плетёнки («кафимского узла» (?)) и под ней - четвероногого животного с удлинённым туловищем влево									
111	Л.с.: четвероногий зверь вправо, с когтистыми лапами и загнутым вверх хвостом, голова повернута назад, пасть раскрыта. О.с.: шестиконечная звезда с точками внутри лучей.	анэпиграф- ная (Василий Дмитриевич московский?)	Москва (?)	0,71	16x15	Грибов, А-2021а. № 527.	Зайцев, 2009. С. 36, 44, № 3.			
112	На обеих сторонах: решётка, образованная пересекающимися линиями, с точками в промежутках между линиями			0,49	15x14	Лебедева, А-2007а. Илл. 12.	Не опубликована			
113	Л.с.: решётка, образованная пересекающимися линиями. О.с.: изображение не сохранилось			?	?	Лебедева, А-2008а. Илл. 295, 2.				
114	Л.с.: в двойной (точечной и линейной) ободке подражание арабской надписи О.с.: неясное изображение или подражание арабской надписи			0,69	16x15	Лебедева, А-2007а. Илл. 70.	Не опубликована			

«Тяжёлые» пулы с полностью стёртыми изображениями						
115-122				?; ?; ?; ?; ?; ?; ?; ?; ?	15x17; 20x18; ?; ?; ?; ?; ?	Ерёмин, А-1997, илл.273, 17, 87, 17; Ерёмин, А- 1996, л. 21; Лебедева, А- 2007а, илл. 69; Лебедева, А-2008а, илл. 356, 3; 327; Гусева, А-1991, № 54; Гусева, А-2002, л. 26.
Легковесные пулы Московского государства конца XV - XVI вв.						
123-125	Л.с.: птица влево, голова повернута назад, в клюве цветок. О.с.: четырёхстрочная надпись: ПОУ/ЛОТВЕ/РЬСК/ОЕ.		Тверь	?; 0,42	?; 12x8,5	Марьёнкина, А-2019б, № 63; Письмаркина, А-2020б, № 37.
126-127	Л.с.: двуглавый орёл в фас с распростёртыми крыльями. О.с.: четырёхстрочная надпись: ПУ/ЛОТВ/ЕРЬС/КОЕ.		Тверь	0,41; 0,41	12x8; 18x11	Письмаркина, А-2020б, №№ 289, 470.
128-134	Л.с.: птица влево с распростёртыми крыльями. О.с.: четырёхстрочная надпись: ПУ/ЛОТВ/ЕРЬС/КОЕ.		Тверь	?; ?; 0,43; 0,37; 0,25; 0,33; 0,35	?; ?; 12x7; 12x7,5; 14x7; 11x8; 11x6	Марьёнкина, 2019б, №№ 12, 351; Марьёнкина, А-2019а, № 89; Письмаркина, А-2020б, №№ 173, 195, 465, 503.
135-138	Л.с.: птица вправо с распростёртыми крыльями. О.с.: четырёхстрочная надпись: ПОУ/ЛОТВЕ/РЬСК/ОЕ.		Тверь	?; 0,24; 0,31; 0,22	?; 11x8,5; 11x9,5; 10x9	Марьёнкина, А-2019б, № 246; Марьёнкина, А-2019а, № 65; Марьёнкина, А-2019в, № 361, 362.

							№ 259; Грибов, А-2018, № 116.			
139-143	Л.с.: изображение не сохранилось. О.с.: трёх- или четырёхстрочная надпись		Тверь	0,25; ?; 0,08; ?; ?	13x9; ?; 8x7; ?; ?	Грибов, А-2021а, № 40; Марьёнкина, А-2019б, № 29; Марьёнкина, А-2019в, № 184; Ерёмин, А-1997, №№ 65, 508.	До типа неопределимы			
144	Л.с.: решётка, образованная пересекающимися линиями О.с.: птица с распростёртыми крыльями (?)		Тверь (?)	0,24	13x8	Грибов, А-2021а, № 319.	Ближайший аналог: Гайдуков, 1993. С. 185, 186; № 302.			
145-146	Л.с.: крылатая сирена с чешуйчатым хвостом О.с.: четырёхстрочная надпись ПУЛ/ОМОСК/ОВЬСК/ОЕ		Москва	0,51; 0,56	11x8; 11x9	Грибов, А-2018, №№ 75, 178.	Гайдуков, 1993. С. 202, тип II, вариант 1а, № 404.			
147-153	Л.с.: крылатая сирена с чешуйчатым хвостом О.с.: четырёхстрочная надпись ПУЛ/ОМОСК/ОВЬСК/ОЕ		Москва	?; 0,34; 0,43; 0,46; 0,44; 0,38; 0,35	?; 9x9; 12x9; 12x9,5; 9x14; 9x13; ?	Марьёнкина, А-2019б, № 197; Марьёнкина, А-2019а, № 64, 75, 76; Письмаркина А-2020а, № 17; Марьёнкина, А-2019в, № 77; Пигарев, А-2008, илл. 148, 23.	Гайдуков, 1993. С. 202, тип II, вариант 2, № 405.			
154-155	Л.с.: двуглавый орёл в фас с распростёртыми крыльями. О.с.: четырёхстрочная надпись ПУЛ/ОМОСК/ОВЬСК/ОЕ		Москва	0,41; 0,29	13x10; 10x7	Марьёнкина, А-2019в, № 38; Письмаркина, А-2020б, № 174.	Гайдуков, 1993. С. 203, тип III, № 406—408.			
156-	Л.с.: птица влево с распростёрты-		Москва	?; ?;	?; ?;	Марьёнкина, А-2019б,	Гайдуков,			

160	ми крыльями. О.с.: четырёхстрочная надпись ПОУЛ/ОМОСК/ОВСК/ОЕ			0,62; 0,52; 0,48	9,2x11; 12x8; 13x9	№№ 196, 233; Письмаркина, А-2020а, №№ 18, 19, 52.	1993. С. 193, тип IV, вариант 1, № 409.
161- 162	Л.с.: шагающая птица влево с распростёртыми крыльями. О.с.: четырёхстрочная надпись ПУ/ЛОМОС/КОВСК/ОЕ	Москва		0,24; 0,29	13x10; 12x9	Марьёнкина, 2019в, № 104; Письмаркина, 2020б, № 421.	Гайдуков, 1993. С. 193, тип IV, вариант 2, № 410.
163	Л.с.: птица влево, голова повёрнута назад. О.с.: четырёхстрочная надпись ...О/...КОВ/...Е/...	Москва		0,25	16x6	Письмаркина, А-2020б, № 284.	Гайдуков, 1993. С. 193, тип V, № 411.
164- 169	Л.с.: изображение не сохранилось или едва угадывается (сирена) О.с.: трёх- или четырёхстрочная надпись плохо читаемая	Москва		?; 0,42; 0,49; 0,42; ?; ?	?; 12x8,5; 13x8; 13x8; ?; ?	Марьёнкина, А-2019б, № 244; Письмаркина, А-2020а, № 21; Письмаркина, А-2020б, № 492, 612; Ерёмин, А-1997, илл. 273, 19 (№ 627); Черников, А-1964, л. 20.	До типа неопределимы
170- 173		?		?	?	Батюков, Муренцова, 2013. С. 24 (4 экз.).	

2. Городище Городок

№	Краткое описание	Эмитент	Монетный двор, дата чеканки	Вес (гр.)	Размеры (мм)	Источник, паспорт находки	Публикация (аналоги)
Серебряные денги							
<i>Московское великое княжество</i>							
1	Л.с.: всадник скачущий вправо и поражающий копьём змея в раскрытую пасть, по сторонам литеры “К” и “Н”. О.с.: пятистрочная надпись: [КНЗЬ]/ВЕЛНК[П]/ ВАСИЛЬ/ІВАСИЛЬ/ ЕВИС(Ч?).	Василий П	1434–1446 гг. (Мец, 1974. С. 36)	0,62	11x14	Грибов, А-2004, илл. 93, I. Р2-К6.	Орешников, 1896. С. 104. № 555. Табл. IX, 403; Мец, 1974. С. 96. № 78.
2	Л. с.: крылатая сирена влево, вокруг неё круговая надпись: KNZЬВЕЛ[КНВАСІЛЕІВА СІЕВЧ]. О. с.: всадник вправо, поражающий копьём змея в раскрытую пасть, по сторонам – литеры “К” и “Н”; круговая надпись: [ПОПОДАРЬ]ВСЕЯЗЕМЛ [ПРУСКНЯ].		1446–1462 гг. (Мец, 1974. С. 101, № 104); 1435–1462 гг. (Зайцев, 2012. С. 112).	0,50	11x14	Грибов, А-2003, илл. 73, I. Р1-Я1В-2.	Орешников, 1896. С. 115. № 625. Табл. X, 471; Мец, 1974. С. 101. № 104.
	Л. с.: изображение почти целиком стёрто. О. с.: дерево о пяти ветвях, вокруг	Василий П	1446–1462 гг. (Мец, 1974. С. 105, 144,	0,31	10x13	Грибов, А-2004, илл. 79, I. Р2-Я2-3.	Орешников, 1896. С. 116. № 633. Табл.

	следы не читаемой круговой надписи.		№ 126). 1435–1462 гг. (Зайцев, 2012. С. 112).					XI, 481; Мец, 1974. С. 105. № 126.
4–5	Л.с.: в ободке из точек голова человека вправо, перед лицом вертикальная черта, вокруг круговая надпись: +ОСПОД[А] РНВСЕЯРУ[СИРМ]. О.с.: подражание арабской надписи в три строки, посередине голова человека вправо.	Василий П	1450–1462 гг. (Мец, 1974. С. 36, 144, 106, № 127); 1434–1462 гг. (Зайцев, 2012. С. 112).	0,37; 0,34	10x13; 10x14	Грибов, А-2003, илл. 86, 1, Р1-Я2-3; илл. 49, 1, Р1-Я1А-2.	Орешников, 1896. С. 102– 103. № 545. Табл. IX, 394; Мец, 1974. С. 106. № 127.	
6	Л.с.: человек на троне с мечом в правой руке, с левой стороны литера “К”. О.с.: четырёхстрочная надпись: [В+Е]/ЛКНЗЬ/ВАСНЛ/ЕІРУ.		1447–1462 г. (Мец, 1974. С. 31, 35, 144); 1434–1462 г. (Зайцев, 2012. С. 112).	0,35	10x12	Грибов, А-2003, илл. 12, 7. Р1-1-5А.	Орешников, 1896. С. 105. № 564. Табл. IX, 410; Мец, 1974. С. 100. № 95–97.	
7– 10	Л.с.: две семилучевые звёздочки и розетки в ободке из точек; круговая надпись: [+] КНЗЬВЕ[ЛІНКІВ]АСІЛІЕ. О.с.: в ободке из точек цветок с пятью лепестками, круговая надпись: ДЕНГ АМОСКО[ВСКАЯ].	Василий П	Около 1462 г. (Мец, 1974. С. 38).	0,35; 0,39; 0,39; 0,31	10x12; 9x14; 10,5x14; 9x13	Грибов, А-2003, илл. 86, 3, Р1-Я2-2; Грибов, А-2004, илл. 46, 3, Р2-Я1-2; илл. 158, Р3-10-10; илл. 21, 6, Р2-3-5.	Орешников, 1896. С. 126. № 672. Табл. XI, 519, 520; Мец, 1974. С. 126. № 255.	
11	Л.с.: двойном (точечном и	Василий П	1425–1434 гг.	0,42	13x13;	Грибов, А-2004,	Орешников,	

	линейном) ободке всадник с соколом вправо. О.с.: линейном ободке подражание арабской надписи.				фальшивая медная, плакированная серебром	илл. 46, 4. Р2-Я1-2.	1896. Типы 523, 541. С. 100, № 523, табл. IX, 376; С. 102, № 541, табл. IX, 391, 392.
12–13	Л.с.: две семилучевые звёздочки и розетки в ободке из точек; круговая надпись: + КNЗЬВЕЛНКІВАСИЛІЕ. О.с.: в ободке из точек цветов с пятью лепестками, круговая надпись: ДЕНГ АМОСКОВСКАЯ.	Василий П или Иван Ш	Около 1462 г. (Мец, 1974. С. 38).	0,37; 0,28	10x13; 9x10	Грибов, А-2003, илл. 86, 5, Р1-Я2-1; илл. 49, 2, Р1-Я1А-2.	Орешников, 1896. С. 124–125, № 671, табл. XI, 518; № 672. С. 126, табл. XI, 519, 520).
14	Л.с.: две семилучевые звёздочки и розетки в ободке из точек; круговая надпись: [+КNЗЬВЕЛНК]ИИВ[АНЪ]. О.с.: в ободке из точек цветов с пятью лепестками, круговая надпись: [+ДЦЕНГАМОСК]О[ВСК]А[Я].	Иван Ш	Около 1462 г. (Мец, 1974. С. 38; Зайцев, 2006. С. 14, 15).	0,35	10x12	Грибов, А-2003, илл. 34, 1. Р1-3-10Б.	Орешников, 1896. С. 124, 125, № 671, табл. XI, 518; Мец, 1964. С. 322, рис. 1, 4; Зайцев, 2006. С. 86. № 3.
15–17	Л.с.: в точечном ободке всадник с саблей вправо, под конём лигера «В». О.с.: поясное изображение воина в шапке с мечом и кистенём в	Иван Ш	1462–1505 г.	0,38; 0,33; 0,27	9x13; 10x13; 9x12	Грибов, А-2003, илл. 86, 4, Р1-Я2-1; илл. 86, 2, Р1-Я2-2Б;	Орешников, 1896. С. 124, 125, № 679, 680, табл. XI, 527; Зайцев,

	руках, вокруг нечитаемая надпись: ... ОЗОРОВО ВО...					Грибов, А-2004, илл. 46, 2. Р2-Я1-1.	2006. С. 87. № 6.
18	Л.с.: всадник с саблей вправо, вокруг – следы круговой надписи. О.с.: в линейном ободке восьмилучевая звезда, вокруг – круговая арабская надпись («это акче московское»).	Иван III	Вторая половина 60-х – начало 70-х гг. XV в. (Зайцев, 2006. С. 16–18).	0,36	8x13	Грибов, А-2004, илл. 114. Р3-2-1.	Орешников, 1896. С. 120, № 649, табл. XI, 496; Зайцев, 2006. С. 86. № 5.2.
19	Л.с.: всадник с саблей вправо, вокруг – следы круговой надписи. О.с.: четырёхстрочная надпись: МАС/ТЕРЬ[А]/[Л]ЕКС[АН]/[ДРО].	Иван III	Начало 80-х гг. XV в. – 1505 г. (Зайцев, 2006. С. 23, 24).	0,25	9x14	Грибов, А-2003, илл. 59, 1. Р1-Я1Б-2.	Орешников, 1896. С. 124, № 668, табл. XI, 515; Зайцев, 2006. С. 888. № 10.2.
<i>Тверское великое княжество</i>							
	Л.с.: Крылатый дракон с рыбьим хвостом вправо в линейном ободке, круговая надпись: [... ТОПОДО]ПНШЕЬ[... ОТЪБУДЕ...]. О.с.: Шестистрочная надпись разделённая параллельными линиями: [ПЕЧА]/[ТЬ]КН[ЗЯ]/ВЕЛНКОГ[О]/БОРН[С]А[О]/[Л]Е]КА[НД]/ ...!	Борис Александрович	1425–1461 гг.	0,40	10x11	Грибов, А-2003, илл. 49, 3. Р1-Я1А-1.	Орешников, 1896. С. 40, № 234, табл. III, 104.
<i>Неопределимые</i>							

21	Изображения на обеих сторонах почти полностью стёрты.			0,17	8x8	Грибов, А-2003, илл. 49, 4. Р1-Я1А-1.	
Полуденги							
22	Л.с.: в линейном ободке птица, летящая влево. О.с.: линейном ободке равносторонний крест из дввоенных переплетенных в средокрестии линий, каждая лопасть завершается «кафимским» узлом.	анэпиграфная		0,16	7x10	Грибов, А-2004, илл. 46, 1. Р2-Я1-1.	Не опубликована
Медные пулы							
23–25	Л.с.: равносторонний крест с окончаниями осей, перечёркнутыми короткими отрезками и звёздами между осями. О.с.: фигура из двух переплетённых ленточных, показанных дввоенной линией перекрещенных овалов с точкой посередине в фигурном картуше.	анэпиграфная		1,40; 1,08; 1,26	16x18; 15x16; 16x18	Грибов, А-2003, илл. 20, 1, Р1-2-10Б; илл. 12, 8, Р1-1-10А; Грибов, А-2004, илл. 79, 2. Р2-Я2-1.	Орешников, 1896. С. 62, № 375, табл. V, 229; Грибов, 2018а. С. 154, 155, вариант 1, рис.1
26	Л.с.: в двойном точечном и линейном ободках равносторонний крест с окончаниями осей, перечёрк-	анэпиграфная		1,01	17x15,5	Грибов, А-2004, илл. 127. Р3-3-7.	Гайдуков, 2003. С. 59, рис. 24, 4.

	нутыми короткими отрезками и точками между осями. О.с.: в фигурном картуше фигура в виде двух крестообразно составленных овалов, переданных одинарными линиями с точками на участках выделенных пересекающимися линиями.								
27	Л.с.: широкая прямая линия, вблизи её одного конца несколько точек. О.с.: полузатёртое изображение напоминает фигуру из двух перекрещенных ленточных овалов.	анэпиграфная	0,35	15x11,5	Грибов, А-2003, илл. 34, 3. Р1-3-4А.				
28	Л.с.: крест, выходящий за пределы поля, одно сохранившееся целиком окончание перекрестно прямого коротким отрезком. О.с.: фигура в виде решётки, небрежно переданная неровными линиями.	анэпиграфная	1,29	21x19	Грибов, А-2003, илл. 86, 6. Р1-Я2-1.				Ближайший аналог: Гайдужков, 1993. С. 59, 3.
29	Л.с.: равносторонний крест. О.с.: изображение не сохранилось.	анэпиграфные	0,41	13x15	Грибов, А-2004, илл. 46, 6. Р2-Я1-2				
30	Л.с.: неопределимая фигура или неясный текст.	анэпиграфные	0,54	15,5x15,5	Грибов, А-2004, илл. 46, 5.				

Приложение 6.

Список рисунков

Рис. 1. Вид на устье р. Оки. Вид с северо-запада (с высоты птичьего полёта).

Рис. 2. Вид на исторический центр (кремль) г. Нижнего Новгорода с юго-востока (с высоты птичьего полёта).

Рис. 3. Раскопы и шурфы в исторической части г. Нижнего Новгорода (1877–2021 гг.). Номера объектов соответствуют списку в приложении 1. 1, 2 – линии посадских укреплений Большого или Нового (1) и Малого или Старого (2) острогов; реконструкция И.А. Кирьянова (1961); 3 – раскопы; 4 – шурфы.

Рис. 4. Места проведения археологических наблюдений в исторической части г. Нижнего Новгорода (1929–2014 гг.). Номера объектов соответствуют списку в приложении 2.1, 2 – линии посадских укреплений Большого (1) и Малого (2) острогов; 3, 4 – обследованные строительные объекты: котлованы, небольшие (3) и протяжённые траншеи (4); 5 – места сбора подъёмного материала.

Рис. 5. Нижний Новгород. Места обнаружения отдельных находок и сооружений XIII – начала XV вв. 1, 2 – линии посадских укреплений Большого (1) и Малого (2) острогов; 3, 4 – номера мест заложения раскопов и шурфов (3), наблюдений и сборов подъёмного материала (4) по приложениям 1 и 2; 5–7 – объекты, на которых собраны единичные (5) и массовые (6) фрагменты средневековой керамики и другие находки (5), зафиксировано присутствие сооружений (7); 8 – обследованные строительные участки без следов средневекового освоения; 9–11 – граница территории средневекового освоения, тяготеющая к Нижнему Новгороду и два пригородных поселения – Благовещенский монастырь (10) и селище в пер. Ткачёва (11).

Рис. 6. Археологические исследования в Нижегородском кремле. 1 – наиболее крупные раскопанные участки; 2 – малометражные шурфы (без

соблюдения формы и масштаба); 3, 4 – наблюдения на строительных объектах – траншеях (3) и котлованах (4); 5, 6 – учётные номера мест заложения раскопов и шурфов (5), проведения наблюдений и сборов подъёмного материала (6) (см. приложения 1, 2).

Рис. 7. Карта поселений Нижегородской округи XIII – начала XV вв. Селища с размерами: *a* – до 0,7 га и с неопределимой площадью; *б* – 0,74–2,1 га; *в* – 2,3–6,3 га; *г* – 16,5–19,3 га. Городища: *д*. Город: *е*. Номера памятников даны по каталогу (приложение 3).

Рис. 8. Соотношение образцов разных стилистико-технологических групп керамики в нижегородских комплексах XIII – XVI вв. Диаграмма построена по данным опорных комплексов (см. приложение 4).

Рис. 9. Проверка статистической устойчивости соотношений образцов трёх доминирующих стилистико-технологических групп керамики в нижегородских комплексах второй половины XV – XVI вв. Диаграмма построена по данным совокупности комплексов, сходных по составу с опорными (см. приложение 4).

Рис. 10. Типы венчиков керамических сосудов из Нижнего Новгорода и памятников его округи, имеющих «широкую» датировку в пределах всего промежутка XIII – начала XV вв. и их доля (встречаемость) в разновременных комплексах (в процентах от 1921 сосуда).

Рис. 11. Типы венчиков керамических сосудов из Нижнего Новгорода и памятников его округи, имеющих «узкую» датировку в пределах промежутка XIII – начала XV вв. и их доля (встречаемость) в разновременных комплексах (в процентах от 1921 сосуда).

Рис. 12. Типы венчиков красноглиняных керамических сосудов середины XV – начала XVI вв. без примеси дресвы в тесте (по материалам городища Городок). Подгруппа II-1: типы 1.1–1.12.

Рис. 13. Типы венчиков красноглиняных керамических середины XV – начала XVI вв. с преобладанием редкой дресвы (подгруппа II-2) и частой

крупнозернистой примеси (подгруппа II-3) в формовочной массе (по материалам городища Городок). Подгруппа II-2: типы 2.1–2.5. Подгруппа II-3: типы 3.1–3.7.

Рис. 14. Эволюция профилировки белоглиняных горшков коломенского типа в промежутке середины XV – XVI вв. (по материалам нижегородских опорных комплексов, приложение 4).

Рис. 15. Датирующие типы сосудов и соотношение стилистико-технологических групп в нижегородских керамических комплексах второй четверти XIII – начала XIV вв. (А), первой половины – середины XIV в. (Б), второй половины XIV – начала XV вв. (В).

Рис. 16. Датирующие типы сосудов и соотношение стилистико-технологических групп в нижегородских керамических комплексах второй трети (середины) XV в. (А) и второй половины XV – начала XVI вв. (Б).

Рис. 17. Датирующие типы сосудов и соотношение стилистико-технологических групп в нижегородских керамических комплексах конца XV – середины XVI вв. (А) и середины – второй половины XVI вв. (Б).

Рис. 18. Монеты Золотой Орды (3, 5, 7, 13, 17, 27, 28, 30, 31) и подражания им (23) из Нижнего Новгорода. Номера находок даны по списку в приложении 5. Серебро: 3, 5, 7, 13, 17, 23. Медь: 27, 28, 30, 31.

Рис. 19. Серебряные монеты русской удельной чеканки из Нижнего Новгорода. Номера находок даны по списку в приложении 5.

Рис. 20. Медные монеты удельной чеканки из Нижнего Новгорода. Номера находок даны по списку в приложении 5.

Рис. 21. Серебряные (52, 53, 63, 65) и медные (123, 128, 135, 146, 147, 156, 157) монеты русской чеканки конца XV– XVI вв. из Нижнего Новгорода. Номера находок даны по списку в приложении 5.

Рис. 22. Хронологическое распределение монетных находок из Нижнего Новгорода и городища Городок.

Рис. 23. Положение Нижнего Новгорода на территории Северо-Восточной Руси по состоянию на 1236 г. (по В.А. Кучкину: 1984. С. 102).

1 – границы княжеств, 2 – г. Владимир, 3 – столицы княжеств, 4 – прочие города, 5 – Юрьевское княжество, 6 – г. Нижний Новгород.

Рис. 24. Карта распространения финских могильников безводнинско-ахмыловского круга (V – первой половины VIII вв.): 1 – Безводнинский; 2 – Младший Ахмыловский; 3 – Желтухинский; 4 – Кочкинский; 5 – Холуйский; 6 – могильник на Чортовом городище; 7 – Подвязьевский.

Рис. 25. Взаимное расположение русских памятников XIII – начала XV вв., мордовских городищ и могильников с комплексами XI–XIV вв., почвенных разностей Волго-Окского Правобережья (по почвенной карте профессора Б.П. Серебрякова 1924–1926 гг.). Основные группы почв: *а* – дерново-подзолистые (гумус до 1,6%), *б* – светло-серые лесные (гумус до 2,5%), *в* – серые и тёмно-серые лесные (гумус до 5,1%), *г* – чернозёмы (гумус до 9,8%). Памятники: *д* – русские городища и селища, *е* – мордовские могильники, *ж* – мордовские городища. Районы мордовского расселения: I – северный, II – южный, III – восточный.

Мордовские могильники: 1 – Пятницы-7, 2 – Личадеево-1, 3 – Личадеево-5, 4 – Стёксово-1, 5 – Стёксово-2, 6 – Младший Кужендеевский, 7 – Сыресевский, 8 – Погибловский, 9 – Выползово-1, 10 – Выползово-2, 11 – Выползово-6, 12 – Красное-1, 13 – Коринский, 14 – Ичалкинский, 15 – Борнуково-2, 16 – Борнуково-1, 17 – Гагинский, 18 – Сарлейский, 19 – Старосельский, 20 – Помринский, 21 – Малотерюшевский, 22 – Заречье-2.

Мордовские городища: 1 – Саконское-1, 2 – Надёждинское, 3 – Хозинское, 4 – Юрьевское, 5 – Понетаевское, 6 – Фёдоровское-1, 7 – Фёдоровское-2, 8 – Саровское.

Рис. 26. Реконструкция напольной линии укреплений детинца Нижнего Новгорода. 1 – ров крепости 1221 г. и положение бровок береговых обрывов по плану 1802 г.; 2 – линия вала детинца (реконструкция); 3 – места фиксации остатков вала (*а*: раскоп, Е.М. Пигарева, 2008 г.; *б*: раскоп 2 Т.В. Гусевой 1989 г.; *в*: шурф 1 Е.В. Четвертакова 2010 г.; *г*: зачистка Ю.В. Зарубина 2005 г.) и заполнения рва (*д*: шурф 2 2009 г. и зачистка в колодце 1 2010 г.

Е.В.Четвертакова 2009 г.; *е*: шурф И.А. Очеретина 1994 г.; *ж*: шурф 4 2009 г. Е.В. Четвертакова; *з*: шурф 5 и зачистки в колодцах 5, 7 и траншее 1 2009 г. Е.В. Четвертакова; *и*: зачистка в колодце 2 Е.В. Четвертакова 2010 г.); 4 – белокаменные соборы: Михайло-Архангельский 1359 гг. (А) и Спасо-Преображенский 1225, 1349–1352 гг. (Б).

Рис. 27. Резные камни, которые можно связать с рельефным фасадным декором нижегородского Спасо-Преображенского собора 1225 г. из переотложенных отложений Нижегородского кремля. 1, 2 – находки в строительном котловане Дома Советов, сборы С.В. Демьянова 1929 г. (из фондов НГИАМЗ); 3 – раскопки в соборе Михаила Архангела (Н.Н. Воронин, 1960 г.); 4, 5 – раскопки по месту прокладки теплотрассы в районе Дома Советов (Грибов Н.Н., 2021 г.).

Рис. 28. Наиболее ранние находки из Нижнего Новгорода и памятников его округа: 1–3 – ключи; 4 – замок; 5 – пружина от нутряного комбинированного замка; 6 – кресало; 7–10 – наконечники стрел; 11 – писало; 12–17 – браслеты и их фрагменты. Железо: 1–11, бронза: 12–17. Нижний Новгород, исследователь и год раскопок: 1, 14, 16 – Т.А. Марьёнкина, 2019 г.; 2 – В.Ф. Черников, 1973 г.; 3, 4, 9, 10 – В.А. Лапшин, 2001 г.; 7, 11 – Н.Н. Грибов, 1999 г.; 8 – В.Ф. Черников, 1964 г.; 11 – Н.Н. Грибов, 2018 г. Селище Ближнее Константиново-1: 5, 17; селище Крутец-1А: 12; поселение Бешенцево-3: 13; могильник Копнино-1: 15.

Рис. 29. Наиболее ранние находки из Нижнего Новгорода и памятников его округа: 1–5 – подвески с шумящими привесками; 6 – звено от цепочки; 7, 8 – крестоспиральные привески; 9 – нательный крест; 10–13 – перстни; 14, 15 – подвески бубенчики; 16–19 – височные кольца; 20–23 – бусы. Бронза: 1–19; стекло: 20; камень: 21–23 (21 – розовый шифер; 22 – горный хрусталь, 23 – сердолик). Нижний Новгород, исследователь и год раскопок: 1, 3 – Т.В. Гусева, 1989 г.; 2, 14, 15, 19, 21 – Т.А. Марьёнкина, 2019 г.; 8 – В.А. Батюков, 2011 г.; 9 – В.А. Лапшин, 2001 г.; 22 – С.В. Долгополов, 2016 г.; 23 – В.Ф. Черников, 1977 г. Селище Ближнее Константиново-1 (Грибов Н.Н., 1997 г.): 5; могильник у больницы Н.И. Семашко (В.Ф. Черников, 1974 г.): 4, 7; селище Подвязье-4 (Н.Н.

Грибов, 2014 г.): 6; поселение Доскино-10 (Н.Н. Грибов, 2005 г.): 10; поселение Подвязье-1 (Грибов Н.Н., 2017 г.): 11; могильник Копнино-1 (И.С. Аникин, 2003 г.): 13.

Рис. 30. Ранние предметы восточного импорта из Нижнего Новгорода: пулы каана Мунке (1251–1259 гг.) г. Болгара (1) и хана Узбека (1321 г.) г. Сарая (2), 12(1, 2), фрагменты сосудов (3, 4, 6), фрагмент рога сайгака (*Saigina tatarica*) (5). Медь: 1, 2; кашин: 3; керамика: 4, 6; рог: 5. Исследователь и год раскопок: 1, 2 – Т.А. Марьёнкина 2019 г.; 3, 5, 6 – Н.Н. Грибов, 2018 г.; 4 – Н.Н. Грибов, 1999 г. 1–4 – из переотложенных отложений; 5, 6 – из отложений середины XIII – начала XIV вв.

Рис. 31. Керамика XIII в. из Нижнего Новгорода. 1–4, 9, 12 – район храма Симеона Столпника (Н.Н. Грибов, А.И. Письмаркина, 2018, 2019 гг.); 5, 14 – пл. Театральная (И.О. Ерёмин, 1997 г.); 6 – пер. Крутой (Н.Н. Грибов, 1999 г.); 7, 13 – у храма Михаила Архангела в кремле (В.Ф. Черников, 1973 г.); 8, 10, 11 – у Часовой башни в кремле (Т.А. Марьёнкина, 2019 г.); 15 – ул. Ульянова, 6 (Н.Н. Грибов, 1997 г.).

Рис. 32. Карта объектов археологических исследований в Нижнем Новгороде с находками XIII – начала XIV вв. *а* – места обнаружения инвентаря, выходящего из обихода к началу – середине XIV в.; *б* – раскопы с сооружениями, датированными до середины XIV в.; *в* – территория средневекового города XIII – начала XV вв. по распространению керамики; *г* – плохо изученные районы средневекового города (без раскопок на участках со средневековыми объектами и слоем). Номера объектов соответствуют списку в приложении 1.

Рис. 33. Карта памятников Нижегородской округи с находками XIII – начала XIV вв. *а* – селища XIII – начала XV вв.; *б* – селища с находками XIII – начала XIV вв.; *в* – могильники. Номера памятников даны по каталогу (приложение 3).

Рис. 34. Карта расположения археологических памятников Берёзополья с материалами XIII – начала XV вв. Номера памятников даны по каталогу (приложение 3). 1 – селище; 2 – могильник.

Рис. 35. Селище Ближнее Константиново-1. А – местоположение памятника на плане Нижегородского уезда 1732 г.; Б – скопление селищ, тяготеющих к памятнику: 1 – Ближнее Константиново-1, 2 – Ближнее Константиново-3, 3 – Ближнее Константиново-4, 4 – Мордвинцево-1, 5 – Мордвинцево-2, 6 – Культура, 7 – Ближнее Константиново-2; В – фото памятника, вид с северо-запада.

Рис. 36. Селище Ближнее Константиново-1. А – план раскопанной части памятника; Б – столбовые ямы по месту воротных столбов на пятой линии частокольной ограды; В – реконструированные планы жилых наземных построек – однокамерной избы (1) и хоромного строения (2).

Рис. 37. Селище Ближнее Константиново-1. А – остатки культурных растений из промывок заполнения материковых ям (см.: Лебедева, 2009б): 1 – основание колоска овса, 2 – зерновки овса, 3 – фрагменты колосового стержня ржи, 4 – зерновки ржи, 5 – зерновки проса, 6 – семена гречихи, 7 – семена льна. Б – монеты: данги Золотой Орды (1 – Бердибек хан, чекан Гюлистана, 753 г.х.; 4 – Узбек хан, чекан Сарая), подражания дангам Золотой Орды (2, 3), медные пулы предположительно нижегородского чекана (5, 6).

Рис. 38. Селище Ближнее Константиново-1. Предметы христианского культа (1–6, 8), воинского снаряжения и снаряжения верхового коня (7, 9, 10), бытовая керамическая посуда (11–13). 1 – подставка от подсвечника; 2, 3 – иконки-подвески; 4–6 – нательные кресты; 8 – фрагмент колокола; 7 – стремя; 9 – доспешная пластина; 10 – фрагмент ламеллярного пластинчатого доспеха; 11–13 – реконструированные горшки. Бронза: 1–6. Железо: 7, 9, 10. Керамика: 11–13.

Рис. 39. Селище Ближнее Константиново-1. Предметы импорта: 1 – фрагмент зеркала; 2 – ключ от зооморфного замка; 3 – поясная накладка; 4 – фрагмент стеклянного сосуда; 5 – перстень из гагата; 6–17 – фрагменты

полуфаясовых сосудов из кашина; 18, 19, 21, 22 – фрагменты «калыбной» керамики; 20 – фрагмент венчика кашинного сосуда с росписью люстром («ильханский люстр»); 23, 26 – фрагменты красноглиняных поливных сосудов (полумайолика); 24, 25 – фрагменты амфорной тары.

Рис. 40. Поселенческая агломерация, приуроченная к г. Курмыш. 1 – расположение относительно Нижнего Новгорода; 2 – городище Курмыш, поселение Курмыш-4 и селище Курмыш-2 (ситуационный план); 3 – северо-западная часть поселения Курмыш-4, вид с северо-запада; 4 – юго-восточная часть поселения Курмыш-4, вид с севера; 5 – городище Курмыш, вид с запада.

Рис. 41. Образцы керамики основных стилистико-технологические группы поселения Курмыш-4 с указанием доли (%) в керамическом комплексе памятника (из 17800 фрагментов).

Рис. 42. Поселение Курмыш-4. Находки из раскопок 2008, 2009 гг.: 1 – 4 – нательные кресты, 5 – перстень, 6 – иконка-привеска, 7 – кольцевая застёжка, 8 – накладка, 9 – муфта от рукоятки ножа; 10, 11 – фрагменты поливных сосудов из кашина; 12–18 – монеты Золотой Орды, 19 – писало. Железо: 19. Бронза: 1–9. Серебро: 12–15, 18. Медь: 16, 17. Кашин: 10, 11.

Рис. 43. Поселение Курмыш-4. Находки из раскопок 2008, 2009 гг. 1 – пробойник, 2 – лучевое сверло, 3, 4 – фрагменты тиглей; 5 – фрагмент литейной формы; 6 – бронзовая проволока; 7 – слиток бронзы; 8, 9 – сошники; 10–19, 21 – венчики чугунных котлов; 20 – фрагмент стенки чугунного котла со следами ремонта. Железо: 1, 2, 8–21. Керамика: 3, 4. Камень: 5. Бронза: 6, 7.

Рис. 44. Карта объектов археологических исследований в Нижнем Новгороде с находками средневековых предметов восточного импорта. *а* – места обнаружения восточного инвентаря без находок парадной художественной керамики; *б* – места обнаружения восточного инвентаря, в том числе – с находками фрагментов парадной художественной керамики; *в* – территория средневекового города XIII – начала XV вв.; *г* – плохо изученные районы средневекового города (без раскопок). Номера объектов соответствуют списку в приложении 1.

Рис. 45. Предметы восточного импорта из керамики из раскопок в Нижегородском кремле: 1 – амфора группы «Трапезунд», 2, 3 – фрагменты сфероконусов; 4 – фляга; 5–6, 8 – хумообразные краснолощённые сосуды; 9 – фрагмент красноглиняного тувака; 10, 11 – фрагменты красноглиняных дымоходных труб; 12 – фрагмент отделочной поливной плитки из кашина. 1, 5–7 – И.О. Ерёмин, 2006 (1: Ерёмин, Муренцова, 2010; 5–7: Кравцов, 2010); 2, 3 – Н.Н. Грибов, 2018 г.; 4, 8–12 – Т.А. Марьёнкина, 2019 г. (раскоп на месте станции фуникулёра).

Рис. 46. Образцы восточной поливной керамики из раскопок в Нижегородском кремле. 1 – Т.А. Марьёнкина, 2019 г. (раскоп на месте колокольни); 2–4, 6, 8, 11 – В.А. Лапшин, 2001 г.; 5 – А.И. Письмаркина, 2019 г.; 7, 9, 10, 12–18 – Т.А. Марьёнкина, 2019 г. (раскоп на месте станции фуникулёра).

Рис. 47. Предметы восточного импорта из Нижнего Новгорода: 1–5 – фрагменты стеклянных сосудов; 6, 7 – фрагменты бронзовых зеркал; 8 – бронзовый замок; 9 – венчик чугунного котла; 10 – краснолощённое пряслице; 11, 12 – фрагменты котлов из талькового камня. Раскопки Лапшина 2001 г. (1–3, 5, 11, 12), А.И. Письмаркиной 2019 г. (9), Т.А. Марьёнкиной 2019 г. (7, 8), Н.Н. Грибова (4, 10), С.В. Очеретиной 2015 г. (6).

Рис. 48. Украшения восточного происхождения из стекла (19–24), бронзы (26–28), серебра (25), кашина (1–12) и камня (13, 18, 29) из Нижнего Новгорода и памятников его ближайшей округи Бусы: 1–7, 13–18, 23, 24. Пуговицы: 8–11. Подвеска: 12. Накладки: 26, 27, 29. Вставка: 22. Браслет: 28. Перстни: 19–21, 25. Нижний Новгород: раскопки В.Ф. Черникова 1977 г. (18), В.А. Лапшина 2001 г. (1–6, 9–12, 17, 26, 27), А.И. Письмаркиной 2019 г. (29), Т.А. Марьёнкиной 2019 г. (19, 20, 23, 24), С.В. Долгополова 2016 г. (14), И.О. Ерёмина 1997 г. (28), Н.Н. Грибова 1999 г. (25), 2018 г. (6, 7, 22), 2021 г. (13, 16). Поселение Бешенцево-3: раскопки Н.Н. Грибова 2008 г. (15).

Рис. 49. Торговый инвентарь из раскопок Нижнего Новгорода: 1 – монетные весы; 2, 3 – коромысла весов со стрелочными указателями; 4, 5 – гири; 6 – сворка гири. Кость: 1. Бронза: 2, 3, 6. Свинец: 4, 5. Раскопки Т.В. Гусевой

1989 г. (6) и 1991 г. (5), И.О. Ерёмкина 1997 г. (2, 3), Н.Н. Грибова Н.Н. 1998 г. (4) и 2021 г. (1).

Рис. 50. План современного г. Нижнего Новгорода с нанесением границ средневекового города, ближайших к нему археологических памятников (А) и мест локализации Старого городка Нижегородского летописца, известных по историографии (Б). Сечение горизонталей 20 м. А: 1 – средневековый Нижний Новгород XIII – начала XV вв.; 2 – Благовещенский монастырь (известен с 1229 г.); 3 – Вознесенский Печёрский монастырь (с начала XVII в.); 4 – Вознесенский Печёрский монастырь XIV–XVI вв. (селище Слобода Старые Печёры); 5 – городище Городок (середина XV – начало XVI вв.); 6 – поселение у Ромодановского вокзала (вторая четверть II тыс. до н.э.; VII–III вв. до н.э.); 7 – селище в пер. Ткачёва (XIII – начало XV вв.); 8 – селище Еленское (XIII – начало XV вв.; XVI–XVII вв.); 9 – селище Слуда (XIII – начало XV вв.). Б: 1 – вершина Гремячей горы (Мельников, 1884); 2 – поселение за Ромодановским вокзалом (Кириянов, 1956а; Сочнев, 1991); 3 – стадион Нижегородского государственного университета (Филатов, 1994а, 1999); 4 – Кремль (Кучкин, 2002); 5 – укрепления Старого острога (Чеченков, 2012).

Рис. 51. Фрагмент плана Нижегородского уезда 1791 г. А. Нижний Новгород. Рамкой отмечен район расположения городища Городок (Круглый овраг). Б. Направления обмеров выгонной земли в районе Никольской башни Старого острога (реконструкция по Писцовой книге г. Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в.): а – «...отъ большого острогу по большой Московской дороге...»; б – «...отъ большіе Московские отъ Николские дороги вдоль к селу Высокому...»; в – «...поперегъ отъ Оки реки... по болшую Московскую дорогу...». Арабскими цифрами указаны основные ориентиры: 1 – Старый острог; 2 – Никольская башня; 3 – Большая Московская дорога; 4 – село Высокое; 5 – р. Ока.

Рис.52. Поселение за Ромодановским вокзалом: 1 – план памятника; 2–9 – находки из шурфа 2004 г. (2 – серебряная монета; 3–8 – венчики лепных сосудов эпохи бронзы (5) и раннего железного века (3, 4, 6–9)).

Рис. 53. Городище Городок. А – фото 1962 г. (автор Г.К. Блом) со стороны р. Оки (Игнатъев, 1966. С. 50, рис. 45). Б - на плане г. Нижнего Новгорода съёмки 1848-49 гг.; стрелками показана насыпь вала.

Рис. 54. Городище Городок: 1 – вид с северо-запада с высоты птичьего полёта (2009 г.), памятник указан красной стрелкой; 2 – вид с юго-запада (2009 г.).

Рис. 55. Городище Городок (1) и ближайшие к нему памятники археологии: поселение эпохи бронзы и раннего железного века за Ромодановским вокзалом (2) и Благовещенский монастырь (3). Ситуационный план. Сечение горизонталей 1 м. Высоты указаны в Балтийской системе.

Рис. 56. Городище Городок. Ситуационный план. Сечение горизонталей 1 м. Высоты указаны в Балтийской системе. 1–3 – шурфы и раскопы, заложенные на памятнике: шурф 1996 г. (1), раскопы 1–3 2003-04 гг. (2), шурф 2 2004 г. (3). А, Б, В – шурфы И.О. Ерёмина 1995 г. (А), 1996 г. (Б) и А.А. Доманина 2013 г. (В) – без средневековых материалов.

Рис. 57. Городище Городок. План памятника (съёмка 2003 г.). I – раскоп 1 (2003 г.), II – раскоп 2 (2004 г.), III – раскоп 3 (2004 г.), 1 – шурф 1 (1996 г.), 2 – шурф 2 (2004 г.).

Рис. 58. Городище Городок. Шурф 2. Стратиграфия отдельных участков бортов (А, Б) и план по матерiku (В). 1 – дёрн; 2 – крапчатый переотложенный материковый суглинок с мелкими комками серого гумусированного грунта (верхний горизонт); 3 – стерильный однородный коричневый суглинок (средний горизонт); 4 – чёрный угленасыщенный рыхлый грунт, насыщенный средневековой керамикой, костями животных и рыб (нижний горизонт); 5 – стерильный белесоватый суглинок (переходный почвенный горизонт А1А2); 6 – бурый стерильный четвертичный суглинок (материк); 7 – грунт развала глинобитной печи; 8 – жёлтый обожжённый суглинок; 9 – переотложенный материковый суглинок с включением крошки печины; 10 – уголь.

Рис. 59. Городище Городок. Шурф 2. Находки и керамика из верхнего горизонта: 1 – нож; 2 – стержень; 3 – шип от шпоры (?); 4 – пряслице; 5 –

пряжка; 6–32 – венчики (6–25, 28–32) и ручек (26, 27) керамических сосудов. Красноглиняная гончарная керамика с преобладанием тонких формовочных масс или с примесью мелкозернистого песка в тесте: 13, 15–22, 24, 25, 27; с примесью дресвы: 12, 14, 23, 26. Лепная керамика с примесью шамота: 28–32. Железо: 1, 2, 3, 5. Камень: 4.

Рис. 60. Городище Городок. Шурф 2. Находки из нижнего горизонта: 1–3 – ножи; 4–5 – скобы; 6 – гвоздь; 7 – крюк для вытягивания рыболовных сетей; 8 – стержень; 9 – пластина; 10–11 – муфты; 12 – неопределённый предмет; 13 – фрагмент обоймы от рукоятки ножа; 14 – рукоятка; 15 – точильный камень; 16 – отщеп; 17 – кресальный кремь. Железо: 1–9. Кость: 10, 11, 13, 14. Кость+железо+бронза: 12. Камень: 15–17.

Рис. 61. Городище Городок. Шурф 2. Красноглиняные гончарные горшки из нижнего горизонта. Тесто с примесью редкой дресвы: 1; с примесью мелкозернистого песка: 2.

Рис. 62. Городище Городок. Шурф 2. Венчики (1–28, 31, 32, 35, 36), фрагменты стенок (29), днищ (30, 33, 34) керамических сосудов из нижнего горизонта. Красноглиняная гончарная с преобладанием тонких формовочных масс или с примесью мелкозернистого песка в тесте: 1–14, 16, 17, 22–26; с примесью дресвы: 15, 18–21, 27. Краснолощёная: 28, 29. Красноглиняная с белым ангобом: 30. Белоглиняная с тонким тестом: 35, 36; с частой примесью мелкозернистого песка: 33, 34. Лепная с примесью шамота: 31, 32.

Рис. 63. Городище Городок. Шурф 2. Находки (1–4) и керамика (5–17) из ямы 1: 1 – стержень; 2 – фрагмент ножа; 3 – игла; 4 – серьга; 5, 6, 17 – реконструкции верхних частей гончарных горшков; 7–9, 11–16 – венчики; 10 – фрагмент стенки поливного сосуда. Красноглиняная гончарная с преобладанием тонких формовочных масс или с примесью мелкозернистого песка в тесте: 12, 13; с примесью дресвы: 14–16. Краснолощёная: 9. Белоглиняная с тонким тестом: 7; с частой примесью мелкозернистого песка: 5, 6, 8, 17. Лепная с примесью шамота: 11.

Рис. 64. Городище Городок. Раскопы 1–3 (2003, 2004 гг.). А – план с разбивкой на квадраты; Б – сводный план по матерiku; В – канавки 2, 3, 5 с юго-востока.

Рис. 65. Городище Городок. Раскоп 1. Комплекс 1: ямы 1А/1, 1Б/1 и 1В/1. План по матерiku.

Рис. 66. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1: разрез (А) и план по матерiku (Б). *Перекрывающиеся напластования:* 1 – белесоватая прослойка отходов от распиловки камня; 2 – тёмно-коричневый суглинок. *Верхний горизонт:* 3 – пёстрый комковатый серовато-коричневый грунт (слой 1); 4 – жёлтый обожженный суглинок (прослойка 1а); 5 – пластичный обожжённый кирпично-красный суглинок (прослойка 1б); 6 – чёрная сажа и мелкораспылённый древесный тлен (прослойка 1в). *Нижний горизонт:* 7 – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 2); 8 – углисто-золистая линза; 9 – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Материк:* 10. а – линия дна ямы на участке с отрицательным наклоном бортов; б – борт раскопа.

Рис. 67. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1: 2-10, 12, 13; слой 1а: 1, 11): 1 – нож; 2-5 – скобы; 6 – рыболовный крючок; 7, 8 – неопределённые предметы; 9, 10 монеты: денга Бориса Александровича Тверского (9) и неопределимого эмитента (10); 11, 12 – кресальные кремни; 13 – красноглиняная миска с примесью дресвы в тесте. Железо: 1-7. Бронза: 8. Серебро: 9, 10. Камень: 11, 12. Керамика: 13.

Рис. 68. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Венчики керамических сосудов из верхнего горизонта (слой 1: 1, 4-10, 12-14, 16, 19-22, 24-31; слой 1а: 2, 3, 11, 15, 17, 18, 23, 32). *Красноглиняные* с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка: 1-13, с примесью редкой дресвы: 17-23, с примесью частой дресвы: 14-16. *Белоглиняные* с тонким тестом: 24-31, с запесоченным тестом: 32.

Рис. 69. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Находки из нижнего горизонта (слой 2): 1-3 – ножи; 4 – фрагмент ножа; 5-7 – неопределённые предметы; 8 – рыболовный крючок; 9 – писало; 10 – булава; 11, 12 – серебряные

монеты Василия II (12) и неопределимого эмитента, чеканки около 1462 г. (11); 13, 14 – точильные камни; 15, 16 – рыболовные грузила. Железо: 1-9. Бронза: 10. Серебро: 11, 12. Камень: 13, 14. Керамика: 15, 16.

Рис. 70. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Красноглиняная керамика из нижнего горизонта (слой 2). 1–30 – венчики сосудов с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка; 31 – красноглиняный горшок с примесью песка в тесте.

Рис. 71. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Красноглиняная керамика из нижнего горизонта (слой 2). Венчики сосудов: 1–11 – с редкой примесью дресвы; 12–15 – с частой примесью дресвы; 16, 17 – с примесью крупнозернистого песка. 18 – красноглиняный горшок с примесью редкой дресвы в тесте.

Рис. 72. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 2). Белоглиняная гончарная: 1, 2 – с примесью среднезернистого песка (подгруппа V-3), 3 – с примесью мелкозернистого песка (подгруппа V-2). Лепная с примесью шамота: 4–8.

Рис. 73. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1: разрез (А) и план по матерiku (Б). *Перекрывающие напластования*: 1 – белесоватая прослойка отходов от распиловки камня; 2 – тёмно-коричневый суглинок. *Верхний горизонт*: 3 – пёстрый серовато-коричневый суглинок (слой 1). *Нижний горизонт*: 4 – жёлтый обожжённый суглинок (прослойка 2а); 5 – обожжённый кирпично-красный суглинок (прослойка 2б); 6 – чёрная сажа и мелкораспылённый древесный тлен (прослойка 2в). *Материк*: 7. а – Линия дна ямы на участке с отрицательным наклоном бортов.

Рис. 74. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1): 1 – кремень кресальный, 2 – пряслице из стенки красноглиняного сосуда, 3–34 – венчики (3–21, 23–34) и фрагмент стенки (22) керамических сосудов: *красноглиняных* с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (3–19), с примесью редкой дресвы (20), с примесью

частой дресвы (21); *лепных* с примесью шамота (22, 23); *белоглиняных* с запесоченным тестом (24–27) и с тонким тестом (28–34).

Рис. 75. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Находки из нижнего горизонта (слой 2а или 2б: 1–3, 5–27; слой 2в: 4): 1–3 – пряслица из камня, 4 – пряслице из стенки морёного сосуда, 5 – пряслице керамическое, 6 – серебряная монета Ивана III, 7 – перстень бронзовый, 8–25 – венчики красноглиняных сосудов: с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (8–23), с примесью редкой дресвы (24), с примесью частой дресвы (25); 26, 27 – фрагменты днищ красноглиняных сосудов с клеймами (26 – с примесью мелкозернистого песка, 27 – с тонким тестом).

Рис. 76. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Красноглиняная керамика из нижнего горизонта (слой 2а или 2б): 1 – горшок с примесью крупнозернистого песка, 2, 3 – верхние части горшков с примесью мелкозернистого песка.

Рис. 77. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Реконструированные красноглиняные горшки из нижнего горизонта (слой 2а или 2б): 1 – с примесью шамота, 2 – с примесью мелкозернистого песка.

Рис. 78. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Реконструированная красноглиняная корчага из нижнего горизонта (слои 2а и 2б) с примесью частой дресвы в тесте.

Рис. 79. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Белоглиняная керамика с тонким тестом из нижнего горизонта (слои 2а и 2б): 1, 2.

Рис. 80. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 2а или 2б). *Белоглиняная* гончарная: 1–11 – венчики горшков с тонким тестом (подгруппа V-1), 12 – фрагмент днища с клеймом от сосуда с примесью мелкозернистого песка (подгруппа V-2). *Краснолощёная* гончарная: 13 – венчик кувшина. *Лепная*: 14–18 – венчики сосудов; 19 – сосуд баночных пропорций с примесью шамота, 20 – чаша из тонкого теста.

Рис. 81. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1: разрез (А) и план по материке (Б). *Перекрывающий горизонт*: 1 – тёмно-коричневый суглинок.

Верхний горизонт: 2 – жёлтый обожженный суглинок (прослойка 1а); 3 – пёстрый серовато-коричневатый (слой 1); 4 – развал глинобитной печи (прослойка 1б); 5 – серовато-коричневатый суглинок с включением мелких углей (прослойка 1в); 6 – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Нижний горизонт:* 7 – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 2); 8 – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Материк:* 9.

Рис. 82. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1а: 2, 4; слой 1б: 1,3,5): 1 – железный нож; 2 – железный гвоздь-костыль; 3, 4 – точильные камни; 5 – фрагмент керамического кирпича.

Рис. 83. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1. Керамика из верхнего горизонта (слой 1: 1–4, 11–13, 22, 25; слой 1б: 5–9, 14–21, 23, 24; слой 1в: 10). *Красноглиняная:* с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (1–9), с редкой примесью дресвы (10), с частой примесью дресвы (11–13). *Красноглиняная с росписью охрой по белому ангобу:* 14. *Краснолощёная:* 15. *Лепная* с примесью шамота: 16–18. *Белоглиняная:* с тонким тестом подгруппы V-1 (19–22), с примесью мелкозернистого песка подгруппы V-2 (23–25).

Рис. 84. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1. Находки из нижнего горизонта (слой 2): 1 – лезвие ножа; 2 – ключ; 3 – орудие неизвестного предназначения (острога?); 4 – пряжка; 5 – монета Василия Тёмного; 6, 7 – нательные кресты; 8 – бронзовая серьга; 9 – грузило от рыболовной сети; 10–16 – венчики сосудов: *красноглиняных* с примесью частой (10, 11) и редкой (12–15) дресвы, *белоглиняного* с примесью среднезернистого песка подгруппы V-3 (16). Железо: 1–4. Бронза: 6–8. Серебро: 5. Керамика: 9–16.

Рис. 85. Городище Городок. Раскоп 1. Комплекс 2. Яма 2/1: разрез (А, Б) и план по матерiku (В). *Верхний горизонт:* 1 – развал глинобитной печи (прослойка 1б); 2 – коричневый суглинок (слой 1а); 3 – развал глинобитной печи (прослойка 1в); 7 – жёлтый обожженный суглинок (слой 1). *Средний горизонт:* 8 – коричневатого-серый суглинок (слой 2б); 10 – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 2); 11 – развал глинобитной печи (прослойка 2в). *Нижний горизонт:* 12 – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 3); 13 – плотный

коричневато-серый суглинок (прослойка 3б); 14 – стерильный переотложенный материковый грунта (прослойка 3в). *Материк*: 16. 4 – обугленная деревянная плашка; 5 – тонкая углистая прослойка (без находок); 6 – тонкая прослойка древесного тлена; 9 – развал глинобитной печи (прослойка 2а); 15 – перекрывающая дно ямы углистая прослойка (слой 4); 17 – нора; 18 – комок обожжённого суглинка; 19 – углисто-золистая прослойка.

Рис. 86. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1а: 4; слой 1: 1–3, 5–11): 1–3 – ножи, 4 – фрагмент замка, 5 – монета Ивана III, 6 – монета неопределимого эмитента чеканки около 1462 г., 7 – медное пуло, 8 – серьга, 9 – кресальный кремь, 10 – точильный брусок, 11 – венчик сосуда с прозрачной бирюзовой поливой. Железо: 1–3. Серебро: 5, 6. Медь: 7. Бронза: 8. Камень: 9, 10. Кашин: 11.

Рис. 87. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из верхнего горизонта (слой 1). *Красноглиняная*: с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (1–9), с примесью крупнозернистого песка (10). *Белоглиняная*: с тонким тестом подгруппы V-1 (11–19, 23, 24), с примесью мелкозернистого песка подгруппы V-2 (20–22). Венчики: 1–22. Фрагменты днищ с клеймами: 23, 24.

Рис. 88. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из среднего горизонта (слой 2: 1, 5–7, 9, 12–15; слой 2б: 2–4, 8, 10, 11, 16): 1–3 – ножи, 4 – фрагмент замка, 5 – пробой, 6 – фрагмент стенки сосуда, 7 – ушко от котелка, 8 – монета Ивана III, 9 – монета Василия II, 10 – точильный камень, 11 – каменное орудие, 12 – фрагмент браслета, 13 – иконка-привеска, 14 – футляр-игольник, 15 – фрагмент бусины; 16 – фрагмент стенки белоглиняного сосуда с наlepным валиком и зелёной поливой. Железо: 1–3. Серебро: 8, 9. Медь: 7. Камень: 10, 11. Кашин: 15. Стекло: 12. Кость: 14. Рог: 13. Керамика: 16.

Рис. 89. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из среднего горизонта (слой 2: 1, 4–6, 8, 10, 13–17, 20–25; слой 2б: 2, 3, 7, 9, 11, 12, 18, 19). *Красноглиняная*: с тонким тестом (9), с редкой примесью дресвы (2–6), с частой примесью дресвы (1), с добавкой крупнозернистого песка (7, 8). *Краснолощёная*:

10. *Лепная* с примесью шамота: 11–22. *Белоглиняная*: с тонким тестом подгруппы V-1 (24, 25), с примесью среднезернистого песка подгруппы V-3 (23). Венчики: 1–8, 11–17, 23–25. Фрагмент донца с клеймом: 9. Донца: 18–22. Ручка: 10.

Рис. 90. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из нижнего горизонта (слой 3): 1–8 – ножи, 9 – ключ, 10 – замок, 11 – фрагмент грызла, 12 – пробой, 13 – фрагмент каркаса футляра ножа. Железо: 1–13.

Рис. 91. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из нижнего горизонта (слой 3): 1, 4, 5 – неопределённые предметы, 2 – язычок от пряжки, 3 – гвоздь, 6 – монета Василия II, 7 – перстень, 8 – пряжка, 9 – обоймица поясная, 10 – грузило, 11 – игла, 12 – астрагал с отверстием, 13 – пряслице из стенки красноглиняного сосуда (склейка из фрагментов, обнаруженных в слоях 2 и 3). Железо: 1–5. Серебро: 6. Бронза: 7–9. Камень: 10. Кость: 11, 12. Керамика: 13.

Рис. 92. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 3). Красноглиняная с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка: 1–23. Венчики: 1–22. Фрагмент днища с клеймом: 23.

Рис. 93. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 3). Красноглиняная гончарная с примесью редкой (1–7) и частой (8–11) дресвы, крупнозернистого песка (12–14), шамота (15).

Рис. 94. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Красноглиняная керамика с примесью редкой дресвы из нижнего горизонта (слой 3): 1, 2.

Рис. 95. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки из нижнего горизонта (слой 3): 1 – с примесью редкой дресвы, 2 – с тонким тестом.

Рис. 96. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки с примесью редкой дресвы из нижнего горизонта (слой 3): 1, 2.

Рис. 97. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки с примесью редкой дресвы из нижнего горизонта (слой 3): 1, 2.

Рис. 98. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки с частой примесью мелкозернистого песка из нижнего горизонта (слой 3).

Рис. 99. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 3). *Белоглиняная*: с тонким тестом подгруппы V-1 (1–5), с примесью среднезернистого песка подгруппы V-3 (6, 7). *Краснолощёная*: 8. Венчики: 1–6. Ангобированный горшок (реконструкция) из смеси бело- и красножгущихся глин подгруппы V-3: 7. Фрагмент стенки: 8.

Рис. 100. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Лепная керамика с примесью шамота из нижнего горизонта (слой 3). Венчики: 1–9. Донца: 10–15. Реконструированный горшок: 16.

Рис. 101. Городище Городок. Раскоп 2. Комплекс 3. Яма 2/2: разрез (А) и план по матерiku (Б). *Верхняя часть заполнения*: 1 – тёмно-серый мелкокрапчатый суглинок (слой 1). *Нижняя часть заполнения*: *верхняя пачка*: 2 – развал глинобитной печи (слой 2а); 3 – чёрный рыхлый углистый грунт (слой 2); *средняя пачка*: 4 – развал глинобитной печи (прослойка 3а); 5 – коричневый суглинок (слой 3б); 6 – чёрный рыхлый углистый грунт (слой 3); *нижняя пачка*: 7 – однородный коричневый суглинок (слой 4а); 8 – чёрный рыхлый углистый грунт (слой 4); 9 – придонная прослойка плотного переотложенного материкового суглинка (слой 5). *Материк*: 10. 11 – остатки обугленных деревянных плашек; 12 – обугленная деревянная жердь в разрезе; а – линия дна ямы на участке с отрицательным наклоном бортов.

Рис. 102. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1): 1 – нож, 2 – наконечник стрелы, 3 – игла, 4 – пряжка, 5 – неопределённый предмет, 6 – монета (пуло), 7 – обойма от рукоятки ножа; 8, 9 – кресальные кремни, 10 – фрагмент игрушки (свистульки), 11–29 – венчики (11–25, 27–29) и фрагмент ручки (26) от сосудов. Керамика *красноглиняная* с примесью частой (13, 14) и редкой (11, 12) дресвы, крупнозернистого песка (20), с тонким тестом или с добавкой мелкозернистого песка (15–19); *белоглиняная* с тонким тестом подгруппы V-1 (21–24, 26), с примесью мелкозернистого песка

подгруппы V-2 (25); *лепная* с примесью шамота (27–29). Железо: 1–5. Медь: 6. Рог: 7. Камень: 8, 9. Керамика: 10–29.

Рис. 103. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Находки из нижней части заполнения (слой 2: 4; слой 2а: 5; слой 3: 1, 6–10, 12; слой 4а: 2, 11; слой 5: 3): 1 – писало, 2 – шпора, 3 – сабля, 4–6 – кольца от удил, 7–10 – ножи, 11 – черенок от ножа, 12 – скоба. Железо: 1–12.

Рис. 104. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Находки из нижней части заполнения (слой 2: 1, 3, 10, 13, 20; слой 2а: 2, 18, 19; слой 3: 5–9, 11, 12, 15–17; слой 4: 4, 14): 1, 3, 4 – неопределённые предметы; 2 – фрагмент скобы, 5 – монета Василия II; 6, 7 – обкладки рукояток ножей; 8 – фрагмент браслета, 9–12 – фрагменты поливных сосудов, 13–20 – венчики (13–17) и фрагменты днищ с клеймами (18–20) красноглиняных сосудов с примесью частой дресвы. Железо: 1–4. Серебро: 5. Кость: 6, 7. Стекло: 8. Кашин: 9–12. Керамика: 13–20.

Рис. 105. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Красноглиняные горшки с частой примесью дресвы из нижней части заполнения (слой 3: 2, слой 4: 1).

Рис. 106. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Красноглиняная керамика из нижней части заполнения (слой 2а: 1, 3; слой 2: 2, 4, 8; слой 3: 5–7): с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (1–3), с редкой дресвой (4–8). Венчики: 2–7. Донце с клеймом: 1. Реконструированный горшок: 8.

Рис. 107. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Краснолощёный горшок из нижней части заполнения (слой 2а).

Рис. 108. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Лепная керамика из нижней части заполнения (слой 2а: 1, слой 3: 2): 1 – бокалообразный сосуд, 2 – венчик горшка.

Рис. 109. Городище Городок. Раскоп 2. Комплекс 4. Яма 1/2: разрезы (А, Б, В) и план по матерiku (Г). *Перекрывающий горизонт*: 1 – тёмно-коричневый суглинок (горизонт огородной распашки). *Верхняя пачка напластований*: 2 – тёмно-коричневый пёстрый неоднородный суглинок (слой 1а); 3 – развал глинобитной печи (слой 1б); 4 – тёмно-серый угленасыщенный неоднородный суглинок (слой 1). *Средняя пачка напластований*: 5 – развал глинобитной печи

(слой 2а); 6 – коричневый однородный суглинок (слой 2б); 7 – рыхлый углистый грунт (слой 2). *Нижняя пачка напластований*: 8 – коричневый крапчатый суглинок (слой 3); 9 – углисто-золистые прослойки (слой 4); 10 – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Материк*: 11. 12 – прослойка мелкораспылённого древесного тлена; 13 – прослойка из древесных углей (без включений костей и керамики); 14 – золистая линза; 15 – отпечатки деревянных плашек в виде узких локальных прослоек древесного тлена; 16 – остатки обугленной деревянной плашки.

Рис. 110. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1: 2, 4, 6, 10, 11; слой 1а: 1, 3, 5, 7, 8, 11; слой 1б: 9): 1, 2 – наконечники стрел; 3 – фрагмент ключа; 4 – замок; 5 – фрагмент удила; 6–8 – крючки рыболовные; 9–11 – ножи; 12 – фрагмент пилы. Железо: 1–12.

Рис. 111. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1: 2, 5, 6, 8, 11, 13, 15; слой 1а: 1, 3, 4, 9, 10, 12, 14, 16; слой 1б: 7, 17): 1–7 – скобы; 8–12 – гвозди; 13 – пряжка; 14–17 – неопределённые предметы. Железо: 1–17.

Рис. 112. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1: 1, 2, 4–7, 9, 10, 14, 15, 18; слой 1а: 11, 12, 16, 17; слой 1б: 3, 8, 13): 1–2 – фрагменты бубенчиков; 3 – крест нательный; 4 – фрагмент перстня; 5 – пуло; 6 – денга Ивана III; 7 – полуденга; 8 – затыльник от рукоятки ножа; 9, 10 – кремни кресальные; 11 – фрагмент пряслица; 12 – заготовка для пряслица; 13 – фрагмент жернова от ручной мельницы; 14 – точильный камень; 15 – фрагмент пряслица из стенки красноглиняного сосуда; 16 – фрагмент пряслица из стенки белоглиняного сосуда; 17 – фрагмент рыболовного грузила; 18 – фрагмент стенки кашинного сосуда с чёрной подглазурной росписью и прозрачной бирюзовой поливой. Бронза: 1–4. Медь: 5. Серебро: 6, 7. Рог: 8. Камень: 9–14. Керамика: 15–18.

Рис. 113. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Красноглиняная керамика из верхней части заполнения (слой 1а: 1; слой 1: 2): с тонким тестом (1), с примесью мелкозернистого песка (2).

Рис. 114. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Красноглиняная керамика из верхней части заполнения (слой 1: 5-7; слой 1а: 3, 4, 9, 11, 13-15, 17, 18; слой 1б: 1, 2, 8, 10, 12, 16): с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (2-5, 7-9, 16, 17), с примесью крупнозернистого песка (10, 11, 18), с примесью частой дресвы (12-15), с добавкой толчёной раковины (1), толчёной кости (6). 1-17 – венчики; 18 – реконструированный горшок.

Рис. 115. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Керамика из верхней части заполнения: белоглиняная (1-15) и красноглиняная ангобированная с росписью охрой (16). Слой 1: 1, 2, 8-10, 12, 13, 16; слой 1а: 3, 4, 6, 7, 11, 14, 15; слой 1б: 5. Белоглиняная керамика с тонким тестом: 1-9, 14; с частой примесью мелкозернистого песка: 10-12, 15; с примесью дресвы: 13. Венчики: 1-13; донца с клеймами: 14, 15; фрагмент стенки: 16.

Рис. 116. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из средней части заполнения (слой 2: 1-6, 8; слой 2а: 7; слой 2б: 9-16): 1-6 – ножи; 7-12 – гвозди; 13 – крючок рыболовный; 14 – дверная накладка; 15, 16 – фрагменты ключей. Железо: 1-16.

Рис. 117. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из средней части заполнения (слой 2: 7, 8, 10-12, 15, 16; слой 2б: 1-6, 9, 13, 14): 1-6 – стержни, 7 – провод, 8 – монета (пуло), 9 – монета (пуло), 10 – монета-подделка, 11 – денга Василия Тёмного, 12 – бубенчик-привеска, 13 – серьга, 14 – грузик, 15 – рукоятка ножа, 16 – крест-мощевик. Железо: 1-6. Бронза: 7, 12, 13, 15. Медь: 8, 9. Медь+серебро: 10. Серебро: 11. Свинец: 14. Рог: 16.

Рис. 118. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из средней части заполнения (слой 2: 2, 4, 6, 10, 11, 15, 16, 19, 20; слой 2а: 9, 14; слой 2б: 1, 3, 5, 7, 8, 12, 13, 17, 18): 1, 5 – затыльники от рукояток ножей; 2, 4 – рукоятки ножей; 3 – обойма от рукоятки ножа; 6 – кремень кресальный; 7 – фрагмент грузила; 8 – фрагмент пряслица; 9-20 – фрагменты днищ с клеймами (9-11) и венчиков (12-20) красноглиняных гончарных сосудов с примесью дресвы (9-13), крупнозернистого песка (19, 20), мелкозернистого песка или с тонким тестом (14-18). Кость или рог: 1-5. Камень: 7. Керамика: 8-20.

Рис. 119. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Реконструированные красноглиняные сосуды с примесью дресвы в тесте из средней части заполнения (слой 2): 1 – миска, 2 – горшок.

Рис. 120. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Красноглиняная гончарная керамика из средней части заполнения (слой 2: 1, 2, 7, 12, 14; слой 2а: 11, 13; слой 2б: 3–6, 8–10): 1–13 – венчики; 14 – реконструированный горшок. Тесто тонкое или с примесью мелкозернистого песка: 1, 3–14; с добавкой железосодержащего шлака: 2.

Рис. 121. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Белоглиняная (1–8) и краснощёная (9, 10) гончарная керамика из средней части заполнения (слой 2: 7, 8, 10; слой 2а: 2, 6; слой 2б: 1, 3–5, 9). Венчики: 1–7, 9, 10. Реконструированный горшок: 8. Белоглиняная керамика: с тонким тестом (3–8), с частой примесью мелкозернистого песка (1), с примесью дресвы (2).

Рис. 122. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Лепная керамика из средней части заполнения (слой 2). Венчики: 1–6. Реконструированные сосуды: 7 – банка, 8 – чаша, 9 – горшок. Тесто тонкое (6) и с примесью шамота (1–5, 7–9).

Рис. 123. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из нижней части заполнения (слой 3): замки (1, 2), острога (3), створка энколпиона (4), нательный крест (5), фрагмент височного кольца (6), затыльники от рукояток ножей (7, 8), пряслица (9, 10), точильный камень (11). Железо: 1–3. Бронза: 4–6. Рог: 7, 8. Камень: 9–11.

Рис. 124. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Керамика лепная (1–6) и гончарная красноглиняная (7–11) из нижней части заполнения (слой 3). Венчики: 1–6, 10, 11. Реконструированные горшки: 7–9. Тесто с примесью шамота (1–6), мелкозернистого песка (7, 9–11), дресвы (8).

Рис. 125. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Реконструированные белоглиняные горшки с тонким тестом из нижней части заполнения (слой 3): 1, 2.

Рис. 126. Городище Городок. Раскоп 2. Комплекс 5. Раскоп 2. Яма 9/2: разрезы и план по матерiku (А), находки из заполнения (Б). А: 1 – тёмно-

коричневый суглинок (горизонт огородной распашки); 2 – крапчатый грунт заполнения ямы 3/2; 3 – стерильный переотложенный материковый суглинок; 4 – серый слоистый суглинок с включением комков светлого материкового грунта и древесных углей; 5 – материк; 6 – прослойка угля. Б: 1 – нож; 2 – гвоздь; 3 – пряслице; 4–13 – венчики красноглиняных (1–10, 12) и белоглиняных (11, 13) сосудов. Тесто с примесью дресвы (4, 5, 7), тонкое (6–12), с частой примесью песка (13). Железо: 1, 2. Керамика: 3–13.

Рис. 127. Городище Городок. Комплекс 6. Раскоп 3. Ямы 2/3 и 1/3: разрезы и план по матерiku (А), находки из заполнения яма 2/3 (Б). А: 1 – тёмно-коричневый суглинок (горизонт огородной распашки); 2 – крапчатый грунт заполнения ямы 1/3; 3 – стерильный переотложенный материковый суглинок; 4 – намывной грунт (пульпа); 5 – материк; 6 – рыхлый углистый грунт; 7 – гумусированный суглинок; 8 – кровельный шифер. Б: 1–13 – венчики красноглиняных (1, 3–6, 9–13) и белоглиняных (2, 7, 8) сосудов; 14 – фрагмент перстня; 15 – затыльник от рукоятки ножа; 16 – пряжка; 17 – скоба; 18 – фрагмент ножа. Тесто с примесью дресвы (9), тонкое или с примесью мелкозернистого песка (1, 3–8, 10–13), с частой примесью песка (9). Железо: 16–18. Стекло: 14. Кость: 15. Керамика: 1–13.

Рис. 128. Городище Городок. Раскопы 1–3. Комплексы 6 (А) и 7 (Б). А: находки из ямы 1/3: 1 – наконечник стрелы; 2 – фрагмент дужки от замка; 3 – нож; 4 – замок; 5 – фрагмент кочедыка; 6 – монета Василия II; 7 – фрагмент днища с клеймом; 8–25 – фрагменты красноглиняных (8–20) и белоглиняных (21–25) венчиков сосудов. Тесто с примесью дресвы (19, 20), тонкое или с примесью мелкозернистого песка (8–18). Железо: 1–4. Серебро: 6. Кость: 5. Керамика: 8–25. Б: яма 10/1. План и разрез. 1 – тёмно-коричневый суглинок (горизонт огородной распашки); 2 – материк; 3 – стерильный переотложенный материковый суглинок; 4 – прослойка углей; 5 – обожжённый суглинок.

Рис. 129. Городище Городок. Комплекс 8. Раскоп 3. Ямы 4/3, 6/3, 8/3, канавка 9: разрезы и план по матерiku (А), находки (Б). А: 1 – крупный железосодержащий шлак; 2 – фрагменты железных замков; 3 – железные

стержни и пластины; 4 – стерильный переотложенный материковый суглинок; 5 – жёлтый обожжённый суглинок; 6 – материк. Б: 1, 10, 15 – стержни; 2, 6, 7 – ножи; 3 – фрагмент рукоятки ножа; 4, 12 – гвозди; 5 – обкладка рукояти ножа; 8, 9, 11 – пластины; 13–15 – фрагменты замков. Железо: 1–4, 6–10, 12–14. Бронза: 11. Кость: 5. Яма 4/3: 2. Яма 8/3: 1. Канавка 9: 3–5. Находки из перекрывающей прослойки средневекового культурного слоя: 6–16.

Рис. 130. Городище Городок. Железные черенковые ножи: 1 – Р2-Я1-2, 2 – Р2-3-4, 3 – Р1-Я1В-16, 4 – Р1-1-8, 5 – Ш2-4-2А, 6 – Р1-Я2-26, 7 – Р3-3-8, 8 – Р1-Я1А-2, 9 – Р2-2-4, 10 – Р1-Я1А-2, 11 – Р1-2-4А, 12 – Ш2-5-1, 13 – Р3-3-1, 14 – Р1-Я2-1, 15 – Р3-6-9, 16 – Р3-3-5, 17 – Р3-9-10, 18 – Р1-Я2-1, 19 – Р1-Я1А-2.

Рис. 131. Городище Городок. Железные черенковые ножи и их фрагменты: 1 – Р3-Я4, 2 – Р1-Я2-3, 3 – Р1-1-5, 4 – Р1-Я2-1, 5 – Р1-Я2-3, 6 – Р2-2-2, 7 – Р1-Я1-2, 8 – Р2-Я1-2, 9 – Р2-Я9, 10 – Р2-Я1-16, 11 – Р2-Я1-2, 12 – Р2-Я2-3, 13 – Р1-5-1А, 14 – Р3-3-7, 15 – Р2-Я1-2, 16 – Р2-Я2-3, 17 – Р2-Я2-1, 18 – Р3-3-8, 19 – Р1-2-10, 20 – Р3-3-7, 21 – Р2-Я2-4а, 22 – Р3-3-8.

Рис. 132. Городище Городок. Железные пластинчатые ножи и их фрагменты: 1 – Р1-Я1А-1а, 2 – Р2-Я2-3, 3 – Р3-3-7, 4 – Р2-Я2-3, 5 – Р1-Я2-2, 6 – Р1-Я2-26, 7 – Р1-2-10Б, 8 – Р1-Я2-3, 9 – Р3-5-9, 10 – Ш2-4-2А, 11 – Р2-Я1-1, 12 – Р1-Я2-3, 13 – Р1-3-5А, 14 – Р2-К9, 15 – Р3-3-7, 16 – Р2-Я1-1а, 17 – Р1-Я2-3, 18 – Р2-Я1-2, 19 – Ш2-Я1, 20 – Р1-3-2А.

Рис. 133. Городище Городок. Фрагменты железных ножей: 1 – Р2-3-5, 2 – Ш2-3-2А, 3 – Р1-3-2А, 4 – Р1-Я2-3, 5 – Р1-Я1В-2, 6 – Р1-Я2-3, 7 – Р1-3-5Г, 8 – Р1-Я1А-2, 9 – Р1-Я2-3, 10 – Р3-Я2-1, 11 – Р3-3-3, 12 – Р2-2-2, 13 – Р1-3-4А, 14 – Р3-3-8.

Рис. 134. Городище Городок. Оснастка ножей из кости и рога: обоймы (1–3, 6), затыльники (4, 5, 7–14), муфты (15, 16), рукоятки (17–19), обкладки рукояток (20–22). 1 – Р2-Я2-1, 2 – Р2-Я1-26, 3 – Р3-3-8, 4 – Р1-3-5В, 5 – Р1-2-5В, 6 – Ш2-5-1, 7 – Р2-Я1-3, 8 – Р2-Я1-16, 9 – Р3-1-6А, 10 – Р2-Я1-26, 11 – Р1-1-3, 12 – Р2-Я1-3, 13 – Р2-Я1-26, 14 – Р3-Я2-1, 15 – Ш2-5-1, 16 – Ш2-5-2А, 17 – Р2-Я1-2, 18 – Р2-Я1-2, 19 – Ш2-5-2Б, 20 – Р3-К9, 21 – Р2-Я2-3, 22 – Р2-Я2-(2а, 3).

Рис. 135. Городище Городок. Предметы из кости и рога: кочедыки (1–3), иглы (4–6), игольник (7), пряслице (11), фрагменты томаров (8, 9), рукоятка копоушки (13), фрагменты неопределённых изделий (10, 12), астрагал с отверстием (14). 1 – Р1-2-5, 2 – Р1-1-10, 3 – Р3-Я1, 4 – Ш2-Я1, 5 – Р1-Я2-3, 6 – Р3-3-8, 7 – Р1-Я2-2, 8 – Р1-2-6, 9 – Р1-2-6, 10 – Р3-2-3, 11 – Р1-1-5Г, 12 – Ш2-4-1, 13 – Р2-3-5, 14 – Р1-Я2-3.

Рис. 136. Городище Городок. Находки из железа: шило (1), булавка (2), игла (3), – писала (4–6), фрагмент зубила (7), фрагмент оправы от ножен (8), кресала (9, 10), фрагмент пилы (11), фрагменты топоров (12–17). 1 – Р1-3-1, 2 – Р1-3-5В, 3 – Р2-Я2-1, 4 – Р1-Я1А-2, 5 – Р1-2-10, 6 – Р2-Я2-3, 7 – Р1-5-1А, 8 – Р1-Я2-3, 9 – Р1-3-7, 10 – Р1-1-5Г, 11 – Р2-Я1-1, 12 – Р2-2-2, 13 – Р3-4-7, 14 – Р2-2-1, 15 – Р1-3-6, 16 – Р1-1-5Г, 17 – Р2-3-4.

Рис. 137. Городище Городок. Точильные камни (1–11, 14, 15) и оселки (12, 13). 1 – Ш2-4-2, 2 – Р1-Я1А-2, 3 – Р1-Я1В-1б, 4 – Р2-Я1-3, 5 – Р1-1-10А, 6 – Р1-3-3, 7 – Р1-Я1А-2, 8 – Р2-1-1А, 9 – Ш1-3, 10 – Р1-3-2, 11 – Р1-Я2-2б, 12 – Р1-Я2-1, 13 – Р3-3-5, 14 – Р2-Я1-1б, 15 – Р1-Я1В-1а.

Рис. 138. Городище Городок. Кресальные кремни (1–19, 21, 22, 24–26), отщеп (20) и перфоратор (23) из кремня. 1 – Р2-Я2-1, 2 – Р3-2-2, 3 – Р3-2-6А, 4 – Р3-6-9, 5 – Р2-Я1-2, 6 – Р2-Я1-1, 7 – Р2-Я1-1, 8 – Р1-3-1, 9 – Р3-3-4, 10 – Р3-2-1А, 11 – Р1-4-1А, 12 – Р1-Я1А-1, 13 – Р1-Я1А-1а, 14 – Р1-Я1Б-1, 15 – Р3-3-2, 16 – Р2-2-4А, 17 – Р1-5-1, 18 – Р2-Я2-1, 19 – Р1-2-5, 20 – Ш2-4-1, 21 – ПМ-2003, 22 – Р1-Я2-1, 23 – Р1-Я2-2б, 24 – Р3-4-7, 25 – Ш2-5-1, 26 – Р3-3-1Б.

Рис. 139. Городище Городок. Железные замки и их фрагменты: 1 – Р2-Я1-1, 2 – Р2-Я1-3, 3 – Р3-9-9, 4 – Р2-3-5, 5 – Р2-Я1-3, 6 – Р2-2-1, 7 – Р1-2-1, 8 – Р3-3-9, 9 – Р3-Я1, 10 – Р3-2-3, 11 – Р1-2-8.

Рис. 140. Городище Городок. Железные замки (1–12), ключи (13–19) и их фрагменты: 1 – Р1-Я2-3, 2 – Р1-Я2-1а, 3 – Р3-3-2, 4 – Р2-4-6, 5 – Р2-4-6, 6 – Р1-Я2-2б, 7 – Р3-3-7, 8 – Р3-3-7, 9 – Р3-3-4, 10 – Р3-3-2, 11 – Р3-3-4, 12 – Р2-4-6, 13 – Р1-Я2-3, 14 – Р1-Я1В-2, 15 – ПМ-2014, 16 – Р1-3-2, 17 – Р2-Я1-2б, 18 – Р2-Я1-2б, 19 – Р2-Я1-1а.

Рис. 141. Городище Городок. Предметы из железа: пробои (1–7), кольца (8–13), светец (14), фрагменты кос (15, 16). 1 – РЗ-2-10, 2 – Р1-3-2, 3 – Р2-2-5, 4 – Р2-Я1-1, 5 – Р1-Я2-3, 6 – Р1-2-10Б, 7 – Р1-Я2-2, 8 – Р2-Я2-2, 9 – Р2-Я2-2а, 10 – Ш2-3-2А, 11 – Р1-2-4, 12 – Р2-Я2-3, 13 – Р2-Я8, 14 – РЗ-2-5, 15 – Р2-Я1-2б, 16 – Р1-2-5В, 17 – Р1-2-5В.

Рис. 142. Городище Городок. Железные гвозди (1–32). 1 – РЗ-3-7, 2 – Р2-Я1-1, 3 – Р2-2-4, 4 – Р2-Я1-1а, 5 – Р1-1В-1а, 6 – Р2-Я1-2б, 7 – Р2-Я1-1а, 8 – РЗ-3-5, 9 – Р2-Я1-2б, 10 – Р2-Я1-1а, 11 – Р2-1-1А, 12 – РЗ-3-3, 13 – Р2-Я1-1, 14 – РЗ-К9, 15 – Р2-Я1-2а, 16 – РЗ-4-9, 17 – Р2-Я1-2, 18 – Р2-Я1-2б, 19 – Р2-Я1-2б, 20 – РЗ-3-7, 21 – Р1-3-6, 22 – Р1-3-3, 23 – Ш2-5-2Б, 24 – РЗ-3-2, 25 – Р2-Я9, 26 – Р2-2-4А, 27 – РЗ-3-7, 28 – РЗ-6-9, 29 – РЗ-2-6, 30 – Р1-2-5В, 31 – Р1-5-1А, 32 – Р1-Я2-3.

Рис. 143. Городище Городок. Железные скобы (1–12) и их фрагменты (13–20). 1 – Р1-4-2, 2 – Р2-Я1-1а, 3 – РЗ-Я2, 4 – Р2-Я1-1а, 5 – Р1-Я1А-1, 6 – Р2-Я1-1б, 7 – Р1-Я1А-1, 8 – Р2-Я1-1, 9 – РЗ-3-8, 10 – РЗ-3-1, 11 – Р2-Я1-1, 12 – Р1-2-10Б, 13 – Р2-3-4, 14 – РЗ-3-6А, 15 – РЗ-3-2, 16 – РЗ-3-4, 17 – Ш2-4-1, 18 – РЗ-4-7, 19 – Ш2-6-2, 20 – Р2-Я1-1а.

Рис. 144. Городище Городок. Железные скобы (1, 13, 19, 20) и их фрагменты (2–12, 14–18, 21). 1 – Р2-Я1-1, 2 – Р1-2-9, 3 – РЗ-3-6, 4 – Р2-4-9, 5 – Р1-Я1А-1, 6 – РЗ-4-9, 7 – Р2-1-1А, 8 – Р1-2-5В, 9 – Р1-Я1А-1, 10 – Р2-Я2-3, 11 – Р1-5-1, 12 – Р1-2-10А, 13 – Р1-2-2А, 14 – Р2-4-9, 15 – Р1-5-1, 16 – Р2-2-1, 17 – РЗ-4-8, 18 – Р2-Я2-2а, 19 – Р1-3-10, 20 – Р2-4-4, 21 – Р1-3-4А.

Рис. 145. Городище Городок. Изделия из керамики: пряслица (1–18), заготовки для пряслиц из стенок сосудов (19, 20), фрагменты игрушек (21–27), фрагмент стенки красноглиняного сосуда с граффити (28). 1 – Р1-Я1Б-2, 2 – Р1-2-5В, 3 – Р2-Я9, 4 – Р2-2-4А, 5 – Р1-2-5В, 6 – Р1-2-10Б, 7 – РЗ-3-7, 8 – Р1-Я2-(2, 3), 9 – РЗ-3-8, 10 – РЗ-К1, 11 – РЗ-2-1А, 12 – Р2-Я1-1а, 13 – Р2-Я1-1, 14 – Р1-2-10А, 15 – ПМ-2004, 16 – Р1-Я1Б-1, 17 – Р1-Я1Б-2, 18 – РЗ-3-2, 19 – Р2-2-4, 20 – Р1-3-4А, 21 – РЗ-3-3, 22 – Р1-3-10Б, 23 – Р1-2-10, 24 – РЗ-К8, 25 – Р2-1-4А, 26 – Р2-Я2-1, 27 – РЗ-4-8, 28 – РЗ-К8.

Рис. 146. Городище Городок. Предметы из камня: жернов от ручной мельницы (1), грузила (2, 3), пряслица (4–15), заготовка для пряслица (16). 1 – Р2-Я1-1, 2 – Р3-6-10, 3 – Р1-Я2-3, 4 – Р3-К1, 5 – Р1-2-5В, 6 – Ш2-2-2, 7 – Р1-2-2, 8 – Р1-Я1Б-2, 9 – Р2-Я1-2б, 10 – Р2-Я1-3, 11 – Р2-Я1-1а, 12 – Р2-Я1-3, 13 – Р1-Я1Б-2, 14 – Р1-Я1Б-2, 15 – Р1-Я1Б-2, 16 – Р2-Я1-1а.

Рис. 147. Городище Городок. Железные стержни неопределённого назначения (1–24). 1 – Р3-3-2, 2 – Р3-3-2, 3 – Р3-3-8, 4 – Р3-3-2, 5 – Р2-Я1-1, 6 – Р1-1-5, 7 – Р1-4-1, 8 – Р2-2-4А, 9 – Р3-3-8, 10 – Р2-Я1-2б, 11 – Р2-Я1-1а, 12 – Р3-2-1А, 13 – Р2-Я2-2, 14 – Ш2-2-2, 15 – Р1-2-2, 16 – Р1-1-6, 17 – Р2-Я2-4, 18 – Р1-2-10Б, 19 – Р3-3-2, 20 – Р2-Я1-2б, 21 – Р2-Я2-2, 22 – Р1-Я1А-2, 23 – Р1-1А-2, 24 – Р1-2-10Б.

Рис. 148. Городище Городок. Железные стержни неопределённого назначения (1–19). 1 – Р3-3-7, 2 – Ш2-4-1, 3 – Р3-3-2, 4 – Р2-4-9, 5 – Р3-3-9, 6 – Р3-3-2, 7 – Ш2-Я1, 8 – Р1-Я1А-2, 9 – Р2-Я1-2б, 10 – Р3-Я8, 11 – Р3-3-8, 12 – Р2-Я1-2б, 13 – Р2-Я1-2б, 14 – Р1-Я2, 15 – Р3-3-2, 16 – Р2-Я1-1а, 17 – Р3-3-6, 18 – Р1-Я1А-1, 19 – Р3-3-7.

Рис. 149. Городище Городок. Железные неопределённые предметы (1–5, 12, 13) и пластины (6–11). 1 – Р1-Я2-3, 2 – Р2-Я1-2б, 3 – Р1-Я2-3, 4 – Р3-2-6, 5 – Р1-2-5, 6 – Р3-3-7, 7 – Р2-Я2-1, 8 – Р2-Я1-2б, 9 – Ш2-6-2В, 10 – Р3-2-1А, 11 – Р3-3-7, 12 – Р1-Я1В-2, 13 – Р1-К3.

Рис. 150. Городище Городок. Предметы из железа: рыболовные крючки (1–8), крюк для вытаскивания рыболовных сетей (9), наконечник остроги (10), фрагменты чугунных котлов (11, 12). 1 – Ш1-1, 2 – Р2-Я1-1а, 3 – Р1-Я1А-1, 4 – Р3-3-9, 5 – Р2-Я2-1, 6 – Р2-Я1-1а, 7 – Р1-Я1А-2, 8 – Р2-Я1-2б, 9 – Ш2-4-1, 10 – Р2-Я1-3, 11 – Р2-3-7, 12 – Р1-Я2-2.

Рис. 151. Городище Городок. Керамические грузила от рыболовных сетей и их фрагменты (1–12). 1 – Р3-3-7, 2 – Р3-3-2, 3 – Р3-3-6Б, 4 – Р1-3-10, 5 – Р1-4-2, 6 – Р3-3-2, 7 – Р1-4-1А, 8 – Р3-4-9, 9 – Р1-Я1А-2, 10 – ПМ-2003, 11 – Р1-Я1А-2, 12 – Р1-1-9.

Рис. 152. Городище Городок. Керамические грузила от рыболовных сетей и их фрагменты (1–11). 1 – РЗ-3-7, 2 – Р2-Я1-2б, 3 – Р1-1-10А, 4 – Р2-Я1-1а, 5 – Р1-2-10Б, 6 – Р1-4-1А, 7 – Р2-Я3, 8 – Р1-Я1В-2, 9 – РЗ-3-7, 10 – Р2-3-3, 11 – Р2-3-3.

Рис. 153. Городище Городок. Украшения и детали туалета из бронзы: серьги (1–6), височное кольцо (7), набор инструментов (9), перстни (10–13), пряжка (14), накладки (15, 16), булавки (17, 18), привески-бубенчики (19–21), браслет (8). 1 – Р1-Я1В-2, 2 – Ш2-5-2Б, 3 – Р2-Я1-2б, 4 – Р1-Я2-1, 5 – Р1-2-5, 6 – Р1-2-10А, 7 – РЗ-2-6А, 8 – Р1-3-3, 9 – Р1-2-10Б, 10 – Р1-1Б-2, 11 – Р1-2-9, 12 – РЗ-6-9, 13 – Р1-Я2-3, 14 – Р1-Я2-3, 15 – Р1-3-1, 16 – РЗ-3-7, 17 – Р1-Я1А-2, 18 – Р1-2-5В, 19 – Р2-Я1-2, 20 – Р2-Я1-1, 21 – Р2-Я1-1.

Рис. 154. Городище Городок. Фрагментированные или неопределённые предметы и украшения из цветных металлов (1–15), стекла (16–21), камня (22), кашина (23): слиток (1), отрезок провода (2), рукоятка ножа (3), часть обода височного кольца (?) (4), фрагмент перстня (5), пластины (6, 10), фрагменты медных сосудов (7, 11), обоймицы (8, 9), височная подвеска (?) (12), колечко, свёрнутое из провода (13), поясное кольцо (?) (14), грузило (?) (15), фрагменты браслетов (16, 17), вставка (19), бусы (20–23). Бронза: 1, 2, 4–16. Медь: 3. Свинец: 15. Стекло: 16–21. Камень: 22. Кашин: 23. 1 – Р1-Я1А-1, 2 – Р2-Я1-2, 3 – Р1-Я1-2, 4 – Р2-Я1-3, 5 – Р2-Я2-1, 6 – Р1-2-4, 7 – Р2-1-2, 8 – Р1-Я2-3, 9 – Р1-2-5В, 10 – РЗ-3-7, 11 – Р1-Я2-2, 12 – Р1-2-10А, 13 – РЗ-3-1А, 14 – РЗ-1-1А, 15 – Р2-Я2-2б, 16 – Р2-Я2-3, 17 – Р1-Я2-2, 18 – РЗ-Я2-1, 19 – РЗ-К8, 20 – РЗ-2-6А, 21 – Р1-2-5В, 22 – Р1-2-2А, 23 – Р1-Я2-2.

Рис. 155. Городище Городок. Предметы христианского культа: нательные кресты (1–5), наперсный крест-складень (6), створка от креста-энколпиона (7), иконки-привески (8, 11), крест-реликварий (12), фрагменты окладов (9, 10). Бронза: 1–8. Серебро: 9, 10. Лосиный рог: 11, 12. 1 – Р2-Я1-3, 2 – Р1-Я1В-2, 3 – Р1-3-10, 4 – Р2-Я1-1б, 5 – Р1-Я1В-2, 6 – Р1-2-5Г, 7 – Р2-Я1-3, 8 – Р1-1-5, 9 – Р2-3-3, 10 – Р2-4-4, 11 – Р1-Я2-2, 12 – Р2-Я1-2.

Рис. 156. Городище Городок. Железные наконечники стрел (1–11) и обломок сабли (12). 1 – Р2-Я1-1, 2 – Р2-Я1-1а, 3 – Р3-9-10, 4 – Р1-2-3, 5 – Р2-Я2-1, 6 – Р1-4-1, 7 – Р1-2-5, 8 – Р1-2-10А, 9 – Р3-3-8, 10 – Р1-3-2А, 11 – Р1-3-10Б, 12 – Р2-Я2-5.

Рис. 157. Городище Городок. Предметы снаряжения всадника и верхового коня: шпора (1), шип от шпоры (2), фрагменты удила (3, 4), пряжки (7–17), отдельные язычки от них (5, 6), петля от крепления колчана (18). Материал: железо (1–17), бронза (18). 1 – Р2-Я2-4А, 2 – Ш2-3-2Б, 3 – Р2-Я1-1а, 4 – Р1-Я2-3, 5 – Р3-3-7, 6 – Р2-Я2-3, 7 – Р3-3-6, 8 – Р2-Я2-1, 9 – Р3-3-7, 10 – Р1-2-7, 11 – Р3-Я2-1, 12 – Р1-1-5Г, 13 – Р2-Я1-1, 14 – Р1-1В-2, 15 – Р3-3-3, 16 – Р2-1-5, 17 – Р1-3-4, 18 – Р3-2-1.

Рис. 158. Городище Городок. Раскопы 1–3. Монеты. Номера соответствуют списку в приложении 5. Серебро: 1–16.

Рис. 159. Городище Городок. Раскопы 1–3. Монеты. Номера соответствуют списку в приложении 5. Серебро: 17–22, 32. Медь: 23–31.

Рис. 160. Городище Городок. Лепная керамика. Фрагменты венчиков и реконструкции сосудов первой (1–39, 43, 44) и второй (40–42) форм. 1 – Р1-2-5Г, 2 – Р1-2-10А, 3 – Ш2-4-1, 4 – Р1-Я2-3, 5 – Р2-3-7, 6 – Р2-Я1-2, 7 – Р1-Я2-2, 8 – Р1-Я2-3, 9 – Р1-Я2-2б, 10 – Р1-Я2-2б, 11 – Р1-Я2-3, 12 – Р2-Я1-3, 13 – Р2-Я1-2, 14 – Р2-Я2-1, 15 – Р1-2-5Г, 16 – Р1-Я2-3, 17 – Ш2-4-2Б, 18 – Р2-Я1-3, 19 – Р2-Я1-3, 20 – Ш2-3-1, 21 – Ш2-3-1, 22 – Р2-Я1-3, 23 – Р1-Я2-3, 24 – Ш2-2-1, 25 – Ш2-2-2, 26 – Ш2-2-2, 27 – Р3-2-1, 28 – Р2-Я2-3, 29 – Р3-2-8, 30 – Р1-Я1-3, 31 – Р1-Я2-2, 32 – Р2-Я1-2, 33 – Р1-Я2-3, 34 – Р2-3-4Б, 35 – Р2-Я1-1а, 36 – Р1-3-9, 37 – Р2-4-7, 38 – Р1-1Б-(2а, 2б), 39 – Р1-Я1Б-(2а, 2б), 40 – Р1-Я1Б-(2а, 2б), 41 – Р1-Я1Б-(2а, 2б), 42 – Р3-3-7, 43 – Р2-Я1-2, 44 – Р1-Я2-3.

Рис. 161. Городище Городок. Лепная керамика. Фрагменты венчиков и реконструкции сосудов третьей (6–11) и четвертой (1–5) форм. 1 – Р1-Я2-3, 2 – Р1-Я2-3, 3 – Р1-Я1Б-2а, 4 – Р1-Я1Б-(2а, 2б), 5 – Р2-Я1-2, 6 – Р1-Я1Б-(2а, 2б), 7 – Р2-Я1-2, 8 – Р2-Я2-2а, 9 – Р2-Я1-2, 10 – Р3-3-2, 11 – Р1-1-5.

Рис. 162. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.1: 1–7. Тип 1.2: 8–17. Тип 1.3: 18–25. 1 – Ш2-1-2А, 2 – Р3-1-6, 3 – Р2-1-1А, 4 – Р2-1-1А, 5 – Р2-1-1, 6 – Р2-3-8, 7 – Р3-3-7, 8 – Р1-Я2-3, 9 – Р1-Я2-2, 10 – Р2-1-2, 11 – Р1-1-5А, 12 – Р2-1-1А, 13 – Р1-Я2-3, 14 – Р2-Я1-2а, 15 – Р1-3-7, 16 – Р1-1-4, 17 – Р1-4-1А, 18 – Р1-3-6, 19 – Р1-1-5В, 20 – Ш2-Я1, 21 – Р2-Я2-2, 22 – Р1-Я2-3, 23 – Р3-1-2, 24 – Р2-Я2-2а, 25 – Р1-Я1А-2.

Рис. 163. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.4: 1–7. Тип 1.5: 8–23. 1 – Р1-1-4, 2 – Р2-Я1-3, 3 – Р1-2-5В, 4 – Р1-2-4А, 5 – Р2-2-4, 6 – Р1-3-3, 7 – Р1-1-2, 8 – Р1-3-2, 9 – Р1-3-2, 10 – Р3-3-3, 11 – Р1-2-8, 12 – Р1-1-2Б, 13 – Р3-2-1, 14 – Р3-3-2, 15 – Р2-3-4Б, 16 – Р1-1-1, 17 – Р1-1-6, 18 – Р1-1-6, 19 – Р1-1-6, 20 – Р1-2-10А, 21 – Р1-2-2, 22 – Р1-2-8, 23 – Р2-Я1-2.

Рис. 164. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.6: 1–13. Тип 1.7: 14–22. 1 – Р1-Я2-3, 2 – Р1-2-5Б, 3 – Р1-4-3, 4 – Р2-4-9, 5 – Р1-2-10Б, 6 – Р1-2-4, 7 – Р1-Я2-3, 8 – Р1-2-5А, 9 – Р1-2-10, 10 – Р2-3-2, 11 – Р3-1-1, 12 – Р3-2-1, 13 – Р1-1А-2, 14, 15 – Р2-4-9, 16, 17, 18 – Р3-1-2, 19 – Р1-1-5Г, 20 – Р1-1-3, 21 – Р3-6-9, 22 – Р3-2-6Б.

Рис. 165. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.8: 1–13. 1 – Р-Я1-1, 2 – Ш2-5-2Б, 3 – Р3-2-2, 4 – Р2-Я1-1б, 5 – Р2-3-4А, 6 – Р2-Я1-2б, 7, 8 – Р3-2-1, 9 – Р2-Я1-1а, 10 – Р2-2-2, 11 – Р2-2-1, 12 – Р1-1-3, 13 – Р2-Я1-1б.

Рис. 166. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.9: 1–11. 1 – Р2-1-7, 2 – Р1-Я2-3, 3 – Р1-3-10Б, 4 – Р2-Я1-1а, 5 – Р1-1Б-1, 6 – Р1-Я2-3, 7 – Р3-1-6, 8 – Р1-1-5А, 9 – Р1-3-5В, 10 – Р3-1-1, 11 – Р1-Я2-3.

Рис. 167. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.10: 1–12. 1 – P1-2-5B, 2 – P1-Я2-1, 3 – P1-1-5, 4 – P2-2-1, 5 – P2-Я1-2б, 6 – P1-4-1A, 7 – P1-1-1Б, 8 – P1-2-7, 9 – P3-1-2, 10 – P1-1Б- (2а, 2б), 11 – P2-Я1-3, 12 – P1-1Б-(2а, 2б).

Рис. 168. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.11: 1–13. Тип 1.12: 14–19. 1 – ПМ-2004, 2 – P1-3-2, 3 – Ш2-5-1, 4 – P1-1Б-1б, 5 – P1-Я2-2б, 6 – P2-Я1-1а, 7 – P1-Я2-3, 8 – Ш2-4-2А, 9 – P3-5-5, 10 – P1-Я2-3, 11 – P1-Я2-3, 12 – ПМ-2003, 13 – P1-Я2-3, 14 – P1-3-5А, 15 – Ш2-4-1, 16 – P2-Я1-2б, 17 – P3-3-7, 18 – Ш2-4-2Б, 19 – Ш2-4-1.

Рис. 169. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.1: 1–12. 1 – P1-1-4, 2 – P1-Я2-3, 3 – P1-Я2-3, 4 – P1-2-5Б, 5 – P1-Я2-3, 6 – P1-2-6, 7 – P2-Я2-1, 8 – P1-Я2-3, 9 – P3-4-8, 10 – P2-4-7, 11 – P2-1-1, 12 – P1-3-2.

Рис. 170. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.2: 1–16. 1 – P1-1Б-(2а, 2б), 2 – P2-1-1, 3 – P3-К8, 4 – P1-Я1А-2, 5 – P1-1-5А, 6 – P2-4-4Б, 7 – P1-Я2-3, 8 – P1-3-10, 9 – P1-1-5А, 10 – P1-1Б-(2а, 2б), 11 – ПМ-2004, 12 – P1-1А-2, 13 – P1-1-1, 14 – P1-3-5А, 15 – P1-Я2-3, 16 – P1-Я2-3.

Рис. 171. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.3: 1–9. Тип 2.4: 10–19. 1 – P1-Я2-3, 2 – P1-3-5, 3 – P1-1-1, 4 – P1-3-1, 5, 6 – P2-1-1, 7 – P1-Я2-3, 8 – P2-Я1-1, 9 – P1-3-5, 10 – P1-2-5Б, 11 – P1-3-9, 12 – P1-3-10А, 13 – P1-3-2А, 14 – P1-2-5В, 15 – P1-2-4, 16 – P1-3-1Б, 17 – P2-4-9, 18 – P1-2-5В, 19 – P1-3-10Б.

Рис. 172. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в

формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.5: 1–8. 1 – P1-K4, 2 – P1-Я1А-2, 3 – P1-1-6, 4 – P1-4-1, 5 – P1-Я1А-2, 6 – P1-2-1, 7 – P2-Я1-2б, 8 – P3-3-2.

Рис. 173. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-3). Тип 3.1: 1–4. Тип 3.2: 5–10. 1 – P2-Я2-4, 2 – ПМ-2003, 3 – P2-Я2-4, 4 – P2-Я2-3, 5 – P1-Я2-3, 6 – P1-ЯА1-2, 7 – P2-Я1-3, 8 – P1-1-3А, 9 – Ш2-4-2, 10 – P2-Я1-1.

Рис. 174. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-3). Тип 3.3: 1–11. 1 – Ш2-(5, 6)-1, 2 – ПМ-2004, 3 – P1-1-3, 4 – Ш2-4-1, 5, 6 – P3-2-2, 7 – P1-Я1А-1а, 8 – P2-2-1, 9 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 10 – Ш2-(5, 6)-1, 11 – P2-Я1-3.

Рис. 175. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-3). Тип 3.4: 1–4. Тип 3.5: 5–10. 1 – P1-Я1А-1, 2 – P2-1-7, 3 – P2-3-8, 4 – P3-2-3, 5 – P1-Я2-3, 6 – P2-Я2-3, 7 – P1-3-8, 8 – P2-Я1-1б, 9 – P1-Я2-3, 10 – P1-Я2-3.

Рис. 176. Городище Городок. Венчики и реконструированные верхние части гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-3). Тип 3.6: 1–7. Тип 3.7: 8–12. 1 – P1-1-10А, 2 – P1-Я1В-2, 3 – P2-Я1В-1, 4 – P1-3-3, 5 – 7 – P2-Я2-2, 8 – P1-Я2-3, 9 – P3-1-6, 10 – P3-3-8, 11, 12 – ПМ-2004.

Рис. 177. Городище Городок. Красноглиняные сосуды редких форм и их фрагменты: корчаги (1–3, 5), миски (6–10), кувшин (4). 1 – Ш2-2-1, 2 – P2-Я1-2, 3 – P2-3-8, 4 – Ш2-3-2Б, 5 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 6 – P3-2-1, 7 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 8 – P1-Я2-(2, 2б), 9 – P1-Я1А-1, 10 – P2-Я1-2.

Рис. 178. Городище Городок. Гончарные клейма на фрагментах днищ красноглиняных сосудов с тонкими формовочными массами (1–14). 1 – P1-2-10Б, 2 – P1-2-7, 3 – P1-Я2-3, 4 – P2-Я2-2а, 5 – P2-3-4, 6 – P3-3-6, 7 – P1-2-5А, 8 –

РЗ-2-1А, 9 – РЗ-Я1, 10 – РЗ-3-6, 11 – Р1-Я2-2б, 12 – Р1-3-9, 13 – РЗ-2-5, 14 – РЗ-К8.

Рис. 179. Городище Городок. Гончарные клейма на фрагментах днищ красноглиняных сосудов с примесью частого мелкозернистого песка (6, 8, 9, 11–16), крупнозернистого песка (1), редкой (3–5) и частой (2, 7, 10) дресвы в формовочной массе. 1 – Р1-2-5В, 2 – Р2-Я2-2а, 3 – Р2-4-9, 4 – Р2-Я2-2а, 5 – Р2-Я1-(1а, 1б, 2), 6 – Р2-Я1-1, 7 – РЗ-3-5, 8 – Р1-Я1Б-2а, 9 – Р1-3-3А, 10 – Р2-Я2-2, 11 – Р2-4-4, 12 – Р1-2-10А, 13 – РЗ-3-7, 14 – Р2-Я1-2, 15 – Р1-3-3А, 16 – Р1-Я1Б-1а.

Рис. 180. Городище Городок. Фрагменты венчиков (1–9, 18), стенок (10–17) и днищ (19) красноглиняных ангобированных сосудов без росписи (1–9) и с росписью охрой (10–19). 1 – Р2-2-4, 2 – Р2-4-7, 3 – Р2-1-2, 4 – Р2-3-2, 5 – Р2-1-1, 6 – РЗ-1-4, 7 – Р1-2-2А, 8 – Р1-Я1В-2, 9 – РЗ-5-10, 10 – Р1-3-1, 11 – Р1-3-4, 12 – Р1-1-2А, 13 – Р1-2-3, 14 – Р2-Я1-3, 15 – Р2-3-8, 16 – Р2-2-3, 17 – Р1-2-3, 18 – Р1-1-1, 19 – Ш2-4-1.

Рис. 181. Городище Городок. Фрагменты краснолощённых сосудов. Формовочная масса без визуально-фиксируемых примесей: 1, 6–9, 12–15, 20, 22; с концентрированной примесью мелкозернистого песка (с зерном до 0,5 мм): 2–4, 10, 11, 17–19, 21; с добавкой среднезернистого песка (с зерном до 1 мм): 5, 16. 1 – Р2-Я1-2б, 2 – РЗ-3-1, 3 – Ш2-5-2Б, 4 – Р2-1-4, 5 – РЗ-3-3, 6 – РЗ-2-4, 7 – РЗ-3-7, 8 – РЗ-2-6, 9 – Ш2-1, 10 – Р1-2-2А, 11 – Р1-2-4А, 12 – Р1-Я2-3, 13 – РЗ-3-7, 14 – Р1-2-2А, 15 – Р1-2-2, 16 – Р2-Я1-2б, 17 – Р1-Я2-3, 18 – РЗ-2-6, 19 – Р1-Я2-2, 20 – Р1-Я2-3, 21 – Р1-Я2-3, 22 – РЗ-3-5.

Рис. 182. Городище Городок. Фрагменты краснолощённых сосудов. Формовочная масса без визуально-фиксируемых примесей: 2, 3, 6, 7; с концентрированной примесью мелкозернистого песка (с зерном до 0,5 мм): 1, 4; с добавкой среднезернистого песка (с зерном до 1 мм): 5. 1 – Р2-Я2-2а; Р2-Я1-(1, 1а); Р2-(1–3)-(3–7), 2 – Р1-2-5Б, 3 – Р1-2-10А, 4 – РЗ-3-7, 5 – РЗ-4-10, 6, 7 – Р1-Я2-3.

Рис. 183. Городище Городок. Реконструированные формы белоглиняных сосудов без примесей в формовочной массе и их фрагменты. Горшки: 1–11.

Крышкообразные сосуды и кувшины: 12–22. Миски: 23. 1 – P1-2-10А, 2 – P2-Я1-2, 3 – P1-Я2-3, 4 – P2-Я1-2, 5 – P1-2-9, 6 – P2-3-(2, К6), 7 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 8 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 9 – P2-Я1-2, 10 – P2-Я1-3, 11 – P2-Я1-3, 12 – P1-3-10Б, 13 – P3-4-8, 14 – P2-Я2-1, 15 – P3-2-5, 16 – P3-4-9, 17 – P3-4-9, 18 – P3-4-9, 19 – P3-4-9, 20 – P1-3-10Б, 21 – P3-4-9, 22 – P1-Я2-1, 23 – P2-Я2-1.

Рис. 184. Городище Городок. Венчики белоглиняных сосудов без примесей (1–29) и с крупнозернистыми добавками (30–38) в формовочной массе. Примесь песка: 30–32. Примесь дресвы: 33–38. 1 – P1-Я2-3, 2 – P3-Я2, 3 – P2-Я1-1а, 4 – P1-Я2-3, 5 – P3-Я2, 6 – P2-Я1-3, 7 – P2-2-1Б, 8 – P2-Я1-3, 9 – P3-2-2, 10 – ПМ-2003, 11 – P2-Я9, 12 – P2-Я1-2б, 13 – P1-Я2-1, 14 – P2-Я1-3, 15 – P3-4-9, 16 – ПМ-2003, 17 – P1-1-3, 18 – Ш2-2-2Б, 19 – Ш2-Я1, 20 – P2-Я1-1, 21 – P3-3-2, 22 – P2-3-4Б, 23 – P2-Я1-1, 24 – P2-Я1-3, 25 – P2-Я1-1, 26 – P1-1-5, 27 – ПМ-2004, 28 – P1-Я2-1, 29 – P2-Я1-1а, 30 – Ш2-6-2В, 31, 32 – ПМ-2004, 33 – P3-2-5, 34 – P3-2-4, 35 – P3-2-1, 36 – Ш2-2-2, 37 – P2-Я1-1, 38 – P3-3-2.

Рис. 185. Городище Городок. Венчики белоглиняных сосудов с частой примесью мелкозернистого песка в формовочной массе (подгруппа V-2).

1 – P2-Я9; 2, 3, 4 – Ш2-Я1; 5 – P3-3-7, 6 – P3-2-1Б, 7 – P3-3-5, 8 – P3-6-9, 9 – Ш2-2-2, 10 – P1-3-5В, 11 – P1-3-2А, 12 – P1-Я2-1, 13 – P1-Я2-1, 14 – P1-Я1А-2; 15, 16 – P1-3-10Б; 17 – P1-3-3А, 18 – P2-Я1-2б, 19 – P3-2-1Б, 20 – ПМ-2004, 21 – Ш1-Я1, 22 – P3-3-6, 23 – P3-6-9, 24 – P3-2-6Б, 25 – P3-2-10, 26 – P3-2-1Б, 27 – P3-4-2, 28 – P1-Я2-1.

Рис. 186. Городище Городок. Гончарные клейма на фрагментах днищ белоглиняных сосудов с тонкими формовочными массами (подгруппа V-1: 1–6, 11) и с частой примесью мелкозернистого песка (подгруппа V-2: 7–10).

1 – P1-3-5, 2 – P1-Я2-1, 3 – P1-4-1, 4 – P1-Я2-1, 5 – P2-4-4Б, 6 – P2-Я1-1а, 7 – Ш2-6-2А, 8 – Ш2-5-1, 9 – P2-Я1-1а, 10 – P1-Я1Б-2а, 11 – P3-4-10.

Рис. 187. Городище Городок. Ангобированный сосуд из смеси красно- и беложгущихся глин (1) и венчики (2–14) белоглиняных сосудов с примесью песка в формовочной массе (подгруппа V-3). 1 – P1-Я2-3, 2 – P1-Я2-3, 3 – P3-3-

10, 4 – P1-Я1Б-1, 5 – P3-3-4, 6 – P3-К8, 7 – P1-2-2, 8– P1-Я2-2, 9 – P2-4-6, 10 – P1-2-3, 11 – P3-3-16, 12 – P3-4-8, 13 – P1-Я1А-2, 14 – P3-К8.

Рис. 188. Городище Городок. Фрагменты поливных сосудов из обычного глинистого сырья (8–23), кашина (1–6), фарфора (7). 1 – P1-Я2-1, 2 – P2-Я1-1, 3 – P2-Я2-2, 4 – P2-Я2-3, 5 – P2-Я2-3, 6 – P2-Я2-3, 7 – P1-2-5В, 8– P1-2-2, 9 – P1-3-2А, 10 – P1-1-10, 11 – P1-3-5Д, 12 – Ш2-Я1, 13 – P1-Я2-2б, 14 – P1-1-10, 15 – P1-Я2-2, 16 – P1-К4, 17 – P2-Я10-2, 18 – P3-5-10, 19 – P1-2-2, 20 – P1-1-5, 21 – P1-2-9, 22 – P1-Я2-2, 23 – P2-К6.

Рис. 189. Нижний Новгород. План по матерiku раскопа 1 в Крутом переулке (Грибов, 1999 г.). 1 – сооружения второй половины XIII – начала XV вв.; 2 – сооружения XVI в.

Рис. 190. Нижний Новгород. План разновременных сооружений на раскопах в нижней части кремля на месте храма Святого Симеона Столпника середины XVIII в. (Т.А. Марьёнкина, Н.Н. Грибов, А.И. Письмаркина, 2018, 2019 гг.).

Рис. 191. Материалы археологических наблюдений при строительстве подземного перехода на пл. Минина (В.Ф. Черников, 1980): I – ситуационный план, II – находки из перекрывающего материк средневекового слоя (1–4 венчики керамических сосудов) и ямы, откопанной с уровня материка (6 – фрагмент стеклянного браслета, 5 – фрагмент костяной муфты от рукоятки ножа), III – стратиграфия северного борта и неполный разрез восточного бортов котлована (1 – дорожное покрытие; 2 – слой с щепой; 3 – известь и фрагменты кирпичей; 4 – неоднородный по составу грунт выброса из кремлёвского рва; 5 – городской средневековый культурный слой).

Рис. 192. Нижний Новгород. Перерыв в формировании городского культурного слоя, зафиксированный в нижней части кремля в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника (Марьёнкина Т.А., Грибов Н.Н., Письмаркина А.И., 2018, 2019 гг.). 1 – расположение раскопанной площадки на плане кремля; 2 – общая стратиграфическая ситуация (юго-восточный борт дополнительного разреза на раскопе 1 2018 г.); 3 – монастырский некрополь

XVII–XVIII вв., вид с северо-востока; датирующие находки из горизонта, перекрывающего средневековые отложения: 4, 5 – медные пулы конца XV – XVI вв.; 6 – фрагмент белокаменной могильной плиты; 7–10 – бронзовые нательные кресты; фрагменты керамических сосудов – красноглиняного ангобированного (11), краснолощёного (12), белоглиняных (13–17).

Рис. 193. Карта селищ Березополя с материалами середины XV – XVI вв. (типы 2–5). Номера памятников даны по каталогу (приложение 3). 1 – селища без материалов середины – второй половины XV в.; 2 – селища с материалами середины – второй половины XV в.

Рис. 194. Керамика и отдельные находки с нижегородских селищ: А – с. Ефимьево-6, Б – с. Воронцово-1, В – с. Кудрёшки-2, Г – п. Крутец-1, Д – с. Кудрёшки-3, Е – с. Бурцево-2, Ж – с. Богородск-4. Керамика *красноглиняная* с примесью дресвы или среднезернистого песка: А, 1–3; Б, 1–4; В, 5–10; Г; с примесью мелкозернистого песка или с тонким тестом: В, 2–4; Д, 1, 2; *белоглиняная* с тонким тестом: Б, 5–8; В, 11–25; Д, 3, 4; Е, 1–9; с примесью дресвы: Б, 4; *чёрнолощёная*: В, 26; *кирпично-красная с белым ангобом*: Ж, 1–4; *красноглиняная тонкая с прозрачной поливой*: Ж, 5–11. Материалы с. Бурцево-2 и п. Крутец-1 предоставлены Аникиным И.С.

Рис. 195. Поселение Ольгинское. План памятника (А) и подъёмный материал (Б). Находки: 1 – нож; 2 – кресало; 3 – дужка от замка; 4 – подковка; 5 – наконечник стрелы; 6 – светец; 7 – резец по дереву (ложжарь); 8 – фрагмент стенки кашинного сосуда; 9–11 – пряслица; 12 – фрагмент расписной игрушки (колокольчика). Железо: 1–7. Кашин: 8. Керамика: 9–12.

Рис. 196. Поселение Ольгинское. Образцы гончарной керамики из подъёмного материала. *Красноглиняная* с примесью дресвы или среднезернистого песка: 1–49; с частой примесью мелкозернистого песка: 50, 51. *Чёрнолощёная*: 52–55. *Краснолощёная*: 56. *Белоглиняная* с тонким тестом: 58–62, с частой примесью крупнозернистого песка: 57; с примесью мелкозернистого песка: 63. *Кирпично-красная с белым ангобом*: 64–68.

Рис. 197. Карта поселений Нижегородской округи XIII–XVIII вв. Номера памятников даны по каталогу (приложение 3). Площадь: 1 – 0,1–0,7 га; 2 – 0,8–1,6 га; 3 – 1,8–5 га; 7 – размеры не определены. Датировка: 4 – XIII – начало XV вв.; 5 – середина XV – начало XVI вв.; 6 – XVI–XVIII вв.

Рис. 198. Нижегородский кремль. А – Дмитриевская башня до реконструкции 1896 г. Б – Коромыслова башня (фото 2009 г.).

Рис. 199. Опорный комплекс второй четверти XIII – начала XIV вв. Нижний Новгород, кремль, раскоп 1 2018 г. (Н.Н. Грибов) на месте храма Святого Симеона Столпника, слои 9а и 7в. Стратиграфический контекст (по западному борту раскопа).

Рис. 200. Опорный комплекс второй четверти XIII – начала XIV вв. Нижний Новгород, кремль, раскоп 1 2018 г. на месте храма Святого Симеона Столпника, слои 9а и 7в. Датировочные находки: 1 – писало, 2 – кресало, 3 – замок, 4–27 – фрагменты браслетов. Железо: 1–3. Стекло: 4–27.

Рис. 201. Опорный комплекс второй четверти XIII – начала XIV вв. Нижний Новгород, кремль, раскоп 1 2018 г. на месте храма Святого Симеона Столпника, слои 9а и 7в. Венчики от выделенных красноглиняных сосудов (1–114).

Рис. 202. Опорный комплекс второй четверти XIII – начала XIV вв. Нижний Новгород, кремль, раскоп 1 2018 г. на месте храма Святого Симеона Столпника, слои 9а и 7в. Венчики от выделенных красноглиняных (115–219) и белоглиняного (210) сосудов.

Рис. 203. Опорный комплекс первой половины – середины XIV в. Селище Ближнее Константиново-1, раскоп 5 (1998 г.), яма 30. План по матерiku и разрез. 1–6 – слои 1–6; *а* – переотложенный грунт почвенного горизонта А1А2, *б* – переотложенный грунт почвенного горизонта А2, *в* – переотложенный материковый суглинок, *г* – материк, *д* – тонкая прослойка древесного тлена, *е* – слоеватый суглинок, *ж* – уголь, *з* – мелкораспылённый древесный тлен, *и* – прослойка углей, *к* – тёмно-серый суглинок, *л* – щепа, *м* – органика.

Рис. 204. Опорный комплекс первой половины – середины XIV в. Селище Ближнее Константиново-1, раскоп 5 (1998 г.), яма 30, слои 4–6 и придонные прямки. Датирующие находки (1–7), реконструированные сосуды (10–12), верхние части сосудов (8, 9). 1 – булавка, 2 – пружина от нутряного замка, 3–6 – фрагменты стеклянных браслетов, 7 – иконка-привеска. Железо: 1, 2. Бронза: 7. Стекло: 3–6. Керамика: 8–12.

Рис. 205. Опорный комплекс первой половины – середины XIV в. Селище Ближнее Константиново-1, раскоп 5 (1998 г.), яма 30, слои 4–6 и придонные прямки. Венчики от выделенных сосудов (1–136).

Рис. 206. Опорный комплекс второй половины XIV – начала XV вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке (Н.Н. Грибов, 1999 г.). План (А) и разрез (Б) ямы 19. 1 – верхний горизонт; 2 – средний горизонт; 3 – нижний горизонт; 4 – материк; 5 – тонкая прослойка древесного тлена; 6 – грунт с развитой микрослоистостью; 7 – древесный уголь; 8 – мелкораспылённый древесный тлен; 9 – прослойка погребённой дерновины; 10 – развал глинобитной печи.

Рис. 207. Опорный комплекс второй половины XIV – начала XV вв. Нижний Новгород. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 19 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Находки из нижнего горизонта: 1–3 – ножи; 4 – рамка от пряжки; 5, 6 – ключи; 7 – фрагмент лезвия топора; 8 – скоба; 9 – гвоздь; 10, 11 – монеты; 12 – фрагмент серьги с бусиной; 13 – колечко; 14 – кость со следами обработки; 15 – кочедык; 16 – иконка; 17–19 – фрагменты браслетов. Железо: 1–9. Серебро: 10, 11. Бронза: 13. Бронза+стекло: 12. Кость: 14. Камень: 16. Стекло: 17–19.

Рис. 208. Опорный комплекс второй половины XIV – начала XV вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 19 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Керамика из нижнего горизонта.

Рис. 209. Опорный комплекс второй половины XIV – начала XV вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 19 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Венчики красноглиняных сосудов из нижнего горизонта (1–51).

Рис. 210. Опорный комплекс второй половины XIV – начала XV вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 19 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Венчики красноглиняных сосудов из нижнего горизонта (1–31).

Рис. 211. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). План (А) и разрез (Б) ямы 20. 1 – верхний слой; 2 – средний слой; 3 – нижний слой; 4 – древесный уголь; 5 – материк.

Рис. 212. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Находки из заполнения: 1 – ключ; 2–4 – ножи; 5 – грузик; 6–10 – игрушки. Верхний слой: 2–4, 7. Средний слой: 6, 8, 9. Нижний слой: 1, 5, 10. Железо: 1, 2, 4. Железо+кость: 3. Свинец: 5. Керамика: 6–10.

Рис. 213. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Находки из нижнего слоя: 1 – пластина от чернолощёного кумгана; 2 – фрагмент стенки белоглиняного сосуда с примесью песка; 3 – белоглиняный горшок с тонким тестом.

Рис. 214. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Белоглиняные горшки с тонким тестом из нижнего слоя (1, 2).

Рис. 215. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Венчики белоглиняных сосудов с тонким тестом из нижнего слоя (1–45).

Рис. 216. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Красноглиняные горшки с примесью редкой дресвы в тесте из нижнего слоя. Ангобированный: 1, без ангоба: 2.

Рис. 217. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Венчики

красноглиняных сосудов с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (1, 2, 7–11, 13–15, 19, 20), дресвы (3–6, 12, 16–18) из нижнего слоя.

Рис. 218. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Венчики краснолощённых сосудов из нижнего слоя ямы 20 (1–8) и краснолощённый кувшин из канавки 1 (9).

Рис. 219. Опорный комплекс середины – второй половины XVI в. Нижний Новгород, раскоп на ул. Октябрьской у дд. 11а, 13 (Долгополов С.В., 2016, работы Костромской археологической экспедиции под руководством А.В. Новикова). Яма 61: план по матерiku (А), разрез (Б: 1–4 – слои 1–4, а – прослойка углей, б – отдельные угли, в – материк, г – переотложенный материковый грунт), датирующие находки из слоёв 2 и 3 (В: 1 – железный наконечник стрелы; 2, 3 – железные ножи; 4 – медное пуло; 5 – серебряная денга Ивана IV).

Рис. 220. Опорный комплекс середины – второй половины XVI в. Нижний Новгород, раскоп на ул. Октябрьской у дд. 11а, 13 (Долгополов С.В., 2016, работы Костромской археологической экспедиции под руководством А.В. Новикова), яма 61, слои 2 и 3. Керамика: белоглиняная (А), красноглиняная ангобированная (Б).

Рис. 221. Опорный комплекс середины – второй половины XVI в. Нижний Новгород, раскоп на ул. Октябрьской у дд. 11а, 13 (Долгополов С.В., 2016, работы Костромской археологической экспедиции под руководством А.В. Новикова), яма 61, слои 2 и 3. Керамика: красноглиняная без ангоба, лощения и поливы (А), чернолощёная (Б), краснолощёная (В).

Приложение 6
Альбом иллюстраций

Рис. 1. Вид на устье р. Оки. Вид с северо-запада (с высоты птичьего полёта).

Рис. 2. Вид на исторический центр (кремль) г. Нижнего Новгорода с юго-востока (с высоты птичьего полёта).

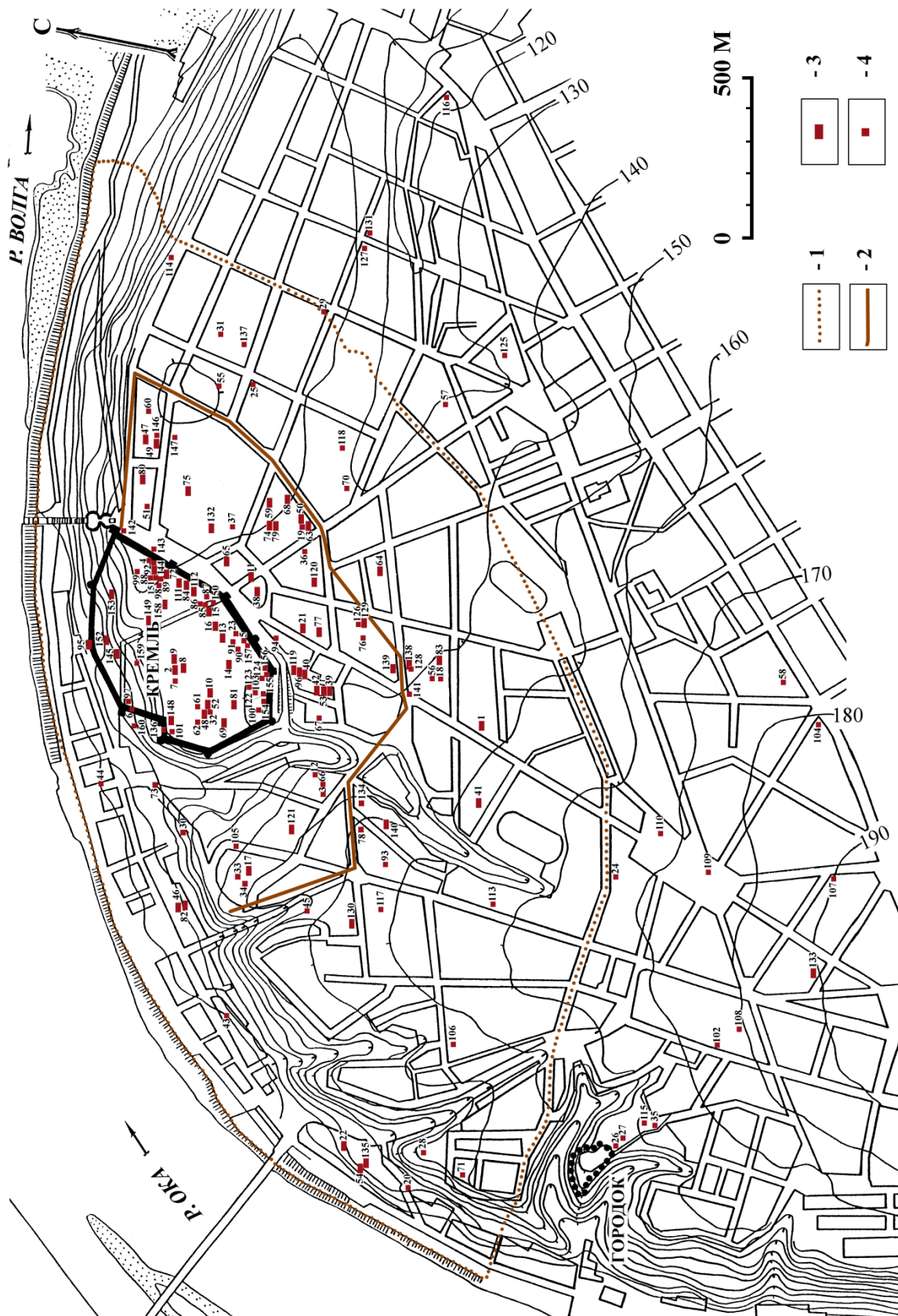

Рис. 3. Раскопы и шурфы в исторической части г. Нижнего Новгорода (1877–2021 гг.).
 Номера объектов соответствуют списку в приложении 1. 1, 2 – линии посадских укреплений Большого или Нового (1) и Малого или Старого (2) острогов; реконструкция И.А. Кирьянова (1961); 3 – раскопы; 4 – шурфы.

Рис. 4. Места проведения археологических наблюдений в исторической части г. Нижнего Новгорода (1929–2014 гг.).
 Номера объектов соответствуют списку в приложении 2. 1, 2 – линии посадских укреплений Большого (1) и Малого (2) острогов;
 3, 4 – обследованные строительные объекты: котлованы, небольшие (3) и протяжённые траншеи (4); 5 – места сбора подъёмного материала.

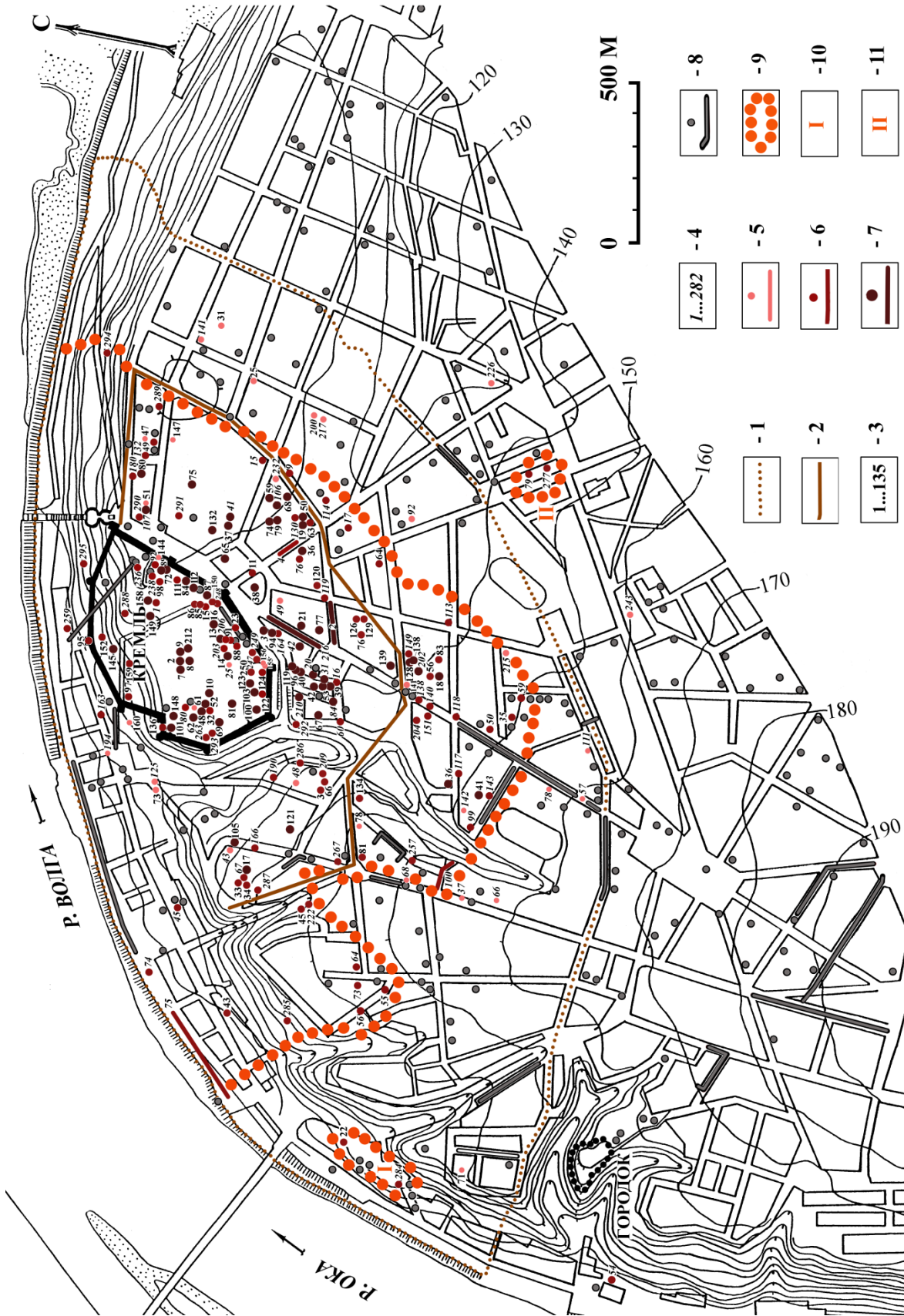

Рис. 5. Нижний Новгород. Места находок и сооружений XIII – начала XV вв.

1, 2 – укрепления Большого (1) и Малого (2) островов; места раскопов и шурфов (3), наблюдений и сборов подвѣнного материала (4); 5–7 – объекты с единичными (5) и массовыми (6) находками средневековой керамики и другого инвентаря (7); 8 – без следов средневекового освоения; 9–11 – граница территории средневекового освоения, тяготеющая к Нижнему Новгороду; пригородные поселения: Благовещенский монастырь (10) и селище в пер. Ткачёва (11).

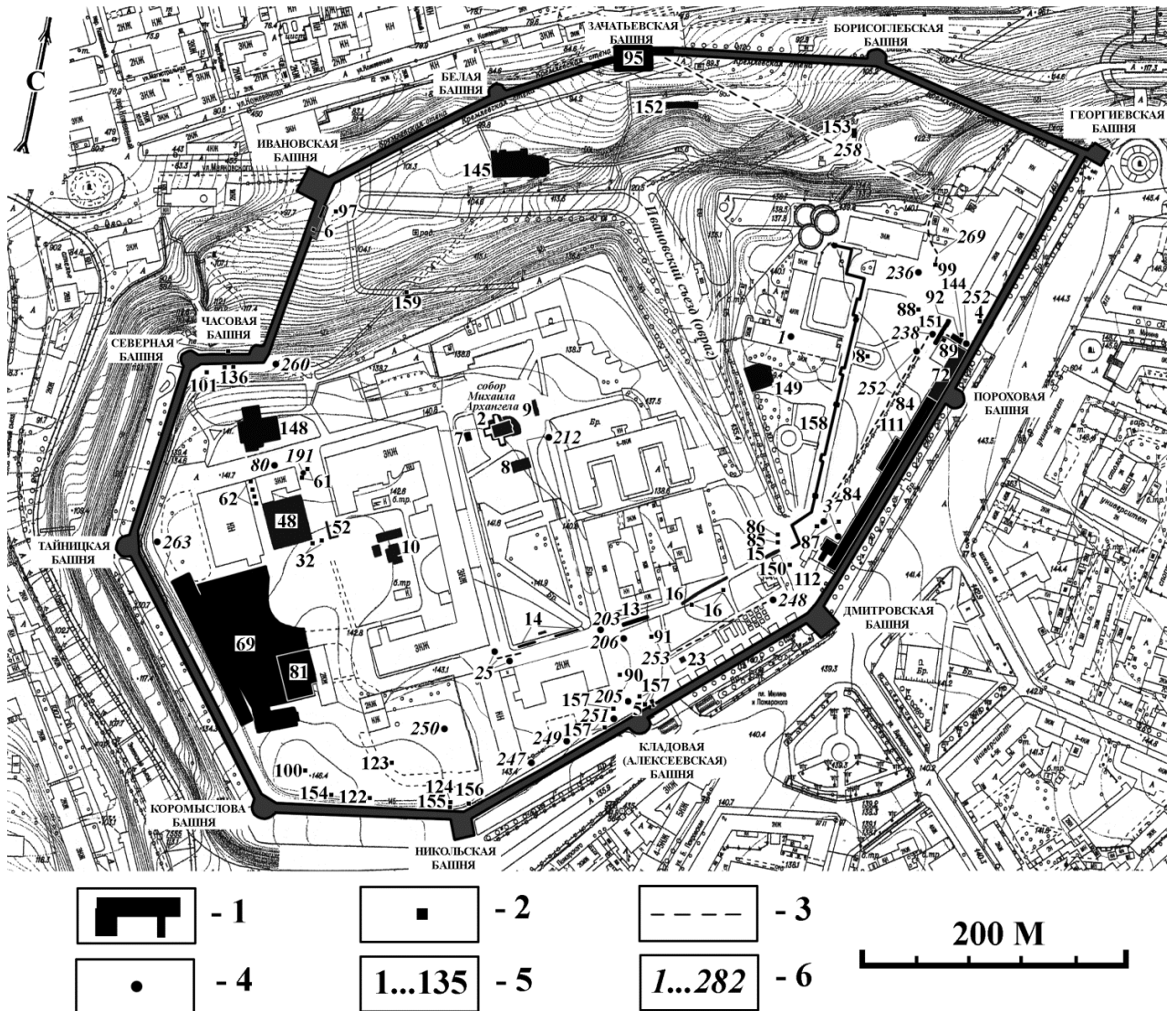

Рис. 6. Археологические исследования в Нижегородском кремле. 1 – наиболее крупные раскопанные участки; 2 – малометражные шурфы (без соблюдения формы и масштаба); 3, 4 – наблюдения на строительных объектах – траншеях (3) и котлованах (4); 5, 6 – учётные номера мест заложения раскопов и шурфов (5), проведения наблюдений и сборов подъёмного материала (6) (см. приложения 1, 2).

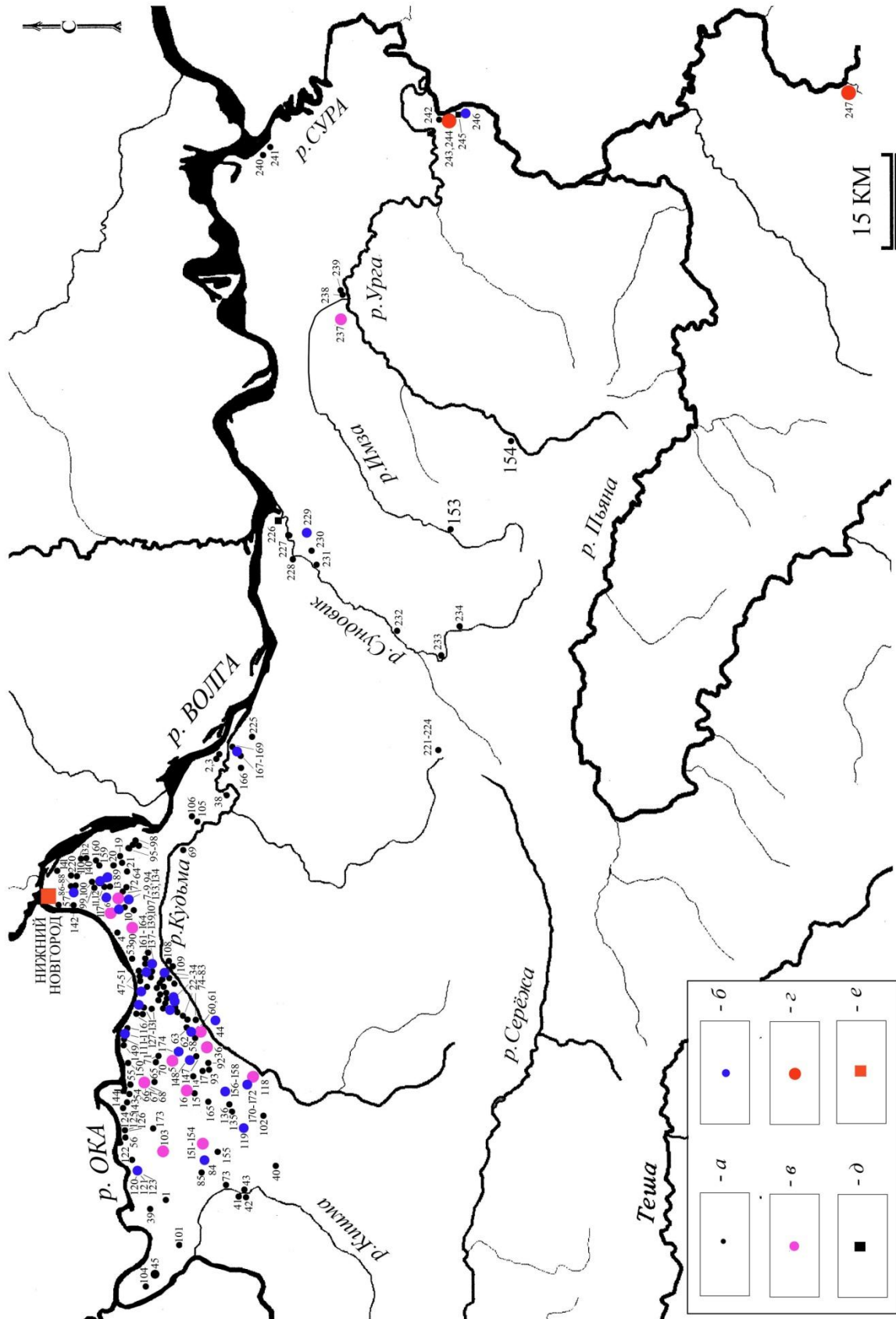

Рис. 7. Карта поселений Нижегородской области XIII – начала XV вв. Селища с размерами: а – до 0,7 га и с неопределимой площадью; б – 0,74–2,1 га; в – 2,3–6,3 га; г – 16,5–19,3 га. Городища: д. Город; е. Номера памятников даны по каталогу (приложение 3).

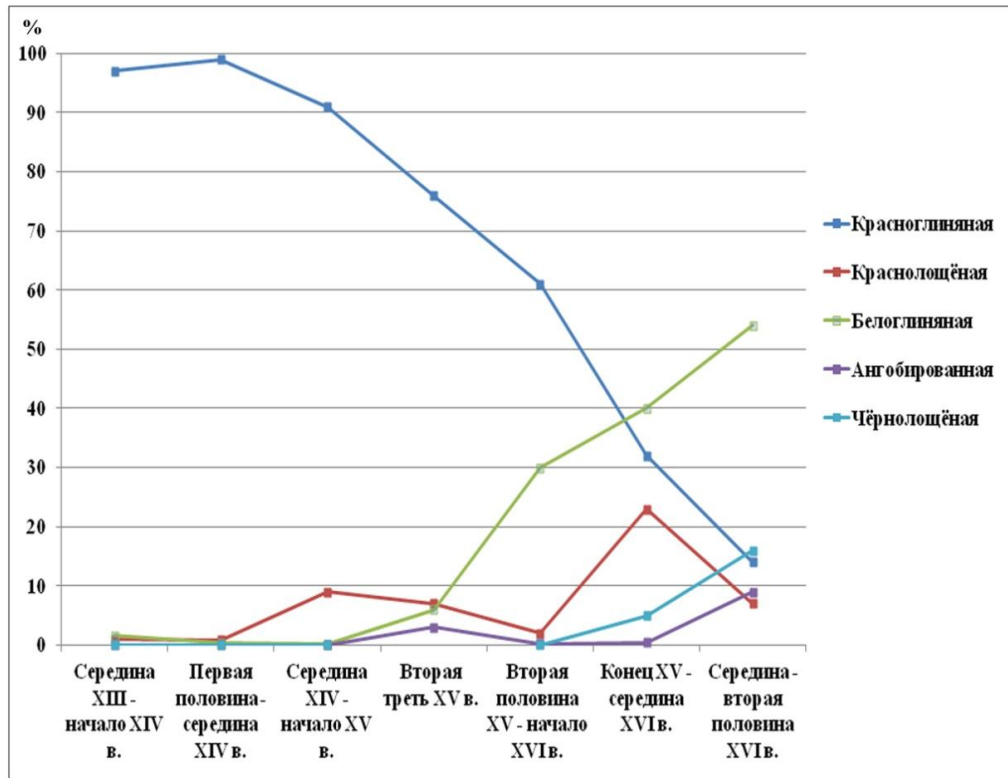

Рис. 8. Соотношение образцов разных стилистико-технологических групп керамики в нижегородских комплексах XIII – XVI вв. Диаграмма построена по данным опорных комплексов (см. приложение 4).

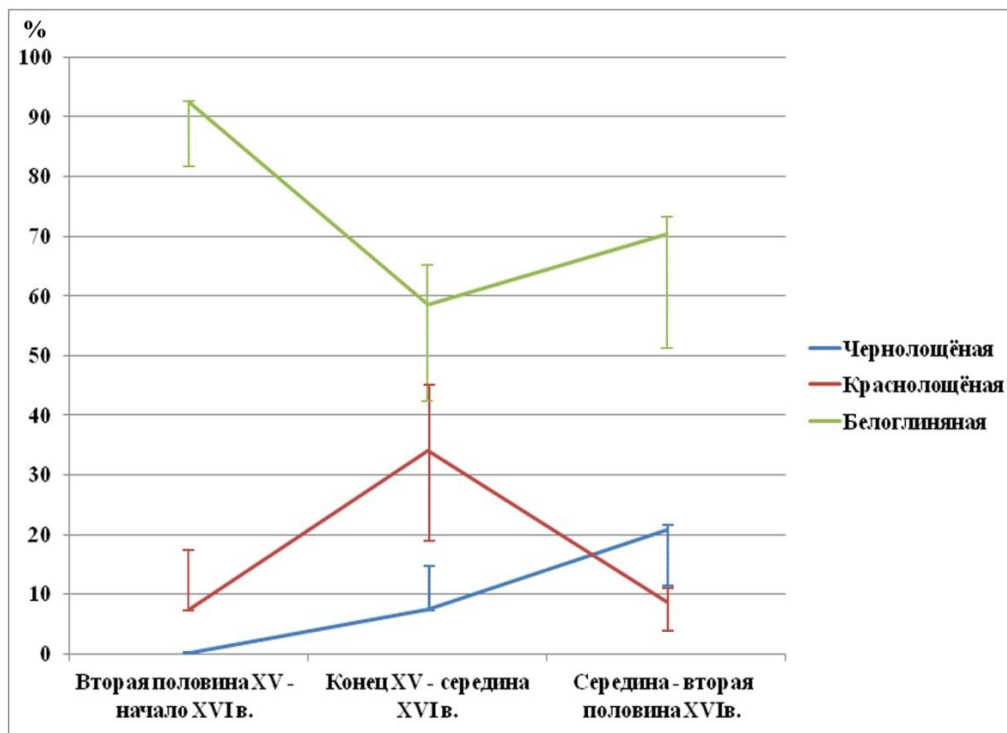

Рис. 9. Проверка статистической устойчивости соотношений образцов трёх доминирующих стилистико-технологических групп керамики в нижегородских комплексах второй половины XV – XVI вв. Диаграмма построена по данным совокупности комплексов, сходных по составу с опорными (см. приложение 4).

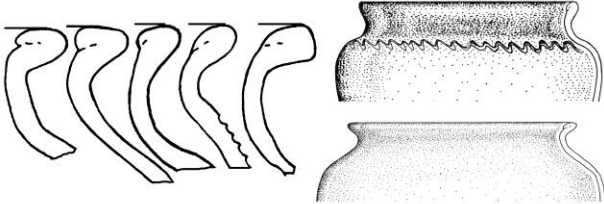
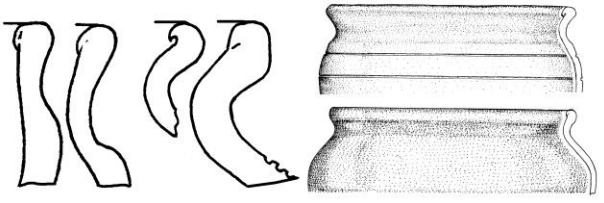
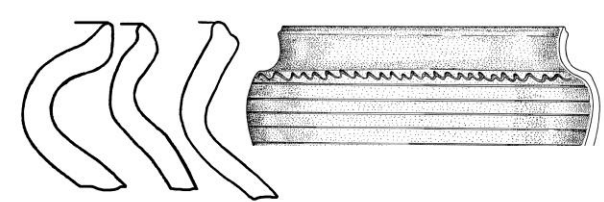
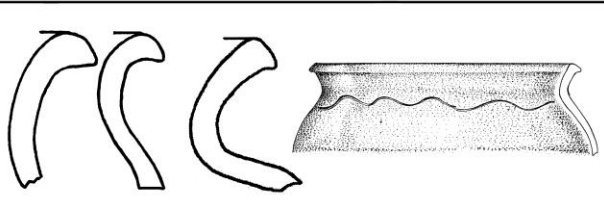
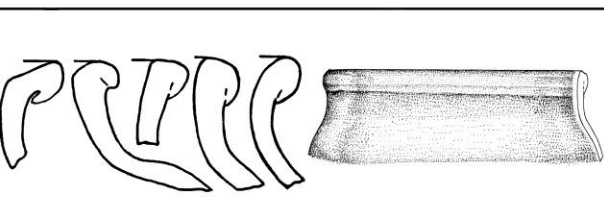
№	Т И П Ы	вт. четв. XIII в. - начало XIV вв.	конец XIII - середина XIV вв.	середина XIV - начало XV вв.
1		19,8%	25,5%	33,1%
2		8,5%	8,5%	5,6%
3		3,0%	6,0%	2,1%
4		1,2%	5,3%	2,3%
5		5,5%	6,8%	3,1%

Рис. 10. Типы венчиков керамических сосудов из Нижнего Новгорода и памятников его округи, имеющих «широкую» датировку в пределах всего промежутка XIII – начала XV вв. и их доля (встречаемость) в разновременных комплексах (в процентах от 1921 сосуда).

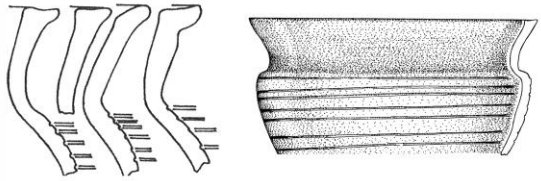
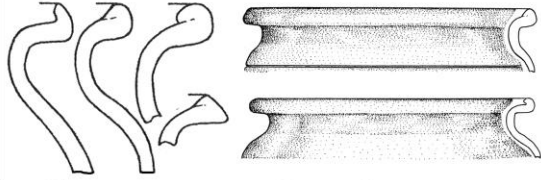
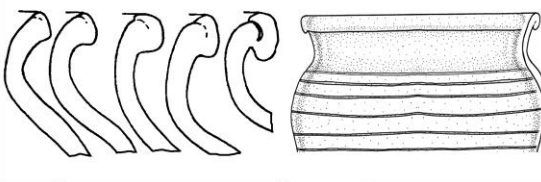
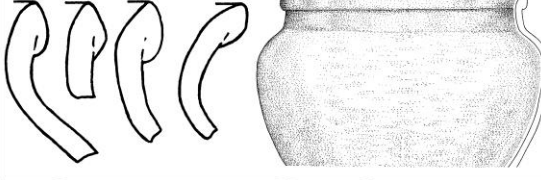
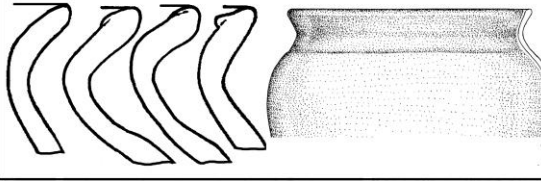
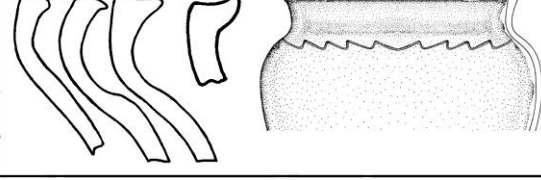
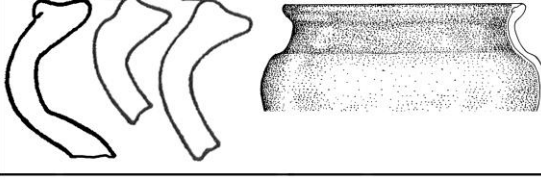
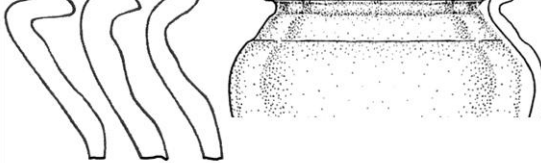
№	ТИПЫ	Вг. четв. XIII в. - начало XIV вв.	Конец XIII - середина XIV вв.	Середина XIV - начало XV вв.
6		0,7%	0,3%	0,0%
7		19,4%	6,3%	1,0%
8		24,0%	6,9%	3,8%
9		3,8%	10,0%	1,0%
10		1,7%	3,8%	12,0%
11		1,2%	2,7%	7,8%
12		1,1%	3,4%	7,4%
13		0,0%	0,0%	0,7%

Рис. 11. Типы венчиков керамических сосудов из Нижнего Новгорода и памятников его округи, имеющих «узкую» датировку в пределах XIII – начала XV вв. и их доля (встречаемость) в разновременных комплексах (в процентах от 1921 сосуда).

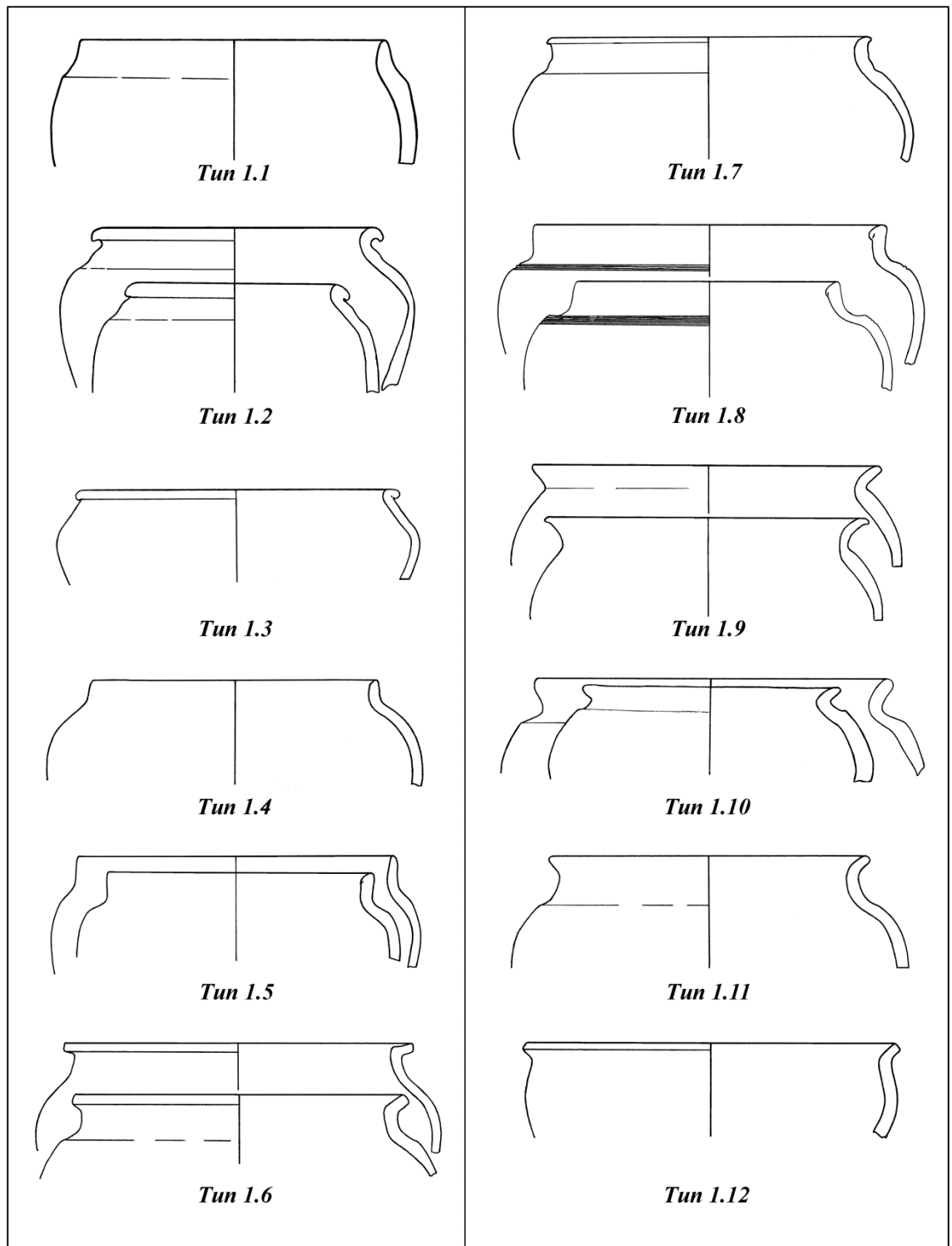

Рис. 12. Типы венчиков красноглиняных керамических сосудов середины XV – начала XVI вв. без примеси дресвы в тесте (по материалам городища Городок). Подгруппа II-1: типы 1.1–1.12.

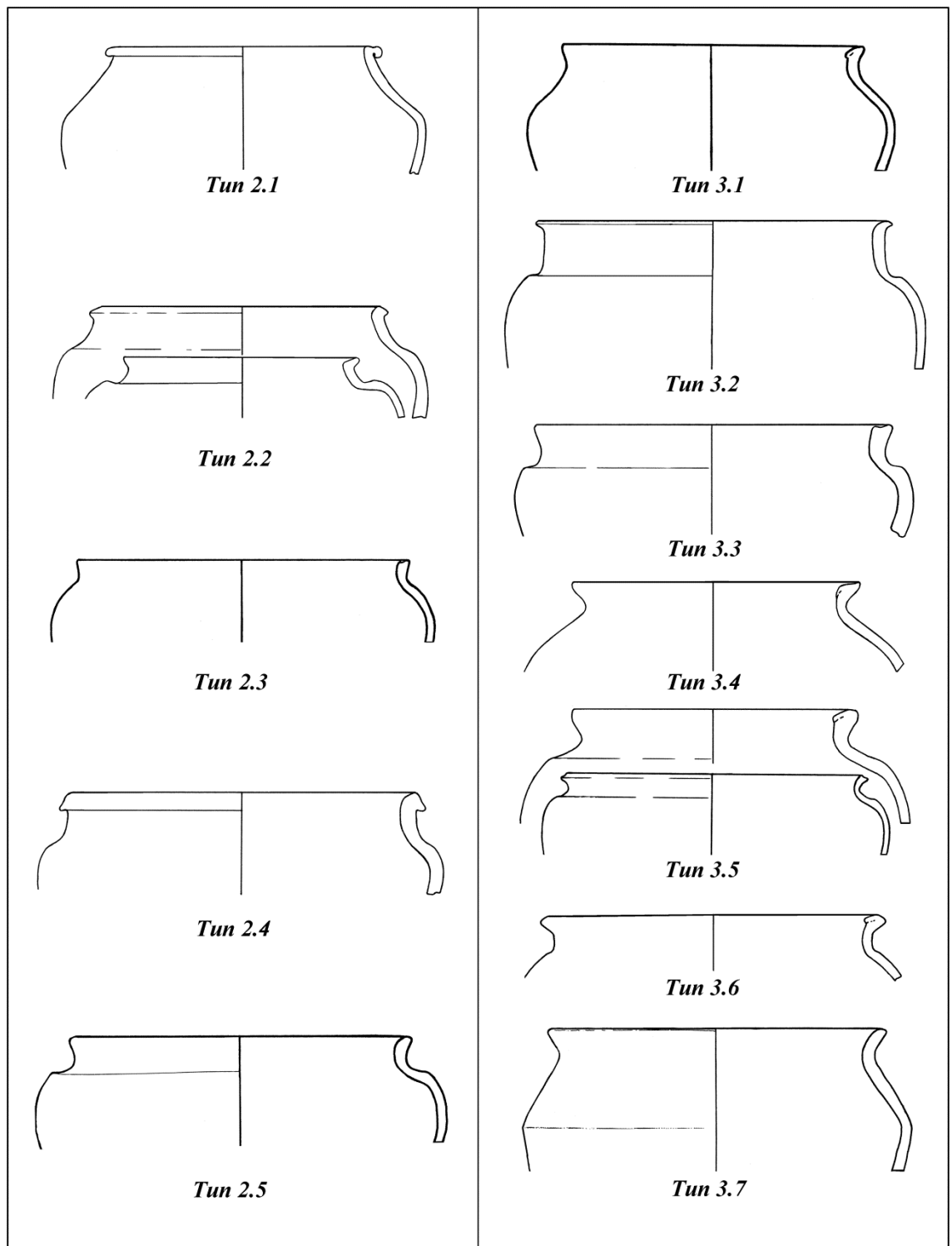

Рис. 13. Типы венчиков красноглиняных керамических середины XV – начала XVI вв. с преобладанием редкой дресвы (подгруппа II-2) и частой крупнозернистой примеси (подгруппа II-3) в формовочной массе (по материалам городища Городок). Подгруппа II-2: типы 2.1–2.5. Подгруппа II-3: типы 3.1–3.7.

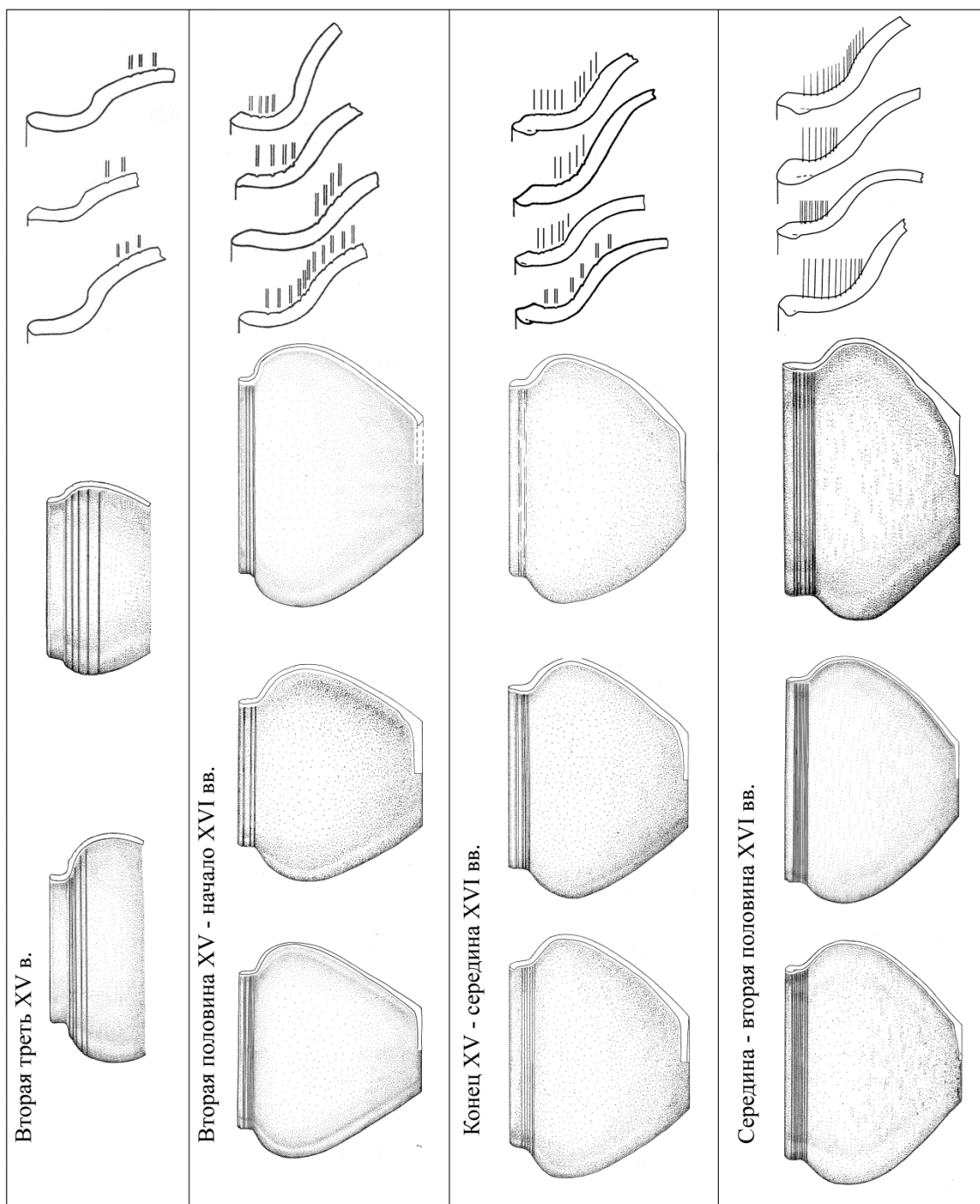

Рис. 14. Эволюция профилировки белоглиняных горшков коломенского типа в промежутке середины XV – XVI вв. (по материалам нижегородских опорных комплексов, приложение 4).

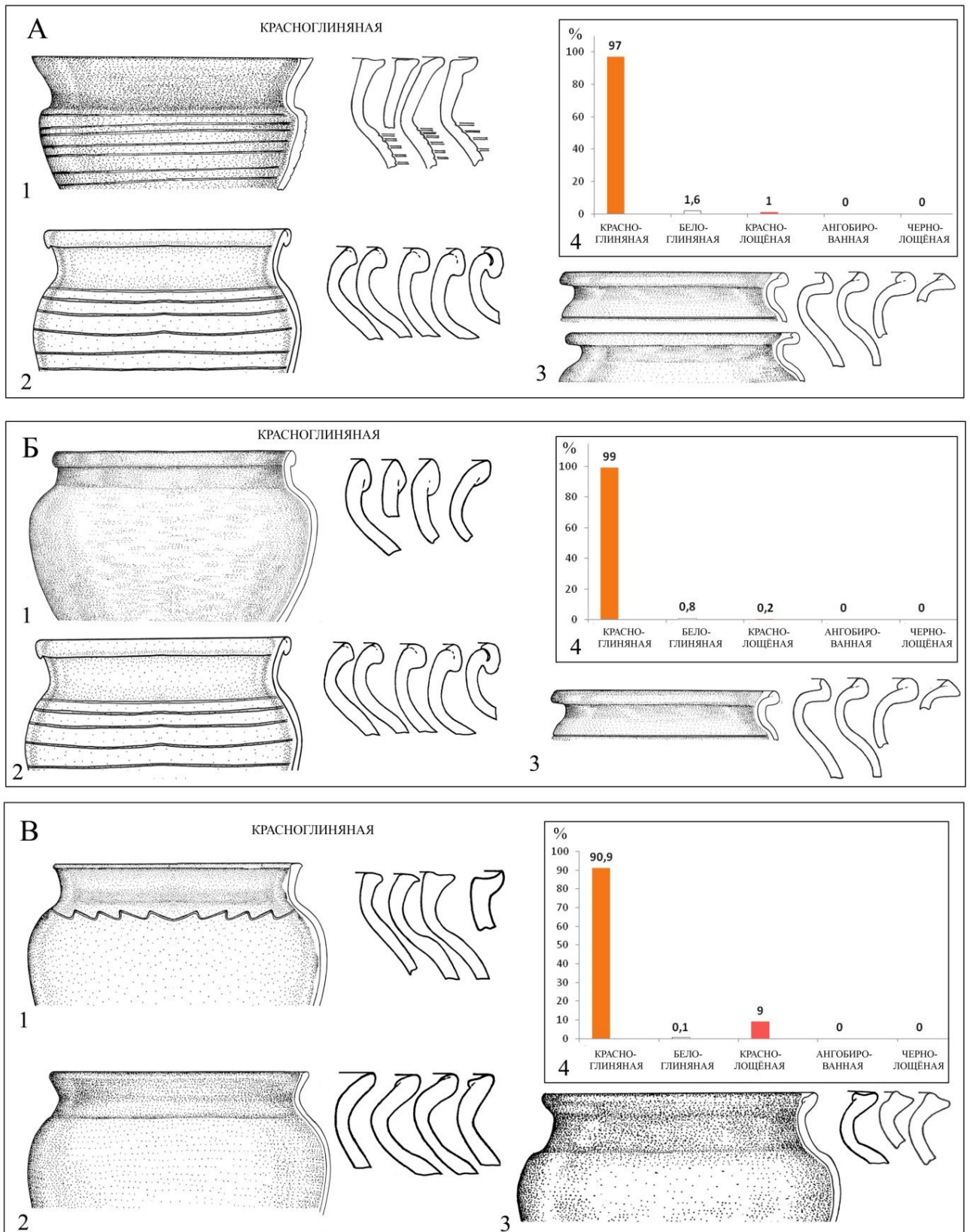

Рис. 15. Датирующие типы сосудов и соотношение стилистико-технологических групп в нижегородских керамических комплексах второй четверти XIII – начала XIV вв. (А), первой половины – середины XIV в. (Б), второй половины XIV – начала XV вв. (В).

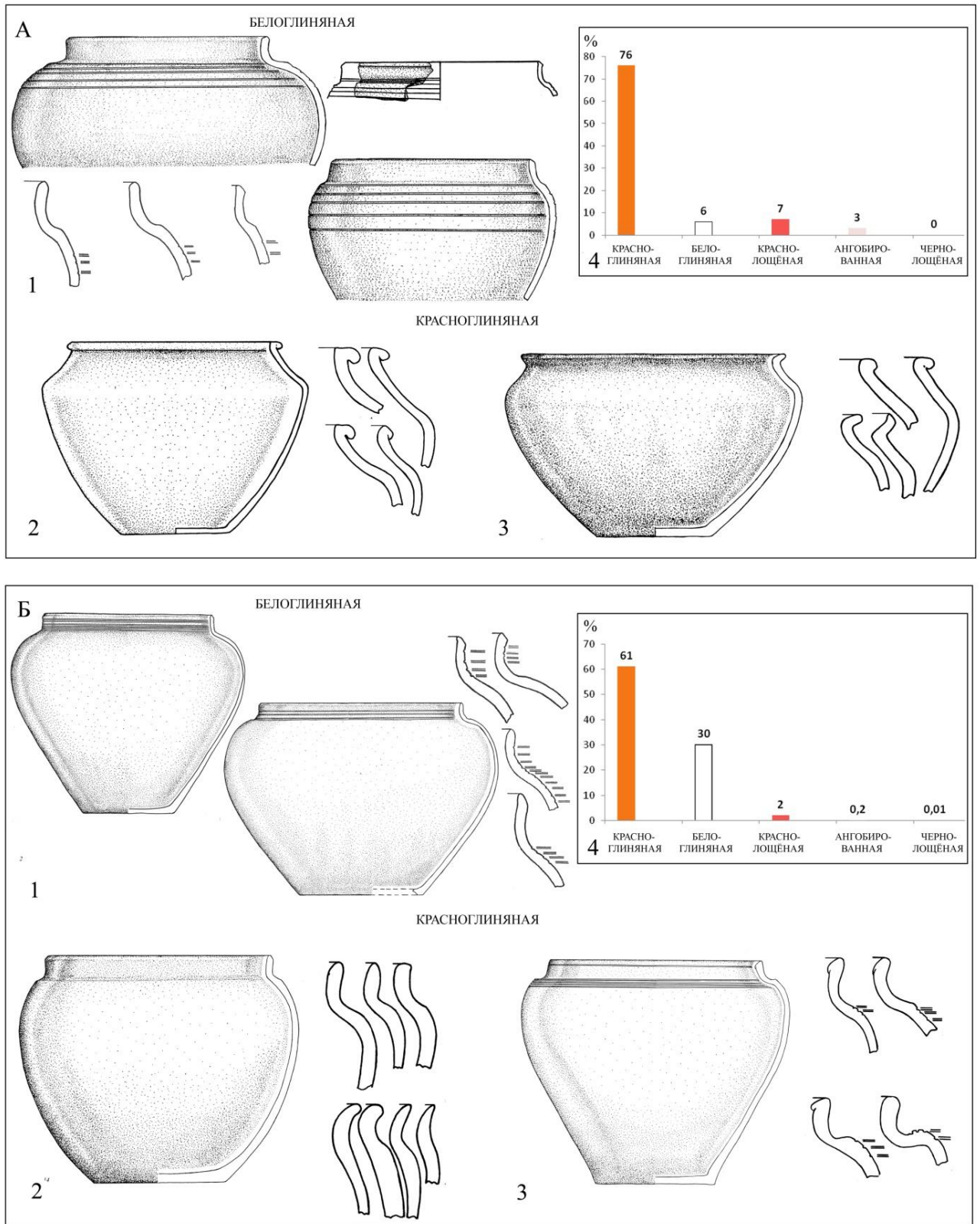

Рис. 16. Датирующие типы сосудов и соотношение стилистико-технологических групп в нижегородских керамических комплексах второй трети (середины) XV в. (А) и второй половины XV – начала XVI вв. (Б).

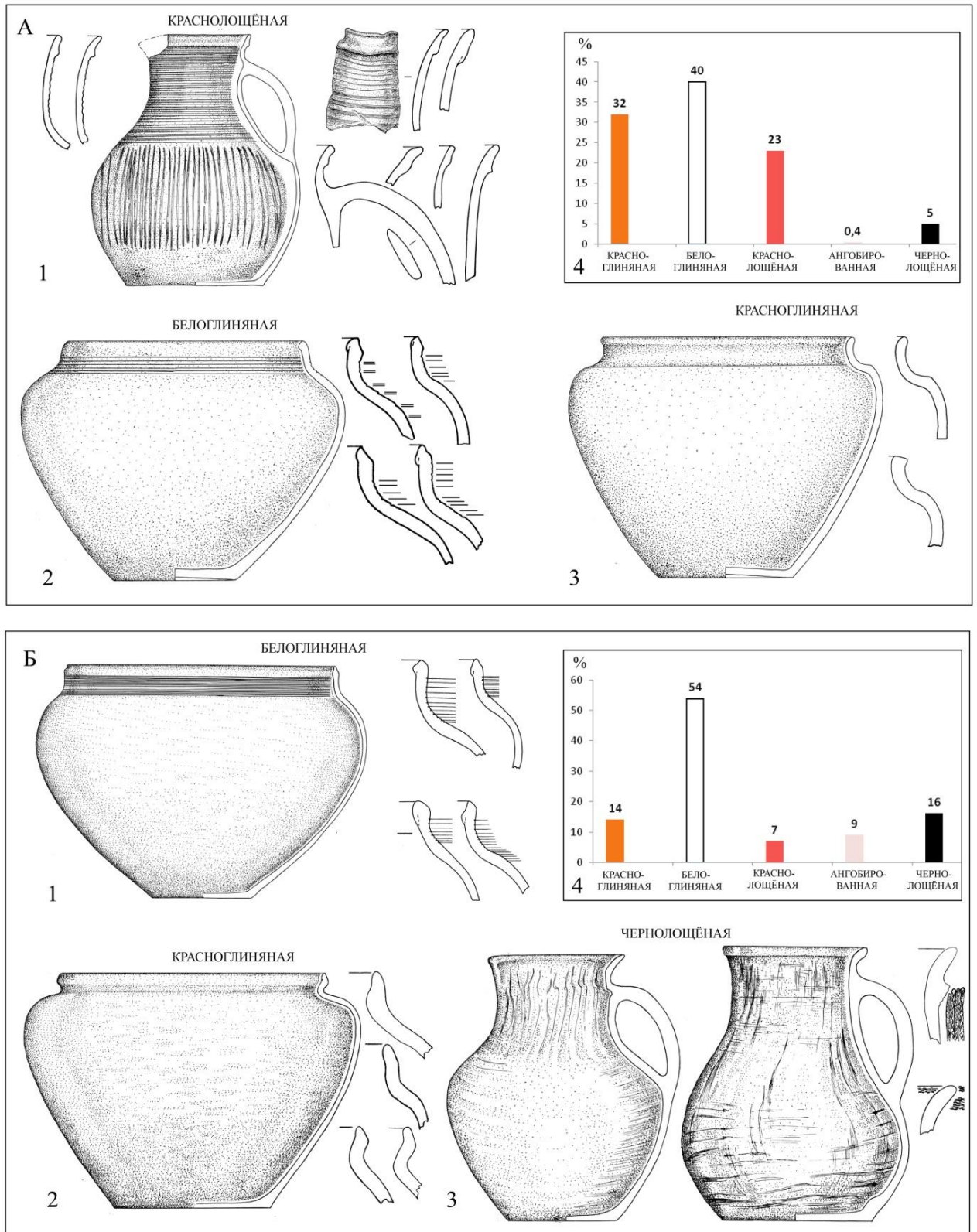

Рис. 17. Датирующие типы сосудов и соотношение стилистико-технологических групп в нижегородских керамических комплексах конца XV – середины XVI вв. (А) и середины – второй половины XVI вв. (Б).

Рис. 18. Монеты Золотой Орды (3, 5, 7, 13, 17, 27, 28, 30, 31) и подражания им (23) из Нижнего Новгорода. Номера находок даны по списку в приложении 5. Серебро: 3, 5, 7, 13, 17, 23. Медь: 27, 28, 30, 31.

Рис. 19. Серебряные монеты русской удельной чеканки из Нижнего Новгорода. Номера находок даны по списку в приложении 5.

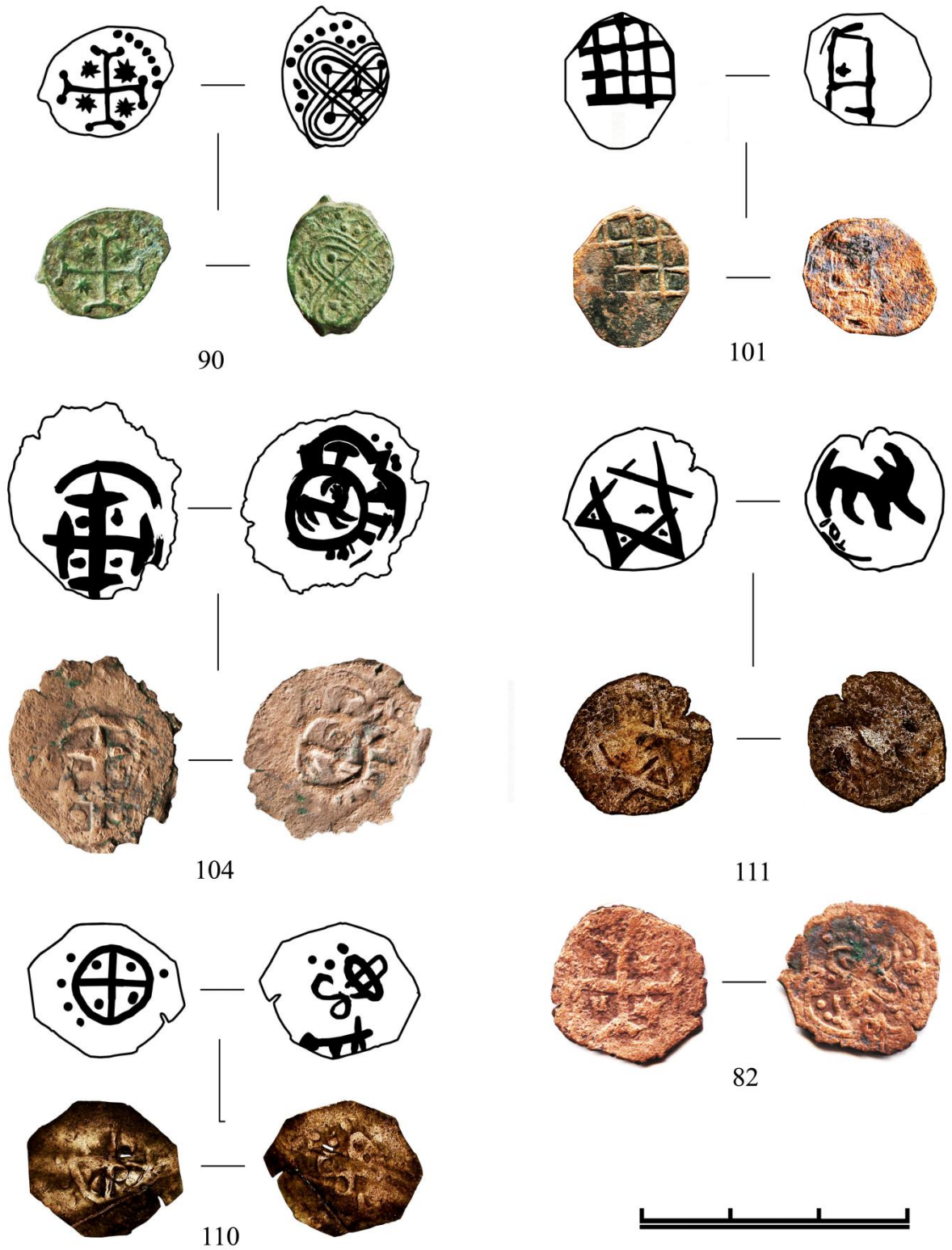

Рис. 20. Медные монеты удельной чеканки из Нижнего Новгорода. Номера находок даны по списку в приложении 5.

Рис. 21. Серебряные (52, 53, 63, 65) и медные (123, 128, 135, 146, 147, 156, 157) монеты русской чеканки конца XV– XVI вв. из Нижнего Новгорода. Номера находок даны по списку в приложении 5.

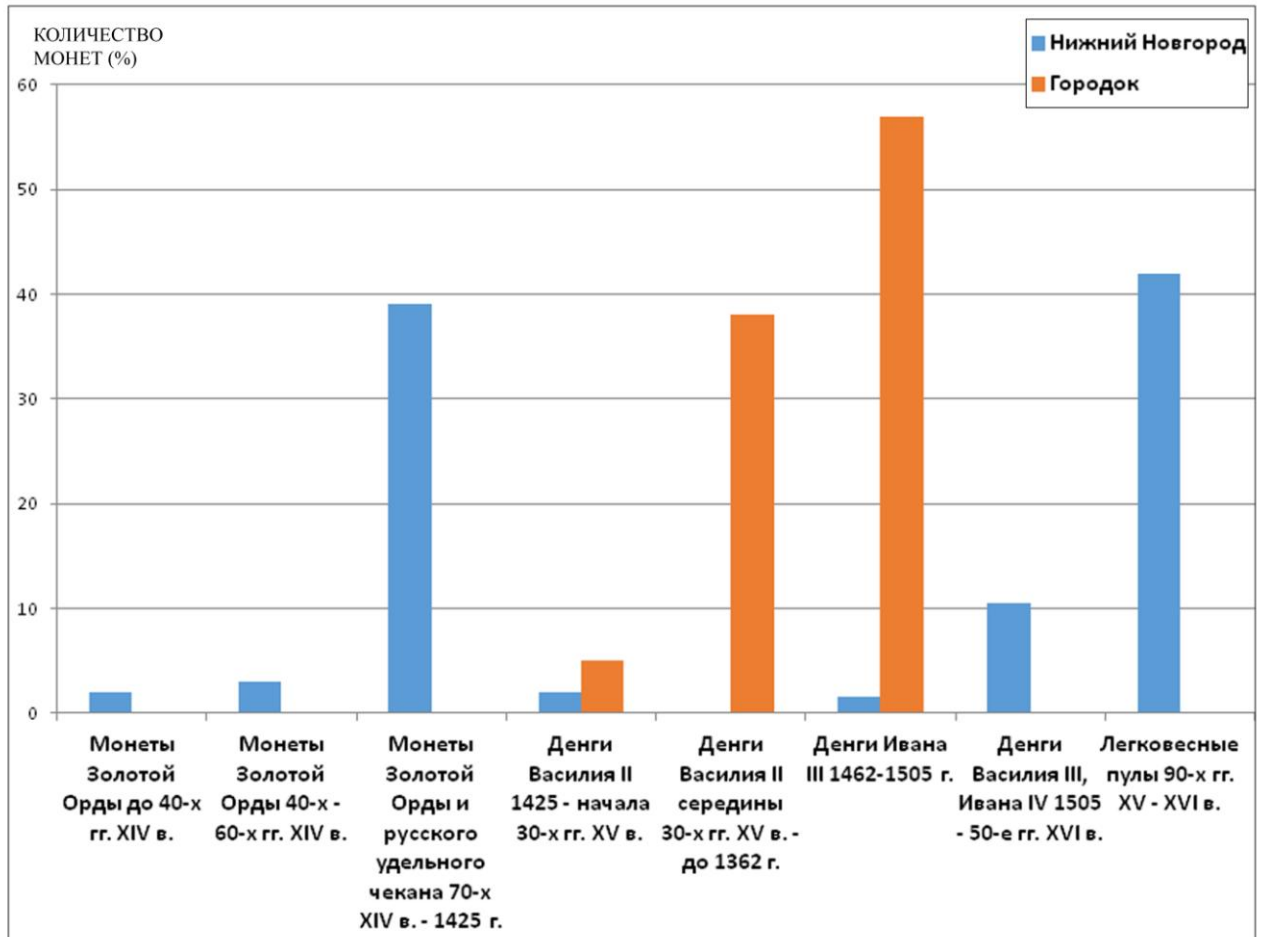

Рис. 22. Хронологическое распределение монетных находок из Нижнего Новгорода и городища Городок.

Рис. 23. Положение Нижнего Новгорода на территории Северо-Восточной Руси по состоянию на 1236 г. (по В.А. Кучкину: 1984. С. 102).

1 – границы княжеств, 2 – г. Владимир, 3 – столицы княжеств, 4 – прочие города, 5 – Юрьевское княжество, 6 – г. Нижний Новгород.

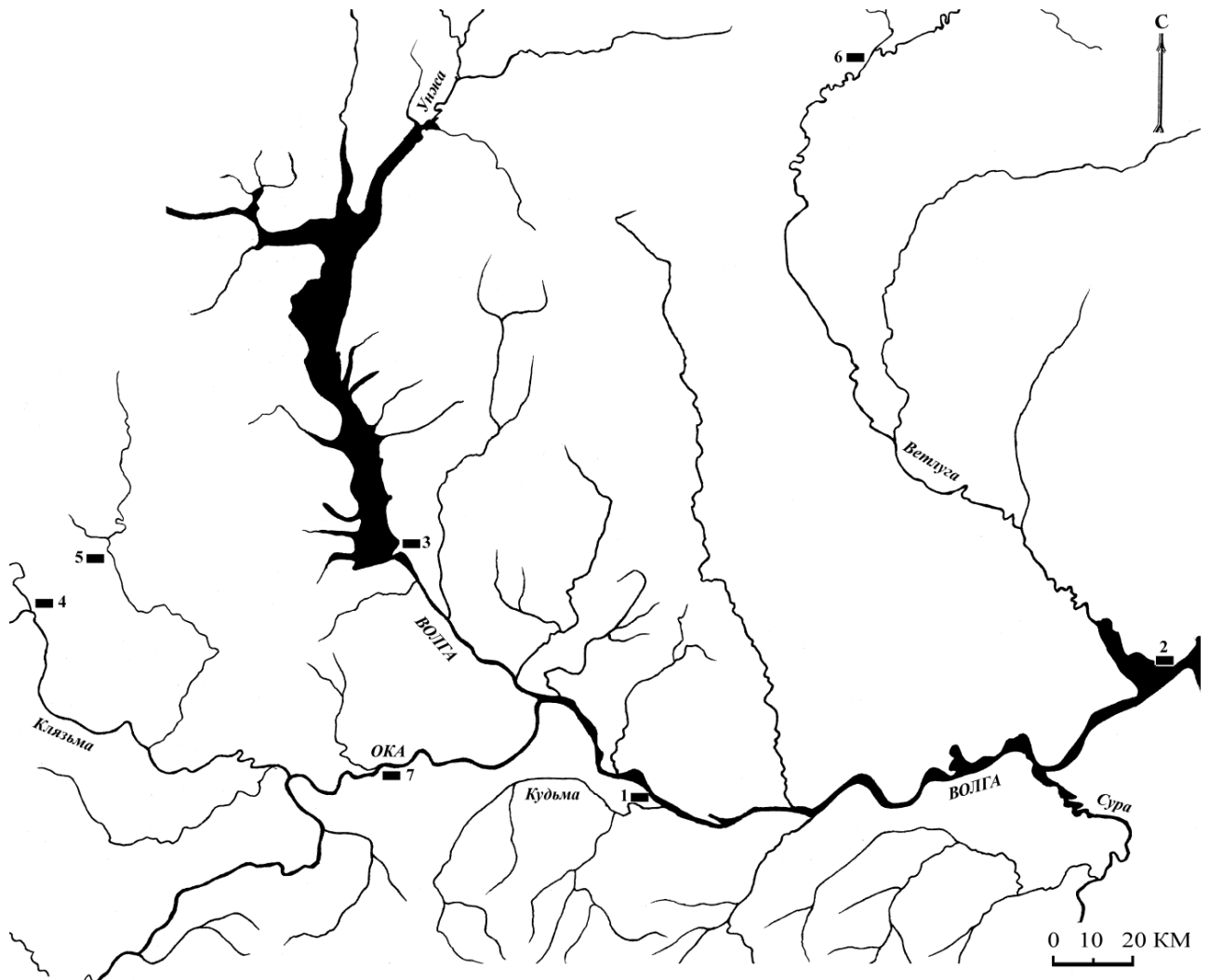

Рис. 24. Карта распространения финских могильников безводнинско-ахмыловского круга (V – первой половины VIII вв.): 1 – Безводнинский; 2 – Младший Ахмыловский; 3 – Желтухинский; 4 – Кочкинский; 5 – Холуйский; 6 – могильник на Чортовом городище; 7 – Подвязьевский.

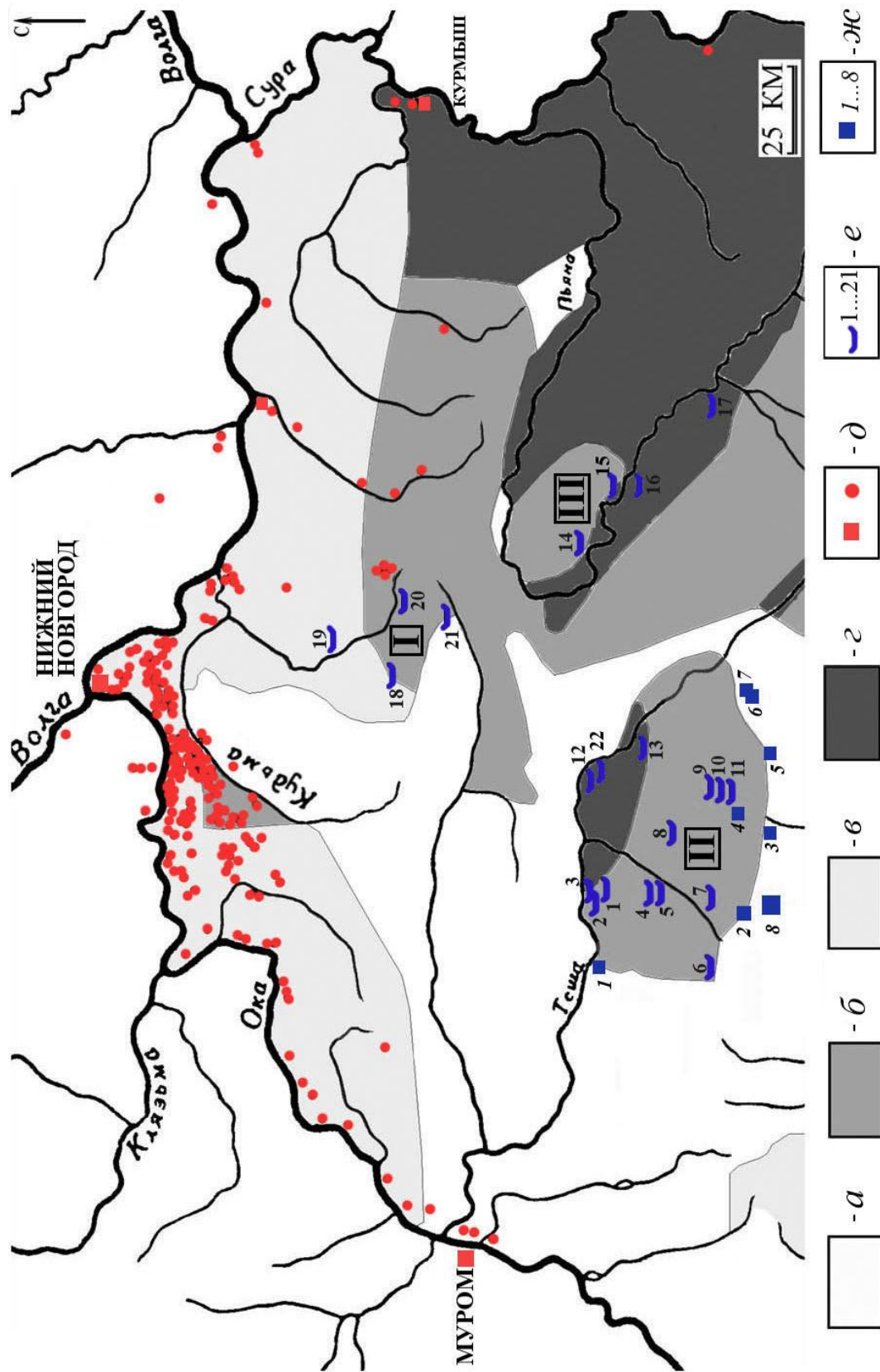

Рис. 25. Взаимное расположение русских памятников XIII – начала XV вв., мордовских городищ и могильников с комплексами XI–XIV вв., почвенных разностей Волго-Окского Правобережья (по почвенной карте профессора Б.П. Серебрякова 1924–1926 гг.).

Экспликация к рис. 25.

Основные группы почв: а – дерново-подзолистые (гумус до 1,6%), б – светло-серые лесные (гумус до 2,5%), в – серые и тёмно-серые лесные (гумус до 5,1%), г – чернозёмы (гумус до 9,8%). Памятники: д – русские городища и селища, е – мордовские могильники, ж – мордовские городища. Районы мордовского расселения: I – северный, II – южный, III – восточный.

Мордовские могильники: 1 – Пятницы-7, 2 – Личадеево-1, 3 – Личадеево-5, 4 – Стёксово-1, 5 – Стёксово-2, 6 – Младший Кужендеевский, 7 – Сыресевский, 8 – Погибловский, 9 – Выползово-1, 10 – Выползово-2, 11 – Выползово-6, 12 – Красное-1, 13 – Коринский, 14 – Ичалкинский, 15 – Борнуково-2, 16 – Борнуково-1, 17 – Гагинский, 18 – Сарлейский, 19 – Старосельский, 20 – Помринский, 21 – Малотерюшевский, 22 – Заречье-2.

Мордовские городища: 1 – Саконское-1, 2 – Надёждинское, 3 – Хозинское, 4 – Юрьевское, 5 – Понетаевское, 6 – Фёдоровское-1, 7 – Фёдоровское-2, 8 – Саровское.

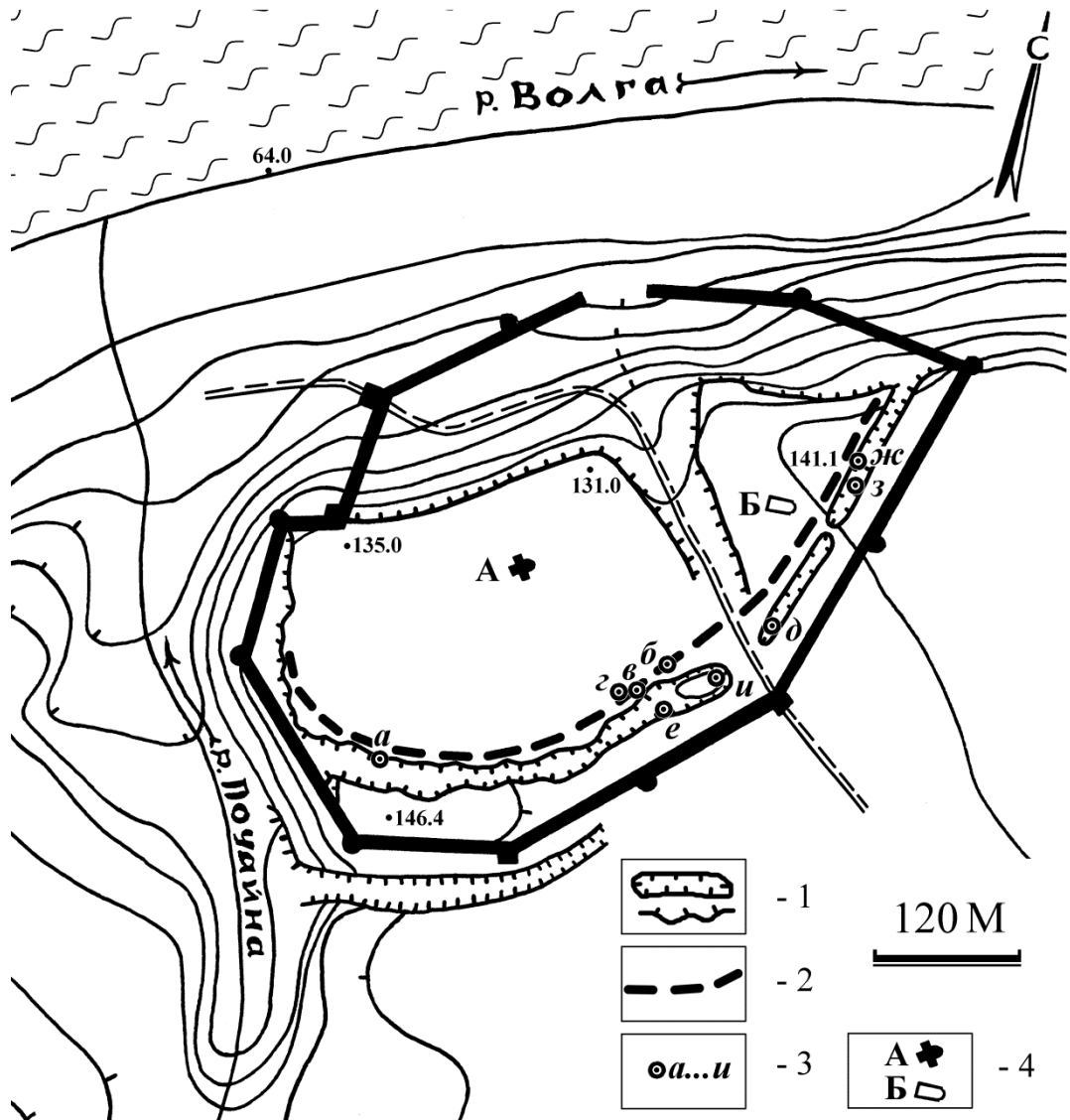

Рис. 26. Реконструкция напольной линии укреплений детинца Нижнего Новгорода. 1 – ров крепости 1221 г. и положение бровок береговых обрывов по плану 1802 г.; 2 – линия вала детинца (реконструкция); 3 – места фиксации остатков вала (*а*: раскоп, Е.М. Пигарева, 2008 г.; *б*: раскоп 2 Т.В. Гусевой 1989 г.; *в*: шурф 1 Е.В. Четвертакова 2010 г.; *г*: зачистка Ю.В. Зарубина 2005 г.) и заполнения рва (*д*: шурф 2 2009 г. и зачистка в колодце 1 2010 г. Е.В. Четвертакова 2009 г.; *е*: шурф И.А. Очеретина 1994 г.; *жс*: шурф 4 2009 г. Е.В. Четвертакова; *з*: шурф 5 и зачистки в колодцах 5, 7 и траншее 1 2009 г. Е.В. Четвертакова; *и*: зачистка в колодце 2 Е.В. Четвертакова 2010 г.); 4 – белокаменные соборы: Михайло-Архангельский 1359 гг. (А) и Спасо-Преображенский 1225, 1349–1352 гг. (Б).

Рис. 27. Резные камни, которые можно связать с рельефным фасадным декором нижегородского Спасо-Преображенского собора 1225 г. из переотложенных отложений Нижегородского кремля. 1, 2 – находки в строительном котловане Дома Советов, сборы С.В. Демьянова 1929 г. (из фондов НГИАМЗ); 3 – раскопки в соборе Михаила Архангела (Н.Н. Воронин, 1960 г.); 4, 5 – раскопки по месту прокладки теплотрассы в районе Дома Советов (Грибов Н.Н., 2021 г.).

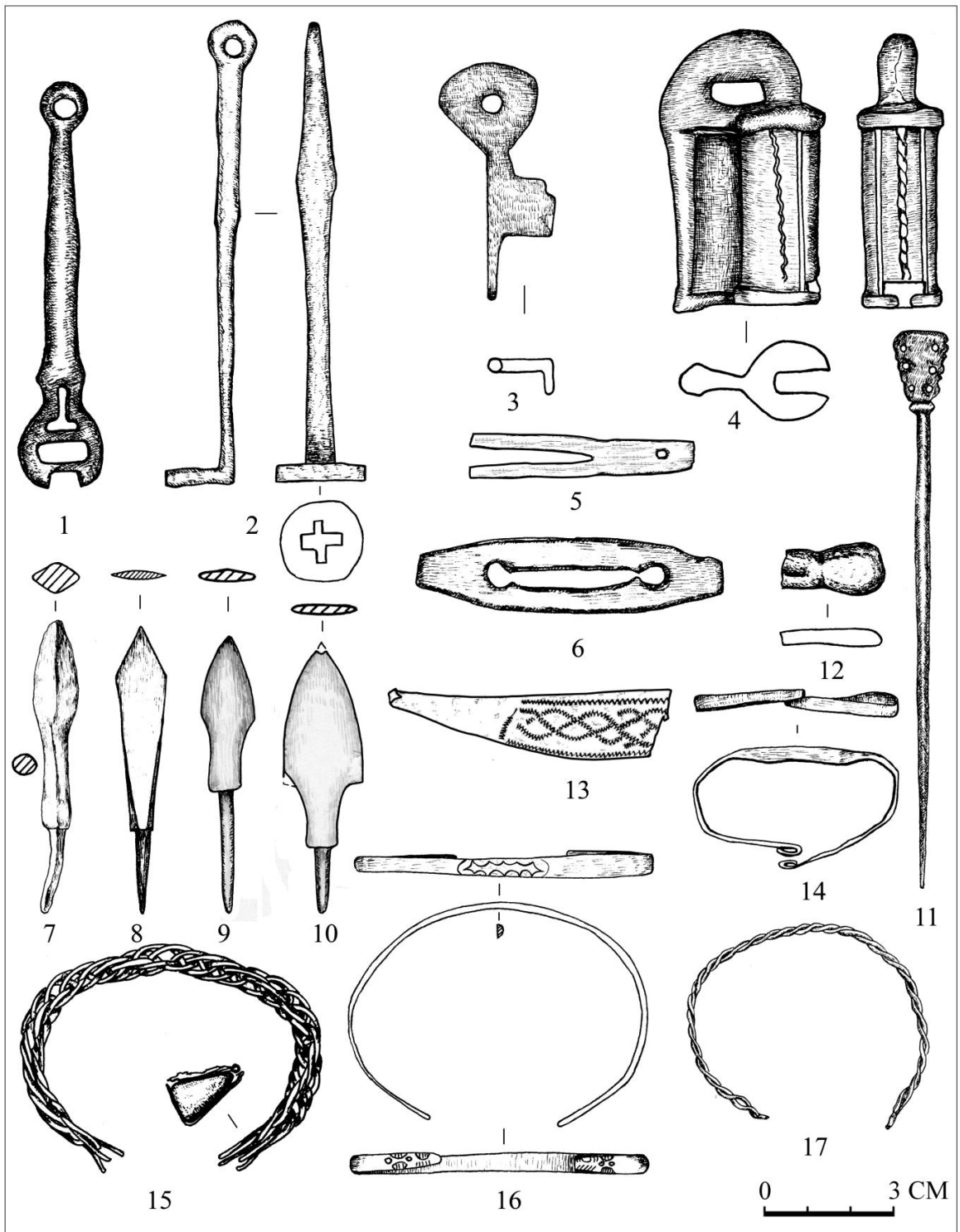

Рис. 28. Наиболее ранние находки из Нижнего Новгорода и памятников его окружи: 1–3 – ключи; 4 – замок; 5 – пружина от внутреннего комбинированного замка; 6 – кресало; 7–10 – наконечники стрел; 11 – писало; 12–17 – браслеты и их фрагменты. Железо: 1–11, бронза: 12–17. Нижний Новгород, исследователь и год раскопок: 1, 14, 16 – Т.А. Марьёнкина, 2019 г.; 2 – В.Ф. Черников, 1973 г.; 3, 4, 9, 10 – В.А. Лапшин, 2001 г.; 7, 11 – Н.Н. Грибов, 1999 г.; 8 – В.Ф. Черников, 1964 г.; 11 – Н.Н. Грибов, 2018 г. Селище Ближнее Константиново-1: 5, 17; селище Крутец-1А: 12; поселение Бешенцево-3: 13; могильник Копнино-1: 15.

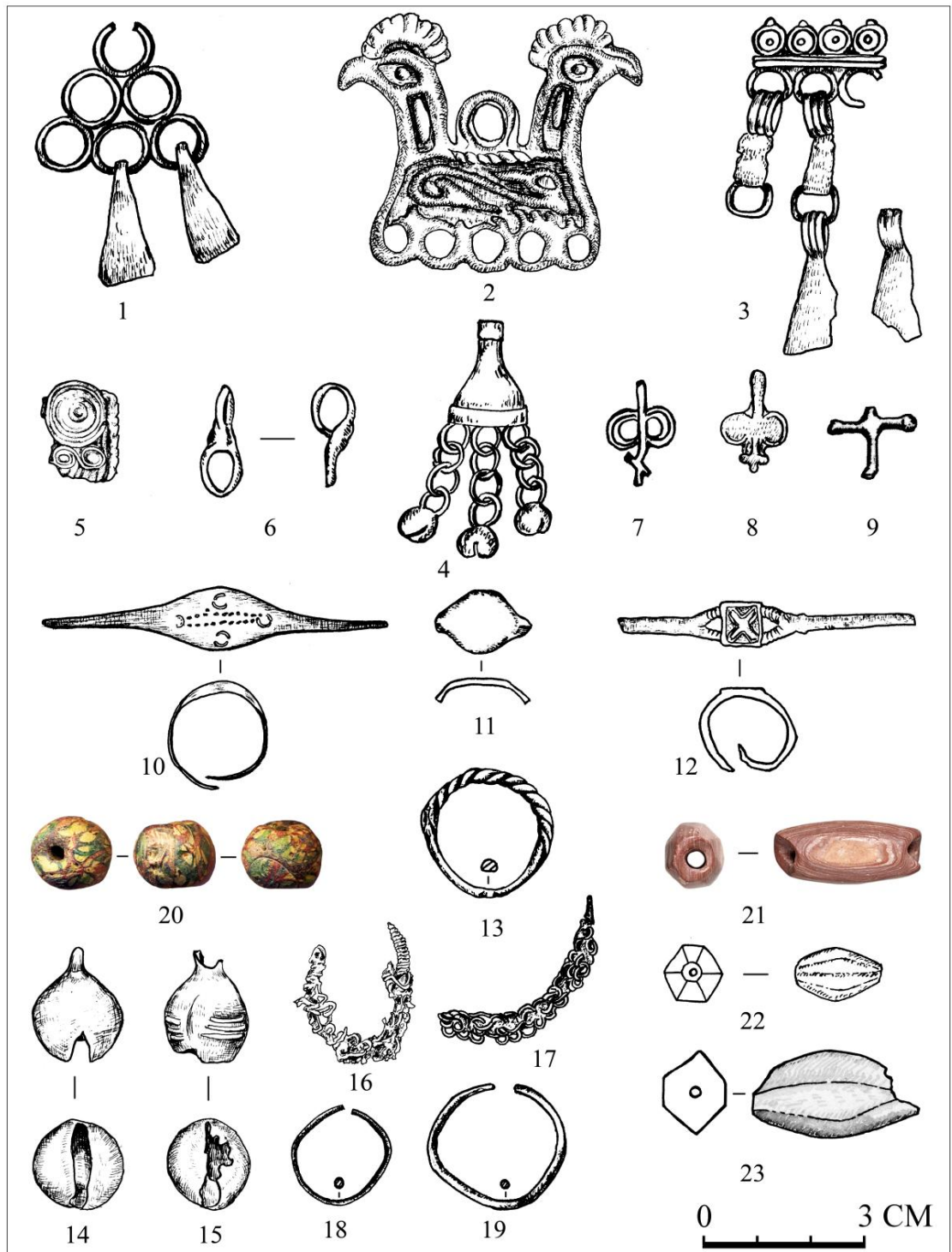

Рис. 29. Наиболее ранние находки из Нижнего Новгорода и памятников его окружи: 1–5 – подвески; 6 – звено от цепочки; 7, 8 – привески; 9 – нательный крест; 10–13 – перстни; 14, 15 – бубенчики; 16–19 – височные кольца; 20–23 – бусы. Бронза: 1–19; стекло: 20; камень: 21–23 (21 – шифер; 22 – горный хрусталь, 23 – сердолик). Нижний Новгород, исследователь, год раскопок: 1, 3 – Т.В. Гусева, 1989 г.; 2, 14, 15, 19, 21 – Т.А. Марьёнкина, 2019 г.; 8 – В.А. Батюков, 2011 г.; 9 – В.А. Лапшин, 2001 г.; 22 – С.В. Долгополов, 2016 г.; 23 – В.Ф. Черников, 1977 г. Селище Ближнее Константиново-1 (Грибов Н.Н., 1997 г.): 5; могильник у больницы Н.И. Семашко (В.Ф. Черников, 1974 г.): 4, 7; селище Подвязье-4 (Н.Н. Грибов, 2014 г.): 6; поселение Доскино-10 (Н.Н. Грибов, 2005 г.): 10; поселение Подвязье-1 (Грибов Н.Н., 2017 г.): 11; могильник Копнино-1 (И.С. Аникин, 2003 г.): 13.

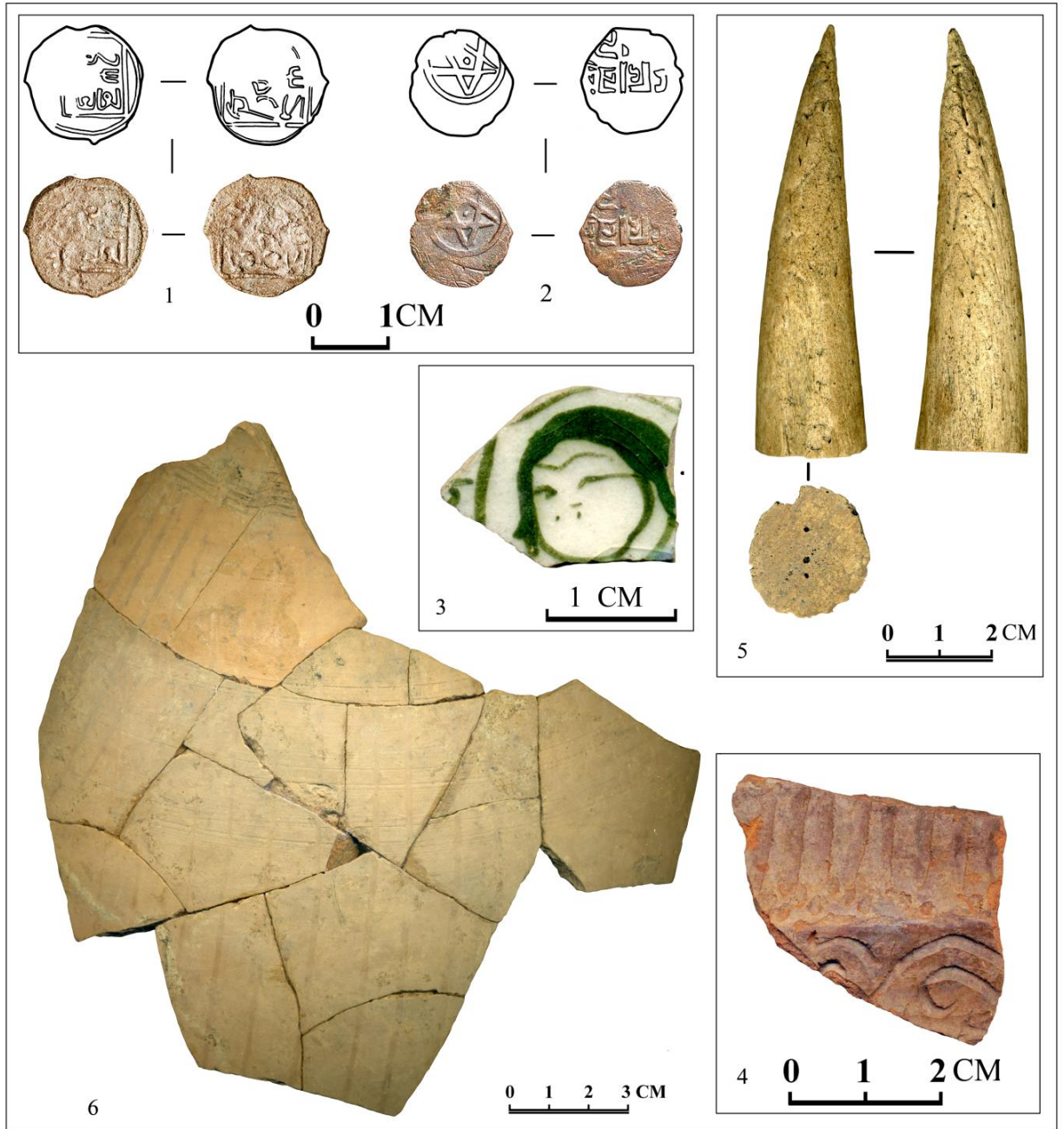

Рис. 30. Ранние предметы восточного импорта из Нижнего Новгорода: медные пулы каана Мунке (1251–1259 гг.) (1) и хана Узбека (1321 г.) (2), 12(1, 2), фрагменты сосудов (3, 4, 6), фрагмент рога сайгака (*Saigina tatarica*) (5). Медь: 1, 2; кашин: 3; керамика: 4, 6; рог: 5. Исследователь и год раскопок: 1, 2 – Т.А. Марьёнкина 2019 г.; 3, 5, 6 – Н.Н. Грибов, 2018 г.; 4 – Н.Н. Грибов, 1999 г. 1–4 – из переотложенных отложений; 5, 6 – из отложений середины XIII – начала XIV вв.

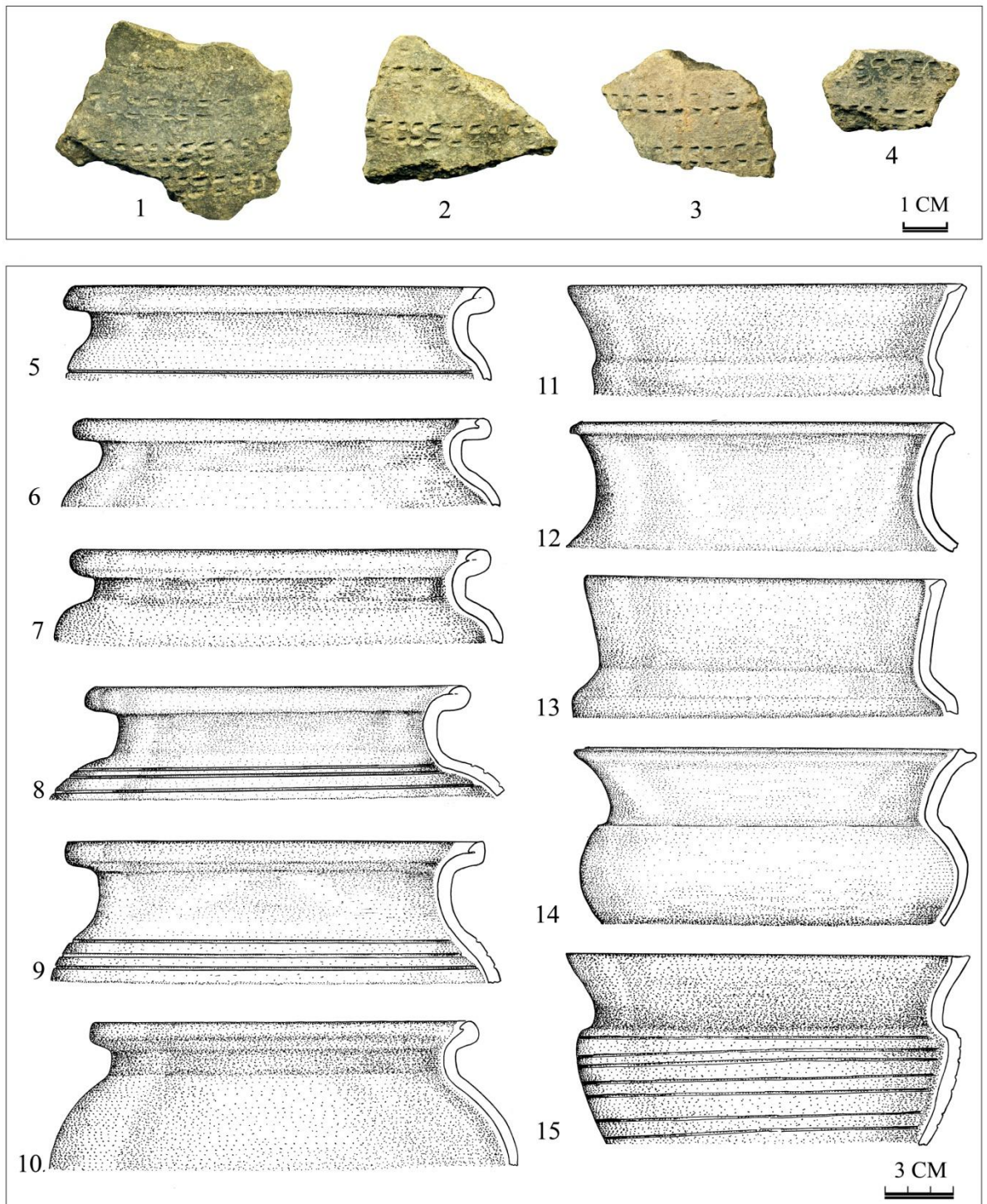

Рис. 31. Керамика XIII в. из Нижнего Новгорода. 1–4, 9, 12 – район храма Симеона Столпника (Н.Н. Грибов, А.И. Письмаркина, 2018, 2019 гг.); 5, 14 – пл. Театральная (И.О. Ерёмин, 1997 г.); 6 – пер. Крутой (Н.Н. Грибов, 1999 г.); 7, 13 – у храма Михаила Архангела в кремле (В.Ф. Черников, 1973 г.); 8, 10, 11 – у Часовой башни в кремле (Т.А.Марьёнкина, 2019 г.); 15 – ул. Ульянова, 6 (Н.Н. Грибов, 1997 г.).

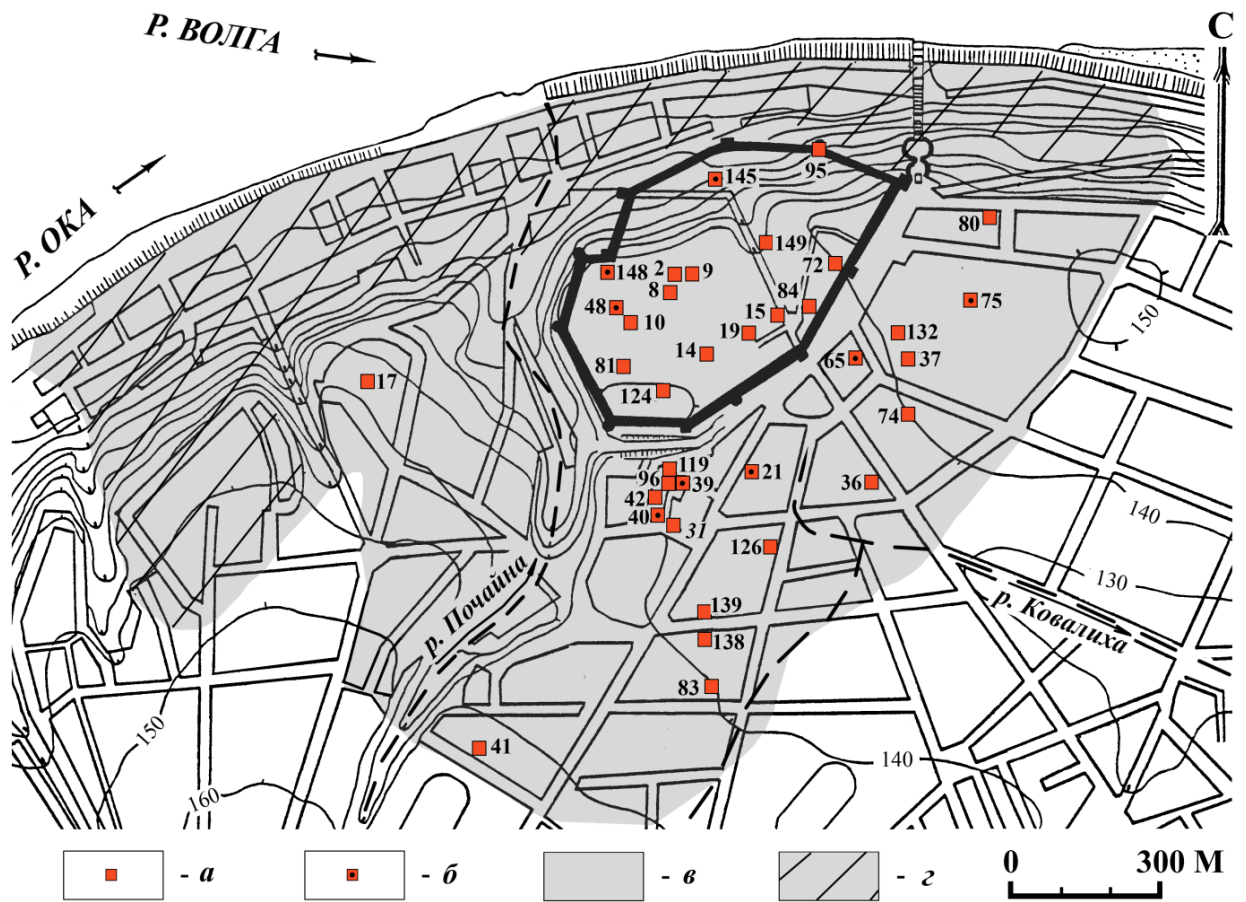

Рис. 32. Карта объектов археологических исследований в Нижнем Новгороде с находками XIII – начала XIV вв. *а* – места обнаружения инвентаря, выходящего из обихода к началу – середине XIV в.; *б* – раскопы с сооружениями, датированными до середины XIV в.; *в* – территория средневекового города XIII – начала XV вв. по распространению керамики; *г* – плохо изученные районы средневекового города (без раскопок на участках со средневековыми объектами и слоем). Номера объектов соответствуют списку в приложении 1.

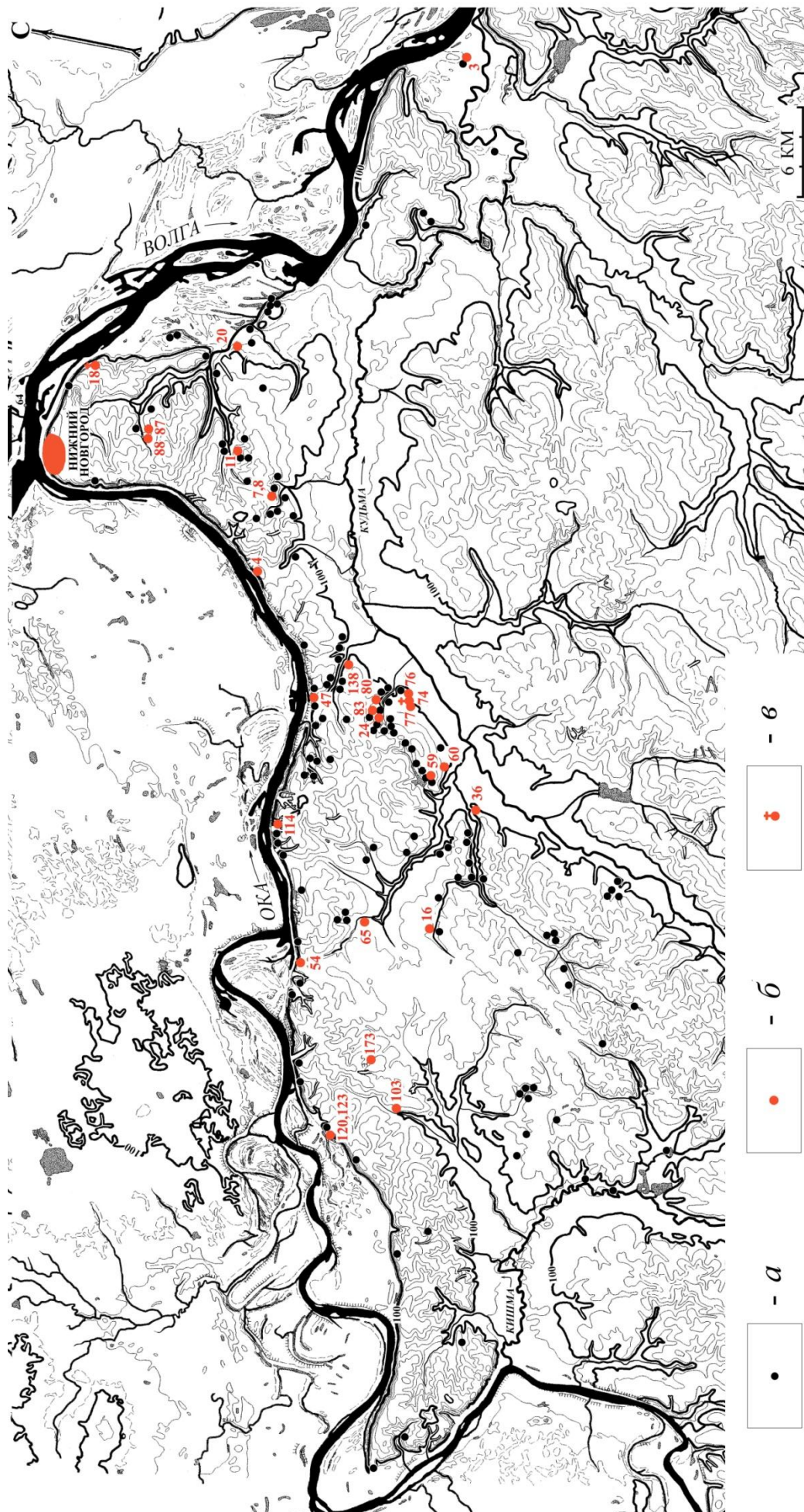

Рис. 33. Карта памятников Нижегородской округи с находками XIII – начала XIV вв.

a – селища XIII – начала XV вв.; *b* – селища с находками XIII – начала XIV вв.; *6* – могильники. Номера памятников даны по каталогу (приложение 3).

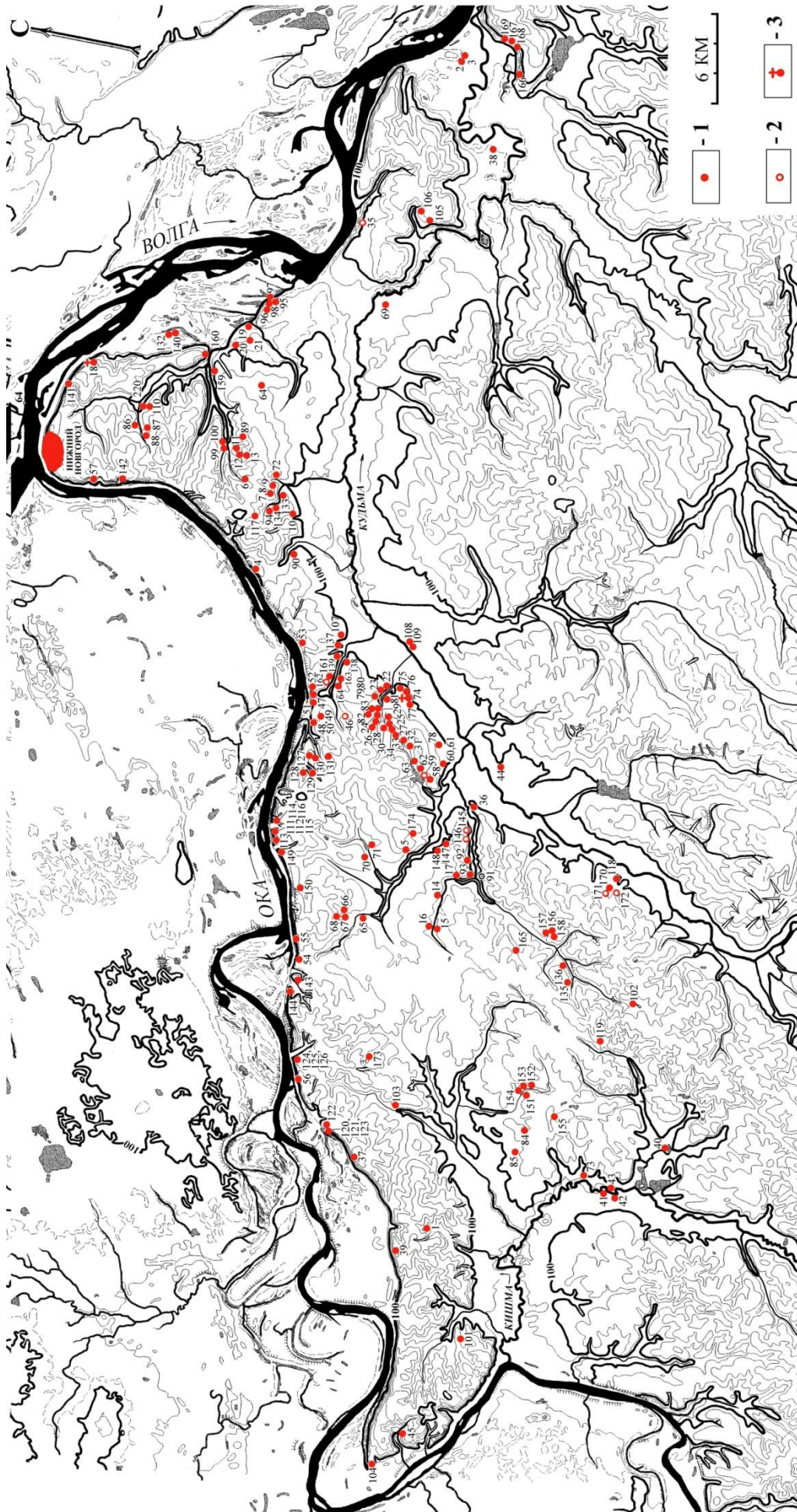

Рис. 34. Карта расположения археологических памятников Березополя с материалами XIII – начала XV вв. Номера памятников даны по каталогу (приложение 3). 1 – селище; 2 – могильник.

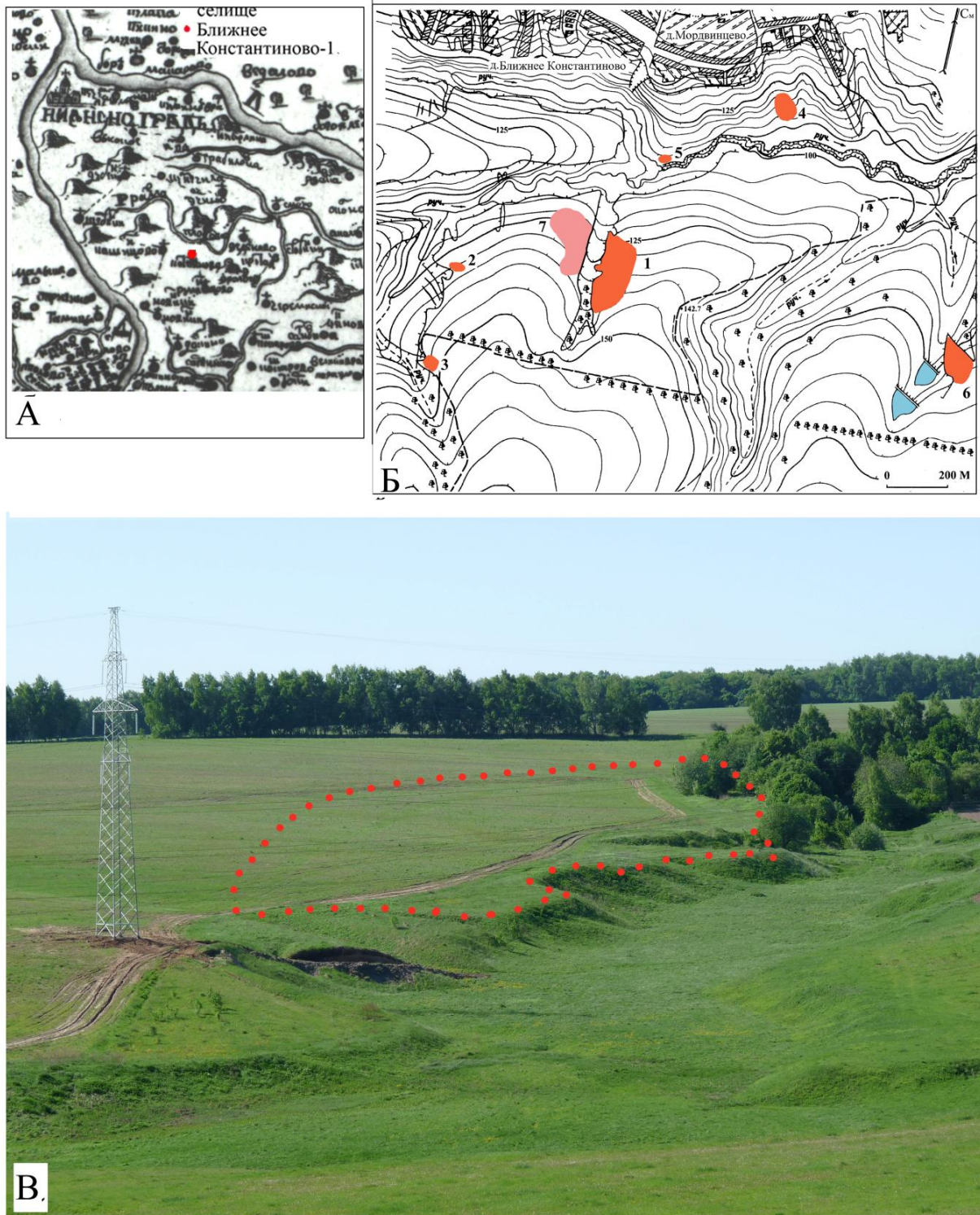

Рис. 35. Селище Ближнее Константиново-1. А – местоположение памятника на плане Нижегородского уезда 1732 г.; Б – скопление селищ, тяготеющих к памятнику: 1 – Ближнее Константиново-1, 2 – Ближнее Константиново-3, 3 – Ближнее Константиново-4, 4 – Мордвинцево-1, 5 – Мордвинцево-2, 6 – Культура, 7 – Ближнее Константиново-2; В – фото памятника, вид с северо-запада.

Рис. 36. Селище Ближнее Константиново-1. А – план раскопанной части памятника; Б – столбовые ямы по месту воротных столбов на пятой линии частокольной ограды; В – реконструированные планы жилых наземных построек – однокамерной избы (1) и хоромного строения (2).

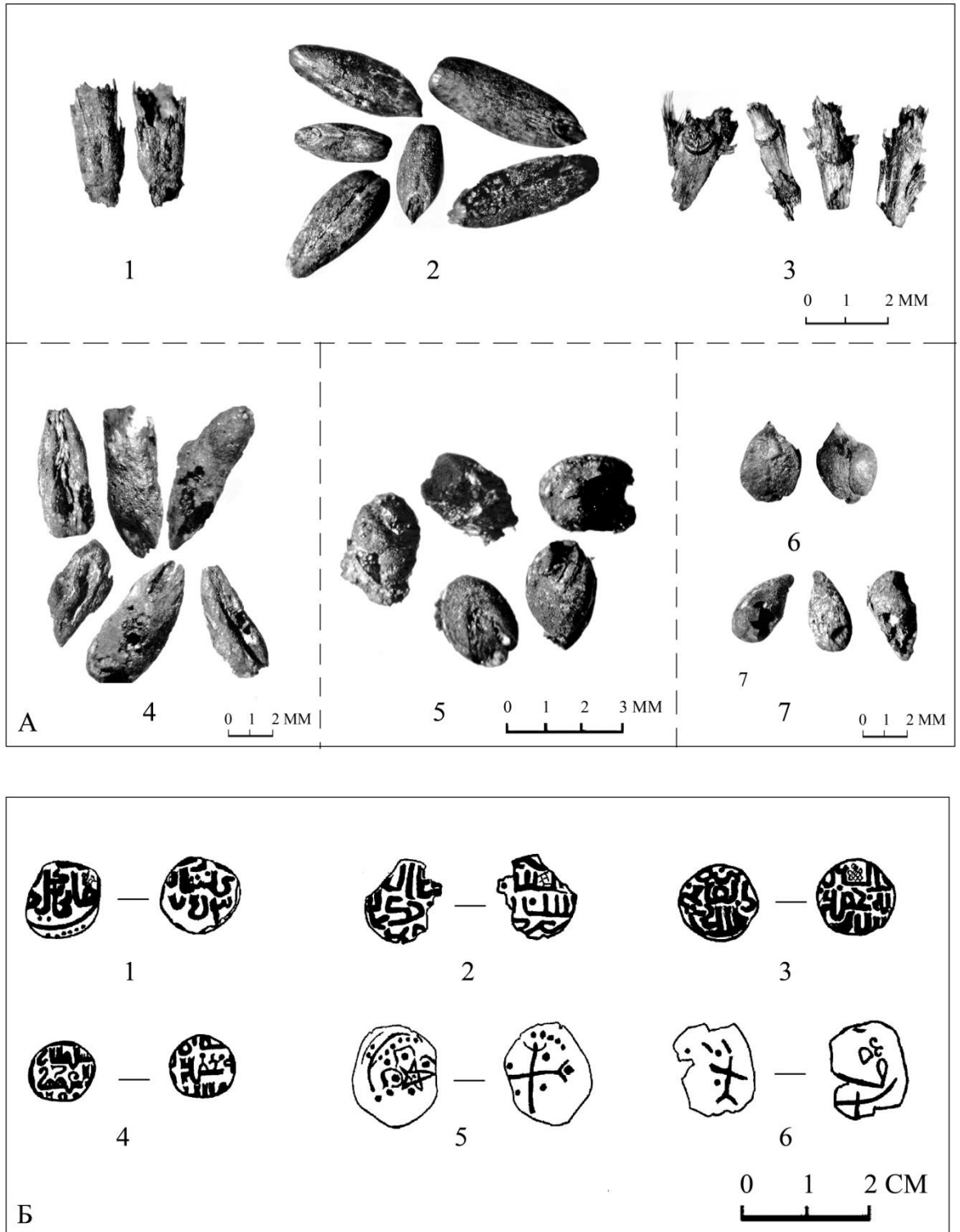

Рис. 37. Селище Ближнее Константиново-1. А – остатки культурных растений из промывок заполнения материковых ям (см.: Лебедева, 2009б): 1 – основание колоска овса, 2 – зерновки овса, 3 – фрагменты колосового стержня ржи, 4 – зерновки ржи, 5 – зерновки проса, 6 – семена гречихи, 7 – семена льна. Б – монеты: дирхамы Золотой Орды (1 – Бердибек хан, чекан Гюлистана, 753 г.х.; 4 – Узбек хан, чекан Сарая), подражания дирхамам Золотой Орды (2, 3), медные пулы предположительно нижегородского чекана (5, 6).

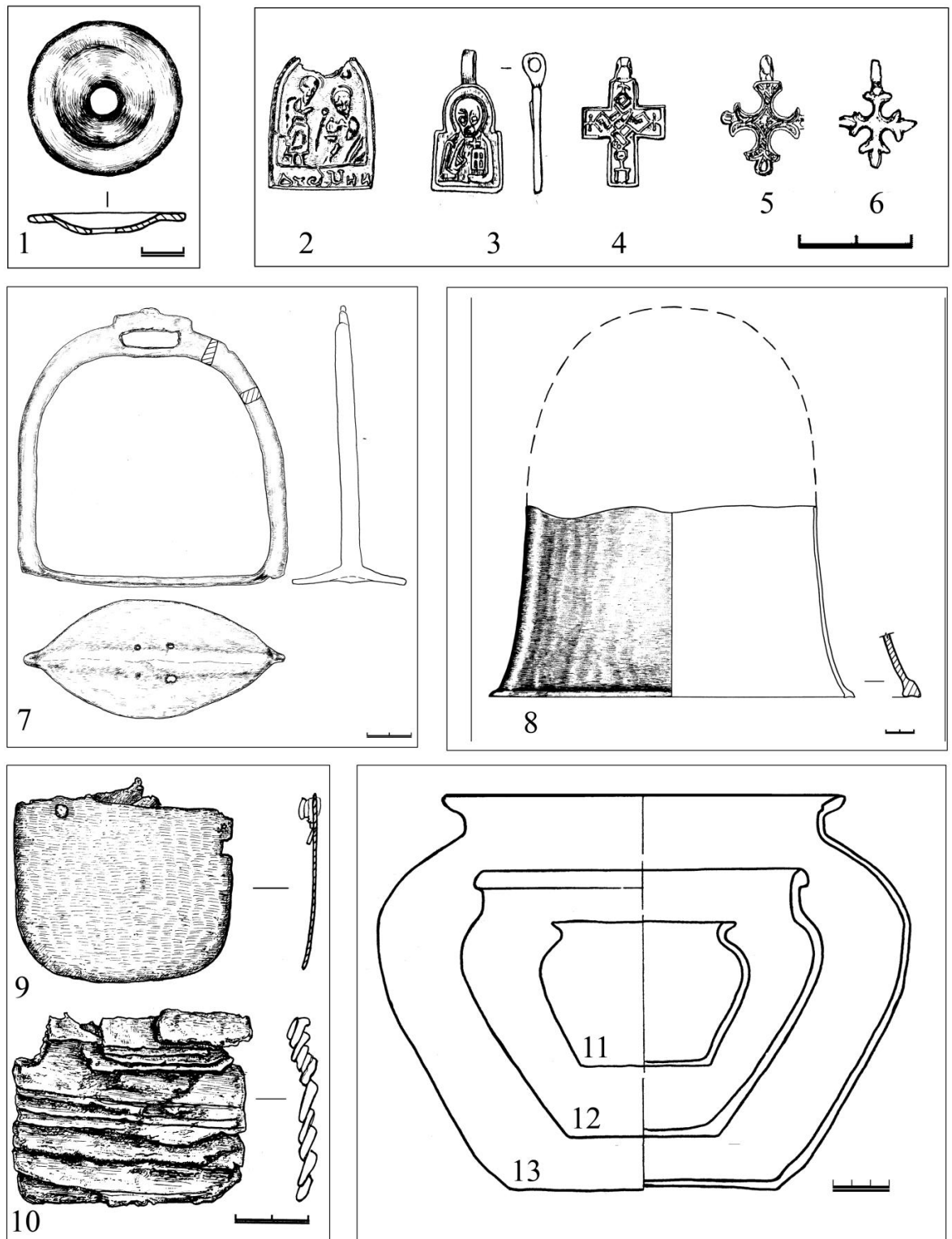

Рис. 38. Селище Ближнее Константиново-1. Предметы христианского культа (1–6, 8), воинского снаряжения и снаряжения верхового коня (7, 9, 10), бытовая керамическая посуда (11–13). 1 – подставка от подсвечника; 2, 3 – иконки-подвески; 4–6 – нательные кресты; 8 – фрагмент колокола; 7 – стремя; 9 – доспешная пластина; 10 – фрагмент ламеллярного пластинчатого доспеха; 11–13 – реконструированные горшки. Бронза: 1–6. Железо: 7, 9, 10. Керамика: 11–13.

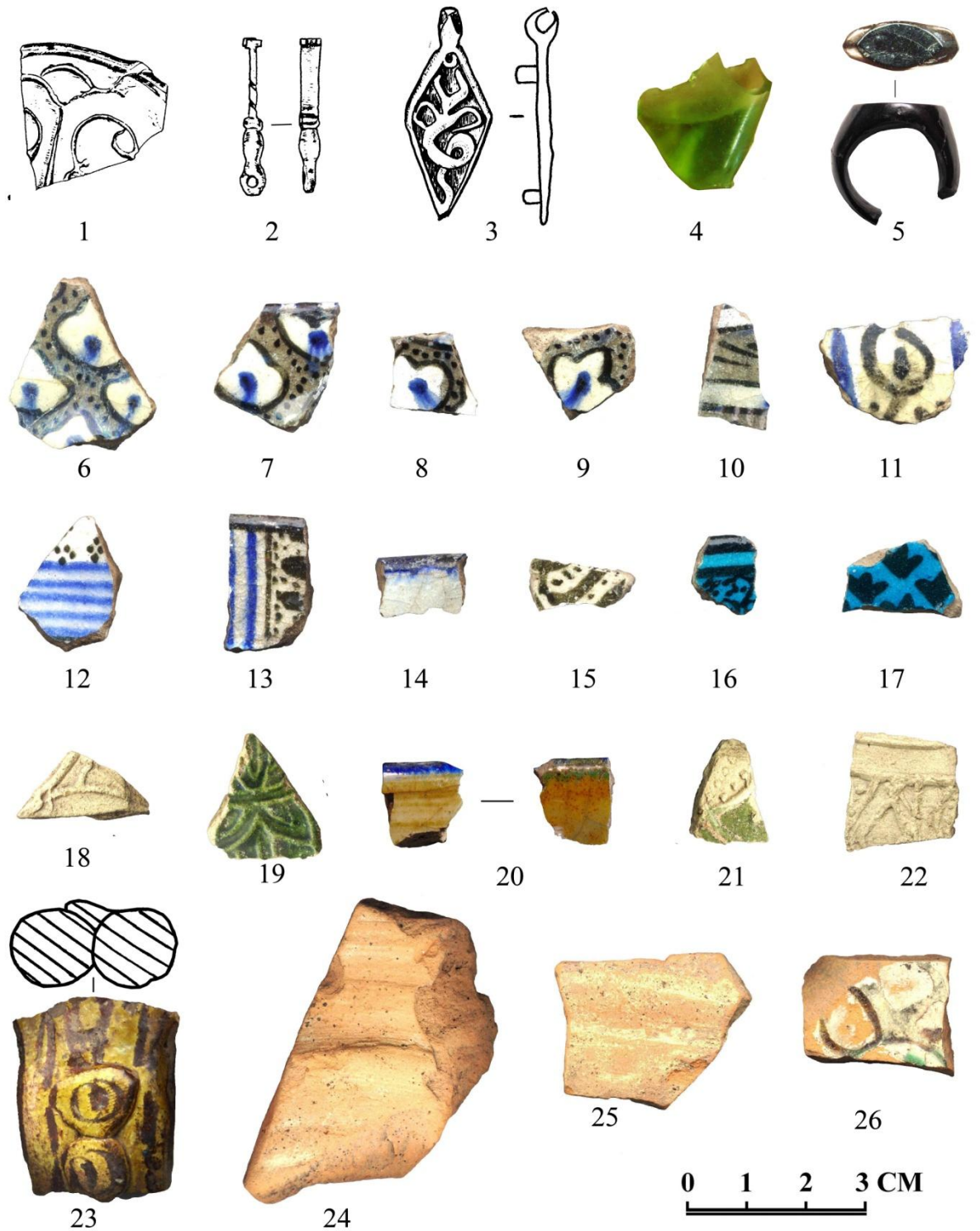

Рис. 39. Селище Ближнее Константиново-1. Предметы импорта: 1 – фрагмент зеркала; 2 – ключ от зооморфного замка; 3 – поясная накладка; 4 – фрагмент стеклянного сосуда; 5 – перстень из гагата; 6–17 – фрагменты полуфаясовых сосудов из кашина; 18, 19, 21, 22 – фрагменты «калыбной» керамики; 20 – фрагмент венчика кашинного сосуда с росписью люстром («ильханский люстр»); 23, 26 – фрагменты красноглиняных поливных сосудов (полумайолика); 24, 25 – фрагменты амфорной тары.

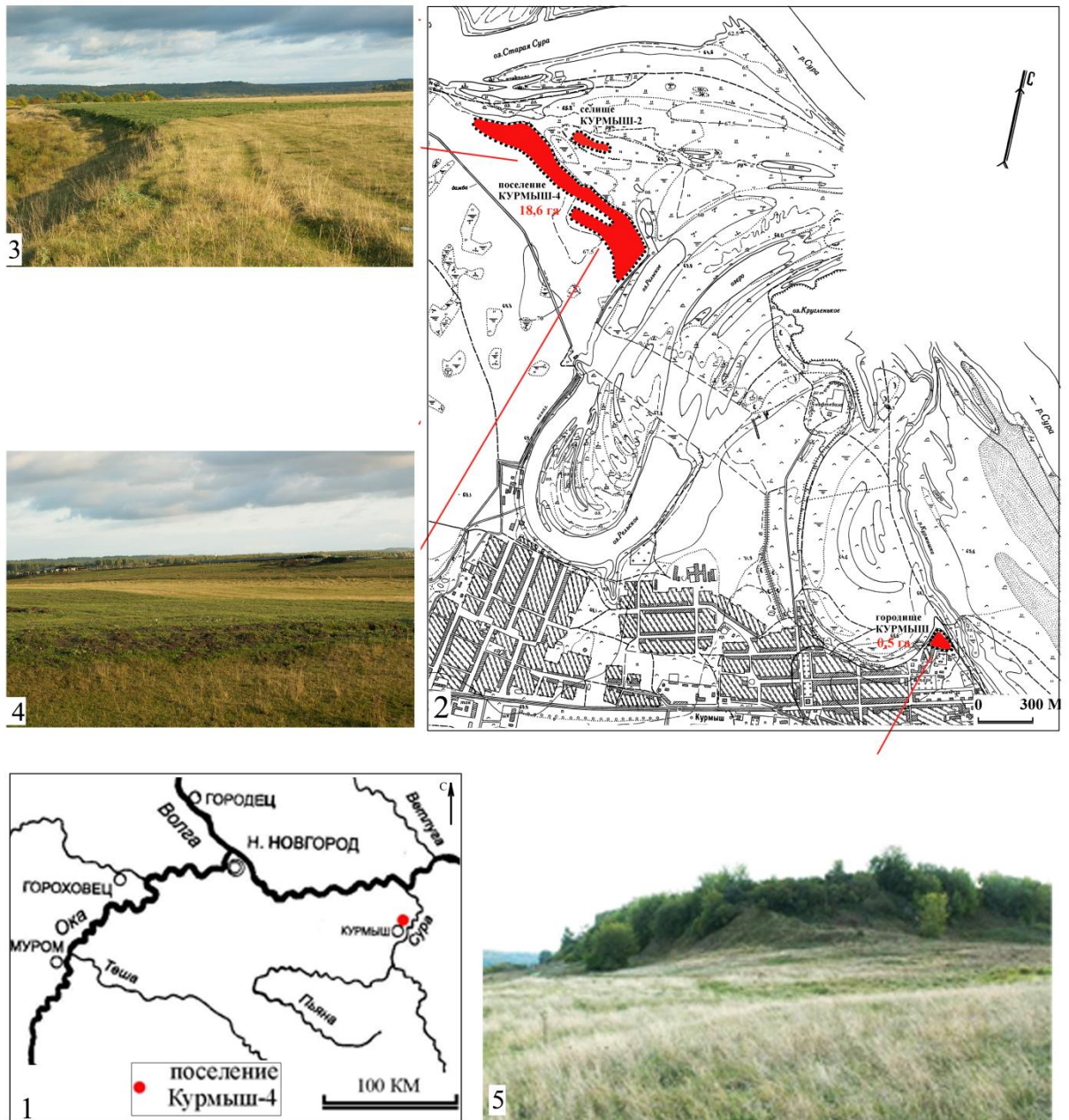

Рис. 40. Поселенческая агломерация, приуроченная к г. Курмыш. 1 – расположение относительно Нижнего Новгорода; 2 – городище Курмыш, поселение Курмыш-4 и селище Курмыш-2 (ситуационный план); 3 – северо-западная часть поселения Курмыш-4, вид с северо-запада; 4 – юго-восточная часть поселения Курмыш-4, вид с севера; 5 – городище Курмыш, вид с запада.

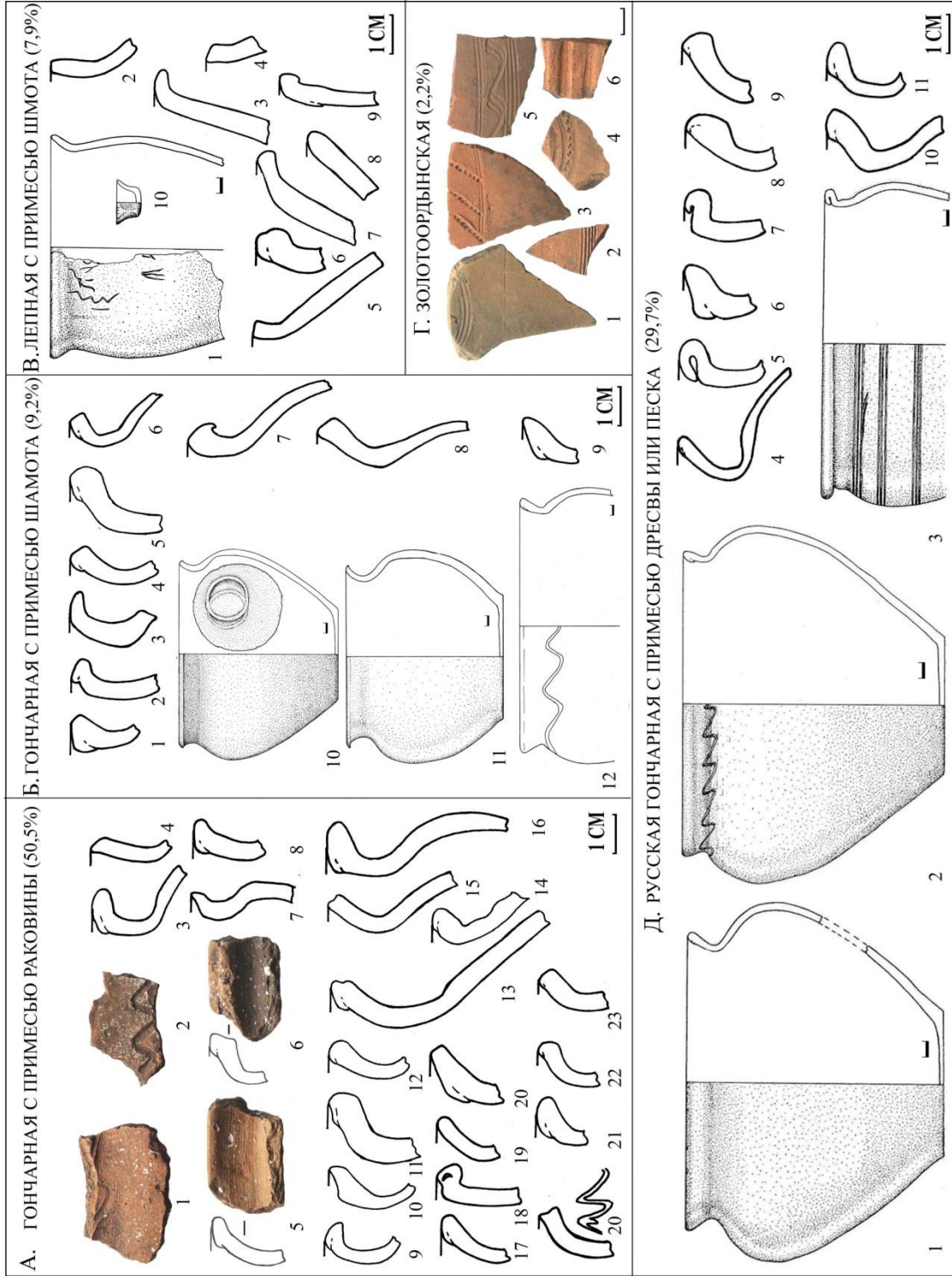

Рис. 41. Образцы керамики основных стилистико-технологических групп поселения Курмыш-4 с указанием доли (%) в керамическом комплексе памятника (из 17800 фрагментов).

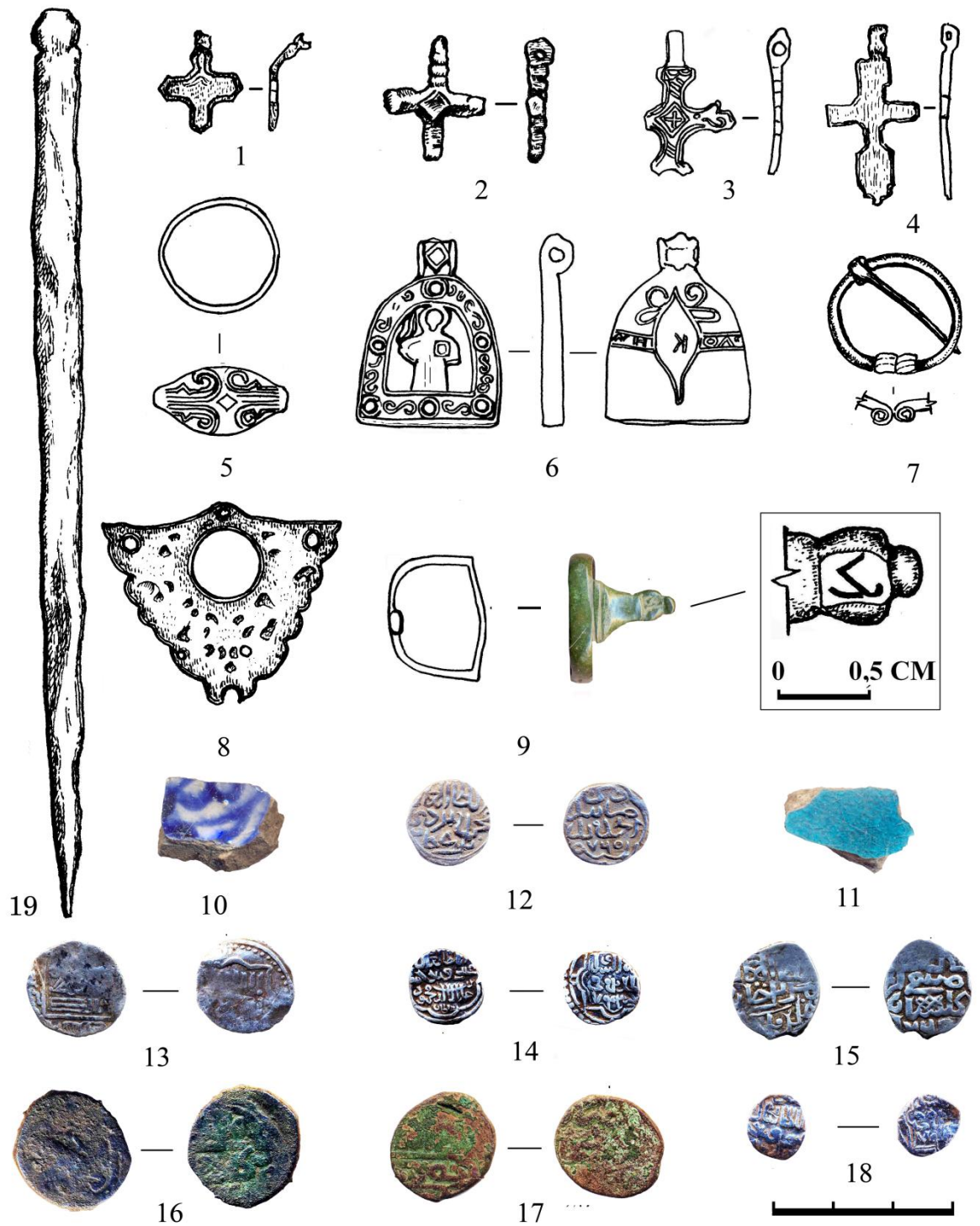

Рис. 42. Поселение Курмыш-4. Находки из раскопок 2008, 2009 гг.:
 1 – 4 – нательные кресты, 5 – перстень, 6 – иконка-привеска, 7 –
 кольцевая застёжка, 8 – накладка, 9 – муфта от рукоятки ножа; 10, 11 –
 фрагменты поливных сосудов из кашина; 12–18 – монеты Золотой Орды,
 19 – писало. Железо: 19. Бронза: 1–9. Серебро: 12–15, 18. Медь: 16, 17.
 Кашин: 10, 11.

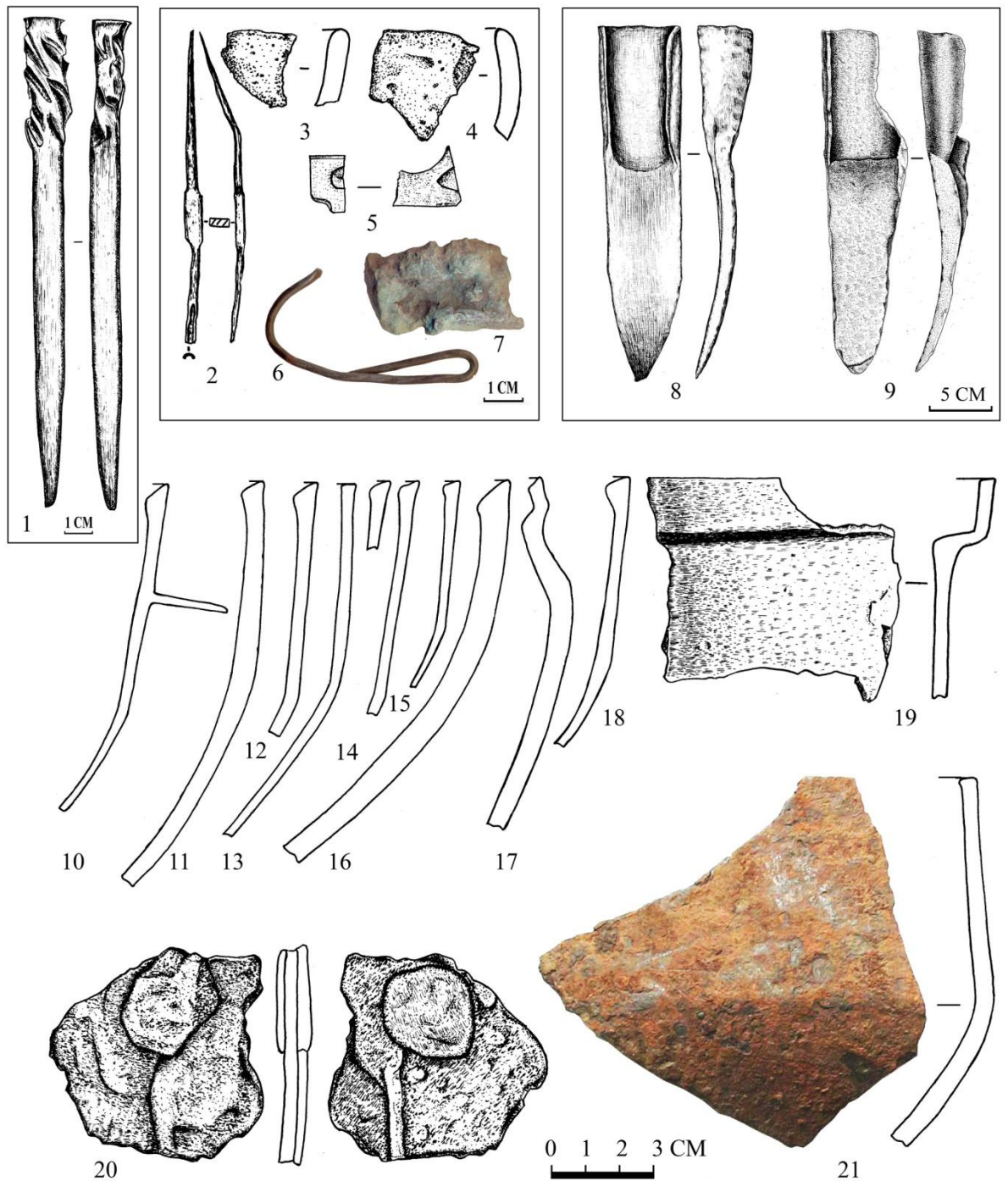

Рис. 43. Поселение Курмыш-4. Находки из раскопок 2008, 2009 гг. 1 – пробойник, 2 – лучевое сверло, 3, 4 – фрагменты тиглей; 5 – фрагмент литейной формы; 6 – бронзовая проволока; 7 – слиток бронзы; 8, 9 – сошники; 10–19, 21 – венчики чугунных котлов; 20 – фрагмент стенки чугунного котла со следами ремонта. Железо: 1, 2, 8–21. Керамика: 3, 4. Камень: 5. Бронза: 6, 7.

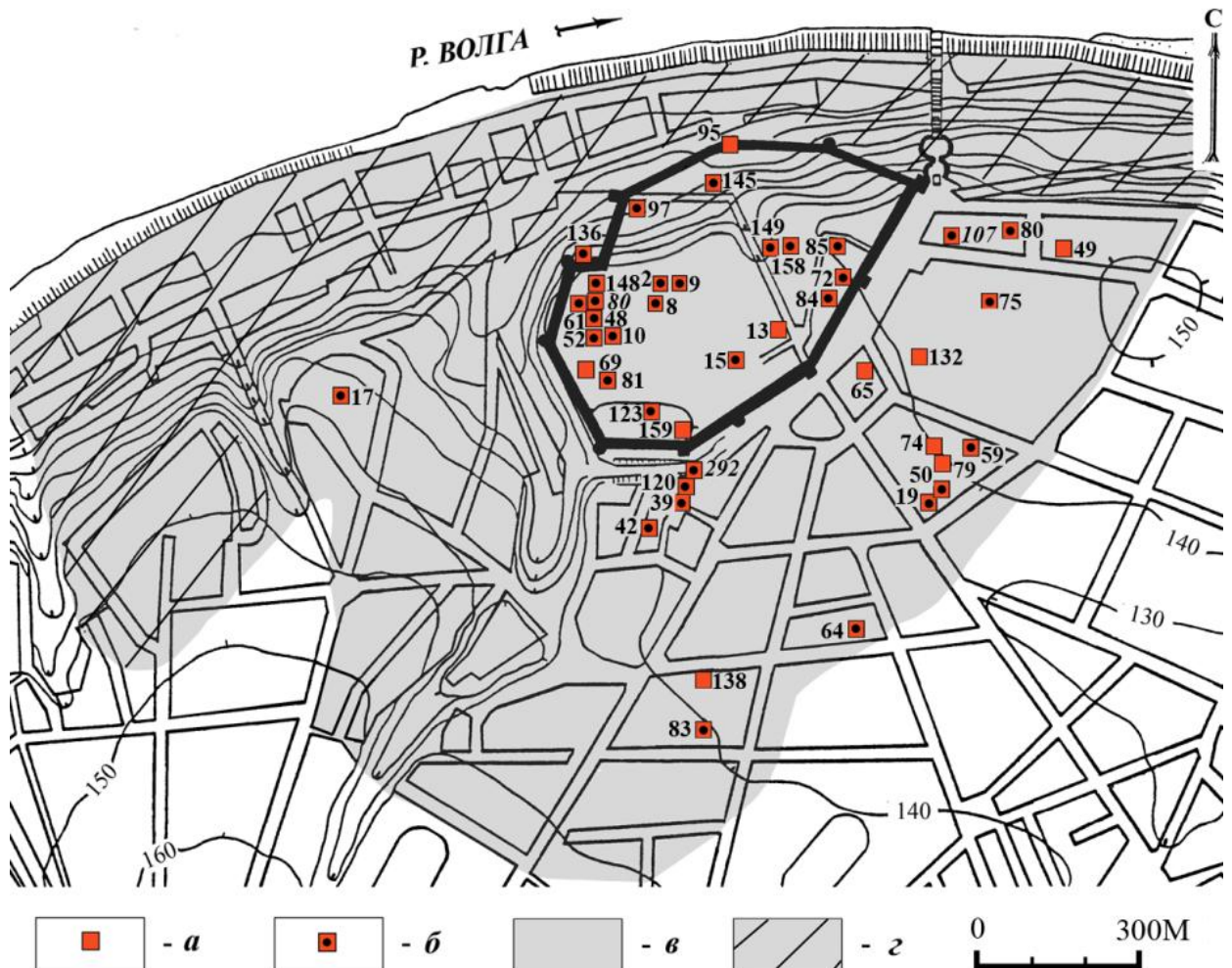

Рис. 44. Карта объектов археологических исследований в Нижнем Новгороде с находками средневековых предметов восточного импорта. *а* – места обнаружения восточного инвентаря без находок парадной художественной керамики; *б* – места обнаружения восточного инвентаря, в том числе – с находками фрагментов парадной художественной керамики; *в* – территория средневекового города XIII – начала XV вв.; *г* – плохо изученные районы средневекового города (без раскопок). Номера объектов соответствуют списку в приложении 1.

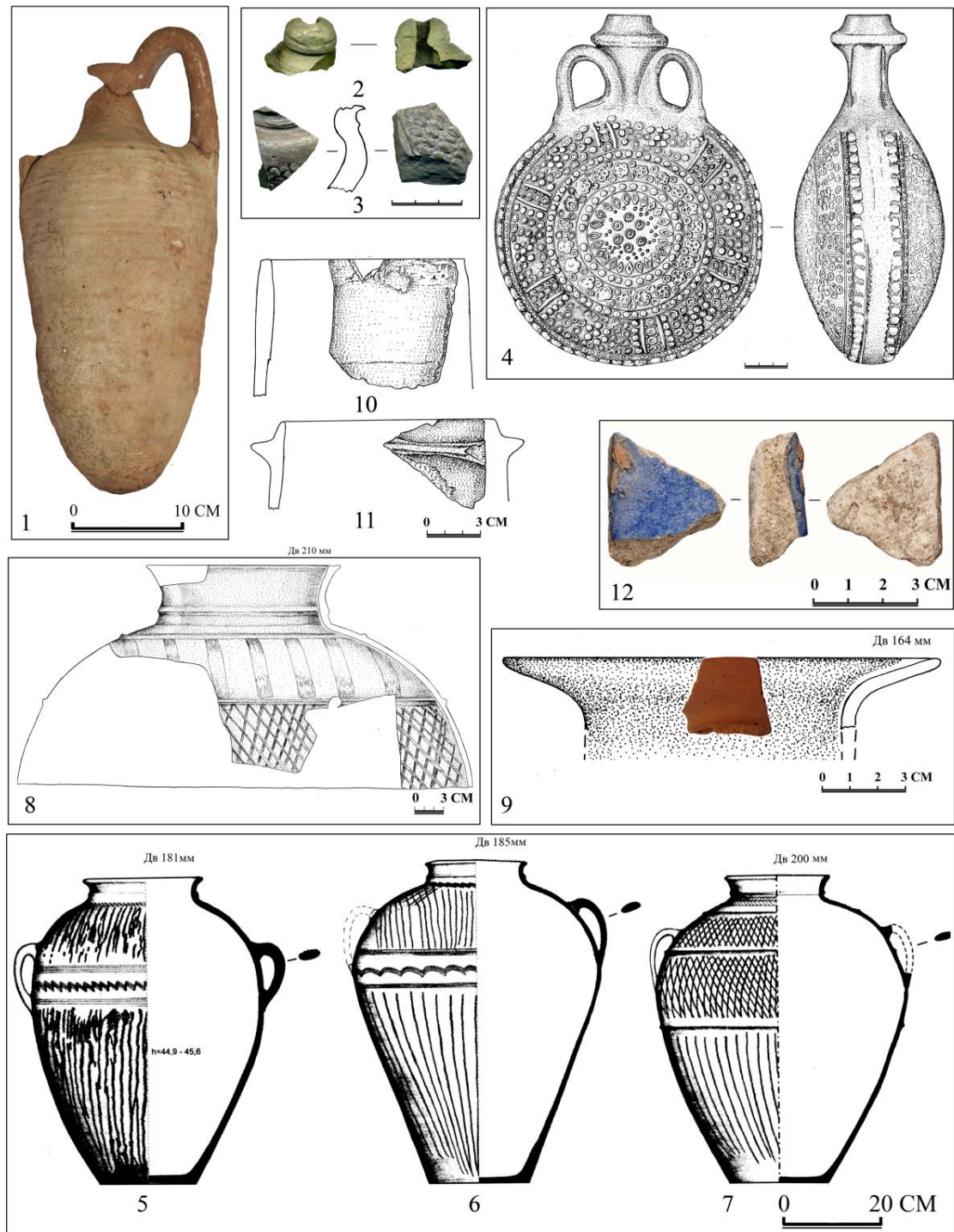
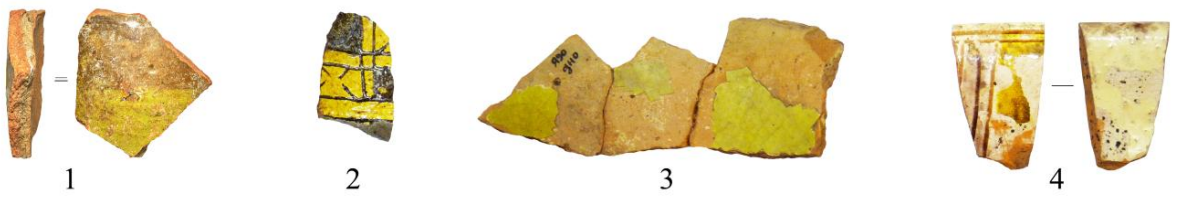
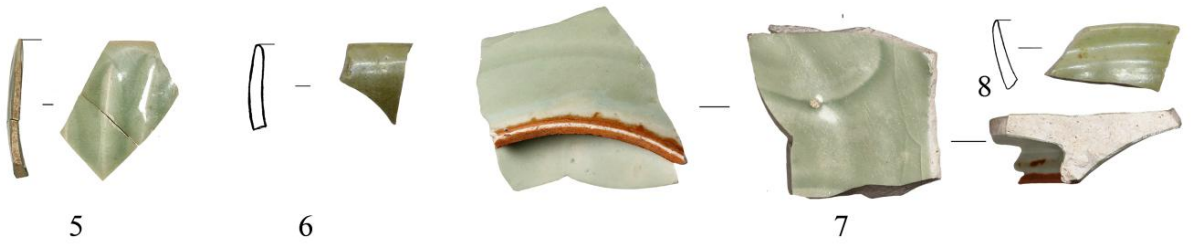

Рис. 45. Предметы восточного импорта из керамики из раскопок в Нижегородском кремле: 1 – амфора группы «Трапезунд», 2, 3 – фрагменты сфероконусов; 4 – фляга; 5–6, 8 – хумообразные краснолощённые сосуды; 9 – фрагмент красноглиняного тувака; 10, 11 – фрагменты красноглиняных дымоходных труб; 12 – фрагмент отделочной поливной плитки из кашина. 1, 5–7 – И.О. Ерёмин, 2006 (1: Ерёмин, Муренцова, 2010; 5–7: Кравцов, 2010); 2, 3 – Н.Н. Грибов, 2018 г.; 4, 8–12 – Т.А. Марьёнкина, 2019 г. (раскоп на месте станции фуникулёра).

Полумайолика (33 фрагмента)

Китайский фарфор - селадон (12 фрагментов)

Полуфаянсы и фаянсы на кашинной основе (577 фрагментов)

Ладжвардин (3 фрагмента)

Люстр (12 фрагментов)

Рис. 46. Образцы восточной поливной керамики из раскопок в Нижегородском кремле. 1 – Т.А. Марьёнкина, 2019 г. (раскоп на месте колокольни); 2–4, 6, 8, 11 – В.А. Лапшин, 2001 г.; 5 – А.И. Письмаркина, 2019 г.; 7, 9, 10, 12–18 – Т.А. Марьёнкина, 2019 г. (раскоп на месте станции фуникулёра).

Рис. 47. Предметы восточного импорта из Нижнего Новгорода: 1–5 – фрагменты стеклянных сосудов; 6, 7 – фрагменты бронзовых зеркал; 8 – бронзовый замок; 9 – венчик чугунного котла; 10 – краснолощённое пряслице; 11, 12 – фрагменты котлов из талькового камня. Раскопки Лапшина 2001 г. (1–3, 5, 11, 12), А.И. Письмаркиной 2019 г. (9), Т.А. Марьёнкиной 2019 г. (7, 8), Н.Н. Грибова (4, 10), С.В. Очеретиной 2015 г. (6).

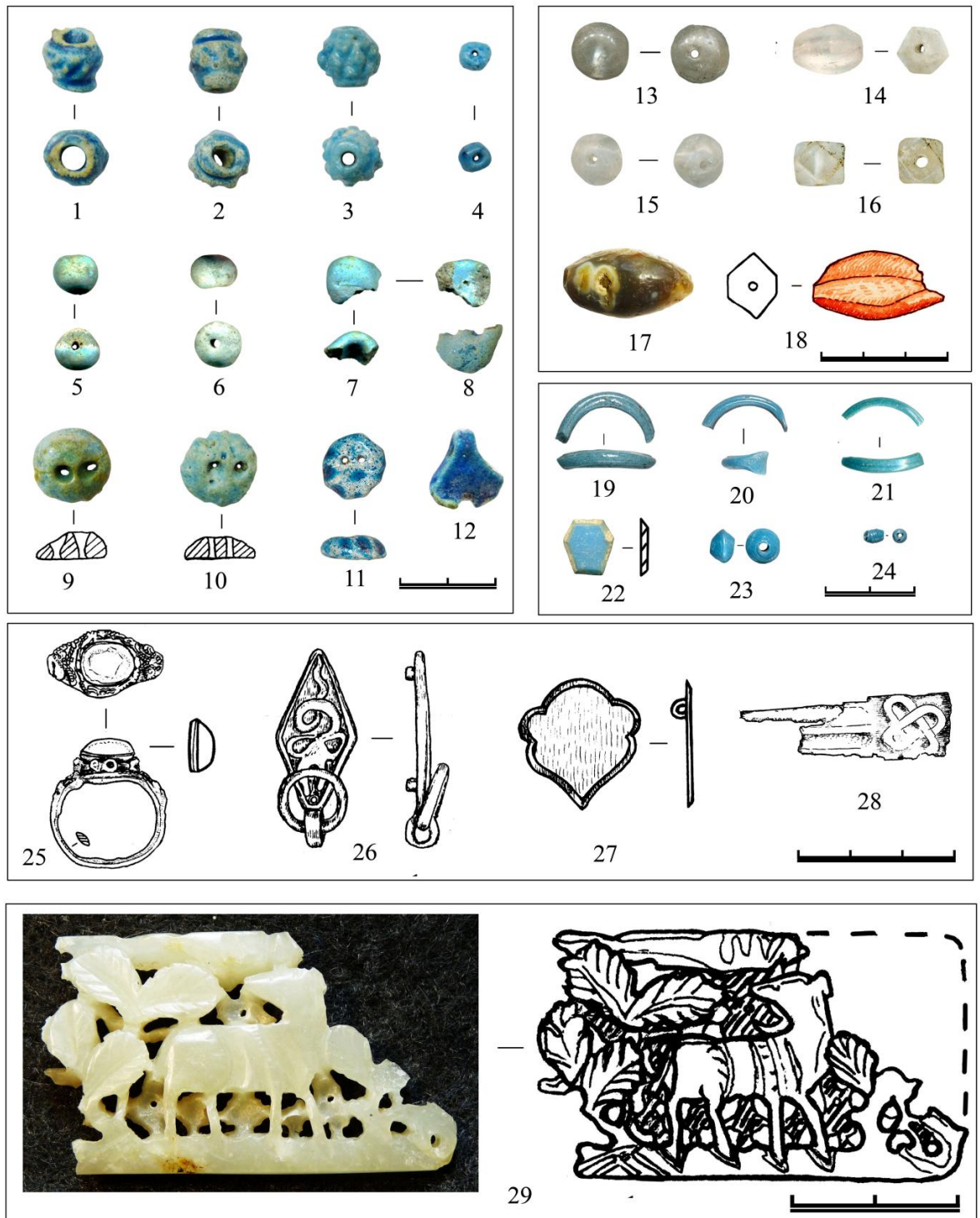

Рис. 48. Украшения восточного происхождения из стекла (19–24), бронзы (26–28), серебра (25), кашина (1–12) и камня (13, 18, 29) из Нижнего Новгорода и памятников его ближайшей округи Бусы: 1–7, 13–18, 23, 24. Пуговицы: 8–11. Подвеска: 12. Накладки: 26, 27, 29. Вставка: 22. Браслет: 28. Перстни: 19–21, 25. Нижний Новгород: раскопки В.Ф. Черникова 1977 г. (18), В.А. Лапшина 2001 г. (1–6, 9–12, 17, 26, 27), А.И. Письмаркиной 2019 г. (29), Т.А. Марьёнкиной 2019 г. (19, 20, 23, 24), С.В. Долгополова 2016 г. (14), И.О. Ерёмина 1997 г. (28), Н.Н. Грибова 1999 г. (25), 2018 г. (6, 7, 22), 2021 г. (13, 16). Поселение Бешенцево-3: раскопки Н.Н. Грибова 2008 г. (15).

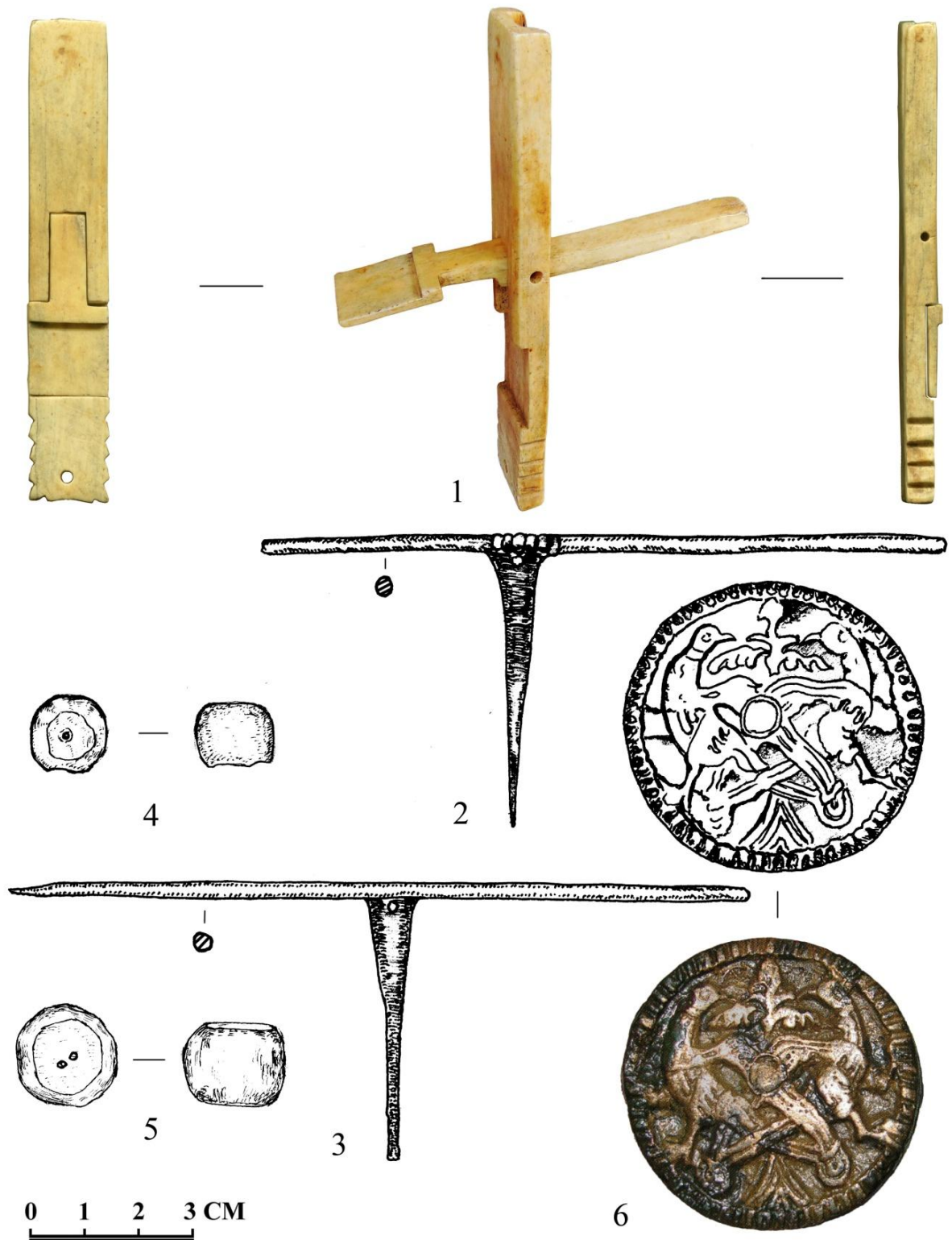

Рис. 49. Торговый инвентарь из раскопок Нижнего Новгорода: 1 – монетные весы; 2, 3 – коромысла весов со стрелочными указателями; 4, 5 – гири; 6 – сворка гири. Кость: 1. Бронза: 2, 3, 6. Свинец: 4, 5. Раскопки Т.В. Гусевой 1989 г. (6) и 1991 г. (5), И.О. Ерёмина 1997 г. (2, 3), Н.Н. Грибова Н.Н. 1998 г. (4) и 2021 г. (1).

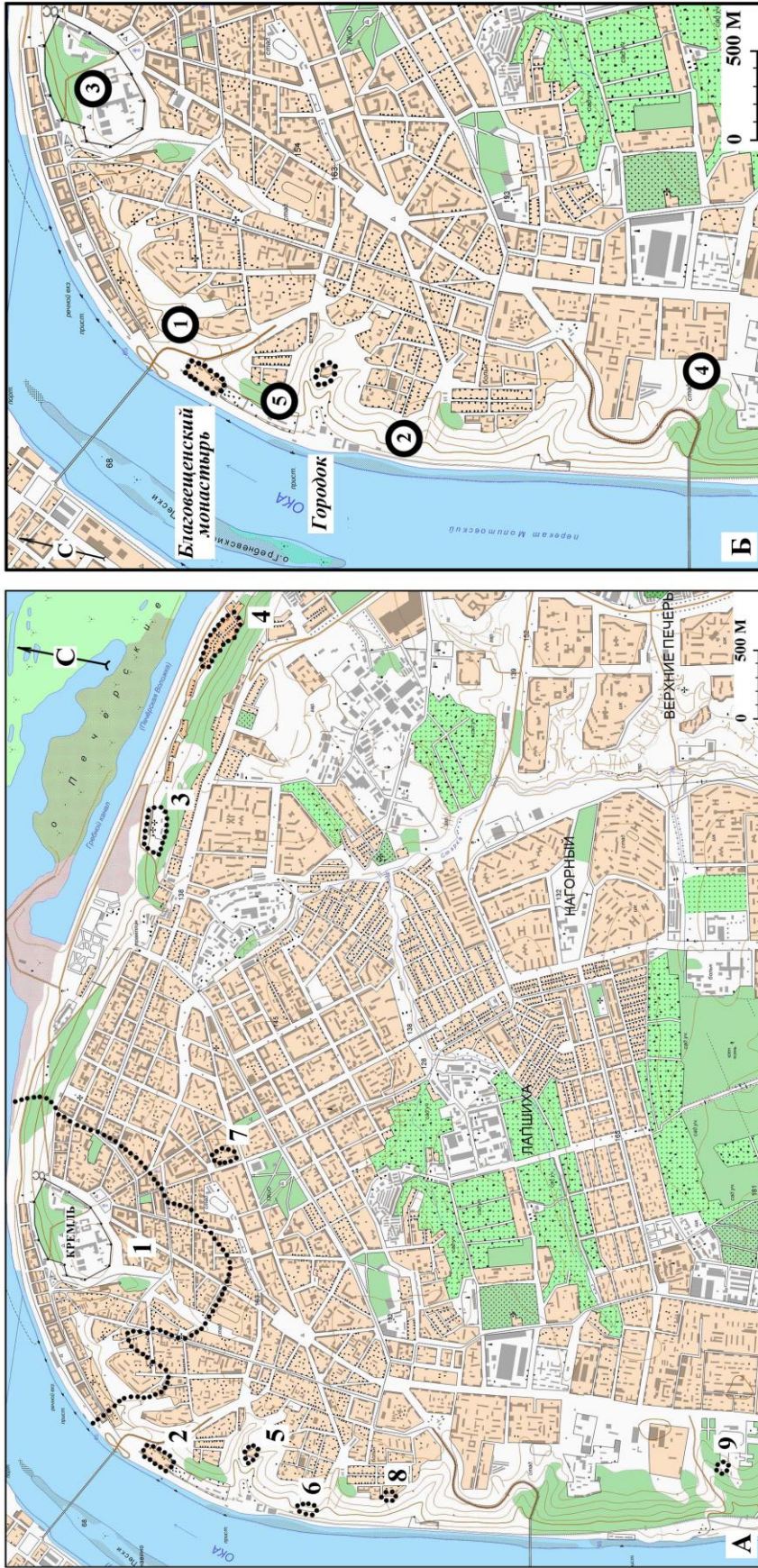

Рис. 50. План современного г. Нижнего Новгорода с нанесением границ средневекового города, ближайших к нему археологических памятников (А) и мест локализации Старого городка Нижегородского летописца, известных по историографии (Б).

Сечение горизонталей 20 м. А: 1 – средневековый Нижний Новгород XIII – начала XV вв.; 2 – Благовещенский монастырь (известен с 1229 г.); 3 – Вознесенский Печёрский монастырь (с начала XVII в.); 4 – Вознесенский Печёрский монастырь XIV–XVI вв. (селище Слобода Старые Пещёры); 5 – городище Городок (середина XV – начало XVI вв.); 6 – поселение у Ромодановского вокзала (вторая четверть II тыс. до н.э.; VII–III вв. до н.э.); 7 – селище в пер. Ткачёва (XIII – начало XV вв.); 8 – селище Еленское (XIII – начало XV вв.; XVI–XVII вв.); 9 – селище Слуда (XIII – начало XV вв.). Б: 1 – вершина Гремячей горы (Мельников, 1884); 2 – поселение за Ромодановским вокзалом (Кирьянов, 1956а; Сочнев, 1991); 3 – стадион Нижегородского государственного университета (Филагов, 1994а, 1999); 4 – Кремль (Кучкин, 2002); 5 – укрепления Старого острога (Чеченков, 2012).

Рис. 51. Фрагмент плана Нижегородского уезда 1791 г. А. Нижний Новгород. Рамкой отмечен район расположения городища Городок (Круглый овраг). Б. Направления обмеров выгонной земли в районе Никольской башни Старого острога (реконструкция по Писцовой книге г. Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в.): а – «...от большого острогу по большой Московской дороге...»; б – «...от большие Московские от Николские дороги вдоль к селу Высокому...»; в – «...поперегъ от Оки реки... по болшую Московскую дорогу...». Арабскими цифрами указаны основные ориентиры: 1 – Старый острог; 2 – Никольская башня; 3 – Большая Московская дорога; 4 – село Высокое; 5 – р. Ока.

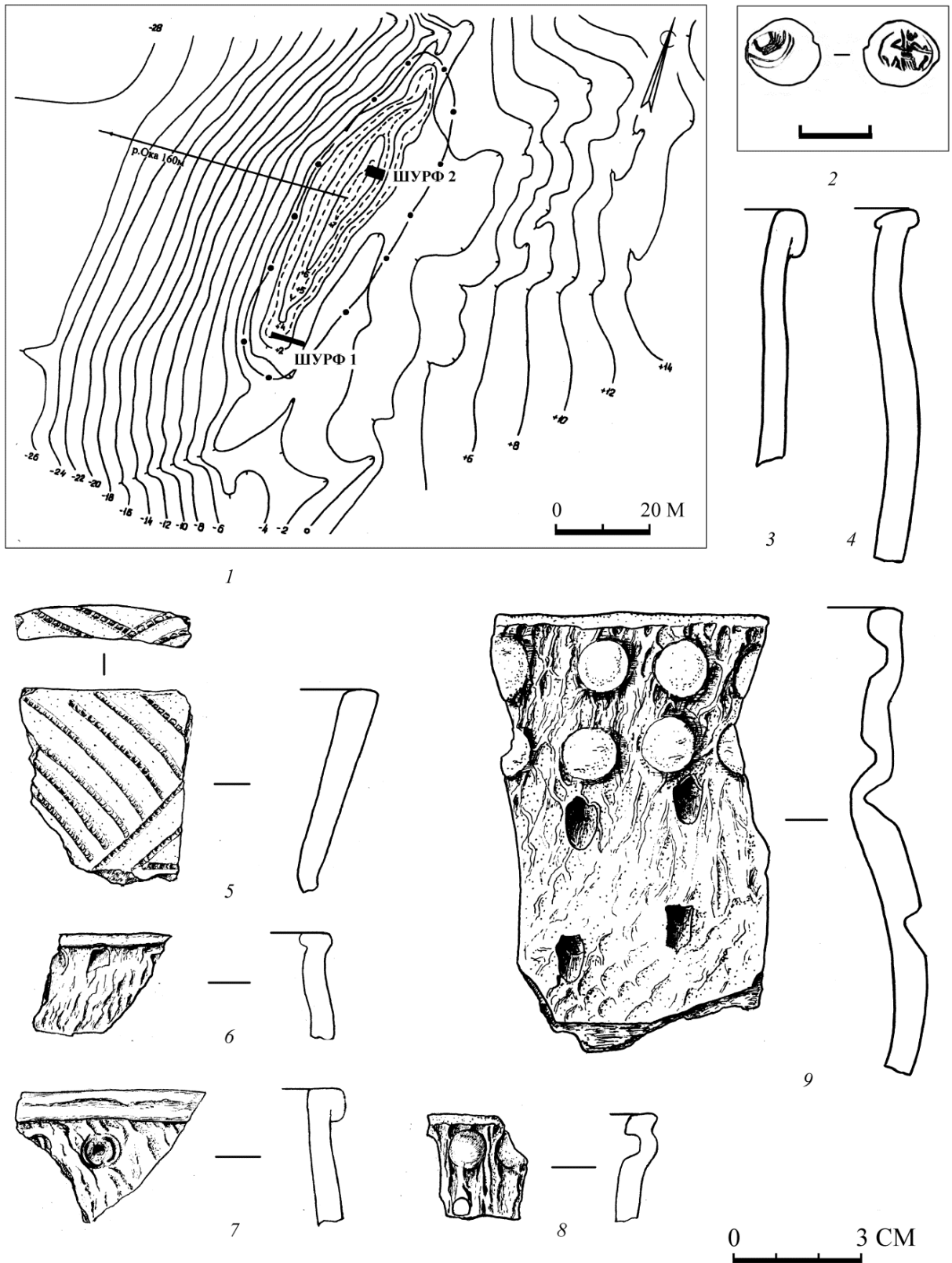

Рис.52. Поселение за Ромодановским вокзалом: 1 – план памятника; 2–9 – находки из шурфа 2004 г. (2 – серебряная монета; 3–8 – венчики лепных сосудов эпохи бронзы (5) и раннего железного века (3, 4, 6–9)).

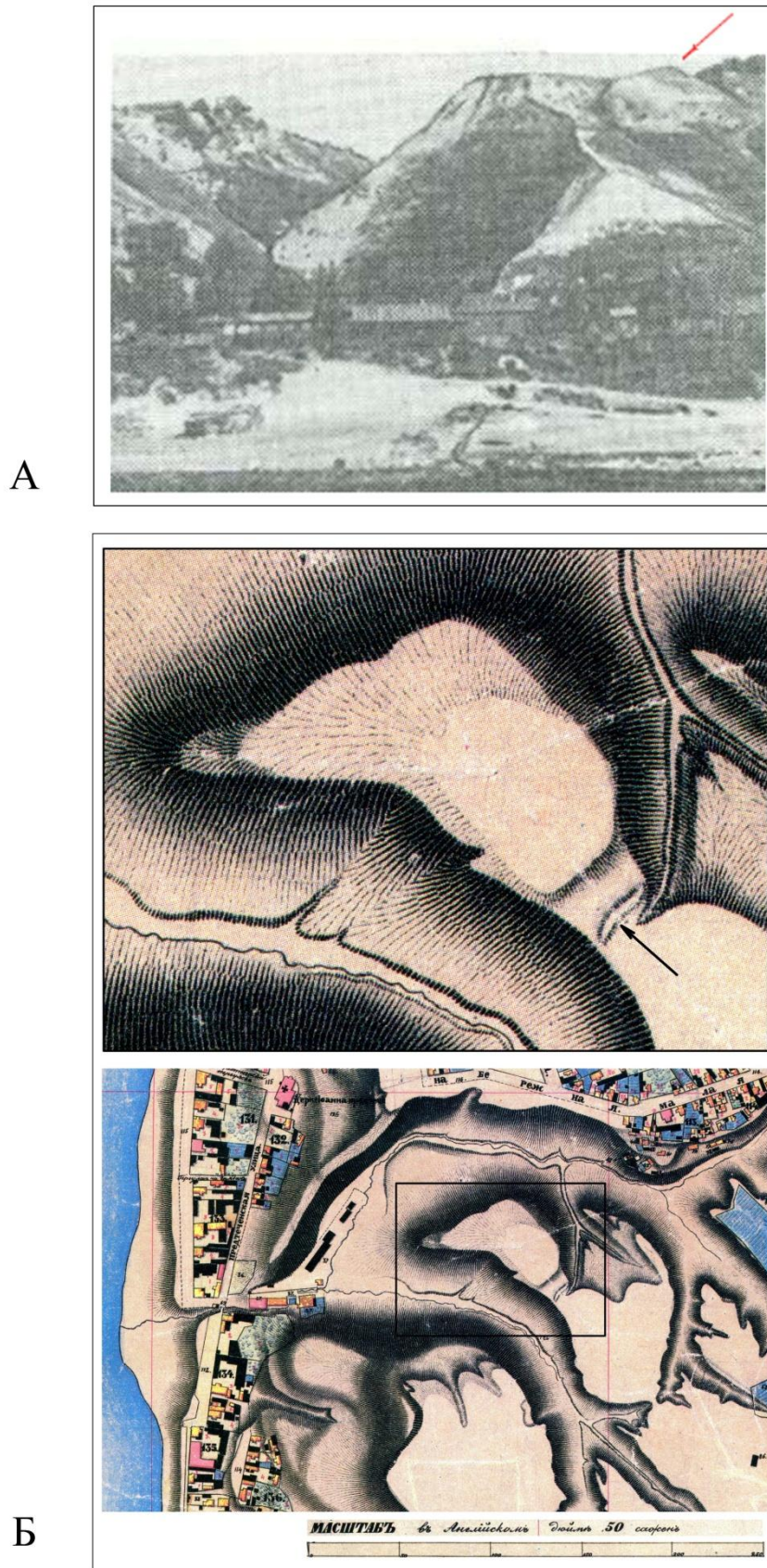

Рис. 53. Городище Городок.

А – фото 1962 г. (Г.К. Блом) со стороны р. Оки (Игнатьев, 1966. С. 50, рис. 45). Б - на плане г. Нижнего Новгорода съёмки 1848-49 гг.; стрелками показана насыпь вала.

Рис. 54. Городище Городок: 1 – вид с северо-запада с высоты птичьего полёта (2009 г.), памятник указан красной стрелкой; 2 – вид с юго-запада (2009 г.).

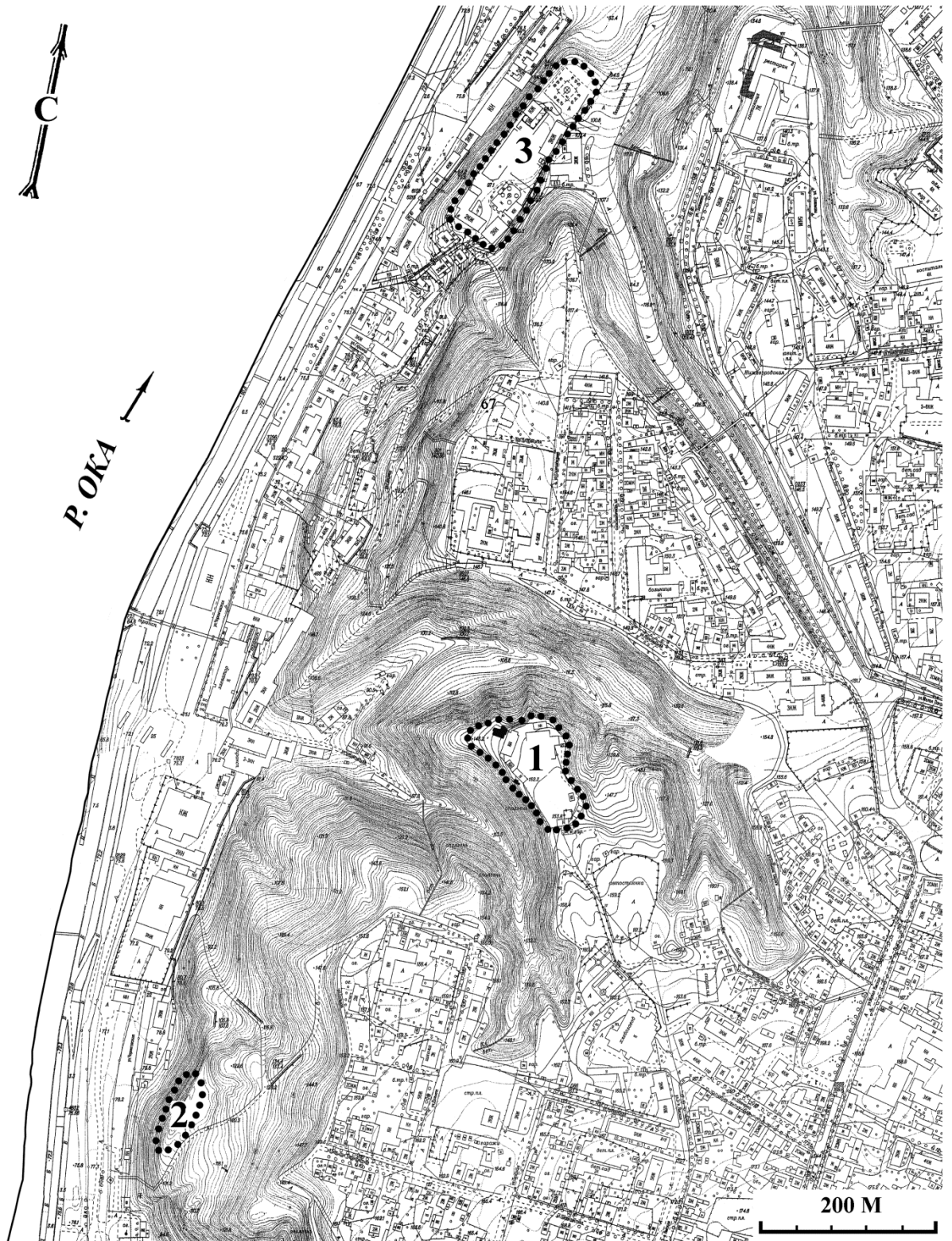

Рис. 55. Городище Городок (1) и ближайшие к нему памятники археологии: поселение эпохи бронзы и раннего железного века за Ромодановским вокзалом (2) и Благовещенский монастырь (3). Ситуационный план. Сечение горизонталей 1 м. Высоты указаны в Балтийской системе.

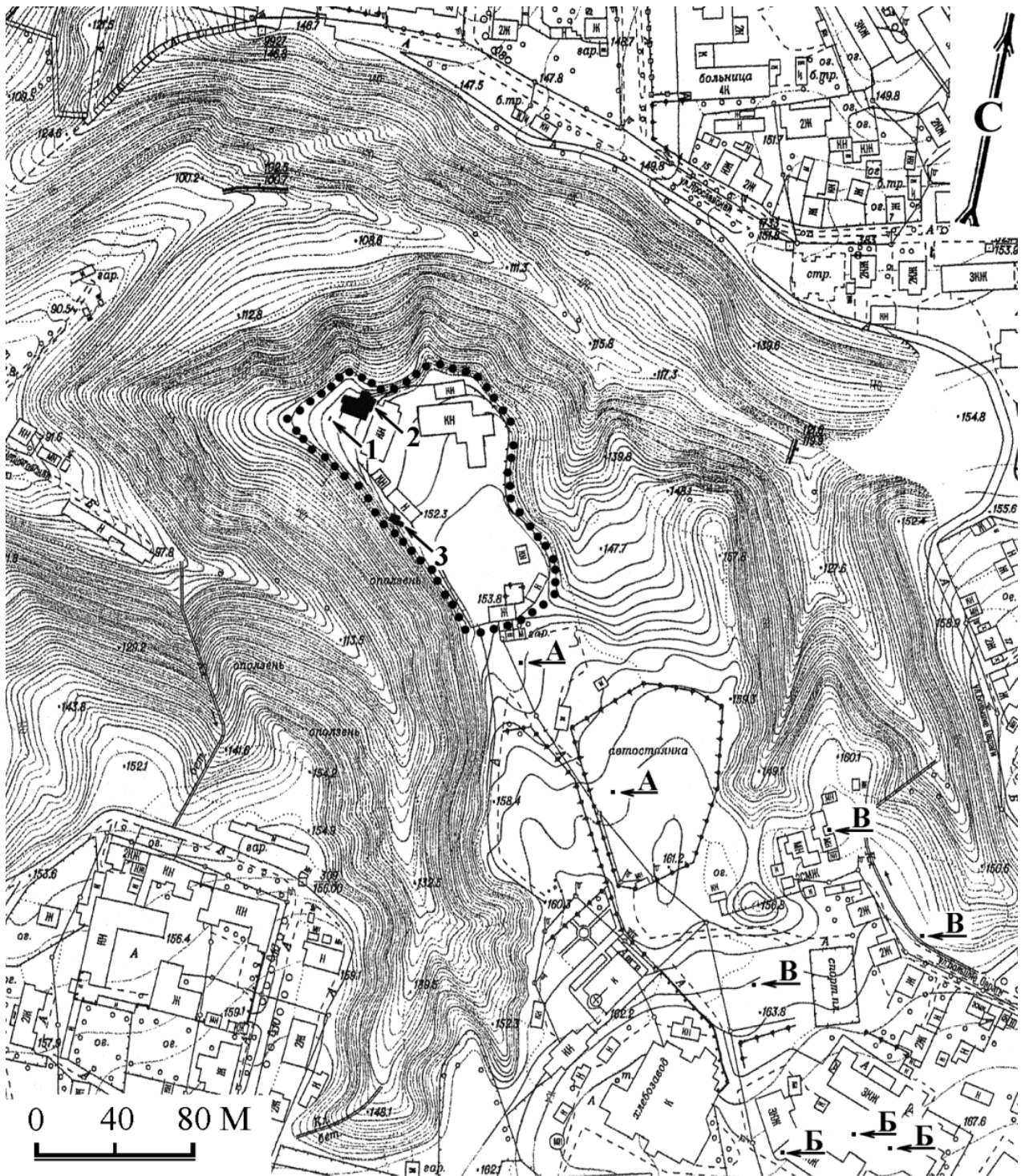

Рис. 56. Городище Городок. Ситуационный план. Сечение горизонталей 1м. Высоты указаны в Балтийской системе. 1–3 – шурфы и раскопы, заложенные на памятнике: шурф 1996 г. (1), раскопы 1–3 2003-04 гг. (2), шурф 2 2004 г. (3). А, Б, В – шурфы И.О. Ерёмина 1995 г. (А), 1996 г. (Б) и А.А. Доманина 2013 г. (В) – без средневековых материалов.

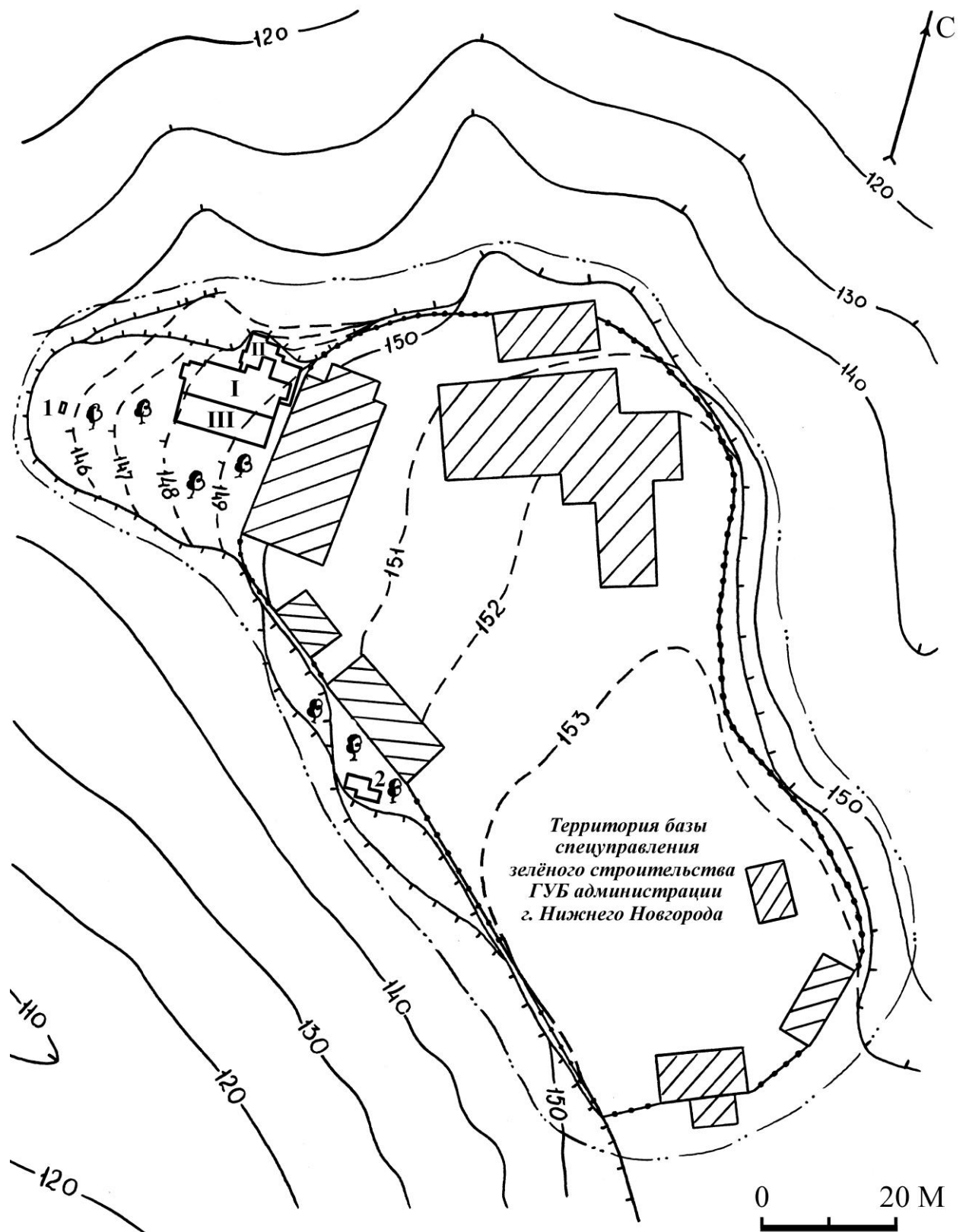

Рис. 57. Городище Городок. План памятника (съёмка 2003 г.). I – раскоп 1 (2003 г.), II – раскоп 2 (2004 г.), III – раскоп 3 (2004 г.), 1 – шурф 1 (1996 г.), 2 – шурф 2 (2004 г.).

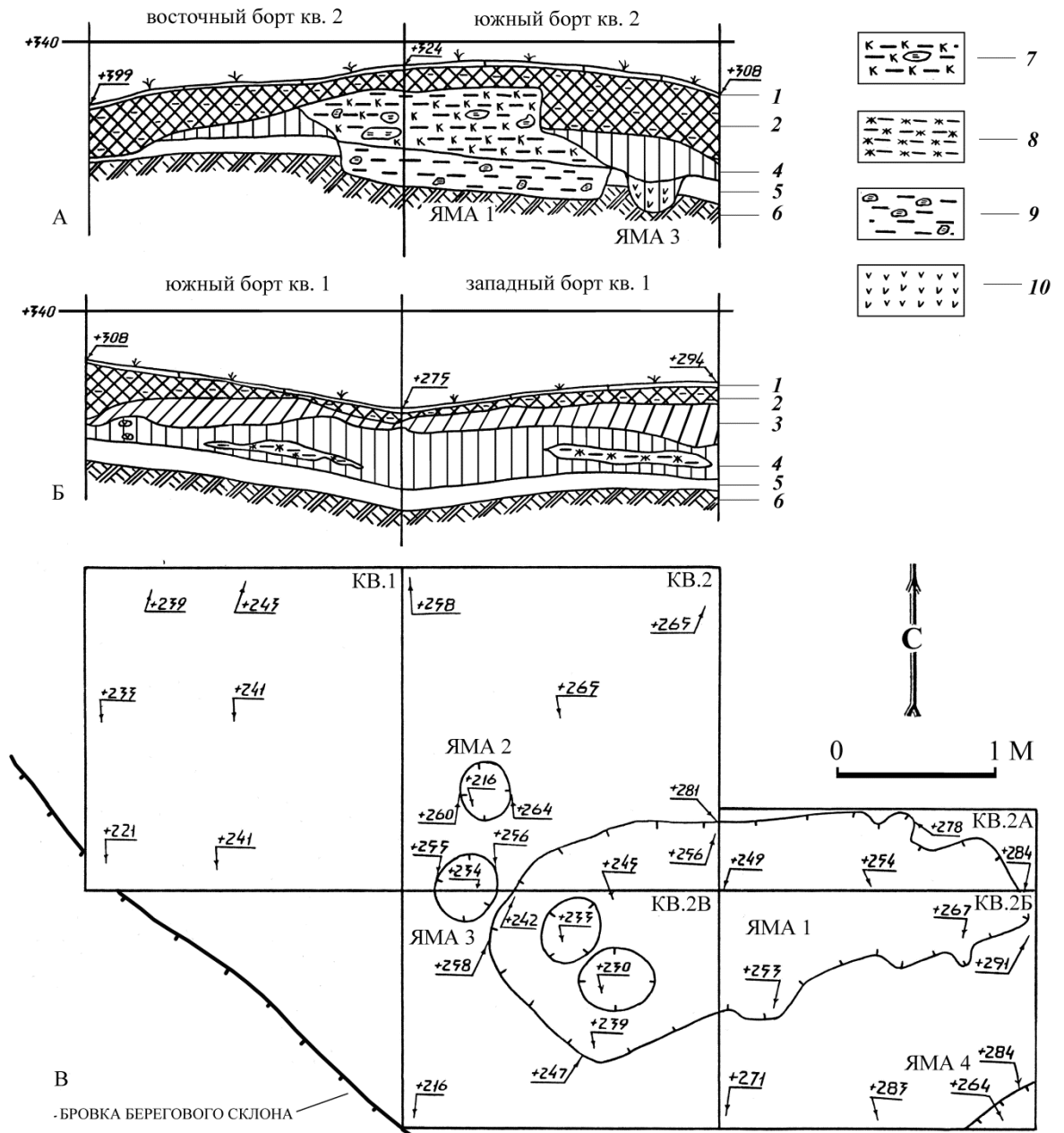

Рис. 58. Городище Городок. Шурф 2. Стратиграфия отдельных участков бортов (А, Б) и план по матерiku (В).

1 – дёрн; 2 – крапчатый переотложенный материковый суглинок с мелкими комками серого гумусированного грунта (верхний горизонт); 3 – стерильный однородный коричневый суглинок (средний горизонт); 4 – чёрный угленасыщенный рыхлый грунт, насыщенный средневековой керамикой, костями животных и рыб (нижний горизонт); 5 – стерильный белесоватый суглинок (переходный почвенный горизонт А1А2); 6 – бурый стерильный четвертичный суглинок (материк); 7 – грунт развала глинобитной печи; 8 – жёлтый обожжённый суглинок; 9 – переотложенный материковый суглинок с включением крошки пещины; 10 – уголь.

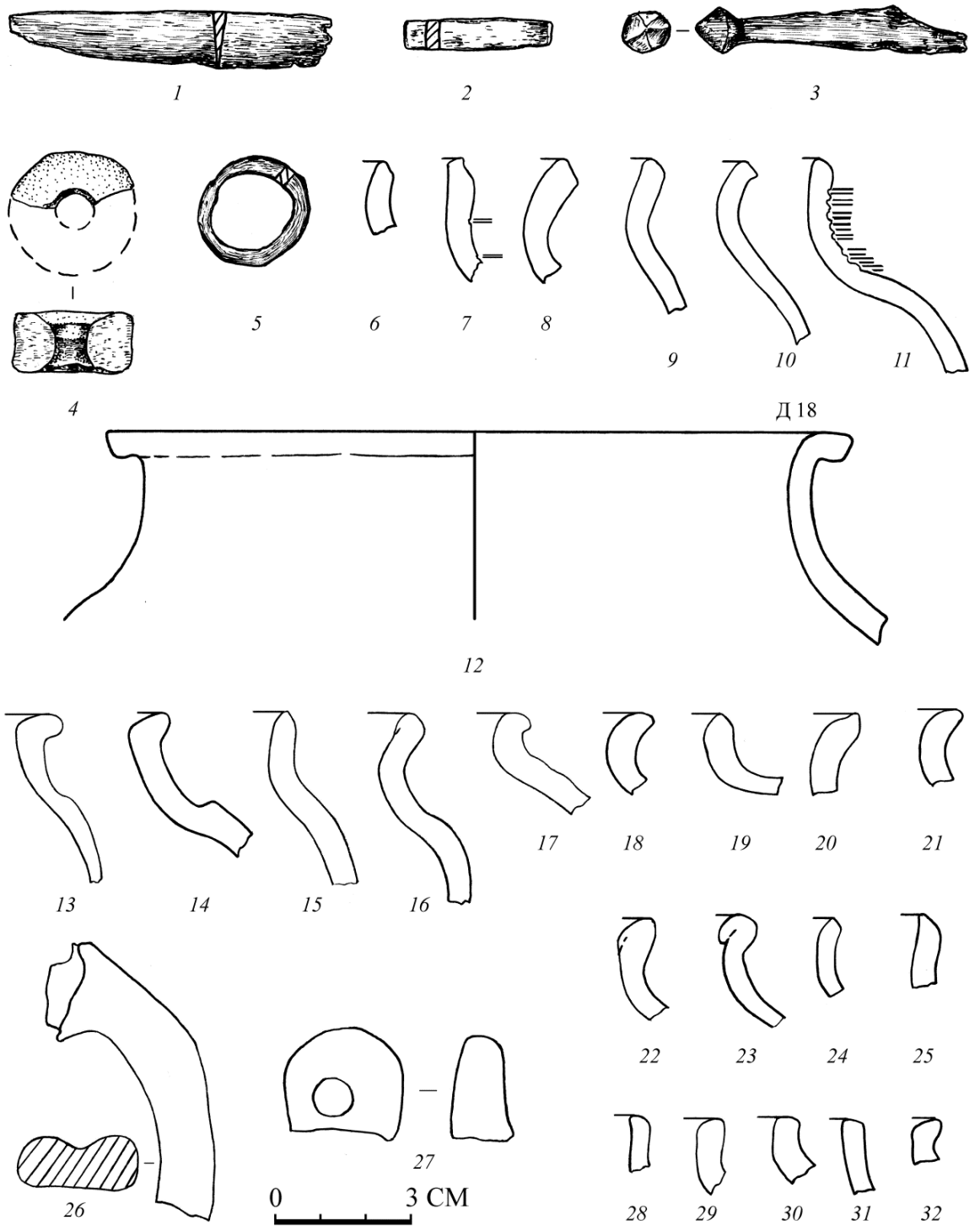

Рис. 59. Городище Городок. Шурф 2. Находки и керамика из верхнего горизонта: 1 – нож; 2 – стержень; 3 – шип от шпоры (?); 4 – пряслице; 5 – пряжка; 6–32 – венчики (6–25, 28–32) и ручек (26, 27) керамических сосудов. Красноглиняная гончарная керамика с преобладанием тонких формовочных масс или с примесью мелкозернистого песка в тесте: 13, 15–22, 24, 25, 27; с примесью дресвы: 12, 14, 23, 26. Лепная керамика с примесью шамота: 28–32. Железо: 1, 2, 3, 5. Камень: 4.

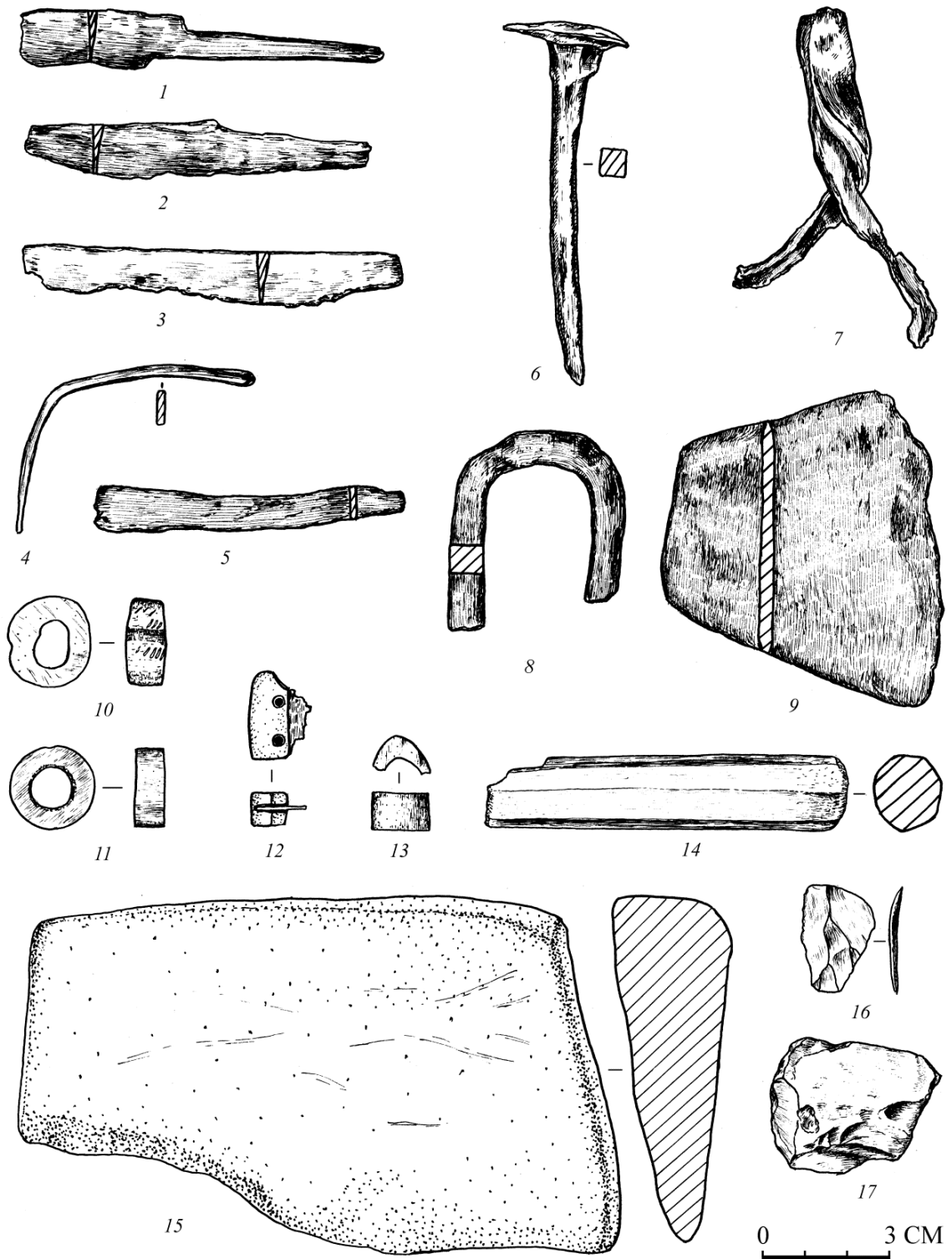

Рис. 60. Городище Городок. Шурф 2. Находки из нижнего горизонта: 1-3 – ножи; 4-5 – скобы; 6 – гвоздь; 7 – крюк для вытягивания рыболовных сетей; 8 – стержень; 9 – пластина; 10-11 – муфты; 12 – неопределённый предмет; 13 – фрагмент обоймы от рукоятки ножа; 14 – рукоятка; 15 – точильный камень; 16 – отщеп; 17 – кресальный кремль. Железо: 1-9. Кость: 10, 11, 13, 14. Кость+железо+бронза: 12. Камень: 15-17.

Рис. 61. Городище Городок. Шурф 2. Красноглиняные гончарные горшки из нижнего горизонта. Тесто с примесью редкой дресвы: 1; с примесью мелкозернистого песка: 2.

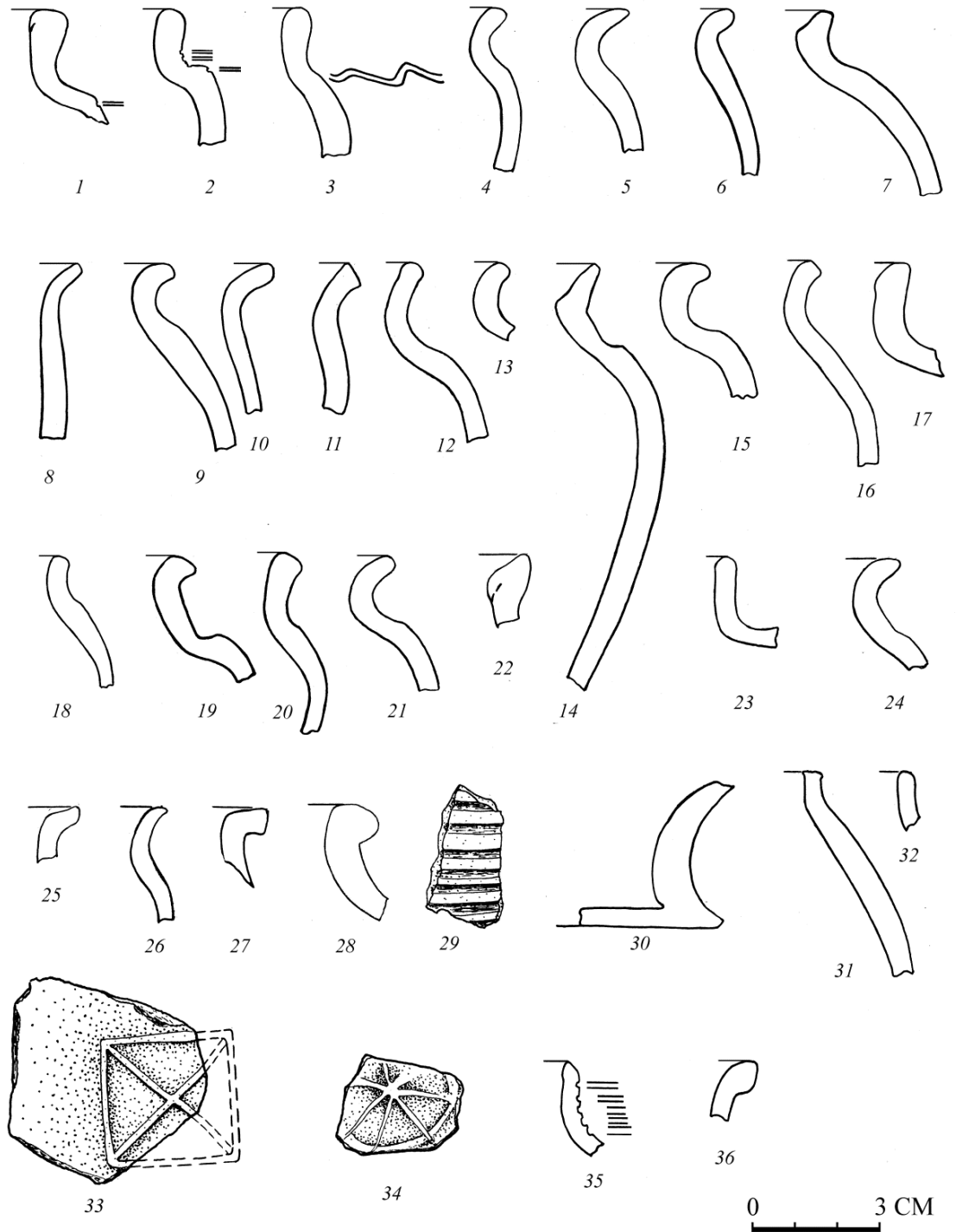

Рис. 62. Городище Городок. Шурф 2. Венчики (1–28, 31, 32, 35, 36), фрагменты стенок (29), днищ (30, 33, 34) керамических сосудов из нижнего горизонта. Красноглиняная гончарная с преобладанием тонких формовочных масс или с примесью мелкозернистого песка в тесте: 1–14, 16, 17, 22–26; с примесью дресвы: 15, 18–21, 27. Краснолощёная: 28, 29. Красноглиняная с белым ангобом: 30. Белоглиняная с тонким тестом: 35, 36; с частой примесью мелкозернистого песка: 33, 34. Лепная с примесью шамота: 31, 32.

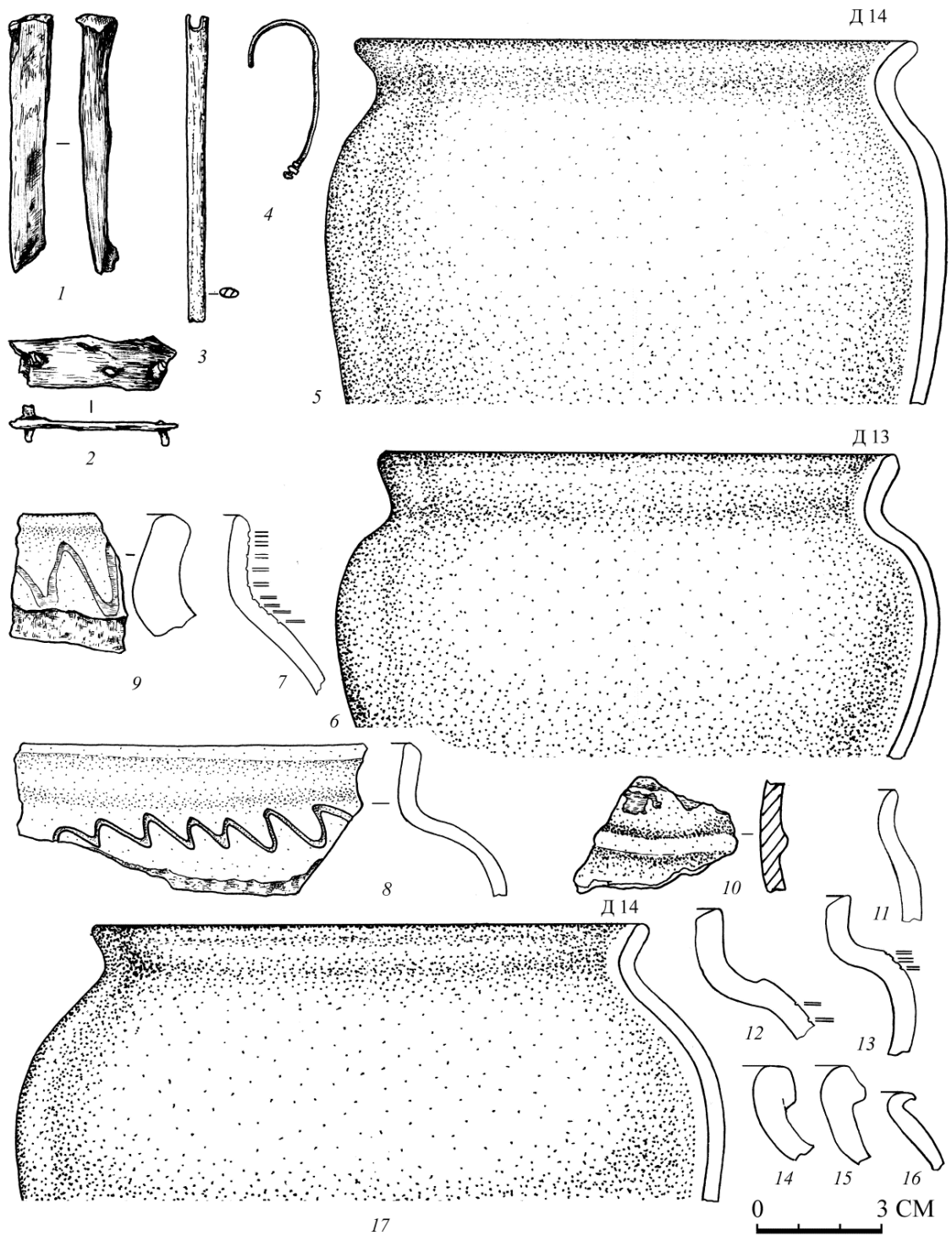

Рис. 63. Городище Городок. Шурф 2. Находки (1–4) и керамика (5–17) из ямы 1: 1 – стержень; 2 – фрагмент ножа; 3 – игла; 4 – серьга; 5, 6, 17 – реконструкции верхних частей гончарных горшков; 7–9, 11–16 – венчики; 10 – фрагмент стенки поливного сосуда. Красноглиняная гончарная с преобладанием тонких формовочных масс или с примесью мелкозернистого песка в тесте: 12, 13; с примесью дресвы: 14–16. Краснолощёная: 9. Белоглиняная с тонким тестом: 7; с частой примесью мелкозернистого песка: 5, 6, 8, 17. Лепная с примесью шамота: 11.

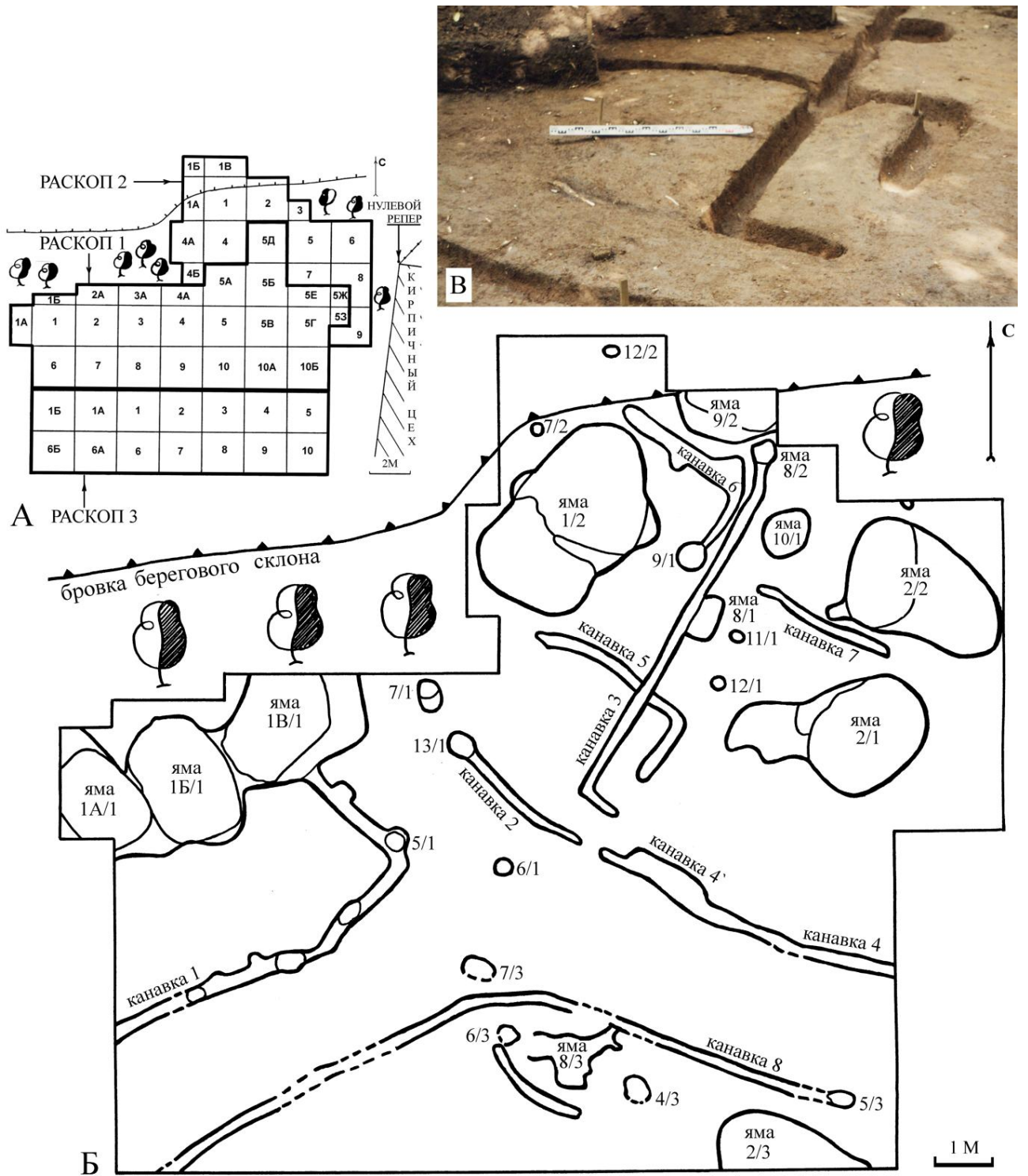

Рис. 64. Городище Городок. Раскопы 1–3 (2003, 2004 гг.).

А – план с разбивкой на квадраты;

Б – сводный план по матерiku;

В – канавки 2, 3, 5 с юго-востока.

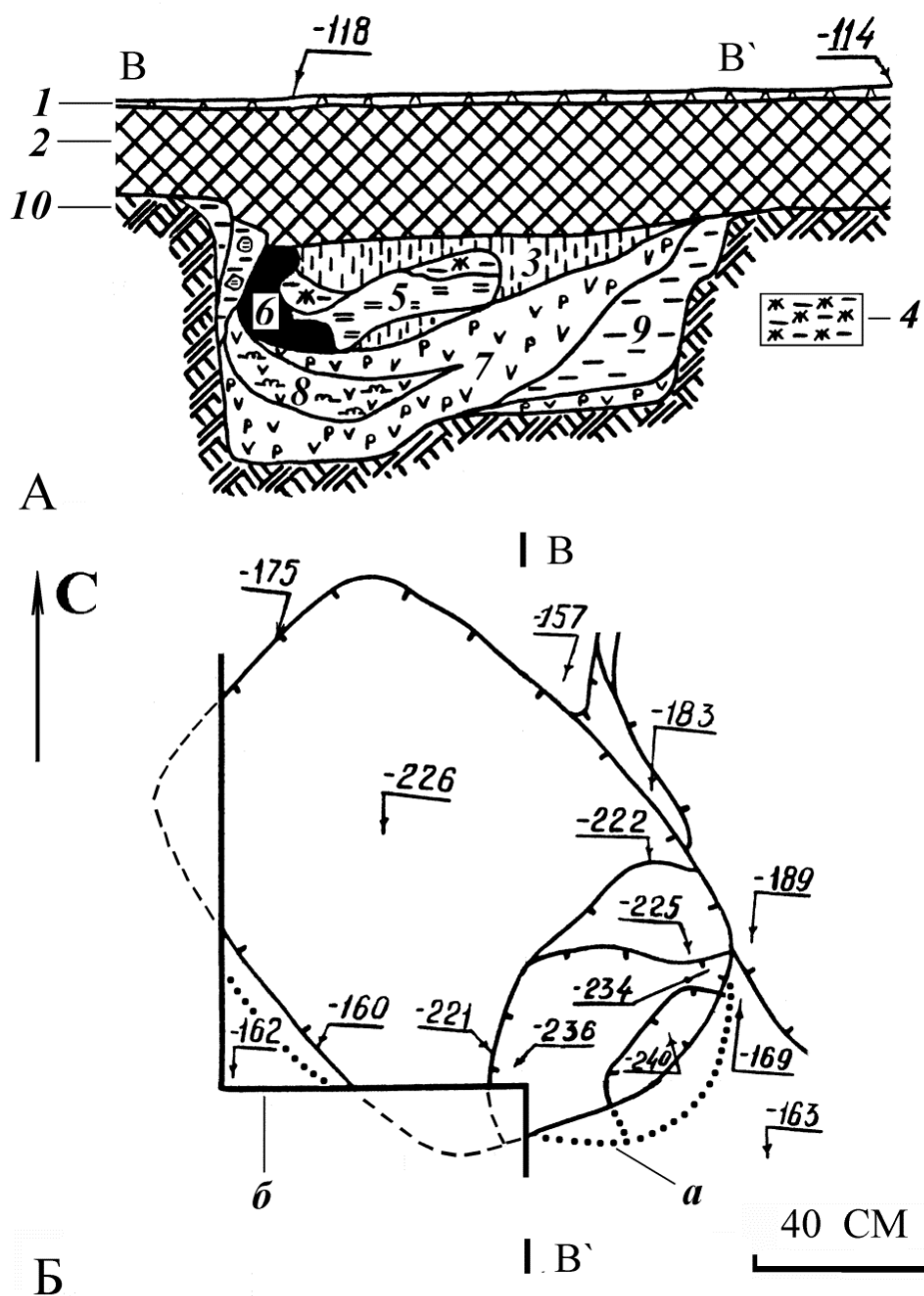

Рис. 66. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1: разрез (А) и план по матерiku (Б).

Перекрывающие напластования: 1 – белесоватая прослойка отходов от распиловки камня; 2 – тёмно-коричневый суглинок. *Верхний горизонт:* 3 – пёстрый комковатый серовато-коричневый грунт (слой 1); 4 – жёлтый обожжённый суглинок (прослойка 1а); 5 – пластичный обожжённый кирпично-красный суглинок (прослойка 1б); 6 – чёрная сажа и мелкораспылённый древесный тлен (прослойка 1в). *Нижний горизонт:* 7 – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 2); 8 – углисто-золистая линза; 9 – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Материк:* 10. а – линия дна ямы на участке с отрицательным наклоном бортов; б – борт раскопа.

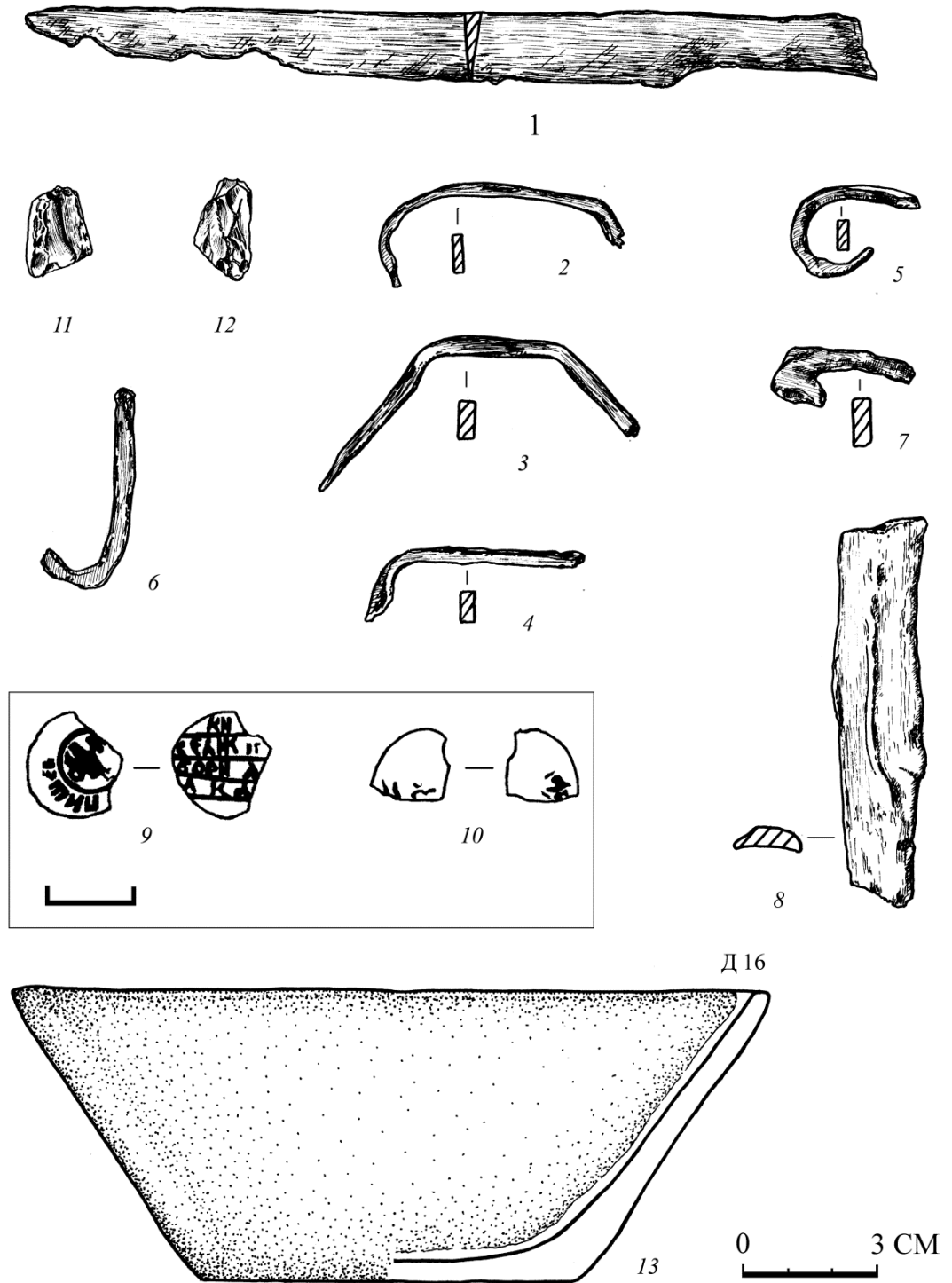

Рис. 67. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1: 2-10, 12, 13; слой 1а: 1, 11): 1 – нож; 2-5 – скобы; 6 – рыболовный крючок; 7, 8 – неопределённые предметы; 9, 10 монеты: денга Бориса Александровича Тверского (9) и неопределимого эмитента (10); 11, 12 – кресальные кремни; 13 – красноглиняная миска с примесью дресвы в тесте. Железо: 1-7. Бронза: 8. Серебро: 9, 10. Камень: 11, 12. Керамика: 13.

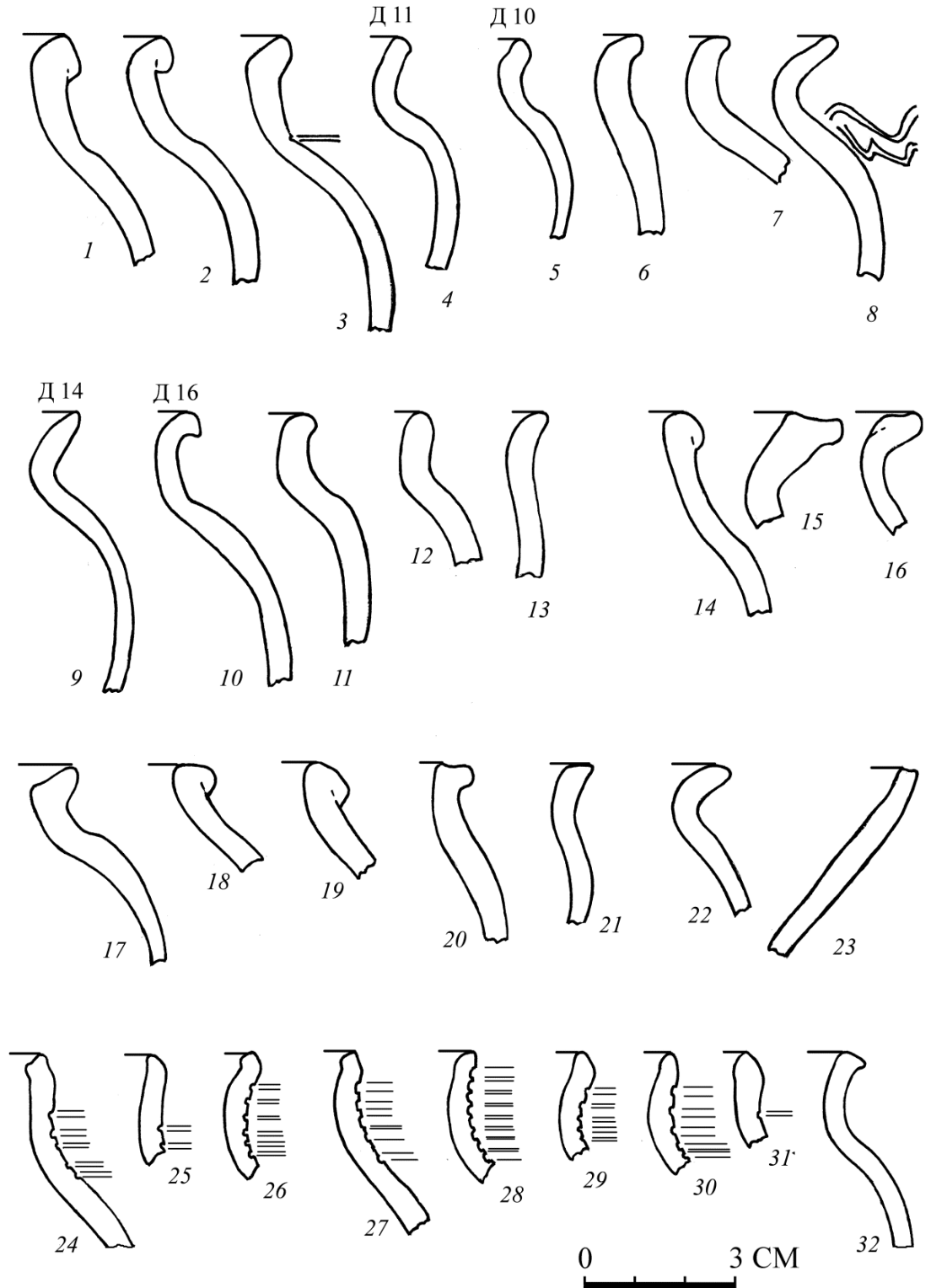

Рис. 68. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Венчики керамических сосудов из верхнего горизонта (слой 1: 1, 4-10, 12-14, 16, 19-22, 24-31; слой 1а: 2, 3, 11, 15, 17, 18, 23, 32). Красноглиняные с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка: 1-13, с примесью редкой дресвы: 17-23, с примесью частой дресвы: 14-16. Белоглиняные с тонким тестом: 24-31, с запесоченным тестом: 32.

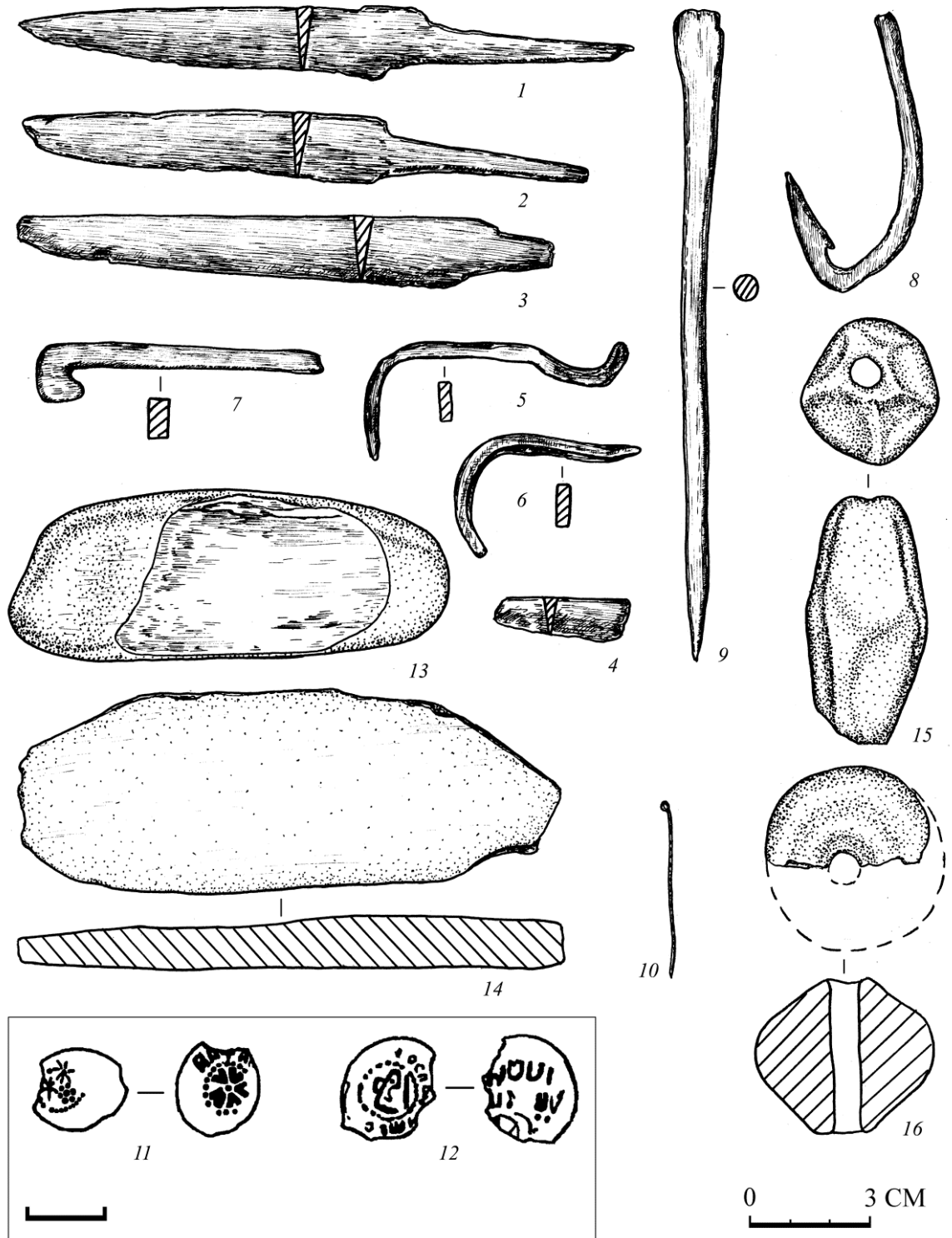

Рис. 69. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Находки из нижнего горизонта (слой 2): 1-3 – ножи; 4 – фрагмент ножа; 5-7 – неопределённые предметы; 8 – рыболовный крючок; 9 – писало; 10 – булавка; 11, 12 – серебряные монеты Василия II (12) и неопределимого эмитента, чеканки около 1462 г. (11); 13, 14 – точильные камни; 15, 16 – рыболовные грузила. Железо: 1-9. Бронза: 10. Серебро: 11, 12. Камень: 13, 14. Керамика: 15, 16.

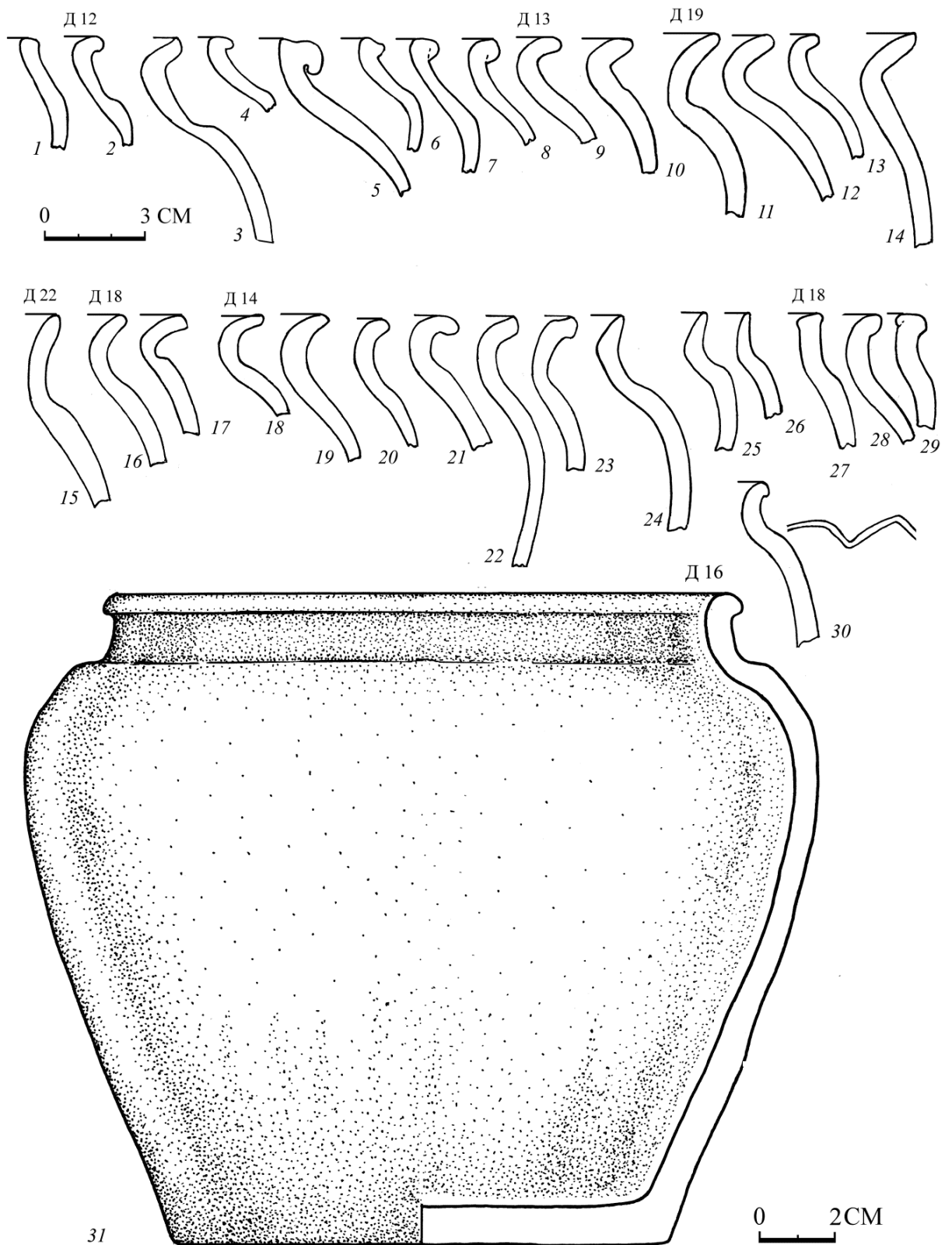

Рис. 70. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Красноглиняная керамика из нижнего горизонта (слой 2). 1–30 – венчики сосудов с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка; 31 – красноглиняный горшок с примесью песка в тесте.

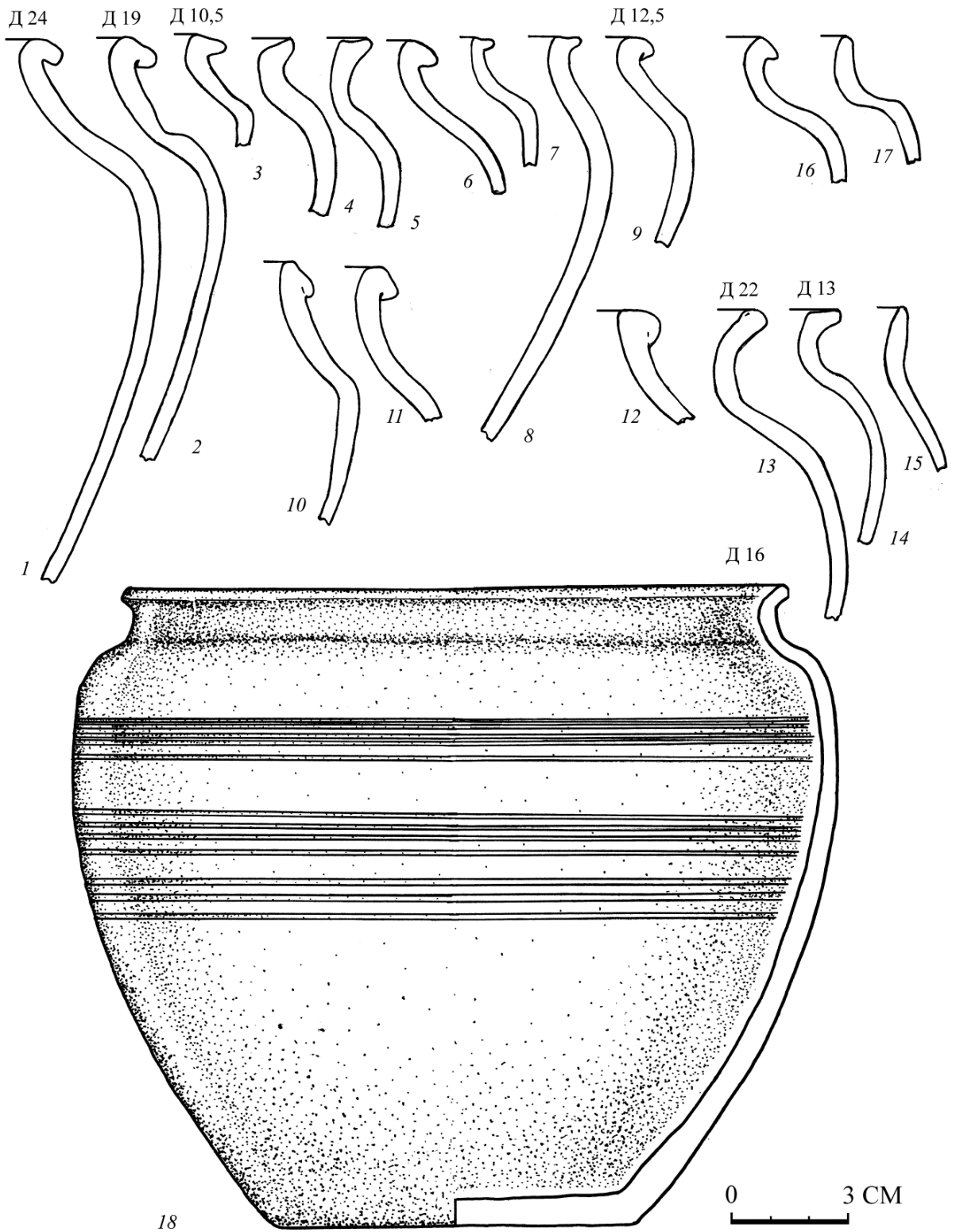

Рис. 71. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Красноглиняная керамика из нижнего горизонта (слой 2). Венчики сосудов: 1–11 – с редкой примесью дресвы; 12–15 – с частой примесью дресвы; 16, 17 – с примесью крупнозернистого песка. 18 – красноглиняный горшок с примесью редкой дресвы в тесте.

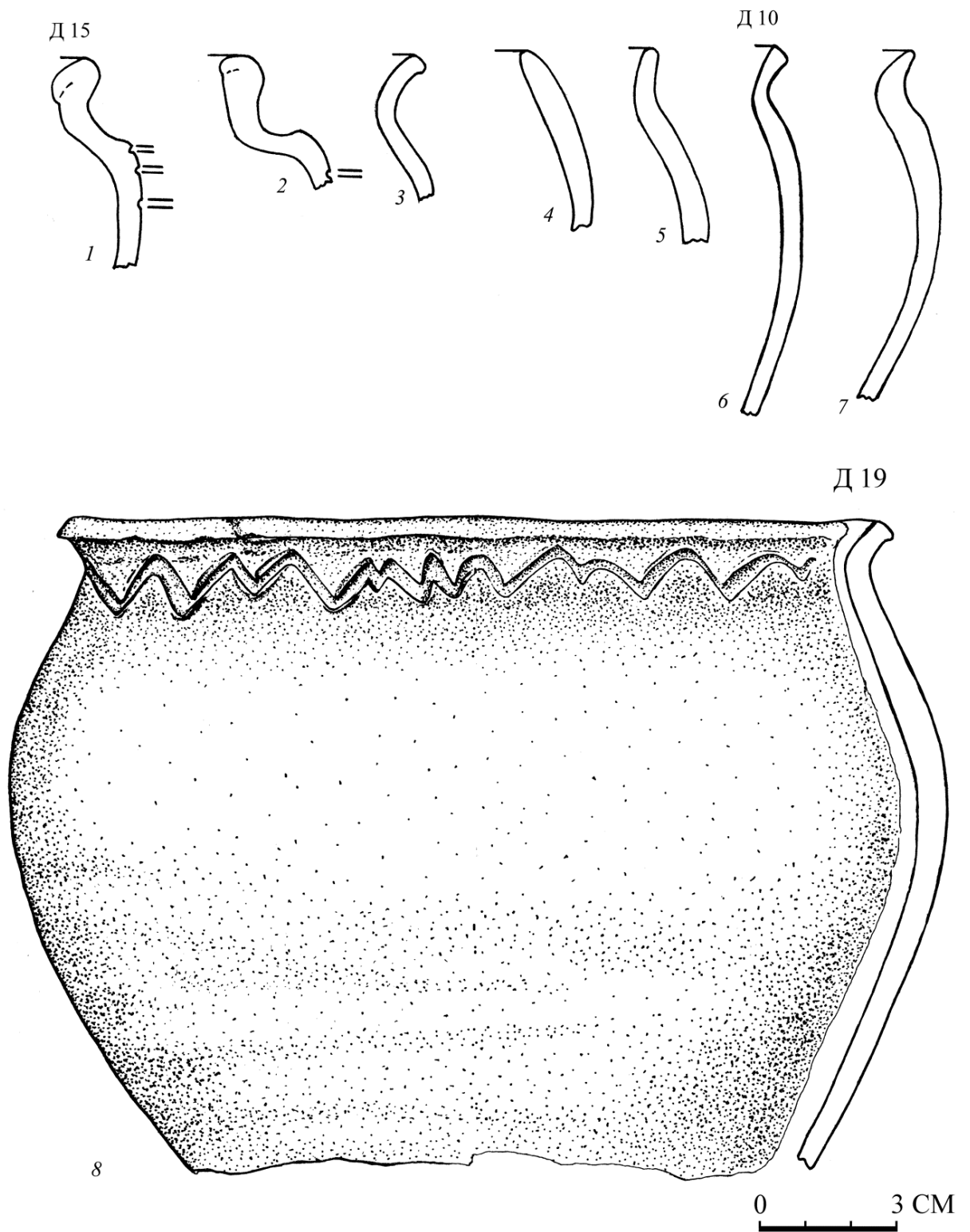

Рис. 72. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 2). Белоглиняная гончарная: 1, 2 – с примесью среднезернистого песка (подгруппа V-3), 3 – с примесью мелкозернистого песка (подгруппа V-2). Лепная с примесью шамота: 4–8.

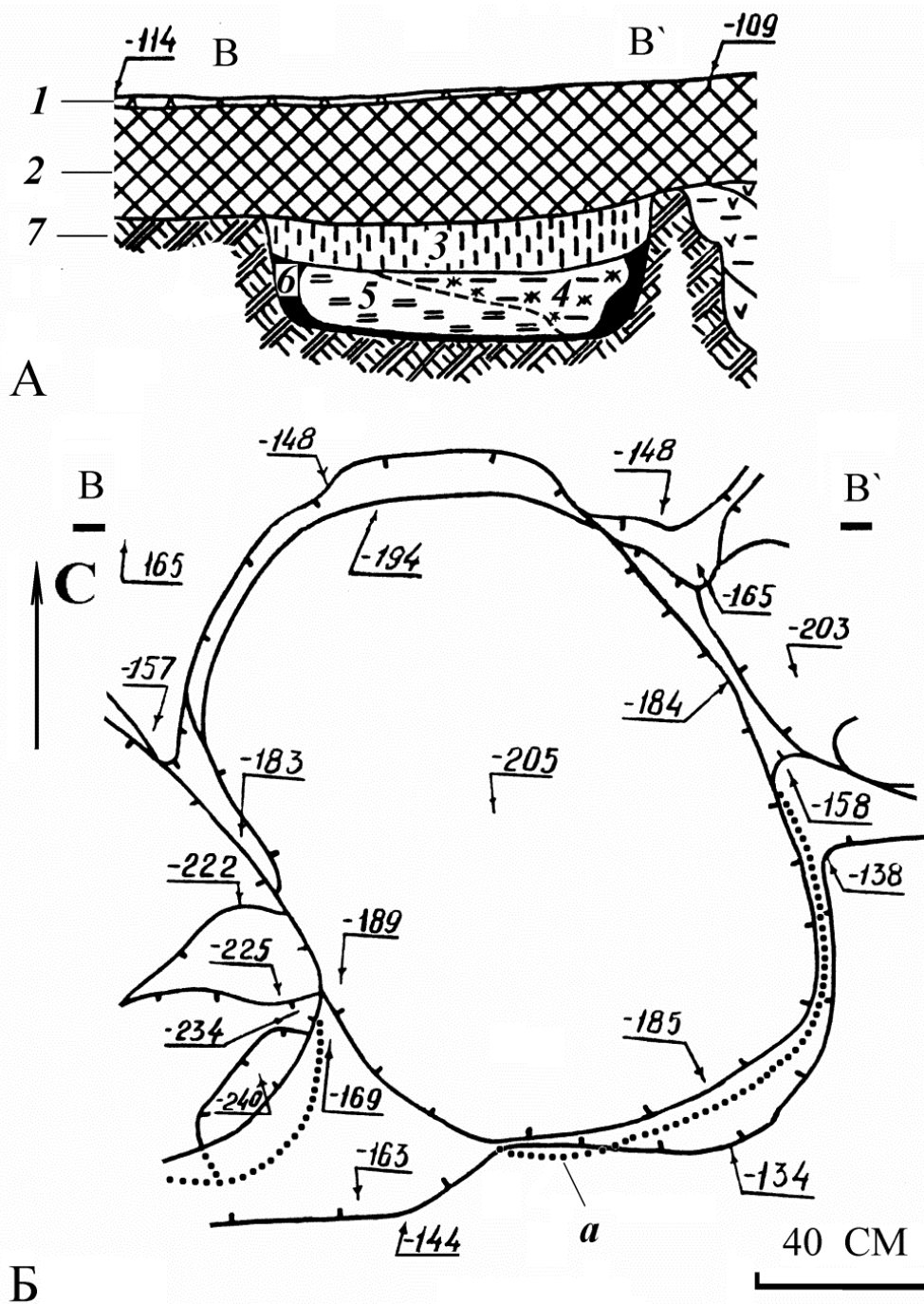

Рис. 73. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1: разрез (А) и план по матерiku (Б). *Перекрывающие напластования:* 1 – белесоватая прослойка отходов от распиловки камня; 2 – тёмно-коричневый суглинок. *Верхний горизонт:* 3 – пёстрый серовато-коричневый суглинок (слой 1). *Нижний горизонт:* 4 – жёлтый обожжённый суглинок (прослойка 2а); 5 – обожжённый кирпично-красный суглинок (прослойка 2б); 6 – чёрная сажа и мелкораспылённый древесный тлен (прослойка 2в). *Материк:* 7. *a* – Линия дна ямы на участке с отрицательным наклоном бортов.

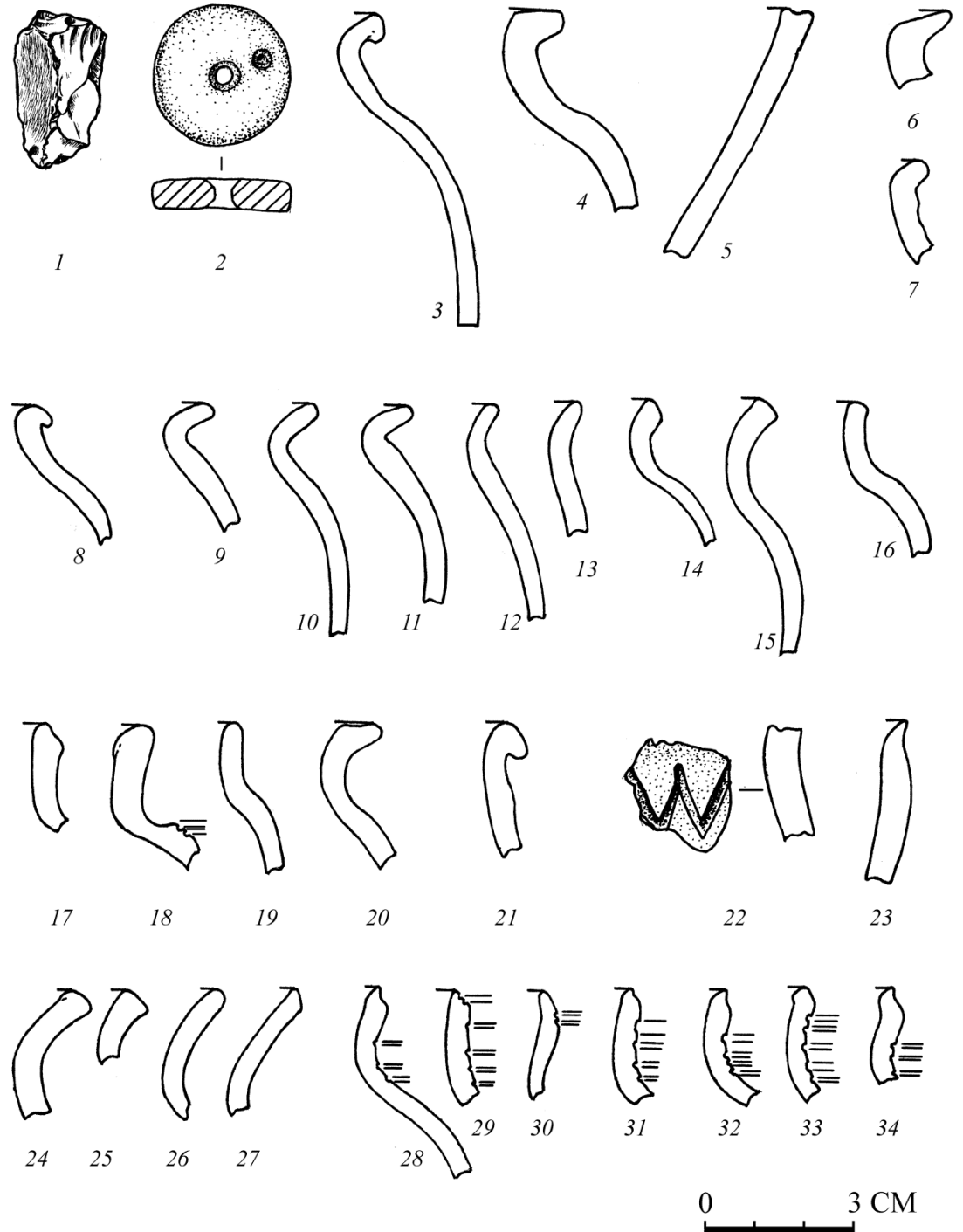

Рис. 74. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1): 1 – кремень кресальный, 2 – пряслице из стенки красноглиняного сосуда, 3–34 – венчики (3–21, 23–34) и фрагмент стенки (22) керамических сосудов: *красноглиняных* с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (3–19), с примесью редкой дресвы (20), с примесью частой дресвы (21); *лепных* с примесью шамота (22, 23); *белоглиняных* с запесоченным тестом (24–27) и с тонким тестом (28–34).

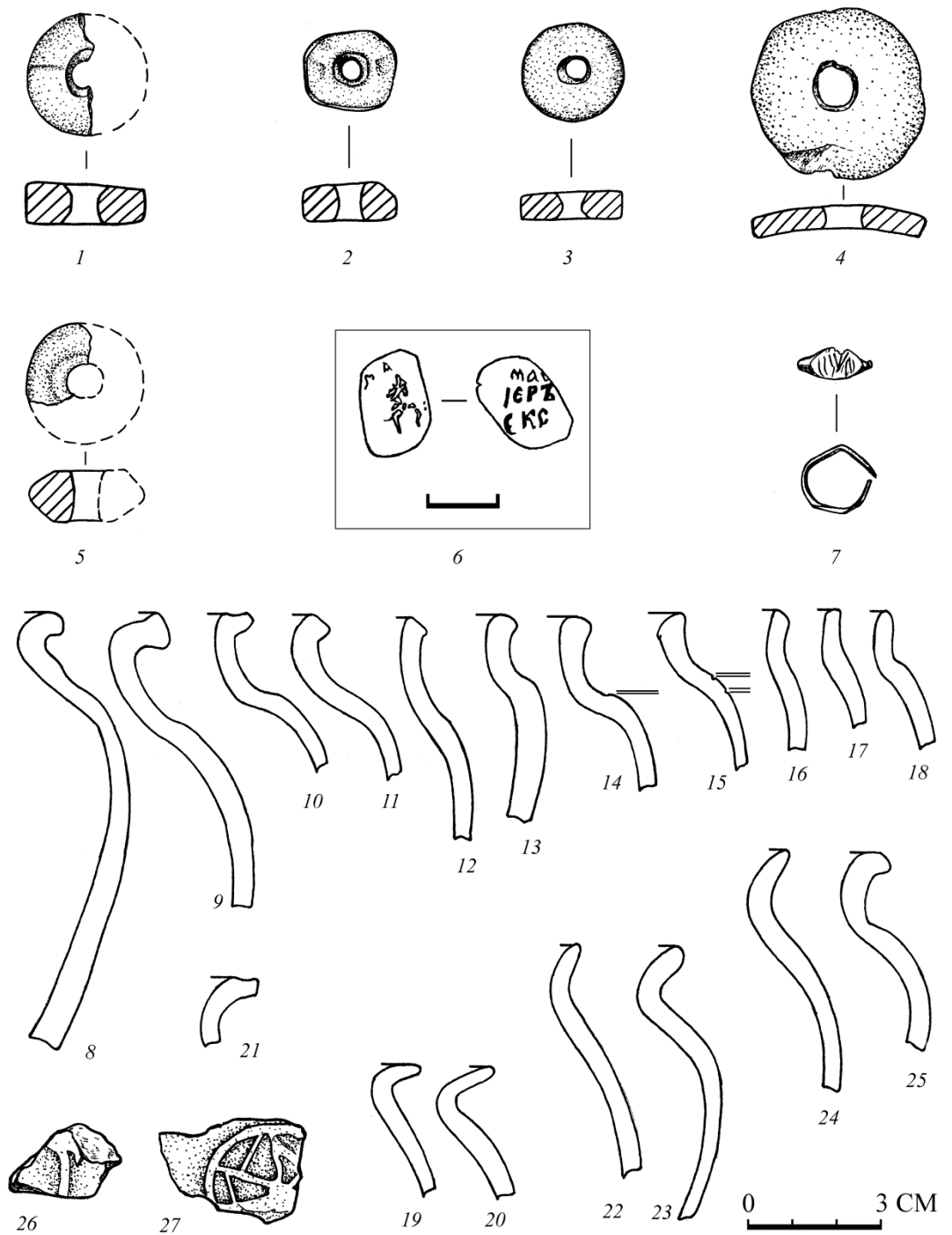

Рис. 75. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Находки из нижнего горизонта (слой 2а или 2б: 1–3, 5–27; слой 2в: 4): 1–3 – пряслица из камня, 4 – пряслице из стенки морёного сосуда, 5 – пряслице керамическое, 6 – серебряная монета Ивана III, 7 – перстень бронзовый, 8–25 – венчики красноглиняных сосудов: с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (8–23), с примесью редкой дресвы (24), с примесью частой дресвы (25); 26, 27 – фрагменты днищ красноглиняных сосудов с клеймами (26 – с примесью мелкозернистого песка, 27 – с тонким тестом).

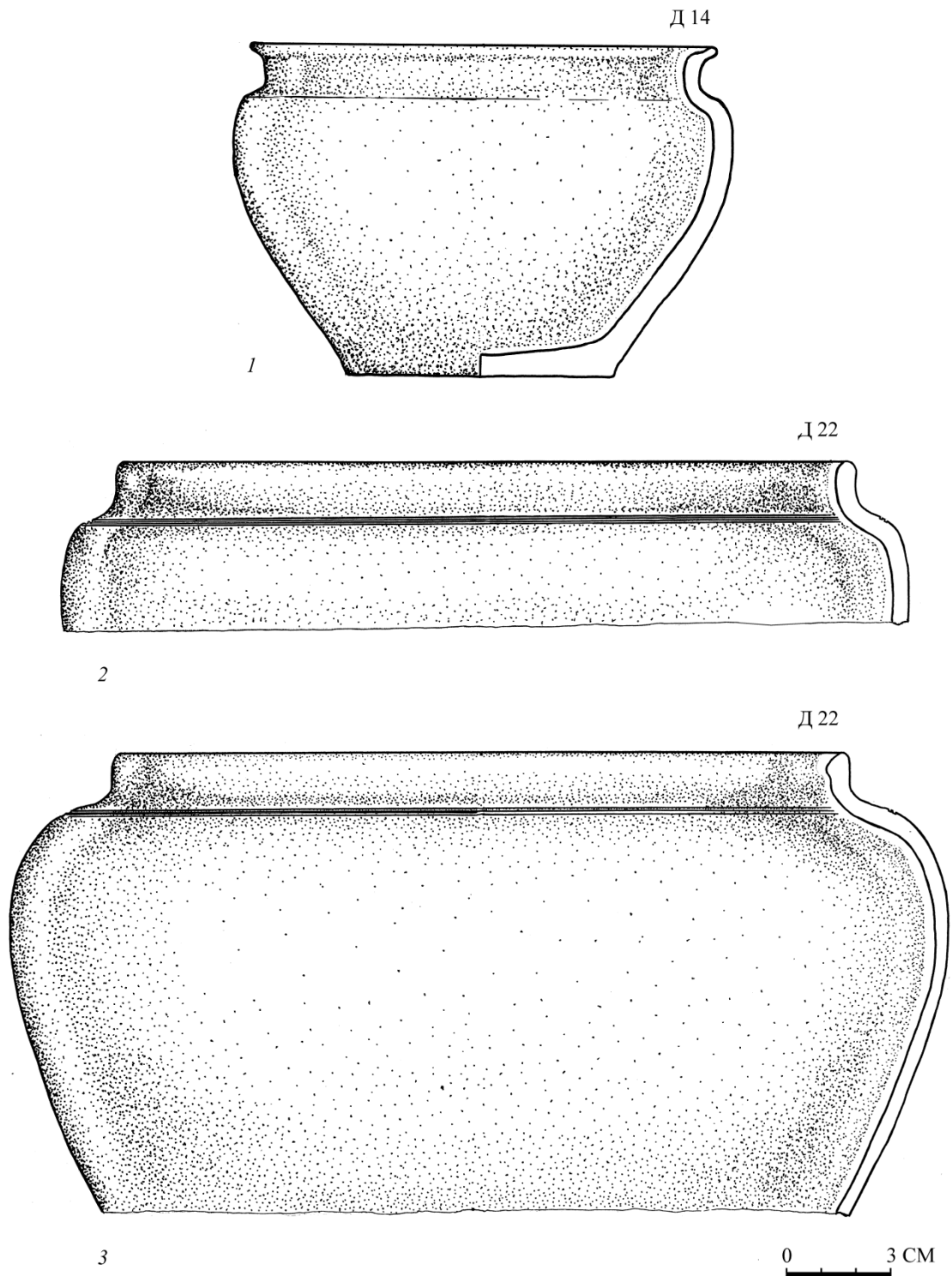

Рис. 76. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Красноглиняная керамика из нижнего горизонта (слой 2а или 2б): 1 – горшок с примесью крупнозернистого песка, 2, 3 – верхние части горшков с примесью мелкозернистого песка.

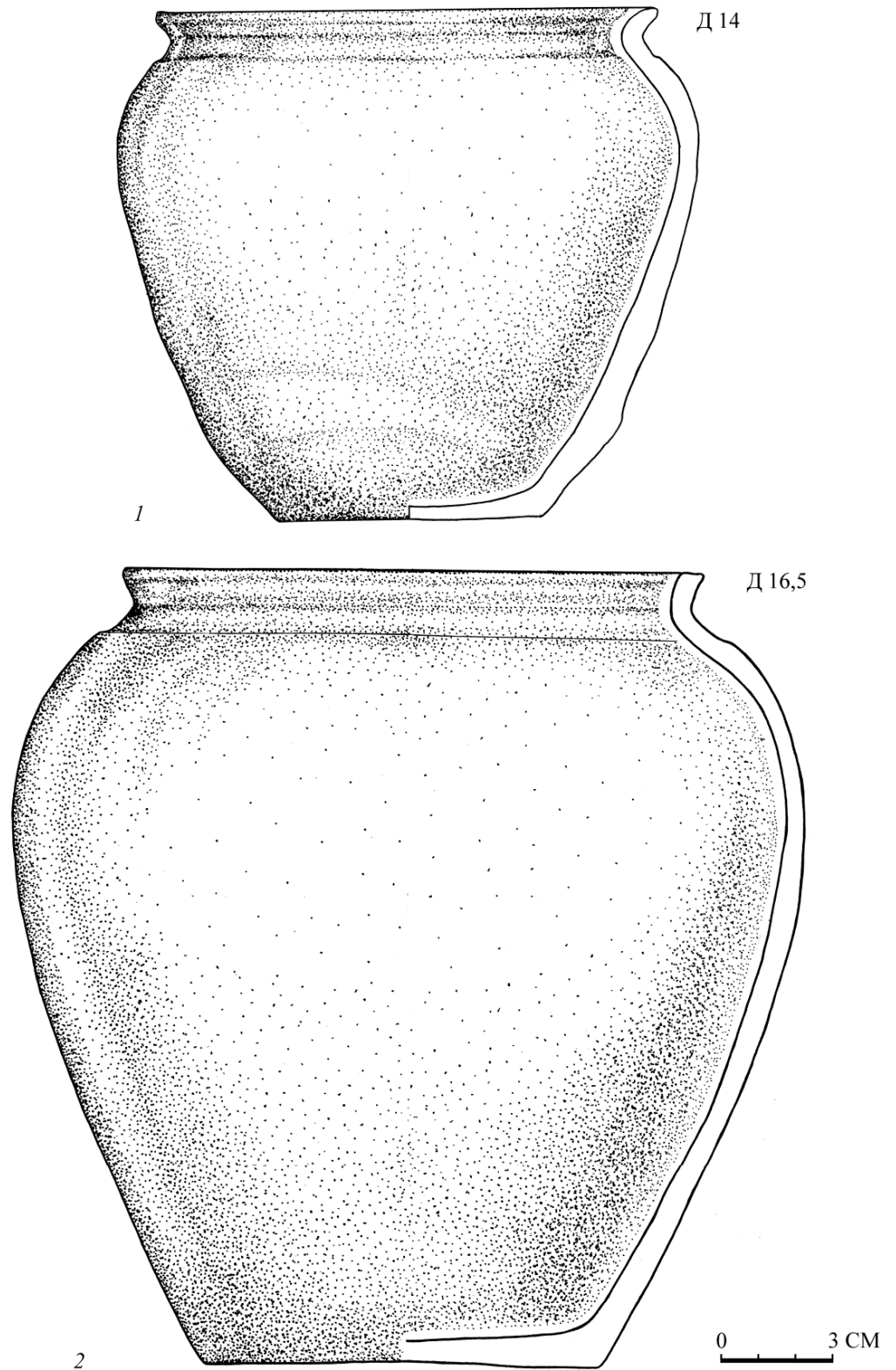

Рис. 77. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Реконструированные красноглиняные горшки из нижнего горизонта (слой 2а или 2б): 1 – с примесью шамота, 2 – с примесью мелкозернистого песка.

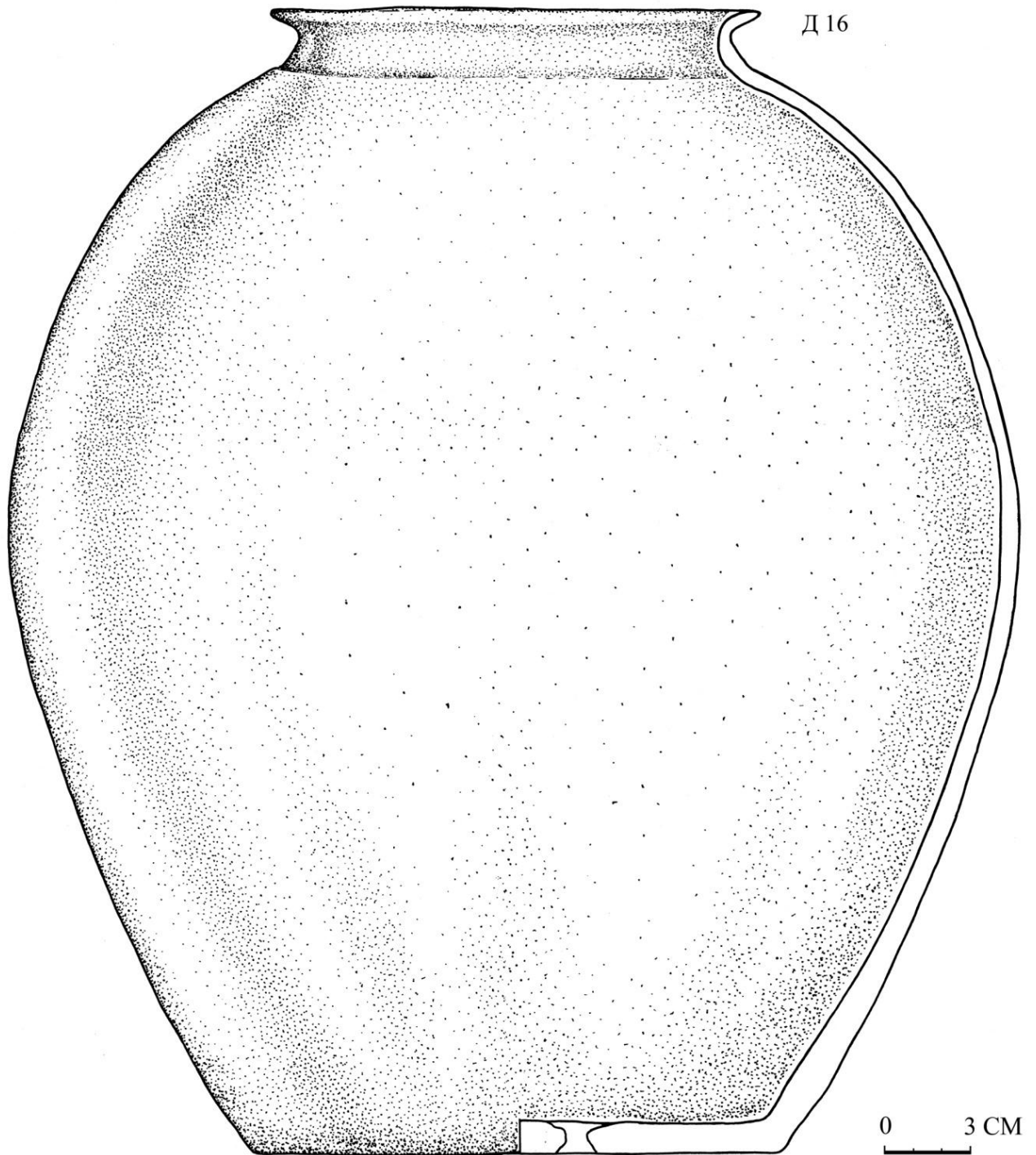

Рис. 78. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Реконструированная красноглиняная корчага из нижнего горизонта (слои 2а и 2б) с примесью частой дресвы в тесте.

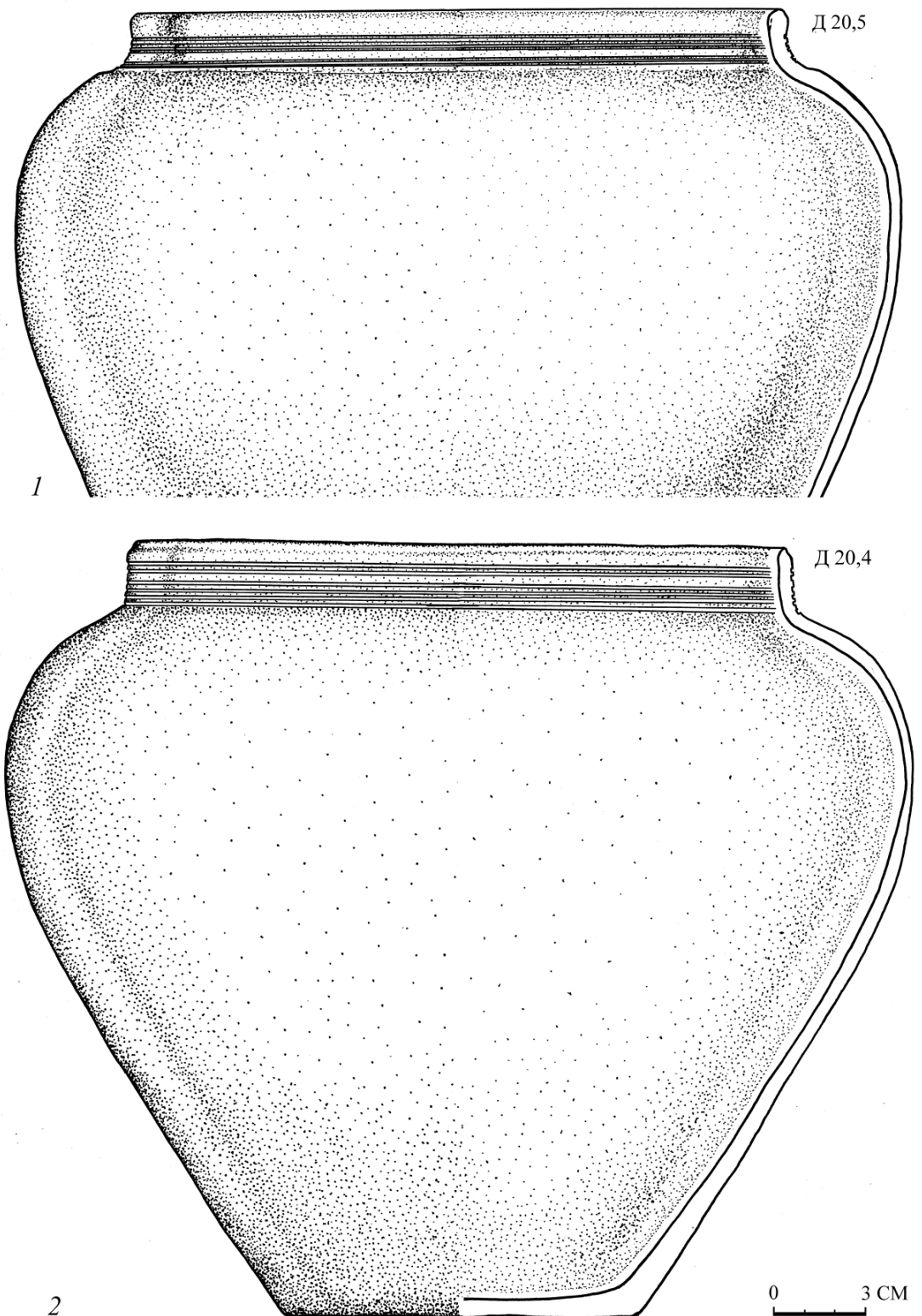

Рис. 79. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Белоглиняная керамика с тонким тестом из нижнего горизонта (слои 2а и 2б): 1, 2.

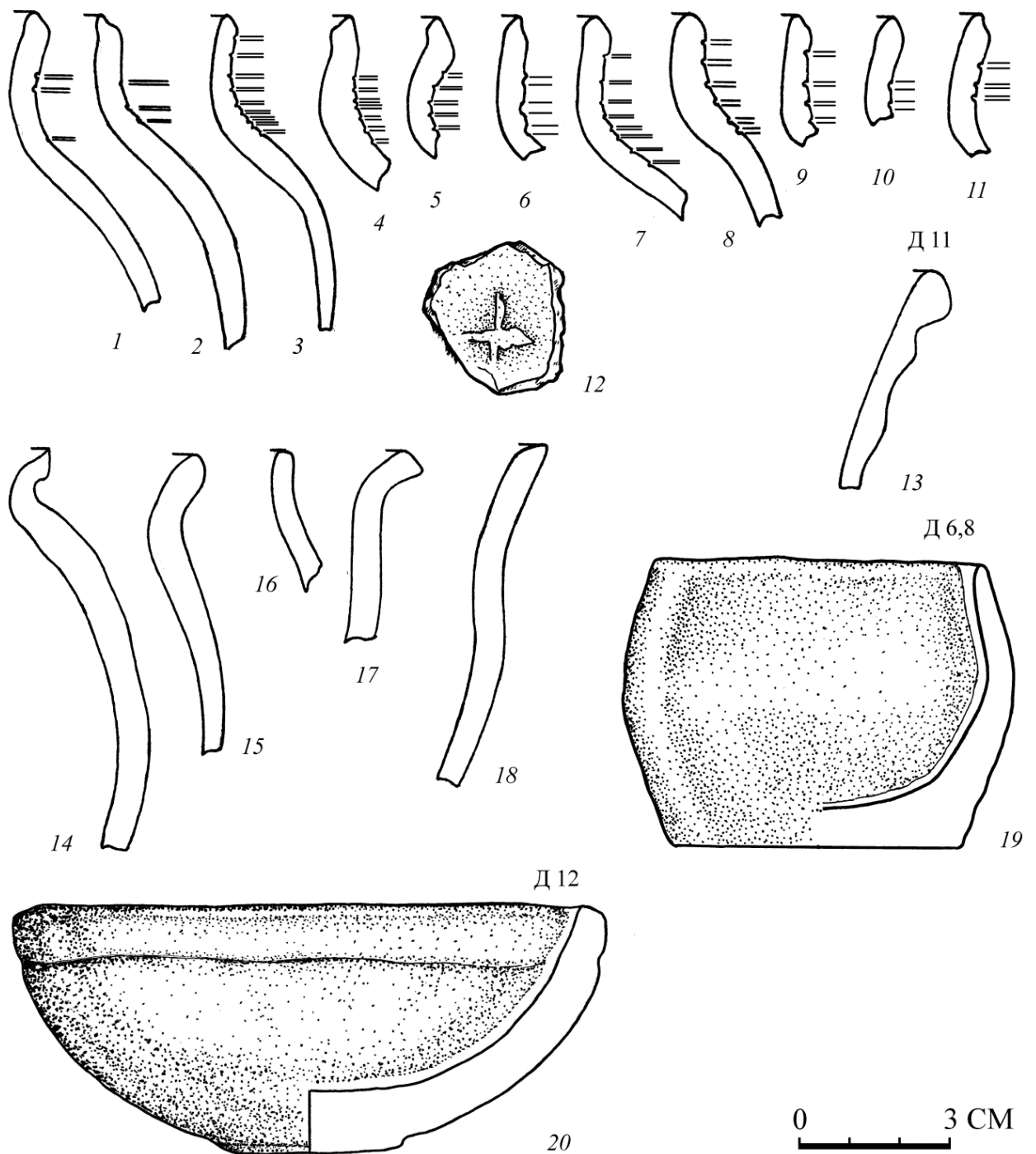

Рис. 80. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 2а или 2б). Белоглиняная гончарная: 1–11 – венчики горшков с тонким тестом (подгруппа V-1), 12 – фрагмент днища с клеймом от сосуда с примесью мелкозернистого песка (подгруппа V-2). Краснолощёная гончарная: 13 – венчик кувшина. Лепная: 14–18 – венчики сосудов; 19 – сосуд баночных пропорций с примесью шамота, 20 – чаша из тонкого теста.

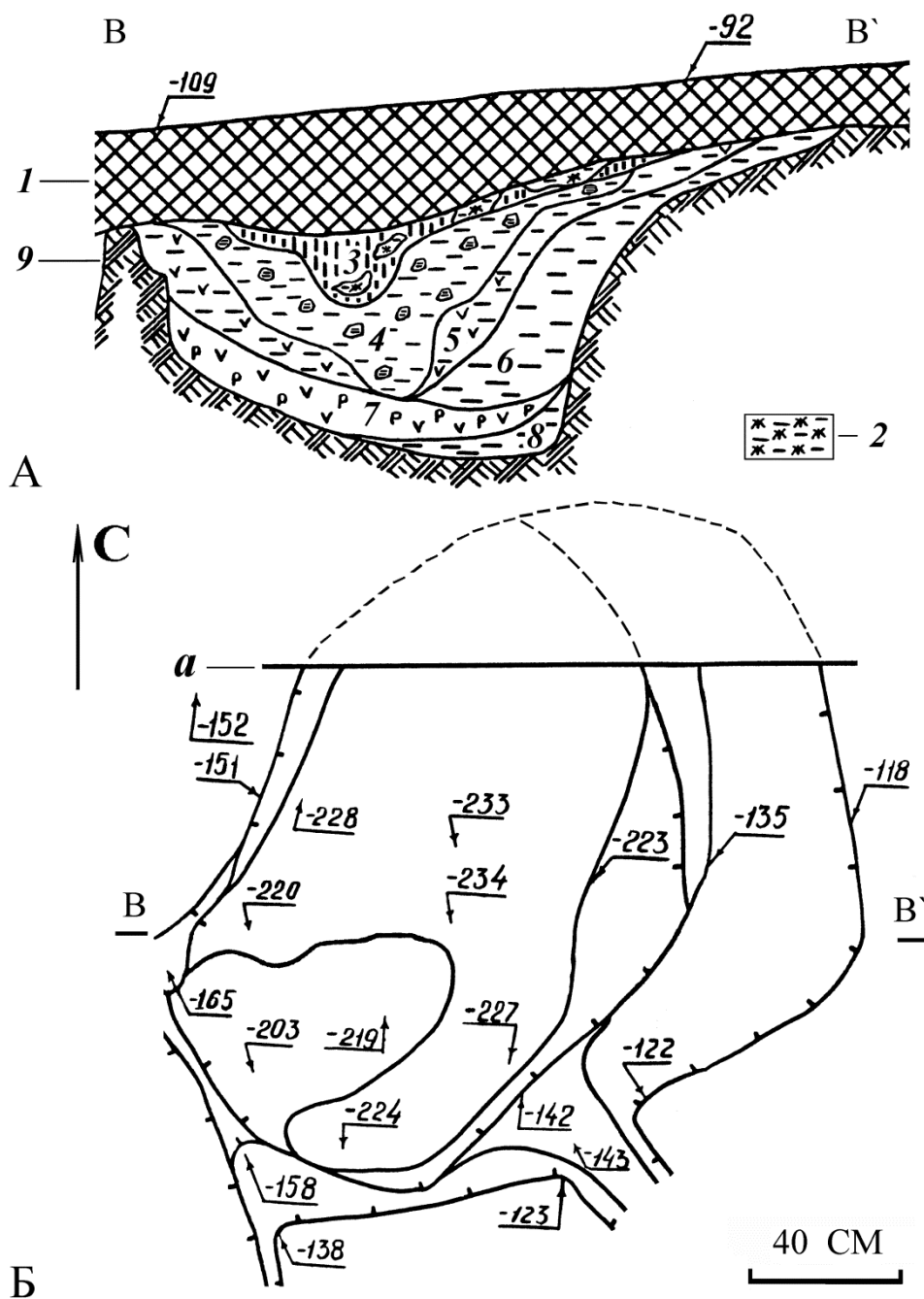

Рис. 81. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1: разрез (А) и план по материке (Б). *Перекрывающий горизонт:* 1 – тёмно-коричневый суглинок. *Верхний горизонт:* 2 – жёлтый обожженный суглинок (прослойка 1а); 3 – пёстрый серовато-коричневаты (слой 1); 4 – развал глинобитной печи (прослойка 1б); 5 – серовато-коричневаты суглинок с включением мелких углей (прослойка 1в); 6 – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Нижний горизонт:* 7 – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 2); 8 – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Материк:* 9.

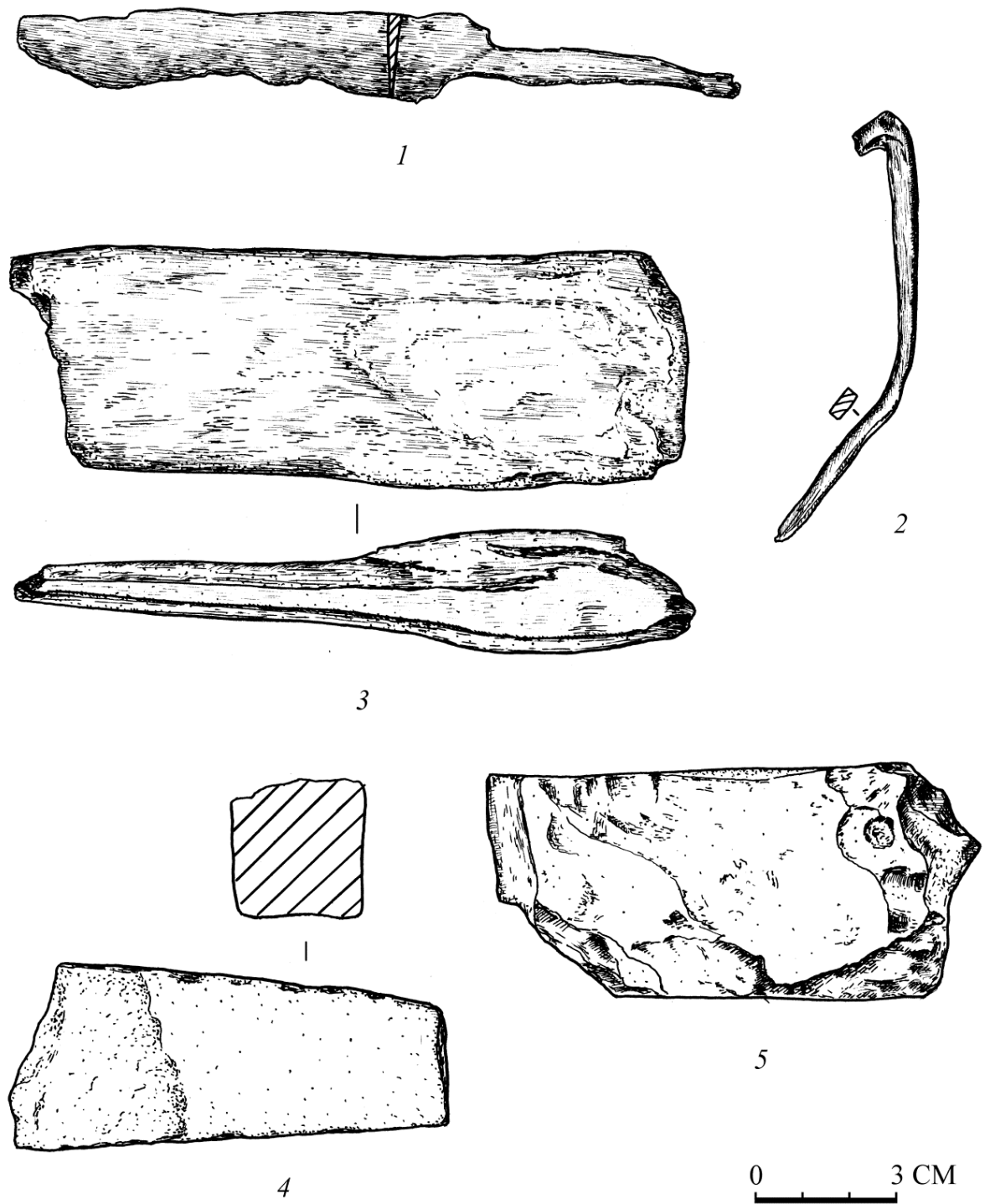

Рис. 82. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1а: 2, 4; слой 1б: 1, 3, 5): 1 – железный нож; 2 – железный гвоздь-костыль; 3, 4 – точильные камни; 5 – фрагмент керамического кирпича.

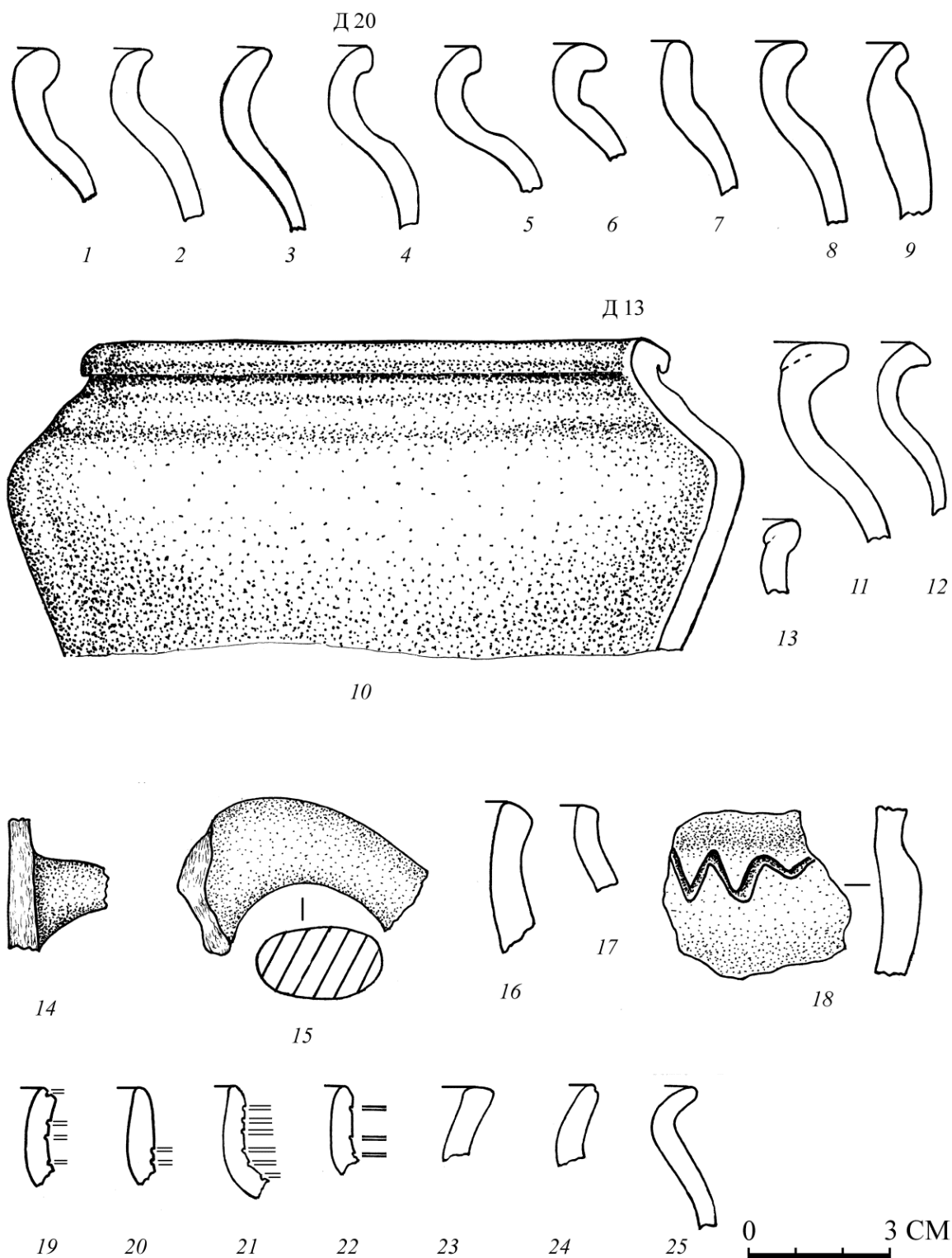

Рис. 83. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1. Керамика из верхнего горизонта (слой 1: 1-4, 11-13, 22, 25; слой 1б: 5-9, 14-21, 23, 24; слой 1в: 10). *Красноглиняная*: с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (1-9), с редкой примесью дресвы (10), с частой примесью дресвы (11-13). *Красноглиняная с росписью охрой по белому ангобу*: 14. *Краснолощёная*: 15. *Лепная с примесью шамота*: 16-18. *Белоглиняная*: с тонким тестом подгруппы V-1 (19-22), с примесью мелкозернистого песка подгруппы V-2 (23-25).

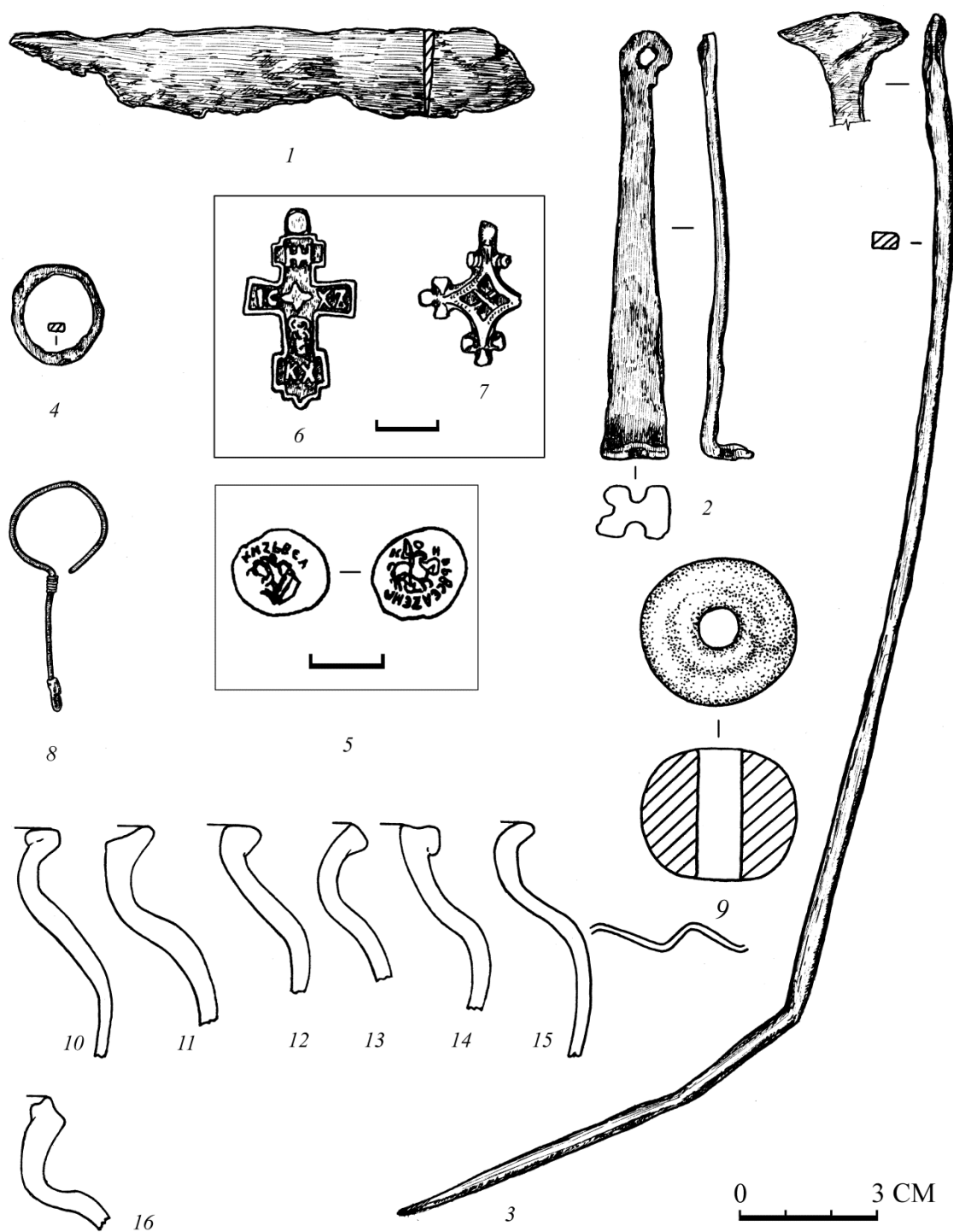

Рис. 84. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1. Находки из нижнего горизонта (слой 2): 1 – лезвие ножа; 2 – ключ; 3 – орудие неизвестного предназначения (острога?); 4 – пряжка; 5 – монета Василия Тёмного; 6, 7 – нательные кресты; 8 – бронзовая серьга; 9 – грузило от рыболовной сети; 10–16 – венчики сосудов: красноглиняных с примесью частой (10, 11) и редкой (12–15) дресвы, белоглиняного с примесью среднезернистого песка подгруппы V-3 (16). Железо: 1–4. Бронза: 6–8. Серебро: 5. Керамика: 9–16.

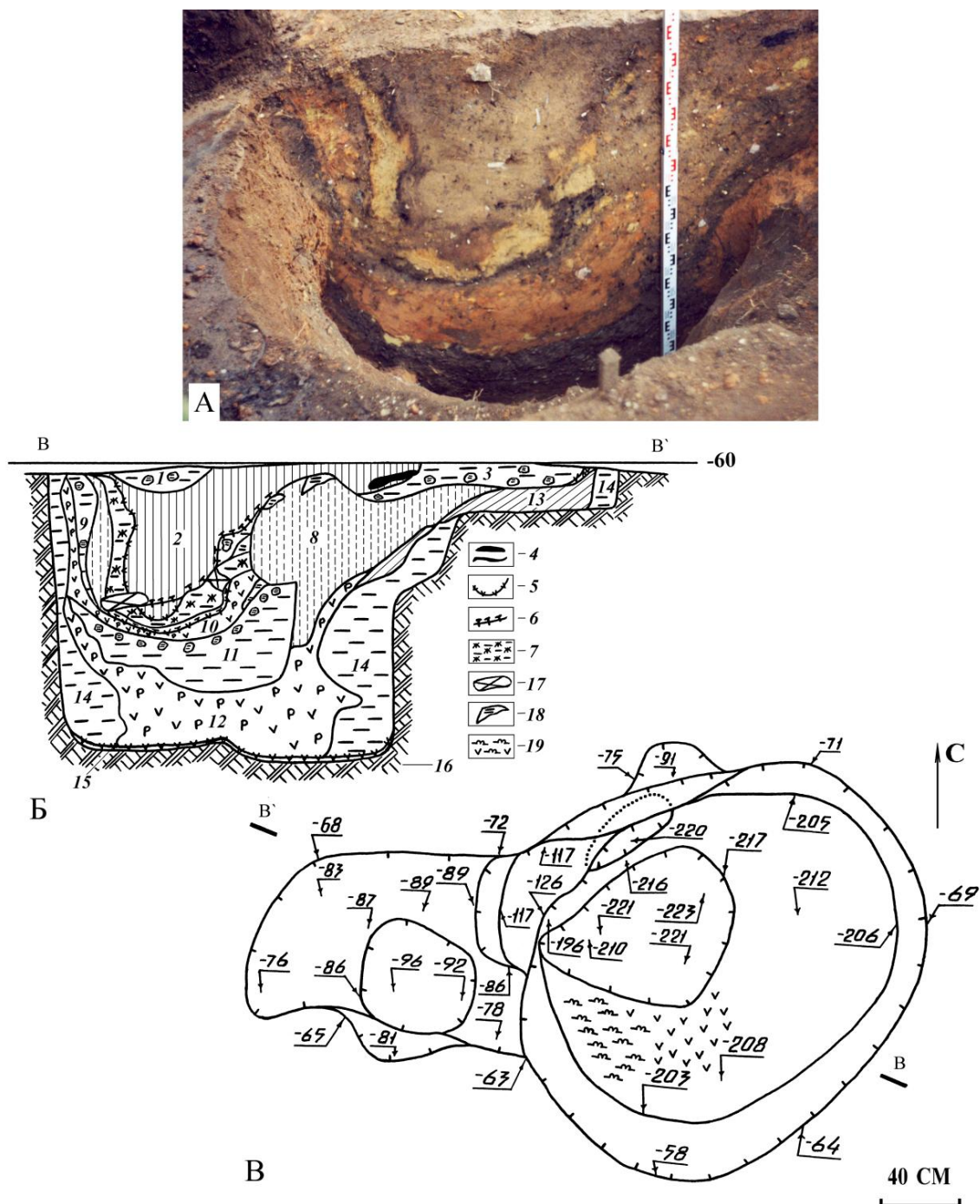

Рис. 85. Городище Городок. Раскоп 1. Комплекс 2. Яма 2/1: разрез (А, Б) и план по материке (В).

Верхний горизонт: 1 – развал глинобитной печи (прослойка 1б); 2 – коричневый суглинок (слой 1а); 3 – развал глинобитной печи (прослойка 1в); 7 – жёлтый обожженный суглинок (слой 1). *Средний горизонт:* 8 – коричневатый-серый суглинок (слой 2б); 10 – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 2); 11 – развал глинобитной печи (прослойка 2в). *Нижний горизонт:* 12 – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 3); 13 – плотный коричневатый-серый суглинок (прослойка 3б); 14 – стерильный переотложенный материковый грунта (прослойка 3в). *Материк:* 16. 4 – обугленная деревянная плашка; 5 – тонкая углистая прослойка (без находок); 6 – тонкая прослойка древесного тлена; 9 – развал глинобитной печи (прослойка 2а); 15 – перекрывающая дно ямы углистая прослойка (слой 4); 17 – нора; 18 – комок обожжённого суглинка; 19 – углисто-золистая прослойка.

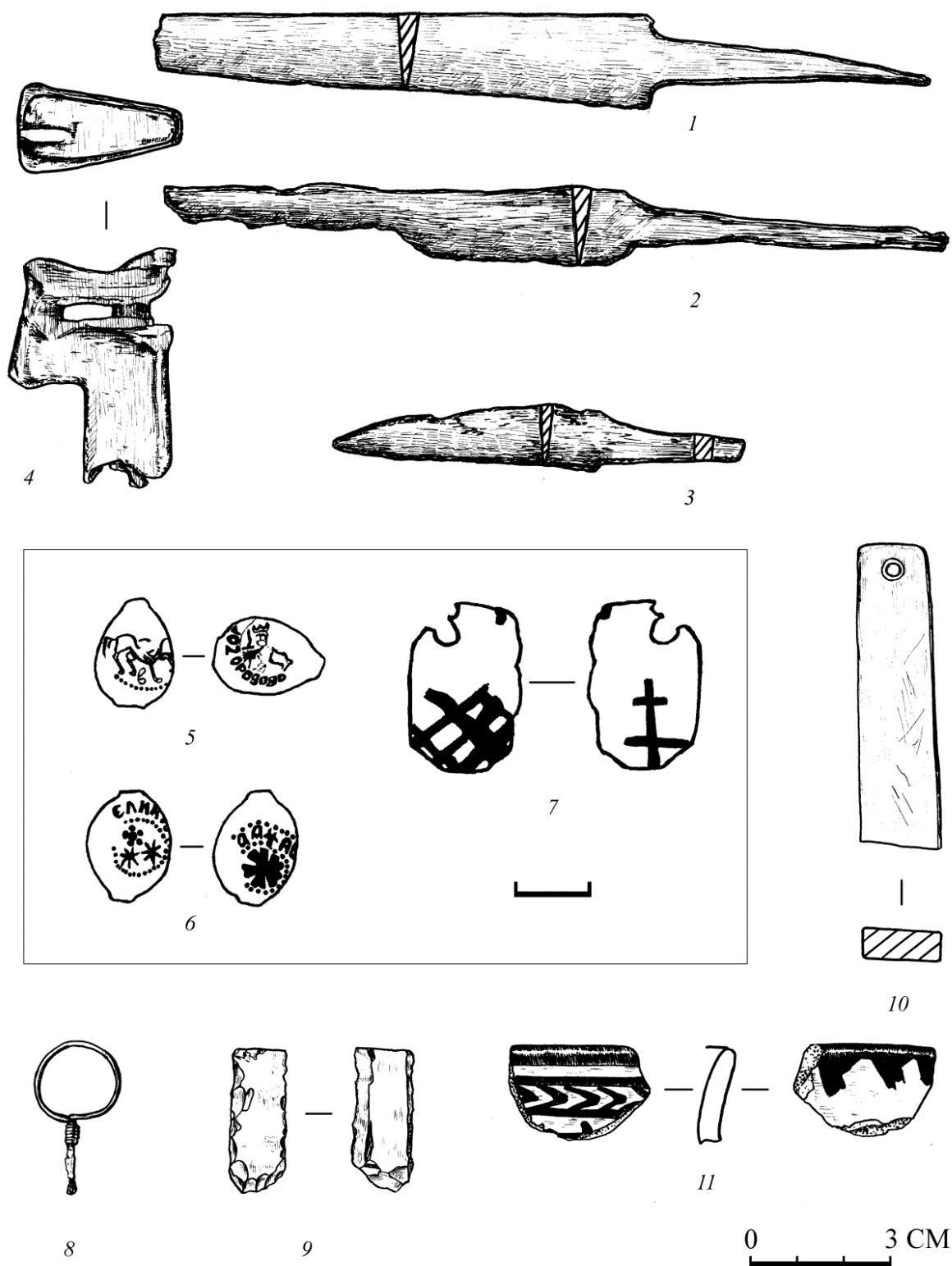

Рис. 86. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1а: 4; слой 1: 1-3, 5-11): 1-3 – ножи, 4 – фрагмент замка, 5 – монета Ивана III, 6 – монета неопределимого эмитента чеканки около 1462 г., 7 – медное пуло, 8 – серьга, 9 – кресальный кремль, 10 – точильный брусок, 11 – венчик сосуда с прозрачной бирюзовой поливой. Железо: 1-3. Серебро: 5, 6. Медь: 7. Бронза: 8. Камень: 9, 10. Кашин: 11.

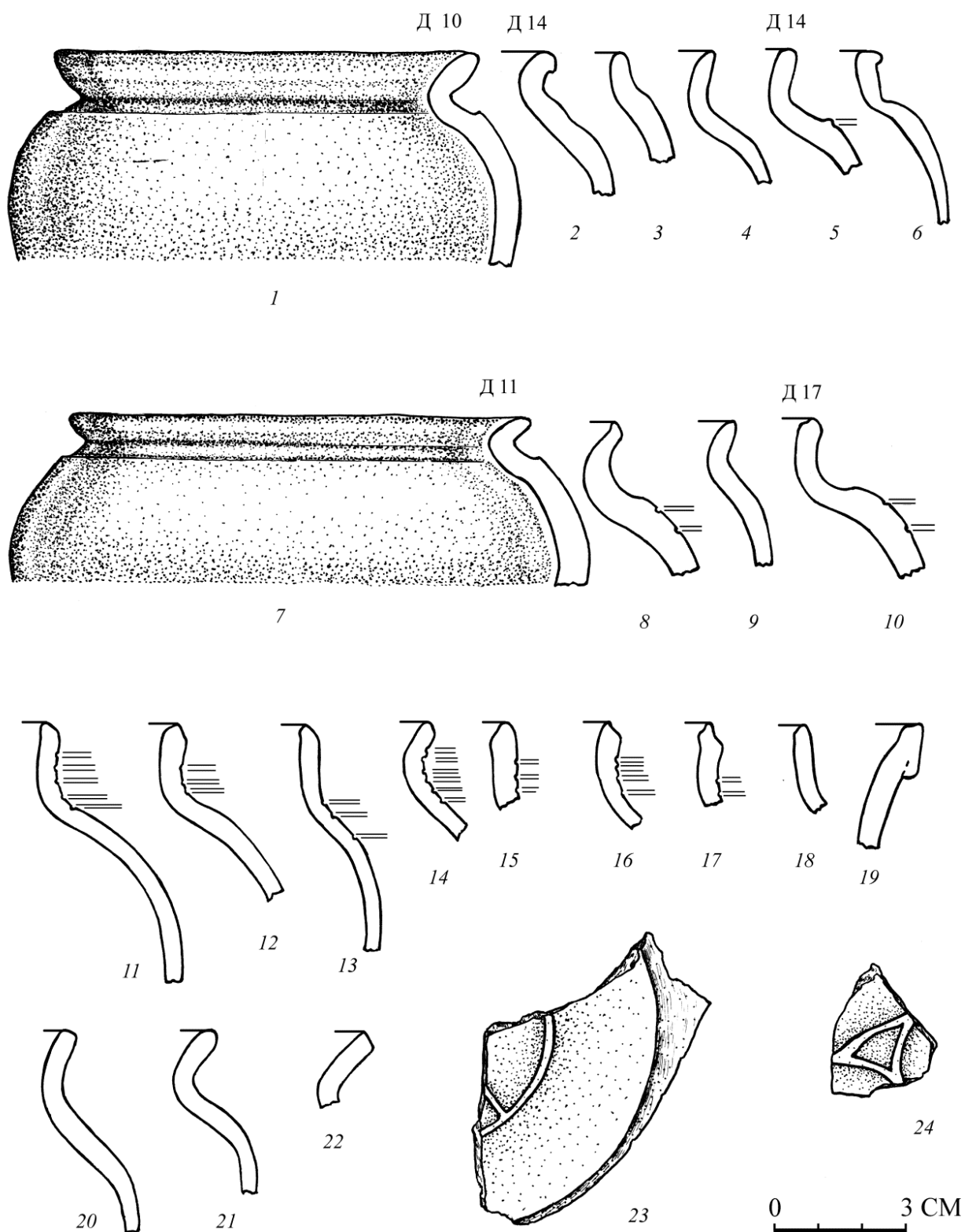

Рис. 87. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из верхнего горизонта (слой 1). *Красноглиняная*: с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (1-9), с примесью крупнозернистого песка (10). *Белоглиняная*: с тонким тестом подгруппы V-1 (11-19, 23, 24), с примесью мелкозернистого песка подгруппы V-2 (20-22). Венчики: 1-22. Фрагменты днищ с клеймами: 23, 24.

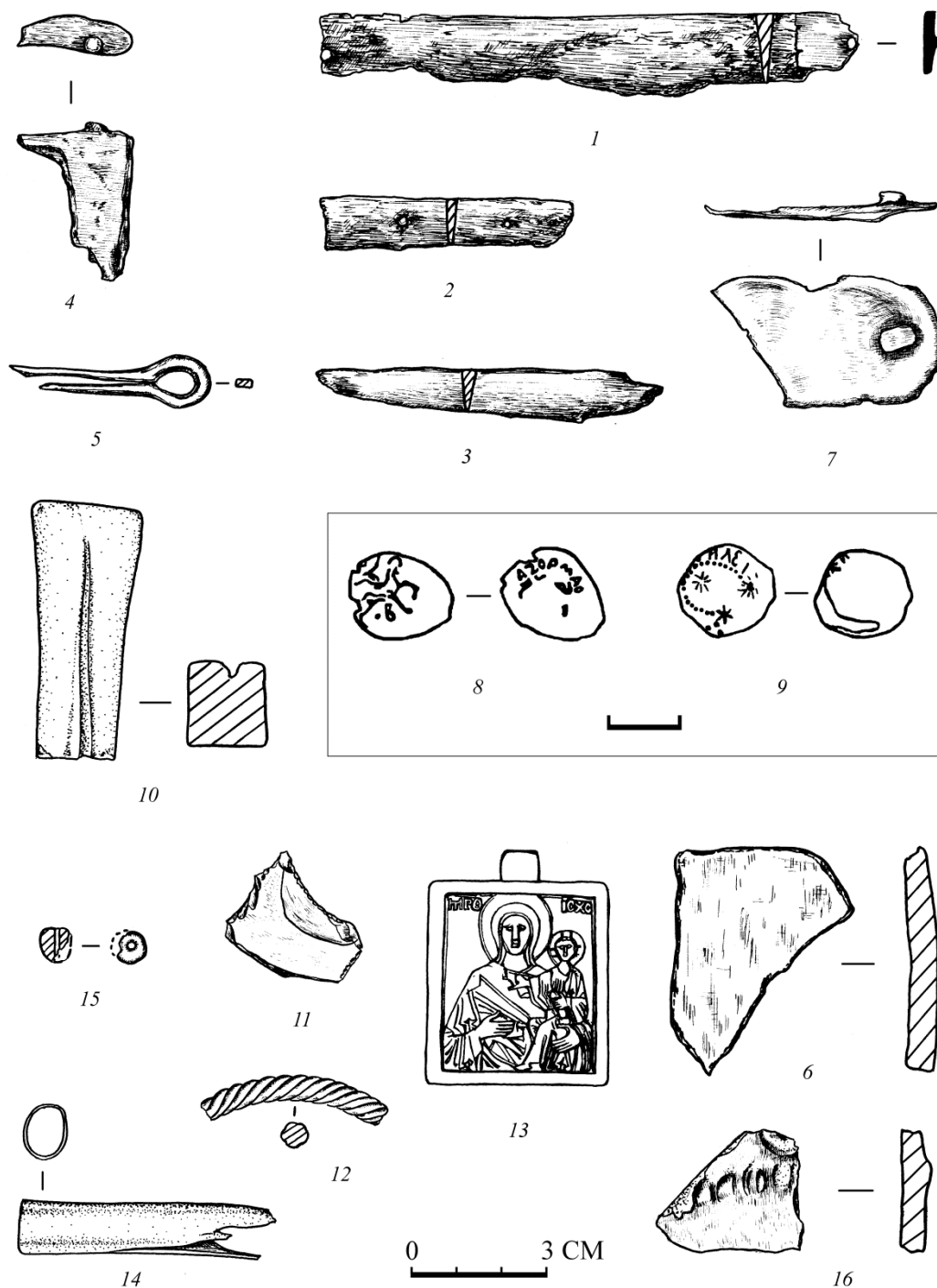

Рис. 88. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из среднего горизонта (слой 2: 1, 5–7, 9, 12–15; слой 2б: 2–4, 8, 10, 11, 16): 1–3 – ножи, 4 – фрагмент замка, 5 – пробой, 6 – фрагмент стенки сосуда, 7 – ушко от котелка, 8 – монета Ивана III, 9 – монета Василия II, 10 – точильный камень, 11 – каменное орудие, 12 – фрагмент браслета, 13 – иконка-привеска, 14 – футляр-игольник, 15 – фрагмент бусины; 16 – фрагмент стенки белоглиняного сосуда с наlepным валиком и зелёной поливой. Железо: 1–3. Серебро: 8, 9. Медь: 7. Камень: 10, 11. Кашин: 15. Стекло: 12. Кость: 14. Рог: 13. Керамика: 16.

Д 12,5

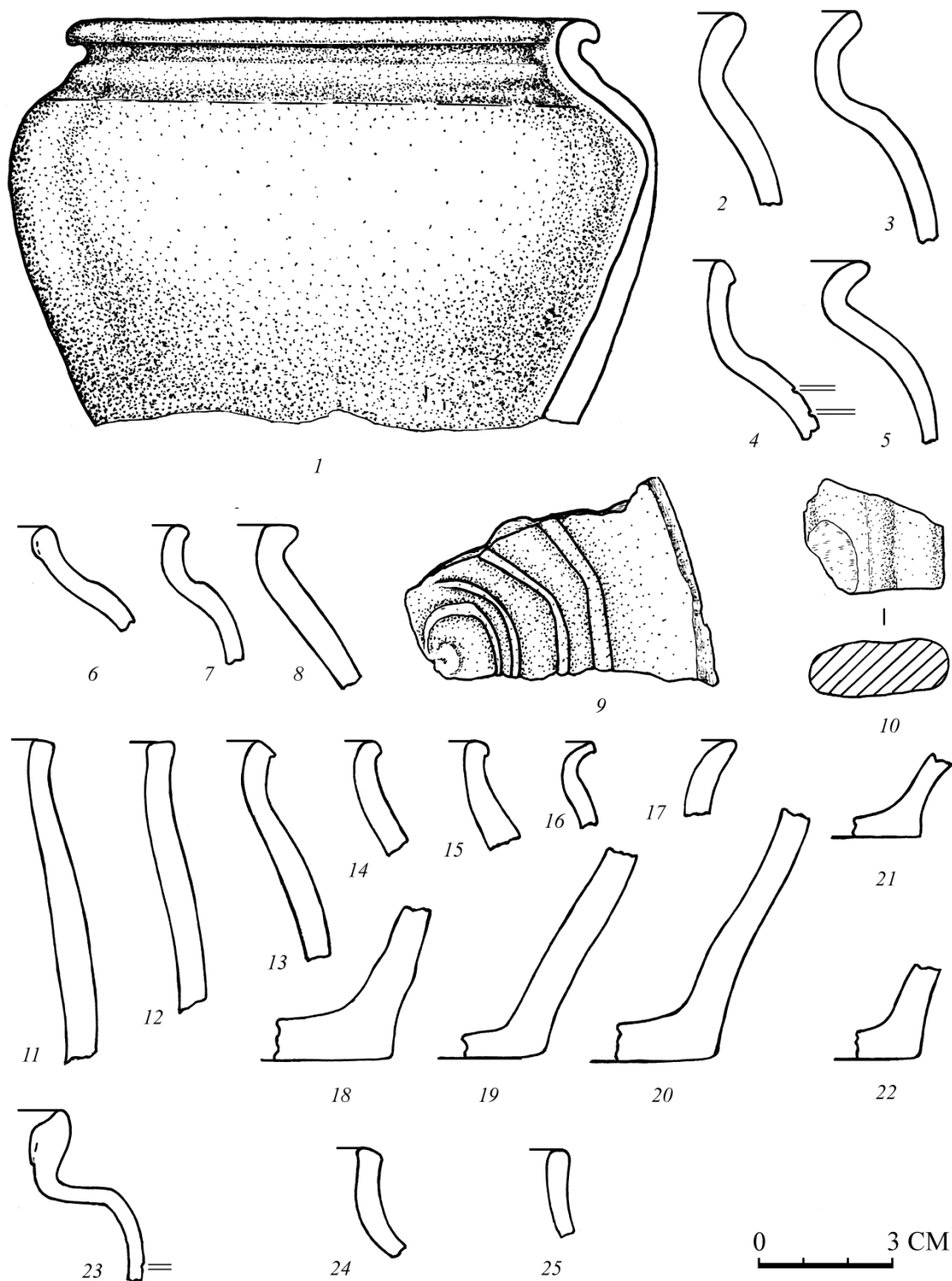

Рис.89. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из среднего горизонта (слой 2: 1, 4-6, 8, 10, 13-17, 20-25; слой 2б: 2, 3, 7, 9, 11, 12, 18, 19). Красноглиняная: с тонким тестом (9), с редкой примесью дресвы (2-6), с частой примесью дресвы (1), с добавкой крупнозернистого песка (7, 8). Краснолощёная: 10. Лепная с примесью шамота: 11-22. Белоглиняная: с тонким тестом подгруппы V-1 (24, 25), с примесью среднезернистого песка подгруппы V-3 (23). Венчики: 1-8, 11-17, 23-25. Фрагмент донца с клеймом: 9. Донца: 18-22. Ручка: 10.

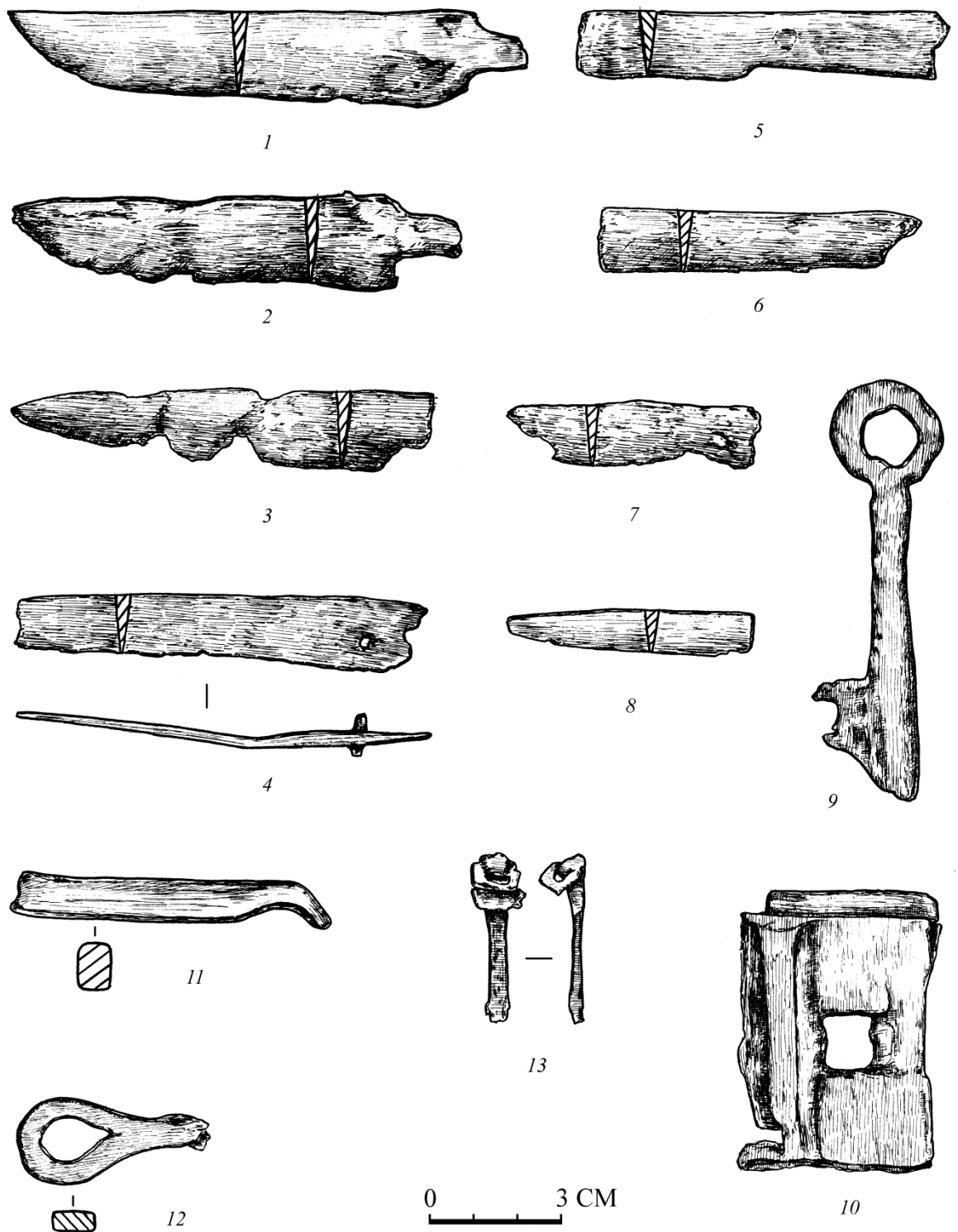

Рис. 90. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из нижнего горизонта (слой 3): 1–8 – ножи, 9 – ключ, 10 – замок, 11 – фрагмент грызла, 12 – пробой, 13 – фрагмент каркаса футляра ножа. Железо: 1–13.

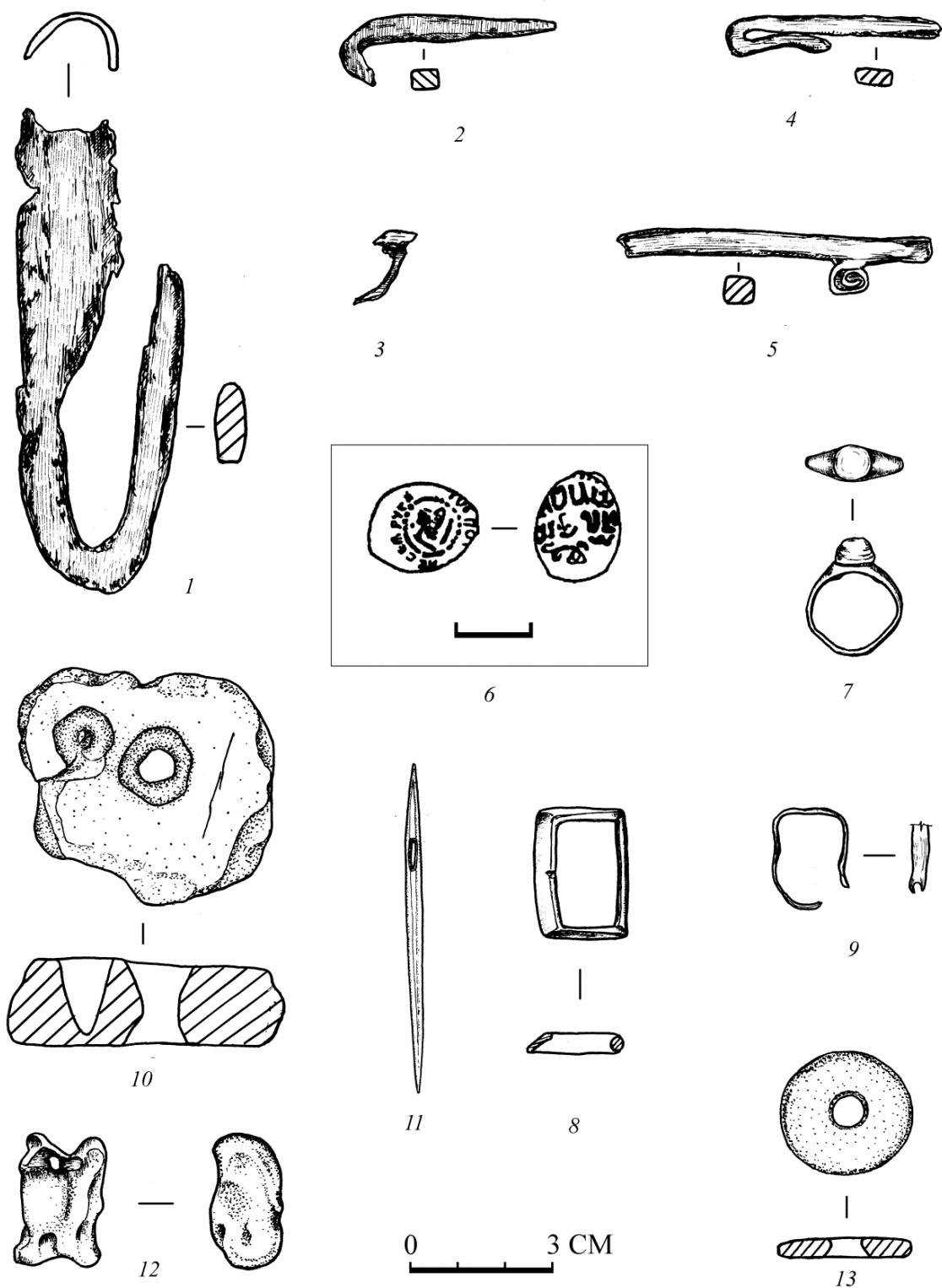

Рис. 91. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из нижнего горизонта (слой 3): 1, 4, 5 – неопределённые предметы, 2 – язычок от пряжки, 3 – гвоздь, 6 – монета Василия II, 7 – перстень, 8 – пряжка, 9 – обоймица поясная, 10 – грузило, 11 – игла, 12 – астрагал с отверстием, 13 – пряслице из стенки красноглиняного сосуда (склейка из фрагментов, обнаруженных в слоях 2 и 3). Железо: 1–5. Серебро: 6. Бронза: 7–9. Камень: 10. Кость: 11, 12. Керамика: 13.

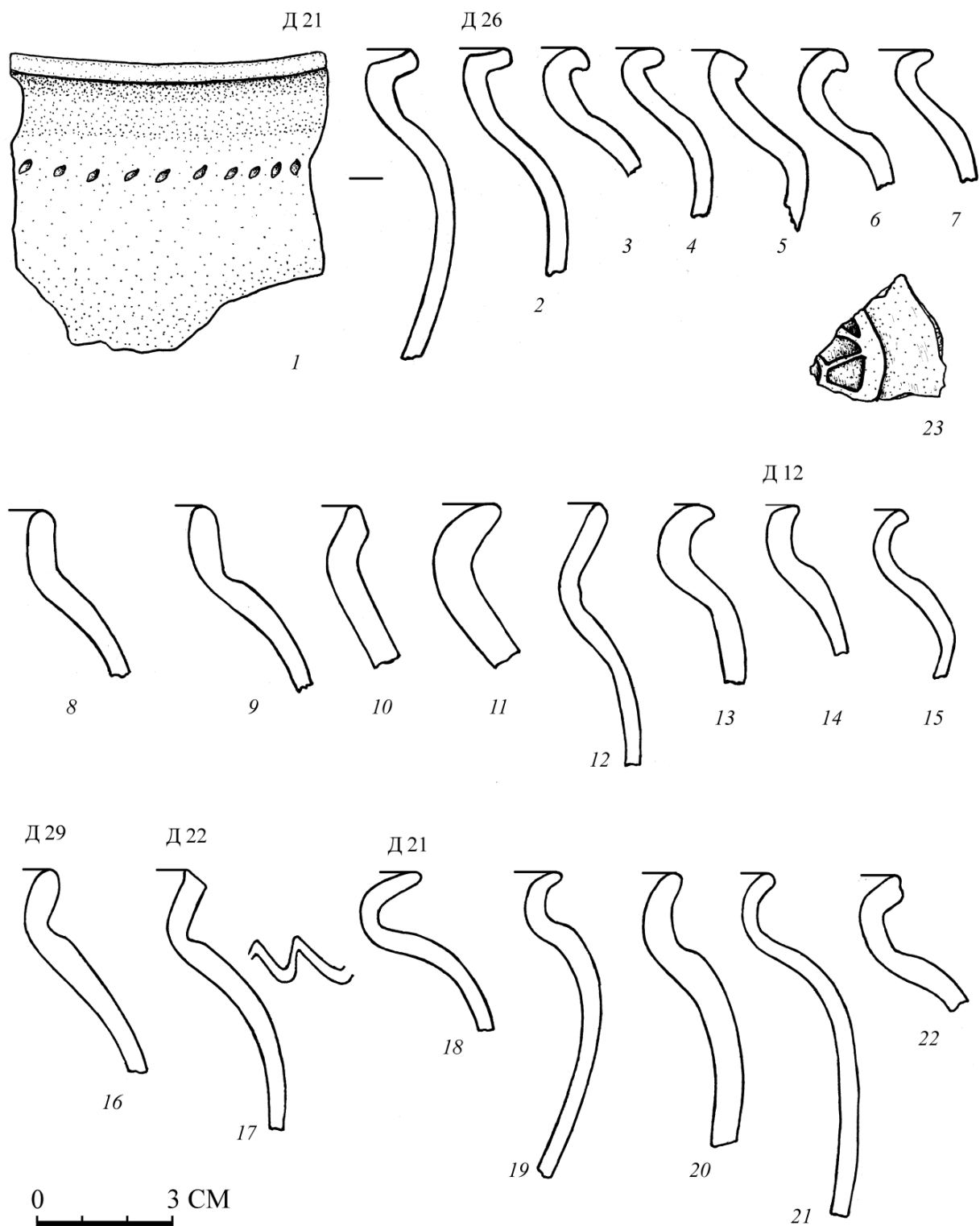

Рис. 92. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 3). Красноглиняная с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка: 1–23. Венчики: 1–22. Фрагмент дна с клеймом: 23.

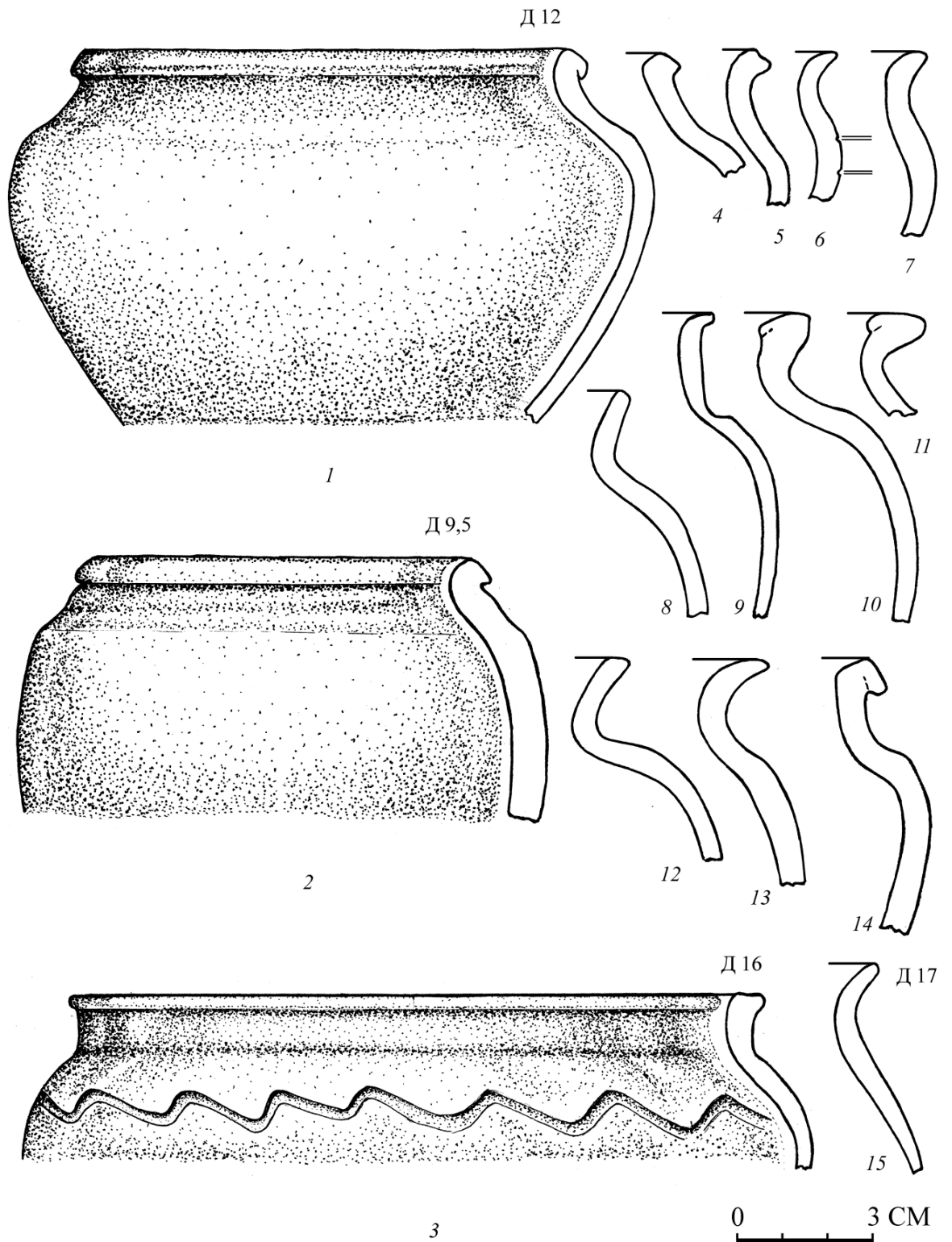

Рис. 93. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 3). Красноглиняная гончарная с примесью редкой (1–7) и частой (8–11) дресвы, крупнозернистого песка (12–14), шамота (15).

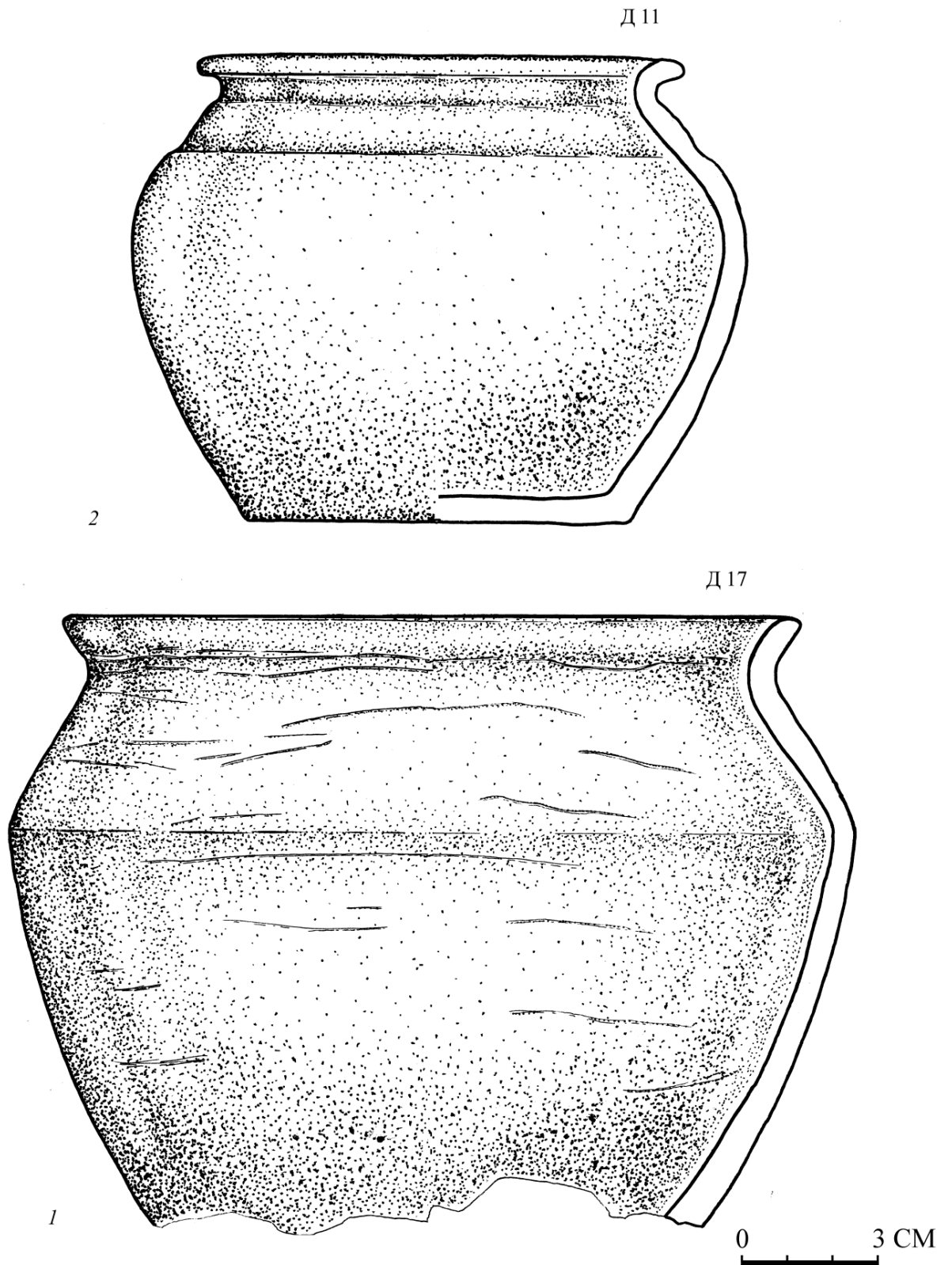
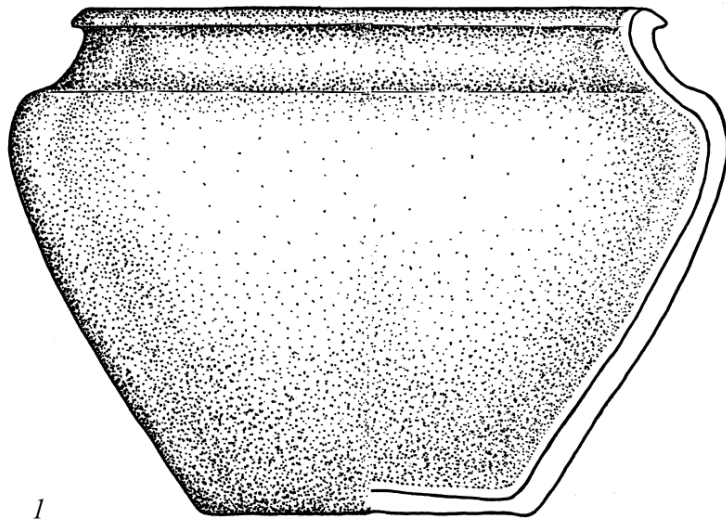

Рис. 94. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Красноглиняная керамика с примесью редкой дресвы из нижнего горизонта (слой 3): 1, 2.

Д 14

Д 18,4

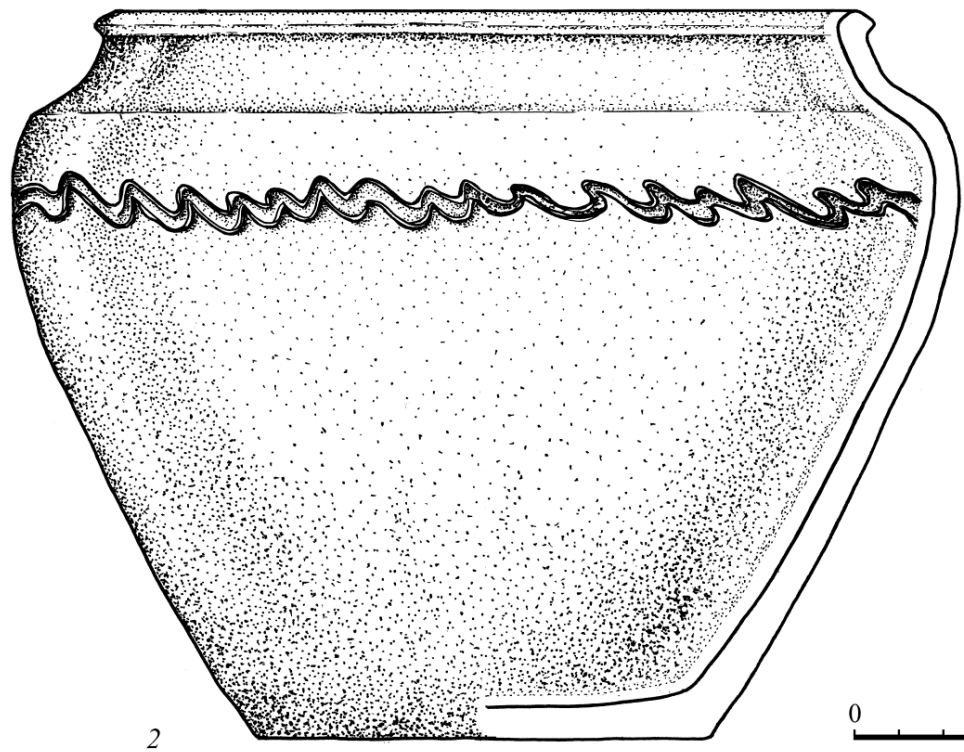

Рис. 95. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки из нижнего горизонта (слой 3): 1 – с примесью редкой дресвы, 2 – с тонким тестом.

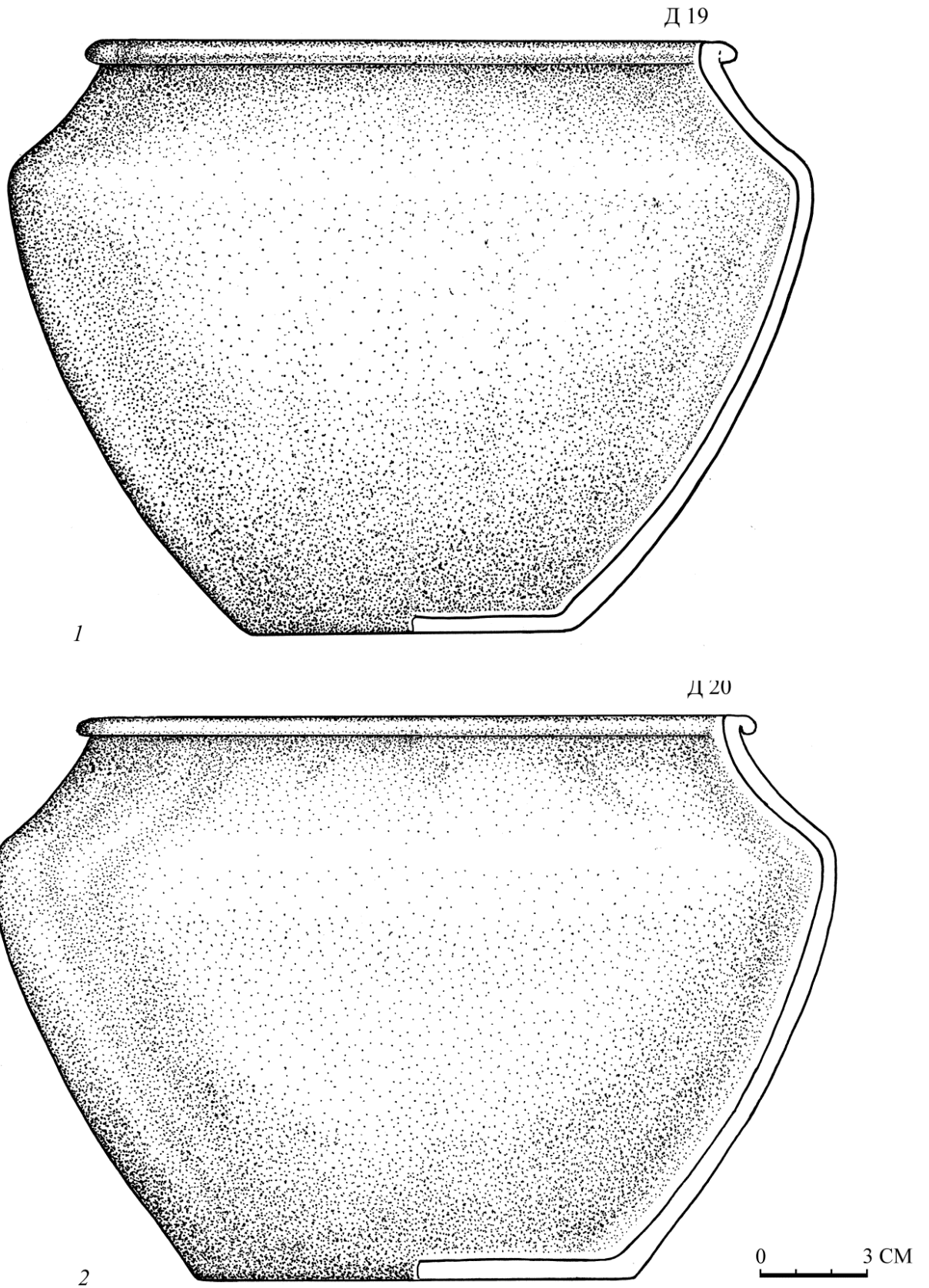
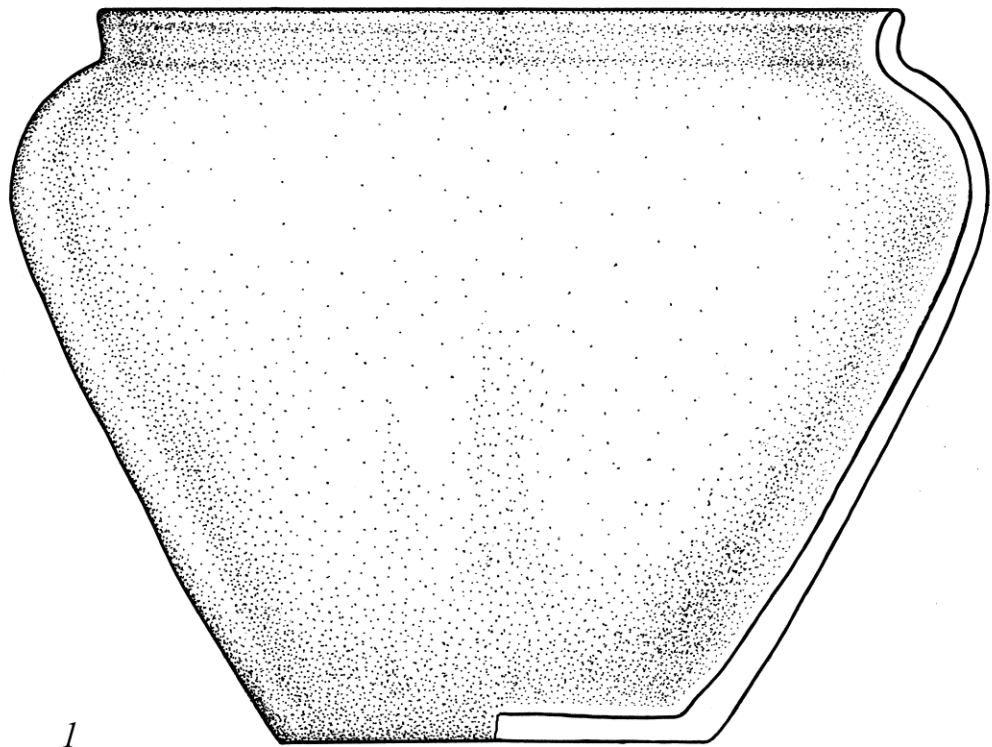
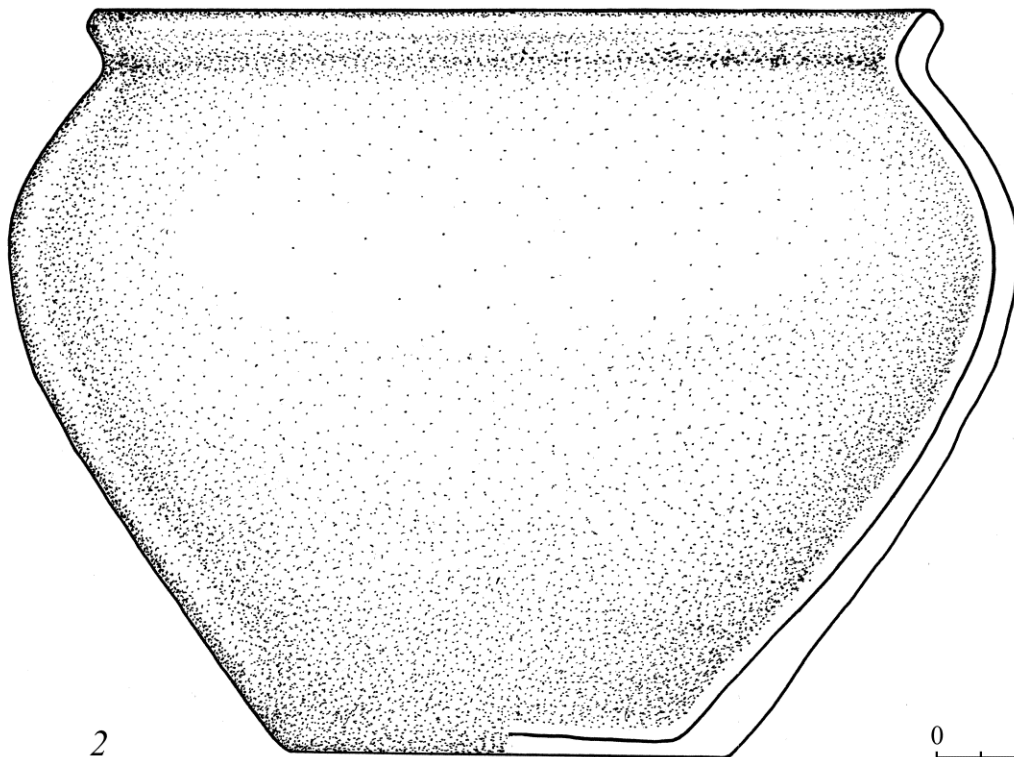

Рис. 96. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки с примесью редкой дресвы из нижнего горизонта (слой 3): 1, 2.

Д 19

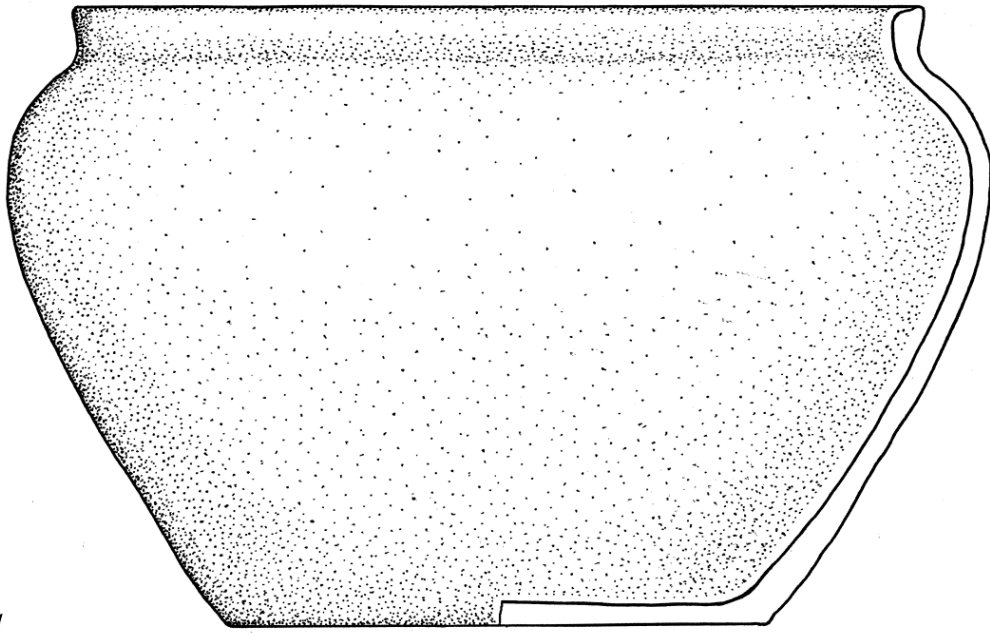
Д 20

0 3 CM

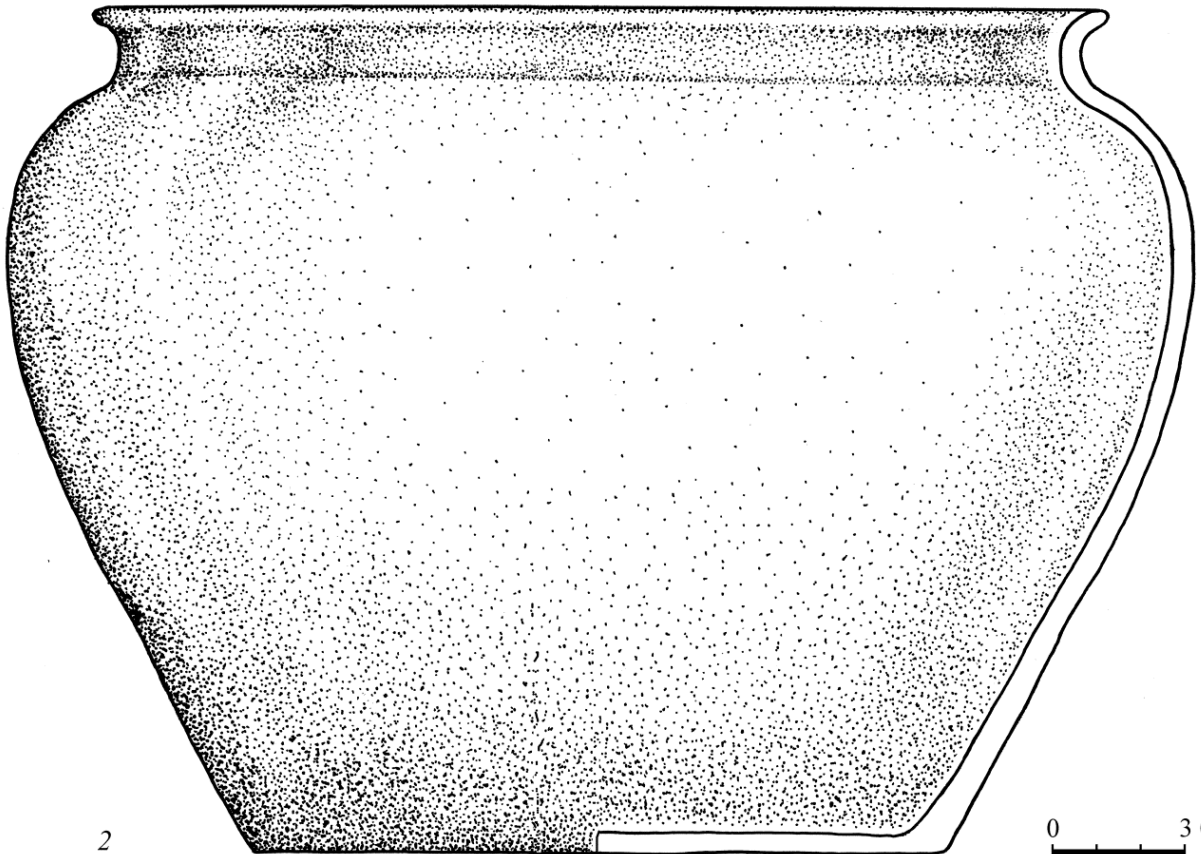
Рис. 97. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки с примесью редкой дресвы из нижнего горизонта (слой 3): 1, 2.

Д 20

1

Д 24

2

0 3 CM

Рис. 98. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки с частой примесью мелкозернистого песка из нижнего горизонта (слой 3).

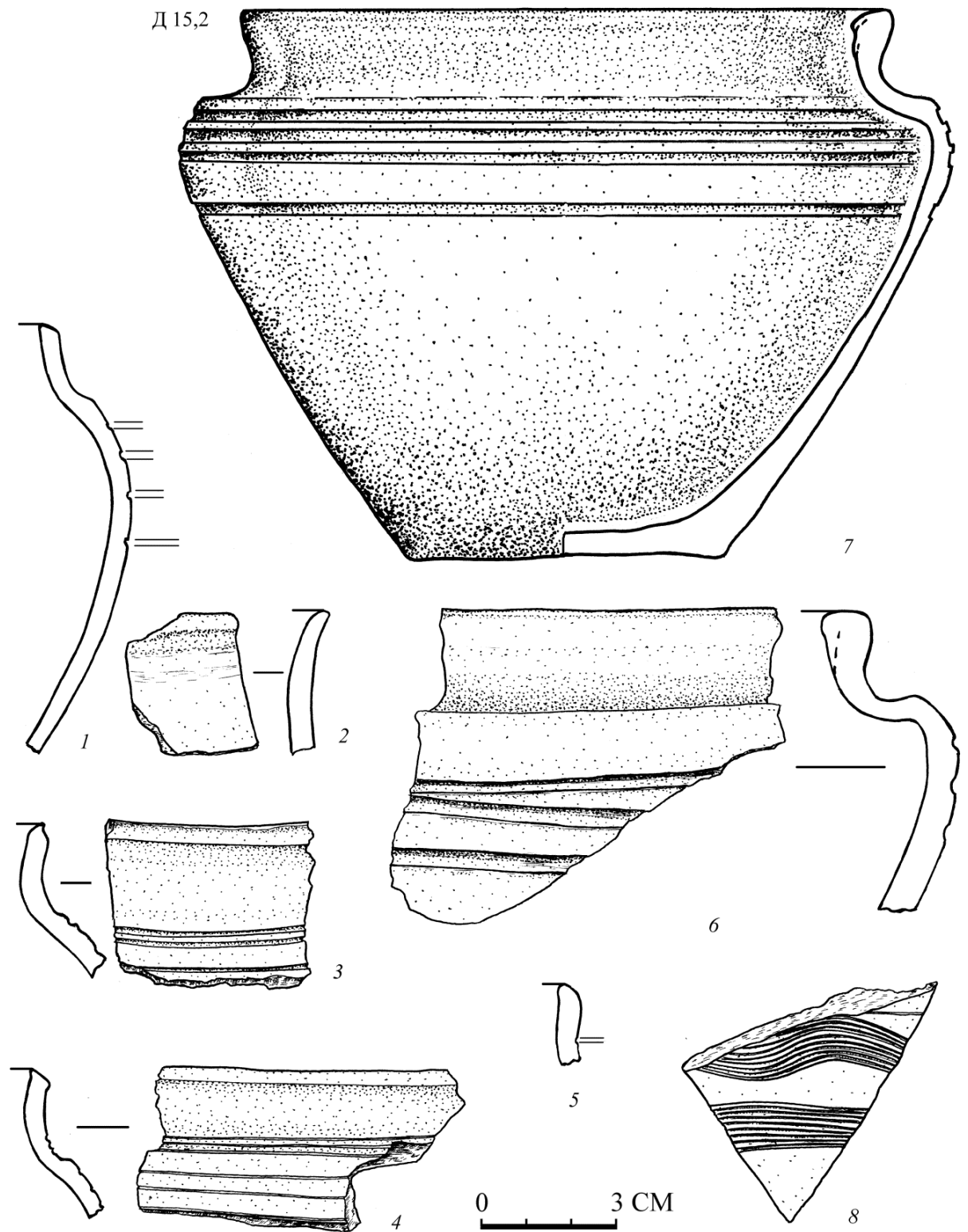

Рис. 99. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 3). Белоглиняная: с тонким тестом подгруппы V-1 (1–5), с примесью среднезернистого песка подгруппы V-3 (6, 7). Краснощёная: 8. Венчики: 1–6. Ангобированный горшок (реконструкция) из смеси бело- и красножгущихся глин подгруппы V-3: 7. Фрагмент стенки: 8.

Д 13,8

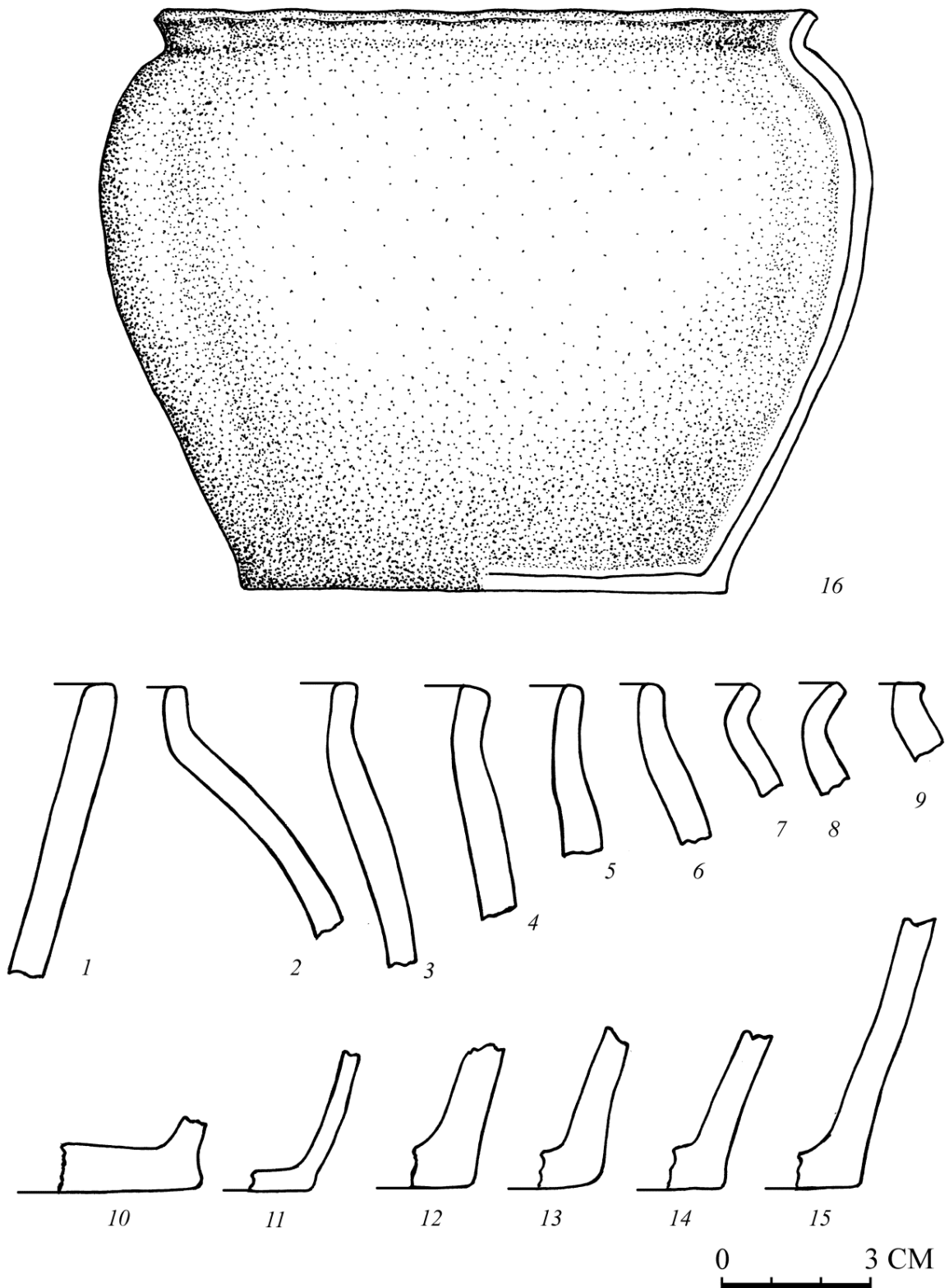

Рис. 100. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Лепная керамика с примесью шамота из нижнего горизонта (слой 3). Венчики: 1–9. Донца: 10–15. Реконструированный горшок: 16.

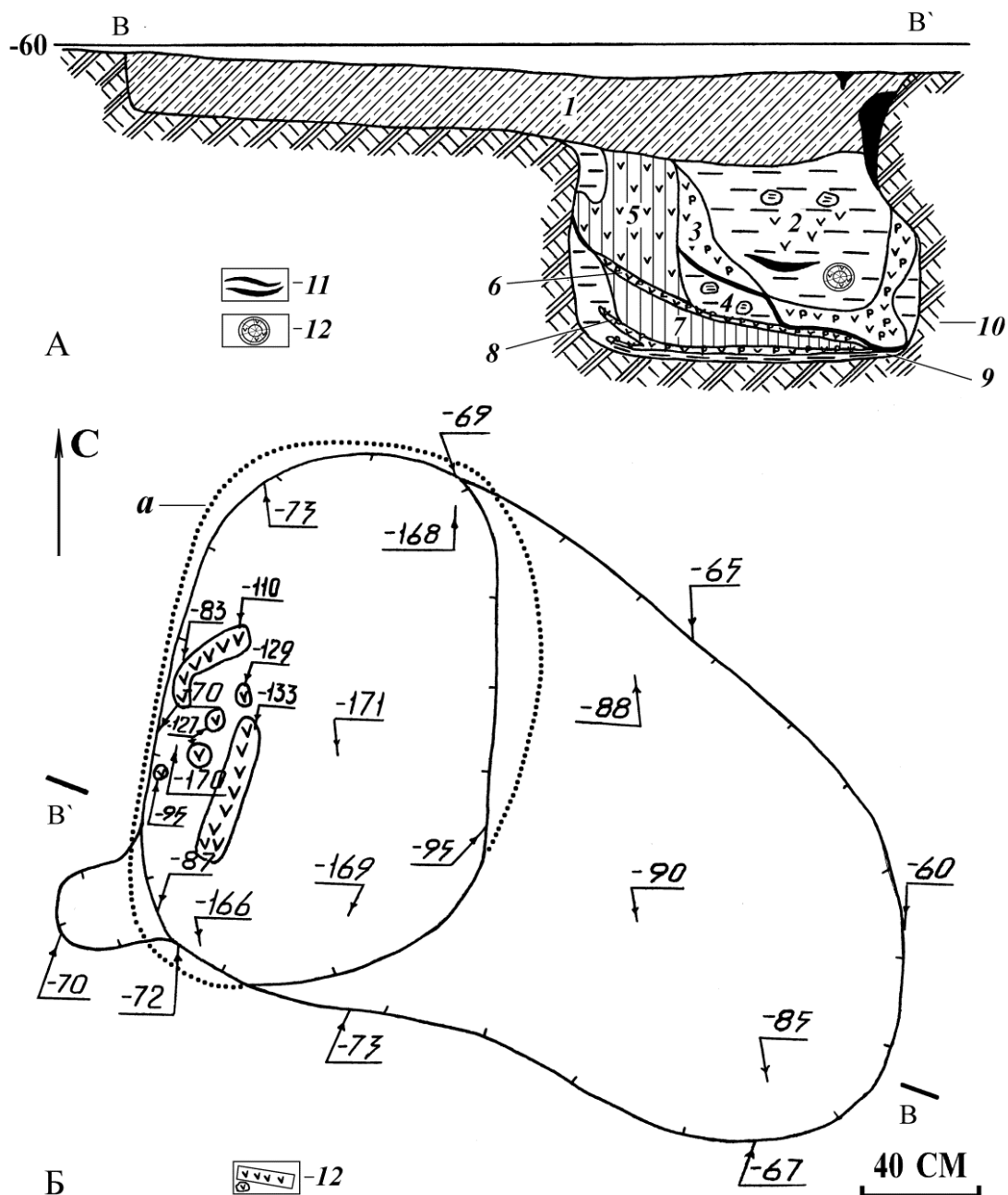

Рис. 101. Городище Городок. Раскоп 2. Комплекс 3. Яма 2/2: разрез (А) и план по материк (Б). Верхняя часть заполнения: 1 – тёмно-серый мелкокрапчатый суглинок (слой 1). Нижняя часть заполнения: верхняя пачка: 2 – развал глинобитной печи (слой 2а); 3 – чёрный рыхлый углистый грунт (слой 2); средняя пачка: 4 – развал глинобитной печи (прослойка 3а); 5 – коричневый суглинок (слой 3б); 6 – чёрный рыхлый углистый грунт (слой 3); нижняя пачка: 7 – однородный коричневый суглинок (слой 4а); 8 – чёрный рыхлый углистый грунт (слой 4); 9 – придонная прослойка плотного переотложенного материкового суглинка (слой 5). Материк: 10. 11 – остатки обугленных деревянных плашек; 12 – обугленная деревянная жердь в разрезе; а – линия дна ямы на участке с отрицательным наклоном бортов.

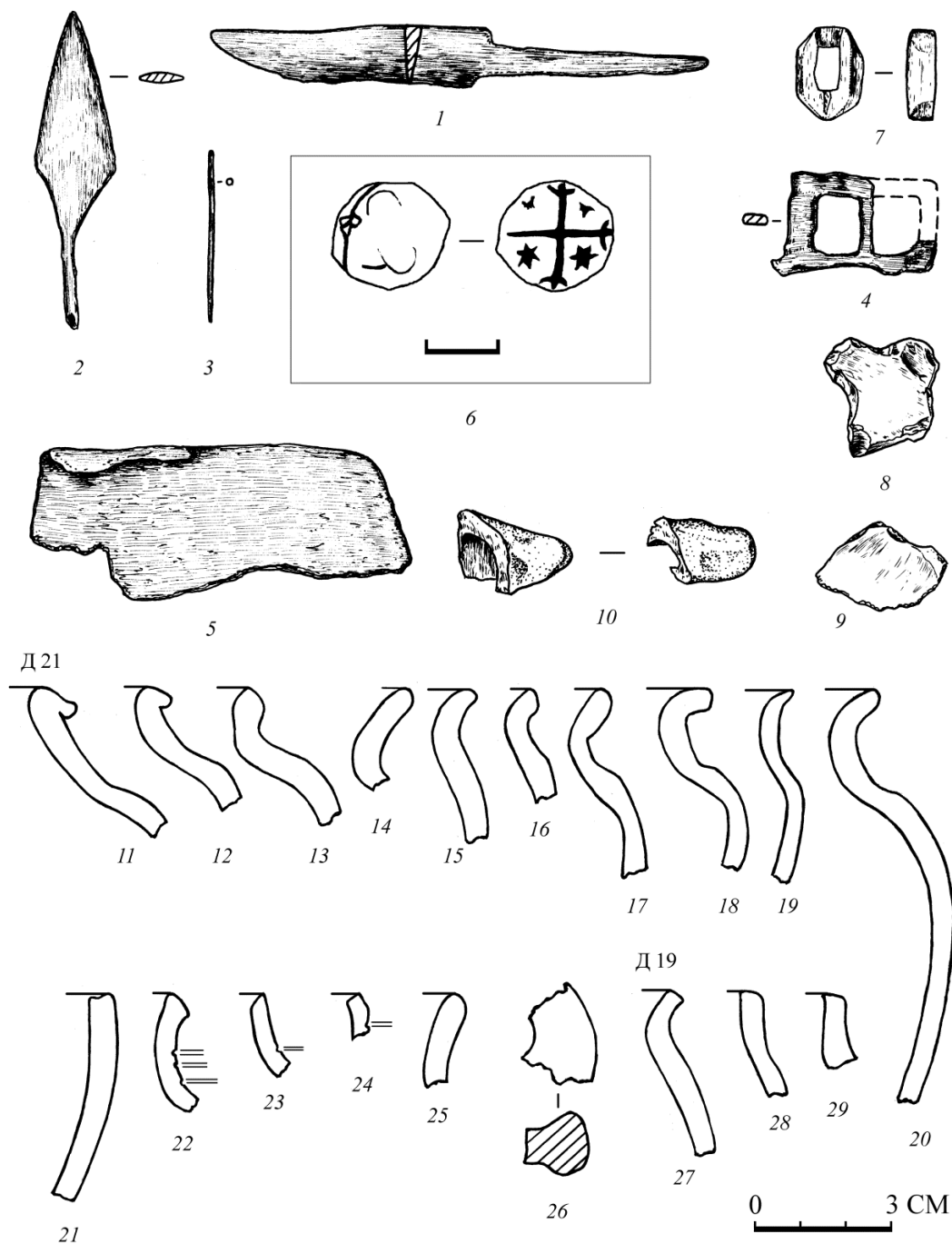

Рис. 102. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1): 1 – нож, 2 – наконечник стрелы, 3 – игла, 4 – пряжка, 5 – неопределённый предмет, 6 – монета (пуло), 7 – обойма от рукоятки ножа; 8, 9 – кресальные кремни, 10 – фрагмент игрушки (свистульки), 11–29 – венчики (11–25, 27–29) и фрагмент ручки (26) от сосудов. Керамика *красноглиняная* с примесью частой (13, 14) и редкой (11, 12) дресвы, крупнозернистого песка (20), с тонким тестом или с добавкой мелкозернистого песка (15–19); *белоглиняная* с тонким тестом подгруппы V-1 (21–24, 26), с примесью мелкозернистого песка подгруппы V-2 (25); *лепная* с примесью шамота (27–29). Железо: 1–5. Медь: 6. Рог: 7. Камень: 8, 9. Керамика: 10–29.

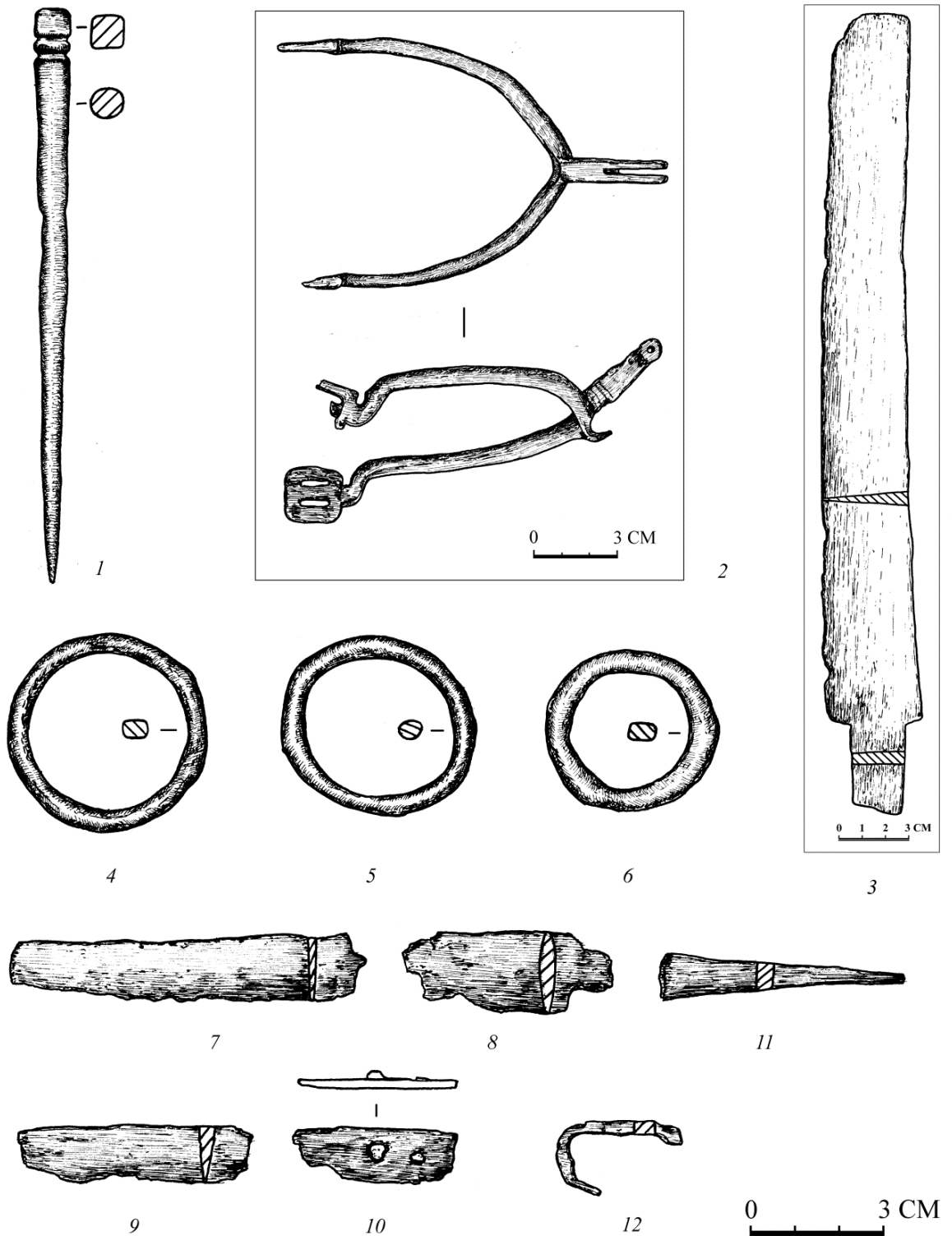

Рис. 103. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Находки из нижней части заполнения (слой 2: 4; слой 2а: 5; слой 3: 1, 6–10, 12; слой 4а: 2, 11; слой 5: 3): 1 – писало, 2 – шпора, 3 – сабля, 4–6 – кольца от удил, 7–10 – ножи, 11 – черенок от ножа, 12 – скоба. Железо: 1–12.

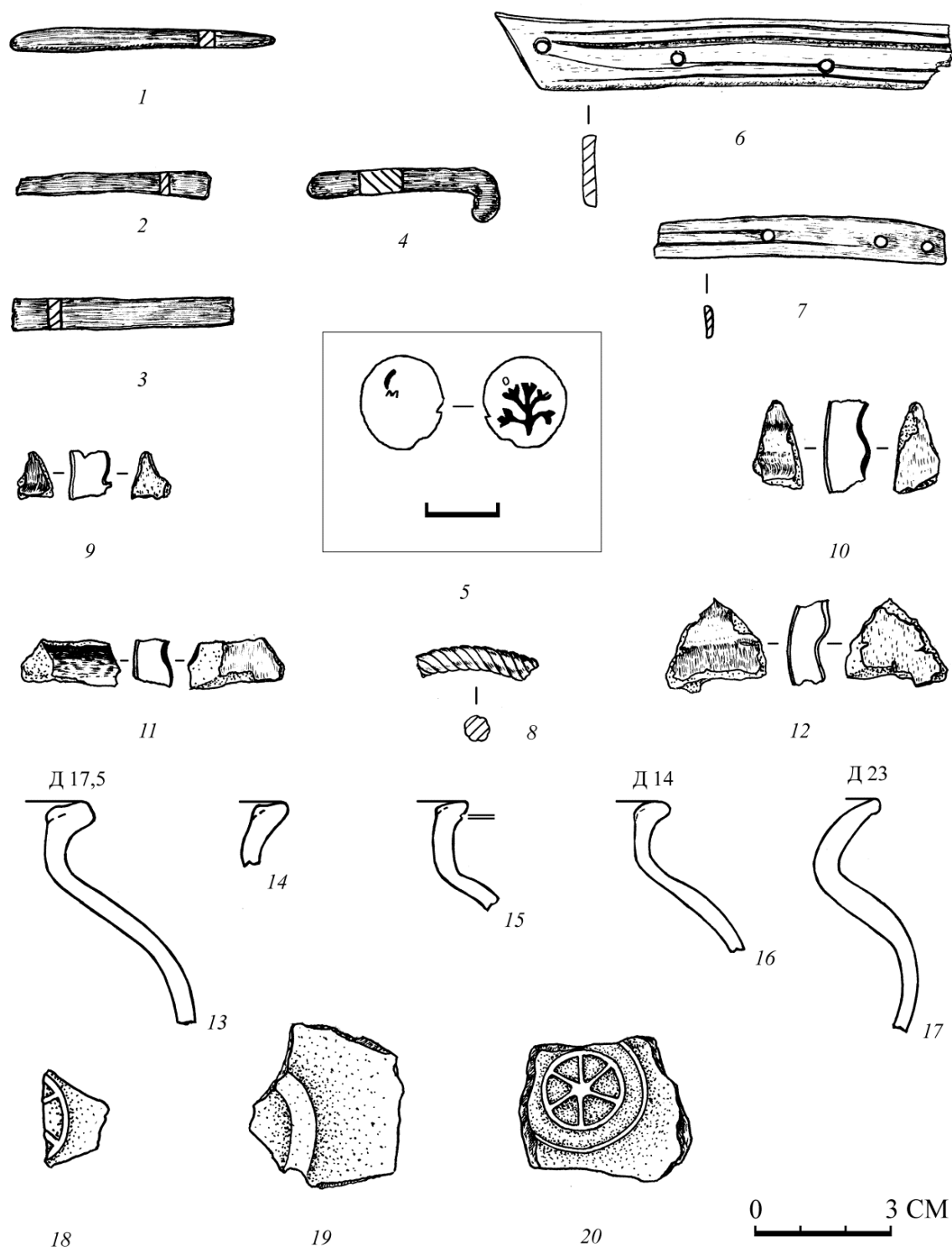

Рис. 104. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Находки из нижней части заполнения (слой 2: 1,3,10,13,20; слой 2а: 2,18,19; слой 3: 5-9,11,12,15-17; слой 4: 4,14): 1, 3, 4 – неопределённые предметы; 2 – фрагмент скобы, 5 – монета Василия II; 6, 7 – обкладки рукояток ножей; 8 – фрагмент браслета, 9-12 – фрагменты поливных сосудов, 13-20 – венчики (13-17) и фрагменты дниц с клеймами (18-20) красноглиняных сосудов с примесью частой дресвы. Железо: 1-4. Серебро: 5. Кость: 6, 7. Стекло: 8. Кашин: 9-12. Керамика: 13-20.

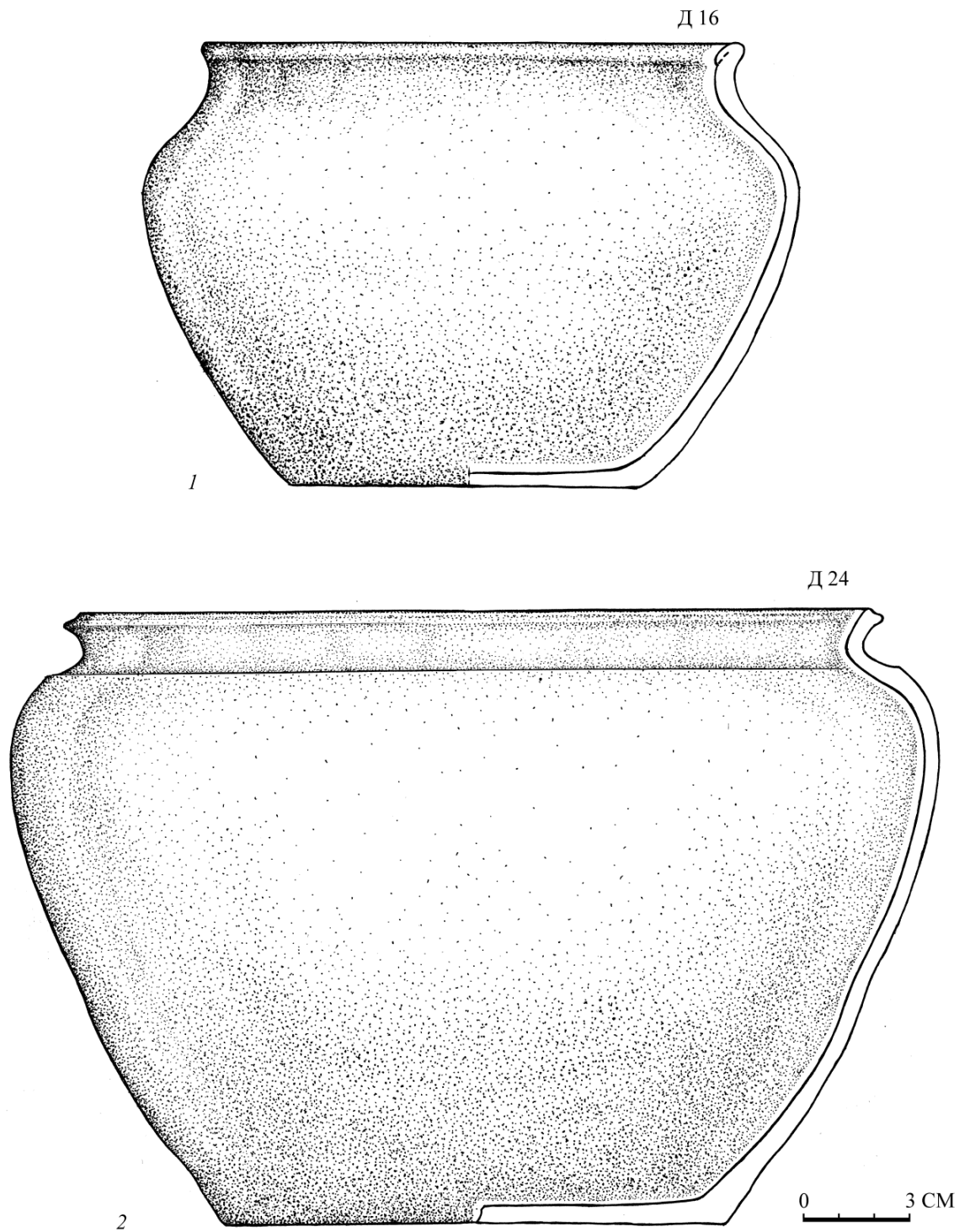

Рис. 105. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Красноглиняные горшки с частой примесью дресвы из нижней части заполнения (слой 3: 2, слой 4: 1).

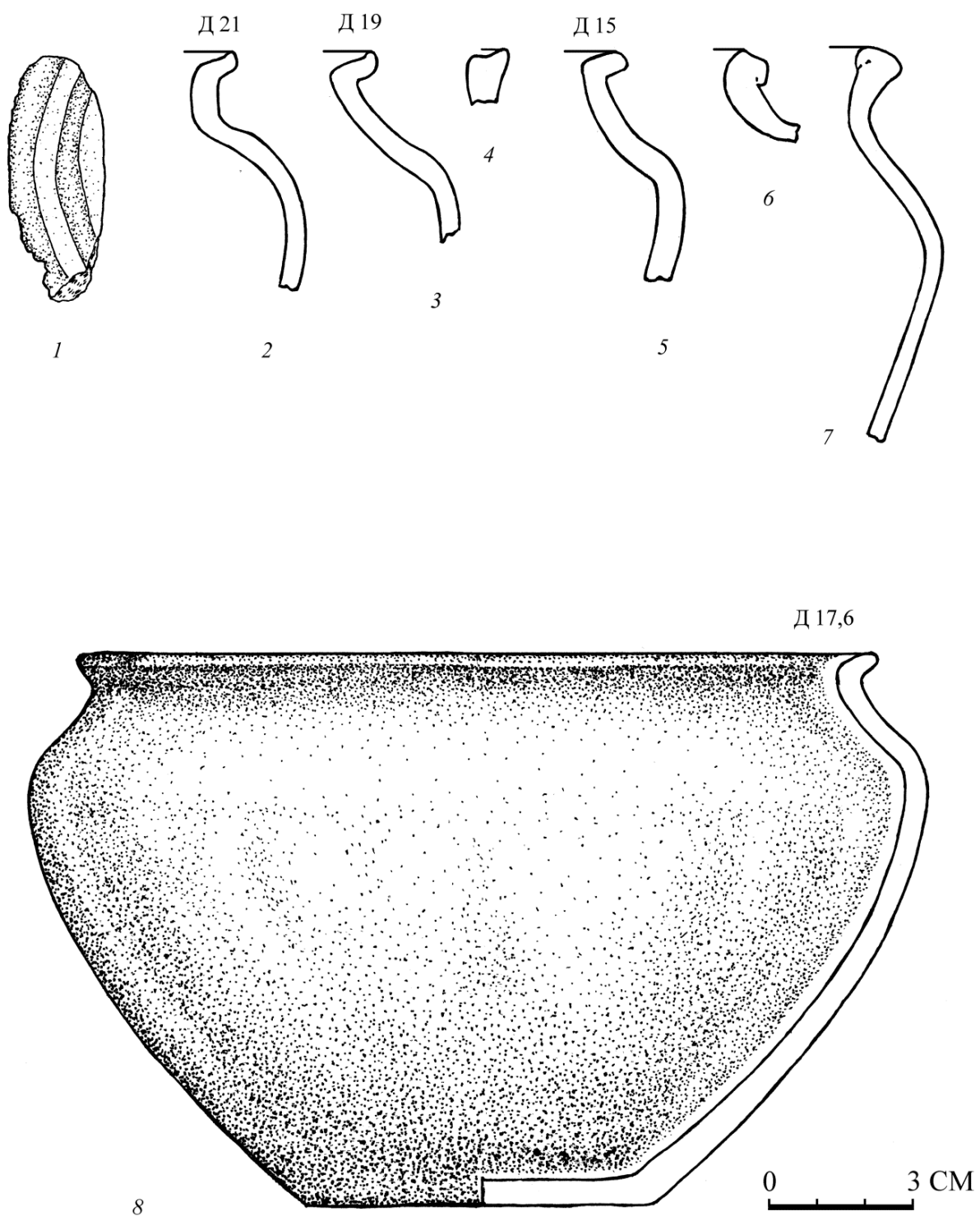

Рис. 106. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Красноглиняная керамика из нижней части заполнения (слой 2а: 1,3; слой 2: 2,4,8; слой 3: 5–7): с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (1–3), с редкой дресвой (4–8). Венчики: 2–7. Донце с клеймом: 1. Реконструированный горшок: 8.

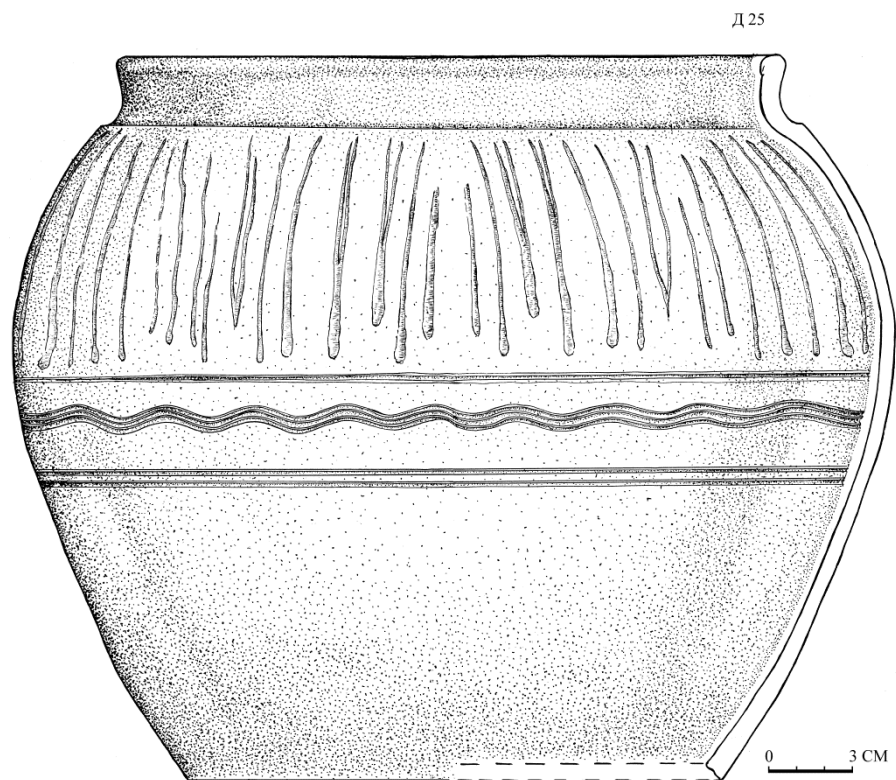

Рис. 107. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Краснолощёный горшок из нижней части заполнения (слой 2а).

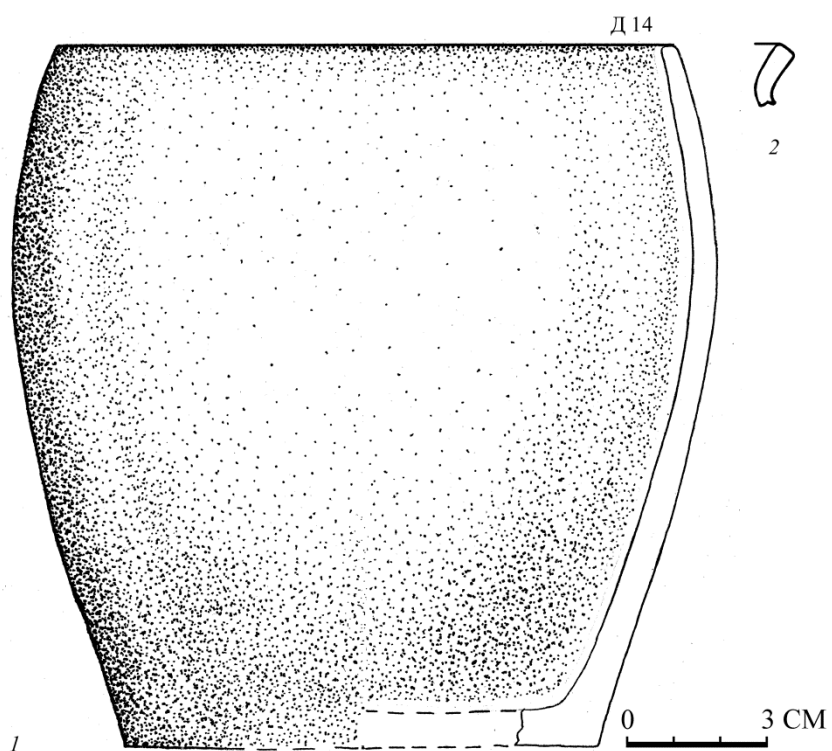

Рис. 108. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Лепная керамика из нижней части заполнения (слой 2а: 1, слой 3: 2): 1 – бокалообразный сосуд, 2 – венчик горшка.

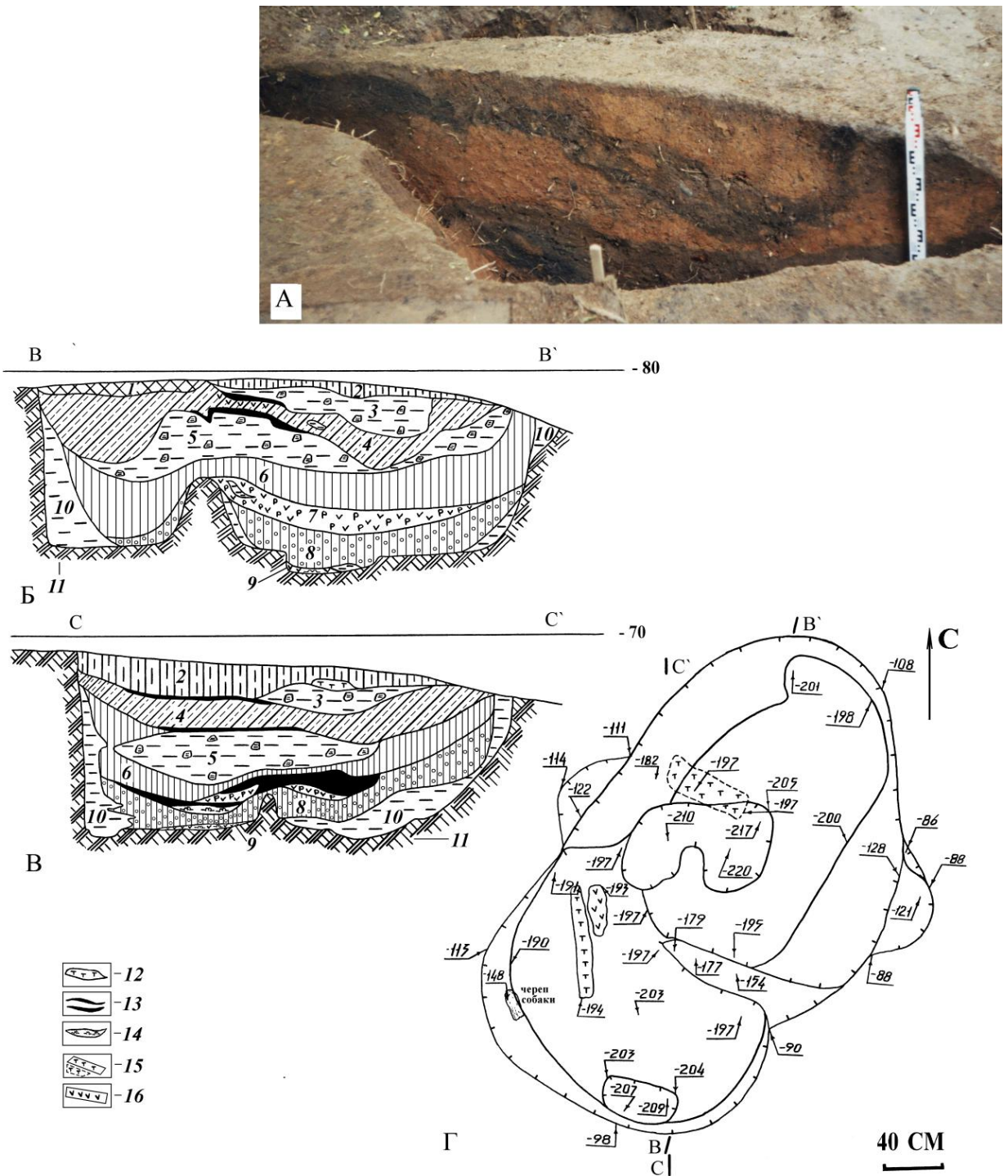

Рис. 109. Городище Городок. Раскоп 2. Комплекс 4. Яма 1/2: разрезы (А, Б, В) и план по материкам (Г).

Перекрывающий горизонт: 1 – горизонт огородной распашки. *Верхняя пачка напластований:* 2 – темно-коричневый неоднородный суглинок (слой 1а); 3 – развал глинобитной печи (слой 1б); 4 – темно-серый угленасыщенный неоднородный суглинок (слой 1). *Средняя пачка напластований:* 5 – развал глинобитной печи (слой 2а); 6 – коричневый однородный суглинок (слой 2б); 7 – рыхлый углистый грунт (слой 2). *Нижняя пачка напластований:* 8 – коричневый крапчатый суглинок (слой 3); 9 – углисто-золистые прослойки (слой 4); 10 – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Материк:* 11. 12 – прослойка мелкокораспыленного древесного тлена; 13 – прослойка углей; 14 – золистая линза; 15 – отпечатки деревянных плашек; 16 – остатки обугленной деревянной плашки.

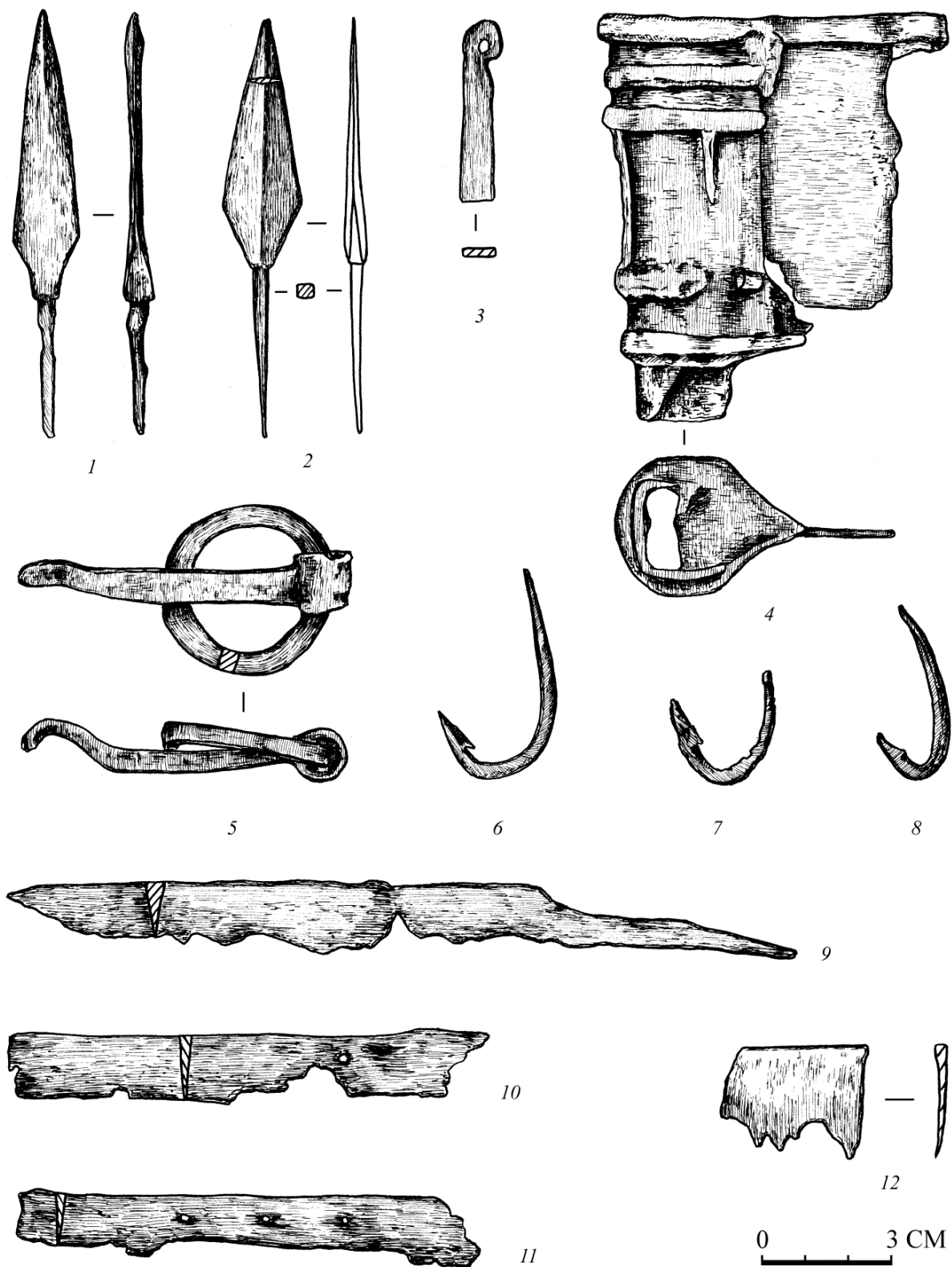

Рис. 110. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1: 2, 4, 6, 10, 11; слой 1а: 1, 3, 5, 7, 8, 11; слой 1б: 9): 1, 2 – наконечники стрел; 3 – фрагмент ключа; 4 – замок; 5 – фрагмент удил; 6–8 – крючки рыболовные; 9–11 – ножи; 12 – фрагмент пилы. Железо: 1–12.

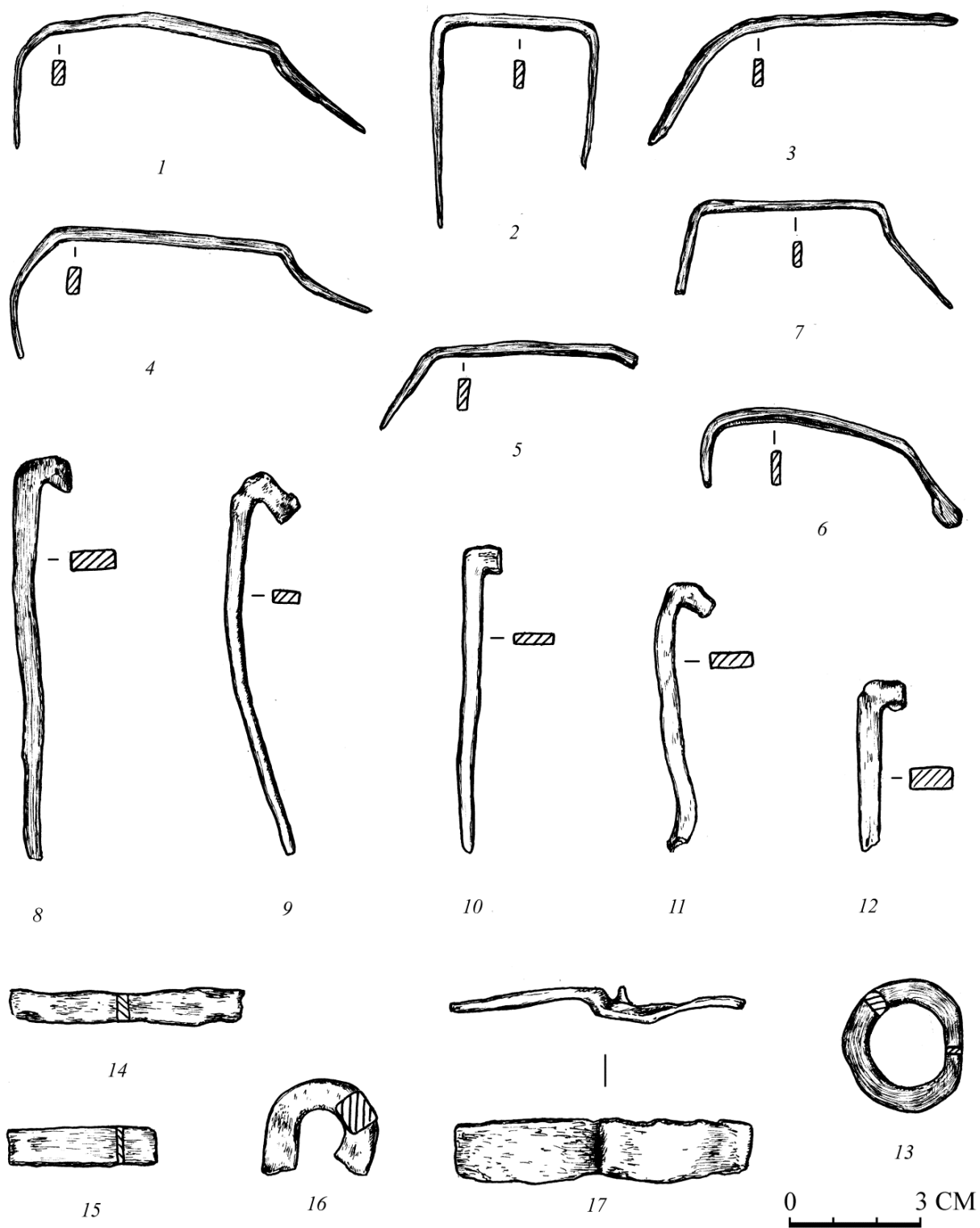

Рис. 111. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1: 2, 5, 6, 8, 11, 13, 15; слой 1а: 1, 3, 4, 9, 10, 12, 14, 16; слой 1б: 7, 17): 1-7 – скобы; 8-12 – гвозди; 13 – пряжка; 14-17 – неопределённые предметы. Железо: 1-17.

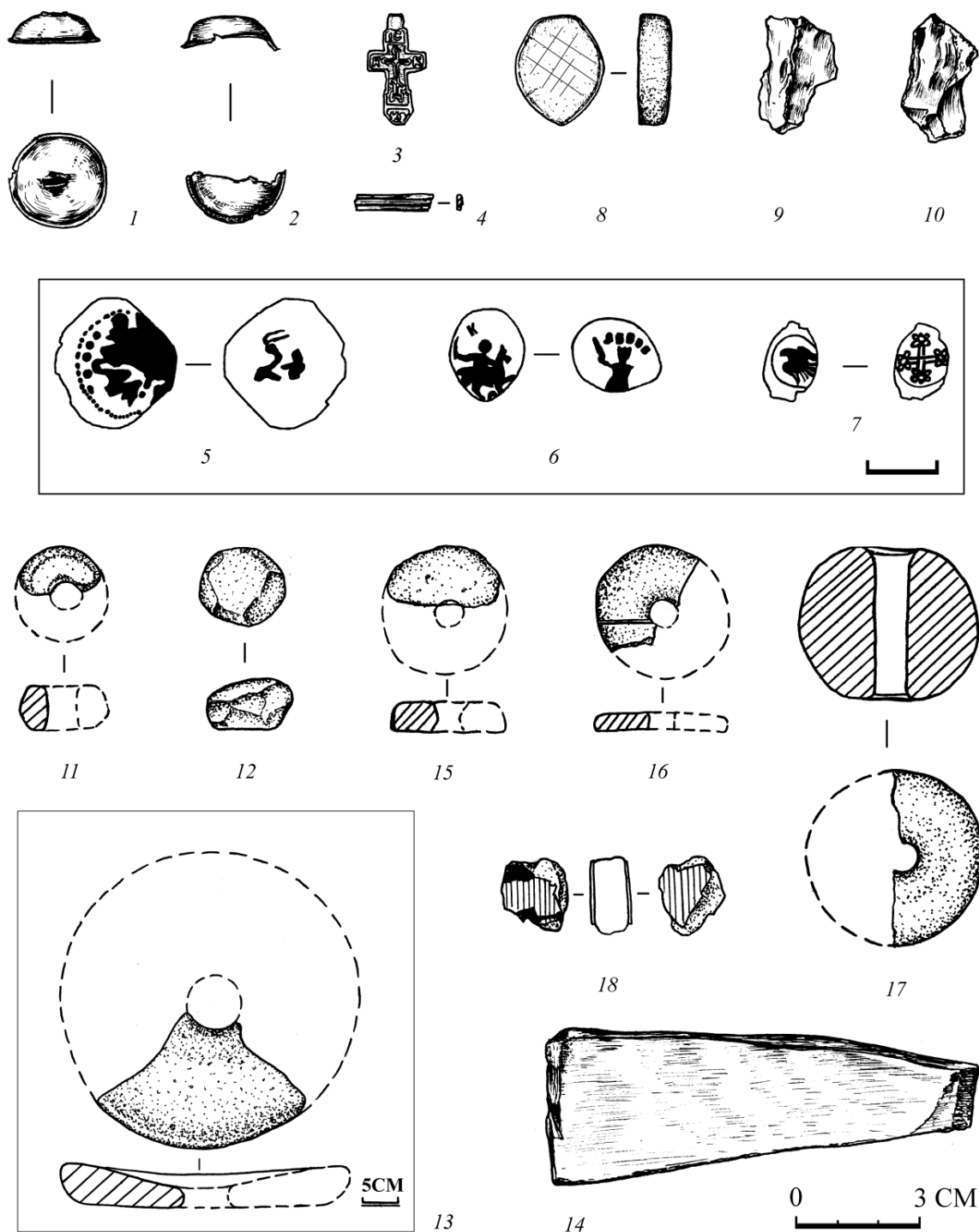
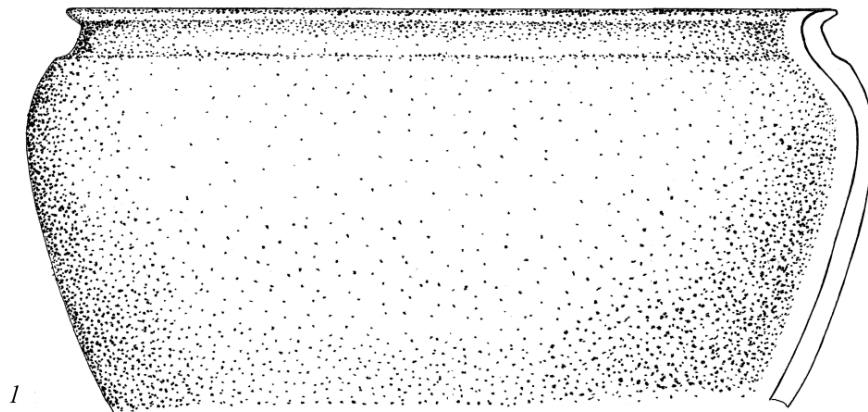

Рис. 112. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1: 1, 2, 4-7, 9, 10, 14, 15, 18; слой 1а: 11, 12, 16, 17; слой 1б: 3, 8, 13): 1-2 – фрагменты бубенчиков; 3 – крест нательный; 4 – фрагмент перстня; 5 – пуло; 6 – денга Ивана III; 7 – полуденга; 8 – затыльник от рукоятки ножа; 9, 10 – кремни кресальные; 11 – фрагмент пряслица; 12 – заготовка для пряслица; 13 – фрагмент жернова от ручной мельницы; 14 – точильный камень; 15 – фрагмент пряслица из стенки красноглиняного сосуда; 16 – фрагмент пряслица из стенки белоглиняного сосуда; 17 – фрагмент рыболовного грузила; 18 – фрагмент стенки кашинного сосуда с чёрной подглазурной росписью и двухсторонней прозрачной бирюзовой поливой. Бронза: 1-4. Медь: 5. Серебро: 6, 7. Рог: 8. Камень: 9-14. Керамика: 15-18.

Дв 22

Дв 22

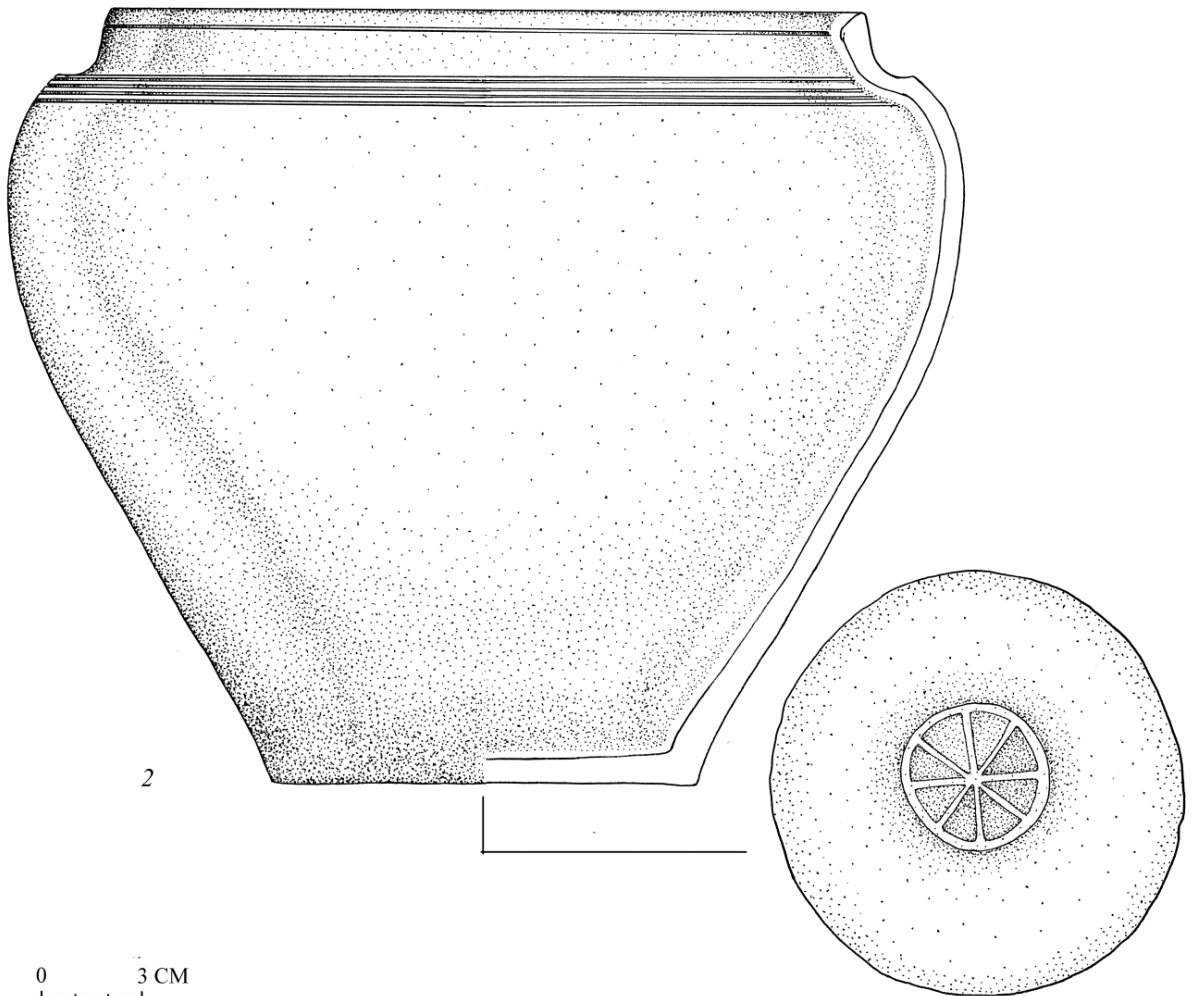

Рис. 113. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Красноглиняная керамика из верхней части заполнения (слой 1а: 1; слой 1: 2): с тонким тестом (1), с примесью мелкозернистого песка (2).

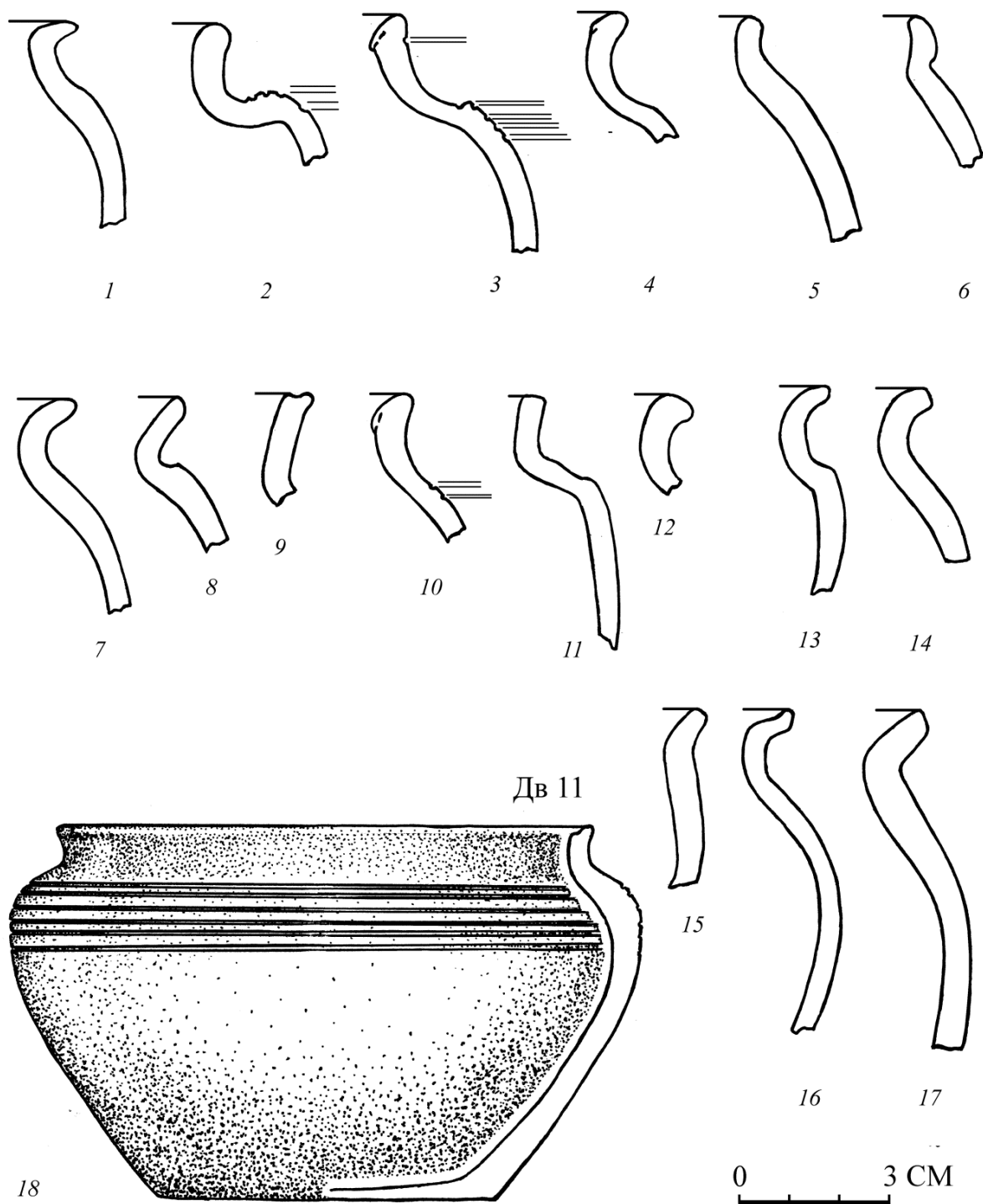

Рис. 114. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Красноглиняная керамика из верхней части заполнения (слой 1: 5-7; слой 1а: 3, 4, 9, 11, 13-15, 17, 18; слой 1б: 1, 2, 8, 10, 12, 16): с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (2-5, 7-9, 16, 17), с примесью крупнозернистого песка (10, 11, 18), с примесью частой дресвы (12-15), с добавкой толчёной раковины (1), толчёной кости (6). 1-17 – венчики; 18 – реконструированный горшок.

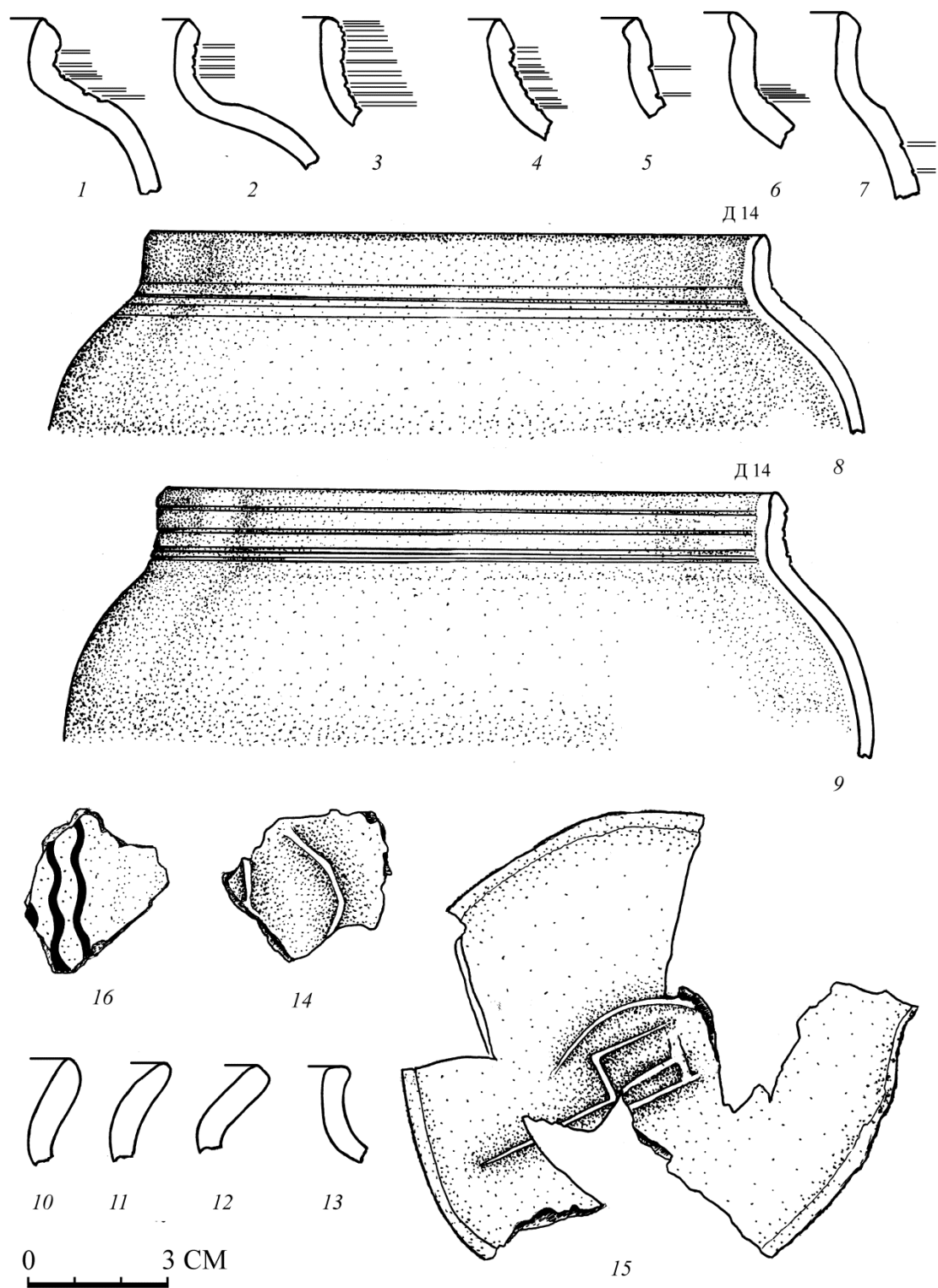

Рис. 115. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Керамика из верхней части заполнения: белоглиняная (1–15) и красноглиняная ангобированная с росписью охрой (16). Слой 1: 1, 2, 8–10, 12, 13, 16; слой 1а: 3, 4, 6, 7, 11, 14, 15; слой 1б: 5. Белоглиняная керамика с тонким тестом: 1–9, 14; с частой примесью мелкозернистого песка: 10–12, 15; с примесью дресвы: 13. Венчики: 1–13; донца с клеймами: 14, 15; фрагмент стенки: 16.

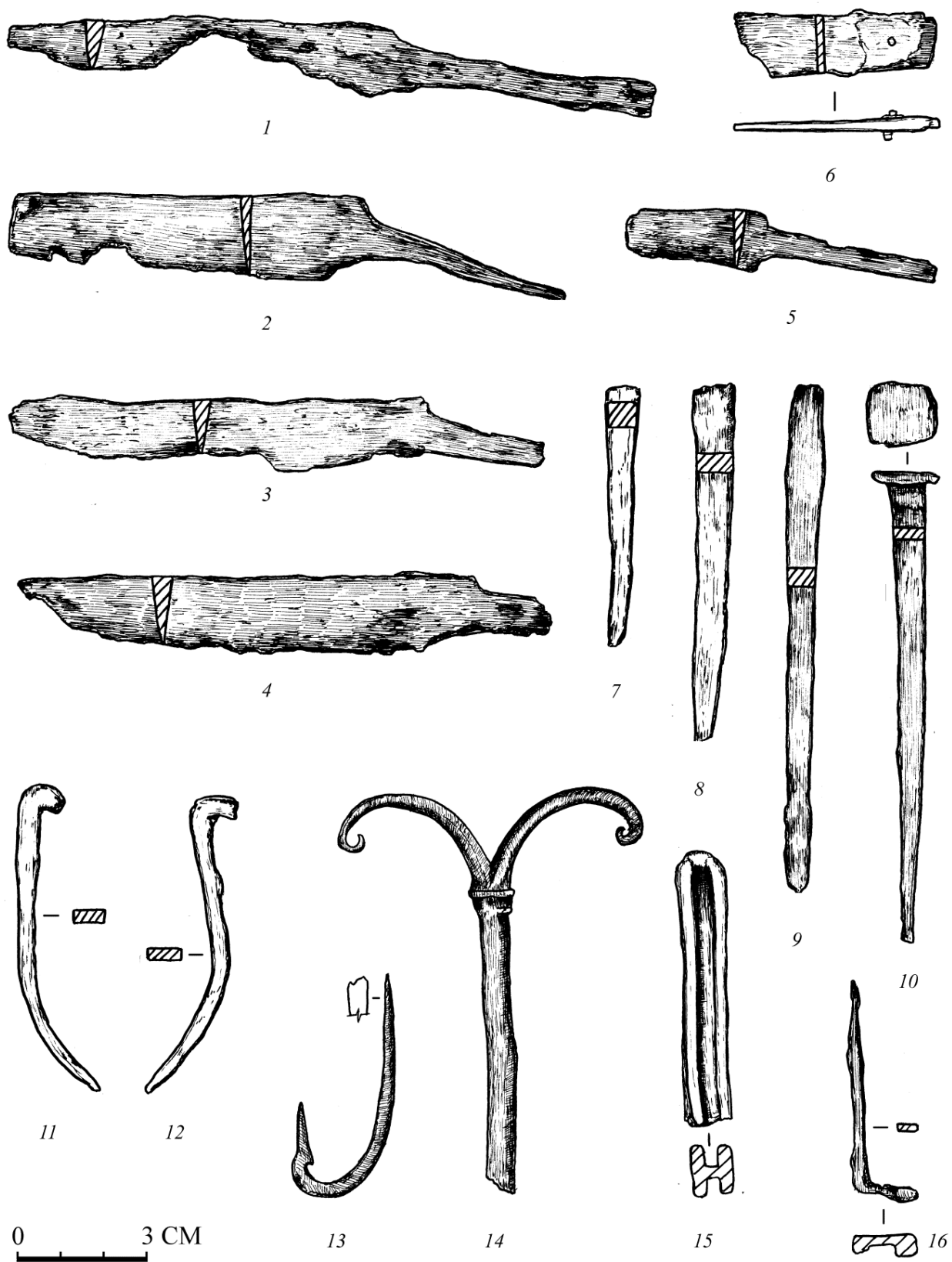

Рис. 116. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из средней части заполнения (слой 2: 1-6, 8; слой 2а: 7; слой 2б: 9-16): 1-6 – ножи; 7-12 – гвозди; 13 – крючок рыболовный; 14 – дверная накладка; 15, 16 – фрагменты ключей. Железо: 1-16.

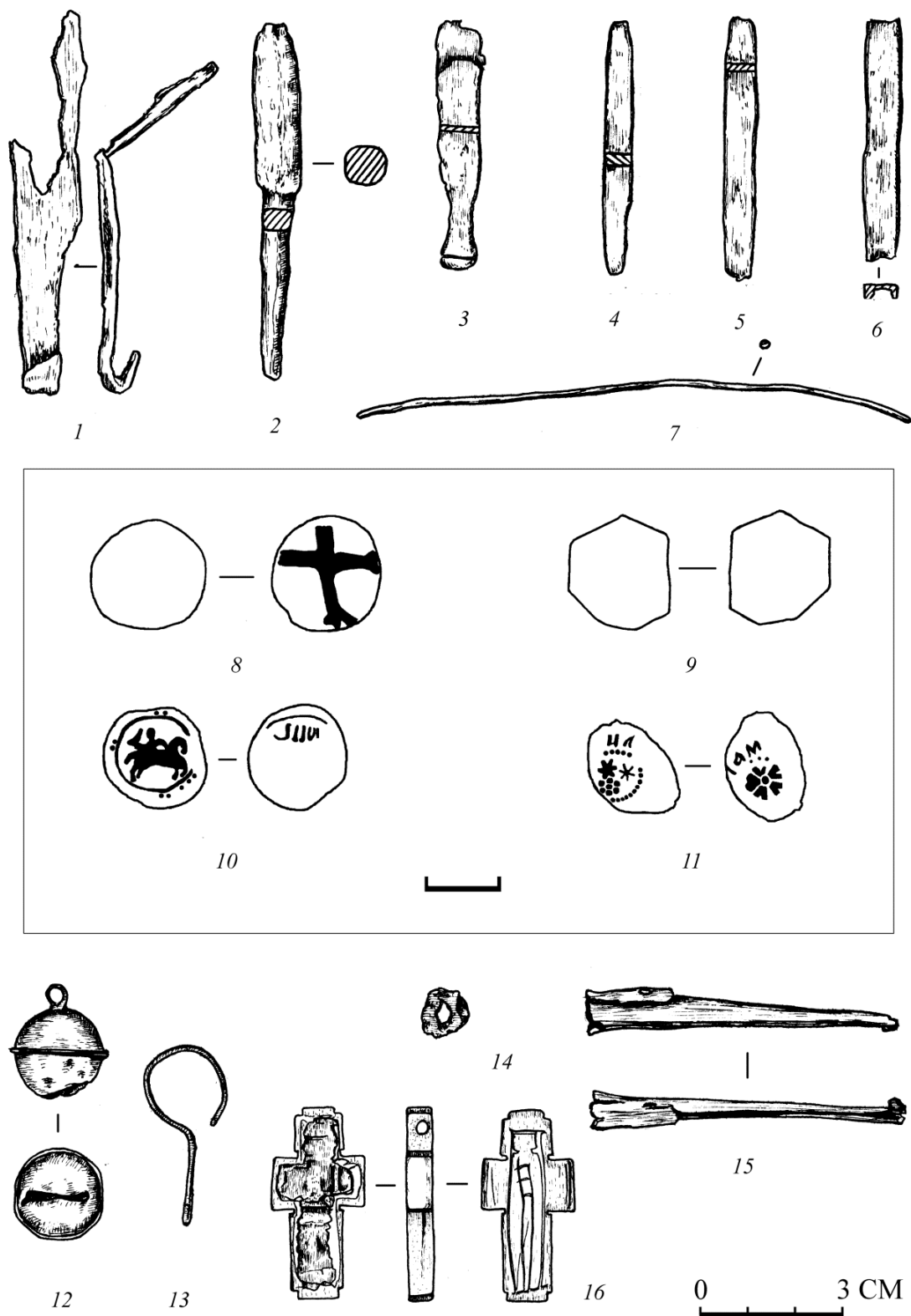

Рис. 117. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из средней части заполнения (слой 2: 7,8,10–12,15,16; слой 2б: 1–6,9,13,14): 1–6 – стержни, 7 – провод, 8 – монета (пуло), 9 – монета (пуло), 10 – монета-подделка, 11 – денга Василия Тёмного, 12 – бубенчик-привеска, 13 – серьга, 14 – грузик, 15 – рукоятка ножа, 16 – крест-мощевик. Железо: 1–6. Бронза: 7, 12, 13, 15. Медь: 8,9. Медь+серебро: 10. Серебро: 11. Свинец: 14. Рог: 16.

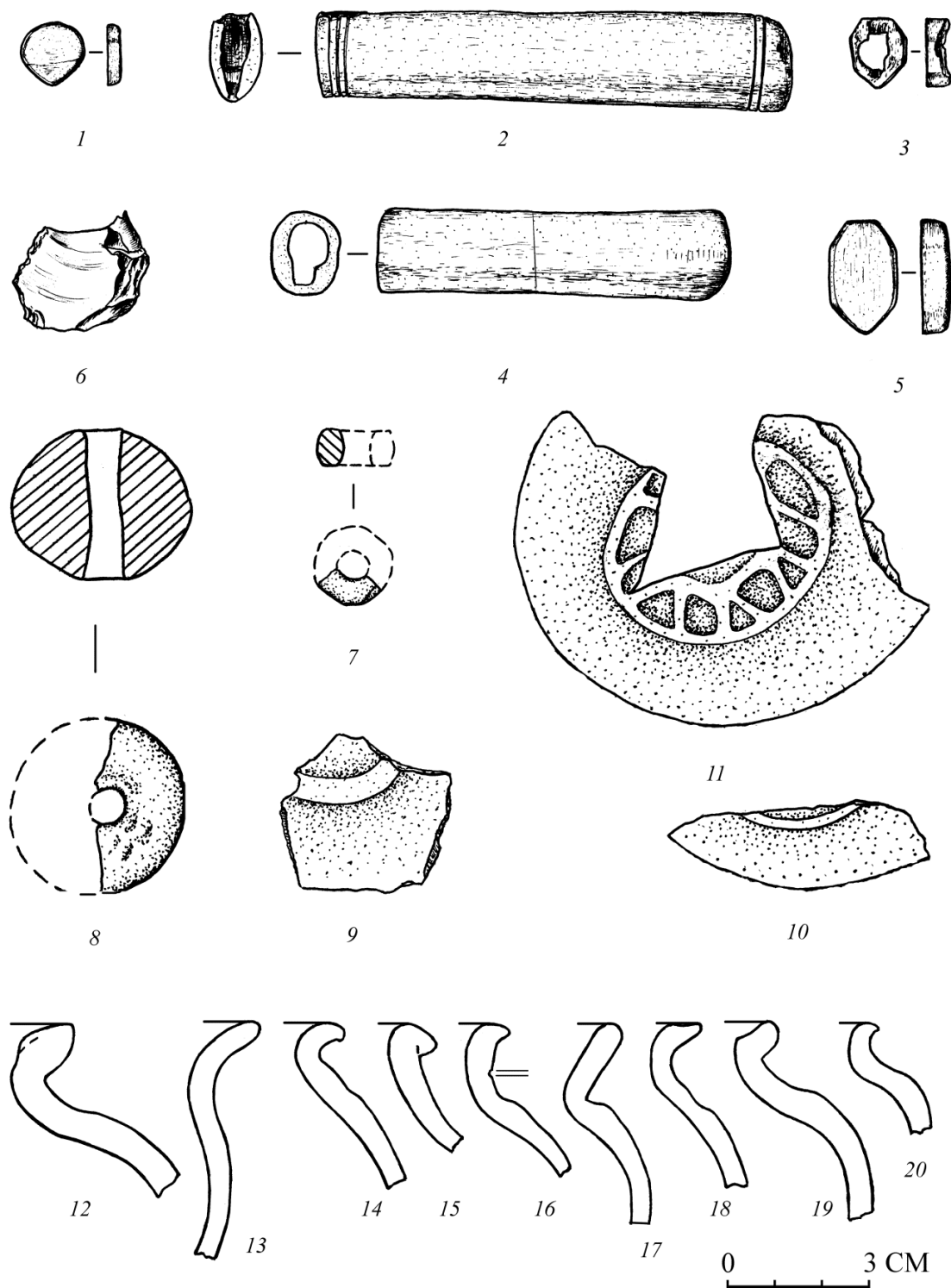

Рис. 118. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из средней части заполнения (слой 2: 2, 4, 6, 10, 11, 15, 16, 19, 20; слой 2а: 9, 14; слой 2б: 1, 3, 5, 7, 8, 12, 13, 17, 18): 1, 5 – затыльники от рукояток ножей; 2, 4 – рукоятки ножей; 3 – обойма от рукоятки ножа; 6 – кремь кресальный; 7 – фрагмент грузила; 8 – фрагмент пряслица; 9–11 – фрагменты днищ с клеймами (9–11) и венчиков (12–20) красноглиняных гончарных сосудов с примесью дресвы (9–13), крупнозернистого песка (19, 20), мелкозернистого песка или с тонким тестом (14–18). Кость или рог: 1–5. Камень: 7. Керамика: 8–20.

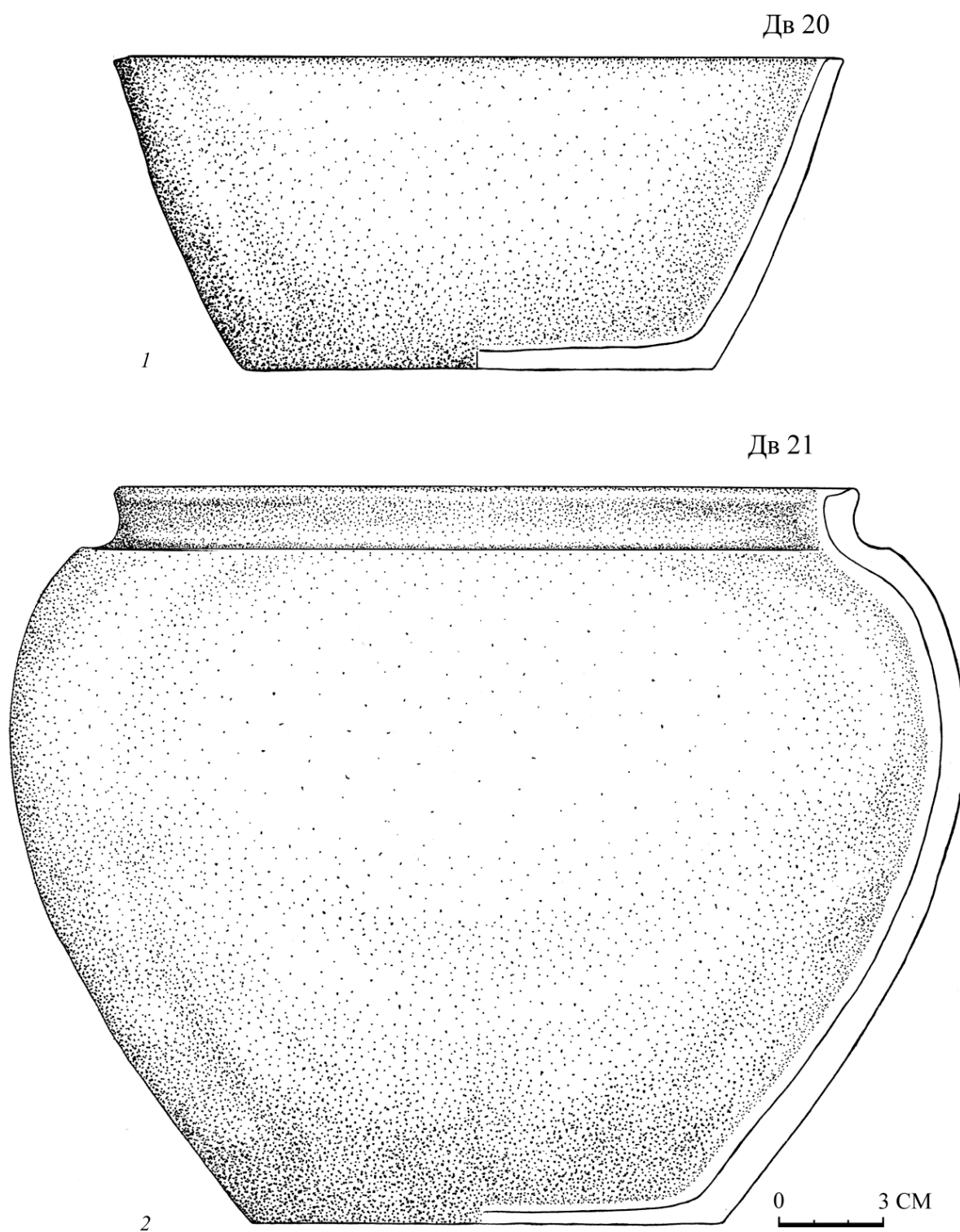

Рис. 119. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Реконструированные красноглиняные сосуды с примесью дресвы в тесте из средней части заполнения (слой 2): 1 – миска, 2 – горшок.

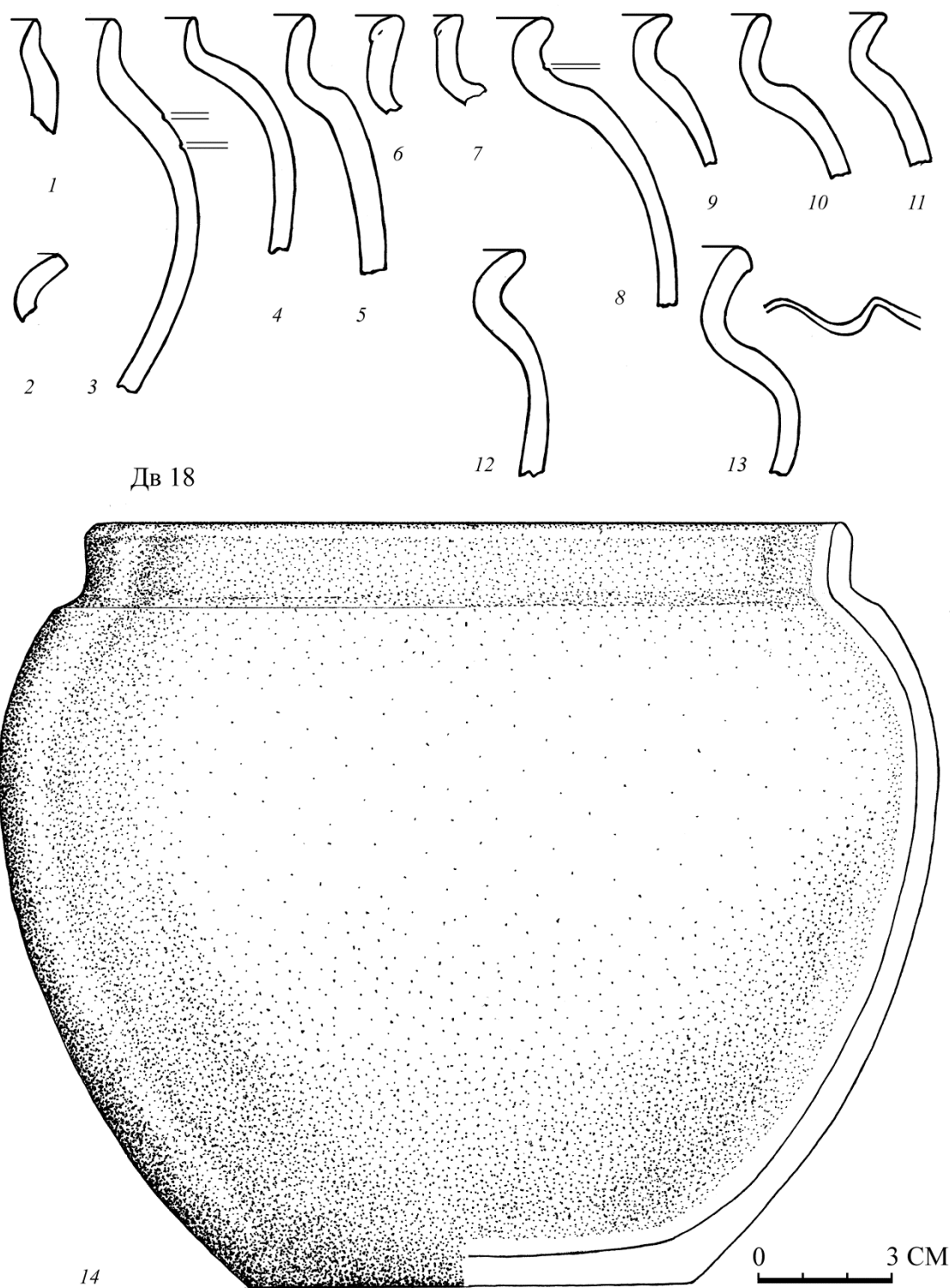

Рис. 120. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Красноглиняная гончарная керамика из средней части заполнения (слой 2: 1, 2, 7, 12, 14; слой 2а: 11, 13; слой 2б: 3-6, 8-10): 1-13 – венчики; 14 – реконструированный горшок. Тесто тонкое или с примесью мелкозернистого песка: 1, 3-14; с добавкой железосодержащего шлака: 2.

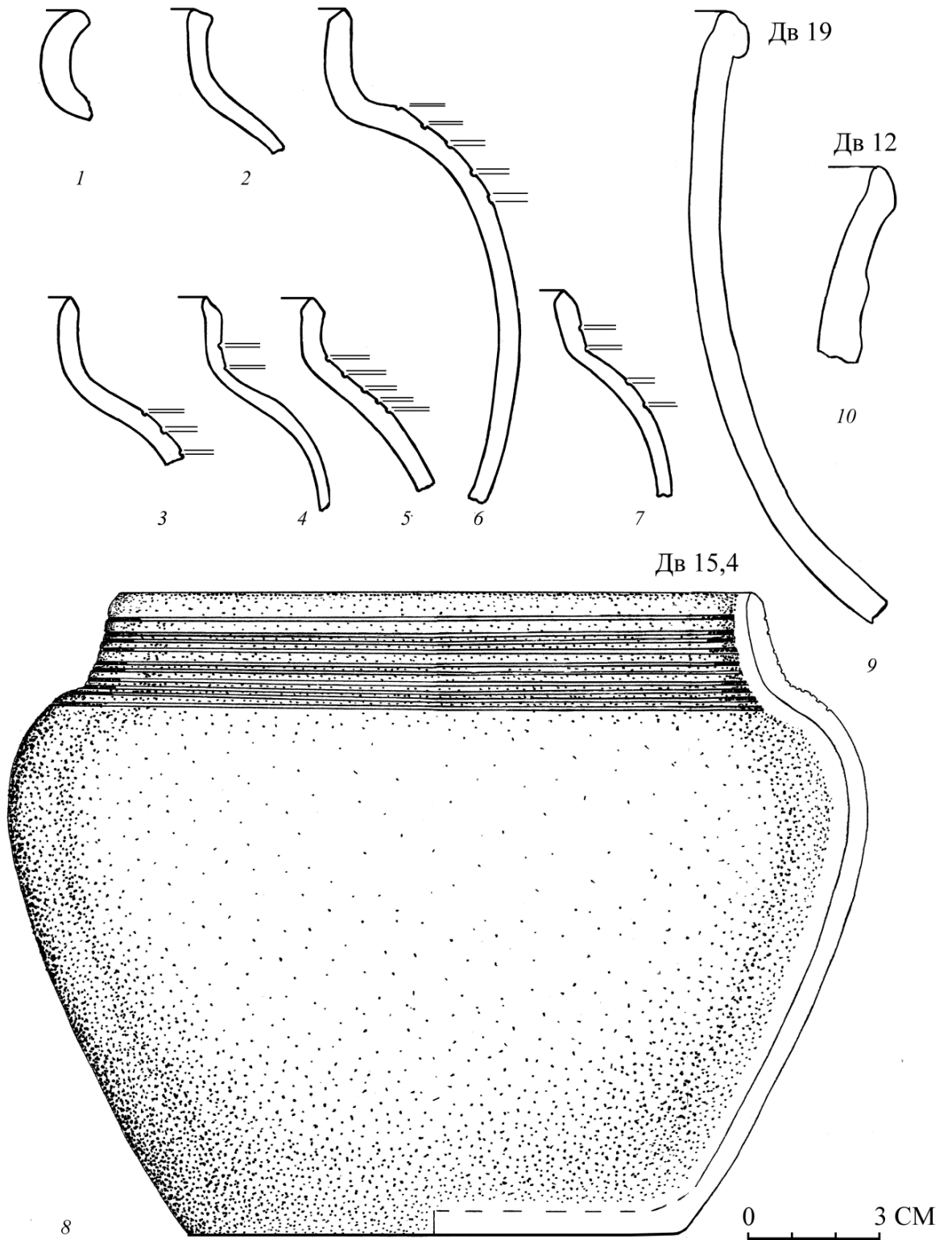

Рис. 121. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Белоглиняная (1–8) и краснощёная (9,10) гончарная керамика из средней части заполнения (слой 2: 7,8,10; слой 2а: 2,6; слой 2б: 1,3–5,9). Венчики: 1–7,9,10. Реконструированный горшок: 8. Белоглиняная керамика: с тонким тестом (3–8), с частой примесью мелкозернистого песка (1), с примесью дресвы (2).

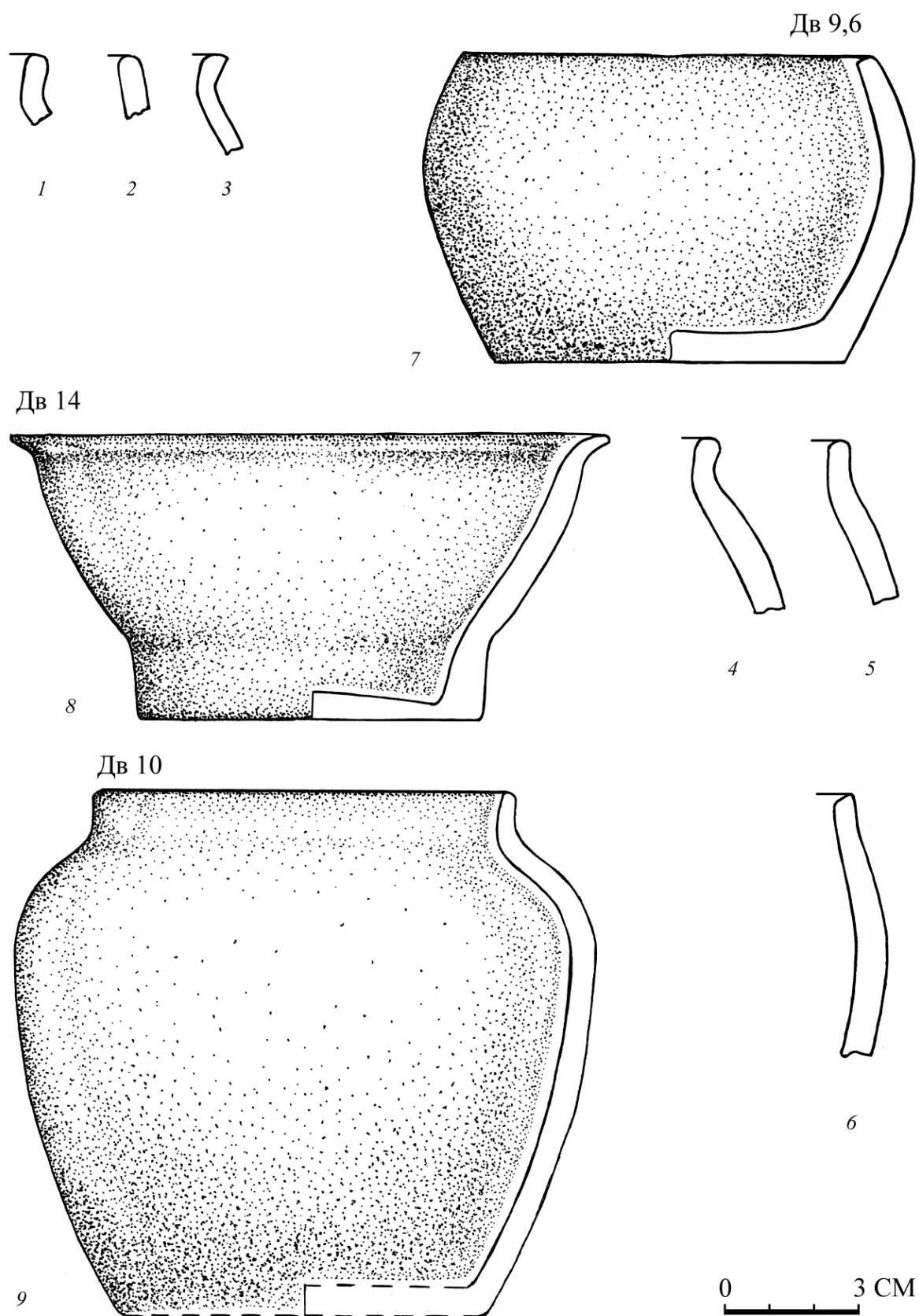

Рис. 122. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Лепная керамика из средней части заполнения (слой 2). Венчики: 1–6. Реконструированные сосуды: 7 – банка, 8 – чаша, 9 – горшок. Тесто тонкое (6) и с примесью шамота (1–5, 7–9).

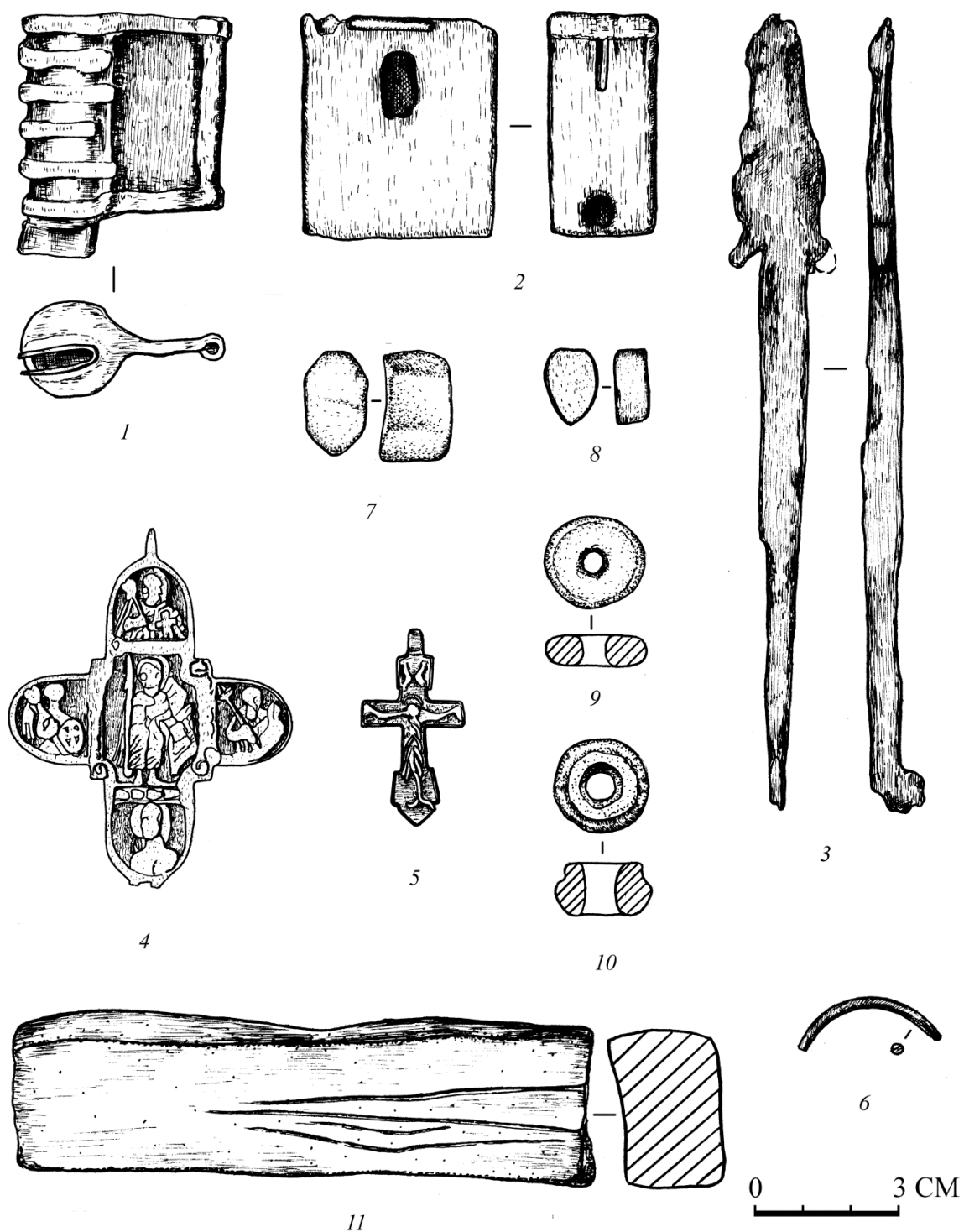

Рис. 123. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из нижней части заполнения (слой 3): замки (1,2), острога (3), створка энколпиона (4), нательный крест (5), фрагмент височного кольца (6), затыльники от рукояток ножей (7,8), пряслица (9,10), точильный камень (11). Железо: 1-3. Бронза: 4-6. Рог: 7,8. Камень: 9-11.

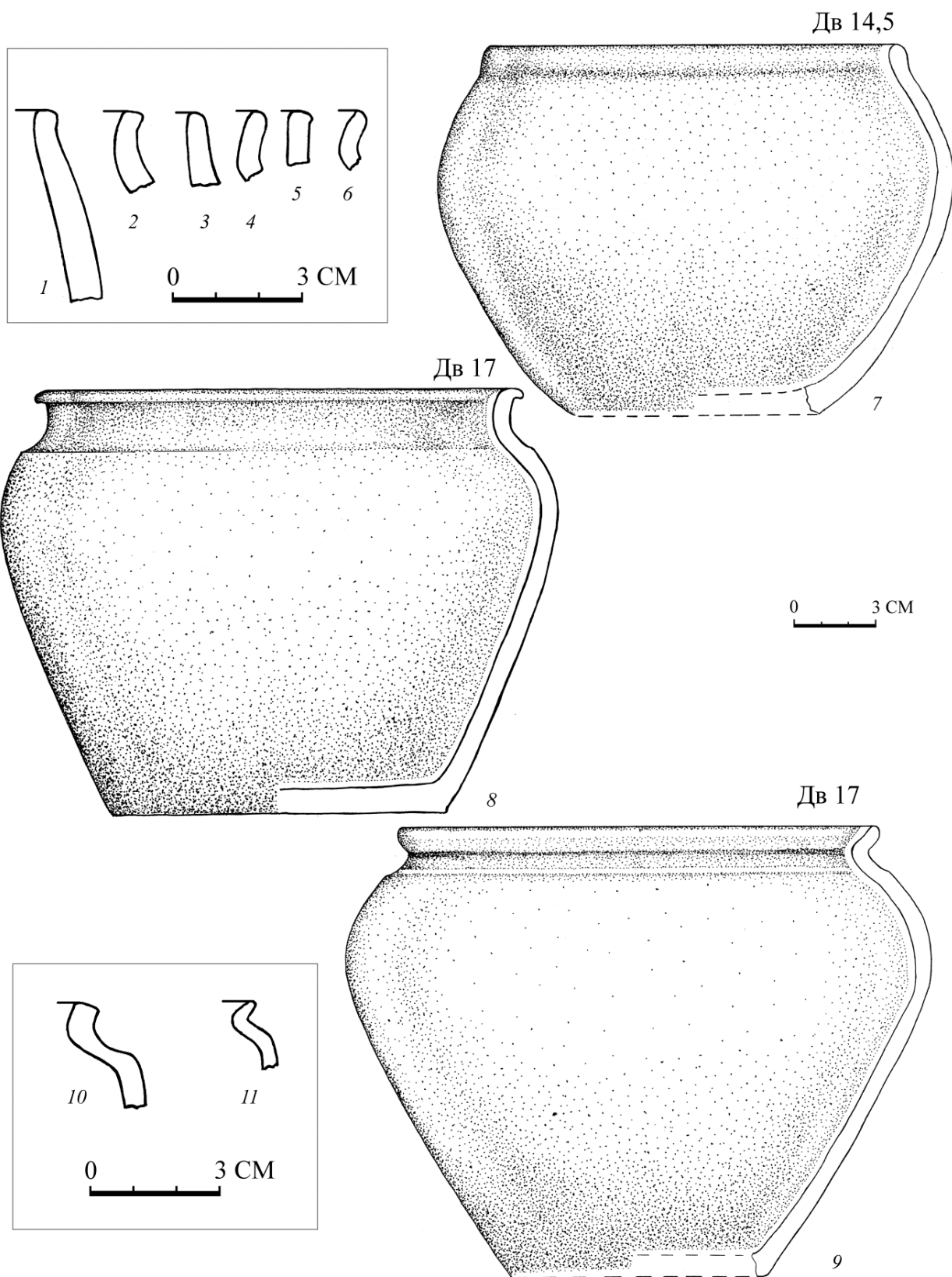

Рис. 124. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Керамика лепная (1–6) и гончарная красноглиняная (7–11) из нижней части заполнения (слой 3). Венчики: 1–6, 10, 11. Реконструированные горшки: 7–9. Тесто с примесью шамота (1–6), мелкозернистого песка (7, 9–11), дресвы (8).

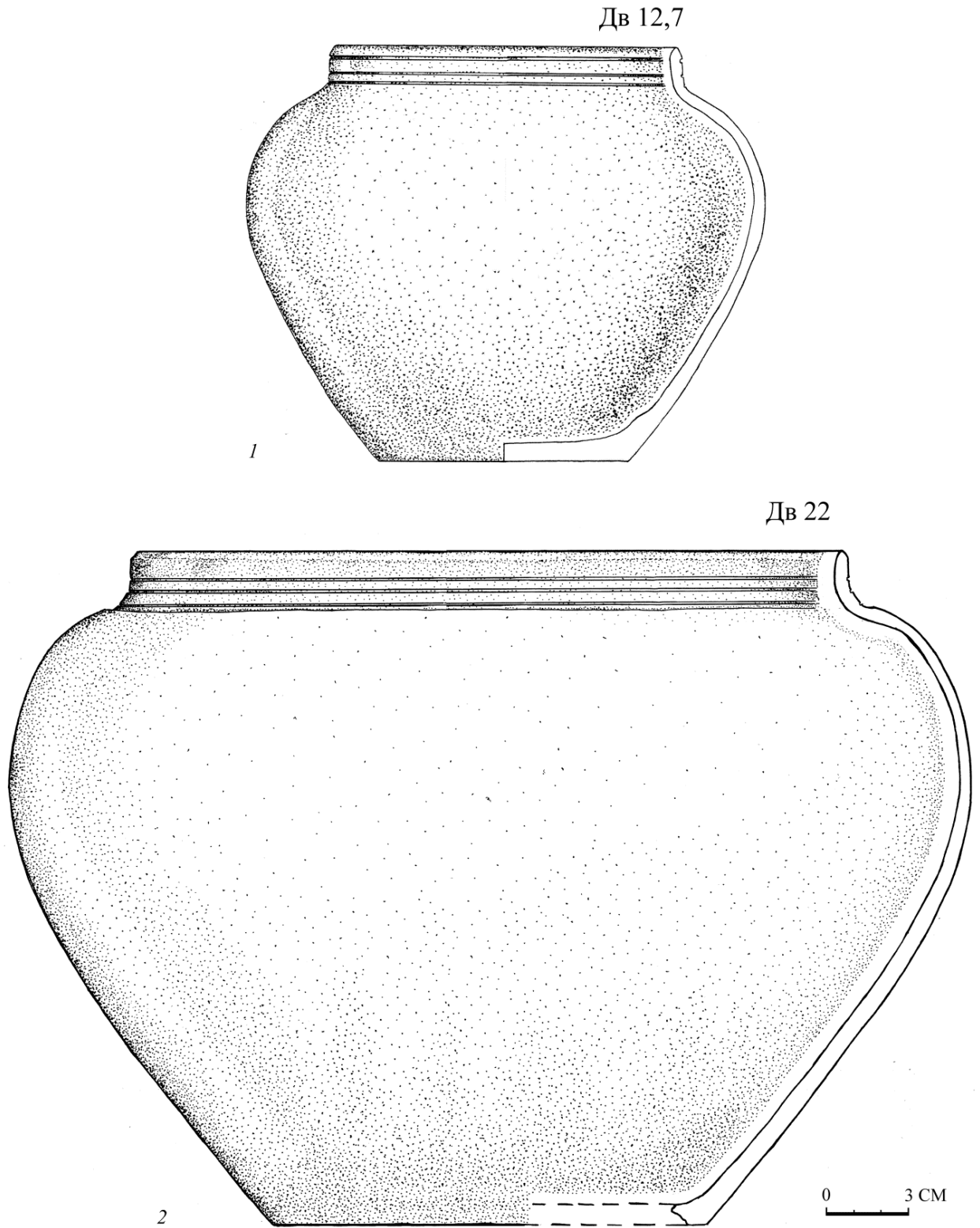

Рис. 125. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Реконструированные белоглиняные горшки с тонким тестом из нижней части заполнения (слой 3): 1, 2.

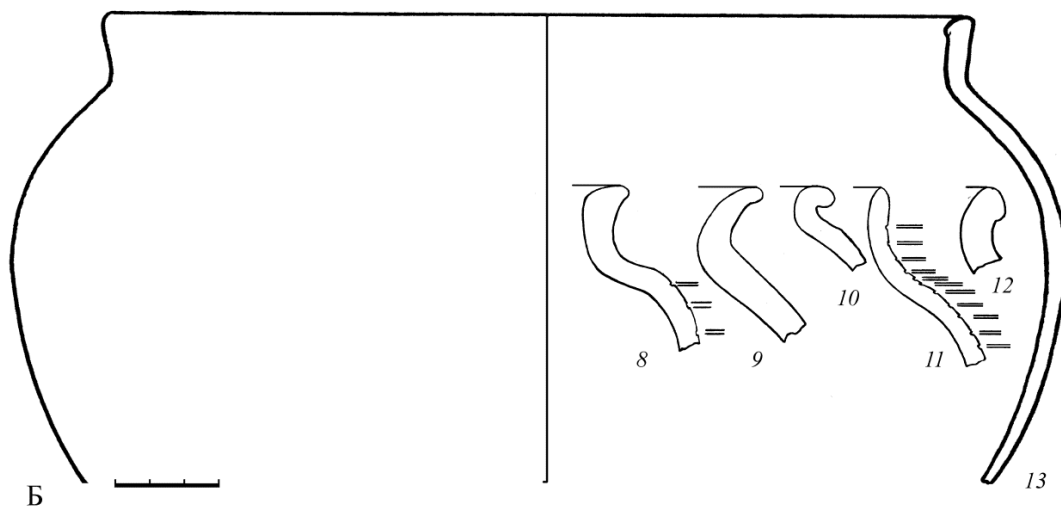
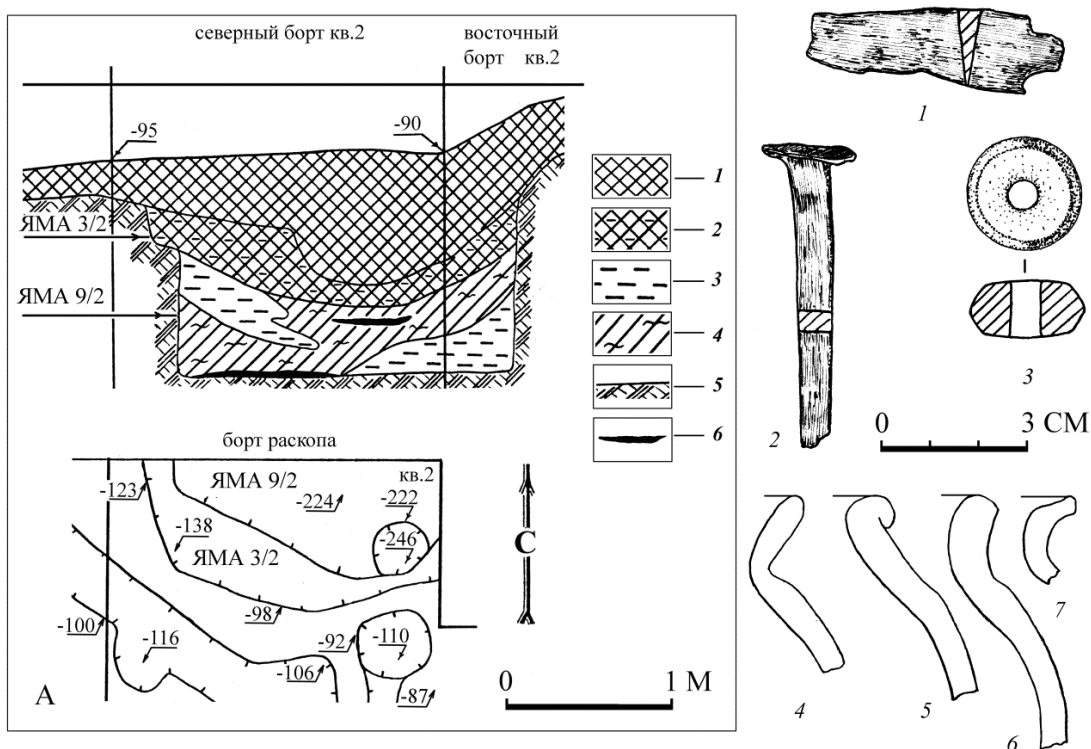

Рис. 126. Городище Городок. Раскоп 2. Комплекс 5. Раскоп 2. Яма 9/2: разрезы и план по материке (А), находки из заполнения (Б). А: 1 – тёмно-коричневый суглинок (горизонт огородной распашки); 2 – крапчатый грунт заполнения ямы 3/2; 3 – стерильный переотложенный материковый суглинок; 4 – серый слоистый суглинок с включением комков светлого материкового грунта и древесных углей; 5 – материк; 6 – прослойка угля. Б: 1 – нож; 2 – гвоздь; 3 – пряслице; 4–13 – венчики красноглиняных (1–10, 12) и белоглиняных (11, 13) сосудов. Тесто с примесью дресвы (4, 5, 7), тонкое (6–12), с частой примесью песка (13). Железо: 1, 2. Керамика: 3–13.

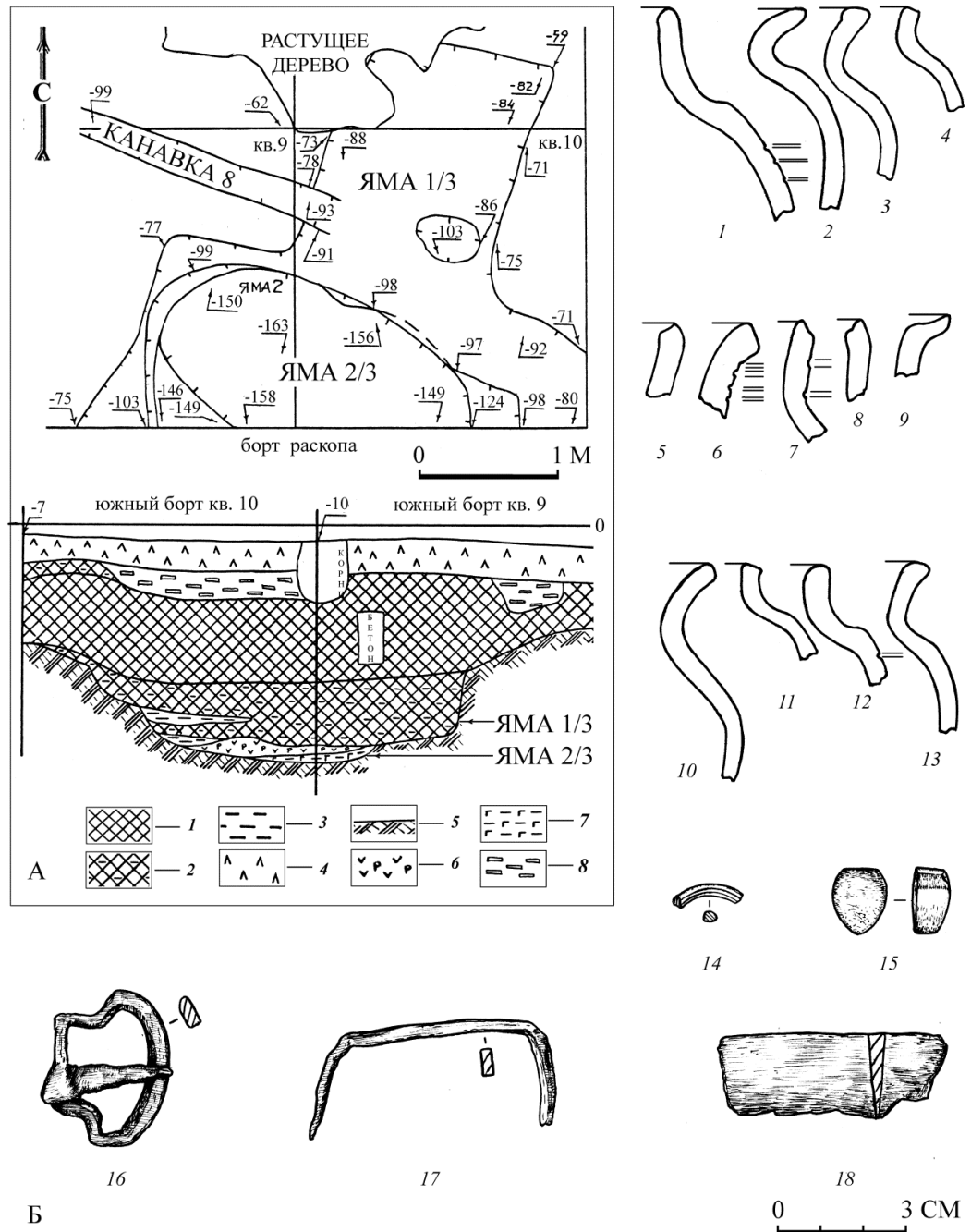

Рис. 127. Городище Городок. Комплекс 6. Раскоп 3. Ямы 2/3 и 1/3: разрезы и план по матерiku (А), находки из заполнения яма 2/3 (Б). А: 1 – горизонт огородной распашки; 2 – крапчатый грунт заполнения ямы 1/3; 3 – стерильный переотложенный материковый суглинок; 4 – намывной грунт; 5 – материк; 6 – рыхлый углистый грунт; 7 – гумусированный суглинок; 8 – кровельный шифер. Б: 1–13 – венчики красноглиняных (1, 3–6, 9–13) и белоглиняных (2, 7, 8) сосудов; 14 – фрагмент перстня; 15 – затыльник от рукоятки ножа; 16 – пряжка; 17 – скоба; 18 – фрагмент ножа. Тесто с примесью дресвы (9), тонкое или с примесью мелкозернистого песка (1, 3–8, 10–13), с частой примесью песка (9). Железо: 16–18. Стекло: 14. Кость: 15. Керамика: 1–13.

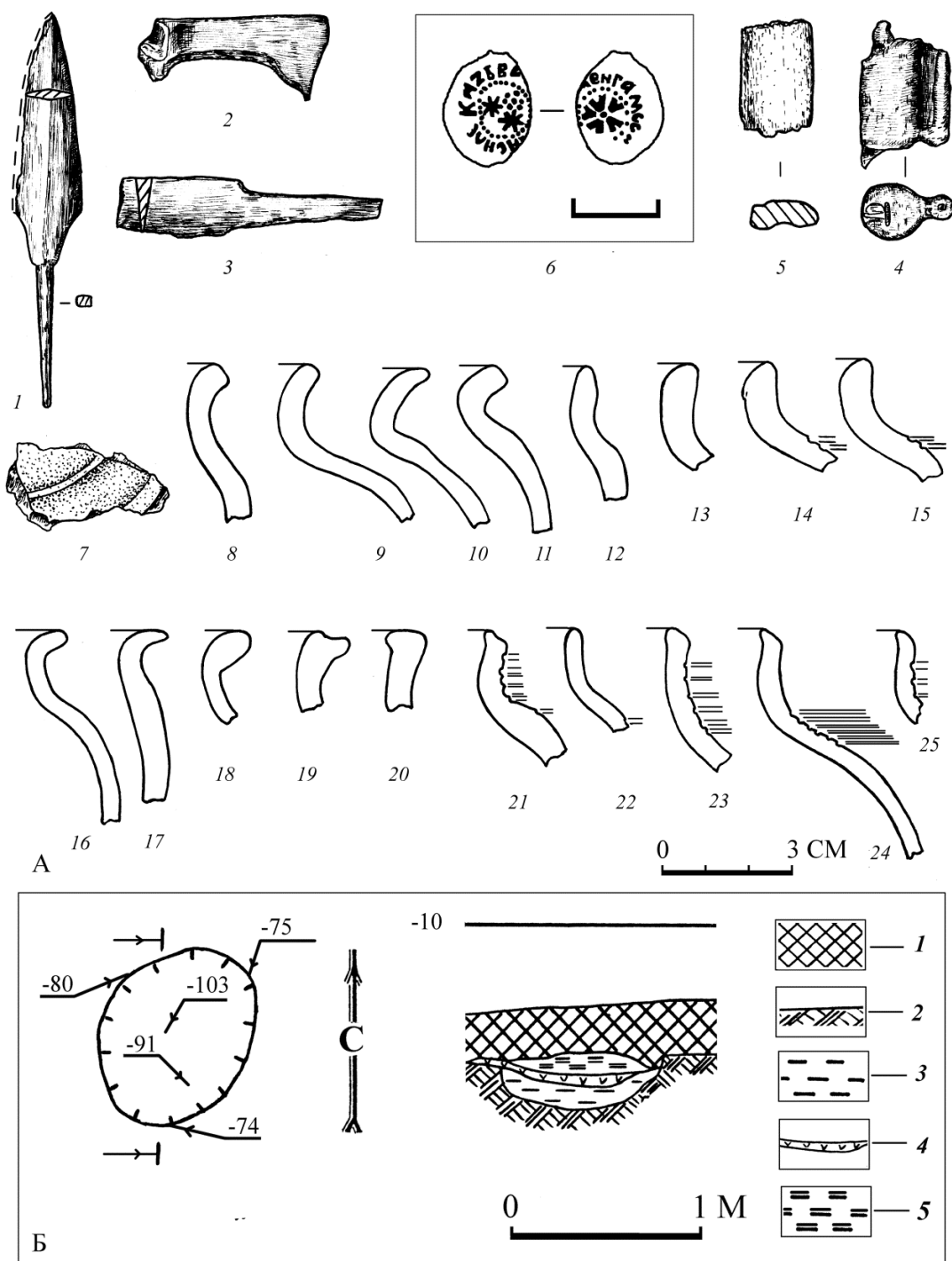

Рис. 128. Городище Городок. Раскопы 1–3. Комплексы 6 (А) и 7 (Б). А: находки из ямы 1/3: 1 – наконечник стрелы; 2 – фрагмент дужки от замка; 3 – нож; 4 – замок; 5 – фрагмент кочедыка; 6 – монета Василия II; 7 – фрагмент днища с клеймом; 8–25 – фрагменты красноглиняных (8–20) и белоглиняных (21–25) венчиков сосудов. Тесто с примесью дресвы (19, 20), тонкое или с примесью мелкозернистого песка (8–18,). Железо: 1–4. Серебро: 6. Кость: 5. Керамика: 8–25. Б: яма 10/1. План и разрез. 1 – тёмно-коричневый суглинок (горизонт огородной распашки); 2 – материк; 3 – стерильный переотложенный материковый суглинок; 4 – прослойка углей; 5 – обожжённый суглинок.

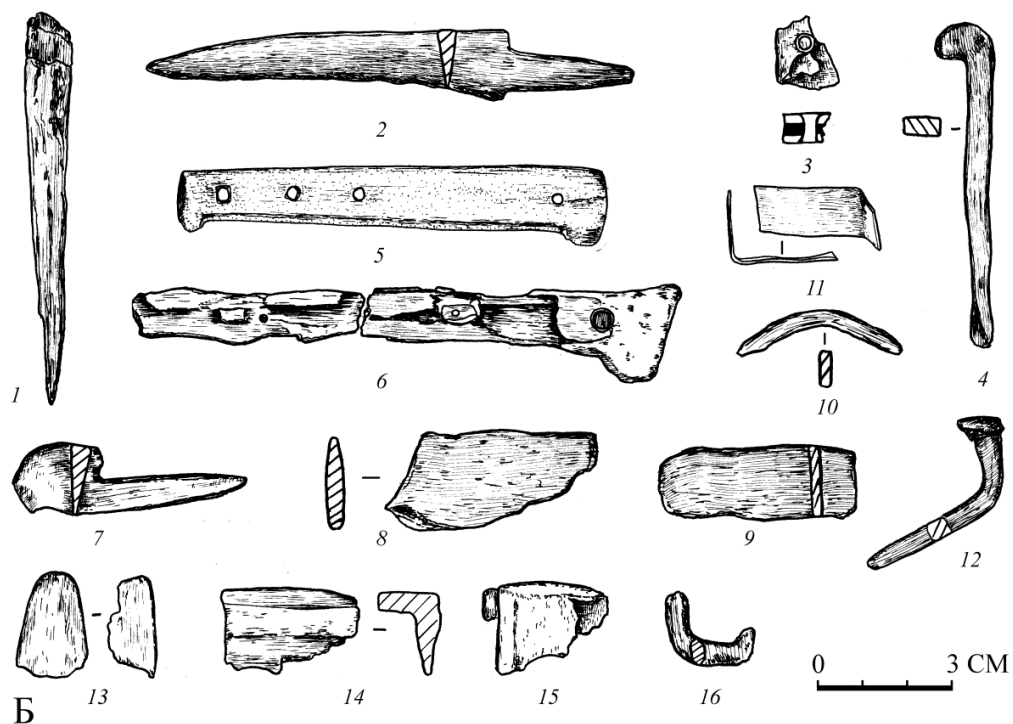
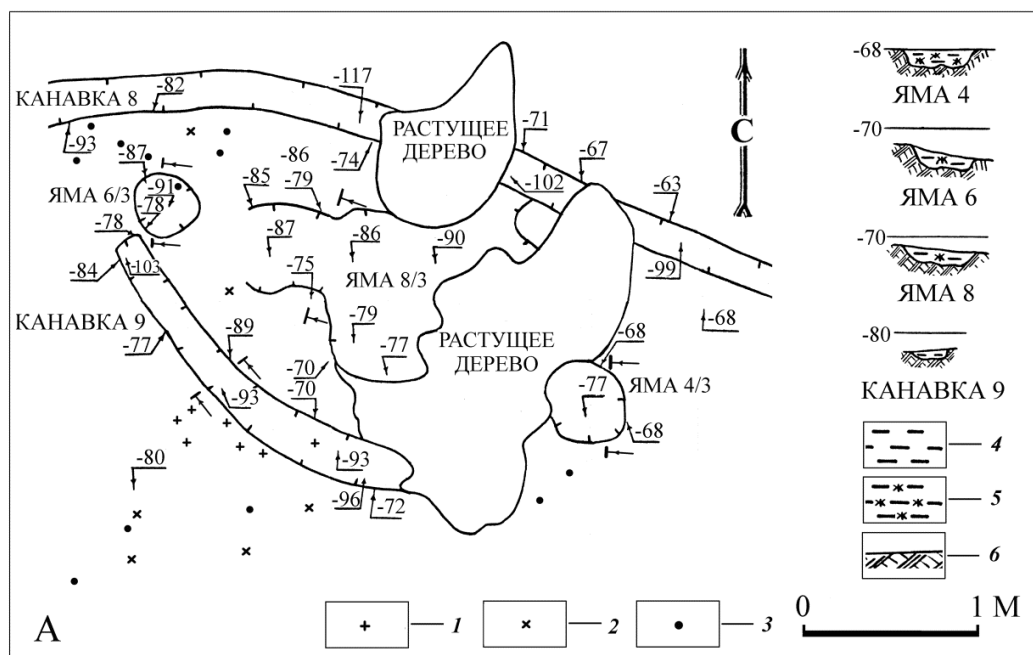

Рис. 129. Городище Городок. Комплекс 8. Раскоп 3. Ямы 4/3, 6/3, 8/3, канавка 9: разрезы и план по матерiku (А), находки (Б). А: 1 – крупный железосодержащий шлак; 2 – фрагменты железных замков; 3 – железные стержни и пластины; 4 – стерильный переотложенный материковый суглинок; 5 – жёлтый обожжённый суглинок; 6 – материк. Б: 1, 10, 15 – стержни; 2, 6, 7 – ножи; 3 – фрагмент рукоятки ножа; 4, 12 – гвозди; 5 – обкладка рукоятки ножа; 8, 9, 11 – пластины; 13–15 – фрагменты замков. Железо: 1–4, 6–10, 12–14. Бронза: 11. Кость: 5. Яма 4/3: 2. Яма 8/3: 1. Канавка 9: 3–5. Находки из перекрывающей прослойки средневекового культурного слоя: 6–16.

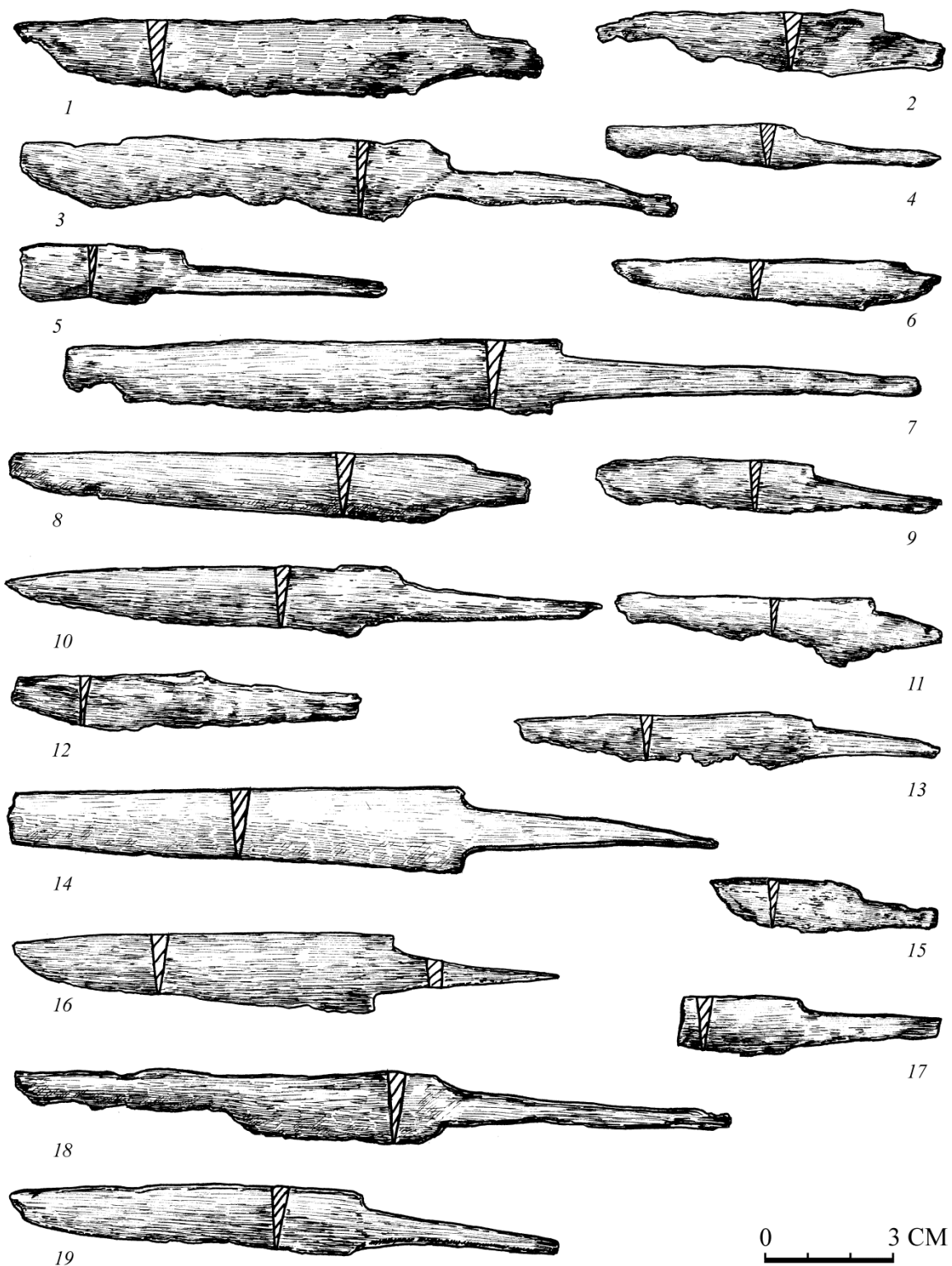

Рис. 130. Городище Городок. Железные черенковые ножи: 1 – P2-Я1-2, 2 – P2-3-4, 3 – P1-Я1В-16, 4 – P1-1-8, 5 – Ш2-4-2А, 6 – P1-Я2-26, 7 – P3-3-8, 8 – P1-Я1А-2, 9 – P2-2-4, 10 – P1-Я1А-2, 11 – P1-2-4А, 12 – Ш2-5-1, 13 – P3-3-1, 14 – P1-Я2-1, 15 – P3-6-9, 16 – P3-3-5, 17 – P3-9-10, 18 – P1-Я2-1, 19 – P1-Я1А-2.

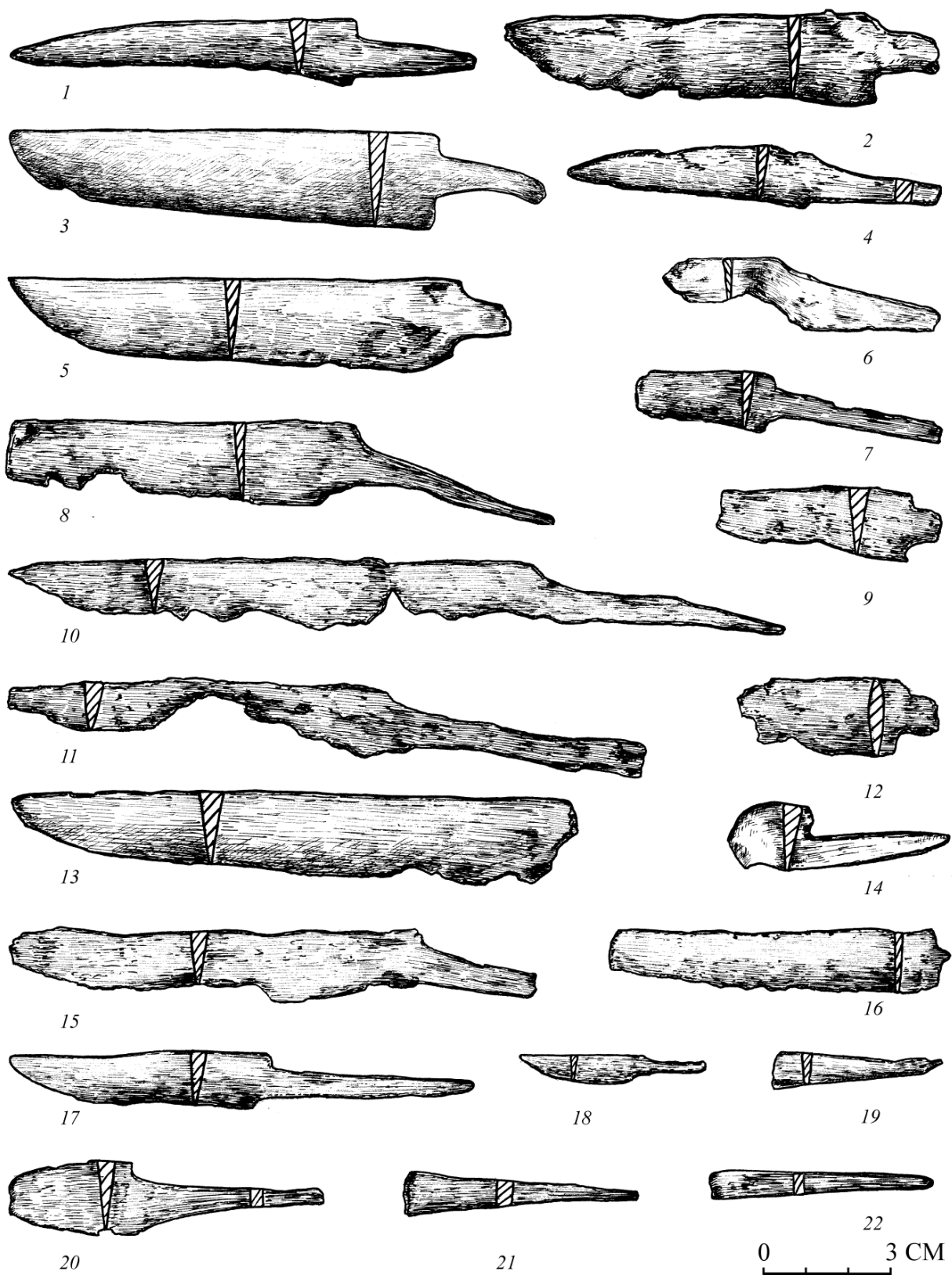

Рис. 131. Городище Городок. Железные черенковые ножи и их фрагменты: 1 – Р3-Я4, 2 – Р1-Я2-3, 3 – Р1-1-5, 4 – Р1-Я2-1, 5 – Р1-Я2-3, 6 – Р2-2-2, 7 – Р1-Я1-2, 8 – Р2-Я1-2, 9 – Р2-Я9, 10 – Р2-Я1-16, 11 – Р2-Я1-2, 12 – Р2-Я2-3, 13 – Р1-5-1А, 14 – Р3-3-7, 15 – Р2-Я1-2, 16 – Р2-Я2-3, 17 – Р2-Я2-1, 18 – Р3-3-8, 19 – Р1-2-10, 20 – Р3-3-7, 21 – Р2-Я2-4а, 22 – Р3-3-8.

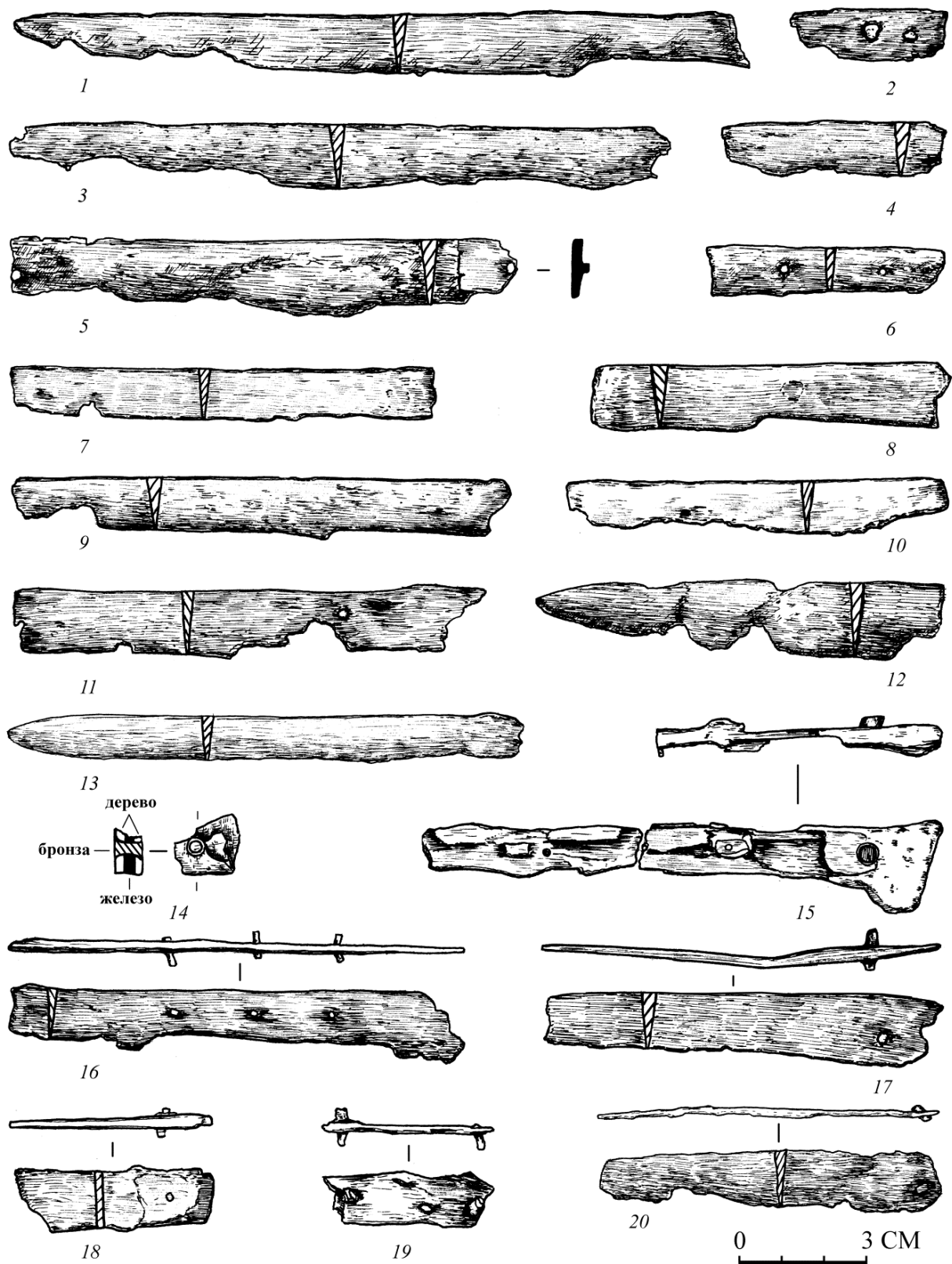

Рис. 132. Городище Городок. Железные пластинчатые ножи и их фрагменты: 1 – P1-Я1А-1а, 2 – P2-Я2-3, 3 – P3-3-7, 4 – P2-Я2-3, 5 – P1-Я2-2, 6 – P1-Я2-2б, 7 – P1-2-10Б, 8 – P1-Я2-3, 9 – P3-5-9, 10 – Ш2-4-2А, 11 – P2-Я1-1, 12 – P1-Я2-3, 13 – P1-3-5А, 14 – P2-К9, 15 – P3-3-7, 16 – P2-Я1-1а, 17 – P1-Я2-3, 18 – P2-Я1-2, 19 – Ш2-Я1, 20 – P1-3-2А.

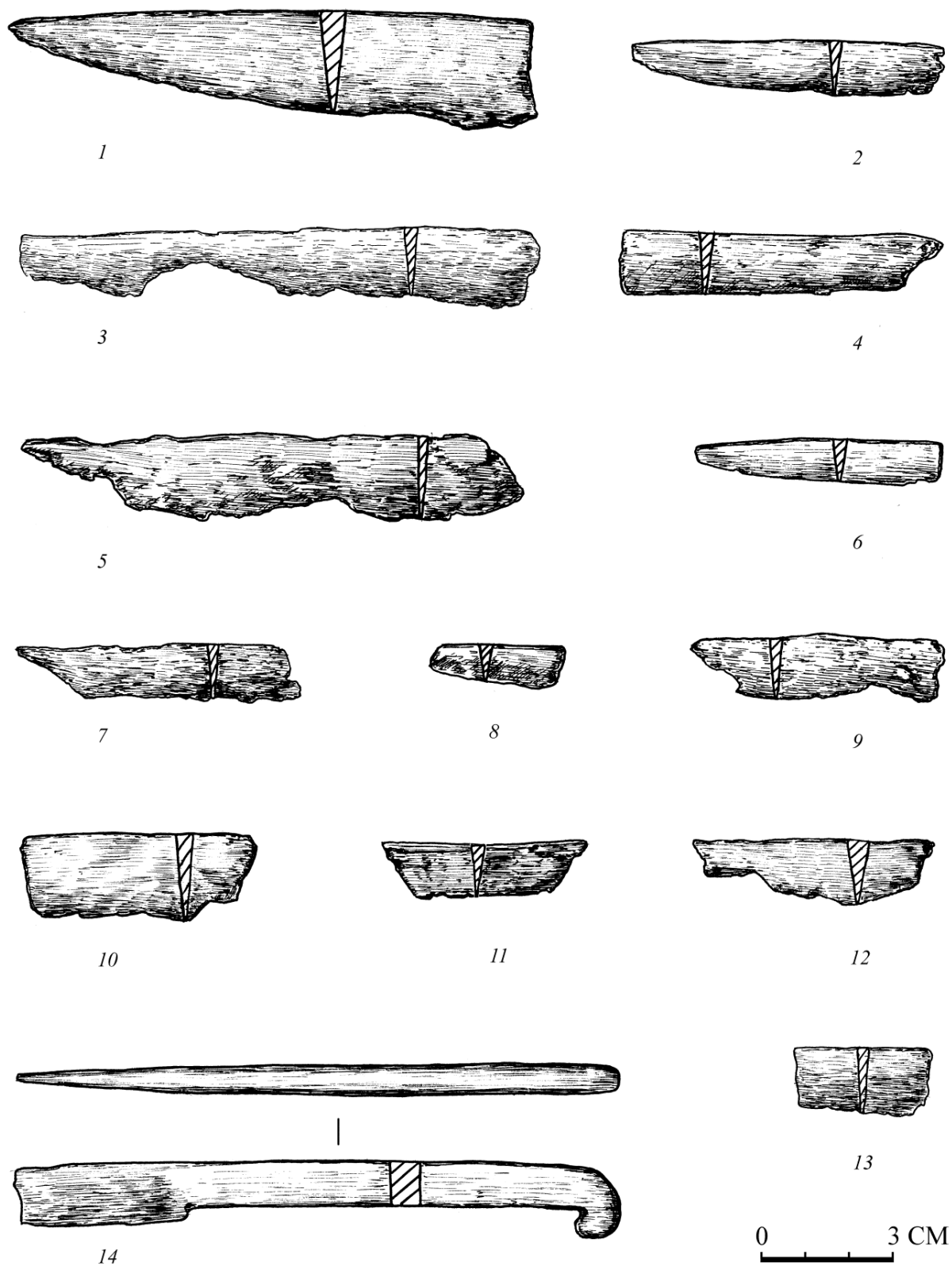

Рис. 133. Городище Городок. Фрагменты железных ножей: 1 – Р2-3-5, 2 – Ш2-3-2А, 3 – Р1-3-2А, 4 – Р1-Я2-3, 5 – Р1-Я1В-2, 6 – Р1-Я2-3, 7 – Р1-3-5Г, 8 – Р1-Я1А-2, 9 – Р1-Я2-3, 10 – Р3-Я2-1, 11 – Р3-3-3, 12 – Р2-2-2, 13 – Р1-3-4А, 14 – Р3-3-8.

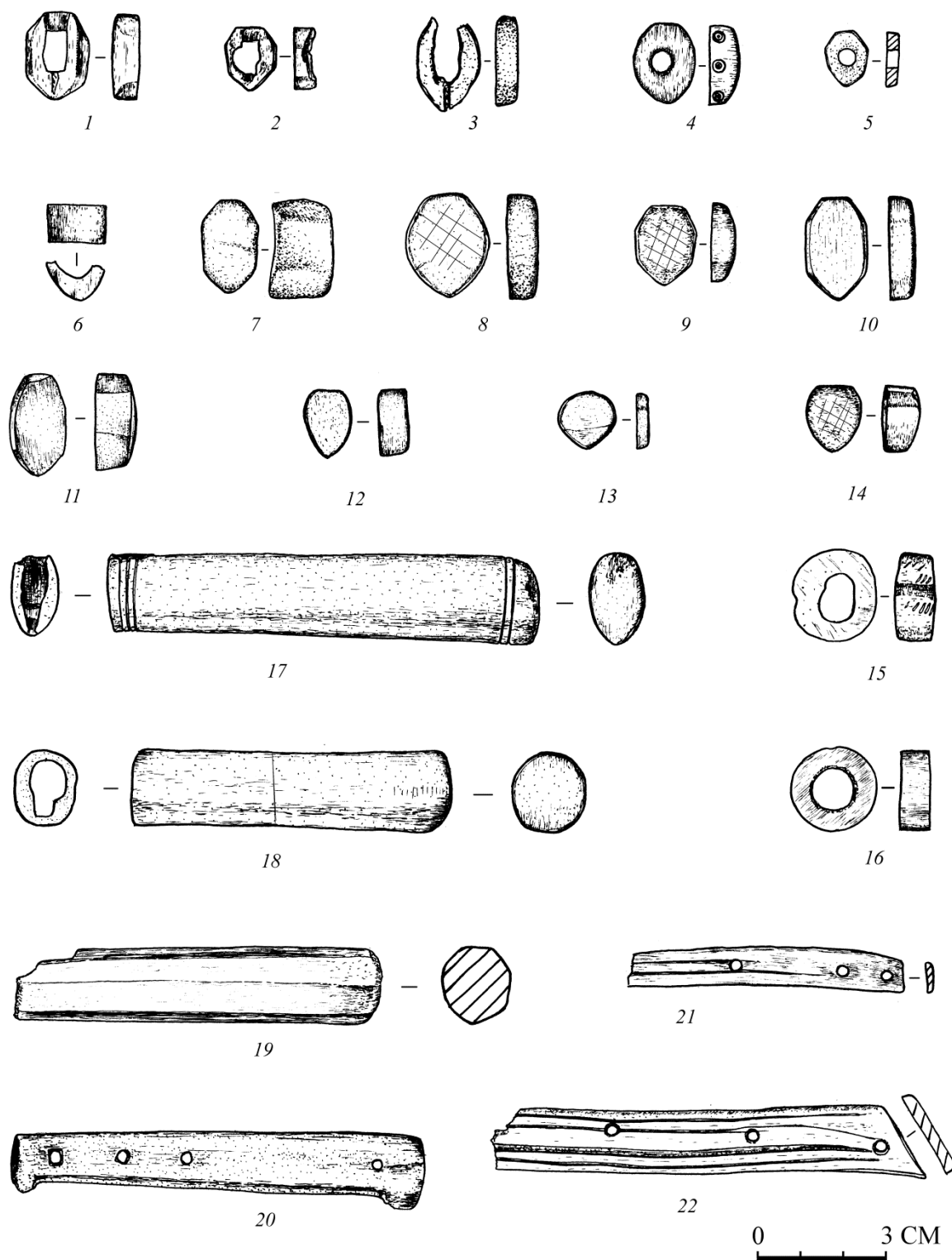

Рис. 134. Городище Городок. Оснастка ножей из кости и рога: обоймы (1–3, 6), затыльники (4, 5, 7–14), муфты (15, 16), рукоятки (17–19), обкладки рукояток (20–22). 1 – P2-Я2-1, 2 – P2-Я1-2б, 3 – P3-3-8, 4 – P1-3-5В, 5 – P1-2-5В, 6 – Ш2-5-1, 7 – P2-Я1-3, 8 – P2-Я1-1б, 9 – P3-1-6А, 10 – P2-Я1-2б, 11 – P1-1-3, 12 – P2-Я1-3, 13 – P2-Я1-2б, 14 – P3-Я2-1, 15 – Ш2-5-1, 16 – Ш2-5-2А, 17 – P2-Я1-2, 18 – P2-Я1-2, 19 – Ш2-5-2Б, 20 – P3-К9, 21 – P2-Я2-3, 22 – P2-Я2-(2а, 3).

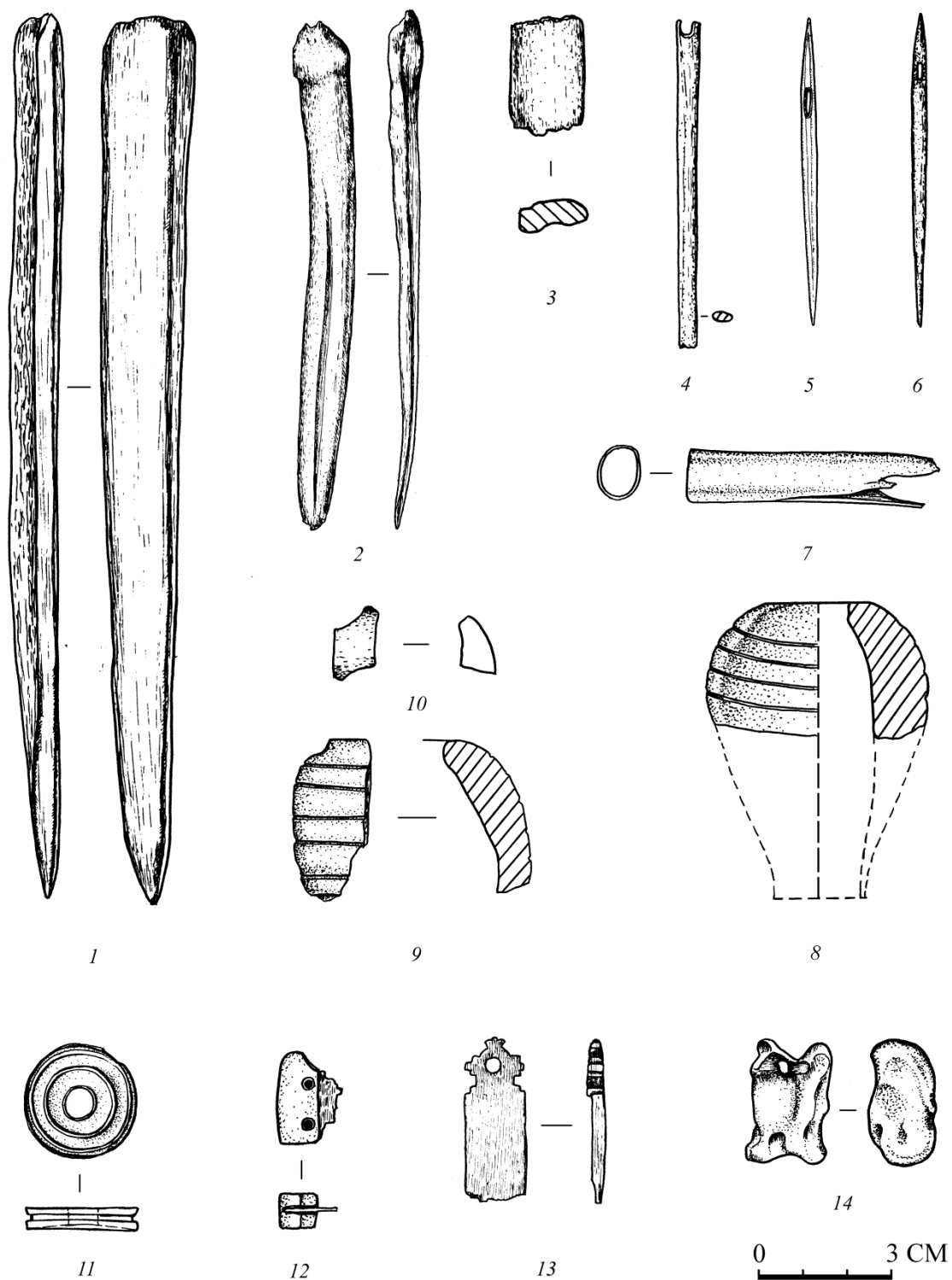

Рис. 135. Городище Городок. Предметы из кости и рога: кочедыки (1–3), иглы (4–6), игольник (7), пряслице (11), фрагменты томаров (8, 9), рукоятка копоушки (13), фрагменты неопределённых изделий (10, 12), астрагал с отверстием (14). 1 – P1-2-5, 2 – P1-1-10, 3 – P3-Я1, 4 – Ш2-Я1, 5 – P1-Я2-3, 6 – P3-3-8, 7 – P1-Я2-2, 8 – P1-2-6, 9 – P1-2-6, 10 – P3-2-3, 11 – P1-1-5Г, 12 – Ш2-4-1, 13 – P2-3-5, 14 – P1-Я2-3.

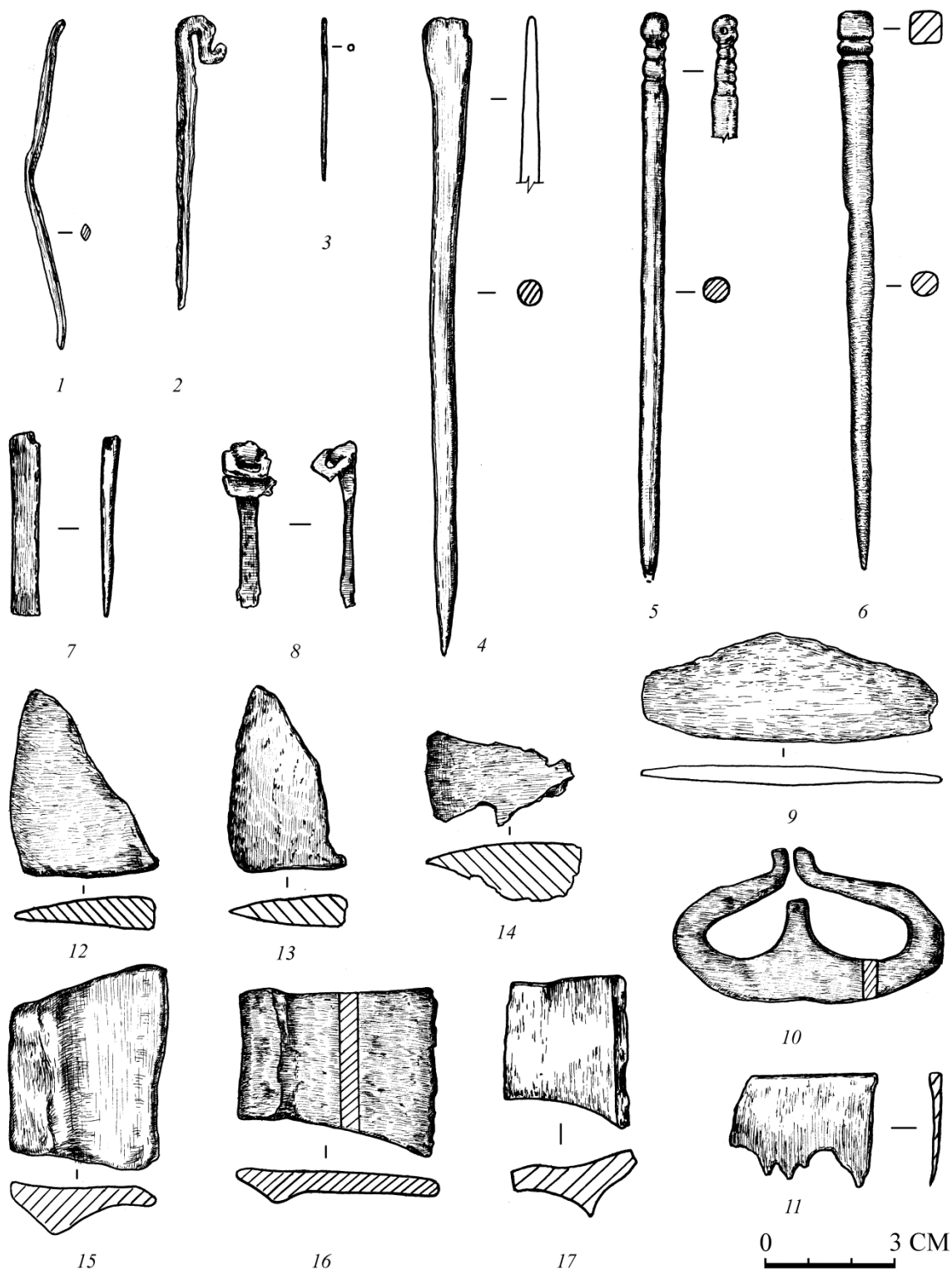

Рис. 136. Городище Городок. Находки из железа: шило (1), булавка (2), игла (3), — писала (4–6), фрагмент зубила (7), фрагмент оправы от ножен (8), кресала (9, 10), фрагмент пилы (11), фрагменты топоров (12–17). 1 – P1-3-1, 2 – P1-3-5B, 3 – P2-Я2-1, 4 – P1-Я1A-2, 5 – P1-2-10, 6 – P2-Я2-3, 7 – P1-5-1A, 8 – P1-Я2-3, 9 – P1-3-7, 10 – P1-1-5Г, 11 – P2-Я1-1, 12 – P2-2-2, 13 – P3-4-7, 14 – P2-2-1, 15 – P1-3-6, 16 – P1-1-5Г, 17 – P2-3-4.

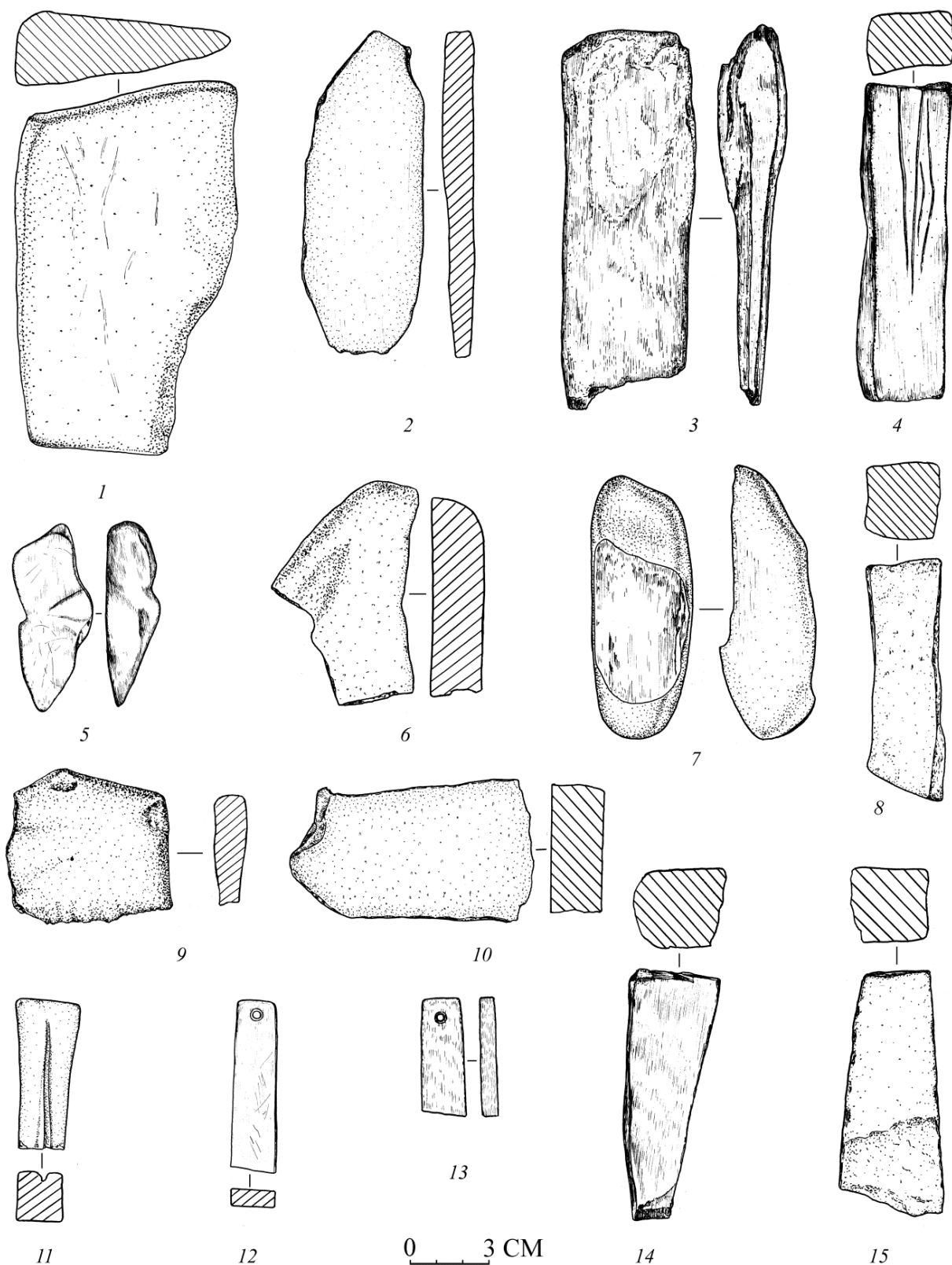

Рис. 137. Городище Городок. Точильные камни (1–11, 14, 15) и оселки (12, 13). 1 – Ш2-4-2, 2 – P1-Я1А-2, 3 – P1-Я1В-1б, 4 – P2-Я1-3, 5 – P1-1-10А, 6 – P1-3-3, 7 – P1-Я1А-2, 8 – P2-1-1А, 9 – Ш1-3, 10 – P1-3-2, 11 – P1-Я2-26, 12 – P1-Я2-1, 13 – P3-3-5, 14 – P2-Я1-1б, 15 – P1-Я1В-1а.

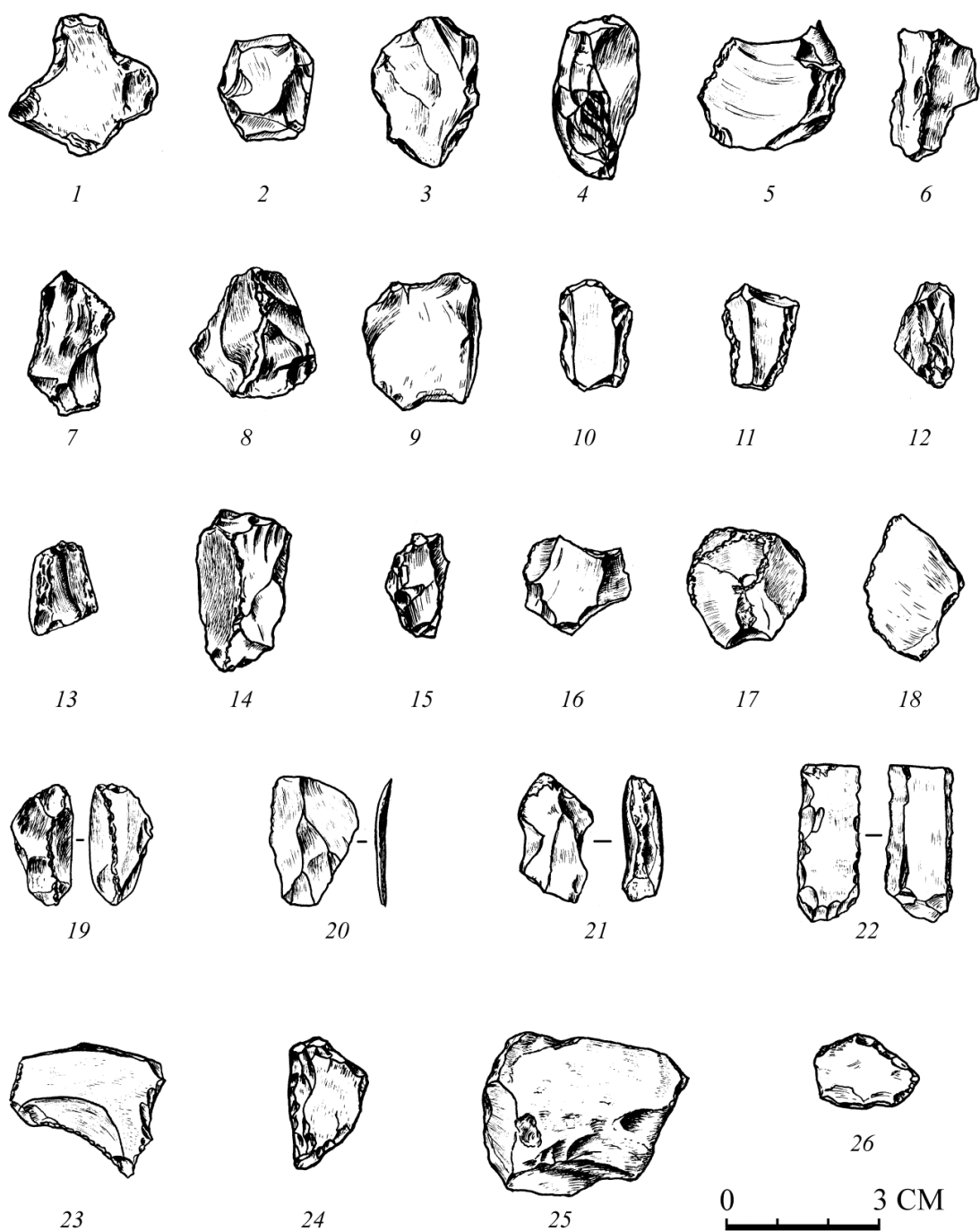

Рис. 138. Городище Городок. Кресальные кремни (1–19, 21, 22, 24–26), отщеп (20) и перфоратор (23) из кремня. 1 – P2-Я2-1, 2 – P3-2-2, 3 – P3-2-6A, 4 – P3-6-9, 5 – P2-Я1-2, 6 – P2-Я1-1, 7 – P2-Я1-1, 8 – P1-3-1, 9 – P3-3-4, 10 – P3-2-1A, 11 – P1-4-1A, 12 – P1-Я1A-1, 13 – P1-Я1A-1a, 14 – P1-Я1Б-1, 15 – P3-3-2, 16 – P2-2-4A, 17 – P1-5-1, 18 – P2-Я2-1, 19 – P1-2-5, 20 – Ш2-4-1, 21 – ПМ-2003, 22 – P1-Я2-1, 23 – P1-Я2-26, 24 – P3-4-7, 25 – Ш2-5-1, 26 – P3-3-1Б.

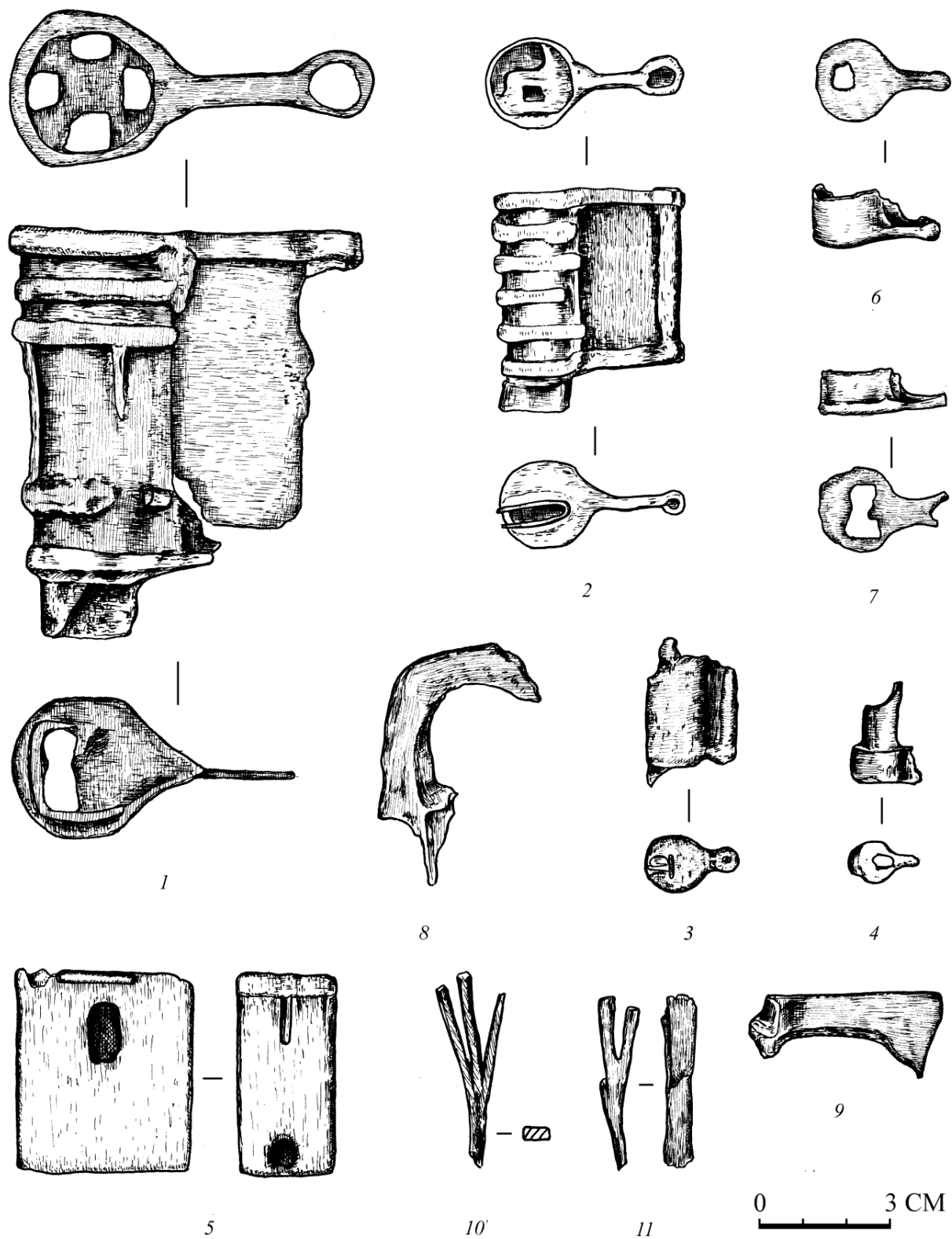

Рис. 139. Городище Городок. Железные замки и их фрагменты: 1 – P2-Я1-1, 2 – P2-Я1-3, 3 – P3-9-9, 4 – P2-3-5, 5 – P2-Я1-3, 6 – P2-2-1, 7 – P1-2-1, 8 – P3-3-9, 9 – P3-Я1, 10 – P3-2-3, 11 – P1-2-8.

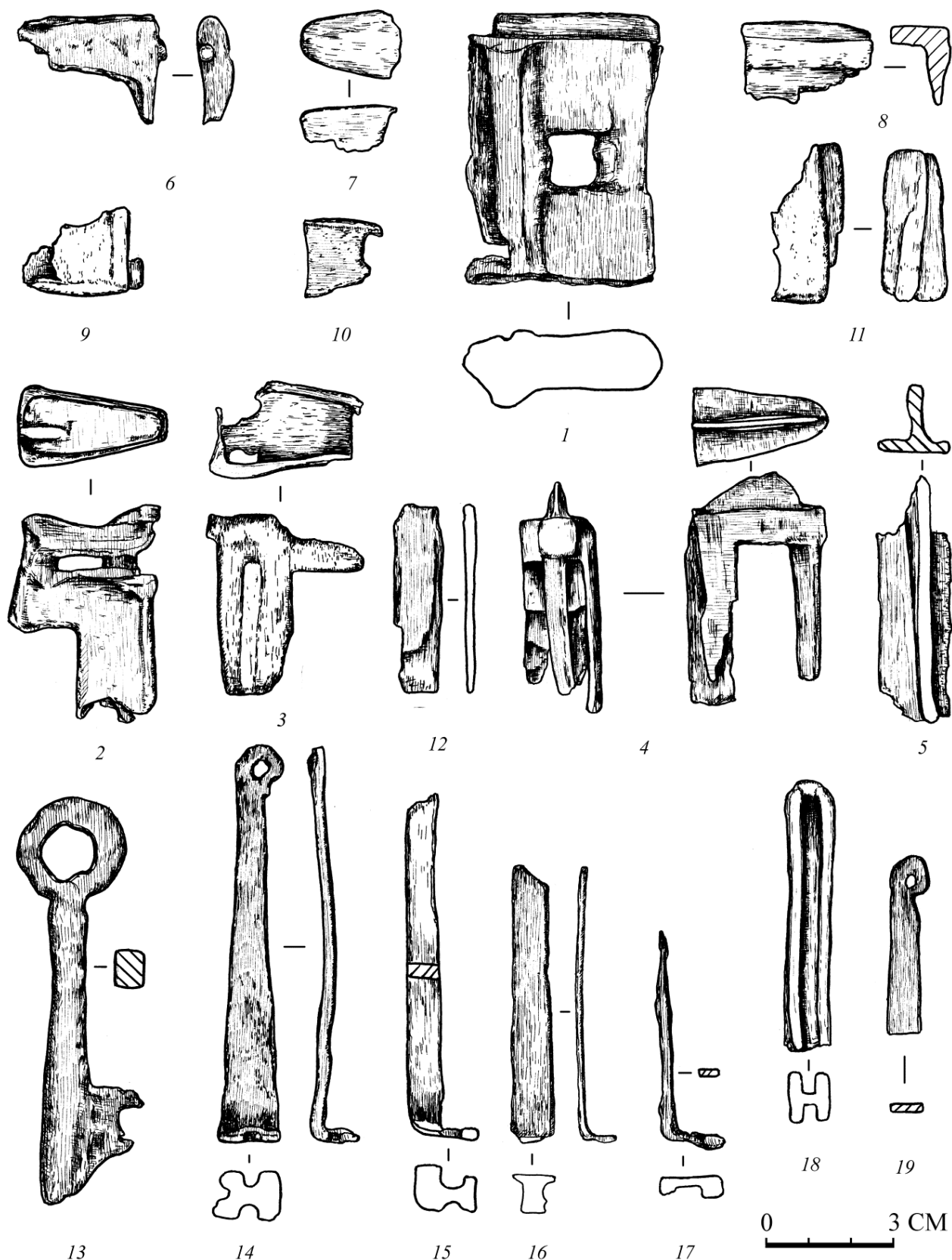

Рис. 140. Городище Городок. Железные замки (1–12), ключи (13–19) и их фрагменты: 1 – P1-Я2-3, 2 – P1-Я2-1a, 3 – P3-3-2, 4 – P2-4-6, 5 – P2-4-6, 6 – P1-Я2-2б, 7 – P3-3-7, 8 – P3-3-7, 9 – P3-3-4, 10 – P3-3-2, 11 – P3-3-4, 12 – P2-4-6, 13 – P1-Я2-3, 14 – P1-Я1В-2, 15 – ПМ-2014, 16 – P1-3-2, 17 – P2-Я1-2б, 18 – P2-Я1-2б, 19 – P2-Я1-1a.

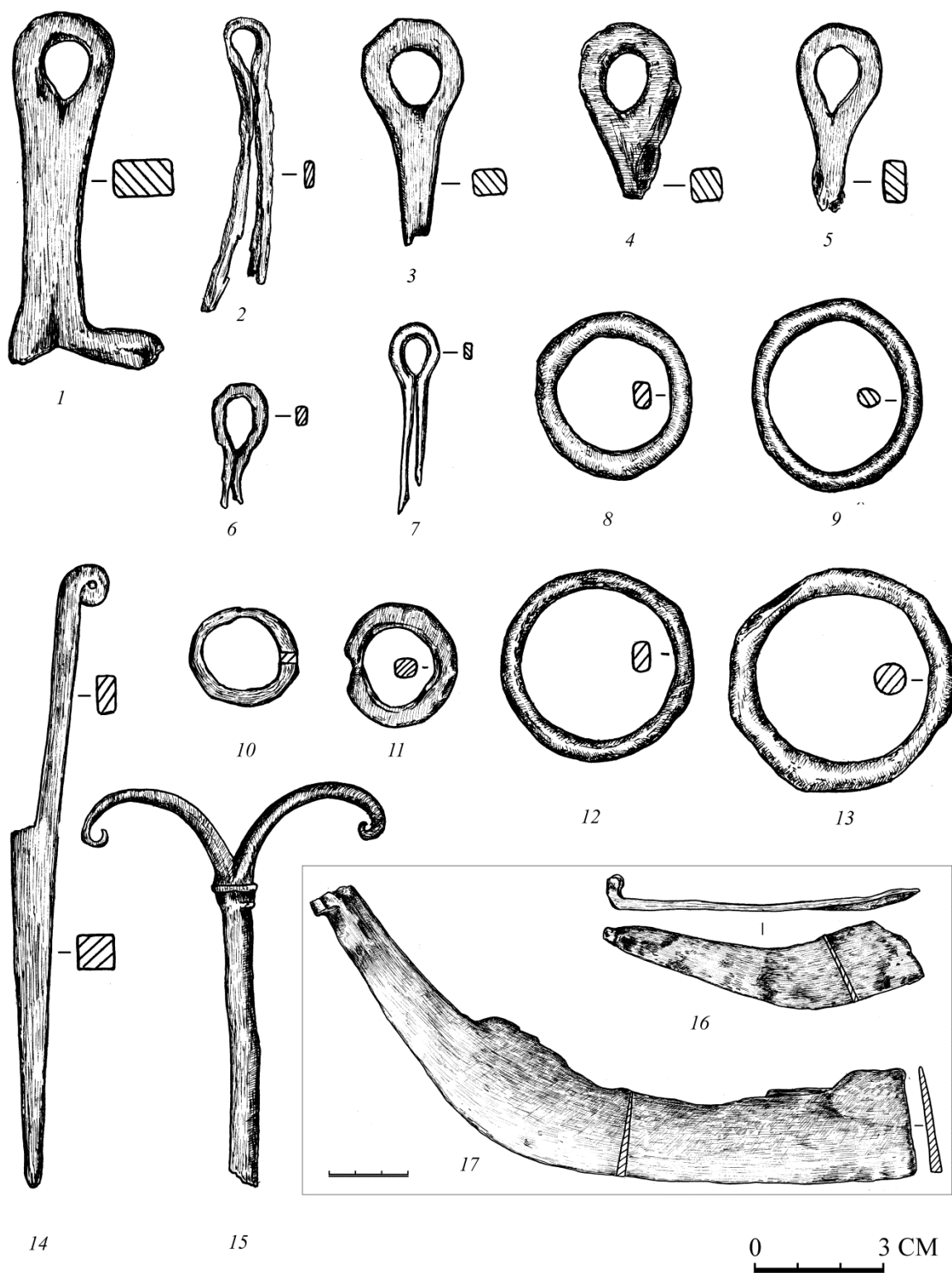

Рис. 141. Городище Городок. Предметы из железа: пробы (1–7), кольца (8–13), светец (14), фрагменты кос (15, 16). 1 – P3-2-10, 2 – P1-3-2, 3 – P2-2-5, 4 – P2-Я1-1, 5 – P1-Я2-3, 6 – P1-2-10Б, 7 – P1-Я2-2, 8 – P2-Я2-2, 9 – P2-Я2-2а, 10 – Ш2-3-2А, 11 – P1-2-4, 12 – P2-Я2-3, 13 – P2-Я8, 14 – P3-2-5, 15 – P2-Я1-26, 16 – P1-2-5В, 17 – P1-2-5В.

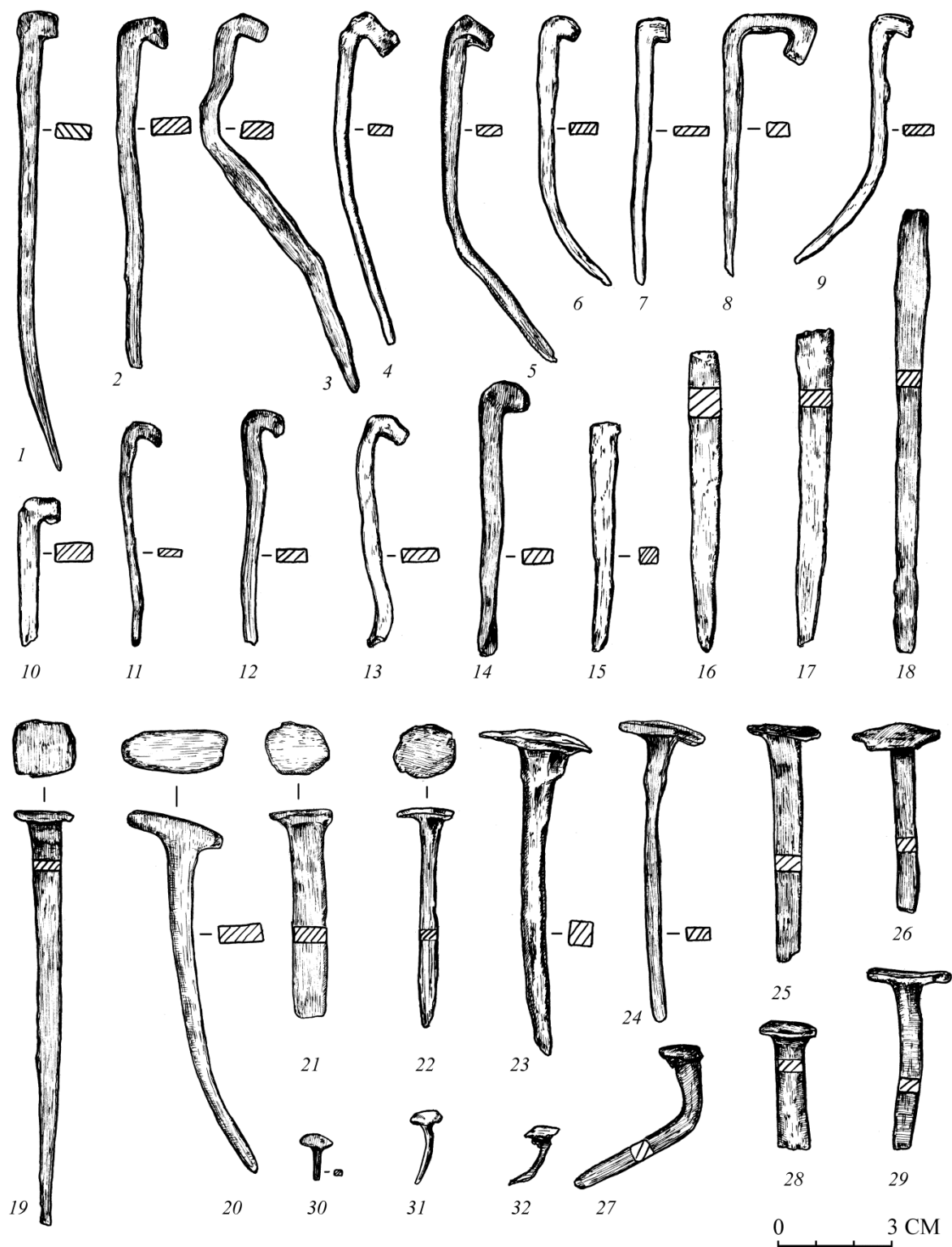

Рис. 142. Городище Городок. Железные гвозди (1–32). 1 – РЗ-3-7, 2 – Р2-Я1-1, 3 – Р2-2-4, 4 – Р2-Я1-1а, 5 – Р1-1В-1а, 6 – Р2-Я1-2б, 7 – Р2-Я1-1а, 8 – РЗ-3-5, 9 – Р2-Я1-2б, 10 – Р2-Я1-1а, 11 – Р2-1-1А, 12 – РЗ-3-3, 13 – Р2-Я1-1, 14 – РЗ-К9, 15 – Р2-Я1-2а, 16 – РЗ-4-9, 17 – Р2-Я1-2, 18 – Р2-Я1-2б, 19 – Р2-Я1-2б, 20 – РЗ-3-7, 21 – Р1-3-6, 22 – Р1-3-3, 23 – Ш2-5-2Б, 24 – РЗ-3-2, 25 – Р2-Я9, 26 – Р2-2-4А, 27 – РЗ-3-7, 28 – РЗ-6-9, 29 – РЗ-2-6, 30 – Р1-2-5В, 31 – Р1-5-1А, 32 – Р1-Я2-3.

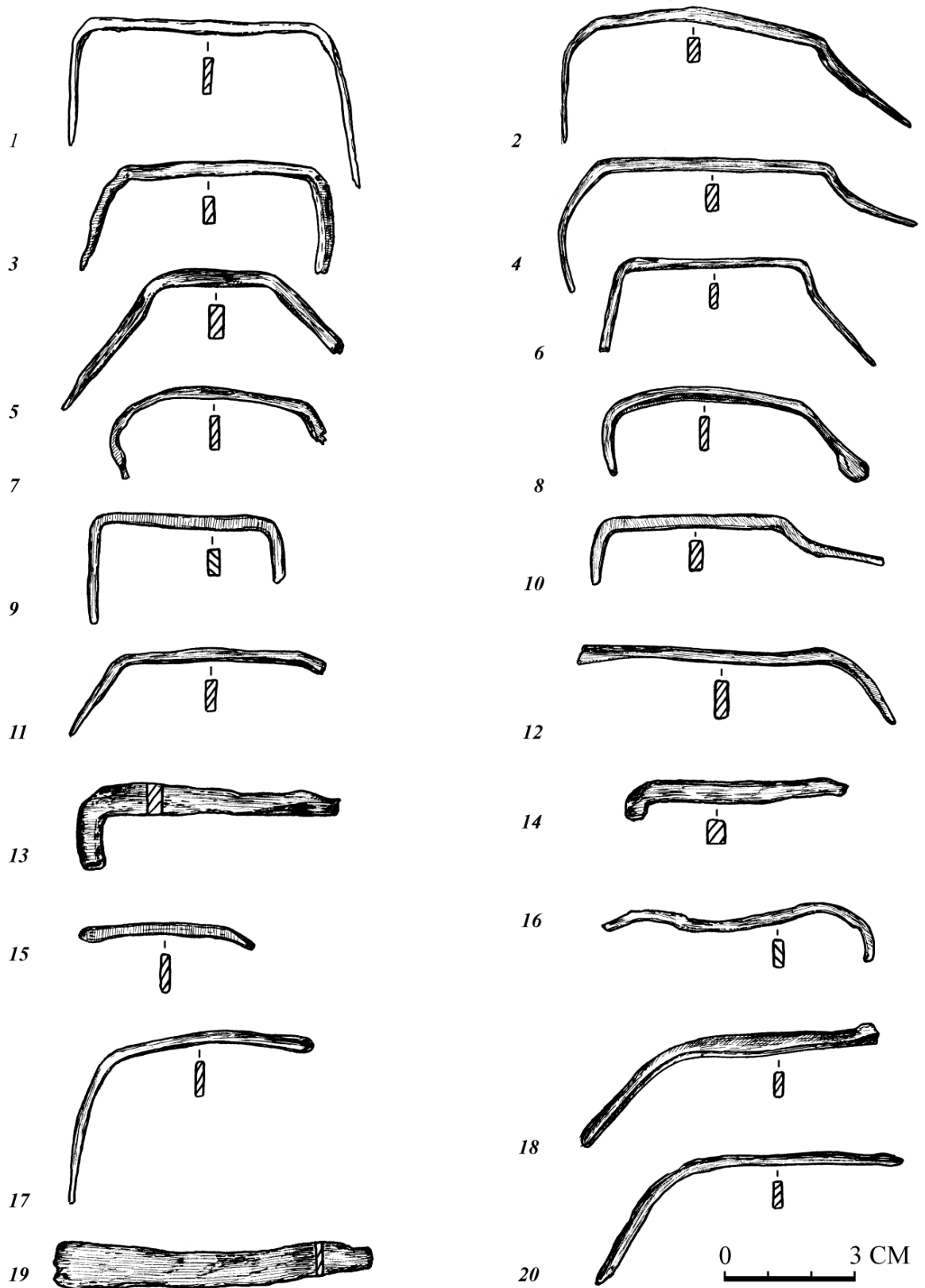

Рис. 143. Городище Городок. Железные скобы (1–12) и их фрагменты (13–20). 1 – P1-4-2, 2 – P2-Я1-1а, 3 – P3-Я2, 4 – P2-Я1-1а, 5 – P1-Я1А-1, 6 – P2-Я1-1б, 7 – P1-Я1А-1, 8 – P2-Я1-1, 9 – P3-3-8, 10 – P3-3-1, 11 – P2-Я1-1, 12 – P1-2-10Б, 13 – P2-3-4, 14 – P3-3-6А, 15 – P3-3-2, 16 – P3-3-4, 17 – Ш2-4-1, 18 – P3-4-7, 19 – Ш2-6-2, 20 – P2-Я1-1а.

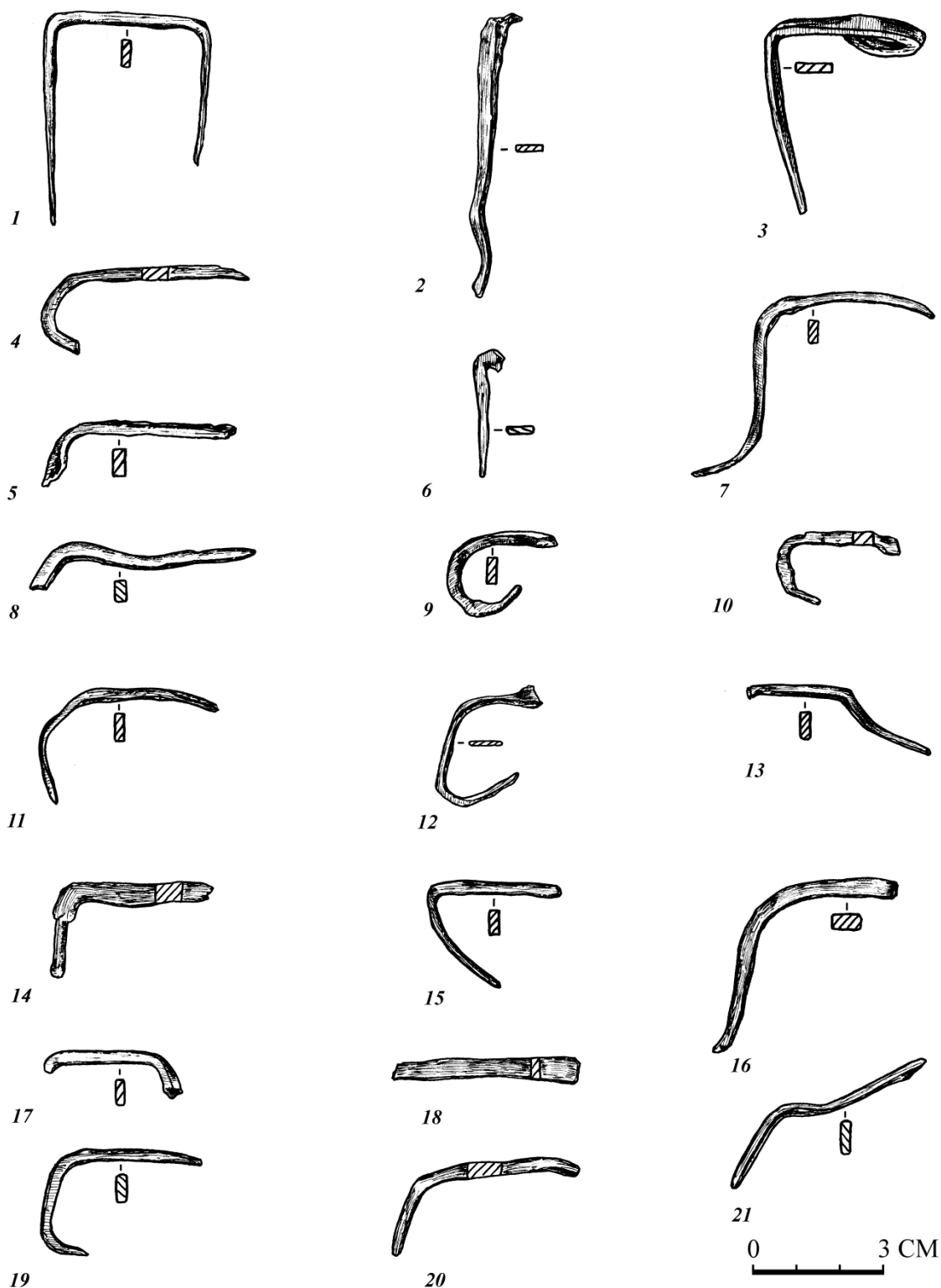

Рис. 144. Городище Городок. Железные скобы (1, 13, 19, 20) и их фрагменты (2-12, 14-18, 21). 1 – P2-Я1-1, 2 – P1-2-9, 3 – P3-3-6, 4 – P2-4-9, 5 – P1-Я1А-1, 6 – P3-4-9, 7 – P2-1-1А, 8 – P1-2-5В, 9 – P1-Я1А-1, 10 – P2-Я2-3, 11 – P1-5-1, 12 – P1-2-10А, 13 – P1-2-2А, 14 – P2-4-9, 15 – P1-5-1, 16 – P2-2-1, 17 – P3-4-8, 18 – P2-Я2-2а, 19 – P1-3-10, 20 – P2-4-4, 21 – P1-3-4А.

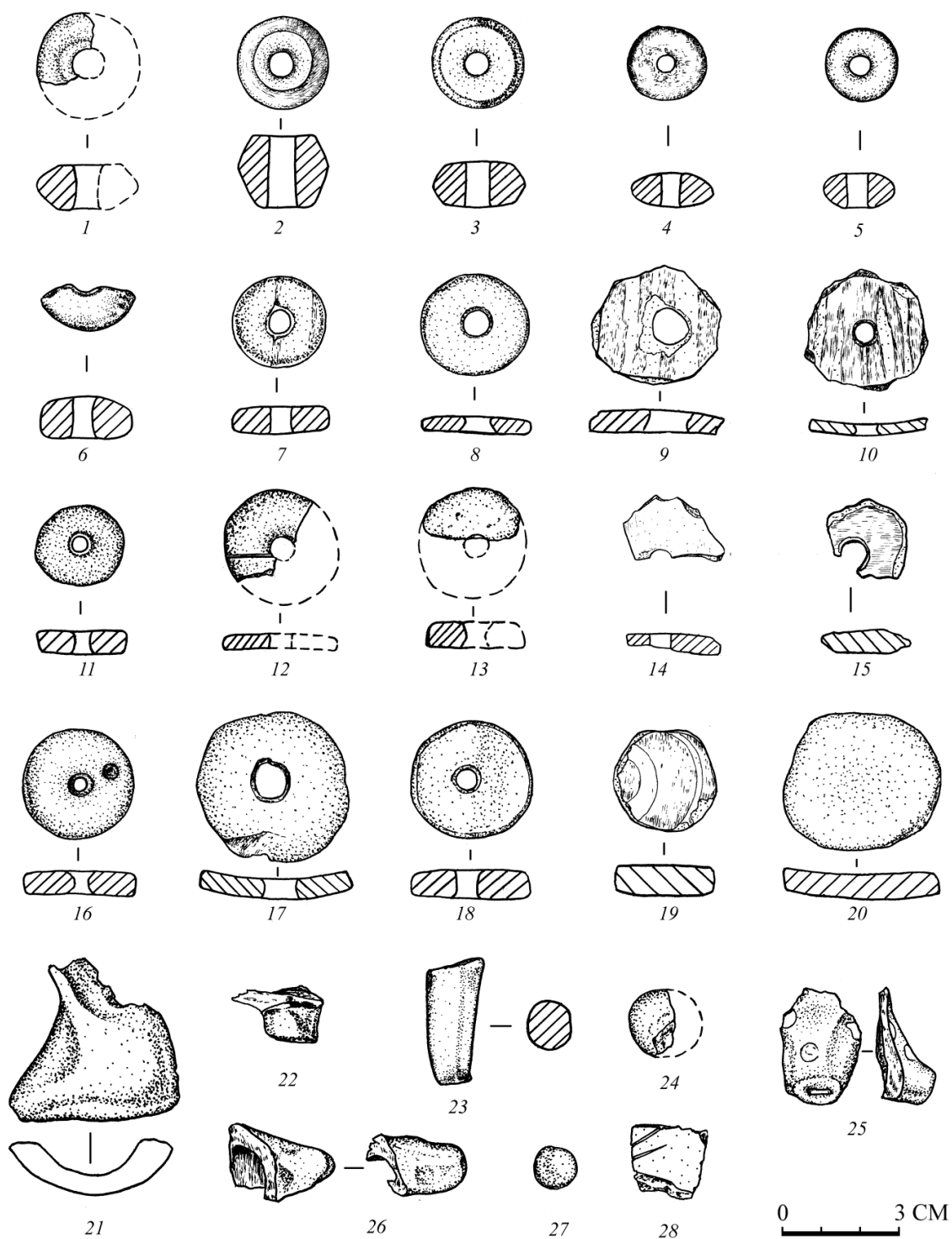

Рис. 145. Городище Городок. Изделия из керамики: пряслица (1–18), заготовки для пряслиц из стенок сосудов (19, 20), фрагменты игрушек (21–27), фрагмент стенки красноглиняного сосуда с граффити (28). 1 – Р1-Я1Б-2, 2 – Р1-2-5В, 3 – Р2-Я9, 4 – Р2-2-4А, 5 – Р1-2-5В, 6 – Р1-2-10Б, 7 – Р3-3-7, 8 – Р1-Я2-(2, 3), 9 – Р3-3-8, 10 – Р3-К1, 11 – Р3-2-1А, 12 – Р2-Я1-1а, 13 – Р2-Я1-1, 14 – Р1-2-10А, 15 – ПМ-2004, 16 – Р1-Я1Б-1, 17 – Р1-Я1Б-2, 18 – Р3-3-2, 19 – Р2-2-4, 20 – Р1-3-4А, 21 – Р3-3-3, 22 – Р1-3-10Б, 23 – Р1-2-10, 24 – Р3-К8, 25 – Р2-1-4А, 26 – Р2-Я2-1, 27 – Р3-4-8, 28 – Р3-К8.

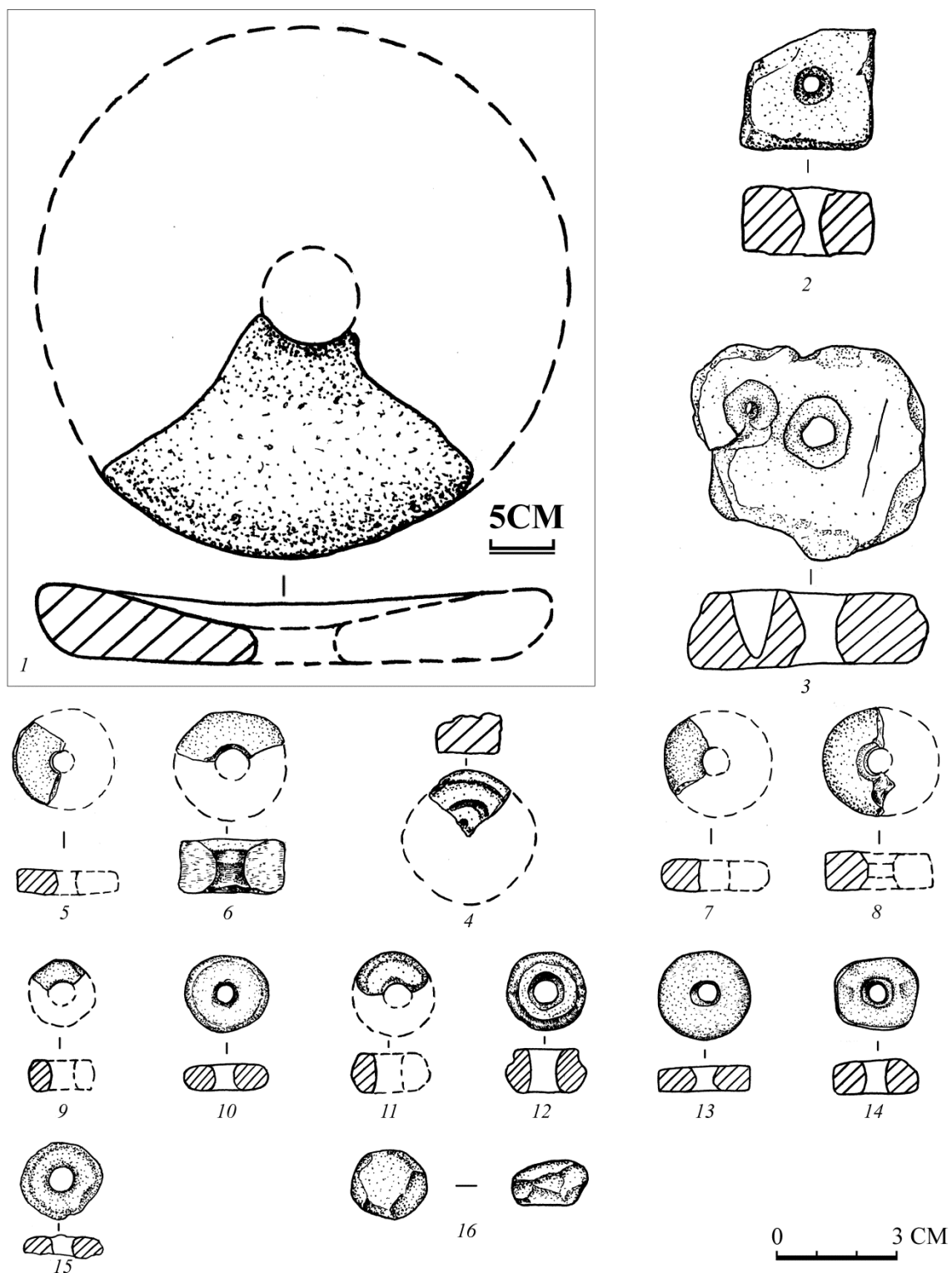

Рис. 146. Городище Городок. Предметы из камня: жернов от ручной мельницы (1), грузила (2, 3), пряслица (4–15), заготовка для пряслица (16). 1 – P2-Я1-1, 2 – P3-6-10, 3 – P1-Я2-3, 4 – P3-К1, 5 – P1-2-5В, 6 – Ш2-2-2, 7 – P1-2-2, 8 – P1-Я1Б-2, 9 – P2-Я1-26, 10 – P2-Я1-3, 11 – P2-Я1-1а, 12 – P2-Я1-3, 13 – P1-Я1Б-2, 14 – P1-Я1Б-2, 15 – P1-Я1Б-2, 16 – P2-Я1-1а.

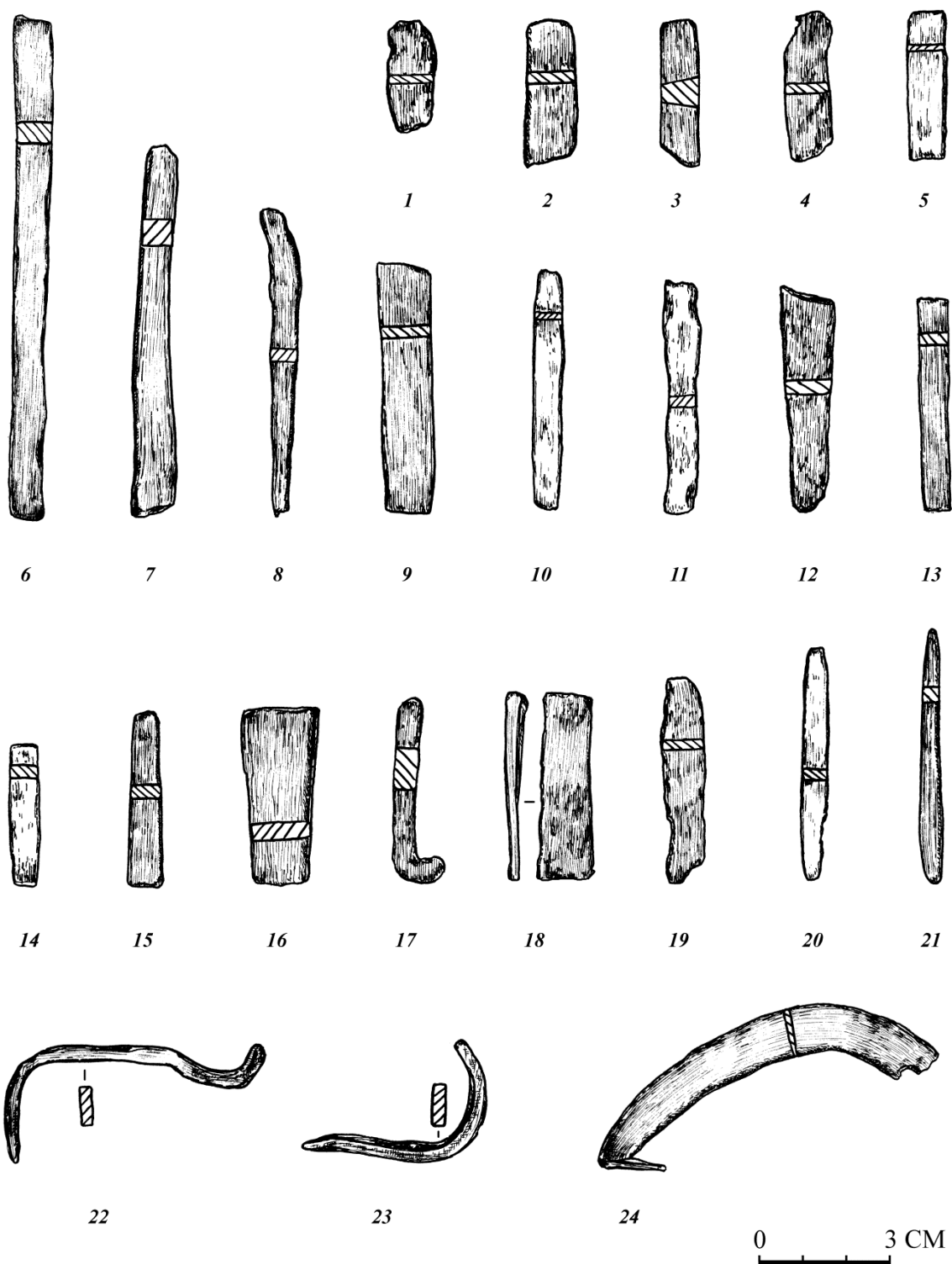

Рис. 147. Городище Городок. Железные стержни неопределённого назначения (1-24). 1 – P3-3-2, 2 – P3-3-2, 3 – P3-3-8, 4 – P3-3-2, 5 – P2-Я1-1, 6 – P1-1-5, 7 – P1-4-1, 8 – P2-2-4А, 9 – P3-3-8, 10 – P2-Я1-26, 11 – P2-Я1-1а, 12 – P3-2-1А, 13 – P2-Я2-2, 14 – Ш2-2-2, 15 – P1-2-2, 16 – P1-1-6, 17 – P2-Я2-4, 18 – P1-2-10Б, 19 – P3-3-2, 20 – P2-Я1-26, 21 – P2-Я2-2, 22 – P1-Я1А-2, 23 – P1-1А-2, 24 – P1-2-10Б.

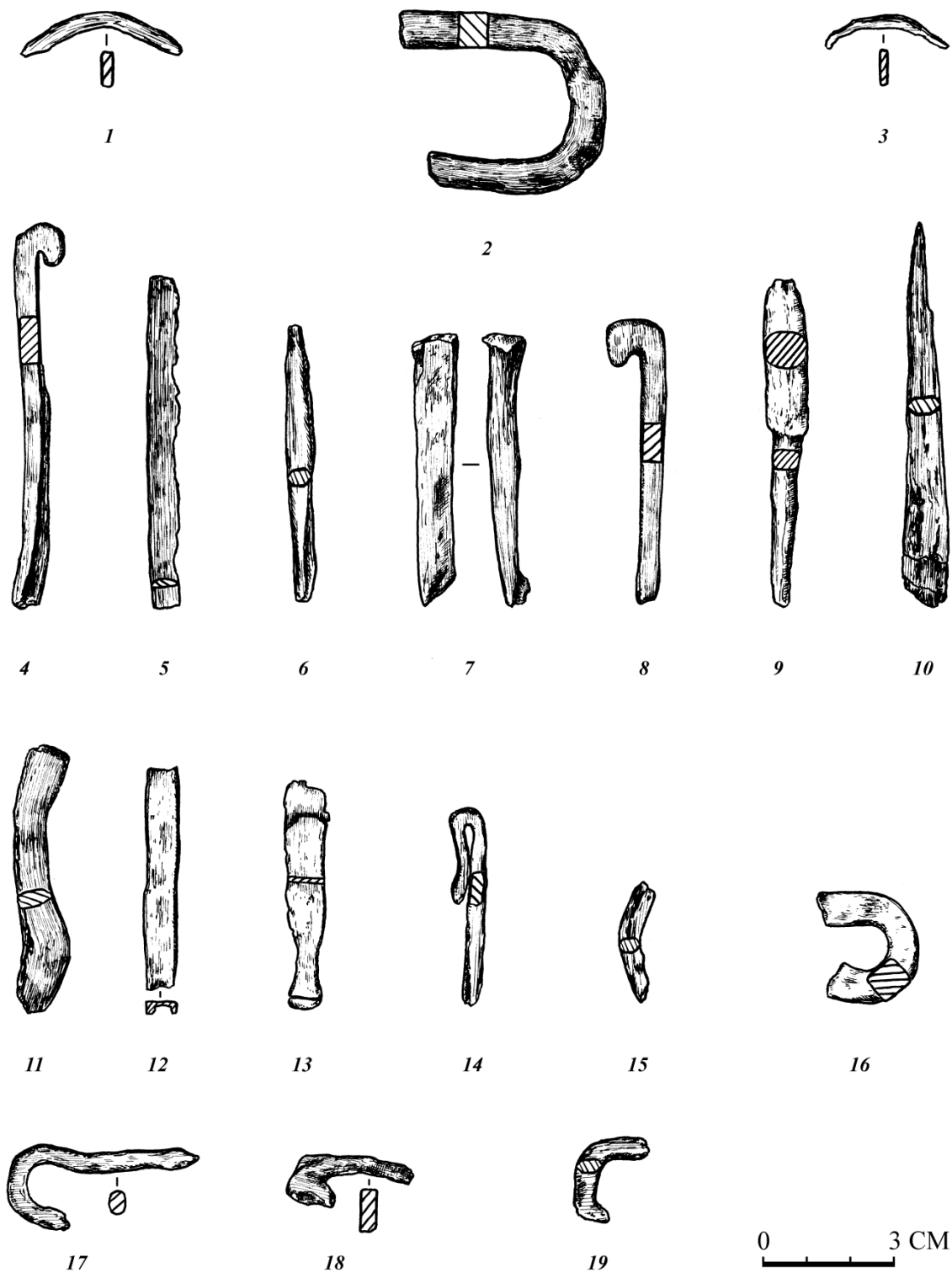

Рис. 148. Городище Городок. Железные стержни неопределённого назначения (1–19). 1 – РЗ-3-7, 2 – Ш2-4-1, 3 – РЗ-3-2, 4 – Р2-4-9, 5 – РЗ-3-9, 6 – РЗ-3-2, 7 – Ш2-Я1, 8 – Р1-Я1А-2, 9 – Р2-Я1-2б, 10 – РЗ-Я8, 11 – РЗ-3-8, 12 – Р2-Я1-2б, 13 – Р2-Я1-2б, 14 – Р1-Я2, 15 – РЗ-3-2, 16 – Р2-Я1-1а, 17 – РЗ-3-6, 18 – Р1-Я1А-1, 19 – РЗ-3-7.

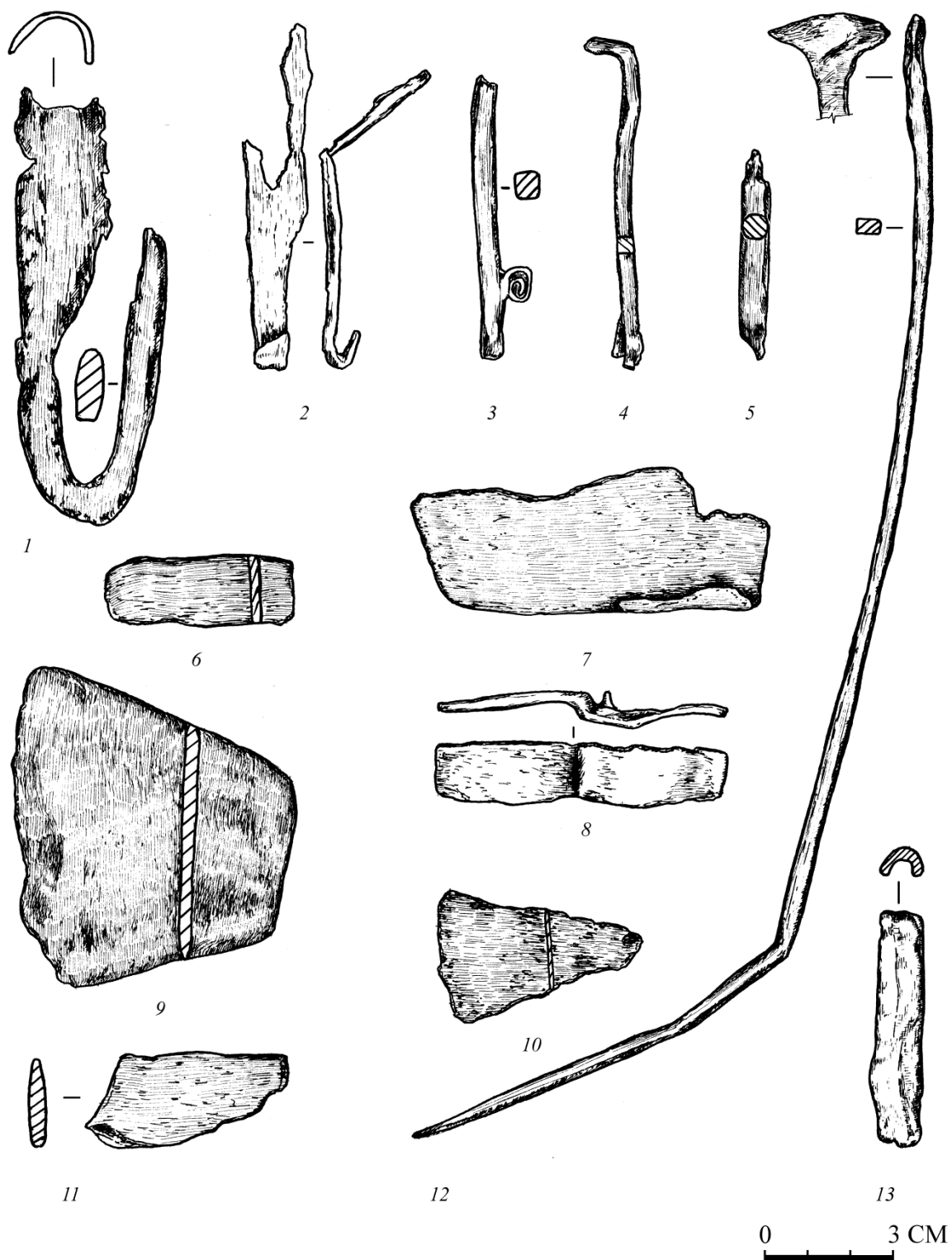

Рис. 149. Городище Городок. Железные неопределённые предметы (1–5, 12, 13) и пластины (6–11). 1 – P1-Я2-3, 2 – P2-Я1-26, 3 – P1-Я2-3, 4 – P3-2-6, 5 – P1-2-5, 6 – P3-3-7, 7 – P2-Я2-1, 8 – P2-Я1-26, 9 – Ш2-6-2В, 10 – P3-2-1А, 11 – P3-3-7, 12 – P1-Я1В-2, 13 – P1-К3.

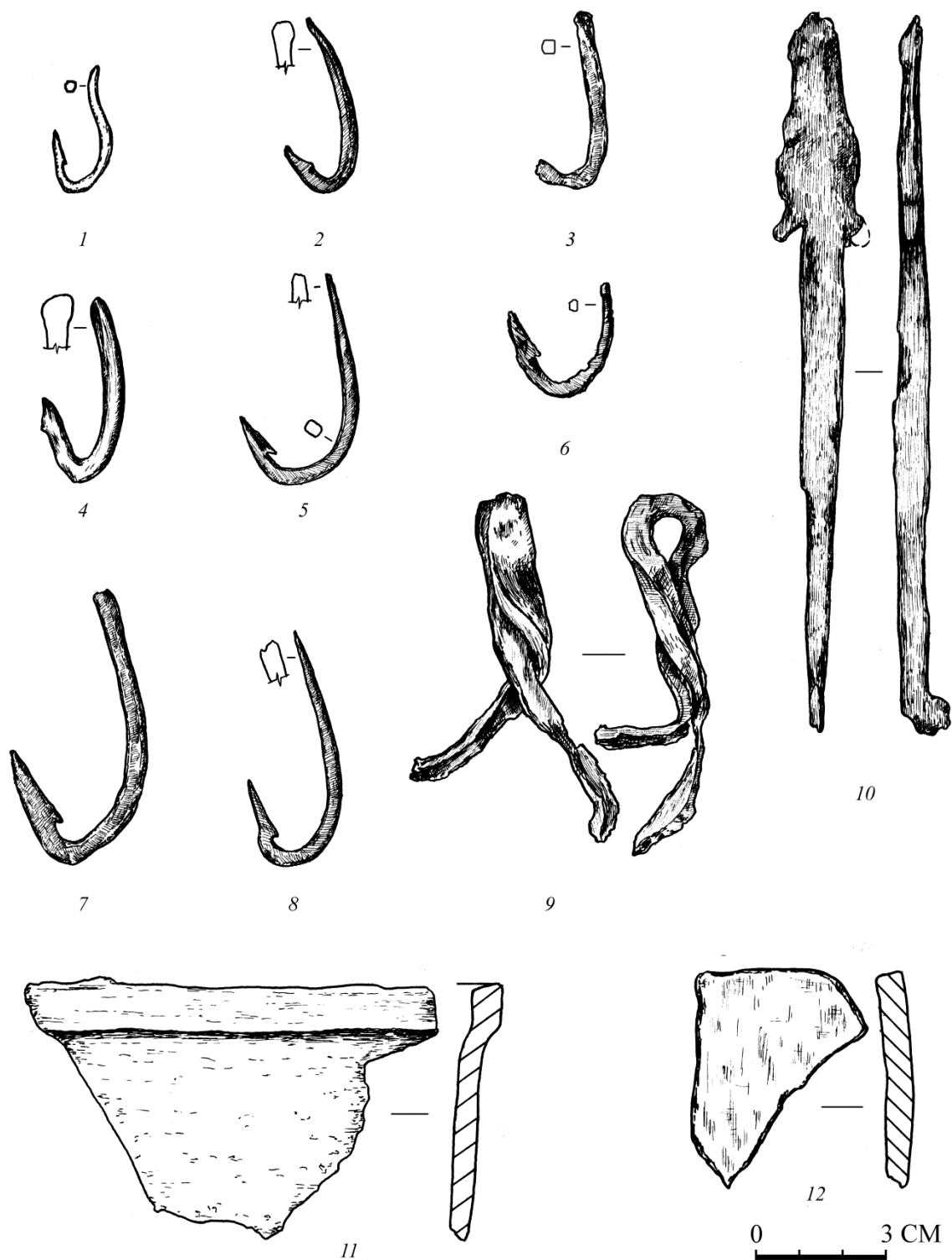

Рис. 150. Городище Городок. Предметы из железа: рыболовные крючки (1–8), крюк для вытаскивания рыболовных сетей (9), наконечник остроги (10), фрагменты чугунных котлов (11, 12). 1 – Ш1-1, 2 – Р2-Я1-1а, 3 – Р1-Я1А-1, 4 – Р3-3-9, 5 – Р2-Я2-1, 6 – Р2-Я1-1а, 7 – Р1-Я1А-2, 8 – Р2-Я1-2б, 9 – Ш2-4-1, 10 – Р2-Я1-3, 11 – Р2-3-7, 12 – Р1-Я2-2.

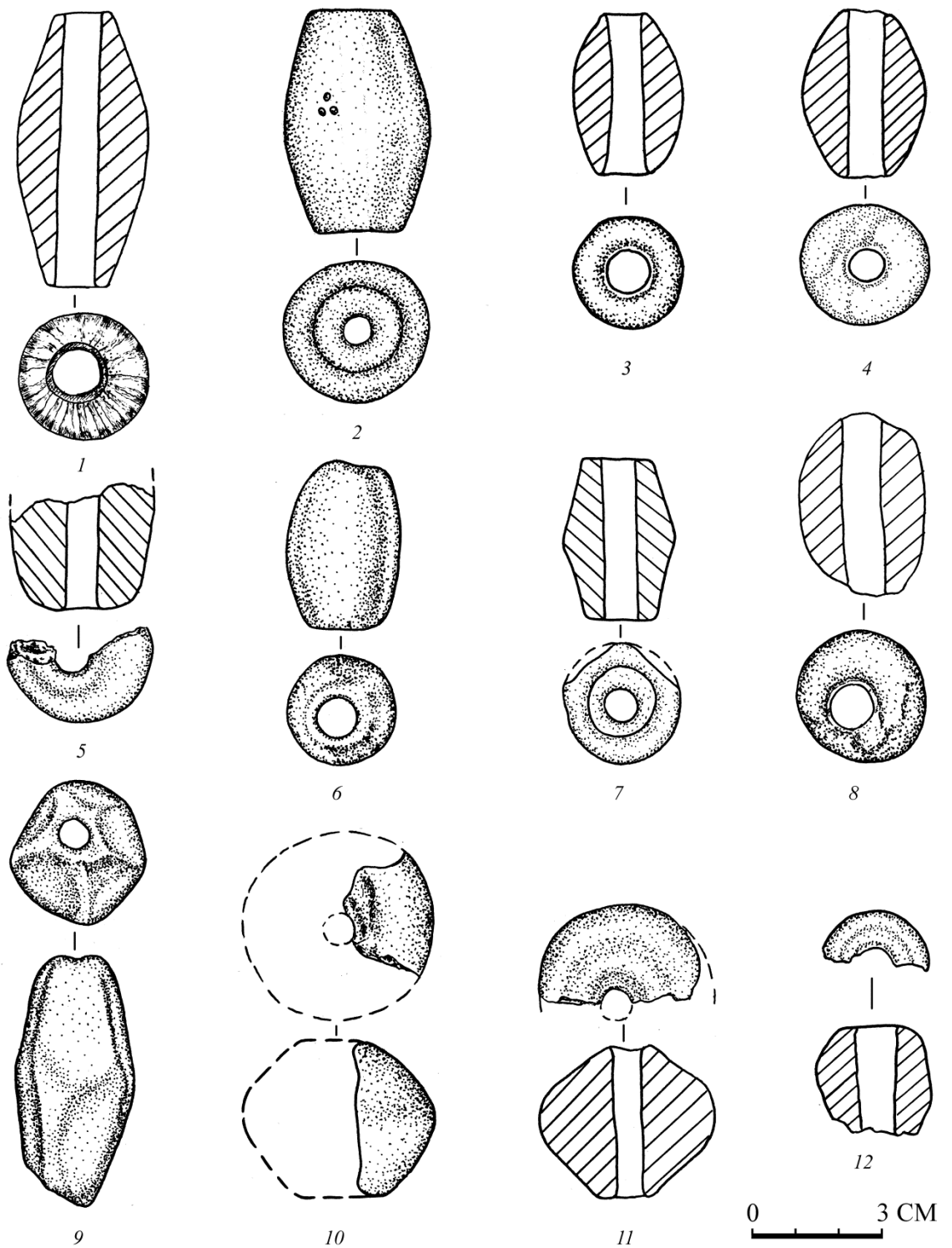

Рис. 151. Городище Городок. Керамические грузила от рыболовных сетей и их фрагменты (1-12). 1 – P3-3-7, 2 – P3-3-2, 3 – P3-3-6Б, 4 – P1-3-10, 5 – P1-4-2, 6 – P3-3-2, 7 – P1-4-1А, 8 – P3-4-9, 9 – P1-Я1А-2, 10 – ПМ-2003, 11 – P1-Я1А-2, 12 – P1-1-9.

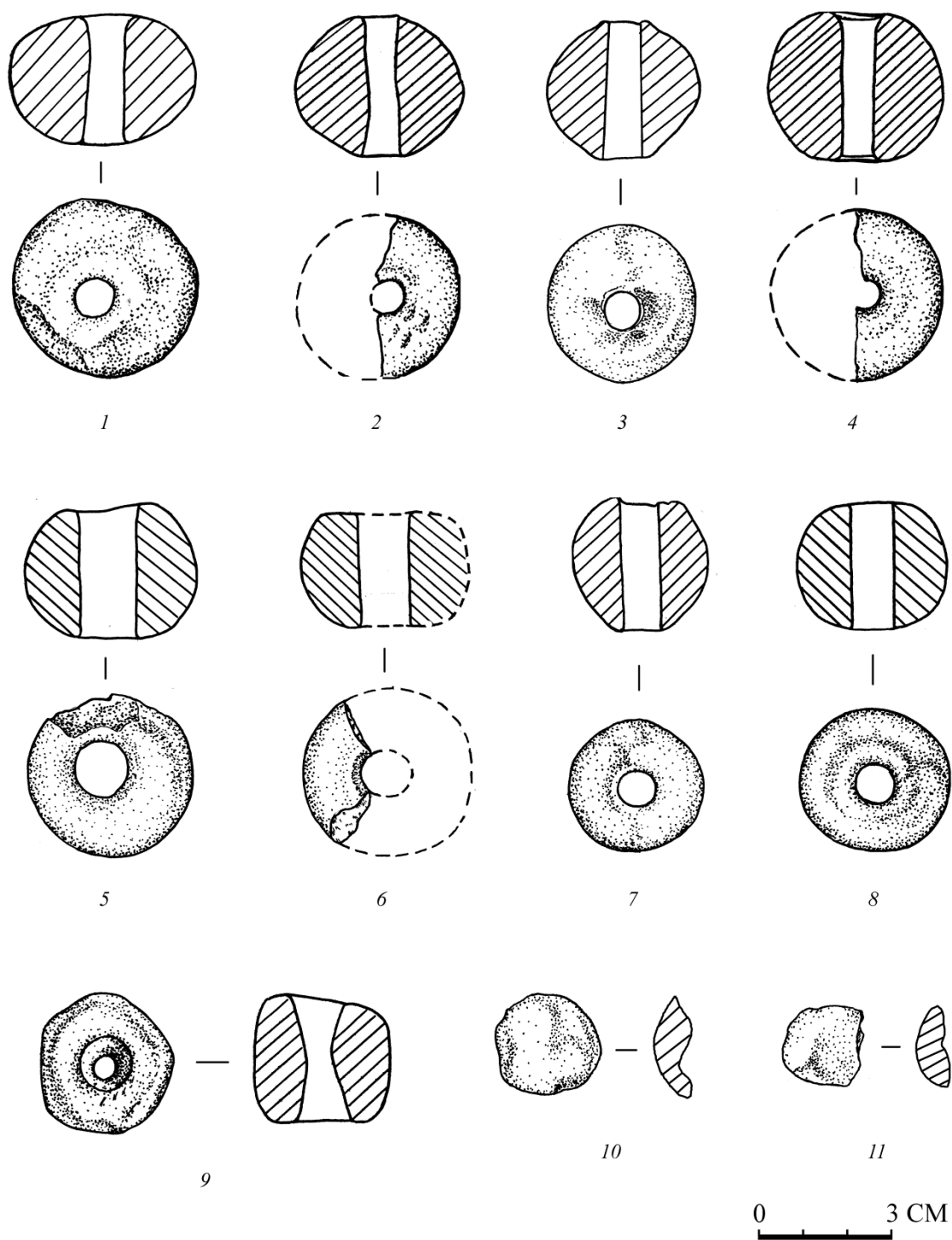

Рис. 152. Городище Городок. Керамические грузила от рыболовных сетей и их фрагменты (1-11). 1 – P3-3-7, 2 – P2-Я1-26, 3 – P1-1-10А, 4 – P2-Я1-1а, 5 – P1-2-10Б, 6 – P1-4-1А, 7 – P2-Я3, 8 – P1-Я1В-2, 9 – P3-3-7, 10 – P2-3-3, 11 – P2-3-3.

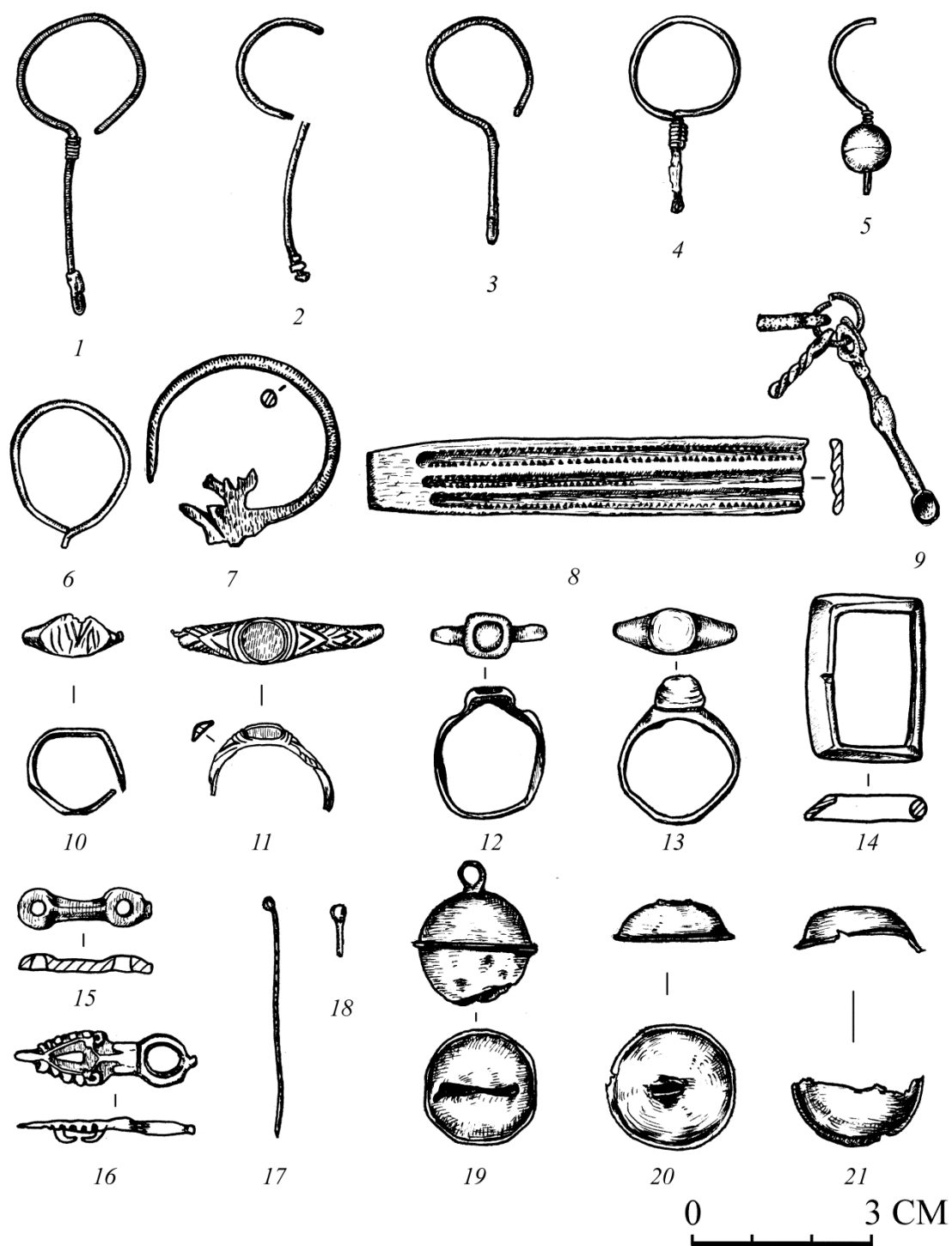

Рис. 153. Городище Городок. Украшения и детали туалета из бронзы: серьги (1–6), височное кольцо (7), пуговица с позолотой (8), набор инструментов (9), перстни (10–13), пряжка (14), накладки (15, 16), булавки (17, 18), привески-бубенчики (19–21), браслет (22). 1 – Р1-Я1В-2, 2 – Ш2-5-2Б, 3 – Р2-Я1-2б, 4 – Р1-Я2-1, 5 – Р1-2-5, 6 – Р1-2-10А, 7 – Р3-2-6А, 8 – Р1-3-3, 9 – Р1-2-10Б, 10 – Р1-1Б-2, 11 – Р1-2-9, 12 – Р3-6-9, 13 – Р1-Я2-3, 14 – Р1-Я2-3, 15 – Р1-3-1, 16 – Р3-3-7, 17 – Р1-Я1А-2, 18 – Р1-2-5В, 19 – Р2-Я1-2, 20 – Р2-Я1-1, 21 – Р2-Я1-1.

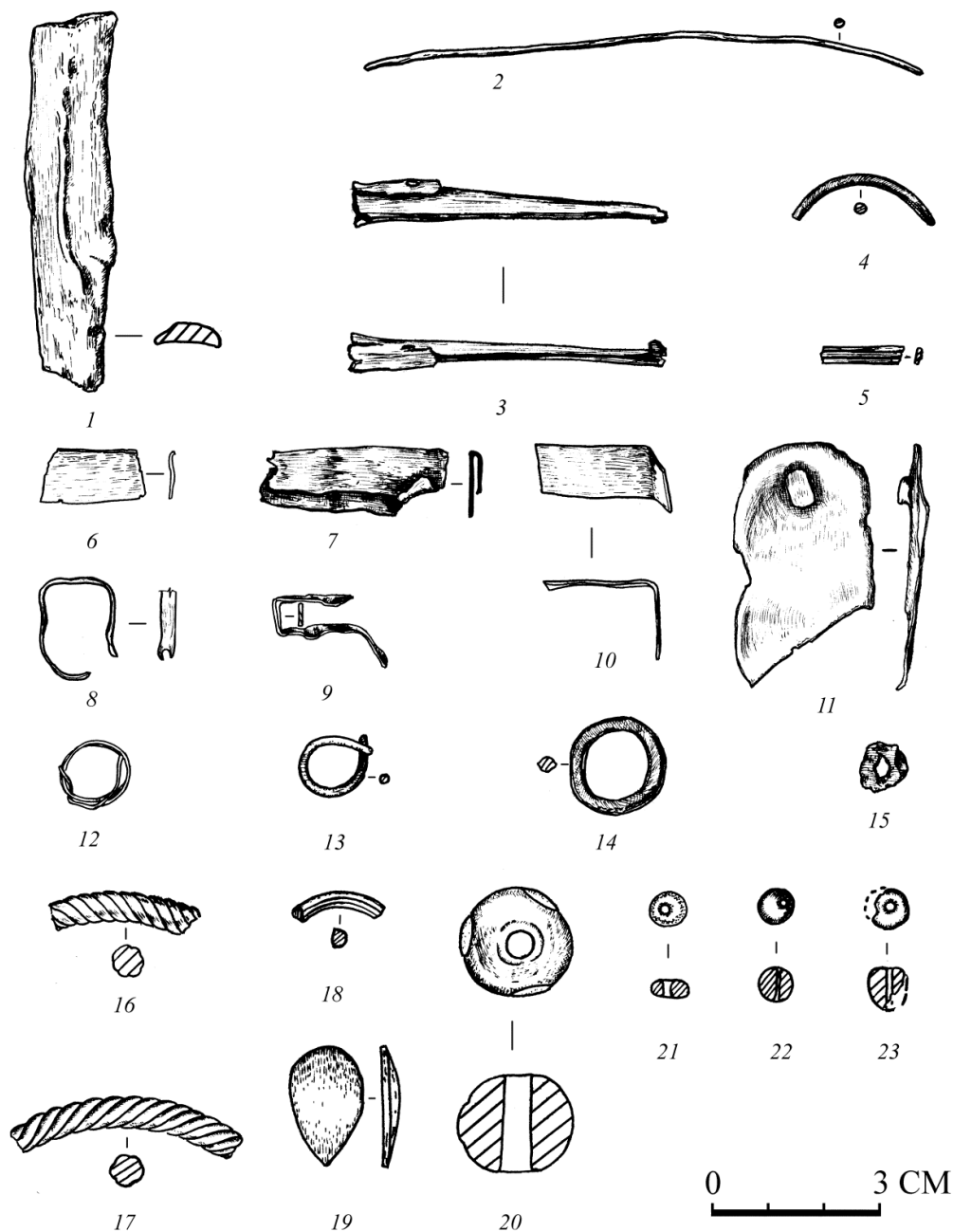

Рис. 154. Городище Городок. Фрагментированные или неопределённые предметы и украшения из цветных металлов (1–15), стекла (16–21), камня (22), кашина (23): слиток (1), отрезок провода (2), рукоятка ножа (3), часть обода височного кольца (?) (4), фрагмент перстня (5), пластины (6, 10), фрагменты медных сосудов (7, 11), обоймицы (8, 9), височная подвеска (?) (12), колечко, свёрнутое из провода (13), поясное кольцо (?) (14), грузило (?) (15), фрагменты браслетов (16, 17), вставка (19), бусы (20–23). Бронза: 1, 2, 4–16. Медь: 3. Свинец: 15. Стекло: 16–21. Камень: 22. Кашин: 23. 1 – P1-Я1А-1, 2 – P2-Я1-2, 3 – P1-Я1-2, 4 – P2-Я1-3, 5 – P2-Я2-1, 6 – P1-2-4, 7 – P2-1-2, 8 – P1-Я2-3, 9 – P1-2-5В, 10 – P3-3-7, 11 – P1-Я2-2, 12 – P1-2-10А, 13 – P3-3-1А, 14 – P3-1-1А, 15 – P2-Я2-26, 16 – P2-Я2-3, 17 – P1-Я2-2, 18 – P3-Я2-1, 19 – P3-К8, 20 – P3-2-6А, 21 – P1-2-5В, 22 – P1-2-2А, 23 – P1-Я2-2.

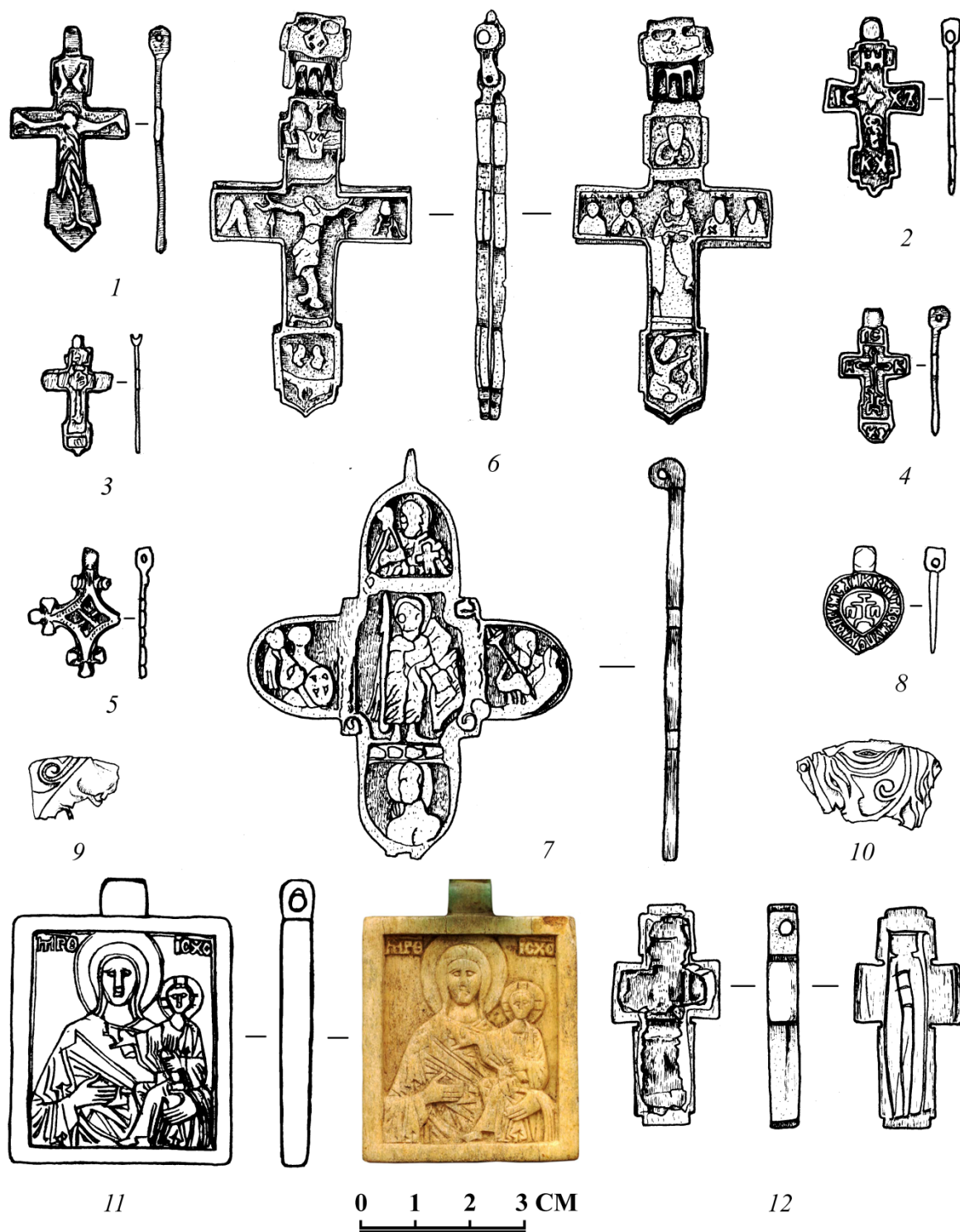

Рис. 155. Городище Городок. Предметы христианского культа: нательные кресты (1–5), наперсный крест-складень (6), створка от креста-энколпиона (7), иконки-привески (8, 11), крест-реликварий (12), фрагменты окладов (9, 10). Бронза: 1–8. Серебро: 9, 10. Лосиный рог: 11, 12. 1 – P2-Я1-3, 2 – P1-Я1В-2, 3 – P1-3-10, 4 – P2-Я1-16, 5 – P1-Я1В-2, 6 – P1-2-5Г, 7 – P2-Я1-3, 8 – P1-1-5, 9 – P2-3-3, 10 – P2-4-4, 11 – P1-Я2-2, 12 – P2-Я1-2.

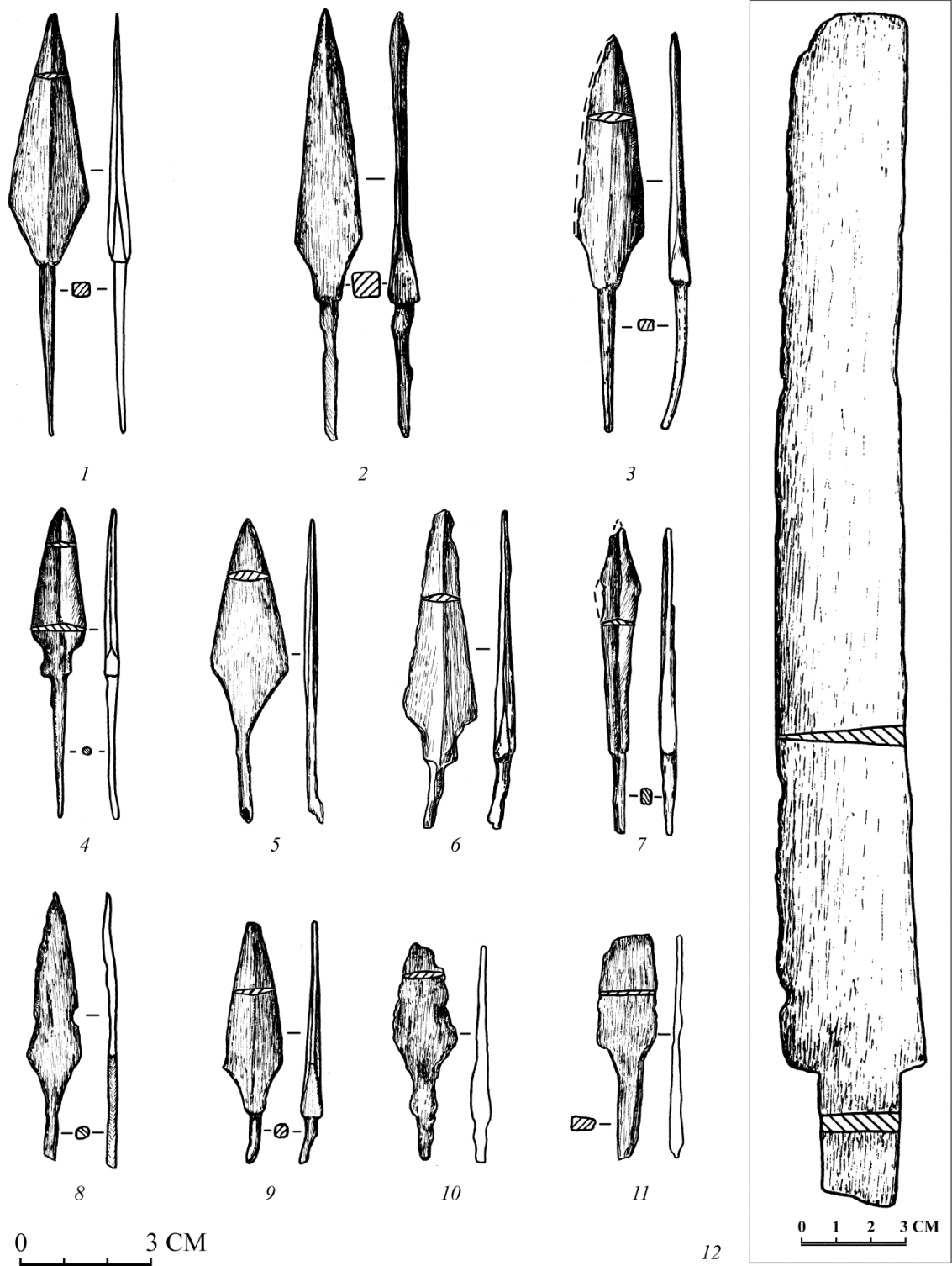

Рис. 156. Городище Городок. Железные наконечники стрел (1–11) и обломок сабли (12). 1 – P2-Я1-1, 2 – P2-Я1-1а, 3 – P3-9-10, 4 – P1-2-3, 5 – P2-Я2-1, 6 – P1-4-1, 7 – P1-2-5, 8 – P1-2-10А, 9 – P3-3-8, 10 – P1-3-2А, 11 – P1-3-10Б, 12 – P2-Я2-5.

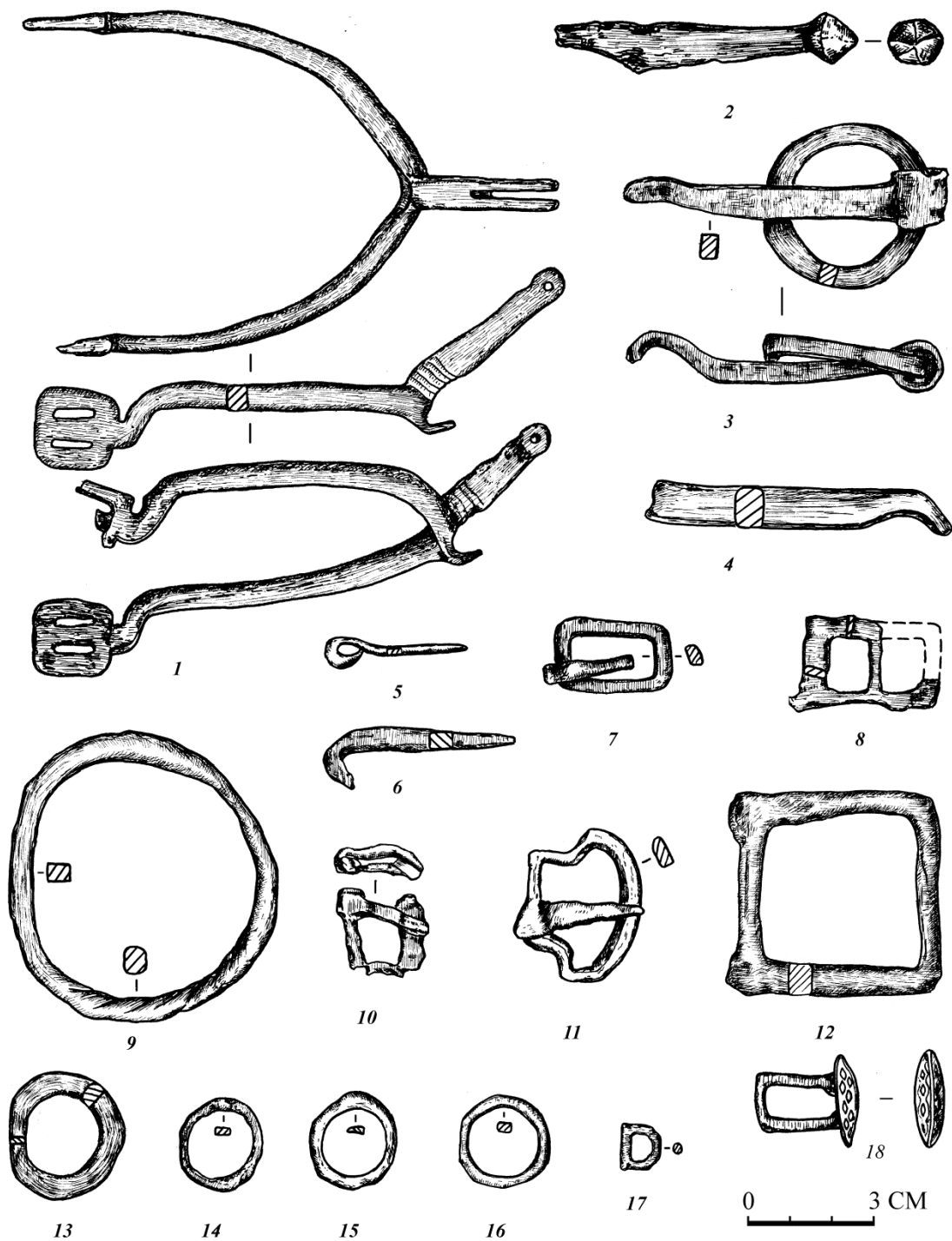

Рис. 157. Городище Городок. Предметы снаряжения всадника и верхового коня: шпора (1), шип от шпоры (2), фрагменты удила (3, 4), пряжки (7–17), отдельные язычки от них (5, 6), петля от крепления колчана (18). Материал: железо (1–17), бронза (18). 1 – Р2-Я2-4А, 2 – Ш2-3-2Б, 3 – Р2-Я1-1а, 4 – Р1-Я2-3, 5 – Р3-3-7, 6 – Р2-Я2-3, 7 – Р3-3-6, 8 – Р2-Я2-1, 9 – Р3-3-7, 10 – Р1-2-7, 11 – Р3-Я2-1, 12 – Р1-1-5Г, 13 – Р2-Я1-1, 14 – Р1-1В-2, 15 – Р3-3-3, 16 – Р2-1-5, 17 – Р1-3-4, 18 – Р3-2-1.

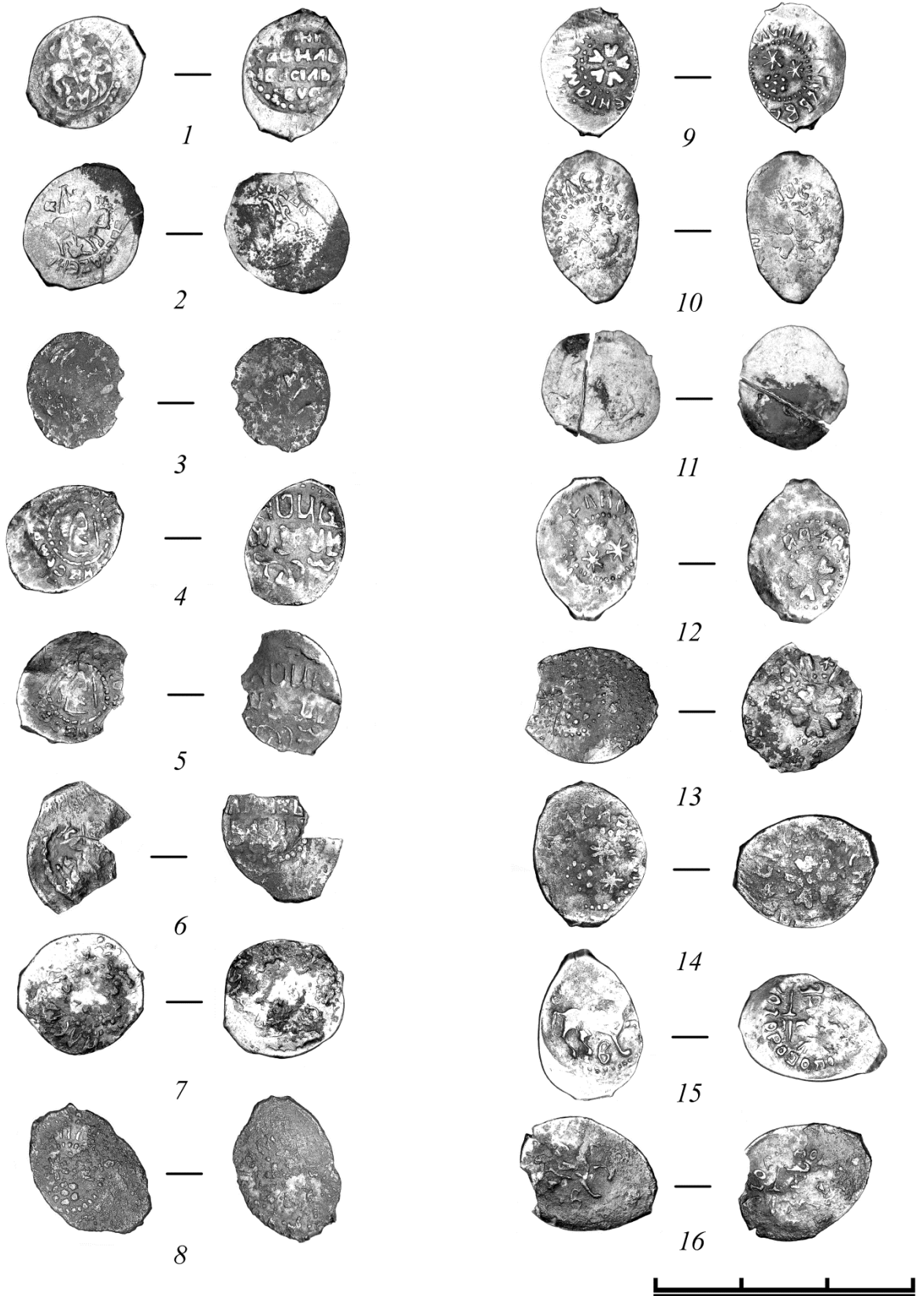

Рис. 158. Городище Городок. Раскопы 1–3. Монеты. Номера соответствуют списку в приложении 5. Серебро: 1–16.

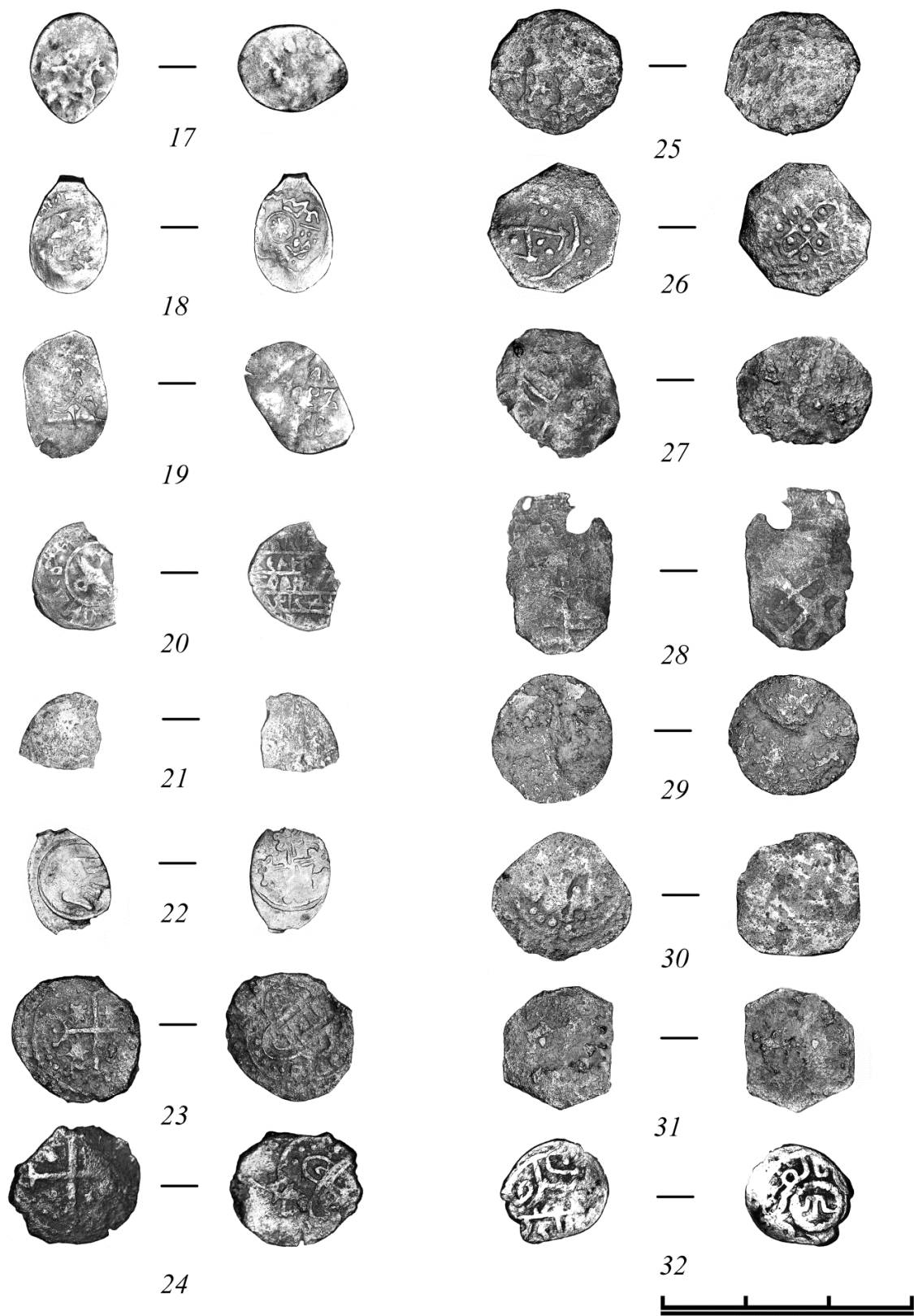

Рис. 159. Городище Городок. Раскопы 1–3. Монеты. Номера соответствуют списку в приложении 5. Серебро: 17–22, 32. Медь: 23–31.

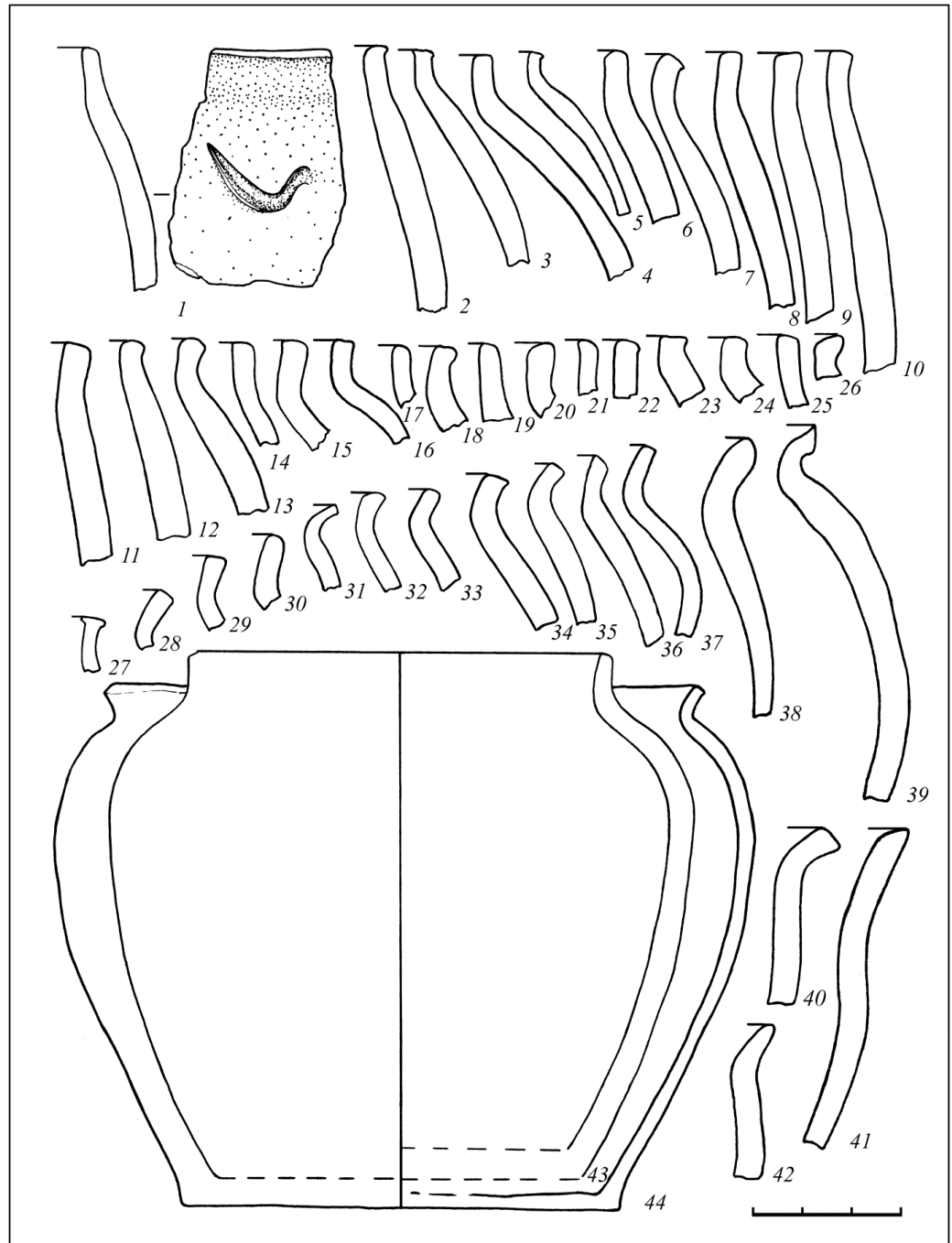

Рис. 160. Городище Городок. Лепная керамика. Фрагменты венчиков и реконструкции сосудов первой (1–39, 43, 44) и второй (40–42) форм. 1 – P1-2-5Г, 2 – P1-2-10А, 3 – Ш2-4-1, 4 – P1-Я2-3, 5 – P2-3-7, 6 – P2-Я1-2, 7 – P1-Я2-2, 8 – P1-Я2-3, 9 – P1-Я2-26, 10 – P1-Я2-26, 11 – P1-Я2-3, 12 – P2-Я1-3, 13 – P2-Я1-2, 14 – P2-Я2-1, 15 – P1-2-5Г, 16 – P1-Я2-3, 17 – Ш2-4-2Б, 18 – P2-Я1-3, 19 – P2-Я1-3, 20 – Ш2-3-1, 21 – Ш2-3-1, 22 – P2-Я1-3, 23 – P1-Я2-3, 24 – Ш2-2-1, 25 – Ш2-2-2, 26 – Ш2-2-2, 27 – P3-2-1, 28 – P2-Я2-3, 29 – P3-2-8, 30 – P1-Я1-3, 31 – P1-Я2-2, 32 – P2-Я1-2, 33 – P1-Я2-3, 34 – P2-3-4Б, 35 – P2-Я1-1а, 36 – P1-3-9, 37 – P2-4-7, 38 – P1-1Б-(2а, 2б), 39 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 40 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 41 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 42 – P3-3-7, 43 – P2-Я1-2, 44 – P1-Я2-3.

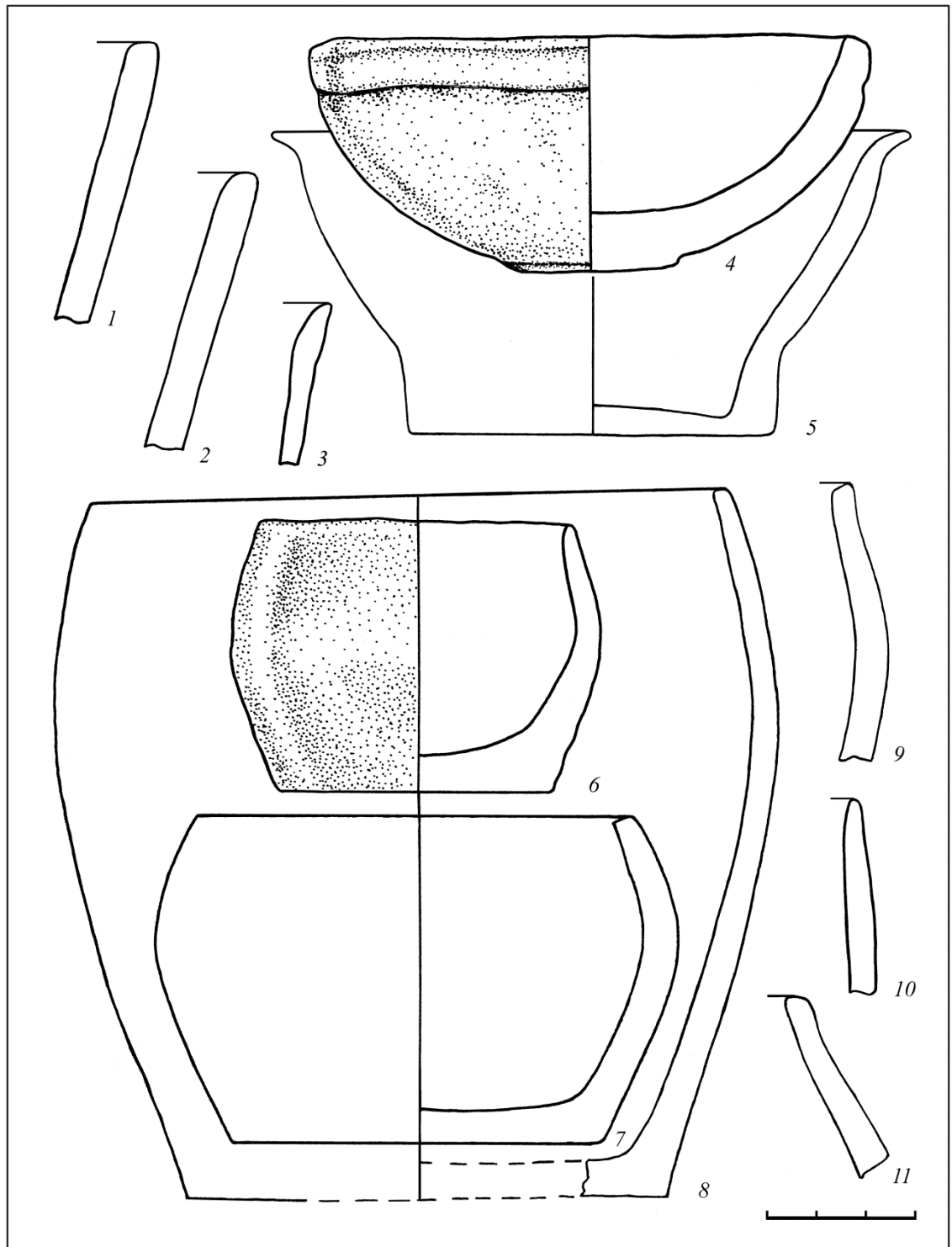

Рис. 161. Городище Городок. Лепная керамика. Фрагменты венчиков и реконструкции сосудов третьей (6–11) и четвертой (1–5) форм. 1 – P1-Я2-3, 2 – P1-Я2-3, 3 – P1-Я1Б-2а, 4 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 5 – P2-Я1-2, 6 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 7 – P2-Я1-2, 8 – P2-Я2-2а, 9 – P2-Я1-2, 10 – P3-3-2, 11 – P1-1-5.

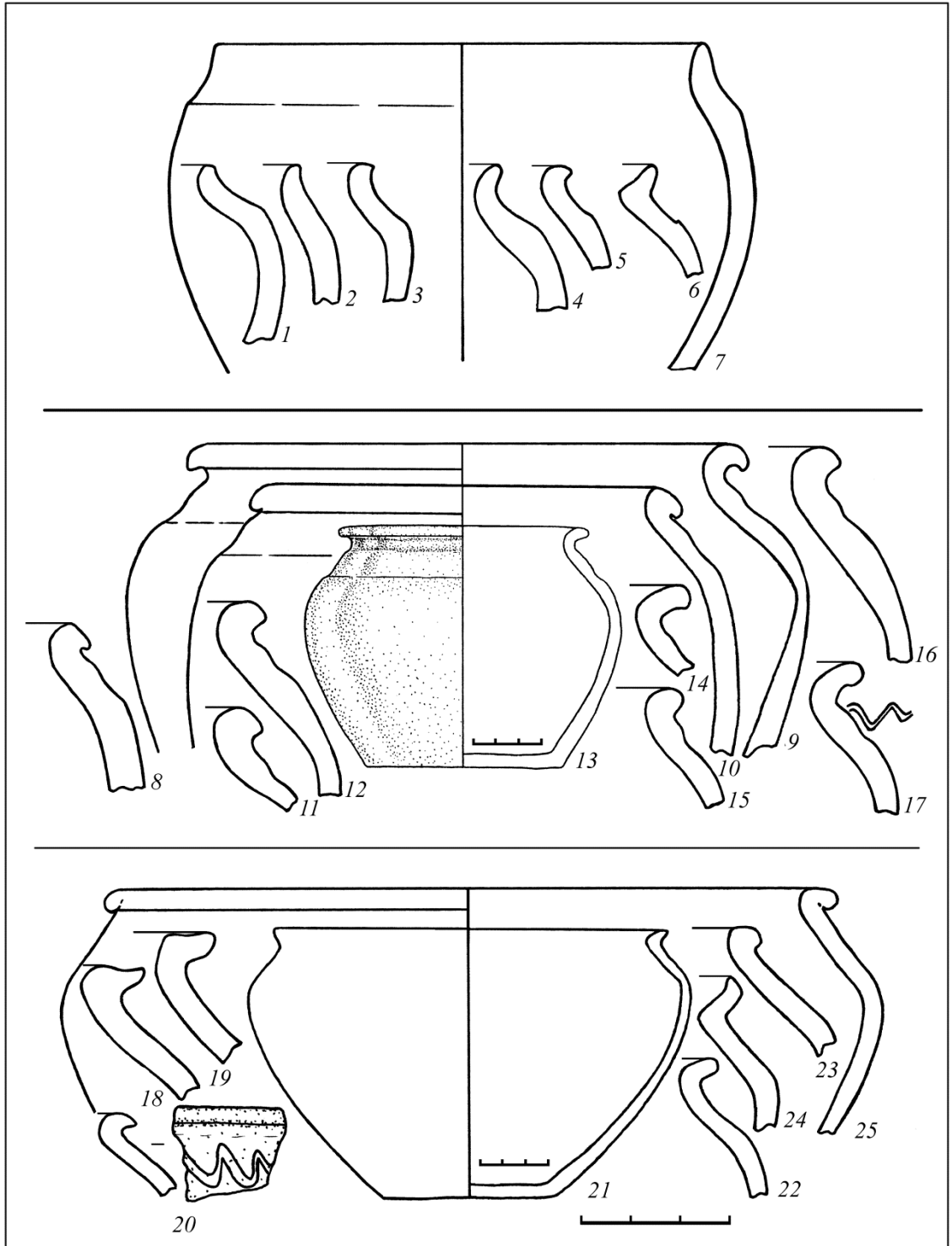

Рис. 162. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.1: 1–7. Тип 1.2: 8–17. Тип 1.3: 18–25. 1 – Ш2-1-2А, 2 – Р3-1-6, 3 – Р2-1-1А, 4 – Р2-1-1А, 5 – Р2-1-1, 6 – Р2-3-8, 7 – Р3-3-7, 8 – Р1-Я2-3, 9 – Р1-Я2-2, 10 – Р2-1-2, 11 – Р1-1-5А, 12 – Р2-1-1А, 13 – Р1-Я2-3, 14 – Р2-Я1-2а, 15 – Р1-3-7, 16 – Р1-1-4, 17 – Р1-4-1А, 18 – Р1-3-6, 19 – Р1-1-5В, 20 – Ш2-Я1, 21 – Р2-Я2-2, 22 – Р1-Я2-3, 23 – Р3-1-2, 24 – Р2-Я2-2а, 25 – Р1-Я1А-2.

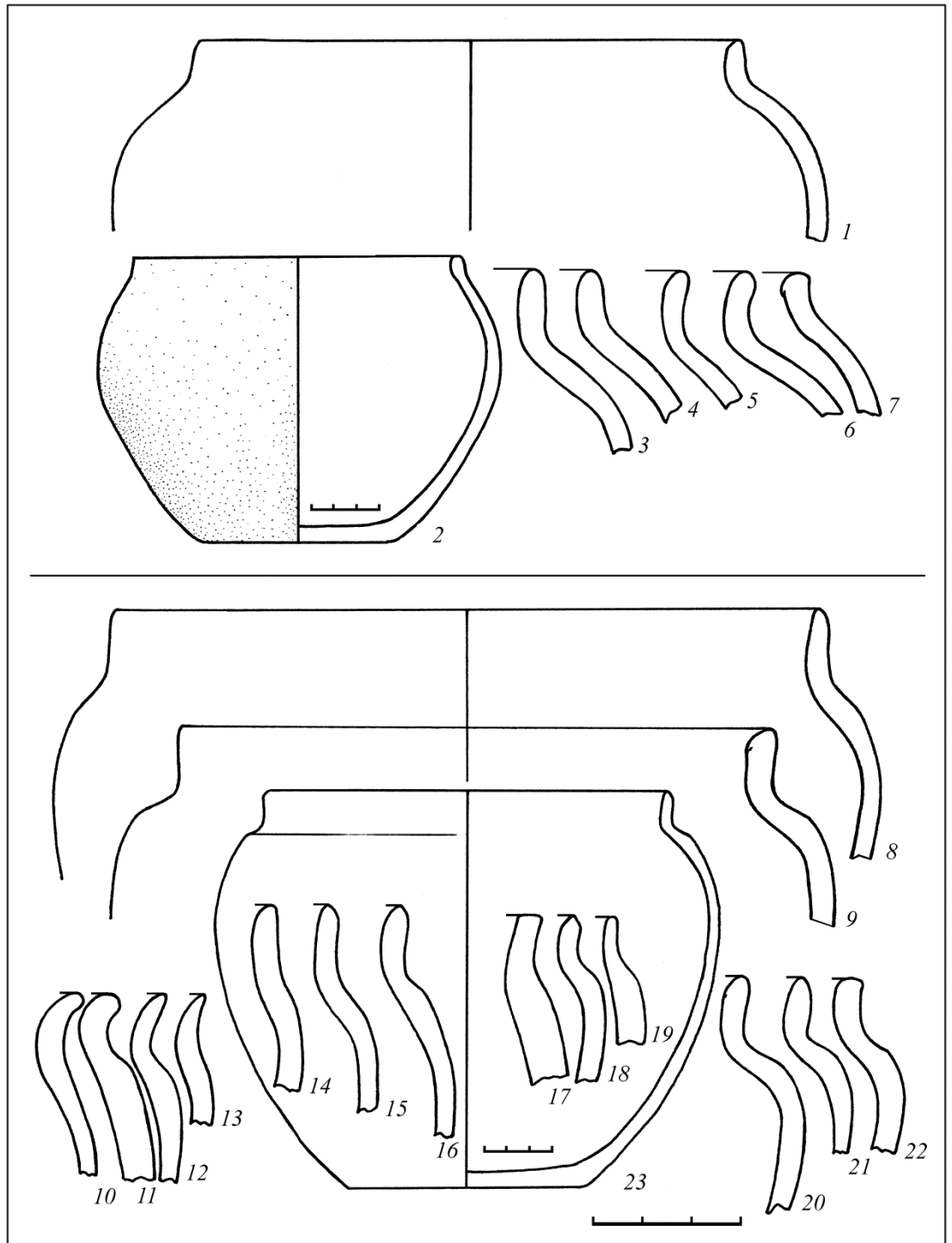

Рис. 163. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.4: 1–7. Тип 1.5: 8–23. 1 – P1-1-4, 2 – P2-Я1-3, 3 – P1-2-5B, 4 – P1-2-4A, 5 – P2-2-4, 6 – P1-3-3, 7 – P1-1-2, 8 – P1-3-2, 9 – P1-3-2, 10 – P3-3-3, 11 – P1-2-8, 12 – P1-1-2Б, 13 – P3-2-1, 14 – P3-3-2, 15 – P2-3-4Б, 16 – P1-1-1, 17 – P1-1-6, 18 – P1-1-6, 19 – P1-1-6, 20 – P1-2-10А, 21 – P1-2-2, 22 – P1-2-8, 23 – P2-Я1-2.

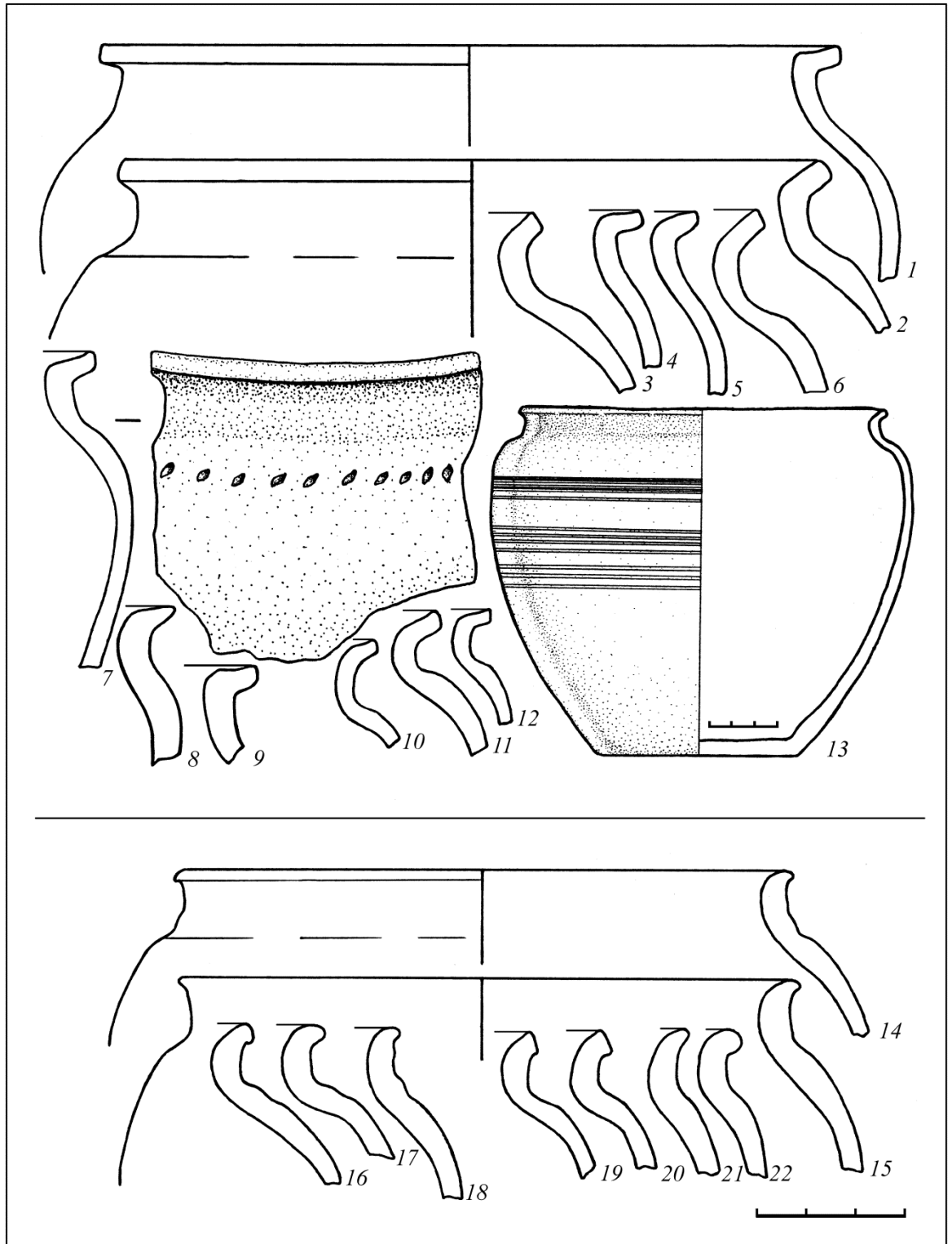

Рис. 164. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.6: 1–13. Тип 1.7: 14–22. 1 – P1-Я2-3, 2 – P1-2-5Б, 3 – P1-4-3, 4 – P2-4-9, 5 – P1-2-10Б, 6 – P1-2-4, 7 – P1-Я2-3, 8 – P1-2-5А, 9 – P1-2-10, 10 – P2-3-2, 11 – P3-1-1, 12 – P3-2-1, 13 – P1-1А-2, 14, 15 – P2-4-9, 16, 17, 18 – P3-1-2, 19 – P1-1-5Г, 20 – P1-1-3, 21 – P3-6-9, 22 – P3-2-6Б.

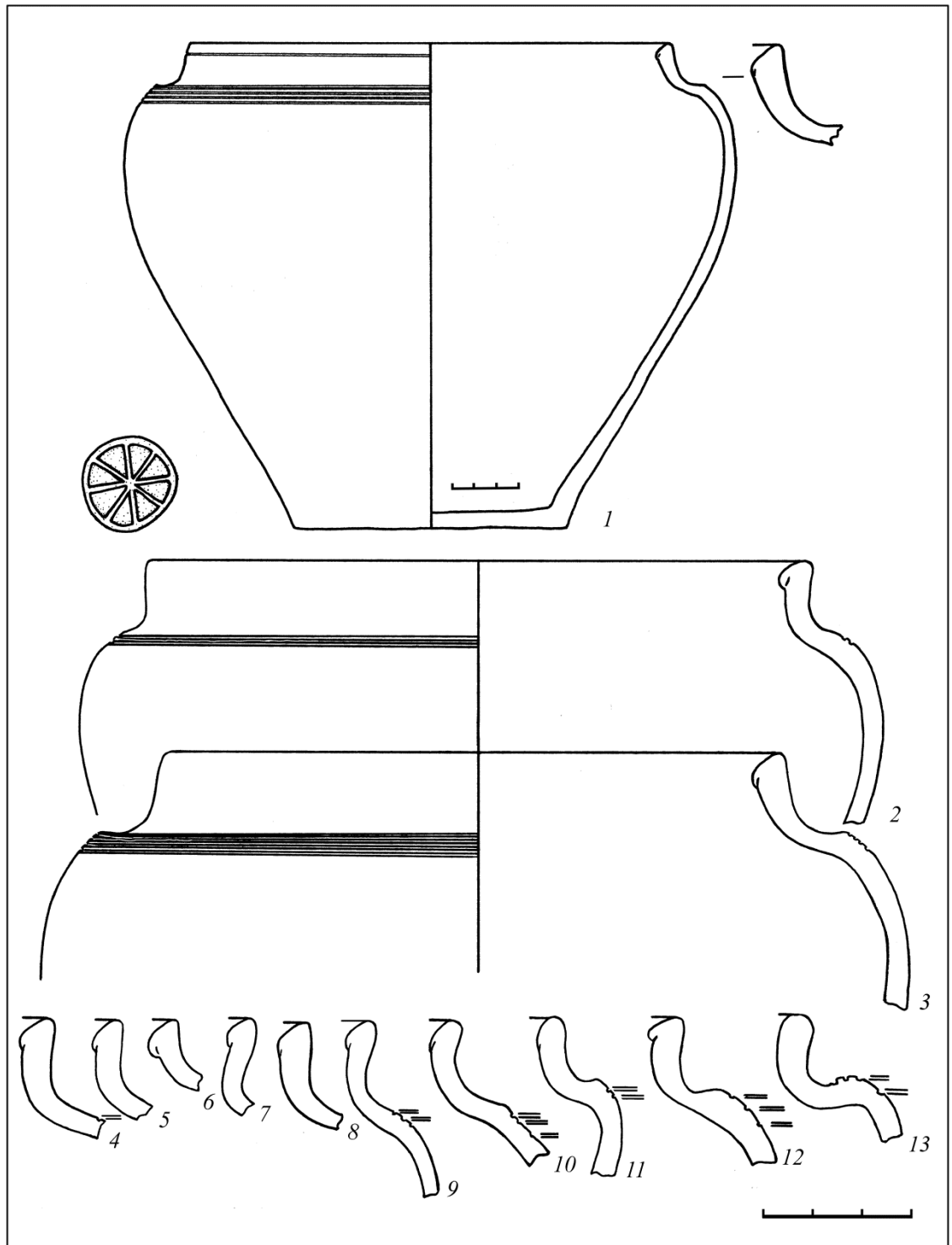

Рис. 165. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.8: 1–13. 1 – P-Я1-1, 2 – Ш2-5-2Б, 3 – P3-2-2, 4 – P2-Я1-16, 5 – P2-3-4А, 6 – P2-Я1-26, 7, 8 – P3-2-1, 9 – P2-Я1-1а, 10 – P2-2-2, 11 – P2-2-1, 12 – P1-1-3, 13 – P2-Я1-16.

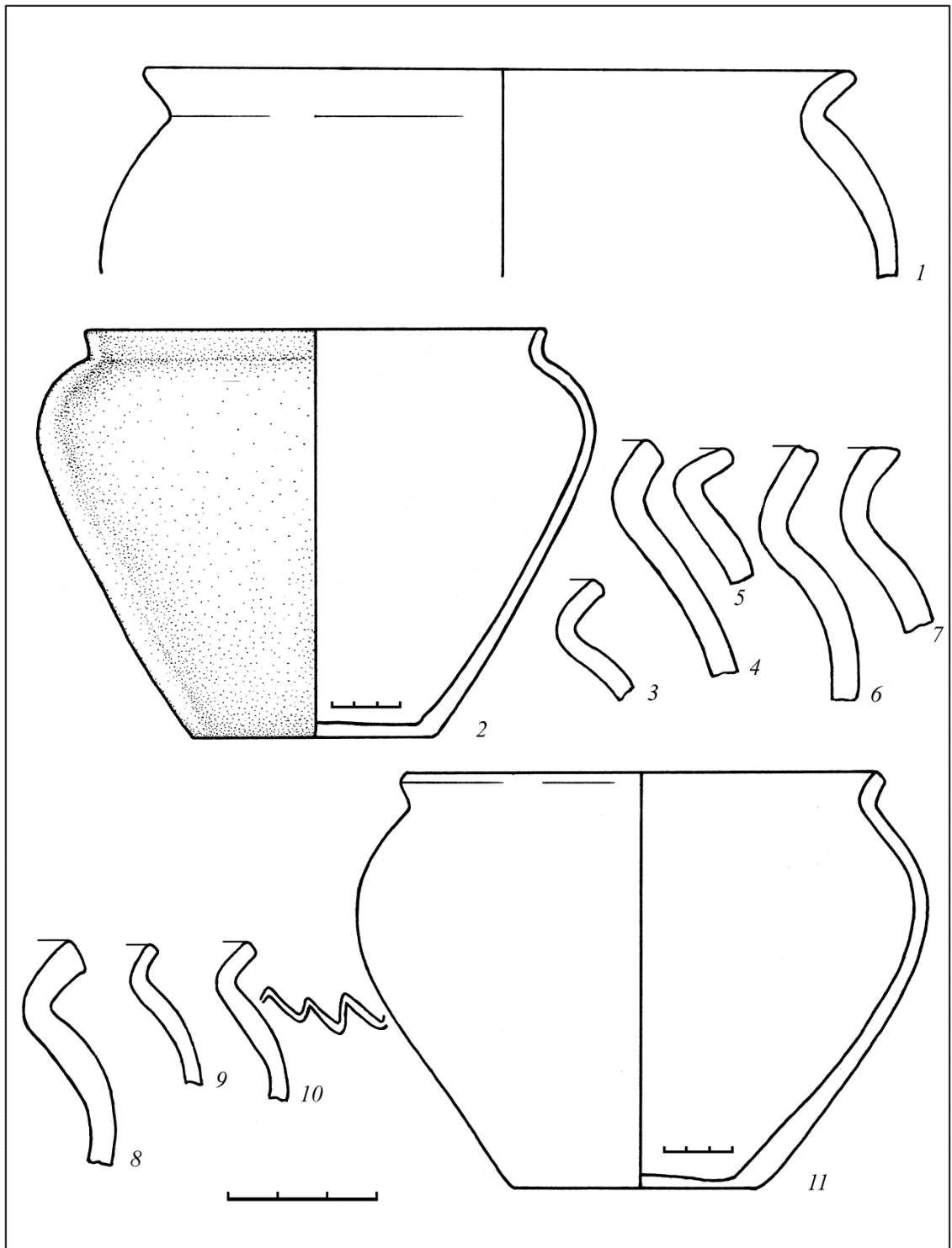

Рис. 166. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.9: 1–11. 1 – P2-1-7, 2 – P1-Я2-3, 3 – P1-3-10Б, 4 – P2-Я1-1а, 5 – P1-1Б-1, 6 – P1-Я2-3, 7 – P3-1-6, 8 – P1-1-5А, 9 – P1-3-5В, 10 – P3-1-1, 11 – P1-Я2-3.

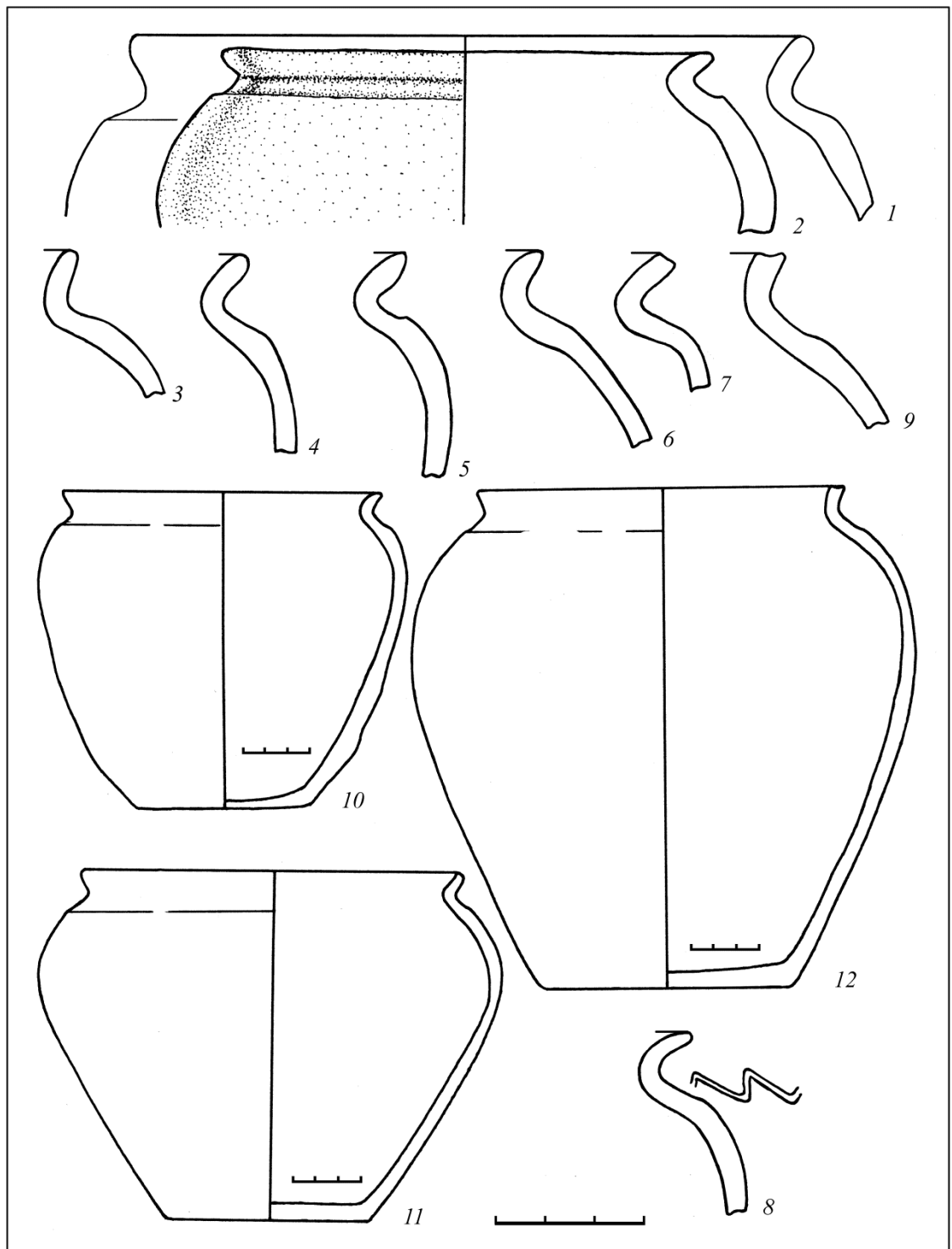

Рис. 167. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа П-1). Тип 1.10: 1–12. 1 – P1-2-5B, 2 – P1-Я2-1, 3 – P1-1-5, 4 – P2-2-1, 5 – P2-Я1-2б, 6 – P1-4-1A, 7 – P1-1-1Б, 8 – P1-2-7, 9 – P3-1-2, 10 – P1-1Б-(2а, 2б), 11 – P2-Я1-3, 12 – P1-1Б-(2а, 2б).

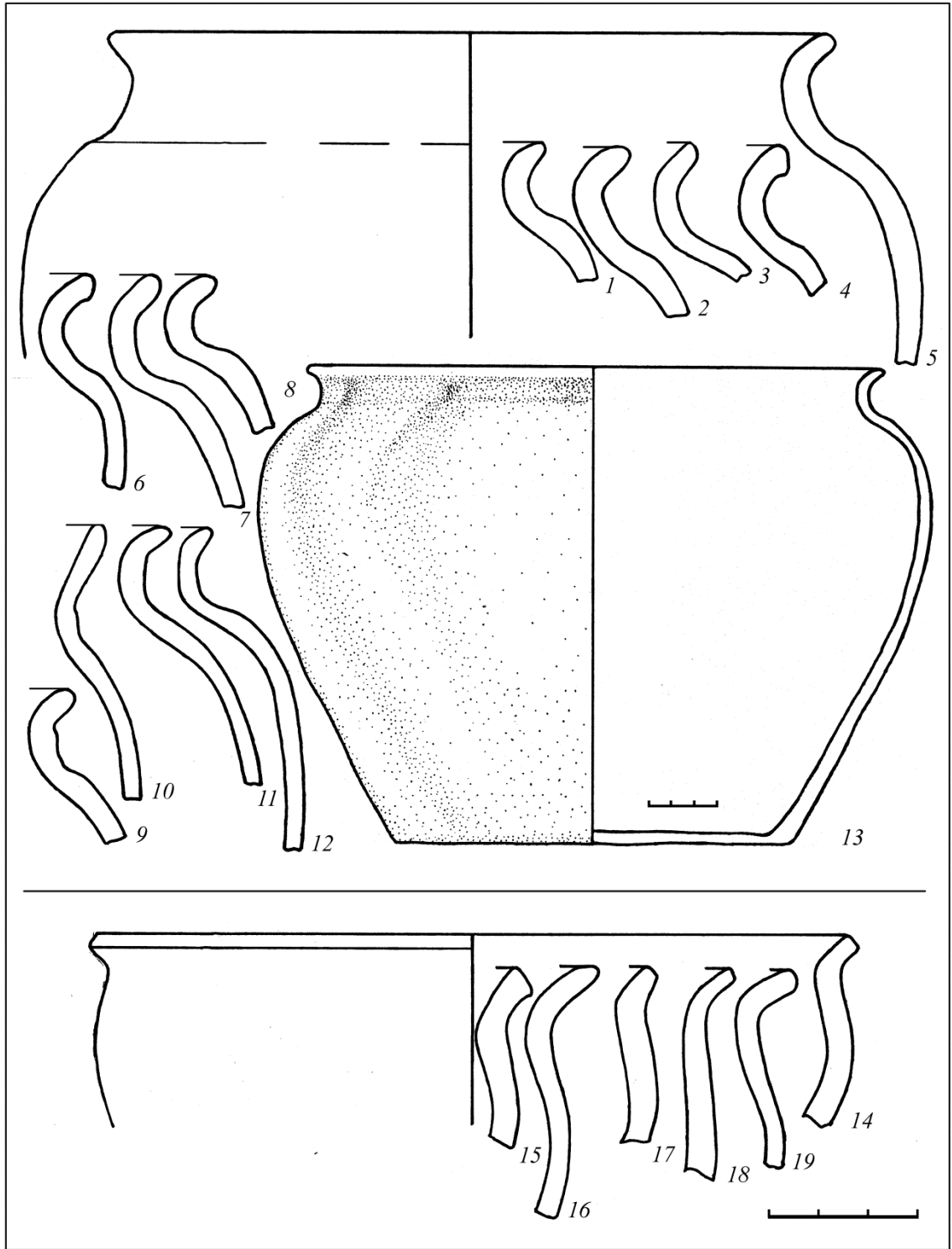

Рис. 168. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.11: 1–13. Тип 1.12: 14–19. 1 – ПМ-2004, 2 – P1-3-2, 3 – Ш2-5-1, 4 – P1-1B-16, 5 – P1-Я2-26, 6 – P2-Я1-1a, 7 – P1-Я2-3, 8 – Ш2-4-2A, 9 – P3-5-5, 10 – P1-Я2-3, 11 – P1-Я2-3, 12 – ПМ-2003, 13 – P1-Я2-3, 14 – P1-3-5A, 15 – Ш2-4-1, 16 – P2-Я1-26, 17 – P3-3-7, 18 – Ш2-4-2Б, 19 – Ш2-4-1.

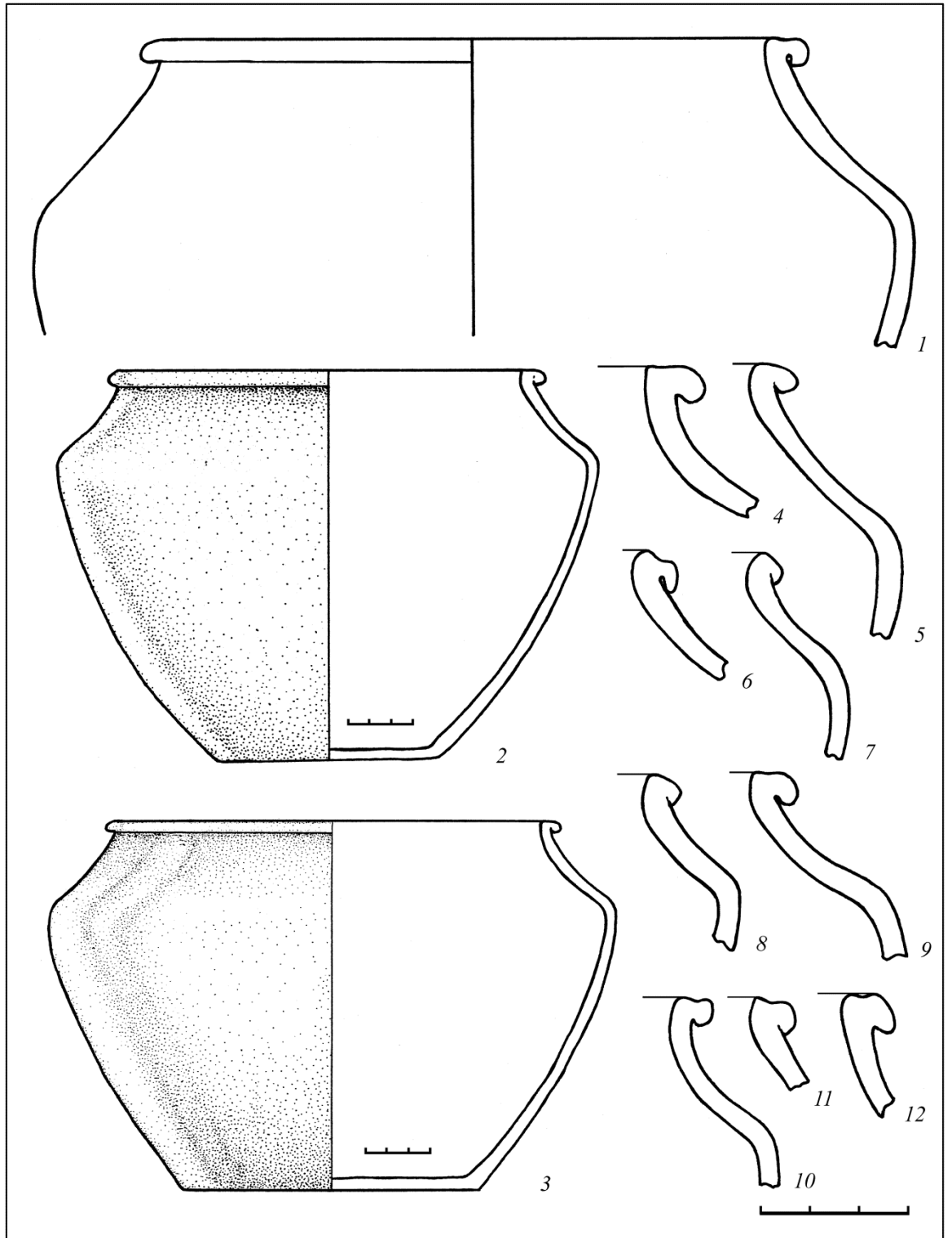

Рис. 169. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.1: 1–12. 1 – P1-1-4, 2 – P1-Я2-3, 3 – P1-Я2-3, 4 – P1-2-5Б, 5 – P1-Я2-3, 6 – P1-2-6, 7 – P2-Я2-1, 8 – P1-Я2-3, 9 – P3-4-8, 10 – P2-4-7, 11 – P2-1-1, 12 – P1-3-2.

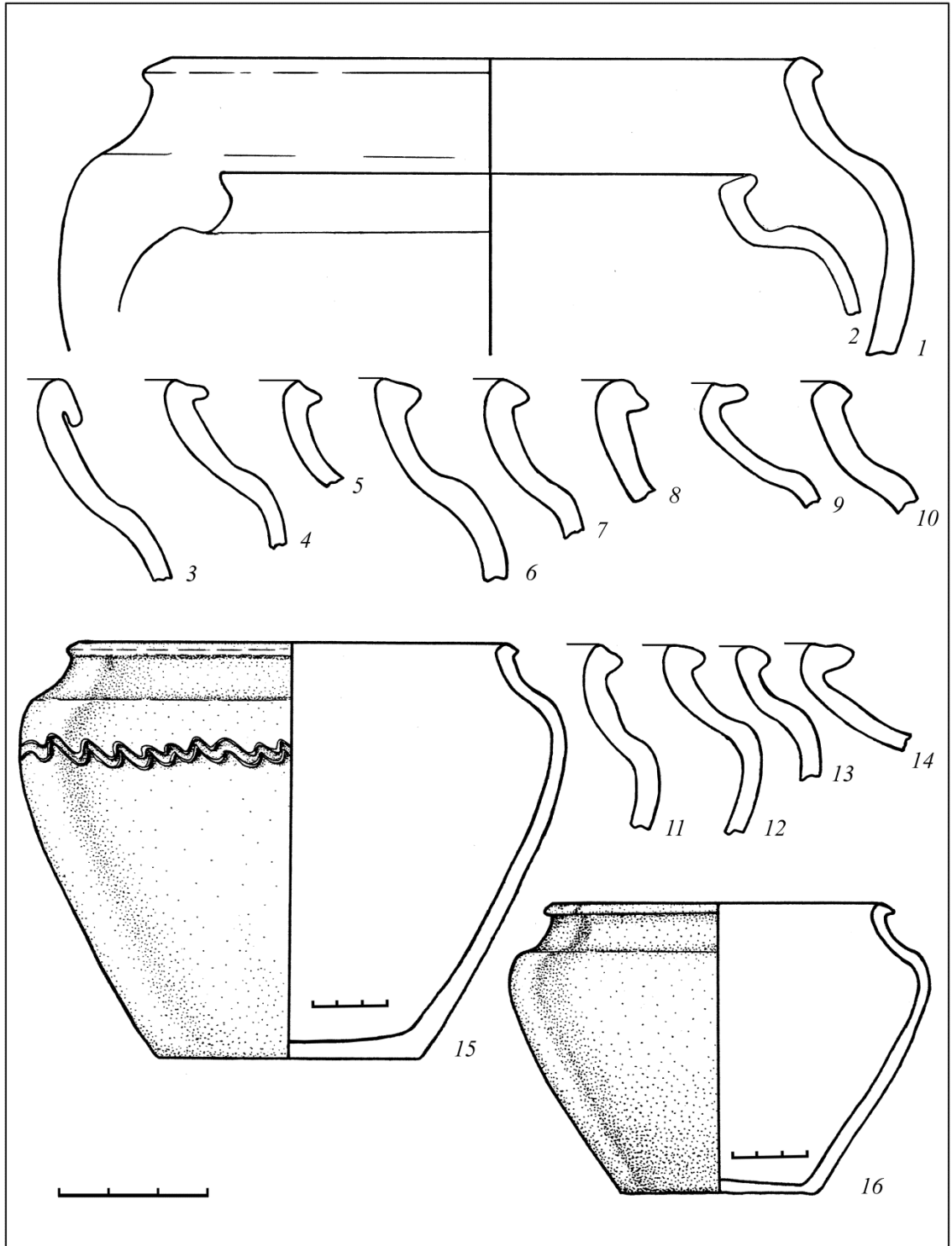

Рис. 170. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.2: 1–16. 1 – P1-1Б-(2а, 2б), 2 – P2-1-1, 3 – P3-К8, 4 – P1-Я1А-2, 5 – P1-1-5А, 6 – P2-4-4Б, 7 – P1-Я2-3, 8 – P1-3-10, 9 – P1-1-5А, 10 – P1-1Б-(2а, 2б), 11 – ПМ-2004, 12 – P1-1А-2, 13 – P1-1-1, 14 – P1-3-5А, 15 – P1-Я2-3, 16 – P1-Я2-3.

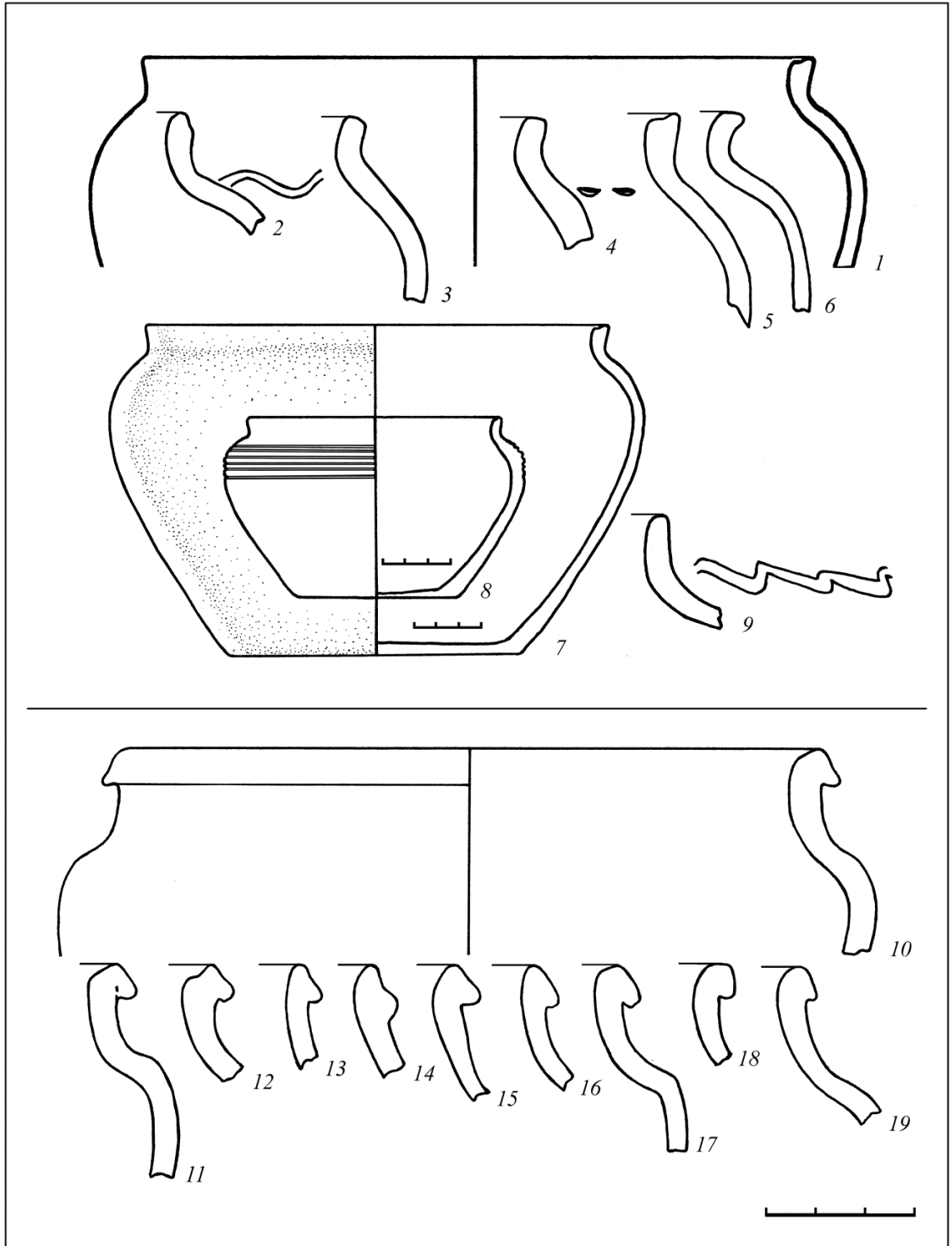

Рис. 171. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.3: 1–9. Тип 2.4: 10–19. 1 – P1-Я2-3, 2 – P1-3-5, 3 – P1-1-1, 4 – P1-3-1, 5, 6 – P2-1-1, 7 – P1-Я2-3, 8 – P2-Я1-1, 9 – P1-3-5, 10 – P1-2-5Б, 11 – P1-3-9, 12 – P1-3-10А, 13 – P1-3-2А, 14 – P1-2-5В, 15 – P1-2-4, 16 – P1-3-1Б, 17 – P2-4-9, 18 – P1-2-5В, 19 – P1-3-10Б.

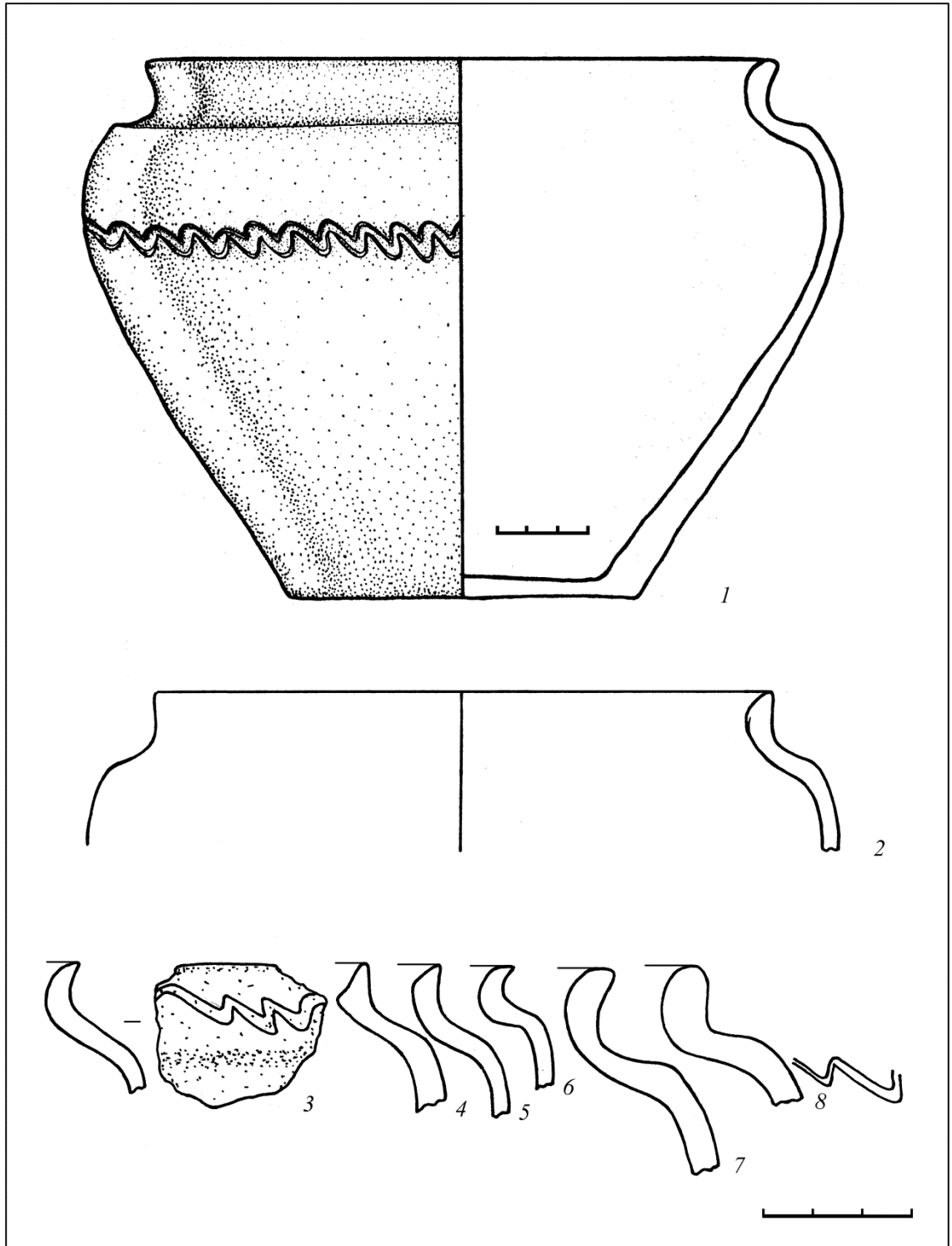

Рис. 172. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.5: 1–8. 1 – P1-K4, 2 – P1-Я1А-2, 3 – P1-1-6, 4 – P1-4-1, 5 – P1-Я1А-2, 6 – P1-2-1, 7 – P2-Я1-26, 8 – P3-3-2.

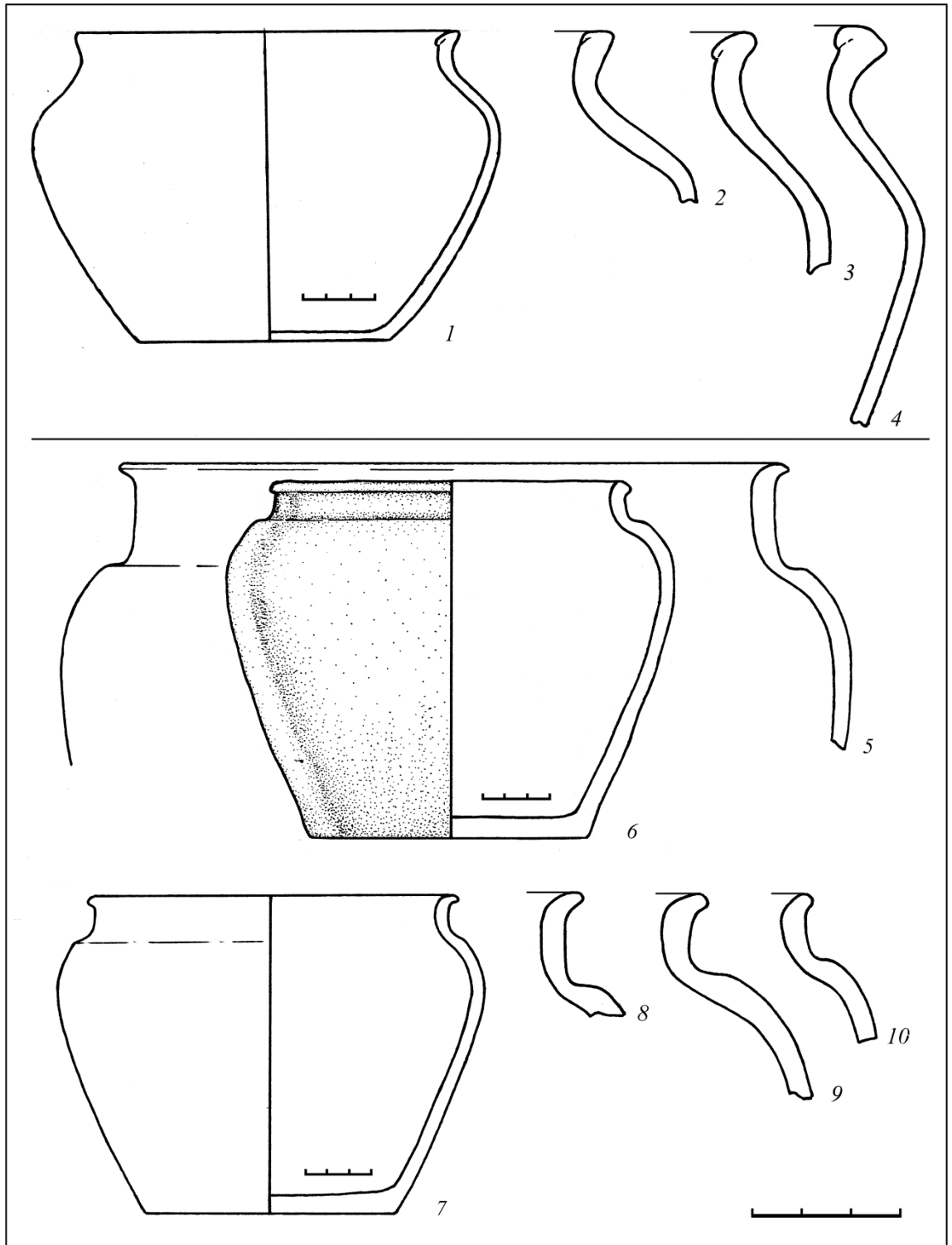

Рис. 173. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа П-3). Тип 3.1: 1–4. Тип 3.2: 5–10. 1 – P2-Я2-4, 2 – ПМ-2003, 3 – P2-Я2-4, 4 – PP2-Я2-3, 5 – P1-Я2-3, 6 – P1-ЯА1-2, 7 – P2-Я1-3, 8 – P1-1-3А, 9 – Ш2-4-2, 10 – P2-Я1-1.

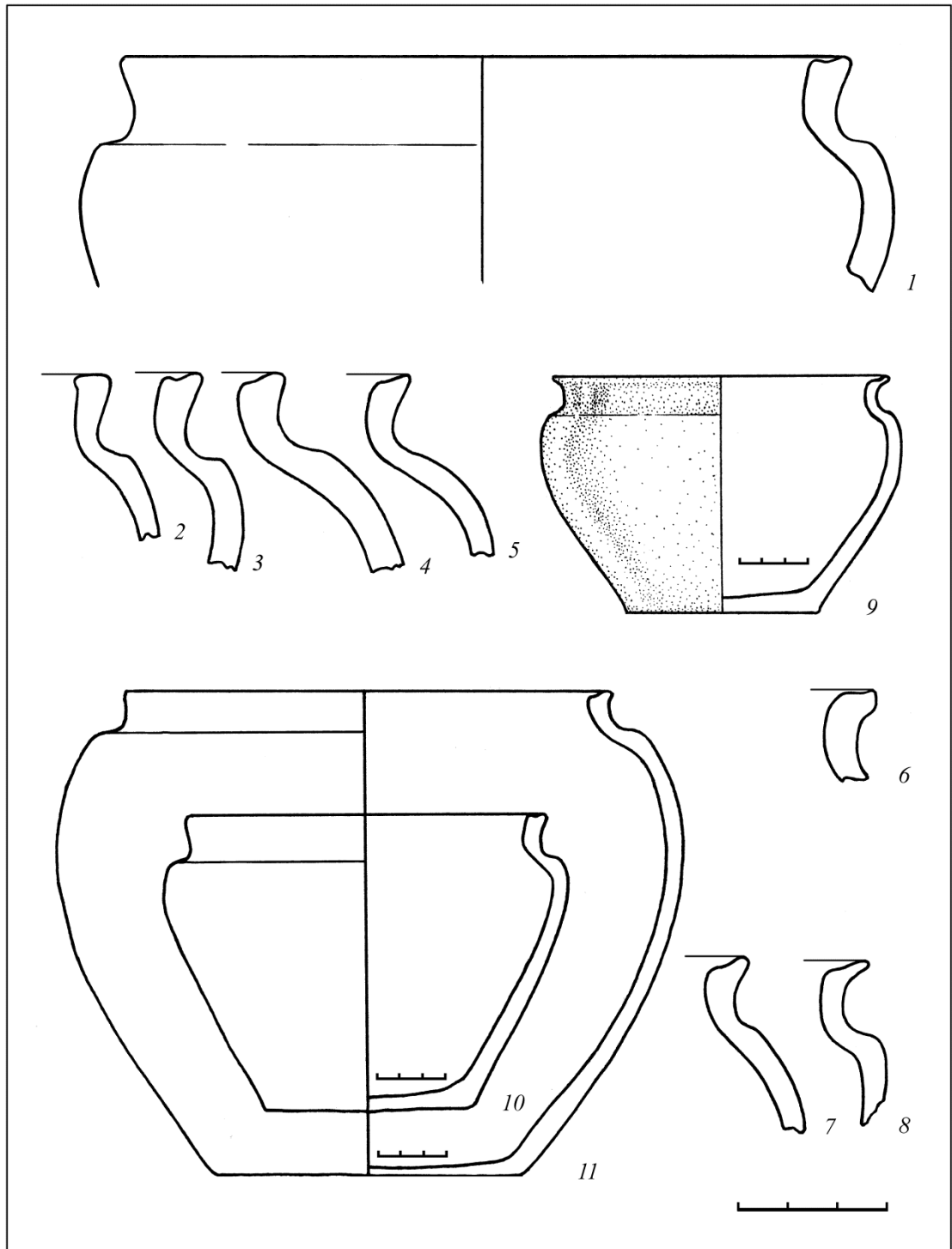

Рис. 174. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа П-3). Тип 3.3: 1–11. 1 – Ш2-(5, 6)-1, 2 – ПМ-2004, 3 – Р1-1-3, 4 – Ш2-4-1, 5, 6 – Р3-2-2, 7 – Р1-Я1А-1а, 8 – Р2-2-1, 9 – Р1-Я1Б-(2а, 2б), 10 – Ш2-(5, 6)-1, 11 – Р2-Я1-3.

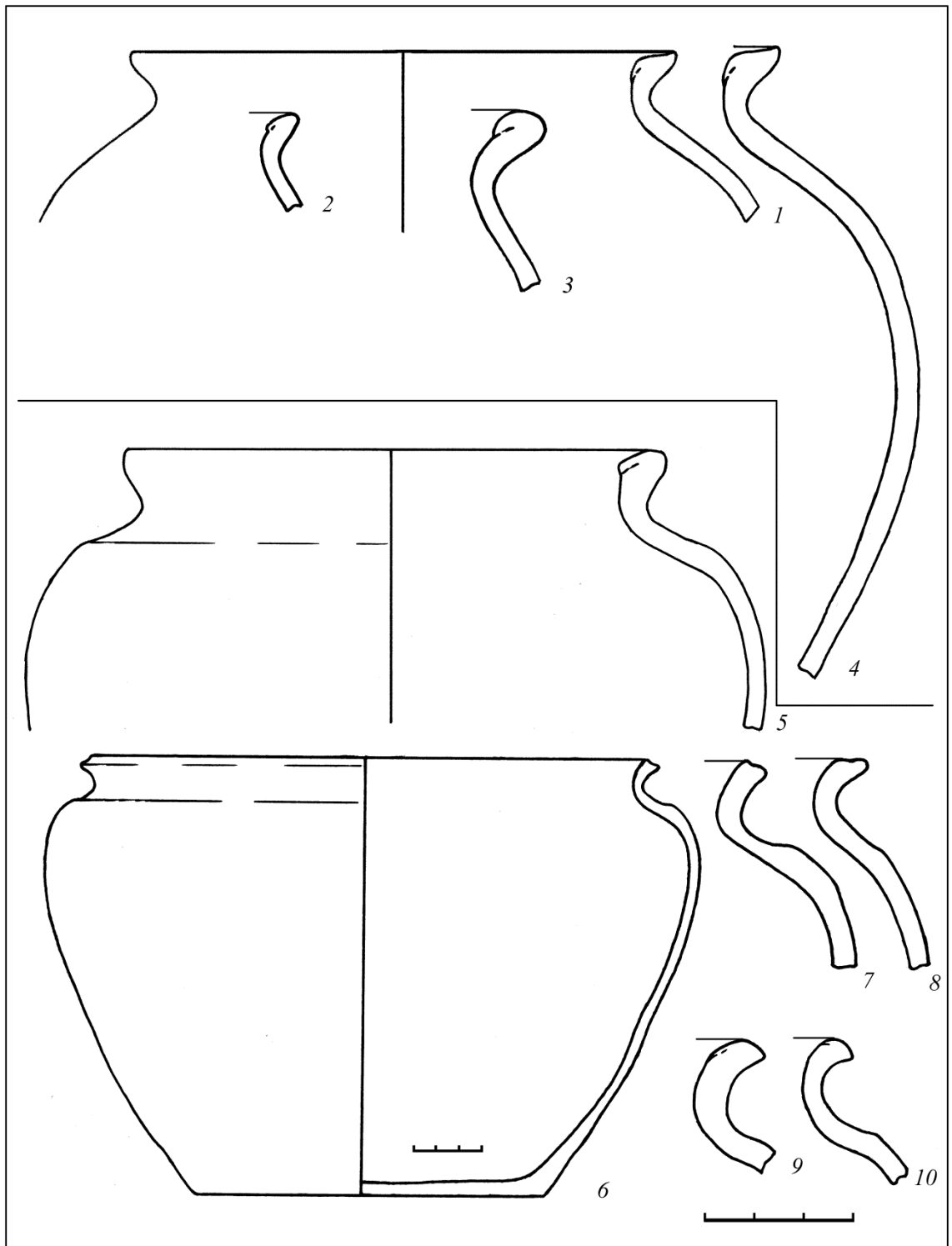

Рис. 175. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-3). Тип 3.4: 1–4. Тип 3.5: 5–10. 1 – P1-Я1А-1, 2 – P2-1-7, 3 – P2-3-8, 4 – P3-2-3, 5 – P1-Я2-3, 6 – P2-Я2-3, 7 – P1-3-8, 8 – P2-Я1-16, 9 – P1-Я2-3, 10 – P1-Я2-3.

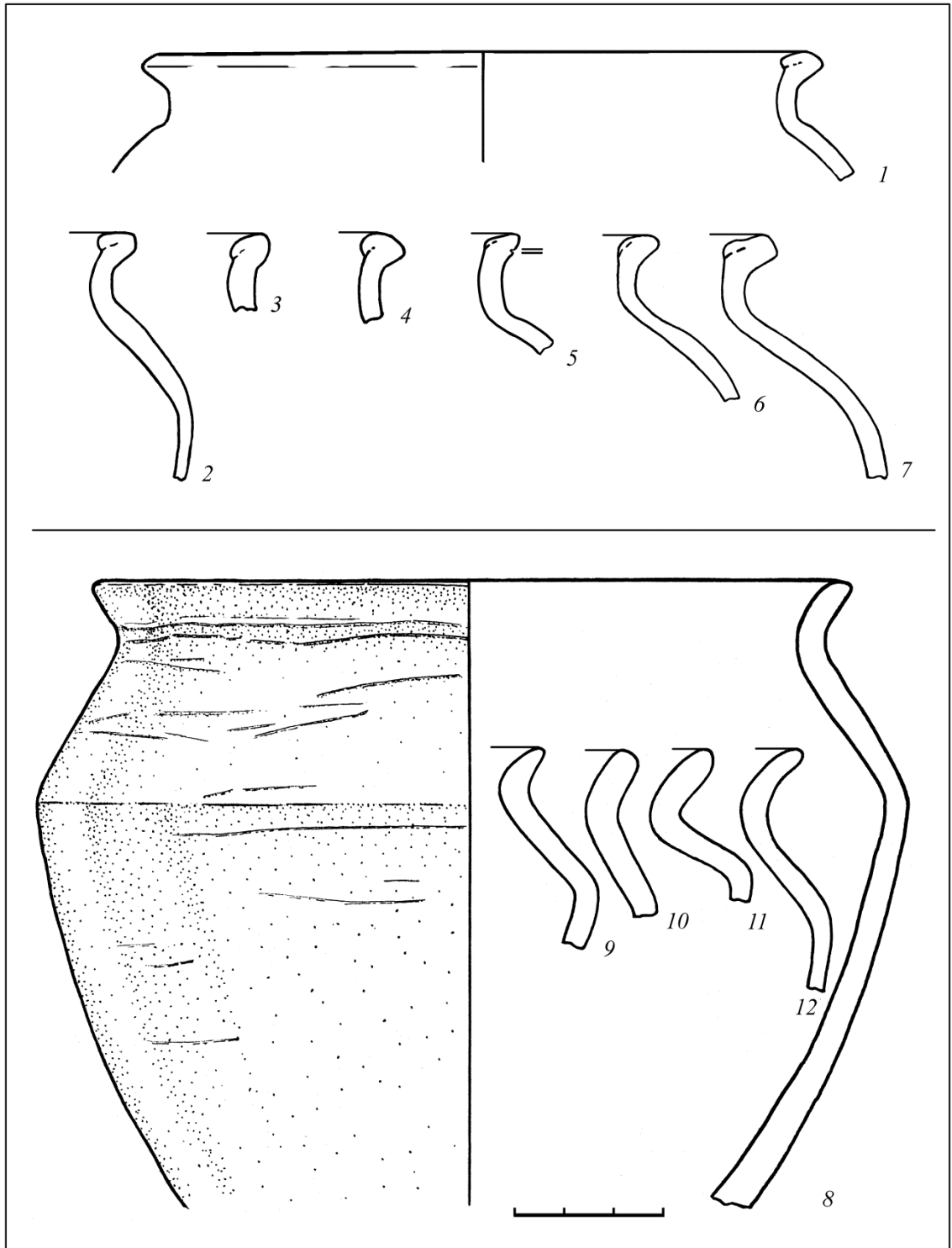

Рис. 176. Городище Городок. Венчики и реконструированные верхние части гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-3). Тип 3.6: 1–7. Тип 3.7: 8–12. 1 – P1-1-10А, 2 – P1-Я1В-2, 3 – P2-Я1В-1, 4 – P1-3-3, 5 – 7 – P2-Я2-2, 8 – P1-Я2-3, 9 – P3-1-6, 10 – P3-3-8, 11, 12 – ПМ-2004.

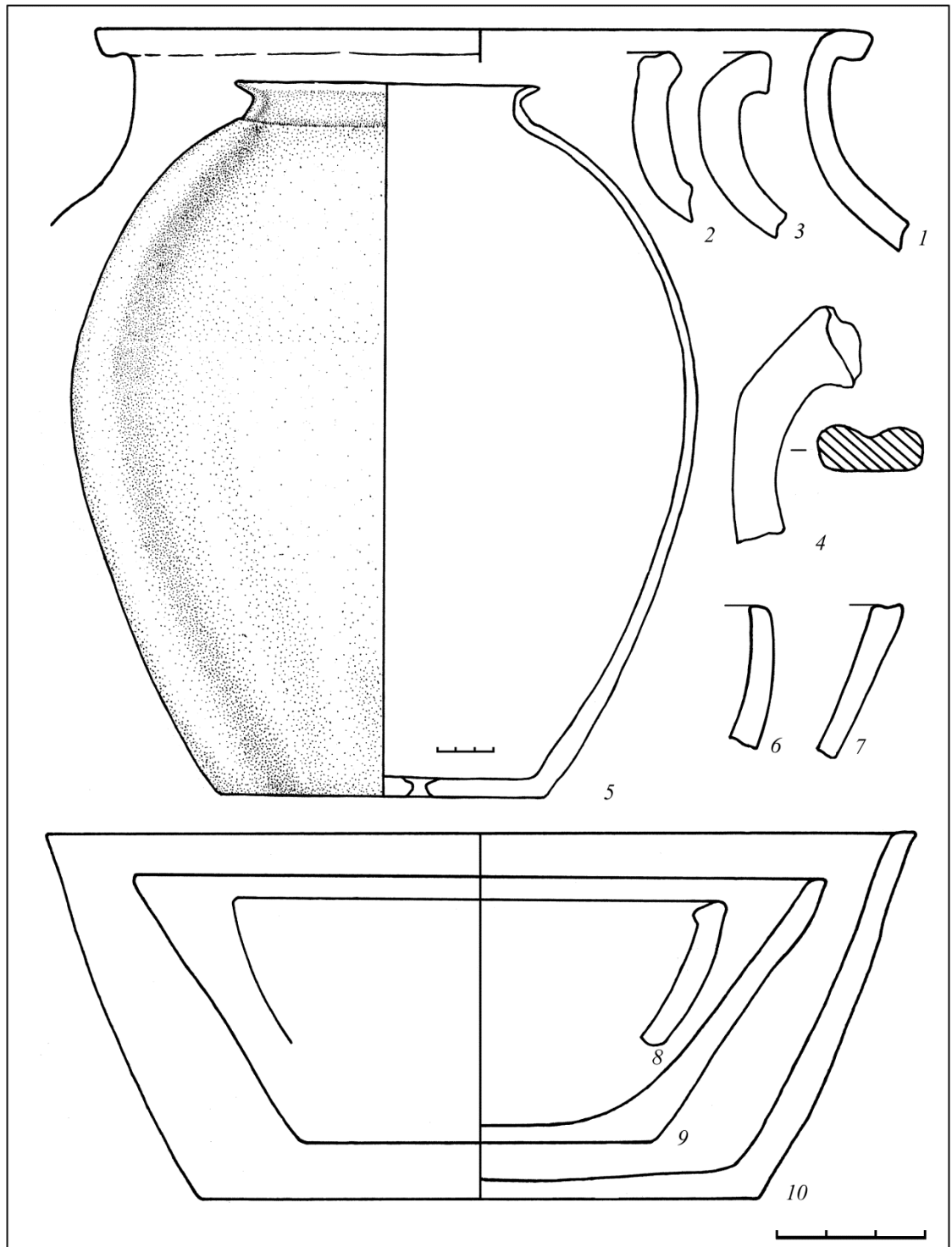

Рис. 177. Городище Городок. Красноглиняные сосуды редких форм и их фрагменты: корчаги (1–3, 5), миски (6–10), кувшин (4). 1 – Ш2-2-1, 2 – Р2-Я1-2, 3 – Р2-3-8, 4 – Ш2-3-2Б, 5 – Р1-Я1Б-(2а, 2б), 6 – Р3-2-1, 7 – Р1-Я1Б-(2а, 2б), 8 – Р1-Я2-(2, 2б), 9 – Р1-Я1А-1, 10 – Р2-Я1-2.

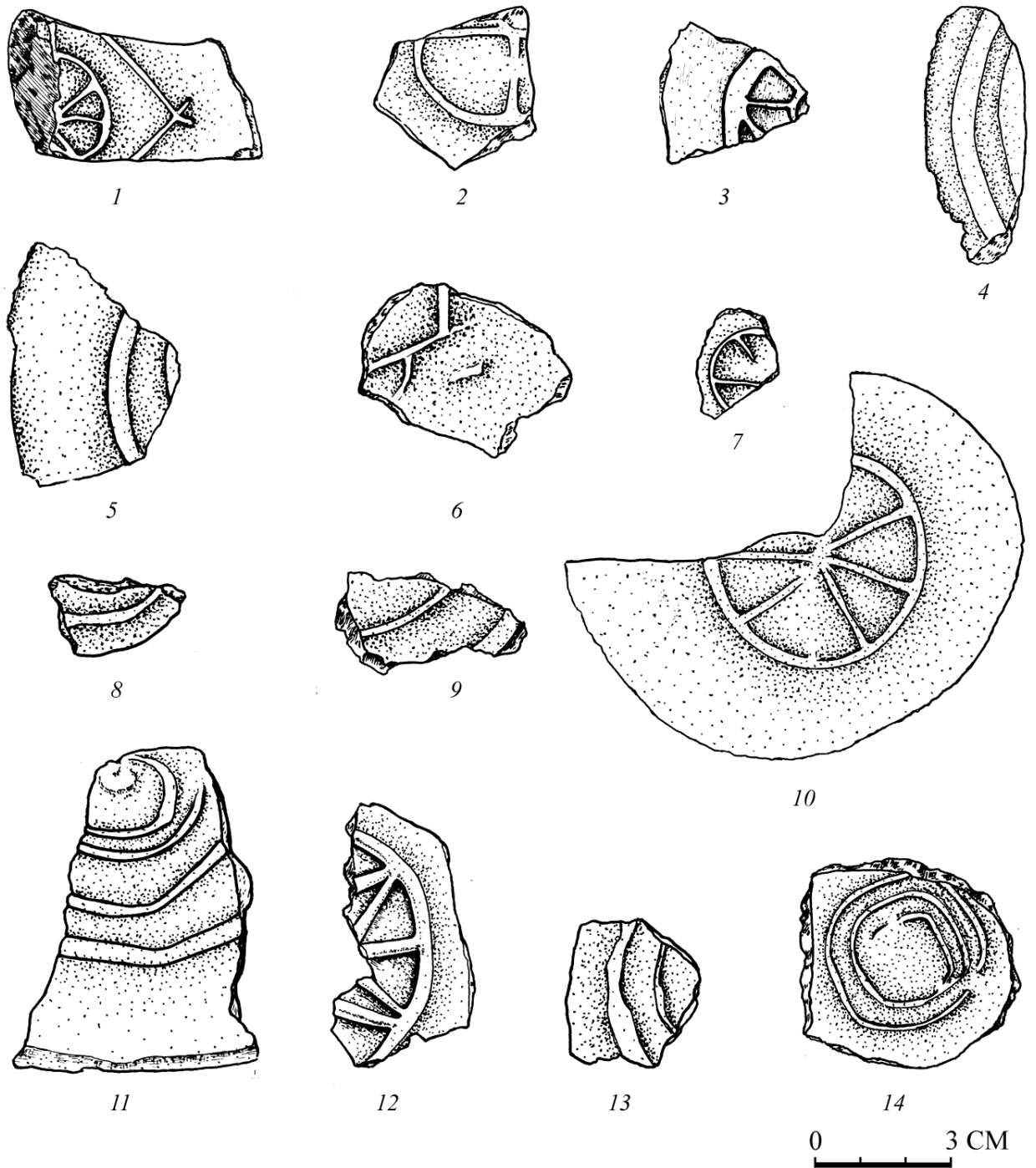

Рис. 178. Городище Городок. Гончарные клейма на фрагментах дниц красноглиняных сосудов с тонкими формовочными массами (1–14). 1 – P1-2-10Б, 2 – P1-2-7, 3 – P1-Я2-3, 4 – P2-Я2-2а, 5 – P2-3-4, 6 – P3-3-6, 7 – P1-2-5А, 8 – P3-2-1А, 9 – P3-Я1, 10 – P3-3-6, 11 – P1-Я2-2б, 12 – P1-3-9, 13 – P3-2-5, 14 – P3-К8.

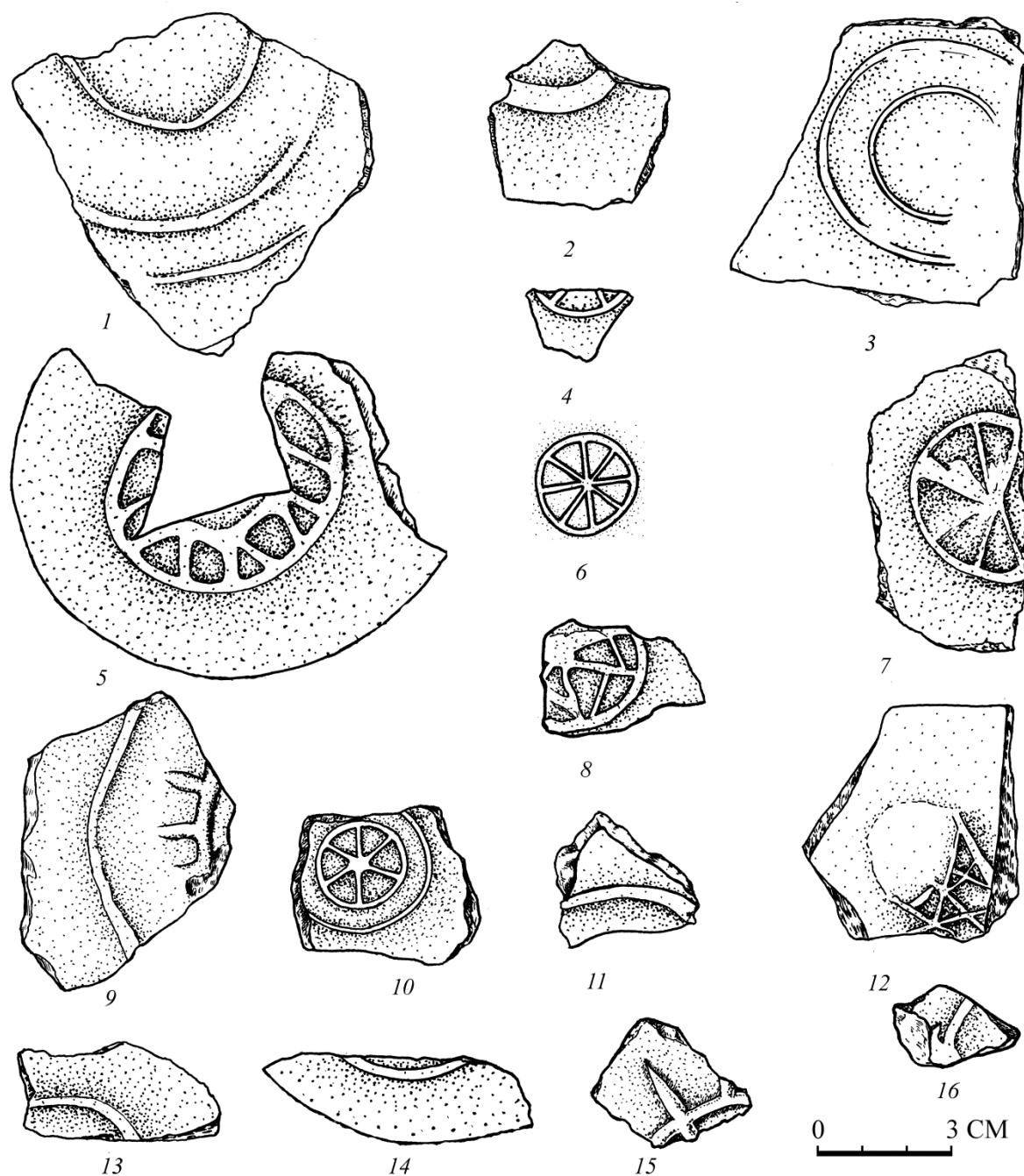

Рис. 179. Городище Городок. Гончарные клейма на фрагментах дниц красноглиняных сосудов с примесью частого мелкозернистого песка (6, 8, 9, 11–16), крупнозернистого песка (1), редкой (3–5) и частой (2, 7, 10) дресвы в формовочной массе. 1 – P1-2-5B, 2 – P2-Я2-2а, 3 – P2-4-9, 4 – P2-Я2-2а, 5 – P2-Я1-(1а, 1б, 2), 6 – P2-Я1-1, 7 – P3-3-5, 8 – P1-Я1Б-2а, 9 – P1-3-3А, 10 – P2-Я2-2, 11 – P2-4-4, 12 – P1-2-10А, 13 – P3-3-7, 14 – P2-Я1-2, 15 – P1-3-3А, 16 – P1-Я1Б-1а.

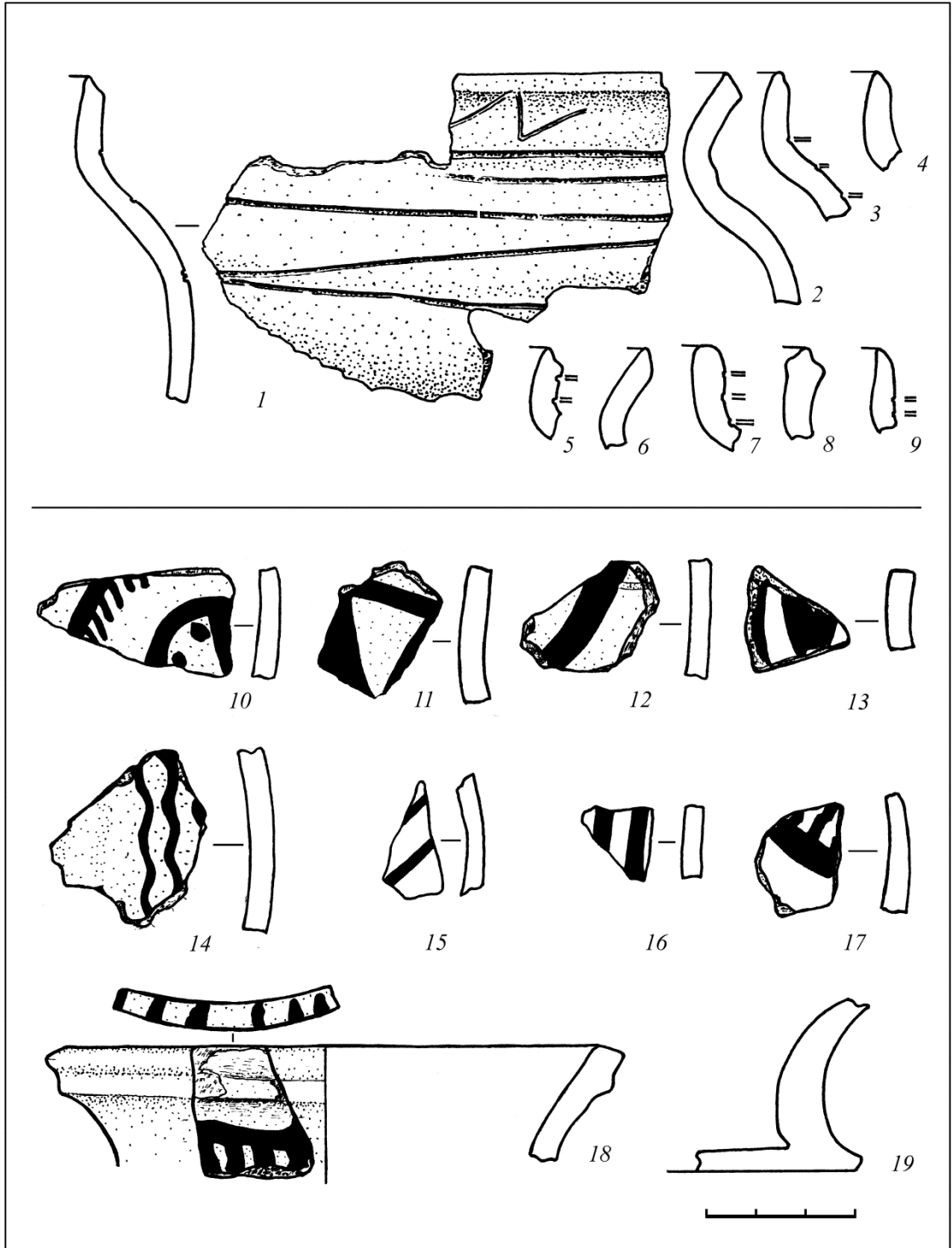

Рис. 180. Городище Городок. Фрагменты венчиков (1–9, 18), стенок (10–17) и днищ (19) красноглиняных ангобированных сосудов без росписи (1–9) и с росписью охрой (10–19). 1 – P2-2-4, 2 – P2-4-7, 3 – P2-1-2, 4 – P2-3-2, 5 – P2-1-1, 6 – P3-1-4, 7 – P1-2-2A, 8 – P1-Я1B-2, 9 – P3-5-10, 10 – P1-3-1, 11 – P1-3-4, 12 – P1-1-2A, 13 – P1-2-3, 14 – P2-Я1-3, 15 – P2-3-8, 16 – P2-2-3, 17 – P1-2-3, 18 – P1-1-1, 19 – Ш2-4-1.

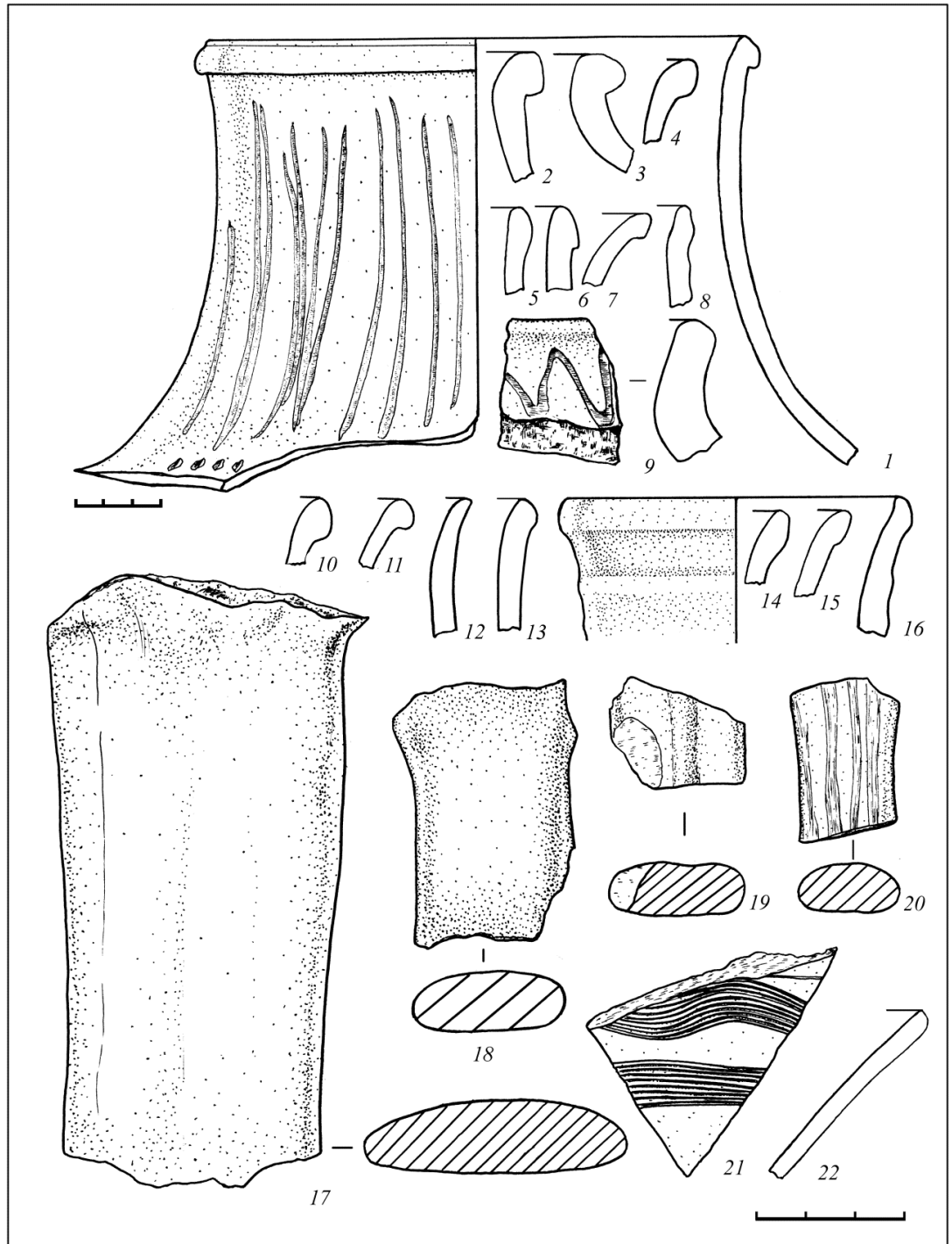

Рис. 181. Городище Городок. Фрагменты краснолощённых сосудов. Формовочная масса без визуально-фиксируемых примесей: 1, 6–9, 12–15, 20, 22; с концентрированной примесью мелкозернистого песка (с зерном до 0,5 мм): 2–4, 10, 11, 17–19, 21; с добавкой среднезернистого песка (с зерном до 1 мм): 5, 16. 1 – P2-Я1-2б, 2 – P3-3-1, 3 – Ш2-5-2Б, 4 – P2-1-4, 5 – P3-3-3, 6 – P3-2-4, 7 – P3-3-7, 8 – P3-2-6, 9 – Ш2-1, 10 – P1-2-2А, 11 – P1-2-4А, 12 – P1-Я2-3, 13 – P3-3-7, 14 – P1-2-2А, 15 – P1-2-2, 16 – P2-Я1-2б, 17 – P1-Я2-3, 18 – P3-2-6, 19 – P1-Я2-2, 20 – P1-Я2-3, 21 – P1-Я2-3, 22 – P3-3-5.

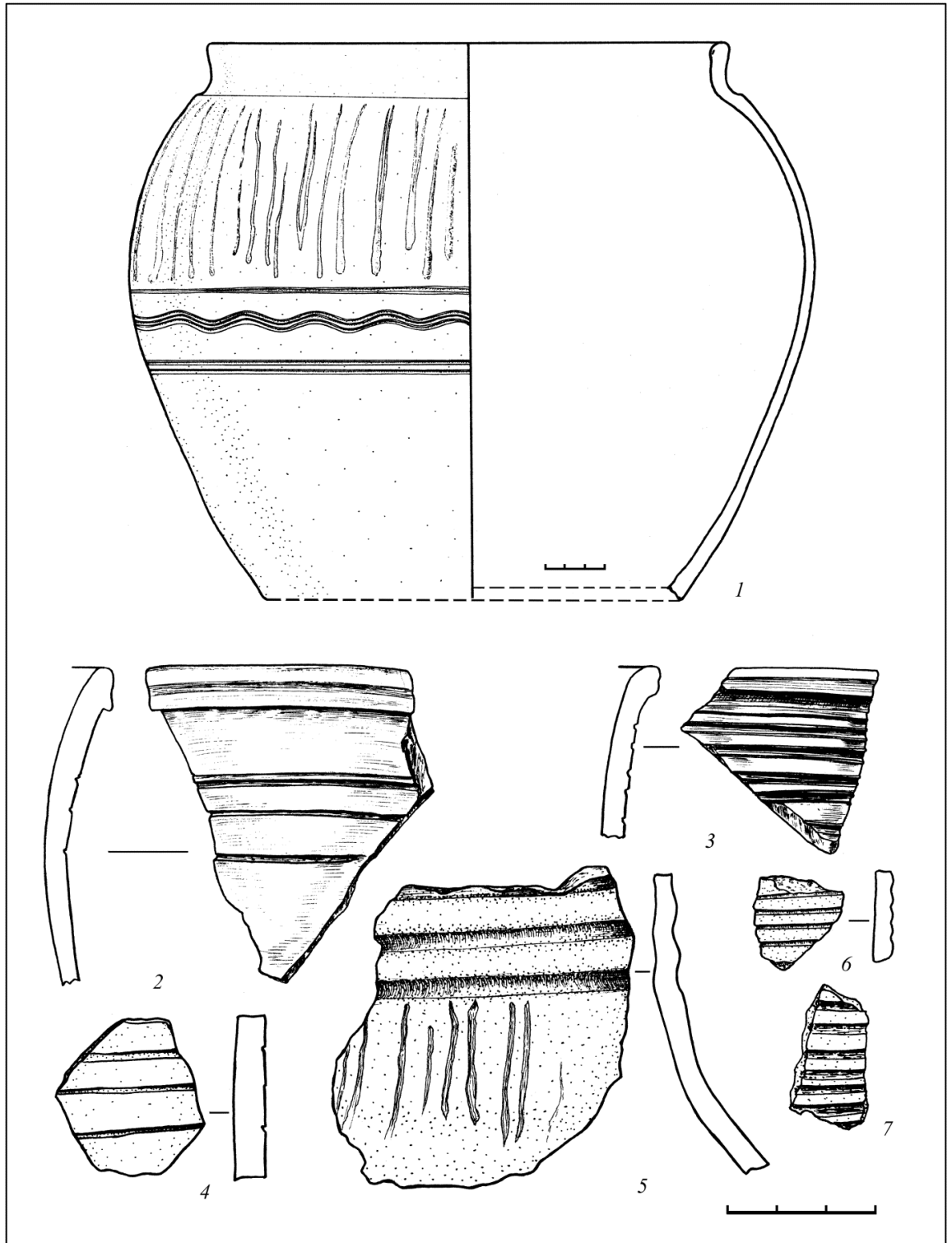

Рис. 182. Городище Городок. Фрагменты красноощёных сосудов. Формовочная масса без визуально-фиксируемых примесей: 2, 3, 6, 7; с концентрированной примесью мелкозернистого песка (с зерном до 0,5 мм): 1, 4; с добавкой среднезернистого песка (с зерном до 1 мм): 5. 1 – P2-Я2-2а; P2-Я1-(1, 1а); P2-(1-3)-(3-7), 2 – P1-2-5Б, 3 – P1-2-10А, 4 – P3-3-7, 5 – P3-4-10, 6, 7 – P1-Я2-3.

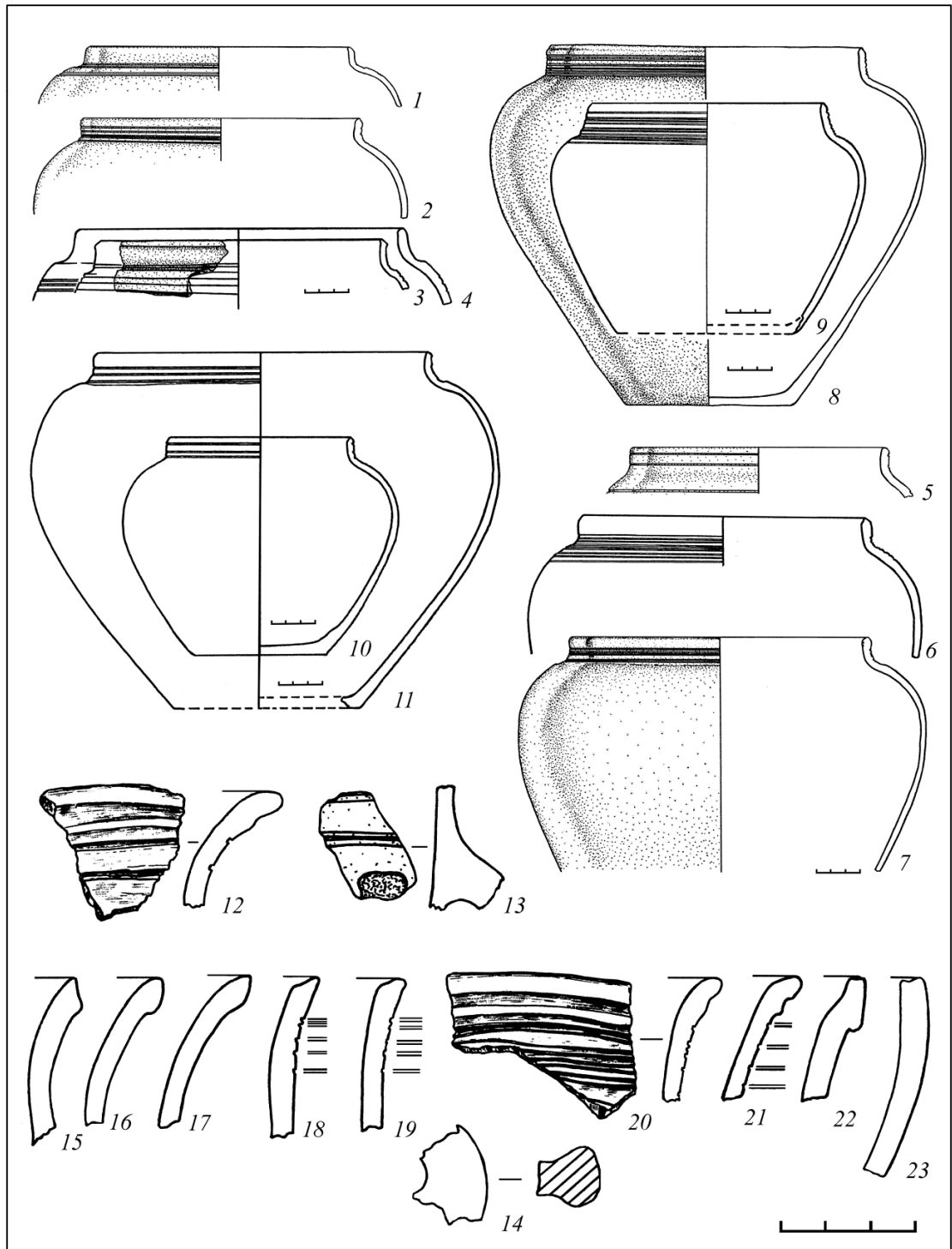

Рис. 183. Городище Городок. Реконструированные формы белоглиняных сосудов без примесей в формовочной массе и их фрагменты. Горшки: 1–11. Крынкообразные сосуды и кувшины: 12–22. Миски: 23. 1 – P1-2-10А, 2 – P2-Я1-2, 3 – P1-Я2-3, 4 – P2-Я1-2, 5 – P1-2-9, 6 – P2-3-(2, К6), 7 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 8 – P1-Я1Б-(2а, 2б), 9 – P2-Я1-2, 10 – P2-Я1-3, 11 – P2-Я1-3, 12 – P1-3-10Б, 13 – P3-4-8, 14 – P2-Я2-1, 15 – P3-2-5, 16 – P3-4-9, 17 – P3-4-9, 18 – P3-4-9, 19 – P3-4-9, 20 – P1-3-10Б, 21 – P3-4-9, 22 – P1-Я2-1, 23 – P2-Я2-1.

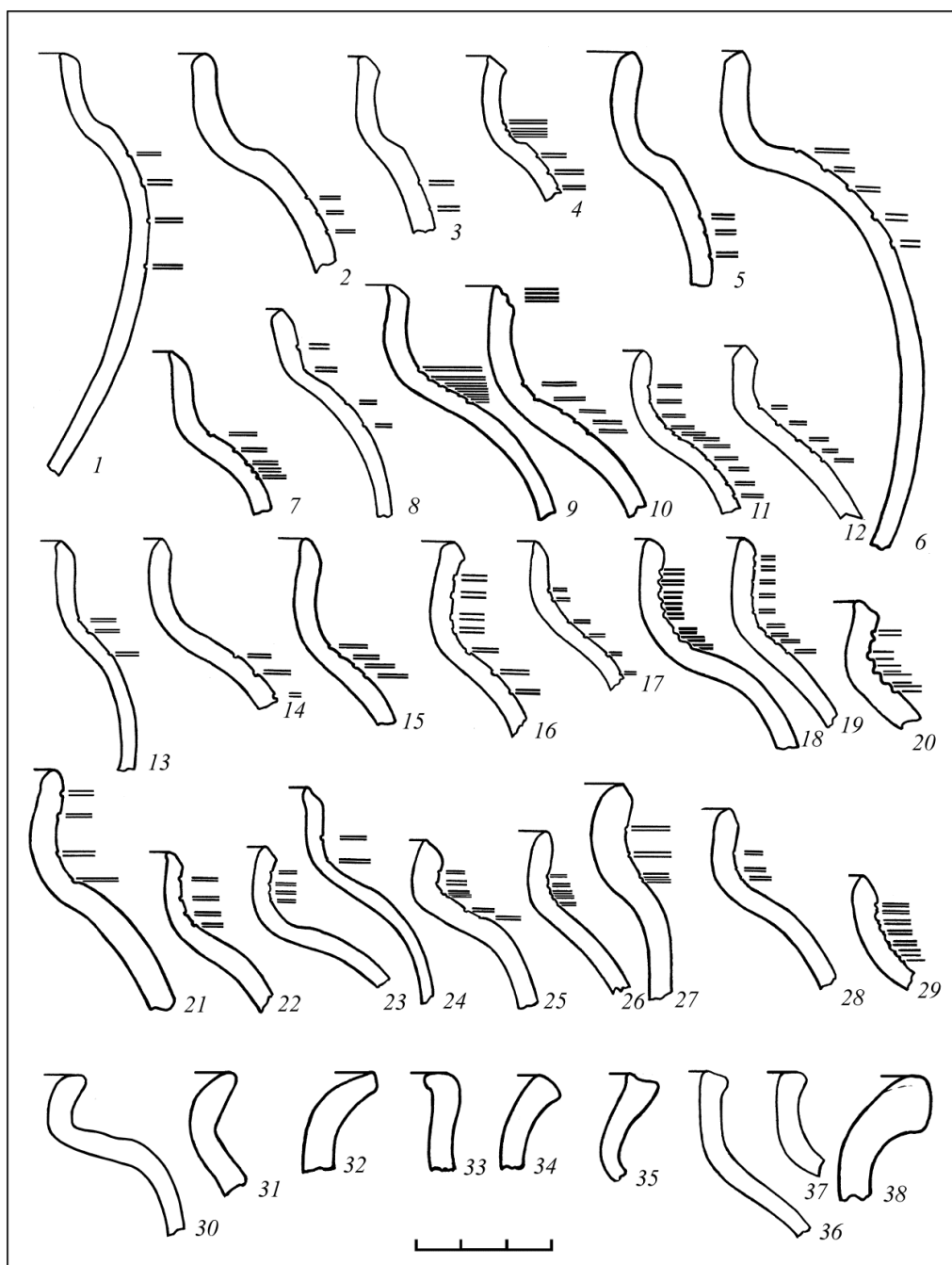

Рис. 184. Городище Городок. Венчики белоглиняных сосудов без примесей (1–29) и с крупнозернистыми добавками (30–38) в формовочной массе. Примесь песка: 30–32. Примесь дресвы: 33–38. 1 – Р1-Я2-3, 2 – Р3-Я2, 3 – Р2-Я1-1а, 4 – Р1-Я2-3, 5 – Р3-Я2, 6 – Р2-Я1-3, 7 – Р2-2-1Б, 8 – Р2-Я1-3, 9 – Р3-2-2, 10 – ПМ-2003, 11 – Р2-Я9, 12 – Р2-Я1-26, 13 – Р1-Я2-1, 14 – Р2-Я1-3, 15 – Р3-4-9, 16 – ПМ-2003, 17 – Р1-1-3, 18 – Ш2-2-2Б, 19 – Ш2-Я1, 20 – Р2-Я1-1, 21 – Р3-3-2, 22 – Р2-3-4Б, 23 – Р2-Я1-1, 24 – Р2-Я1-3, 25 – Р2-Я1-1, 26 – Р1-1-5, 27 – ПМ-2004, 28 – Р1-Я2-1, 29 – Р2-Я1-1а, 30 – Ш2-6-2В, 31, 32 – ПМ-2004, 33 – Р3-2-5, 34 – Р3-2-4, 35 – Р3-2-1, 36 – Ш2-2-2, 37 – Р2-Я1-1, 38 – Р3-3-2.

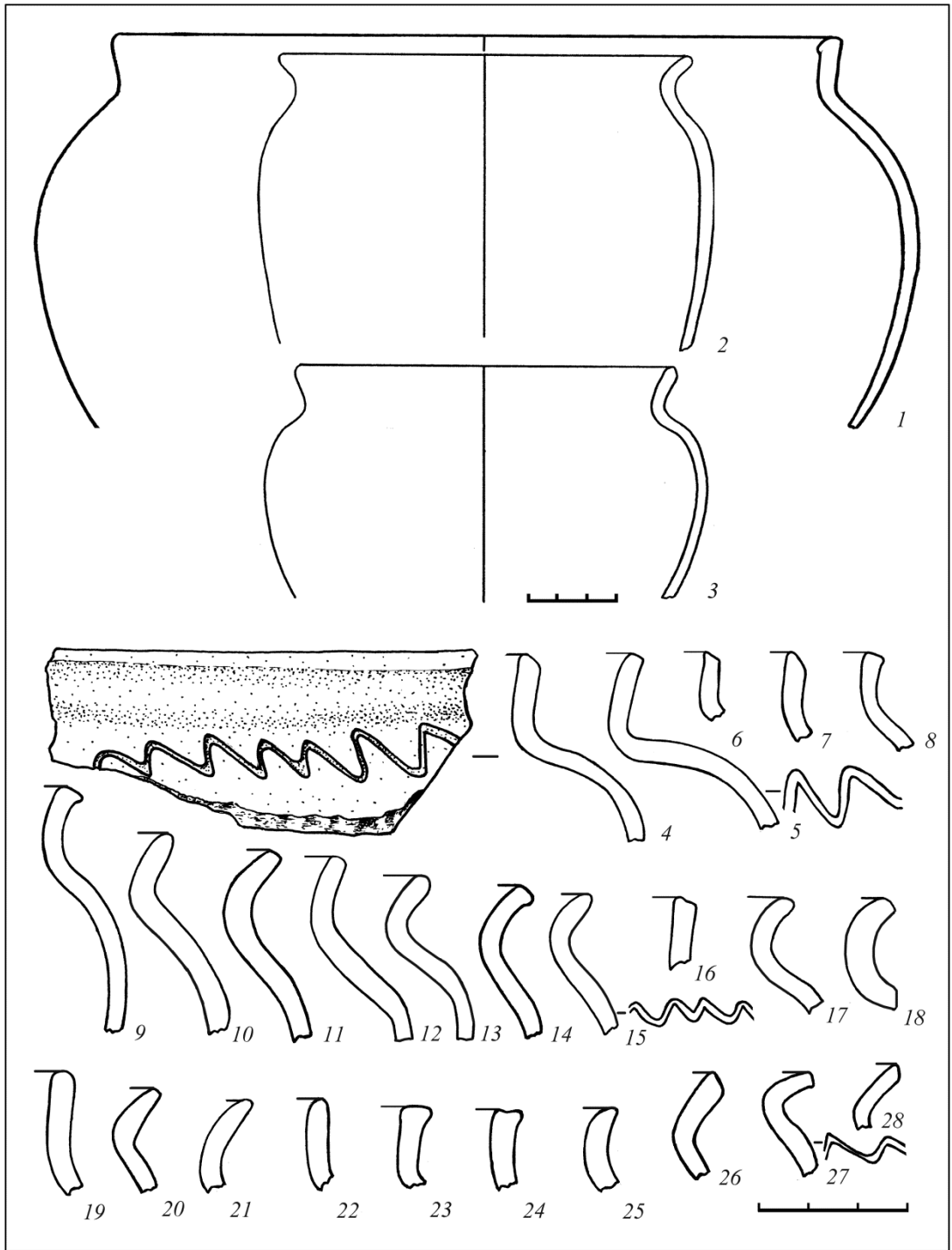

Рис. 185. Городище Городок. Венчики белоглиняных сосудов с частой примесью мелкозернистого песка в формовочной массе (подгруппа V-2).

1 – P2-Я9; 2, 3, 4 – Ш2-Я1; 5 – P3-3-7, 6 – P3-2-1Б, 7 – P3-3-5, 8 – P3-6-9, 9 – Ш2-2-2, 10 – P1-3-5В, 11 – P1-3-2А, 12 – P1-Я2-1, 13 – P1-Я2-1, 14 – P1-Я1А-2; 15, 16 – P1-3-10Б; 17 – P1-3-3А, 18 – P2-Я1-2б, 19 – P3-2-1Б, 20 – ПМ-2004, 21 – Ш1-Я1, 22 – P3-3-6, 23 – P3-6-9, 24 – P3-2-6Б, 25 – P3-2-10, 26 – P3-2-1Б, 27 – P3-4-2, 28 – P1-Я2-1.

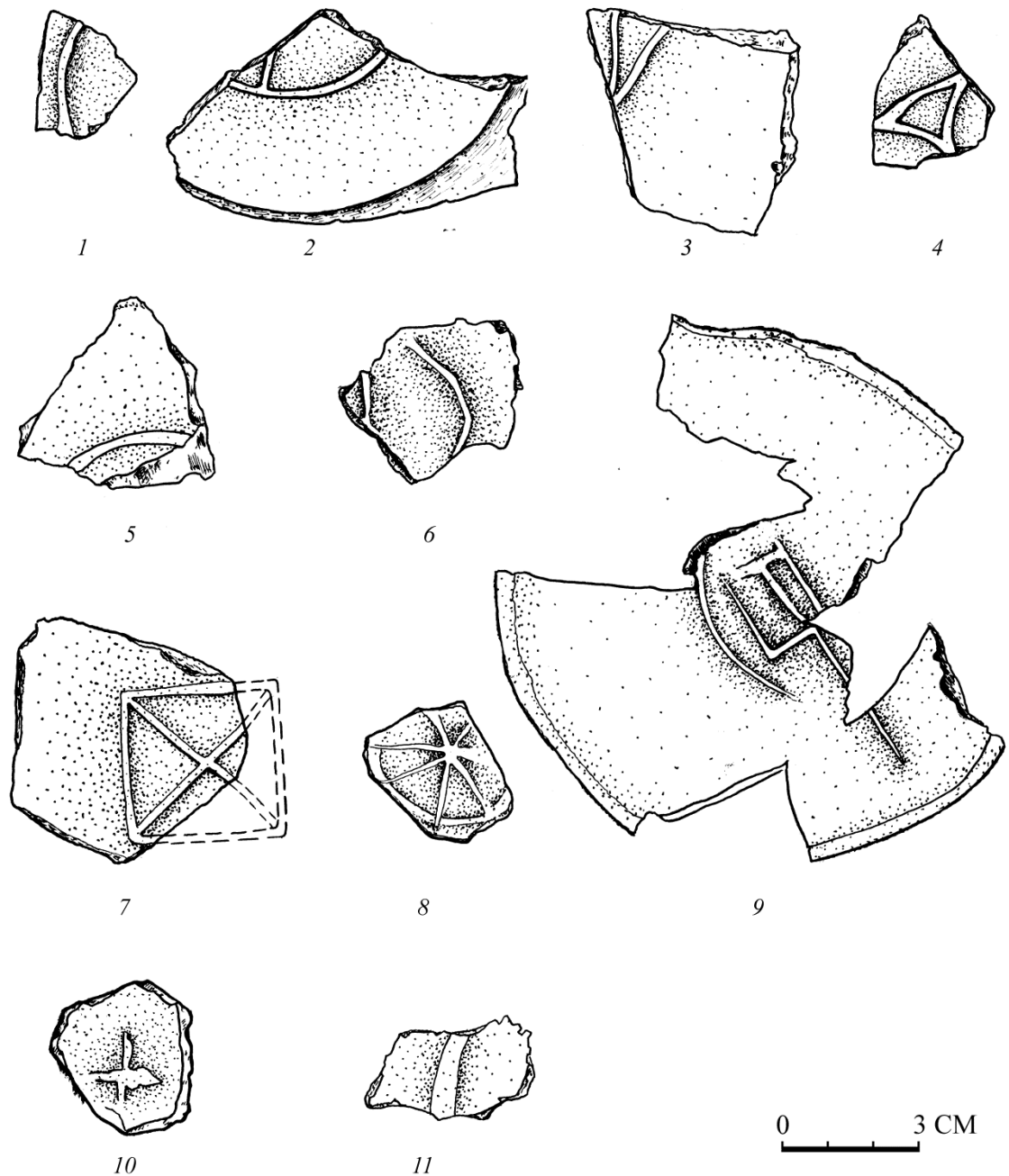

Рис. 186. Городище Городок. Гончарные клейма на фрагментах днщ белоглиняных сосудов с тонкими формовочными массами (подгруппа V-1: 1-6, 11) и с частой примесью мелкозернистого песка (подгруппа V-2: 7-10).

1 – P1-3-5, 2 – P1-Я2-1, 3 – P1-4-1, 4 – P1-Я2-1, 5 – P2-4-4Б, 6 – P2-Я1-1а, 7 – Ш2-6-2А, 8 – Ш2-5-1, 9 – P2-Я1-1а, 10 – P1-Я1Б-2а, 11 – P3-4-10.

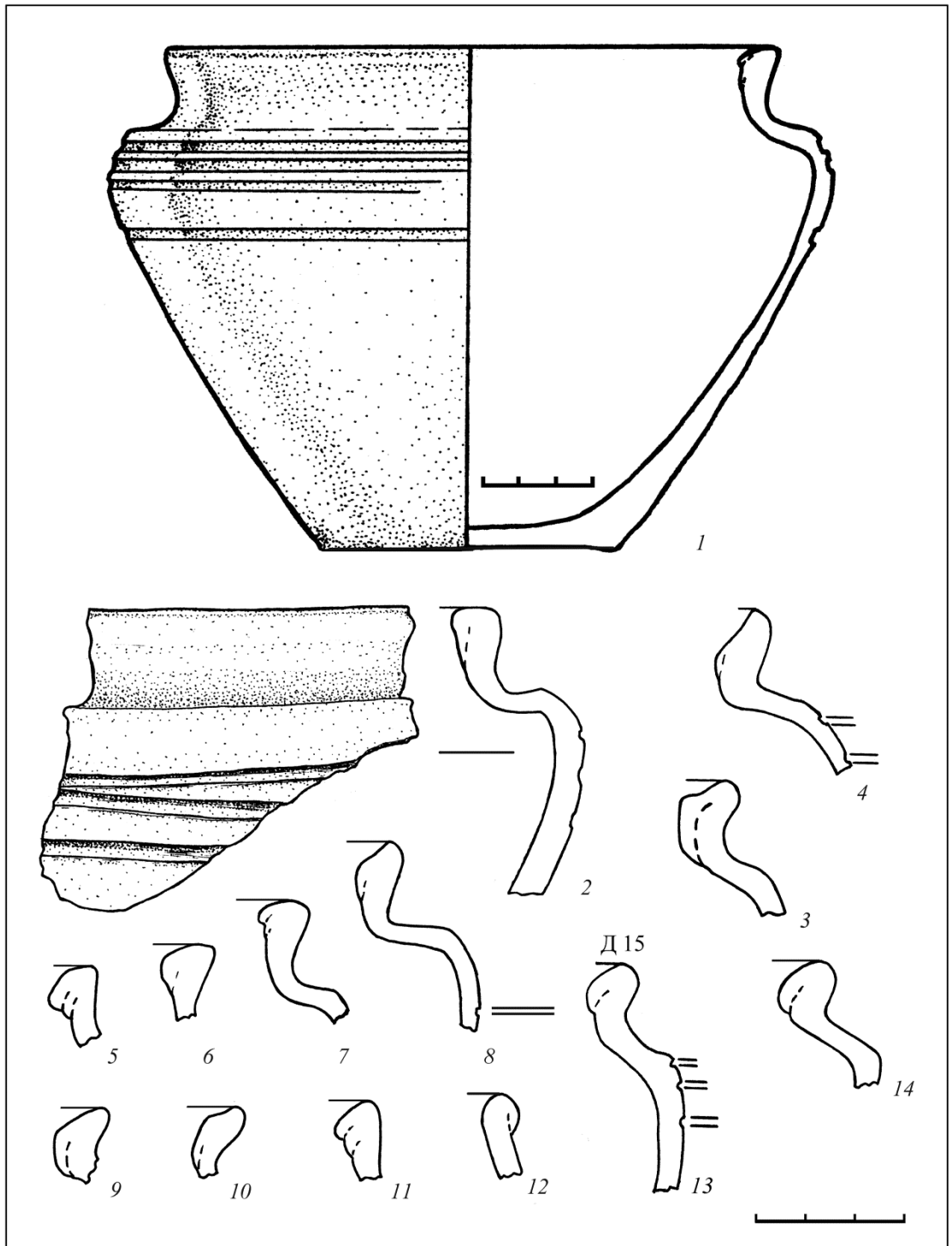

Рис. 187. Городище Городок. Ангобированный сосуд из смеси красно- и белоглазующихся глин (1) и венчики (2–14) белоглиняных сосудов с примесью песка в формовочной массе (подгруппа V-3). 1 – P1-Я2-3, 2 – P1-Я2-3, 3 – P3-3-10, 4 – P1-Я1Б-1, 5 – P3-3-4, 6 – P3-К8, 7 – P1-2-2, 8 – P1-Я2-2, 9 – P2-4-6, 10 – P1-2-3, 11 – P3-3-16, 12 – P3-4-8, 13 – P1-Я1А-2, 14 – P3-К8.

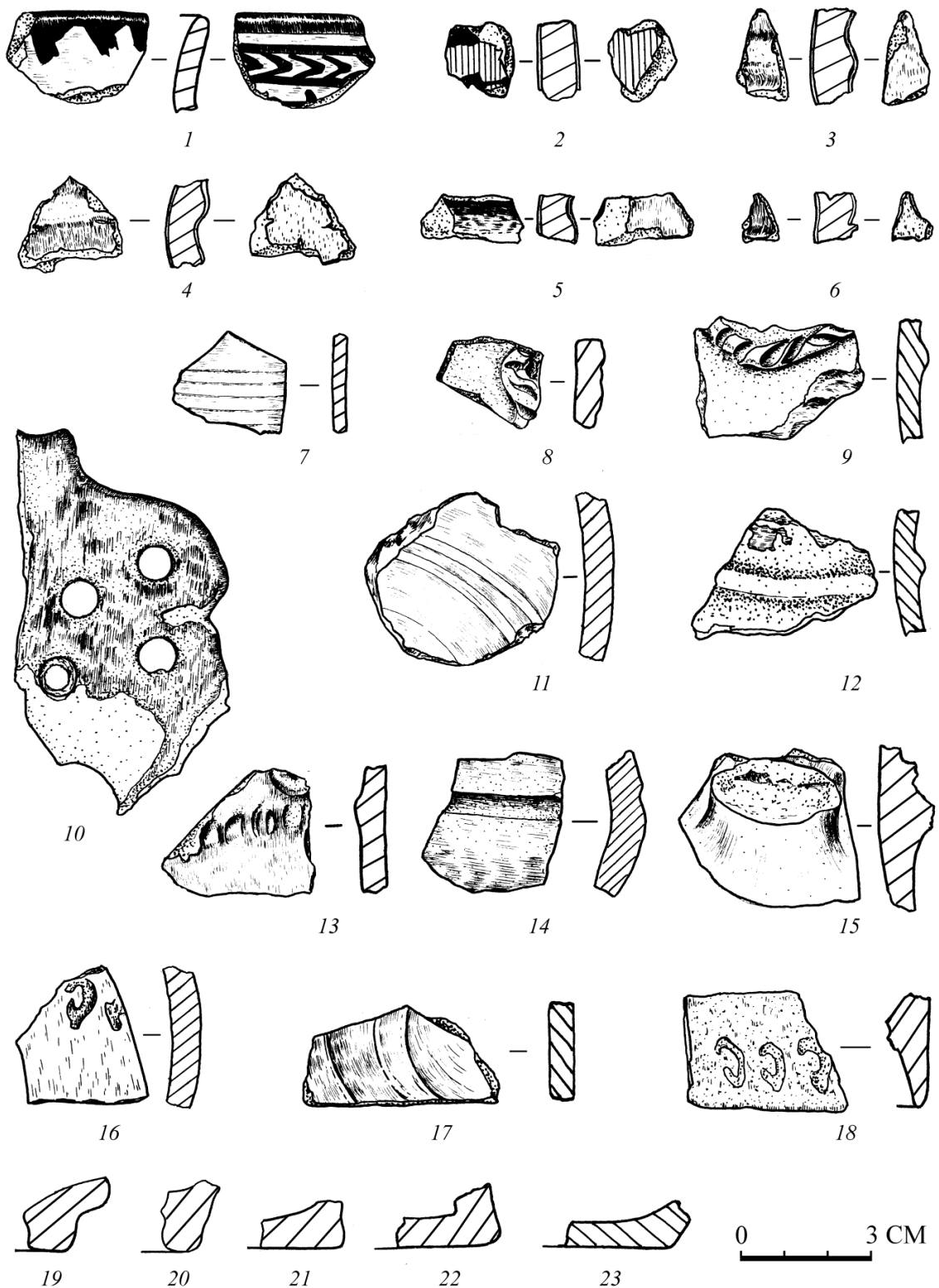

Рис. 188. Городище Городок. Фрагменты поливных сосудов из обычного глинистого сырья (8–23), кашина (1–6), фарфора (7). 1 – P1-Я2-1, 2 – P2-Я1-1, 3 – P2-Я2-2, 4 – P2-Я2-3, 5 – P2-Я2-3, 6 – P2-Я2-3, 7 – P1-2-5В, 8 – P1-2-2, 9 – P1-3-2А, 10 – P1-1-10, 11 – P1-3-5Д, 12 – Ш2-Я1, 13 – P1-Я2-26, 14 – P1-1-10, 15 – P1-Я2-2, 16 – P1-К4, 17 – P2-Я10-2, 18 – P3-5-10, 19 – P1-2-2, 20 – P1-1-5, 21 – P1-2-9, 22 – P1-Я2-2, 23 – P2-К6.

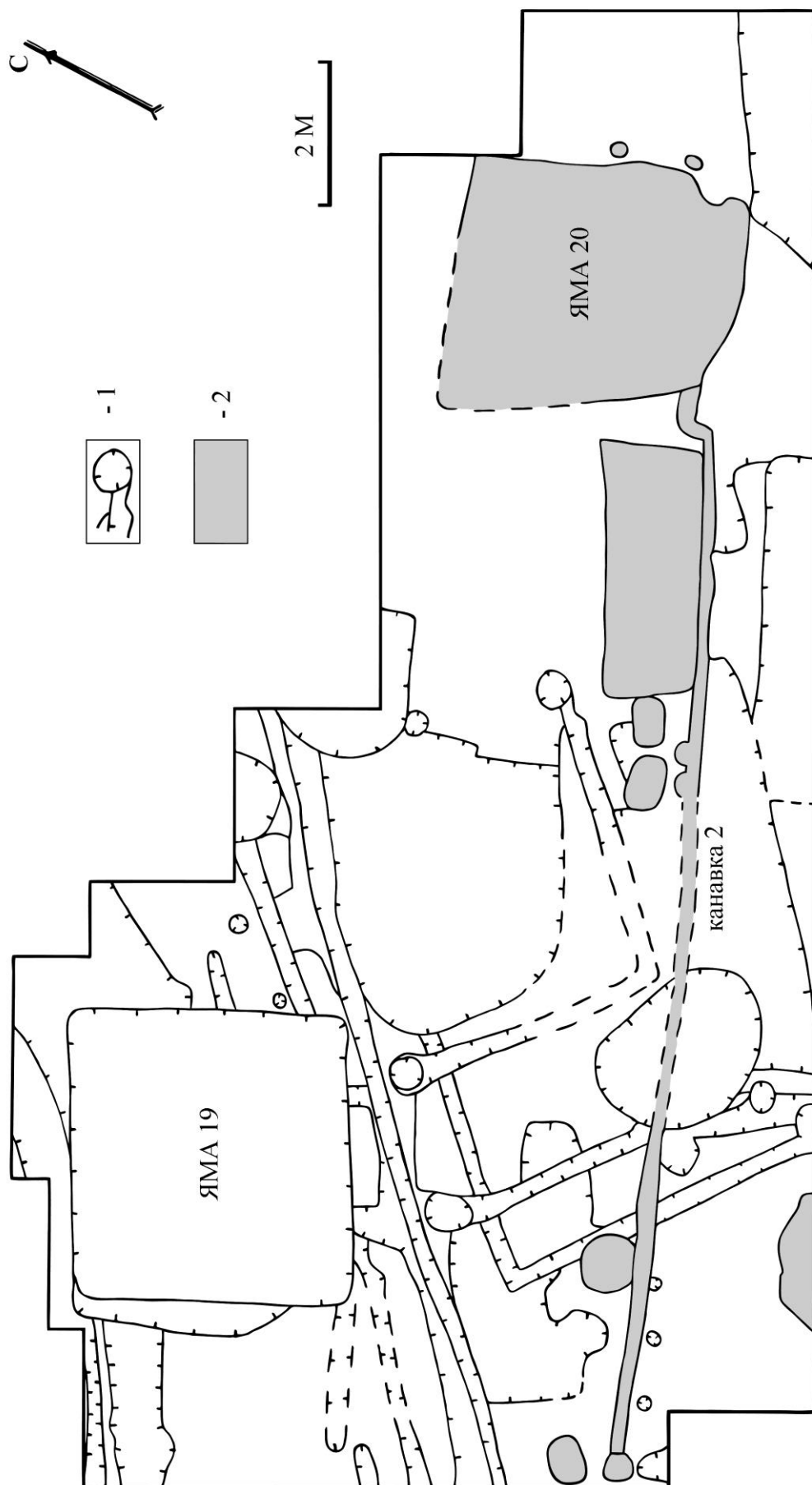

Рис. 189. Нижний Новгород. План по материке раскопа 1 в Крутом переулке (Грибов, 1999 г.).
 1 – сооружения второй половины XIII – начала XV вв.; 2 – сооружения XVI в.

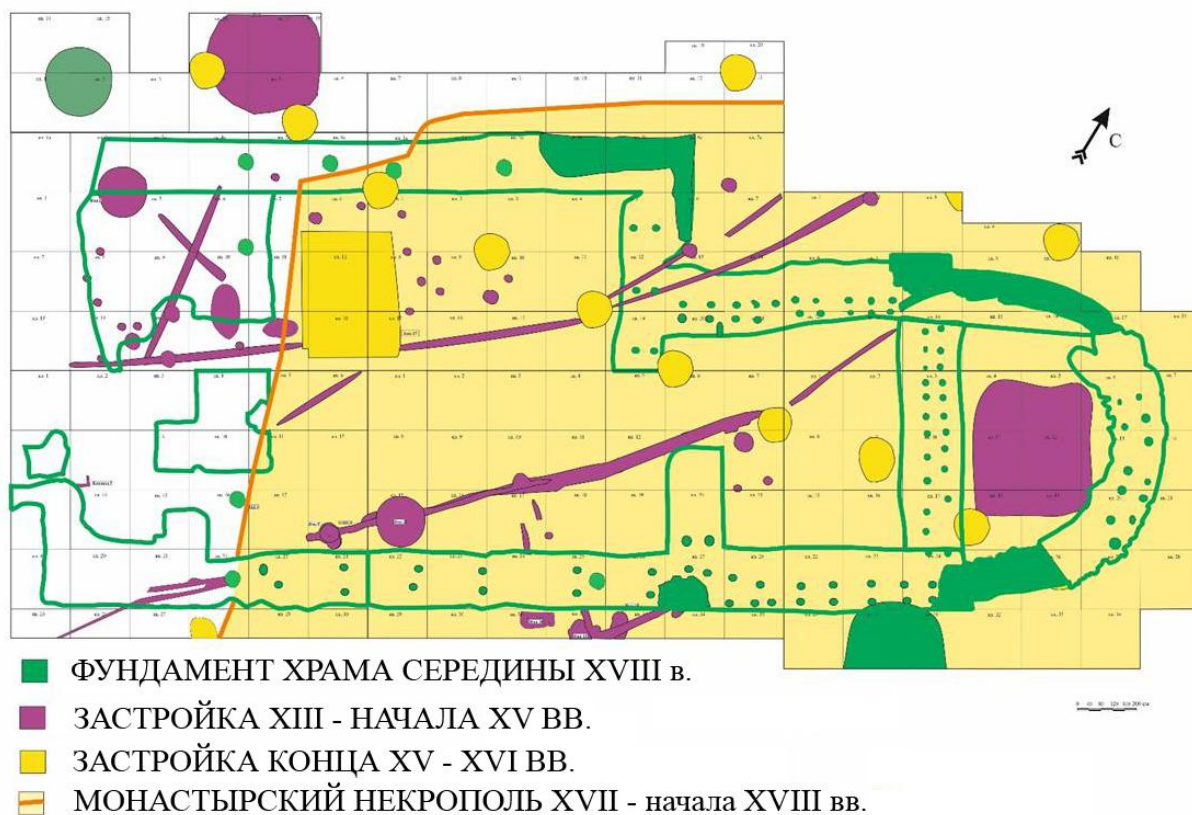

Рис. 190. Нижний Новгород. План разновременных сооружений на раскопах в нижней части кремля на месте храма Святого Симеона Столпника середины XVIII в. (Т.А. Марьёнкина, Н.Н. Грибов, А.И. Письмаркина, 2018, 2019 гг.).

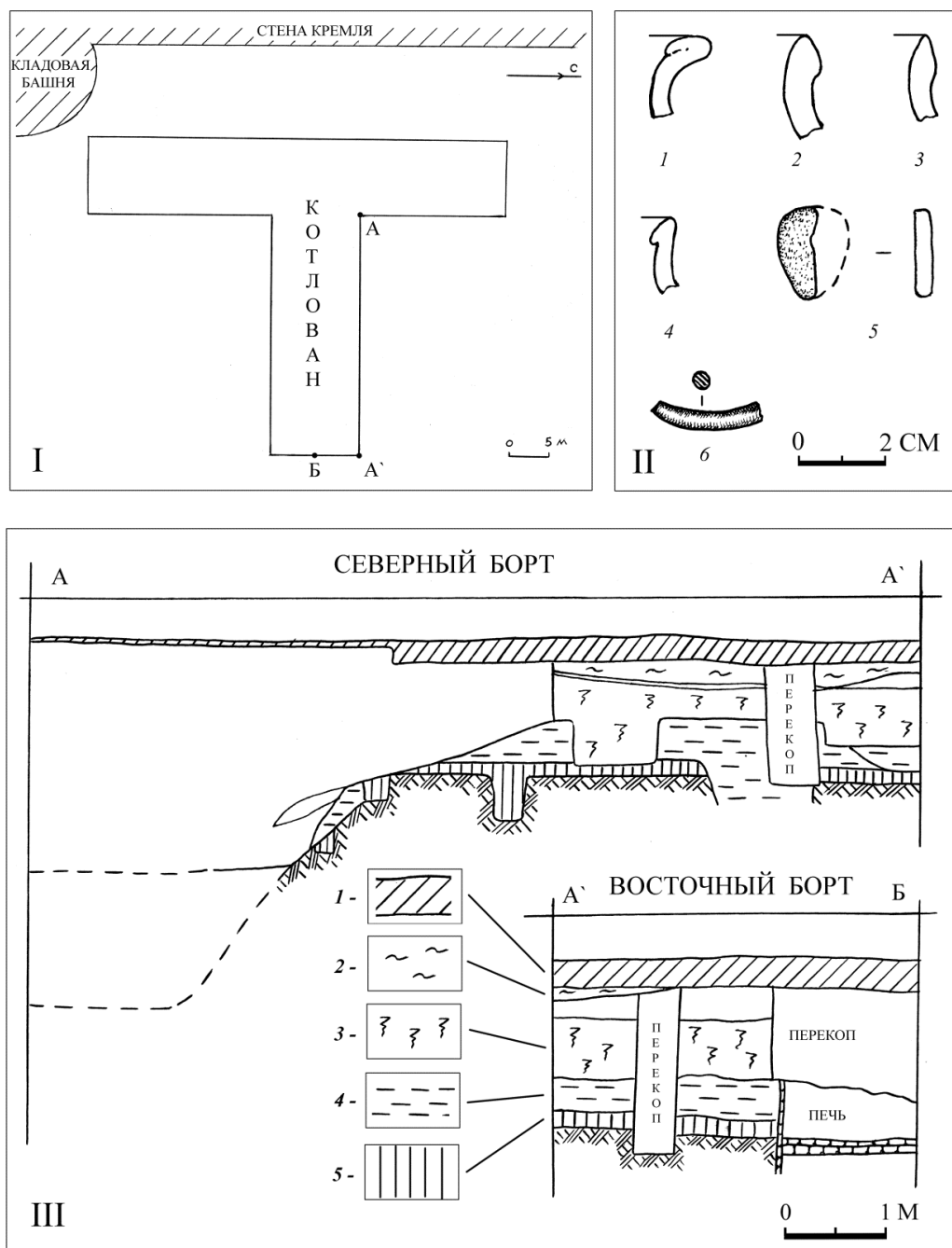

Рис. 191. Материалы археологических наблюдений при строительстве подземного перехода на пл. Минина (В.Ф. Черников, 1980): I – ситуационный план, II – находки из перекрывающего материк средневекового слоя (1–4 венчики керамических сосудов) и ямы, откопанной с уровня материка (6 – фрагмент стеклянного браслета, 5 – фрагмент костяной муфты от рукоятки ножа), III – стратиграфия северного борта и неполный разрез восточного бортов котлована (1 – дорожное покрытие; 2 – слой с щепой; 3 – известь и фрагменты кирпичей; 4 – неоднородный по составу грунт выброса из кремлёвского рва; 5 – городской средневековый культурный слой).

Рис. 192. Нижний Новгород. Перерыв в формировании городского культурного слоя, зафиксированный в нижней части кремля в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника (Марьёнкина Т.А., Грибов Н.Н., Письмаркина А.И., 2018, 2019 гг.). 1 – расположение раскопанной площадки на плане кремля; 2 – общая стратиграфическая ситуация (юго-восточный борт дополнительного разреза на раскопе 1 2018 г.); 3 – монастырский некрополь XVII–XVIII вв., вид с северо-востока; датирующие находки из горизонта, перекрывающего средневековые отложения: 4, 5 – медные пулы конца XV – XVI вв.; 6 – фрагмент белокаменной могильной плиты; 7–10 – бронзовые нательные кресты; фрагменты керамических сосудов – красноглиняного ангобированного (11), краснощёного (12), белоглиняных (13–17).

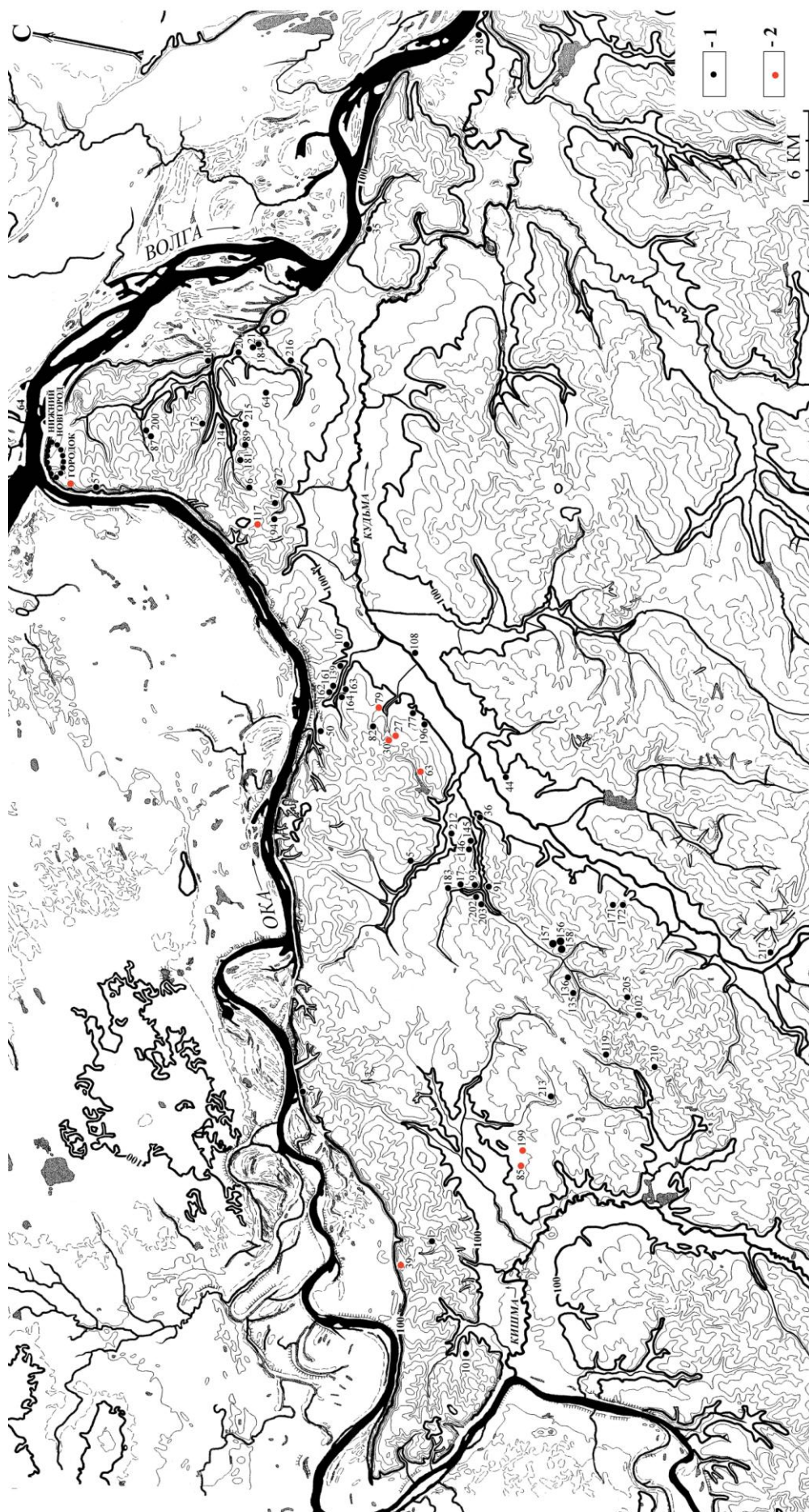

Рис. 193. Карта селищ Березополя с материалами середины XV – XVI вв. (типы 2–5). Номера памятников даны по каталогу (приложение 3). 1 – селища без материалов середины XV в.; 2 – селища с материалами середины – второй половины XV в.

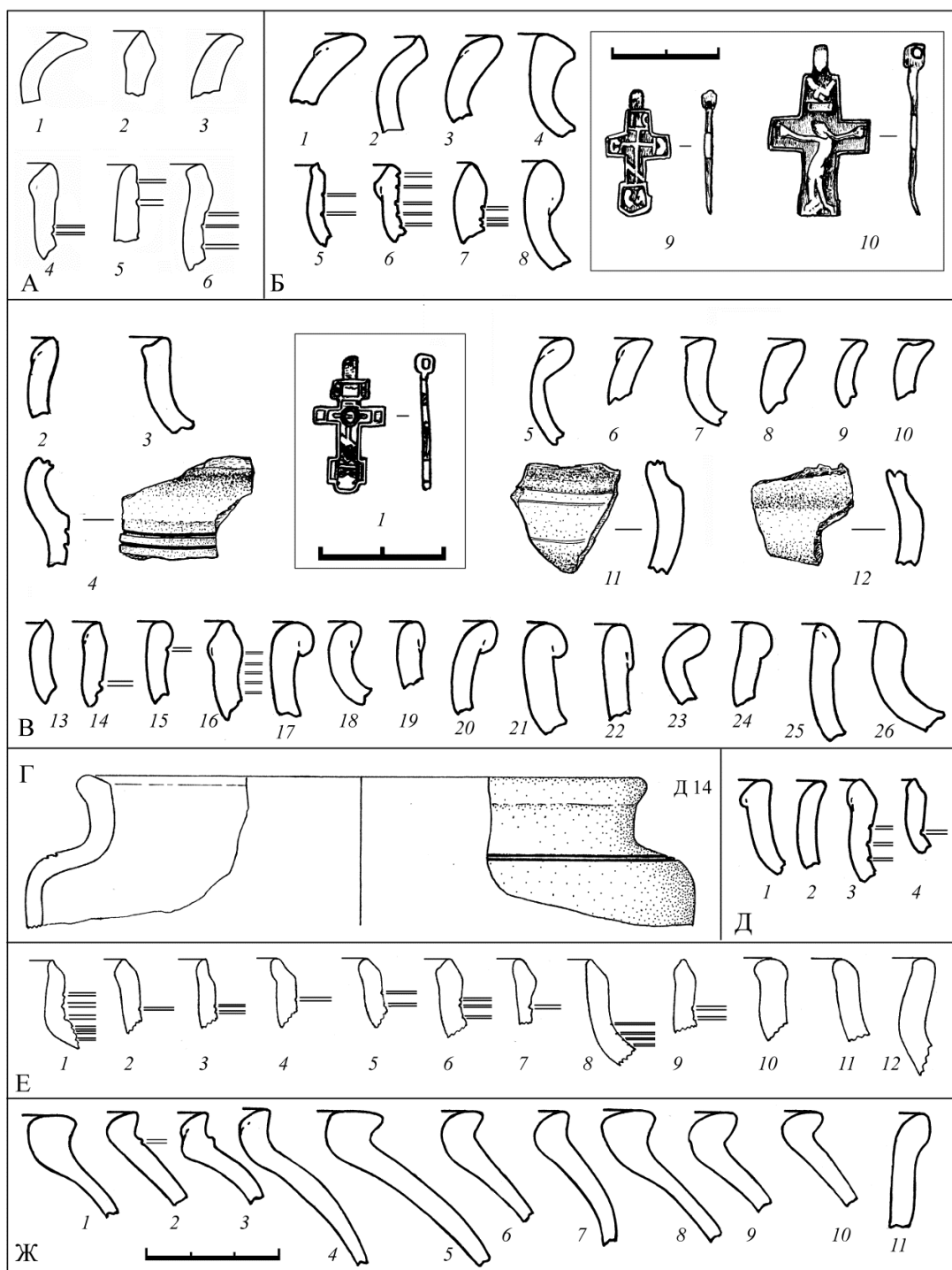

Рис. 194. Керамика и отдельные находки с нижегородских селищ: А – с. Ефимьево-6, Б – с. Воронцово-1, В – с. Кудрёшки-2, Г – п. Крутец-1, Д – с. Кудрёшки-3, Е – с. Бурцево-2, Ж – с. Богородск-4. Керамика красноглиняная с примесью дресвы или среднезернистого песка: А, 1–3; Б, 1–4; В, 5–10; Г; с примесью мелкозернистого песка или с тонким тестом: В, 2–4; Д, 1, 2; белоглиняная с тонким тестом: Б, 5–8; В, 11–25; Д, 3, 4; Е, 1–9; с примесью дресвы: Б, 4; чёрнолощёная: В, 26; кирпично-красная с белым ангобом: Ж, 1–4; красноглиняная тонкая с прозрачной поливой: Ж, 5–11. Материалы с. Бурцево-2 и п. Крутец-1 предоставлены Аникиным И.С.

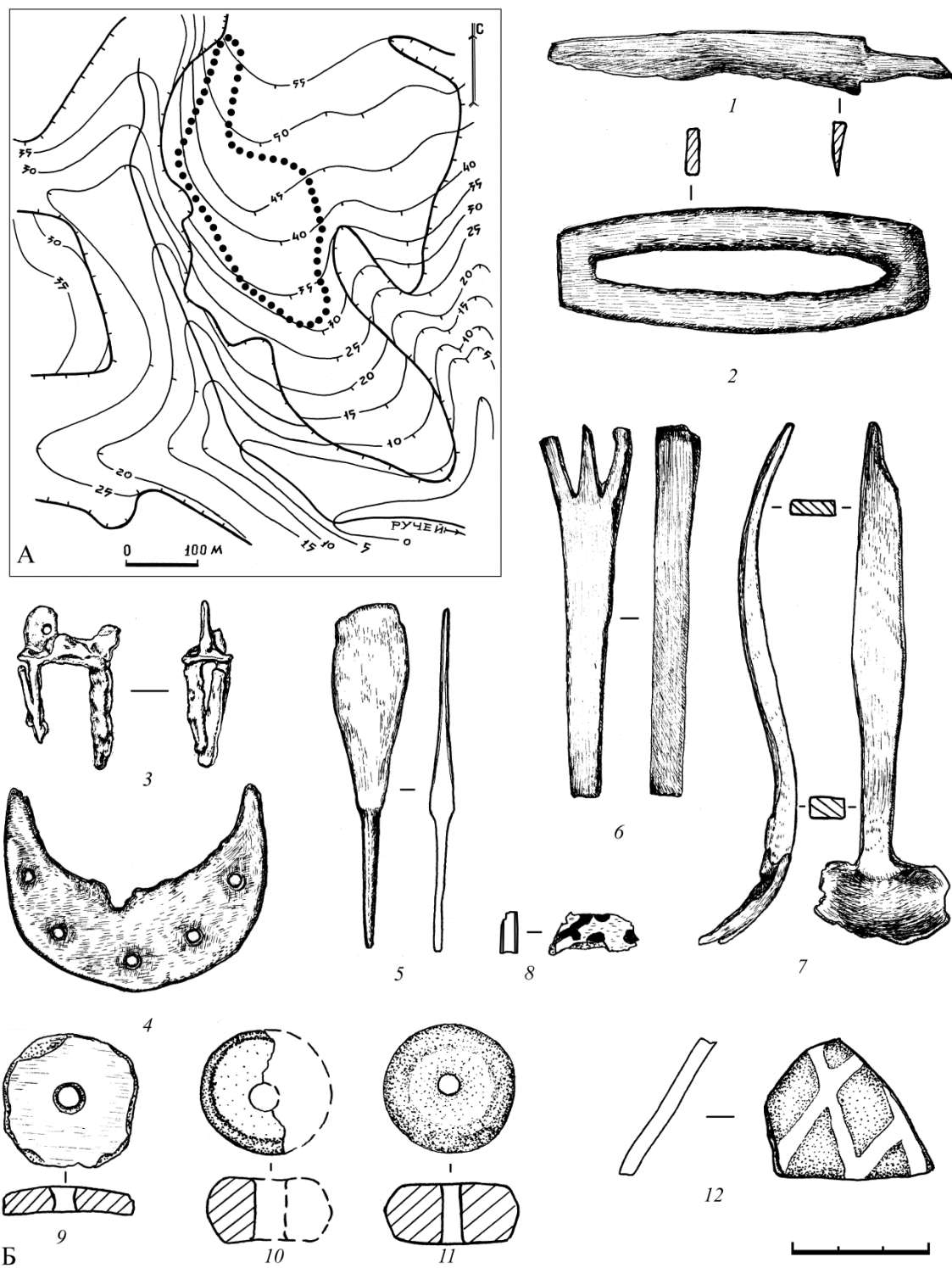

Рис. 195. Поселение Ольгинское. План памятника (А) и подъёмный материал (Б). Находки: 1 – нож; 2 – кресало; 3 – дужка от замка; 4 – подковка; 5 – наконечник стрелы; 6 – светец; 7 – резец по дереву (ложкарь); 8 – фрагмент стенки кашинного сосуда; 9–11 – пряслица; 12 – фрагмент расписной игрушки (колокольчика). Железо: 1–7. Кашин: 8. Керамика: 9–12.

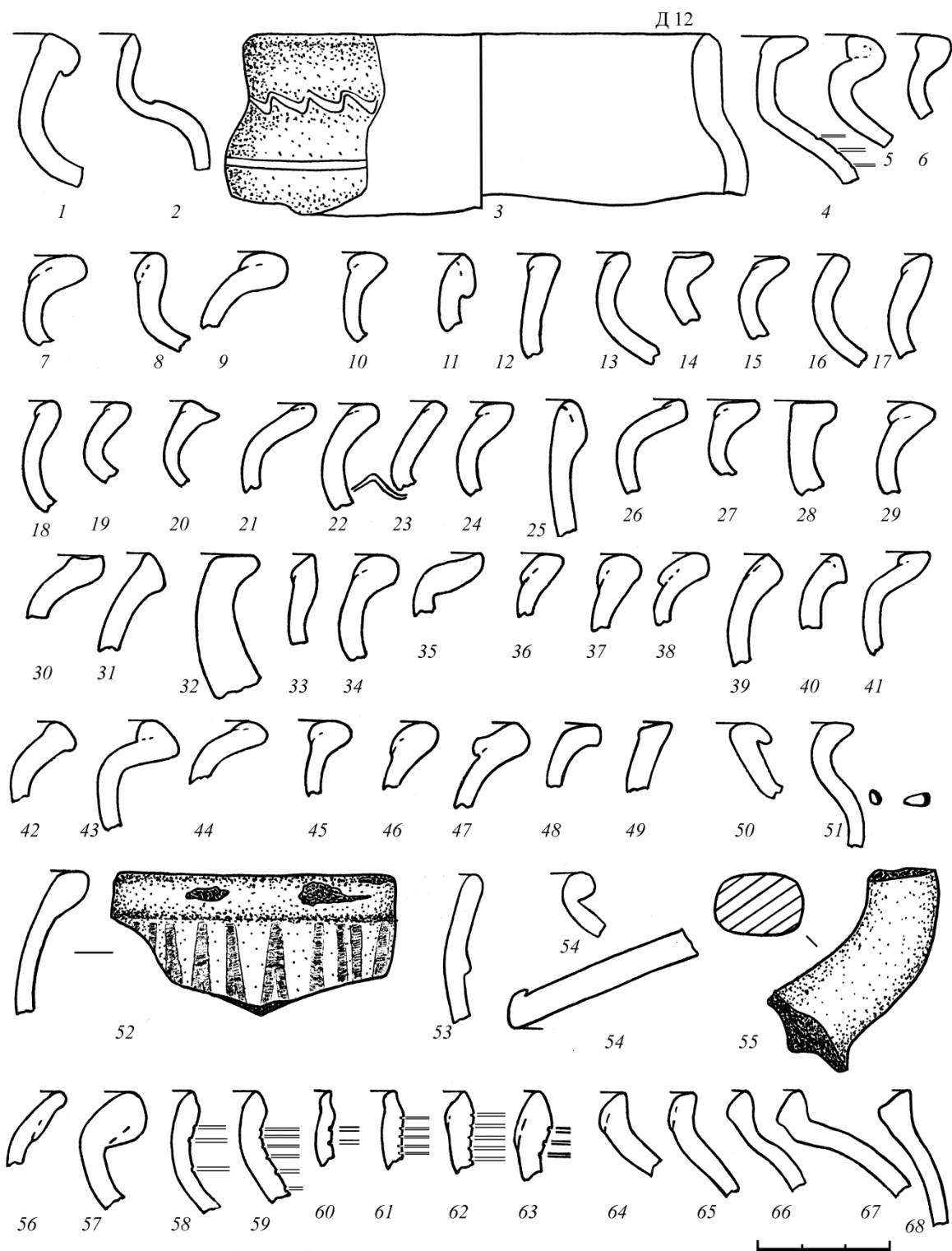

Рис. 196. Поселение Ольгинское. Образцы гончарной керамики из подъёмного материала. Красноглиняная с примесью дресвы или среднезернистого песка: 1–49; с частой примесью мелкозернистого песка: 50, 51. Чернолощёная: 52–55. Краснолощёная: 56. Белоглиняная с тонким тестом: 58–62, с частой примесью крупнозернистого песка: 57; с примесью мелкозернистого песка: 63. Кирпично-красная с белым ангобом: 64–68.

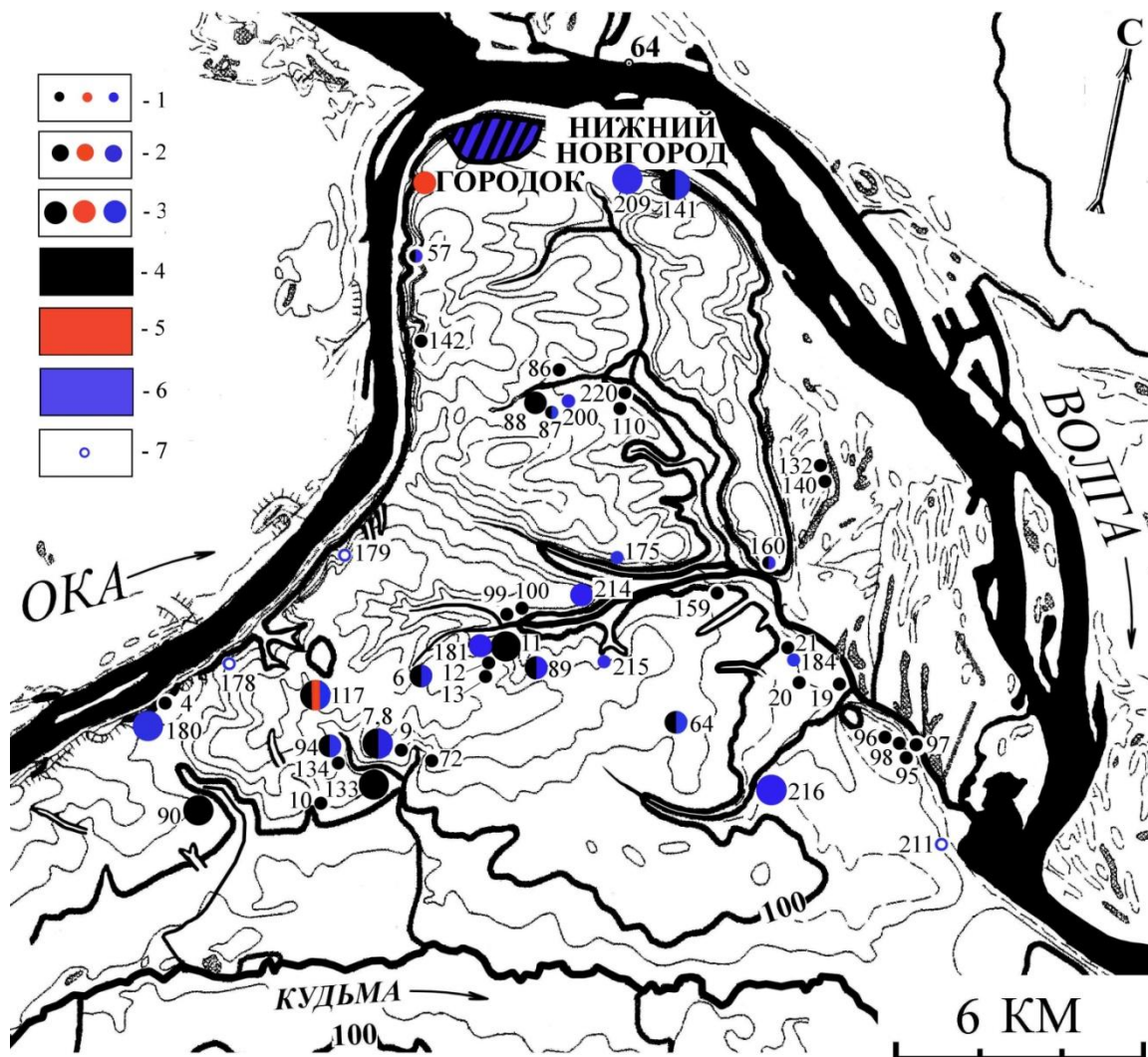

Рис. 197. Карта поселений Нижегородской округи XIII–XVIII вв. Номера памятников даны по каталогу (приложение 3). Площадь: 1 – 0,1–0,7 га; 2 – 0,8–1,6 га; 3 – 1,8–5 га; 7 – размеры не определены. Датировка: 4 – XIII – начало XV вв.; 5 – середина XV – начало XVI вв.; 6 – XVI–XVIII вв.

Рис. 198. Нижегородский кремль. А – Дмитриевская башня до реконструкции 1896 г. Б – Коромыслова башня (фото 2009 г.).

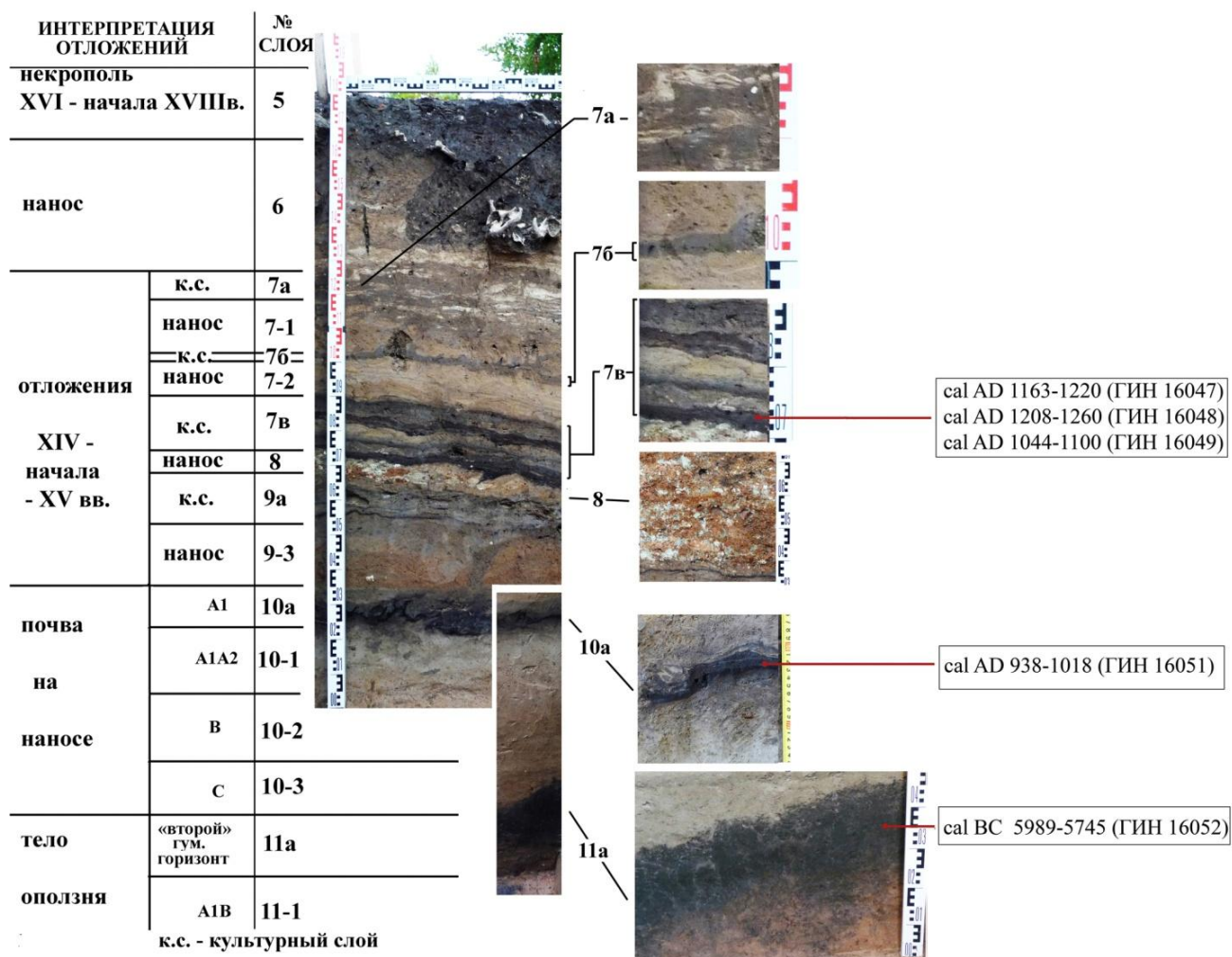

Рис. 199. Опорный комплекс второй четверти XIII – начала XIV вв. Нижний Новгород, кремль, раскоп 1 2018 г. (Н.Н. Грибов) на месте храма Святого Симеона Столпника, слои 9а и 7в. Стратиграфический контекст (по западному борту раскопа).

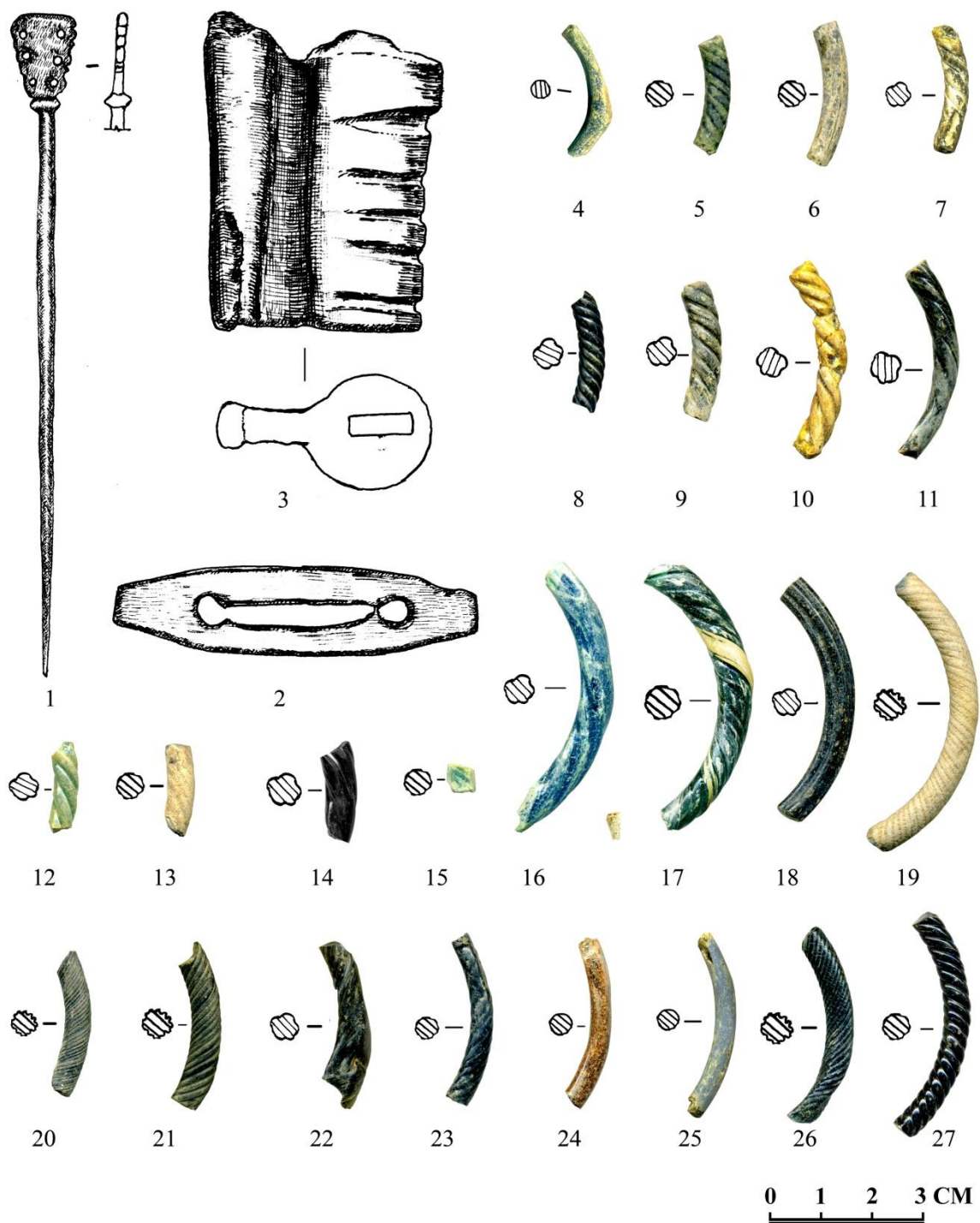

Рис. 200. Опорный комплекс второй четверти XIII – начала XIV вв. Нижний Новгород, кремль, раскоп 1 2018 г. на месте храма Святого Симеона Столпника, слои 9а и 7в. Датирующие находки: 1 – писало, 2 – кресало, 3 – замок, 4–27 – фрагменты браслетов. Железо: 1–3. Стекло: 4–27.

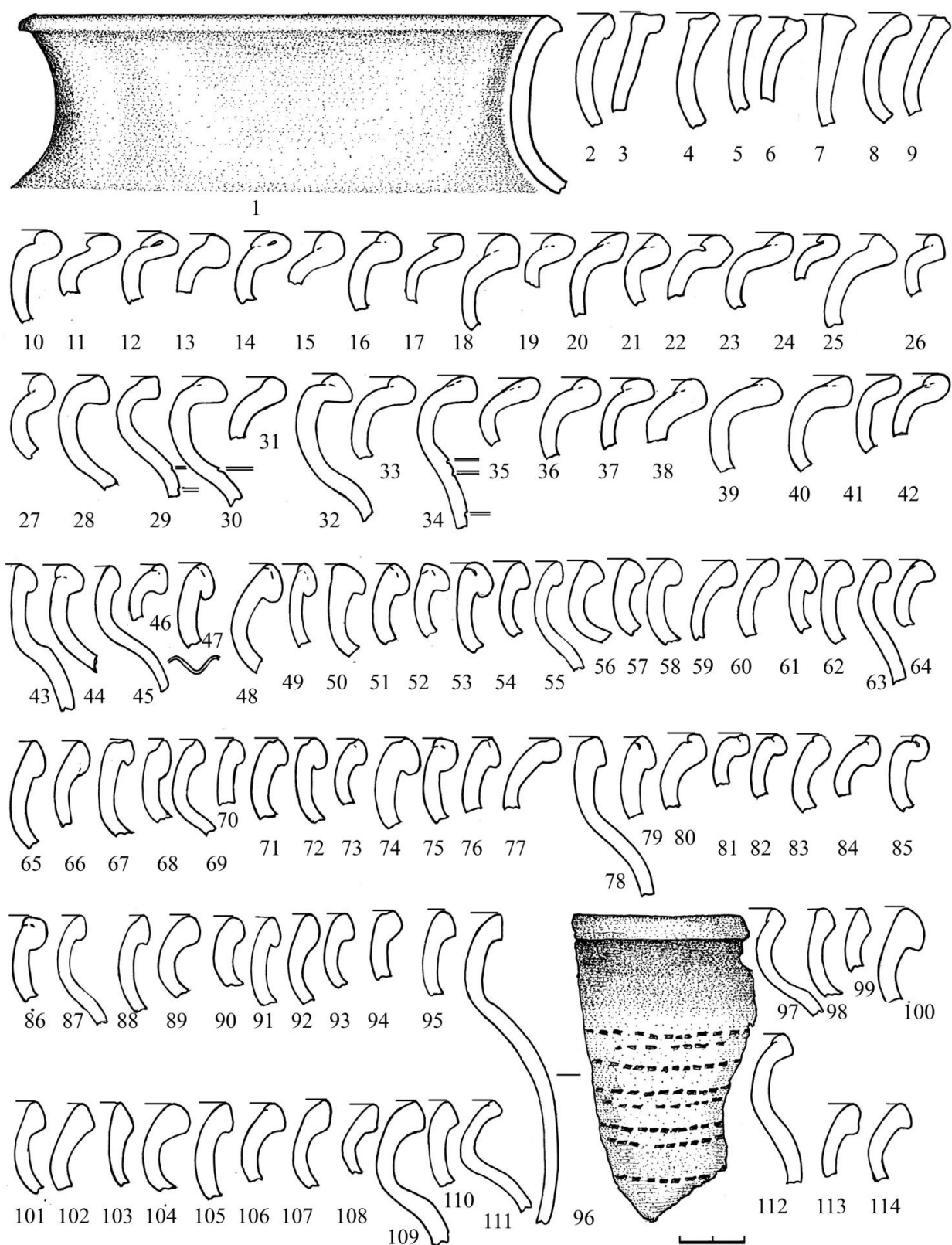

Рис. 201. Опорный комплекс второй четверти XIII – начала XIV вв. Нижний Новгород, кремль, раскоп 1 2018 г. на месте храма Святого Симеона Столпника, слои 9а и 7в. Венчики от выделенных красноглиняных сосудов с грубозернистыми примесями (1–114).

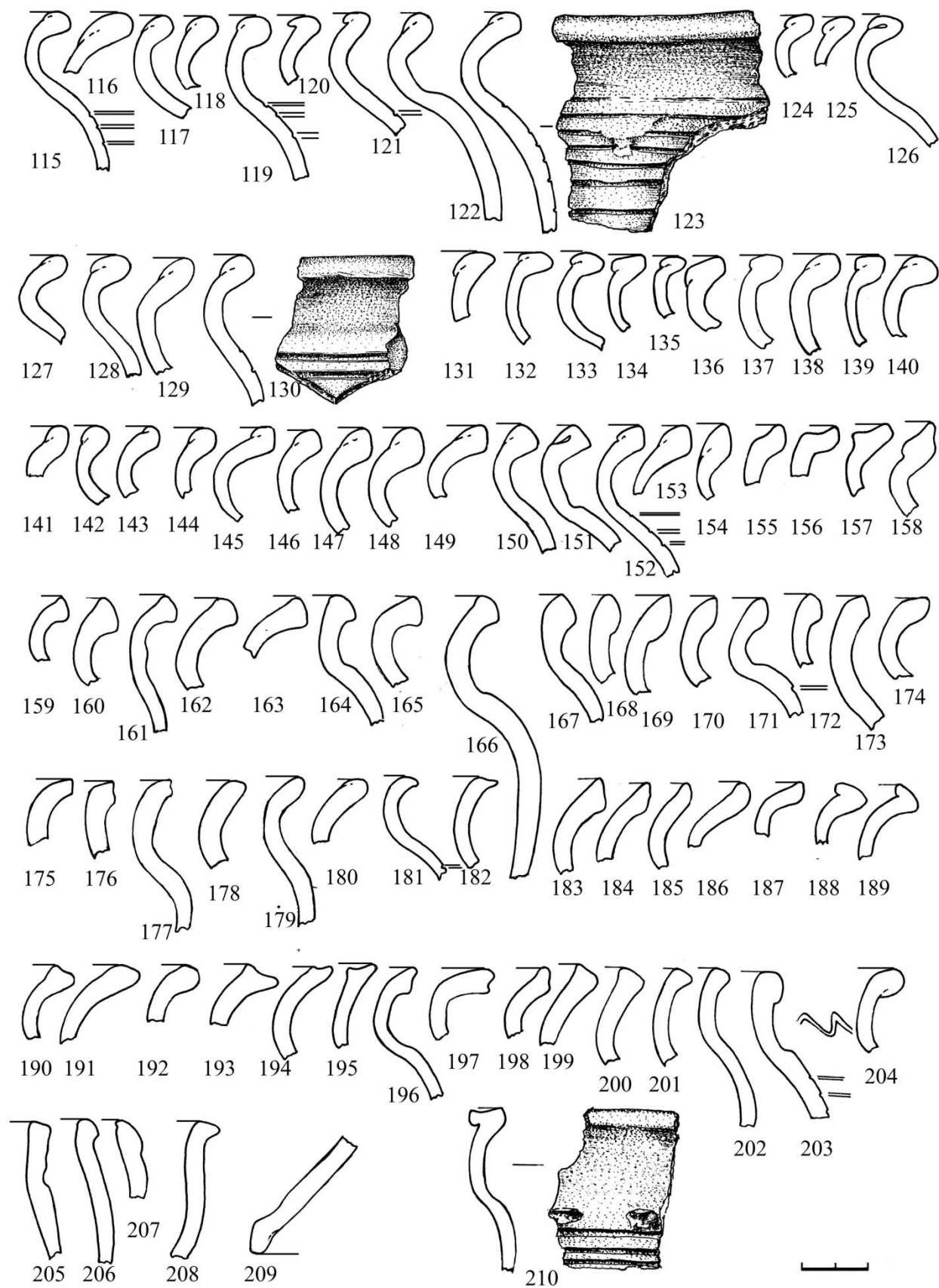

Рис. 202. Опорный комплекс второй четверти XIII – начала XIV вв. Нижний Новгород, кремль, раскоп 1 2018 г. на месте храма Святого Симеона Столпника, слои 9а и 7в. Венчики от выделенных красноглиняных (115–219) и белоглиняного (210) сосудов.

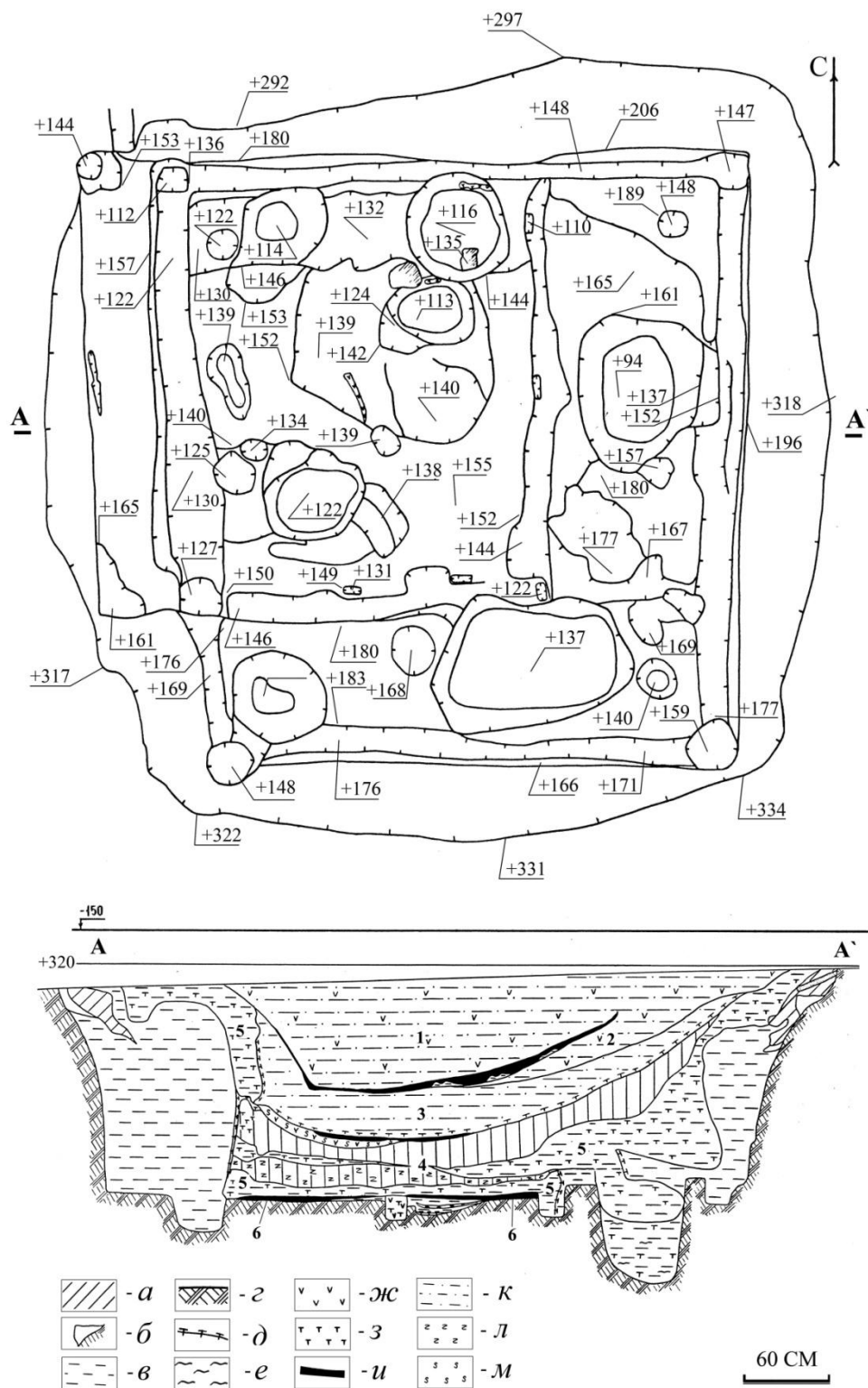

Рис. 203. Опорный комплекс первой половины – середины XIV в. Селище Ближнее Константиново-1, раскоп 5 (1998 г.), яма 30. План по матерiku и разрез. 1–6 – слои 1–6; *а* – переотложенный грунт почвенного горизонта A1A2, *б* – переотложенный грунт почвенного горизонта A2, *в* – переотложенный материковый суглинок, *г* – материк, *д* – тонкая прослойка древесного тлена, *е* – слоеватый суглинок, *ж* – уголь, *з* – мелкораспылённый древесный тлен, *и* – прослойка углей, *к* – тёмно-серый суглинок, *л* – щепа, *м* – органика.

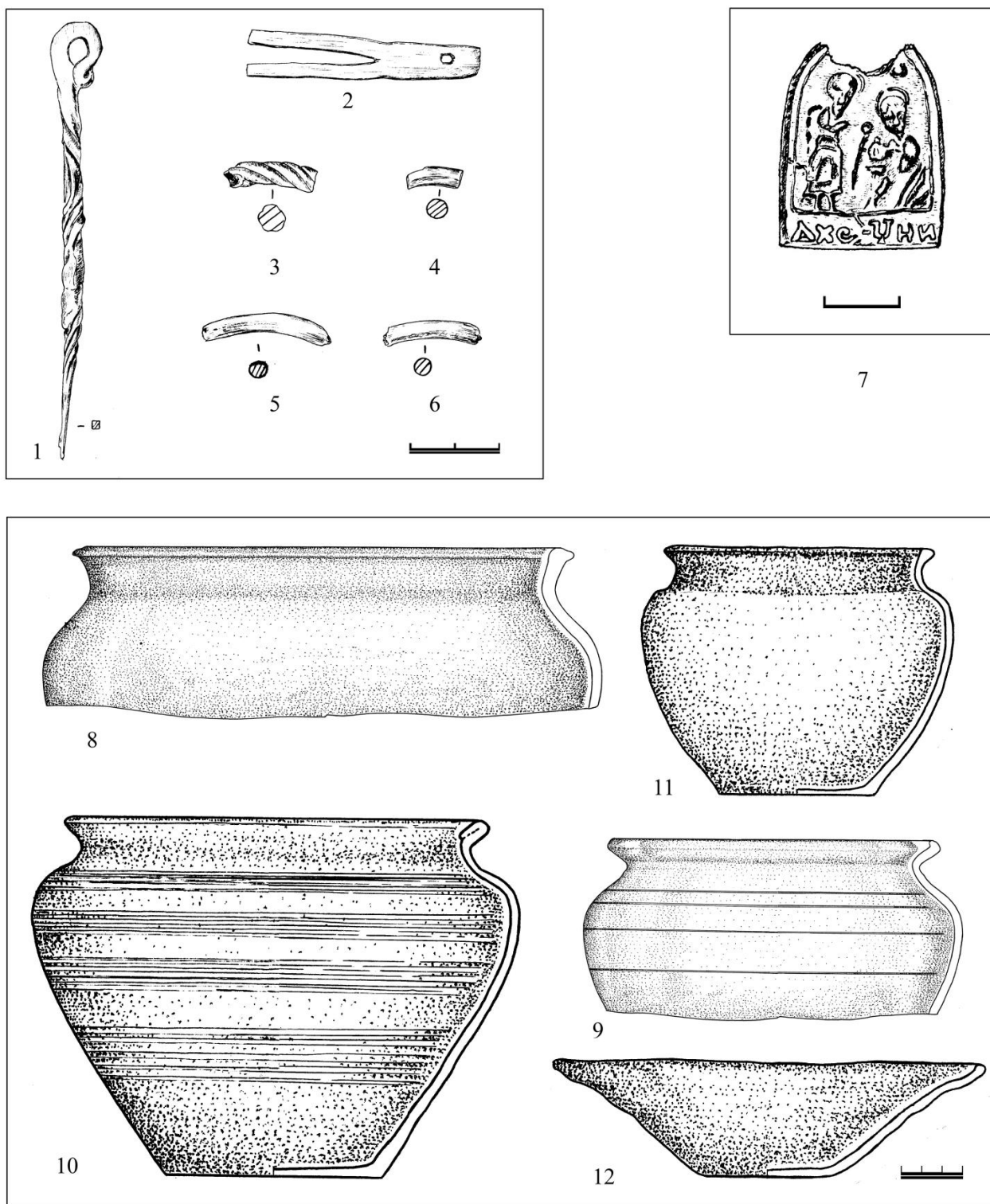

Рис. 204. Опорный комплекс первой половины – середины XIV в. Селище Ближнее Константиново-1, раскоп 5 (1998 г.), яма 30, слои 4–6 и придонные приямки. Датирующие находки (1–7), реконструированные сосуды (10–12), верхние части сосудов (8, 9). 1 – булавка, 2 – пружина от внутреннего замка, 3–6 – фрагменты стеклянных браслетов, 7 – иконка-привеска. Железо: 1, 2. Бронза: 7. Стекло: 3–6. Керамика: 8–12.

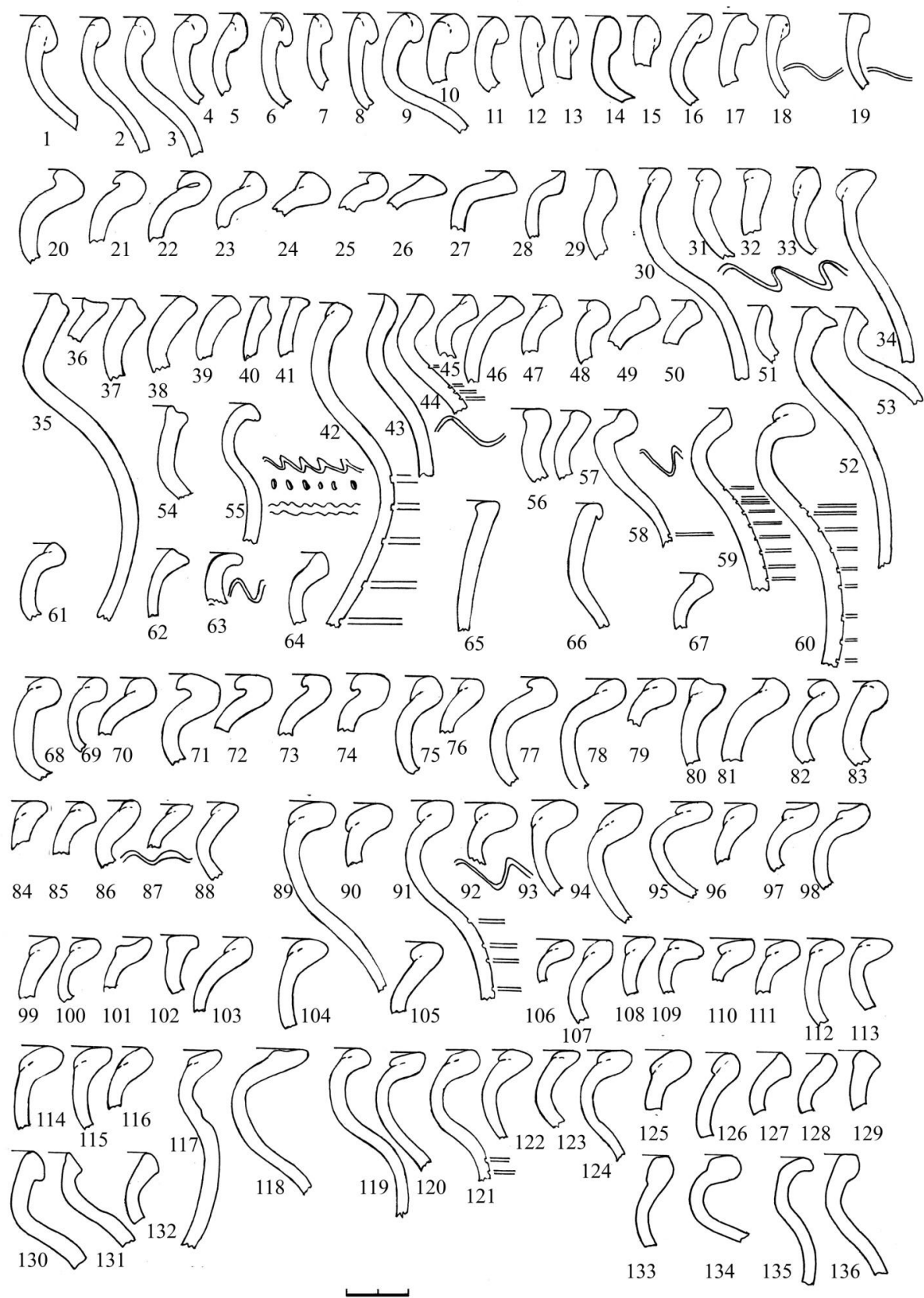

Рис. 205. Опорный комплекс первой половины – середины XIV в. Селище Ближнее Константиново-1, раскоп 5 (1998 г.), яма 30, слои 4–6 и придонные приямки. Венчики от выделенных сосудов (1–136).

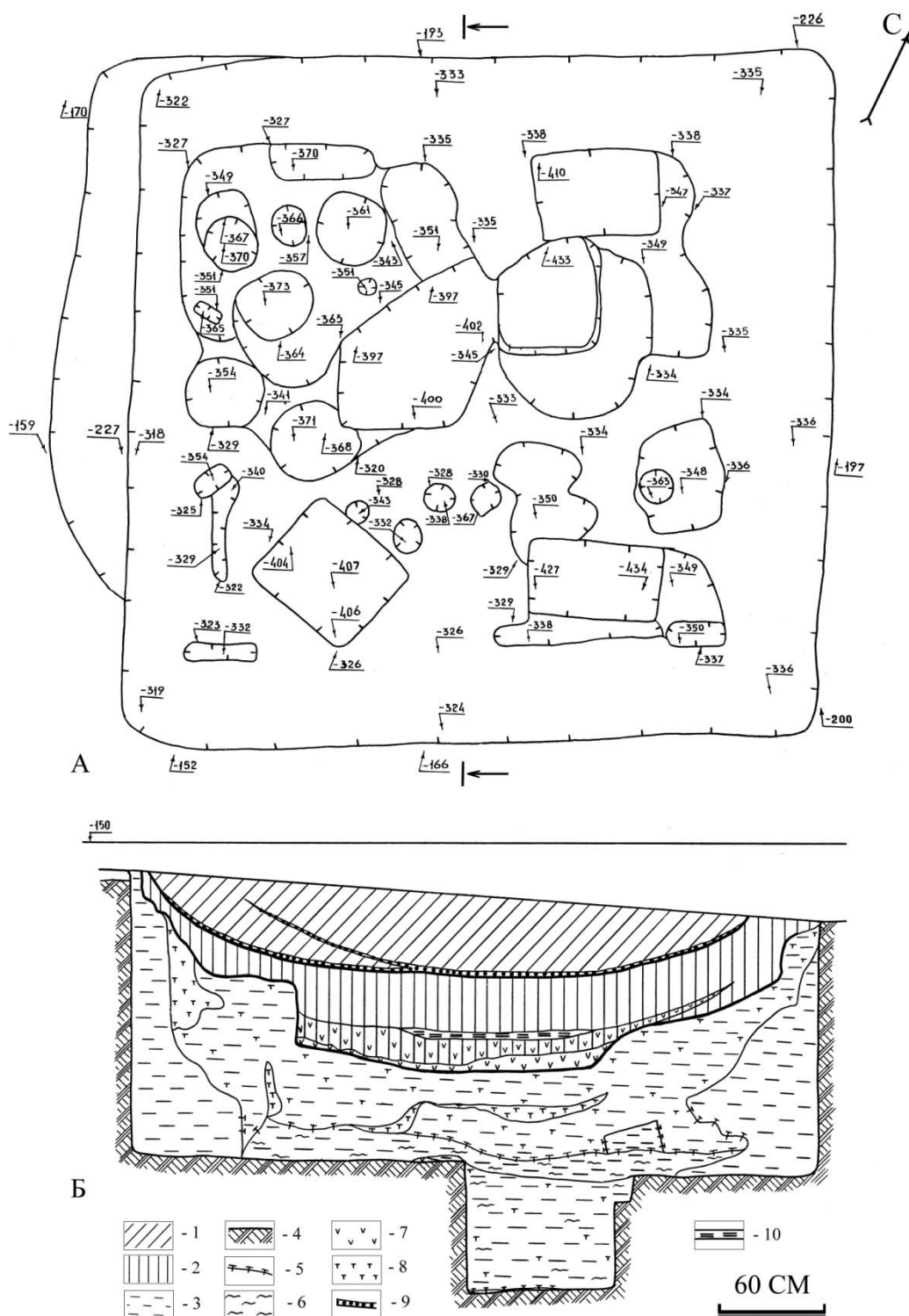

Рис. 206. Опорный комплекс второй половины XIV – начала XV вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке (Н.Н. Грибов, 1999 г.). План (А) и разрез (Б) ямы 19. 1 – верхний горизонт; 2 – средний горизонт; 3 – нижний горизонт; 4 – материк; 5 – тонкая прослойка древесного тлена; 6 – грунт с развитой микрослоистостью; 7 – древесный уголь; 8 – мелкораспылённый древесный тлен; 9 – прослойка погребённой дерновины; 10 – развал глинобитной печи.

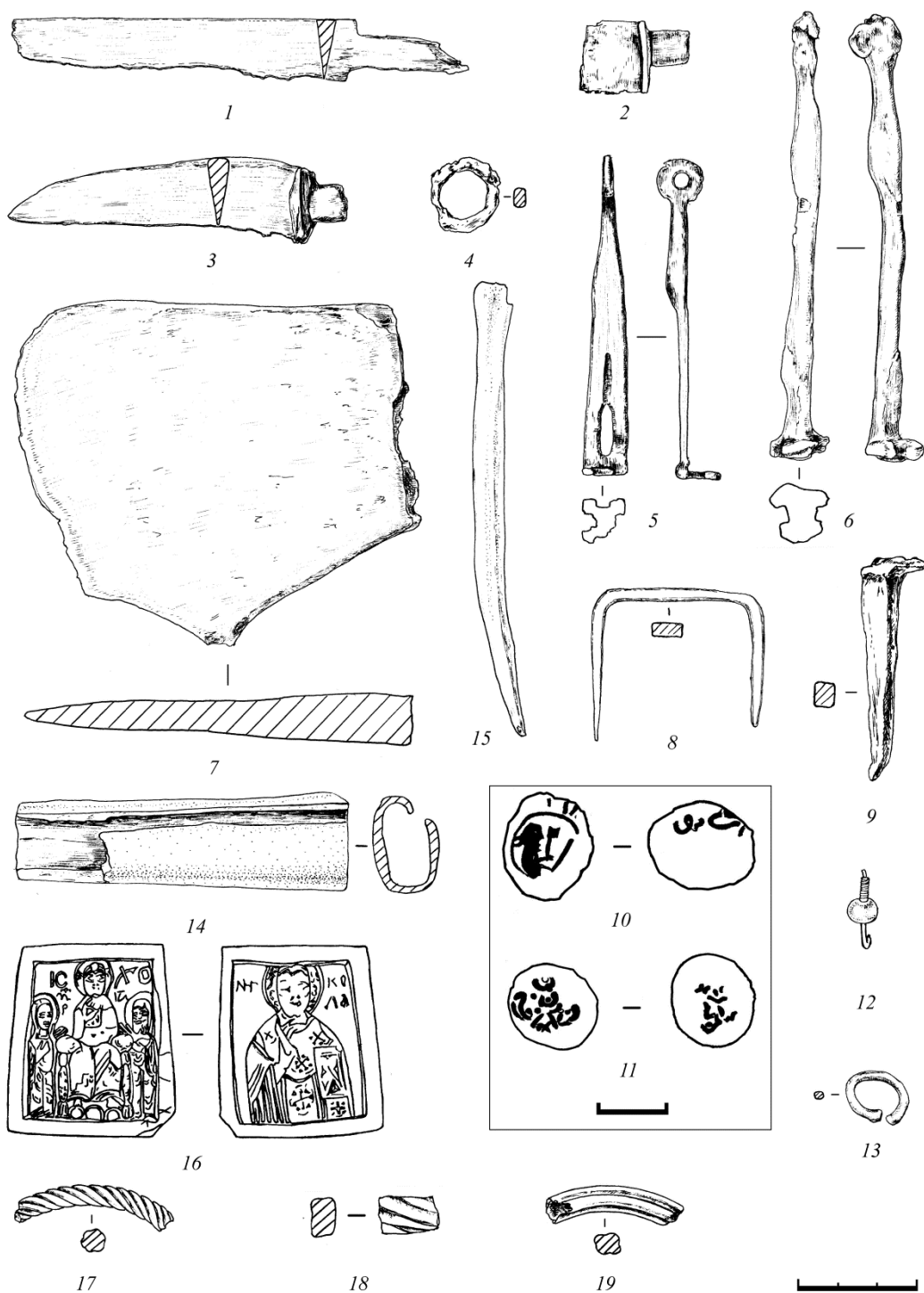

Рис. 207. Опорный комплекс второй половины XIV – начала XV вв. Нижний Новгород. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 19 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Находки из нижнего горизонта: 1–3 – ножи; 4 – рамка от пряжки; 5, 6 – ключи; 7 – фрагмент лезвия топора; 8 – скоба; 9 – гвоздь; 10, 11 – монеты; 12 – фрагмент серьги с бусиной; 13 – колючко; 14 – кость со следами обработки; 15 – кочедык; 16 – иконка; 17–19 – фрагменты браслетов. Железо: 1–9. Серебро: 10, 11. Бронза: 13. Бронза+стекло: 12. Кость: 14. Камень: 16. Стекло: 17–19.

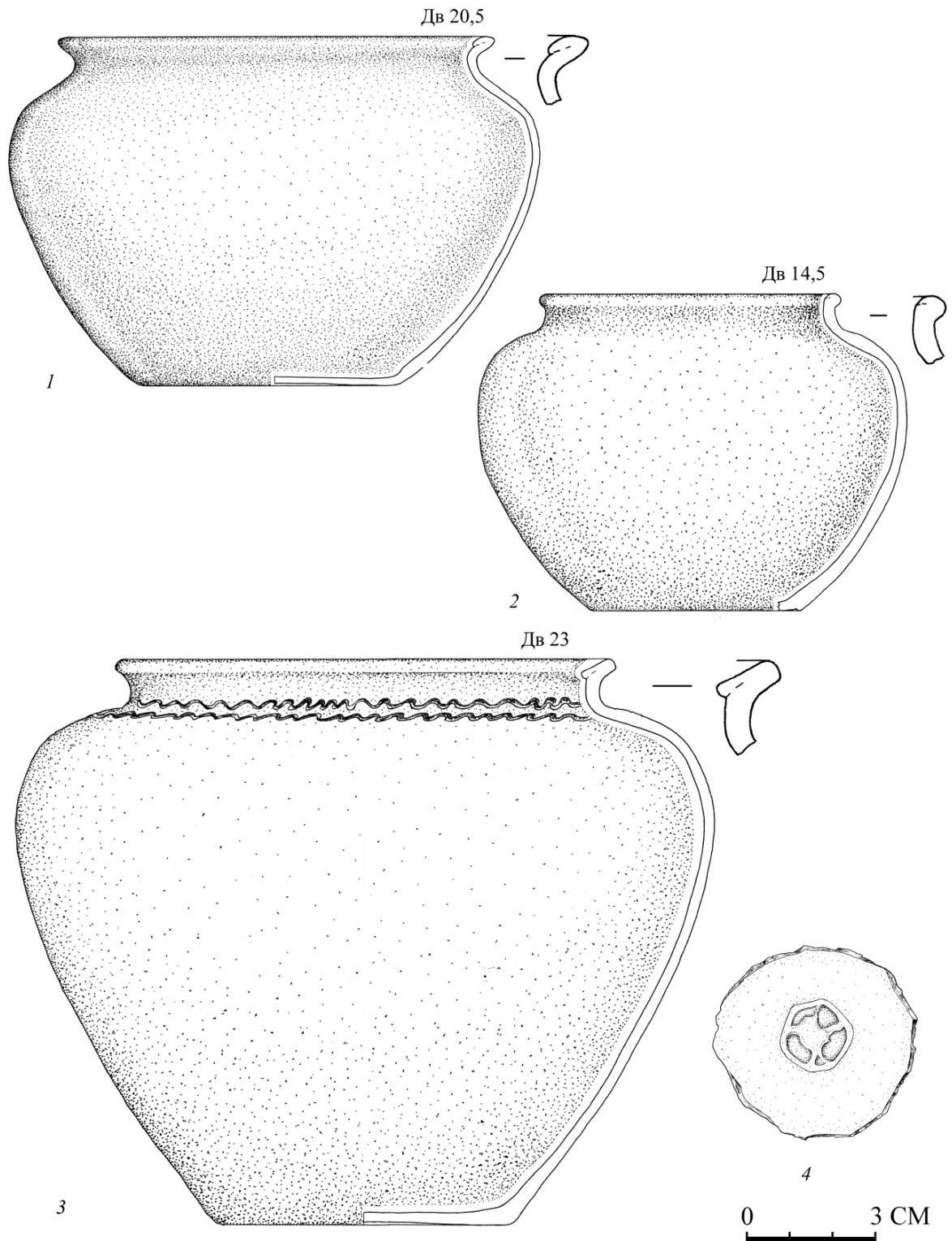

Рис. 208. Опорный комплекс второй половины XIV – начала XV вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 19 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Керамика из нижнего горизонта.

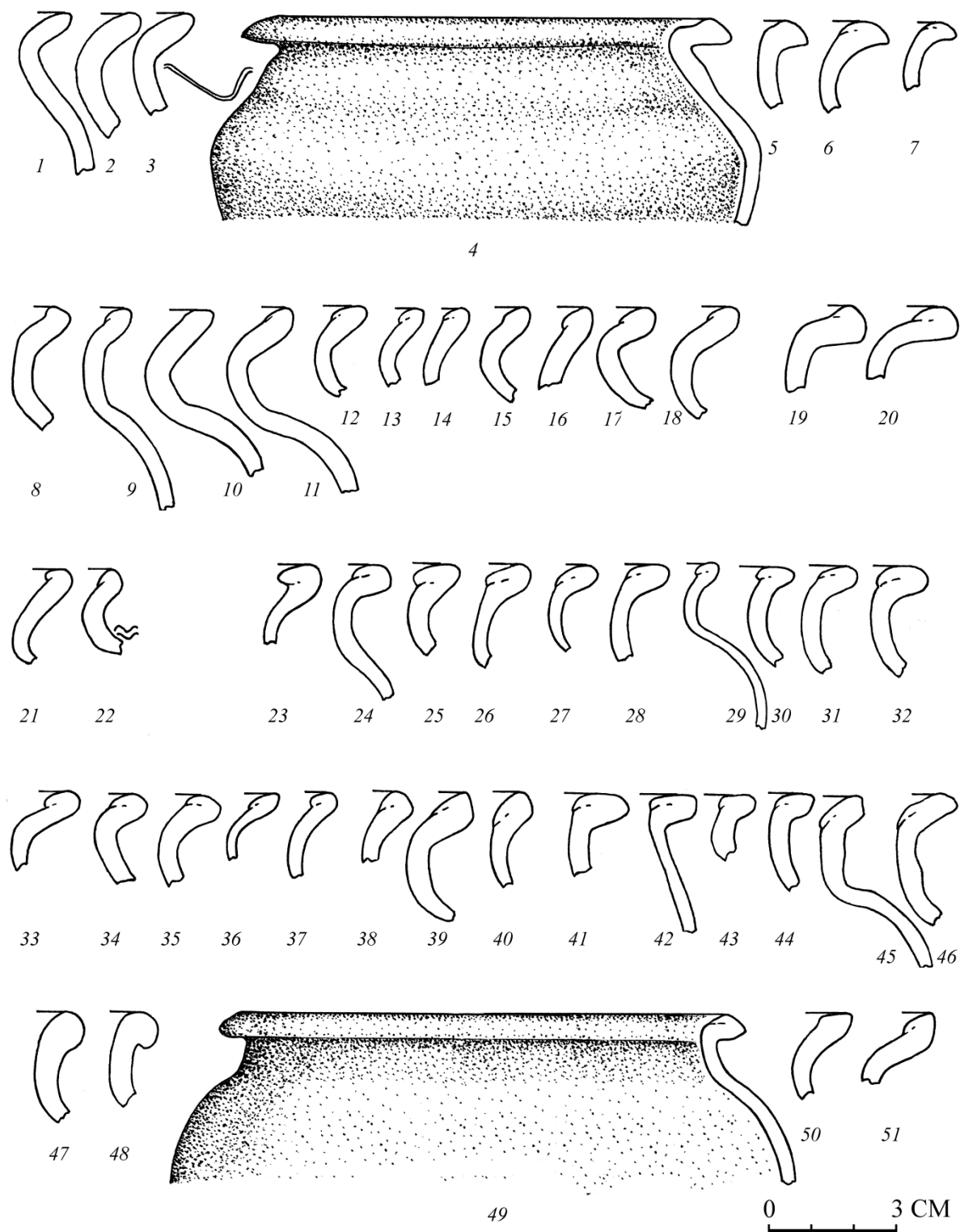

Рис. 209. Опорный комплекс второй половины XIV – начала XV вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 19 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Венчики красноглиняных сосудов из нижнего горизонта (1–51).

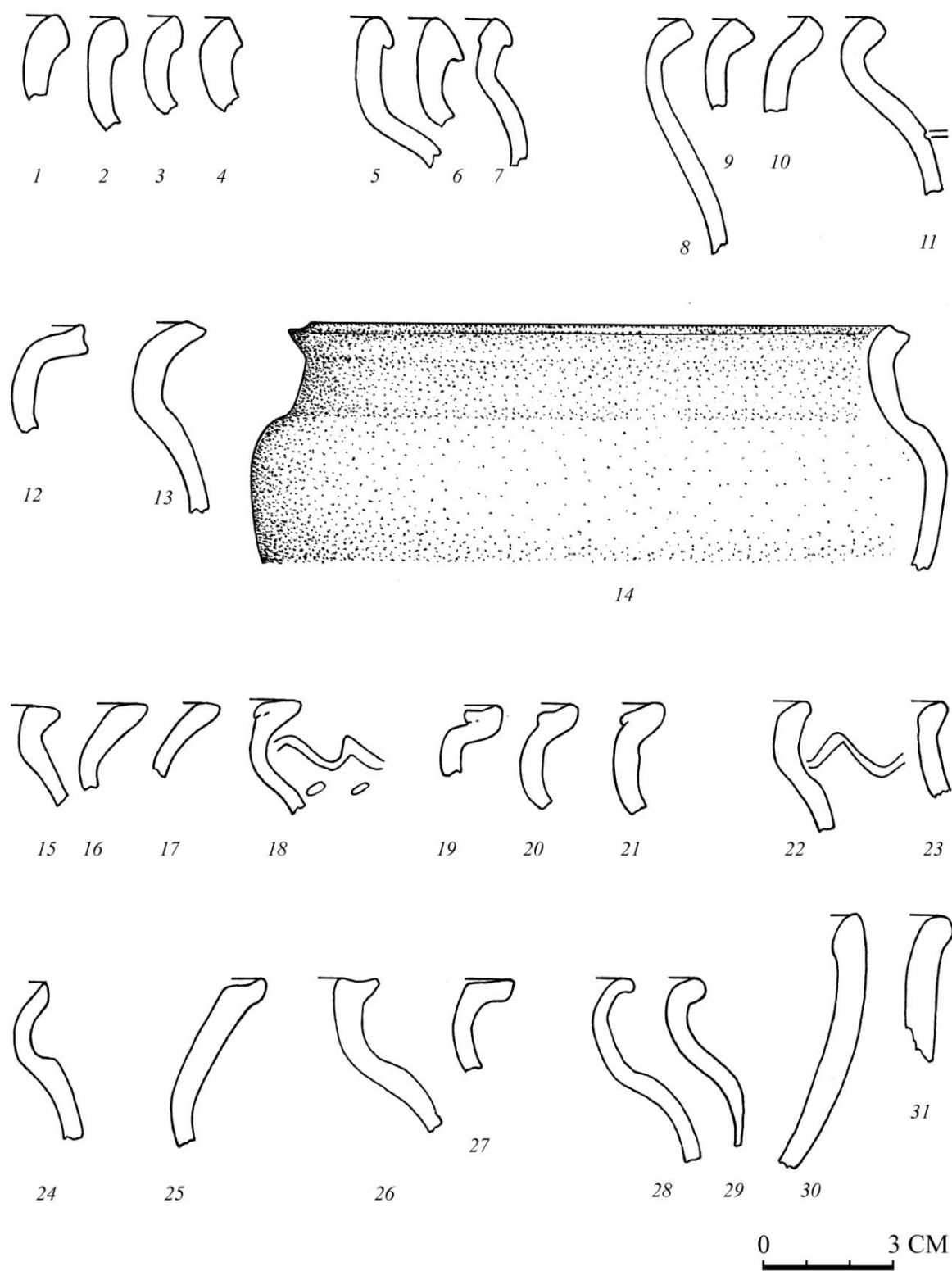

Рис. 210. Опорный комплекс второй половины XIV – начала XV вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 19 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Венчики красноглиняных сосудов из нижнего горизонта (1–31).

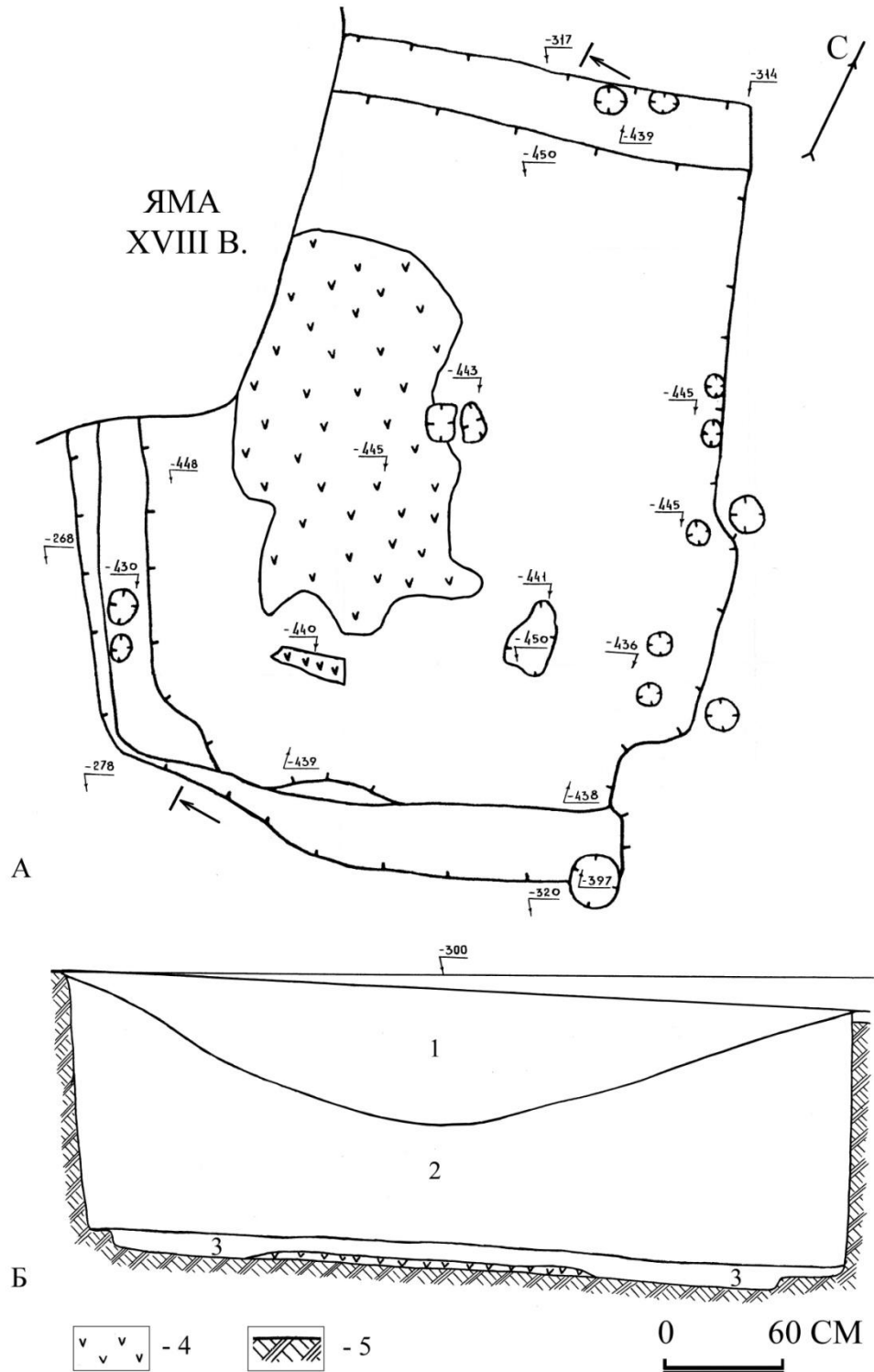

Рис. 211. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). План (А) и разрез (Б) ямы 20. 1 – верхний слой; 2 – средний слой; 3 – нижний слой; 4 – древесный уголь; 5 – материк.

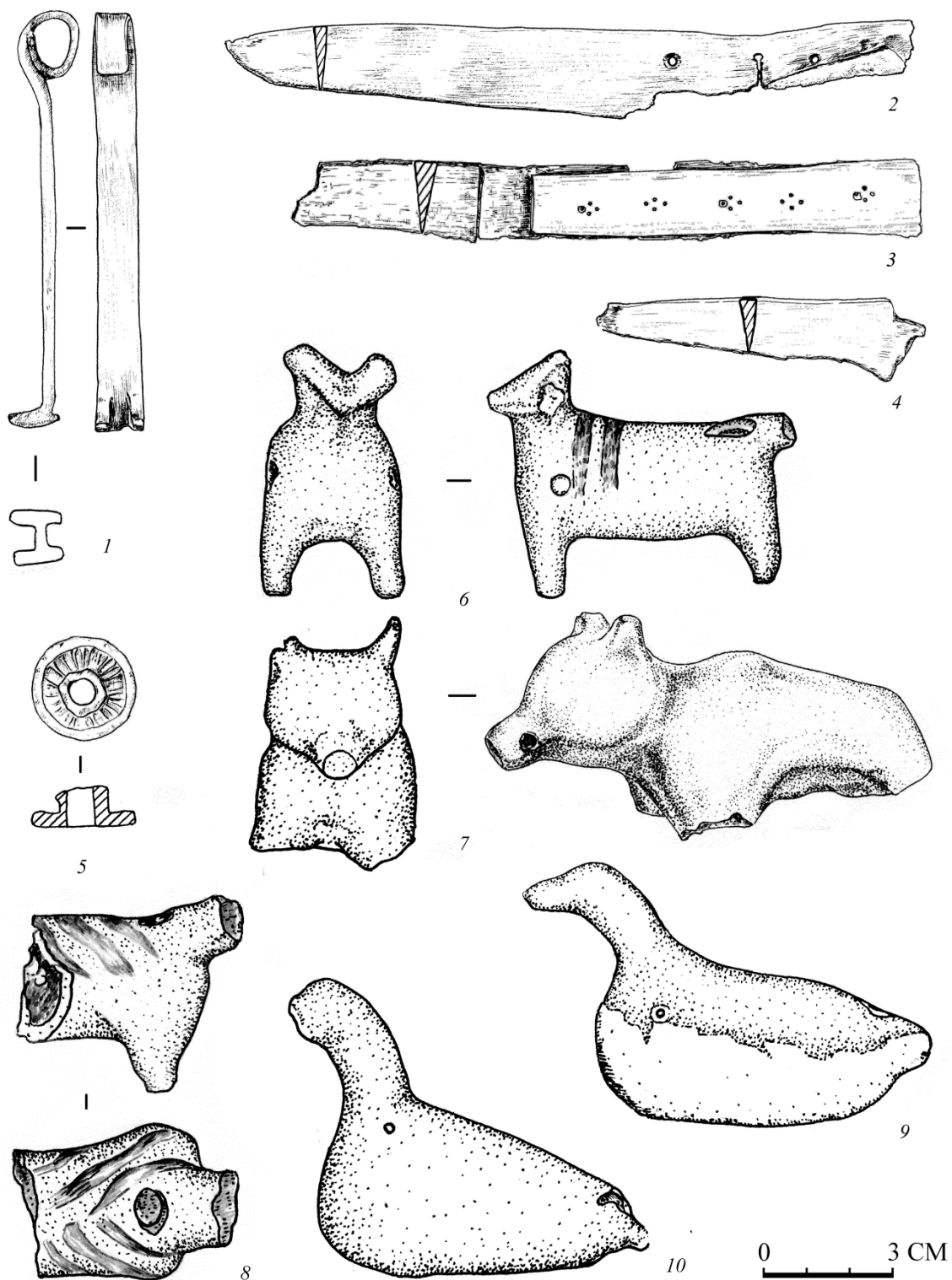

Рис. 212. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Находки из заполнения: 1 – ключ; 2–4 – ножи; 5 – грузик; 6–10 – игрушки. Верхний слой: 2–4, 7. Средний слой: 6, 8, 9. Нижний слой: 1, 5, 10. Железо: 1, 2, 4. Железо+кость: 3. Свинец: 5. Керамика: 6–10.

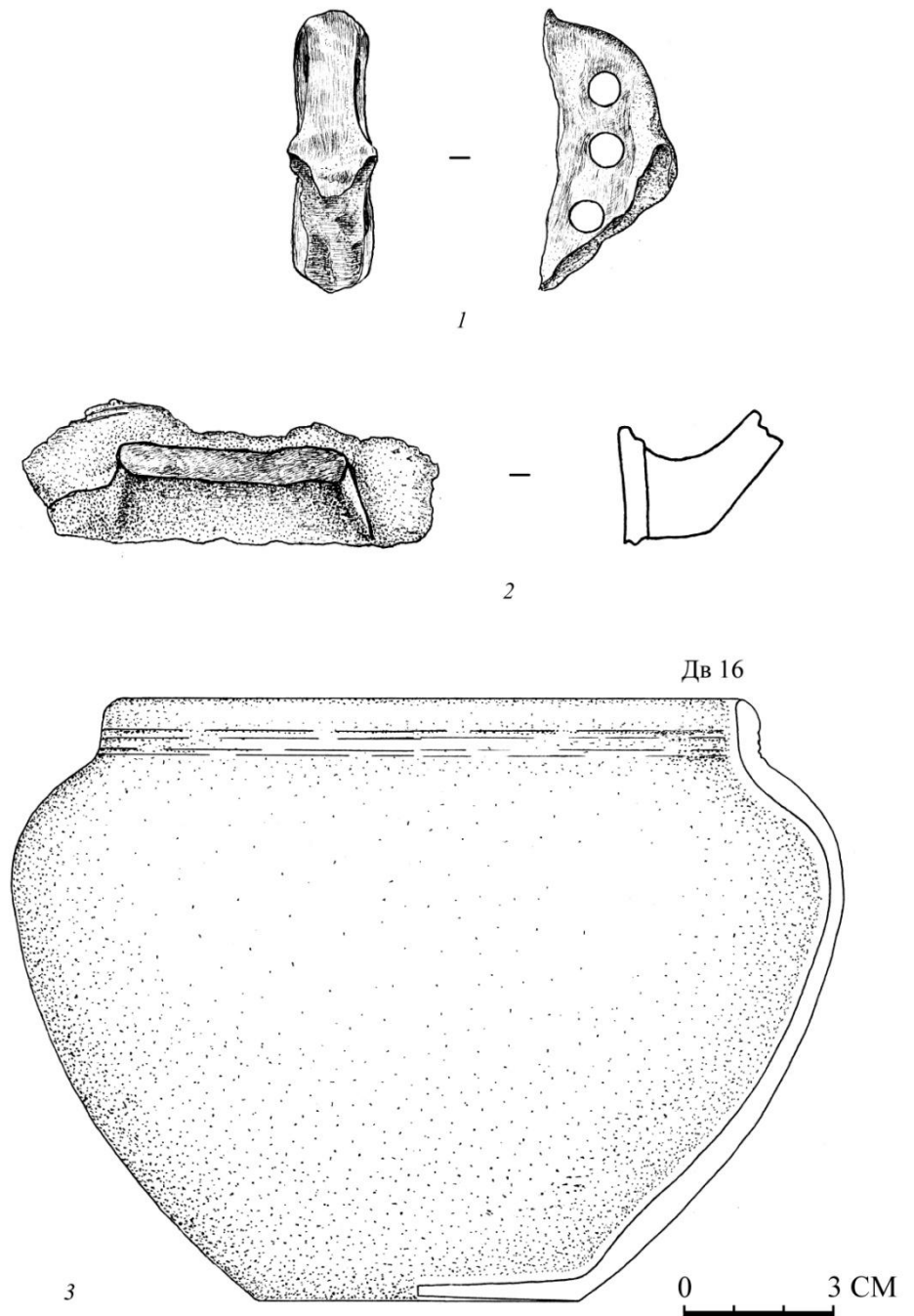

Рис. 213. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Находки из нижнего слоя: 1 – пластина от чернолощёного кумгана; 2 – фрагмент стенки белоглиняного сосуда с примесью песка; 3 – белоглиняный горшок с тонким тестом.

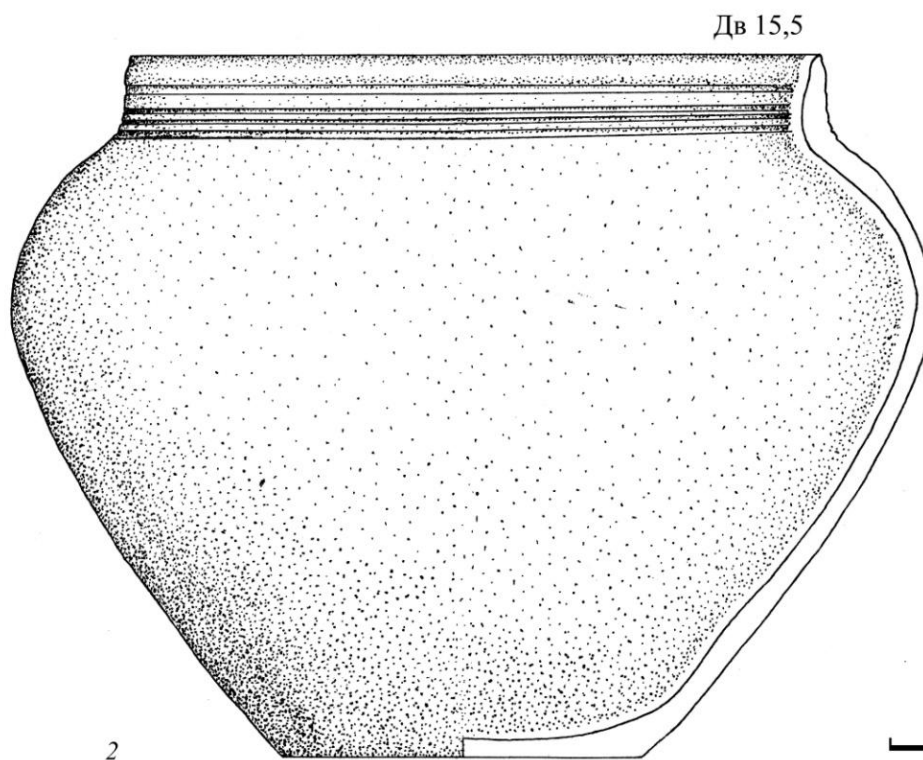
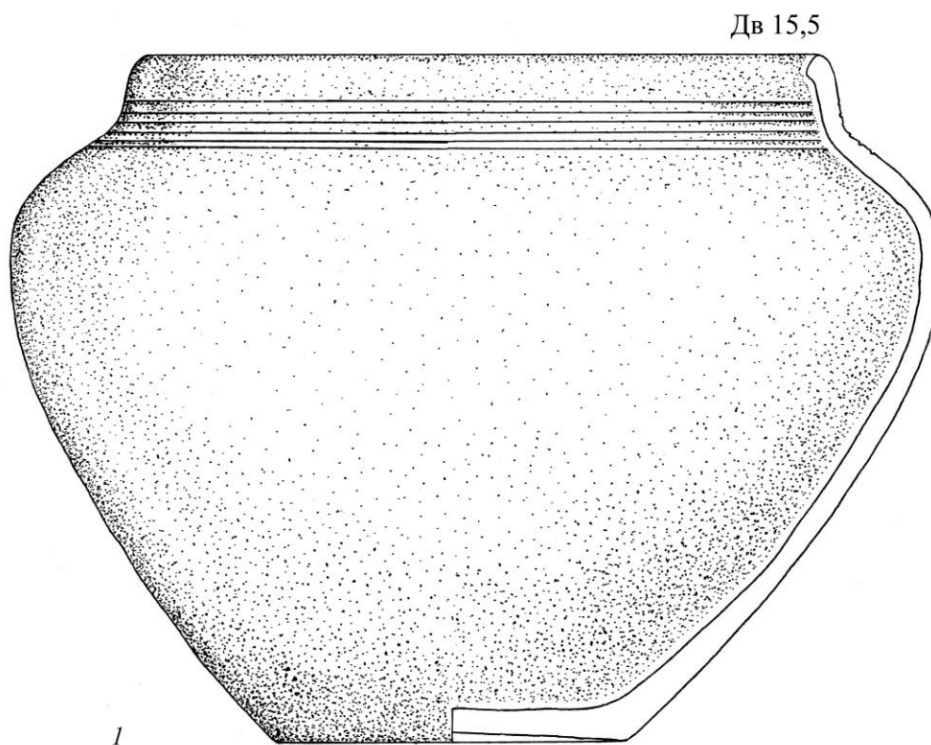

Рис. 214. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Белоглиняные горшки с тонким тестом из нижнего слоя (1, 2).

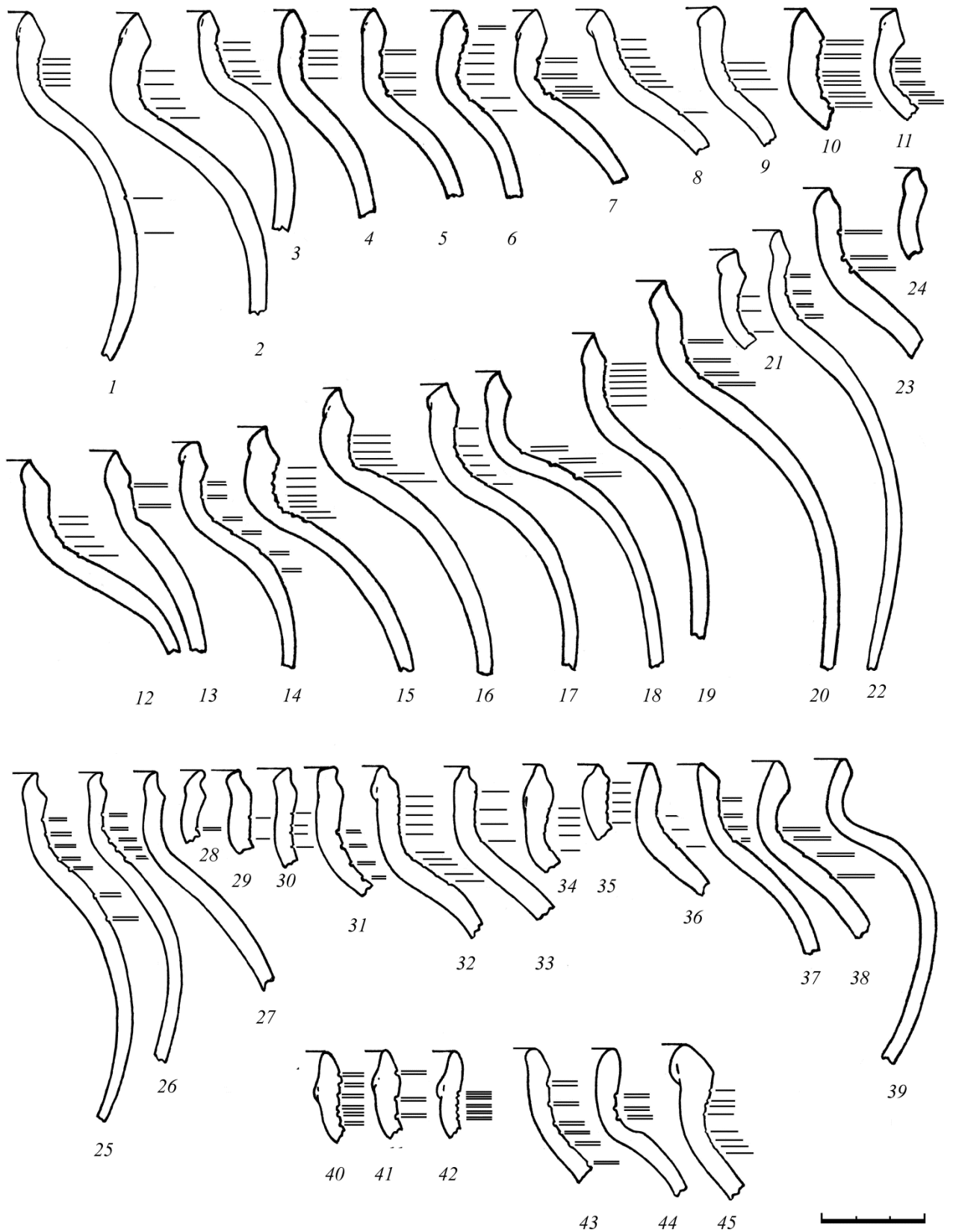

Рис. 215. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Венчики белоглиняных сосудов с тонким тестом из нижнего слоя (1–45).

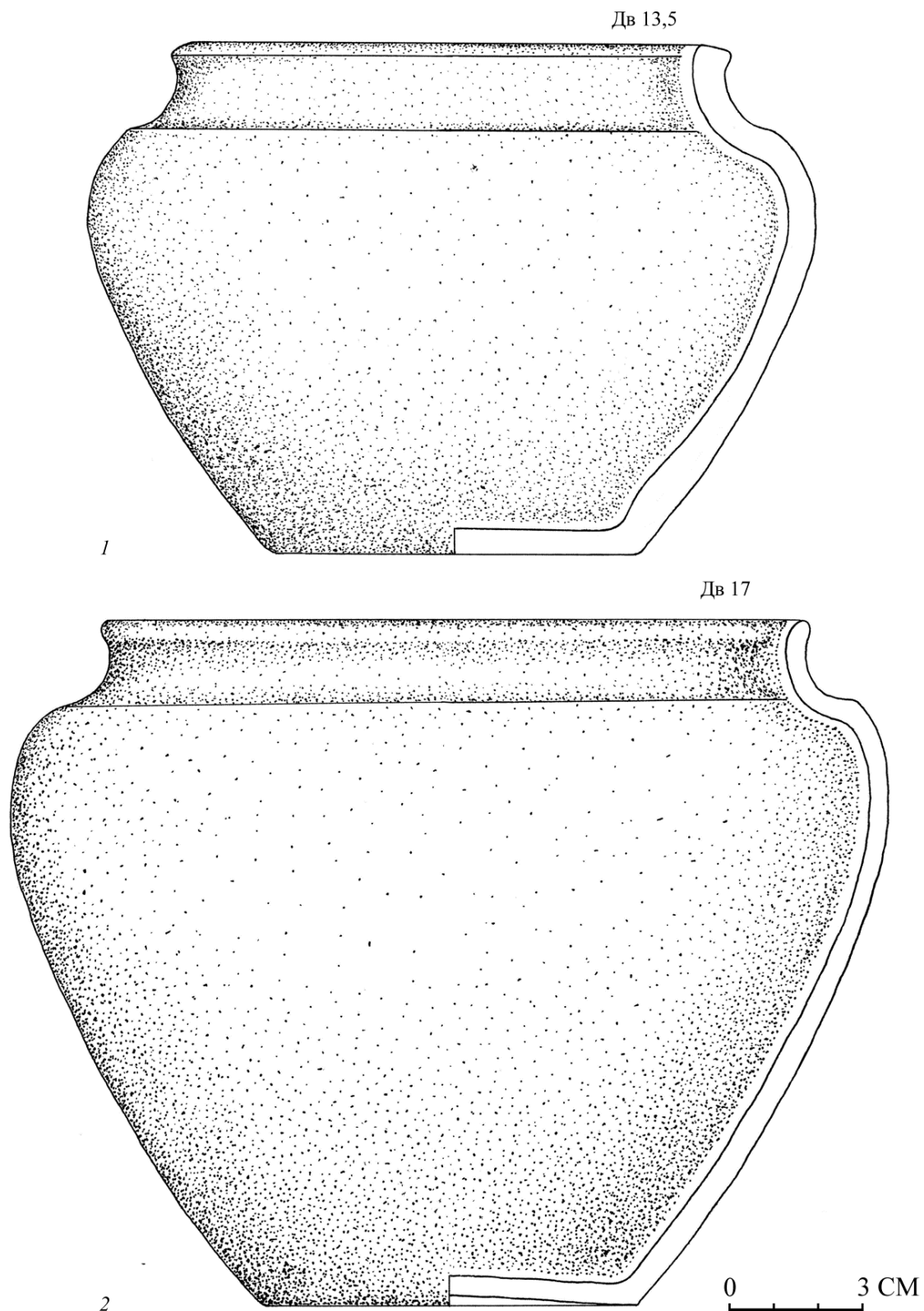

Рис. 216. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Красноглиняные горшки с примесью редкой дресвы в тесте из нижнего слоя. Ангобированный: 1, без ангоба: 2.

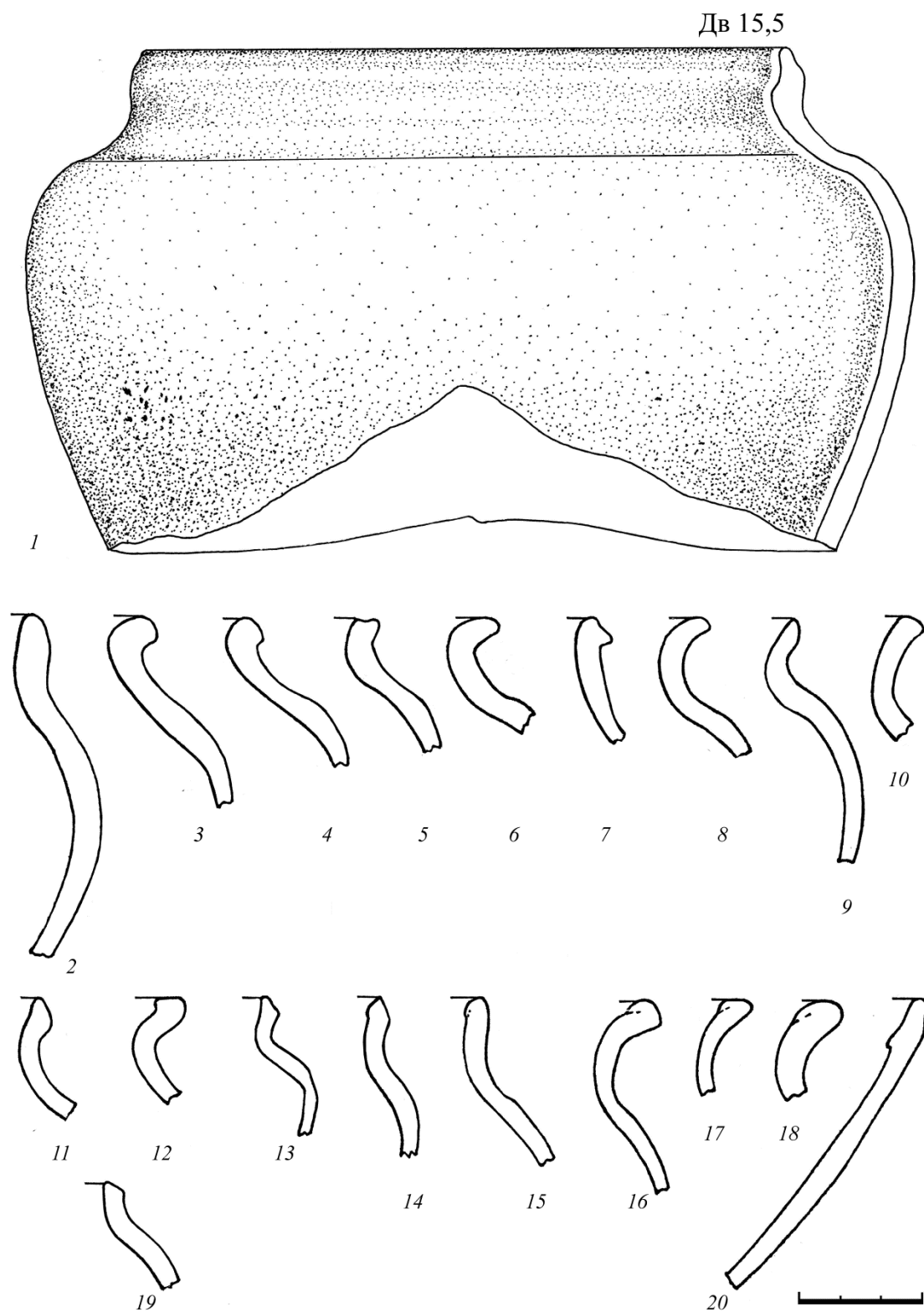

Рис. 217. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке, яма 20 (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Венчики красноглиняных сосудов с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (1, 2, 7–11, 13–15, 19, 20), дресвы (3–6, 12, 16–18) из нижнего слоя.

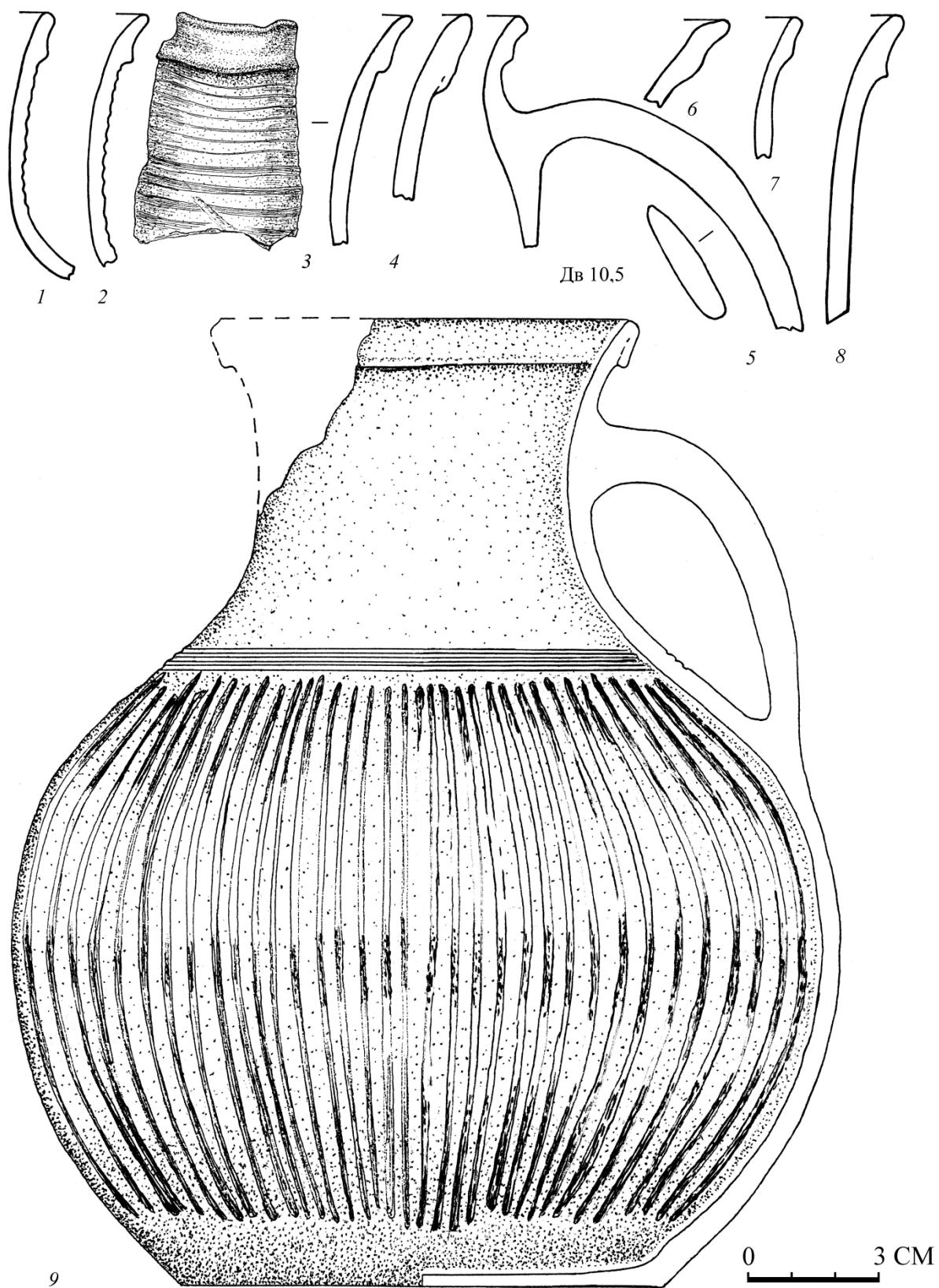

Рис. 218. Опорный комплекс конца XV – середины XVI вв. Нижний Новгород, раскоп 1 в Крутом переулке (Н.Н. Грибов, 1999 г.). Венчики краснощёных сосудов из нижнего слоя ямы 20 (1–8) и краснощёный кувшин из канавки 1 (9).

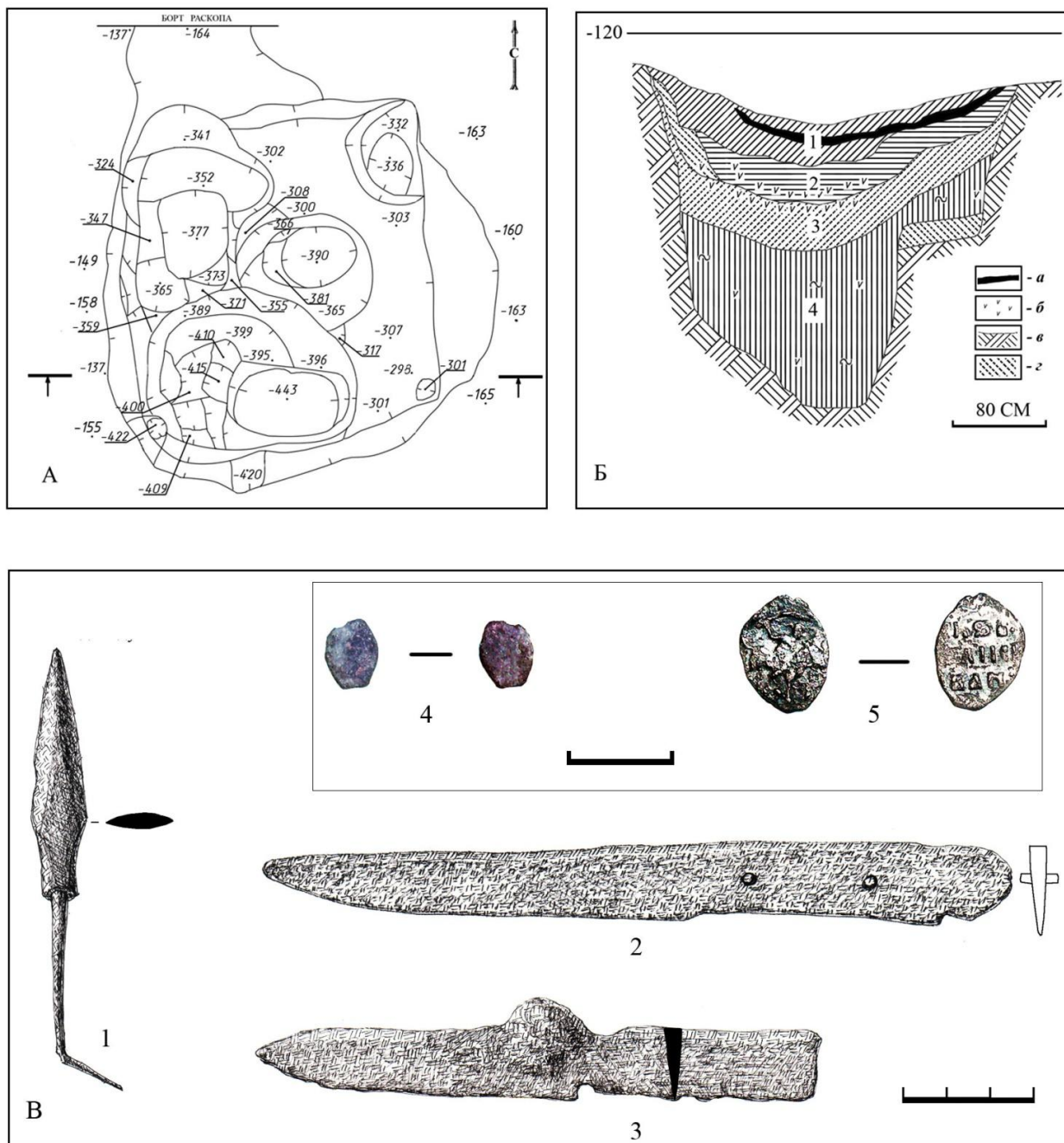

Рис. 219. Опорный комплекс середины – второй половины XVI в. Нижний Новгород, раскоп на ул. Октябрьской у дд. 11а, 13 (Долгополов С.В., 2016, работы Костромской археологической экспедиции под руководством А.В. Новикова). Яма 61: план по материку (А), разрез (Б: 1–4 – слои 1–4, *а* – прослойка углей, *б* – отдельные угли, *в* – материк, *г* – переотложенный материковый грунт), датирующие находки из слоёв 2 и 3 (В: 1 – железный наконечник стрелы; 2, 3 – железные ножи; 4 – медное пуло; 5 – серебряная денга Ивана IV).

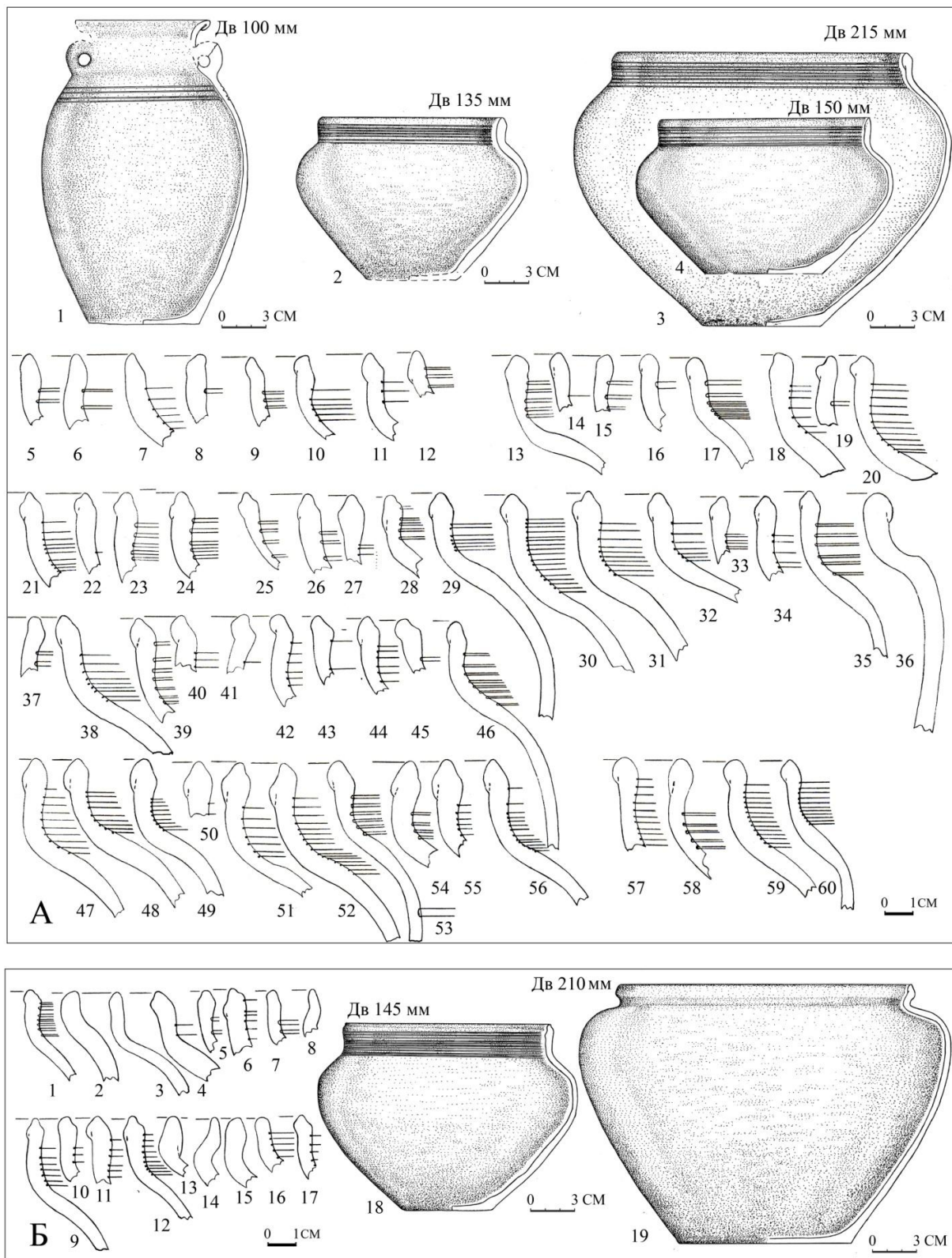

Рис. 220. Опорный комплекс середины – второй половины XVI в. Нижний Новгород, раскоп на ул. Октябрьской у дд. 11а, 13 (Долгополов С.В., 2016, работы Костромской археологической экспедиции под руководством А.В. Новикова), яма 61, слои 2 и 3. Керамика: белоглиняная (А), красноглиняная ангобированная (Б).

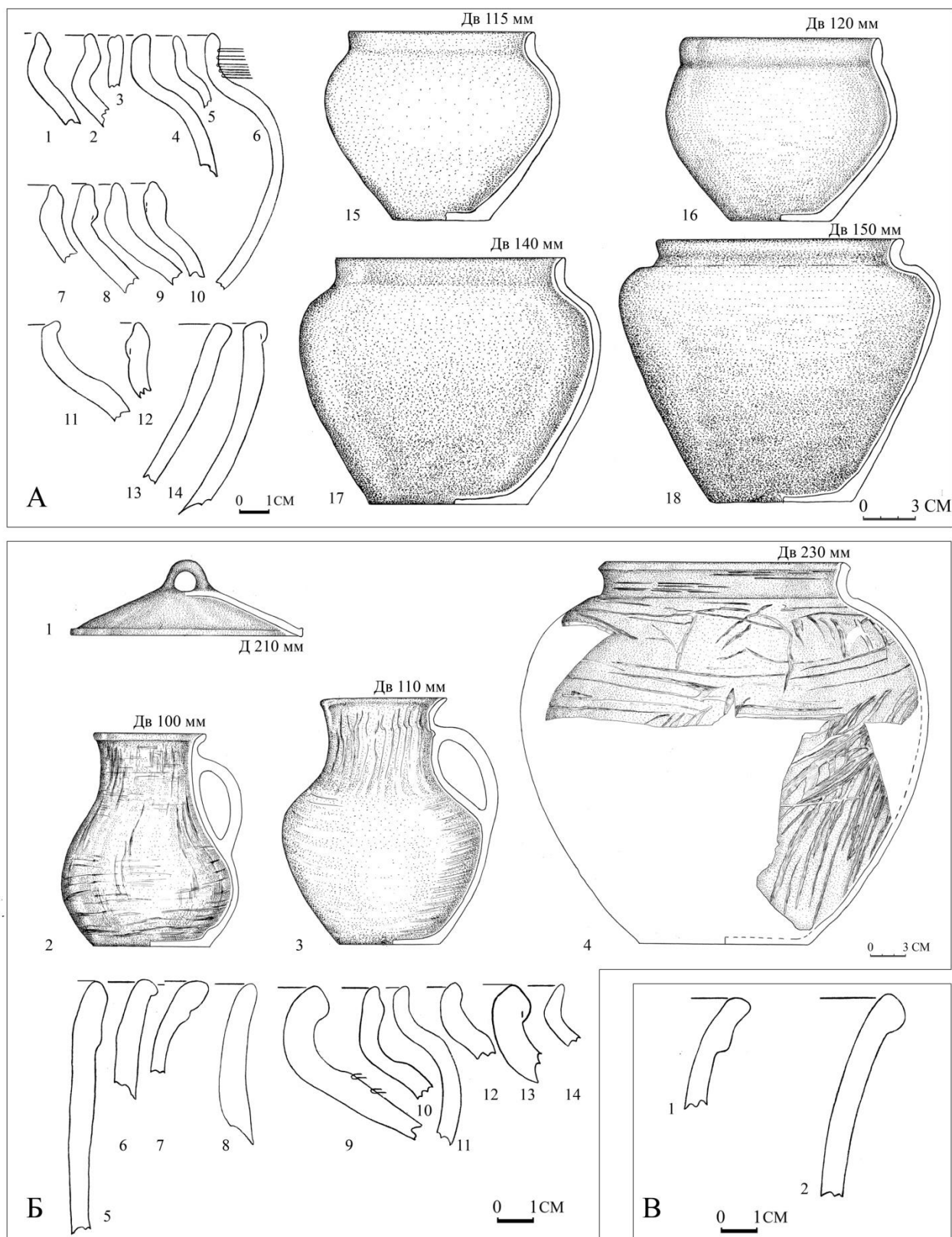

Рис. 221. Опорный комплекс середины – второй половины XVI в. Нижний Новгород, раскоп на ул. Октябрьской у дд. 11а, 13 (Долгополов С.В., 2016, работы Костромской археологической экспедиции под руководством А.В. Новикова), яма 61, слои 2 и 3. Керамика: красноглиняная без ангоба, лощения и поливы (А), чернолощёная (Б), краснолощёная (В).